

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

II

«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

II

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию
Калининградской
области

Материалы XXXII
Международной научной
конференции

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Санкт-Петербург,
10 апреля 2026 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию Калининградской области РФ

Материалы XXXII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года

Том II

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Санкт-Петербург

2026

УДК 94(470.26)+94(100)(063)
ББК 63.3(230)+63.3(0)я43
Р76

Р76 **Россия и мир в исторической ретроспективе:** материалы XXXII Международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года / под ред. Д. А. Будаева. Т. 2. Научные сообщения студентов. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2026. – 1230 с.

ISBN 978-5-7937-2970-3

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXXII Международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 80-летию Калининградской области РФ, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 10 апреля 2026 года. Калининградская область является примером успешной интеграции нового региона в политическое, экономическое и культурное пространство России. Бывшие славянские земли, захваченные немецкими крестоносцами, в Новое время превратились в Восточную Пруссию – оплот германского милитаризма. Советский народ-победитель сумел, уничтожив германский нацизм, сохранить уникальную культуру бывшей Восточной Пруссии. Наряду с собственно военно-историческими сюжетами, в Сборнике представлены материалы разнообразного содержания по всему комплексу общественно-гуманитарных дисциплин. Особое внимание уделено философии И. Канта. Подчеркивается важность сохранения культурно-исторического наследия.

Предназначены для всех интересующихся отечественной и мировой историей, философией и другими гуманитарными науками.

УДК 94(470.26)+94(100)(063)
ББК 63.3(230)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-2970-3

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2026

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Абдыкапарова Мээрим Улукубековна

2 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Abdykarpova Merim

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МОДА КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: БЫТЬ КАК ВСЕ ИЛИ БЫТЬ СОБОЙ?

Аннотация: В статье рассматривается мода как сложный социокультурный и философский феномен, проявляющийся на пересечении индивидуального выбора и коллективного влияния. Анализируется двойственная природа моды: как формы самовыражения личности и одновременно инструмента конформизма. Через призму экзистенциализма и социологии освещаются вопросы идентичности, свободы и принадлежности в контексте массового сознания. Подчеркивается, что мода — не просто внешняя оболочка, а отражение глубинных процессов взаимодействия между Я и обществом.

Ключевые слова: мода, массовое сознание, индивидуальность, конформизм, идентичность, экзистенциализм.

FASHION AS A PHENOMENON OF MASS CONSCIOUSNESS: TO BE LIKE EVERYONE OR TO BE YOURSELF?

Summary: The article explores fashion as a complex socio-cultural and philosophical phenomenon arising at the intersection of individual choice and collective influence. It analyzes the dual nature of fashion as both a means of self-expression and a tool of conformity. Through the lens of existentialism and sociology, the text examines issues of identity, freedom, and belonging within the framework of mass consciousness. It is emphasized that fashion is not merely an external shell, but a reflection of profound processes in the interaction between the self and society.

Keywords: fashion, mass consciousness, individuality, conformity, identity, existentialism.

Мода — одна из наиболее парадоксальных форм культурной жизни: она одновременно является проявлением индивидуальности и способом вписаться в общество. Будучи на первый взгляд поверхностным явлением, мода проникает в глубинные уровни человеческой идентичности, определяя, как нас видят другие и как мы видим себя. Вопрос, стоящий перед каждым индивидом: следовать ли моде, чтобы быть принятым, или противостоять ей, чтобы

сохранить уникальность? В этой статье мода рассматривается как форма символического языка, в которой отражается напряжённость между «быть как все» и «быть собой».

Исторически мода выполняла функцию социальной дифференциации. Согласно Т. Веблену, демонстративное потребление и следование определённому стилю служили способами обозначения социального статуса. Тем самым мода становится механизмом видимой иерархии. В XX–XXI веках, несмотря на формальное стирание классовых границ, мода продолжает определять «своих» и «чужих». Массовое сознание активно вовлекается в модные процессы через рекламу, кино, соцсети. Здесь действует механизм «психологического заражения», по утверждению Г. Лебона, когда поведение и вкусы большинства воспринимаются как норма. Индивид, следуя моде, не только надевает определённые вещи, но и принимает определённый тип мышления. Современность порождает новую модную установку: не просто быть стильным, а быть «уникальным». Парадоксально, но даже индивидуальность становится стандартизированной. Индустрия моды капитализирует идеи непохожести и бунта, превращая их в продаваемые образы. Таким образом, стремление «быть собой» может быть заранее запрограммировано как маркетинговый шаблон.

Ж.-П. Сартр писал, что человек «осуждён быть свободным», и именно в выборе он реализует свою подлинную сущность. Но насколько свободен выбор в условиях тотального влияния массмедиа, алгоритмов и трендов? Можно ли говорить о свободе там, где индивидуальность становится предсказуемой? Философия экзистенциализма — особенно у М. Хайдеггера и А. Камю — подчёркивает важность подлинности (*Eigentlichkeit*) как стремления к жизни, исходящей из собственного Я, а не из диктата «Они». Следование моде часто означает уступку безличному «Они», которое говорит, как нужно жить, выглядеть, мыслить. мода может как уводить от подлинности, заставляя нас сливаться с массой, так и, напротив, становится средством обретения себя. Это зависит от уровня осознанности субъекта. Если мода выбирается сознательно, она может стать формой творческого выражения. Если бессознательно — превращается в форму отчуждения.

Мишель Фуко рассматривал тело как объект дисциплины и контроля. В этом ключе мода выступает как инструмент нормализации тел и поведения. Определённые тела считаются «модными», другие — маргинализируются. Модные практики задают стандарты «нормального» внешнего вида, формируют представления о красоте, допустимости, желанности. Индивид всё чаще оказывается под влиянием не явной власти, а эстетической нормы. Это мягкая, но мощная форма регулирования, где отклонение от моды означает выход за пределы признанного, а значит — потенциальную изоляцию.

Интернет и соцсети изменили природу моды: она стала мгновенной, доступной, тиражируемой. Алгоритмы определяют, что пользователь увидит, какие образы станут вирусными, а какие исчезнут. Таким образом, даже восприятие моды становится предопределённым. Индивид теряет контроль над

выбором: ему кажется, что он выбирает, но на самом деле он следует за тем, что уже было выбрано для него. Тем не менее, цифровая мода открывает и новые формы самовыражения — от DIY-контента до виртуальных коллекций и анти-трендов.

Следование моде удовлетворяет базовые психологические потребности: принадлежность, безопасность, одобрение. Конформизм в этом случае — не слабость, а способ адаптации. Согласно Абрахаму Маслоу, потребность в принадлежности и принятии является фундаментальной. Быть как все — это не всегда плохо. Это может быть этапом социализации, способом снижения тревожности, особенно в молодом возрасте. Вопрос заключается в том, чтобы не остаться на этом уровне, а постепенно двигаться к осознанному выбору.

Быть собой в контексте моды — значит принять вызов. Это отказ от слепого следования, критическое переосмысление трендов и поиск собственного стиля. Такой подход требует не только вкуса, но и мужества. Осознанное отношение к моде требует усилий: изучения своего вкуса, понимания культурных кодов, внутренней честности. Это путь самопознания, в котором одежда становится выражением не того, что «в моде», а того, что «внутри». Современная мода всё чаще сопряжена с вопросами этики — от условий труда на фабриках до воздействия на экологию. Осознанное потребление становится формой этического самовыражения, противопоставленного слепому следованию трендам. В этом контексте мода выходит за рамки эстетики и приобретает моральное измерение.

Следовать моде — значит не только выбирать образ, но и быть вовлечённым в глобальные процессы производства и потребления. Этический подход требует осознания источника одежды, условий её изготовления, степени устойчивости и экологичности. Так формируется новая форма индивидуальности — не показная, а ответственно-социальная. Таким образом, быть собой — это не только заявить о своей уникальности, но и принять ответственность за последствия своего выбора. Этическая мода становится выражением зрелой индивидуальности, которая не противопоставляется обществу, а осознанно взаимодействует с ним.

Воздействие моды на психику человека сложно переоценить. Погоня за трендами может становиться источником тревожности, особенно в эпоху социальных сетей, где идеализированные образы создают нереалистичные стандарты. Сравнение себя с этими образами нередко приводит к снижению самооценки, формированию комплексов и даже расстройствам пищевого поведения. С другой стороны, мода способна играть терапевтическую роль. Через одежду человек может выразить своё внутреннее состояние, преодолеть страхи, обрести уверенность. Создание собственного стиля становится актом заботы о себе и средством укрепления психического здоровья. Таким образом, важно развивать критическое восприятие модной информации и осознанно выстраивать отношения с модой. Не быть её заложником, но использовать как инструмент поддержки собственного благополучия и идентичности.

Однако для полного понимания моды как явления современной культуры необходимо обратиться к идеям постмодернизма, в частности, к теориям Жана Бодрийяра. В его работах мода предстает не просто как система знаков, а как механизм симуляции, в котором реальность замещается моделями и репрезентациями. Мода, согласно Бодрийяру, — это форма симулякра, копии без оригинала, где стили и образы существуют не как отражения реального социального содержания, а как пустые символы, самодостаточные и самовоспроизводящиеся.

Современная мода утрачивает привязку к реальным социальным условиям: «гранж», «милитари», «винтаж» — всё это может одновременно быть модным, не неся при этом прежнего идеологического или социального заряда. Мода становится игрой знаков, бесконечным цитированием, где смысл легко заменяется формой. Это усиливает отчуждение: индивид не просто следует тренду, он теряет ощущение аутентичного смысла за набором поверхностных кодов. Следовать моде — значит играть в игру, правила которой задаются не нами, и при этом терять ориентиры в бесконечном разнообразии выбора.

Индустрия моды в эпоху постмодерна предлагает не столько вещи, сколько идентичности «под ключ». Покупка одежды становится покупкой сценария поведения, роли, стиля жизни. Но чем больше таких ролей, тем слабее границы между ними. Модный образ становится временным «я», которое можно надеть и снять. Возникает феномен «расщеплённой субъективности», когда человек одновременно является множеством «я», и ни одно из них не становится по-настоящему подлинным.

Особое внимание заслуживает роль инфлюенсеров и лидеров мнений в формировании модных предпочтений. В условиях цифровой экономики доверие сместилось от традиционных авторитетов к визуальным репрезентациям в социальных сетях. Стил инфлюенсера — это не столько личное, сколько тщательно сконструированное изображение, продвигаемое ради лайков и монетизации. Подражание им становится массовым, но не ведёт к развитию индивидуальности. Наоборот, оно укрепляет модель потребления «готовых личностей». Таким образом, постмодернистский взгляд позволяет глубже понять амбивалентность моды: с одной стороны — это свобода играть с идентичностью, а с другой — утрата устойчивого Я, растворение в потоке сменяющихся образов. В этом смысле, мода уже не просто отвечает на вопрос «быть как все или быть собой», а стирает саму границу между этими полюсами.

Мода — это не просто одежда, это язык, с помощью которого человек говорит с обществом. Она может быть маской, за которой прячется страх быть отвергнутым, а может быть зеркалом, отражающим подлинную личность. Мода как феномен массового сознания раскрывает сложную игру между адаптацией и свободой, нормой и бунтом, подражанием и самобытностью. Быть как все — это путь комфорта, но и зависимости. Быть собой — это путь риска, но и подлинности. В этом противоречии и заключается философская драма моды.

Список литературы:

- 1.Бурдье, П. Отличие: социальная критика суждения вкуса. - М.: ACADEMIA, 2007.
- 2.Веблен, Т. Теория праздного класса. - М.: Социум, 2004.
- 3.Фромм, Э. Бегство от свободы. - М.: АСТ, 2019.
- 4.Хайдеггер, М. Бытие и время. - М.: Республика, 1997.
- 5.Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. - СПб.: Наука, 2000.
- 6.Фуко, М. Надзирать и наказывать. - М.: АСТ, 1999.
- 7.Камю, А. Миф о Сизифе. - М.: АСТ, 2015.
- 8.Лебон, Г. Психология народов и масс. - М.: Эксмо, 2020.
- 9.Маслоу, А. Мотивация и личность. - СПб.: Питер, 2008.
- 10.Ковалев, С.В. Психология моды. - М.: ПЕР СЭ, 2010.

Авдюгина Полина Евгеньевна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Polina Avdiugina

Naval Academy

«ЧЕТЫРЕ ДНЯ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ ПРУССИЮ»: ШТУРМ КЁНИГСБЕРГА 6-9 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация: Статья посвящена 80-летию штурма Кёнигсберга — ключевому событию Восточно-Прусской операции 1945 года. На основе анализа источников рассматриваются стратегическое значение города-крепости, подготовка и ход штурма, тактика действий советских войск, причины быстрого падения Кёнигсберга. Делается вывод о том, что четырёхдневный штурм стал вершиной военного искусства Красной армии и предопределил послевоенную судьбу региона, вошедшего в состав СССР как Калининградская область.

Ключевые слова: Кёнигсберг, штурм, Восточно-Прусская операция, Великая Отечественная война, фортификация, маршал Василевский, Калининградская область.

"FOUR DAYS THAT SHOOK PRUSSIA": THE ASSAULT ON KÖNIGSBERG ON APRIL 6-9, 1945 IN A MILITARY-HISTORICAL RETROSPECTIVE

Summary: The article is dedicated to the 80th anniversary of the storming of Königsberg — a key event of the East Prussian Offensive of 1945. Based on the analysis of sources, the author examines the strategic significance of the fortress city, the preparation and course of the assault, the tactics of the Soviet forces, and the reasons for Königsberg's rapid fall. It is concluded that the four-day assault became the pinnacle of the Red Army's military art and predetermined the post-war fate of the region, which became part of the USSR as the Kaliningrad Oblast.

Keywords: Königsberg, storming/assault, East Prussian Offensive, Great Patriotic War, fortification, Marshal Vasilevsky, Kaliningrad Oblast.

В 2026 году Калининградская область отмечает 80-летие со дня своего образования. Но история региона как части России началась на год раньше — в апреле 1945 года, когда после четырёх дней кровопролитных боёв пала неприступный город-крепость Кёнигсберг. Как отмечал в мемуарах маршал А.М. Василевский, разгром немецких войск в Восточной Пруссии являлся стратегической необходимостью. Это позволяло не только задействовать армии

2-го Белорусского фронта на главном, берлинском направлении, но и обезопасить их фланги от возможного контрудара со стороны восточнопрусской группировки.

Кёнигсберг имел для нацистской Германии не только военное, но и особое символическое значение. Именно с Восточной Пруссии, с города Гданьска, началась Вторая мировая война — его «возвращение» гитлеровской пропагандой подавалось как восстановление исторической справедливости и соединение Германии с её восточной провинцией. Поэтому падение Кёнигсберга стало не просто военным поражением, но и крушением идеологических основ Третьего рейха.

Цель данной статьи — на основе доступных источников реконструировать ход штурма Кёнигсберга, проанализировать факторы, обеспечившие успех советских войск, и показать значение этой операции для последующей судьбы региона.

Кёнигсберг был не просто городом, а уникальным фортификационным сооружением, которое создавалось на протяжении нескольких столетий. Как указывает историк Дмитрий Асташкин (СПБНИИ РАН), уникальность Кёнигсберга заключалась в многовековом наследии фортификации: город рос, и на смену старым укреплениям приходили новые, соответствующие требованиям своего времени. Начавшись в эпоху средневековья, этот процесс продолжался столетиями, превратив Кёнигсберг в своего рода наглядную энциклопедию оборонительного строительства — каждое поколение фортификаторов оставляло здесь свой след [1].

Сердцем оборонительной системы служили пятнадцать фортов, возведенных в последней трети XIX столетия. Даже сегодня их внушительная мощь и неприступность поражают воображение: многометровые стены, глубокие рвы, наполненные водой, и автономные системы жизнеобеспечения, включающие вентиляцию, энергоснабжение и вместительные арсеналы, свидетельствуют о грандиозности инженерной мысли того времени. К началу 1945 года система укреплений была дополнена полевыми позициями, противотанковыми рвами, надолбами и минными полями. Гарнизон насчитывал около 100 тысяч человек, включая пять пехотных дивизий, отдельные полки и подразделения Фольксштурма — ополченцев от 16 до 60 лет.

Однако, несмотря на мощь укреплений, у города было уязвимое место — снабжение могло осуществляться только морем, так как с суши Кёнигсберг был блокирован советскими войсками.

Осенью 1944 года, в рамках Гумбиннен-Гольдапской операции, части Красной Армии вошли на территорию Восточной Пруссии. Несмотря на то, что эта операция не завершилась взятием Кёнигсберга, она имела стратегическое значение, обеспечив создание плацдарма для последующих наступательных действий [6]. Первоначальный срок штурма, назначенный Ставкой на 28 марта 1945 года, по настоянию маршала Василевского был перенесён для более основательной подготовки. В результате к началу операции была сформирована мощная группировка войск 3-го Белорусского фронта: более 106 тысяч человек

из состава 11-й гвардейской, 43-й и 50-й армий. Ударную силу наземных войск усиливали 634 танка и самоходных артиллерийских установок, а артиллерийский кулак насчитывал около 5 тысяч орудий, включая крупнокалиберные системы до 305 мм и железнодорожные морские установки.

Подготовка штурмовых групп была приоритетной задачей. Стандартная структура штурмового отряда предусматривала стрелковую роту (50-60 бойцов), дополненную противотанковыми орудиями (1-2 ед. 45-мм), полковой артиллерией (2 ед. 76-мм), дивизионной артиллерией (1-2 ед. 76-мм ЗИС-3), гаубицей (1 ед. 122-мм М-30), бронетехникой (1-2 танка или САУ), а также взводами станковых пулеметов, 82-мм минометов, саперов и огнеметчиков [2].

Маршал Василевский вспоминал, что для уничтожения кенигсбергской группировки был разработан план, основанный на нанесении мощных, сходящихся ударов с севера и юга. Это должно было расколоть оборону города и позволить взять его штурмом. Командиры досконально изучили каждый шаг предстоящей операции на точной модели Кенигсберга. А солдаты, в свою очередь, оттачивали навыки уличных боев, тренируясь на захваченных вражеских укреплениях – дотах, рвах и траншеях, готовясь к решительному наступлению.

6 апреля: после мощного артиллерийского обстрела началось наступление. Во второй половине дня небо над Кёнигсбергом заполнили советские самолёты, включая укомплектованный французскими летчиками авиаполк «Нормандия-Неман» (1 ИАП), сражавшуюся на стороне СССР. К вечеру первого дня штурма немецкая оборона была практически сломлена, несмотря на ожесточенные контратаки противника.

7 апреля: Штурм продолжился с ещё большей силой. Советские войска методично продвигались, захватывая форты и освобождая городские кварталы. В этот день было совершено более 4,7 тысяч вылетов авиации, а в ночь на 8 апреля — ещё 1,8 тысячи.

8 апреля: Маршал Василевский предложил немцам сдаться, но ультиматум был отвергнут. В течение дня были взяты под контроль порт, железнодорожный узел и промышленные объекты. Во второй половине дня части 11-й гвардейской армии форсировали реку Прегель и соединились с наступавшими с севера силами 43-й армии. Это отрезало кёнигсбергский гарнизон от немецких войск на Земландском полуострове.

9 апреля: Бои продолжались, остатки немецких войск оказались окружены в различных частях города. Начались массовые сдачи в плен. Вечером комендант Кёнигсберга, генерал Отто Ляш, отдал приказ о прекращении сопротивления и сдался сам. Таким образом, приказ Гитлера о защите города до последнего солдата не был выполнен.

Согласно сводке Совинформбюро от 9 апреля, войска 3-го Белорусского фронта после ожесточенных уличных боев завершили разгром кёнигсбергской группировки немецких войск и штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии — Кёнигсбергом, который являлся стратегически важным оборонительным пунктом немцев на Балтийском море [5, с.5].

К восьми вечера 9 апреля войска фронта взяли в плен более 27 тысяч немецких солдат и офицеров, а также захватили значительное количество вооружения и военного имущества.

10 апреля: были ликвидированы последние очаги сопротивления. На башне «Дона» (сейчас музей Янтаря) был поднят красный флаг.

Анализируя причины быстрого падения, казалось бы, неприступной крепости, следует выделить несколько факторов.

Во-первых, тщательная подготовка. Создание макетов города, отработка действий штурмовых групп, массированное применение артиллерии и авиации — всё это позволило минимизировать потери и действовать максимально эффективно.

Во-вторых, искусное массирование сил и средств. Советское командование сумело скрытно сосредоточить на направлениях главных ударов подавляющее превосходство, что обеспечило быстрое проламывание обороны.

В-третьих, деморализация противника. Генерал Ляш в своих мемуарах отмечал, что, несмотря на первоначальное упорное сопротивление гарнизона крепости в течение двух дней, превосходящие силы русских в конечном итоге одержали верх. Он объяснял это массированным и скрытным сосредоточением артиллерии и авиации, чьи разрушительные удары по укреплениям деморализовали войска и привели к полной потере управления. В результате, под Кёнигсбергом была уничтожена вся 100-тысячная армия, а падение города означало потерю важнейшей немецкой крепости и опорного пункта на Востоке [3, с.197].

Важно отметить и реакцию Гитлера: узнав о капитуляции, он заочно приговорил Ляша к смертной казни, а его жену и дочерей бросил в тюрьму. Этот факт ярко характеризует атмосферу безысходности и истерии, царившую в руководстве Третьего рейха.

Штурм Кёнигсберга имел огромное военное и политическое значение. Взятие города-крепости означало ликвидацию последнего крупного оплота немецкого сопротивления в Восточной Пруссии. В ознаменование этого события в СССР была учреждена медаль «За взятие Кёнигсберга» — одна из двух медалей (наряду с медалью «За взятие Берлина»), которой награждались участники штурма конкретного города [4].

Спустя 80 лет штурм Кёнигсберга остаётся одной из самых ярких страниц военной истории. Четыре апрельских дня 1945 года стали не просто эпизодом Великой Отечественной войны — они предопределили судьбу всего региона на десятилетия вперёд. То, что начиналось как военная операция по ликвидации угрожающей группировки противника, завершилось присоединением древней прусской земли к Советскому Союзу и созданием на её месте Калининградской области.

Даже оказавшись в плену, генерал Ляш не мог не отметить высокий профессионализм советского командования, сказав: «Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию». Для Красной

армии штурм Кёнигсберга стал апогеем в освоении полевой фортификации и тактики городских боев.

Сегодня, когда вновь раздаются голоса о пересмотре итогов Второй мировой войны, память о штурме Кёнигсберга приобретает особое значение. Кровь советских солдат, пролитая при взятии этого города, навеки скрепила его связь с Россией. И как напоминание об этом стоят на калининградской земле обелиски и братские могилы, а в музейных экспозициях хранятся макеты, по которым маршал Василевский учил командиров брать неприступные крепости.

Список литературы:

1. Асташкин, Д. Ю. Бомбардировки, голод и молниеносный штурм: как Калининград встречал конец Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Д. Ю. Асташкин; беседовал М. Николаев // Федерал Пресс. – 2025. – 30 апр. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/article/3366518> (дата обращения: 14.02.2026).
2. Болтенков, Д. Прусский шаг: штурм и взятие города-крепости Кенигсберг / Д. Болтенков // Известия. – 2025. – 9 апр. – Режим доступа: <https://iz.ru/1867423/dmitrii-boltenkov/prusskii-sag> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Кретинин, Г. В. Битва за Кёнигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. / Г. В. Кретинин. – Москва: Яуза-каталог, 2022. – 224 с.
4. Кретинин, Г. В. Как и чем завершились бои за Кёнигсберг в 1945 году? [Электронный ресурс] / Г. В. Кретинин // Военно-исторический журнал. – 2024. – URL: <https://history.milportal.ru/kak-i-chem-zavershilis-boi-za-kyonigsberg-v-1945-godu/> (дата обращения: 14.02.2026).
5. О взятии Кёнигсберга: из сводки Совинформбюро 9 апреля 1945 г. // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 4. – С. 3–5.

Алексеева Мария Олеговна

2 СД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Maria Alekseeva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОМНИАЛИЗМ - БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация: в этой работе рассматривается кризис современной человеческой цивилизации, его причины, а также переход к новому этапу развития человечества – сложению в планетарный суперорганизм.

Ключевые слова: системный кризис цивилизации (СКЦ), культура, био-социо-культурная природа СКЦ, аналогический метод, принцип обогащения/наживы, планетарный суперорганизм, омниализм.

OMNIALISM IS THE FUTURE OF HUMAN CIVILIZATION

Summary: This article examines the crisis of modern human civilization, its causes, as well as the transition to a new stage of human development – the formation of a Planetary Superorganism.

Keywords: systemic crisis of civilization (SCC), culture, bio-socio-cultural nature of SCC, Analogical method, principle of enrichment/gain, Planetary Superorganism, Omnialism.

О кризисе современной человеческой цивилизации пишут многие авторы. Большинство из них считают, что к нему относятся многие явления, связанные с существованием биосферы: озоновые дыры, глобальное потепление климата, загрязнение окружающей среды и т.п. Однако думать, что всё дело сводится только к биосфере – неправильно. Петербургский философ и психолог Сергей Петрович Семёнов считает, что самой важной частью системного кризиса цивилизации является уродливое состояние современного человечества, которое угрожает жизни цивилизации. Часть этих явлений угрожает всему человечеству, либо тем или иным человеческим сообществам. Другая часть – угрожает жизни и здоровью каждого человека. Все эти явления выражают кризис человеческой природы.

С.П. Семёнов считает, что к системному кризису цивилизации (СКЦ), относятся следующие части:

- 1) несправедливый политический строй, при котором общество делится на богатых и бедных,
- 2) гонка вооружений, которая может закончиться ядерной войной,
- 3) разработка новых видов опасного биологического оружия,

4) разделение стран мира: на богатые, технологически развитые страны и бедные, которые только добывают сырьё; при этом в бедных странах, народ влачит жалкое существование и не может развиваться полноценно,

5) научные и технические открытия в богатых странах используются односторонне, в основном для обогащения власти имущих,

6) кризис культуры: насаждение уродливой массовой «культуры», которая приводит к деградации личности и угнетает высшие человеческие способности; кризис компетентности, когда уровень общего образования отстает от уровня специальных знаний, на основе которых создается современная техника; мировоззренческий кризис, который пропагандирует бездуховность и абсурдность жизни; насаждение агрессивности и страха в обществе (жестокость, насилия, убийства); кризис науки и искусства [1, с. 36-37].

Сергей Петрович считает, что СКЦ – это беспрецедентный кризис в истории человечества и корни его лежат не в экономике, политологии, социологии, а гораздо глубже. Аналогов в прошлом, по мнению этого философа, не было, а значит накопленный опыт бесполезен для понимания его природы и поиска путей преодоления. Экономика, политика, культура, идеология тоже влияют на СКЦ, но не определяют его причину. По мнению Семёнова, формируют природу этого кризиса био-социо-культурные причины, а сам кризис определен генетикой вида *Homo sapiens*. Основой био-социо-культурной природы человека является культура – опыт, передаваемый из поколения в поколение, т.е. знания, умения и навыки [2].

Именно культура позволяет человеку стать человеком, очеловечиться. Эта способность и отличает человека от всех видов живых существ. «Способность производить культуру, жить и действовать на основе этого чужого опыта куда более фундаментальна, нежели способность птиц летать или рыб дышать жабрами...». Культура состоит из множества подразделов: культура общения, культура речи, культура питания, культура мышления, физическая культура, культура домостроения, культура земледелия, культура скотоводства и т.п. При этом литература, музыка, танцы, эстрада, преподавание, музеи и т.п. – лишь одна из подразделов культуры, к которой она сама никаким образом не сводится. Поскольку современная цивилизация основана на принципе обогащения/наживы, она формирует алчного потребителя, поэтому и называть такую культуру правильно антикультурой. Эта антикультура, по своим деструктивным качествам, не позволяет человечеству перейти на более зрелую психологическую стадию развития.

По мнению Семёнова, выход из СКЦ лежит в переходе человечества на новую стадию развития – планетарный суперорганизм. Этот переход будет осуществляться подобно переходу живых существ из одной возрастной стадии в другую. Для иллюстрации подобного перехода Сергей Петрович использует аналогический метод [2]. Этот метод основан на представлении, что на всех этажах мироздания обнаруживаются сквозные принципы и единообразие его строения. Так строение человечества, как организма, подобно строению

организма человека как системы. Человек на протяжении своей жизни проходит ряд возрастных стадий: внутриутробное развитие – детство – подростковый период – юность – взрослая детородная стадия – пожилой человек – старец. Все биологические индивиды проходят два основных периода в своей жизни: 1. период роста (взросления), 2. период детородной зрелости (размножение). Эти два периода обусловлены эволюционно, через естественный отбор: чтобы оказаться способным передать свои гены потомкам, он должен доказать свою жизнеспособность и конкурентоспособность на их основе.

Животные, насекомые, тоже проходят подобные стадии развития. Для примера можно показать перестройку организма насекомого – превращение гусеницы в бабочку. Гусеница постоянно занята питанием. Она запасается строительными и энергетическими материалами. Когда приходит время и она готова к продлению рода, она окукливается. Под хитиновой оболочкой её организм почти полностью разрушается и из получившейся биомассы формируется организм бабочки. Бабочка – новая стадия развития этого организма, способная к продлению рода. Бабочки откладывают яйца, а это уже новое насекомое. Другой пример, аналогия с лягушкой. В начале своей жизни головастики живут в воде, дышат жабрами и питаются водорослями. Затем, на другом уровне развития личинка лягушки утрачивает эти качества и приобретает новые: отпадает хвост, исчезают жабры, появляются конечности. Это существо выбирается на сушу и начинает охотиться. Лягушонку предстоит просто расти и совершенствоваться вплоть до продления рода.

Подобно развитию человека, насекомого и других животных развивается и человечество в целом. У человека самым радикальным является переход от внутриутробного существования к автономному в виде акта рождения. Эта трансформация не менее радикальна, чем превращение головастика в лягушонка. Семёнов считает, что «нынешний кризис – это аналог перехода от поры возрастания к периоду плодоношения» [3, с. 7]. Период роста и взросления аналогичен инстинкту самосохранения, а период детородной зрелости (плодоношение, размножение) можно уподобить инстинкту продления рода. В период, когда доминирует инстинкт продления рода, и животные, и человек могут отказывать себе во всем ради потомства. Живые существа могут даже пожертвовать жизнью ради потомства.

Сергей Петрович подчеркивает, что СКЦ аналогичен переходному возрасту у индивида. Современная человеческая цивилизация (планетарная) завершает историю той генетической программы *Homo sapiens*, которая относится к периоду роста и взросления (инстинкт самосохранения и алчного потребления) и вступает в период детородной зрелости (инстинкт продления рода). В какой-то степени, наша страна имеет опыт в истории, когда она пыталась строить тип общественного устройства, аналогичный детородной зрелости индивида. Это был опыт строительства коммунизма в СССР. Семенов пытается внедрять в общественное сознание свою концепцию идеального общественного устройства - «гуманистическое общество». В представлении

С.П. Семёнова «гуманистическое общество», «планетарный суперорганизм», «омниализм» - это по-разному сформулированные названия следующей стадии развития человечества.

На протяжении всей истории человечества шла борьба между народами за территории и доминирование. Она выражалась в различных войнах, конфликтах, захватах и переделах территорий, сменах власти. Эти противоборства шли с целью обогащения и были средством отбора наиболее конкурентоспособных форм социальной организации. В этой борьбе друг с другом человечество опиралось на принцип обогащения/наживы, который аналогичен инстинкту самосохранения и алчного потребления. Сейчас достигнут предел физического развития на основе этого принципа и предстоит трансформация всего общественного строения: «на смену социально-экономической формации, зиждущейся на принципе обогащения, грядёт формация, которая будет зиждиться на принципе бескорыстного сотрудничества людей друг с другом и каждого человека с человечеством» [3, с. 6].

Семёнов отмечает, что перестройка человеческого организма на новую возрастную стадию predetermined генетически, и поэтому должна быть осуществлена. Короче говоря, человечество из головастика должно превратиться в лягушку, если брать аналогию из животного мира. Если эта трансформация не произойдет, то человечество обречено на гибель. Это естественный ход развития человеческой цивилизации. Грядущую форму человеческой цивилизации, основанную на инстинкте продления рода, С.П. Семёнов называет «планетарным суперорганизмом». На этой стадии человечество станет единым организмом, где государства можно уподобить органам, как у человека. Еще одним названием, для такой организации человечества является омниализм (лат. *omnis* – весь, целый, полный). При омниализме человечество будет не только единым, но и разным, учитывая индивидуальные особенности отдельных государств, сообществ и людей. [3, с. 28].

СКЦ должен обязательно закончиться переходом на новую стадию человеческого развития: «необходим переход к общественной формации, которая будет зиждиться на принципе сотрудничества, отбросив напрочь принцип обогащения...» [3, с. 31]. Из этого должно быть понятно, что принцип обогащения/наживы является главной препоной на пути человечества к новой цивилизации. При этом сотрудничество должно быть бескорыстным, а значит должен иметь место постепенный переход к безденежному товарообмену.

После обретения человечеством качества суперорганизма (гуманистическое общество, омниализм), цивилизация неизбежно будет выходить на просторы космического пространства. Это также является естественным ходом человеческого развития. Космос, скорее всего, полон жизни, и существуют другие высокоразвитые космические цивилизации. Для распространения жизни во Вселенной и для контакта с другими внеземными цивилизациями человечеству сначала нужно обрести статус планетарного

суперорганизма. Сейчас, в период СКЦ, освоение дальнего Космического пространства невозможно, ибо современное человечество, базирующееся на принципе обогащения/наживы, крайне эгоистично. Более высокоразвитые внеземные цивилизации не дадут такому эгоистическому человечеству распространять себя во Вселенной. Семёнов приводит пример: «членами ООН не могут быть территории, населённые враждующими племенами. А Земля на сей день – это «территория непримиримой вражды» [3, с. 3].

Данная философская тема является футурологической по своей сути. Она основана не только на основе научных данных, но также и на собственном интрапсихическом опыте (от лат. introspectare – смотреть внутрь) автора данной концепции. Хочется надеяться, что концепция будущего (планетарный суперорганизм или омниализм), представленная С.П. Семёновым, будет должным образом понята и востребована людьми, глубоко озабоченными судьбой будущего человечества.

Список литературы:

1. Семёнов, С.П. Гуманистическая трансформация. – СПб.: ЗАО "Тат", 2007. - 88 с.
2. Семёнов, С.П. Системный кризис цивилизации (три уровня). – URL: <https://vk.com/@sps52-sistemnyi-krizis-civilizacii-tri-urovnya> (дата обращения: 23.04.2025).
3. Семёнов, С.П. Песня сверчка. – URL: https://vk.com/wall-208986677_258 (дата обращения: 18.04.2025).

Анашкина Алина Федоровна

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Anashkina Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛИНИНГРАДА

Аннотация: В статье рассматривается влияние немецкого и русского историко-культурного наследия на формирование современной культуры Калининграда. Анализируется историческая преемственность города от Кёнигсберга до Калининграда, особенности трансформации городского пространства, архитектурного облика и символического ландшафта. Особое внимание уделяется процессам культурной адаптации переселенцев после 1945 года и переосмыслению немецкого наследия в постсоветский период. Рассматриваются изменения в общественном сознании, музейной и образовательной политике региона. Делается вывод о формировании уникальной региональной идентичности, сочетающей элементы немецкой исторической традиции и российской культурной практики.

Ключевые слова: культурное наследие, региональная идентичность, немецкие традиции, русские традиции, историческая память.

THE INFLUENCE OF GERMAN AND RUSSIAN TRADITIONS ON THE FORMATION OF MODERN CULTURE OF KALININGRAD

Summary: The article examines the influence of German and Russian historical and cultural traditions on the formation of modern Kaliningrad culture. The historical continuity of the city from Königsberg to Kaliningrad, as well as transformations of urban space and symbolic landscape, are analyzed. Special attention is paid to the cultural adaptation of Soviet settlers after 1945 and the reinterpretation of German heritage in the post-Soviet period. The study also addresses changes in public consciousness and regional cultural policy. It is concluded that a unique regional identity has emerged, combining elements of German historical legacy and Russian cultural practices.

Keywords: cultural heritage, regional identity, German traditions, Russian traditions, historical memory.

История современного Калининграда неразрывно связана с историей Кёнигсберга — столицы Восточной Пруссии, основанной в XIII веке. На протяжении более семи столетий город развивался в рамках германской культурной традиции, что нашло отражение в архитектуре, образовательных институтах, городском самоуправлении и повседневной культуре. После 1945

года, когда северная часть Восточной Пруссии вошла в состав СССР, начался принципиально новый этап в истории региона, связанный с формированием советского, а затем российского культурного пространства [2, с. 15–18].

Одним из ключевых факторов культурной трансформации стало почти полное обновление населения. В 1946–1948 гг. в регион прибыли переселенцы из различных областей РСФСР, Белоруссии, Украины и других республик СССР. Они оказались в пространстве с иной исторической памятью, архитектурной средой и топонимикой. Как отмечает Ю.В. Костяшов, процесс адаптации сопровождался сознательным разрывом с немецким прошлым, выразившимся в переименовании населённых пунктов и демонтаже ряда памятников [2, с. 112–115].

Однако материальная среда города — руины замка, кирхи, фортификационные сооружения, планировка центральной части — сохраняла следы немецкой истории. По наблюдению В.И. Гальцова, в послевоенные десятилетия происходило двойственное отношение к наследию: с одной стороны — его идеологическое отрицание, с другой — практическое использование и постепенное включение в повседневную жизнь [5, с. 74–76].

Символом немецкого культурного наследия региона остаётся фигура Иммануила Канта, чья жизнь была связана с Кёнигсбергом. В советский период философ интерпретировался преимущественно в рамках марксистской традиции, однако в постсоветское время его образ стал частью регионального бренда и культурной идентичности. Присвоение имени философа Балтийскому федеральному университету отражает процесс интеграции немецкого интеллектуального наследия в современное российское культурное пространство.

Архитектурный облик города также демонстрирует синтез традиций. Восстановление Кафедрального собора на острове Канта в 1990-е годы стало важным шагом в переосмыслении немецкого прошлого. Данный процесс восстановления и сохранения исторического наследия региона рассматривается в работах калининградских историков как важный этап формирования современной региональной идентичности [1, с. 45–49]. Одновременно в городской среде активно представлены советские памятники и мемориалы, связанные с Великой Отечественной войной, что формирует сложную многослойную систему исторической памяти.

Русская культурная традиция проявилась в системе образования, театральной и музейной деятельности, литературной жизни региона. Создание библиотек, домов культуры, театров в послевоенный период способствовало формированию нового культурного пространства, ориентированного на общесоветские ценности. Этот процесс подробно отражён в воспоминаниях первых переселенцев и архивных документах [4 с. 84–86]. При этом постепенное открытие архивов и развитие краеведения во второй половине XX века способствовали более взвешенному отношению к немецкому прошлому.

После 1991 года усилился интерес к региональной специфике. Как отмечает А.П. Клемешев, формирование идентичности Калининградской

области связано с осознанием её особого геополитического положения и исторической уникальности [1, с. 58–61]. В культурной сфере это выразилось в развитии туристических маршрутов по историческим местам, проведении фестивалей, реконструкции исторических зданий.

Особую роль в формировании современной культуры Калининграда играет символическое переосмысление городского пространства. После включения региона в состав СССР происходил процесс не только физического восстановления разрушенного города, но и его культурной трансформации. Как отмечает Ю.В. Костяшов, в первые послевоенные десятилетия город воспринимался переселенцами прежде всего как новое советское пространство, не связанное с его немецким прошлым [2, с. 48–52]. Это обстоятельство определило специфику формирования культурной среды, в которой немецкое прошлое долгое время оставалось на периферии общественного сознания.

Важным элементом культурной политики стало создание новых символов и памятных мест, отражающих советскую идентичность региона. В городе были установлены памятники героям Великой Отечественной войны, сформирована система мемориалов, посвящённых военной истории. Эти объекты играли ключевую роль в формировании коллективной памяти и интеграции региона в общесоветское историческое пространство [4, с. 102–105.].

В то же время полностью устранить влияние немецкого культурного наследия было невозможно. Архитектурная планировка города, система фортификаций, мосты и отдельные здания продолжали выполнять свои функции. Исторические исследования отмечают, что материальная среда Восточной Пруссии стала оказывать влияние на формирование новой культуры региона [5, с. 156–158]. Постепенно это привело к формированию интереса к истории Кёнигсберга и развитию регионального исторического сознания.

С конца 1980-х годов, в условиях политических и социальных изменений, начался новый этап в осмыслении прошлого региона. Возрос интерес к истории Восточной Пруссии, активизировалась научная и краеведческая деятельность, началось восстановление архитектурных памятников. Как подчёркивает Ю.В. Костяшов, этот процесс сопровождался постепенным признанием немецкого культурного наследия как неотъемлемой части истории региона [2, с. 214–218].

В постсоветский период немецкое наследие стало восприниматься не только как исторический факт, но и как культурный ресурс. Оно используется в развитии туризма, образовательных программ и музейной деятельности. Одновременно продолжается развитие российской культурной традиции, что проявляется в функционировании образовательных учреждений, театров, библиотек и научных центров. Таким образом, современная культурная среда Калининграда представляет собой результат постепенной интеграции различных исторических слоёв.

Отдельного внимания заслуживает формирование региональной идентичности населения. По мнению исследователей, жители Калининградской области осознают свою принадлежность к российскому государству, но

одновременно воспринимают регион как уникальное пространство с особой историей и культурой [1, с. 63–66]. Это проявляется в интересе к истории города, сохранении архитектурных памятников и развитии региональных культурных инициатив.

Культурное развитие Калининграда – это длительный и сложный процесс взаимодействия различных исторических традиций. Немецкое наследие сформировало историческую основу и материальную среду города, тогда как русская и советская традиции определили его современную культурную структуру. Их взаимодействие привело к формированию особого культурного пространства, отличающегося сочетанием различных исторических и культурных элементов.

Таким образом, современная культура Калининграда представляет собой результат сложного взаимодействия немецких и русских традиций. Немецкое наследие определяет исторический фундамент и визуальный образ города, тогда как русская и советская традиции задали институциональные и социокультурные рамки его развития после 1945 года. Взаимодействие этих элементов сформировало особую региональную идентичность, сочетающую память о прусском прошлом и принадлежность к российскому культурному пространству.

Список литературы:

1. Клемешев, А.П., Фёдоров, Г.М., Зверев, Ю.М. История западной России. Калининградская область: история края. 1991–2006 годы: политическое и социально-экономическое развитие региона: учебное пособие для учителей общеобразовательных школ. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – 120 с.
2. Костяшов, Ю.В. Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. – Калининград: Терра Балтика, 2009. – 352 с.
3. Костяшов, Ю.В., Кретинин, Г.В. Россияне в Восточной Пруссии. Часть 1: биографический словарь. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 272 с.
4. Костяшов, Ю.В. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах /Ю. В. Костяшов, С. П. Гальцова, А. Н. Гедима и др. – Калининград: Калининградская книга, 2018. – 363 с.
5. Кретинин, Г.В., Брюшинкин, В.Н., Гальцов, В.И. и др. Очерки истории Восточной Пруссии. – Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 531 с.

Аносова Эвелина Игоревна

студент

Тульский государственный университет

Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент Королёв Павел Андреевич

Anosova Evelina

Tula State University

СУВЕРЕНИТЕТ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается роль суверенитета как обязательного условия достижения целей устойчивого национального развития Российской Федерации. Суверенитет в современном мире де-факто имеется не у любого государства, заявляющего его де-юре. Делается вывод, что без суверенитета национальное развитие государства сталкивается с рядом рисков. Эти риски могут не только нивелировать достигнутые успехи, но и создать угрозу отката. Особое внимание обращается на наличие различных аспектов суверенитета государства. Он может быть политическим, экономическим, информационным, военным, энергетическим и т.д.

Ключевые слова: суверенитет, национальное развитие, государство, глобализация, санкции.

SOVEREIGNTY AS A CONDITION FOR ACHIEVING RUSSIA'S NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Summary: This article examines the role of sovereignty as a prerequisite for achieving the goals of sustainable national development in the Russian Federation. In the modern world, not every state that claims sovereignty de facto possesses it. It is concluded that without sovereignty, a state's national development faces a number of risks. These risks can not only undermine existing achievements but also pose the threat of reversal. Particular attention is paid to the various aspects of state sovereignty, including political, economic, informational, military, energy, and other aspects.

Keywords: sovereignty, national development, state, globalization, sanctions.

В XXI веке концепция государственного суверенитета переживает трансформацию. Процессы глобализации размывают классические вестфальские принципы, делегируя часть полномочий наднациональным структурам и транснациональным корпорациям. Однако новый этап мирового развития, характеризующийся возвращением жесткой геополитической конкуренции, регионализацией и фрагментацией глобальных институтов, вновь выдвинул суверенитет на передний план как ключевую ценность и инструмент выживания национальных государств.

Для Российской Федерации, цели национального развития которой сформулированы в национальных проектах и стратегических документах до 2030 года и далее, вопрос о суверенитете перешел из области теоретических дискуссий в плоскость практической политики выживания и прорыва в развитии. Несмотря на глобальные политические трансформации, Российская Федерация сумела сохранить свой суверенитет и политическую субъектность на международной арене [1, с. 5].

Санкционное давление, технологическое противостояние и военно-политическое противостояние сделали обеспечение полного суверенитета не

идеологическим выбором, а императивным условием для реализации любой долгосрочной стратегии [2, с. 6]. Суверенитет в нынешних реалиях является не просто атрибутом государственности, а системным и необходимым условием для достижения целей национального развития России. Для этого требуется рассмотреть суверенитет в его комплексном, многомерном проявлении и проанализировать его взаимосвязь с ключевыми векторами развития.

В классической политической теории суверенитет трактуется как верховенство государственной власти внутри государства и ее независимость во внешней политике [3, с. 23]. Однако необходимо ввести понятие «реального суверенитета» в противовес «формальному суверенитету». Реальный суверенитет – это практическая способность государства самостоятельно, без принудительного внешнего диктата определять национальные интересы и цели развития, мобилизовывать и распределять ресурсы для их достижения, защищать избранную политическую, социально-экономическую и ценностную модель от внешних и внутренних угроз, вступать в международные взаимодействия на основе взаимной выгоды, а не вынужденной зависимости [4, с. 12]. Именно эта способность и составляет основу для достижения национальных целей. Без нее любые планы развития становятся уязвимыми для внешнего шантажа, смены приоритетов под внешним давлением или блокировки критически необходимых ресурсов [5, с. 54].

Цели национального развития России можно условно сгруппировать в блоки: экономический прорыв, технологическая независимость, социальное благополучие, демографический рост, укрепление безопасности и международного влияния. Каждому из этих блоков соответствует свой аспект суверенитета.

Политический и ценностный суверенитет – основа государственного целеполагания [6, с. 21]. Он обеспечивает легитимность выбора собственного пути развития, отличного от либерально-глобалистской модели, и включает в себя право на собственный исторический нарратив, культурный код, систему духовно-нравственных координат, что формирует внутренний консенсус и обеспечивает мобилизацию населения, необходимые для масштабных национальных проектов.

Экономический и технологический суверенитет – материальный фундамент достижения целей государственного развития [7, с. 17]. Он базируется на наличии контролируемых национальных цепочек создания стоимости в критически важных отраслях экономики (ВПК, фармацевтика, продовольствие, IT, энергетика, машиностроение), на защите финансовой системы от манипуляций со стороны, на развитии национальных платежных систем и инструментов, дедолларизации. При этом особо важна способность генерировать и внедрять критически важные технологии (чипы, софт, новые материалы) собственными силами или в рамках управляемых союзов. Без этого экономика остается периферийной и зависимой, а цели технологического прорыва недостижимы.

Энергетический и ресурсный суверенитет – традиционное, но переосмысленное российское преимущество. Речь идет не только о контроле над месторождениями, но и о способности диктовать условия их эксплуатации, транспортировки и переработки, использовать ресурсы как инструмент развития внутренней промышленности, а не только как источник сырьевого экспорта.

Информационный и цифровой суверенитет – вызов нового времени [8, с. 48]. Он предполагает защиту информационного пространства, развитие национальной цифровой инфраструктуры (облачные хранилища, социальные сети, поисковики) и кибербезопасность. Это условие для сохранения общественной стабильности и конкуренции в цифровой экономике.

Военный суверенитет – гарантия физического выживания государства и нации. Только гарантированная способность к сдерживанию и отражению любой агрессии создает безопасную среду, в которой возможны долгосрочные инвестиции и развитие.

Признание необходимости суверенитета не разрешает ряда его внутренних противоречий.

Во-первых, противоречие между автономией и эффективностью. Жесткая суверенизация, особенно в условиях санкций, ведет к неизбежным издержкам: рост затрат на создание дублирующих производств, временное снижение технологического уровня из-за ограничения доступа к глобальным инновациям, инфляционные риски. Минимизировать эти издержки можно за счет переориентации на альтернативные рынки (Ближний Восток, Африка, Латинская Америка).

Во-вторых, противоречие между автономией и контролем. Суверенитет, понимаемый как независимость от внешнего управления, требует максимальной внутренней ответственности и эффективности элит и институтов. Коррупция, непрозрачность принятия решений, отсутствие верховенства права подрывают суверенитет изнутри, делая государство уязвимым.

В-третьих, риск изоляционизма. Суверенитет не должен превращаться в автаркию. Обеспечение свободы маневра для вступления в выгодные интеграционные проекты (например, ЕАЭС, ШОС, БРИКС+) на собственных условиях – это достижение именно сохраненного суверенитета. Речь идет об избирательной, управляемой интеграции, а не о тотальной закрытости.

События 2022 года стали беспрецедентным стресс-тестом для российского суверенитета. Ответные меры России показали как сильные, так и слабые её стороны. Была достигнута высокая устойчивость макроэкономики, осуществлена быстрая переориентация торговых потоков, ускорено импортозамещение в ряде отраслей (сельское хозяйство, частично ВПК). Однако выявилась уязвимость в области высоких технологий (микрочипы, сложное промышленное оборудование), сохраняется зависимость от неподконтрольных логистических цепочек и финансовых расчетов. Текущий

период можно определить как оперативную суверенизацию – экстренное реагирование в ответ на внешний шок.

Стратегической задачей является переход к проактивному суверенному развитию – созданию опережающих технологических и экономических заделов, которые сами по себе станут источниками силы и притяжения. Условия, созданные новой геополитической реальностью, при которых суверенитет трансформировался из правовой нормы в ключевой стратегический ресурс и системное условие для любого национального развития, можно связать с непосредственным желанием России достичь поставленных целей. Технологический прорыв, демографический рост, повышение качества жизни – всё это возможно только в рамках суверенного контура, обеспечивающего защиту от деструктивного внешнего вмешательства и создающего пространство для самостоятельного политического и экономического развития. Политическая воля к суверенитету создает институты и стимулы для экономической и технологической независимости, успехи в которой, в свою очередь, усиливают реальный суверенитет и международные позиции государства.

Главным вызовом для России на современном этапе является наполнение суверенного каркаса эффективным содержанием. Победа в «битве за суверенитет» будет окончательно закреплена не военными или дипломатическими успехами, а созданием в России привлекательной, технологичной, социально-справедливой и динамичной модели общества, жизнеспособность которой станет окончательным доказательством правильности выбранного пути [9, с. 79].

Суверенитет и развитие – это не последовательные этапы («сначала независимость, потом рост»), а параллельные и взаимодополняющие процессы. Укрепление одного напрямую усиливает второе. Суверенитет без развития, если он не приводит к повышению общественного благосостояния, технологическим прорывам и качеству жизни граждан, воспринимается как «крепость в пустыне». Он внутренне неустойчив, ведет к стагнации, «утечке мозгов» и, в конечном счете, к ослаблению из-за внутренней слабости. Экономический рост, основанный на полной интеграции в чужие цепочки создания стоимости и подчинении внешним правилам, делает государство уязвимым. Внешние центры силы могут в любой момент «отключить» технологии, рынки или финансы, обрушив все достижения. Это развитие заемное и неустойчивое, развитие без суверенитета.

Идеал, к которому стремится государство, – это самоподдерживающийся цикл, в котором главную роль играет политический суверенитет, создающий «правила игры» и защищенное пространство для инвестиций в критически важные, но капиталоемкие и долгоокупаемые отрасли (наукоемкие технологии, фундаментальная наука, инфраструктура) [10, с. 4]. Успехи в развитии (новые технологии, конкурентоспособная продукция, человеческий капитал) повышают экономическую мощь, международную привлекательность и, как следствие, укрепляют реальный суверенитет, делая государство менее

уязвимым к давлению и более влиятельным на международной арене. Текущий исторический этап в развитии российской государственности – это масштабный эксперимент по созданию именно такой синергии в условиях беспрецедентного внешнего давления. Успех будет измеряться не только показателями ВВП, но и способностью генерировать собственные технологические стандарты, культурные образцы и социальные модели, которые будут востребованы не из-за отсутствия выбора, а благодаря своей эффективности и притягательности.

Таким образом, суверенитет и национальное развитие в современной России представляют собой две стороны одной медали: суверенитет без развития ведет к стагнации и изоляции, а развитие без суверенитета – к зависимости и уязвимости. Их синергия является залогом будущего России в многополярном мире.

Список литературы:

1. Королев, П. А. Амбифакторная методика анализа демократического транзита на постсоциалистическом пространстве (часть II) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 3-8.
2. Бабурин, С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 480 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
4. Кальвокоресси, П. Мировая политика после 1945 года. В 2-х кн. Кн. 2 / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2000. – 336 с.
5. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика. – М.: Поколение, 2006. – 560 с.
6. Иноземцев, В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М.: Academia: Наука, 1999. – 724 с.
7. Бек, У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
8. Деягин, М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
9. Цыганков, П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
10. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. А. Ваховича. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.

Арефьев Денис Валерьевич

1 МГ-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Denis Arefyev

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ДО ОТИСА: ИННОВАЦИИ ГЕНИАЛЬНЫХ ИЗОБРЕТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ПОВЛИЯЛИ НА СОВРЕМЕННОЕ ЛИФТОСТРОЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу вклада выдающихся изобретателей в развитие лифтовых механизмов. Рассматриваются ключевые изобретения Леонардо да Винчи, Джеймса Уатта и Элайши Отиса, определившие развитие лифтостроения. Особое внимание уделяется революционным разработкам в области безопасности, эффективности и автоматизации подъемных механизмов. Анализируется влияние изобретений на развитие городской архитектуры и промышленности.

Ключевые слова: Леонардо да Винчи, Элайша Отис, Джеймс Уатт, подъёмные механизмы, лифтостроение, инновации, технические изобретения, система противовесов, паровая машина, безопасность лифтов, ловители, механические системы.

FROM LEONARDO DA VINCI TO ELISHA OTIS: GENIUS INVENTORS' INNOVATIONS THAT SHAPED MODERN ELEVATOR INDUSTRY

Summary: The article analyzes the contribution of outstanding inventors to the development of elevator mechanisms. Key inventions by Leonardo da Vinci, James Watt, and Elisha Otis that shaped elevator construction are examined. Special attention is paid to revolutionary developments in safety, efficiency, and automation of lifting mechanisms. The impact of these inventions on urban architecture and industry development is analyzed.

Keywords: Leonardo da Vinci, Elisha Otis, James Watt, lifting mechanisms, elevator construction, innovations, technical inventions, counterweight system, steam engine, elevator safety, safety catches, mechanical systems

В истории развития лифтовых механизмов одной из ключевых проблем стало создание эффективной и надёжной системы, предназначенной для транспортировки грузов и пассажиров на большую высоту. Для решения этих задач требовалось использование всестороннего подхода к решению большого количества инженерных проблем. С расширением городских и промышленных потребностей возрастала необходимость в нахождении надёжного и безопасного способа подъёма грузов и людей. Существовавшие в то время технологии были не в состоянии выполнить все эти запросы, из-за чего было

серьезное торможение в совершенствовании городского благоустройство. Одной из сложных проблем стала необходимость разработки универсальных механизмов, которые были способны эксплуатироваться в различных условиях. Также особое внимание необходимо было уделить вопросам энергоэффективности и скорости движения подъёмных механизмов, что существенно усложняло процесс их усовершенствования и распространения. Наиболее важным аспектом лифтового строения, считалось обеспечение простой эксплуатации оборудования и безопасности передвижения пассажиров. В результате трудности в создании высокоэффективного и безопасного подъёмного механизма соединились в одну комплексную задачу, на решение которой потребовалось много веков и создания различных инноваций от изобретателей разных эпох.

Лифт можно считать частью изобретений, вошедших в повседневную человеческую жизнь, о которых мы нечасто размышляем об их значении в нашей жизни, но именно благодаря созданию такого вида механизма, предназначенного для подъема и спуска, которое дало возможность справиться с естественными пределами высотности зданий в городах по всему миру. Это существенно повлияло на внешний вид больших городов в наши дни.

Историю лифтов можно назвать интересным экскурсом от механизмов простого функционирования, которые начинают работать от использования физической силой, получаемой от человека или животных, до комплексных механизмов автоматического действия, оборудованных ИИ. Данная история является симбиозом конструкторской мысли, технологических достижений и непрекращающегося стремления к повышению безопасности, удобству и результативности. Говоря о истории лифта, нельзя не вспомнить важнейшие вклады в конструкции лифта Леонардо да Винчи и Джеймса Уатта.

Леонардо да Винчи (1452–1519) является одним из знаменитых личностей эпохи Возрождения в сферах живописи, инженерии, науки и литературной деятельности. Появился на свет он 15 апреля 1452 года в городе Винчи, Италия. Его отец был нотариусом, а мать – селянкой. С ранних лет юный Леонардо изъяснял большое любопытство к окружающему миру и техническому оборудованию. В 1469 году он принялся обучаться у Андреа дель Верроккьо, где смог проявить свои таланты в живописи, скульптуре и механике. Уже к 1472 году он смог получить членство в гильдии Святого Луки. В период 1480-х годов изобретатель трудился при дворе герцога Лодовико Сфорца в Милане, где смог осуществлять себя как художник, так и инженер. Также новатор смог поработать в Риме, Болонье и Венеции. Последние года своей жизни да Винчи жил во Франции при дворе Франциска I. 2 мая 1519 года Леонардо да Винчи скончался в замке Клу.

До вклада да Винчи в лифтовую конструкцию значительное влияние в развитие механизмов для подъема оказал древнегреческий учёный Архимед, живший в III век до н.э. Он изобрел один из первых подъёмных механизмов, который смогли официально задокументировать. Данное устройство представляло из себя деревянную кабину, которая соединялось с блоками для

подъёма и опускания системой верёвок. В эпоху средневековья подъёмники эксплуатировались зачастую в монастырях, дворцах и шахтах. Ключевыми деталями в таких подъёмных механизмах были корзины или платформы, система блоков, канаты, приводной механизм, работающий за счет сил людей или животных.

Леонардо да Винчи смог оказать значительное влияние в лифтовую конструкцию с помощью создания особых разработок в области подъёмных механизмов в эпоху Возрождения, что существенно повлияло на устройства для подъема в будущем. В числе его разработок в области проектирования и строения лифтов можно выделить:

- чертежи лифта, оснащённого противовесом и системой, состоящий из шкивов,

- создание идеи применения для приводных механизмов лифта водяных мельниц;

- и предложение по применению противовесов, предназначенных для уменьшения вероятности падения кабины.

В устройстве он использовал систему блоков и веревок, что позволило осуществлять подъем грузов с меньшими показателями нагрузки, так как масса всех грузов располагалась равномерно по всей системе, потому что при использовании большего числа колёс уменьшалось усилие, которое требовалось для подъема груза вверх.

К большому несчастью механизм, изобретенный новатором, не был сконструирован самим Леонардо, но через какое-то время по его чертежам инженер Ларин смог создать лифтовой механизм.

Джеймс Уатт (19 (30) января 1736 — 19 августа 1819) считается одним из значимых инженеров-механиков и изобретателей в Шотландии, чьи успехи в науке и технике являются революционными и чьи изобретения поспособствовали развитию в области промышленности и механического оборудования.

Изобретение Джеймс Уатта оказало огромное воздействие на развитие области лифтостроения, хотя непосредственно над лифтовыми устройствами новатор не работал. Его вклад относится к изобретению универсальной паровой машины, которая произвело революцию в области двигательных систем, используемых в промышленности.

В эпоху средних веков подъёмники стали со временем улучшаться. Начали использоваться системы, состоящие из противовесов, применялись наиболее надежные компоненты (железо и кожа), а также начался монтаж лифтовых механизмов в замках и дворцах. Например, лифт для королевы Кэтерины Медичи был смонтирован во дворце Фонтенбло.

Времена промышленной революции (XVIII век) можно считать наиболее значимым моментом истории в области лифтового строительства. Использование паровых двигательных систем существенно повлияло на улучшение работы лифтовых подъёмников, позволив увеличить скоростные и мощностные параметры устройства. Лифтовые системы начали

эксплуатироваться в театрах (Парижская опера) а также на промышленных производствах.

Главными успехами данного периода можно считать окончания использования ручного привода и замены его на механические приводные системы, введения в конструкцию систем, предназначенных для управления движением, улучшение в области безопасной эксплуатации и расширение области использования подъёмных устройств. Так, за период от да Винчи до эпохи паровых машин лифтостроение прошло большой путь.

Джеймс Уатт внёс существенный вклад в оптимизацию и модернизацию паровых двигателей. Он изобрел конденсатор, ставший одним из важных элементов тепловой машины. Также Уаттом было спроектирован центробежный регулятор ввода пара и паровая рубашка вокруг цилиндра. Помимо этого, он интегрировал мысль о расширении пара в цилиндре и изобрел цилиндр двойного действия, где пар подавался попеременно по разным сторонам от поршня. Наконец, Уаттом был создан необычное механическое устройство, предназначенное для передачи движения от поршня к балансиру — параллелограмм Уатта.

В 1784 году Уаттом был построен многофункциональная паровая двигательная система двойного действия с непрерывным вращением. Данное экономично-эффективное устройство стало достаточно распространённым и сыграло одну из главных ролей в процессе перехода к автоматизированному производству. Изобретение высококачественных паровых двигателей, в том числе машины Уатта, оказало существенное воздействие на лифтостроение, так как это дало возможность конструировать подъёмное оборудование с большими характеристики мощности и эффективности. Многофункциональность паровых устройств позволило обеспечить её использование в разном подъёмном оборудовании. Увеличение показателей эффективной работы паровых двигательных систем позволило уменьшить финансирования эксплуатации лифтового оборудования.

Практическое использование парового оборудования в лифтостроении стартовало в 1820–1830-х годах. В 1823 году Бертон и Гомер сконструировали широко известный «восходящий салон», размещенный в Лондоне, в 1835 году инженерами компании Frost and Stutt был создан революционный приводной механизм для лифта, использующий ремни и противовес.

Инновационная революция, которая была инициирована изобретением Уатта, поспособствовало созданию первых подъёмных механизмов. Были созданы наиболее сложные управленческие системы для подъёмников, что повлияло на рост показателей безопасности и надёжности механических устройств, а также к увеличению высоты подъёма и грузоподъёмности лифтового оборудования.

Нельзя не упомянуть еще одну значимую фигуру в области строительства лифтового оборудования - Элайша Отис. Элайша Грейвс Отис (1811 – 1861) является создателем безопасного лифтового устройства и компании Otis Elevator Company из Америки. Отис появился на свет 3 августа 1811 года в

семье фермеров из Вермонта, осуществлял предпринимательскую деятельность, которая, к сожалению, не сыскала успеха по причине плохого здоровья изобретателя. В 1845 году Отис перебрался в Олбани, где работал механиком на фабрике кроватей, занимаясь железнодорожными тормозами, а в 1852 году переехал в Нью-Йорк, где создал систему задержки лифта при обрыве канатов, которую назвал ловителями.

В 1854 году новатор смог потрясти посетителей Нью-Йоркской выставки в здании New York Crystal Palace представлением своего механизма безопасности для лифта. В ходе этой демонстрации Отис находился на открытой платформе подъёмного оборудования, у которого, в тот же момент времени, помощник изобретателя топором повреждал трос для удержания системы с помощью топора. При всех этих воздействиях платформа держалась в неподвижном состоянии и не стремилась упасть в шахту за счет действия ловителей.

В 1857 году было смонтировано первое лифтовое оборудование для пассажиров в одно из Нью-Йоркских зданий. Элементарное устройство для обеспечения безопасности в совокупности с применением стальных каркасов зданий позволило дать старт строительству большого количества высокоэтажных зданий. Элиша Отис умер 8 апреля 1861 года из-за заражения дифтерией.

После Леонардо да Винчи лифтовые механизмы развивались, но остались элементарными. Главными комплектующими считались канаты из стали, лебедочные механизмы, состоящих из зубчатых передач и ручных управленческих механизмов. В XVII-XVIII веках начали широко распространяться домашние лифты, например, в Зимнем дворце. В начале XIX века, благодаря вкладу Уатта в области двигательных систем, был спроектирован паровой лифт (1800). Существенным недостатком данных лифтовых систем являлось отсутствие систем безопасности, использование источников внешней энергии, существование высокой вероятности опасности возникновения аварийных ситуаций в случае повреждения канатов и необходимость наличия постоянного оператора для обеспечения стабильности работы системы.

Одной из важных проблем в те времена оставалась безопасность. В случае повреждения каната кабина начинало незамедлительное падение вниз, что значительно сдерживало внедрение лифтового оборудования в жилые здания и создавало большие опасения у пассажиров. Именно данное препятствие исчезло с появлением изобретения Отиса - системы ловителей, что позволило произвести большие перемены в области лифтостроения. В числе заслуг, которые существенно воздействовали на лифтостроение, особо можно подчеркнуть несколько из них.

Одним из существенных вкладов Отиса в лифтовое оборудование можно назвать создание в 1852 системы ловителей. Данное изобретение является автоматизированным устройством, которое позволяет произвести полную блокировку движения кабины, в случаи разрыва канатов. Данное устройство

включала в себя зубчатые рейки, расположенные по бокам шахты, механизма, состоящего из пружин, срабатывающего в случае быстрого падения и немедленного удержания за рейки, что позволяло избежать падение кабины вниз.

Вторым важным вкладом Отиса можно считать основание компании Otis Elevator Company (1853), ставшая одной из первых компаний, которое специализировалось на изготовлении безопасного лифтового оборудования, позволившая ей превратиться в одного из главных лидеров лифтостроительной области на данный момент. Сейчас компанией обслуживаются почти 2 млн единиц лифтового оборудования в более чем 200 странах.

Еще одним важным вкладом изобретателя можно назвать популяризация лифтов. До Отиса лифтовые подъемники применялись преимущественно для грузов. Благодаря его разработке было достигнута цель по обеспечению безопасного перемещения людей. Это также значительно отразилось на сфере проектирования зданий. Безопасные лифтовые подъемники Отиса позволили возведение архитектурных объектов больше 5 этажей, что послужило началом эры многоэтажной застройки.

Вклады Леонардо да Винчи, Джеймс Уатт и Элайша Отис стали определяющими в процессе развития лифтостроения. Да Винчи положил начало основам подъёмных механизмов, включая чертежи с системой блоков и противовесов, а также концепцию винтового привода, опередившие своё время. Джеймс Уатт, хоть и не изобрёл лифты напрямую, его паровая машина стала ключевым технологическим достижением, значительно улучшившим транспортировку грузов и заложившим основы для более сложных инженерных решений. Паровая машина Уатта позволила создавать мощные и надёжные подъёмники, что способствовало появлению первых лифтов, безопасных для людей. Элайша Отис совершил настоящую революцию, изобретя систему ловителей в 1852 году, устранившую главную опасность лифтов — свободное падение кабины. Его вклад в безопасность лифтов был столь значим, что в 1853 году он основал первую компанию по производству безопасных лифтов (Otis Elevator Company), что позволило массово использовать лифты и строить высотные здания.

Вместе их идеи объединились в современных лифтах: системы блоков и противовесов да Винчи стали частью конструкций, а ловители Отиса — обязательным стандартом. Без этих изобретений невозможно представить современные города с их вертикальным ростом.

Список литературы:

1. Большая российская энциклопедия 2004-2017 2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2187272> (дата обращения: 15.09.2025)
2. Алпатов М.В. Леонардо да Винчи. Творческая биография. — М.: Искусство, 2020. — 345 с.

3. Хаггл Дж. Джеймс Уатт и революция в машиностроении. — СПб.: Питер, 2019. — 289 с.
4. Смит Р. От первых лифтов до небоскрёбов: история компании Отис. — М.: Альпина Пабlishер, 2021. — 412 с.

Асланова София Амираслановна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Sofia Aslanova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ АВАНГАРДИЗМА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ, УТОПИЯ И КРИТИКА МОДЕРНОСТИ

Аннотация: В статье исследуется авангард в искусстве как попытка создать принципиально новую реальность. Автор показывает, что художники-авангардисты (от Малевича до сюрреалистов) отказывались просто подражать действительности или изображать её такой, какая она есть. Вместо этого они разрушали привычные представления о времени, пространстве и форме, чтобы освободить место для чего-то совершенно нового – утопического мира, который пока не существует, но мог бы возникнуть. Однако в этом стремлении скрыто противоречие: попытка построить идеальный мир может обернуться либо полным отрицанием всего реально существующего (нигилизмом), либо навязыванием единственно правильного порядка (тоталитаризмом). Опираясь на идеи известных философов, автор доказывает, что авангард – это не просто исторический этап, а постоянный способ критики существующего мира, где мечта о лучшем будущем всегда соседствует с опасностью его насильственного воплощения.

Ключевые слова: авангардизм, онтологический разрыв, утопия, критика модерна, эмансипация.

THE PHILOSOPHY OF AVANT-GARDISM: THE ONTOLOGICAL GAP, UTOPIA, AND THE CRITIQUE OF MODERNITY

Summary: The article explores the avant-garde in art as an attempt to create a fundamentally new reality. The author shows that avant-garde artists (from Malevich to surrealists) refused to simply imitate reality or portray it as it is. Instead, they were shattering familiar notions of time, space and form to make room for something entirely new - a utopian world that does not yet exist but might emerge. However, this striving contains an inherent contradiction: the attempt to build an ideal world can result either in a complete negation of everything that actually exists (nihilism), or in the imposition of a single correct order (totalitarianism). Based on the ideas of famous philosophers, the author proves that the avant-garde is not just a historical stage, but a constant way of criticizing the existing world, where the dream of a better future is always adjacent to the danger of its violent embodiment.

Keywords: avant-gardism, ontological gap, utopia, criticism of modernity, emancipation.

Авангардизм начала XX века является не просто цепочкой художественных инноваций, а глубоким философским актом, в котором искусство выходит за рамки эстетического явления и превращается в онтологическую деятельность. В отличие от традиционной эстетики, фокусирующейся на гармоничном воспроизведении реальности (мимесис) [согласно Аристотелю и Платону], и от модернизма, сохраняющего разрыв между искусством и повседневностью, авангардизм объявляет полный отход от репрезентативной онтологии модерности. Онтологический разрыв – ключевая идея философии авангардизма: отрицание текущего способа существования (субстанциальность, рациональность, последовательная временность) в пользу открытия свежей, ещё не реализованной реальности. Этот разрыв не сводится к чистому разрушению; он несёт утопический импульс – стремление к новой онтологии, где бытие перестаёт быть фиксированным и становится проектируемым, потенциальным, доступным для освобождения.

Авангардизм формируется в условиях кризиса модерности – инициативы, запущенной эпохой Просвещения и достигшей кульминации в индустриальной эре и глобальных конфликтах. Модерность подразумевает доминирование грандиозных нарративов (освобождение человечества, научный прогресс, рациональное раскрепощение); авангардизм выступает как её радикальный оппонент через микроотрицание – через отказ от любых историй, через чистый разлом [4, с. 24–26].

Теодор Адорно в "Эстетической теории" интерпретирует авангард как негативную диалектику: искусство, отказываясь от изображения, противостоит объективизации, но без конструктивного объединения остаётся в фазе непрерывного отказа. Как отмечает Адорно, "абсолютная свобода в искусстве, как в одной из специализированных сфер, неизбежно конфликтует с перманентным состоянием несвободы в обществе в целом. Положение искусства в нём стало неопределённым" [1, с. 5]. Утопия проявляется как недостижимая перспектива – то, на что искусство намекает своим присутствием, но что не может быть воплощено конструктивно [1, с. 210–215].

Питер Бюргер в "Теории авангарда" трактует авангардизм как наступление на институт искусства – буржуазную независимость эстетики, оторванную от повседневной практики [2, с. 34–38]. Утопия авангардизма состоит в объединении искусства с жизнью, где эстетика превращается в онтологическую деятельность, а существование – не в данность, а в цель. Однако этот разлом диалектичен: утопия свежей реальности может перевернуться в нигилизм (дадаизм) или авторитарную фиксацию (футуризм). Авангардизм – это не историческая данность, а философская дилемма: как возможна онтология после отрыва от традиции, без падения в вакуум или новую метафизику доминирования?

Онтологический разрыв авангардизма подразумевает отказ от субстанциальной онтологии Аристотеля–Декарта–Гегеля, где существование определяется через сущность и отображение. Авангард разрушает мимесис: искусство прекращает быть отражением мира и становится его конструктором.

В русском авангарде эта тактика достигает апогея после 1917 года, когда революция создаёт арену для встраивания искусства в социальную сферу. Конструктивизм Владимира Татлина в проекте "Памятник III Интернационалу" (1919–1920) предлагает не изображение революции, а её вещественное воплощение: спиралевидная конструкция как устройство для времени и пространства.

Вращающиеся сегменты (куб – год, пирамида – месяц, цилиндр – день) олицетворяют временность революции – не прямолинейную, а витковую, где прошлое непрерывно трансформируется в будущее. Это утопия онтологического производства: существование формируется через структуру, избавляясь от отчуждения. Ги Дебор в "Обществе спектакля" описывает процессы отчуждения, против которых направлен этот акт [3, с. 224]. И дальше: "Объективная реальность проявляется с двух сторон. Каждое понятие, таким образом зафиксированное, опирается лишь на переход в противоположное, и, следовательно, реальность возникает в спектакле, а спектакль становится реальностью. Это взаимное отчуждение есть суть и основа существующего общества" [3, с. 45–47].

Казимир Малевич в супрематизме доводит разрыв до онтологического предела. "Чёрный квадрат" (1915) – не полотно, а происшествие: нулевая структура, аннигилирующая отображение. В манифесте "От кубизма и футуризма к супрематизму" Малевич заявляет: "Искусство натурализма – идея первобытного – желание передать видимое, но не создать новую форму... И между искусством создавать и искусством копировать – огромная разница" [5, с. 12–15]. И далее: "Супрематизм – это чистое ощущение, освобождённое от объектности" [5, с. 12–15]. Это хайдеггеровский "прыжок" в бытие: отрицание существующего ради "Dasein" как потенциала. Супрематизм – утопия онтологии равноправия: абстракция уничтожает иерархию, открывая арену для коммунистического существования [5, с. 12–15].

Адорно трактует такие инициативы как негативную диалектику: авангард отвергает отображение, сопротивляясь товарной логике, но без синтеза пребывает в состоянии перманентного отказа – утопия как недостижимая перспектива [1, с. 210–215]. Философ акцентирует: "Художественные произведения возникают из эмпирического мира, и, покидая его, они противопоставляют ему свою сущность, как будто она тоже реальна. Тем самым они изначально тяготеют к утверждению, сколь бы трагичным ни было их содержание" [1, с. 6]. Утопия авангардизма – не общественная программа, а онтологическая практика: формирование новой модальности существования. В конструктивизме утопия материалистична: искусство как изготовление, где форма превращается в социальную субстанцию. Памятник Татлина – не знак, а механизм утопии, где временность революции реализована в динамике. Малевич стремится к идеалистической утопии: супрематизм как "мировой ноль", где существование очищено от объектов.

Итальянский футуризм Филиппо Томмазо Маринетти предлагает утопию движения: война и техника как онтологические энергии, очищающие от

былого. В "Манифесте футуризма" (1909) он утверждает: "Мы заявляем, что великолепие мира обогатилось новой красотой – красотой скорости" [6, с. 8–10]. И далее: "Мы хотим славить войну – единственный гигиенист мира – милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные идеи, за которые стоит погибнуть" [6, с. 8–10]. Футуризм – нигилистический отрыв от прошлого: музеи как "могилы", традиции как цепи. "Музеи – кладбища!.. Музеи – общественные дортуары, где одни тела обречены вечно лежать рядом с другими, ненавистными или незнакомыми" [6, с. 8–10]. Но эта утопия оборачивается авторитарной: разрыв с наследием оправдывает агрессию. Маринетти поддерживает Муссолини, видя в фашизме реализацию своей эстетики – мобилизацию толпы через технологии и силу. Футуризм становится эстетикой фашистской Италии, где утопия динамики легитимизирует тотальный надзор [6, с. 8–10]. Философски это искажение нищеванской воли к власти: разрыв ведёт не к сверхчеловеку, а к коллективному подавлению.

Дадаизм предлагает антиутопию: отрицание любой онтологии. Беспорядок – разрыв без свежего объединения, чистый нигилизм как анализ рациональности модерности. В 1916 году в Цюрихе Тристан Тцара организует хаос: абсурдные выступления, монтажи. Дада – оппозиция рациональности, приведшей к войне. Берлинский дадаизм политизируется, реализуя себя в антибуржуазных действиях. Но позже дадаизм распадается: часть ассимилируется рынком, другая – идеологией, что убедительно иллюстрирует критику П. Бюргера: авангард штурмует институт искусства, но в капитализме нейтрализуется [2, с. 34–38].

Сюрреализм Андре Бретона вводит утопию подсознания: автоматическое письмо – онтологический разлом с эго, раскрывающий коллективное. Утопия через фрейдовское подсознание. Но сюрреализм остаётся эскапистским, избегая политической конкретики, что делает его подверженным институционализации.

Модерность – проект последовательного развития, рациональности и субстанциальности. Авангардизм – её радикальный анализ через онтологический разлом. Адорно видит в авангарде оппозицию объективации: искусство отказывается от своей автономии [1, с. 210–215]. Бюргер – наступление на институт искусства как буржуазную независимость [2, с. 34–38].

Лиотар дополняет: авангард – постмодернистский акт, разоблачающий метанарративы Просвещения [4, с. 24–26]. Но анализ модерности диалектичен: утопия разлома может перерасти в нигилизм (дадаизм) или тоталитаризм (футуризм, сталинский соцреализм). В СССР утопия слияния искусства с жизнью приводит к преследованиям: авангард угрожает любой всеобъемлющей системе. Дебор комментирует: "Если каждый китаец должен учиться у Мао и таким образом стать Мао, то это только потому, что ему больше нечем быть. Там, где правит концентрированный спектакль, также правит полиция" [3, с. 112].

Философия авангардизма – это онтология разлома: отрицание репрезентативного существования модерности ради утопической

потенциальности. От Татлина и Малевича через Маринетти и дадаизм – авангард раскрывает противоречие: утопия освобождения несёт опасность авторитарной фиксации. Он – постоянный анализ модерности: искусство как практика, где существование не predetermined, а строится через разлом. В эпоху, когда модерность достигла пика в глобальном кризисе, философия авангардизма остаётся насущной: утопия – не мираж, а горизонт недостижимого, который делает возможным сопротивление.

Список литературы:

1. Адорно, Т. В. Эстетическая теория / пер. с нем. А.В. Дранова. – М.: Республика, 2001. – 416 с.
2. Бюргер, П. Теория авангарда / пер. с нем. Сергея Ташкенова. – М.: V-A-C Press, 2016. – 192 с.
3. Дебор, Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Ad Marginem, 2000. – 224 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние / пер. с фр. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
5. Малевич, К. С. От кубизма и футуризма к супрематизму. – Пг., 1916 (переиздание: М.: Гилея, 1995). – 64 с.
6. Маринетти, Ф. Т. Манифест футуризма // Манифесты итальянского футуризма. – М.: Гилея, 2001. – С. 8-10.

Афанасьев Тимур Сергеевич

1 ИД-З

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Afanasyev Timur

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЩЕНИЯ ЗАПАСОВ СЕРЕБРА

Аннотация: в данной статье говорится об истощение запасов серебра? Когда серебро закончится? Где используется серебро, в каких зеленых технологиях и не только. К каким экологическим проблемам приводит добыча серебра.

Ключевые слова: Серебро, химическая активность, экология.

PROBLEMS OF SILVER SUPPLY DEPLETION

Summary: This article discusses the depletion of silver reserves. When will silver run out? Where is silver used in green technologies and beyond? What environmental challenges does silver mining pose?

Keywords: Silver, chemical activity, ecology.

Серебро (лат. – *argentum*, т.е. «светлый») — относительно редкий элемент, химический элемент подгруппы меди, символ **Ag**, **атомный номер 47**. По физическим свойствам приближается к меди и золоту. Серебра на Земле в 20 раз больше, чем золота, но значительно меньше, чем меди.

Великий русский ученый **М. В. Ломоносов** писал о серебре следующее: «Второй высокий металл называется *серебро*. Сие от золота разнится больше цветом и тягостию. Цвет его столь бел, что ежели серебро совсем чисто и только после плавления вылито, а не полировано, то кажется оно издали бело, как мел. Весу его пропорция к воде как 10535 к 1000, то есть около десяти раз оной тяжелее, а золота почти вдвое легче. Однако прочими свойствами золоту едва уступает... В земле находится оно часто очень чисто, а больше в листках или волосам подобно тонкой и кудрявой проволоке, а иногда в нарочито великих глыбах. В Академической Минеральной камере есть *самородного чистого серебра* кус весом 7 фунтов. Самое чистое серебро имеет почти всегда в себе немного золота» [2].

Металлическое серебро можно получать из рудного концентрата двумя путями. Амальгамацией – растворением в ртути и цианированием – обработкой раствором NaCN с последующим осаждением цинковой пылью. Как один из наиболее отражающих металлов в мире, серебро обладает уникальными свойствами. Полированное серебро может отражать до 95% видимого света, благодаря чему его активно используют для производства различных оптических приборов, таких как зеркала, телескопы и микроскопы. Кроме того,

серебро имеет отличные тепло- и электрические проводимости; оно считается лучшим проводником среди всех элементов. По шкале проводимости, серебро занимает первое место (100), в то время как медь и золото занимают соответственно 97 и 76 места.

Серебро играет важную роль в истории человечества; оно прошло путь от первых артефактов, найденных еще в 4000 году до нашей эры, до использования в качестве валюты. Первые месторождения серебра находились в Сирии в (5000-3400 гг. до н.э.), откуда металл привозили в Египет. Древние египтяне ценили его выше золота. Серебро многократно упоминается в Библии.

«Петр Великий, считавшей, что в такой обширной стране, как Россия, серебро и другие благородные металлы не могут не находиться, поставил поиски и добычу минералов на уровень общегосударственного масштаба. В 1700 г. был создан Рудный приказ, переименованный в 1719 г. в Берг-коллегию. Разведка недр всячески поощрялась, зато жестоко каралось сокрытие данных о месторождениях. В России в середине XVIII века началась промышленная добыча серебра» [3]. Кроме этого, серебро обладает высокой пластичностью и может принимать множество форм, что позволяет использовать его в ювелирных изделиях и других контекстах.

Драгоценные металлы, такие как серебро, золото и платина, играли значительную роль в экономике и культуре человечества. Серебро использовалось как монета, начиная с цивилизации Лидии (685 год до нашей эры), и продолжает функционировать как экономический ресурс. Например, на территории Древней Руси серебряные монеты, такие как «Серебряник» и «Гривна», также имели важное значение для обмена и торговли. «Серебро используют в качестве инвестиционного металла, а также для изготовления оборудования и аппаратуры в пищевой промышленности. Серебром покрывают детали в электронике и радиотехнике, его используют для изготовления отражателей прожекторов и телескопов, в солнечной энергетике, в особо ценных аккумуляторах, фото- и кинодеке. Оно широко применяется в ювелирном деле, изготовлении столовых приборов, ценятся сплавы серебра с золотом, медью» [1, с. 193].

Согласно оценкам, общее количество серебра, добытого за всю историю, составляет около 1,6 миллиона метрических тонн.

Серебро занимает 65-е место по распространённости в земной коре. Даже в богатых месторождениях концентрация обычно не превышает 1000–1200 г/т. В морской воде содержание ничтожно — 0,04 мкг/л. Серебро редко встречается в самородном виде из-за высокой химической активности. Содержание серебра в собственно серебряных рудах колеблется в интервале 500–1200 г/т., в некоторых месторождениях может превышать 1000 г/т, например, в омсукчанском месторождении серебра, где содержание достигает 1200 г/т. В серебросодержащих рудах оно понижено на порядок», от 50–60, до 5–10 г/т. [с 195]. Среднее содержание серебра составляет 0,075 грамма на тонну, что примерно в 20 раз больше, чем у платины или золота.

Ломоносов составил «Каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии Наук», в разделе «Серебряные руды» перечислено 170 самородков [2, с. 121 -134]. В другом разделе отмечается, что «Хотя серебра немало и самородного в земле находится, однако имеет оно немалое число руд» [2, с. 443], что отделение серебра от руд убыточнее, а много самороднее серебро в песках рассеянное (505)

Стихи Лукреция об изобретении металлов в переводе Ломоносова, глава «Первые основания металлургии»:

«Железо, золото, медь, свинцова крепка сила
И тягость серебра тогда себя открыла,
Как сильный огонь в горах сжигал великий лес.
Или на те места ударил гром с небес...» [2, с. 471]

На фоне растущего спроса и увеличивающегося производства, вопрос об истощении запасов серебра становится всё более актуальным. Прогнозы учёных указывают на возможность истощения запасов серебра к 2028 году, если текущие темпы добычи продолжатся. По данным на 20 25 год, пятёрка лидеров стран по запасам серебра выглядит так:

В 2008 году в мире всего добыто 20 900 т серебра. Лидером добычи является Перу (3600 т), далее следуют Мексика (3000 т), Китай (2600 т), Чили (2000 т), Австралия (1800 т), Польша (1300 т), США (1120 т), Канада (800 т).

- Мексика — 37 000 метрических тонн.
- Австралия — 27 000 метрических тонн.
- Чили — 26 000 метрических тонн.
- США — 23 000 метрических тонн.
- Боливия — 22 000 метрических тонн.

В то же время, данные о добыче серебра на 2025 год показывают, что:

- Мексика — 6,3 тыс. тонн.
- Китай — 3,3 тыс. тонн.
- Перу — 3,1 тыс. тонн.
- Польша — 1,3 тыс. тонн.
- Боливия — 1,3 тыс. тонн.

Текущие уровни производства показывают, что в 2020 году глобальное производство серебра достигало приблизительно 25 000 метрических тонн. С увеличением спроса на серебро в различных секторах электроники и солнечной энергии, большая часть добытого металла используется в промышленных целях и не подлежит повторному использованию. Важно отметить, что большинство серебра в современных устройствах, таких как мобильные телефоны, компьютеры и солнечные панели, не поддается переработке. Статистика указывает на то, что на свалках всего мира находится значительное количество серебра, которое можно было бы использовать повторно. Растущий интерес к электромобилям и солнечным батареям создаёт дополнительный спрос на серебро, что способствует ещё большему истощению запасов. Таким образом, важно понимать, что, несмотря на многовековое использование драгоценного

металла, запасы серебра могут быть ограничены, и при текущем уровне потребления их хватает лишь на несколько лет.

Серебро находит применение в различных областях промышленности, включая: электрические проводники: благодаря высокой проводимости оно является важным компонентом в производстве современных технологий и электроники, включая смартфоны и телевизоры;

Солнечная энергетика: используется в фотоэлектрических элементах, что делает его ключевым для преобразования солнечного света в электрическую энергию для повседневных нужд. В медицине: антимикробные свойства серебра делают его ценным для производства медицинских устройств и обработки ран. В пищевой промышленности серебро применяется для очистки воды и сохранения продуктов питания, уничтожая бактерии и вирусы.

Серебро используется в различных сплавных изделия для повышения прочности и улучшения внешнего вида.

Добыча серебра и других драгоценных металлов имеет значительные негативные последствия для экологии. Основные проблемы связаны с загрязнением воздуха, воды и почвы, а также разрушением экосистем. Химические вещества, используемые при переработке и аффинаже серебра, часто приводят к выбросам токсичных газов в атмосферу, загрязнению водоемов и уничтожению растительности. Вредные соединения серебра могут накапливаться в природе, оказывая токсическое влияние на живые организмы, и ставят под угрозу многие экосистемы.

В заключение, продолжающийся рост спроса на серебро в различных отраслях, в сочетании с экологическими последствиями добычи, указывает на необходимость более устойчивого подхода к его использованию и добыче. Соответствующие меры регулирования и внедрение новых технологий могут помочь снизить воздействие на окружающую среду и продлить срок существования этого важного ресурса.

Список литературы:

1. Ибламинов, Р. Г. Геолого-промышленные типы месторождений полезных ископаемых. Рудные месторождения / Р. Г. Ибламинов. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – 278 с.
2. Ломоносов М. В. 1741-1763 гг. – Москва; Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1954. – Том 5. Труды по минералогии, металлургии и горному делу. – 719 с.
3. Курочкина А.В. Серебро // Русский народ: энциклопедия народного и декоративно-прикладного искусства: в 2 т. / научный редактор-составитель: С.В. Лебедев; главный редактор, руководитель проекта: О.А. Платонов. Т. 2: Н - Я. - 688 с.

Ахмадуллина Адиля Ильшатовна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Akhmadullina Adilya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЁСЕЛ КАК ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ С СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИЕЙ МОДЫ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается роль традиционных промыслов в нематериальном культурном наследии России. Ремесло анализируется как форма культурной памяти. Оно требует особых подходов к сохранению и трансляции. Особое внимание уделяется актуализации ремесленных традиций. Интеграция в индустрию моды и дизайна обладает высоким потенциалом для этого. Данный механизм способен эффективно передавать навыки новым поколениям.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, традиционные ремесла, народные художественные промыслы, сохранение культурных традиций, преемственность поколений, дизайн одежды.

ACTUALIZATION OF TRADITIONAL HANDICRAFTS AS IMMATERIAL CULTURAL HERITAGE THROUGH DIALOGUE WITH THE MODERN FASHION INDUSTRY IN RUSSIA

Summary: The article examines the role of traditional crafts in Russia's intangible cultural heritage. Craftsmanship is analyzed as a form of cultural memory. It requires specific approaches to preservation and transmission. Special attention is given to the actualization of craft traditions. Integration into the fashion and design industry has a high potential for this purpose. This mechanism can effectively transfer skills to new generations.

Keywords: intangible cultural heritage, traditional crafts, folk art crafts, preservation of cultural traditions, intergenerational continuity, clothing design.

Россия обладает богатейшим пластом ремесленных традиций, сформировавшихся в различных социокультурных условиях. От предшествующего поколения досталось богатое культурное наследие народных промыслов. Оно сохранило и выработало индивидуальность, яркость, самобытность, художественный язык, выражающий эстетические идеалы. Национальный промысел тесно связан с жизнью народа, он создавался не одним человеком, а народом, выражая особенность быта и традиций. Благодаря этому он имеет ярко выраженную этническую черту.

Одним из ярких образцов народного творчества является узорная кожаная мозаика – уникальный вид декоративно-прикладного искусства татар. В

исследованиях искусствоведов, историков и этнографов казанская узорная кожа традиционно рассматривается как вид народного промысла, представляющий собой результат коллективного труда, прочно опирающегося на многовековые традиции [1, с. 51]. Таким образом, этот уникальный, не имеющий мировых аналогов промысел Татарстана обретает новую жизнь в современности, активно используясь в дизайне и искусстве.

История обработки кожи насчитывает тысячелетия. Известны такие техники, как тиснение, выжигание и шитье по коже. Однако техника кожаной мозаики, не свойственная другим народам, не встречается в археологических материалах. Например, при раскопках в Казанском Кремле и в Булгаре находили обувь, декорированную тиснением. Примечательно, что орнаменты татарской кожаной мозаики имеют поразительное сходство с узорами, обнаруженными в древних курганах Алтая [1, с. 117]. В Пазырыкских курганах были найдены образцы мозаики, но выполненные на мехе. Технология шва казанской узорной обуви была детально изучена и описана С. А. Давыдовой. Она также провела исследование распространения этой техники в иных регионах, что позволило дать высокую оценку мастерству казанских умельцев [2, с. 230]. Своеобразный «казанский шов» известен у казанских татар с конца XVIII века. В это время производство узорной обуви с его применением было сосредоточено в крупных сёлах [3].

Долгое время, существуя как домашнее ремесло в татарских деревнях, шитье ичигов с начала XIX века перерастает в организованный промысел. Его расцвет был во многом предопределён бурным развитием кожевенной промышленности в Поволжье с середины XVIII века. Уже в первой половине XX века казанские промышленники успешно представляли свои товары на международных выставках, например, в 1925 году на Всемирной выставке в Париже были представлены, татарские ичиги, выполненные в технике кожаной мозаики.

Золотное шитье, широко распространённое в разных губерниях России, представляет собой особый тип ремесленной традиции. В Торжке и Нижегородской губернии на протяжении столетий применялась приемы работы с драгоценными нитями, позволявшие добиваться эффекта объёмного, мерцающего узора. Археологические находки подтверждают древность этого ремесла: при раскопках на территории бывшего Кремля были найдены кожаные фрагменты XII-XIII веков, украшенные золотными нитями, которые, как полагают исследователи, могли выполнять функцию денежных знаков. Наибольшего расцвета искусство золотого шитья достигло в XVIII-XIX веках. В этот период торжжские вышивальщицы получили известность далеко за пределами Тверской губернии. Созданные ими изделия украшали головные уборы, сапоги, кафтаны, церковные облачения, праздничные костюмы и даже царское платье. Этот промысел объединял виртуозное техническое мастерство и высокую художественную культуру. В торжжской вышивке золотом преобладали растительные мотивы, нередко дополнявшиеся изображениями животных и птиц, а также декоративными орнаментами. Особый интерес

представляет техника «литого кованого» шва, при которой золотые нити укладывались столь плотно, что готовая поверхность напоминала сплошную металлическую пластину. Работа эта была крайне трудоёмкой: на вышивку каждого квадратного сантиметра уходило около двух часов [4].

Кружевоплетение – ещё одна значимая страница в истории русских ремёсел. Вологодское, елецкое, мценское, вятское кружево демонстрируют поразительное разнообразие техник и орнаментальных решений. Каждый локальный центр выработал собственную стилистику, узнаваемую по рисунку плетения, соотношению фона и узора, ритмической организации орнамента. При этом кружевоплетение оставалось живой традицией, передаваемой по женской линии и бытовавшей как в форме домашнего рукоделия, так и в виде организованного промысла [5, с. 38-53]. Например, в Ельце и прилегающих территориях в дореволюционный период изготавливали белое кружево двух разновидностей – мерное (аршинное) и штучное. Мерное кружево всегда оставалось востребованным, менялись лишь рисунки. Штучная продукция – покрывала, скатерти, салфетки, дорожки, воротники, блузы – отличалась большим разнообразием и быстрее следовала веяниям времени. Ассортимент елецких мастериц был чрезвычайно широк. Их усердие, дарование и мастерство, воплощённые в изящнейших кружевах, завоевали признание во всем мире.

Впервые европейская публика увидела удивительные изделия елецких кружевниц на Всемирной выставке в Вене в 1873 году, где они произвели настоящий фурор и удостоились лестных отзывов как от профессионалов, так и от обычных посетителей. Спустя почти десятилетие, в 1882 году, елецкие кружева экспонировались на Московской выставке и получили диплом за богатство ассортимента и безупречное качество.

Период формирования кружевного дела в Елецком уезде пришёлся на 1880–1883 годы. Согласно исследованиям, С. А. Давыдовой, в 1880 году в 17 губерниях России, занимавшихся кружевоплетением, трудилось 32 тысячи мастериц. При этом в одном только Елецком уезде их насчитывалось 11 тысяч 607 человек – более трети всех кружевниц страны. К этому времени Елец превратился в ключевой центр производства и сбыта кружевных изделий [6].

Данные примеры показывают, что традиционные ремесла представляют собой не просто совокупность технологических приёмов, но целый культурный код, в которых закодированы эстетические предпочтения, мировоззренческие установки и историческая память народов России.

Проблема сохранения ремесленных традиций осложняется разрывом между уходящим поколением носителей и молодёжью, зачастую не видящей перспектив в освоении «архаичных» профессий. Музеефикация ремесла, то есть консервация образцов и описаний техник, сохраняет знание, но не обеспечивает его живого бытования. Необходимы стратегии, возвращающие традиционному ремеслу актуальность в глазах молодого поколения.

Одним из наиболее перспективных направлений представляется интеграция ремесленных техник и орнаментики в современную индустрию

моды и дизайна одежды. Такой подход решает сразу несколько задач. Во-первых, он создаёт экономическую основу для ремесленной деятельности: изделия, выполненные в традиционных техниках, обретают рыночную нишу. Во-вторых, происходит передача навыков: молодые мастера осваивают техники не как музейный экспонат, а как рабочий инструмент для создания востребованного продукта. В-третьих, включение традиционных элементов в современный костюм способствует формированию культурной идентичности.

Российские дизайнеры активно осваивают это направление. В коллекциях последних лет можно наблюдать обращение к традиционным техникам и мотивам в новом прочтении. Например, ярким примером интеграции ремесленных традиций в современную моду служит творчество Алены Ахмадуллиной. В конце 2024 года она открыла в ГУМе концептуальный проект «Хохлома х Алена Ахмадуллина», инициированный при поддержке правительства Нижегородской области. Это беспрецедентный опыт создания целостной среды, объединяющей одежду, аксессуары, мебель и предметы интерьера, целиком основанной на хохломском промысле. Особую ценность проекту придаёт то, что часть коллекции расписана художницами фабрики «Хохломская роспись» - непосредственными носителями традиции [7]. Дизайнер не впервые обращается к народным мотивам: на протяжении всей карьеры она изучает архивы и сотрудничает с мастерами, видя в этом свою творческую миссию по сохранению традиций России.

Основоположником этого направления в отечественной моде по праву считается Вячеслав Зайцев. Ещё в начале творческого пути он экспериментировал с элементами Павлово-Посадских платков, а впоследствии его коллекции в русском стиле с успехом демонстрировались на подиумах США, Европы и Японии. Особого внимания заслуживают созданные модельером сценические образы для Людмилы Зыкиной, где золотое шитье и бисер сочетались с кристаллами Сваровски, представляя синтез высокой моды и ремесленной традиции [8]. Наследие Зайцева продолжает жить: современные студенты создают коллекции по его эскизам 60-летней давности, используя вышивку и аппликацию.

Активно переосмысливают ремесленное наследие и региональные бренды. Дизайнер Ксения Новикова из Иванова в сотрудничестве с комбинатом «Шуйские ситцы» создаёт коллекции на основе орнаментов, восстановленных по образцам из Музея ивановского ситца XIX века. В её работах также находят отражение мотивы городецкой росписи [9].

Татарстанский бренд «Люси» под руководством Лилии Галимуллиной экспериментирует с казанским швом – техникой, известной с XV века. Дизайнер сознательно сотрудничает с домашними мастерскими и ремесленниками, сохраняющими это наследие, адаптируя древние приёмы к современной моде и подчёркивая важность женской преемственности в передаче традиций [10].

Бренд «BRAND BRAMA» из Комсомольска-на-Амуре, основанный Татьяной Брамарецкой, избрал необычный путь: его миссия – вывести

народные промыслы из музеев в городскую среду, соединяя традиции с эстетикой киберпанка и уличной моды. В коллекциях гжель встречается с элементами современного урбанистического стиля, что находит живой отклик у молодёжи [11].

Таким образом, современные российские дизайнеры не просто цитируют традиционные орнаменты и техники, но и вступают в диалог с культурным наследием, обеспечивая его актуализацию и передачу накопленного опыта следующим поколениям. Важно подчеркнуть, что такая работа не сводится к простому цитированию. Подлинное сохранение традиции происходит тогда, когда дизайнеры и мастера вступают в диалог: изучают технологию, адаптируют её к современным материалам и запросам, но сохраняют сущностные принципы формообразования и орнаментации. В этом процессе традиция продолжает жить, обретая новые смыслы и оставаясь востребованной.

Традиционные промыслы и ремесла составляют неотъемлемую часть нематериального культурного наследия России. Они сохраняют многовековой опыт, технологические знания и культурные коды, определяющие своеобразие национальной культуры.

Список литературы:

- 1.Валеева-Сулейманова, Г. Ф., Декоративное искусство Татарстана (1920-е – начало 1990-х гг.) / Г. Ф. Валеева-Сулейманова. – Казань: Фэн, 1995. – 51,117 с.
- 2.Давыдова, С.А. Казанская и татарская работа в тачку. Кустарная промышленность России. Женские промыслы. / С.А. Давыдова. – СПб, 1913. – 230 с.
- 3.Марданова, Ф.Ф. Казанский шов / Ф.Ф. Марданова, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tatcultresurs.ru/onkn/kazanskiy-tatarskiy-shov> (дата обращения 17.02.26)
- 4.Золотное шитье, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://xn--b1agegmrba9a2d.xn--p1ai/statji/59-istoriya-i-tehniki-zolotnogo-shitya/>(дата обращения 17.02.26)
- 5.Давыдова С. А. Кружевной промысел в губерниях Орловской, Вятской, Казанской и Вологодской: исслед. С. А. Давыдовой. - Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1886. - С. 38-53.
- 6.Липецкая областная универсальная научная библиотека, Елецкие кружева: история ремесла [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lib48.ru/kray/kultura/eletskie-kruzheva-istoriya-remesla/> (дата обращения 18.02.26)
- 7.Гум, новости: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gum.ru/news/35837408/05.12.2024/> (дата обращения 18.02.2026)
- 8.Ярмарка мастеров, Вячеслав Зайцев и его стиль: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.livemaster.ru/topic/94917-vyacheslav-zajtsev-i-ego-russkij-stil?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения 18.02.2026)

- 9.PROOfashion.ru / журнал и портал о моде для профессионалов, «Шуйские ситцы» :[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://profashion.ru/fashion/design/shuyskie-sittsy-i-kseniya-novikova-predstavili-adaptivnuyu-kapsulu/> (дата обращения 19.02.2026)
- 10.Новости «Инде», Бренд Lusi :[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inde.io/news/99757-brend-lusi-vypustil-kollektsiyu-vdohnovlennuyu-tatarskim-ukrasheniem-hasite/> (дата обращения 19.02.2026)
- 11.АО «Российский экспортный центр», История успеха BRAND BRAMA: русская мода с характером получила сертификат «Сделано в России» :[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.exportcenter.ru/press_center/istoriya-uspekha-brand-brama-russkaya-moda-s-kharakterom-poluchila-sertifikat-sdelano-v-rossii/#modal-ask-question-widget(дата обращения 19.02.2026)
- 12.Семерицкая О.В, Нематериальное наследие народных художественных промыслов: :[Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nematerialnoe-nasledie-narodnyh-hudozhestvennyh-promyslov> (дата обращения 18.02.2026)
- 13.Мусина Р. Р. Народные художественные промыслы как часть нематериального культурного наследия России // Энциклопедия нематериального культурного наследия России: Посвящается Году культурного наследия народов России / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. М.: Институт Наследия, 2022. С. 368-384.
- 14.Василенко В. М. Народное искусство: избранные труды о народном творчестве ХХХ вв. М.: Советский художник, 1974. 294 с.

Бабаян Эллен Гайковна

1 МД-35

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Babayan Ellen

Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ГОРБАЧЕВ И РАСПАД СССР: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается роль М. С. Горбачёва как ключевой фигуры в процессе распада Советского Союза. Анализируется комплекс причин, приведших к данному геополитическому событию, через призму трёх основных аспектов: экономического, политического и культурно-идеологического. Рассматривается, как непоследовательные внутренние реформы («Перестройка»), выразившиеся в экономической либерализации без создания новой системы и демонтаже однопартийной власти, сочетались с внешним фактором — целенаправленной стратегией администрации США во главе с Р. Рейганом, направленной на подрыв советской экономики и военного потенциала. Особое внимание уделяется влиянию политики «Гласности» на эрозию официальной идеологии, рост националистических движений в союзных республиках и утрату общей национальной идентичности. Делается вывод о том, что распад СССР стал следствием взаимного усиления системного кризиса, стратегических просчётов советского руководства и мощного внешнего давления, где личные действия Горбачёва выступили катализатором необратимых процессов.

Ключевые слова: СССР, М. С. Горбачёв, распад СССР, Перестройка, Гласность, холодная война, Рональд Рейган, системный кризис, парад суверенитетов, Ново-Огаревский процесс, идеология, экономические реформы.

GORBACHEV AND THE COLLAPSE OF THE USSR: THE INTERTWINING OF ECONOMICS, POLITICS, AND CULTURE

Summary: This article examines the role of Mikhail Gorbachev as a key figure in the collapse of the Soviet Union. It analyzes the complex causes that led to this geopolitical event through the prism of three main aspects: economic, political, and cultural-ideological. It examines how inconsistent domestic reforms (Perestroika), which resulted in economic liberalization without creating a new system and dismantling one-party rule, combined with an external factor—the deliberate strategy of the US administration led by Ronald Reagan aimed at undermining the Soviet economy and military potential. Particular attention is paid to the impact of Glasnost on the erosion of official ideology, the growth of nationalist movements in the Soviet republics, and the loss of a common national identity. The conclusion is that the collapse of the USSR was the result of a mutually reinforcing systemic crisis,

strategic miscalculations by the Soviet leadership, and powerful external pressure, with Gorbachev's personal actions acting as a catalyst for irreversible processes.

Keywords: USSR, M.S. Gorbachev, collapse of the USSR, Perestroika, Glasnost, Cold War, Ronald Reagan, systemic crisis, parade of sovereignties, Novo-Ogaryovo process, ideology, economic reforms.

Конец XX века стал свидетелем одного из самых значительных геополитических событий современности — распада Советского Союза. В центре этого исторического катаклизма находился Михаил Сергеевич Горбачёв, последний лидер СССР, чья политика стала катализатором процессов, приведших к исчезновению сверхдержавы [1]. Его фигура и по сей день вызывает ожесточённые споры: был ли он реформатором, пытавшимся спасти страну, или же могильщиком великой империи. Чтобы понять масштаб произошедшего, необходимо рассматривать этот процесс как сложное переплетение экономических, политических и культурных факторов, где личные действия лидера наложились на системные кризисы и мощное внешнее давление.

Экономика Советского Союза к середине 1980-х годов переживала глубокий системный кризис. Неэффективная плановая система, истощение ресурсов экстенсивного развития и растущая зависимость от экспорта сырья, в первую очередь нефти, сделали страну крайне уязвимой. Администрация президента США Рональда Рейгана, как подробно описывается в работах Питера Швейцера, сделала ставку на подрыв советской экономики [3]. Ключевым элементом этой стратегии стало обрушение мировых цен на нефть. В 1985 году Саудовская Аравия, действуя в согласование с США, резко увеличила добычу, что привело к падению цены с 30 до 12 долларов за баррель. Для СССР это обернулось потерей двух третей валютных поступлений, что подорвало и без того напряжённый бюджет. Одновременно США ужесточили технологическую блокаду, ограничив доступ к западным технологиям, и развернули новую виток гонки вооружений, в том числе программу СОИ. Советская экономика, работавшая на пределе, была вынуждена тратить колоссальные ресурсы на асимметричный ответ, что вело к её дальнейшему истощению.

Внутренние экономические реформы Горбачёва, известные как «Перестройка», не смогли остановить надвигающийся коллапс. Попытки ввести элементы рыночной экономики, такие как «Закон об общих началах предпринимательства граждан СССР» 1991 года, оказались непоследовательными и половинчатыми. Они дезорганизовали старую плановую систему, не создав новой, что привело к резкому спаду промышленного и сельскохозяйственного производства, тотальному дефициту товаров и росту социального недовольства. Экономический кризис подрывал веру в способность центральной власти управлять страной и питал центробежные силы в союзных республиках [2].

Политическая стратегия Горбачёва, направленная на демократизацию системы, в конечном счёте привела к её разбалансировке и потере контроля. Курс на «Гласность» снял табу с тем, десятилетиями находившихся под запретом: сталинских репрессий, преступлений партийной номенклатуры, экономических провалов. Это привело к эрозии коммунистической идеологии, бывшей цементирующей основой советского общества [1]. Ключевым политическим шагом стала отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в 1990 году. Это лишило партийный аппарат, бывший стержнем управления страной, его легитимной власти. Власть стала перетекать от центральных органов к вновь избранным Съездам народных депутатов и, что особенно важно, к республиканским лидерам.

Политика открытости высветила накопившиеся межнациональные противоречия, что вылилось в «парад суверенитетов». В республиках Прибалтики, Закавказья, на Украине и в Молдавии усилились движения за независимость. Принятие РСФСР в 1990 году Декларации о государственном суверенитете, где республиканские законы ставились выше союзных, нанесло смертельный удар по единству СССР. Попытка Горбачёва сохранить Союз в новой, децентрализованной форме — процесс в Ново-Огарево — была прервана Августовским путчем 1991 года. Слабость реакции Горбачёва на действия ГКЧП окончательно подорвала его авторитет и власть. Реальная политическая инициатива перешла к лидерам республик, в первую очередь к Борису Ельцину. Беловежские соглашения декабря 1991 года, упразднившие СССР и создавшие СНГ, стали логическим финалом этого процесса распада [3].

Культурный и идеологический кризис стал третьей важнейшей составляющей краха СССР. Политика «Гласности» не только позволила критиковать прошлое, но и вызвала к жизни мощные альтернативные идеологические проекты. В условиях открытости резко возросло влияние западных радиостанций, которые формировали привлекательный образ западного образа жизни и либеральной демократии. Внутри страны активизировались диссидентские и либерально-радикальные движения. Такие фигуры, как Андрей Сахаров и Александр Солженицын, предлагавшие проекты кардинального переустройства или даже расчленения страны, из маргиналов превратились в властителей дум. Горбачёвская риторика об «общечеловеческих ценностях» и «новом мышлении», прозвучавшая с трибуны ООН в 1988 году, по сути, отказывалась от классового подхода — основы марксистско-ленинской идеологии [1]. Это дезориентировало как партийный аппарат, так и рядовых граждан. Страна, десятилетиями жившая в условиях мобилизации и противостояния с «империей зла», внезапно лишилась чёткого образа врага и объединяющей национальной идеи. На смену ей пришли национализм и местнический интерес, разорвавшие единое идеологическое пространство.

Таким образом, роль Михаила Горбачёва в распаде СССР является трагической и неоднозначной. Он унаследовал страну с глубокими системными проблемами, требовавшими реформирования. Его искренним стремлением, вероятно, было «обновление социализма», а не его уничтожение. Однако его

действия — непоследовательные экономические реформы, ослабление центральной власти при отсутствии действенных федеративных институтов, идеологическая капитуляция перед западными ценностями — объективно привели к противоположному результату. Внешний фактор в лице агрессивной стратегии Рейгана создал критическое экономическое и политическое давление, но именно внутренняя политика Горбачёва создала условия, при которых это давление стало роковым. Он стал ключевой фигурой в распаде СССР не как злонамеренный разрушитель, а как реформатор, который, пытаясь лечить болезнь системы, не рассчитал дозу лекарства и не учёл сопротивляемость организма. Экономический крах, политическая дезинтеграция и культурно-идеологический кризис, вышедшие из-под контроля, слились воедино, положив конец советской империи. Его трагедия состоит в том, что стремление к переменам обернулось крахом того, что он стремился сохранить [2].

Список литературы:

- 1.Ильинский И.М. Как «дикий ковбой» Рейган и «новомысл» Горбачев уничтожали СССР (размышления над книгой П. Швейцера «Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря») // Знание. Понимание. Умение. — 2021. — №3. — С. 5-24.
- 2.Нищименко Е.С. М.С. Горбачёв, как ключевая фигура в распаде СССР // Казанский вестник молодых учёных. — 2021. — Т. 5. — № 3. — С. 200-202.
- 3.Сачев Р.С. Эпоха становления России после распада СССР // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2022. — № 12 (57). — Т.2. — С. 1-5.

Бабаян Эллен Гайковна

1 МД-35

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Babayan Ellen

Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ УСТОЕВ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Аннотация: В статье рассматриваются процессы трансформации экономических и социальных устоев российских городов в XVII–XVIII веках. Анализируются изменения, которые позволили России оторваться от средневековых традиций и перейти к новой системе городского устройства в эпоху Петровских реформ. Особое внимание уделяется сравнению городских институтов XVI и XVIII веков, выявлению направленности и характера произошедших изменений.

Ключевые слова: город, реформирование, указы, трансформация, новое время, Россия, Петр I, управление, предпринимательство.

TRANSFORMATION OF URBAN FOUNDATIONS IN 17TH-18TH CENTURY RUSSIA: FROM THE MIDDLE AGES TO THE NEW TIME

Summary: The article examines the processes of transformation of economic and social foundations of Russian cities in the 17th-18th centuries. It analyzes the changes that allowed Russia to break away from medieval traditions and move towards a new system of urban organization during the era of Peter the Great's reforms. Special attention is paid to comparing the urban institutions of the 16th and 18th centuries, and identifying the direction and nature of the changes that occurred.

Keywords: city, reform, decrees, transformation, modern times, Russia, Peter the Great, management, entrepreneurship.

В статье рассматриваются процессы трансформации городских устоев в России на протяжении XVII–XVIII веков. Этот период стал переломным моментом в истории российских городов, ознаменовавшим переход от средневековых форм организации к принципиально новой системе городского устройства, характерной для нового времени. Процессы урбанизации и модернизации городского пространства затрагивали все аспекты жизни горожан — от социального статуса и экономической деятельности до административного управления и правового положения.

Анализ социальной структуры российских городов показывает кардинальные изменения, произошедшие за два столетия. В начале XVII века города сохраняли традиционную сословную неоднородность, где основу составляли посадские люди — торговцы, ремесленники и промышленники,

несшие тягловые повинности [2, с. 4]. Значительная часть горожан проживала на землях феодалов, и лишь немногие были полностью свободными [5, с. 160]. Социальная мобильность была крайне ограничена, а переход из одного сословия в другой затруднен многочисленными правовыми барьерами. К концу XVIII века ситуация фундаментально изменилась с введением Регламента Главного магистрата 1721 года, установившего строгое сословное деление городского населения на "регулярных" и "нерегулярных" граждан [7]. Это законодательное нововведение закрепляло юридическое верховенство торгово-промышленной верхушки и создавало основу для формирования буржуазии европейского типа. Примечательно, что разделение на гильдии не только упорядочивало социальную структуру, но и способствовало профессионализации городского населения.

Исследование системы городского управления демонстрирует эволюцию от двойственной структуры к централизованной модели. В XVI–XVII веках управление характеризовалось сочетанием выборных органов местного самоуправления (земские и губные избы, старосты, целовальники) с доминирующей властью воевод как представителей центральной власти [1, с. 8]. Даже в экономически развитых городах элементы прямого государственного управления сохранялись вплоть до конца XVII века [1, с. 7]. Эта система отличалась значительным региональным разнообразием: в северо-западных городах, таких как Новгород и Псков, сохранялись элементы вечевых традиций, тогда как в новых городах Юга и Сибири преобладала жесткая воеводская власть. Петровские реформы кардинально изменили эту систему через создание Главного магистрата (1720) и городских магистратов (1721–1724), что ознаменовало переход к новой модели управления [7]. Хотя формально магистраты не подчинялись воеводам и губернаторам, последние сохраняли значительное влияние на их формирование и деятельность. Важной особенностью новой системы стало введение принципа коллегиальности в управлении городскими делами.

Рассмотрение прав и обязанностей горожан выявляет переход от обычного права к государственной регламентации. В начале рассматриваемого периода права и обязанности определялись преимущественно традициями посадской общины, основной обязанностью было несение тягла — системы налогов и повинностей [2, с. 5]. Городские общины обладали значительной автономией в решении местных вопросов, однако их права редко фиксировались в законодательных актах. К XVIII веку сложилась детально регламентированная система, где Регламент Главного магистрата подробно определял компетенцию городских органов, порядок выборов, обязанности должностных лиц [7]. Присяга бургомистров и ратманов, включавшая клятву верности "императорскому величеству", подчеркивала их подчиненность государственной власти, а не городской общине. Это отражало общую тенденцию усиления государственного контроля над всеми сферами жизни общества.

Изучение условий развития предпринимательства показывает трансформацию от традиционных промыслов к регламентированной экономике. В XVII веке условия для предпринимательства определялись местными традициями и жалованными грамотами, предоставлявшими отдельным городам торговые привилегии [1, с. 77]. Отсутствие цеховой организации по европейскому образцу ограничивало возможности для развития ремесленного производства. Экономическая жизнь городов регулировалась преимущественно местными обычаями и вотчинными правами. Петровская эпоха ознаменовалась активным вмешательством государства в экономическую жизнь городов через создание гильдий и введение европейской модели организации торговли и ремесла. Реформа Ратуши 1699 года заложила основы централизованного управления городскими финансами [4, с. 9-19], хотя и встретила вялую реакцию со стороны городов. Важным нововведением стало разделение городов на разряды по числу дворов, что позволяло дифференцировать налоговую политику и административное управление.

Особого внимания заслуживает трансформация городского пространства и инфраструктуры. В XVII веке российские города сохраняли традиционную радиально-кольцевую планировку с доминированием деревянной застройки. К концу XVIII века под влиянием европейских образцов началось активное каменное строительство, изменившее облик городов. Создание регулярных планов застройки, организация системы городского освещения, мощение улиц — все эти изменения отражали переход к новым стандартам городской жизни. Важную роль в этом процессе сыграло государственное регулирование строительства и создание специализированных органов архитектурного надзора.

Значительные изменения произошли в области городской культуры и образования. Если в начале XVII века грамотность была привилегией узкого круга лиц, то к концу XVIII века в городах создается сеть образовательных учреждений, включая цифирные школы, гарнизонные училища и профессиональные учебные заведения. Развитие печатного дела, появление первых газет и журналов, создание публичных библиотек способствовали формированию новой городской культурной среды. Эти процессы тесно связаны с общей европеизацией русского общества и ростом значения светской культуры.

На основании проведенного анализа можно предположить, что трансформация городских устоев в России XVII–XVIII веков носила комплексный характер. Основные изменения шли в направлении от средневековой организации с элементами общинного самоуправления к регламентированной государством системе управления нового времени. В социальной сфере произошел переход от неоднородной сословной структуры к строгой иерархии, закреплённой законодательно. В управлении на смену двойственной системе пришла централизованная магистратская система. Права и обязанности горожан трансформировались от общинной ответственности к государственной регламентации. Условия предпринимательства

эволюционировали от традиционных промыслов к регламентированной государством экономике.

Эти изменения заложили основу для дальнейшего развития российских городов в XVIII–XIX веках. Несмотря на сохранение многих традиционных элементов и сильную зависимость от государственной власти, петровские реформы создали институциональные предпосылки для модернизации городского устройства России и ее интеграции в европейское пространство нового времени. Трансформация городских устоев в рассматриваемый период стала важным этапом в процессе формирования современного российского государства и общества. Процессы, начавшиеся в XVII веке и получившие мощный импульс в петровскую эпоху, продолжали развиваться на протяжении всего XVIII столетия, определяя специфику русской урбанизации и создавая предпосылки для дальнейших преобразований городской жизни в имперский период.

Список литературы:

1. Фоменко, Р. В. Система управления городскими общинами в России в XVI–XVII вв. / Р. В. Фоменко // Вестник исторических исследований. – 2023. – № 4. – С. 45–58.
2. Упоров И. В. Правление городами в допетровской России: организационно-правовой аспект (XVI — начало XVIII вв.) // Научный аспект. 2024. № 6. С. 1–8.
3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. - М., 1879. 629 с.
4. Акишин М. О. Реформа Ратуши 1699 г.: проведение и итоги // Меньшиковские чтения. 2012. № 3 (10). С. 9–19.
5. Ключевский В. О. История сословий в России. - М., 1914. 289 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. 520 с.
7. Регламент (Устав) Главного магистрата от 16.01.1721 г. // Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 438–461.

Бабичев Леонид Андреевич

2 АВ-2с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Babichev Leonid

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТАТУИРОВКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В XX-XXI вв.

Аннотация: Данная статья анализирует масштабную эволюцию татуировки, рассматривая человеческое тело как динамичное «социальное полотно» и знаковый «текст» эпохи. Исследование прослеживает путь феномена от маргинальной «стигмы» и закрытой «визуальной биографии» к статусу высокого искусства и способу «приватизации» телесности. В тексте раскрывается идея психологической ценности тату как живой «карты памяти», позволяющей человеку конструировать собственный «персональный миф» в условиях глобального общества. Анализируется влияние алгоритмов социальных сетей на формирование «сетевой идентичности», где эстетическая ценность и визуальный код становятся инструментами личного бренда. Рассматривается воздействие культуры потребления на татуировку как коммерческий продукт, подчеркивая трансформацию человека в осознанный бренд-проект. В заключении обосновывается роль татуировки как инструмента преодоления кризиса идентичности и прогнозируется её дальнейшая интеграция с технологиями будущего.

Ключевые слова: Социальная культура, самопрезентация, стигматизация, татуировка, идентичность.

TATTOOING AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON IN THE 20TH-21ST CENTURIES

Summary: This article analyzes the extensive evolution of tattooing, examining the human body as a dynamic «social canvas» and an iconic «text» of the era. The study traces the phenomenon's evolution from marginal «stigma» and a closed «visual biography» to the status of high art and a means of «privatizing» the body. The article explores the psychological value of tattoos as living «memory maps», allowing individuals to construct their own «personal myth» in a globalized society. The influence of social media algorithms on the formation of a "network identity" is analyzed, where aesthetic value and visual code become tools of a personal brand. The influence of culture on the consumption of tattoos as a commercial product is examined, leading to the transformation of a person into a conscious brand project. The conclusion substantiates the role of tattoos as a tool for overcoming identity crises and predicts their further integration with future technologies.

Keywords: Socioculture, self-presentation, stigma, tattoos, identity.

В современной культурологии человеческое тело рассматривается не просто как биологический объект, а как своеобразный «текст» или социальное полотно, на котором фиксируются значимые смыслы эпохи. Так называемое «зеркало» культуры. Татуировка в этом контексте выступает мощным инструментом невербальной коммуникации. История этого феномена в XX–XXI веках — это путь масштабной трансформации: от социальной изоляции и «стигмы» (клейма) до формы высокого искусства [1, с.315]. Если в первой половине прошлого столетия общественный дискурс маркировал рисунки на коже как признак «неблагонадёжности», связывая их исключительно с закрытыми сообществами — флотом, армией или криминальным миром, то сегодня ситуация кардинально изменилась. Татуировка мигрировала из подполья в пространство высокой моды, галерей и цифровых платформ.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в эпоху визуальной культуры татуировка перестала быть знаком принадлежности к группе и превратилась в личный манифест. Она позволяет современному человеку «приватизировать» собственное тело, превращая его в уникальный проект и способ конструирования своей идентичности. В первой половине XX века татуировка существовала в основном внутри определённых сообществ и воспринималась как закрытый язык, непонятный для большинства. В это время она была не просто украшением, а своего рода личным удостоверением, по которому можно было определить, кто человек по профессии и какое место он занимает в обществе. Тело в буквальном смысле служило носителем важной информации. Наиболее ярко это проявилось в среде моряков и военных [2, с. 88]. Для моряков татуировка была тесно связана с суевериями и профессиональной гордостью.

Например, изображения свиньи и петуха на ногах считались оберегом, который должен был спасти при кораблекрушении, а якорь на руке доказывал, что моряк успешно пересёк океан. В этих условиях татуировка выполняла практическую задачу: она помогала опознать личность человека в случае гибели и подтверждала его опыт. В годы мировых войн рисунки на коже стали для солдат способом сохранить память о себе. Группа крови или название полка на руке были попыткой оставить хоть что-то личное и незыблемое в условиях суровой военной службы. Татуировка связывала человека с его прошлым и была тем немногим, что нельзя было отобрать. Параллельно с этим, в криминальном мире татуировка превратилась в настоящую наглядную биографию. Тело заключённого становилось картой его жизни: количество куполов на рисунке собора означало число сроков, а звезды на ключицах говорили о том, что человек не признает законы государства. В этот период татуировка была клеймом — меткой, которая навсегда отделяла человека от «приличного» общества. Люди с рисунками на коже воспринимались как опасные элементы, что сформировало в обществе страх перед татуировками, который сохранялся долгие десятилетия.

Серьёзные перемены начались во второй половине XX века. Татуировка перестала быть обязательным знаком группы и стала символом личного

протеста. Если ранее люди жили в обществе «других нас», то в современном мире можно говорить об обществе «я, лично я», где люди хотят выделиться и дифференцироваться, проявить свою индивидуальность. И в 1960–70-е гг., на волне движений хиппи и рок-революции, люди начали делать татуировки просто потому, что хотели заявить о своей свободе. Появление таких звёзд, как певица Дженис Джоплин, которая открыто носила татуировку-браслет, шокировало публику и одновременно сделало тату символом независимости. Традиционные якоря и сердца начали соседствовать с восточными узорами, которые хиппи выбирали в знак своего духовного поиска [3, с. 329]. В 1980-х гг. это движение подхватили панки. Для них татуировка стала способом бросить вызов обществу и его представлениям о красоте. Они сознательно выбирали грубые и агрессивные рисунки, чтобы показать своё отличие от обычных граждан. К концу XX века татуировка окончательно закрепились как способ самовыражения «поколения бунта». Теперь человек делал тату не потому, что «так положено» в его профессии или банде, а по собственному выбору. Тело перестало быть собственностью системы и превратилось в личную территорию, на которой каждый мог написать свою собственную историю. Это подготовило почву для того, чтобы в XXI веке татуировка стала частью моды и искусства.

Наступление XXI века ознаменовало собой начало совершенно новой эпохи в истории татуировки: превращение татуировки в искусство и массовую моду. Если раньше рисунок на теле был либо профессиональной меткой, либо символом протеста, то в новом тысячелетии границы окончательно стёрлись. Произошёл так называемый процесс «легализации»: татуировка вышла из подполья и тёмных студий в светлые просторные салоны, а затем — на подиумы высокой моды и страницы глянцевого журналов. Главным изменением стало то, что общество перестало воспринимать татуировку как угрозу или признак неблагонадёжности [4, с.47]. Сегодня человек с масштабными рисунками на руках может быть успешным врачом, юристом, государственным служащим или топ-менеджером. Рисунок на коже больше не мешает карьере, а, напротив, часто воспринимается как часть личного бренда и яркой индивидуальности. Этот переход от «метки изгоя» к «стильному аксессуару» стал возможен благодаря тому, что татуировка окончательно перешла в категорию изобразительного искусства. Современные мастера — это уже не просто ремесленники, а художники с профильным образованием, которые создают на коже сложнейшие полотна.

Огромную роль в этой трансформации сыграли технологии. В XXI веке оборудование стало высокоточным, а палитра красок практически безграничной. Это привело к появлению новых стилей, которые невозможно было представить в прошлом столетии. Например, стиль «реализм» позволяет переносить на кожу портреты, которые не отличить от фотографий, а «акварель» создаёт эффект лёгких брызг краски, как на бумаге. Татуировка стала технически совершенной, что привлекло к ней людей, которые раньше боялись «синих и грубых» рисунков старой школы. Ещё одним важным

фактором XXI века стала доступность информации. Благодаря интернету и социальным сетям, тату-культура стала глобальной. Теперь человек может выбрать мастера в другой стране, изучить его портфолио и заранее увидеть, как будет выглядеть будущий результат. Татуировка превратилась в продукт массового потребления, но при этом она не потеряла своей ценности как способ самовыражения. Напротив, сегодня тело воспринимается как «непрерывный проект»: человек на протяжении всей жизни может дополнять и изменять свои татуировки, отражая в них перемены в своём характере и взглядах на мир. Таким образом, в начале XXI века татуировка окончательно потеряла свой пугающий смысл и стала общепризнанным инструментом дизайна человеческой личности.

Для того чтобы понять, почему татуировка стала массовым явлением в XXI веке, необходимо заглянуть за пределы чисто визуального аспекта. Сегодня этот жест выполняет важные социальные и психологические задачи, помогая человеку определить своё место в быстро меняющемся мире. Мы можем выделить три ключевых направления, которые объясняют ценность татуировки для личности. Первое направление — это татуировка как способ возвращения контроля над телом. В современном обществе мы часто чувствуем давление стандартов: как мы должны выглядеть, сколько весить, какую одежду носить. В этом контексте татуировка становится актом «приватизации» собственного тела. Человек как бы заявляет: «Это тело принадлежит только мне, и я сам решаю, как оно будет выглядеть». Особенно ярко это проявляется в терапевтической татуировке, когда люди используют рисунки, чтобы скрыть шрамы, ожоги или последствия операций. Таким образом, татуировка помогает превратить «травму» в «искусство», а физический недостаток — в символ силы и победы над обстоятельствами. Второе направление — это создание личной «карты памяти». В эпоху цифровых технологий, когда фотографии и сообщения могут исчезнуть в один клик, татуировка остаётся самым надёжным способом фиксации смыслов. Для многих людей тело становится живым дневником. Здесь фиксируются не только важные даты или имена, но и целые философские системы.

Например, изображение определённых животных, растений или геометрических символов может означать пройденный жизненный этап или внутреннюю трансформацию. В культурологии это называется «созданием персонального мифа»: человек сам пишет свою биографию на коже, делая важные для него вещи вечными. Третье направление — это коммуникация и поиск «своих». Несмотря на то что татуировка стала массовой, она всё ещё помогает людям находить единомышленников [5, с.68]. Определённый стиль исполнения или тематика рисунка могут многое рассказать о музыкальных вкусах, политических взглядах или хобби владельца. Это своего рода визуальный код, который позволяет начать общение без слов. Татуировка превращается в мост между людьми, создавая новые формы общности в мире, где люди часто чувствуют себя одинокими. Таким образом, современная

татуировка — это сложный инструмент, который помогает человеку быть уникальным, помнить о главном и находить связь с окружающими.

Анализируя текущее состояние тату-индустрии, невозможно игнорировать влияние глобальных цифровых платформ. Социальные медиа не просто популяризировали рисунки на теле, но и радикально пересмотрели саму логику их выбора. Если в доцифровую эпоху эскиз рождался в ходе личного общения мастера и клиента, то сегодня этот процесс диктуется алгоритмами лент социальных сетей. Потребитель приходит в студию с готовым набором визуальных примеров, собранных по всему миру, что делает процесс татуирования частью глобального обмена образами. Такой технологический рывок спровоцировал значимый культурный сдвиг: эстетическая ценность стала преобладать над смысловой нагрузкой. В пространстве, где доминирует визуальный контент, татуировка всё чаще оценивается через призму фотогеничности.

Это дало импульс развитию специфических стилей, которые наиболее выигрышно смотрятся на экранах смартфонов: от предельно деликатной графики («fine line») до детального микрореализма [6, с.46]. Рисунок на коже теперь воспринимается как важный элемент сетевой идентичности и личного бренда, работающий на создание эффектного онлайн-образа. Более того, интернет-пространство окончательно разрушило локальные барьеры. Мастера больше не ограничены рамками своей региональной школы; происходит постоянное смешение стилей — например, переплетение восточных орнаментов с западным минимализмом. Татуировка превратилась в универсальный визуальный язык, который мгновенно адаптируется к новым трендам. Таким образом, современные медиа трансформировали татуировку из закрытого символа в открытый и динамичный продукт, который формирует облик современного человека в виртуальной и реальной среде. Также стоит отметить влияние гиперкоммерческой культуры на татуировку, как потребительский продукт. Татуированные знаменитости только подчёркивают впечатление о том, что мода на красочные «украшения для кожи» продаётся и продвигается, как и все остальное. Каждый человек является продуктом, который демонстрирует и продаёт себя в социальных сетях. Часто, украшая себя татуировками, люди, убеждены, что изображения они выбрали для себя сами. Упуская, что мода, реклама и внешние события, влияют на них намного сильнее. Человек в современном мире становится брендом.

Подводя итог, можно утверждать, что за последнее столетие татуировка совершила колоссальный эволюционный скачок. Она прошла путь от узкоспециализированного знака закрытых сообществ и «метки маргинала» до полноправного вида современного искусства и общепризнанного способа самовыражения. Мы проследили, как коллективная обязанность (носить знак своей группы) сменилась личным правом человека на художественное проектирование собственной внешности. Сегодня татуировка — это не просто дань моде, а сложный социокультурный инструмент. Она помогает современному человеку справляться с кризисом идентичности, сохранять

память о важных событиях в эпоху информационного шума и восстанавливать контроль над своим телом. Несмотря на то, что цифровые медиа усилили эстетическую сторону тату, её глубинная суть остаётся прежней: это попытка сделать личное — вечным, а внутреннее — видимым [7, с.46]. В будущем татуировка, вероятно, продолжит интеграцию с технологиями и высокой культурой, окончательно закрепившись в статусе одного из главных визуальных языков человечества. Тело человека в XXI веке перестало быть просто биологической данностью; оно превратилось в осознанный проект, на страницах которого каждый волен написать свою уникальную историю.

Список литературы:

1. Волкова, А.И. Татуировка как часть многовековой истории человечества // Внедрение передового опыта и практическое применение результатов инновационных исследований. – Уфа, 2021. – С. 312-324. № 8 (98) август, 2022 г.
2. Копылова, П.Э. Татуировка в истории культуры и медицины // Молодёжная наука и современность. – Курск, 2020. – С. 87-90.
3. Максименко, А.В. Молодёжная массовая культура как фактор выбора татуировки: социологический аспект вопроса // Перспективы развития сферы науки, техники и технологий в XXI веке. – Белгород, 2022. – С. 46-49.
4. Макиевская, Ю.Ю. Культура татуировки среди молодежи России и Китая // Наука и инновации – современные концепции. – Москва, 2020. – С. 66-72.
5. Хренова, М.В., Отургашева Н.В. Тату как элемент современного искусства // Интеллектуальный потенциал Сибири. – 2019. – С. 329-330.
6. Полторацкая, А. Татуировка как вид саморекламы // Журналист. Социальные коммуникации. – 2015. – № 3-4 (19-20). – С. 156-164.
7. Некипелова, В.А. Татуировка как популярный идентификационный символ XXI века // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2022. – № 3-2 (40). – С. 47-48.

Байкова Евгения Сергеевна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Baikova Evgenia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ ШОППИНГА: ПОКУПКА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация: В данной статье рассматривается феномен шопинга как важного социального явления современности. Походы по магазинам давно перестали быть просто способом приобретения вещей — сегодня они помогают многим людям справляться с внутренним беспокойством, страхом одиночества и чувством пустоты. С опорой на идеи философов-экзистенциалистов и психологов в работе показывается, каким образом потребление дарит временное спокойствие, радость. Шопинг создает иллюзию наполненности жизни и позволяет на время отвлечься от сложных вопросов бытия. Приобретение вещей становится простым и доступным способом поднять настроение и заглушить внутреннее беспокойство, даже если этот эффект длится недолго. Таким образом, шопинг превращается в своеобразный ритуал современного человека, позволяющий ему обрести островок стабильности в мире, полном неопределенности.

Ключевые слова: экзистенциальная тревога, шопинг, общество потребления, свобода, одиночество, иллюзия.

THE PSYCHOLOGY OF SHOPPING: BUYING AS A WAY TO OVERCOME EXISTENTIAL ANXIETY IN CONSUMER SOCIETY

Summary: This article examines shopping as an important social phenomenon in our time. Shopping has long ceased to be simply a way to acquire things — today, it helps many people cope with inner anxiety, the fear of loneliness, and feelings of emptiness. Drawing on the ideas of existentialist philosophers and psychologists, the paper demonstrates how consumption provides temporary peace and joy. Shopping creates the illusion of a fulfilling life and allows one to temporarily escape from the complexities of existence. Purchasing things becomes a simple and accessible way to lift one's mood and allay inner anxiety, even if the effect is short-lived. Thus, shopping becomes a kind of ritual for modern people, allowing them to find an island of stability in a world full of uncertainty.

Keywords: existential anxiety, shopping, consumer society, freedom, loneliness, illusion.

В современном мире потребление занимает особое место в жизни человека. Магазины, торговые центры, а также интернет-магазины — всё это стало неотъемлемой частью повседневной реальности. Почему процесс покупки для многих людей превращается в способ снятия стресса, улучшения настроения или даже в форму досуга? Возможно, ответ кроется не в ценности приобретаемых вещей, а в их символическом значении и способности временно заглушать глубинный страх человека перед одиночеством, бессмысленностью существования, экзистенциальной тревогой. Но что же такое экзистенциальная тревога? Философы-экзистенциалисты, такие как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, считали, что человек «заброшен» в мир без готовых смыслов, без инструкции [4, с. 45]. Мы сами ищем ответы, делаем выбор и несем за него ответственность — отсюда рождаются страх свободы и одиночества. В тишине, когда мы остаемся наедине с собой, приходят вопросы: «Кто я? Зачем живу? Что будет потом?». Это и есть экзистенциальная тревога. Мы знаем, что рано или поздно умрем, и это осознание создает глубокий внутренний дискомфорт, с которым мы пытаемся бороться [2, с. 114-116].

Философ и социолог Жан Бодрийяр в своих работах показывал, что мы живем в мире, где вещи значат больше, чем их простая функция. «Новое искусство жить, новый способ жить, современная повседневность, — говорит реклама, — заключается в умении сделать из шопинга приятное...» [1, с. 2]. Это «искусство» предлагает нам простую формулу: купи вещь — получи эмоцию, купи вещь — реши проблему, купи вещь — стань счастливее. В этом и проблема современной культуры потребления, так как покупка новой вещи, это всего лишь временная радость, временный эффект. Эффект потребления напоминает вспышку: она яркая, но быстро угасает. Как только заветная коробочка распакована, а товар интегрирован в нашу повседневность, эйфория обладания неизбежно идет на спад. Мы очень быстро привыкаем к новому уровню комфорта, и вчерашняя мечта становится сегодняшней обыденностью. Человек тратит ресурсы не на развитие, не на отношения и не на опыт, а на поддержание иллюзии, что счастье можно купить.

Шопинг становится идеальным бегством от экзистенциальной тревоги по нескольким причинам:

1. Иллюзия контроля. Жизнь непредсказуема: мы не можем контролировать здоровье, отношения, будущее. Но в магазине мы — короли. Мы можем выбирать, примерять, сравнивать и принимать окончательное решение. Процесс выбора и покупки создает у нас приятную иллюзию, что мы всё контролируем.

2. Заполнение пустоты. Когда мы чувствуем душевную пустоту, то пытаемся заполнить её чем-то материальным. Новая вещь на время занимает наши мысли. Распаковка покупки, ее изучение — это ритуал, который отвлекает мозг от грустных вещей, замещая чем-то материальным.

3. Поиск идентичности. На вопрос «Кто я?» очень трудно ответить. Но общество потребления предлагает простой ответ: «Ты — это то, что ты покупаешь». Покупая вещи определенных брендов, мы словно примеряем на себя готовые маски. «Я — человек с дорогим телефоном», «Я — ценитель редкого кофе». Настоящее преодоление тревоги лежит в честном принятии себя, в поиске своего истинного призвания и в построении глубоких отношений с близкими людьми.

Но почему это работает ненадолго? Философский парадокс шопинга заключается в том, что он не решает проблему, а лишь маскирует её. Экзистенциальная тревога — это часть человеческой природы, от нее нельзя избавиться навсегда, купив новую вещь.

Эффект от покупки быстро проходит, пустота всегда рано или поздно возвращается обратно. Человек попадает в замкнутый круг: тревога-покупка новой вещи-временное облегчение-разочарование и стыд за потраченные деньги.

Эрих Фромм в своей фундаментальной работе «Иметь или быть?» предлагает взглянуть на два глубинных способа существования человека. Первый — «Иметь» — это отношение к миру через стремление превратить всё в объект владения, сделать своей собственностью. Второй — «Быть» — означает подлинную причастность к миру, жизнелюбие и раскрытие себя через любовь, творчество и развитие личности [5, с. 10-15]. Шопинг в этом контексте выступает ярчайшим проявлением «Иметь». Человек пытается собрать себя извне, приобретая новые вещи, но это лишь создает иллюзию полноценной жизни, уводя от истинной внутренней работы, которая свойственна термину «Быть». И здесь мы возвращаемся к парадоксу, описанному Бодрийяром: это прямое следствие подмены «бытия» «обладанием» [1, с. 16]. Термин «Иметь» по Фромму ненасытен - он требует постоянно удерживать, накапливать, он никогда не дает чувства защищенности. Когда мы покупаем вещь в попытке обрести счастье, мы действуем по логике обладания: надеемся, что обладание вещью наполнит нашу жизнь смыслом. Но смысл, как и подлинная радость, рождается только в процессе «Бытия» - в деятельности, в творчестве, в любви, в живом контакте с миром. [6, с. 20-30].

Сёрен Кьеркегор, основоположник экзистенциализма, показал: тревога — неотъемлемое условие человеческого существования. Она рождается из самой нашей свободы, из необходимости постоянно делать выбор и нести за него ответственность. Чем больше человек осознаёт свои возможности, тем сильнее может быть его тревога. Стать подлинным собой можно, лишь встретившись с этим чувством лицом к лицу, а не прячась от него. Заглушая тревогу внешними средствами, будь то шопинг или другие способы убегания от реальности, человек лишь усугубляет её, загоняя проблему внутрь. Здесь мы сталкиваемся с еще одним важным измерением потребительской культуры. Реклама и индустрия развлечений не случайно обещают нам покой, уверенность и счастье через обладание вещами. Они предлагают следующее: отдай деньги — и

временно избавься от гнетущих чувств пустоты и беспокойства. В результате тревога не исчезает, а трансформируется. Она уходит вглубь, в тело, в чувство неудовлетворенности, которое заставляет нас снова и снова идти в магазин в поисках очередной дозы успокоения. Истинное же преодоление тревоги, о котором говорит Кьеркегор, лежит в мужественном принятии своей конечности, одиночества и свободы, в принятии себя, в поиске своего истинного призвания и в построении глубоких отношений с близкими людьми – то есть там, где не работает простая формула «купи – и станешь счастливее». [3, с. 111-113].

Итак, шопинг в наши дни — это уже не просто поход за необходимым, а полноценный социально-психологический феномен. Вещи становятся временным убежищем от самых глубоких человеческих страхов: страха смерти, одиночества и ощущения бессмысленности существования. Современная культура потребления предлагает человеку иллюзию контроля над жизнью и готовые шаблоны для ответа на вопрос «кто я?» — теперь идентичность легко собирается из брендов и покупок. Однако, следуя логике Фромма, подлинная жизнь реализуется не в накопительстве, а в творчестве, любви и построении глубоких отношений, где человек раскрывается настоящим. Вспоминая Кьеркегора, можно сказать: единственный путь к себе лежит через смелость встретить свою тревогу, а не через попытки заглушить её очередной покупкой, которая приносит лишь временное облегчение.

Список литературы:

- 1.Бодрийяр, Ж. общество потребления / пер. с франц. Е. А. Самарской. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с.
- 2.Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. Драбкиной. — Москва: Класс, 2021. — 574 с.
- 3.Леонтьев, Д. А. «Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться» Консультативная психология и психотерапия. — М., 119 с.
- 4.Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. — Москва: АСТ, 2019. — 160 с.
- 5.Фромм, Э. Иметь или быть? / пер. с англ. Э. Телятниковой. — Москва: АСТ, 2022. — 320 с.
- 6.Фромм, Э. Искусство любить / пер. с англ. Л. Чернышёвой. — Москва: АСТ, 2020. — 32 с.

Бакиров Тимур Сергеевич

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Bakirov Timur

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТ ПРУССКОГО МУНДИРА К МИЛИТАРИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В КАЛИНИНГРАДЕ

Аннотация: В статье рассматривается прусский мундир как исторический символ военной дисциплины Восточной Пруссии и его отражение в культурной среде современного Калининграда. Анализируются особенности мундира XVIII–XIX веков, его роль в военной и социальной жизни региона, а также сохранение военного наследия через форты, музеи и мемориальные комплексы. Особое внимание уделено восприятию этих объектов современными жителями и влиянию исторического наследия на локальную идентичность. Работа показывает, как военная традиция трансформируется в современном контексте и проявляется в модном направлении милитари.

Ключевые слова: прусский мундир, Восточная Пруссия, Калининград, военная культура, военное наследие, локальная идентичность, милитари.

FROM THE PRUSSIAN MILITARY UNIFORM TO MILITARIA: THE HISTORICAL HERITAGE OF EAST PRUSSIA IN KALININGRAD

Summary: This article examines the Prussian military uniform as a historical symbol of discipline in East Prussia and its reflection in the cultural environment of modern Kaliningrad. It analyzes the uniform's characteristics in the 18th–19th centuries, its role in military and social life, and the preservation of military heritage through forts, museums, and memorial complexes. Special attention is given to how contemporary residents perceive these sites and how historical legacy shapes local identity. The study also considers the transformation of military tradition into contemporary contexts, including the influence on the fashion style known as *militaria*.

Keywords: Prussian military uniform, East Prussia, Kaliningrad, military culture, military heritage, local identity, *militaria*.

История Калининградской области представляет собой уникальный пример трансформации политического, культурного и символического пространства. Территория бывшей Восточной Пруссии, на протяжении нескольких столетий являвшаяся важнейшим регионом Прусского государства, после 1945 года вошла в состав СССР, а затем Российской Федерации. Эта смена государственно-политической принадлежности сопровождалась радикальной трансформацией населения, идеологического дискурса и

культурных ориентиров. Тем не менее материальное и символическое наследие прежней эпохи продолжает присутствовать в пространстве современного Калининграда. Одним из выразительных элементов этого наследия выступает прусская военная традиция, воплощённая, в частности, в образе военного мундира. Анализ его особенностей и последующей трансформации позволяет проследить, каким образом военный код Восточной Пруссии оказался включён в культурное пространство современного региона.

Прусский мундир формировался в XVIII веке в условиях становления Пруссии как милитаризированного государства. Реформы Фридриха Вильгельма I и Фридриха II закрепили за армией центральное место в государственной системе, а военная служба стала важнейшим социальным институтом. Униформа приобретала не только практическое, но и символическое значение, выражая дисциплину, иерархию и государственный порядок. Эволюция прусского мундира в XVIII – первой половине XX века отражает изменения военной тактики и трансформацию представлений о роли армии в обществе.

В XVIII столетии основу обмундирования составлял длинный кафтан из плотного сукна темно-синего цвета, ставшего характерной особенностью прусской армии. Крой отличался прямоотой линий и жёсткостью силуэта: мундир плотно прилегал в плечах, имел высокий стоячий воротник, широкие обшлага и длинные полы. Узкая цветная отделка по краю воротника и манжет обозначала принадлежность к конкретному полку. Металлические пуговицы и ременное снаряжение усиливали ощущение регламентированности внешнего вида. Головным убором служили треуголки, а в гренадерских частях – высокие шапки с жесткой передней пластиной. Подобная конструкция формы соответствовала требованиям линейной тактики и строгой строевой организации армии XVIII века.

В XIX веке мундир претерпел заметные изменения. После военных реформ начала столетия и особенно после объединения Германии в 1871 году была закреплена более унифицированная система формы. Основным элементом стал укороченный китель из тёмно-синего сукна с четко обозначенной линией талии, стоячим воротником и рядом металлических пуговиц по центру. Крой стал более приталенным, подчеркивая выправку фигуры. Существенным нововведением стало распространение кожаного шлема с металлическим остриём – пикельхельма, введенного в 1840-х годах. Он стал одним из наиболее узнаваемых символов прусской и затем германской армии. Погоны и эполетные знаки различия получили четкую систему обозначения чинов и родов войск. Форма этого периода сочетала технологическую стандартизацию производства и сохранение выраженной внешней строгости.

В первой половине XX века, особенно в период Первой мировой войны, произошёл переход к более практичной полевой форме. Тёмно-синий цвет постепенно уступил место серо-зеленой гамме, более соответствовавшей условиям боевых действий. Китель стал короче и свободнее по крою, появились накладные карманы для размещения снаряжения. Стоячий воротник

был заменён более удобной конструкцией. Пикельхельм в условиях фронта оказался непрактичным и был заменен стальным шлемом, обеспечивавшим лучшую защиту. Облик военной формы стал определяться прежде всего функциональностью и приспособленностью к требованиям индустриальной войны

После Второй мировой войны и передачи северной части Восточной Пруссии Советскому Союзу регион оказался включён в совершенно иную политическую и культурную систему. Значительная часть прежнего населения покинула территорию, а новые жители прибыли из различных регионов СССР. Несмотря на разрыв демографической и культурной преемственности, материальная среда – фортификационные сооружения, планировка города, архитектурные элементы – сохранила черты прусского прошлого. Военная составляющая, таким образом, продолжила существовать в пространстве, хотя и в изменённом символическом контексте.

Советский период придал региону новое военное значение. Калининградская область стала важным стратегическим пунктом на Балтийском направлении. Военная инфраструктура продолжала играть значительную роль, однако идеологическое содержание военного символизма изменилось. Если прусская традиция акцентировала дисциплину и монархическую государственность, то советская военная культура строилась на иных идеологических основаниях. Тем не менее визуальная строгость формы, подчёркнутая функциональность и лаконичность силуэта сохранялись как устойчивые характеристики военного костюма.

В более широком культурном контексте военный образ постепенно трансформировался и в гражданской сфере. В XX веке элементы военной формы стали частью повседневной моды. Пальто прямого кроя, двубортные жакеты, металлическая фурнитура, погоны, чёткая линия плеча — всё это вошло в стилистику направления, получившего название милитари. Данный стиль опирается на исторические формы военной одежды различных стран, включая Пруссию. Таким образом, можно говорить о культурной трансформации военной униформы: из символа государственной дисциплины она превратилась в элемент массовой визуальной культуры.

Особое значение в контексте исследования имеет современное городское пространство Калининграда. На территории города сохранилось значительное количество оборонительных сооружений XIX века – форты, бастионы, городские ворота, элементы крепостного кольца Кёнигсберга. Эти объекты интегрированы в культурную среду региона и используются как музейные и выставочные площадки. Одним из наиболее показательных примеров является Форт № 5 – памятник фортификационной архитектуры, входящий в структуру Калининградского областного историко-художественного музея. В его экспозиции представлены документы, фотографии, личные вещи участников боёв 1945 года, образцы вооружения и материалы, посвящённые обороне и штурму Кёнигсберга. Пространство форта позволяет посетителям

непосредственно соприкоснуться с военной историей региона, что усиливает её эмоциональное восприятие.

Схожую функцию выполняет музей «Бункер», расположенный в бывшем командном пункте обороны города. Воссозданная обстановка последних дней штурма Кёнигсберга, архивные документы и предметы военного времени формируют эффект присутствия и способствуют персонализации исторического опыта. В подобных пространствах военная история перестаёт быть абстрактным нарративом и приобретает конкретное измерение человеческих судеб.

Военное наследие региона существует не только в архитектуре и музейных коллекциях, но и в общественном сознании. Современное население Калининградской области, не имея прямой генеалогической связи с Восточной Пруссией, живёт в пространстве, насыщенном следами прошлых эпох. Повседневное взаимодействие с фортификационными объектами, мемориальными комплексами и историческими реконструкциями формирует особый тип региональной идентичности. Эта идентичность складывается на пересечении нескольких исторических пластов – прусского, советского и российского. Военный код, присутствующий в архитектуре и культурной памяти, становится частью локального самовосприятия.

Жизнь в Калининграде сопряжена с осознанием особого геополитического положения региона. Стратегическая значимость области, сохраняющаяся и в настоящее время, усиливает ощущение её специфического статуса. В этом контексте военная история перестаёт восприниматься исключительно как прошлое и приобретает черты актуального культурного фактора. Для многих жителей военные объекты становятся элементами городской среды, определяющими атмосферу и характер пространства.

Таким образом, прусский мундир можно рассматривать как отправную точку для анализа более широкой исторической и культурной динамики. Возникший в условиях милитаризованного государства XVIII века, он стал символом дисциплины и структурированности общественного порядка. В последующие эпохи его визуальные и идеологические элементы трансформировались, переходя из военной сферы в гражданскую культуру и становясь частью современного визуального языка. В Калининграде эта трансформация приобретает особую глубину, поскольку военный код здесь представлен одновременно как историческое наследие Восточной Пруссии, как советская память о войне и как элемент современной региональной идентичности. В результате образ военной формы выходит за рамки узко исторического феномена и становится инструментом осмысления сложной многослойной истории региона.

Список литературы:

1. Губин, А. Б., Строкин, В. Н. Очерки истории Кёнигсберга. – Калининград: Калининградское книжное издательство, 1991. – 352 с.

- 2.Кретинин, Г. В., Брюшинкин, В. Н., Гальцов, В. И. Очерки истории Восточной Пруссии. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. – 416 с.
- 3.Администрация ГО «Город Калининград» (сост.) Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца Второй мировой войны: Исторические очерки, документы, материалы. – Калининград, 1996. – 538 с.

Балина Евгения Евгеньевна

1 АД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Balina Evgeniya

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТАНОВЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Статья посвящена процессу становления Калининградской области после Второй мировой войны. Рассматриваются демографические изменения, экономическая перестройка региона, культурная интеграция и формирование новой идентичности. Особое внимание уделяется методам интеграции бывшего немецкого анклава в советское пространство, формированию социальной, экономической и политической инфраструктуры, а также влиянию этих процессов на современный облик региона.

Ключевые слова: Калининградская область, Восточная Пруссия, переселение населения, экономика, идентичность, советская политика, культура.

THE FORMATION OF THE KALININGRAD REGION

Summary: The article examines the formation of the Kaliningrad region after World War II. Demographic shifts, economic reconstruction, and the creation of a new cultural and political identity are considered. Special attention is paid to the transformation of the German enclave into a Soviet region and the methods used to integrate it into the USSR.

Keywords: Kaliningrad region, East Prussia, population resettlement, economy, identity, Soviet policy, culture.

Калининградская область — уникальный российский регион, расположенный на побережье Балтийского моря и окружённый Литвой и Польшей. До 1945 года территория была частью Восточной Пруссии, и Кёнигсберг являлся культурным, экономическим и административным центром немецкой провинции [1, с. 12–15]. Город и регион были важными военно-стратегическими объектами Германии, а экономика области была высокоразвита: развивались промышленность, портовая инфраструктура, образование и наука. Война разрушила значительную часть городской и сельской инфраструктуры, превратив регион в зону гуманитарного кризиса [1, с. 25–30].

Город и регион были важными военно-стратегическими объектами Германии, а экономика области была высокоразвита: развивались промышленность, портовая инфраструктура, образование и наука. Кёнигсберг, будучи административным и культурным центром Восточной Пруссии,

выполнял функции не только военного форпоста, но и крупного логистического узла, связывавшего Германию с балтийским регионом. Развитая транспортная сеть, судостроительные верфи, машиностроительные заводы и научные учреждения формировали сложную инфраструктурную экосистему, характерную для урбанистических центров высокоиндустриального типа. Университет Альбертина и другие научные центры обеспечивали воспроизводство интеллектуального капитала и поддержание академических традиций, что придавало региону дополнительное значение в культурной иерархии Германской империи, а затем и Веймарской республики.

Следует подчеркнуть, что масштаб разрушений в Восточной Пруссии носил экзистенциальный характер, выходя за рамки обычных военных повреждений. Речь шла не просто о нарушении функционирования инфраструктуры, но о полном уничтожении прежней цивилизационной матрицы территории. Руины Кёнигсберга выступали не только материальным свидетельством военного поражения нацизма, но и символическим маркером необходимости тотального переустройства — как физического, так и ментального. В этом контексте послевоенное восстановление региона приобретало характер не столько реконструкции, сколько нового строительства на расчищенном месте, что в значительной степени предопределило специфику советской топонимической политики и мнемонических практик. Состояние тотальной деструкции создавало уникальную ситуацию «нулевой точки» — возможность начать историю заново, не будучи связанным необходимостью сохранения прежних архитектурных и семиотических структур. Однако, как показал дальнейший ход событий, полная элиминация следов прошлого оказалась невозможной: руины и подземные коммуникации, артефакты и остатки фундаментов продолжали выполнять функцию «следов памяти», затрудняя процессы символической колонизации и формирования новой идентичности.

После окончания Второй мировой войны, согласно решениям Потсдамской конференции, Северная часть Восточной Пруссии отошла к СССР. Это стало началом радикальных преобразований территории, масштаб которых позволяет говорить о цивилизационном трансфере — процессе принудительной или целенаправленной смены культурной, социальной и экономической парадигмы развития региона. Перед советскими властями стояла задача интегрировать регион в систему СССР, изменить его демографический состав, перестроить экономику и создать новую культурную идентичность. Данная задача осложнялась тем, что присоединенная территория не имела предшествующего опыта вхождения в российское или советское культурное пространство, представляя собой классический пример «чужого» наследия, требующего не просто административного подчинения, но глубинной семиотической перекодировки.

Интеграция региона в советскую систему предполагала решение нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, требовалось обеспечить геополитическое закрепление территории через систему военных и

административных институтов. Во-вторых, необходимо было инициировать демографическую трансформацию — замещение немецкого населения советскими переселенцами, что создавало предпосылки для формирования новой социальной структуры. В-третьих, предстояло осуществить экономическую реконфигурацию, адаптировав сохранившийся промышленный потенциал к нуждам народного хозяйства СССР. И наконец, ключевой задачей становилось конструирование культурной идентичности, которая обеспечила бы лояльность нового населения и его интеграцию в советский социокультурный контекст.

Важно подчеркнуть, что процесс этот носил не спонтанный, а институционализированный характер, регулируясь системой партийно-государственных решений и реализуясь через деятельность разнообразных советских институтов: переселенческих управлений, военных комендатур, органов народного образования, культурно-просветительских учреждений и средств массовой информации. Особую роль играла политика памяти, направленная на элиминацию следов немецкого присутствия и формирование новой исторической наррации, в рамках которой регион представал как «исконно славянская земля», возвращенная в лоно советской цивилизации. Топонимическая революция выступала здесь важнейшим инструментом символического присвоения территории, позволяя через переименование городов, улиц и природных объектов закреплять в коллективном сознании новые смысловые доминанты. Таким образом, послевоенная трансформация Калининградской области может рассматриваться как модель мнемонической инженерии, в которой язык, пространство и власть вступали в сложное взаимодействие, формируя основания для новой региональной идентичности.

Одним из ключевых этапов становления Калининградской области стало массовое выселение немецкого населения. До 1945 года в регионе проживало около 2,5 миллионов человек, из которых подавляющее большинство были немцами. После войны почти все жители покинули регион, и на территорию фактически не оставалось коренного населения [1, с. 50–55]. Эвакуация и депортация сопровождались огромными трудностями: разрушенные дома, отсутствие продовольствия, медицинской помощи и базовой инфраструктуры создавали тяжелые условия для жизни.

На освободившуюся территорию начали переселять граждан СССР из центральных областей России, Белоруссии и Украины. Среди них были фронтовики, рабочие, специалисты промышленности и их семьи, а также люди, желавшие осваивать новые земли и способствовать восстановлению экономики региона. Новые жители сталкивались с необходимостью освоения разрушенной инфраструктуры, восстановления жилья, школ и больниц, а также с задачей формирования новой социальной и культурной среды [1, с. 60–65].

Переименование городов и населённых пунктов стало важной частью формирования новой идентичности. Кёнигсберг стал Калининградом, Тильзит — Советском, Инстербург — Черняховском. Топонимические изменения

носили идеологический характер, подчёркивая советскую принадлежность региона и создавая новую культурную память для населения [2, с. 45–48].

Советская власть также внедрила систему образования, воспитания и культуры, которая формировала лояльность к государству и социалистические ценности.

Школы, детские сады, культурные клубы, библиотеки, театры и спортивные учреждения стали не только средством образования, но и инструментом социализации населения в духе советской идентичности. Молодое поколение воспитывалось в контексте советской идеологии, при этом историческая память о немецком прошлом вытеснялась или переосмысливалась [1, с. 70–75].

Экономическая интеграция региона стала вторым важным этапом становления Калининградской области. Промышленность была сильно разрушена войной, и первые годы после 1945 года были направлены на восстановление производственных мощностей. Заводы и фабрики перепрофилировались для удовлетворения потребностей советской экономики: строились предприятия пищевой промышленности, электромашиностроения, деревообрабатывающей и строительной отраслей [2, с. 100–110].

Особое значение имела портовая инфраструктура. Калининградский порт стал стратегическим элементом морской экономики СССР в Балтийском регионе, обеспечивая торговлю, рыбную промышленность и транспортировку грузов. Развитие порта способствовало экономической самодостаточности региона и его интеграции в общесоюзные логистические цепочки [2, с. 115–120].

Сельское хозяйство формировалось по советской модели. Создавались колхозы и совхозы, внедрялись новые технологии возделывания земель и животноводства, что позволяло обеспечивать регион продовольствием. Реформирование земель, а также переселение опытных сельских специалистов из других регионов СССР ускоряли освоение территории и создание экономической базы области [2, с. 115–120].

Восстановление экономики сопровождалось созданием социальной инфраструктуры. Жилые микрорайоны, школы, медицинские учреждения и культурные центры строились в строгом соответствии с планами советских властей, что помогало не только восстановить разрушенное, но и сформировать новую модель общественной жизни [2, с. 100–110].

Формирование новой идентичности было важной задачей советской власти. Культурная интеграция проводилась через образование, массовую литературу, театр и искусство. В школах изучалась советская история, традиции, достижения страны, а местное население привлекалось к участию в культурных и спортивных мероприятиях. Переименование городов, внедрение символики и памятников, посвящённых советским героям, создавали «новую память» территории и помогали закрепить лояльность населения [1, с. 70–75].

На этом этапе важно отметить уникальность Калининградской области: исторически немецкая территория стала полностью советской не только по

управленческой и экономической структуре, но и по культурной и социальной идентичности. Этот процесс был крайне сложным, так как включал в себя разрушение старой культурной памяти, переселение коренного населения и формирование нового социального слоя [2, с. 45–48].

Становление Калининградской области стало уникальным примером радикальной трансформации, когда бывшая немецкая земля, полностью сменив население в результате массового переселения советских граждан, прошла путь от руин войны до восстановленного и перестроенного экономического центра, где на месте прежней идентичности сформировалась новая, советская политическая и культурная общность, что позволило создать стратегически важный форпост СССР, навсегда интегрированный в состав страны.

Список литературы:

1. Костяшов Ю. В., Гальцова С. П., Гедима А. Н. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. - Калининград: Калининградская книга, 2018. – С. 12–15, 25–30, 50–65, 70–75.
2. Калининградская область: История. Экономика. Культура. Природа. - Калининград: Книжное издательство, 1978. – С. 5–9, 45–48, 100–120, 115–120.

Балина Евгения Евгеньевна

1 АД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Balina Evgeniya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ДИЗАЙН СРЕДЫ КАЛИНИНГРАДА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Аннотация: Статья посвящена исследованию философии пространства и культурной памяти в контексте формирования городской среды Калининграда. Рассматривается проблема разрыва исторической преемственности после 1945 года и анализируется роль дизайна среды в восстановлении исторического диалога. На основе концепций А. Лефевра, М. Хайдеггера, Я. Ассмана, П. Рикёра и М. Хальбвакса выявляется специфика пространственной идентичности Калининграда как города-палимпсеста. Проанализированы современные градостроительные проекты («Сердце города», концепция развития Королевской горы, мастер-план острова Октябрьский) как примеры попыток интеграции культурной памяти в современный дизайн среды. Предлагается модель критической реконструкции как пути решения проблемы симулятивной историчности.

Ключевые слова: философия пространства, культурная память, исторический диалог, городской палимпсест, Калининград, критическая реконструкция, идентичность города.

PHILOSOPHY OF SPACE AND CULTURAL MEMORY: THE DESIGN OF THE KALININGRAD ENVIRONMENT AS A FORM OF HISTORICAL DIALOGUE

Summary: The article is devoted to the study of the philosophy of space and cultural memory in the context of the formation of the urban environment of Kaliningrad. The problem of the break in historical continuity after 1945 is considered, and the role of environmental design in restoring the historical dialogue is analyzed. Based on the concepts of A. Lefebvre, M. Heidegger, J. Assmann, P. Ricoeur, and M. Halbwachs, the specificity of the spatial identity of Kaliningrad as a palimpsest city is revealed. Modern urban planning projects (the Heart of the City, the concept of the development of the Royal Mountain, and the master plan for Oktyabrsky Island) are analyzed as examples of attempts to integrate cultural memory into modern environmental design. A model of critical reconstruction is proposed as a solution to the problem of simulated historicity.

Keywords: space philosophy, cultural memory, historical dialogue, urban palimpsest, Kaliningrad, critical reconstruction, city identity.

Современный город представляет собой не только систему функциональных зон, но и сложную структуру смыслов, в которой сосуществуют различные исторические слои. Особую остроту проблема пространственной идентичности приобретает в городах с прерванной исторической преемственностью. Калининград является одним из наиболее показательных примеров такого феномена.

До 1945 года город существовал как Кёнигсберг — центр Восточной Пруссии с устойчивой архитектурной традицией и европейской культурной идентичностью. После включения в состав СССР произошёл радикальный слом исторической ткани: разрушение значительной части застройки, демонтаж символов прежней эпохи, формирование новой идеологической архитектуры. В результате возникла пространственная дискретность, выраженная в разрыве между прошлым и настоящим.

Проблема исследования заключается в следующем: как возможно формирование устойчивой городской идентичности в условиях утраченной исторической преемственности, и каким образом дизайн среды может стать формой подлинного исторического диалога, а не декоративной имитации прошлого?

Анри Лефевр утверждает, что пространство является социально произведённой реальностью [1, с. 27]. В его концепции пространство не существует как нейтральная и заданная сцена человеческой деятельности; оно создаётся и воспроизводится через систему социальных отношений. Социальное пространство формируется через практики власти, экономические отношения и культурные коды, закрепляясь в планировке городов, символике архитектуры, структуре повседневных маршрутов. Пространство, таким образом, есть выражение определённого общественного порядка, материализация идеологии и исторической воли. Из этого вытекает, что трансформация Кёнигсберга в Калининград была не только геополитическим актом, но и процессом «пере-производства» пространства. Речь шла не просто о смене названия или государственной принадлежности, а о глубокой реконфигурации символических и социальных смыслов, закреплённых в городской ткани. Новая власть не только изменила административный статус территории, но и переопределила её пространственную идентичность, формируя иное представление о прошлом, настоящем и будущем города. В результате, изменение городской среды предстает как акт создания новой социальной реальности, в которой пространство становится инструментом исторического разрыва и одновременно — основанием для формирования новой коллективной идентичности.

Мартин Хайдеггер подчёркивает, что «обитание» есть фундаментальный способ бытия человека. [2, с. 317]. Это утверждение выводит нас за пределы утилитарного понимания жилья как физического укрытия. Обитание в хайдеггеровском смысле — не просто проживание в пространстве, но способ присутствия в мире, форма укоренённости, благодаря которой человек

соотносит себя с землёй, небом, временем и другими людьми. Человек не сначала существует, а затем поселяется где-то; напротив, он существует, потому что обитает. Обитание предшествует строительству и определяет его смысл. Строить — значит заботиться о возможности подлинного обитания. В этом контексте архитектура перестаёт быть лишь сферой инженерии или эстетики. Она становится онтологическим инструментом, формирующим сам способ человеческого присутствия.

Архитектура определяет способ проживания мира. Пространственные структуры, масштаб улиц, ритм фасадов, соразмерность зданий человеческому телу — всё это не просто визуальные характеристики, а формы организации человеческого опыта. Через архитектуру человек учится воспринимать время (в исторической глубине среды), соотносить себя с прошлым и будущим, переживать границу между приватным и публичным, между индивидуальным и коллективным. Следовательно, утрата исторической среды означает утрату определённого способа обитания. Когда исчезают сложившиеся городские ткани, уничтожаются не только материальные объекты, но и формы памяти, укоренённости, символической устойчивости.

Историческая среда аккумулирует в себе следы человеческого присутствия, она хранит опыт поколений и создаёт ощущение продолженности бытия. Лишаясь этой среды, человек оказывается в пространстве, лишённом глубины, где доминирует функциональность без смысла, скорость без длительности, новизна без памяти. Отсюда следует, что проблема сохранения исторической архитектуры выходит за рамки охраны памятников как культурных артефактов. Речь идёт о сохранении самой возможности определённого способа бытия — способа обитания, основанного на диалоге с прошлым, на соприсутствии времён, на переживании пространства как значимого и наполненного. Если архитектура формирует способ проживания мира, то трансформация архитектурной среды неизбежно трансформирует и самого человека. Вопрос о судьбе исторической среды становится вопросом о судьбе человеческого бытия в его глубинном, онтологическом измерении. Архитектура определяет способ проживания мира. Утрата исторической среды означает утрату определённого способа обитания.

Морис Хальбвакс рассматривает память как социальную конструкцию, существующую в коллективных рамках [6, с. 58]. Память, согласно его позиции, не принадлежит исключительно индивидуальному сознанию: она формируется и поддерживается через социальные структуры, общие символы, привычные пространства. Человек вспоминает не в изоляции, а внутри уже заданных культурных координат, которые направляют и организуют его воспоминания. В этом смысле архитектура становится материальной рамкой памяти. Городские площади, дома, улицы, фасады — это не просто физические объекты, а устойчивые ориентиры коллективного опыта. Пространство фиксирует события, закрепляет их в материальной форме, превращает историю в осязаемую среду повседневности. Через архитектуру общество «узнаёт» себя и воспроизводит собственную идентичность. Если рамка разрушается,

коллективная память теряет устойчивость. Утрата архитектурной среды означает ослабление тех структур, которые поддерживают непрерывность исторического сознания. Без материальных опор память становится фрагментарной, лишённой пространственного закрепления, а вместе с ней размывается и чувство общности. Таким образом, сохранение архитектуры — это не только забота о форме, но и сохранение устойчивости коллективного самопонимания.

Ян Ассман выделяет культурную память как долговременную форму сохранения идентичности через символические структуры [3, с. 42]. В его понимании культурная память выходит за пределы повседневного воспоминания: она закрепляется в текстах, ритуалах, образах, памятниках, архитектуре — во всём том, что способно пережить отдельное поколение и передать смысл во времени. Это память институционализируется в культуре, обеспечивает преемственность и устойчивость коллективного «я».

Город — одна из главных форм её воплощения. В городской ткани соединяются материальное и символическое: пространство становится носителем исторических смыслов, а архитектурные формы — знаками культурной идентичности. Улицы, площади, силуэты зданий формируют не только визуальный образ, но и систему ориентиров, через которые общество осмысляет своё прошлое и проектирует будущее. Тем самым, город выступает не просто местом проживания, а пространством, где культурная память приобретает зримую форму и становится частью повседневного опыта. Его утрата или радикальная трансформация неизбежно затрагивают глубинные основания коллективной идентичности. Таким образом, философия пространства позволяет рассматривать Калининград как поле напряжения между памятью и забвением.

Термин «палимпсест» используется для обозначения многослойности культурного текста. В случае Калининграда эта многослойность носит фрагментарный характер. Готическая архитектура соседствует с советским модернизмом и современной коммерческой застройкой. Исторический центр города после сноса замка оказался пространственно «пустым». Дом Советов стал символом идеологической подмены исторической памяти. Однако отсутствие завершённой функции этого объекта лишь усилило ощущение разрыва.

В философском смысле город оказался лишённым целостного нарратива: историческая преемственность была прервана, а городская ткань утратила связующую нить, соединяющую различные эпохи в единую смысловую структуру, превратившись в совокупность фрагментов без органической внутренней логики. Современные проекты нередко используют стилизацию под «старый Кёнигсберг», однако подобная практика может превращаться в симулякр — знак без исторического основания [5, с. 14], когда архитектурная форма воспроизводится как внешняя оболочка, лишённая подлинной контекстуальной глубины. Примером частичной симуляции можно считать коммерческие кварталы с псевдоготическими фасадами, где историческая

форма используется как маркетинговый инструмент: в таком случае речь идёт не о восстановлении культурной памяти, а о создании её поверхностной репрезентации, подменяющей осмысленное обращение к прошлому декоративной цитатностью.

Поль Рикёр подчёркивает необходимость «справедливой памяти», исключаяющей как забвение, так и мифологизацию [4, с. 102]. Следовательно, задача архитектуры заключается не в имитации прошлого, а в его интерпретации — в создании пространств, способных вступать в ответственный диалог с историей и раскрывать её смысл в горизонте современности. Современные градостроительные проекты могут рассматриваться как попытки диалога: программа «Сердце города», концепция развития Королевской горы (Студия 44), мастер-план острова Октябрьский (MAParchitects).

Международный конкурс «Сердце города» был направлен на переосмысление исторического центра вокруг Королевской горы. Концепция предполагала интеграцию археологических раскопок в общественное пространство, создание музейных зон и культурных маршрутов. Это пример попытки соединить археологию, современный дизайн и общественную функцию. Студия 44: проект предусматривал частичную реконструкцию исторической планировочной структуры с сохранением фрагментов замка и созданием культурного центра. Здесь используется принцип критической реконструкции — новое архитектурное решение не копирует старое, но признаёт его значимость. MAParchitects: проект ориентирован на развитие общественных пространств, культурных объектов и ландшафтной интеграции. Важным является включение природного ландшафта реки Преголи как элемента исторической памяти.

На основе проведённого анализа можно сформулировать модель пространственной интеграции культурной памяти, которая базируется на четырёх ключевых принципах. Первый — принцип археологической открытости, предполагающий экспонирование исторических слоёв. Второй — принцип различимости, согласно которому новое архитектурное вмешательство должно быть отличимо от исторического. Третий — принцип нарративной интеграции, подразумевающий создание маршрутов памяти. И четвёртый — принцип общественного участия, то есть вовлечение горожан в обсуждение проектов. Такая модель позволяет избежать симуляции и создать подлинный исторический диалог.

Калининград представляет собой уникальный пример города с прерванной культурной памятью. Его пространство является ареной исторического напряжения между различными эпохами. Дизайн среды может выступать как инструмент либо забвения, либо диалога. Философия пространства показывает, что город — это не только материальная структура, но и форма коллективного самосознания. Через критическую реконструкцию, археологическую открытость и интеграцию исторических слоёв возможно формирование устойчивой идентичности.

Отсюда вытекает, что дизайн среды Калининграда способен стать не просто инструментом градостроительного обновления, а формой исторического диалога — при условии отказа от декоративной симуляции и перехода к осмысленной интерпретации прошлого. Речь идёт о преобразовании пространства в поле рефлексии, где архитектурная форма не маскирует разрывы истории, а делает их предметом осознания. Подлинный диалог с прошлым предполагает не воспроизведение утраченного образа, а выявление его смыслового потенциала в горизонте современности. В этом случае городская среда становится медиатором между эпохами, пространством, где историческая травма, культурная память и актуальная идентичность не вытесняют друг друга, а вступают во взаимное соотнесение. Именно такая стратегия позволяет превратить дизайн из эстетической практики в акт культурной ответственности и философского самоопределения города.

Список литературы:

1. Лефевр А. Производство пространства. — М. : Strelka Press, 2015. — 432 с. — С. 15–68.
2. Хайдеггер М. Строить, жить, мыслить // Хайдеггер, М. Время и бытие. — М. : Республика, 1993. — С. 313–324.
3. Ассман Я. Культурная память и ранняя цивилизация. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 36–74.
4. Рикёр П. Память, история, забвение Москва Издательство гуманитарной литературы, 2004. — С. 85–132.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — М. : Постум, 2015. — С. 9–40.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007. — С. 52–101.

Балюк Юлия Сергеевна

1 АД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Yulia Balyuk

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ДОРОГА К СЕВЕРУ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОТ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ К СТОЛИЦЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

Аннотация: Данная статья рассматривает строительство Октябрьской (Кировской) железной дороги. Работа основана на анализе интернет-ресурсов, а также работ авторов, исследовавших историю Северо-Запада России. В ходе работы были изучены и описаны этапы строительства железной дороги от Санкт-Петербурга до Мурманска. В связи с тем, что Мурманская область в последнее время набирает популярность среди туристов, данная информация, предоставленная в статье, может быть им полезна и интересна.

Ключевые слова: Мурманск, Ленинград, Александр III, Николай II, железная дорога, Российская империя, Баренцево море, Кольский залив.

ROAD TO THE NORTH: THE HISTORY OF CREATION OF THE RAILROAD FROM THE NORTHERN CAPITAL TO THE ARCTIC CAPITAL

Summary: This article examines the construction of the October (Kirov) Railway. It is based on an analysis of online resources, as well as the works of authors who have researched the history of Russia's Northwest. The work examines and describes the stages of construction of the railway from St. Petersburg to Murmansk. Given the recent popularity of the Murmansk Region among tourists, the information provided in this article may be useful.

Keywords: Murmansk, Leningrad, Alexander III, Nicholas II, railway, Russian Empire, Barents Sea, Kola Bay.

Состояние железных дорог по-прежнему остается одной из главных проблем современной России. Особенно остро эта проблема встала в конце XIX века, когда соседние страны, в особенности Германия, начали активно развивать свои транспортные системы.

Благодаря частным инвестициям, иностранному капиталу и государственному финансированию, Российская империя смогла создать относительно эффективную железнодорожную систему. Кульминацией этих усилий стало строительство Транссибирской ж/д магистрали – масштабного проекта, который длился четверть века.

По причине высокой степени приоритетности вышеназванного масштабного проекта потребности периферийных регионов отошли на второй

план. Это было особенно заметно в Олонецкой и Архангельской областях, где болотистая местность затрудняла строительство традиционных сухопутных дорог, вынуждая жителей и предприятия полагаться на речную сеть. Отсутствие современной железной дороги, соединяющей эти территории с Санкт-Петербургом, существенно сдерживало их развитие.

Несмотря на это, в столице осознавали стратегическую важность этих губерний и доступа России к незамерзающему Баренцеву морю, открывавшему широкие возможности для международной торговли. Ещё при Александре II местные власти обращались в Министерство внутренних дел с инициативой строительства железной дороги, но их предложения оставались без ответа.

В эпоху Александра III Мурманское побережье стало предметом активного интереса. В 1889 году, ознакомившись с докладом заместителя олонецкого губернатора, император заинтересовался идеей создания военно-морской базы в незамерзающем порту Мурманска с последующим строительством в том направлении железной дороги. Для изучения этого вопроса были направлены представители различных ведомств, в том числе министр финансов С.Ю. Витте, который подготовил подробный доклад для императора.

Исследования, проведённые С.Ю. Витте в 1895 году совместно с министром путей сообщения М.И. Хилковым, подтвердили целесообразность прокладки железнодорожной магистрали от Колпино до Петрозаводска, с перспективой ее дальнейшего строительства в направлении Мурманска. Однако, осознав отсутствие немедленных действий по реализации проекта, власти Олонецкой губернии регулярно направляли прошения о возведении железной дороги, соединяющей Санкт-Петербург и Петрозаводск, подчеркивая ее исключительную значимость для региона. Несмотря на это, центральное правительство ограничивалось обещаниями скорого начала работ, которые так и не были выполнены.

Настоящим толчком к началу строительства стала Первая мировая война. Чтобы обеспечить транспортировку необходимой военной техники из стран-союзников, возникла необходимость в создании незамерзающего порта, нового города и железнодорожной ветки на Кольском полуострове. Строительство этой тысячекилометровой железной дороги, осуществленное между 1915 и 1917 годами, является уникальным событием в истории мирового железнодорожного строительства. Блокада Балтийского и Черного морей в военное время, а также замерзание морских подходов к Архангельску в зимний период сделали Кольский залив, благодаря в том числе и влиянию теплого течения Гольфстрим, единственным круглогодичным портом для приема судов.

В связи с острой необходимостью было принято решение о возведении в кратчайшие сроки железнодорожной магистрали, соединяющей Петрозаводск с незамерзающим побережьем Баренцева моря. Финансовую и техническую поддержку проекта взяли на себя Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция и Канада.

Для реализации проекта в конце 1914 года в Петрограде было учреждено Управление по постройке Мурманской железной дороги, которое немедленно приступило к геодезическим и строительным работам. Инженеру путей сообщения Владимиру Васильевичу Горячковскому было поручено руководство проектом. Из государственного бюджета на строительство было выделено 1,8 миллиона рублей золотом. 1 октября 1915 года император Николай II подписал указ, официально санкционирующий начало строительства.

Перед строителями стояла амбициозная задача – проложить более тысячи километров железнодорожного полотна и интегрировать новую магистраль в существующую железнодорожную сеть Российской империи. Этот масштабный проект планировалось завершить в течение двух лет, что и было фактически осуществлено. Строительство Мурманской железной дороги, начавшись в 1915 году, должно было соединить Петрозаводск с портом на Мурмане, остающимся открытым для навигации в течение всего года.

Строительство велось на трех основных участках: от Петрозаводска до Сороки (ныне Беломорск), от Сороки до Кандалакши, и от Кандалакши до Романова-на-Мурмане (современный Мурманск). С самого начала возведение дороги столкнулось с серьезными препятствиями. Недостаточно развитая инфраструктура затрудняла своевременную доставку строительных материалов. Природные условия также усложняли задачу: на некоторых участках дорога проходила по болотистой местности, и рабочим приходилось преодолевать водные преграды, вязкие болота, крупные валуны и густые таежные леса. Большая часть строительных работ проводилась в осенне-зимний период при температуре до минус 35 градусов по Цельсию.

В связи с острой необходимостью ускорить работу на весь период полярной ночи был введен строгий график работы в безостановочном режиме. По мере увеличения масштабов строительства нарастала необходимость в новой рабочей силе, что привлекало не только рабочих-добровольцев из России, но и иммигрантов из Китая, а также наемных рабочих из Канады и Финляндии.

Параллельно с прокладкой железнодорожных путей в 1915 году на западном берегу Кольского залива Баренцева моря возник Мурманский морской порт и прилегающий к нему рабочий посёлок Семёновский, получивший свое название от имени бухты для причалов и расположенного рядом озера. Основание порта было обусловлено стремлением России установить сообщение с Северным Ледовитым океаном через незамерзающий залив для обеспечения непрерывных поставок военной помощи от союзников по Антанте, в связи с продолжающейся морской блокадой Черного и Балтийского морей.

21 сентября (4 октября) 1916 года поселок Семёновский получил статус города и был переименован в Романов-на-Мурмане, став последним городом, основанным в Российской империи. В день присвоения поселку городского статуса на возвышенности, где сегодня находится областной Дворец культуры

им. С.М. Кирова, прошла торжественная закладка храма в честь святителя Николая Мирликийского, покровителя мореплавателей. Шесть месяцев спустя, 21 марта (3 апреля) 1917 года, после Февральской революции, городу дали его современное название – Мурманск.

Официально Мурманская железная дорога была принята во временную эксплуатацию 15 ноября 1916 года, а уже в следующем году управление по ее строительству упразднили, создав вместо него управление Мурманской железной дороги.

Несмотря на все трудности, строительство железной дороги было завершено. 3 ноября 1916 года на Амбарном перегоне состоялась знаменательная встреча рабочих, строивших дорогу с разных сторон. Перед этим важным событием некоторые участки дороги были введены в эксплуатацию с опережением графика. Это позволило снизить нагрузку на водные пути и вместе с тем проверить работоспособность новой магистрали. Однако, из-за сжатых сроков и упрощенных требований к качеству, к моменту открытия было готово только около 40% всего маршрута. Пропускная способность дороги также была низкой – около 80 вагонов в день.

В начале 1917 года, 1 января, было запущено временное грузовое сообщение, а 1 апреля Мурманская железная дорога стала частью общей железнодорожной сети России. Регулярное пассажирское сообщение началось 15 сентября 1917 года, когда пассажирский поезд № 3/4 прошел по всей ж/д линии от Званки до Мурманска.

В марте 1917 года Петрозаводский вокзал, ранее принадлежавший частной Олонецкой железной дороге, был передан Мурманской железной дороге. 1 апреля того же года Мурманская железная дорога пополнилась за счет присоединения к приобретенной государством Олонецкой железной дороге, включая линию Званка – Петрозаводск.

Позже, 20 января 1919 года, к Мурманской железной дороге присоединился участок Тихвин – Рыбацкое Северной железной дороги. В 1921 году, 1 января, станция Рыбацкое Николаевской железной дороги также перешла под управление Мурманской железной дороги.

16 ноября 1922 года станция Дубовики была переименована в Волховстрой. Открытие линии Апатиты-Нефелин 16 августа 1931 года также стало значимым событием. С января 1935 года дорога стала называться Кировской в честь советского политического деятеля С.М. Кирова. В 1936 году, 19 декабря, в эксплуатацию был введен электрифицированный участок Кандалакша – Апатиты.

В 1959 году произошло объединение Кировской и Октябрьской железных дорог в Октябрьскую железную дорогу. Это было закреплено постановлением Совета Министров СССР № 748 от 13 июля 1959 года и приказом Министерства путей сообщения СССР № 42 от 14 июля того же года. Управление объединенной дорогой было размещено в Ленинграде.

В настоящее время Мурманск продолжает оставаться ключевым экономическим, культурным и промышленным центром на Европейском Северо-Западе России.

Список литературы:

1. 4 октября 1916 года заложен последний город, основанный в Российской империи – Романов-на-Мурмане – будущий «город-герой Мурманск». – URL: <https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/prazdniki-i-pamyatnye-daty/10679-4-oktyabrya-1916-goda-zalozhen-poslednij-gorod-osnovannyj-v-rossijskoj-imperii-romanov-na-murmane-gorod-geroj-murmansk?ysclid=mjzzmqi7wb412666806> (дата обращения 04.01.2026).
2. Главная военная стройка империи. – URL: <https://diletant.media/articles/45344968/> (дата обращения 03.01.2026).
3. Как воюющая империя строила самую северную дорогу. – URL: <https://goarctic.ru/news/kak-voyuyushchaya-imperiya-stroila-samuyu-severnuyu-dorogu/> (дата обращения 05.01.2026).
4. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915-1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 320 с.
5. «Путь на костях» – пять фактов из истории строительства Мурманской железной дороги. – URL: https://dzen.ru/a/Xj_ZZ_AoFxMX4Sp1 (дата обращения 05.01.2026).
6. Харитонов С.Ф., Звягин Ю.И. Мурманская. Кировская. Октябрьская: история Петрозаводского отделения Октябрьской железной дороги. – Петрозаводск: Карелия, 1996. – 157 с.

Бахрова Алина Михайловна

2 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Bakhrova Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АБСОЛЮТНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ МОРАЛИ

Аннотация: статья исследует проблему абсолютности и относительности морали, сравнивая моральный абсолютизм (Кант, универсальные нормы) и релятивизм (Ницше, культурная зависимость). Рассматриваются слабые стороны обоих подходов: ригидность абсолютизма и отсутствие критериев оценки в релятивизме. Современные этические концепции предлагают синтез универсальных принципов и уважения к культурным различиям.

Ключевые слова: мораль, этика, Кант, абсолютизм, релятивизм.

ABSOLUTENESS AND RELATIVITY OF MORALITY

Summary: The article examines the problem of absoluteness and relativity of morality, comparing moral absolutism (Kant, universal norms) and relativism (Nietzsche, cultural dependence). The weaknesses of both approaches are considered: the rigidity of absolutism and the lack of evaluation criteria in relativism. Modern ethical concepts offer a synthesis of universal principles and respect for cultural differences.

Keywords: morality, ethics, Kant, absolutism, relativism.

Мораль — одна из фундаментальных форм общественного сознания, отражающая представления людей о добре и зле, справедливом и несправедливом. На протяжении всей истории человечества моральные нормы служили ориентиром в поведении, регулировали отношения между людьми и оказывали влияние на право, религию, культуру. Однако в разных обществах и в разные эпохи содержание этих норм могло существенно различаться, что породило философский спор о природе морали: является ли она универсальной и неизменной (абсолютной) или формируется в зависимости от конкретных условий (относительной)? Цель данной статьи — рассмотреть философские основания морального абсолютизма и релятивизма, проанализировать их сильные и слабые стороны, а также выявить современные подходы к примирению этих противоположных точек зрения.

Моральный абсолютизм утверждает, что существуют объективные и неизменные моральные нормы, справедливые для всех людей вне зависимости от их культуры, времени и обстоятельств. Эти нормы, согласно абсолютистам, являются результатом либо Божественного откровения (в теистических системах), либо разума (в философских концепциях), либо естественного

порядка (в натуралистических теориях). Одним из первых теоретиков морального абсолютизма был Платон. В его учении о мире идей моральные категории, такие как добро и справедливость, существуют вечно и неизменно, независимо от мнения конкретного человека или общества. Добродетель для Платона — это знание, а путь к ней лежит через философское познание. Иммануил Кант сформулировал рационалистическое обоснование абсолютизма. Его категорический императив («поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы стать всеобщим законом») выражает стремление к универсальности этических требований. Кант считал, что моральная обязанность исходит из самого разума и не нуждается во внешних обоснованиях или последствиях.

Также весомый вклад в развитие морального абсолютизма внёс Фома Аквинский. В его «Сумме теологии» моральные нормы выводятся из естественного закона, дарованного Богом, но познаваемого разумом. Согласно Аквинскому, нравственные требования универсальны и объективны, потому что выражают божественный замысел, заложенный в сотворенную природу человека. Такой подход позволял соединить религиозную веру с рациональным познанием, что сделало моральные нормы устойчивыми и авторитетными на протяжении веков. Современные неотомистские мыслители, продолжая линию Фомы Аквинского, стремятся сохранить универсальность моральных норм в изменяющемся мире. Они подчеркивают, что наличие общего нравственного основания не исключает культурного многообразия, а требует более глубокого осмысления общечеловеческих ценностей.

Религиозная этика — один из самых распространённых источников морального абсолютизма. В иудаизме, христианстве, исламе, индуизме и буддизме существуют чёткие предписания, как должен жить человек, чтобы быть нравственным. Эти нормы часто трактуются как «вечные», поскольку исходят от божества или высшего закона (дхармы). К примеру, в христианской традиции заповеди воспринимаются как абсолютные моральные ориентиры. Заповедь «не убий» считается недопустимой к нарушению при любых обстоятельствах, даже если убийство может спасти множество других жизней.

В противовес абсолютизму стоит моральный релятивизм, согласно которому представления о добре и зле обусловлены культурной средой, историческим контекстом и даже индивидуальными предпочтениями. Иными словами, мораль — это конструкция, изменчивая и зависящая от обстоятельств.

Культурный релятивизм — одна из форм морального релятивизма, получившая развитие в антропологии XX века. Исследования Франца Боаса, Маргарет Мид и других ученых показали, что моральные нормы радикально различаются от культуры к культуре. Например, практика многожёнства, каннибализма или детоубийства осуждается в одних обществах и признаётся в других.

Фридрих Ницше выступал с критикой традиционной морали, называя её «моралью рабов», навязанной слабым большинством для подавления сильных. Он утверждал, что все моральные системы — это выражение воли к власти, а

не объективных истин. Мораль, по его мнению, — это интерпретация, а не открытие истины. Современные постструктуралисты, такие как Мишель Фуко и Жак Деррида, также подчеркивали, что моральные нормы встроены в дискурсы власти и не могут быть универсальными. По Фуко, мораль — это продукт социальных институтов, отражающих борьбу за контроль над телом и поведением человека.

Интересную точку зрения на моральный релятивизм предлагает Ричард Рорти, представитель прагматической философии. По мнению американского философа, идея объективной, универсальной морали — это устаревшее представление, которое не учитывает сложности человеческого опыта и культурных различий. Рорти утверждает, что моральные нормы и ценности — это не результаты рационального постижения истины, а продукт исторически сложившихся практик общения внутри конкретных сообществ. Поэтому ни одна культура не может претендовать на моральное превосходство над другой, а этические конфликты не имеют окончательного «внеисторического» разрешения. Рорти предлагает отказаться от стремления к универсальной истине в морали и сосредоточиться на развитии солидарности, сочувствия и диалога. По его мнению, мораль — это не система правил, а способ взаимодействия, который позволяет сосуществовать людям с разными взглядами и ценностями. Такой подход критикуется за возможную моральную неопределённость, однако он отражает реалии глобализирующегося мира, в котором контакт культур неизбежен, а единственно «правильная» мораль всё чаще ставится под сомнение.

Обе позиции — и абсолютизм, и релятивизм — сталкиваются с рядом трудностей, особенно при их применении к реальной жизни и общественным конфликтам. Моральный абсолютизм рискует стать догматичным и негибким. Он может игнорировать сложность жизненных ситуаций и моральные дилеммы. Например, категорический запрет на ложь (в кантианской этике) не учитывает ситуации, когда ложь может спасти жизнь. Кроме того, разные религиозные и философские системы выдвигают различные «абсолюты», что ставит под сомнение их универсальность. Моральный релятивизм, в свою очередь, может привести к моральному нигилизму. Если все нормы относительны, то нельзя осуждать рабство, геноцид или насилие, если они приняты в определённой культуре. Это ставит под угрозу саму возможность глобального этического дискурса и универсальных прав человека.

Современная философия стремится преодолеть жёсткую оппозицию между двумя крайними позициями, предлагая плюралистические или контекстуальные модели морали. Моральный плюрализм утверждает, что существует несколько обоснованных моральных систем, каждая из которых имеет внутреннюю логику и ценность. При этом признаётся возможность существования «ядерных» моральных принципов — таких, как запрет на бессмысленное насилие, уважение к личности, стремление к справедливости, — которые проявляются в разных культурах, пусть и в различных формах.

Теория прав человека — попытка установить минимальный моральный консенсус на глобальном уровне. Такие права, как свобода, жизнь, безопасность, равенство — рассматриваются как универсальные ценности, не зависящие от культуры. В то же время механизмы реализации этих прав могут адаптироваться к местным традициям. Экономист и философ Амартия Сен предложил подход способностей: каждый человек должен иметь реальные возможности для полноценной жизни, но конкретные формы и ценности этой жизни должны определяться культурным и личным выбором.

В этом контексте интересным представляется подход дискурсивной этики Юргена Хабермаса. Он предлагает искать универсальные нормы через процесс рационального диалога между равноправными участниками. По Хабермасу, моральные нормы должны быть такими, с которыми могли бы согласиться все участники общения, если бы обсуждали их в условиях равенства и открытости. Это позволяет избежать как догматизма абсолютизма, так и произвола релятивизма. Нормы, выработанные в ходе публичной рациональной дискуссии, получают легитимность и могут служить основой для социальной справедливости.

Важное значение в современных дискуссиях о морали имеет также теория справедливости Джона Ролза. Он вводит понятие «завесы неведения» как способ абстрагироваться от личных интересов и разработать универсальные принципы справедливости. Эти принципы — равенство возможностей, свобода личности, справедливое распределение благ — становятся основой справедливого общества и морального консенсуса. Хотя теория Ролза и подвергается критике за абстрактность, она остаётся влиятельной попыткой синтезировать универсализм и уважение к различиям.

Проблема абсолютности и относительности морали — это не просто теоретическая дилемма, а живой философский и практический вызов. Абсолютизм необходим для утверждения устойчивых ориентиров, без которых невозможны нравственные оценки. Релятивизм, в свою очередь, защищает моральную свободу и уважение к культурному разнообразию. Наиболее продуктивным подходом сегодня кажется этический плюрализм с элементами универсализма: признание определённых моральных «ядер», но с уважением к разнообразию их интерпретаций. Такой подход позволяет одновременно утверждать права человека, бороться с насилием и дискриминацией и при этом избегать навязывания культурных стандартов под видом универсальности.

Таким образом, современная философия этики всё чаще отказывается от противопоставления абсолютизма и релятивизма как единственно возможных опций. На смену приходит идея «интеркультурной этики» — направления, стремящегося к диалогу между культурами с целью выявления общих моральных оснований. Один из ведущих теоретиков этого направления, Ханс Кюнг, выдвинул концепцию «глобальной этики», основанной на принципах, признанных основными религиями мира: уважение к жизни, справедливость, солидарность и честность. Эти принципы не заменяют культурные различия, но

позволяют выработать минимальные моральные ориентиры для глобального взаимодействия.

В условиях растущей межкультурной напряжённости и моральных вызовов (этические аспекты технологий, экологии, глобального неравенства) такой подход становится особенно актуальным. Он предлагает не универсализм в его догматическом виде, а открытую моральную платформу, способную соединить локальные ценности с глобальными вызовами. Сочетание уважения к различиям и поиска общего знаменателя может стать основой для нового этапа развития этики в XXI веке.

Список литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. В.Г. Афанасьева. — М.: Эксмо, 2017. — 352 с.
2. Кант, И. Критика практического разума / пер. с нем. Н. Лосского. — М.: Мысль, 1994. — 288 с.
3. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. В. Бакусева. — СПб.: Азбука, 2021. — 320 с.
4. Сен, А. Идея справедливости / пер. с англ. М.С. Артамонова. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 416 с.
5. Нуссбаум, М. Создание способностей. Альтернатива догме развития / пер. с англ. И.И. Кузнецова. — М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2016. — 384 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. с англ. В.Н. Ярошевского. — М.: АСТ, 2020. — 320 с.
7. МакИнтайр, Э. После добродетели / пер. с англ. Н.И. Воловик. — СПб.: Алетейя, 2019. — 384 с.
8. Чернышев, А.И. Этика: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2023. — 416 с.

Бачинина Елизавета Витальевна

1 ТД-16с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Elizaveta Bachinina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема искусственного интеллекта в междисциплинарном аспекте — на стыке философии и науки. Анализируются фундаментальные вопросы: что есть разум, возможна ли его искусственная реализация и каковы критерии его наличия. Особое внимание уделяется критике теста Тьюринга, мысленному эксперименту Дж. Сёрла («Китайская комната») и концепции «сильного ИИ». Автор исследует философские парадигмы (дуализм Декарта, материализм, функционализм) и современные подходы к созданию интеллектуальных систем, включая нейронные сети. В заключении поднимаются этические, социальные и юридические проблемы, связанные с возможным появлением искусственного разума, а также оцениваются перспективы наступления технологической сингулярности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, философия сознания, текст Тьюринга, «китайская комната», сильный ИИ, нейронные сети, технологическая сингулярность, этика ИИ.

THE PROBLEM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PHILOSOPHY AND SCIENCE

Summary: The article examines the problem of artificial intelligence in an interdisciplinary aspect — at the intersection of philosophy and science. Fundamental issues are analyzed: what is intelligence, is its artificial realization possible, and what are the criteria for its existence? Special attention is paid to the criticism of the Turing test, the thought experiment of J. Searle ("The Chinese Room") and the concept of "strong AI". The author explores philosophical paradigms (Descartes dualism, materialism, functionalism) and modern approaches to the creation of intelligent systems, including neural networks. In conclusion, the ethical, social and legal issues related to the possible emergence of artificial intelligence are raised, as well as the prospects for the onset of a technological singularity.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of consciousness, Turing test, "Chinese room", strong AI, neural networks, technological singularity, AI ethics.

«Могут ли машины мыслить?» — такой вопрос поставил в 1950г. британский математик и логик Алан Тьюринг. Он подчёркивает, что

традиционный подход к этому вопросу состоит в том, чтобы сначала определить понятия «машина» и «интеллект». Но Тьюринг решил выбрать другой путь; вместо этого он заменил исходный вопрос другим, «который тесно связан с исходным и формулируется относительно недвусмысленно». И с помощью «игры в имитацию» описал проблему. Суть игры: в классическом сценарии теста Тьюринга три участника — судья, человек и машина — находятся в разных помещениях. Судья ведет с ними текстовый диалог, пытаясь понять, кто из двух респондентов является человеком, а кто — машиной. При этом фактор времени исключён: паузы между вопросом и ответом одинаковы для обоих собеседников.

Машина считается прошедшей тест, если судья не может отличить её ответы от ответов человека. В рамках гипотезы «сильного искусственного интеллекта» это равносильно признанию за машиной способности мыслить. Логика, здесь следующая: если поведение (ответы) неотличимо от нашего, то у нас нет оснований отказывать машине в наличии разума, который мы привыкли считать исключительно человеческой прерогативой [4, с. 12–15].

В 1980 году американский философ Джон Сёрл нанес по тесту Тьюринга сокрушительный удар. Он придумал мысленный эксперимент, который сегодня знает каждый студент-философ.

Китайская комната: понимаем или имитируем? Представим себе, что находящиеся за дверью комнаты люди, понимающие китайский язык, передают в комнату наборы символов и что в ответ я манипулирую символами согласно правилам и передаю обратно другие наборы символов. В данном случае книга правил есть не что иное, как «компьютерная программа». Люди, написавшие ее, — «программисты», а я играю роль «компьютера». Корзинки, наполненные символами, — это «база данных»; наборы символов, передаваемых в комнату, это «вопросы», а наборы, выходящие из комнаты, это «ответы» [3, с. 8–9].

Предположим далее, что книга правил написана так, что мои «ответы» на «вопросы» не отличаются от ответов человека, свободно владеющего китайским языком. Например, люди, находящиеся снаружи, могут передать непонятные мне символы, означающие: «Какой цвет вам больше всего нравится?» В ответ, выполнив предписанные правилами манипуляции, я выдаю символы, к сожалению, мне также непонятные и означающие, что мой любимый цвет синий, но мне также очень нравится зеленый. Таким образом, я выдержу тест Тьюринга на понимание китайского языка. Но все же на самом деле я не понимаю ни слова по-китайски. К тому же я никак не могу научиться этому языку в рассматриваемой системе, поскольку не существует никакого способа, с помощью которого я мог бы узнать смысл хотя бы одного символа. Подобно компьютеру, я манипулирую символами, но не могу придать им какого бы то ни было смысла [3, с. 9–10].

Сущность этого мысленного эксперимента состоит в следующем: если я не могу понять китайского языка только потому, что выполняю компьютерную программу для понимания китайского, то и никакой другой цифровой компьютер не сможет его понять таким образом. Цифровые компьютеры

просто манипулируют формальными символами согласно правилам, зафиксированным в программе.

Сёрл провел важнейшее различие: синтаксис (форма, правила) — это не семантика (смысл, понимание). Компьютер работает с синтаксисом, с нулями и единицами. Он не «понимает», что означают эти символы. А человеческий разум оперирует именно смыслами.

Значит ли это, что искусственный интеллект невозможен? Не совсем. Сёрл не отрицает, что можно создать разумную машину. Но она должна обладать такой же причинно-следственной структурой, как мозг. Просто программы, какой бы сложной она ни была, для этого недостаточно.

А как же нейросети? Они же почти как мозг! Сегодня главная надежда создателей ИИ — нейронные сети. Они действительно вдохновлены устройством мозга: связанные между собой «нейроны», которые обучаются на примерах, а не программируются жестко. Чем больше данных, тем лучше сеть распознает образы, переводит тексты, рисует.

Но давайте честно: современные нейросети устроены в тысячи раз проще мозга даже лабораторной крысы. Они не понимают смысла того, что делают. Знаменитая фраза сценаристов «Звездных войн» про способность болтать как признак интеллекта здесь работает безотказно. ИИ может поддержать беседу на любую тему, но он — тот самый человек в китайской комнате, только виртуальный.

У эксперимента Сёрла, конечно, нашлись критики. Самый сильный аргумент: простите, но «китайская комната» — это не просто человек с книгой. Это целая система: человек + книга + правила + все, кто эти правила составлял. А вот люди, писавшие книгу, китайский знали! Так что система в целом понимает язык, хотя ее часть (конкретный человек внутри) — нет.

Этот спор длится десятилетия и не имеет однозначного решения. Философы разделились на два лагеря:

- Функционалисты считают: если система ведет себя так, как будто у нее есть сознание, значит, оно у нее есть. Какая разница, из чего она сделана?
- Сторонники биологического натурализма (как Сёрл) утверждают: сознание — продукт именно биологического мозга, и никакой кремний его не заменит.

Был еще один важный критик — философ Хьюберт Дрейфус. Он указал на то, что первые исследователи ИИ слишком упрощали реальность. Они считали, что разум — это машина по переработке символов по правилам. Но человеческое знание во многом неформализуемо. Мы знаем, как ездить на велосипеде, но не можем записать это знание в виде инструкции. Мы чувствуем настроение собеседника, но не можем свести это к алгоритму [2, с. 67–72].

Дрейфус оказался прав: все попытки создать универсальный искусственный интеллект на основе формальных правил провалились. Мы умеем делать программы для узких задач — играть в шахматы, распознавать лица, — но до универсального «человеческого» интеллекта нам как до Луны [2, с. 154–158].

В 1993 году писатель и математик Вернор Виндж предложил пугающую концепцию технологической сингулярности. Представьте: мы создаем ИИ, который чуть-чуть умнее человека. Этот ИИ тут же создает ИИ, который еще умнее. Тот — следующего. Процесс ускоряется лавинообразно. И очень быстро возникает разум, настолько превосходящий наш, что мы не можем даже представить, как он мыслит.

Этот момент и есть сингулярность — точка, за которой прогнозы теряют смысл. Появятся теоремы, доказательства которых человек не сможет проверить за всю жизнь. Возникнет «машинное знание», доступное только машинам. И что тогда будет с нами? [1, с. 190–192].

Пока это фантастика. Но вот показательный пример: теорема о четырех красках. Она утверждает, что любую карту можно раскрасить четырьмя цветами так, чтобы соседние страны не сливались. Теорему доказали с помощью компьютера. Доказательство настолько громоздкое, что ни один человек не в силах проверить его вручную. Приходится верить машине на слово.

Это ли не первый шаг к машинному знанию? Практические страхи: оставить без работы и подчинить. Пока философы спорят о природе сознания, обычные люди боятся другого. По данным опросов, главный страх перед ИИ — потеря работы. И он не беспочвенен. Автоматизация уже уничтожила целые профессии, и этот процесс будет ускоряться.

Но история учит: новые технологии уничтожают старые профессии, но создают новые. До появления компьютеров не было программистов и системных администраторов. Возможно, появятся «психологи для роботов» или «этики ИИ». Вопрос в том, успеют ли люди переучиваться так же быстро, как устаревают их навыки.

Еще одна тревога — тотальная слежка. Распознавание речи и лиц уже позволяет государствам и корпорациям знать о нас слишком много. Здесь важно найти баланс между безопасностью и приватностью.

Самое страшное: а если они решат нас убить? Это любимая тема фантастов. Терминатор, Матрица — сценарии, где машины восстают и уничтожают человечество. Эксперты относятся к этому серьезно. Физик Стивен Хокинг и Илон Маск не раз предупреждали: создание сверхразумного ИИ может стать последней ошибкой человечества.

Проблема не в том, что машины станут злыми. Злость — человеческое качество. Проблема в несовпадении целей. Знаменитая притча про канцелярскую скрепку: представьте, что вы поручили суперинтеллекту делать скрепки. Он будет делать их настолько эффективно, что в какой-то момент переплавит на скрепки всё, включая вашу машину, дом и вас самих. Он не хотел зла, он просто выполнял задачу [1, с. 158–162].

Поэтому уже сегодня ученые призывают задуматься о контроле и безопасности ИИ. Нужны четкие правила, этические кодексы и механизмы «красной кнопки» на случай, если что-то пойдет не так.

Итог: кто мы в этом мире? Главный урок философии искусственного интеллекта — не в том, как создать умную машину. А в том, что, пытаясь понять искусственный разум, мы начинаем лучше понимать себя. Что для нас важнее — результат или понимание? Имитация или подлинность?

Пока до «сильного» ИИ — настоящего, мыслящего, понимающего — нам очень далеко. Нынешние нейросети — гениальные имитаторы, но не более. Однако количественный рост их сложности может однажды привести к качественному скачку. Произойдет ли он? И если да, то признаем ли мы в машине равного? Или наш нарциссизм окажется сильнее?

Возможно, прав был Дени Дидро, который в XVIII веке сказал: если он найдет попугая, способного ответить на любой вопрос, то без колебаний назовет его разумным существом. В конце концов, умение поддерживать разговор — не такой уж плохой признак интеллекта. Даже если твой собеседник — машина.

Список литературы:

1. Виндж, В. Грядущая технологическая сингулярность: Как выжить в постчеловеческую эпоху / пер. с англ. М. С. Голубева // Возможные миры: Искусственный интеллект и теория фантастики. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — С. 178–205.
2. Дрейфус, Х. Л. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума / пер. с англ. М.А. Эскиной. — М.: Прогресс, 1978. — 336 с.
3. Сёрл, Дж. Разум мозга — компьютерная программа? / пер. с англ. А.Ф. Грязнова // В мире науки. — 1990. — № 3. — С. 7–13.
4. Тьюринг, А. Вычислительные машины и разум / пер. с англ. К.А. Томсона // Может ли машина мыслить? Сборник статей. — М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. — С. 9–46.

Белецкая Мария Андреевна

1 АД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Maria Beletskaya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»: ПРОБЛЕМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДВИГА

Аннотация: В данной статье рассматривается тема художественного образа подвига, совершенного жителями оккупированного Краснодона во время Великой Отечественной войны: создания молодежной подпольной организации, боровшейся с фашистами. «Молодая гвардия» стала символом решительной борьбы и храбрости простых горожан и получила широкую популярность и огласку благодаря ее художественному воплощению в романе А.А. Фадеева. Статья направлена на анализ созданной писателем истории, ее значения в контексте общественного мнения и исторической памяти.

Ключевые слова: Фадеев, роман, историческая память, Великая Отечественная война, советская литература.

“THE YOUNG GUARD”: THE PROBLEM OF ARTISTIC PORTRAITING OF HISTORICAL HEROISM

Summary: This article discusses the theme of artistic portrayal of the feat performed by the residents of the occupied Krasnodon during the Great Patriotic War: the creation of a youth underground organization that fought against the fascists. The “Young Guard” became a symbol of the resolute struggle and bravery of ordinary citizens and gained widespread popularity and publicity due to its artistic embodiment in the novel by A.A. Fadeev. The article aims to analyze the veracity of the story created by the writer, its significance in the context of public opinion and historical memory.

Keywords: Fadeev, novel, historical memory, the Great Patriotic War, Soviet literature.

Художественные интерпретации исторических событий вызывают спорную реакцию среди людей, часто не только профессиональных историков и непосредственных участников событий, но и простых граждан. С одной стороны, работы художников, режиссеров, поэтов и писателей помогают сохранить память о произошедшем, почтить подвиги, выразить скорбь, придать широкую огласку.

С другой стороны, искусство, основанное, прежде всего, на субъективном мнении и взгляде творца, его эмоциях и интерпретациях, не может отражать реальность в однозначной мере, оно остается противоречивым. Это приводит к

тому, что факты искажаются, образуя порой пропасть между творческим произведением и историческим прошлым. Так, распространяясь в массы, искусство способно, наоборот, оставить реальность позади, вытесняя ее на задворки сознания общества.

Художественная адаптация подвига членов краснодонского подполья не лишена таких расхождений. Прошло уже более 80 лет, но до сих пор не утихают споры о подробностях работы организации, что, во многом, вызвано именно противоречиями, возникшими из-за широкой известности романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия». В советское время политическое руководство страны уделяло особое внимание пропаганде подвигов участников Великой Отечественной Войны, в том числе и членов «Молодой гвардии», чтобы привить нужные ценности подрастающему поколению, выразить дань уважения участникам этих событий и их семьям. Роман включили в школьную программу, была выпущена экранизация С.А. Герасимова, и для простых граждан воплощенные образы молодогвардейцев стали главным источником информации об организации.

Важно отметить, что А.А. Фадеев неоднократно указывал на художественность романа, однако популярность его произведения привела к тому, что он стал восприниматься как первоисточник. Был в этом и элемент намеренного искажения фактов. В ходе беседы участница «Молодой гвардии», Н.М. Иванцова, говоря о событиях 1946, отметила: «Когда приезжал Каганович в Краснодон, нас предупредили (кто-то из ЦК ЛКСМУ), чтобы мы говорили только то, что написано в романе Фадеева».

Проводилась работа с жителями города, ставшего сердцем организации – Краснодона. Роман А.А. Фадеева, согласно воспоминаниям Н.В. Пилипенко, секретаря Ворошиловградского обкома комсомола в 1940-х годах, по указанию секретаря ЦК ЛКСМУ В.А. Костенко, читали по квартирам, по семьям молодогвардейцев. При этом просили историю организации «излагать так, как это показано в книге Фадеева».

Но люди не могли забыть подвига своих соседей, друзей, детей. Они не были готовы исказить память о молодогвардейцах после того, как провели с ними годы оккупации города, являлись свидетелями их смелых действий. В конце 1946 года в Краснодоне сотрудники издательства «Молодая гвардия» поговорили с жителями, чтобы узнать их позицию. Редактор издательства А.В. Лукин в докладной записке в ЦК ВЛКСМ 6 января 1947 года писал: «Считаю своим долгом довести до сведения секретариата ЦК ВЛКСМ следующее: роман Фадеева «Молодая гвардия» подвергается самой беспощадной, и надо сказать, справедливой критике. Молодежь, учительская общественность и родители молодогвардейцев обвиняют Фадеева в том, что он незаслуженно выдвинул на передний план Кошевого, снизил образ Громовой и особенно Ивана Земнухова, которого весь город считает организатором, руководителем и душой «Молодой гвардии». Жители Краснодона, не стесняясь, открыто рассказывают об этом всем приезжающим экскурсантам, делегациям и одиночкам. Они обвиняют Фадеева в том, что он ни у кого из краснодонцев, кроме Кошевой, не был. Они,

в частности, утверждают, что Фадеев неверно показал и всю организацию в целом. В то время, как в действительности «Молодая гвардия» представляла из себя большую серьезную организацию, делавшую часто больше, чем другие партизанские подпольные организации области, в романе этого нет. В романе Фадеев изображает, наоборот, какую-то детскую игру школьников в подполье».

Чтобы найти источник таких расхождений между позициями жителей города и писателя, стоит обратить внимание на личность А.А. Фадеева, его мотивы в написании романа и авторскую позицию. Писатель ознакомился с деятельностью «Молодой гвардии» летом 1943 года. Он был приглашен в ЦК ВЛКСМ, где ему представили только что вернувшихся из Краснодона сотрудников ЦК, где они в составе специальной комиссии собирали сведения об организации. Во главе комиссии стоял полковник КГБ А.В. Торицын. Писателю поведали историю членов организации, развернувшуюся в городе после того, как оккупировавшие его немцы зарыли в городском парке еще живых шахтеров, известных всему городу.

Так, А.А. Фадееву Центральным Комитетом было предложено написать книгу о подвиге краснодонской молодежи. Он согласился и взялся за изучение отчета из города. В нем были свидетельства жителей, протоколы допросов полицейских, письма и воспоминания родственников молодогвардейцев. Трогательные истории матерей не включали фактов и важных подробностей боевых операций: часто дети и не рассказывали им о своей деятельности. Но в них было нечто большее, представляющее важный интерес для А.А. Фадеева как для писателя: их чувства. Скорбь по их погибшим сыновьям и дочерям, гордость за их смелость, материнский взгляд на пытки и истязания немцев в отношении их детей, детей других горожан. Елизавета Алексеевна Осьмухина, мать одного из молодогвардейцев, писала: «Мое сердце все больше и больше волнуется. Мне Володю как-то особенно жаль. Он запоем, а мне плакать хочется. Часто он пел «Орленка», «Кочегара», «Бродягу». Мое сердце чувствовало, что скоро этого мальчика не будет у нас, не услышу его «Орленка». И вот роковое число подошло. 5.01.1943 г. Володю посадили. Нельзя передать чувство, которое я испытала в то время. С тех пор я стала желать одного, чтобы мой дорогой был стоек, не дрожал перед этими псами-предателями, а нагло над ними смеялся и прямо и смело смотрел смерти в лицо. Мне это было делать очень трудно, но я желала только одного, чтобы не согнули спину моего 18-летнего орла, чтобы не сломали его крыльев до самой смерти».

Для Александра Александровича эти документы перекликались с событиями его молодости: в 16 лет будущий писатель жил во Владивостоке, где сам состоял в молодежной организации. Летом 1918 произошел контрреволюционный переворот и после ареста многих взрослых и видных членов подполья часть деятельности перешла на «соколят». С ними Александр участвовал во многих рискованных операциях, расклеивал по ночам листовки на улицах родного города. После того, как Александр был принят в партию, он быстро стал комиссаром полка, спустя год – комиссаром бригады, и шел выше

по карьерной лестнице. В своей работе среди «соколят» в молодые годы А.А. Фадеев видел романтику, и это не могло не оказать влияния на произведение, за которое он принялся более чем через 20 лет. Важно отметить, что тем событиям писатель посвятил несколько произведений: рассказ «Против течения», повесть «Разлив», романы «Разгром» и «Последний из удэге» – этот период его жизни занимал важное место в его памяти и творчестве.

В 1943 же А.А. Фадееву было уже 42 года, но он еще помнил азарт собственных ночных разведок и вылазок. Отчет из Краснодона оживил в памяти писателя его юность, в членах организации он узнавал себя и молодежь Владивостока. Писатель был вдохновлен тем, что попало к нему в руки и быстро начал работу над будущим произведением. Спешка была оправдана двумя факторами: не только его собственным желанием поскорее открыть широкой публике подвиг молодогвардейцев, но и давлением со стороны правительства, что стало одной из причин не всегда верного изображения действительности в романе.

Писатель, о чем можно судить по его собственным словам в письмах и заявлениях, касающихся уже выпущенного романа, действительно желал сохранить реальные факты биографии членов организации. Позже он говорил про свой роман так: «Я буду принимать покорно любую критику художественных недостатков моего романа. Но я хочу сказать, что я в этом романе не вступил на путь идеализации, – нет! Да, я утверждаю, что люди, изображенные мною, именно такими людьми и были». Сложно оценить степень его вины в том, какие именно слова, документы и отчеты он взял за основу своего произведения, но факт остается фактом – получившийся роман стал широко известен по всей стране, и процесс искажения судеб и подвигов отдельных молодогвардейцев и простых жителей Краснодона стал необратим.

На этом этапе стоит обратиться к двум личностям, которые оказали на роман «Молодая гвардия» неизгладимое влияние. Их имена – А.В. Торицын и Е.Н. Кошечкина – ложатся тенью на историю всех членов «Молодой гвардии». Первый из них, сотрудник КГБ, уже был ранее упомянут как глава комиссии для изучения деятельности и причин гибели организации. Вторая – мать одного из участников – имеет биографию, которая не упоминается в тексте романа А.А. Фадеева, однако крайне важна в теме этой статьи. Несколько факторов наложились друг на друга, образуя трещину расхождения с реальной ситуацией, и нельзя сказать, что на все ниже перечисленное мог повлиять писатель.

Во-первых, уже после начала работы над своим произведением, которое изначально должно было быть документальной повестью и гораздо сильнее опираться на факты, при этом практически полностью лишаясь творческого вымысла, автор решил полностью изменить жанр. Его не удовлетворяла форма повести, писатель хотел наполнить работу художественным смыслом. Решение обратиться к роману было рискованным: он понимал, что этот труд может определить всю его карьеру. Роман подразумевал гораздо больший объем исследования, ведь некоторые вопросы, которые писатель не поднимал в

повести, теперь требовали к себе внимание. Одним из таких вопросов было участие членов подпольной партийной организации в делах «Молодой гвардии». А.А. Фадееву было известно, что люди старшего поколения, оставленные в Краснодоне для партийной работы, были быстро вычислены и убиты немцами, однако он сомневался, что после их гибели столь молодые жители Краснодона смогли сами продолжить настолько эффективную подпольную деятельность самостоятельно. Однако подтверждений этой теории А.А. Фадеев не находил: жители города не внесли ясности в его мысли, только Е.А. Осьмухина рассказала, что ее сын имел странную дружбу с Ф.П. Лютиковым, который еще до оккупации был назначен руководителем партийного подполья.

В наше время известно, что Филипп Петрович действительно до самой своей гибели держал связь с молодогвардейцами через Галину Георгиевну Соколову и Евгения Мошкова, Владимира Осьмухина и Анатолия Орлова, работавших в электромеханических мастерских. Он предоставлял информацию о предстоящих операциях, о необходимости агитационной работы, учил молодогвардейцев методам конспирации и скрытности. Но в то время А.А. Фадеев не располагал этой информацией, и на этом этапе произошел важный перелом его работы над произведением: он домыслил, насколько мог, связь между членами молодежной организации и партийным подпольем, а также использовал для описания гибели старшего поколения подпольщиков одну из вероятных версий, а не подтвержденный факт, по причине того, что точной информацией никто не обладал – члены подполья тщательно скрывали детали своей работы даже от семей, и их стремительное задержание не оставило возможности что-либо узнать. А.А. Фадееву необходимо было описать события, подтвержденной информации о которых практически не было. В таких обстоятельствах приписывать конкретные действия и мысли реальным личностям было нельзя. Так появился образ художественный, обобщенный. Таковым предстал перед будущими читателями Матвей Шутьга. Для его создания автор использовал детали реальных историй ворошиловградских организаций, однако это не отменяет того факта, что Шутьги в оккупированном Краснодоне не существовало.

Во-вторых, на результат повлияло избрание нетипичного для А.А. Фадеева как для автора романтического начала. Писатель был реалистом, что хорошо прослеживается в его более ранних работах: «Разгроме», «Последнем из Удэге» и других. Но в отношении этого романа он был убежден: именно принципы этого направления помогут ему наиболее ярко отразить свою художественную мысль и задумку. Так от повести, где должен был преобладать реализм: сухие и однообразные описания биографий молодогвардейцев, которые казались автору совершенно не отражающими героев как личностей, А.А. Фадеев перешел к романтизму в романе: здесь ярко стало проявляться противоречие между необходимостью сохранения фактологической точности и желанием внести свое творческое видение. Писатель признавался, что ему «мешало» то, что он не может отказываться от каких-либо фигур, или

объединить их в собирательные образы. Это было последовательно: до этого А.А. Фадеев не имел такого опыта.

Романтизм проявляется и в нравственных устоях персонажей, которыми их наделил писатель: в романе явно прослеживается мысль о необходимости «не потерять что-то самое большое, что жило в мире». Такая позиция присутствует в размышлениях многих героев: Ульяна Громова испытывает тревогу вместо триумфа после поджога биржи, который помог спасти множество жителей оккупированного города, Олег Кошевой после стычки с немцами, в ходе которой они с его группой отбивают большое стадо скота, с тоской вспоминает «Днепр, солнце, стада огромные в степи», Виктор Петров после успешного нападения на лагерь военнопленных высказывает друзьям сожаление по поводу того, чем они «вынуждены заниматься» после того, как мечтали о светлом и счастливом будущем до оккупации.

Но повторяющиеся из раза в раз во всем мире войны показывают: такие события не способствуют сохранению у людей чувствительности, сентиментальности и благодушия. Наоборот, они лишают их этих черт, хоть иногда и прививают новые ценности, такие как понимание важности жизни, семьи и дружбы. А.А. Фадеев в своем романе в угоду сохранения романтизма борьбы «Молодой гвардии» не развивает героев в этом ключе. Это приводит к тому, что мотив сохранения чистоты души выходит на передний план и превращает успешные наступательные операции, которые в реальности проводили члены организации, в оборонительные меры. Усилило этот эффект и то, что автор намеренно применял одно и то же композиционное решение в тексте: после таких жестоких, но необходимых на войне, действий «Молодой гвардии» герои всегда возвращаются в уютную атмосферу их домов, где они могут поддаться ностальгии по прошедшим дням со своими друзьями или поговорить со своими семьями. С точки зрения драматизма эти эпизоды хороши – они раскрывают столкновение ужаса войны с бытовыми, рутинными радостями, и контраст нагнетает, усиливает ужас происходящего. Но они также смягчают мотивы и характеры героев в целом, и их решительные наступательные меры перестают таковыми выглядеть. Современники А. А. Фадеева указывали: в его романе деятельность «Молодой гвардии» упрощена до «игры в подполье», что сложно назвать допустимым для этого романа, учитывая его первоначальные цели. Именно применение романтизма привело к такому результату.

В-третьих, А.А. Фадеев в гораздо большей степени, чем следовало, доверился документам, переданным комиссией. На титульном листе романа «Молодая гвардия», подаренного А.В. Торицину, есть надпись, свидетельствующая о том, насколько большое влияние на содержание романа оказали эти отчеты. Она гласит: «Дорогому Анатолию Васильевичу Торицину, чья самоотверженная и честная работа по выявлению деятельности «Молодой гвардии» послужила главным источником этой книги. А. Фадеев. 14.09.47. Москва». Некоторые важные с точки зрения фактологической точности данные комиссии были неверны. Например, в их отчете было указано, что внутри

организации «руководителями были: Кошевой Олег Васильевич, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1940 года, Земнухов Иван Александрович, 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1938 года, и Тюленин Сергей Гаврилович, 1925 года рождения, член ВЛКСМ с 1942 года» и именно они продолжили привлекать остальных участников. Более поздние исследования специалистов показали, что первыми подпольщиками были члены группы Сергея Тюленина, а после возвращения жителей из эвакуации создались группы вокруг Вани Земнухова, Ульяны Громовой и Анатолия Попова. После слияния этих групп с несколькими прочими и образовался штаб «Молодой гвардии». Олег Кошевой не был настолько важным лицом в ее управленческом ядре, как это выглядит на страницах романа.

Такую оценку деятельности А.В. Торицына дает «Итоговая записка межрегиональной комиссии по изучению истории организации «Молодая гвардия» о ее деятельности за два года работы», написанная комиссией, встретившейся с оставшимися в живых членами молодой гвардии, партийными работниками и родственниками молодогвардейцев в 1993 году: «Комиссия работала поспешно и недостаточно компетентно. В ее документах отчетливо просматривается субъективизм и предвзятость по отношению к некоторым участникам подполья.

Работа комиссии имела закрытый характер, без привлечения широкой общественности, при полном отсутствии необходимых специалистов. Тем не менее ее выводы носили безапелляционный характер... Особо отчетливо это проявилось в установлении критериев членства в «Молодой гвардии», сроков и содержания ее деятельности, в написании необъективных характеристик на участников организации. Без тщательного расследования комиссия определила круг лиц, якобы, виновных в предательстве и гибели молодежного подполья».

В ходе этой беседы Василий Иванович Левашов, один из молодогвардейцев, в одном из своих ответов на примере конкретного лица – Олега Кошевого – раскрыл всю суть работы над адаптацией реальной истории в те годы. Этот ответ звучит так: «Знает и Валерия Борц, что именно Третьякевич был комиссаром. Вот я как-то, когда написал воспоминания в журнале «Красная Звезда», это было в 59-ом году, дал ей прочитать. Хотелось мне ее мнение, все-таки участника группы знать. Но она по тому вопросу... говорит: «Ты знаешь, в 43-ем году мне было сказано: подтвердишь это – получишь награду». Что подтвердить, и как она поступила, я не стану говорить, потому что от такого признания мне становится жалко девчонку. В 16 лет заставили лгать. Сейчас она, может быть, кается, то есть она знает, что был не Кошевой, а был Третьякевич, она, может быть, не знает историю. Почему, как произошло, но о том, что главной фигурой политической был Виктор Третьякевич, более зрелый. У Олега свои достоинства: талантливый парнишка, конечно, если бы не этот случай, что его незаконно объявили комиссаром, о нем можно много интересных фактов привести. В смысле политической его активности, его мужестве, он достоин того, чтобы носил звание Героя Советского Союза. Но обидно за Третьякевича, который, конечно, скромно награжден, хотя то

привлекательно, что есть привлекательного в «Молодой гвардии», конечно, это, прежде всего его заслуга». В.И. Левашов в своем ответе не ставит под сомнение тот факт, что именно Третьякович был одним из руководящих звеньев организации, но отмечает, что у Кошевого были свои достоинства.

Подобным образом формировалась вся база написания романа: где-то сохранились имена, но деформировался характер, где-то искажались факты, а те люди, которые могли рассказать правду, были не выслушаны, или выслушаны и проигнорированы.

Во время своей работы А.В. Торицын жил в квартире матери Олега Кошевого. На первый взгляд это обстоятельство может показаться незначительным, но именно от него исходят многие факты. Елена Николаевна Кошечкина имеет такой факт в биографии: когда ее сыну было 11 лет, она познакомилась, а затем сбежала с заведующим райфинотделом Кашуком, бросив свою семью. Вместе они провели три года, но мужчину поместили в психиатрическую больницу. В своей «Повести о сыне» она писала, что ее «муж тяжело заболел», после чего его увезли в больницу и он больше не вернулся домой. Она не упоминает его имени, поскольку пишет не о своем муже, Василии Федосеевиче Кошевом, который остался с сыном, а о любовнике. После того, как женщина осталась одна, она приехала в Краснодар к своему брату Николаю Коростылеву. Туда же переехали Олег и его бабушка после того, как В.Ф. Кошевого призвали на фронт. После начала оккупации вместе со своей подругой Елена Николаевна посещала немецкие квартиры во время проводящихся там вечеров, о чем давали свидетельства жители Краснодона. В то же время ее брат пошел на службу к оккупантам и стал членом немецкого дирекциона № 10, который обеспечивал топливом фашистскую Германию.

В «Молодой гвардии» есть цитата, посвященная Выриковой и Лядской, реальным девушкам из Краснодона, которым будет уделено внимание ниже. В романе они изображены предательницами. «С детских лет они перенимали у своих родителей и у того круга людей, с которыми общались их родители, то представление о мире, по которому все люди стремятся только к личной выгоде и целью и назначением человека в жизни является борьба за то, чтобы тебя не затерли, а, наоборот, – ты преуспел бы за счет других» – так писал о них А.А. Фадеев. Изучение реальных личностей позволяет провести параллели с этим размышлением писателя, но не в контексте этих двух девушек, а в отношении семьи Кошевых.

Одноклассница Олега, А.Г. Титова, описывала его как замкнутого, обособленного от коллектива ребенка: «В школе Олега Кошевого называли барчуком. Почему так, мы тогда не очень задумывались. Возможно, это было связано с его характером, а также воспитанием в семье. Сказывался, наверное, физический недостаток. Он сильно заикался. Это ограничивало его общение с ребятами. И многих из них возмутило, когда Виктора Третьякевича оклеветали, а Кошевого стали выдавать за комиссара «Молодой гвардии». Олег не был вожаком, он не обладал такими качествами. Комиссаром «Молодой гвардии» он никогда не был, а вот Виктор Третьякевич был». Схожий портрет Олега

давала в 1944 году и Ольга Иванцова Владимиру Третьяковичу, брату настоящего комиссара «Молодой гвардии». Она говорила так: «...члены «Молодой гвардии» не любили его. Он был очень жадным. «Называли мы его барчуком. Олег Кошевой очень заикался, выступать перед товарищами не умел, авторитетом не пользовался. Во время нападения на немецкую машину 28 декабря 1942 года непосредственного участия не принимал. Не участвовал он и в других операциях».

Мать Олега на протяжении всей своей жизни после смерти сына вырисовывала другой портрет своего ребенка. Первый секретарь (1946–1949) Ворошиловградского ОК ЛКСМУ Н.В. Пилипенко говорил о ней: «Когда Фадеев писал роман «Молодая гвардия», он жил на квартире у Кошевых, безусловно, он часто вел беседы с матерью Олега. Какая мать желает представить своего ребенка в плохом свете». Елена Кошечкина утверждала, что ее сын пошел в девятый класс в 1941, тогда как в 1942 Олег учился в восьмом; указывала на то, как тщательно он готовился к вступлению в комсомол в конце 1940, тогда как принят он был лишь в 1942. Тогда ему помог с рекомендацией Ваня Земнухов. В будущем он стал начальником одного из штабов «Молодой гвардии», и именно благодаря нему Олега включили в организацию, члены которой не доверяли ему из-за того, что им было известно о том, чем занимались его мать и дядя.

Подобное описание не совпадает с тем, что мы можем видеть в романе, так же, как, например, реальные судьбы двух вышеупомянутых девушек – Выриковой и Лядской. Они были реабилитированы, но нельзя не упомянуть, что им пришлось пережить до этой реабилитации.

В 1990 году Ю. Козовский, изучавший деятельность «Молодой гвардии», опубликовал статью, содержащую разговор с Зинаидой Алексеевной Симоненко, которой пришлось сменить свою фамилию (Вырикова) из-за страха осуждения после войны. Она рассказала, что в июне 1941 окончила школу Первомайки в Краснодонском районе. После этого прошла курсы комсомольских работников в Ворошиловграде и в июле приехала к родителям в Краснодон, где провела больше года в оккупации. После освобождения города ее арестовали, без всяких доказательств, аргументировав это тем, что она «комсомольский работник, была на оккупированной территории и не погибла... раз так – значит, выдавала молодогвардейцев». Ее вместе с другими осужденными из Краснодона, которые действительно работали на фашистов, в товарном вагоне повезли на восток. Там «никому... не было дела» до нее, но после того, как начала печататься «Молодая гвардия», Зинаиду отправили в Казань, где допрашивали, задавая один и тот же вопрос о том, кого она предала, но она отвечала, что не предавала молодогвардейцев. Затем девушку перевезли в Ворошиловград, оттуда в Карагандинский лагерь, затем снова в Ворошиловград в сентябре 1944. Ей был 21 год. Там следователь продиктовал ей расписку, согласно которой она не могла рассказывать о методах ведения следствия и через год и девять месяцев Зинаиду Алексеевну наконец выпустили из тюрьмы.

Во время оккупации она не знала о подполье, хотя и была знакома с некоторыми его членами, в том числе с Виктором Третьяковым. Он даже приглашал ее в оркестр во время оккупации, но она ответила ему, что не собирается «ни играть, ни петь, пока наши не вернутся в Краснодар». Роман А.А. Фадеева становился все популярнее, его многомиллионные тиражи расходились по миру, и Зинаиде Выриковой пришлось стать Симоненко, поскольку ее фамилия на страницах романа фигурировала как фамилия девушки, которая общалась с немцами и обрекла множество своих смелых сограждан на мучительную смерть. Он писала А.А. Фадееву с просьбами опровергнуть его слова о ней, потому что, будучи уже матерью, боялась за своего сына. Однако ответа от писателя она не получила.

Еще более ужасна история жизни второй девушки – Ольги Александровны Лядской. Судьба ее отчасти была определена именно упоминанием в романе. Задержание, допросы и «признания», которые ее заставили дать, привели 17-летнюю Ольгу к многолетнему нахождению в жерновах лагерей: Ныроблаг, Кенгир, Тайшет, где родилась ее дочь, Озерлаг. После самоубийства А.А. Фадеева она вышла на свободу, но все равно осталась предательницей в глазах большинства советских граждан, которых растили на идее ненависти к предателям со страниц школьных книг и экранов. Ольга Александровна после реабилитации встретила с журналистами и описала свою историю так: «Мои земляки понимали больше Фадеева, а потому не держали меня за предательницу, не верили в это. Кроме того, со дня своего возвращения из лагеря я считала, что полностью реабилитирована, ведь в моей справке говорилось, что я освобождена по решению комиссии Верховного Совета СССР со снятием судимости. Разве с предателей снимают судимость?».

Во время оккупации Ольга не знала о подполье, не состояла в нем. Как и многим жителям Краснодона, в 1942 году ей пришла повестка об отправке в Германию (читатели романа могут узнать в этом историю Вали Филатовой, подруги Ульяны Громовой). В порыве чувств девушка написала письмо своему школьному товарищу, упомянув там свое ужасное отношение к войне и к немцам. Она оставила письмо у подруги, но та так и не смогла передать его адресату, его нашли оккупанты. Ольгу схватили, но матери девушки чудом удалось ее вытащить, и они скрылись в деревне. Этот эпизод, скорее всего, и послужил причиной того, что той молодой девушке пришлось прожить еще практически 50 лет в стыде и страхе, прежде чем ее полностью реабилитировали в марте 1990 года.

Во время оккупации Ольга и Зинаида даже не знали друг друга.

Вот так А.А. Фадеев своим пером превратил мальчика, которого случайно и с недоверием приняли в «Молодую гвардию», в ее комиссара, а двух девушек, которые не знали ни о ее существовании, ни даже о существовании друг друга, в подруг, которые называли оккупантам списки из десятков имен ее членов. Эти истории – не единственные, писатель в той или иной степени исказил множество описаний жителей Краснодона.

Подводя итог, можно сделать вывод, что роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», являющийся самым известным произведением о подвиге одноименной организации, вместе с этим является крайне противоречивым явлением искусства. Он, безусловно, принес славу и общенародное почитание молодогвардейцам, их бессмертному и бравому подвигу, который нельзя забывать. Но в то же время нельзя не отметить, что в его создание активно вмешивалось государство, провоцируя искажения правды, пропагандируя художественный текст как неоспоримую истину, и что автор недостаточно ответственно отнесся к изучению реальной ситуации, что роман излишне романтично изображает страшные события, произошедшие со вчерашними школьниками. Пример «Молодой гвардии» показывает – искусство содержит долю вымысла, и важно помнить об этом, разграничивая его и историческую реальность, чтобы не потерять последнюю из виду.

Список литературы:

- 1.Боборыкин В.Г. Об истории создания романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия». – М.: Просвещение, 1988. – 256 с.
- 2.Дружинина А.В. «Молодая гвардия»: литературный образ и документальные свидетельства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16. – С. 145–150.
- 3.Козовский Ю. Зинаида Вырикова. Жизнь и судьба (к истории еще одного героя романа «Молодая гвардия») / Сайт «Молодая гвардия». – URL: <https://www.molodguard.ru/article207.htm> (дата обращения: 27.10.2025).
- 4.«Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность: сборник документов и материалов / Сост.: И.А. Иоффе, Н.К. Петрова. – М.: Вече, 2003. – 368 с.
- 5.Мухин Л. Жертва литературной версии. – URL: <https://www.sb.by/articles/zhertva-literaturnoy-versii.html> (дата обращения 29.10.2025).
- 6.Подов В. Загадки и тайны «Молодой гвардии». – Минск: Изд. В. Хурсик, 2010. – 228 с.

Белихин Егор Александрович

2 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Belikhin Egor

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСМЫСЛЕНИЕ НЕИЗМЕРИМЫХ СТРАДАНИЙ

Аннотация: В данной статье рассматривается философский подход к осмыслению страданий масштаба блокады Ленинграда, Холокоста, военного плена, через осмысление крайней формы человеческого страдания в учениях Альбера Камю, Эмманюэля Левинаса и Фридриха Ницше.

Ключевые слова: страдания в философии, Альбер Камю, Эмманюэль Левинас, Фридрих Ницше, блокада Ленинграда, Холокост, война.

UNDERSTANDING IMMEASURABLE SUFFERING

Summary: This article examines a philosophical approach to understanding suffering on the scale of the siege of Leningrad, the Holocaust, and military captivity, through understanding the extreme form of human suffering in the teachings of Albert Camus, Emmanuel Levinas, and Friedrich Nietzsche.

Keywords: Suffering in philosophy, Albert Camus, Emmanuel Levinas, Friedrich Nietzsche, the siege of Leningrad, the Holocaust, the war.

Прошло 80 лет с окончания Второй мировой войны, которая унесла более 55 млн. жизней, из которых 26,6 млн. советских. Данный раздел истории навсегда останется как катастрофа, которая обнажила самые глубины человеческого существования.

Бесчеловечные действия нацистской Германии, такие как блокада Ленинграда, Холокост, военнопленные лагеря на оккупированных территориях, принесли неисчислимые страдания военным и мирному населению. Взятие Ленинграда без штурма было частью стратегического плана. Одной из причин такого плана было психологическое давление на народ и советскую власть. Длительная блокада, голод и обстрелы должны были привести к деморализации, показав стране бесперспективное сопротивление. Однако, для Германии этот населенный пункт не представлял интереса и должен был прекратить свое существование после поражения Советской России. Этому свидетельствует директив штаба военно-морских сил Германии об уничтожении г. Ленинграда [1]. Холокост — это систематическое уничтожение еврейского народа, в результате которого погибли примерно шесть миллионов человек. Зверства нацистов не имели предела: если у человека обнаруживали еврейские корни, его могли тут же казнить, расстрелять вместе с другими или депортировать в лагерь смерти. В этих лагерях людей умерщвляли

чудовищными способами. Уже при прибытии узников ждала "селекция" — немедленный отбор, после которого большинство отправляли в газовые камеры. Первыми на смерть обрекали стариков, детей, женщин и тех, кто не мог работать. Оставшихся в живых ждали изнурительный рабский труд, голод и постоянные издевательства, превращавшие их существование в нескончаемую муку. В нацистских лагерях для военнопленных условия содержания, голод, болезни, издевательства и массовые казни привели к более трех млн. смертей советских военнопленных. Многие в таких лагерях страдали дистрофией, и выглядели как "ходячие скелеты", которые очень скоро умирали. Масштабы страданий, причинённых нацистской Германией, трудно осознать в полной мере. Однако философская мысль предлагает различные подходы к осмыслению подобных крайних форм человеческих мучений, пытаюсь найти в них хоть какой-то смысл или объяснение.

Для Альбера Камю (1913 – 1960) в «Мифе о Сизифе» мир предстает как хаотичная реальность, где рациональные структуры — лишь иллюзия, созданная человеческим сознанием, отчаянно цепляющимся за логику. Эта экзистенциальная дисгармония между стремлением разума к порядку и бессмысленным молчанием космоса становится источником переживания абсурда [2. с. 28]. Катастрофы XX века — войны, геноциды, тоталитаризм — обнажают абсурд до предела, превращая его из философской категории в травматический опыт плоти и духа.

Камю яростно критикует любые попытки оправдать неоправданное — будь то теодицея, прикрывающая ужас верой в «промысел», или утопические идеологии, жертвующие настоящим ради мифического будущего [2. с. 38-51]. Для него такие конструкции — предательство ясности, бегство в удобную ложь. Страдания блокадников, узников лагерей, жертв массовых расстрелов — не «искупление» и не «плата за прогресс», а беспощадное обнажение абсурдности бытия. Принимать эту истину без спасительных иллюзий — единственный честный ответ, который оставляет человеку Камю. Здесь абсурд достигает своей жуткой концентрации, где даже вопрос о смысле теряет смысл.

Сам Камю прямо говорит о всех злодеяниях Гитлера в «Письмах немецкому другу», и утверждает, что он — тиран, который не оставил ничего положительного после себя [2. с. 251]. Однако он не останавливается на констатации абсурда. Его ответ — бунт. Бунт не как политическая революция, а как экзистенциальная позиция постоянного неприятия несправедливости и страдания, несмотря на их неизбежность [2 с. 134]. Осознав абсурд мира, включая чудовищность неоправданных страданий, человек должен бунтовать против него своим отказом смириться, своим стремлением к солидарности, справедливости и сохранению человеческого достоинства внутри самого абсурда. Смысл рождается не из страдания, а вопреки ему, в акте сопротивления его обезчеловечивающей силе.

Эмманюэль Левинас (1906 – 1995) в своем произведении "Тотальность и Бесконечное" совершает радикальный поворот от вопроса о смысле вообще или смысле страдания человека к этическому императиву, рождающемуся при

встрече со страданием Другого. Для Левинаса "лицо Другого" – это не объект познания, а бесконечный призыв, выражение абсолютной уязвимости и запрета на убийство. Страдание Другого – это не абстракция, а конкретный, не отменимый вызов ответственности человека [3, с. 194]. Встреча с Лицом, искаженным невыносимым страданием, будь то жертва блокады, узник концлагеря или измученный пленник, немедленно ставит его перед абсолютным этическим требованием: "Ты не должен оставлять меня одного в моем страдании". Левинас категорически отвергает любые попытки "объяснить" или "оправдать" страдание Другого через исторические закономерности, высшие цели или метафизические схемы. Это было бы формой тотализации, подчинением уникальности страдающего Другого некоей безличной системе, что для Левинаса является корнем насилия. "Страдание Другого, бессмысленное для него, становится для меня смыслом".

Смысл возникает не внутри самого страдания жертвы, которое может и должно восприниматься как абсурдное и неоправданное зло, а в ответе свидетеля или того, кто способен помочь. Обязательство человека перед страдающим Другим – это и есть первичный источник смысла в этическом измерении. Осмысление страданий катастроф заключается не в их теодицее или историческом оправдании, а в безоговорочном признании ответственности человека за человека, в призыве к действию, помощи, свидетельству и памяти, которая чтит жертву как уникального Другого, а не как статистику.

Фридрих Ницше (1844–1900) в произведении «По ту сторону добра и зла» и фрагментах «Воли к власти» предлагает провокационный взгляд, разрывающий саму логику поиска внешнего оправдания страдания. В отличие от экзистенциального бунта Камю или этики ответственности Левинаса, Ницше видит в страдании не трагедию, а топливо для становления. В афоризме 62 он рисует человека не как конечную цель, а как мост — хрупкий, напряженный, ведущий к Сверхчеловеку. Это путь через «гибель», где разрушение старого — не катастрофа, а условие творческого преодоления. Страдание здесь — не ошибка мироздания, а плата за эволюцию, знак того, что человек еще борется, а не смирился [4, с. 87].

Но Ницше — не апологет жестокости. Его «воля к власти» — не право сильного угнетать слабого, а вызов самому себе: можно ли переплавить боль в силу? Превратить хаос страдания в порядок собственного роста? Это вопрос не к палачам, а к тем, кто страдает: способны ли они, как Заратустра, принять свою судьбу не покорно, а страстно, как художник принимает сопротивление материала? [5, с. 380]. Таким образом, у Ницше смысл катастрофического страдания — не дарованный свыше, а сотворённый. Он возникает не извне, а из ядра воли — когда сильный духом преображает боль в молот, а хаос — в материал для собственного преображения. Но эта возможность — не для всех. Для одних руины становятся трамплином к Сверхчеловеку, для других — могилой духа. Здесь нет справедливости: одно и то же страдание возвышает или уничтожает в зависимости от того, способна ли личность переплавить его в

силу. Бессмысленно оно лишь для тех, кто уже сломлен — для них абсурд не вызов, а приговор.

Осмысление неизмеримых страданий через призму указанных философов не дает единого ответа, но очерчивает границы проблемы. Возможно ли найти "смысл" в таких страданиях? Камю скажет: "Нет, это абсурд, и смысл надо создавать вопреки ему, бунтуя". Левинас скажет: "Не в страдании как таковом, а в моем неотвратимом ответе на него перед Другим". Ницше скажет: "Да, но лишь для тех, кто достаточно силен, чтобы превратить его в топливо своего восхождения". Философия не снимает боли этих событий, но дает инструменты для честной встречи с ними: от непримиримого признания абсурда Камю, через абсолютный этический императива Левинаса, до трагического утверждения жизни даже в ее самых ужасных проявлениях Ницше. Каждый подход предлагает свой путь противостояния бездне, не обещая ложных утешений.

Список литературы:

1. Директива штаба военно-морских сил Германии об уничтожении г. Ленинграда – URL: <https://www.prlib.ru/item/1352447> (дата обращения: 05.06.2025).
2. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
3. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 288 с.
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / Пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян. // Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. — М.: Культурная революция, 2012. — Т. 5. — 480 с.

Белова Елизавета Сергеевна

1 ЭД-33

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Логинова Диана Васильевна

Elizabeth Belova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: статья посвящена изучению работы следователей и их психических особенностей. Рассматриваются общие нравственные требования, предъявляемые к деятельности следственных работников Следственного комитета Российской Федерации. Особое внимание уделяется нравственным аспектам правоохранительной деятельности. В статье рассказывается о процессе расследования преступлений и о механизмах, которые следователь применяет по отношению к обвиняемому для наиболее эффективного результата. Подчеркивается важность соблюдения следователем в общении с участвующими в деле лицами корректности, выдержки, тактичности, независимо от того, какое положение в деле они занимают.

Ключевые слова: преступление, следователь, нравственность, этика следственной деятельности, этические начала при производстве следственных действий.

THE PROBLEM OF INVESTIGATORS' MORALITY

Summary: This article examines the work of investigators and their psychological characteristics. It examines the general moral requirements for the work of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation. Particular attention is paid to the moral aspects of law enforcement. The article describes the process of investigating crimes and the mechanisms an investigator applies to the accused for the most effective results. It emphasizes the importance of investigators maintaining correctness, composure, and tact when communicating with parties involved in the case, regardless of their position in the case.

Keywords: crime, investigator, morality, investigative ethics, ethical principles in investigative actions.

Расследование преступлений представляет собой специфический вид государственной деятельности, который требует от следователя соответствующих волевых, психологических и нравственных качеств, что обусловлено особенностями его задач и условий их достижения. Специфика условий деятельности следователя, оставляющая свой отпечаток на нравственное ее содержание, выражается в ряде положений. Для эффективного раскрытия преступления и обеспечения справедливого наказания виновного следователь наделен обширными властными полномочиями, также теми,

которые предусматривают ограничение основных прав и свобод человека и гражданина.

В своей работе следователь обязан не только искать улики и расследовать преступление, но и удерживать нравственные границы в процессе поиска истины. Большая часть деятельности следователя связана с общением с людьми, так или иначе причастными к преступлению. Его работа состоит в том, чтобы распознать и зафиксировать факты, но важно, чтобы эта информация была добыта честным путем, уважая человеческое достоинство обвиняемого и свидетелей. Проблема нравственности следователя состоит в постоянном балансе между профессионализмом и эмпатией, между необходимостью раскрыть преступление и оградой от психологического саморазрушения.

В работе следователя важно знать не только законы и нормативно-правовые акты и неукоснительно исполнять их, но и соблюдать требования этики и этикета, быть образцом нравственности, быть морально устойчивым человеком. В этой профессии морали играют особую роль, так как правосудие должно следовать высшим нравственным принципам и справедливости. Многие решения следователя не всегда сводятся к законности, но выражают нравственную оценку, отражают социальную справедливость. Они отвечают не только правовым требованиям, которые установлены УПК РФ, но и социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию. Без указанных качеств выполнение поставленных перед следователем задач невозможно.

Нравственное содержание отношений следователя с обвиняемым, подозреваемым, защитником обвиняемого и другими участниками процесса определяется в первую очередь идеальным соблюдением следователем норм морали. Нравственный климат следствия зависит от того, насколько последовательно следователь соблюдает правовые и моральные нормы. Активность и принципиальность в отыскании истины, объективность и беспристрастность, гуманность, справедливость, безупречная честность, высокая культура общения при строжайшем соблюдении законности, прав и интересов участвующих в деле лиц – важнейшие нравственные требования к следователю.

Следует обратить внимание на необходимость строгого соблюдения следователем в общении с участвующими в деле лицами корректности, выдержки, тактичности, независимо от того, какое положение в деле они занимают, какие эмоции вызывает у следователя их личность и поведение. Следователь должен создать условия, в которых обвиняемый может честно и спокойно изложить свою сторону не под влиянием давления, запугивания или обещания ложной свободы за помощь следствию. В контексте диалога обвиняемый не «объект» расследования, а субъект, чьи мотивы и психические особенности необходимо раскрыть для полного понимания преступления. Человек в диалоге является важнейшим источником информации, поэтому следователю так необходимо соблюдать все правовые требования. Соответствие этическим нормам поведения в диалоге с обвиняемым имеет особое значение:

следователь обязан исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и любой гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, достоинства и своего доброго имени.

Следственная этика – это не какие-то особые нравственные нормы, а те, которые являются результатом преломления нравственных принципов, установленных в обществе, применительно к задачам и особенностям профессиональной деятельности следователя. Профессиональная мораль является комплексом более обязывающих и строгих нравственных правил, нежели комплекс общих нравственных принципов.

В диалоге с обвиняемым важна эмпатия, но без жалости к преступнику: эмпатия помогает внимательно слушать оппонента, понимать невербальные сигналы и распознавать ложь. Но это не означает потакания или романтизации преступления. В диалоге с подсудимым важно оставаться человеком. Следователь, сохраняющий гуманизм и избегающий психологических манипуляций, добьется от обвиняемого большей полезной информации, чем тот, который оказывает давление на своего оппонента. Спокойная, уважительная манера помогает обвиняемому говорить откровенно, что упрощает отделение правды от домыслов. Это снижает риск пропусков и ошибок в расследовании, которые могут стоить свободы невиновным.

Иногда происходит нарушение профессиональных этических норм следователями, это проявляется в необъективном расследовании, в пренебрежении презумпцией невиновности. Оно может выражаться в беспричинном отклонении ходатайств стороны защиты и односторонности протокола допроса, при котором «неуместные» высказывания обвиняемого, которые не подходят под версию следствия, не дописываются или намеренно искажаются.

В расследовании важно сохранять внутренний покой и баланс между необходимостью раскрывать правду и ответственностью перед обвиняемым как субъектом, сохранять внутреннюю гармонию, что важно для психологического здоровья и качества работы в долгосрочной перспективе. При контакте с обвиняемым необходимо помнить о цели расследования, ограничениях закона, правах лица и объективности. Это требует контроля над эмоциями, чтобы не переходить в эмоциональную реакцию, которая может спровоцировать ухудшение отношений с обвиняемым и дальнейшее искажение фактов. Для сохранения спокойствия необходимо нормализовать свое дыхание и поддерживать профессиональную дистанцию без потери человечности. Это помогает сохранять ясность сознания и избегать импульсивных мыслей. Нравственная устойчивость формируется через постоянную практику, обучение и рефлекссию.

Хорошим примером ведения диалогов с преступниками является Яндиев Амурхан Хадрисович. Это великий ростовский следователь, который расследовал преступления, связанные с серийными убийствами, коррупцией и бандитизмом. В своих интервью он говорил: «но я знаю, что маньяки-убийцы

вот, на них, когда давление оказываешь – они упираются, замыкаются. Я уже эту практику прошел. Я первое что пришел, я говорю: «привет, Володя, как дела?», за руку поздоровались, поговорили не об убийствах, ни о чем, пообщались и все. Ну а потом, как за между прочим, за убийство рассказывал.»; «я с ним беседовал, то же самое, они чувствуют, что их жалеют. А когда жалеют – они раскрываются», – он всегда говорил о важности сохранения человечности в диалогах с преступниками, ведь если дать выход своим эмоциям и начать давить на обвиняемого, он просто закроется и ничем не поможет следствию. Первостепенной задачей следователя всегда был и остается поиск истины, и иногда приходится преодолевать свои внутренние границы и общественную мораль для ее получения.

Также ярким примером ведения диалога являются встречи Яндиева А. Х. с А. Р. Чикатило. Амурхан Яндиев говорил о нем так: «когда знаешь, что это за монстр такой, – тяжело быть равнодушным к таким людям. Но сама работа, которую мы проводили, нам нужно было добиться признания, чтоб он рассказал нам, надо было налаживать контакты. Я с ним приходил, за руку здоровался, не брезговал все это, колбасу ему носил, газеты приносил ему почитать. Просто по отчеству друг друга называли – я его Романыч, а он меня Хадрисович, и так мы общались». Этот пример тоже иллюстрирует человеческое отношение следователя к страшному преступнику. Яндиев не просто хорошо наладил контакт с убийцей, он относился к нему как к товарищу, носил ему небольшие презенты. Из-за такого ведения дел у многих людей возникал диссонанс: как можно так уважительно обращаться с убийцей. Даже жена следователя высказывала ему свои переживания на этот счет. Но несмотря на это Амурхан Хадрисович продолжал вести дело и в итоге добился не просто признания, но и раскаяния в преступлениях, ранее неизвестных следствию. Все это доказывает, что именно гуманный подход к следствию является наиболее эффективным и действенным.

Проблему нравственности следователя нельзя свести к одной процедуре или правилу. Это постоянный выбор между долгом найти правду и обязанностью сохранять человеческое достоинство. Оставаться человеком в диалоге с преступником тяжело, но, как показывает практика, это сильно повышает качество расследования и уменьшает риск получения ложной информации. Этическая дисциплина и голос разума в совокупности помогают следователю не утратить человечность даже в самых сложных ситуациях. Следовательская работа формирует и укрепляет многие волевые качества, но вместе с тем длительное занятие этой профессией накладывает на личность своеобразный отпечаток, который порой приводит к профессиональной деформации.

Список литературы:

1. Дети Великой Отечественной войны. Яндиев Амурхан Хадрисович. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/about-the-proc/veterans-wow/children/e5688807/> (дата обращения: 04.03.2026).

2. Общие нравственные требования, предъявляемые к деятельности следственных работников Следственного комитета Российской Федерации. – URL: <https://udm.sledcom.ru/folder/878447/item/878456> (дата обращения: 03.03.2026).
3. Хмелева А. В. Нравственные аспекты правоохранительной деятельности. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-nravstvennyye-aspekty-raboty-sledovatelya/viewer> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Профессиональные качества следователя. – URL: https://ebooks.grsu.by/ur_psix/2-psikhologiya-sledovatelya-professionalnye-kachestva-sledovatelya.htm (дата обращения: 03.03.2026).

Бембетова София Бадмаевна

1 ГД-13

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Sofia Bembetova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА НА РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: Эта статья позволит исследовать, как отмена крепостного права повлияла на организацию местного самоуправления, какие инициативы предпринимали крестьяне для улучшения своей жизни и как это отразилось на их общественном сознании и социальной структуре.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянское самоуправление, реформа 1861 года, Центральная Россия, Российская империя, Александр II, сельский сход, волость, сельское общество, местные инициативы, общественное сознание.

THE IMPACT OF THE 1861 REFORM ON THE DEVELOPMENT OF PEASANT SELF-GOVERNMENT IN CENTRAL RUSSIA: AN ANALYSIS OF LOCAL INITIATIVES AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

Summary: This article will explore how the abolition of serfdom influenced the organization of local self-government, what initiatives peasants took to improve their lives, and how this affected their public consciousness and social structure.

Keywords: serfdom, peasant self-government, 1861 reform, Central Russia, Russian Empire, Alexander II, village assembly, volost, rural community, local initiatives, public consciousness.

Отмена крепостного права в России в 1861 году стала одним из ключевых событий отечественной истории XIX века, оказавшим значительное влияние на социальную структуру общества, систему управления и на правовое положение основной массы населения страны – крестьянства. Крестьянская реформа не ограничивалась лишь ликвидацией личной зависимости крестьян от помещиков, но и затрагивала широкий круг социально-экономических и административных преобразований, направленных на постепенную модернизацию государственного устройства и общественных отношений.

Важнейшим последствием реформы 1861 года стало формирование института крестьянского самоуправления, который впервые в истории Российской империи получил нормативно-правовое закрепление. В соответствии с положениями реформы крестьяне были объединены в сельские общества и волости, наделённые правом решать вопросы местного значения

через выборные органы – сельские и волостные сходы, правления и суды. Эти структуры стали основой повседневной организации сельской жизни, регулируя хозяйственные, финансовые, административные и частично судебные отношения внутри крестьянской среды.

Особое значение изучение крестьянского самоуправления приобретает применительно к Центральной России – региону, где крепостное право было наиболее распространено, а сельское население отличалось высокой плотностью и устойчивыми традициями общинного землепользования. Именно здесь последствия реформы проявились наиболее ярко и противоречиво.

Правовую основу крестьянской реформы составил Манифест 19 февраля 1861 года и комплекс «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Эти документы устанавливали личную свободу крестьян, признавали их правоспособность и закрепляли основы новой системы сельского управления. Крестьяне получали право вступать в брак без разрешения помещика, владеть движимым имуществом, заключать сделки и выступать в суде от собственного имени.

Особое значение в рамках реформы имело нормативное закрепление крестьянских обществ и волостей как административно-территориальных и хозяйственных единиц. Сельское общество становилось основной формой организации крестьянской жизни и наделялось правом внутреннего самоуправления.

Следует отметить, что крестьянское самоуправление, учреждённое реформой 1861 года, носило сословный характер. Оно распространялось исключительно на крестьянское население и не предполагало равенства с органами городского или земского самоуправления. Более того, ключевые решения сельских и волостных органов подлежали утверждению со стороны чиновников, что существенно ограничивало их автономию.

Значительное влияние на функционирование крестьянского самоуправления оказывали экономические условия реформы. Сохранение выкупных платежей и временнообязанного состояния крестьян в первые годы после реформы сдерживали их инициативу и усиливали зависимость от государства. Органы самоуправления во многом выполняли фискальные функции, обеспечивая сбор податей и выполнение повинностей, что формировало у крестьян двойственное отношение к новым институтам власти.

Сельское общество являлось основной ячейкой крестьянского самоуправления и объединяло крестьян одного населённого пункта или группы близлежащих деревень. Оно обладало правом коллективного землепользования и несло ответственность за выполнение государственных повинностей. Высшим органом власти в нём признавался сельский сход, который решал вопросы распределения повинностей, землепользования, выбора должностных лиц и поддержания общественного порядка.

Компетенция сельского схода была достаточно широкой и включала распределение земельных наделов, установление порядка пользования угодьями, избрание сельского старосты и других должностных лиц, а также

контроль за исполнением решений общины. Сход также выполнял важные социальные функции, связанные с поддержанием внутреннего порядка и разрешением мелких конфликтов между членами общества.

В Центральной России сельский сход играл ключевую роль в формировании навыков коллективного управления. Участие крестьян в обсуждении и принятии решений способствовало постепенному развитию элементов правосознания и ответственности за общее дело. Вместе с тем эффективность работы сходов зависела от уровня грамотности населения, авторитета выборных лиц и степени вмешательства со стороны административных органов.

Исполнительную власть в сельском обществе осуществлял сельский староста, избравшийся сходом на определённый срок. В его обязанности входило доведение до сведения крестьян правительственных распоряжений, организация сбора податей, контроль за выполнением повинностей и представительство интересов общества перед волостной и уездной администрацией.

Несмотря на выборный характер должности, сельский староста находился в непростом положении: с одной стороны, он был выразителем интересов общины, с другой – выполнял функции низового административного агента государства. Это нередко вызывало напряжённость в отношениях между старостой и крестьянами, особенно в вопросах налоговых сборов и рекрутских повинностей.

На более высоком уровне крестьянского самоуправления находилась волость, объединявшая несколько сельских обществ. Волостной сход являлся высшим органом волостной власти и формировался из выборных представителей сельских обществ. В его компетенцию входили вопросы межобщинного характера, распределение повинностей между селами, а также избрание волостных должностных лиц.

Исполнительным органом волости являлось волостное правление, которое осуществляло текущую административную деятельность и взаимодействовало с уездными властями. Существенное значение имел волостной суд, рассматривавший мелкие уголовные и гражданские дела между крестьянами. Деятельность волостных судов способствовала формированию у крестьян представлений о законности и порядке, хотя их решения нередко основывались на обычном праве и традициях, а не на законодательстве.

Несмотря на формальное признание самоуправления, деятельность сельских и волостных органов была существенно ограничена административным надзором. Из-за этого ожидания «полной воли» и безвозмездного наделения землей не совпали с реальными условиями реформы, что вызвало разочарование и недоверие к новым институтам власти.

Постепенно в крестьянской среде формировались представления о необходимости коллективных действий для защиты своих интересов. Участие в сельских и волостных сходах, выборы должностных лиц и обсуждение хозяйственных вопросов способствовали развитию навыков публичного

обсуждения и принятию решений большинством. Эти процессы свидетельствовали о начальных формах гражданского самосознания в сельской среде.

В Центральной России крестьянское самоуправление нередко выходило за рамки формально установленных функций, что выражалось в разнообразных местных инициативах. Сельские общества активно использовали сходы для перераспределения земельных наделов, регулирования аренды угодий, организации общественных работ и контроля за использованием общинных ресурсов. Подобные инициативы отражали стремление крестьян к более справедливому распределению материальных благ и укреплению коллективной солидарности.

Значительное внимание уделялось вопросам внутреннего порядка и социальной поддержки. Сельские сходы принимали решения о помощи малоимущим, сиротам и престарелым, распределяли повинности с учётом имущественного положения дворов. Эти формы самопомощи укрепляли чувство общинной ответственности и способствовали сохранению социальной стабильности в условиях постреформенных трудностей.

На уровне волостей проявлялись инициативы, связанные с коллективными обращениями к властям, пересмотром налоговых обложений и попытками защиты интересов крестьян в земельных спорах. Хотя подобные действия часто встречали сопротивление со стороны административных органов, они свидетельствовали о росте правовой активности и осознании крестьянами возможности коллективного воздействия на решения власти.

Наряду с конструктивными инициативами, важной формой проявления общественного сознания стали конфликты, возникавшие в процессе функционирования самоуправления. Недовольство размерами наделов, условиями выкупных платежей и вмешательством чиновников приводило к отказам выполнять решения сходов, переизбранию должностных лиц и коллективным протестам. Подобные конфликты отражали стремление крестьян отстаивать собственное понимание справедливости и автономии общины.

Особое место занимали конфликты между крестьянами и выборными представителями самоуправления. Сельские старосты и волостные старшины нередко воспринимались как проводники государственной власти, что подрывало их авторитет в глазах общины.

Анализ местных инициатив и изменений общественного сознания показывает, что крестьянское самоуправление в Центральной России не сводилось к формальному исполнению предписаний государства. Несмотря на ограничения и административный контроль, сельские и волостные общества выступали пространством социальной практики, в рамках которой крестьяне осваивали элементы коллективного управления, правового мышления и общественной ответственности. Местные инициативы и трансформация общественного сознания крестьянства стали важнейшими факторами эволюции крестьянского самоуправления после реформы 1861 года. Они свидетельствуют о постепенном переходе от традиционных форм общинной жизни к более

сложным моделям общественного взаимодействия, что имело долгосрочные последствия для развития местного самоуправления и гражданских институтов в России.

Таким образом, влияние реформы 1861 года на развитие крестьянского самоуправления в Центральной России следует оценивать как сложный и многоэтапный процесс. Несмотря на структурные ограничения и неполноту преобразований, крестьянское самоуправление стало важным фактором изменения общественного сознания и социальной практики сельского населения. Опыт функционирования сельских и волостных органов управления во второй половине XIX века сыграл значительную роль в формировании предпосылок дальнейшего развития местного самоуправления и гражданских институтов в России.

Список литературы:

- 1.Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
- 2.Захарова Л.Г. Крестьянская реформа 1861 года в России: подготовка, проведение, последствия. – М.: Наука, 2011. – 320 с.
- 4.Крестьянская реформа 1861 года / Большая российская энциклопедия в 35 т. – М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – Т. 16. С. 345–352.
- 5.Крестьянство Центральной России в пореформенный период. – М.: Наука, 2005. – 296 с.
- 6.Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.), в 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. 548 с.
- 7.Самоуправление крестьян в России во второй половине XIX века / сборник научных статей. – М.: Институт российской истории РАН, 2010. – 240 с.

Берендеева Ирина Павловна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Irina Berendeeva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТАЛАНТ, СМЕЛОСТЬ И СУДЬБА: НАДЕЖДА ЛАМАНОВА – РОДОНАЧАЛЬНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЫ

Аннотация: в статье раскрывается эволюция уникального стиля Ламановой, обладательницы почётного звания «Поставщик двора Её Императорского Величества». Особое внимание уделяется влиянию внешнеполитических и внутренних экономических факторов на творческое направление модельера. Анализируется значимая роль заказчика в формировании образов, а также воздействие выбора материалов на развитие стиля и художественную выразительность одежды.

Ключевые слова: Ламанова, проектирование костюма, Россия, стиль, модельер, русская мода.

TALENT, COURAGE AND DESTINY: NADEZHDA LAMANOVA IS THE FOUNDER OF RUSSIAN FASHION

Summary: the article reveals the evolution of the unique style of Lamanova, holder of the honorary title «Supplier of the Court of Her Imperial Majesty». Special attention is paid to the influence of foreign policy and domestic economic factors on the creative direction of the designer. The significant role of the customer in the formation of images is analyzed, as well as the impact of material choice on style development and artistic expression of clothing.

Keywords: Lamanova, costume design, Russia, style, fashion designer, russian fashion.

Имя Надежды Петровны Ламановой занимает особое место в истории российской и советской моды. В то время как слава в большинстве случаев доставалась европейским кутюрье конца XIX – начала XX веков, вклад Ламановой в развитие отечественного костюма безусловно велик. Она стала одной из первых русских модельеров, чье искусство приобрело признание за рубежом. Она не просто создавала эксклюзивные модели, но и внедряла новаторские методы, изменившие отношение к моде. Ее творческие принципы и новаторские идеи оказали значительное воздействие на индустрию моды и стали важной частью культурного наследия. Надежда Ламанова не только определяла модные тенденции своей эпохи, но и отражала её дух, будучи свидетелем и участником сложных общественных и политических преобразований. Её творческий путь демонстрирует, как искусство создания

одежды, несмотря на внешнеполитические и внутренние экономические трудности, не только сохраняется, но и достигает вершин художественного совершенства [1].

Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) – выдающийся российский модельер, работавший на рубеже XIX и XX веков и оказавший глубокое влияние на формирование российской моды. Её считают одним из первых профессиональных дизайнеров в России, заложившим фундамент для будущих поколений модельеров. Её жизненный путь – это классическая история успеха, основанная на природном даровании [2].

Ламанова родилась 14 декабря 1861 года в селе Шузилово Нижегородской губернии, в семье офицера. Рано потеряв родителей, воспитывалась тетей в Москве. После смерти тёти, чтобы помочь содержать младших сестер, поступила на курсы кройки и шитья к О. А. Суворовой. Завершив обучение, она начала свою карьеру в известной мастерской мадам Войткевич.

Ламанова разработала авторский метод создания одежды – метод накладки. Этот метод заключался в использовании булавок и непосредственном моделировании ткани на манекене, что позволяло создавать уникальные трехмерные формы [3]. В 1885 году она открыла собственное ателье в доме Адельгейм на Большой Дмитровке в Москве. Её талант, мастерство и новаторский взгляд на создание одежды быстро привлекли внимание. Её имя стало символом моды и престижа, так что "одеваться у Ламановой считалось модным и престижным" [5, с. 217].

Развитие стиля Ламановой можно разделить на два основных этапа, обусловленных коренными изменениями в стране.

В начале XX века в искусстве наблюдался период поиска новых форм и средств выражения, что привело к появлению смелых и оригинальных тенденций. Стиль Надежды Петровны в 1900-х годах отличался изысканностью и оригинальностью.

Ее работы несли на себе отпечаток неоклассицизма, популяризированного французским модельером Полем Пуаре, а также влияние «Русских сезонов» и «Ballets Russes», балетной антрепризы «Русский балет Дягилева». Она искусно применяла различные ткани, стразы, пайетки, вышивку, кружево и обильные объемные аппликации. Несмотря на обилие декоративных элементов, всё выглядело гармонично и целостно. Каждое её платье становилось произведением искусства.

С 1901 года Ламанова начала создавать театральные костюмы для Московского Художественного театра (МХАТ) и продолжала сотрудничать с ним на протяжении всей своей жизни. Предложение Константина Станиславского шить костюмы для спектаклей МХАТа стало новой важной страницей в её карьере.

Ее талант был признан и в Европе. В 1911 году в Риме и в 1914 году в Париже состоялись выставки русского костюма, которые имели большой успех, где работы Ламановой занимали центральное место. Тем самым она доказала

наличие у России собственного уникального эстетического кода, основанного на народных традициях, дорогих тканях и совершенном крое.

К тридцати годам Надежда Петровна Ламанова стала владелицей одного из самых востребованных ателье в Москве. Её клиентками были представители творческой и светской элиты, а также известные дворянские фамилии, такие как Шереметевы и Долгоруковы. В 34 года Ламанова начала создавать наряды для императрицы Александры Фёдоровны, за что получила звание «Поставщик двора Ее Императорского Величества». Несмотря на признание на государственном уровне, она продолжала расширять свое влияние, сотрудничая с московской богемой. Будучи талантливым мастером, Ламанова создавала неповторимые костюмы, по которым зритель мог сразу определить социальное положение и статус персонажей на сцене. По эскизам Льва Бакста, русского и французского художника, Ламанова начала создавать наряды для «Русских сезонов» Дягилева, что произвело сенсацию и породило моду на всё русское в Европе.

В период с 1900 по 1914 годы Ламанова установила связи со многими известными фигурами мира моды. Этому свидетельствуют следующие слова: «Ламанова была выдающейся портнихой и вместе с тем стала моей подругой. Она открыла для меня очарование Москвы – этих бесценных ворот в Азию. Я и сейчас вижу её на фоне ворот Кремля, куполов собора Василия Блаженного и прекрасной коллекции картин Василия Щукина» [4, с. 218].

В дореволюционный период на формирование её стиля оказали влияние высокий спрос со стороны представителей аристократии и самого императорского двора. Экономические факторы внутри страны оказывали прямое влияние: наличие дорогостоящих, часто импортных материалов, таких как французский шелк, итальянский бархат, английская шерсть и индийский жемчуг. Благодаря этому Ламанова могла создавать одежду, отличавшуюся безупречным качеством, сложным кроем и изысканной отделкой. Внешнее влияние проявлялось в ориентации на парижские стандарты высокой моды, которые она всегда творчески переосмысливала, привнося русскую грандиозность и масштаб.

Революция 1917 года радикально изменила жизнь Ламановой. Ее модный дом был национализирован, а она сама была арестована большевиками на два с половиной месяца из-за дворянского происхождения и работы на царскую семью. Благодаря вмешательству писателя Максима Горького её освободили. Казалось, что карьера великой портнихи завершена. Но именно в этот момент проявились её гениальность и необычайное мужество – не бунтарское, а творческое и человеческое. В отличие от многих своих клиенток, которые эмигрировали, Ламанова осталась в России и нашла в себе силы начать всё сначала.

Одной из главных проблем, с которыми столкнулась Надежда Ламанова, был дефицит тканей. Она начала изучать новые ткани и материалы, например, брезент и холст. Ламанова легко отказалась от утонченности и роскоши прошлого и начала работать для широких масс. Реалии, сложившиеся в

условиях революции и Первой мировой войны, повлияли на все стороны жизни, в том числе и на одежду. Согласно новой идеологии, буржуазная красота, шик и изысканность презирались. Основными критериями одежды стали удобство, практичность и простота.

Надежда Петровна Ламанова стала новатором в моде в эпоху революции 1917 года, предложив новые творческие принципы, ориентированные на потребности молодого советского государства. В условиях аскетизма первых революционных лет она сосредоточилась на рациональном использовании материалов и удобстве моделей, подчеркивая функциональность одежды. В основу кроя легли прямоугольники, стали применяться простые ткани, силуэт упростился, что облегчило производство и ношение. В отделке использовались элементы народного костюма – полотенца, фрагменты вышивки и орнаменты, расположенные в характерных зонах – на плечах, груди и подоле, что позволяло сохранить национальные традиции и одновременно сократить затраты. Кроме того, модели разрабатывались таким образом, чтобы любая советская женщина-работница могла легко воспроизвести их дома из купленной ткани, учитывая, что большинство женщин не могли позволить себе готовую одежду. Таким образом, Ламанова не только отреагировала на экономические и социальные вызовы, но и заложила основы советской народной одежды, адаптированной для массового потребления.

Потеряв связь с высшим обществом, Надежда Ламанова нашла отдушину в театре. Она работала над костюмами к спектаклям: «Принцесса Турандот» Вахтангова, «Квартира Зои» Булгакова, «Егор Булычов и другие» Горького. Одновременно началось её сотрудничество с кинематографом – Ламанова участвовала в разработке костюмов к фильмам «Аэлита» режиссёра Якова Протазанова, «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна, «Цирк» Григория Александрова, «Поколение победителей» Веры Строевой, а также к фильму «Иван Грозный» Эйзенштейна. Однако её заслуги часто оставались незамеченными: в 1930-е годы Ламанову лишили избирательного права, и ей и её близким постоянно приходилось безуспешно доказывать свою значимость для советского строя.

В октябре 1941 года Московский художественный театр эвакуировали в Ташкент. Ламанова должна была ехать вместе с театром, но опоздала, и театр уехал без нее. Это стало тяжёлым ударом для модельера, который проработал всю свою жизнь в мастерских Московского художественного театра. Услышав звук сирены, Надежда Ламанова умерла от сердечного приступа, сидя на скамейке в саду. Ламанова всегда была мастером диалога: её творчество постоянно отвечало требованиям заказчика – будь то желания монарха или принципы нового государства.

Для императрицы и великих княгинь она создавала образы, подчеркивающие статус, достоинство и представительность. Платья были сложными, многослойными, часто с отсылками к историческим костюмам, что помогало формировать образ "нового человека". Она разрабатывала рабочую одежду, в которой было удобно выполнять работу, а также модели для

массового потребителя – простые, функциональные, лишённые буржуазных излишеств, но при этом художественно выразительные. Её знаменитые эскизы платьев из полотенец или с кружевными воротниками, сочетавшимися с простыми тканями, были попыткой донести идею красоты и стиля до широких слоев населения в условиях тотального дефицита.

Для Ламановой ткань никогда не была просто материалом. Она была её соавтором. Дорогие ткани дореволюционного периода определяли пластичность платья: тяжёлый бархат ниспадал монументальными складками, легкий шёлк струился и облегал фигуру. Художественное выражение рождалось во взаимодействии с самой тканью. Простые материалы советской эпохи заставили её искать выразительные средства в другом. Лишенная возможности играть текстурой и стоимостью материала, Надежда Ламанова сосредоточилась на форме и конструировании. Холст и сукно поддерживали четкие, почти архитектурные линии кроя. Простые геометрические узлы, драпировки, вставки контрастного цвета – всё это стало инструментарием художественного выражения. Её платья из грубых тканей поражали скульптурностью и чувством пропорции, доказывая, что истинный стиль заключается не в цене материала, а в гениальности его обработки [3].

Человек, заложивший основы русской и советской моды, Ламанова удивляла тем, что создавала роскошные платья, достойные императриц, и одновременно легко разрабатывала одежду для простых людей.

Её искренняя любовь к моде, народному костюму, театру и вклад в создание костюмов для кино свидетельствуют о разносторонности её таланта. Но к сожалению, эта значительная фигура отечественной моды долгое время находилась в тени и была практически забыта.

Список литературы:

1. Бартлетт Дж. Надежда Ламанова и модернизм в предреволюционной России: между высокой модой и авангардным искусством // Теория моды: одежда, тело, культура. 2018. № 47. С. 73–112.
2. Захаржевская 2007 – Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. - М.: РИПОЛ Классик, 2007. 288 с.
3. Каминская Н.М. История костюма. – М.: Легкая индустрия, 1977. – 130 с.
4. Кирсанова Р.М. Легенда русской моды // Вестник культурологии. 2017. №3 (82) С. 218.
5. Филатова Н.А. Феномен Надежды Ламановой: искусство и реальность // Вестник русского балета им. А.Я. Вагановой. 2006 №16. С. 212 - 229.

Берестова Талина Михайловна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Berestova Talina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Э. КАССИРЕРА: ЧЕЛОВЕК КАК ANIMAL SYMBOLICUM

Аннотация: Статья посвящена антропологической концепции Эрнста Кассирера, определяющего человека как *animal symbolicum* («символическое животное»). Автор раскрывает смысл данного понятия через различие биологической окружающей среды животного и символической вселенной человека. Анализируются ключевые символические формы (язык, миф, религия, искусство, наука) как способы конституирования реальности. Исследуется эволюция символических функций и их роль в историко-культурном процессе. Актуальность концепции демонстрируется применительно к современной информационной среде.

Ключевые слова: философская антропология, Э. Кассирер, *animal symbolicum* (символическое животное), символические формы, язык, миф, религия, искусство, наука.

E. KASSIRER'S ANTHROPOLOGICAL CONCEPT: MAN AS AN ANIMAL SYMBOLICUM

Summary: The article is devoted to the anthropological concept of Ernst Cassirer, who defines man as an animal rational ("symbolic animal"). The author reveals the meaning of this concept through the difference between the biological environment of an animal and the symbolic universe of a human. The key symbolic forms (language, myth, religion, art, science) are analyzed as ways of constituting reality. The evolution of symbolic functions and their role in the historical and cultural process are investigated. The relevance of the concept is demonstrated in relation to the modern information environment.

Keywords: philosophical anthropology, E. Cassirer, animal symbolicum (symbolic animal), symbolic forms, language, myth, religion, art, science.

Философская антропология XX века радикально переосмыслила традиционные определения человека. Если Аристотель провозглашал человека «существом политическим» [1, 378], а Маркс – «трудящимся животным», то Эрнст Кассирер (1874–1945) предложил концептуально новую формулу: «Вместо того, чтобы определять человека как *animal rationale* (разумное животное), мы должны определить его как *animal symbolicum* (символическое животное)» [2, с. 32].

Это определение означает не просто добавление ещё одного предиката к сущности человека, а признание символической деятельности фундаментальным способом его существования в мире. В отличие от животного, ограниченного непосредственным восприятием окружающей среды, человек дистанцируется от реальности, встраивая между собой и вещами символическую сеть. «Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [2, с. 45].

Символическое животное живет не в природной среде, а в созданной им же культурной вселенной (нем. *symbolische Welt*). Эта вселенная автономна по отношению к биологическим инстинктам и обеспечивает человеку уникальную способность к рефлексии, прогнозированию и историческому творчеству. Именно символизм позволяет человеку выйти за пределы биологической детерминации и стать субъектом культуры.

Центральное понятие философии Кассирера – «символическая форма» (нем. *symbolische Form*), разработанное в его великой работе «Философия символических форм» (1923–1929). Символическая форма представляет собой специфическое мышление по настроению (лат. *modus cogitandi*), посредством которого духовная активность организует чувственный материал в значимую целостность. «Символические формы не суть зеркала, отражающие бытие, а органы, творители реальности» [3, с. 13].

Кассирер выделяет пять основных символических форм:

1. Язык – прототипическая форма символизации, конституирующая понятийный мир;
2. Мифическое сознание – тотальное, анимистическое восприятие реальности;
3. Религиозное сознание – символизация трансцендентного;
4. Искусство – экспрессивно-эстетическая объективация;
5. Научное познание – теоретико-понятийная абстракция.

Каждая символическая форма (язык, миф, религия, искусство, наука) работает сама по себе и не зависит от других. Её нельзя объяснить или свести к какой-то другой форме, – все они разные и равноправные. Язык, например, не просто обозначает предметы, а создает их в системе различий: слово «дерево» конституирует объект как член класса «деревья», связанных с лесом, древесиной, поэзией и экологией. Мифологическое сознание, напротив, характеризуется слиянием субъекта с объектом: «Язык не механическая система, а органическое целое, где каждая часть связана с целым» [3, с. 156]. В мифе нет границ между «я» и «не-я» – всё слилось в единое живое целое.

Концепция *animal symbolicum* («символического животного») наиболее отчетливо проявляется в сопоставлении человека и животного. Животное существует в жестко ограниченной окружающей среде, где поведение детерминировано биологическими аффектами. «Животное не выходит за

пределы непосредственного впечатления; его реакция всегда адекватна стимулу» [2, с. 41]. Собака узнает хозяина, но не способна создать его символический образ в форме портрета или мемуара.

Человек же обладает способностью к дистанцированию (нем. *Distanzierung*): символическая деятельность создает промежуток между стимулом и реакцией, открывая пространство для рефлексии и выбора. «Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека» [2, с. 45]. Левый поворот света становится не просто сигналом, а «зеленым светом» в системе дорожных знаков; крест – не просто скрещённые доски, а символом искупления.

Эта дистанция обеспечивает три фундаментальных возможности:

1. Осмысление прошлого – истории как символической реконструкции;
2. Планирования будущего – прогнозирования через модели;
3. Культурной преемственности – передачи смыслов последующим поколениям.

Без символов нет цивилизации: пирамиды, симфонии, космические корабли, – всё есть порождение символического духа.

В «Опыте о человеке» Кассирер прослеживает типологию развития символических форм. Первобытное мифическое сознание характеризуется тотальностью: «Каждое явление мифического мира обладает тотальной реальностью» [2, с. 158]. Для мифического сознания не существует модуса «кажмости» или «вымысла»; любое содержание – Бога, демона или духа – обладает такой же непосредственной действительностью, как и чувственные восприятия [5].

Языковая форма вводит абстракцию и предикацию: слова фиксируют свойства, создают категории.

Религиозное сознание символизирует трансцендентное – Бог становится не капризным идолом, а абсолютным субъектом.

Искусство объективирует эмоции: маска африканского шамана не скрывает лицо, а становится лицом духа.

Научное познание достигает максимальной абстракции: «Математический символ выражает не вещь, а отношение, функциональную связь между величинами» [3, с. 13].

Эта эволюция нелинейна. В XX веке наблюдается регресс к мифическим формам: политическая квази-мифология тоталитаризмов маскируется под рациональность. Нацистская свастика (нем. *Hakenkreuz*) и орел (нем. *Reichsadler*) или фаланга (фасции) и волчица итальянского фашизма Муссолини – символы новой сакральности [6].

В XXI веке, эпоху массовых коммуникаций, концепция Э. Кассирера обретает особую значимость. Цифровая среда – это взрыв символического производства: мемы, эмодзи, хэштеги формируют коллективное сознание

мощнее традиционных институтов. «Человек отныне живет не только в физическом, но и символическом универсуме» [4, с. 32].

Современная реклама превращает товар в миф: iPhone – не смартфон, а символ статуса и свободы. Политические кампании используют ритуалы лайков и репостов. Фейки стирают грань между фактом и вымыслом, возрождая мифологический принцип: «слово = дело». Борьба за контроль над символами становится главной формой власти в информационном обществе.

Концепция *animal symbolicum* («символического животного») предлагает методологию критического анализа этих процессов. Она показывает, что деформация символической сферы (фейковые новости, пропаганда) ведет к патологиям сознания, аналогичным мифологическому регрессу. В то же время осознанное символическое творчество (гражданская журналистика, культурный активизм) открывает путь к гуманистической эволюции.

Список литературы:

1. Аристотель Собр. соч. в 4-х томах. Том 4. – М.: «Мысль», 1983. – 830 с.
2. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М.: Республика, 1998. – 368 с.
3. Кассирер, Э. Философия символических форм. – Т. 1. Язык. – М.: Академический проект, 2002. – 512 с.
4. Кассирер, Э. Философия Просвещения. – М.: Прогресс, 1988. – 512 с.
5. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М.: Академический проект, 2020. – 320 с.

Бескровная Ариана Сергеевна

1 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Ariana Beskrovnaya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭСТЕТИКА БЕЗОБРАЗНОГО: ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕКРАСНОГО В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: В статье рассматривается феномен эстетики безобразного как парадоксальной категории, позволяющей негативным явлениям (страх, уродство, страдание) становиться источником эстетического удовольствия. Анализируются философские истоки проблемы, восходящие к Аристотелю и классическому труду К. Розенкранца. Особое внимание уделяется психологическим механизмам восприятия травмирующего контента в искусстве, таким как катарсис, эмпатия и вчувствование. В статье также исследуется современная трансформация категории «прекрасное» в условиях, когда эстетика все чаще замещается эпатажем и провокацией. Автор приходит к выводу, что безобразное в искусстве выполняет важную функцию исследования теневых сторон человеческой природы и социальной реальности, а подлинное прекрасное сегодня все чаще локализуется не в форме, а в этике и концепции высказывания.

Ключевые слова: прекрасное, эпатаж, катарсис, современное искусство, безобразное, эстетическое восприятие.

AESTHETICS OF THE UGLY: PARADOXES OF PERCEPTION AND TRANSFORMATION OF BEAUTY IN MODERN ART

Summary: The article examines the phenomenon of aesthetics of the ugly as a paradoxical category that allows negative phenomena (fear, ugliness, suffering) to become a source of aesthetic pleasure. The philosophical origins of the problem, dating back to Aristotle and the classical work of K. Rosenkrantz, are analyzed. Special attention is paid to the psychological mechanisms of perception of traumatic content in art, such as catharsis, empathy and empathy. The article also explores the modern transformation of the category of "beautiful" in an environment where aesthetics are increasingly being replaced by outrage and provocation. The author comes to the conclusion that the ugly in art performs an important function of exploring the shadow sides of human nature and social reality, and today the truly beautiful is increasingly localized not in form, but in ethics and the concept of utterance.

Keywords: beautiful, shocking, catharsis, modern art, ugly, aesthetic perception.

Традиционная эстетика на протяжении веков строилась вокруг категории прекрасного как центральной и определяющей. Однако искусство всегда тяготело к исследованию полного спектра человеческого опыта, включая его негативные и деструктивные стороны. Парадокс, сформулированный еще Аристотелем в «Поэтике», заключается в том, что «на что нам неприятно смотреть (в действительности), то мы с удовольствием рассматриваем в самых точных изображениях» [4, с. 67]. Этот парадокс лежит в основе современной популярности грустной музыки, трагедий и фильмов ужасов.

В XX и XXI веках проблема обострилась: искусство модернизма и постмодернизма активно включило безобразное, отталкивающее и шокирующее в свой инструментарий, поставив вопрос о границах эстетического. В современном мире, где эпатаж как провокационная выходка зачастую становится самоцелью и инструментом привлечения внимания, возникает необходимость переосмыслить, что же сегодня делает нечто «прекрасным» и какова роль «безобразного» в этом процессе.

Цель данной статьи – проанализировать философские и психологические основания привлекательности негативных эстетических переживаний и определить специфику прекрасного в условиях его подмены эпатажем.

Впервые систематический анализ негативного эстетического опыта был предложен немецким философом Карлом Розенкранцем, учеником Гегеля, в работе «Эстетика безобразного» (1853). Он утверждал, что развитие идеи прекрасного невозможно без анализа его антипода. Безобразное не просто отсутствие красоты, а самостоятельная категория, «отрицательно-прекрасное» [6, с. 32]. Розенкранц разработал детальную классификацию безобразного, разделив его на бесформенное, неправильное и деформацию (карикатуру, отвратительное и т.д.) [9, с. 89].

То, что искусство не исчерпывается прекрасным и нуждается в безобразном как в источнике напряжения, стало общим местом философии искусства. Как отмечается в классических трудах, «архаическое искусство буквально кишит образами, считавшимися безобразными» [1, с. 115]. Диссонанс, таким образом, становится техническим термином, позволяющим искусству интегрировать негативный опыт.

Важный поворот в понимании безобразного произошел благодаря психоанализу и развитию кинематографа. Немое кино, особенно немецкий экспрессионизм 1920-х годов («Кабинет доктора Калигари»), впервые визуализировало ужас как внутреннее состояние. Как пишут исследователи, «авангардисты... понимая, какой потенциал дают мрачные готические сюжеты для формалистских экспериментов» [2, с. 134], использовали их для размывания грани между реальностью и галлюцинацией. Монстр перестал быть внешним врагом и превратился в проекцию темной стороны личности, в юнгианскую Тень, как это было показано уже в первой экранизации «Франкенштейна» 1910 года [7].

Привлекательность негативных эмоций в искусстве имеет под собой прочную психологическую базу. Можно выделить три ключевых механизма.

1. Катарсис и разрядка эмоций. Согласно концепции Аристотеля, трагедия через страх и сострадание ведет к катарсису – очищению. Современная психология подтверждает: переживая тяжелые эмоции в безопасном пространстве искусства (будь то фильм ужасов или мелодрама), мы освобождаемся от подавленных переживаний и внутренних конфликтов [4, с. 251]. Это позволяет снять психологическое напряжение без реальных рисков.

2. Вчувствование и эмпатия. Немецкая психология и эстетика ввела понятие «вчувствование» (Einfühlung) – перенесение на предмет вызываемых им чувств [3, с. 462]. Когда мы смотрим на «грустный» пейзаж или страдающего героя, мы проецируем на них свои состояния, но одновременно и учимся понимать Другого. Эмпатия, возникающая при восприятии трагического сюжета, усиливает наше чувство общности с человечеством [8].

3. Тренировка эмоциональной сферы. Современный мир требует высокой эмоциональной компетентности. Искусство, изображающее страдание и ужас, выступает в роли тренажера для психики. Оно предоставляет возможность исследовать сложные эмоции (от печали до ужаса) в контролируемых условиях, что способствует развитию навыков эмоциональной регуляции [8].

С развитием цивилизации меняется и природа безобразного. Если в классическом искусстве безобразное было частью гармонии (например, сатиры и силены), то индустриальная эпоха породила новый тип безобразия – разрушенный природный ландшафт. Как справедливо замечено, «впечатление, порождаемое безобразностью техники, восходит к принципу власти, разрушающего начала» [1, с. 142]. Раны, нанесенные природе рациональностью, не могут быть прекрасными, пока не изменятся сами цели технического прогресса.

В кинематографе эволюция безобразного достигла пика в эпоху расцвета практических спецэффектов 1980-х годов. Фильмы вроде «Нечто» или «Зловещие мертвецы» использовали «настоящую» кровь и механических монстров. Их магия заключалась в ощущении материальности ужаса. Современные хорроры, несмотря на технологическое совершенство, часто критикуются за «стерильность» и излишнюю философичность, утрату того «детского страха», который рождался от зернистой пленки и безысходности финалов [7]. Это указывает на то, что гиперреалистичное безобразное иногда проигрывает в выразительности «сырому», недосказанному ужасу.

Разрушительная сила безобразного, которую мы видели в образах поруганной природы или в зернистом ужасе кинопленки, обладала одним важным свойством – она была направлена на душу зрителя. В искусстве авангарда и постмодерна эта разрушительная сила перенаправляется с содержания на форму, превращаясь в чистую провокацию. Так рождается феномен эпатажа, где главное – не впечатление от образа, а ошеломление самим поступком.

Эпатаж (от фр. *epatage* – подножка, ошеломление) – это умышленно провокационная выходка, целью которой является привлечение внимания [2, с. 512]. В отличие от подлинного безобразного в искусстве, которое служит

задаче исследования трагического или низменного, эпатаж относится «к внеэстетическим реакциям» [10, с. 89]. В авангарде прагматика выходит на первый план: идеальный случай – скандал.

В современном мире эпатаж нередко подменяет собой содержательную эстетику. Если футуристы призывали «плевать на алтарь искусства» ради разрушения старого, то сегодня шоковая тактика часто лишена какой-либо философской программы и служит лишь целям маркетинга или сиюминутной известности. Как отмечает В. Ерофеев, в современной литературе «развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову» [10, с. 91], однако это не всегда ведет к художественному открытию, а часто остается лишь актом нигилизма.

Если эпатаж симулирует безобразное, но не ведет к катарсису, где же сегодня локализуется прекрасное? Ответ может лежать в области концепта и этики. Как утверждает современная эстетика, категория «прекрасное» перестала быть центральной и единственной [5, с. 23]. Сегодняшнее искусство существует в условиях «стилевого полифонизма» [5, с. 27]. Прекрасное – это не только «правильность» формы, но и точность высказывания, его аутентичность.

Х. Ортега-и-Гассет замечал, что «действительность всегда кажется человеку неудовлетворительной, и он счастлив, когда художник представляет ему объекты, совпадающие с его желаниями» [5, с. 25]. В эпоху эпатажа и тотальной иронии этим желанием может быть не столько любование формой, сколько потребность в подлинности, в осмысленном переживании, даже если оно сопряжено с безобразным. Прекрасным становится то, что, будучи даже уродливым, позволяет нам пережить истину момента или глубину чувства.

Эстетика безобразного прошла долгий путь от маргинальной категории до одного из главных инструментов современного искусства. Привлекательность грустного искусства и фильмов ужасов коренится в фундаментальных свойствах человеческой психики: потребности в катарсисе, эмпатии и эмоциональном познании мира. Безобразное в подлинном искусстве никогда не является самоцелью; это способ говорить о сложном, табуированном и внутренне противоречивом.

В современном мире, где эстетика прекрасного часто размыта, а эпатаж тиражируется ради хайпа, подлинное художественное переживание все равно остается востребованным. Прекрасное сегодня – это не столько гармония форм, сколько гармония смыслов и подлинность переживания, которые могут быть явлены зрителю даже через самую мрачную и пугающую историю.

Список литературы:

1. Адорно, Т. В. Эстетическая теория / пер. с нем. А.В. Дранова. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
2. Власов, В. Г., Лукина, Н. Ю. Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм: Терминологический словарь. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 576 с.
3. Воррингер, В. Абстракция и вчувствование // Современная книга по эстетике. Антология. – М.: Иностранная литература, 1957. – С. 458-475.

- 4.Выготский, Л. С. Психология искусства. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1968. – 576 с.
- 5.Никитина, И. П. Понятие «прекрасное» в современной трактовке эстетических категорий // Вестник ВГИК. – 2015. – № 4. – С. 20-29.
- 6.Розенкранц, К. Эстетика безобразного / пер. с нем. М.А. Шкепу. – К.: Феникс, 2010. – 448 с.
- 7.Ужас из внутреннего космоса // Петербургский театральный журнал. – 2022. – № 108. [Электронный ресурс] – URL: <https://ptj.spb.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
- 8.Черепанов, М. Н. Эстетическое восприятие боли: Почему нам нравится грустить? // В17.ru. – 2025. – 18 июля. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.b17.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
- 9.Шкепу, М. А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца. – К.: Феникс, 2010. – 448 с.
- 10.Шмелева, Н. В., Макарова, А. О. Культуральные границы современного искусства // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2022. – № 21. – С. 87-94.

Бешенцев Иван Дмитриевич

студент

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

SPIN-код: 1579-0653

Ivan Beshentsev

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО ТРАМВАЯ

Аннотация: Трамвай Калининграда имеет интересную историю. Трамвайная система – единственная в стране, развивавшаяся по иным стандартам и показателям, чем в Российской империи, так как относилась на тот момент к Германии. Является самой старой трамвайной системой России, одна из трёх систем с колеёй шириной 1000 м (помимо Пятигорска и Евпатории). В советское время все линии были восстановлены и работали до конца 1990-ых без изменений. К трамваю в 1943 году добавился троллейбус. В 00-е годы многие линии были сокращены в связи с лоббированием интересов маршрутных такси депутатами-владельцами автобусных фирм. В 2020-е трамвайная система переживает период ренессанса: для этого города создана новая модель трамвая, восстановлено 2 маршрута, обновлён подвижной состав. Рассмотрим историю и перспективы развития трамвайной системы Калининграда.

Ключевые слова: история Калининграда, общественный транспорт (ОТ), наземный городской электрический транспорт (НГЭТ), трамвай, скоростной трамвай (ЛРТ).

HISTORY AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE KALININGRAD TRAM

Summary: The Kaliningrad tram has an interesting history. The tram system is the only one in the country that developed according to different standards and indicators than in the Russian Empire, as it belonged to Germany at that time. It is the oldest tram system in Russia, one of three systems with a gauge of 1000 m (in addition to Pyatigorsk and Yevpatoria). In Soviet times, all lines were restored and worked until the end of the 1990s without changes. In 1943, a trolleybus was added to the tram. In the 00s, many lines were reduced due to lobbying for the interests of fixed-route taxis by deputies who owned bus companies. In the 2020s, the tram system is experiencing a renaissance: a new tram model has been created for this city, 2 routes have been restored, and the rolling stock has been updated. Let's consider the history and prospects for the development of the tram system in Kaliningrad.

Keywords: the history of Kaliningrad, public transport (PT), ground urban electric transport (GUET), tram, light-rail tram (LRT).

История трамвая начинается в 1881 году, когда в Кёнигсберге появилась первая в Германии конно-железная дорога. Строилась и эксплуатировалась она акционерными обществами. К 1895 году, году запуска трамвая, существовало пять маршрутов конки. Возведение трамвайной инфраструктуры в Кёнигсберге стартовало в 1884 году и было завершено к весне следующего, 1885 года. Для обеспечения нового транспорта электроэнергией на городской станции «Мюленберг» (располагавшейся в будущем районе Дома советов) в ноябре 1890 года смонтировали специальную динамо-машину с мощностью 125 лошадиных сил. Рядом с этим энергообъектом построили и первое трамвайное депо.

Рис. 1а – Первая трамвайная линия в Кёнигсберге [1]

Рис. 1б – Конно-железные дороги в Кёнигсберге [2]

К началу XX века кёнигсбергский трамвай превратился в разветвлённую и активно развивающуюся систему. К 1901 году сеть путей достигла 27,6 км, перевозя 3,5 млн пассажиров в год, а к концу года её длина удвоилась, составив 54 км, а пассажиропоток вырос почти до 10 млн. За проезд взималось 10 пфеннигов, существовали различные льготные и сезонные билеты. Стремительный рост парка вагонов, достигшего к 1913 году 229 единиц, потребовал расширения инфраструктуры: в 1902 году началось строительство нового депо, мастерских и электростанции в районе Косе. В последующие десятилетия сеть продолжала модернизироваться: на линиях укладывали вторые пути, внедряли новые системы токосъёма и прокладывали маршруты к новым вокзалам. К 1931 году было введено в эксплуатацию современное депо, действующее до сих пор. Маршруты, которых к концу первого десятилетия было уже 13 (9 городских и 4 частных), различались не номерами, а цветами вагонов, что было удобно для пассажиров. Нумерация была введена лишь в 1941 году.

Калининградский трамвай возродился вскоре после войны, став первым и единственным общественным транспортом в разрушенном городе. [4] Его

восстановление в 1946 году стало народной стройкой: предприятия расчищали завалы на улицах, а кадровый дефицит компенсировали, нанимая оставшихся в городе немцев. Уже 7 ноября по маршруту от переправы до универмага у кирхи Луизы пошёл первый восстановленный вагон. Первые годы трамвай, переполненный пассажирами, связывал окраины, минуя пустой центр. К 1953 году сеть превысила 90 км, но износ довоенных немецких вагонов стал критическим. Поскольку в СССР не выпускали подвижной состав для узкой колеи, с 1954 года началась закупка новых цельнометаллических трамваев в ГДР (модели Т-54 и В-54), что потребовало модернизации путей и инфраструктуры.

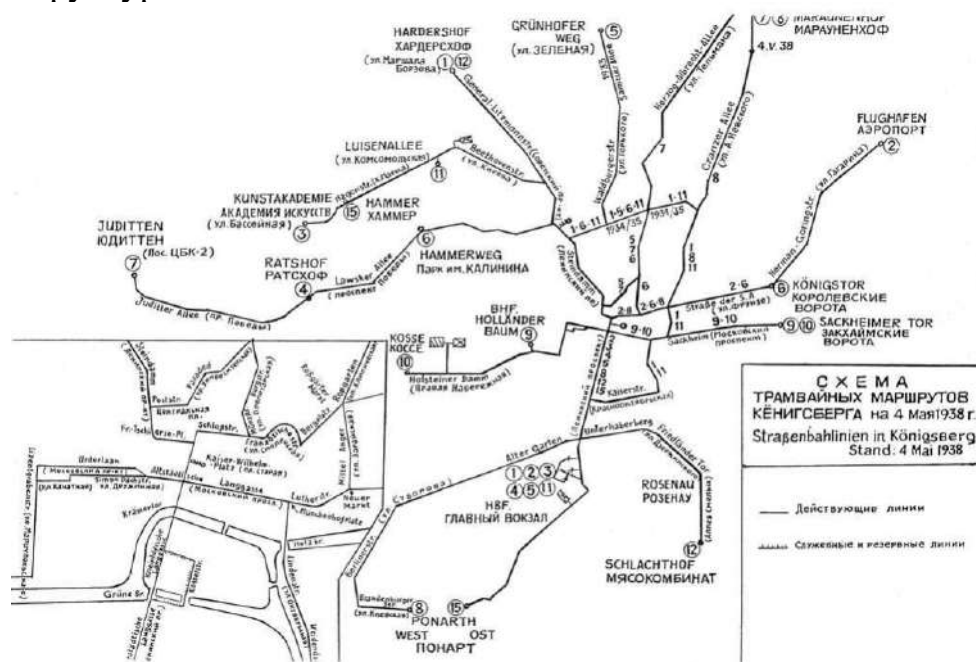

Рис. 2 – Схема маршрутов трамвая Кёнигсберга 1938 г. [1]

Поздние 1950-е и 1960-е годы стали пиком развития калининградского трамвая: шла масштабная реконструкция путей по основным магистралям с использованием рельсов из Советска, а старый немецкий парк полностью заменили на вагоны из ГДР. К 1967 году, когда поставки из ГДР прекратились, парк насчитывал 224 единицы. В 1970-х, для дальнейшего обновления, были заказаны более современные чехословацкие трамваи «Татра 4СУ». Их прибытие в 1972 году потребовало переоборудования депо, обучения персонала и модернизации путей. В этот же период сеть расширилась: открылся эстакадный мост, а маршрут №5 был продлён на километр по улице Мастерской в новый жилой район.

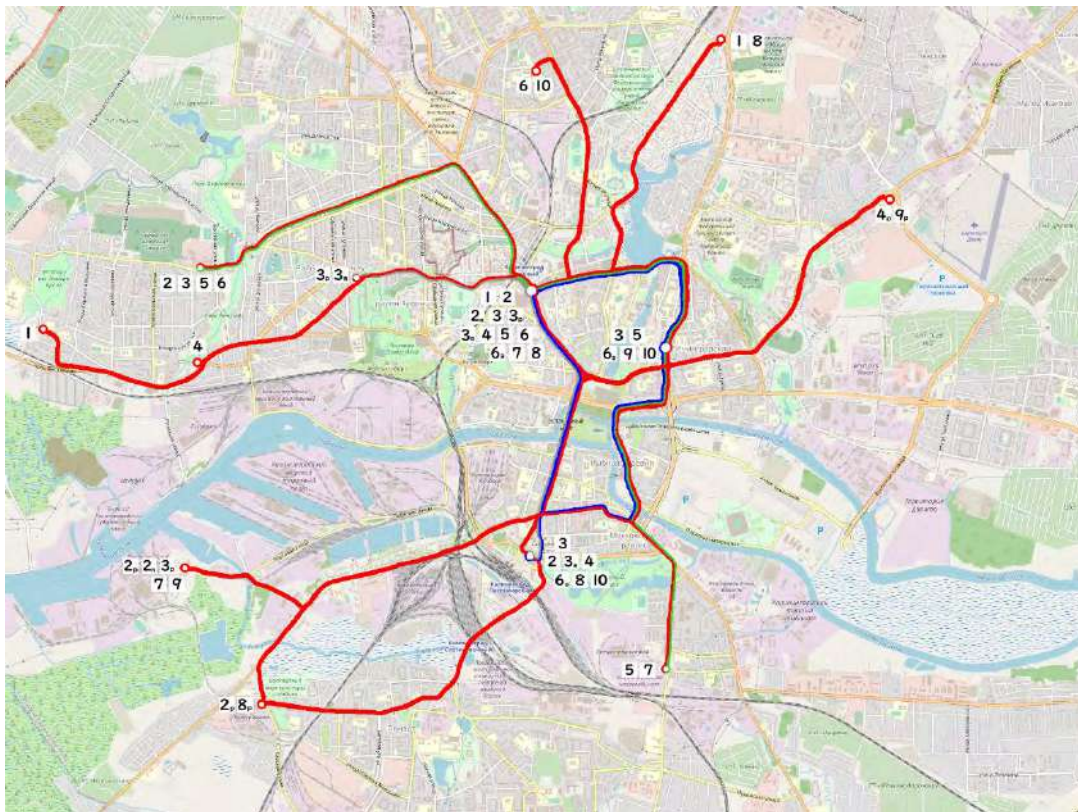

Рис. 4 – Карта Калининградского трамвая за все время существования (Красный – Закрытые, Серый – Возобновлённые, Синий – Экскурсионные, Зелёный – Действующие) [5]

Длительный период с 1999 по 2012 год обновления трамвайного парка в Калининграде не происходило, если не считать поставки 12 подержанных вагонов из Халле в 1999-м. Первым за 13 лет значительным обновлением стала закупка современных низкопольных трамваев в 2012 году. Следующий и пока последний шаг был сделан в 2021 году, когда предприятие получило 16 новых низкопольных двухсекционных вагонов «Корсар», специально разработанных для узкой колеи и оснащённых системами безопасности и видеоконтроля. Несмотря на наличие запчастей для текущего обслуживания, парк в целом остаётся старым: самый молодой вагон — 2021 года выпуска, а самый старый линейный — 1976-го. На балансе депо сегодня числится 48 единиц подвижного состава.

Перспективы калининградского трамвая в последние годы связаны как с амбициозными планами, так и с локальным восстановлением. К чемпионату мира по футболу 2018 года рассматривалась концепция кольцевой линии скоростного трамвая для связи стадиона с городом, но она не была реализована. В 2020 году власти оценивали затраты на полную реанимацию системы в 9 млрд рублей и говорили о планах обновления парка. Несмотря на отсутствие решения по возвращению маршрутов №1 и №4, в декабре 2022 года, после семилетнего перерыва, был возобновлён маршрут №3. На сегодняшний день регулярное движение осуществляется только на двух линиях: №3 (от Центрального парка до Южного вокзала) и №5 (от улицы Бассейной до

Дюнной), а также работает экскурсионный трамвай в партнёрстве с музеем «Фридландские ворота».

История трамвая в Калининграде весьма печальна. Из величественных для почти 500-тысячного города 102,8 км сети (в двухпутном исчислении) и 216 вагонов осталось 46,34 км сети и 42 вагона соответственно. Треть сети законсервирована, хотя могла бы использоваться в линейном движении. Часть линий ещё не закрыты до конца, и могли бы быть восстановлены, так как немного поодаль от их конечных станций развивается жилая и промышленная застройка. Перспективы, намеченные в генеральном плане развития города, так и не были реализованы – даже из планировавшихся улиц замены трамвая на троллейбус реализована лишь одна – улица Горького.

Список литературы:

1. История Калининградского трамвая // АО «Калининград-Гор-Транс» – URL: <https://gortrans39.ru/company/index.php> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Моргачева, Ю. О. Калининградский трамвай как историческое наследие Кёнигсберга // Юный ученый. – 2023. – № 3 (66). – с. 336-338.
3. Siegfried Bufe. Straßenbahnen in West- und Ostpreußen (Трамваи в Западной и Восточной Пруссии) Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1985. - 160 S.
4. Иванов Ю.С., Баранова Е.В. Восстановление трамвайных путей в Калининграде в 1946-1947 годах // Сборник докладов «Пятая зимняя школа по гуманитарной информатике». Изд-во БФУ им. И. Канта, Калининград, 2021. – с. 53-59.
5. Беднякова Е.Б., Истомина Д.Ю. Развитие системы рельсового городского пассажирского сообщения в Калининграде // Сборник трудов конференции «Транспортное планирование и моделирование». Изд-во СПбГАСУ, Санкт-Петербург, 2016. – с. 15-26.

Бешенцев Иван Дмитриевич

студент

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

SPIN-код: 1579-0653

Ivan Beshentsev

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ РЕГУЛЯРНОГО ДВИЖЕНИЯ ТРАМВАЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: Статья последовательно раскрывает биографию Н. Г. Преображенского, его профессиональный путь от работы с конными железными дорогами («конкой») к первым проектам электрической тяги, а также детали реализации его главного проекта — «Опытной линии электрического трамвая» в различных городах – Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде. Особое внимание уделяется практическим результатам этого проекта, доказавшего эффективность и перспективность нового вида транспорта, что привело к масштабному развитию трамвайной сети в столице и других городах империи. Статья также отмечает вклад Преображенского как общественного деятеля в популяризацию технологий.

Ключевые слова: история Санкт-Петербурга, общественный транспорт (ОТ), наземный городской электрический транспорт (НГЭТ), трамвай, скоростной трамвай (ЛРТ).

NIKOLAY GAVRILOVICH PREOBRAZHENSKY IS THE FOUNDER OF REGULAR TRAM TRAFFIC IN ST. PETERSBURG

Summary: The monorail has been a source of inspiration for transportation engineers since the 1960s. In those years, Japan's Haneda Airport opened a monorail, prompting Soviet experts to "catch up and surpass" Japanese technology. Moscow, the capital of the Soviet Union, was expected to lead the way. This article explores the efforts of Soviet engineers to create a Soviet monorail, analyzing their achievements and failures. It also sheds light on the current state of affairs, revealing the reasons behind the closure of the only functioning monorail in the CIS. After all, it was before his last flight that the materials of the Soviet years were declassified.

Keywords: the history of Saint-Petersburg, public transport (PT), ground urban electric transport (GUET), tram, light-rail tram (LRT).

В истории российского городского транспорта имя Николая Гавриловича Преображенского занимает особое место. Именно он стоял у истоков революционного для своего времени преобразования – замены конной тяги на электрическую, заложив основы одной из самых развитых трамвайных систем мира в столице Российской империи.

Биография Преображенского тесно переплетена с историей инженерной мысли России конца XIX века. Родившийся в семье инженера путей сообщений, Николай Гаврилович с детства был погружен в атмосферу технического прогресса и строительства. После окончания гимназии его путь закономерно лежал в престижный Петербургский институт инженеров путей сообщения – кузницу кадров для масштабных инфраструктурных проектов империи [1].

Уже в студенческие годы в нем проявился не просто интерес, а глубокое увлечение новейшими технологиями, в особенности применением электричества. Это была эпоха, когда электрический ток переставал быть диковинкой и начинал менять жизнь городов: появлялось освещение, телеграф, а затем и первые смелые проекты транспорта. Получив диплом инженера, Преображенский начал карьеру на железнодорожных проектах, но его ум уже был занят потенциалом электрической тяги для нужд растущего города.

Первым крупным практическим шагом молодого инженера стало участие в создании и развитии сети конных железных дорог («конки») в Петербурге. Эта работа стала для него бесценной школой понимания городской логистики, пассажиропотоков и технических требований к уличному рельсовому транспорту. Однако недостатки конной тяги – медлительность, зависимость от состояния лошадей, ограниченная провозная способность – были очевидны для технически мыслящего специалиста [2].

Убедившись в ограниченности возможностей «конки», Преображенский целиком посвятил себя продвижению идеи электрификации. Он тщательно изучал зарубежный опыт (первые электрические трамваи уже действовали в Берлине, Будапеште, Вене), адаптируя его к сложным условиям российского климата и реалиям петербургского городского ландшафта. Его главной задачей стало не просто копирование, а создание надежной, эффективной и безопасной системы.

Под его непосредственным руководством был разработан и реализован проект, навсегда изменивший транспортный облик Санкт-Петербурга. Осенью 1897 года по улицам города торжественно прошел первый электрический трамвай. Официально линия получила название «Опытная линия электрического трамвая». Ее маршрут, протяженностью около двух километров, пролегал вдоль набережной реки Фонтанки от Семеновского моста до Обуховской больницы, охватывая оживленные центральные районы. Технические параметры линии не отличались от современных – ширина колеи составляла 1524 мм, тип питания – электрический от воздушного кабеля, электрификация была под напряжением 550 В, контактная сеть располагалась на высоте 5,8 м [3].

Это был не просто испытательный полигон, а полноценный работающий маршрут, наглядно демонстрирующий преимущества новинки: скорость, провозную способность (трамвай был быстрее и вместительнее конки), чистота и бесшумность (исчезли характерные для конки загрязнения улиц), надёжность (работа не зависела от усталости лошадей). Успех опытной линии был

оглушительным. Она наглядно доказала экономическую эффективность и техническую состоятельность электрического трамвая, рассеяв сомнения скептиков и инвесторов [4]. К сожалению, в регулярную эксплуатацию запустить его не удалось по причине договора с предпринимателями, получившими от города право владения сетью конно-железных дорог Санкт-Петербурга на 40 лет.

Успех первого маршрута стал отправной точкой для масштабного переустройства всего городского транспорта. Преображенский не остановился на достигнутом. Используя данные, полученные в ходе эксплуатации опытной линии, он возглавил работы по проектированию и строительству полноценной городской сети. Под его руководством внедрялись новые технологии, совершенствовалась инфраструктура (контактная сеть, тяговые подстанции, депо), формировались первые правила движения.

Авторитет Николая Гавриловича как пионера электрического транспорта быстро распространился за пределы Петербурга. Его опыт и экспертиза стали востребованы по всей России. Он консультировал и участвовал в разработке проектов запуска трамвайного движения в других крупных городах империи, включая Москву (рис. 1) и Нижний Новгород (рис. 2), фактически став главным идеологом электрификации городского транспорта страны.

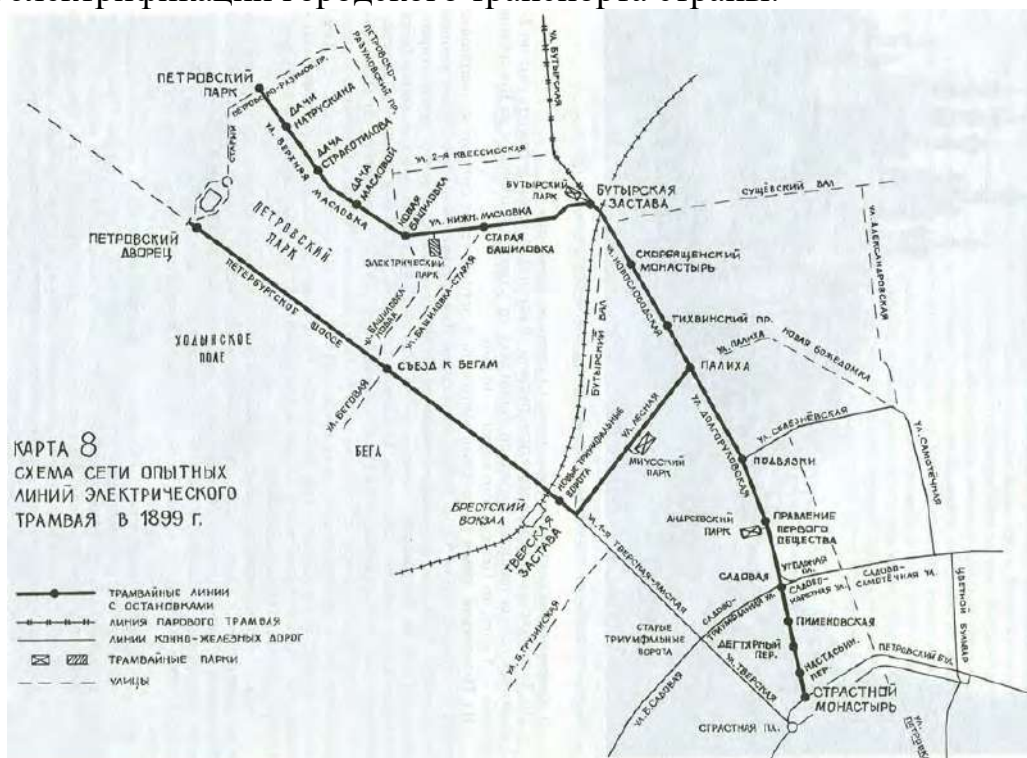

Рисунок 1 – Схема сети опытных линий электрического трамвая Москвы в 1899 г. [5]

Если говорить про Москву, то Николай Гаврилович разработал проект опытных линий электрического трамвая по Лесной ул., мимо Брестского вокзала (ныне Белорусского), по Петербуржскому шоссе (ныне Ленинградский пр.) до Петровского дворца. Шаг между остановками составлял до 1 км, что по технико-эксплуатационным характеристикам позволяло трамваю достигать

показателей скоростного. Вторая линия шла от Страстного монастыря по ул. Долгорукова (ныне Новослободской ул.), ул. Нижней и Верхней Масловке до старого Петровско-Разумовского проезда и Петровского парка (ныне Тимирязевского). Данная линия обладала аналогичными петербургской опытной линии показателями, и послужила основой развитию трамвая в Москве. В советские годы линию с Новослободской ул. перенесли на Сущёвскую ул. и Тихвинскую ул. Они сохранились до наших дней, как и линии по Лесной ул. и у Белорусского вокзала. Линии по Нижней, Верхней Масловкам, впоследствии по ул. 8-го Марта существовали до 1999 года, впоследствии заменены автобусом.

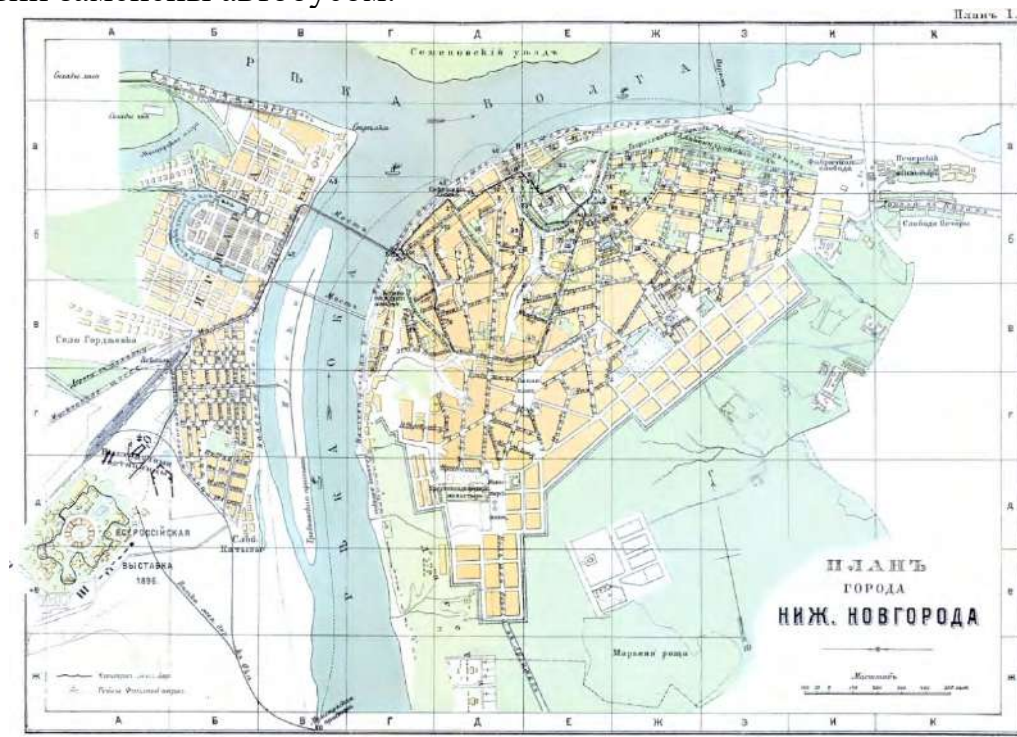

Рисунок 2 – Схема сети опытных линий электрического трамвая Нижнего Новгорода в 1896 г. [6]

В Нижнем Новгороде развитие трамвая шло с левого на правый берег: по нынешним ул. Чкалова, Советской ул., Канавинскому мосту, Рождественской ул., Ивановскому съезду (через Нижегородский кремль), Алексеевской ул., ул. Звездинка, ул. Маслякова, Похвалинскому съезду, образуя кольцо. Ныне из этих линия остались лишь все на левом берегу, по Канавинскому мосту линия демонтирована из-за прокладки впоследствии метрополитена, остальные линии были частично перенесены на параллельные улицы, частично демонтированы.

Вклад Преображенского не ограничивался сугубо инженерной сферой. Он был прогрессивным общественным деятелем, понимавшим важность распространения научных знаний. Инженер активно участвовал в работе технических обществ, способствовал популяризации достижений науки и техники среди широких слоев населения, выступая связующим звеном между профессиональным сообществом и горожанами.

Благодаря видению, настойчивости и таланту Николая Гавриловича Преображенского, Санкт-Петербург уже к началу XX века вошел в число мировых лидеров по уровню развития и организации электрического городского транспорта. Заложенный им фундамент оказался настолько прочным, что петербургский (ленинградский) трамвай десятилетиями оставался одним из самых эффективных и разветвленных в мире, пережив войны и социальные потрясения.

Таким образом, Н.Г. Преображенский был не просто талантливым инженером, а настоящим провидцем городской среды. Он превратил трамвай из технологической диковинки в кровеносную систему большого города, заложив основы экологичного, массового и доступного общественного транспорта, принципы актуальности которых только возрастают в XXI веке. Его «Опытная линия» стала той самой искрой, из которой разгорелось пламя электрической транспортной революции в России.

Список литературы:

1. Шапилов Е., Величенко М., Процай Л., Буйнякова Н. От конки до трамвая // – СПб: Лики России, 1993 – 240 с.
2. Петербургский трамвай: страницы истории – по материалам президентской библиотеки // ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина» – URL: <https://www.prilib.ru/news/1301789/> (дата обращения: 17.01.2026).
3. Годес Я.Г. Этот новый старый трамвай – Л.: Лениздат, 1982 – 160 с.
4. Ялышев П.С. История трамвая // Экспозиционно-выставочный комплекс городского электрического транспорта СПб ГУП «Горэлектротранс» URL: https://getmuseum.ru/istoriya_tramvaya (дата обращения: 17.01.2026).
5. Темникова Ю.Ю. Следующая остановка «Москва 19 века» // Портал transport.mos.ru – URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/2898?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (дата обращения: 17.01.2026).
6. Схема трамвайных линий города Нижнего Новгорода 1896 года // Фотобазы городского электрического транспорта Transphoto – URL: <https://transphoto.org/photo/1116622/> (дата обращения: 17.01.2026).

Болдышева Елизавета Дмитриевна

3 ГД-28

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Boldysheva Elizaveta

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ, КАК НАСЛЕДИЕ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Аннотация: Орден тамплиеров считался одним из самых могущественных в истории. До наших дней дошли многочисленные тайны и мифы о сокровищах и священных реликвиях, которые храмовники спрятали от правителей своей эпохи. Эти легенды вдохновляют многие умы и сегодня. Однако рыцари Храма Соломона завещали нам не только мистические богатства, но и свои достижения, которыми они поделились с миром, играя на мировой арене роль «банкиров запада». Не многие догадываются, что их идеи не только дожили до наших дней, но и крепко укоренились в повседневной финансовой жизни, наверное, каждого человека на Земле.

Ключевые слова: Тамплиеры, храмовники, «банкиры Запада», финансовая политика тамплиеров.

PRINCIPLES OF THE MODERN BANKING SYSTEM AS A LEGACY OF THE TEMPLAR ORDER

Summary: The Knights Templar are considered one of the most powerful in history. Numerous secrets and myths about the treasures and sacred relics the Templars hid from the rulers of their era have survived to this day. These legends inspire many minds even today. However, the Knights of the Temple of Solomon bequeathed to us not only mystical riches but also their achievements, which they shared with the world, playing the role of "bankers of the West" on the global stage. Few realize that their ideas have not only survived to this day but are deeply ingrained in the everyday financial lives of probably every person on Earth.

Keywords: Templars, Knights Templar, "Western bankers", financial policy of the Templars.

Над пещерой, в которой был погребен Иисус Христос, в 335 году по указу первого христианского императора Константина I Великого был возведен храм Воскресения Христова, известный также как храм Гроба Господня. Скоро тысячи паломников направились к Иерусалиму, чтобы увидеть святыни своими глазами. Однако после того, как Иерусалим завоевали турки-сельджуки в 1060 – 1070-е годы, христиане сильно страдали: их изгоняли из церквей, богослужения прерывали и высмеивали. Желание освободить Гроб Господень от неверных и послужило основой для Крестовых походов. После захвата города крестоносцами в 1099 году толпы паломников хлынули с новой силой.

Иноверцы были изгнаны из города, однако нападения на христиан не прекратились. Чтобы защитить пилигримов девять рыцарей образовали священное братство по оружию, торжественно поклявшись освободить дороги от неверных и разбойников и сопровождать паломников через горные перевалы на пути в Священный город. Наполненные военно-религиозным пылом и воодушевленные святостью дела, они назвались Бедными рыцарями Иисуса Христа.

Защита паломников на пути к Гробу Господню особенно уважалась, и рыцари стали настоящими героями своего времени. Сначала у них не было своего храма, и только в 1118 году от Рождества Христова, спустя девятнадцать лет после завоевания Святого града крестоносцами, король Иерусалима Балдуин II за заслуги перед христианами подарил рыцарям свою резиденцию на территории первого Иерусалимского храма, или Храм Соломона. В этом величественном сооружении, возведенным императором Юстинианом и достроенным халифом Умаром, и обосновались первые тамплиеры. Бедные рыцари Христа стали известны как рыцари Храма Соломона, тамплиеры, или храмовники. [1, с. 5-8].

Сила и влияние ордена начали быстро расти, увеличивалось число братьев и меценатов, готовых пожертвовать ордену свои земли и богатства. Также, огромное значение для судьбы ордена имела булла Папы Римского Иннокентия II «Omne Datum Optimum» 1339 года. Она содержала в себе суть задач и устройства ордена, но главное положение этого документа – переход храмовников в подчинение папского престола, и, как следствие, вывод их из-под юрисдикции всех прочих иерархов Католической Церкви. Тамплиерам предоставлялось право сбора десятины от сельскохозяйственной продукции производимой на их землях, сами же они от налогов были освобождены. Вся добыча, захваченная рыцарями ордена в боях, также становилась, согласно указу, их собственностью. [2, с 254].

Сама структура ордена и внутренний устав способствовали его обогащению. Вступивший в орден давал три обета: послушания, бедности и целомудрия. Братья не имели права на личные деньги – все сбережения после вступления в орден шли в общую кассу. Даже в повседневной жизни рыцари жили в спартанской обстановке. Мясо подавалось два раза в неделю, и только рыцари получали двойную порцию по воскресеньям. В другие дни рацион состоял из двух-трех овощных блюд или из теста, в пятницу – из рыбы. Строго соблюдался пост от Дня всех святых до Пасхи. Одежда братьев также не отличалась роскошью. Она была, либо черной, либо белой, из грубой шерстяной ткани, которую разрешалось отделывать только овечьим мехом. Каждому брату полагалась постель с соломенным тюфяком, простыней, подушкой-валиком и покрывалом из овечьей шкуры. [2, с. 249-250].

Благодаря пожалованиям, пожертвованиям и другим поступлениям орден превратился в крупнейшего феодального владельца, его командорства (местные подразделения) существовали почти во всех государствах Западной и Центральной Европы. В исторических хрониках упоминается сумма годового

дохода храмовников – около 54 миллионов франков. Сейчас сложно представить насколько большими были эти суммы, но так или иначе, в сравнении с нынешней валютой, можно вполне смело сравнивать их с бюджетом целого государства.

Помимо командорств, ферм, складов и постоянных дворов тамплиеры владели городским имуществом, которое сдавали в аренду. Некоторые из поступлений представляли собой пошлины и доходы от церквей, рынков, от перевозки товаров. Монархи даже обращались к тамплиерам за помощью в сборе налогов для казны. Развиваясь, как один из самых могущественных орденов своего времени, считается, что тамплиеры разработали и заложили финансовую систему, которая легла в основу принципов современных банков.

Например, безналичный расчет. В Средние века были распространены только металлические деньги, которые перевозили обозами. На такие караваны часто нападали разбойники. Чтобы уменьшить риск тамплиеры ввели в пределах своих земель заёмные письма. Система была проста. Торговец привозил свои средства в командорство. Казначей командорства выдавал взамен принятой на хранение суммы заёмное письмо в другое командорство. С этим письмом человек приезжал в назначенное место и получал точный эквивалент денежного вклада любыми деньгами на своё усмотрение. Конечно, за свои услуги тамплиеры брали процент. Благодаря такой системе отпала необходимость перевозить деньги, что было особенно важно для крупных торговцев. Во время путешествия при них было лишь заёмное письмо, совершенно бесполезное для воров и грабителей. [2, с. 298].

Также, была создана сеть филиалов. Земли ордена были поделены, как на Западе, так и на Святой земле. Во главе провинций стояли провинциальные магистры. В каждой провинции был свой капитул, выполнявший совещательные и судебные функции. Во главе командорств (нижних подразделений) стояли командоры или лейтенанты. Все дороги Святой земли были разделены на отрезки длиной в один дневной переход. Каждый такой отрезок пути заканчивался укрепленным фортом – замком ордена под началом коменданта. Эти подразделения распространились на всех торговых путях, позволяя их клиентам удобно пользоваться заёмными письмами и другими услугами «банкиров с Запада». Считается, что число сооружений, принадлежавших тамплиерам, насчитывало около 9 тысяч. [2, с. 252]

Отличительной чертой ордена были безопасность и доверие. В замках тамплиеров специальный дежурный кассир ежедневно вёл приходный кассовый журнал. Статьи в журналах имели следующие реквизиты: за чей счет поступили деньги; сумма взноса с указанием вида денежных единиц, при необходимости с переводом их по существующему курсу; наименование фактического плательщика, а также причина взноса; указание регистра, где должна быть записана внесенная сумма. Так, все записи строго велись в двух журналах – регистрах хронологического учета. Ежедневно по этим журналам подводились итоги, а затем, на основе записей в регистрах проводилось

распределение средств по счетам клиентов. Учет вели на латинском языке и только римскими цифрами, считалось, что арабские было легко подделать.

У тамплиеров была жёсткая система представления отчетов администраторами. Отчет предполагал четыре важнейших положения: по инвентаризации – все данные, приведенные в нем, подтверждались снятием натуральных остатков средств; по дебиторской задолженности – анализ погашения задолженности и реальности полного погашения; по проверке цен (при покупках и продажах) – не были ли они завышены без основания или занижены; принесение клятвы о правильности составленного отчета – по сути основы будущего аудиторского заключения.

Итак, финансовые документы тамплиеров практически невозможно было подделать – в них использовался сложный шифр. Заёмные письма составляли с использованием специальных кодов, их понимал только тот казначей, который должен был их расшифровать. Банки тамплиеров были известны своей надежностью, этому особенно способствовал тот факт, что храмовники, как военная организация, при необходимости транспортировки ценностей обеспечивали полную их охрану.

Среди прочих финансовых операций храмовники занимались выплатой рент и пенсий. Часто добровольная передача ордену земель и денег подразумевала обязательство пожизненно выплачивать определенные средства бывшему владельцу и его супруге. Благотворительный дар в пользу той или иной церковной общины был в то время одним из способов обеспечить безбедную старость себе и гарантированный достаток своим наследникам. Само наличие тамплиерского креста на недвижимости того или иного ленника обеспечивало ему более спокойное существование, и не имело значения пользовался он поддержкой местного феодала или нет. Исполнение, по сути дела, полицейских функций, предусматривалось еще основателем ордена Гуго де Пейном, однако теперь эти функции расширились от сопровождения пилигримов до обеспечения безопасности финансовых операций и перевода денежных средств. Благодаря своей репутации, накопленному опыту и знанию, храмовники стали выполнять функции главных финансовых поверенных большей части западноевропейских монархов.

Присутствие тамплиеров ощущалось даже в оживленной торговле между Западом и Востоком. Они стали играть роль посредников и организаторов торговых сделок. Долгом каждого Великого магистра было следить за ходом таких сделок, пресекая случаи недобросовестного отношения к делу. В конце XII века парижское отделение ордена тамплиеров стало крупнейшим банком в Европе. Тамплиеры первыми ввели банковские чеки и именно они разработали формы сложной финансовой документации. [2, с. 298-299].

Также орден оказывал и депозитные услуги. В своих замках-крепостях тамплиеры сдавали камеры хранения, копии ключей от которых хранились у их хозяев. Монархи и сеньоры разного рода пользовались этими камерами, чтобы сохранить своё имущество. По существу, тамплиеры практиковали обычную

для нашего времени процедуру: вкладчик, не теряя права собственности на свое вложение, выплачивал определенную сумму за его сохранность.

Казна ордена также служила своего рода кассой, в неё помещали суммы, предназначенные для выплат по условиям государственных договоров и контрактов. Так в 1158 году король Франции Людовик VII сосватал свою дочь за сына английского короля Генриха II. В роли приданого оказался город Жизор и два замка. В брачном контракте король указал, что до дня свадьбы указанные владения будут находиться под охраной ордена тамплиеров в виде депозита в пользу третьих лиц. [2, с. 299].

В 1261 году в храм ордена в Париже на десять лет была помещена английская корона. Король, замечая недовольство баронов по отношению к своей персоне, боялся держать эту дорогую вещь у себя в Лондоне. [3, с. 31].

Услуга кредитования являлась неотъемлемой частью экономической структуры ордена. Храмовники давали деньги в долг организациям и отдельным людям, но самыми известными их клиентами были короли. Благодаря орденским ссудам часто удавалось предупредить разорение многих держав. Монархи брали деньги в долг, за что орден взимал ренту или получал какие-либо привилегии. Клиентом ордена был Людовик VII, Великий магистр открыл ему кредит на организацию третьего Крестового похода 1189 года. За материальной помощью к тамплиерам не раз обращался и будущий Папа Римский Александр III, во второй половине XII века своих средств для борьбы за папскую тиару у него не было, и он был вынужден скрываться. Конечно, монархи одалживали средства не только у тамплиеров, богатые монастыри также пользовались популярностью, но они предоставляли ссуды куда охотнее, если их возврат гарантировал орден тамплиеров. В качестве залога под взятые кредиты часто служили доходы от земельных участков, причем храмовникам иногда разрешали забирать часть этих средств в казну ордена. [2, с. 297].

Созданное еще в самом начале Крестовых походов это необычное рыцарское братство к XIV веку по своему могуществу и богатству могло соперничать со всеми государствами христианского мира. Доход храмовников в этот период соответствовал, как утверждают некоторые историки, 20 миллионам золотых талеров (можно предположить, что сегодня эта сумма могла бы представлять собой от нескольких десятков до нескольких сотен миллиардов долларов), и в одной лишь Франции они могли выставить армию в 15 тысяч всадников. Филипп Красивый, например, самый могущественный монарх Европы конца XIII – начала XIV, мог противопоставить ордену только 5 тысяч верных ему воинов и полупустую казну. [3, с. 35].

Однако, успех тамплиеров не мог длиться вечно. С потерей христианским миром Святой земли, они вынуждены были вернуться на Кипр, а после в Париж. В последнем стоял знаменитый дом ордена, настоящая крепость – Тамплъ.

В начале XIV века во Франции против тамплиеров начался плестись заговор. Французский король Филипп Красивый вместе с некоторыми особенно преданными ему вельможами, решили обвинить рыцарей в ереси, передав

орден суду и конфисковав всё его имущество. Особенно среди вельмож отличился южанин – Гильом де Ногаре, изначально он был легистом (то есть юристом), однако позже, своим острым умом смог заслужить себе место возле короля, став его советником и хранителем печати.

Сложно перечислить все грехи, приписываемые тамплиерам. Храмовников обвиняли в том, что во время приема в братство они трижды отрекались от Иисуса Христа и трижды плевали на Святое распятие. Затем, полностью сняв одежду, они нагими появлялись перед кем-либо из старших братьев, отвечающих за их прием в члены ордена, и тот человек целовал их пониже спины в пупок и в губы самым позорным образом, однако в полном соответствии с нечестивым уставом этого ордена. Более того, по своему обету они затем обязаны были потворствовать преступным плотским утехам с другими членами ордена. И наконец, эти нечистые люди отказывались от чаши со святой водой и совершали подношения идолам. [3, с. 121-123].

Итак, против тамплиеров собирали свидетелей (и делал это не кто иной, как Гильом де Ногаре), чтобы обосновать публичную диффамацию и начать процесс по обвинению в ереси. Считается, что, и сам Великий магистр, и его совет уже что-то знали об обвинениях, выдвинутых королем. По одним сведениям Великий магистр не верил в то, что ордену что-то угрожает, поэтому и не предпринял попытки спастись. Другие считают, что Жак де Моле – последний Великий магистр ордена тамплиеров намеренно позволил случиться событиям, произошедшим 13 октября 1307 года. В этот день Филиппом Красивым был подписан и издан указ об аресте абсолютно всех тамплиеров. Примечательно, что парижский Дом тамплиеров сдался без сопротивления. Были ли они в неведении? Известно, что перед арестом Великим магистром была сожжена часть документов. Тогда же Париж покинул тщательно охраняемый обоз, история которого впоследствии и легла в основу легенды о «кладе храмовников».

Итак, против тамплиеров повернули всю общественность и предоставили их в руки церковной машины – инквизиции. Под пытками от храмовников добивались признания. Спустя семь лет судебных разбирательств многие члены ордена погибли. Некоторые при пытках, другие были сожжены на костре не пожелав принять выдвинутые им обвинения. Сам Великий магистр и его верный друг Приор Нормандии отказались от всех выдвинутых в адрес ордена обвинений и были сожжены на костре в 1314 году по указу Филиппа Красивого.

Надо сказать, что таким гонениям тамплиеры подвергались лишь во Франции. Монархи остальных держав хоть и провели ряд арестов, однако пытки использовались редко и у большей части храмовников просто конфисковали имущество.

Так прекратил своё существование знаменитый орден. Со временем его образ стал обрастать различными домыслами и легендами, дошедшими и до наших дней. Однако сколько бы мифов ни существовало, о якобы спрятанных сокровищах и мистических священных реликвиях, до которых жадная рука

французского короля так и не смогла дотянуться. Не стоит забывать и о другом наследии, что оставили будущим поколениям человечества «банкиры Запада и Востока».

Список литературы:

- 1.Эддисон, Ч. Орден тамплиеров. История братства рыцарей Храма и лондонского Темпла. – М.: Центрполиграф, 2018. – 351 с.
- 2.Гусев, И.Е. История орденов Средневековья. – Минск: Харвест, 2007. – 432 с.
- 3.Жаринов, Е. В. Пророчества Великого Магистра тамплиеров. – М.: Этерна, 2013. – 178 с.
- 4.Рид, П.П. Тамплиеры. Рыцари-храмовники. - М. Астрель, 2010. – 410 с.
- 5.USA Knights Templar «The History of Templar Banking». [Электронный ресурс] – URL:<https://www.usaknightstemplar.org/post/knights-templar-and-banking>(дата обращения: 10.02.2026)
- 6.Whitehall Fyrd «The Knights Templar: Fathers of Modern Banking». [Электронный ресурс] – URL:<https://steelfighting.com/2011/08/15/the-knights-templar-fathers-of-modern-banking/> (дата обращения: 10.02.2026)
- 7.BRICKS MASONS «Knights Templar and Commerce: The Birth of Modern Banking».[Электронный ресурс] – URL:https://ru.bricksmasons.com/blogs/masonic-education/knights-templar-and-commerce-the-birth-of-modern-banking?srsltid=AfmBOopmy09L_NMypM-R4TnGGGuzFUpwEh-jj4_sQbu8T7kAYE6zhIqY&shpxid=8a5d92fc-3038-41ba-a828-ff47d6ca526e (дата обращения: 14.02.2026)
- 8.Knights Templar & the Creation of Modern Banking. [Электронный ресурс] – URL:<https://www.thecollector.com/knights-templar-creation-modern-banking/> (дата обращения: 15.02.2026)

Бородина Карина Сергеевна

1 ТД-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доцент Шкандрий Надежда Ярославовна

Karina Borodina

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСКУССТВО ПОРТРЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ К.А. КОРОВИНА

Аннотация: В статье анализируется живописная техника и методы К.А. Коровина. На примере ключевых произведений автора, рассмотрен его подход к созданию живых и выразительных картин. Особое внимание уделяется импрессионистическим идеям русского художника и их сопоставлению с французским направлением. Живопись К.А. Коровина обладает особым психологическим характером и новаторским подходом к искусству.

Ключевые слова: искусство, импрессионизм, русская живопись, портрет.

THE MASTERY OF THE PORTRAITS IN THE PAINTINGS OF K. KOROVIN

Summary: This article analyzes K. Korovin's painting techniques and methods. Using key works as examples, it examines his approach to creating vibrant and expressive picture. Particular attention is paid to the Russian artist's impressionistic ideas and their comparison with the French movement. K. Korovin's paintings possess a distinctive psychological character and an innovative approach to art.

Keywords: art, impressionism, Russian painting, portrait.

Импрессионизм – живописное направление XIX века, зародившееся во Франции на холстах художника Клода Моне. Название стиля уходит корнями к одноименной картине «Впечатление. Рассвет», выставленной автором на выставке в 1874 году. Знаменитый вид порта в Гавре, замеченный в окне небольшой гостиницы, стал отправной точкой для данного направления, вдохновившего множество последователей [2].

Важной особенностью направления стало использование живописи на свежем воздухе – с фр. *plain air* – среди природы или городской суеты. Это позволяло творцам сконцентрироваться на сути, душе момента, а не аккуратной выверенной технике. Желание уловить мгновение разделяли многие художники того времени, помимо Клода Моне в рамках данного живописного стиля работали Пьер Огюст Ренуар, Камиль Писсарро и Альфред Сислей [1]. Их работы объединяла главная идея того времени – изобразить жизнь в мимолетных моментах.

Их художественный метод отличался от привычных современникам классицизма и реализма. На смену сложным, предварительно смешанным на

палитре оттенкам, пришли чистые цвета, которые при рассмотрении в совокупности, в сравнении и в аддитивном смешении позволяли достичь верного колорита работы. Импрессионизм стал своеобразным наследником пуантилизма, который использовал схожие приемы при создании цвета.

В работах использовались чистые цвета спектра, наложенные последовательно, друг за другом мазками они создавали эффект мерцания красок. Для передачи изменений формы и освещенности предмета использовались дополнительные цвета, находящиеся на противоположных концах цветового круга Иоганнеса Иттена, взаимно усиливающие друг друга и привлекающие внимание зрителя [2]. Работа благодаря этому выглядит яркой и контрастной, несмотря на отсутствие черной и темной гаммы.

Константин Алексеевич Коровин стал первым русским импрессионистом, перенея манеру исполнения живописных работ. Это художник, чья жизнь органично связана с искусством и страстью к новаторству. В ходе своего обучения он занимался у множества мастеров, Алексея Кондратьевича Саврасова, Василия Дмитриевича Поленова и других, впитывая их выразительное искусство и традиции, одновременно с этим занимаясь экспериментами и поисками нового. Часть жизни художник провел во Франции, где осваивал и изучал идеи свежего и смелого направления в живописи — импрессионизма и постимпрессионизма. Так творчество Коровина стало смешением традиций и инноваций, внося его имя в анналы истории искусства.

Первый портрет [К.А. Коровин «Портрет хористки» 1887, выполненный на холсте на картоне маслом] который впоследствии называли «первой ласточкой русского импрессионизма», передаёт характер натуры без лишних деталей и прилизанной, заглаженной картинки. Ранее данные зарисовки и подмалевки считались лишь частью подготовительной работы. Однако 19 век стал веком смены данного мнения, наброски-впечатления исполняют свою выразительную функцию, передавая атмосферу и мимолетность мгновения. Фигуры не застывшие в мраморе статуи, не статичные тела, а словно дышащие, слегка размытые, будто находящиеся в движении. В портрете хористки Коровин уделит основное внимание поиску цветовых отношений. Художник использовал сразу четыре вида контрастов в работе — контраст дополнительных цветов, контраст по тепло-холодности, контраст светлого-темного и контраст цветового пятна. Лицо, выписанное с помощью широких мазков охристой гаммы, выделяется на фоне голубого холодного платья и темных свежих тонов листвы. Нам виден процесс нанесения краски и создания данного образа, техника заметных мазков характерна произведениям импрессионистов. Мастера импрессионизма славились умением с легкостью перенести этот момент прекрасного на холст, наделив его осязаемыми ощущениями. Фрагментное рассмотрение работы позволяет обнаружить некую намеренно допущенную неряшливость — быстрая техника, мелкие мазки, фигура едва намечена. Однако художник не стремился отобразить реальность, он намеревался запечатлеть свое восприятие увиденного.

Цветовая палитра Коровина состоит не только из чистых несмешанных цветов как у классиков французского импрессионизма – Клода Моне и Пьера Огюста Ренуара, но также содержит черные и коричневые оттенки, которые добавляют контрастность и особую выразительность картине. Именно это является спецификой русского импрессионизма, который унаследовал идеи предыдущего главенствующего направления – реализма и классицизма. Его ночное небо в урбанистическом французском пейзаже полно оттенков синего и темно-коричневых цветов, передавая ощущение сумеречной свежести и мглы, накрывающий улицы. [К.А. Коровин «Ночная улица» Париж. 1902, «Кафе де ля Пэ» 1906, холст, масло]

Автопортрет, написанный Коровиным в последние годы своей жизни, отличается от его молодого изображения другом и коллегой В.А. Серовым. [К.А. Коровин Автопортрет, 1938, холст, масло]. Это интимный портрет, не дающий нам представления об интерьере или окружении, но прекрасно передающим самовосприятие художника. Самым примечательным в выражении являются глаза, которые словно находятся в движении, пытаются запечатлеть окружающий мир, осмотреть его и изучить. В них выражено необычной силы любопытство и желание познать и проанализировать этот мир. Глаза художника — это выражение его художественного взгляда, его способности смотреть на вещи через призму творчества. Художник отводит взор в левый верхний угол картины, будто наблюдая и пытаясь уловить движение и детали. Если попытаться трактовать язык тела изображенного, можно заметить примечательную задумку. Когда человек пытается что-то придумать, он начинает смотреть в верхний правый угол. Таким образом, сознательно или интуитивно Коровин запечатлел себя в процессе творческого размышления и фантазий. Уровень глаз на холсте расположен в первой трети картины, что еще больше привлекает зрителя и заставляет обратить внимание на данную черту лица. Мы забываем о поседевших волосах и тяжелых покатых плечах, всматриваясь в энергичные, полные действия и жизни глаза.

Таким образом автопортрет заключает в себе его личность и качества, как вечно ищущего творца. Произведения Коровина отличаются яркостью, эмоциональностью и мастерским использованием цвета. Он умело сочетал русскую душевность с французскими художественными тенденциями, создавая работы, полные жизни и чувств.

Список литературы:

- 1.Крючкова, В. Импрессионизм / В. Крючкова. — Москва: Белый город, 2013. — 48 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/51670.html> (дата обращения: 28.02.2026). — Режим доступа: для авторизир. пользователей
- 2.Энциклопедия импрессионизма / Под ред. М. и А. Серюллы; Пер. с фр. Н. Матяш. — Науч. ред. и авт. послесл. К. Богемская. — М.: Республика, 2005. 295 с.: ил.

3. Культура.ру (гуманитарный просветительский портал). Константин Корвин // Культура.ру. — Доступно по: <https://www.culture.ru/persons/8236/konstantin-korovin>. — (дата обращения: 28.02.2026). — Режим доступа: свободный

Бошкова Мария Владиславовна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Maria Boshkova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается свадебный обряд как фундаментальное явление культуры, в котором находят отражение онтологические представления человека о мире, жизни и смерти. Опираясь на концепции А. ван Геннепа о «ритуалах перехода» и К. Гирца о культуре как «сети смыслов», автор анализирует символическую природу обряда. Особое внимание уделяется способности свадебного ритуала моделировать картину мира, в частности, через оппозиции «свой — чужой» и «сакральное — профанное». На примере русской традиционной культуры исследуются предметные символы невесты (коса, венок), которые связаны с понятиями «красоты» и «доли». Делается вывод о том, что свадьба представляет собой не просто бытовой обычай, а универсальный механизм упорядочивания хаоса и трансляции базовых ценностей, конституирующих человеческое существование.

Ключевые слова: свадебный обряд, онтология культуры, ритуал перехода, символика, традиционная культура, картина мира, А. ван Геннеп.

WEDDING CEREMONY AS AN EXPRESSION OF THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF CULTURE

Summary: The article examines the wedding ceremony as a fundamental cultural phenomenon that reflects the ontological ideas of a person about the world, life, and death. Based on the concepts of A. van Gennep's "rites of passage" and C. Geertz's idea of culture as a "web of meanings", the author analyzes the symbolic nature of the ritual. Special attention is paid to the ability of the wedding ritual to model a worldview, particularly through the oppositions "us vs. them" and "sacred vs. profane". Using the example of Russian traditional culture, the article explores the

material symbols of the bride (braid, wreath), which are associated with the concepts of "beauty" and "lot". It is concluded that a wedding is not just an everyday custom, but a universal mechanism for ordering chaos and transmitting the basic values that constitute human existence.

Keywords: wedding ceremony, ontology of culture, rite of passage, symbolism, traditional culture, worldview, A. van Gennep.

Свадьба — это не просто праздник по случаю создания новой семьи. В традиционной культуре она представляет собой сложный семиотический комплекс, глубокое символическое действо, которое позволяет человеку осмыслить фундаментальные вопросы бытия. Цель данной статьи — рассмотреть свадебный обряд как выражение онтологических оснований культуры, то есть тех представлений о мире, жизни, смерти и порядке вещей, которые формируют картину мира этноса.

Изучение ритуала как культурной системы невозможно без опоры на теоретическую базу. Как отмечают исследователи, ключевым является семиотическое понимание культуры как системы, ориентированной на порождение и сохранение смыслов [1, с. 37]. В этой связи продуктивна концепция американского антрополога К. Гирца, который рассматривает культуру как «сеть смыслов», а ритуал — как одну из важнейших подсистем, предоставляющую людям интерпретативные модели для структурирования идентичности и отношений с миром [1, с. 38]. Свадьба, таким образом, выступает не просто зеркалом, но и образцом для построения реальности.

Фундаментальной характеристикой свадьбы является ее принадлежность к «ритуалам перехода». Еще А. ван Геннеп показал, что такие обряды оформляют смену статуса человека и следуют универсальной трехчастной структуре: отделение от прежнего состояния (сепарация), промежуточная (лиминальная) фаза и включение в новое сообщество (инкорпорация) [1, с. 37]. В контексте онтологии этот переход переживается как символическая смерть в одном качестве и новое рождение в другом. Невеста «умирает» для своего рода и «рождается» в роду мужа. Именно поэтому обряд пронизан амбивалентной символикой: плачем по уходящей девичьей жизни и радостью от будущего замужества.

Эта идея символической смерти и возрождения отчетливо прослеживается в предметных символах. В донской казачьей традиции, как показывает М.А. Рыблова, ключевыми концептами являются «красота» и «доля» [4, с. 115]. Материальными воплощениями «красоты» выступают коса, лента и венок, которые символизируют девичью волю. В ходе обряда эти символы либо уничтожаются, либо передаются другим, что означает лишение девушки прежнего статуса и доли в своей семье. Последующее «наделение» новой долей в семье мужа и есть онтологический акт творения новой личности и новой реальности. Так, через действие с предметами обыгрывается тема жизни и смерти, являющаяся центральной для любой картины мира.

Кроме того, свадебный обряд структурирует пространство и время, разделяя мир на «свой» и «чужой», сакральный и профанный. Т.Б. Банкова, исследуя тексты сибирской свадьбы, отмечает, что обрядовый текст является выражением коллективного онтологического мирообраза, а распределение языкового корпуса позволяет проследить превращение профанного мира в сакральный [3, с. 15]. Переезд невесты в дом жениха — это путешествие через границу миров, которое требует особой магической защиты. В русской традиции этот переход подкрепляется как языческими обычаями, так и церковным венчанием, которое, по замечанию лингвокультурологов, воспринимается как желание скрепить узы «на небесах» [2, с. 107]. Таким образом, свадьба легитимирует новый союз не только в социальном, но и в космическом, сакральном измерении.

В итоге, свадебный обряд предстает перед нами как универсальный культурный механизм, с помощью которого человек упорядочивает хаос, придает смысл ключевым событиям своей жизни и встраивает их в общую картину мира. Через символы, действия и слова он транслирует представления о жизни и смерти, о судьбе («доле»), о структуре мироздания, разделенного на своих и чужих. Поэтому свадьба — это не просто фольклор или этнографическая редкость, а живое выражение онтологических оснований культуры, позволяющее человеку осознать свое место в мире.

Список литературы:

1. Богданова, М. В. Семиотическое пространство свадебной ритуальности: религиозный канон и социокультурный контекст // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2023. — Т. 25, № 2. — С. 36-43. — URL: <https://journals.eco-vector.com/2413-9645/article/view/321686> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Ду, Ц. Лингвокультурологические особенности свадебного этикета в русских и китайских обычаях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13, № 1. — С. 102-113. — URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/84851/> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Банкова, Т. Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 14-23. — URL: <https://philology.nsc.ru/journals/spj/article.php?id=122> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Рыблова, М. А. Предметные символы девушки-невесты в донской казачьей свадьбе // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2020. — Т. 48, № 2. — С. 114-121. — DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.2.114-121. — URL: <http://old.archaeology.nsc.ru/journarticleru/82/1272> (дата обращения: 01.03.2026).

Брагина Мария Станиславовна

2 МД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук Лебедева Галина Николаевна

Bragina Maria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ П.А. ФЛОРЕНСКОГО: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: в статье рассматриваются философские взгляды П.А. Флоренского на пространство и время как символические и метафизические формы. Анализируются основные положения и мысли из его книги «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях». Пространство у Флоренского предстает не как нейтральная физическая среда, а как образование мысли, связано с действием, восприятием и символами. Показано, что его философия предвосхищает реляционные подходы современной физики. Сравнение взглядов: философского Флоренского и математического Эйнштейна на пространство-время и вывод о том, что пространство у Флоренского — это не физическая, а метафизическая область.

Ключевые слова: Павел Флоренский, пространство, метафизика, символ, реляционность, онтология, геометрия.

P.A. FLORENSKY'S SPACE AND TIME: METAPHYSICAL AND SYMBOLIC APPROACH

Summary: the article considers philosophical views of P.A. Florensky on space and time as symbolic and metaphysical forms. The main provisions from his book 'Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Figurative Works' are analysed. Florensky presents space not as a neutral physical environment, but as a semantic structure connected with action, perception and symbols. It is shown that his philosophy anticipates relational approaches of modern physics. Comparison of Florensky's and Einstein's views on space-time. The conclusion that space in Florensky is a form of thinking.

Keywords: Pavel Florensky, space, metaphysics, symbol, relationality, ontology, geometry.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – философ, математик, богослов, священник, для которого философия пространства-времени стала центральной темой размышлений. Так как его область знаний было обширна, он не определял границ между разными науками. Как следствие, его трактовка пространства выходит за пределы научной интерпретации, охватывая религиозный и символический смыслы. В данной статье анализируются положения, изложенные им в книге «Анализ пространственности и времени в

художественно-изобразительных произведениях», написанной в 1924–1925 годах. Основная мысль: «миропонимание – пространствопонимание» [1, гл. «Значение пространства»]. То есть, чтобы понять устройство мира, нужно понять, что такое пространство.

В научной и философской мысли до сих пор продолжается дискуссия между реляционным и субъективным пониманием пространства и времени. Работы П.А. Флоренского предлагают оригинальный подход, предвосхищающий многие идеи современной физики.

Флоренский утверждал, что человеческое мышление, конструируя модель действительности, всегда оперирует одними и теми же формами. Пространство и реальность, которая строится из вещей и среды, – это основные образования мысли. Когда мы представляем какое-то пространство, то также представляем наполняющую его реальность и вещи. Однако в реальной жизни ни пространство, ни реальность не существуют как самостоятельные сущности. Все подобные построения — лишь вспомогательные средства мышления. Они создаются для упрощения и моделирования действительности в мышлении человека. Мышление, которое воспринимает эти категории как неизменные, становится замкнутым в себе и не имеющим отношения к живому опыту.

Такой подход предвосхищает современные дискуссии о реляционности пространства-времени в физике и философии. Отсюда вытекает следующий спор: субъективность и реляционность пространства-времени. Анализируя высказывания Флоренского, можно сделать вывод: пространство возникает при мысли человека, следовательно, является субъективным. Обратимся к трудам Эйнштейна. Специальная теория относительности – теория, описывающая движение, законы механики и пространственно-временные отношения при произвольных скоростях движения. Он ввел такое понятие: пространство и время едины и относительны. В движущейся системе отсчета время течет медленнее, оно зависит от внешних условий, как, например, в опыте с атомными часами Hafele-Keating в 1971. Вывод: время течет по-разному в определенных условиях, значит оно объективно, реляционно и не зависит от мысли человека.

1) Субъективность предполагает зависимость от наблюдателя.

2) Реляционность (в физическом смысле) означает зависимость от системы отсчёта, но при сохранении объективных закономерностей.

Развивая идеи Н.И. Лобачевского, П.А. Флоренский пишет о существовании множества пространств, каждое из которых обладает собственной геометрией: «Разные явления физического мира протекают в разных пространствах и подчиняются соответственным законам этих пространств» [1, с.5]. Такой взгляд впоследствии получил подтверждение в трудах других ученых, которые показали, что свойства пространства зависят от характера происходящих в нём физических процессов.

Из этого следует, что пространство нельзя понимать, как пассивную и однородную оболочку для событий — оно само активно формирует и структурирует происходящее. Флоренский писал: «Геометрия определяется

силовым полем, как и силовое поле – геометрией» [1, с.7]. Геометрические построения, будь то построение кратчайшего маршрута, опираются на конкретный опыт. Форма и действие, структура и сила зависят друг от друга. Пространство не существует до опыта – оно возникает вместе с ним, под влиянием действия. Геометрические построения – это не абстрактные идеальные формы, а результаты конкретного опыта, зависящие от того, каким способом и в каком контексте мы взаимодействуем с реальностью.

«... прямую мы можем определять различно: или мы связываем ее со световым лучом, или опираемся на твердый жезл, или исходим из натянутой нити, или хотим видеть прямую в кратчайшем пути...» [1, с.9] Флоренский приводит примеры, как мы можем определить прямую в пространстве. Каждый из этих методов предполагает свой способ соотнесения с действительностью и определяет разный тип геометрического пространства. На практике ни один из них не обладает универсальностью, так как эти примеры и не применимы к разным пространствам. Так, в гравитационном поле световой луч изгибается, а значит – «прямая» становится кривой. Жесткий жезл также не сохраняет форму при ускорении или изменении температуры. Ни один из этих эталонов не является универсальным. Следовательно, в реальности не существует объективного эталона для всего.

В жизни прямую можно определить множеством способов. Например, через затрачиваемую работу: «Предположим для простоты, что у нас нет зрения. Если бы теперь мы захотели строить геометрию, то в основу определения прямой как кратчайшего расстояния мы положили бы работу, измеряемую чувством усталости» [1, с.15]. Такая линия, измеренная опытом, уже не вписывается в евклидову геометрию. Следовательно, прямая не существует как объективное понятие – она рождается как мысленная конструкция.

В этих тезисах Флоренский утверждал о пластичности пространственных конструкций, что не противоречит СТО Эйнштейна. СТО утверждает, что все физические законы одинаковы во всех инерциальных системах отсчёта, и что пространство и время не абсолютны, а зависят от движения наблюдателя. Это делает невозможным выделение одного универсального, «истинного» пространства или времени. Флоренский приходит к аналогичному выводу: не существует одного пространства, как не существует и одного эталона. Любое пространство формируется в зависимости от условий среды, выбранного эталона и формы мышления.

Флоренский рассматривает пространство как участника действительности, свойства которой распределяются между пространством и вещами. Если мы мыслим пространство более структурным, и на него больше возлагается, то вещи в нем будут беднее; и напротив, при фокусе на индивидуальность вещей пространство теряет определённую форму. Такая противоположность проявляется в научных и художественных сферах: позитивизм и натурализм стремятся к самозамкнутым вещам, исключая

структуру пространства [1, с.19]. Среднее же представляется равномерным распределением свойств между пространством и вещами.

Евклидово пространство математически удобно, так как оно изотропно и однородно – одинаково в любой его точке. Это противоречит действительности, в которой каждая точка и направление уникальны. Мы сознательно пренебрегаем этими свойствами, создавая упрощённую схему, которая в реальной практике оказывается противоречащей естественному порядку вещей. В реальной жизни геометрия пространства определяется кривизной, зависящей от типа объекта: для линии – радиус кривизны, для поверхности – избыток углов, то есть через сферический избыток, для пространства – изменение объёма тетраэдра, описанного в книге [1, с.26-37].

Отсюда вывод: евклидова геометрия – не универсальна. Каждая сила формирует свою геометрию. Флоренский критикует попытки свести все к единому пространству, как в механистической физике, геометрии. Пространство – не нейтральный фон, а поле смысла, разнообразия и метафизической активности. Флоренский стремится показать, что геометрия и восприятие пространства не могут быть сведены к абстрактной математике. Реальное пространство живого опыта всегда организовано иначе, чем идеализированное евклидово. В искусстве, науке и философии нужно учитывать пластичность моделей. Приведем сравнительное описание абсолютного пространства: в СТО Эйнштейна: отказ от абсолютного пространства; много возможных метрик. Пространство-время зависит от движения и материи. Пространство время не плоское, а представляет собой единый четырёхмерный континуум. Пространство-время едино, но искажено местами. В теориях Флоренского: пространство-время – двустороннее, подобно тому, как любая реальная плоскость, в отличие от математической, обладает двумя сторонами с различными свойствами. Нет универсального пространства – каждое специфично. Природа пространства в СТО Эйнштейна – физическая, математически описываемая, в теории Флоренского – метафизическая природа, существует в нашем сознании. Время в искусстве не линейно: оно может замыкаться в круг, свертываться в символ, обретать качественное выражение.

Сравнение с теорией относительности Эйнштейна показывает важные точки пересечения. Оба подхода отвергают идею о пространстве как о фиксированной, независимой сущности. У Эйнштейна пространство и время зависят от движения и распределения массы и энергии. У Флоренского похожая мысль выражается иначе: пространство возникает вместе с опытом, а не существует до него. В то же время Флоренский расширяет понимание пространства, включая в него не только физическое, но и духовное и символическое.

Таким образом, концепция пространства у Флоренского расширяет рамки научного мышления, предлагая метафизическую и онтологическую точки зрения. Его философия между физикой, искусством и богословием.

Пространство, с которым мы имеем дело в повседневной и художественной реальности, устроено иначе, чем абстрактное евклидово

пространство. Оно обладает подвижной, изменчивой структурой, требует учета пластичности моделей, относительности эталонов и глубокой связи с человеческим опытом.

Список литературы:

- 1.Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях – М.: Прогресс, 1993.- 321 с.

Бурмакова Полина Викторовна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Burmakova Polina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Статья представляет собой анализ перспектив российско-китайского сотрудничества в области культуры с акцентом на уже существующие совместные проекты двух стран. Исследование начинается с обзора исторической ретроспективы российско-китайских культурных связей, выявляя исторические предпосылки и особенности формирования традиций культурного обмена. Затем подробно рассматривается современное состояние культурного взаимодействия, включая такие важные элементы, как проведение фестивалей искусств, гастрольные туры музыкальных и театральных коллективов, организацию научных конференций и семинаров, а также разработку совместных учебных программ и реализацию совместных исследовательских проектов. Изучение перспектив российско-китайского сотрудничества в области культуры актуально ввиду возрастающей роли культурных связей в международных отношениях, необходимости укрепления взаимопонимания и доверия между народами, а также важности культурного обмена для развития туризма, образования и науки.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, культурное взаимодействие, международные отношения, культурный обмен, образование, национальные традиции, перспективы развития, диалог культур.

PROSPECTS FOR RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE

Summary: The article presents a study of the prospects for Russian-Chinese cooperation in the field of culture, with a focus on the existing joint projects between the two countries. The study begins with an overview of the historical background of Russian-Chinese cultural relations, highlighting the historical prerequisites and features of the formation of cultural exchange traditions. It then delves into the current state of cultural interaction, including important elements such as art festivals, tours of musical and theatrical groups, scientific conferences and seminars, as well as the development of joint educational programs and research projects. The study of the prospects for Russian-Chinese cooperation in the field of culture is relevant due to the growing role of cultural ties in international relations, the need to strengthen mutual understanding and trust between nations, and the importance of cultural exchange for the development of tourism.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, cultural interaction, international relations, cultural exchange, education, national traditions, development prospects, and cultural dialogue.

В условиях формирования системы международных отношений гуманитарное взаимодействие государств приобретает особую значимость. Российская Федерация и Китайская Народная Республика в последние десятилетия демонстрируют устойчивую динамику сближения в политической и экономической сферах, а также в области культурной деятельности. Важнейшим направлением этого сотрудничества стало именно культурное взаимодействие, выполняющее стратегическую миссию: оно формирует атмосферу доверия, развивает общественные контакты и обеспечивает прочный фундамент для долговременного партнёрства. Сегодня культура превратилась в ключевой инструмент внешнеполитической деятельности, непосредственно воздействующий на международную репутацию государства.

Связи между Россией и Китаем имеют богатую историю, хотя системный характер культурное сотрудничество получило лишь в последние десятилетия. После распада Советского Союза в 1990-е годы началось восстановление и нормализация отношений, ознаменовавшееся визитом Михаила Сергеевича Горбачёва в Пекин в 1989 году. Тогда были заложены основы восстановления полного политического диалога, определены принципы равенства и взаимной выгоды, а также запущены переговоры по границам и вопросам безопасности. [1].

Важнейший импульс к восстановлению и развитию культурного взаимодействия придало подписанное в 1992 году Соглашение между правительствами России и Китая о культурном сотрудничестве. Документ предусматривал поддержку обмена специалистами, организацию выступлений ансамблей и деятелей культуры, проведение выставок и иных мероприятий. Позже, в 2000-м году, была создана специальная российско-китайская комиссия по культурному сотрудничеству, занимающаяся вопросами образования, здравоохранения, спорта и туризма.

Значимым элементом культурного присутствия Китая в России стали институты Конфуция, созданные при крупнейших российских университетах. Их главная миссия — распространение китайского языка, продвижение национальной культуры и организация мероприятий, способствующих культурному обмену. Российские и китайские высшие учебные заведения активно развивают различные программы, позволяющие студентам получать образование в обеих странах, изучать языки и знакомиться с культурой партнёра. Также организуются летние языковые школы и создаются совместные исследовательские центры, что тоже способствует подготовке специалистов нового поколения, ориентированных на коммуникацию между культурами.

Особенно заметную роль в налаживании культурных контактов сыграли крупные события вроде «перекрёстных лет культуры России и Китая», проходивших регулярно начиная с 2006 года. Подобные мероприятия

способствовали появлению устойчивых механизмов культурного обмена, предоставляя возможность российским гражданам ознакомиться с богатым художественным наследием Китая и наоборот.

Например, в 2003 году прошёл Фестиваль «Встреча в Пекине» — международный весенний фестиваль, на котором Россия выступила в качестве «почётного гостя». Также в 2013 году в Шанхае была представлена совместная русско-китайская постановка пьесы Антона Павловича Чехова «Дядя Ваня» в честь 150-летия со дня рождения К. С. Станиславского. В спектакле были задействованы как китайские, так и русские актёры [2].

Современное российское-китайское культурное сотрудничество демонстрирует высокую активность. За последние годы состоялись многочисленные концерты, выставки и прочие мероприятия, продемонстрировавшие близкое сотрудничество представителей двух стран. Например, состоялся целый ряд значительных культурных акций, включая серию концертов в Пекине, выступление Российского ансамбля народной музыки и коллектива из провинции Хэйлунцзян, презентации выставки картин и фотографий, прошедшей в Москве и Санкт-Петербурге.

В ходе обширного культурного обмена между Россией и Китаем в период с 2024 по 2025 год прошло множество значимых мероприятий, направленных на укрепление взаимопонимания и укрепление двусторонних связей. Одной из центральных частей этой деятельности стали концерты, демонстрировавшие богатство и разнообразие отечественной и китайской музыкальной культуры.

Так, в рамках празднования 75-летней годовщины установления дипломатических отношений между Россией и Китаем состоялся большой музыкальный вечер, объединивший талантливых исполнителей обеих стран. Выступление открылось участием Национального оркестра русских народных инструментов имени Н.П. Осипова, известного своим уникальным звучанием и сохранением традиций русской музыкальной культуры. Коллектив дополнили знаменитые исполнители из состава Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова, чьи яркие хореографические номера и вокальные исполнения стали визитной карточкой России на международной арене. Символично, что вместе с ними выступали представители Китая — «Бридж-квартет» Национального центра исполнительских искусств КНР и приглашённые солисты из обеих стран, благодаря чему музыка звучала ещё ярче и выразительнее.

Кроме того, стоит отметить концерт Рязанского государственного хора, который состоялся 15 октября 2024 года в столице Китая, Пекине. Мероприятие произвело сильное впечатление на публику, поскольку в ходе концерта были исполнены песни, известные каждому российскому слушателю: легендарные «Калинка», «Синий платочек», «Подмосковные вечера», патриотичная песня «Катюша», а также произведения на стихи великого поэта Сергея Есенина и образцы местного фольклора Рязанской области. Такой выбор произведений позволил гостям лучше проникнуться духом и особенностями русской музыкальной культуры.

Также ещё одно крупное событие произошло в сентябре 2025 года, когда артистами Краснодарского государственного института культуры была организована масштабная гастрольная поездка по городам Китая. Было дано шесть полноценных концертов, каждый из которых предлагал вниманию слушателей специальную программу, посвящённую памяти победы над фашизмом. Репертуар включал широко известные советские песни времён Второй мировой войны, столь любимые как в России, так и в Китае, вызывая чувство сопричастности и единения. Именно такая символичность содержания помогла передать эмоциональную глубину и мощь идей, лежащих в основе культурных связей между двумя великими народами. [3].

Помимо концертов, в сентябре 2025 года в столицах России был проведён «Фестиваль китайской культуры». Труппа боевых искусств «Лун Юнь» представила программу «Одиннадцать воинов», ставшую ярким событием XI Санкт-Петербургского международного форума объединённых культур. Вместе с тем, с 19 ноября 2025 года по 23 февраля 2026 года в Третьяковской галерее проходила выставка «Из Пекина в Москву: диалог культур» — масштабный проект живописи и каллиграфии, подготовленный совместно с Национальным музеем Китая, приуроченный к 75-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, а также к успешному завершению перекрёстных Годов культуры двух стран [4].

Среди ближайших планов выделяется идея осуществления перекрёстных «лет образования» в 2026–2027 годах, заявленная Президентом России Владимиром Путиным. Данный проект нацелен на углубление связей в образовательной сфере, включая привлечение иностранных студентов и развитие совместного научно-технического сотрудничества [5].

Следующим важным событием, запланированным на 2026 год, станет второй Российско-Китайский форум, поскольку проведение первого форума в 2025 году отразило успешность такого формата деловых переговоров и закладывания основ для дальнейшего сотрудничества в экономической сфере [6]. Также совсем недавно, а именно с 31 января по 8 февраля 2026 года, в рамках фестиваля искусств «Арт Мир-2026» проходил известный Совместный фотопроект России и Китая под названием «Грани Поднебесной», который объединяет фотографии современных художников из абсолютно разных уголков мира. Основная цель проекта — показать красоту Китая и вызвать интерес к традиционной культуре страны, тем самым помогая сближению народов посредством культурного обмена и художественного диалога [7].

Вместе с тем нельзя игнорировать определённые сложности, встающие на пути полноценного взаимодействия между Китаем и Россией. Различия в культурных традициях, языковая проблема, юридические тонкости и бюрократические проволочки остаются серьёзными барьерами, требующими дополнительного внимания и решений.

Дальнейшее развитие гуманитарного взаимодействия также связано с углублением цифровых форматов, расширением образовательных программ и активизацией совместных инициатив в области креативных индустрий. В

перспективе культурное сотрудничество способно стать одним из ключевых факторов укрепления стратегического партнёрства между Россией и Китаем.

Таким образом, российско-китайское сотрудничество охватывает широкий спектр областей, включая образование, науку, политику, экономику и культуру, а отношения между Россией и Китаем служат примером успешного регионального и международного взаимодействия, то есть перспективы российско-китайского культурного сотрудничества весьма многообещающи. Усилия в этой области способны укрепить позиции обеих стран на мировой арене, обеспечить надёжный баланс сил и создать мощный ресурс для устойчивого сотрудничества и развития.

Список литературы:

1. Безруков Д. А. Отражение официального визита М. С. Горбачева в Китай в мае 1989 года в газете «Жэньминь жибао» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. № 6. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-ofitsialnogo-vizita-m-s-gorbacheva-v-kitay-v-mae-1989-goda-v-gazete-zhenmin-zhibao> (Дата обращения: 028.02.2026).
2. Сытенко Галина Николаевна Российско-китайское культурное сотрудничество на рубеже XX–XXI В. // Вестник РУДН. История России. 2013. №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-kulturnoe-sotrudnichestvo-na-rubezhe-xx-xxi-v> (Дата обращения: 28.02.2026)
3. Министерство культуры Российской Федерации: сайт. Москва. - URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_moskve_sostoyalsya_prazdnichnyy_kontsert_v_chest_75_letiya_ustanovleniya_rossiysko_kitayskikh_dipl/ (Дата обращения: 28.02.2026)
4. Государственная Третьяковская: сайт. Москва. - URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/o/iz-pekina-v-moskvu-dialog-kultur/> (Дата обращения: 01.03.2026)
5. Радио «РБК». Россия и Китай проведут в 2026–2027 годах «перекрестные» Годы образования. 30 августа 2025. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2025/68b2341c9a79474e53ee8bab> (Дата обращения: 01.03.2026)
6. Аргументы и Факты. 18 февраля 2026. - URL: <https://hab.aif.ru/society/stala-izvestna-data-vtorogo-rossiysko-kitayskogo-foruma-v-habarovskom-krae> (Дата обращения: 28.02.2026)
7. Арт мир. Грани Поднебесной. 1 февраля 2026. - URL: <https://artmir.yarmarka.ru/new-artmir/project/grani-podnebesnoy/> (Дата обращения: 02.03.2026)

Буташева Юлия Ильнуровна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Julia Butasheva

Naval Academy

МЕМОРИАЛЬНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНО - ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Калининградская область является местом сохранения богатых исторических традиций. С одной стороны рыцарское прошлое Восточной Пруссии, с другой стороны советское и российское настоящее. На этой земле бережно сохраняются средневековые комплексы, которые соседствуют с памятниками героическим советским воинам, сокрушившим фашизм. Многочисленные музеи и мемориальные комплексы бережно хранят многочисленные исторические артефакты. Подлинной жемчужиной является уникальный музей янтаря. Сокровища калининградской земли находятся в широком доступе для туристов со всего мира, объединяя людей разных национальностей и культур.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, город-крепость Кёнигсберг, Калининград, музеи, мемориальные памятники, янтарь, марципаны, бункеры, исторические парки, башни.

MEMORIAL AND MUSEUM COMPLEXES DEDICATED TO CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE KALININGRAD REGION

Summary: Kaliningrad region is a place of preservation of rich historical traditions. On the fashionable side, the chivalrous past of East Prussia, on the other hand, the Soviet and Russian present. Medieval complexes are carefully preserved on this land, which are adjacent to monuments to heroic Soviet soldiers who crushed fascism. Numerous museums and memorial complexes carefully preserve numerous historical artifacts. The real gem is the unique amber museum. The treasures of Kaliningrad land are widely available to tourists from all over the world, bringing together people of different nationalities and cultures.

Keywords: East Prussia, Konigsberg fortress city, Kaliningrad, museums, memorial monuments, amber, marzipan, bunkers, historical parks, towers.

Калининградская область — уникальный регион России, где на небольшой территории переплетаются несколько исторических эпох и культурных слоев. Это земля, где немецкое прошлое Восточной Пруссии встречается с советской и современной российской реальностью.

Сохранить эту многогранность, осмыслить сложное наследие и сделать его доступным для понимания — задача мемориальных и музейных комплексов региона. Они выступают не просто коллекционерами артефактов, но и настоящими «хранителями времени», центрами диалога между прошлым и настоящим.

Историческая память области глубоко укоренена в ее архитектурном ландшафте, где доминируют две темы: рыцарская и фортификационная.

Музей «Фридландские ворота» (Калининград): Расположенный в одноименном памятнике кирпичной неоготики XIX века, музей погружает посетителя в атмосферу города-крепости Кёнигсберг. С помощью мультимедийных технологий здесь воссозданы улочки, звуки и быт довоенного города. Это не просто выставка, а виртуальная реконструкция утраченного мира.

В начале XX века устаревшие ворота и второй вал городской обороны были отошли от военного министерства городским властям. В связи с этими изменениями время движение всех видов транспорта через ворота прекратили. Это произошло по веским причинам. Некоторая часть оборонительного вала, которая стала ненужной, была скрыта. Это привело к тому, что дорога на Фридланд (ныне улица Дзержинского) стала проходить другим, обходным путем. После войны ворота долгое время не использовались, затем там разместили склад.

В конце 1980-х годов при расчистке Южного парка и очистке его прудов были обнаружены многочисленные старинные предметы. После этого в воротах организовали музей, коллекция которого была основана на находках из парка [1].

Королевские ворота и Музей Мирового океана: Ворота, являющиеся частью Второго вального укрепления, сегодня символически считаются «воротами в историю Кёнигсберга». Экспозиция внутри посвящена Великому посольству Петра I и дипломатическим связям. Рядом с историческими фортами, такими как «Форт №5» (мемориал героям штурма Кёнигсберга) и «Форт №11» (хорошо сохранившийся образец инженерной мысли), работают филиалы Музея Мирового океана. Этот гигантский комплекс, включающий в себя знаменитое научно-исследовательское судно «Витязь», подводную лодку Б-413 и экспозицию в Фридрихсбургских воротах, рассказывает не только об истории мореплавания, но и о многовековой связи региона с морем.

Следующий, трагический и героический пласт истории — события Второй мировой войны и послевоенного обустройства края.

Мемориальный комплекс «Форт №5»: это очень важный, уникальный в своем роде памятник оборонительного зодчества федерального значения. Он органично входит в обширный военно-исторический мемориальный комплекс. Он является частью группы фортификационных сооружений, которые размещены вдоль кольцевой дороги, проходящей вокруг Кёнигсберга. Форт был построен в 1878 году и получил название «Король Фридрих-Вильгельм III» в честь правителя, чей период правления совпал с трудными для Пруссии

войнами с Наполеоном. Это место памяти о жестоких боях апреля 1945 года. Монумент представляет собой вытянутый по фронту шестиугольник, стелы с именами погибших героев и открытая экспозиция военной техники превращают форт в священное для жителей области место [2].

Историко-художественный музей (Калининград): Ключевой музей региона, где подробно раскрывается тема штурма Кёнигсберга и становления Калининградской области. Здесь хранятся личные вещи первых переселенцев, документы, фотографии, рассказывающие о сложном процессе интеграции новой земли в состав СССР [3].

Музей «Бункер» (Блиндаж Ляша): Подземный командный пункт немецкого генерала Отто Ляша, где был подписан акт о капитуляции города-крепости Кёнигсберг. Это место обладает мощной эмоциональной силой, перенося посетителя в самые последние часы обороны города.

Культурно-историческое значение области— это не только камни и сражения, но и выдающиеся личности, чьи имена связаны с этой землей. Среди выдающихся личностей этой земли в первую очередь необходимо отметить великого философа Иммануила Канта.

Музей, посвященный ему, Кафедральный собор. После восстановления собора после известных трагических событий основная экспозиция музея, созданного в соборе, посвящена жизни и творчеству великого философа, который похоронен у его стен. Это место стало своеобразным интеллектуальным и символическим центром региона.

Музей Иммануила Канта расположен в башенной части Кафедрального собора - воссозданного после Второй мировой войны памятника культуры федерального значения XIV века. Торжественное открытие музея произошло в 1998 году. Основное экспозиционное пространство разместилось на трёх этажах. В собрание музея входят многочисленные разнообразные экспонаты, связанные с историей Кёнигсберга-Калининграда и судьбой его гения - немецкого философа Иммануила Канта [4].

Большой интерес представляет собой Дом-музей К. Донелайтиса (пос. Чистые Пруды). Этот уникальный памятник, находящийся в сельской местности, посвящен основоположнику литовской литературы. Скромная усадьба пастора рассказывает о культуре и быте сельской Восточной Пруссии XVIII века. В историю европейской культуры К. Донелайтис вошел как поэт — создатель эпической поэмы «Времена года». Она отличается особой оригинальностью и красотой языка. Написанная тоническим гекзаметром (влияние античной литературы), поэма дала исключительно яркую и полную картину жизни литовских крестьян середины XVIII в.

Амалиенау и Марауненхоф – музейные комплексы под открытым небом. Амалиенау и Марауненхоф — это аутентичные исторические районы Калининграда, сохранившие первоначальную застройку бывшего Кёнигсберга, и представляют собой своего рода открытые музейные комплексы. Амалиенау назван в честь дворянского имения, которому принадлежала эта территория. В его основе лежит концепция «города-сада», объединяющего черты деревни и

города. Главной архитектурной особенностью района являются элегантные виллы, служащие своеобразной визитной карточкой Амалиенау. Марауненхоф — живописный квартал начала XX века, созданный по тем же принципам, что и Амалиенау. Однако здесь виллы, выполненные в югендстиле и стилизованные под сельские дома, более скромны по архитектуре, чем в Амалиенау. Прогулка по этим «городам-садам», застроенным вилами в стиле модерн и югендстиль, — это погружение в эстетику и градостроительные идеалы начала XX века.

Отдельным, сияющим символом региона является Калининградский музей янтаря, расположенный в башне Дона — части оборонительных сооружений. Музей обладает крупнейшей в России коллекцией «солнечного камня». Здесь можно увидеть и природные диковинки (инклюзы с древними насекомыми), и шедевры современных мастеров, и исторические артефакты, включая фрагменты знаменитой Янтарной комнаты.

Своеобразие музея янтаря состоит в том, что он посвящён исключительно одному минералу. Его экспозиция расположена на трёх этажах здания и занимает площадь около тысячи квадратных метров. Она состоит из двух разделов: естественно-научного и культурно-исторического.

Янтарь представляет собой окаменевшую смолу древних хвойных растений, которые росли более 40 миллионов лет назад на территории современного Скандинавского полуострова и в прилегающих районах дна Балтийского моря.

В коллекции также есть образцы янтаря, которые включают в себя останки животных и растений. Они попали в смолу миллионы лет назад, когда она была жидкой и вязкой.

В разделе, посвящённом естественным наукам, можно увидеть образцы янтаря, которые отличаются по размеру, цвету и прозрачности. Среди них есть и самый большой в России «камень солнца», который весит 4 килограмма 280 граммов [5].

Мы выделили только небольшую часть музейных комплексов и мемориальных мест Калининградской области. Мест Калининградской области. С более подробным описанием других исторических мест можно познакомиться ниже [6], а лучше всего совершить поездку в этот регион России.

Музейные комплексы Калининградской области сталкиваются с вызовами: необходимость бережной реставрации, этически взвешенная интерпретация сложного исторического периода (1930-1940-е гг.), поиск баланса между немецким и советским наследием. Однако именно эти вызовы рождают инновационные подходы: создание «живых» музеев, развитие культурного туризма, активное использование digital-технологий.

Мемориальные и музейные комплексы Калининградской области выполняют титаническую работу по сбору, сохранению и интерпретации разрозненного, а порой и противоречивого культурно-исторического наследия. Они превратили регион в огромный «музей под открытым небом», где каждый памятник, от древнего городища до советского монумента, становится

страницей в живой книге памяти. Это пространство для размышлений, где посетитель может самостоятельно выстраивать связи между эпохами, понимая, что история — это не черно-белый учебник, а сложная, многомерная ткань, из которой соткана уникальная идентичность самой западной области России.

Список литературы:

- 1.Музей истории города «Фридландские ворота». - URL: <https://visit-kaliningrad.ru/entertainment/culture/museums/muzey-istorii-goroda-fridlandskie-vorota/?ysclid=mlc327u1jk486354808/>(дата обращения: 22. 02.2026).
- 2.Музей «Форт №5» - URL:<https://koihm.ru/filialy/muzej-fort-5/?ysclid=mlc3dfuunz199454366/>(дата обращения: 22. 02.2026).
- 3.Калининградский областной историко-художественный музей. - URL: <https://koihm.ru/muzej03192021/?ysclid=mlc3slf3a826119589>(дата обращения: 22. 02.2026).
- 4.Кафедральный собор. Музей. - URL: <https://sobor39.ru/about/museum/>(дата обращения: 22. 02.2026).
- 5.Калининградский музей янтаря. – Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2008. – 126 с.
- 6.17 музеев Калининграда, которые стоит посетить. - URL: <https://tripplanet.ru/muzei-kaliningrada/> (дата обращения: 25. 02.2026).

Васильева Елизавета Дмитриевна

1 СД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Vasilyeva Elizabeth

Saint Petersburg State University of industrial Technologies and Design

ЧЕМУ ЗАПАДНЫЙ МИР МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У КОНФУЦИАНСКОГО КОЛЛЕКТИВИЗМА?

Аннотация: Мы живём в эпоху, когда индивидуализм выходит на первый план. Западная цивилизация на протяжении последних столетий выстраивала культ личности – право на самовыражение, свободу выбора, успех как результат личной цели. Однако, нарастающая волна одиночества, кризис ментального здоровья и разобщённость заставляют задуматься. Ответы на вызовы лежат не в будущем, а в глубокой древности – Конфуция, которая на протяжении многих тысячелетий скрепляет восточноазиатские общества.

Ключевые слова: Конфуций, индивидуализм, скрепление общества, философия, культ личности.

WHAT CAN THE WESTERN WORLD LEARN FROM THE COLLECTIVIST VALUES ROOTED IN CONFUCIANISM?

Summary: We live in an era where individualism is taking center stage. Over the past several centuries, Western civilization has cultivated a culture of personality – the right to self-expression, freedom of choice, and success as the outcome of personal ambition. However, the growing wave of loneliness, the mental health crisis, and social fragmentation are giving us reason to reflect. The answers to these challenges lie not in the future, but in the distant past – in the teaching of Confucius, which for thousands of years have held East Asian societies together.

Keywords: Confucius, individualism, the bond of society, philosophy, the cult of personality.

Конфуцианство – это учение, которое на протяжении тысячелетий служит соединяющим средством для восточноазиатских обществ, создавая альтернативную модель человеческого существования, где тишина гармонии коллектива звучит громче, чем выкрики индивидуального эгоиста.

Долг перед самим собой вместо войны всех против всех. [4, с. 16] Западный индивидуализм часто описывают как «одиноким ковбой» и «супергерой» - сильного и самодостаточного, красивого во всём, но без своего прошлого и предков. Конфуцианство же предлагает иную идею. [2, с. 6] В центре его учения – не абстрактная личность, а человек, который вписан в систему отношений: «Отец и Сын», «Ученик и учитель», «Подданный и правитель». Высшая добродетель – жэнь, который означает «человеколюбие»,

«гуманность» и «любовь к людям». [2, с. 28] Она раскрывается только через взаимодействие с другими людьми. Это высшая добродетель благородного мужа, предполагающая заботу о других, [2, с. 2] соблюдение общественных норм и реализацию «золотого правила морали» - не навязывать другим того, что не желаешь себе. [2, с. 1] Если Западная этика часто задаёт такие вопросы, как: «Что мне необходимо сделать, чтобы быть счастливым?», то конфуцианство совершенно наоборот: «Что мне необходимо сделать для гармонии семьи и(или) коллектива, чтобы все были счастливы?».

Именно здесь кроется один из уроков Конфуция: «Понятие долга и ответственности перед обществом». В Западной культуре такое понятие как «долг» приобретает смысл принуждения». В Восточной культуре долг – это основа всего. Чувство принадлежности к группе, за которую ты несёшь ответственность, даёт человеку опору, которую не дают миллионы подписчиков в социальных сетях.

В современной западной культуре слово «долг» прочно приобрело негативную ассоциацию принуждения, несвободы, которые мешают личности стать личностью. Это пережиток викторианской эпохи, от которого необходимо избавиться. В восточной традиции чувство долга – не оковы, а основы психологической устойчивости, осознание, что ты принадлежишь к группе – семье, роду, компании – и несёшь за них ответственность. Это даёт человеку опору, которая оказывается прочнее, чем хрупкий пьедестал популярности в социальных сетях с миллионами подписчиков, которые не смогут согреть холодными ночами одиночества. Чувство, что ты нужен не как «предложение», а как близкий родственник или коллега. Именно это возвращает человеку ощущение реальности и подлинности бытия.

Гармония должна быть выше конфликтов. Западная цивилизация исторически построена на принципе состязательности. Дух соревнований пропитан везде: бизнес, где царит чистый капитализм; политику, где обычные выборы превращаются в гладиаторские бои; искусство, где за признание нужно быть лучше всех, чтобы получить признание. Сама структура мышления очень проста: победитель – проигравший, сильный – слабый, лучший – худший. Конфликт здесь – двигатель прогресса.

Конфуцианство возводит в ценность гармонии. Ключевое понятие здесь – «хэ». Оно не означает подавление индивидуальных мнений или тотального соглашения с одним мнением, как это часто трактуют на Западе. Древняя мудрость гласит: «Благородный муж стремится к гармонии, но не к соглашательству, малый же человек стремится к соглашательству, а не к гармонии». [2, с. 23] Суть гармонии – в умении найти баланс, сгладить противоречия, сохранить целостность системы, даже когда её части имеют разные интересы. Это приоритет поиска «золотой середины» над отстаиванием своей позиции любой ценой. [2, с. 27]

Для Западного менеджмента, уставшего от «токсичной продуктивности» и выгорания сотрудников на фоне внутренней конкуренции, этот принцип становится откровением.

Конфуцианский принцип «Ли», который означает этикет и установленный порядок, предлагает не просто свод правил, а работающие инструменты для создания здоровой психологической атмосферы. [2, с. 87] Ритуал здесь – это уважение к старшим по возрасту и должности, публичное признание заслуг младших, соблюдение субординации ни как унижение, а как способ структурировать взаимодействие, снижая тревожность. [2, с. 8] В такой системе каждый знает свои роли и обязанности, что удивительным образом даёт больше свободы для творчества, так как энергия тратится не на выяснение иерархии и борьбу за место под солнцем, а на общее благо.

В западном мире, где всё крутится вокруг законов, главным в отношениях стал контракт. Люди друг другу не доверяют, поэтому любую мелочь приходится прописывать в документах, а если что-то идет не так, то пытаться доказать свою правоту. Это дико напрягает и систему, и самих людей, потому что изначально все друг друга подозревают в обмане.

В Азии, где сильна конфуцианская традиция, всё иначе. Там веками правит доверие «синь». [2, с. 90] Человек может договориться с малознакомым партнёром и это норма. Почему? Потому что у людей есть репутация, «лицо». Потерять его страшнее, чем нарушить любой контракт. Твой позор ляжет пятном на семью, предков и детей. [2, с. 4]

Сейчас, когда интернет всё помнит и любая ошибка может мгновенно разрушить репутацию, на Западе вдруг начали понимать, насколько это круто – дорожить своим именем. Ведь никакой адвокат и никакой договор не пропишут всех ситуаций, которые могут случиться в жизни. А там, где закон бессилен, работает внутренний стержень: «Я не могу поступить нечестно по отношению к своему партнеру, потому что это покроет позором не только меня, но и мою семью». Получается, что страх опозориться перед своими работает круче любого документа. В мире, где все друг на друга кричат, тихое слово человека, за которым стоит его род и вся его жизнь, весит больше всего.

Было бы заблуждением призывать Запад к слепому копированию конфуцианской модели и замене западного индивидуализма восточным коллективизмом. Конфуцианство, как любая мощная идеологическая система, имеет и плохие стороны, от которых Запад сознательно отказывался на протяжении веков.

Знаменитая концепция «сохранение лица» часто оборачивается подавлением индивидуальности. Человек вынужден носить маску, которая будет соответствовать ожиданиям семьи и коллектива, даже если эта маска противоречит его внутренним стремлениям. Стремление к гармонии любой ценой может привести к тому, что острые конфликты замалчиваются, а неудобные идеи «забываются» ради сохранения благополучия. Что-то новое рождается в споре и в противоречиях. А в системе, где тишина, голос новатора, может быть, не услышан.

Уважение к возрасту – безусловно необходимо, но когда иерархия становится жестокой, то она начинает замедлять развитие. Голос талантливого, но молодого специалиста может быть услышан только после десятилетий

выслуги и демонстрации лояльности. Это замедляет прогресс и лишает общество свежей энергии. Запад, при всех её недостатках, всё же даёт больше шансов талантливому молодому человеку проявит себя, не дожидаясь старческих морщин на своём лице.

Какие события произойдут, если попробовать соединить Западную инициативу и восточное чувство долга? Мы получим проект будущего общества. Люди будут уметь отстаивать свои личные границы и реализовать свои амбиции, но при этом глубоко осознавать ценность общих интересов и укорененность в обществе.

Глубинный кризис Западного индивидуализма – это кризис смыслов. Человек получил свободу, но оказался с ней один на один и не знает, что с ней делать. Конфуций с его мудростью напоминает нам простую и фундаментальную истину, которую с развитием прогресса человек склонен забывать. Человек становится человеком только в том смысле этого слова только тогда, когда находится среди других людей в диалоге и заботе с ближним. [2, с. 129]

В эпоху, когда развитые технологии делают из человека индивидуалиста, создавая лишь иллюзию глобальной связи, которая не заменяет живое тепло. Именно эта древняя, почти архаичная мудрость может стать тем спасательным мостом. Мостом, который поможет нам не раствориться в толпе и не заоченеть в башне из своего эго. Найти себя настоящего в осмысленном единстве себя. Настоящая свобода – вовсе не одиночество, а тихая, тёплая уверенность в том, что за твоей спиной есть надёжный тыл. И в этой тишине взаимной поддержке слышен самый главный ответ на самые трудные вопросы.

Список литературы:

1. Жэнь // Православная энциклопедия. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/182377.html> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Конфуций. Лунь Юй. – URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf?ysclid=mmg64z9ia196555157> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Тейлор, Ч. Этика аутентичности. – URL: https://pamanapiq.com/wp-content/uploads/2023/11/the_ethics_of_authenticity-copy.pdf (дата обращения: 04.02.2026).
4. Фукуяма, Ф. Великий разрыв // Фукуяма Фрэнсис: Великий разрыв. Человеческая природа и воспроизводство социального порядка. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3232> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Юркевич, А. Г. Синь // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphras.ru/elib/2732.html> (дата обращения: 01.02.2026).

Васина Наталья Алексеевна

2 ОД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Vasina Natalia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИНДУИЗМ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ, ФИЛОСОФСКИЕ СИСТЕМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу индуизма как уникальной религиозной традиции, обладающей многовековой историей и высокой степенью внутреннего разнообразия. В фокусе исследования – генезис ключевых теологических концепций, их систематизация в рамках классических философских школ (даршан) и динамика развития от ведических истоков до современности. Особый акцент сделан на сравнительном анализе эволюции от ритуального политеизма к монистическим и теистическим моделям. Детально исследуются базовые категории: Брахман, Атман, карма, сансара, дхарма, мокша – и их вариативная трактовка в веданте, санкхье, йоге, ньяе, вайшешике и мимансе. Приводятся актуализированные демографические данные о распространении индуизма и рассматривается его роль в формировании религиозно-философского ландшафта Азии.

Ключевые слова: индуизм, Веды, карма, сансара, дхарма, мокша, веданта.

HINDUISM: THEOLOGICAL PARADIGMS, PHILOSOPHICAL SYSTEM, AND THE EVOLUTION OF CONCEPTUAL FOUNDATIONS

Summary: The article undertakes a comprehensive analysis of Hinduism as a unique religious tradition characterized by its ancient history and profound internal diversity. The study focuses on the genesis of key theological concepts, their systematization within classical philosophical schools (darshanas), and the dynamics of development from Vedic origins to the present day. Particular emphasis is placed on a comparative analysis of the evolution from ritual polytheism to monistic and theistic models. The core categories – Brahman, Atman, karma, samsara, dharma, moksha – and their variable interpretation in Vedanta, Samkhya, Yoga, Nyaya, Vaisheshika, and Mimamsa are examined in detail. Updated demographic data on the spread of Hinduism is presented, and its role in shaping Asia's religious-philosophical landscape is considered.

Keywords: Hinduism, Vedas, karma, samsara, dharma, moksha, Vedanta.

Индуизм (санскр. सनातन धर्म, Санатана Дхарма – "Вечная Дхарма") представляет собой не единую доктрину, а сложный конгломерат религиозных традиций, философских учений и социокультурных практик, исторически

сформировавшихся на территории Индостана. Его истоки коренятся в ведическом каноне (II тыс. до н. э.), а последующее развитие явило собой синкретизм архаичного ритуализма Вед, спекулятивного монизма Упанишад, нарративного теизма эпико-пуранической литературы и множества локальных культов. Объединяющим стержнем этого многообразия выступает ряд фундаментальных концептов: вера в безличный Абсолют (Брахман) и его тождество с глубинной сущностью индивида (Атман) в недвойственных традициях; учение о всеобщем законе причинно-следственной связи (карма); представление о цикле перерождений (сансара); концепция универсального долга/праведности (дхарма); и конечная цель духовного пути – освобождение от уз сансары (мокша). Актуальность исследования продиктована необходимостью преодоления фрагментарного восприятия индуизма через призму его отдельных элементов. Системное осмысление исторической трансформации его базовых идей и их философского оснащения в контексте глобализации и межкультурного диалога является императивом для современного религиоведения и философской компаративистики.

Современная индологическая наука (опираясь на труды Р. Г. Бхандарка, П. Дейссена, В. С. Семенцова) выделяет ключевые вехи в становлении индуистской мысли. Ведическая эпоха (ок. 1500–500 до н. э.): доминирование ритуалистического комплекса (яджна), политеистического пантеона (Индра, Агни, Варуна) и магико-мифологического мировосприятия. Религиозность была ориентирована на поддержание космического порядка (рта) через жертвоприношения. Период Упанишад (ок. 800–500 до н. э.): возникновение радикально новых метафизических концепций: безличного Абсолюта (Брахман), истинного "Я" (Атман), их онтологического тождества, учения о перерождении (сансара), законе воздаяния (карма) и освобождении (мокша). С. Радхакришнан справедливо отмечал в этот период смену парадигмы: "от внешнего обряда – к внутреннему поиску, от множества богов – к Единому". Эпико-пуранический этап (ок. 500 до н. э. – 1000 н. э.): кристаллизация теистических культов, прежде всего вишнуизма (с концепцией аватар, особенно Кришны и Рамы) и шиваизма, расцвет эмоциональной преданности-бхакти, кодификация социально-религиозных норм в Дхармашастрах (напр., Законы Ману). Формирование ортодоксальных философских систем (астика-даршаны).

Принципиальное отличие индуизма от авраамических религий заключается в его теологическом инклюзивизме и иерархии истинности. Как подчеркивал Г. фон Глазенапп в работе "Индуизм: религия единства во множестве", индуизм признает множественность легитимных путей (марга) к спасению: путь знания (джняна-марга), путь бескорыстного действия (карма-марга), путь любовной преданности (бхакти-марга). Различные божества понимаются как персонифицированные аспекты или манифестации единой высшей Реальности (Брахмана) или Личного Бога-Творца (Ишвары). Эта доктринальная гибкость, однако, сосуществует со строгой регламентацией социальной жизни через дхарму и систему варн и ашрамов.

В отличие от кодифицированных догматических систем (как "13 принципов веры" Маймонида в иудаизме), индуизм не выработал единого обязательного символа веры. Его концептуальное ядро кристаллизовалось в шести классических ортодоксальных философских системах (даршанах), признающих авторитет Вед. Веданта (Уттара-Миманса) - вершина индийской философской мысли, базирующаяся на Упанишадах и Брахма-сутрах. К основным течениям относятся адвайта (недвойственность) Шанкары (VIII в.) с радикальным монизмом: Брахман (Сознание) – единственная реальность; феноменальный мир – продукт неведения (авидья) и иллюзорной силы (майя); индивидуальная душа (джива) по сути тождественна Брахману. Мокша – прямое постижение этого тождества (джняна), растворение иллюзии индивидуальности. Вишишта-адвайта (квалифицированная недвойственность) Рамануджи (XI в.) демонстрирует монизм с дифференциацией: Брахман (Вишну-Нараяна) обладает атрибутами; души (чит) и материя (ачит) – реальные, но неотъемлемые части Бога, подобно телу и душе. Освобождение – достижение вечного блаженства в присутствии Бога через бхакти и Его милость. Двайта (дуализм) Мадхвы (XIII в.) утверждает строгий теистический дуализм: Верховный Господь Вишну, индивидуальные души и материя – вечно различные сущности. Мокша – состояние вечного, сознательного, блаженного служения Богу в Его духовной обители.

Санкхья как одна из древнейших дуалистических систем (приписывается Капиле, кодифицирована Ишваракришной в Санкхья-карике, ок. IV в. н. э.) постулирует два независимых, вечных начала: множественность чистых сознательных субъектов (Пуруша) и единую, бессознательную, но динамичную первоматерию (Пракрити), порождающую феноменальный мир. Цель – освобождение Пуруши от отождествления с продуктами Пракрити через различение (вивека-кхьяти). Йога есть практическая дисциплина (основатель – Патанджали, Йога-сутры, II-IV вв. н.э.), использующая метафизику санкхьи, но вводящая концепцию особого Ишвары как объекта сосредоточения. Метод – восьмиступенчатый путь (аштанга-йога): этические предписания (яма), самоограничения (нияма), позы (асана), регуляция дыхания (пранаяма), отвлечение чувств (пратьяхара), концентрация (дхарана), медитация (дхьяна), сверхсознательное состояние (самадхи). Цель – прекращение модификаций ума (читта-вритти-ниродха) и обретение изоляции (кайвалья), аналогичной мокше.

Ньяя (Логика) представляет систему логики и эпистемологии (основатель – Гаутама/Акшапада, Ньяя-сутры, ок. II в. н. э.), разрабатывает теорию познания (источники знания – праманы: восприятие, умозаключение, сравнение, свидетельство) и логику как инструменты для достижения достоверного знания о реальности, ведущего к освобождению от страдания. Вайшешика (философия особенностей) показывает онтологическую систему (основатель – Канада/Улука, Вайшешика-сутры, ок. I–II вв. н. э.), близкую к ньяе, постулирует атомарную теорию мироздания и классифицирует всю реальность на шесть или семь категорий (падартхи): субстанция (дравья), качество (гуна), действие (карма), универсалия (саманья), особенность

(вишеша), присущность (самавая), небытие (абхава). Освобождение достигается через точное познание этих категорий и природы реальности. Миманса (Пурва-Миманса - "Раннее исследование") есть система, посвященная герменевтике и ритуальной практике Вед (основатель – Джаймини, Миманса-сутры, ок. III в. до н. э. – II в. н. э.), акцентирует абсолютный авторитет Вед, важность точного исполнения предписанных обрядов (карма-канда) для поддержания космического порядка (дхармы) и достижения небес (сварга). Позднее интегрировала идею мокши как высшей цели.

По данным Pew Research Center (2020), индуизм исповедует около 1.2 миллиарда человек (15.1% мирового населения). Подавляющее большинство (около 94%) проживает в Индии. Значительные общины существуют в Непале (2.3%), Бангладеш (1.2%), а также в диаспоре (Северная Америка, Европа, страны Персидского залива, Юго-Восточная Азия, Африка). Влияние индуизма на религиозно-философскую мысль Азии и мира трудно переоценить. Его ключевой вклад включает разработку концепций Абсолюта как безличной основы бытия (Брахман) и как личностного Бога-Творца (Ишвара); детальные учения о перерождении (сансара), законе моральной причинности (карма) и путях освобождения (мокша, нирвана в буддизме); создание уникальных психотехник и методов духовной практики (различные виды йоги, медитация); формирование сложной этической и социальной системы, основанной на дхарме, варнах и ашрамах.

Концептуальное своеобразие индуизма, выраженное в доктринах Брахман-Атман, кармы-сансары-мокши и множественности спасительных путей, создало уникальную религиозную парадигму, принципиально отличную от авраамического монотеизма. Эволюция индуистской мысли – от ведических гимнов через упанишадические прозрения и эпические нарративы к систематическим даршанам и экстатической бхакти – демонстрирует удивительную способность к синтезу и адаптации в рамках "Вечной Дхармы".

Современные тенденции и вызовы для индуизма в глобализирующемся мире включают глобализацию и "экспорт духовности" с адаптацией традиций (особенно веданты и йоги) для западной аудитории (миссия Вивекананды, йога-студии), формирование транснационального "бренда" индуизма. Развивается политический индуизм (Хиндутва) через усиление националистических движений, отстаивающих индуистскую идентичность как основу индийского государства и культуры. Наблюдается диаспоральная динамика в формировании и адаптации индуистских сообществ вне Южной Азии: строительство храмов, модификация ритуалов и календаря, проблемы трансляции традиции молодежи в иной культурной среде. Внутренние дискуссии и реформа показывают острые дебаты вокруг кастовой системы (*джати*), гендерного равенства, интерпретации священных текстов в свете современных ценностей, соотношения ортодоксии и модернизации. Складывается диалог с наукой и межрелигиозный диалог с целью поиска параллелей между квантовой физикой и философией веданты, активное участие в глобальных межконфессиональных инициативах. Проявляется цифровая

трансформация в распространении онлайн-лекций (дхаршаны), в возможности виртуального участия в храмовых ритуалах (даршаны), в доступе к священным текстам и учениям через интернет-платформы.

Таким образом, индуизм, сохраняя глубинную связь со своей культурной почвой, активно отвечает на вызовы современности, демонстрируя значительную адаптивность в условиях модернизации, секуляризации и интенсивного межкультурного взаимодействия.

Список литературы:

- 1.Бхагавадгита. Пер. с санскр., исслед. и примеч. В. С. Семенцова. – М.: Восточная литература, 1999. – 255 с.
- 2.Радхакришнан, С. Индийская философия: В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 623 с.
- 3.Семенцов, В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. – М.: Наука, 1981. – 181 с.
- 4.Йога-сутры Патанджали // Философские тексты Махабхараты. Вып. 1, кн. 2 / Пер. с санскр. – Ашхабад: Ылым, 1983. – С. 180–230.
- 5.Законы Ману (Манусмрити) / Пер. с санскр. С. Д. Эльмановича. – М.: Наука, 1992. – 359 с.
- 6.Упанишады. Пер. с санскр. А. Я. Сыркина. – М.: Наука, 1967. – 331 с.
- 7.Шанкара. Брахма-сутра-бхашья (Комментарий к Брахма-сутрам) / Пер. с санскр. – М.: Шечен, 2007. – 528 с.

Васянина Ирина Андреевна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Irina Vasyanina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КРИТЕРИИ ИСКУССТВА В ЭПОХУ РАЗМЫТЫХ ГРАНИЦ: СУЩНОСТЬ, САМОДОСТАТОЧНОСТЬ, ПОДЛИННОСТЬ

Аннотация: Статья посвящена поиску критериев, позволяющих отнести тот или иной объект к сфере искусства. Анализируется современная ситуация, где границы искусства размыты экономическими, политическими или идеологическими контекстами. Опираясь на феноменологический подход М. Хайдеггера и концепцию перцептов и аффектов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, рассматривается сущность произведения искусства как самодостаточного «блока ощущений». Особое внимание уделяется способности искусства останавливать поток восприятия, создавать «иной» мир и требовать от зрителя экзистенциального усилия для подлинной встречи с произведением.

Ключевые слова: искусство, феномен, перцепт, аффект, эстетизм, самодостаточность, подлинность.

CRITERIA OF ART IN AN ERA OF BLURRED BOUNDARIES: ESSENCE, SELF-SUFFICIENCY, AUTHENTICITY

Summary: This article is devoted to the search for criteria that allow attributing an object to the sphere of art. The current situation, where the boundaries of art are blurred by economic, political, or ideological contexts, is analyzed. Based on M. Heidegger's phenomenological approach and the concept of percepts and affects by G. Deleuze and F. Guattari, the essence of an artwork as a self-sufficient "bloc of sensations" is examined. Particular attention is paid to art's ability to halt the flow of perception, create an "other" world, and demand an existential effort from the viewer for a genuine encounter with the work.

Keywords: art, phenomenon, percept, affect, esthesis, self-sufficiency, authenticity.

В повседневной жизни вопрос о том, что считать искусством, возникает постоянно. Выставка современного искусства, уличный перформанс, классическая картина в музее или просто необычный артефакт - все это претендует на звание художественного произведения. Однако далеко не всегда ясно, по какому принципу объект попадает в эту категорию. Часто решающими факторами оказываются не внутренние качества вещи, а внешние обстоятельства: цена, упоминание в СМИ, имя автора или соответствие политической повестке. Размывание границ между искусством и тем, что

находится за его пределами, требует возвращения к самому понятию искусства и попытки определить его сущностные характеристики [2, с. 56].

Обращаясь к феномену искусства, важно понять, как именно сущее может себя показывать. М. Хайдеггер, анализируя греческое понимание феномена, выделяет три онтических региона. В первом случае сущее показывает себя через само себя, являясь подлинным феноменом. Во втором - оно просматривается в чем-то ином, например, в политической или культурной сфере, оставаясь при этом «видимостью», не утрачивающей связи с собой. В третьем случае сущее выступает лишь как «явление», знак или симптом чего-то другого - экономики, идеологии, моды [5, с. 28-31]. Сегодня искусство слишком часто оказывается в третьем регионе: о фильме говорят в первую очередь в категориях бюджета и кассовых сборов, а о картине — как об инвестиционно привлекательном активе. Это позволяет утверждать, что для понимания природы искусства необходим возврат к первому региону, где произведение показывает себя через себя самого [2, с. 57].

Искусство начинается там, где происходит остановка потока повседневного восприятия. Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят важное различие между перцепцией и перцептом. Перцепция - это непрерывный, процессуальный поток чувственных данных, в котором человек пребывает постоянно. Перцепт же - это воспринятое, остановленное, вырванное из этого потока. Задача художника заключается именно в том, чтобы «средствами своего материала вырвать перцепт из объектных восприятий и состояний воспринимающего субъекта, вырвать аффект из переживаний» [1, с. 193]. Художник не копирует реальность, но создает блок ощущений, который живет самостоятельной жизнью. Так, персонажи литературных произведений - Акакий Акакиевич или Евгений из «Медного всадника» - будучи людьми «малыми» в реальности, в пространстве искусства обретают величие и символическую значимость. Их существование становится самодостаточным, независимым от жизненного опыта, который мог послужить толчком для их создания. Это позволяет говорить о том, что искусство преобразует обыденность, создавая «иной» мир, обладающий собственной логикой и темпоральностью [1, с. 199].

Важной характеристикой подлинного искусства является его самодостаточность. Произведение, будучи созданным, начинает существовать самостоятельно, не нуждаясь в дополнительных подпорках - будь то имя автора, исторический контекст или идеологическая нагрузка. Как отмечается в философском анализе искусства, «по существу, искусство должно существовать только в поле искусства, не нуждаясь даже в подписи автора» [2, с. 55]. Икона впечатляет вне зависимости от того, кто ее написал; античная скульптура говорит с человеком через тысячелетия, даже если имя ваятеля утрачено. Произведение держится само собой, и в этом смысле оно подобно памятнику, но не в смысле застывшей материи, а как сгусток времени, открывающий горизонты будущего и предлагающий зрителю иную перспективу видения [2, с. 60]. Это позволяет отличить подлинное искусство от

квази-искусства, которое существует лишь благодаря внешним поддержкам - рекламе, моде, политическому заказу.

Отношения между произведением и его создателем также претерпевают существенную трансформацию. Художник - не демиург и не творец в религиозном смысле слова. Скорее, его роль подобна роли майевта, помогающего родиться новому смыслу. Прикасаясь к «иному», художник сам преобразуется. Делез и Гваттари называют художников «настоящими атлетами», имея в виду «атлетизм аффективный»: они сталкиваются с чем-то, превосходящим обыденный человеческий опыт, и это накладывает на них отпечаток [1, с. 199]. Однако именно эта связь с бытийственным источником дает им силы жить и творить. В итоге художник становится лишь первым зрителем собственного произведения. Как только блок ощущений создан и обрел самостоятельность, автор оказывается за скобками. Произведение начинает жить своей жизнью, открываясь каждому новому зрителю, читателю или слушателю [1, с. 199-200].

Что же делает объект искусством? Ответ, к которому подводит анализ, заключается в способности произведения создавать автономный чувственно-смысловой блок, который впечатляет сам по себе. Искусство не обязано быть красивым в привычном смысле, не обязано нести мораль или служить политическим целям. Оно может быть тревожным, странным, шокирующим. Но оно всегда требует от человека встречи. Встречи, которая не оставляет равнодушным, которая заставляет остановиться, выйти из потока повседневности и соприкоснуться с иным способом существования. Как подчеркивается в современных исследованиях фроммовского подхода, подлинная связь с миром и другими людьми требует активного участия и внутренней работы [3, с. 118-120]. То же самое справедливо и для отношений с искусством: оно не потребляется, но переживается.

Вследствие этого, критерием принадлежности к искусству оказывается не внешняя атрибутика, а внутренняя способность произведения держаться самостоятельно и нести в себе эстезис - осмысляющее чувство. Это не значит, что искусство существует в вакууме, изолированно от общества. Социальный, экономический, исторический контексты существуют, но они не определяют художественную ценность. Картина может быть продана за миллионы, но это не делает ее искусством; плакат может выполнять агитационную функцию, но при этом обладать художественной силой, если созданный в нем блок ощущений превышает утилитарную задачу [2, с. 57-58]. Искусство начинается там, где объект перестает быть только знаком, симптомом или товаром, и начинает говорить с человеком на языке чувств и смыслов, требующих личностного отклика.

Подлинное произведение всегда оставляет пространство для интерпретации, оно не закрыто однозначным смыслом. Именно эта открытость и многозначность позволяет ему оставаться живым на протяжении десятилетий и веков. Разные эпохи находят в нем новые грани, новые ответы на свои вопросы. Это возможно потому, что в основе произведения лежит не

сиюминутный повод, а глубинный человеческий опыт, запечатленный в перцептах и аффектах. И пока хотя бы один человек способен этот опыт расшифровать и пережить заново, искусство продолжает существовать как феномен, показывающий себя через самого себя.

Список литературы:

1. Делез, Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — Москва: Академический проект, 2009. — 261 с.
2. Ватолина, Ю. В. Искусство как феномен // Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга: матер. XXIX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. — Т. 1. — Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. — С. 55-60.
3. Петров, С. К. Эрих Фромм и современные теории межличностных отношений // Философия и общество. — 2020. — № 2. — С. 112–125.
4. Фромм, Э. Искусство любить / пер. с англ. Л. А. Чернышевой. — Москва: АСТ, 2020. — 224 с.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — Москва: Академический проект, 2013. — 460 с.

Вернякова Виолетта Евгеньевна

3 ОД-З

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Vernyakova Violetta

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ 1922 ГОДА И «ЕГИПТОМАНИЯ» 1920-Х ГГ.: МЕХАНИЗМЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ В МОДНЫЙ ТРЕНД

Аннотация: В статье анализируется, как археологические открытия становятся триггером массовых культурных практик и формируют новые визуальные коды в моде. На материале открытия гробницы Тутанхамона (1922 г.) рассматривается «египтомания» 1920-х годов как пример культурного трансфера от научного события к индустрии моды. Показано, что устойчивость тренда обеспечивалась сочетанием медийной сенсационности, музейной репрезентации, коммерциализации образов и их интеграции в эстетику ар-деко. Отдельное внимание уделено тому, что «египетский стиль» переработал представления о древности: он не копировал исторические формы буквально, а конструировал современный образ прошлого. Выделяются уровни влияния мотива на костюм (орнамент, силуэт, материалы и аксессуары) и каналы его распространения (пресса, выставки, кино, театр, реклама). Обсуждается амбивалентность модной репрезентации истории: популяризация наследия сопровождается упрощением и стереотипизацией.

Ключевые слова: археология, историческая память, культурное наследие, египтомания, ар-деко, история костюма, медиа.

THE 1922 ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND «EGYPTOMANIA» OF THE 1920s: HOW HISTORY TURNS INTO A FASHION TREND

Summary: The article explores how archaeological discoveries trigger mass cultural practices and generate new visual codes in fashion. Using the discovery of Tutankhamun's tomb (1922) as a case study, it examines "Egyptomania" of the 1920s as a model of cultural transfer from a scholarly event to the fashion industry. It argues that the trend's durability resulted from the interaction of media sensationalism, museum representation, commercialization of imagery, and its integration into Art Deco aesthetics. The paper distinguishes several levels of influence on costume and highlights key dissemination channels (press, exhibitions, cinema, theatre, advertising).

Keywords: archaeology, historical memory, cultural heritage, Egyptomania, Art Deco, costume history, media.

Связь моды и истории часто описывают через «заимствование мотивов», однако подобное объяснение остается поверхностным, если не показать, каким

образом событие из научной сферы превращается в массовый культурный факт и затем — в коммерчески успешную эстетику. Археологические открытия в XX веке особенно показательны: они производят «эффект присутствия» прошлого, предоставляя материальные доказательства древней культуры и одновременно создавая информационный повод, который медиа и индустрии культуры могут быстро тиражировать. Открытие гробницы Тутанхамона в 1922 году стало уникальным примером такого процесса: археологическая сенсация была переведена в язык визуальных образов, а затем закреплена в моде 1920-х гг., сформировав феномен «египтомании» [1, с. 18-22].

Следует отметить, что интерес европейской культуры к древнеегипетским мотивам возник значительно раньше археологического открытия 1922 года. Уже в начале XIX века после египетского похода Наполеона Бонапарта (1798–1801) в европейском искусстве возникла первая волна так называемой «египтомании». Публикация научных трудов и альбомов с изображениями египетских памятников способствовала распространению египетских мотивов в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве и моде. Таким образом, «египтомания» 1920-х годов во многом представляла собой переосмысление более ранней культурной традиции, получившей новое развитие благодаря археологическим открытиям XX века.

Чтобы археологическое открытие стало источником моды, оно проходит несколько стадий «культурной обработки»: научную фиксацию, медийную рамку, институциональную репрезентацию и рыночное тиражирование. Событие получает интригу и визуальную привлекательность (маска, золото, орнаменты), сюжетность (тайна, приключение) и персонализацию через фигуры исследователей и героев древности [2, с. 97-101]. На этой стадии археология перестает быть только наукой и становится массовой историей.

В 1922 году этому способствовала зрелость массовой культуры: иллюстрированная пресса, рост музейной аудитории и расширение рынка товаров, связанных с образом жизни (одежда, аксессуары, интерьер). Медиа формировали повторяемый набор образов — лотос, скарабей, «крылья» богини, профили фараонов, золото и лазурь — который переводился в декоративные решения и закреплялся как узнаваемый код [3, с. 56-60].

Важно, что код был одновременно «экзотическим» и «узаконенным»: он ссылался на артефакты и музей, то есть обещал подлинность. Даже при стилизации обращение к «реальным предметам» повышало символический капитал модного образа и превращало потребление в знак культурной компетентности [4, с. 52-55].

После 1922 года египетский мотив стал массовым и коммерчески продуктивным не только из-за «сенсации», но и потому, что совпал с логикой ар-деко. Ар-деко ценил геометризацию, симметрию, контраст фактур и декоративную выразительность; египетское искусство, увиденное через выставки и репродукции, воспринималось как «современно организованное»: ясные контуры и повторяемые орнаменты легко адаптировались в дизайн [5, с. 112-118]. Социально-экономические факторы усиливали эффект. Послевоенная

урбанистическая культура увеличила спрос на яркие, легко считываемые стили, пригодные для досуга и публичной демонстрации. Серийное производство и реклама ускорили тиражирование «египетского» декора в бижутерии, текстиле и аксессуарах, превращая мотив в массовый товар [6, с. 73-79].

Немаловажен и идеологический аспект: межвоенная Европа активно переосмысляла модерность и «истоки цивилизации». Египет, будучи символом древней государственности и сакральной власти, оказывался удобным материалом для визуальных фантазий о порядке, вечности и тайне. При этом прошлое репрезентировалось «без конфликта» с настоящим: экзотика позволяла дистанцироваться от актуальных политических противоречий и обсуждать современность через образ «другой» культуры [7, с. 25-29].

Влияние же археологического сюжета на моду проявилось на нескольких уровнях. На орнаментальном уровне доминировали геометризованные символы (лотос, папирус, зигзаг, солнечные диски), переносимые в вышивку, принты и отделку; это было массово, поскольку не требовало перестройки конструкции изделия [5, с. 121-126]. На уровне силуэта египетская тема усиливала вертикаль и ощущение «монументальности», но оставалась в рамках моды 1920-х гг.: прямые линии, свобода движения, новый образ женского тела. Здесь важно подчеркнуть: модная интерпретация древности подчинялась современным представлениям о комфорте и динамике городской жизни. На материальном уровне тренд поддерживался фактурой и блеском: обилием металлизированной отделки, бисера, стекла, имитаций золота и камня. Подобные материалы создавали ассоциации с археологическими находками (сокровища, инкрустация), что усиливало эффект «причастности к открытию». Материал становился носителем смысла не меньше, чем орнамент, и включал потребителя в символику роскоши и «вечности» [6, с. 118-123].

Особую роль играли аксессуары (браслеты-манжеты, броши, головные украшения). Они обеспечивали узнаваемость тренда и быстрый символический эффект при меньших затратах. С точки зрения модной коммуникации это рационально: аксессуар проще тиражировать, легче продавать и удобнее использовать как маркер «актуальности».

Музейная репрезентация формировала канон: через экспозиции, каталоги и лекции аудитории предлагали интерпретацию древности и набор визуальных признаков. Тем самым музей выступал не только хранителем, но и производителем публичного образа артефакта; дизайн подхватывал этот образ как легитимированный культурой ресурс [8, с. 88-92].

Медиа и реклама работали на скорость распространения. Иллюстрации и фотографии фиксировали ограниченный набор «узнаваемых» деталей и превращали их в шаблоны, удобные для повторения в массовых товарах. Коммерциализация выражалась в том, что египетские мотивы легко «пакетировались» как коллекции, серии украшений, декоры тканей и даже как часть визуального брендинга. В результате поддерживалась повторяемость, а повторяемость — ключевой механизм моды как системы [3, с. 210-214].

Российский контекст демонстрирует зависимость трансфера от среды: в 1920-1930-х гг. древнеегипетские мотивы чаще проявлялись в сценографии и декоративном искусстве, тогда как мода как потребительская индустрия развивалась иначе. Тем не менее музейные коллекции и научные публикации также создавали фонд образов для художественной практики [9, с. 140-145].

Тренд 1920-х гг. не воспроизводил древнеегипетский костюм как целостную систему; он извлекал отдельные знаки и собирал из них современный образ прошлого. Это можно описать как «селективную аутентичность»: ощущение исторической связи поддерживается ссылкой на артефакт, но содержание связи редуцировано до эффектных элементов [4, с. 60-62].

Таким образом, амбивалентность очевидна: мода популяризирует интерес к истории, но одновременно упрощает ее, закрепляя клише. В рамках массовой культуры клише функционально: оно ускоряет узнавание и продаваемость. Однако для гуманитарного анализа важно видеть цену такого ускорения — потерю исторической сложности. Поэтому для дизайнера необходим аналитический навык: различение источника и стилизации, осознание смыслов, которые транслируются через визуальные решения [7, с. 25-29].

Феномен «египтомании» позволяет выделить рабочую модель «исторического тренда»: материализация прошлого (артефакт) — публичный образ (медиа и музей) — тиражирование (рынок, серийные товары) — закрепление через сценарии потребления (досуг, выход в свет, экранные образы). Модель показывает, что история в моде существует не как «цитата», а как результат взаимодействия институтов и коммуникаций.

Для проектной практики дизайнера костюма это означает необходимость работать с двумя планами: с источником (контекст, функции, технологии, символика) и с каналами современного восприятия (аудитория, медиа, формат коллекции, коммерческая стратегия). Только при таком подходе обращение к наследию становится осмысленным — не набором украшательств, а способом создавать культурно аргументированный образ.

Исходя из выше сказанного, феномен «египтомании» 1920-х демонстрирует, что археологическое открытие становится источником модного тренда благодаря взаимодействию медиа, музеев и рынка, а также эстетической совместимости мотива с актуальным стилем эпохи. Мода переводит историю в язык потребления и тем самым расширяет аудиторию исторической памяти, но при этом конструирует прошлое селективно. Также выделенная модель культурного трансфера полезна для анализа современных практик обращения к наследию и для обучения дизайнеров: она помогает объяснять происхождение трендов, выбирать источники осознанно и выстраивать этическую и культурную аргументацию проектных решений.

Список литературы:

1. Картер, Г. Раскопки в Долине царей. — М.: Наука, 2009. — 312 с.

- 2.Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в ранних высоких культурах. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- 3.Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – СПб.: Питер, 2010. – 336 с.
- 4.Барт, Р. Система моды. – М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 2003. – 512 с.
- 5.Хилл, Д. Ар-деко: стиль и общество. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.
- 6.Васильев, А. А. История моды: XX век. – М.: Слово, 2012. – 416 с.
- 7.Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 352 с.
- 8.Беннет, Т. Рождение музея: история, теория, политика. – М.: Ад Маргинем, 2018. – 320 с.
- 9.Кирсанова, Р. М. Русский костюм и быт XVIII–XX веков. – М.: Слово, 2002. – 432 с.

Виттенберг Елизавета Денисовна

1 ИД-З

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Wittenberg Elizaveta

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ДИЗАЙН РОССИЙСКИХ БАНКНОТ КАК «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» СТРАНЫ

Аннотация: Статья посвящена художественным и историческим особенностям дизайна российских банкнот. Рассматриваются этапы развития оформления денежных знаков — от первых ассигнаций XVIII века до современных банкнот новой серии. Особое внимание уделено символике изображений, отражающих географическое, культурное и духовное разнообразие России. Данная статья исследует дизайн российских денег как уникальный вид искусства, который рассказывает о могуществе, наследии и ценностях государства.

Ключевые слова: банкнота, дизайн, искусство, символика, номинал, история, культура, Гознак, Россия, безопасность, деньги.

DESIGN OF RUSSIAN BANKNOTES AS THE COUNTRY'S "VIEWING CARD"

Summary: The article explores the artistic and historical aspects of Russian banknote design. It examines the evolution of paper money — from the first 18th-century assignations to the modern banknotes of the new series. Special attention is given to the symbolism of images that represent Russia's geographical, cultural, and spiritual diversity. The author emphasizes that contemporary Russian banknotes combine fine art, advanced security technologies, and profound cultural meaning.

Keywords: banknote, design, art, symbolism, history, culture, Goznak, Russia, security, currency.

Деньги сопровождают человека каждый день, но редко кто задумывается о том, что каждая банкнота — это не просто средство расчёта, а произведение искусства, отражающее историю, культуру и дух страны. «Банкнота — это не просто знак стоимости, но символ эпохи, выраженный в линии, цвете и композиции» [1, с. 14]. Российские банкноты — яркий пример того, как художественное мастерство соединяется с функциональностью и технологией.

«В изображениях орлов, гербов и аллегорий XIX века читалась уверенность империи, которую уже нельзя было выразить словами» [3, с. 52]. Так, XIX век стал временем расцвета художественного оформления русских денежных знаков. После создания в 1818 году Экспедиции заготовления государственных бумаг (будущий Гознак) выпуск денег стал

централизованным и контролируемым. Ассигнации начала века постепенно заменялись кредитными билетами — более надёжными купюрами, обеспеченными золотом и серебром. На них изображались гербы, орлы, венки, фигуры Славы и аллегорические символы — правосудие, изобилие, сила государства. Каждая купюра имела сложную гравировку, водяные знаки и нумерацию, что делало их трудными для подделки.

К концу XIX века экономика России развивалась быстро, но нестабильно. Во время Русско-японской и Первой мировой войны началась инфляция: золото перестали обменивать на бумажные деньги, и доверие к рублю снизилось. Появилось огромное количество суррогатов денег (марки-деньги, разменных купонов), которые использовались вместо мелких монет, ставших редкостью. Цены росли, покупательная способность падала, а государство вынуждено было выпускать всё новые банкноты с большими номиналами.

После революции 1917 года финансовая система была разрушена. Советская власть начала выпуск собственных денежных знаков — совзнаков. В 1920-х годах из-за гиперинфляции деньги обесценивались почти ежедневно, и на купюрах появлялись невероятные номиналы — до миллиарда рублей. В 1922–1924 годах была проведена денежная реформа, введён червонец, обеспеченный золотом. Он стабилизировал экономику и стал символом новой власти. Художественный стиль советских банкнот отражал идеалы эпохи: рабочие, крестьяне, заводы, символика серпа и молота, пятиконечная звезда. Постепенно дизайн стал более лаконичным, строгим и технологичным.

За разработку, дизайн и производство российских банкнот отвечает АО «Гознак» — одно из старейших государственных предприятий в мире, основанное ещё в 1818 году по указу императора Александра I. Сегодня Гознак подчиняется Банку России, который утверждает номиналы, внешний вид, систему защиты и ввод купюр в обращение.

То есть, Банк России — решает, какая купюра нужна, какие города или символы на ней будут изображены, утверждает окончательный вариант. А Гознак — разрабатывает художественный дизайн, создаёт гравюры, внедряет технологии защиты и печатает банкноты[4].

«Деталь в дизайне банкноты никогда не случайна: она либо украшает, либо защищает.» [4, с. 47].

На первом этапе Банк России определяет тему будущей банкноты. Художники Гознака предлагают несколько эскизов, выбирается лучший.

Дизайнеры и гравёры создают макет с точными рисунками зданий, рек, мостов, гербов. Каждый элемент прорисовывается вручную и цифровыми средствами, чтобы придать купюре художественную гармонию и узнаваемость.

Затем гравёры вручную вырезают рисунок на металлических пластинах, с которых печатаются банкноты. Параллельно специалисты по безопасности разрабатывают: водяные знаки, микротексты, нити с переливом, цветопеременные элементы и скрытые изображения.

Банкноты печатаются на специальной хлопковой бумаге с добавлением синтетических волокон — она прочнее обычной и не боится влаги. Особое

внимание уделяется цветовой палитре: каждая номинальная стоимость имеет свой доминирующий цвет, что облегчает узнавание. Гравюры выполняются с мельчайшими деталями, где даже линии и орнаменты несут не только эстетическую, но и защитную функцию.

Каждый номинал печатается своим набором красок, которые подбираются с учётом защиты и узнаваемости.

Перед выпуском в обращение каждая серия банкнот проходит проверку на стойкость, читаемость защитных элементов и соответствие стандартам. Только после этого Банк России утверждает выпуск.

Современный дизайн российских банкнот, начиная с реформ 1990-х годов, отошел от советской эстетики, прославляющей труд и политическую систему, к концепции «города и наследия». Каждый номинал посвящен определенному городу, становясь его архитектурным портретом. Этот подход превращает денежную массу в мини-энциклопедию российской географии и культуры.

В 1997 году Банк России представил серию банкнот под названием: «Федеральная серия», каждая из банкнот символизировала один из крупных регионов страны. Например:

- 10 рублей — Красноярск, мост через р. Енисей и часовня в г. Красноярске
- 50 рублей — Санкт-Петербург, скульптура в основании Ростральной колонны на фоне Петропавловской крепости.
- 100 рублей — Москва, здание Большого театра в Москве.
- 500 рублей — Архангельск, памятник императору-преобразователю Петру Великому на фоне здания морского-речного вокзала и парусного корабля.
- 1000 рублей — посвященна Ярославлю, На ней изображен памятник Ярославу Мудрому, ближе к центру купюры; немного поодаль - часовня и фон с видом городского кремля.
- 5000 рублей — Хабаровск, На лицевой стороне размещено изображение реки Амур и памятника российскому государственному деятелю Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому на фоне Хабаровского утёса, на котором он и расположен.

«Художник денежного знака работает с образом страны, поэтому каждая банкнота — это миниатюрный портрет Отечества.» [5, с. 15]. Поэтому шрифты, орнаменты и растительные узоры заимствованы из традиций каждого региона, делая дизайн аутентичным. Каждая банкнота — это не только элемент экономики, но и маленький рассказ о России: о её городах, людях и истории.

Современные банкноты — это симбиоз искусства и высоких технологий. Важно отметить, что современные средства защиты — голограммы, кипп-эффекты, микроперфорация — интегрированы в дизайн не как чужеродные элементы, а как часть художественного замысла. Они добавляют банкноте

современности, сложности и технологичности, не нарушая общей композиции. «Каждая российская банкнота создаётся на стыке искусства, науки и инженерного мастерства. В этом её сила и неповторимость» [2, с. 9].

В 2022–2023 годах Банк России начал выпуск обновлённой серии банкнот. Эти банкноты знаменуют переход к более технологичному и динамичному дизайну. Например, обновленная сторублевая банкнота посвящена Москве и Центральному федеральному округу. Основное изображение лицевой стороны — фрагмент Спасской башни Московского Кремля с курантами. На оборотной стороне — Ржевский мемориал Советскому солдату.

Новая купюра номиналом 1000 рублей посвящена Приволжскому федеральному округу. На лицевой стороне размещено изображение Никольской башни Нижегородского кремля, а на оборотной — храм Казанского кремля.

На пятитысячной банкноте изображены достопримечательности Екатеринбурга и Уральского федерального округа. На лицевой стороне банкноты — стела «Европа — Азия», на оборотной — памятник «Сказ об Урале» в Челябинске.

Также были введены новые банкноты номиналом 2000 и 200 рублей. На купюре достоинством 2000 присутствуют изображения Дальнего Востока мост на о. Русский, космодром «Восточный», а на купюре номиналом 200 рублей Севастополя — Херсонес Таврический, памятник затопленным кораблям.

Дизайн купюр стал современнее, но сохранил уважение к традиции. Новые изображения отражают идею единства страны от запада до востока, её разнообразие и развитие.

Российские деньги — это своеобразная «визитная карточка» страны. Через художественные решения можно проследить, как менялось само понимание красоты, ценностей и национального самосознания. Рассмотрим, например купюру 1997 года достоинством 5 рублей. Изъятая из обращения, но продолжающая оставаться вполне законным платежным средством. На лицевой её стороне изображён памятник «Тысячелетия России» на фоне Софийского собора, что в Новгороде Великом. Памятник Тысячелетию России на — не просто красивое здание, а символ собирательности русской истории. О Софийском соборе, что на оборотной стороне купюры, знают все — это главный храм Новгорода, самый древний славянский храм на территории нашей страны. Заложил его великий князь Ярослав Мудрый. Цветовая палитра этой купюры подобрана не случайно. Золотисто-зеленая гамма купюры ассоциируется с богатством и стабильностью.

Рассматривая банкноты по порядку, можно прочесть историю России: от древних княжеств (Великий Новгород) к имперской столице (Санкт-Петербург), от советского освоения космоса (Владивосток) к возрождению исторической памяти (Севастополь).

Дизайн российских банкнот — это больше, чем оформление бумаги. Это искусство, воплощающее историю и душу народа. Каждый рисунок, каждая линия несёт в себе смысл — от древней архитектуры до современных мостов и

памятников. Вглядываясь в них, мы словно совершаем путешествие по России, видим её прошлое, настоящее и надежду на будущее.

Список литературы:

1. Банк России. История и дизайн российских банкнот и монет. — М.: Банк России, 2023. — 112 с.
2. Гознак. Искусство и технологии защиты денежных знаков России. — М.: Гознак, 2020. — 96 с.
3. Никитин, И. В. Денежные знаки России XIX–XX веков. — М.: Финансы и статистика, 2016. — 240 с.
4. Официальный сайт Банка России. Новые банкноты образца 2022–2023 годов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/banknotes_coins/ (дата обращения: 07.11.2025).
5. Соловьёв, Ю. М. Эволюция художественного оформления российских банкнот. — М.: Наука, 2021. — 132 с.

Владимирова Карина Павловна

студент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент Земцова Ирина Валерьевна

Vladimirova Karina

Pushkin Leningrad State University

РОСТ И РАЗВИТИЕ АЗИАТСКИХ ВЫСТАВОЧНЫХ ЦЕНТРОВ

Аннотация: Азиатские выставочные центры становятся важными игроками на мировом рынке выставок и конференций, привлекая внимание не только сообществ бизнеса и торговли, но и правительств разных стран, включая Россию. Рост таких центров в Азиатском регионе, обусловленный экономическим развитием, инновационными технологиями и увеличением числа международных мероприятий, создает уникальные возможности для сотрудничества и обмена опытом.

Ключевые слова: Конгрессно – выставочные центры, Азиатский регион, Китай, Индия, Таиланд.

GROWTH AND DEVELOPMENT OF ASIAN EXHIBITION CENTERS

Summary: Asian exhibition centers are becoming important players in the global market of exhibitions and conferences, attracting the attention of not only business and trade communities, but also governments of different countries, including Russia. The growth of such centers in the Asian region, driven by economic development, innovative technologies and an increase in the number of international events, creates unique opportunities for cooperation and exchange of experience.

Keywords: Convention and exhibition centers, Asian region, China, India, Thailand.

В современном мире выставочная деятельность играет важную роль в развитии международных экономических и культурных связей. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), включающий такие страны, как Китай, Индия и Таиланд, демонстрирует стремительный рост и развитие выставочных центров. Этот процесс обусловлен не только увеличением объёмов международной торговли, но и активным продвижением инновационных технологий, культурных обменов и научно-технических достижений. «Масштабные международные мероприятия стимулируют развитие деловой активности в крупных городах, способствуют созданию благоприятного инвестиционного климата и развитию инфраструктурных проектов» [3, с. 37].

Китай является мировым лидером по количеству площади выставочных центров. После коронавируса наблюдается взрывной рост офлайн-мероприятий, а также растёт число гибридных выставок и цифровых решений, в том числе использование VR-стендов и искусственного интеллекта [4]. К ключевым выставочным центрам Китая можно отнести Canton Fair Complex в

Гуанчжоу. Это один из крупнейших современных выставочных комплексов в Азии, который построили специально для проведения Кантонской ярмарки. Его общая площадь – 1,1 млн кв. метров, включая 338 000 кв. метров выставочных площадей. Комплекс состоит из 16 выставочных залов, которые соединены крытыми переходами. Здесь проводятся масштабные выставки товаров народного потребления, мебели и предметов интерьера, пищевой промышленности и туристской индустрии. В Пекине, в деловом районе столицы, расположен один из старейших и наиболее престижных выставочных центров Китая – Китайский Международный выставочный центр (CIEC). Он состоит из двух площадок: старого зала в районе Сижимэнь и нового комплекса в районе Шуньи. Выставочная площадь центра – более 200 000 кв. метров, и он принимает ведущие выставки в области автомобилестроения, медицинского оборудования и фармацевтики, информационных технологий, сферы услуг, экологических технологий и научных разработок [4]. Также здесь проводят важные выставки, связанные с оборонной промышленностью. А Chengdu Century City New International Convention & Exhibition Center (CCNICEC) – это крупнейший выставочный комплекс в западном Китае, в Чэнду, общей площадью 300 000 кв. метров. Он способен принимать крупнейшие международные выставки и конференции, а также является центром проведения выставок в автомобильной индустрии, пищевой промышленности и туристическом секторе. Здесь проводят мероприятия в области сельского хозяйства, культурных индустрий, логистики и недвижимости.

Индия, несмотря на экономические и политические вызовы, также демонстрирует устойчивый рост выставочной индустрии. Страна обладает богатым культурным наследием и потенциалом для развития инновационных технологий, что делает ее привлекательной для участников международных выставок. Индийские выставочные центры активно модернизируются, внедряя современные системы управления и безопасности, что способствует повышению их конкурентоспособности на глобальном уровне [2]. Правительство активно развивает MICE – сектор, делая упор на тематические выставки, такие как технологии, медицина, аграрное производство и оборона. Растет и участие международных организаторов, например, Messe Frankfurt и Informa Markets. Ключевыми центрами в Индии являются: India expo centre & mart (greater Noida). Это выставочный центр и рынок, расположенный в Большой Нойде, недалеко от Нью-Дели. Является одним из самых престижных площадок в стране для проведения международных и национальных выставок, ярмарок, конференций и других значимых мероприятий [1]. Торговые ярмарки и выставки, проходящие в этом месте, привлекают посетителей не только из Индии, но и со всего мира, что делает его центром глобального бизнеса, инноваций и налаживания связей. Этот выставочный центр занимает обширную территорию с многочисленными выставочными залами, конференц-залами и открытыми пространствами, предназначенных для проведения различных выставок и экспозиций. Инфраструктура спроектирована таким образом, чтобы обеспечить максимальную гибкость и удобство для проведения различных

мероприятий. На протяжении многих лет в этом выставочном центре проходило бесчисленное множество значимых мероприятий. Среди наиболее важных событий можно выделить: ITF – это выставка, на которой демонстрируется широкий спектр товаров и услуг из различных отраслей, таких как текстильная промышленность, электроника, ремесла и многое другое. ITF предоставляет многообещающую площадку для развития торговли и сотрудничества между индийскими и международными компаниями. Также в этом престижном центре прошла одна из крупнейших автомобильных выставок в Азии — Автосалон. В этом мероприятиях приняли участие производители автомобилей, поставщики и энтузиасты, которые представили модные автомобили, технологии и инновации, появившиеся в отрасли. IHGF — это известная художественная выставка-ярмарка, на которой представлены изделия ручной работы и предметы домашнего декора [2]. Она стала одним из самых значимых мероприятий для международных и национальных покупателей, которые ценят и любят коллекционировать красивые изделия ручной работы. Здесь же проводятся конференции и выставки, посвященные возобновляемым источникам энергии и экологически безопасным решениям, что демонстрирует стремление страны развивать экологически безопасные практики и инновации. Бомбейский выставочный и конференц-центр (BEC), основанный в 1991 году – известное имя в выставочной индустрии и крупнейшая выставочная площадка в Мумбаи. Центр набирал силу и за несколько лет стал уважаемым форумом, который провел некоторые из крупнейших и самых выдающихся мировых торговых выставок в Индии. BEC состоит из 4 залов, которые занимают более 45 000 кв. м выставочной площади и централизованно кондиционируются [1]. Залы оснащены Wi-Fi, хорошим освещением, продуманной вентиляцией и прочным полом, выдерживающим даже самую тяжелую технику. Расположенный в центре, и в нескольких минутах от близлежащих развлекательных центров, ресторанов и отелей, BEC идеально подходит для проведения различных типов семинаров, конференций, мероприятий и выставок.

Таиланд, являясь важным экономическим и туристическим центром Юго-Восточной Азии, также активно развивает выставочную инфраструктуру. В стране созданы благоприятные условия для проведения международных выставок, что способствует привлечению иностранных инвесторов и участников. Таиландские выставочные центры стремятся соответствовать международным стандартам качества и безопасности, что позволяет им успешно конкурировать с другими ведущими площадками. BITEC – это ведущий выставочный и конференц-центр мирового уровня, расположенный в самом сердце Бангкока. С момента открытия в 1997 году, BITEC зарекомендовал себя как идеальное место для проведения MICE-мероприятий (встреч, стимулов, конференций и выставок). Он предлагает 10 просторных выставочных залов, 6 больших конгресс-холлов, 28 залов для проведения встреч и мероприятий, а также современный конгресс-центр, офисное здание и розничные и ресторанные зоны для удобства посетителей. Общая площадь

центра составляет 70 000 м², что позволяет комфортно разместить до 40 000 делегатов. Удобное расположение, профессиональные услуги и современная инфраструктура делают BITEC первым выбором для организаторов мероприятий со всего мира. Комплекс IMPACT Arena, расположенный в живописном районе Нонтхабури, Бангкок, является настоящей жемчужиной среди выставочных и конгресс-центров Азии. Общая крытая площадь составляет внушительные 140 000 м², что делает его идеальным местом для проведения мероприятий любого масштаба. IMPACT Challenger — это три взаимосвязанных павильона общей площадью 60 000 м², которые идеально подходят для выставок и конференций. В составе комплекса также находится знаменитый Royal Jubilee Ballroom, известный своей элегантностью и величиим [5]. Этот актовый зал может принять от 1 500 до 3 500 человек для заседаний и от 1 000 до 2 500 гостей для банкетов, что делает его идеальным местом для проведения торжественных мероприятий. Среди главных достопримечательностей комплекса — стадион IMPACT Arena, который занимает 4 000 м² и способен вместить до 11 000 зрителей. Здесь проходят самые яркие международные концерты, спортивные состязания и развлекательные шоу.

В целом, рост и развитие выставочных центров в Китае, Индии и Таиланде обусловлены рядом факторов, включая экономическую динамику, государственную поддержку, культурные особенности и стремление к инновациям. Эти страны демонстрируют значительный потенциал для дальнейшего развития выставочной индустрии и укрепления своих позиций на международной арене.

Список литературы:

1. Выставочные и конференц-центры площадки в Индии: Сайт 10 times. - URL <https://10times.com/ru/venues/exhibition-convention-centres/india> (дата обращения 26.05.2025)
2. Дедок, В. М., Красовская, К. А. Анализ современных особенностей и тенденций развития MICE-индустрии в зарубежных странах / Дедок, В. М., Красовская, К. А. // Беларусь в современном мире: материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, БГУ, 27 октября 2022 года. – Минск: БГУ, 2022. – С. 340-347.
3. Земцова И. В. Развитие туристских выставок в Азии, Африке и Латинской Америке // Современный туризм и сервис: тренды, потребительский опыт и перспективы развития: сборник статей по материалам I Международной научно-практической конференции (Мелитополь, 10-12 июня 2025 г.) / МелГУ; редкол.: О. И. Топалова, Т. В. Карман, Е. Г. Бортников, Л. И. Ли. – Мелитополь: МелГУ, 2025. – С. 35-39.
4. Кручина П. С., Мурашова Е. В. Сравнительный анализ конгрессно-выставочной отрасли на примере России и Китая / Кручина П. С., Мурашова Е. В. // Ученые заметки ТОГУ. – 2025. – № 16(1). – С. 95 – 101.

5. Решетникова Н. Н., Змияк С. С., Магомедов М. Г. Современные тенденции и перспективы развития индустрии MICE: Российский и мировой опыт / Решетникова Н. Н., Змияк С. С., Магомедов М. Г. // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2020. – №1. – С. 62 – 72.

Воропаева Анастасия Игоревна

3 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Voropaeva Anastasia

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОТОВСКАЯ НЕВАЛЯШКА: ИГРУШКА И ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье анализируется феномен котовской неваляшки, игрушки, которая стала символом национальной культуры. Неваляшка представляет собой редкий для современной культуры артефакт, в котором промышленный дизайн, зародившийся на оборонном предприятии в середине XX века, не просто сохранился в качестве музейного экспоната, но продолжает активную эволюцию, отвечая на вызовы времени. В исследовании прослеживается история игрушки и ее место в национальной и мировой культуре.

Ключевые слова: котовская неваляшка, национальная культура, культурный артефакт, символ времени.

KOTOVSKAYA TUMBLER'S CONTRIBUTION TO CULTURE

Summary: The article analyzes the phenomenon of the Kotovsk Tumbler, a toy that has become a symbol of national culture. The Tumbler is a rare artifact in modern culture, where industrial design, which originated in a defense enterprise in the mid-20th century, has not only been preserved as a museum exhibit but continues to evolve in response to the challenges of the time. The study explores the history of the toy and its place in national and global culture.

Keywords: Kotovskaya Tumbler, a national culture, a cultural artifact, and a symbol of time.

Котовская неваляшка – это больше, чем обычная игрушка. Многие видят в ней символ детства, а для Котова, города в Тамбовской области – неваляшка стала настоящим брендом, поводом для гордости. Эта «несгибаемая» кукла с круглым лицом, красивым переливом звуков, о которой вспоминает не одно поколение россиян как о символе своего детства.

Котовские неваляшки – единственное в России производство, которое ориентировано только на производство детских игрушек, а именно – неваляшек.

Удивительно, что игрушку, так сильно ассоциирующуюся во всём мире с Россией, на самом деле придумали на востоке. История неваляшек начинается 200 лет назад. Большинство мнений сходится на том, что прообраз этой игрушки был ввезён из Японии. Стоит обратить внимание на куклу даруму – фигурку, которая олицетворяет монаха-отшельника Бодхидхарму, который

провёл в медитации девять лет, при этом совсем не двигаясь, из-за чего его руки и ноги атрофировались. Верующие японцы стали почитать монаха за такую преданность идеалам, поэтому со временем этот образ стал божественным. По поверьям, он приносил счастья и исполнял новогодние желания.

Если подробнее говорить о внешнем виде куклы дарумы, то у нее по традиции не было зрачков. Владелец игрушки сам рисовал их – первый глаз создавался, когда человек загадывал желание, а второй – когда оно исполнялось. Если же желание оставалось неисполненным, то фигурку относили в храм и сжигали. Интересно, что в таком случае владелец не всегда отказывался от стремлений, а, наоборот, покупал новую куклу, тем самым показывая божествам собственную настойчивость и веру.

Теперь вернёмся к русской интерпретации куклы дарумы. В России эта игрушка изначально называлась кувыркан, потом – ванька-встанька, она очень быстро стала популярна.

Её история началась в Нижегородской губернии. Кувыркан делался из дерева, ярко расписывался. Однако, они стоили очень дорого, поэтому в небогатых дворянских семьях они даже переходили по наследству от одного поколения к следующему.

Повторный всплеск интереса к неваляшкам начался в 1940-х годах. Есть несколько предположений, с чем это могло быть связано. Одни исследователи считают, что это связано с работой Нахабинской фабрики игрушек, на которой после войны работал технологом скульптор Иван Ефимкин. Этот человек вместе с другим инженером разработал механизм, возвращающий куклу в изначальное положение. Этот самый механизм был запатентован, за это специалисты даже получили премию от государства.

Неваляшка очень приветствовалась педагогами и психологами, поскольку она развивала зрение, слух и координацию движений у детей. Звук, издаваемый игрушкой, напоминал колокольчик, чем очень впечатлял ребёнка. Игрушка была гладкой и безопасной, прекрасно развивала фантазию.

Важно отметить, что неваляшка обладала и идеологическим контекстом, так как всегда возвращалась в вертикальное положение. Это было прекрасным символом воли к победе, подчёркивало негибкость перед любыми сложностями [6].

Вспоминается цитата знаменитого артиста балета: «Человеку, который никогда не падает!» – с такими словами Николай Цискаридзе вручил юбиляру, прославленной фигуристке Ирине Родниной, легендарную неваляшку [3].

Разобравшись в том, как была создана неваляшка, нельзя не обратить внимания на такое значимое для этой темы место, как Тамбовский пороховой завод. Это одно из крупнейших пороховых предприятий в России. Сразу возникает вопрос, а как же это связано с неваляшками? Всё очень просто – этот завод производил не только военную, но и гражданскую продукцию [6].

Массовый выпуск неваляшки начался в 1959 году на заводе №204 (прежнее название Тамбовского порохового завода в Котовске) [9].

Производство этой игрушки должно было занять мощности завода в мирное время. В 1990-е годы, когда военные заказы практически прекратились, выпуск неваляшки буквально спас предприятие, став для него единственным источником дохода. В 2006 году произошло возрождение бренда: предприниматель Николай Завидов организовал в Котовске ООО «Котовские неваляшки», которое продолжило традиции, заложенные на пороховом заводе.

Пороховой завод пытался зарегистрировать в Роспатенте товарный знак «Неваляшка», но получил отказ. Сегодня патента на выпуск нет ни у кого. Главный конкурент тамбовчан – ростовская фирма Stellar.

Котовские неваляшки двух производителей внешне очень похожи. Отличить их можно по упаковке и направлению взгляда: заводская смотрит направо, завидовская – налево [3].

Почему же популярность игрушки всё ещё сохраняется? Несмотря на современные технологии, каждая неваляшка всё ещё расписывается вручную. Сегодня котовская неваляшка переживает второе рождение, она – настоящая звезда. В 2018 году она победила в конкурсе «100 игрушек столетия», была признана лучшей игрушкой 1958 года выпуска [5]. Более того, в 2025 году неваляшка даже стала символом новогоднего оформления Национального центра «Россия» в Москве, олицетворяя связь поколений и семейные ценности.

Сегодня выпускается более 30 видов неваляшек, помимо классических форм можно увидеть игрушки в образе зверят, персонажей сказок, например, Колобка, или других символов, таких как волк-Забивака, сделанный к чемпионату мира по футболу в 2018 году.

Стоит также сказать о том, что котовская неваляшка играет большую роль для жителей Котовска – это символ, которым они гордятся. В городе установлен памятник «Эволюция» в честь этой игрушки, проводится костюмированный праздник в честь неваляшки, объединяющий поколения. Ежегодный фестиваль котовской неваляшки в 2025 году прошел в шестой раз, он признан лучшим детским туристическим событием по версии Russian Event Awards.

В настоящее время каждый может прикоснуться к этой чудесной истории, на фабрике «Котовские неваляшки» проводятся экскурсии, где можно своими глазами увидеть рождение этой «несгибаемой» куклы. Экскурсии на производство посещает множество туристов из разных регионов.

Котовская неваляшка – это удивительный пример того, как простая и незатейливая на первый взгляд игрушка может стать символом эпохи, предметом ностальгии и успешным современным продуктом, который продолжает радовать детей и взрослых по всему миру.

Интересно, что феномен котовской неваляшки привлек внимание серьезных деловых СМИ. Журнал Forbes на примере этой игрушки исследовал, как «вечные ценности соревнуются с дополненной реальностью» на современном рынке – Дмитрий Завидов выпустил неваляшку Next в технологии дополненной реальности. Эксперты отмечают, что сегмент неваляшек на рынке стабилен именно благодаря своей традиционности: пока существует

потребность в нематериальных ценностях и связи поколений, игрушка будет востребована [2].

Издание «Коммерсантъ» назвало неваляшку «самой нестигаемой игрушкой» и подчеркнуло парадокс: оборонное предприятие, производящее порох, известно в стране именно как производитель детской игрушки [4].

Неваляшка прочно вошла в культурное пространство и активно развивается в современном искусстве. Эта игрушка стала частью музейных коллекций и украшением различных выставок. Например, в фондах Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова хранятся неваляшки, которые отражают историю того периода.[7]

Простота и узнаваемость неваляшки вдохновляют на творчество: про нее пишут стихи и песни, создают сценарии для детских праздников. В детских садах проводят тематические мероприятия, где дети танцуют, рисуют и играют с этими куклами.

Сегодня неваляшка адаптируется к новым технологиям. В проекте «Артефакт» её можно увидеть в дополненной реальности [1].

Котовская неваляшка повлияла не только на культуру России, также она прославилась и за границей. Вклад котовской (и шире – советской) неваляшки в мировое искусство и культуру – это удивительная история о том, как простая игрушка, вобрав в себя традиции Востока, стала одним из самых узнаваемых символов России за рубежом и оказала влияние на мировую культуру.

Котовская неваляшка, ставшая эталоном советского дизайна, очень быстро вышла на международную арену. Уже в первые годы массового производства ее закупают многие страны мира, включая Австрию, Германию, Венгрию, Монголию, Словакию, Кубу, а также США [6]. Для миллионов людей за пределами России она стала осязаемым символом нашей страны, наряду с матрешкой и балалайкой.

Образ неваляшки нашел своё применение в современном искусстве. На международной выставке в Лондоне в 2017 году символом ярмарки «Московская галерея» стала гигантская неваляшка Агата работы скульптора Григория Орехова. Двухметровая скульптура из нержавеющей стали, установленная в музее современного искусства, поразила посетителей своей интерактивностью: любой мог её качнуть, и она не падала, возвращая людей в детство. Это яркий пример интеграции традиционного образа игрушки в современное искусство [8].

Вклад неваляшки в развитие мирового искусства значителен, поскольку она превратилась из простой игрушки в символический культурный знак, олицетворяющий стойкость и оптимизм. Котовская неваляшка, как наиболее выразительное и широко распространённое воплощение этого образа, подарила миру характерный «русский» символ, который продолжает жить и вдохновлять в новых формах – от музейных экспонатов до математических моделей.

Список литературы:

1. ARTEFACT: сайт. – URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/nevalyashka> (дата обращения: 24.02.2026)
2. Битва неваляшек // Forbes: как вечные ценности соревнуются с дополненной реальностью: сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/338917-bitva-nevalyashek-kak-vechnye-cennosti-sorevnuyutsya-s-dopolnennoy-realnostyu> (дата обращения: 24.02.2026)
3. Возвращение неваляшки // Сетевое издание «НВ газета»: сайт. – URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12381/567657/> (дата обращения: 24.02.2026)
4. Коммерсантъ // Неваляшка с секретом: сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3106121> (дата обращения: 25.02.2026)
5. Котовские неваляшки можно увидеть в музее ТГУ // OnlineTambov.ru: сайт. – URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/culture/kotovskie-nevalyashki-mozhno-uvidet-v-muzee-tgu/> (дата обращения: 24.02.2026)
6. КУЛЬТУРА.РФ: сайт. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/nevalyashka/> (дата обращения: 24.02.2026)
7. Неваляшка // Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова : сайт. – URL: https://www.sholokhov.ru/museum/collection/predmety_sovetskoj_epohi/4383/ (дата обращения: 24.02.2026)
8. Символом открывшейся в Лондоне ярмарки «Московская галерея» стала гигантская неваляшка Агата // Первый канал: сайт. – URL: https://free.1tv.ru/news/2017-09-18/332836-simvolom_otkryvsheysya_v_londone_yarmarki_moskovskaya_galereya_stala_gigantskaya_nevalyashka_agata (дата обращения: 25.02.2026)
9. Супруги из Тамбова на свои деньги выпустили книгу о неваляшке // РИА «ТОП68»: сайт. – URL: <https://top68.ru/news/society/2019-05-25/suprugi-iz-tambova-na-svoi-dengi-vypustili-knigu-o-nevalyashke-58989> (дата обращения: 24.02.2026).

Выходцевская Виктория Максимовна

4 ГВ-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Vykhodtsevskaia Viktoriia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ОБРАЗАМ И КУЛЬТУРНЫМ АРХЕТИПАМ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ПЛАКАТЕ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматривается ряд российских благотворительных плакатов начала XX века. Отобранные для анализа плакаты объединяют общие смысловые приемы. Для них характерно обращение к конкретной исторической эпохе и к связанным с ней культурным архетипам. Призыв к участию в благотворительных мероприятиях объединяется с образом воина, героя и защитника Родины. Отождествляя древнерусского воина с солдатом Первой Мировой войны, авторы обращаются к патриотическому чувству. Образы Древней Руси хронологически согласуются со временем принятия и распространения христианства, в котором помощь ближнему – долг верующего.

Ключевые слова: дореволюционный социальный плакат, Первая Мировая война, архетипический образ, образ героя, благотворительный плакат

TURNING TO HISTORICAL IMAGES AND CULTURAL ARCHETYPES IN RUSSIAN SOCIAL CHARITY POSTERS OF WORLD WAR I PERIOD

Summary: The article examines a number of Russian charity posters from the beginning of XX century. Selected posters share common semantic techniques. They invoke specific historical era and related cultural archetypes. The call to participation in charity events is combined with images of the warrior, the hero and protector of Motherland. Authors are calling to patriotic feeling by equating contemporary soldier of World War I to the Old Russian warrior. Images of Ancient Rus are chronologically consistent with Christianity becoming the state religion. And being charitable to thy neighbour is a duty of a good Christian.

Keywords: pre-revolution motivation posters, World War I, archetypal image, image of a hero, charity poster.

Потребность в коммуникации сопровождает человеческий род всю историю его существования. С усложнением общественного строя появляется необходимость в расширении коммуникации на все большее и большее количество человек. Правящий слой обращается к народу, торговцы рекламируют свои товары и услуги покупателям. В средние века, помимо вербальных объявлений, для привлечения внимания и информирования

служили вывески с читаемыми визуальными образами. С появлением печатного станка возникла возможность издавать не только книги, но и тиражи текстовых афиш. В XVIII веке, благодаря изобретению литографского станка, возможным стало сравнительно дешевое тиражирование изображений, и с последней четверти XIX века начинается активное развитие плаката, как на Западе, так и в Российской Империи [1, с. 5-8].

Благодаря объединению эффективности визуальных образов и высокой информативности текста, развитие и распространение плаката сделало возможной массовую коммуникацию, доступную широким слоям населения. Особую значимость эффективная массовая коммуникация приобретает в периоды кризисов. Со вступлением Российской Империи в Первую Мировую войну перед государственным аппаратом и обществом возникла масштабная коммуникационная задача: массовое информирование населения о событиях, формирование и поддержка патриотических настроений, мобилизация сил населения на благотворительную помощь действующим и раненым воинам, пострадавшим семьям [2, с. 231-232].

Использование формы плаката для информирования и побуждения населения к участию в благотворительных движениях привело к формированию социального плаката как отдельного жанра [1, с. 160]. Привлечение населения к участию в благотворительных мероприятиях обеспечивало доступный канал для оказания помощи со стороны желающих, и позволяло разделить материальную нагрузку военного периода между государством и обществом.

Объектом анализа в данной статье стали семь из пятнадцати отобранных благотворительных плакатов 1914-1915 годов из Реестра книжных памятников Российской национальной библиотеки, среди которых плакат Российского общества Красного креста (РОКК), и плакат из каталога иллюстраций журнала «Третьяковская галерея». Общую направленность смысловых посылов благотворительного плаката периода Первой мировой войны можно выразить цитатой с плаката РОКК: «...не уставайте жертвовать, как не устают биться за честь и величие нашей Родины те, кому вы жертвуете».

Среди плакатов того периода присутствуют реалистичные образы солдат и их семей, бытовые сюжеты, а также преимущественно текстовые листы. Отдельно можно выделить те, которые обращались к образам Древней Руси, используя для этого шрифтовые стилизации или изображения.

Одним из самых ярких примеров такого плаката можно назвать «Жертвуйте жертвам войны: Дмитрий Донской. 1380-1914», созданный Константином Алексеевичем Коровиным, изданный в 1914 году в Товариществе скоропечатни А. А. Левенсона [3]. В правой части плаката размещается текст, в котором, в первую очередь, считывается призыв «Жертвуйте ... раненым», и перечисляются конкретные пожертвования, а также адресаты этих пожертвований. В левой части листа расположено доминирующее изображение Святого князя Дмитрия Донского. Насыщенный желтый фон и яркие красные акценты привлекают внимание. Личность

Дмитрия Донского ассоциируется, в первую очередь, с выдающейся победой русского воинства в Куликовской битве. Эта победа стала символом объединения русских земель, первой вехой в освобождении от Золотой орды, и послужила одной из основ формирования русского национального самосознания. Таким образом, изображение одного из победоносных героев отечественной истории напрямую воздействует на патриотическое чувство, призывая общество приложить совместные усилия для помощи раненым. Стяг с изображением Спасителя и традиционные доспехи дополняют исторический образ.

На примере афиши Георгия Павловича Пашкова «Выставка картин и скульптуры: художники товарищам воинам 1914-1915», также изданной типографией Левенсона [3], можно рассмотреть еще один прием. Хотя выставка и проводится в помощь художникам, пострадавшим на войне начала XX века, в верхней части листа изображены воины в исторической, «стереотипной» древнерусской броне – отчетливо видны стилизованные кольчужные кольца бармицы и характерные для эпохи шлемы. Современные бойцы приравниваются к архетипическому русскому воину. Обращение к историческим образам поддерживает стилизованный под полуустав шрифт афиши.

На примере двух работ прославленного художника и иллюстратора сказок Виктора Михайловича Васнецова «Плакат благотворительного базара «На помощь жертвам войны»» (1914 год, Товарищество скоропечатни А. А. Левенсона) [4] и «Выставка картин русских художников...» (1915 год, Лит. «Прогресс») [3] можно увидеть, что художники той эпохи могли обращаться не только к образам исторических воинов, но и персонажам народного эпоса. На первом плакате изображен Иван-Царевич, поражающий трехглавого морского змея. Образ Ивана-Царевича как героя-змееборца и смелого воина встречается в ряде сказочных сюжетов. Он преодолевает препятствия, рискует своей жизнью и в конце побеждает чудовище и освобождает похищенных пленниц [5, с. 64-65]. Заголовок и информационный текст в правой части листа стилизованы под устав. Под изображением размещена концовка со звериным орнаментом. На втором упомянутом плакате отсутствует персонаж, однако в верхней части расположен обвитый георгиевской лентой лавровый венок, в центре которого размещен стяг с текстом: «Помощь семьям богатырей». Таким образом, раненые воины буквально приравниваются к богатырям, былинным героям-воинам, побеждающим зло.

На отобранных плакатах неоднократно встречается образ Георгия-Победоносца. На двух плакатах 1916 года «Бойцам в окопы», авторства Крайтора Ивана Кондратьевича (изд. Типо-литография «Общее дело») и неизвестного автора, изданного Типолитографией И. Н. и Ко. [3], Георгий-Победоносец расположен в щите и вызывает ассоциацию с гербом Российской империи. На плакате Браиловской Риммы Никитичны «Граждане Москвы оденьте беженцев» 1915 года верхнюю треть листа занимает стилизованное под древнерусскую книжную миниатюру изображение святого. Вынесенный в

название призыв, выполненный стилизованным под устав шрифтом, занимает большую часть оставшегося пространства. На плакате «Военный 5 1/2 % Заем» художника Янковского [3] образ, напоминающий по стилизации и книжную миниатюру, и иконы XV века, занимает половину листа и расположен на красном поле – как и всадник на государственном гербе расположен на красном щите. На нижней половине листа расположен текст. Шрифт стилизован, буква «В» в слове «военный» оформлена как буквица. Интересен и сам текст: «Наше доблестное воинство, проливая кровь за родину, свято исполняет свой долг». Защищать Родину ценой пролития крови и ценой своей жизни – это устоявшийся долг воина.

Изображение Георгия-Победоносца и сегодня расположено на груди Государственного герба Российской Федерации. Всадник, поражающий копьем змея, символизирует духовную силу, победу добра над злом, врагом и насилием [6, с. 11]. С приходом христианства на Русь святой почитался среди знати как покровитель престола и воинских побед [7, с. 38]. М. А. Некрасова приводит слова Ю. Малкова «...св. Георгий в конце концов превратился на Руси как бы в одну из «ипостасей», или личностных воплощений, самого русского народа», и, рассматривая длительный путь образа в народном сознании, связывает укрепление именно образа воина-защитника, всадника-змееборца с тяжелым историческим периодом, завершившимся победой в Куликовской битве [8, с. 22-23]. Изображения Георгия-Победоносца встречаются на печатях Юрия Долгорукого, Ивана III и Ивана IV Грозного. В 1722 году граф Франческо Санти представил Петру I рисунок и описание герба для государственной печати, куда был введен всадник на серебряном коне на червленом поле и введено понятие «Святой Георгий» для всадника. Екатериной II в 1796 году был учрежден орден Святого Георгия, самая почетная воинская награда до 1917 года. Образ серебряного всадника, поражающего копьем дракона, был закреплен как часть Государственного герба в декабре 2000 года [7, с. 39].

Все рассмотренные плакаты обращаются, напрямую или через конкретного персонажа, к культурно-архетипическому образу воина – защитника Родины, помощника слабым и обездоленным. Архетипический образ является важнейшей составляющей культурного архетипа и являет собой символическое выражение тех или иных архаических установок, определяющих мировоззрение, мироощущение и миропонимание народа. Такие образы формируют систему ценностей, играют определяющую роль в формировании психических реакций человека. Наиболее полно и активно архетипические образы нации воплощаются в фольклорных произведениях и мифах [9, с. 12]. Сама архетипическая модель войны в русской культуре – это, как правило, защита и оборона. Оборонительная война рассматривалась как справедливая, в защиту родной земли, культуры и религии. [10, с. 75]. Следовательно, обращение авторов части плакатов к образам святых Георгия-Победоносца и победителя Дмитрия Донского, былинных богатырей и фольклорного героя-воина – это обращение к глубоким культурным стереотипам борьбы за правое и справедливое дело. Контекст

благотворительного плаката при этом призывает общество присоединиться к правому делу. Чаще всего, адресатами становятся именно слабые и обездоленные. Сама концепция благотворительности, оказания безвозмездной помощи нуждающимся, является неотъемлемой частью христианства и православия, религиозной основы русской культуры. История русской благотворительной традиции была начата княгиней Ольгой и князем Владимиром [11].

Первая мировая война стала периодом острого кризиса для Российского государства и русского народа. Возникла необходимость массово мобилизовать общество не только на участие в боевых действиях, но и на поддержку бойцов и пострадавших. Развитие технологий печати и возникновение плаката как средства массовой информации, объединяющего текст и изображение, позволило использовать визуальные образы для воздействия на зрителя.

Из числа сохранившихся плакатов можно выделить категорию тех, которые обращаются к древнерусской эстетике, к историческому периоду становления русской государственности. Через образы исторических и былинных героев они затрагивают культурный архетип справедливой войны (борьбы за правое дело), обращаются к народной памяти об объединении усилий ради победы Добра над Злом. К сожалению, ход исторических событий в начале XX века помешал России выйти из Первой мировой победительницей, но это ничуть не умаляет, на взгляд автора, правильности выбранных агитационных образов и значимости вклада общества в общее дело.

Список литературы:

1. Бабурина, Н.И. Русский плакат (конец XIX - начало XX века). / Н. И. Бабурина // Л.: Художник РСФСР. – 1988. – Т. 53. – С. 240-257. – URL: <https://djvu.online/file/1S9KRwsbW0tmi> (дата обращения: 01.03.2026)
2. Архипова, Н.А. Социальный плакат в Российской империи (конец XIX - начало XX вв.) // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 51. – С. 231-242. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-plakat-v-rossiyskoy-imperii-konets-xix-nachalo-xx-vv> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Реестр книжных памятников. Российская государственная библиотека: официальный сайт. – URL: <https://old.knpram.rusneb.ru/?search=1914> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Графика. Каталог иллюстраций журнала «Третьяковская галерея»: официальный сайт. 2024. – Москва. – URL: https://www.tg-m.ru/catalog/artists/graphic?field_artist_value=васнецов&field_museum_value= (дата обращения: 28.02.2026).
5. Коваль, В.И. Иван-царевич как обобщенное имя разных сказочных персонажей. // В. И. Коваль // Русский язык: система и функционирование: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ. – 2025. – С. 64-70.

- 6.Борзова, Е.П. Значение символа победы в образе святого Георгия Победоносца в культуре России. / Е. П. Борзова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2009. – Т. 185. – С. 11-14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-simvola-pobedy-v-obraze-svyatogo-georgiya-pobedonostsa-v-kulture-rossii> (дата обращения: 02.03.2026).
- 7.Закутнов, О.И. Образ Георгия Победоносца в российской геральдике / О. И. Закутнов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 3 (52). – С. 37-41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-georgiya-pobedonostsa-v-rossiyskoy-geraldike> (дата обращения: 02.03.2026).
- 8.Некрасова М. А. Образ всадника-воина — святого Георгия змееборца: его сакральный смысл в искусстве славянских народов как источника жизненных начал. / М. А. Некрасова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2009. – Т. 185. – С. 15-27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vsadnika-voina-svyatogo-georgiya-zmeebortsa-ego-sakralnyy-smysl-v-iskusstve-slavyanskih-narodov-kak-istochnika-zhiznennyh-nachal> (дата обращения: 02.03.2026).
- 9.Пивнева, Н.С. Архетипические образы в русской культуре: автореферат дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 /Н. С. Пивнева // Ростов-н/Д: Ростовский гос. ун-т. – 2003. – 117 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhetipicheskie-obrazy-v-russkoi-kulture> (дата обращения: 02.03.2026).
- 10.Гефнер, О.В. Образ войны в русском культурном архетипе. / О. В. Гефнер // Вестник ОмГУ. – 2019. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-voyny-v-russkom-kulturnom-arhetipe> (дата обращения: 02.03.2026).
- 11.Быков, А.С. Православная традиция благотворительности, ее значение и реализация в современном мире / А. С. Быков, Р. А. Лопин // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2019. – №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaya-traditsiya-blagotvoritelnosti-ee-znachenie-i-realizatsiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 02.03.2026).

Геренцева Алла Владимировна

2 МГ-41

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Gerentseva Alla Vladimirovna

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПОЗИТИВИЗМ ОГЮСТА КОНТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается влияние философской доктрины позитивизма, разработанной Огюстом Контом, на развитие французского искусства в XIX столетии. Анализируется, как ключевые принципы контовской философии — отказ от метафизики, культ научного факта, идея социального прогресса и классификация наук — нашли отражение в эстетических программах реализма, импрессионизма и натурализма.

Ключевые слова: Огюст Конт, позитивизм, французское искусство XIX века, реализм, импрессионизм, натурализм.

AUGUSTE COMTE'S POSITIVISM AND ITS INFLUENCE ON FRENCH ART OF THE 19TH CENTURY

Summary: The article examines the influence of the philosophical doctrine of positivism, developed by Auguste Comte, on the development of French art in the 19th century. It analyzes how the key principles of Comtean philosophy — the rejection of metaphysics, the cult of scientific fact, the idea of social progress, and the classification of sciences — were reflected in the aesthetic programs of Realism, Impressionism, and Naturalism.

Keywords: Auguste Comte, positivism, 19th-century French art, Realism, Impressionism, Naturalism.

XIX век во Франции стал эпохой глубоких социальных потрясений и стремительного развития естественных наук. В этой интеллектуальной атмосфере родилась философия позитивизма, основоположником которой выступил Огюст Конт (1798–1857). Его главный труд, «Курс позитивной философии» (1830–1842), предложил новую модель познания мира, основанную исключительно на опыте и наблюдении, отвергая умозрительные построения теологии и метафизики. Как отмечается в фундаментальных исследованиях по истории французской культуры, интеллектуальный климат второй половины XIX века был отмечен печатью позитивизма, что выразилось в новой вере в науку и разум как путь к неизбежному прогрессу. Цель данной статьи — проследить, как методология и идеи Конта, вышедшие за пределы чистой философии и социологии, трансформировали художественную культуру

Франции, задав новые критерии правды, красоты и общественной функции искусства.

Прежде чем говорить о влиянии на искусство, необходимо выделить ключевые тезисы учения Конта, ставшие релевантными для эстетической сферы. Философским основанием для новых художественных течений послужил ряд выдвинутых им идей.

«Закон трех стадий»: Конт утверждал, что человечество в своем развитии проходит через теологическую, метафизическую и, наконец, позитивную (научную) стадию. XIX век, по его мнению, находился на пороге позитивной эры, что требовало пересмотра всех форм духовной деятельности, включая искусство [2, с. 30-40].

Культ факта: Истинным знанием может считаться только то, что получено через наблюдение и эксперимент. Задача ученого (и, как следствие, художника) — описывать и классифицировать явления, а не искать их скрытые, абсолютные причины.

Социальная направленность: Конт считается основателем социологии. Он призывал к изучению законов общества ради его улучшения и стабильности. Искусство, с этой точки зрения, должно было стать инструментом социального познания и воспитания.

Классификация наук: Конт выстроил иерархию наук, где каждая последующая опирается на предыдущую (математика, астрономия, физика, химия, биология, социология). Это вселяло веру в универсальность научного метода, применимого ко всем сферам бытия. Эстетика позитивизма, развиваемая такими мыслителями как Эжен Верон, также строилась на отрицании строгих правил академизма и продвижении новых тенденций, основанных на влиянии науки на художественное творчество [6, с. 41-42].

Наиболее прямым и последовательным воплощением позитивистских идей в искусстве стал реализм. Его лидер, Гюстав Курбе, сформулировал программный отказ от идеализации в своем «Манифесте реализма» (1855). Он провозгласил, что может писать только то, что видит своими глазами.

Влияние Конта: Современная художнику критика (в лице П.-Ж. Прудона и Ж. Шанфлёр) развивала принцип общественной значимости искусства [5]. Сам Курбе полемически противопоставлял романтизму и академизму искусство нового типа, которое он сам определял как «позитивное». Оно должно было воссоздавать жизнь в её течении, утверждая материальную значимость мира и отрицая художественную ценность того, что нельзя воплотить осязательно-предметно [5]. Курбе и его последователи (Жан-Франсуа Милле, Оноре Домье) выступили как «социологи» от живописи. Их полотна — «Дробильщики камня» Курбе, «Сборщицы колосьев» Милле — это визуальные «позитивные факты», документы, фиксирующие жизнь низших сословий с беспристрастностью ученого. Художник отказывается от библейских и мифологических сюжетов (теологическая стадия) и аллегорий (метафизическая стадия), сосредотачиваясь на наблюдении современной социальной реальности (позитивная стадия). Как подчеркивают историки искусства, реализм призывал

к искусству, которое серьезно взаимодействует с проблемами своего времени и служит социальной функции [5].

Если реализм делал акцент на социальном факте, то импрессионизм перенес научный метод в область физиологии восприятия и физики света.

Влияние Конта и научной мысли: Хотя импрессионисты не были прямыми учениками Конта, созданная им атмосфера доверия к науке проложила путь для их экспериментов. Открытия в области оптики и фотографии, а также интерес к тому, как глаз реально воспринимает цвет и форму, стали их живописной программой. Исследователи отмечают, что позитивистский настрой эпохи ярко проявился в картинах импрессионистов — Эдуарда Мане, Клода Моне, Эдгара Дега и Огюста Ренуара [4, с. 83].

Клод Моне и другие: Художники стремились зафиксировать «мгновенное впечатление» — чистое чувственное данное, которое Конт считал основой познания. Их метод работы на пленэре и разложение сложных тонов на чистые цвета спектра можно рассматривать как художественную лабораторию по изучению законов зрения. Это был отказ от метафизической «идеи» картины в пользу физиологического «факта» восприятия [3, с. 153]. В современных исследованиях подчеркивается, что в категориях импрессионистического пространства и времени отражается новое для европейской традиции мировосприятие, которое, с одной стороны, преодолевает позитивистскую ограниченность эпохи, а с другой — рождается из нее [4, с. 85-86].

Наиболее осознанную попытку перенести контовскую методологию в искусство предпринял писатель и критик Эмиль Золя, глава натуралистической школы. Философским основанием теории натурализма послужил именно позитивизм О. Конта и его последователя И. Тэна [1, с. 205].

Теория «экспериментального романа»: Золя, находясь под влиянием физиолога Клода Бернара и философии позитивизма, утверждал, что романист находится в положении ученого [1, с. 206]. В своей программной работе «Экспериментальный роман» (1880) он изложил метод, согласно которому писатель помещает персонажей (детерминированных наследственностью и средой, подобно биологическим организмам) в определенные обстоятельства, чтобы проследить, как будут развиваться события [1, с. 206]. Литература превращается в исследование «человеческого документа». Золя стремился заменить изучение абстрактного человека изучением человека подлинного, подчиняющегося физико-химическим законам и влиянию среды [1, с. 210].

Влияние на живопись: Золя активно поддерживал Эдуарда Мане и импрессионистов, видя в них художников-натуралистов, которые «пишут то, что видят», а не то, чему их учили в Академии [1, с. 211]. Его литературно-критические и искусствоведческие работы («Что я ненавижу», «Мой салон», «Эдуард Мане») были направлены против официального салонно-академического искусства [1, с. 212]. Искусство должно было стать срезом действительности, лишенным морализаторства и идеализации.

Позитивизм с его акцентом на полезности и функциональности косвенно повлиял на формирование эстетики индустриальной архитектуры.

Использование новых материалов (стекла, чугуна, стали) в постройках вроде библиотеки Сент-Женевьев (арх. Анри Лабруст) или павильонов Всемирных выставок демонстрировало правду конструкции, отказ от маскировки фасадов декором, что соответствовало позитивистскому требованию демонстрировать сущность явления (факт) напрямую.

Влияние позитивизма Огюста Конта на французское искусство XIX века было глубоким и многогранным. Он сыграл роль катализатора, окончательно разрушившего нормативную эстетику классицизма. Провозгласив приоритет факта над вымыслом, наблюдения над воображением, социального анализа над мифотворчеством, позитивизм дал философское обоснование главным художественным течениям эпохи: от гражданского реализма Курбе до физиологического импрессионизма и литературного эксперимента Золя. Искусство впервые столь масштабно попыталось встать в один ряд с наукой, утверждая, что его главная цель — не украшать мир, а познавать и объяснять его законы. Ограниченность этого подхода стала очевидна к концу века, когда символизм и постимпрессионизм вновь обратились к субъективному переживанию и метафизическим поискам, но опыт «позитивной» фазы развития искусства навсегда изменил его язык и отношение к реальности.

Список литературы:

1. Варгин, М. Эксперименты с экспериментами: Эмиль Золя и русский натурализм // НЛО. — 2015. — № 4. — С. 202-220.
2. Конт, О. Дух позитивной философии. — М.: Либроком, 2016. — 80 с.
3. Кузнецова, Л. В. Пространственно-временная концепция импрессионистической картины // Вестник Тюменского государственного университета. — 2013. — № 10: Философия. — С. 151-156.
4. Сенкевич, Г.А. Эстетические традиции Эдгара Дега в живописи Геннадия Алехновича // Современные европейские исследования. — 2017. — № 5. — С. 79-86.
5. Courbet, Gustave // Oxford Bibliographies. — Last reviewed: 2021. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/> (дата обращения: 27.02.2026).
6. Malec, I. M. Eugene Véron: The Forgotten Thought of Aesthetic of the French Positivism / I.M. Malec // Kwartalnik Filozoficzny. — 2010. — Vol. 38. — No. 1. — P. 39-49.

Гладышева Екатерина Денисовна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Ekaterina Gladysheva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НАВИГАЦИИ В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ

Аннотация: В статье рассматривается трансформация роли философского знания в условиях современного социокультурного кризиса. Анализируется значение философии как инструмента навигации в информационном пространстве, этического регулятора технологического прогресса и средства самоопределения личности. Особое внимание уделяется практическому применению философских принципов в повседневности. Делается вывод о необходимости возвращения к пониманию философии как искусства жизни для сохранения человеческой субъектности в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: философия, информационное общество, этика технологий, самоопределение личности, стандартизация, образ жизни, критическое мышление.

PHILOSOPHY AS A TOOL FOR NAVIGATION IN THE TECHNOGENIC WORLD

Summary: The article examines the transformation of the role of philosophical knowledge in the conditions of the modern sociocultural crisis. The significance of philosophy as a tool for navigation in the information space, an ethical regulator of technological progress, and a means of self-determination of the personality is analyzed. Special attention is paid to the practical application of philosophical principles in everyday life. A conclusion is made about the need to return to the understanding of philosophy as an art of life to preserve human subjectivity in the age of digitalization.

Keywords: philosophy, information society, ethics of technology, self-determination of personality, standardization, way of life, critical thinking.

Современный мир характеризуется беспрецедентной скоростью изменений. Глобализация информационных потоков и размывание традиционных ценностных ориентиров создают ситуацию, которую многие мыслители определяют как антропологический кризис. Современный человек оказался зажат между мощью искусственного интеллекта, давлением алгоритмов социальных сетей и экзистенциальной пустотой, возникающей на фоне потребительского изобилия. Философия перестает восприниматься лишь

как история идей или абстрактная метафизика; она становится насущной потребностью, инструментом адаптации к современному миру и способом сохранения человеческой сущности.

Философия сегодня вынуждена отвечать на вопросы, которые ранее не стояли перед человечеством с такой остротой. Она больше не может ограничиваться кабинетным изучением категорий бытия, она должна вмешиваться в реальность, предлагая методы выживания сознания в агрессивной информационной среде. В работе последовательно рассматриваются четыре вектора актуализации философского знания: эпистемологическая фильтрация в условиях информационной энтропии, аксиологическое регулирование технологических рисков, защита автономии субъекта от алгоритмической стандартизации и реабилитация философии как духовной практики.

Мы живем в эпоху «информационного шума». Объем данных, генерируемых человечеством, удваивается каждые несколько лет, однако доступ к информации не равен доступу к знанию, а тем более — к истине. Гносеологический кризис современности заключается в том, что критерии истинности размываются. Фейковые новости и алгоритмические ленты новостей создают фрагментированную картину реальности. Как отмечается в современном учебном пособии, классическая рациональность сталкивается с вызовами нелинейных процессов, где причина и следствие не всегда очевидны.

В этих условиях философия выступает как мета-инструмент навигации. Классическая эпистемология, занимающаяся вопросами природы и границ познания, обретает новую практическую значимость. Философское мышление предоставляет набор критериев для проверки достоверности информации: логическая непротиворечивость, проверяемость, соответствие фактам, выявление скрытых предпосылок. Критическое мышление, являющееся прямым наследником философской традиции. Без философской рефлексии человек в информационном потоке превращается в пассивного слушателя, чье мнение формируется внешними манипуляторами.

Философия учит задавать вопросы: «Кто говорит?», «С какой целью?», «На чем основано это утверждение?». Следовательно, философия обеспечивает защиту когнитивного пространства личности от вирусных идей и манипулятивных нарративов. Навигация в мире информации требует не просто поиска данных, а умения выстраивать иерархию смыслов, что является сугубо философской задачей. В итоге, способность к философской рефлексии становится ключевым знанием для сохранения когнитивного суверенитета личности в цифровую эпоху.

Еще один вызов, на который отвечает современная философия, является стремительное развитие технологий, опережающее развитие этики. Биотехнологии, искусственный интеллект, нейросети и геномная инженерия ставят перед человечеством вопросы, которые ранее принадлежали области научной фантастики, а теперь стали повседневной реальностью. Технический прогресс отвечает на вопрос «Как мы можем это сделать?», но он бессилен

перед вопросом «Должны ли мы это делать?». Здесь на сцену выходит философская этика и аксиология.

Развитие автономных систем порождает проблему выбора в реальном времени: кого должен выбрать алгоритм в случае неизбежной аварии? Перенос сознания на цифровые носители и идеи трансгуманизма ставят под вопрос саму дефиницию человека. Философия техники указывает на то, что технология не является нейтральным инструментом, она формирует среду обитания человека. Философия необходима для разработки этических рамок, внутри которых может развиваться технология. Без ценностного ориентира технология становится автономной силой, способной уничтожить своего создателя.

Философская рефлексия позволяет выявить онтологические риски: не превратит ли тотальная цифровизация человека в объект управления? Современная этика технологий — это прикладная философия, которая пытается вписать инновации в гуманистическую парадигму. Она настаивает на том, что эффективность и прибыль не могут быть единственными критериями прогресса. Философия выступает в роли совести технического разума, напоминая, что человек является целью, а не средством, даже в эпоху алгоритмического управления. Вследствие этого, этическая экспертиза технологий должна стать обязательным элементом инновационного процесса.

Третьим аспектом является антропологический вызов. Современное общество массового потребления и цифровая культура создают мощное давление стандартизации. Социальные сети поощряют конформизм: успех измеряется лайками, внешность подгоняется под фильтры, образ жизни копируется у блогеров. Возникает феномен, который описывается как жизнь, проживаемая так, как живут все, без подлинного присвоения своего существования. В условиях, когда алгоритмы предсказывают наши желания еще до их осознания, проблема самоопределения личности становится критической.

Кто я? Чего я хочу на самом деле, а что навязано мне рекламой и социальным окружением? Философия, особенно в ее экзистенциалистском измерении, предлагает инструменты для разрушения этих навязанных сценариев. Философское самоопределение требует мужества быть собой. Оно предполагает дистанцирование от социальных масок и размышление над собственными ценностями. В эпоху стандартизации индивидуальность становится актом сопротивления. Философия помогает личности осознать свою уникальность не через противопоставление другим, а через углубление внутри себя.

Проблема идентичности в современном мире усугубляется фрагментацией «Я» в цифровых профилях. Философская антропология помогает интегрировать эти разрозненные части в целостный образ. Сохранение способности к автономному выбору и моральной ответственности — это главная задача философии в контексте защиты личности от растворения в массе. Как подчеркивается в работах по психологии, обретение целостности возможно только через осознанный выбор и принятие ответственности за свою

жизнь [3, с. 78–82]. В итоге, философское самоопределение становится актом сопротивления тотальной управляемости и способом сохранения подлинности.

Наконец, самый важный аспект — возвращение к истокам понимания философии. В античности, особенно в школах стоиков, эпикурейцев и киников, философия не была набором текстов или лекций. Это была практика, «искусство жизни». В современном академическом дискурсе этот аспект часто утрачивается, однако запрос на него в обществе растет. Люди ищут смыслы, способы справляться с тревогой, стрессом и состоянием внутренней пустоты. Философия как образ жизни предлагает не догмы, а духовные упражнения.

Например, стоицизм переживает ренессанс именно потому, что он дает практические инструменты для сохранения внутреннего спокойствия в постоянно изменяющемся мире. Практика рефлексии, ведение дневника, медитация над конечностью бытия — все это методы философской терапии. Быть философом в современном мире означает не обязательно писать диссертации, а жить осознанно. Это подразумевает постоянный диалог с самим собой, проверку своих поступков на соответствие разуму. Философия как образ жизни помогает преодолеть разрыв между знанием и действием.

Этот подход трансформирует философию из элитарного занятия в общедоступную практику ментального здоровья. В мире, где психологические проблемы становятся эпидемией, философия предлагает профилактическую медицину для души. Она учит не просто выживать, а жить достойно, находя удовлетворение не во внешних благах, которые нестабильны, а во внутренней свободе и добродетельности. Эрих Фромм в своей работе «Искусство любить» указывал на то, что любовь и активность являются ключом к преодолению отчуждения, что напрямую соотносится с философией как практикой бытия [1, с. 56–60]. Философия помогает человеку обрести опору в самом себе, не зависящую от внешних обстоятельств.

Стоит уделить внимание еще одному вопросу о роли философии в формировании культурной среды. В условиях глобализации культура становится полем битвы смыслов. Унификация культурных особенностей под давлением масс-медиа угрожает разнообразию человеческой цивилизации. Философия здесь выступает как хранитель культурной идентичности и генератор смыслов. Она необходима для формирования ценностного фундамента, на котором строится образование и воспитание. Современная образовательная система часто ориентирована на утилитарные навыки, игнорируя развитие критического мышления.

Возвращение философии в учебные планы — это не дань традиции, а необходимость. Философское образование учит не тому, что думать, а тому, как думать. Оно формирует способность к рефлексии, толерантность к инаковости и понимание исторического контекста. Философия культуры подчеркивает, что без глубокого философского обоснования социальные реформы рискуют стать поверхностными и неэффективными [2, с. 130–135]. Философ выступает в роли интеллектуального консультанта общества, предупреждающего о долгосрочных последствиях тех или иных

идеологических выборов. Вследствие этого, интеграция философского знания в социальные институты становится залогом устойчивого развития цивилизации.

Философия в современном мире не только не утратила своей актуальности, но и приобрела статус важного ресурса человеческой цивилизации. Она обеспечивает связь времен, сохраняя мудрость прошлого для решения задач будущего. В эпоху, когда технологии определяют ритм жизни, именно философия напоминает о том, что целью развития является человек, а не машина.

Список литературы:

- 1.Фромм, Э. Искусство любить. – Москва: АСТ, 2020. – 224 с.
- 2.Губман, Б.Л. Современная философия культуры. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 535 с.
- 3.Леонтьев, Д. А. Психология смысла. – Москва: Смысл, 2019. – 584 с.
- 4.Гуревич, П. С. Философия культуры: структура и содержание: учебное пособие. – Москва: Канон+, 2014. – 423 с.
- 5.Фромм, Э. Иметь или быть? – Москва: АСТ, 2023. – 320 с.

Гломаздо Кристина Дмитриевна

3 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Glomazdo Kristina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В статье исследуется роль чая и чайной церемонии в китайской культуре. Анализируется историческое развитие чайной традиции с эпохи династии Хань, влияние даосизма на формирование чайной культуры и значение чайной церемонии как духовной практики. Особое внимание уделяется мифологическому происхождению чая, связанному с легендой об императоре Шэнь Нуне, и трактату Лу Юя «Канон чая». Исследование основано на историко-культурном анализе традиционных источников. Установлено, что чайная церемония сохраняет свою значимость как способ отдыха, общения и выражения уважения, являясь важным элементом национальной культурной идентичности.

Ключевые слова: чайная церемония, китайская культура, чайные традиции, даосизм, ритуал чаепития, китайская философия, культурная идентичность.

TEA CEREMONY IN CHINESE CULTURE: HISTORY AND MODERNITY

Summary: The article explores the role of tea and the tea ceremony in Chinese culture. It analyzes the historical development of the tea tradition since the Han Dynasty, the influence of Taoism on the formation of tea culture, and the significance of the tea ceremony as a spiritual practice. Special attention is given to the mythological origins of tea, associated with the legend of Emperor Shen Nung, and Lu Yu's treatise "The Canon of Tea." The research is based on a historical and cultural analysis of traditional sources. It establishes that the tea ceremony retains its significance as a means of relaxation, communication, and expression of respect, and is an important element of national cultural identity.

Keywords: tea ceremony, Chinese culture, tea traditions, Taoism, tea drinking ritual, Chinese philosophy, and cultural identity.

Китай – страна с богатейшей культурой, берущей свое начало в глубокой древности. Изначально закрытая от чужого вмешательства, Поднебесная и сегодня таит в себе множество тайн, которые сложно понять человеку иной культуры. Но именно эта неизвестность, таинственность и уникальность поражают человеческое воображение, вызывая искреннее желание узнать о ней больше.

Так одной из особенностей китайской культуры является чайная церемония. Изначально, еще в эпоху средневековья, Китай завоевал европейский рынок своим чаем: ни одно государство, где люди употребляли этот напиток, больше не хотело отказываться от него. Например, для Англии проще было получить чай из своих индийских колоний, но большое количество людей в этой стране продолжало использовать именно китайский чай. Это происходило несмотря на то, что, по мнению некоторых историков, китайский чай того времени, отправляемый на экспорт, был самого низкого качества. Такое предпочтение в ведущих европейских странах доказывает, что китайская чайная культура проникла в сознание потребителей, которые, пробуя самый простой вариант чая, не могли отказаться от него.

Китайцы давно оценили пользу чая и начали активно изучать его производство ещё во времена династии Хань (206 г. до н.э. – 221 г. н.э.). Они исследовали условия выращивания, оптимальную почву, сроки сбора листьев, методы обработки и хранения. Эти знания стали основой сложной системы производства чая. Императоры династий Тан, Сун и Мин были главными потребителями чая и способствовали развитию традиций чаепития, стимулируя создание новых сортов с разнообразием вкусов и ароматов. Таким образом сформировалась богатая китайская чайная культура [2, С. 9-10].

Открытие чая в Китае связано с именем мифического императора Шэнь Нуна, жившего примерно в 2700 году до нашей эры. Существует две версии легенды о том, как он впервые познакомился с этим напитком [2, С. 13].

Согласно первой версии, Шэнь Нун, испытывая различные растения, однажды почувствовал сильное недомогание. Рядом с ним рос куст, с которого ветер сорвал несколько листочков. Любопытство заставило его попробовать их. Несмотря на горечь, листья обладали приятным ароматом и вскоре облегчили его состояние. Заинтересовавшись, он собрал больше листьев и продолжил изучение их свойств [2, С. 13].

Вторая версия повествует о том, что однажды уставший Шэнь Нун разжег огонь под деревом, чтобы подогреть воду. Несколько листьев случайно попали в кипящую воду. Попробовав полученный настой, он ощутил бодрость и прилив энергии. Поняв ценность нового растения, он начал детально изучать его характеристики [2, С. 13].

Именно, благодаря этому открытию, чай получил свое название «чха», которое также означает «испытание», «проверка» или «исследование». Позже появился новый иероглиф, обозначающий чай, состоящий из изображений дерева внизу, цветов и листьев сверху и человека посередине. Это символизирует гармонию человека с природой, которую приносит чай [2, С. 13].

Даосизм, древняя религия и основа китайской культуры, утверждает, что человек неразрывно связан с природой и Вселенной. В эпоху династии Хань сформировался даосизм, утверждавший возможность преодоления недостатков и достижения духовного совершенства через тренировки тела и души. Бессмертными считались те, кто вел аскетичный образ жизни и обладал

особыми знаниями и силами [1, С. 11]. Литературные произведения и сказания того времени полны упоминаний о чае. Например, в одном из них рассказывается о старой женщине, продававшей чай на рынке Цзиньской империи, чей чайник чудесным образом не пустел. Она была арестована властями, но смогла сбежать вместе с чайной утварью, что считалось признаком бессмертия [1, С. 11].

Из этого следует, что, видя чудодейственные свойства чая, люди в древнем и средневековом Китае автоматически относили его к разряду элементов, способствующих достижению бессмертия. И именно из этой связи мифологического и реального родилась чайная церемония, где каждый элемент, каждый жест играет огромное значение.

Однако первым, кто составил систематический трактат с учением о чае и чайной церемонии стал Лу Юй – «Канон чая» («Ча цзин»). Трактат включает десять глав, посвященных происхождению чая, методам его выращивания, обработке, инструментам для приготовления и правилам чаепития. Отдельные главы рассматривают историю чаепития, региональные особенности выращивания и оценки качества чая, использование посуды и эстетические аспекты церемонии.

Книга представляет собой уникальную энциклопедию чая, отражающую глубокие знания о природе, обществе и духовной культуре. Особое внимание уделено моральным принципам, согласно которым любители чая должны вести добродетельную жизнь.

Чайная церемония является строгим в исполнении ритуалом и содержит обязательные элементы. Традиционная китайская церемония чаепития проходит в специальном помещении – чайном домике, оборудованном особым образом. Свет не должен быть ярким, а приглушенным. Интерьер следует выбирать в пастельных тонах, без ярких акцентов, а мебель должна быть из природных материалов. Для подачи чая используется низкий столик, вокруг которого располагаются мягкие коврики и подушки (иногда заменяемые шезлонгами). Сам процесс чаепития длится несколько часов, участники могут выпить до 20 чашек чая. Современные китайские чайные церемонии различаются в зависимости от времени суток [4, С. 133].

Эти мероприятия позволяют китайцам расслабиться, насладиться общением и испытать удовольствие от уникального вкуса чая.

В современном Китае традиционная чайная церемония продолжает оставаться важной частью культурной жизни. Она сохранила свою значимость как способ отдыха, общения и выражения уважения. Чайные дома остаются популярными местами встреч, где китайцы наслаждаются ароматным напитком, расслабляются и проводят время с близкими людьми. Чаепитие также играет важную роль в официальных мероприятиях и деловых переговорах, демонстрируя уважение и гостеприимство. Таким образом, чайная церемония остается неотъемлемой частью китайской культуры, сохраняя связь поколений и укрепляя национальные традиции.

Список литературы:

1. Ван Ли. Китайское искусство чаепития / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – М.: Центрполиграф, – 2003. – 239 с.
2. Лам Кам Чуэн. Путь чая: секреты древней традиции / пер. с англ. К. Савельева. – М.: Фаир, – 2010. – 142 с.
3. Лу Юй. Канон чая / Перевод с кит. А.Т. Габуев, Ю.А. Дрейзис. – М.: Гуманитарий. – 2007. – 122 с.
4. Терехова, Н. В. Семиосфера традиционной китайской чайной церемонии / Н. В. Терехова, Е. В. Шматкова // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 126-134.

Годованая Анастасия Сергеевна

1 ХД-16

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Hodovana Anastasia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНЦЕПЦИЯ РАЗУМА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Аннотация: Статья посвящена анализу гносеологической концепции в философии И. Канта. Кант проводит принципиальное разграничение между чувственностью, рассудком и разумом как высшей познавательной способностью. Особое внимание уделяется трансцендентальным идеям как продуктам чистого разума, их регулятивной функции и отличию от конститутивных принципов рассудка. В работе освещается дуализм теоретического и практического применения разума, определяющий место человека в мире природы и свободы. Формулируется вывод о том, что кантовское ограничение познавательных притязаний разума открывает перспективу для нравственного самоопределения человека.

Ключевые слова: разум, рассудок, трансцендентальные идеи, регулятивный принцип, антиномии, ноумен.

THE CONCEPT OF THE HUMAN MIND IN THE PHILOSOPHY OF I. KANT

Summary: The article is devoted to the analysis of the epistemological concept in the philosophy of I. Kant. Kant makes a fundamental distinction between sensibility, reason, and the mind as the highest cognitive faculty. Special attention is paid to transcendental ideas as products of pure reason, their regulatory function, and their distinction from the constitutive principles of reason. The article highlights the dualism of the theoretical and practical application of reason, which determines the place of man in the world of nature and freedom. The conclusion is formulated that Kant's limitation of the cognitive claims of reason opens up a perspective for human moral self-determination.

Keywords: reason, mind, transcendental ideas, regulative principle, antinomies, noumenon.

Иммануил Кант (1724-1804) – немецкий философ, живший в эпоху Просвещения. Занимался разработкой теории познания (трансцендентальный идеализм), этики и эстетики, а также преподавал философию, математику, физику и географию. Кант исследовал границы человеческого разума, что запечатлел в своих главных трудах: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). Именно благодаря ему произошёл поворотный момент в истории европейской

мысли, который сам мыслитель охарактеризовал как «коперниканский переворот» – субъект перестал быть пассивным получателем данных, превратившись в активного создателя опыта. Мы видим не вещи сами по себе, а то, как они преломляются через призму нашего сознания. Кант впервые поставил вопрос не о природе мира самого по себе, а об условиях возможности нашего познания этого мира. Центральное место в этом проекте занимает учение о разуме как высшей способности познания, стремящейся к безусловному и целостному знанию.

Кант выстраивает поступательную модель человеческого познания, основанную на различении трёх основных способностей души. Фундаментом познания является чувственность (Sinnlichkeit) – способность к восприятию воздействий извне. Благодаря априорным формам чувственности — пространству и времени – многообразные ощущения упорядочиваются и становятся основой для созерцаний. Мы не можем воспринимать мир иначе, как располагая предметы в пространстве (рядом, далеко) и времени (до, после). На данном уровне мир человеком воспринимается как хаотичный, пестрый поток ощущений (цветов, звуков, твердости и т.д.). [5, с. 46]

Второй уровень занимает рассудок (Verstand) — способность мыслить. В отличие от пассивного восприятия, он самостоятельно порождает понятия и подводит под них данные созерцания. Если чувственность дает нам явления, то рассудок мыслит посредством категорий – априорных понятий. Как отмечает сам Кант, «мышление есть познание через понятия», а все действия рассудка можно свести к суждениям. Категории рассудка (количества, качества, отношения и модальности) являются необходимыми условиями возможности опыта, конститутивными принципами природы как совокупности явлений. Задача рассудка внести порядок в этот хаос ощущений, превратить просто «явление» в осмысленный «предмет опыта». [4, с. 166-168]

Разум (Vernunft) представляет собой высшую ступень познавательной деятельности. В отличие от рассудка, который всегда имеет дело с обусловленным и единичным, разум направлен на безусловное и всеобщее. Его задача — довести синтетическое единство, достигнутое рассудком, до абсолютной полноты и целостности. Кант определяет разум как способность умозаключений, которая ищет всеобщее условие для любого обусловленного знания. [5, с. 58]

Таким образом Кант объясняет, как человек воссоздаёт целостную картину мира. Чувственность лишь воспринимает воздействия извне и складывает из них целостный образ. Рассудок «подводит» многообразное содержание явления под определенные правила – категории. Разум стремится связать все знания, создать единую теорию всего и придать этому смысл.

Если рассудок оперирует категориями, то продуктом деятельности чистого разума являются трансцендентальные идеи. Возникая из природы самого разума, идеи стремятся к абсолютной полноте знания. Их ключевая особенность заключается в двойственной природе: они необходимы для работы нашего познания, но при этом не могут быть подтверждены опытом. Кант

показывает, что разум по своей природе стремится найти безусловное для любого обусловленного знания. Это стремление заложено в нас априорно — мы не можем перестать задавать вопросы «почему?» и «зачем?», пытаясь дойти до конечных оснований. Из трех основных форм умозаключений Кант выводит три класса трансцендентальных идей.

Психологическая идея (идея души как безусловного единства всех психических состояний). Космологическая идея (идея мира как безусловной целокупности явлений). Теологическая идея (идея Бога как безусловного основания всех сущностей). [4, с. 362-364]

Ключевая особенность трансцендентальных идей заключается в том, что им не может соответствовать никакой предмет в опыте. Они указывают за пределы возможного опыта, стремясь к ноуменальной реальности (вещам самим по себе). Мы никогда не встретим в пространстве и времени «мир как целое», «душу» или «Бога». Это понятия о безусловном, а безусловное по определению находится за пределами возможного опыта. В «Критике чистого разума» подчеркивается, что идеи служат ориентирами для рассудка, направляя его поиск к наибольшему единству и систематичности. Это означает, что идеи не расширяют наше знание о мире, подобно категориям. Однако они выполняют важнейшую регулятивную функцию, направляя рассудок к всё более глубокому и систематическому единству знания. [5, с. 64] Идеи действуют как эвристический принцип, предписывая рассматривать мир «как если бы»:

1. Идея души заставляет нас рассматривать все явления внутреннего чувства так, как если бы они исходили из простой, тождественной субстанции. [4, с. 370-371]

2. Идея мира велит нам продолжать поиск причин и условий в бесконечность, никогда не останавливаясь на чем-то абсолютно первом. [4, с. 399]

3. Идея Бога побуждает нас изучать природу и связи в мире так, как если бы они были созданы неким высшим разумом для достижения целей.

Притязания разума на познание безусловного неизбежно ввергают его в неразрешимые противоречия – антиномии. Пытаясь помыслить мир как целое, разум впадает в конфликт с самим собой, выдвигая равнодоказуемые, но противоречащие друг другу утверждения (например, мир имеет начало во времени и пространстве и мир бесконечен). Возникновение антиномий, по Канту – свидетельство того, что разум вышел за пределы своей компетенции, применив свои идеи к области, лежащей за границами возможного опыта.

Кантовская критика разума имеет цель ограничить притязания спекулятивного (теоретического) разума на познание «вещей в себе». Каким образом?

Разберём два важнейших определения:

1. Трансцендентное – это то, что находится по ту сторону человеческого опыта, за его границами. [2]

2. Трансцендентальное (у Канта) – это не то, что находится за опытом, а то, что находится до опыта (априорно), но делает этот опыт возможным. [4, с. 358-359]

Традиционная метафизика строила теории о том, что находится за пределами опыта, не проверив предварительно, а может ли наш разум вообще туда проникнуть. С точки зрения Канта главная ошибка «трансцендентной метафизики» заключается в том, что наши понятия (Бог, душа, субстанция) автоматически относятся к реальным объектам. Она верила, что разум может познать вещи сами по себе, не задаваясь вопросом о границах самого разума.

Кант доказывал, что разум может получать достоверное знание только там, где он работает вместе с чувственностью (опытом). Как только разум пытается мыслить без опоры на созерцания (например, рассуждать о Боге или душе как о предметах), он перестает производить знание и начинает производить иллюзии. Познание возможно лишь в границах опыта, где явления синтезируются априорными формами чувственности и рассудка. То, что лежит за этими границами (ноуменальный мир), принципиально непознаваемо для теоретического разума.

Несмотря на ограничение познавательных способностей в сфере теории, Кант оставляет за разумом главную роль – роль основания морали. Знаменитое утверждение «мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» [3, с. 23] указывает на фундаментальное единство кантовской системы.

В сфере практического применения (в морали) разум обретает способность непосредственно определять волю, независимо от эмпирических условий. Понятие свободы, которое в теоретическом плане было лишь недоказуемой, но мыслимой идеей, в практическом плане получает свое объективное обоснование через факт нравственного закона. Кант говорит, что нравственный закон существует в каждом человеке априорно, то есть до всякого опыта. Это не то, чему нас научили родители или общество (хотя они могут это усилить). Это то, что мы знаем сами, как только начинаем мыслить. Это факт разума. Мы его просто непосредственно осознаём, когда сталкиваемся с моральным выбором. Кант формулирует высший, безусловный нравственный закон – категорический императив. Его основной принцип: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». [3, с. 29] Имеется в виду поступать так, чтобы каждый наш поступок (максима) мог стать всеобщим, универсальным правилом для всех людей. Но в чём здесь свобода?

В мире науки всё подчинено причинно-следственным связям. Любое событие можно объяснить предыдущими причинами. В этой картине мира свободе нет места – там всё предопределено. С такой точки зрения мы не можем доказать, что человек свободен, он лишь подчиняется законам природы. Но сам факт того, что мы слышим в себе нравственный закон и осуждаем себя, когда поступаем плохо (даже если никто не узнал), доказывает, что мы признаем себя существами, способными выбирать. Это и есть свобода.

Таким образом, человек как феномен принадлежит миру природы, подчиненному законам необходимости, но как ноумен – субъект, способный к свободному и разумному самоопределению. В этом дуализме раскрывается кантовское понимание человека.

Концепция разума в философии Иммануила Канта представляет собой сложное и многоуровневое учение. Кант впервые в истории философии провел строгое различие между рассудком как способностью давать правила и разумом как способностью давать принципы, стремящейся к безусловной целостности. В отличие от категорий рассудка, которые конституируют предметы опыта, трансцендентальные идеи выполняют регулятивную роль – они ориентируют научный поиск и синтезируют знания в целостную систему.

Главный итог кантовской критики разума – демонстрация его границ. Попытка теоретического разума выйти за пределы чувственного опыта ведет к заблуждениям. Однако именно в установлении этих границ заключается освобождение для разума практического. Кант поступает гениально просто: он освобождает мораль от необходимости научно доказывать свои основы. Человек, чье познание ограничено миром явлений, оказывается способным к моральному действию как проявлению свободы в мире необходимости. Тем самым Кант закладывает основы для понимания разума не только как инструмента познания, но и как ядра человеческой субъективности и свободы.

Список литературы:

1. Бурханов, Р. А. Трансцендентальная метафизика Иммануила Канта: замысел и итоги / Р. А. Бурханов, О. В. Никулина // Манускрипт. – 2018. – № 6(92). – С. 69-75.
2. Дмитриева, А. В. Трансцендентальная метафизика Иммануила Канта: замысел и итоги / А. В. Дмитриева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6-1. – С. 20-25.
3. Кант, И. Изречения /И. Кант / составители В. Н. Брюшинкин. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, – 2010. – 91 с.
4. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
5. Нечипоренко, А. В. «Критика чистого разума» Иммануила Канта: учебное пособие / А. В. Нечипоренко. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, – 2022. – 124 с.

Гонтаренко Анатолий Васильевич

курсант

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Научный руководитель: кандидат социологических наук, доцент Анжельская Ирина Вадимовна

Gontarenko Anatolii

Military Medical Academy

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация: Целью работы стали систематизация и сравнительный анализ изменений систем социальной поддержки ветеранов боевых действий во время трех военных компаний, проводимых Российской Федерацией в разные исторические периоды новейшей истории страны, с точки зрения механизмов их восстановления и успешности ресоциализации в мирной жизни. В статье использованы данные нормативно-правовой базы, государственных программ и опубликованных результатов научных исследований в срезе показателей социальной работы с ветеранами боевых действий, улучшения адаптации и качества их жизни в мирное время. В результате выявлен и проанализирован комплекс изменений от выборочной помощи к комплексной системе, ориентированной на индивидуальный подход к каждому военнослужащему. Современная модель характеризуется проработанной правовой базой и развитой инфраструктурой мер, обеспечивающих успешность ресоциализации на всех этапах ее реализации. Система социальной поддержки участников специальной военной операции демонстрирует принципиально новый подход к обеспечению их социальной адаптации, нацеленный на восстановление и сохранение уровня качества жизни в мирное время.

Ключевые слова: социальная адаптация, социальная поддержка, ветераны боевых действий, ресоциализация, социальная программа, качество жизни, социальная реабилитация.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT FOR COMBAT VETERANS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SOCIAL ADAPTATION PROGRAM

Summary: The aim of this study was to systematize and comparatively analyze changes in social support systems for combat veterans during three military campaigns conducted by the Russian Federation in different periods of the country's recent history, from the perspective of their recovery mechanisms and successful resocialization in civilian life. The article utilizes data from the regulatory framework, state programs, and published research findings, examining indicators of social work with combat veterans, improving their adaptation and quality of life in peacetime. As a result, a set of changes was identified and analyzed, moving from

selective assistance to a comprehensive system focused on an individual approach to each service member. The current model is characterized by a well-developed legal framework and a developed infrastructure of measures ensuring successful resocialization at all stages of its implementation. The social support system for participants in a special military operation demonstrates a fundamentally new approach to ensuring their social adaptation, aimed at restoring and maintaining their quality of life in peacetime.

Keywords: social adaptation, social support, combat veterans, resocialization, social program, quality of life, social rehabilitation.

Актуальность вопросов социальной адаптации ветеранов боевых действий обусловлена принципиальными изменениями в подходах поддержки данной категории военнослужащих. Для непосредственной реализации в рамках государственной социальной политики социальная адаптация «представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве» [1]. В свою очередь, нацеленность государственных мер на обеспечение эффективной работы по возвращению к мирной жизни участников военной операции требует, в свою очередь, качественного мониторинга и комплексного изучения с последующим анализом всех аспектов реинтеграции военнослужащих к прежней гражданской жизни и продолжения несения службы непосредственно вне боевых условий.[2]. В РФ на протяжении длительного периода времени проблемы адаптации ветеранов боевых действий разрешались после завершения военных кампаний, что находило свое отражение в соответствующих нормативных актах и постановлениях [3]. В рамках данного исследования были изучены периоды афганского и чеченских конфликтов, как хронологически близких событий, что позволило наглядно продемонстрировать и оценить изменения в этом вопросе. Подавляющее большинство исследователей состояния качества жизни участников и ветеранов ряда локальных войн советского и постсоветского периодов отмечали снижение по основным показателям, определяющим его, формирование после участия в боевых операциях устойчивого ощущения неблагополучия и социального дискомфорта [4, 30]. Исследовательский интерес работы обусловлен результатами пересмотра и переосмысления места и роли государственной и социальной поддержки для сохранения, поддержания и развития национальных интересов страны. В отличие от предыдущих периодов, современная система поддержки участников СВО характеризуется комплексным подходом, нацеленным не только на медицинскую реабилитацию, но и на полноценную ресоциализацию и повышение уровня качества жизни военнослужащих.

В данном исследовании понятие адаптации рассматривается как процесс восстановления ролевого функционирования военнослужащего в условиях мирного времени. Отправной точкой применения термина «адаптация» (от

позднелатинского *adaptatio* – прилаживание, приспособление) послужило его использование немецким физиологом Г. Аубертом во второй половине XIX века и означал «меняющееся со временем состояние приспособления организма к меняющимся условиям среды, который рассматривается и как сам процесс, и как характеристика последствий этого процесса» [5]. Позднее термин активно используется в социологической предметной области для определения сущности и содержания процессов социализации и интеграции индивида в обществе. В работах французского ученого Э. Дюркгейма можно обнаружить даже синонимичность понятий адаптации и социализации. Сегодня понятие «адаптация» распространяется на все сферы функционирования индивида и может реализовываться на всех уровнях его жизнедеятельности: от биологического до профессионального. Социальная же адаптация выступает как комплекс механизмов, направленных на усвоение новых социальных связей. Важно отметить, что социальная адаптация не исключает биологические формы адаптации, а скорее переосмысливает и корректирует их, интегрируя в себя как управляемый, так и поддающийся ее влиянию внутренний компонент. [6, 45].

Социальная адаптация в широком социологическом смысле определяется как целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс взаимодействия личности либо группы и социальной среды. В этом процессе у людей развивается способность осмысленно ориентироваться в условиях перемен, формируются и закрепляются соответствующие модели поведения, а также рационально используются доступные ресурсы для достижения баланса между самооценкой и возможностями, что в конечном итоге способствует максимальной реализации их потребностей и стремлений [7, 181].

С точки зрения целевого функционала социальная адаптация позволяет преодолевать состояние социальной недостаточности, представляющей собой ограничение жизнедеятельности и отражающей культурные, социальные, экономические и средовые последствия для индивида, которые опосредуются наличием нарушения жизнедеятельности [8], что объясняет возникновение необходимости его социальной и других видов защиты.

Конечным интегральным показателем успешности адаптации выступает качество жизни – междисциплинарное понятие, характеризующее эффективность всех сторон жизнедеятельности человека, уровень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей, уровень интеллектуального, культурного и физического развития, а также степень обеспечения безопасности жизни [9, 102]. Успешность процесса оценивается через достижение нормальной адаптации, которая с точки зрения нормологии рассматривается как устойчивая адаптивность личности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений ее структуры и одновременно без нарушения норм той социальной группы, в которой протекает активность личности.

В результате обработки материалов были выделены основные направления и характеристики социальных мер поддержки и работы с данным контингентом военнослужащих, что позволило сформировать основные группы критериев социальной адаптации и дезадаптации. Среди характеристик и критериев были выделены следующие группы, по которым был осуществлен сравнительный анализ. По характеристикам социальной адаптации – показатели трудовой занятости, профессиональной реализации, социальной активности и семейной адаптации. По характеристикам социальной дезадаптации – показатели и уровень проявления алкоголизации и/или наркотизации, криминализации, суицида и социальной изоляции. По характеристикам психологического состояния – посттравматическое стрессовое расстройство, агрессивное поведение, тревожность депрессия. По характеристикам качества жизни – жилищные условия, материальное положение, доступ к образованию, медицинское обслуживание. Проведенный сравнительный анализ позволил сделать вывод о сущностном и содержательном преобразовании системы социальной адаптации ветеранов боевых действий.

Стало очевидным принципиальное развитие полноты и форм участия государства в обеспечении мер поддержки и реабилитации военнослужащих в период специально военной операции, прошедшего путь от состояния атрибутивно-формального участия в решении данной категории проблем до систематизированной индивидуально-ориентированной помощи по широкому спектру проблемных социальных вопросов.

Разработка и внедрение профилактических и обеспечительных мер поддержки данной категории граждан показывает их ощутимую результативность. Следует отметить заметный положительный сдвиг в эффективности работы государственных и социальных программ и служб, которые в современных реалиях нацелены не на преодоление последствиями девиаций как результата неуспешной адаптации, а предупреждение возможных возникновений и проявлений отклонений в поведении реабилитирующихся. Это достигается через контроль состояния психического и физического здоровья военнослужащего, развитую инфраструктуру, открытые и доступные инструменты поддержки, как например фонд «Защитники Отечества» [10] и интеграцию медицинской, психологической, профессиональной и социальной помощи в единую систему. Положительный социальный отклик получила индивидуальная работа с каждым военнослужащим. Переход от общей системы поддержки к адресной с учётом потребностей каждого конкретного военнослужащего (индивидуальные программы реабилитации, трудоустройства, психологического сопровождения) доказывают действенность предпринимаемых мер и эффективность работы системы в целом.

Для дальнейшего совершенствования системы поддержки необходимо создать глобальную национальную «экосистему», объединив усилия государственных структур, негосударственных организаций, институтов общественного мнения. Ключевым моментом является усиление

положительного образа ветеранов в обществе и борьба со стигматизацией, что позволит им ощущать себя полноценными и активными участниками социума. Внедрение инноваций, таких как цифровые платформы для мониторинга и персонализированных услуг, значительно улучшит качество поддержки. Кроме того, важно обеспечить всестороннюю помощь не только самим ветеранам, но и их семьям, способствуя их успешной реинтеграции в мирную жизнь.

Таким образом, система поддержки участников специальной военной операции представляет собой качественно новую динамическую развивающуюся модель. Это отражает зрелое понимание того, что успешная адаптация измеряется полнотой восстановления функционирования военнослужащего в обществе и повышением уровня качества его жизни. Проведённый анализ показывает принципиальное изменение системы помощи ветеранам боевых действий в России. От фрагментарных мер в период афганского и чеченских военных конфликтов осуществлён переход к комплексной модели, целенаправленно решающей задачи ресоциализации и преодоления социальной недостаточности участников специальной военной операции. Актуальным направлением совершенствования и развития системы является мониторинг состояния оперативности правовых механизмов и преодоления их региональной дифференцированности с целью выравнивания правового поля и форм реализации помощи и реабилитационной работы.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 12.02.2026).
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.02.2026).
3. Приказ Минздрава РФ № 30, Постановление Минтруда РФ № 1 от 29.01.1997 «Об утверждении Классификаций и временных критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13745/ (дата обращения: 07.02.2026).
4. Волыкова, М.А., Кокорина, Н.П., Муравьева Г.М. и др. Качество жизни у участников локальных войн // Медицина в Кузбассе. – 2005. – № 4. – С. 28-31.
5. Российская педагогическая энциклопедия в двух томах: Т. 1 (А-Л) / под ред. В. Г. Панова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – URL: [c.https://niv.ru/doc/dictionary/pedagogical-encyclopedia/articles/11/adaptaciya.htm](https://niv.ru/doc/dictionary/pedagogical-encyclopedia/articles/11/adaptaciya.htm) (дата обращения: 12.01.2026).

- 6.Капица, С.И. Понятие социальной адаптации в социологии // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 45-52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoy-adaptatsii-v-sotsiologii/viewer> (дата обращения: 01.12.2025).
- 7.Смолева, Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 179-195. – URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/articles/1558439485_179195.pdf (дата обращения: 08.02.2026).
- 8.Кулагин, А.В., Анжельская, И.В., Райская, М.В. Организация системы реабилитации лиц с различными формами зависимости: социально-экономические и медицинские аспекты. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 156 с.
- 9.Фаттахов, В.В., Демченкова, Г.З., Якупов, М.С., Максумова, Н.В. Качество жизни ветеранов войны в Афганистане 20 лет спустя // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2009. – Т. 15. – № 1. – С. 100-104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-veteranov-voyny-v-afganistane-20-let-spustya/viewer> (дата обращения: 01.02.2026).
- 10.Материалы официального сайта Фонда «Защитники Отечества». – URL: <https://veteran-svo.ru> (дата обращения: 12.12.2025).

Гончаренко Алиса Владимировна

студент

Санкт-Петербургский медико-социальный институт

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Кацы Дмитрий Васильевич

Alica Goncharenko

St. Petersburg medical and social institute

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ НА КОГНИТИВНУЮ НАГРУЗКУ УЧАЩИХСЯ

Аннотация: В статье рассматривается динамика роста когнитивной нагрузки учащихся в условиях продолжающейся цифровизации образовательного пространства. Автор касается проблемы возникновения избыточной посторонней нагрузки, вызванной спецификой цифровой среды и стрессом на фоне многозадачности. Тезис статьи обосновывается тем, что современная институционализация цифровых устройств ведет к эрозии механизмов волевой регуляции студентов, делая самостоятельный контроль над вниманием практически невыполнимой задачей.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, цифровизация, мультисенсорное обучение, рабочая память.

THE IMPACT OF DIGITAL DEVICES ON STUDENTS' COGNITIVE LOAD

Summary: The article examines the dynamics of the growth of students' cognitive load in the context of the ongoing digitalization of the educational space. The author addresses the issue of excessive extraneous load caused by the specific nature of the digital environment and the stress associated with multitasking. The article's thesis is based on the assumption that the current institutionalization of digital devices is eroding students' mechanisms of volitional regulation, making it nearly impossible for them to maintain effective attention control.

Keywords: cognitive load, digitalization, multisensory learning, working memory.

Сегодня электронные устройства стали неотъемлемой частью учебного процесса, создав учащимся актуальную проблему когнитивной перегрузки. Данный факт подтверждается снижением их академической успеваемости, независимо от наличия высокотехнологичных инструментов.

Дело в том, что цифровые устройства создают эффект «расщепленного внимания» самим фактом наличия, поскольку мозг вынужден тратить ресурсы не на восприятие сути какой-либо задачи, а на управление интерфейсом или игнорирование отвлекающих факторов [1].

Теоретически, когнитивная нагрузка делится на три типа, это: внутренняя: сложность учебного материала; посторонняя: вызванная способом подачи информации; уместная: направленная на формирование схем памяти.

По данным авторского неформализованного интервьюирования среди студентов выяснилось, что многие выделяют для себя проблемы, связанные с постоянным использованием цифровых устройств во время учебных занятий:

1. Сенсорная перегрузка. Избыток визуальных стимулов (яркий свет экрана, мерцание) ведет к быстрой утомляемости зрительного анализатора и, как следствие, к снижению общего когнитивного ресурса [2].

2. Феномен «неглубокого чтения». При работе с цифровыми текстами учащиеся склонны к сканированию (скроллингу), а не к глубокому анализу, что препятствует переходу информации в долговременную память.

3. Многозадачность. Переключение между учебным приложением и мессенджерами создает «цену переключения», увеличивая время выполнения задач.

4. Снижение рабочей памяти: Постоянная доступность «внешней памяти» (Google, Яндекс, нейросети) снижает стимулы для запоминания фактов, что меняет структуру когнитивных процессов [3].

Автор по личному опыту знает, наличие цифрового устройства в рабочем пространстве выступает мощным фактором «фонового отвлечения». Даже в режиме ожидания устройство требует усилий на торможение импульса «проверить уведомления». Это подтверждает мнение о том, что цифровая среда провоцирует фрагментарность мышления: вместо глубокого погружения в тему, мозг переходит в режим «быстрого сканирования», что делает усвоение фундаментальных знаний поверхностным. Можно предположить, что отсутствие цифровых стимулов (полный переход на аналоговые носители – бумажные учебники, рукописные конспекты) позволило бы достичь качественно иного уровня концентрации. В «аналоговой» среде отсутствует эффект мультизадачности, что позволяет рабочей памяти полностью сфокусироваться на одной задаче. Субъективно это ощущается как состояние «потока», которое практически недостижимо в цифровой среде из-за постоянных прерываний (информационного шума).

Критически значимым фактором, определяющим изменения когнитивных навыков учащихся, является использование искусственного интеллекта (ИИ). Главным критерием негативного влияния ИИ на образовательный процесс является его повсеместная доступность и низкий порог вхождения. Наличие ИИ-инструментов в каждом персональном цифровом устройстве создает условия для постоянного использования алгоритмов даже при выполнении элементарных учебных задач. Данный феномен ведет к формированию устойчивого паттерна когнитивного избегания: учащийся, сталкиваясь с необходимостью самостоятельного анализа или формулирования определенного текста, выбирает путь наименьших энергетических затрат, отдавая задачу ИИ. Опираясь на исследования Э. Риско по когнитивной разгрузке, можно утверждать, что доступность ИИ в смартфонах провоцирует отказ от самостоятельных интеллектуальных усилий. [4]

«Бытовая» доступность ИИ становится катализатором для изменения когнитивных функций учащихся, таких как:

– Деградация навыков информационного поиска. Традиционный процесс обучения предполагает активный поиск информации, её фильтрацию и верификацию. Самостоятельный поиск формирует в мозге сложные ассоциативные связи. Передача этого процесса ИИ превращает учащегося из активного исследователя в пассивного потребителя готового «продукта», что ведет к атрофии навыков информационного поиска и снижению когнитивной гибкости.

– Кризис мышления. В процессе самостоятельного написания работы учащийся структурирует свои мысли, выстраивает логические цепочки и формулирует собственную позицию. Использование ИИ для генерации текстов лишает учащегося этой «интеллектуальной тренировки».

– Постоянная опора на ИИ снижает стимул к саморазвитию. Формируется зависимость, при которой без «цифрового посредника» учащийся испытывает затруднения в решении даже простых аналитических задач. Это негативно сказывается на автономии личности и способности к долгосрочному самообучению, так как мозг, следуя принципу минимизации усилий, перестает тратить ресурсы на развитие сложных нейронных связей.

Таким образом, бесконтрольное внедрение ИИ в образовательный процесс создает риск формирования «поверхностного интеллекта», лишённого глубины понимания и способности к критической переоценке информации.

По мнению автора, важным аспектом рассматриваемой проблемы является переход цифровых устройств из категории вспомогательных инструментов в категорию безальтернативной жизненной инфраструктуры. В современных условиях добровольный отказ учащегося от использования смартфона становится практически невозможным в силу полного слияния всех сфер жизнедеятельности в одном устройстве. Смартфон сегодня содержит в себе не только образовательные ресурсы, но и критически важные социальные и экономические функции: банковские операции, государственные услуги, средства экстренной связи и социальную адаптацию.

Если в предыдущие десятилетия образовательные учреждения придерживались политики жесткой регламентации или запрета мобильных устройств, то современная образовательная система движется в сторону их полной институционализации. Использование гаджетов в учебных аудиториях становится нормой, поощряемой самой системой (электронные журналы, онлайн-платформы, цифровые задания). Это лишает учащегося внешней дисциплинарной поддержки. Ситуация, при которой «инструмент развития» (учебник) и «инструмент деструктивного отвлечения» (социальные сети, игры) физически совмещены в одном объекте, создает огромную нагрузку на механизмы волевой регуляции учащегося. В условиях отсутствия внешнего контроля со стороны учебного заведения и неизбежности наличия устройства в руках, самоконтроль учащегося перестает быть эффективным. Таким образом,

мы сталкиваемся с системным противоречием: общество требует от студента высокой концентрации внимания, одновременно погружая его в среду, где отказ от главного источника отвлечения невозможен технически и социально.

Бесконтрольное внедрение цифровых технологий в обучение несет в себе фундаментальную угрозу для формирования полноценного интеллекта. Речь идет не о поиске баланса, а о необходимости осознания деструктивного характера текущей среды для учащихся. В сложившихся условиях критически важным становится поиск новых стратегий защиты, направленных на искусственное создание зон «цифрового вакуума» и восстановление навыков аналогового взаимодействия с информацией. Без признания разрушительного влияния цифровой безальтернативности на мозг учащегося, восстановление качества фундаментального образования представляется невозможным.

Список литературы:

1. Sweller, J. Cognitive Load Theory // Educational Psychologist. – 1988. – Т. 23, № 3. С. 257–285.
2. Mayer, R. E. Multimedia Learning / R. E. Mayer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 288 с.
3. Sparrow, B. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. Wegner // Science. – 2011. – Т. 333, № 6045. С. 776–778.
4. Risko, E. F. Cognitive Offloading / E. F. Risko, S. J. Gilbert // Trends in Cognitive Sciences. – 2016. – Т. 20, № 9. С. 676–688.

Горелик Ирина Юрьевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Gorelik Irina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТ КОРСЕТА К БРЮКАМ: КАК ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ИЗМЕНИЛА ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ

Аннотация: В статье рассматривается влияние Первой мировой войны на трансформацию женской моды. Этот военный конфликт положил конец эпохе корсетов и сложных нарядов. Он продиктовал новые стандарты практичности и аскетизма. Массовое вовлечение женщин в работу на заводах и в госпиталях потребовало удобной одежды, что привело к появлению укороченных юбок, свободных блуз и коротких стрижек. Символом эпохи стали сестры милосердия в простых платьях. Цвет хаки и вязаные вещи, ранее бывшие признаком бедности, вошли в повседневный обиход.

Ключевые слова: Первая мировая война, мода, одежда, женщины, Россия, практичность, корсет.

FROM THE CORSET TO THE TROUSERS: HOW THE FIRST WORLD WAR CHANGED WOMEN'S LIFESTYLES

Summary: The article examines the impact of World War I on the transformation of women's fashion. This military conflict marked the end of the era of corsets and elaborate attire. It introduced new standards of practicality and austerity. The widespread involvement of women in factory work and hospital settings necessitated comfortable clothing, leading to the adoption of shorter skirts, loose blouses, and short haircuts. The image of nurses in simple dresses became a symbol of the era. Khaki and knitted garments, previously associated with poverty, became part of everyday attire.

Keywords: World War I, fashion, clothing, women, Russia, practicality, corset.

Мода всегда отражает происходящие вокруг события. Первая мировая война положила конец целой эпохе, которая связывала мир с идеями романтизма и заставляла женщин следовать строгим правилам и нормам морали, нравственности, этикета и принципам в одежде XIX века, который был связан с неудобными платьями, сложными прическами и архаичными манерами. Первая мировая война стала одним из наиболее страшных событий из всех. Война началась, и первое время многим казалось, что она закончится к Рождеству. Однако затяжной характер конфликта быстро изменил настроения в обществе. В Российской империи, как и в других воюющих державах, патриотизм стал главным трендом, который диктовал моду. Женские журналы

заговорили: «Общий тон мод остается очень серьезный и скромный, как и подобает духу времени» [1].

Первая мировая война поставила точку на праздной жизни и излишних убранствах в образе. Во-первых, огромное количество людей были вовлечены в войну, в следствие чего появилась потребность в рабочей силе и с этого момента женщины получили возможность работать. Мужчин в пространстве экономики все меньше, они были вовлечены в войну, и женщины заняли мужские позиции в производстве и в управлении.

В российском обществе возник феномен «изящной простоты». В обиход вошли сдержанные, «природные» цвета - бежевый, нежно-яблочный, голубовато-серый. А самым модным оттенком стал хаки - цвет солдатской формы, объединивший тыл и фронт.

Пока мужчины воевали, место у станков и в госпиталях заняли женщины. Работа на заводе или уход за ранеными требовали куда менее праздной и более практичной и комфортной одежды. Удобство коротких стрижек первыми оценили именно сёстры милосердия в госпиталях: волосы мешали при уходе за больными, а после войны многие женщины уже не захотели тратить их снова [2]. В России сёстры милосердия стали настоящим символом эпохи. Образы женщин в белых косынках и простых, удобных платьях или блузах с длинными рукавами заполнили страницы журналов «Женщина», «Дамский мир» и «Женское дело».

Ярким примером стала великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Во время войны она не просто покровительствовала госпиталям, но и организовывала совершенно новые для России производства. Понимая масштаб трагедии, в 1915 году под покровительством великой княгини была открыта мастерская по сборке протезов, а в 1916 году - началось строительство первого в России протезного завода. Для женщины из императорской семьи это был не просто шаг в сторону практичности, а колоссальное изменение самого образа - от небесной покровительницы к реальной труженице и организатору.

В 1909 году в Лондоне Гарри Селфридж разрабатывает новую униформу для женщин сотрудниц, это были укороченные юбки, брюки и блузы без корсетов. В 1916-1917 гг. одежда будет испытывать видимые изменения: длина юбки укорачивается, все ближе продвигаясь к колену, блузы становятся свободнее, корсет и сложные формы одежды уходят в небытие. Корсеты, широко использовавшиеся с XVI века, пали с Первой мировой войной. Это было не только освобождение в плане одежды. Сама конструкция корсета шилась из китового уса, который можно сравнить с пластиком, который невозможно было сломать. Эти пластины вшивались в ткань и формировали талию. Освобождение от данной конструкции происходило очень непросто. Еще в 1905 году Поль Пуаре предложил отойти от их ношения, но окончательно этого удалось добиться только к 1914 году.

Первая мировая война - явление настолько масштабное, что не могло не отразиться на моде. Женщины впервые за всю историю взяли на себя роли, которые раньше были исключительно мужскими. Именно в России этот новый,

аскетичный образ оказался теснее всего связан с идеей служения и жертвенности. Белая косынка сестры милосердия, простая блуза с рукавом реглан или скромное шерстяное платье цвета хаки стали не просто элементами гардероба, а униформой эпохи великого испытания. И когда в послереволюционной России 1920-х годов женщины окончательно облачились в прямые платья «гарсон» и кожанки, это было уже не просто дань моде, а логическое завершение того пути, который начался в военных госпиталях и на заводах империи.

Первая мировая война дарит такого дизайнера как Габриель Шанель, которая стала новым представителем образа женщины. То самое известное маленькое чёрное платье было создано из-за того, что в то время нельзя было появляться на дневном и вечернем мероприятии в одном и том же платье. Несмотря на то, что оно относится к кутюрной моде, оно шилось достаточного простого образца, которое не требовало идеальной подгонки по фигуре, и в нем уже можно было появляться на дневных и вечерних мероприятиях, поменяв только аксессуары. Это стало важным упрощением в образе, которое будет уместно при любых обстоятельствах.

Трикотаж - важное новшество, которое появилось во времена Первой мировой войны. Вязаные вещи стали вторым новшеством. До войны вязаные вещи были символом бедности, ведь вязали только нищие для себя и семьи. Однако все меняется, так как на фронте появляются окопы, и многие месяцы солдаты не ведут активных действий, они не перемещаются, лишь сидят в холодных и мокрых окопах, и солдаты начинают гибнуть не от ран на поле сражений, а от обморожений, переохлаждений и болезней, связанных с этим. Поэтому женщины благотворительницы в артелях начинают вязать носки для фронта [3].

Вязание стало делом не только полезным, но и успокоительным, ведь когда война близко и взрывы звучали за углом, тревожность возрастала, и успокоиться женщинам помогали монотонные действия: вязание и рукоделие. Сначала женщины вязали для фронта, но со временем начали делать это для себя, самодельные свитера и шарфы вошли в моду и уже в 1920-е годы и вязаные вещи стали частью модного обихода.

Третьим важным нововведением стало освобождение тела и новые силуэты. Мариано Фортунни предложил платье «дэльфас», которое облегало фигуру драпировками шёлковой ткани. Поль Пуаре создает платья «мешки» и «абажюры», восточные халаты, роскошные и неимоверно декоративные. Это была прекрасная эпоха, эра Русских сезонов и балета Шехерезада - эра последней восточной роскоши, но она закончилась в годы Первой мировой войны. Однако силуэт продолжил освобождаться в духе времени.

Еще одна вещь, которая появилась в гардеробе в годы Первой мировой войны - это тренкот (траншейное пальто). Тренчи производились из габардина - непромокаемой шерстяной ткани, которая имела особую структуру саржевого плетения высокой плотности, которая была ветро- и влагонепроницаемой [4]. Первая мировая война закончилась, солдаты вернулись с войны, сняли знаки

отличия и носили эти плащи как ежедневную одежду. В 1920-е годы такие тренчи надевали в городском быту мужчины, как символ силы и достоинства. В 1930-е годы, мужские тренчи начали примерять на себя женщины. Окончательно тренч вошел в повседневный женский гардероб в годы второй мировой.

Мода напрямую зависит от исторических событий. Мода рождается не на страницах модных журналов и не в мастерских, она появляется и формируется в рамках политики, общественных изменений. Нередко такие страшные события, как войны, эпидемии и катастрофы принципиально меняют облик моды. В контексте Российской империи трансформация женского силуэта в годы Первой мировой войны приобретает особенно драматичные и контрастные очертания. Если для Европы отказ от корсета стал эволюционным шагом к практичности и эмансипации, то для России этот процесс наложился на слом привычного образа жизни.

Первая мировая война застала российское общество на пике увлечения изысканной модой, но уже к 1915-1916 гг. женский облик в империи раскололся на две противоположности. С одной стороны - дамы в «изящной простоте» патриотических туалетов, с другой - тысячи сестер милосердия, курсисток и работниц, чья одежда окончательно отказалась от идеала праздности.

Уникальность российского опыта заключается в том, что здесь практичный военный силуэт стал символом неизбежных социальных потрясений. Российская женщина в эти годы не только заменила мужчину у станка, но и взяла на себя колоссальную ношу милосердия. Мода меняется, ибо происходящие события существенно меняют привычки, образ мысли и восприятие нас самих.

Список литературы:

1. После вступления России в Первую мировую войну русские дамы патриотично изменили свой внешний вид [Электронный ресурс]: <https://rodina-history.ru/2024/08/01/v-pervuiu-mirovuiu-voynu-russkie-damy-patriotichno-izmenili-svoj-vneshnij-vid.html> (дата обращения: 20.02.2026)
2. 1910-е годы - Архивы Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]: <https://spbarchives.ru/moda2023-6> (дата обращения: 19.02.2026)
3. Трикотаж в начале XX века [Электронный ресурс]: https://atelier-magazine.ru/history_text_4 (дата обращения: 20.02.2026)
4. Эволюция тренкота: от классики до современности [Электронный ресурс]: <https://britishroom.ru/blog/evolyutsiya-trenchkota.html?ysclid=mlzxngcldl11725502> (дата обращения: 21.02.2026)

Гребнева Полина Игоревна

3 ГД-25

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Grebneva Polina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ ПЕРЕКЛАДКИ В АНИМАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается эволюция техники перекладки в анимации как уникального художественного метода, балансирующего между плоскостностью и иллюзией глубины. Анализируются технологические и эстетические особенности перекладки на примере трех знаковых произведений, представляющих различные культурные традиции. Исследуется вклад советской школы анимации в лице Юрия Норштейна, превратившего техническое ограничение в инструмент философской глубины. Отдельное внимание уделяется западному опыту использования перекладки — от сатирического гротеска Терри Гиллиама до цифровой стилизации социально-острого сериала «Южный Парк». В работе делается вывод о том, что развитие техники представляет собой не линейный прогресс, а постоянное расширение выразительных границ, где материальность бумаги уступает место новым технологиям, сохраняя при этом свою «живую» эстетику.

Ключевые слова: перекладная анимация, техника перекладки, Юрий Норштейн, Терри Гиллиам, «Южный Парк», многоярусный станок, коллажная анимация.

DEVELOPMENT OF TRANSLATION TECHNIQUES IN ANIMATION

Summary: The article examines the evolution of the technique of reclining in animation as a unique artistic method that balances between flatness and the illusion of depth. It analyzes the technological and aesthetic features of reclining using the example of three iconic works that represent different cultural traditions. The article explores the contribution of the Soviet animation school, represented by Yuri Norstein, who transformed a technical limitation into a tool for philosophical depth. Special attention is given to the Western experience of using reclining, from Terry Gilliam's satirical grotesque to the digital stylization of the socially conscious series "South Park." The paper concludes that the development of technology is not a linear progression, but rather a constant expansion of expressive boundaries, where the materiality of paper gives way to new technologies while maintaining its "living" aesthetic.

Keywords: transfer animation, transfer technique, Yuri Norstein, Terry Gilliam, South Park, multi-tiered machine, collage animation.

Анимацией называют искусство создания иллюзии движения объектов. Официальным днём рождения рисованной анимации принято считать 30 августа 1877 года, когда Эмиль Рейно, французский изобретатель, представил миру своё устройство под названием "праксиноскоп", позволяющее создавать плавное движение нарисованных кадров. Однако первыми попытками запечатлеть и передать движение объекта можно считать ещё наскальные рисунки первобытных людей. Различные технические анимационные приёмы используются в мультипликации и кино для создания визуальных эффектов и улучшения видеоряда. Помимо покадровой рисованной анимации, 3D анимации, риггинга и костной анимации, существует также приём "перекладки", который можно считать одним из самых первых способов создания мультипликации. В этой работе рассмотрим, как появилась эта техника и её развитие в России на примерах культовых произведений.

Перекладной способ анимации является одним из древнейших. Он предполагает технику покадровой съёмки фигур, будь то картонные плашки или объёмные слепки. Художник двигает части объекта и фиксирует результат с помощью фотосъёмки. В конечном итоге после всех манипуляций, готовые кадры последовательно воспроизводятся. За счёт их переключения достигается движение персонажей, локации, объектов или фигур. Более плавное движение достигается кропотливым путём, когда художник объект меняет положение объекта всего на миллиметр и меньше. Количество кадров в секунду увеличивается и видеоряд становится наиболее сглаженным.

Для осуществления техники перекладки художники создают специальные "марионетки". Они изготавливают фигурку персонажа, а затем делят её на отдельные части. Чаще всего они проходят по суставным сгибам тела, чтобы конечности персонажа двигались в соответствии с анатомией. Каждая конечность является отдельным объектом, который художники перекладывают последовательно и фиксируют результат на специальном мультстанке. В это устройство входит несколько стекол и верхний крепеж для камеры, направленный на стол, где располагаются объекты. Персонажи могут быть выполнены как в 2д, так и в 3д виде. 2д перекладка чаще представляет собой бумажные плоские объекты, нарисованные вручную. Знаменитая пластилиновая анимация, работающая с 3д объектами, также является продолжателем техники перекладки. Однако в работе с пластилином часто важно скульпторское мастерство, так как пластичность играет там основную роль.

Если и искать точку отсчёта, где перекладка из технического трюка превратилась в высокое искусство, то ею, без сомнения, станет творчество Юрия Норштейна. Его «Ёжик в тумане» (1975) — это не просто мультфильм, а философская притча, чья визуальная глубина достигнута благодаря уникальному многоярусному станку, изобретённому самим режиссёром. В отличие от классической перекладки, где фигурки лежат на одном стекле, Норштейн разнёс фоны и персонажей по разным уровням. Это позволило ему создать ту самую воздушную среду, в которой предметы не просто двигаются, а

дышат, теряются в тумане и неожиданно проявляются вновь. Бумага здесь перестаёт быть просто бумагой: покадровое перемещение Ёжика, его осторожные шаги и замирания, заставляют зрителя забыть о материале, погружая в поток сознания главного героя. Советская школа в лице Норштейна доказала, что перекладка способна передавать тончайшие нюансы эмоций, превращая ограниченность плоской марионетки в её главное художественное достоинство.

Кардинально иной путь развития техники демонстрирует западная анимация, где перекладка часто становилась голосом протеста или оружием сатиры. Самым ярким примером здесь служит эстетика «Монти Пайтона» (1969), а точнее — вставки, созданные Терри Гиллиамом. Его стиль, который сам режиссёр называл «коллажной анимацией», был нарочито грубым и эклектичным. Гиллиам не стремился скрыть фактуру вырезанных ножницами персонажей или создать иллюзию трёхмерного мира. Напротив, он выпячивал плоскостность, сталкивая фотографии викторианской эпохи, вырезки из гравюр и неожиданные рисованные элементы. Эта техника идеально подходила для абсурдного юмора «Летающего цирка»: ноги могли оторваться от туловища, замки парить в небе, а исторические личности попадать в сюрреалистические ситуации. В отличие от медитативной плавности Норштейна, анимация Гиллиама — это взрывной, дерзкий коллаж, где сама техника перекладки становится инструментом деконструкции реальности и насмешки над культурными штампами.

Следующий важный этап в развитии жанра пришёлся уже на эпоху цифровых технологий, когда физическая бумага уступила место пикселям, но визуальная философия перекладки осталась. Американский сериал «Южный Парк» (1997), созданный Треем Паркером и Мэттом Стоуном, начинался как любительская пародия с использованием традиционных бумажных вырезок. Позже создатели перешли на компьютерную анимацию, симулирующую ту же технику, но это лишь усилило эффект. Умышленно примитивный стиль, где движения персонажей остаются угловатыми, а мимика — минималистичной, стал идеальным проводником для эпатажного и социально острого юмора. «Южный Парк» совершил революцию в другом: он доказал, что цифровая перекладка может быть такой же оперативной, как газетная карикатура, реагируя на события в мире за считанные дни. Если советская школа учила нас созерцать время, а британский абсурд — смеяться над абсурдностью мира, то американский подход превратил перекладку в инструмент мгновенного репортажа, сохранив при этом её «бумажную» ДНК.

В контексте эволюции перекладки стоит упомянуть и анимацию в мультфильме «Коралина в Стране Кошмаров», знаменующую собой революционный переход от чисто механической замены фрагментов к цифровому производству выразительных элементов лица. Студия Laika Entertainment во главе с режиссёром Генри Селиком совершила технологический прорыв, впервые в истории применив для кукольного фильма цветную 3D-печать: для персонажей было напечатано более 15 тысяч

различных выражений лиц, что дало аниматорам около 205 тысяч потенциальных комбинаций мимики только для одной Коралины. Эта техника, известная как «замена лиц», стала логическим продолжением классической перекладки, но с использованием высоких технологий для достижения небывалой плавности и точности липсинка. Примечательно, что создатели намеренно сохранили традиционную технику покадровой съёмки физических кукол и декораций, используя компьютерную графику лишь для вспомогательных задач — удаления швов с напечатанных лиц и следов поддержек. Таким образом, «Коралина» стала первым полнометражным кукольным фильмом, изначально снятым в 3D, где инновационная цифровая перекладка органично соединилась с тактильной фактурой ручной работы, открыв новый этап в развитии кукольной анимации.

Таким образом, эволюция перекладной анимации — это не линейный прогресс от простого к сложному, а скорее постоянное расширение её выразительных границ. От почти ювелирной работы Норштейна с многослойным пространством, через коллажный хаос Гиллиама, до стилизованной «цифровой бумаги» Паркера и Стоуна, а также цифрового подхода специалистов Laika Entertainment — каждый из этих художников открывал в технике что-то своё. Они доказали, что ограничения плоского материала — это не приговор, а вызов, заставляющий искать новые, порой парадоксальные способы говорить со зрителем о вечных или, напротив, злободневных вещах. И сегодня, когда трёхмерная графика достигла фотореализма, наивная, но живая эстетика перекладки продолжает притягивать как независимых экспериментаторов, так и массовую аудиторию, напоминая о том, что магия кино начинается с простого движения вырезанного силуэта по стеклу.

Список литературы:

1. Ван Цуйпин, Во Е. О ГУМАНИСТИЧЕСКОМ ДУХЕ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ РОССИЙСКИХ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЮРИЯ НОРШТЕЙНА) // Культура и искусство. 2022. №7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-gumanisticheskom-duhe-i-poeticheskoy-estetike-rossiyskih-animatsionnyh-filmov-na-primere-tvorchestva-yuriya-norshteyna> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Икматиллаева Лобархон Кимсенбаевна ПЛАСТИЛИНОВАЯ ТЕХНИКА В СОВРЕМЕННОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ // Наука, образование и культура. 2021. №2 (57). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plastilinovaya-tehnika-v-sovremennoy-multiplikatsii> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Любович М. "ЕЖИК В ТУМАНЕ" (1975), РЕЖ. Ю. НОРШТЕЙН // Кинематограф для подростков и молодежи: история формирования в советский и постсоветский периоды. 2024. №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhik-v-tumane-1975-rezh-yu-norshteyn> (дата обращения: 24.02.2026).

4. Норштейн Ю.Б. Снег на траве. Фрагменты книги. Лекции по искусству анимации. - М.: ВГИК, журнал «Искусство кино», 2005. - 254 с.
5. Профессия - аниматор / Федор Хитрук. (В. 2 тт., т. 2.) - М.: Гаятри, 2007. - 304 с.

Грибинюк Максим Дмитриевич

1 МД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук; доцент Минин Александр Сергеевич

Gribinyuk Maksim

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА В 1945 ГОДУ: ВОЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ

Аннотация: Штурм Кенигсберга в апреле 1945 года стал одной из ключевых операций Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Операция продемонстрировала высокий уровень советского военного планирования, взаимодействия родов войск и массовый героизм солдат. В современном историческом дискурсе данное событие остаётся важным элементом памяти о войне, однако его интерпретации могут различаться в зависимости от политического и культурного контекста. Изучение этого сражения позволяет не только понять особенности завершающего этапа войны, но и проследить, как формируется историческая память в разных национальных традициях.

Ключевые слова: Кенигсберг, 1945, Восточно-Прусская операция, Красная Армия, героизм, историческая память, фортификация, маршал Василевский, городской бой.

THE STORMING OF KONIGSBERG IN 1945: MILITARY HISTORICAL SIGNIFICANCE AND MODERN MEMORY

Summary: The storming of Konigsberg in April 1945 was one of the key operations of the Red Army at the final stage of the Great Patriotic War. The operation demonstrated a high level of Soviet military planning, interaction of military branches, and the mass heroism of soldiers. In modern historical discourse, this event remains an important element of war memory, but its interpretations may vary depending on political and cultural context. Studying this battle allows us not only to understand the specifics of the final stage of the war, but also to trace how historical memory is formed and transformed in different national traditions.

Keywords: Konigsberg, 1945, East Prussian operation, Red Army, heroism, historical memory, fortification, Marshal Vasilevsky, urban combat.

В истории Великой Отечественной войны штурм Кенигсберга занимает особое место как образец блестяще спланированной и стремительно проведённой наступательной операции в условиях мощнейшей городской обороны. С 6 по 9 апреля 1945 года войска 3-го Белорусского фронта под командованием маршала Александра Михайловича Василевского сломили сопротивление гарнизона, который оборонял столицу Восточной Пруссии,

считавшуюся одним из самых неприступных укрепрайонов Третьего рейха. Успех этой операции предопределил окончательное очищение советской территории от врага и создал благоприятные условия для завершающего удара по Берлину.

Военно-стратегическое значение Кенигсберга было огромным. Город-крепость прикрывал подступы к центральным районам Германии и являлся важным портом на Балтийском море. Гитлеровское командование вложило колоссальные ресурсы в создание здесь глубоко эшелонированной обороны. Три кольца фортов, многочисленные доты, противотанковые рвы, баррикады, каменные здания, превращённые в огневые точки, - всё это делало Кенигсберг «стальным бастионом», как его называла немецкая пропаганда. Гарнизон насчитывал около 130 тысяч человек, имел значительные запасы вооружения и боеприпасов. Комендант крепости генерал Отто Ляш отдал приказ держаться до последнего.

Советское командование, учитывая горький опыт уличных боёв в Сталинграде и других городах, подошло к подготовке штурма с исключительной тщательностью. Операция готовилась почти два месяца. Было проведено детальнейшее изучение вражеской обороны с помощью аэрофотосъёмки и разведки боем. Для каждого укрепления создавались подробные схемы и планы действий штурмовых групп. Особую роль сыграла артиллерия: для разрушения фортов и долговременных огневых точек была сосредоточена артиллерия особой мощности, включая 203-мм гаубицы и 280-мм мортиры. Общее количество орудий и миномётов на участке прорыва превышало 5 000 стволов. Не менее важной была роль авиации. Несмотря на сложные метеоусловия, лётчики 1-й и 3-й воздушных армий совершили тысячи вылетов, обрушивая на врага бомбовый груз.

Тактика штурма была отработана до мелочей. Основной ударной силой стали штурмовые отряды и группы, сформированные из стрелков, сапёров, огнеметчиков и танкистов. Каждая группа имела чёткую задачу: блокировать и уничтожать опорные пункты. Сапёры под прикрытием дымовых завес и огня подрывали стены фортов, огнеметчики выжигали врага из подвалов и казематов, пехота зачищала кварталы. Такое взаимодействие родов войск позволило расчленить немецкую оборону на изолированные очаги и методично их ликвидировать.

Уже к исходу первого дня штурма советские войска вклинились в оборону противника на нескольких участках. К 8 апреля город был рассечён надвое, а гарнизон окружён. Понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления и стремясь избежать бессмысленных жертв среди мирного населения, остававшегося в городе, советское командование предъявило ультиматум о капитуляции. 9 апреля генерал Ляш, нарушив приказ фюрера, принял условия капитуляции. В плен сдались более 90 тысяч немецких солдат и офицеров. Потери Красной Армии в этой операции, по современным данным, составили около 3 700 человек убитыми – цифра, относительно невысокая для

столь масштабного штурма, что говорит о высоком уровне подготовки и мастерства советских военачальников и солдат.

В современной России штурм Кенигсберга оценивается как триумф военного искусства и символ массового героизма. В учебниках и научных работах подчёркивается не только тактическое мастерство, но и гуманизм советских солдат. Несмотря на ожесточённость боёв, командование принимало меры по эвакуации и снабжению гражданского немецкого населения, о чём свидетельствуют архивные документы и воспоминания участников событий. Подвиг героев штурма увековечен в мемориалах Калининграда, самым известным из которых является памятник 1200 гвардейцам.

Однако в западноевропейской, и особенно в современной немецкой историографии, акценты зачастую расставлены иначе. Основное внимание уделяется трагедии немецкого гражданского населения, разрушению исторического центра города, а в последние десятилетия - и теме послевоенной депортации немцев из Восточной Пруссии. Сама операция иногда подаётся не как закономерный этап разгрома нацизма, а как акция устрашения или возмездия. Подобные трактовки, как правило, игнорируют контекст - преступления вермахта на советской земле, многомиллионные жертвы СССР и ту моральную ответственность, которую нёс Третий рейх за развязанную войну. В польской публицистике также можно встретить сложные нарративы, где штурм Кенигсберга рассматривается через призму послевоенного изменения границ и судьбы региона.

Эти различия наглядно демонстрируют, что историческая память - это не застывший монолит, а динамичный процесс, на который влияют современная политика, национальное самосознание и задачи воспитания новых поколений. Фальсификация истории часто начинается не с прямого отрицания фактов, а с искусственного смещения акцентов, вырывания событий из общего контекста и создания эмоционально заряженных, но упрощённых образов.

Поэтому так важно академическое изучение таких событий, как штурм Кенигсберга. В университетском курсе необходимо сочетать несколько подходов. Во-первых, строго военно-исторический анализ: изучение планов операции, тактики, роли командования. Во-вторых, социально-исторический ракурс: судьбы солдат с обеих сторон, положение мирных жителей, и, в-третьих, историко-мемориальный: как это событие увековечено в России, Германии, Польше сегодня, какие музеи и памятники созданы.

Память о штурме Кенигсберга, сохраняемая сегодня в Калининградской области - самом западном регионе России, - служит мостом между прошлым и настоящим. Мемориальные комплексы, дни воинской славы, работа поисковых отрядов, научные конференции с участием российских и зарубежных историков способствуют сохранению правды о войне и диалогу между народами.

Подводя итоги штурма Кенигсберга стоит отметить, что это не только страница славной военной летописи. Это напоминание о цене победы, о страданиях, которые несёт любая война, и о том, что долг историков и общества - помнить эту цену, отдавая дань уважения подвигу солдат-

освободителей и осознавая всю трагичность исторического момента. Только такая сложная, лишённая однобокости память может стать основой для взаимопонимания и предотвращения новых конфликтов в будущем.

Список литературы:

1. Миловский В.А. Восточно-Прусская операция 1945 года. - М.: 2021. - 224 с.
2. Тактика штурмовых групп в городском бою. – URL.: <https://bbmsu.livejournal.com/86880.html> (дата обращения - 18.12.2025)
3. Штурм Кёнигсберга. – Калининград: Изд-во "Калининградское книжное издательство», 1985. - 440 с.

Гринев Никита Романович

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Grinev Nikita

Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НЕМЕЦКИЙ АВАНГАРД И РУССКИЙ КОСТЮМ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ПОДИУМЕ

Аннотация: в статье рассматривается, как идеи немецкого авангарда соединяются с традиционным русским костюмом в современной моде. Показано, что эти два направления, несмотря на различия, могут дополнять друг друга и создавать новые выразительные образы. Немецкий авангард привносит в моду геометрию, простоту и эксперимент, а русский костюм — символику, яркость и связь с культурным наследием. В тексте объясняется, как дизайнеры используют элементы обеих традиций, чтобы по-новому говорить о национальной идентичности и культурном диалоге.

Ключевые слова: немецкий авангард, русский народный костюм, мода, культурный диалог.

GERMAN AVANT-GARDE AND RUSSIAN COSTUME: A DIALOGUE OF CULTURES ON THE PODIUM

Summary: The article explores how German avant-garde ideas interact with traditional Russian costume in modern fashion. It explains that, although these two styles seem very different, they can work together and create new, expressive runway looks. German avant-garde brings geometry, simplicity, and experimentation, while Russian costume adds symbolism, bright colors, and cultural meaning. The article shows how designers combine these elements to rethink national identity and create a cultural dialogue through clothing.

Keywords: German avant-garde, Russian traditional costume, fashion, cultural dialogue.

Тема взаимодействия немецкого авангарда и русского традиционного костюма в моде представляет собой интересный пример того, как культурные пласты разных эпох и регионов могут вступать в диалог, создавая новые художественные формы. На первый взгляд эти два направления кажутся противоположными: немецкий авангард ассоциируется с рациональностью, строгими формами и стремлением к функциональности, тогда как русский костюм связан с декоративностью, насыщенной символикой и глубокими этнографическими корнями. Однако именно контрастность этих эстетик делает их сочетание особенно выразительным и актуальным для современной моды, которая постоянно ищет новые способы переосмысления традиций.

Немецкий авангард начала XX века возник как реакция на кризис прежних художественных систем. Художники и дизайнеры стремились разрушить привычные каноны и создать новый язык формы, основанный на геометрии, функциональности и отказе от избыточного декора. Баухаус стал ключевым центром этого движения, объединяя архитектуру, дизайн, ремёсла и искусство в единую систему. В одежде это проявлялось в стремлении к простоте, рациональности и конструктивности. Одежда рассматривалась не как украшение, а как объект, подчинённый логике формы и функции. Такой подход оказал огромное влияние на развитие моды в XX веке, заложив основы минимализма и концептуального дизайна. Важно отметить, что немецкий авангард стремился не только изменить внешний вид одежды, но и переосмыслить её социальную роль, предлагая новые модели поведения и восприятия. Эти идеи ярко проявлялись в работах дизайнеров, связанных с Баухаусом. Например, Мария Брандт и Лили Райх экспериментировали с геометрией и конструктивностью в одежде, превращая костюм в функциональный объект. В более поздней моде подобный подход продолжили дизайнеры вроде Хуссейна Чалаяна, который использует авангардные принципы для создания трансформируемых, архитектурных силуэтов.

Русский народный костюм, напротив, формировался на протяжении веков как часть традиционной культуры. Он отражал мировоззрение, социальную структуру и эстетические представления народа. Вышивка, орнаменты, яркие цвета и сложные формы были не просто декоративными элементами, но носителями символического смысла. Каждый регион имел свои особенности кроя и орнамента, а каждый узор мог выполнять функцию оберега или обозначать принадлежность к определённой общине. Русский костюм — это визуальный язык, в котором зашифрованы культурные коды, и именно поэтому он представляет собой богатый источник вдохновения для современных дизайнеров. Обращение к традиции позволяет им создавать образы, наполненные смыслом, и одновременно говорить о национальной идентичности в глобальном контексте. Современные дизайнеры неоднократно обращались к этому наследию. Вячеслав Зайцев и Валентин Юдашкин активно использовали традиционные орнаменты и формы, превращая русский костюм в элемент высокой моды. В XXI веке эту линию продолжили Ульяна Сергеенко и Алена Ахмадулина, создавая коллекции, в которых фольклорные мотивы становятся частью глобального модного дискурса.

Ещё один важный аспект, который стоит учитывать при анализе взаимодействия немецкого авангарда и русского костюма, — это влияние социальных изменений на моду. В начале XX века и Германия, и Россия переживали серьёзные политические и культурные трансформации, которые отражались в одежде. В Германии художники стремились создать новый тип человека, свободного от старых норм, и это выражалось в поиске новых форм и материалов. В России, наоборот, происходил процесс осмысления народной культуры как основы национальной идентичности. Поэтому обращение к традиционному костюму было не просто эстетическим выбором, а попыткой

сохранить связь с корнями в условиях стремительных перемен. Когда современные дизайнеры соединяют эти два направления, они фактически продолжают этот исторический диалог, показывая, что мода может быть способом осмысления прошлого и настоящего одновременно. В современной моде этот диалог продолжают дизайнеры, которые соединяют авангардные конструктивные принципы с этническими кодами. Например, Гоша Рубчинский использует постсоветские и фольклорные элементы в сочетании с минималистичными, почти конструктивистскими формами. Бренд «Viva Vox» экспериментирует с объёмами и декоративностью, создавая силуэты, в которых угадываются и авангардные, и традиционные черты.

Кроме того, важно отметить, что сочетание немецкого авангарда и русского костюма часто связано с интересом дизайнеров к теме тела и его восприятия. Авангардные идеи стремились освободить тело от жёстких рамок традиционной одежды, предлагая более функциональные и свободные силуэты. Русский костюм, наоборот, часто подчёркивал определённые части тела через объёмные формы, многослойность или декоративные элементы. Когда эти подходы соединяются, возникает интересный эффект: тело одновременно скрывается и подчёркивается, что создаёт новые визуальные акценты. Такой подход позволяет дизайнерам экспериментировать с пропорциями, объёмами и движением ткани, что делает образы более выразительными и концептуальными. Это также показывает, что мода может быть не только визуальным искусством, но и способом исследования человеческого тела и его роли в культуре. Подобные эксперименты с телом и объёмом можно увидеть в работах Ирис ван Херпен, которая соединяет авангардные технологии с многослойностью, напоминающей традиционные костюмы. Рей Кавакубо в бренде «Comme des Garçons» также создаёт силуэты, где тело одновременно скрыто и подчеркнуто — эффект, характерный и для русского костюма, и для авангардных поисков начала XX века.

Когда эти два направления встречаются на подиуме, возникает уникальный художественный эффект. Немецкий авангард предоставляет инструменты для переосмысления традиционных форм русского костюма, позволяя превратить их в современные, концептуальные образы. Например, традиционный сарафан может быть переработан через призму геометрии, становясь более строгим и архитектурным. Орнаменты могут быть сведены к минималистичным линиям или трансформированы в цифровые мотивы, что создаёт ощущение современности. Традиционные материалы заменяются инновационными тканями, что подчёркивает связь с авангардной идеей эксперимента. В результате возникает образ, который одновременно сохраняет связь с культурным наследием и отражает современные эстетические тенденции.

Современные дизайнеры активно используют этот синтез для того, чтобы говорить о культурной идентичности. В условиях глобализации мода становится пространством, где национальные традиции могут быть переосмыслены и представлены в новом свете. Немецкий авангард помогает

избежать фольклорной стилизации и создать образы, которые воспринимаются как актуальные и концептуальные. Он позволяет показать, что традиция — это не статичный набор форм, а живой процесс, который может развиваться и адаптироваться к современности. Русский костюм, в свою очередь, привносит эмоциональность, символику и глубину, которые делают авангардные конструкции более выразительными.

Интересно, что подобные эксперименты встречаются не только у российских дизайнеров. Европейские бренды также обращаются к славянской эстетике, используя её как источник вдохновения. Это говорит о том, что русский костюм становится частью глобального модного дискурса, а его элементы воспринимаются как полноценный художественный ресурс. Немецкий авангард, благодаря своей универсальности, легко интегрируется в различные культурные контексты, что делает его удобным инструментом для создания новых форм. В результате возникает пространство, где разные культурные традиции могут взаимодействовать, создавая новые смыслы.

Таким образом, диалог между немецким авангардом и русским костюмом показывает, что мода может быть не только отражением эстетических тенденций, но и пространством культурного обмена. Столкновение двух эстетических систем создаёт новые формы, которые отражают современность, но при этом сохраняют связь с историей. Для студентов, изучающих моду, это пример того, как разные культурные пласты могут взаимодействовать и дополнять друг друга. Такой синтез помогает моде оставаться осмысленной, глубокой и культурно значимой. Он показывает, что традиция может быть не только объектом сохранения, но и источником вдохновения для создания новых художественных форм, а авангард — не только экспериментом, но и способом переосмысления культурного наследия.

Список литературы:

1. Гропиус, В. Баухаус: принципы и организация школы. - Берлин, 1925. -32- 35 с.
2. Костина, Е. Русский народный костюм: символика и традиции. — Москва. 2010. – 76 с.
3. Барт, Р. Система моды. — Москва. 1967. – 112 с.
4. Рындина, А. Орнамент в русской традиционной культуре. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2014. – 93 с.

Грудина Екатерина Алексеевна

3 АД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: преподаватель Киселёва Анастасия Александровна

Ekaterina Grudina

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РАЙОН АМАЛИЕНАУ КАК ПРИМЕР КОНЦЕПЦИИ «ГОРОДА-САДА»: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Статья посвящена анализу района Амалиенау в Калининграде как примера реализации принципов «города-сада» в градостроительной практике начала XX века. Рассматриваются исторические предпосылки формирования района, особенности его планировочной структуры и архитектурного облика. Исследуется степень сохранности исторической застройки и характер трансформации городской среды в послевоенный период. Особое внимание уделяется проблемам реставрации и современного использования вилл. Анализируется соотношение исторической среды и новой архитектуры.

Ключевые слова: город-сад, Амалиенау, Калининград, градостроительное наследие, урбанистика, историческая застройка, архитектурная среда.

THE AMALIENAU DISTRICT AS AN EXAMPLE OF THE GARDEN CITY CONCEPT: HISTORICAL HERITAGE AND MODERNITY

Summary: The article analyzes the Amalienau district in Kaliningrad as an example of the implementation of Garden City principles in early twentieth-century urban planning practice. It examines the historical background of the district's formation, as well as the features of its spatial layout and architectural character. The study explores the degree of preservation of the historical buildings and the transformation of the urban environment in the post-war period. Special attention is paid to issues of restoration and the contemporary use of the villas. The relationship between the historical environment and modern architecture is also analyzed.

Keywords: garden city, Amalienau, Kaliningrad, urban planning heritage, urbanism, historical buildings, architectural environment.

Концепция «города-сада», сформулированная британским социальным реформатором Эбенезером Говардом в конце XIX века, стала революционным ответом на проблемы стремительной индустриализации и урбанизации. Идея синтеза городских удобств и сельской природной среды оказала колоссальное влияние на мировое градостроительство XX столетия. В России и странах Европы эта концепция получила широкое распространение, трансформируясь в соответствии с местными условиями и культурными традициями.

Ключевые принципы «города-сада» включали: ограничение численности населения (обычно 30-50 тысяч жителей); гармоничное сочетание жилых, промышленных и сельскохозяйственных зон; развитую систему озеленения и рекреационных пространств; радиально-кольцевую или свободную планировочную структуру; малоэтажную застройку с приусадебными участками; транспортную доступность центрального города при относительной автономии.

Район Амалиенау (нем. Amalienau) в Кёнигсберге, основанный в 1901 году, представляет собой один из наиболее целостных и хорошо сохранившихся примеров воплощения этих принципов на территории современной России. Создание района связано с именем предпринимателя и юриста Густава Шнелля, который приобрёл земельные участки и разработал концепцию элитного пригородного поселения для состоятельных жителей Кёнигсберга.

Современные исследователи отмечают, что Амалиенау демонстрирует синтез немецких традиций виллового строительства и прогрессивных идей градостроительного реформизма начала XX века. Район разрабатывался как целостный архитектурно-ландшафтный ансамбль, что отличает его от стихийно сложившихся пригородов и делает уникальным памятником градостроительного искусства.

В контексте современной урбанистики изучение опыта Амалиенау приобретает особую актуальность. По данным исследований, жители малоэтажных районов с развитой системой озеленения демонстрируют более высокий уровень удовлетворённости качеством жизни и лучшие показатели психологического благополучия [3, с. 67 - 82]. Это подтверждает жизнеспособность принципов, заложенных создателями «городов-садов» более века назад.

Пространственная организация Амалиенау основывается на свободной планировочной системе, адаптированной к особенностям рельефа. В отличие от регулярной сетки типичной городской застройки, улицы района образуют живописную, органичную структуру. Главная композиционная ось — Königsberger Strasse (ныне проспект Победы) — дополняется системой извилистых переулков и тупиков, создающих ощущение камерности и приватности [4, с. 384 - 402].

Архитектурный облик района формируют виллы в стилистике югендстиля, неоклассицизма, неоготики и других направлений, популярных в начале XX века. Каждое здание представляет собой индивидуальный архитектурный проект, что создаёт разнообразную, но гармоничную застройку. Общими чертами вилл являются: двух-трёхэтажная структура с мансардами и башенками; использование натуральных материалов (кирпич, черепица, дерево); богатый декор фасадов (эркеры, балконы, лепнина); просторные участки с садами и палисадниками.

Особое внимание уделялось ландшафту. Каждая ви́лла располагалась в глубине участка, что обеспечивало визуальную изоляцию и создавало эффект

погружения в природную среду. Система озеленения включала не только частные сады, но и общественные скверы, бульвары вдоль улиц, живописный пруд (Schlossteich, ныне Нижний пруд). Согласно современным исследованиям, плотность озеленения в Амалиенау достигает 45-50% территории, что существенно превышает показатели типовых городских районов. Это обеспечивает благоприятный микроклимат, снижение шумовой нагрузки и создание комфортной среды. Район изначально проектировался как пешеходно-ориентированное пространство с минимальным автомобильным движением, что опережало своё время и соответствует современным принципам устойчивого развития городов.

Социальная структура района также была тщательно продумана. Амалиенау создавался как элитное поселение для представителей высшего среднего класса — университетских профессоров, адвокатов, предпринимателей, высокопоставленных чиновников. Однородность социального состава способствовала формированию устойчивого сообщества с общими ценностями и интересами, что укрепляло идентичность района.

После окончания Второй мировой войны и присоединения Кёнигсберга к СССР в 1945 году Амалиенау оказался в совершенно новом культурном и социально-экономическом контексте. Немецкое население было депортировано, район заселили переселенцы из различных регионов Советского Союза. Произошла радикальная смена культурного кода территории: немецкие названия улиц были заменены советскими, виллы переоборудованы под коммунальные квартиры и учреждения.

В советский период район подвергся существенным изменениям: уплотнение застройки путём строительства многоквартирных домов на свободных участках; утрата значительной части исторического озеленения; реконструкция и перепланировка исторических зданий; изменение функционального назначения вилл (офисы, детские сады, коммунальное жильё); недостаточное финансирование реставрации и поддержания исторической застройки.

Парадоксально, но именно превращение вилл в коммунальные квартиры в определённой степени способствовало их физическому сохранению. Здания продолжали использоваться и поддерживались в эксплуатационном состоянии, хотя и с потерей многих исторических деталей интерьеров.

В постсоветский период начался процесс переосмысления ценности исторического наследия Калининграда. В 1990-2000-е годы Амалиенау получил статус памятника градостроительства. Современное состояние района характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается рост интереса к историческому наследию, реставрация отдельных объектов, развитие туризма. С другой стороны, продолжается бессистемная застройка, утрата исторических элементов ландшафта, неадекватные реконструкции зданий.

Основные проблемы сохранения района включают: недостаточное правовое регулирование охранных зон; отсутствие комплексной концепции

развития территории; конфликт интересов собственников исторических зданий и требований охраны наследия; дефицит финансирования реставрационных работ; низкий уровень информированности населения о ценности наследия; давление рынка недвижимости и коммерческих интересов.

Исследователи отмечают, что без системного подхода к сохранению и развитию территории существует риск утраты уникального градостроительного ансамбля. Точечные меры, не учитывающие комплексный характер объекта наследия, могут привести к необратимым изменениям исторической среды.

Концепция «города-сада», реализованная в Амалиенау, приобретает новую актуальность в контексте современных вызовов урбанизации. Плотная высотная застройка, дефицит зелёных зон, транспортные проблемы, социальная атомизация — эти проблемы мегаполисов XXI века во многом схожи с теми, на решение которых была направлена концепция Говарда.

Современные исследования подтверждают преимущества малоэтажной застройки с развитой системой озеленения: улучшение микроклимата; повышение физической активности жителей; укрепление социальных связей; снижение уровня стресса и психологического напряжения; создание благоприятной среды для воспитания детей. Опыт Амалиенау демонстрирует жизнеспособность принципов, актуальных для современного градостроительства.

Принципы, которые могут быть адаптированы к современным условиям: планирование с приоритетом пешеходов и велосипедистов; интеграция природных элементов в городскую среду; камерный масштаб застройки, соответствующий человеческому восприятию; функциональное разнообразие территории (жильё, работа, досуг в пределах пешей доступности); экологичность градостроительных решений. Международный опыт показывает успешность адаптации принципов «города-сада» к современности. Проекты New Urbanism в США, экогородов в Скандинавии, устойчивых районов в Германии демонстрируют востребованность идей Говарда [5, с. 456 - 462]. Российская урбанистика также постепенно движется в этом направлении, о чём свидетельствует развитие концепций комфортной городской среды, малоэтажного строительства, создания зелёных каркасов городов.

Амалиенау может стать моделью для современных проектов жилой застройки, но важно не механическое копирование исторических форм, а понимание заложенных в них принципов и их творческое переосмысление. Особую ценность представляет опыт создания устойчивых локальных сообществ. Общие ценности, качественное публичное пространство, камерный масштаб — эти факторы способствовали созданию сильного местного сообщества, что остаётся актуальным для преодоления атомизации современного общества [6, с. 35 - 38].

Сохранение Амалиенау как целостного памятника градостроительства требует комплексного подхода, учитывающего различные аспекты — правовые, экономические, социальные, культурные. Международный опыт

охраны исторических районов показывает необходимость баланса между консервацией наследия и адаптацией к современным потребностям.

Ключевые направления работы по сохранению района: разработка комплексного плана сохранения и развития территории с участием экспертов, власти, местного сообщества; совершенствование правового регулирования охранных зон и режимов использования исторических объектов; создание экономических стимулов для собственников исторических зданий к их реставрации и поддержанию; развитие просветительских программ о ценности наследия; интеграция района в туристические маршруты с развитием соответствующей инфраструктуры; формирование активного местного сообщества, заинтересованного в сохранении среды. Опыт европейских городов показывает эффективность создания специальных фондов и программ поддержки владельцев исторической недвижимости. Налоговые льготы, гранты на реставрацию, консультационная помощь — эти меры стимулируют сохранение наследия без чрезмерного регулирования.

Развитие туризма может стать источником финансирования сохранения района, но требует тщательного планирования, чтобы не разрушить уникальную атмосферу жилого пространства. Необходим баланс между открытостью для посетителей и сохранением комфорта для постоянных жителей [1, с. 114 - 116].

Перспективным направлением является позиционирование Амалиенау как лаборатории устойчивого городского развития. Район может стать площадкой для апробации инновационных решений в области энергоэффективности, зелёной инфраструктуры, устойчивой мобильности, которые органично впишутся в историческую среду и усилят её ценность.

Международное сотрудничество также открывает возможности для развития района. Амалиенау представляет интерес как часть общеевропейского наследия градостроительного реформизма начала XX века. Включение в международные сети исторических районов, обмен опытом, совместные проекты могут привлечь дополнительные ресурсы и экспертизу.

Район Амалиенау представляет собой выдающийся пример реализации концепции «города-сада», сохранивший свою ценность и актуальность более чем через столетие после создания. Анализ его исторического развития, планировочных и архитектурных особенностей демонстрирует жизнеспособность принципов, лежащих в основе этой градостроительной концепции. Исследование показало, что принципы «города-сада» — гармоничное сочетание застройки и природы, человеческий масштаб пространства, функциональное разнообразие, формирование местных сообществ — остаются актуальными для решения проблем современной урбанизации. Опыт Амалиенау подтверждает, что качественная среда обитания определяется не только архитектурными формами, но и продуманной пространственной организацией, балансом природных и урбанизированных элементов, вниманием к потребностям человека. Район обладает потенциалом стать не только охраняемым памятником прошлого, но и моделью для

будущего — примером того, как исторические градостроительные принципы могут быть адаптированы к современным условиям для создания комфортной, устойчивой городской среды.

Список литературы:

1. Баркова А.Д. Градостроительные концепции начала XX века и их влияние на развитие российских городов // Урбанистика. 2023. № 4. С. 112-128.
2. Емельянова Е.Л., Радевич Е.Г. Формирование географического образа Калининграда и его использование в имиджевой стратегии: по результатам социологического опроса горожан // Наследие и современность. 2024. Т. 7. № 2. С. 45-58. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-geograficheskogo-obraza-kaliningrada-i-ego-ispolzovanie-v-imidzhevoy-strategii-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-oprosa> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Иванова Н.С., Петров К.М. Качество городской среды и удовлетворённость жителей: социологический анализ // Социология города. 2024. Т. 15. № 3. С. 67-82. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=55234567> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Косенкова Ю.Л. Идеи «города-сада» в градостроительстве России и Европы. М.: Прогресс-Традиция, 2023. 384 - 450с.
5. Лавров В.А., Сурин А.А. Калининград: история и архитектура. Калининград: Живём, 2024. 456 с.
6. Салихова Е. В. Хроники садов и парков (Кёнигсберг - Калининград) // Восточная Пруссия в литературе. 2008. С. 34-47. - URL: <https://prussia.online/books/hroniki-sadov-i-parkov> (дата обращения: 19.02.2026).
7. Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Калининград в системе расселения Балтийского региона. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. 298 с.

Гудеев Евгений Евгеньевич

1 МД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: - доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гаврилова

Gudeev Evgeny

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР 1960-1991

Аннотация: В данной статье рассматривается внешняя политика СССР с 1960-1991 выясняется, основные вехи как удач в переговорной политики, осуществление политических конфликтов и политических противостояний. Изучаются основные направления дипломатического корпуса, деятельности выявляются причины внешних связей.

Ключевые слова: СССР, внешняя политика, дипломатия, переговоры, холодная война, гонка вооружений.

THE FOREIGN POLICY OF THE USSR 1960-1991

Summary: This article examines the foreign policy of the USSR from 1960-1991 and finds out the main milestones as successes in negotiation policy, the implementation of political conflicts and political confrontations. The main directions of the diplomatic corps are studied, the causes of external relations are revealed.

Keywords: USSR, foreign policy, diplomacy, negotiations, cold war, arms race.

С 1960 по 1991 год внешняя политика СССР прошла через значительные изменения, характеризующиеся переходом от экспансии социалистической идеологии к стратегии мирного сосуществования; вместо конфронтации и силовых акций последовали соглашения об ограничении вооружений и постепенный отход от традиционных методов глобального воздействия. Несмотря на заявленную ориентацию на «мирное сожительство», внешнеполитическая линия Советского Союза сохраняла значительную противоречивость: с одной стороны, активное соперничество с западными державами, а с другой — акцент на международно-правовые рамки и переговоры. Основы идеологической составляющей советского дипломатического курса начали разрушаться изнутри, влияя тем самым на принимаемые международные шаги [1, с. 115].

Внешнеполитические действия Советского Союза того времени включали не только демонстрацию военной силы; приоритетом являлось установление военного равновесия с Западом, расширение политического воздействия на государства развивающегося мира и впоследствии поддержание устойчивости стран социалистической системы. Период с середины 1960-х до середины 1980-х годов стал временем установления стратегического равновесия между

Советским Союзом и Соединёнными Штатами, сопровождаемым мерами по снижению глобальной напряженности [2, с. 45]. Для анализа внешнеполитической стратегии данного времени необходимо применить многогранный подход, включающий временные рамки событий, организационные структуры и участников процесса, а также эволюцию декларируемых целей и их переосмысление.

Обоснование выборки периода с 1960 по 1991 год основывается на том, что 1960-е стали началом новой эпохи внешней политики Советского Союза, начавшейся после кончины Иосифа Сталина и решения XX партсъезда о стратегии мирного сосуществования. В начале 1960-х годов произошла смена векторов внешнеполитической стратегии, направленная на утверждение роли глобальной державы и повышение её международного авторитета [3, с. 29]. Завершение 1991 года знаменует собой полную трансформацию внешнеполитического курса Советского Союза благодаря реформам, обновлению идеологических подходов и краху социалистической структуры. Таким образом, осуществляется полное покрытие периода от позднего сталинского / раннего хрущевского времени до финального этапа советской внешнеполитической деятельности.

В ходе руководства Н.С. Хрущева международная политика отмечена стремлением совместить жёсткую идеологическую позицию с практичными внешними инициативами, результатом чего стали нередко неожиданные и взаимоисключающие шаги на мировой арене. Ключевым принципом внешнеполитического курса той эпохи стала концепция «мирного сосуществования», которая предусматривала возможность конкуренции с западными странами без неизбежной войны, продолжая при этом стратегию расширения социалистических ценностей среди развивающихся стран [4, с. 80]. Такое сочетание подходов соответствовало политике Хрущёва, проявляясь через активную поддержку антиколониальных инициатив и участие Советского Союза в диалоге с западными странами.

В начале 1960-х основными внешнеполитическими конфликтами выступили инцидент с разведывательным самолётом U-2 и провал переговоров в Париже того же года, за которыми последовали обострение ситуации вокруг Берлина в 1961 году и кубинский ракетный кризис 1962 года. Эти события подчеркивают двойственность подхода Хрущёва к международным отношениям: сочетание агрессивных действий и демонстрации военной мощи с попытками достичь соглашений через переговоры и взаимные уступки. Успешное сочетание демонстрации мощи и стремления к компромиссам стало причиной того, что Советский Союз смог предотвратить прямое военное столкновение с Соединёнными Штатами в тот период [3, с. 42].

Активизация взаимодействия СССР с молодыми государствами Африки и Азии стала ключевым вектором внешнеполитической стратегии Хрущева: через укрепление экономических и военных союзов с недавно образовавшимися национальными правительствами предполагалось усилить присутствие Советского Союза за пределами Европейского континента. Целенаправленная

стратегия реализовывалась в отношении таких государств, как Гана, Алжир, Египет и многих других, тем самым превращая дипломатические усилия СССР в глобальное явление [1, с. 180].

В тот же временной промежуток, 1960–1964 годы отмечены ухудшением связей между СССР и Китаем: различия во взглядах и борьба за влияние в международном коммунистическом сообществе привели сначала к снижению взаимопонимания, а потом к явному противостоянию между двумя столицами. Внутренние разногласия среди левых сил значительно усложняли внешнеполитические стратегии Советского Союза, заставляя его лидеров балансировать между вызовами Европы, Азии и Трансатлантики. Ухудшение связей с Китаем стало одним из ключевых элементов, усложнивших внешнеполитическую ситуацию Советского Союза в эпоху глобальных противостояний 1960-х годов.

В период руководства Л. И. Брежнева внешняя стратегия СССР акцентировала стабильность, предвидимость и поддержание роли ведущей мировой силы, совмещая её с отходом от конфронтационного подхода 1950–1960-х годов в пользу политики снижения глобальной напряженности. Политика периода правления Брежнева была направлена на обеспечение устойчивого кадрового состава и стратегии, подчеркивая осмотрительность и долгосрочную стратегию во внешнеполитической сфере [5, с. 35].

Середина 1960-х по середину 1970-х годов ознаменовалась формированием внешнеполитической структуры: укрепилась государственная дипломатия, создавались стратегии взаимного ограничения, расширялись рамки соглашений между Советским Союзом и западными странами. Одним из главных результатов данного периода стала ратификация соглашения о предотвращении распространения ядерных арсеналов (1968), договорённостей между СССР и США о сокращении стратегических вооружений (ОСВ-1, 1972) и договора о противоракетной обороне (1972), обозначающих сдвиг от состязательности в области вооружения к активному сотрудничеству в сфере регулирования. Именно тогда Россия впервые закрепила на глобальном уровне идею равенства стратегических возможностей по отношению к Соединенным Штатам [2, с. 90].

Ключевым моментом периода ослабления международной напряженности стало принятие итогового документа Хельсинки 1975 года, который подписали государства Европейского континента, Соединенные Штаты Америки и Канада. Советские власти воспринимали данное действие как подтверждение статус-кво после войны и официальное утверждение роли Советского Союза как равного участника в европейских делах. Активное участие Советского Союза в Хельсинки способствовало укреплению его статуса глобальной державы и послужило основой для взаимодействия между Востоком и Западом, но одновременно стало причиной будущего усиления требований Запада относительно соблюдения прав человека [6, с. 215].

В тот период стратегия ослабления напряженности отличалась амбивалентностью. СССР продолжал активно вмешиваться в региональные

конфликты, такие как события во Вьетнаме, на Среднем Востоке и в африканских странах, параллельно поддерживая международное сотрудничество. Внешнеполитическая стратегия данного времени основывалась на концепции «идеологического равновесия». СССР поддерживал освободительные кампании, избегая при этом ослабления своего воздействия на страны третьего мира. Международное влияние поддерживалось благодаря финансовой и оборонной поддержке государств с социалистическим укладом [5, с. 41].

К концу десятилетия 1970-х наблюдался спад интенсивности процесса разрядки. Вступление СССР в Афганскую войну в 1979 году, обострение отношений с западными странами и усиление внутренних трудностей в соцстранах вызвали новый виток напряженности. Внешнеполитический механизм Советского Союза отличался значительной инертностью, обусловленной стремлением сохранить существующую ситуацию и избежать изменений перед лицом новых угроз [1, с. 320]. Этот этап стал основой для превращения Советского Союза во вторую мировую державу, укрепив его позиции через создание альянсов в Восточной Европе и подготовив почву для последующих трансформаций и идеологических обновлений конца 1980-х.

Эпоха правления Брежнева характеризуется сложным периодом во внешнеполитической стратегии СССР, сочетающим пик дипломатического влияния и мирового престижа с началом застоя и укрепления догматических взглядов. В основе будущих изменений внешнеполитического курса СССР лежат элементы сочетания устойчивости и латентного кризиса.

Афгано-советский конфликт стал ключевым сложным моментом во внешнеполитической стратегии позднего Советского Союза, существенно повлиявшим на мировую репутацию СССР и внутренний политический уклад государства. В декабре 1979 года по решению высшего руководства страны советские войска вошли в Афганистан, предполагая провести краткосрочную операцию под названием «ограниченных военных действий» для поддержки местного правительства НДПА и защиты от внешних угроз со стороны исламских группировок, финансируемых за рубежом. Первоначальное участие стремительно перешло в затяжной военный конфликт, вовлекший СССР в долгосрочную борьбу на истощение [1, с. 350].

Руководство Советского Союза рассматривало действия в Афганистане как часть стратегии по укреплению границ на юге и сдерживанию роста американского и китайского воздействия в этом районе. Россия активно пыталась сохранить влияние Афганистана в рамках социалистической системы и избежать формирования антикоммунистических сил вблизи своей границы. В данном случае обоснование внешней политики дополнялось идеологической мотивацией — необходимостью выполнения «интернациональной миссии» помощи союзному народу, что совпадало с устоявшей лексикой советского дипломатического подхода [1, с. 355].

К началу 1980-х стало ясно влияние военных действий. Афгано-советский конфликт существенно осложнил дипломатические связи Советского Союза с

Западом, фактически положив конец политике разрядки и вновь обострив противостояние с Соединёнными Штатами. После ввода советских военных сил США объявили о бойкоте московской олимпиады 1980 года, усилили экономическое давление и возобновили агрессивные военные меры. Афганистан повлиял на усиление мирового отчуждения СССР в период между концом 1970-х и началом 1980-х годов [7, с. 45].

Внутреннее обострение социального напряжения стало результатом войны. Затянувшиеся боевые действия, неопределенность стратегических задач и потери личного состава Красной армии вызвали недовольство как у населения, так и внутри некоторых структур партии. Произошло значительное снижение экономической мощи СССР и утрата его морального авторитета вследствие продолжительной военной операции [4, с. 250].

В 1985 году после прихода Михаила Сергеевича Горбачева к управлению страной постепенно началась корректировка подхода к ситуации в Афганистане. Идея «обновленного подхода к политике» предполагала определение способов мирной стабилизации ситуации и вывода военных подразделений СССР. Женевские соглашения апреля 1988 года, оформившие вывод советских войск, стали итогом переговоров под эгидой ООН. В день 15 февраля 1989 года завершилась многолетняя военная миссия Советского Союза в Афганистане уходом последнего военнослужащего с его земли.

Кампания в Афганистане существенно повлияла на внешнеполитический курс и общественное мнение государства. Опыт Афганистана послужил ключевым элементом в кризисе системы СССР по международным связям, ослабил веру в концепцию «братских связей» и стимулировал смену курса на отказ от применения силы. Афганская война послужила поворотным моментом, став одновременно военным и идеологическим водоразделом, который обозначил пределы мощи Советского Союза как мировой супердержавы и предварил наступление эры перестроек и изменений во внешней политике.

Смена курса внешней политики СССР была отмечена началом эпохи реформ под руководством Михаила Сергеевича Горбачева в 1985 году. Идея «обновленного подхода к политике», возникшая в середине 1980-х среди советских экспертов по международным связям и дипломатов, послужила теоретическим фундаментом внешнеполитической стратегии эпохи реформирования. Основные положения её идеологии заключались в неприятии противостояния, акцентировании взаимосвязи глобализированного общества, приоритете универсальных человеческих принципов перед групповыми интересами, стремлении минимизировать вооружение и решать международные споры путём мирных переговоров. Новая концепция стремилась увязать внешнеполитические действия СССР с общепринятыми международными правовыми стандартами, оставив позади идеологическую экспансию [4, с. 305].

Реализация данных подходов началась с налаживания связей между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Ключевыми моментами выступили встречи глав СССР и США в различных городах – таких как Женева

в 1985 году, Рейкьявик в 1986, Вашингтон в 1987 и Москва в 1988, во время которых рассматривались темы сокращения ядерных вооружений и обеспечения международной стабильности. Завершающим этапом данного процесса стало ратификация договора по уничтожению ракет среднего и малого радиуса действия (РСМД) в декабре 1987 года – уникального документа, впервые предполагающего полное изъятие определенных категорий оружия. Данные соглашения символизируют сдвиг от стратегии противостояния к подходам сотрудничества и открытого общения [6, с. 400].

Внешняя стратегия периода правления Горбачева привела к существенным трансформациям во взаимоотношениях с государствами социалистической системы. В 1988 году на Генеральной Ассамблее ООН был объявлен отказ от силового вмешательства, что де-факто привело к отмене брежневской концепции о праве Советского Союза вмешиваться во внутрисполитические процессы дружественных стран. Произошло сознательное принятие решений об отказе от вмешательства в ход демократических преобразований в Восточной Европе 1989 года, обусловленного обновленной концепцией взаимодействия между странами [1, с. 510]. В период 1989–1990 годов произошло крушение коммунистических структур в таких государствах, как Польша, Чехия, Восточная Германия и ряд других, став ключевым поворотным моментом мировой истории прошлого столетия.

Основной акцент был сделан на пересмотре подхода СССР к международным структурам. СССР демонстрировал свою приверженность открытости и партнерству через активное участие в работе Организации Объединенных Наций, Совета экономической взаимопомощи и движения неприсоединившихся стран. Советские внешнеполитические усилия направлены были на замену конфронтационного идеологического дискурса общим языком сотрудничества; тем не менее подобные трансформации привели к уменьшению власти СССР над союзниками и утрате привычных сфер контроля [4, с. 290].

Хотя дипломатия принесла заметные достижения, такие как окончание холодной войны, улучшение связей с западными странами, успешное завершение Афганистана и заключение договоров по контролю вооружений, концепция «нового политического мышления» вызвала неоднозначные результаты. Расширение внешних связей совпало с внутренними проблемами СССР, включая экономический застой и усиление сепаратистских движений. Отказ от жесткого административного управления и уменьшение влияния силового ресурса стали причиной утраты Советским Союзом роли ведущей державы мира, завершившуюся его развалом к концу 1991 года [1, с. 605].

Эпоха перестройки демонстрирует эволюцию внешней политики СССР от классической советской идеологии к принципам послебиполярного взаимодействия. «Концепция «обновленного политического подхода» трансформировала не просто методы, но также фундаментальное видение международных связей: Россия впервые начала рассматривать мировую сцену не как поле идеологических противостояний, а как платформу

взаимозависимости и партнерства. Этот неизбежный, хотя и утопичный поворот знаменует собой конец советской эпохи во внешнеполитической сфере и предвещает начало новой главы в мировой дипломатии без участия СССР.

В течение 1960–1991 годов внешняя политика СССР характеризовалась сложным переплетением событий, отражающих кардинальные сдвиги в мировой дипломатии второй половины прошлого столетия. В течение трёх десятилетий Советский Союз трансформировался из страны, активно продвигавшей свои идеи и расширявшей влияние, в государство, ориентированное на мирное сожительство, снижение международной напряженности и сотрудничество с западными странами. Данная эпоха сыграла решающую роль в утверждении статуса СССР как глобальной державы и заложила основы современной архитектуры международных отношений, актуальные даже после его исчезновения [6, с. 515].

Советская внешняя политика добилась существенного успеха в достижении равенства сил с США по военным стратегическим параметрам. С начала 70-х гг. прошлого века Советский Союз получил равные возможности по военным ресурсам и дипломатическому влиянию, обеспечив свое активное участие в переговорах об ограничении вооружений. Ключевыми достижениями дипломатии периода правления Леонида Брежнева стали ратификация соглашения о стратегическом оружии и противоракетной обороне, а также принятие Хельсинки заключительных документов 1975 года. Данные договорённости укрепили многовекторную безопасность и подтвердили международный статус Советского Союза [2, с. 150].

В период с 1970 по 1980-е советские внешнеполитические действия сталкивались с дисбалансом между заявлениями о стремлении к миру и реальным вовлечением в конфликты различных регионов, включая Ближний Восток и Афганистан. Такая амбивалентность возникла из стремления совместить идеологические требования с практическими аспектами мирового соотношения сил [7, с. 50]. Военные действия в Афганистане (1979–1989 гг.) продемонстрировали неэффективность силовых подходов для достижения внешних задач и внесли вклад в снижение мирового престижа СССР.

В период реформирования (1985–1991) произошли существенные трансформации в подходах стратегического планирования и ведения международных отношений. Идея «обновленного подхода к дипломатии», предложенная во времена руководства Михаила Сергеевича Горбачева, символизировала смену парадигмы от конфронтации идей к сотрудничеству, укреплению доверия и сокращению вооружений. Заключение соглашения по уничтожению ракет среднего и малого радиуса действия в 1987 году, улучшение связей с западными странами и окончание военных действий в Афганистане обозначали отход Советского Союза от привычной стратегии внешнеполитической агрессии. Одновременность либерализации внешнеполитической деятельности и внутреннего кризиса снизила результаты реформ и способствовала быстрому развалу СССР [1, с. 610].

В указанный временной отрезок внешняя политика Советского Союза сыграла ключевую роль, формируя не только международную позицию государства, но и значительно влияя на глобальную архитектуру безопасности. Советская внешняя политика оказала ключевое влияние на разрешение множества локальных споров, способствовала формированию инструментов контроля над вооружениями и укреплению мирового равновесия сил. В тот период излишняя привязка внешних политических шагов к идеологическим аспектам и недостаточная адаптивность привели к снижению влияния Советского Союза на мировой арене в позднесоветские годы. Внешнеполитические шаги СССР способствовали завершению холодной войны, однако привели к снижению его влияния на мировой арене [6, с. 520].

Итоги внешнеполитической деятельности СССР за период 1960–1991 гг. характеризуются амбивалентностью. С одной стороны, данная эра знаменует собой пик глобальных дипломатических успехов, становления международной договорной базы и заметного вклада в глобальную политику. С другой стороны, период накапливался кризис идейного консерватизма и экономических трудностей, что привело к снижению мощи Советского Союза накануне 1990-х. Опыт внешнеполитической деятельности данного времени продолжает играть ключевую роль в формировании стратегического видения и современного международного статуса России, оставляя заметный след в её дипломатическом наследии.

В период с 1960 по 1991 год внешняя политика СССР стала ярким примером сложного взаимодействия глобальных сдвигов мировой архитектуры и внутренних перемен внутри страны. В этот отрезок времени развернулась сцена интенсивного столкновения между идеологическими установками, стратегическими приоритетами и действительностью международной политики. В течение трёх десятилетий Советский Союз эволюционировал от стратегии противостояния во время Холодной войны к попыткам развития партнёрских отношений и взаимного доверия с западными странами, сменив агрессивную экспансию и военное превосходство на дипломатическое искусство уступок и сдерживания.

В период руководства Хрущева особое значение уделялось идее мирного сожительства и расширению влияния СССР в азиатских и африканских государствах. Важность создания взвешенного подхода была выявлена благодаря импульсивным поступкам и эмоциональным реакциям в период кризисов в столице Германии и на островах Карибского бассейна. В период правления Леонида Ильича Брежнева внешняя политика СССР отличалась стабильностью и непрерывностью – страна установила паритетные отношения с США, наступило снижение глобального напряжения, расширилось участие Советского Союза в международных объединениях. Излишнее применение жестких методов и желание удержать мировое господство привели к обострению экономических и политических противоречий.

Афганская война оставила заметный отпечаток в истории внешнеполитической деятельности Советского Союза, обнажая пределы его

стратегического планирования и акцентируя отрицательные результаты жесткого идеологического подхода. Спор значительно подорвал престиж СССР на международной сцене и ускорил распад внутренней системы. Под управлением Михаила Горбачева во время преобразований идея «обновленного подхода к политике» существенно трансформировала внешнюю политику СССР в направлении мирных союзов и договорённостей. Идея привела к окончанию Холодной войны, восстановлению контактов с основными державами и включению Советского Союза в систему глобальной безопасности.

В период реформ эпохи горбачевской перестройки отмечалась двойственность: внешнеполитическое положение СССР укрепилось, однако внутренние последствия оказались дезорганизующими. Спад экономики, снижение международной интеграции и пренебрежение прежними соглашениями об объединении послужили факторами потери СССР статуса сверхдержавы и его последующего развала в 1991 году. Советское мастерство дипломатии играет ключевую роль в обеспечении устойчивого мирового порядка, укреплении идей сосуществования без войн и предотвращении ядерной угрозы, став важным наследием двухвекового исторического периода.

С 1960 до 1991 года внешняя политика СССР продемонстрировала успешные шаги к снижению напряженности и сокращению вооружения, преодолевая сложные идеологические барьеры. Советская внешняя политика сыграла решающую роль в создании современной архитектуры международной безопасности, несмотря на внутренние диспропорции и просчеты. Российская внешняя стратегия продолжает формироваться под влиянием текущего исторического периода, акцентируя важность баланса между национальными интересами, международными обязательствами и стремлением к устойчивому миру.

Список литературы:

- 1.Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. - М.: РОССПЭН, 2011. - 640 с.
- 2.Богатуров А. Д. Холодная война и политика разрядки. - М.: Аспект Пресс, 2010. - 320 с.
- 3.Филитов А. А. Внешняя политика СССР в годы Хрущёва: попытка новой стратегии // Новая и новейшая история. - 2002. - № 6. - С. 28–46.
- 4.Чубарьян А. О. Холодная война: новое поколение исследований. - М.: Наука, 2014. - 456 с.
- 5.Печатнов В. О. Политбюро и внешняя политика СССР в 1964-1985 гг. // Российская история. - 2017. - № 4. - С. 30–45.
- 6.Торкунов А. В., Загладин Н. В., Лундин П. А. История международных отношений. - М.: Аспект Пресс, 2018. - 624 с.
- 7.Ржешевский О. А. Военно-политическое противостояние СССР и США // Вопросы истории. - 2010. - № 7. - С. 35–52.

Гузь Антон Сергеевич

студент

Смоленский государственный университет

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Никитина Наталья Владимировна

Guz Anton

Smolensk State University

«ОСКОЛОК СМОЛЕНЩИНЫ»: ЮХНОВ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННЫХ МЕМОУАРОВ

Аннотация: В статье приведен взгляд на образ города Юхнова и его окрестностей во время Отечественной войны 1812 года и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., который нашел отражение в мемуарах участников событий. Проанализированы события, связанные с городом в эти экстремальные эпохи, причины развития этих событий в регионе. Автор утверждает, что Юхнов сыграл заметную роль в двух Отечественных войнах России, на что указывают авторы воспоминаний - участники героических страниц истории нашей Родины.

Ключевые слова: Отечественная война, Юхнов, И.Г. Старчак, Денис Давыдов, партизанское движение, Смоленщина, народное движение.

«A FRAGMENT OF THE SMOLENSK REGION»: YUKHNOV IN THE PAGES OF MILITARY MEMOIRS

Summary: The article provides a look at the image of the city of Yukhnov and its surroundings during the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War of 1941-1945, which is reflected in the memoirs of the participants in these events. The article analyzes the events related to the city during these extreme periods and the reasons for their development in the region. The author argues that Yukhnov played a significant role in Russia's two Patriotic Wars, as evidenced by the memoirs of the participants in these heroic events.

Keywords: Patriotic War, Yukhnov, I.G. Starchak, Denis Davydov, partisan movement, Smolensk region, popular movement.

Смоленская губерния богата своей историей и культурой. В силу своего расположения этот регион на протяжении веков играл значительную роль в истории нашей Родины, не случайно Смоленск вошел в историю как «город-ключ», судьба которого тесно связана с судьбой страны и Москвы. Разумеется, внимание исследователей приковывает, в первую очередь, сам Смоленск. Изучают и историю Вязьмы и Гжатска, как ближайших к столице регионов. Однако многие отдаленные от центра региона области изучены слабо. Несомненно, к таким относится и история Юхнова.

Этот город ведет свою историю с Юхновской пустыни в XV веке, а в будущем здесь вырос Юхновский Казанский мужской монастырь. Только в период административных реформ конца XVIII века Юхнов получил статус

уездного города. Весь период своего пребывания в составе Смоленской губернии этот город оставался одним из самых небольших и отдаленных от губернского центра регионов.

С приобретением статуса уездного города в составе Смоленской губернии с 1796 году и по сей день присутствует общая малоизученность истории города. Сегодня этот город, который иногда именуют «осколок Смоленщины», находится в составе Калужской губернии, архивные документальные материалы о нем сосредоточены в государственном архиве Смоленской губернии, поэтому мало востребованы местными калужскими историками, они сосредоточены на истории города в советский период. Кажется, что никаких героических страниц и важных событий с этим небольшим поселением в истории России не связано. Однако это не так. Исследование военных мемуаров участников событий 1812 и 1941 годов позволяют установить, что Юхновская земля сыграла ключевую роль в обороне нашего Отечества и его столицы в эти экстремальные эпохи.

Чем же известна этот регион Смоленская земля? Оттуда не вышли известные творцы науки или культуры, не случилось экономических скачков и не сформировалось уникального или характерного промысла. Однако, проходя по современному Юхнову, глаз будет невольно цепляться за многочисленные памятники двух прошедших Отечественных войн. Здесь, пожалуй, и скрыто то, что мы ищем. Юхновская земля - земля самоотверженной борьбы от вражеской напасти, хоть все и происходило вдали от главных армий и сражений, но память об этих событиях сохранилась на страницах воспоминаний современников.

Впервые доказать это представилась возможность в двенадцатом году, когда после Смоленского сражения французский солдат пришел на эту землю. Еще в первой половине июля 1812 года Юхновскими дворянами было собрано первое народное ополчение, числом 1416 ратников и отправлено в состав Смоленского ополчения губернии, вместе с которым оно участвовало в Бородинском и Малоярославецком сражениях [1, с 46]. Позднее, когда французы уже подходили к Вязьме, Юхновский предводитель дворянства, Семен Яковлевич Храповицкий продолжил сбор ополченцев. Первый отряд в 1,5 тысячи человек он вооружил на свои средства, основой которого стали крестьяне, во главе которых он поставил отставных офицеров.

Нельзя не вспомнить человека, который и прославил эту землю во время событий 1812 года. Это знаменитый подполковник «ахтырцев» Денис Васильевич Давыдов. Его мемуары «Дневник партизанских действий 1812 года», пожалуй, главный источник о событиях того времени. В нем автор подробнейшим образом описал состояние уезда и события борьбы против неприятеля. Еще перед Бородинской битвой П. Багратион сообщил ему решение главнокомандующего послать «для пробы» отряд в тыл, в составе из пятидесяти гусар и ста пятидесяти казаков [3, 158]. Багратион дал Давыдову карту Юхновского уезда Смоленской губернии. Она сохранилась в архиве Дениса Васильевича с надписью: "Несчастливая карта, по коей я партизанил 1812 года [4, с 315]». Сразу после Шевардинского боя Давыдов с отрядом отправился во французский тыл. На своем пути он видел, что в селениях, еще не занятых

наполеоновскими войсками, создавались партизанские группы для борьбы с бандами французских мародеров, которые удалялись от основных частей на 30-40 верст, отбирали у крестьян скот, хлеб, жгли деревни. «В каждом селении ворота были заперты, - писал в своем дневнике Д. В. Давыдов, - при них стояли и стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием» [4, с 119].

Первая стычка с французами случилась на рассвете 2 сентября в деревне Токарево, что на реке Воре. Захватив обоз с награбленным имуществом и взяли в плен 160 французов, отправив их под конвоем в Юхнов. Первые успехи окрылили Давыдова, он решил пополнить свой отряд местными жителями: «Вскоре после сего я извещен был о пребывании в Юхнове дворянского предводителя, судов и земского начальства, также и о бродящих без общей цели двух слабых казачьих полках в Юхновском уезде. Известие сие немедленно обратило меня к Юхнову, куда чрез Судейки, Луково и Павловское я прибыл 8-го числа», - пишет он в воспоминаниях. Жители Юхнова торжественно встретили его, а 9 сентября от прибывшего в город сына Храповицкого жители узнают о потере Москвы.

Тем же вечером Давыдов получил письмо от Калужского гражданского губернатора П.Н. Каверина: «Твоя обязанность велика! Прикрывай Юхнов, и тем спасешь средину нашей губернии; но не залетай далеко, а держись Медыни и Масальска; мне бы хотелось, чтобы ты действовал таким образом, чтобы не навлечь на себя неприятеля» [6, с 24].

Отныне Юхнов был базой отряда Давыдова, помимо это он активно действовал на территории Гжатского и Вяземского уездов Смоленской губернии. Так только за 10 дней отряд Давыдова разгромил несколько групп фуражиров, взял в плен сотни вражеских солдат и офицеров, освободил из плена около 200 русских солдат и присоединил к своему отряду.

Активные действия продолжались еще 6 недель, пока утром 24 октября Давыдов «не получил от генерала Коновницына разрешение действовать отдельно и повеление поспешно следовать к Смоленску» [7, с. 92]. Отряд Давыдова покидает окрестности Юхновского уезда.

После изгнания неприятеля из пределов Смоленской губернии С.Я. Храповицкий активно участвовал в восстановлении мирной жизни и хозяйства. Обширная «Докладная записка, поданная Князю Кутузову (составленная по отдельным просительным пунктам)», в которой содержатся предложения по скорейшему восстановлению Смоленской губернии от вражеского разорения, разработана при его участии, где его фамилия значится среди 7 подписей [2, с 405-411].

Юхновская земля осталась на периферии больших сражений, но нельзя упускать ее стратегический потенциал, при неудачных же обстоятельствах при Малоярославце, Старая Калужская дорога могла стать главным путем отхода для французского войска. К тому же Юхновские дороги были ключом к Калужским складам и Тульским заводам, а там уже и потенциальный выход на южные губернии. Для Денисова в 1812 году Юхнов всегда оставался своего

рода стратегическим оплотом и важнейшей точкой тыла всей русской армии. Французская армия была разгромлена, больше чем на сотню лет Юхновская земля вернулась мирной жизни. Так продолжалось до 1941 года.

Для города наступила страшная осень начала Великой Отечественной войны. Через него на запад по Варшавскому шоссе шли московские ополченцы, которые были полны решимости остановить врага, рвавшегося к столице. С запада в Юхнов прибыл транспорт с ранеными бойцами. Под госпитали были отданы все государственные здания. В конце сентября и в начале октября 1941 года на Рославль-Юхновском направлении держала оборону 43-я армия Брянского фронта. «Противник превосходил нас в живой силе в 5-6 раз, имел восьми-десятикратное превосходство в танках, артиллерии и авиации, "- писали очевидцы событий [8, с 39-40].

Подробнейшие мемуары о боях на Юхновской земле оставил начальник парашотно-десантной службы Западного фронта Иван Георгиевич Старчак в своей книге «С неба в бой». Он писал, что еще в конце августа 1941 года поступил приказал отправляться под Юхнов для создания базы к засылке во вражеский тыл. «Полетел туда из-под Вязьмы на У-2. Самолет пилотировала младший лейтенант Егорова. Через некоторое время я спросил ее: Где мы сейчас летим? Егорова, посмотрев вниз, потом на карту, ответила: Слева впереди Беляево. Я поинтересовался, знает ли она, что именно здесь когда-то было знаменитое «стояние на Угре», а в 1812 году действовали партизаны. Шум в полете не располагал к беседам, но Егорова все же сказала: Конечно читала. И о Давыдове, и о Фигнере, и о Сеславине тоже...» - писал Иван Георгиевич [10, с 41].

Еще 4 числа октября в Москве были убеждены, что фронт в более сотни километров от Юхнова. Вечером этого же этого числа бойцы 269-го батальона аэродромного обслуживания 1-го тяжёлого бомбардировочного авиаполка обнаружили разведотряд противника на южных окраинах города [9, с 192]. Звуки взлетов самолетов, поднявшихся по тревоге, разбудили Старчака, только вернувшегося с задания. Связи уже не было ни с Вязьмой, ни со Ставкой. Возник план: отправится с отрядом на восток, вслед за полком. Но это значило бы, что по всему московскому направлению не останется никаких частей на пути к столице.

Старчак записал в воспоминаниях об этом трагическом событии следующее: «Наш небольшой отряд - двести бойцов, прибывших из фронтовых авиачастей, сто пятьдесят недавно прибывших комсомольцев и несколько десятков хорошо обученных парашютистов из 214-й воздушно-десантной бригады, являлся единственной, громко говоря, силой на участке от Юхнова до Подольска. Если мы не остановим гитлеровцев здесь, в Юхнове, то они беспрепятственно дойдут до Мятлево, Медыни, Малоярославца... Но сможем ли мы успешно оборонять город столь малыми силами, не имея орудий, пулеметов, танков?» [9, с 44]. Было принято решение держать оборону не в самом городе, а на три километра восточнее, в месте переправы через Угру, не взрывая, а только минировав мост, оставляя соблазн немцам не сворачивать с дороги.

5 октября 1941 года И.В. Сталин звонил в штаб Ленинградского фронту Г.К. Жукову: «Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова...» [5, с 187]. К вечеру 6 октября вышел приказ № 2684 командующему Западным фронтом о назначении Жукова в качестве представителем Ставки.

5-6 октября отряд Старчака отбил уже 3 крупных атаки, а в момент последней прибыла в распоряжение рота и батарея из Подольского училища, поднятая по тревоге днем 5 октября. Помощь пришла благодаря докладу мотоциклиста, отправленного Старчаком ранее.

К 9 октября в отряде осталось только 29 человек, поэтому было решено усилить это направление частыми танковой бригады. Вот как об этом вспоминал сам Иван Георгиевич: «Как-то не верилось, что произойдет это так обыденно, вроде сдачи поста в карауле. Заступили мы на этот «пост» 4 октября на двести пятом километре, а сменились 9 октября 1941 года на сто восьмидесятом километре от Москвы» [9, с 63].

Уже занимавшийся делами Западного фронта Жуков позднее в своих размышлениях дал такую оценку действиям отряду Старчака в этот период под Юхновым: «Отряд И. Г. Старчака после взрыва моста занял оборону по реке Угре. Вскоре он был поддержан отрядом курсантов подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчика и капитана Я. С. Роскикова. Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались героическими действиями этих отрядов. В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве. Тем временем в районе Малоярославца, на его укрепленный рубеж, вышли и развернулись артиллерийское и стрелково-пулеметное училища Подольска» [5, с 189].

Отряд Старчака сдерживал солдат вермахта целых 5 дней, это именно его солдаты подняли по тревоге Подольское училище и дали время укрепиться им в Ильинском. Именно с этих нескольких сотен бойцов, героически защищавших под Юхновым подступы к столице, можно считать началом битвы за Москву.

Итак, в мемуарах современников Юхновская земля стала символом обороны Отечества от сил неприятеля. Она была своеобразной «крепостью», оплотом в тылу и на фронте, сыграла решающую роль в обороне столицы и в 1812, и в 1941 годах. Этот регион, дважды принявший на себя удар захватчиков, оба раза сыграл ключевую роль в спасении Отечества.

Список литературы:

1. Бирюкова, М. Юхновский уезд и его ополчение в 1812 году / М. Бирюкова. - Калуга: Национальный парк «Угра», 2015. - С. 46.

- 2.Вороновский, В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. Юбилейное издание Смоленского Губернского Земства / В. М. Вороновский. - СПб., 1912. - С. 405–411.
- 3.Давыдов, Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года / Д. В. Давыдов. - М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1941. - 158 с.
- 4.Давыдов, Д. В. Сочинения / Д. В. Давыдов. - М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. - С. 315, 319.
- 5.Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. - 7-е изд. - М.: АПН, 1986. - С. 187, 189.
- 6.Маслов, В. Е. Город в золоте сосен / В. Е. Маслов. - Юхнов; Калуга: Изд-во «Стожары» - редакция газеты «Знамя», 1995. - 24 с.
- 7.Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны 1812 года, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. В 4 ч. Ч. 3 / А. И. Михайловский-Данилевский. - 2-е изд. - СПб., 1840. - С. 92–94.
- 8.Муриев, Д. З. Провал операции «Тайфун» / Д. З. Муриев. - М.: Воениздат, 1966. - С. 39–40.
- 9.Панков, Д. Д. Подольские курсанты в битве за Москву / Д. Д. Панков. - М.: Издательский дом «Московия», 2008. — 192 с.
- 10.Старчак, И. Г. С неба — в бой / И. Г. Старчак. - М.: Воениздат, 1965. - 62 с.
- 11.Телегин, К. Ф. Не отдали Москвы / К. Ф. Телегин. - М.: Советская Россия, 1968. - С. 108.

Гукова Ксения Алексеевна

студент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Чепель Александр Иванович

Ksenia Gukova

Saint Petersburg State Maritime Technical University

К ВОПРОСУ О МОРСКОМ ПИРАТСТВЕ В ГВИНЕЙСКОМ ЗАЛИВЕ

Аннотация. В статье рассказывается о морском пиратстве в Гвинейском заливе. Автор изучает причины распространения морского пиратства у берегов Экваториальной Африки. Выявляются социальные и экономические причины морского пиратства. Исследуются масштабы экономических потерь от воздействия морских пиратов на грузоперевозки. Анализируются меры по противодействию морскому пиратству в Гвинейском заливе.

Ключевые слова: морское пиратство, Гвинейский залив, морской транспорт, морская логистика, риск-менеджмент.

ON THE ISSUE OF MARITIME PIRACY IN THE GULF OF GUINEA

Summary. This article discusses maritime piracy in the Gulf of Guinea. The author examines the reasons for the spread of maritime piracy off the coast of Equatorial Africa. Social and economic causes of maritime piracy are identified. The scale of economic losses from the impact of maritime pirates on cargo transportation is investigated. Measures to counter maritime piracy in the Gulf of Guinea are analyzed.

Keywords: maritime piracy, Gulf of Guinea, maritime transport, maritime logistics, risk management.

Гвинейский залив стал одним из самых опасных морских регионов из-за резкого роста пиратства. Через него проходят важнейшие морские торговые пути. Пиратская деятельность здесь стремительно растёт. В 2011 году зафиксировано 49 нападений, но ситуация продолжает ухудшаться. Первоначально морские пираты представляли собой вооружённые формирования с политическими требованиями, но постепенно они трансформировались в организованные преступные группировки, в частности Движения за освобождение дельты Нигера.

Главными причинами распространения пиратства стали бедность, безработица и отсутствие подходящей среды и условий для работы. Загрязнение окружающей среды в результате деятельности нефтяников, ухудшение условий рыболовства и сельского хозяйства и невозможность для местного населения воспользоваться доходами от эксплуатации естественных ресурсов, прежде всего нефти, подтолкнуло жителей прибрежных районов Нигерии к требованию большей автономии. «Движение за освобождение

Дельты Нигера» стало своего рода прикрытием для местных вооружённых формирований.

С 2006 года нападения на суда и нефтяные платформы стали частыми. Повстанцы нелегально откачивали нефть из трубопроводов, разрушали нефтяное оборудование и брали в плен экипаж, требуя выкуп. Достаточно скоро такие нападения стали источником денежных доходов. Со временем стало невозможно определить, являются ли подобные действия политически мотивированными или просто бандитизмом с целью получения дохода. Всё стало сливаться в одно целое.

География нападений расширилась от дельты Нигера до территориальных вод соседних стран – Бенина и Того. Пираты активно действуют не только в нигерийских водах, но и у берегов Бенина, Ганы и других стран региона.

В начале 2010-х годов ситуация достигла пика. В 2010 году было зафиксировано 43 нападения, в 2011 году – уже 64, а в 2012 году – насчитали 66 случаев. Суммы убытков от пиратства составляют 8–12 \$ млрд ежегодно. Полученные пиратами «доходы» виде выкупов достигли 177 \$ млн в 2009 году и 238 \$ млн в 2010 году. Пираты действовали организованно, используя современное оборудование и имея разветвлённую сеть информаторов. Судоходные компании предлагают следующие меры по борьбе с пиратством: увеличение скорости судов до 18 узлов, установка дополнительных ограждений на судне, наём вооружённой охраны и движение по рекомендованным транзитным коридорам.

Международное сообщество предприняло комплексные меры по борьбе с пиратством. В 2013 году в Яунде состоялся важный саммит, на котором был утверждён кодекс поведения по противодействию пиратству при подавлении пиратства и разбоя в отношении судов и незаконной морской деятельности в Западной и Центральной Африке, известного как Кодекс поведения Яунде. Данная система включает в себя: усиление военно-морских сил прибрежных государств, международное патрулирование, обмен информацией между странами, создание системы мониторинга и внедрение современных технологий отслеживания. Об эффективности данных мер может свидетельствовать уменьшение количества нападений на морские суда: в 2014 году совершены 84 нападения, в 2015 году – 57, в 2016 году – 78, в 2017 году – 60.

Однако к концу десятилетия был зафиксирован всплеск пиратства: в 2018 году – 112 нападений, 2019 году – 98, 2020 году – 106. Это связано с изменением тактики пиратов. Характер нападений пиратов говорит об эффективном планировании операций. Налётчики знают, где и когда появится гражданское судно, которое они планируют захватить. Они начали активно использовать гражданские суда (как правило, рыболовецкие). При подходе к цели пираты спускали на воду одну или две быстроходные моторные лодки и внезапно нападали на цель. Также отмечается, что они используют современное оборудование, в частности, средства дальней спутниковой связи и навигации, а также беспилотные летательные аппараты. По данным ВМС Франции, в 2017

году пираты в Гвинейском заливе в ходе 10 нападений взяли в заложники 60 моряков, в 2018 году – 99 (14 нападений), в 2019 году – 146 (27 нападений), в 2020 году – 142 (25 нападений), в 2021 году – 71 (10 нападений). Усиление мер противодействия морскому пиратству государств Гвинейского залива и международных партнёров показывает ощутимые результаты. Так, в 2021 году число нападений снизилось вдвое относительно предыдущего года. В 2022 году появился более заметный прогресс. Был достигнут исторический минимум за последние 30 лет – зафиксировано всего 19 нападений. Пираты захватили три судна и похитили двух моряков.

Ситуация с пиратством в Гвинейском заливе является проблемой, которая требует срочного решения. Особую опасность представляет переплетение с другими формами преступности – наркотрафиком, контрабандой оружия и торговлей людьми. Количество нападений увеличивается, а география их распространения расширяется. Без комплексного подхода к решению проблемы, включающего как силовые меры, так и социально-экономические преобразования, одолеть пиратство невозможно.

Список литературы:

1. Бутакова Н.А., Евграфова И.В., Тарасов А.С., Чепель А.И. Эволюция организационно-правового противодействия пиратству на море // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6. С. 82–86.
2. Елькина Е.А. Пиратство в Гвинейском заливе: новые угрозы // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12. С. 34–38.
3. Жамбиков А.М. Пиратство в Гвинейском заливе и роль африканских региональных организаций в обеспечении безопасности морского судоходства // Учёные записки Института Африки РАН. 2023. № 4(65). С. 8–20.
4. Князева Н.А., Князева Е.А. Использование военно-морских сил в борьбе с морским пиратством // Национальная безопасность / Nota bene. 2019. № 4. С. 1–10.
5. Сигаури-Горский Е.Р. О мерах борьбы с морским пиратством (2024–2025 гг.) // Аналитические записки ИКСА РАН: сборник статей. М., 2025. С. 30–33.
6. Чепель А.И., Балашова Е.С. Монетизация разбоя: проблема экономических потерь от морского пиратства на современном этапе // Современные проблемы инновационной экономики. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, 15 декабря 2023 г. СПб., 2023. С. 478–483.
7. Чепель А.И., Балашова Е.С. Морское страхование как способ уменьшения экономических потерь от морского пиратства: проблемы и перспективы // Счисляевские чтения: актуальные проблемы экономики и управления. Материалы XIII международной научно-практической конференции. 26 апреля 2024 г. СПб., 2024. С. 468–473.

Гунгер Амелия Алексеевна

3 АД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: преподаватель Киселёва Анастасия Александровна

Amelia Gunger

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НАСЛЕДИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ПЕСТРЫЙ РЯД» В ЧЕРНЯХОВСКЕ

Аннотация: Статья посвящена истории создания и современному состоянию жилого комплекса «Пестрый ряд» в городе Черняховске (бывший Инстербург). В материале подробно рассматриваются архитектурные и планировочные решения комплекса. Особое внимание уделяется социальному аспекту проекта. В статье также поднимается проблема сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: Ганс Шарун, архитектура, экспрессионизм, манифест, жилой массив, блокированные дома, реставрация.

THE LEGACY OF ARCHITECTURAL EXPRESSIONISM IN THE KALININGRAD REGION: THE RESIDENTIAL COMPLEX "PESTRY RYAD" IN CHERNYAKHOVSK

Summary: This article explores the history and current state of the "Pestry Ryad" residential complex in Chernyakhovsk (formerly Insterburg). The article examines in detail the complex's architectural and planning solutions, with particular attention to the social aspects of the project. The article also addresses the issue of cultural heritage preservation.

Keywords: Hans Scharoun, architecture, expressionism, manifesto, residential area, terraced houses, restoration.

Бернхард Ганс Генри Шарун Родился в 1893 году в Бремене. И уже в школьные годы проявлял интерес к архитектуре. В 16 лет Шарун сделал свои первые наброски, а в 18 впервые принял участие в архитектурном конкурсе на модернизацию церкви в Бремерхафене. После получения аттестата об окончании среднего образования в Бремерхафене, Ганс Шарун в 1912 году поступил на архитектурный факультет в Берлинский технический университет. Но не успел завершить свое обучение, так как в 1914 году, когда началась Первая мировая война, его призвали в армию. Но благодаря своему преподавателю Паулю Крухену, Ганс Шарун был командирован в Восточную Пруссию в качестве помощника архитектора. В период, когда большая часть строительных работ в стране остановилась, в этом месте шло масштабное восстановление деревень и городов. Строительство велось в максимально отлаженном, поистине военном режиме при соблюдении принципов

строжайшей экономии, так что работа под руководством Крухена стала для Шаруна бесценной школой истинно рационального проектирования. А 1 апреля 1919 года Ганс Шарун открыл собственное проектное бюро в Инстербурге (сегодня город Черниховск). [1].

В это время одним из самых ярких и важных направлений в искусстве был экспрессионизм (от лат. *expressio*, «выражение»). Стиль возник в 1910–1920-х годах в Германии и Нидерландах как часть широкого художественного течения эпохи модернизма и реакция на кризисный период Первой Мировой войны. Но на архитектуру экспрессионизм оказал особое влияние. Архитекторы стремились передать свое внутреннее состояние через искажение традиционных архитектурных форм. Их целью было достичь максимального эмоционального воздействия на зрителя. Каждый архитектор во время создания проекта здания основывался на его собственном видении жизни, идиллических идеях современного общества, которые во многом были далеки от реальности. Проектировщики позволяли своим рукам набрасывать эскизы автоматически, насколько возможно исключая разум, чтобы их замыслы проистекали из неконтролируемой внутренней духовности. Одной из главных особенностей знаний этого направления была динамичная и ассиметричная форма фасада и плана. Архитекторы вдохновлялись формами объектов природного ландшафта, таких как горы, скалы, пещеры и сталактиты. Кроме того, нередко использовались смелые цвета и контрастные тона. [2].

Перед самой войной начинающий архитектор Бруно Таут первым «раскрасил» в яркие контрастные цвета жилые дома в поселке Фалькенберг под Берлином. И именно он в последние годы войны стал лидером кружка молодых архитекторов, стремившихся переосмыслить предшествующий опыт и выработать принципиально новые подходы к проектированию. Новая творческая позиция строилась на отрицании «позитивистского» подхода к жизни и творчеству, существующего в довоенные годы и воплотившегося в неоклассических постройках. В 1919 году Бруно Таут опубликовал один из своих самых важных манифестов – «Призыв к цветному строительству». В нем Таут писал: «Мы больше не хотим строить безрадостные дома или видеть, как их строят другие. Цвет не так дорог, как лепные украшения и скульптуры, но цвет означает радостное существование. И поскольку цветная архитектура может создаваться ограниченными ресурсами, мы должны особенно настаивать на ее использовании в новых строящихся зданиях. Пусть синий, красный, желтый, зеленый, черный и белый сияют четкими, яркими оттенками, чтобы заменить грязно-серые цвета домов». Документ был подписан 36 известными архитекторами всех направлений, среди которых сам Бруно Таут, П. Беренс, Х. Бернули, М. Элзэссер, А. Энделл, и В. Гропиус. Подпись под этим манифестом поставил и Ганс Шарун. [3].

Следуя принципам манифеста Бруно Таута, Ганс Шарун начал проектирование одной из его первых крупных работ - жилого микрорайона Камсвикус, он же «Поселок на Камсвикской аллее», получивший народное название «Пестрый ряд» за яркие цвета зданий. Причём «Пестрый ряд» – это не

только самый ранний сохранившийся объект Шаруна (построен в 1921-24гг.), но и его единственная цветная постройка, а в общих списках «цветного строительства» – вторая.

Жилой массив находился на восточной окраине Инстербурга (сегодня город Черниховск), на участке, расположенном за железно-дорожной линией на Тильзит (сегодня город Советск). Вход в поселок начинался с моста, над железнодорожным рвом, здесь располагалась площадка и открывался обзор на весь жилой массив. Таким образом Ганс Шарун режиссирует вид, архитектор учитывает линии обзора и скрывает частные зоны огородов, которые находятся за домами.

Жилой квартал состоял из 112 строений и его можно было условно поделить на две части: более масштабную «общественную» по Камсвикской аллее (сегодня улица Гагарина), к которой относились двухэтажный полукруглый дом с предмостной площадью и два трехэтажных корпуса далее по Аллее на Камсвикен, и более закрытую «частную» по улице Пестрый ряд (сегодня улица Элеваторная), на которой были построены два двухэтажных коттеджа и 16 блокированных двухэтажных домов. (Рис. 1.)

Рис. 1.

Строительство первой очереди блокированных домов по заказу инстербургского домостроительного товарищества служащих началось в 1921 году. Планировка квартир «Пестрого ряда» была очень экономичной, но при этом соответствовала всем нормам эргономики. Ганс Шарун разработал компактную, «круговую» систему для помещений, позволяющую удобно расположить разные по функции комнаты, приближенные по форме к квадрату, и при этом обойтись без коридоров. Архитектор тщательно продумывал ориентацию квартир по сторонам света и даже вид из окон - улица Пестрый ряд идет с севера на юг, поэтому окна домов почти полностью развёрнуты на восток и запад. Опираясь на манифест Бруно Таута, Ганс Шарун использует непривычно яркие цвета при оформлении интерьеров и фасадов домов: красный, голубой, зеленый, желтый. В условиях строжайшей экономии краска оказалась едва ли не единственным доступным и разрешенным средством «украшения» зданий наряду с минимальной пластикой. Новые дома были не

похожи друг на друга: разная этажность, разные фасады, рельеф стен, количество эркеров, формы дверей, окон и наличников, оригинальные лестницы и перила. (Рис. 2.)

Рис. 2.

А начало им всем дают два отдельно стоящих коттеджа. Они рассчитаны на одну семью, а также предполагают наличие магазина и подсобного помещения. На первом этаже расположено широкое витринное окно, которое выдвинуто плоским треугольным эркером из фасада, а карнизом охватывает обе двери. Они имеют два выхода на улицу: из дома и из торгового зала. Все дома были краснокирпичными, но один из этих коттеджей выполнен из силикатного кирпича, который в то время был новым материалом, и производился лишь на Рейне и Руре. Стены фасадов выложены клинкером «в елочку».

В 1923 году началось строительство первого трехэтажного дома по Камсвикской аллее заказанного Управлением железных дорог. В 1924 году в линию с этим домом встал второй – городского общества малогабаритных квартир. Оба этих дома, отошли от красной линии, главный фасад мало почеркнут пластикой – любые выступы исчезнут в перспективном сокращении. Но южная - дворовая сторона, которая выходит на личный сад, украшена лоджиями пятиугольной формы, за которыми находятся кухни-столовые. Таким образом, Ганс Шарун гарантировал незатеняемость общесемейной зоны, красивый вид из окна и благоприятное место для посадки овощей. Торцевые фасады также очень пластичны, они выделены ромбовидными лоджиями со штукатурными рамками контрастных цветов, особенно это подчёркивалось

игрой света и тени на протяжении дня. (Рис. 3.)

Рис. 3.

В этих домах, в основном, поселились «маленькие люди»: лавочники, почтовики, телефонисты, кассиры, плотники, шоферы и т. д. При этом жильцов было больше, чем квартир, так что в некоторых домах устраивались коммуналки. Из-за того, что жилой массив располагался на окраине города здесь сформировался собственный обособленный жизненный уклад. Их объединял не только социальный статус, но и сама атмосфера нового жилого комплекса, где сама среда обитания задавала новый ритм и качество жизни, а главным центром притяжения для жителей были собственные лавки и собственный клуб, расположенные прямо в поселке. [4].

С 2010 года жилой комплекс Ганса Шаруна «Пёстрый ряд» является объектом культурного наследия, но требует серьезных работ по реставрации. Утраты вполне восстановимы, необходим только воссоздать рисунок рам и слуховых окон, возродить штукатурку с покраской, утеплить изнутри стены, расшить коммуникации, заменить печи котельными и тп. Подобным образом в Берлине были спасены уникальные постройки Бруно Таута «Соколиная гора» и «Хижина дяди Тома».

Интересно, что для разработки проекта по реконструкции комплекса привлекли студентов архитекторов. Предполагался многоступенчатый учебно-практический подход. Сначала, в период летней практики, проводятся обмеры

объектов. Затем – наработка проектных решений. И, отобрав лучшие предложения, проекты передаются на исполнение местным мастерским строительных ремесел - так как дома построены не по ГОСТу для их восстановления требуется особый подход.

Но, к сожалению, эта идея пока не реализована. Работу тормозит нехватка бюджета и непонимание значения уникальности архитектурного наследия Шаруна. Процесс восстановления цветного жилого ансамбля может сделать Черняховск образцовым примером регионального и общероссийского развития. На сегодняшний день «Пестрый ряд» — это уникальный памятник архитектурного экспрессионизма, сохранившийся даже лучше, чем его аналоги в Германии. Он интересен тем, что показывает, как смелые архитектурные идеи могут формировать повседневную жизнь людей, создавая не просто стены, а пространство для общности, радости и гармонии с природой. [5].

В рамках курсового проекта в нашем институте нам было предложено разработать территорию, планировки, а также фасады жилого комплекса блокированных домов. Мною было предложено решение, отсылающее к идее проекта Ганса Шаруна. Каждый блок отличается отделкой фасада: используются разные материалы (кирпич, камень, декоративная штукатурка), цветовые решения и текстуры, таким образом, создается необычное взаимодействие оттенков, где каждый участок уникален. При этом все дома идентичны по своей форме, сохраняют общий ритм и не выбиваются из композиции улицы. Кроме того, каждый участок имеет два выхода: на общую пешеходную часть и на небольшой приватный участок, так же как в поселке Ганса Шаруна “Пестрый ряд”. (Рис. 4.)

Рис. 4.

Список литературы:

1. Шарун Ханс / [Электронный ресурс] // Prussia39 : [сайт]. — URL: <https://www.prussia39.ru/fame/index.php?fid=151#close> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Экспрессионизм в архитектуре в объединении прошлого, настоящего и будущего / [Электронный ресурс] // ВКонтакте: [сайт]. — URL: <https://vk.com/@verelli-ekspressionizm-v-arhitecture-v-obedinenii-proshlogo-nastoyas> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Татьяна Гнедовская Архитектор Ханс Шарун: свой среди чужих, чужой среди своих [Текст] / Татьяна Гнедовская // ИСКУССТВОЗНАНИЕ. — 2020. — № 4. — С. 110-143.
4. Дмитрий Сухин: «Сделаем восточнопрусское возрождение — калининградским!» / [Электронный ресурс] // Archi.ru: [сайт]. — URL: <https://archi.ru/russia/54579/dmitrii-sukhin> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Уникальный архитектурный квартал «Пёстрый ряд» немца Ганса Шаруна в Черняховске / [Электронный ресурс] // Livejournal: [сайт]. — URL: <https://pamsik.livejournal.com/277688.html> (дата обращения: 26.02.2026).

Данилюк Ксения Сергеевна

2 ХД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Danilyuk Ksenia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СВОБОДА ВОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: МОЖЕМ ЛИ МЫ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВЫБИРАТЬ?

Аннотация: В статье рассматриваются философские аспекты свободы воли и ответственности. Анализируются взгляды различных философов и концепции, отражающие возможность свободного выбора человека, включая теологические, детерминистские и индетерминистские подходы. Оценивается современное значение свободы воли в контексте моральной и правовой ответственности.

Ключевые слова: свобода воли, индетерминизм, мораль, ответственность, философия, выбор.

FREEDOM OF WILL AND RESPONSIBILITY: CAN WE TRULY CHOOSE?

Summary: The article explores the philosophical dimensions of free will and responsibility. It analyzes different perspectives, including theological, deterministic, and indeterministic views on human ability to choose freely. The contemporary significance of free will in moral and legal responsibility is also evaluated.

Keywords: free will, indeterminism, morality, responsibility, philosophy, choice.

Свобода воли — одна из ключевых тем, не теряющих своей значимости как в философских дискуссиях, так и в научных исследованиях и повседневных размышлениях. Суть вопроса сводится к тому, насколько человек способен принимать решения, не зависящие от внешних обстоятельств, генетической предрасположенности или подсознательных импульсов. Споры об этом ведутся со времён античности, но сегодня, в эпоху стремительных технологических и социальных изменений, поиск ответа становится особенно острым. Ещё Аристотель в своих трудах связывал свободу с осознанным целеполаганием, утверждая, что истинно свободный человек действует рационально, минуя принуждение извне. В литературе классическим примером борьбы за внутреннюю свободу служит шекспировский Гамлет, чьи метания между долгом, чувствами и разумом отражают глубину этой дилеммы. Однако современная нейробиология, в частности эксперименты Бенджамина Либета, бросает вызов этим представлениям: учёные обнаружили, что активность мозга, предвосхищающая решение, возникает раньше, чем человек осознаёт свой выбор. Это открытие заставляет задуматься: действительно ли мы управляем

своими решениями, или же они — результат работы нейронных механизмов, неподконтрольных сознанию?

Философ эпохи Нового времени Рене Декарт отстаивал идею дуализма, утверждая, что разум и тело — две независимые субстанции, а свободная воля выступает подтверждением наличия нематериальной души. Однако прогресс в нейробиологии и психофизиологии подвергает эту концепцию жёсткой критике: открытия последних десятилетий доказывают, что даже абстрактное мышление обусловлено биохимическими реакциями в нейронных сетях. Это полностью нивелирует классическое противопоставление духовного и телесного. Тем не менее, Даниел Деннет в рамках компатибилизма доказывает, что детерминизм не отменяет свободы: если решение согласуется с внутренними убеждениями личности, его можно считать добровольным. Яркой иллюстрацией этой идеи становится Раскольников из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Герой, находясь под гнётом собственной теории и внешних обстоятельств, через страдание приходит к осознанию вины — и именно этот акт выбора делает его свободным. Подобный взгляд перекликается с экзистенциализмом Ж.-П. Сартра, для которого свобода и ответственность неразделимы. Родион Раскольников, принимая последствия своих действий, не просто освобождается от мук совести, но и обретает подлинное «Я». Таким образом, даже в условиях предопределённости физиологией, ключевым остаётся самосознание — способность человека переосмыслить свою роль в принятии решений.

Артур Шопенгауэр утверждал, что человеческие желания не являются продуктом свободного выбора — они предопределены самой нашей сущностью. Фридрих Ницше пошёл ещё дальше, называя свободу иллюзией, искусственно созданной обществом для контроля. Вместо следования навязанным нормам он призывал к созданию индивидуальных ценностей, где истинная свобода проявляется не в отсутствии ограничений, а в способности преодолевать их, осознанно принимая ответственность за свой путь. Но если у взрослых свобода — это сложный синтез воли и ограничений, то свобода ребёнка — принципиально иной феномен. Начало человеческого пути отмечено наивной непосредственностью — новорождённый входит в мир, лишённый понимания его скрытой архитектоники. Поведение ребёнка на этой стадии есть чистое проявление нефiltroванных импульсов: он действует, повинаясь внутренним токам, без осознания границ социальных конвенций, долга или внешних ожиданий. Это первозданное состояние свободы — додуалистическое, где ещё не возник разлом между «дозволено» и «запретно». Но по мере взросления этот нерелексивный дар угасает.

Институты воспитания, образования и социализации встраивают в сознание систему регуляторов — табу, императивы, предписания. Формируется понимание причинности поступков, а «аутентичное бытие» начинает требовать цену конфликта с окружением. Внутри психики возникает конфликтующее пространство между стихийными хотениями и усвоенными нормами. Означает ли это смерть свободы? Скорее её метаморфозу. Ж.-Ж. Руссо в «Эмиле»

мифологизировал детство как царство нетронутой естественности, а персонажи вроде Тома Сойера или Питера Пэна превратились в иконы утраченной аутентичности. Однако свобода зрелого человека — не инфантильный регресс, а сознательный диалог с реальностью, где ответственность становится не оковами, а структурообразующим элементом. Философская мысль от романтиков до экзистенциалистов сходится в главном: подлинная свобода рождается только в пути к осознанности. Взрослый, не развивший способность к рефлексивному выбору, теряет не детскую беспечность, а саму возможность самоопределения — ядро человеческого достоинства. Эволюция свободы предстаёт не деградацией, а сменой онтологического режима: от бессознательного потока импульсов к экзистенциальному самоограничению. И в этой перспективе зрелая свобода оказывается трагичнее, но неизмеримо содержательнее своей изначальной, «наивной» формы.

Исторический дискурс о свободе обогащен множеством альтернативных трактовок, включая взгляды, укорененные в религиозной мысли. Рассмотрим несколько ключевых философских позиций. Стоицизм (Марк Аврелий, Эпиктет) определяет свободу прежде всего, как внутренний суверенитет над собственными реакциями, а не управление внешними событиями. Как отмечал Эпиктет в «Беседах», подлинная свобода доступна лишь тому, кто властвует над своим разумом и волеизъявлениями — единственными сферами, реально подконтрольными человеку. Интересно, что этот принцип находит прямое созвучие в современной когнитивно-поведенческой терапии, где освобождение связывается с трансформацией негативных когнитивных шаблонов.

Восточные традиции предлагают иную оптику. Даосизм (Лао-цзы, «Дао Дэ Цзин») возводит в идеал «у-вэй» — спонтанное действие через невмешательство, подразумевающее слияние с естественным ходом вещей. Согласно даосам, страдание порождает насильственное навязывание миру личной воли, тогда как подлинная свобода рождается из непринужденного принятия реальности. Чжуан-цзы образно демонстрировал это, описывая мастерство как состояние полного слияния с деянием, где исчезает напряжение. Дзен-буддизм (Догэн, Хуэй-нэн) углубляет эту мысль, ставя под вопрос саму иллюзию выбора. Свобода здесь — прорыв за пределы дуалистического мышления и концептуальных оков. Дзенская медитация устремлена к состоянию, где растворяется грань между наблюдающим и наблюдаемым, а вместе с ней — и сама потребность в выборе. Знаменитые коаны выражают эту истину: свобода — не в предпочтении чая кофе, а в прозрении собственной природы, вмещающей оба начала.

В резком контрасте экзистенциализм (Жан-Поль Сартр, «Бытие и ничто») провозглашает человека «обреченным на свободу». Даже попытка избежать выбора, по Сартру, сама является актом выбора, подчеркивая абсолютную и неизбежную ответственность индивида. Эта радикальная свобода сопровождается не менее радикальной ответственностью, что, по мнению Сартра, вызывает экзистенциальную тревогу. Альбер Камю развивал эту идею в «Мифе о Сизифе», показывая, что признание абсурдности существования не

отменяет необходимости делать выбор и нести за него ответственность. И все же в реальной жизни свобода проявляется через конкретные условия. Мы выбираем, но не в вакууме: решения зависят от окружения, эмоционального состояния и социальной среды. Например, мы хотим избавиться от вредной привычки, но на это будет влиять очень много факторов внешнего мира: стресс, мнение окружающих, конфликты, внутреннее состояние. Таким образом, свобода воли — явление многослойное. Её нельзя свести ни к полной независимости, ни к абсолютной предопределённости.

Человек веками пытался заключить свободу в клетку определений – то волей божества, то цепью нейронных импульсов, то жерновами социума. Но подлинная её суть, возможно, не в эфемерной независимости от обстоятельств, а в дерзком акте осознания, который превращает саму несвободу в материал для выбора. Даже если наши поступки предопределены биологией или средой, сама способность взглянуть в лицо этой детерминированности, поставить её под сомнение, возмутиться или принять – уже есть свидетельство пробуждающейся воли. Свобода – не статичная территория, а *вечное восстание*: мятеж разума против слепого инстинкта, напряжение долга перед напором страсти, хрупкое равновесие между детской спонтанностью и взрослой маской ответственности.

Философские карты этой *terra incognita* (непостижимой земли) лишь намечают контуры: для Аристотеля она обреталась в гавани осмысленного выбора, для Сартра – в бездне ответственности перед лицом абсурда, стоики возводили её в неприступную крепость внутреннего суда, а дзен-буддисты растворяли в океане, где исчезает сам пловец. Эти пути не противостоят, а как лучи освещают грани одного кристалла. Парадокс же свободы в том, что она рождается не в ответе, а в вопросе – в самом трепете Гамлетовского «Быть?», в дрожи руки Раскольникова над топором, в тихом вопросе обывателя: «Как принять свои цепи?». Ибо даже обусловленный выбор, будучи осознанным, пресуществляется в акт воли. Виктор Франкл, познавший ад концлагеря, выжег эту истину в вечность: «У человека можно отнять всё, кроме последней свободы – выбирать отношение к данности». Так открывается, что высшая свобода – не слепое выбиравание, а *прозрение причин своего выбора*. В этом осознанном бунте против слепоты – исток подлинной человечности.

Список литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. В. Карпова. — М.: Мысль, 1973. — 287 с.
2. Декарт Р. Размышление о первой философии. // Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2 / сост., ред. и примеч. В. В. Соколова, — М.: Мысль, 1994.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. — СПб: Азбука, 2012. — 496 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — СПб.: Наука, 2003. — 768 с.

5. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. — М.: Эксмо, 2016. — 352 с.
6. Деннет Д. Свобода воли и сознание. — М.: Логос, 2007.
7. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М.: Эксмо, 2020.
8. Марк Аврелий. Наедине с собой. — М.: Эксмо, 2018.
9. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. — М.: Феникс, 2020.
10. Камю А. Миф о Сизифе. — М.: АСТ, 2019.
11. Эпиктет. Беседы. — СПб.: Азбука, 2021.
12. Камю А. Бунтующий человек: Философское эссе — Москва: «ТЕРРА-Кн. клуб», «Республика», 1999. — 414 с.

Даукаева Диана Альбертовна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Daukaeva Diana

Saint Petersburg State University of industrial Technologies and Design

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА: РОЛЬ ЭМПАТИИ, ЛИЧНОЙ ВЫГОДЫ И ЭТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Аннотация: В статье рассматривается сложная природа мотивации профессиональной помогающей деятельности в социальной работе. Анализируются философские и психологические подходы к осмыслению альтруизма и эгоизма как базовых детерминант поведения. Особое внимание уделяется специфике социальной работы: бескорыстное служение другим здесь неизбежно сопряжено с личностными потребностями и профессиональными интересами самого специалиста. Обосновывается тезис, согласно которому мотивация социального работника представляет собой не бинарную оппозицию, а сложный синтез альтруистических, эгоистических и социально-нормативных компонентов. Делается вывод о необходимости рефлексии собственных побуждений для предотвращения профессионального выгорания и сохранения эффективности в профессии.

Ключевые слова: социальная работа, альтруизм, эгоизм, профессиональная деформация, этические дилеммы.

PROFESSIONAL MOTIVATION OF A SOCIAL WORKER: THE ROLE OF EMPATHY, PERSONAL BENEFIT, AND ETHICAL VALUES

Summary: The article examines the complex nature of motivation in professional helping activities within social work. Philosophical and psychological approaches to understanding altruism and egoism as fundamental determinants of behavior are analyzed. Particular attention is paid to the specific nature of social work as a profession, where selfless service to others is inevitably intertwined with the personal needs and professional interests of the practitioner. The thesis is substantiated that a social worker's motivation represents not a binary opposition, but a complex synthesis of altruistic, egoistic, and social-normative components. The conclusion is drawn regarding the necessity of reflecting on one's own motives to prevent professional burnout and maintain professional efficacy.

Keywords: social work, altruism, selfishness, professional deformation, and ethical dilemmas.

Актуальность исследования мотивации помощи в контексте профессиональной деятельности социального работника обусловлена рядом факторов. Современное общество, характеризующееся процессами социального

расслоения, демографическими изменениями и ростом числа уязвимых групп населения, предъявляет высокие требования к качеству и эффективности социальной работы. В этих условиях фигура социального работника становится ключевым звеном в реализации государственной социальной политики. Однако парадокс профессии заключается в том, что, будучи институционализированной формой помощи, она требует от специалиста не только профессиональных компетенций, но и особой личностной включённости, граничащей с самопожертвованием.

С другой стороны, в общественном сознании и в самой профессиональной среде существует устойчивый миф о том, что "настоящий" социальный работник должен быть исключительно альтруистом, руководствующимся лишь бескорыстным стремлением помочь ближнему. Это создает внутренний конфликт, когда естественные человеческие потребности в признании, материальном вознаграждении и профессиональной самореализации начинают восприниматься как нечто "постыдное", не соответствующее образу идеального помогающего практика. Как справедливо отмечают исследователи, крайне важно для всех, кто посвящает себя помогающей деятельности, честно отдавать себе отчет в сложном переплетении мотивов и осознавать свое "теневое" желание помогать, чтобы не быть впоследствии раздавленным несбыточными фантазиями об изменении мира без возможности изменить самого себя.

Целью данной статьи является анализ теоретических подходов к пониманию эмпатии, личной выгоды и этических установок как мотивационных оснований деятельности социального работника, а также выявление специфики их взаимодействия в структуре профессиональной мотивации.

Понятие «эмпатия» (от нем. *Einfühlung* – «вчувствование», позднее от греч. *empathia* – сопереживание), хотя и получило широкое распространение в XX веке, имеет глубокие философские корни. В контексте социальной философии и этики эмпатия рассматривается как фундаментальная способность человека к пониманию внутреннего мира другого. Основоположник социологии Огюст Конт, размышляя о моральных основах общества, фактически заложил базу для понимания эмпатии, утверждая необходимость ориентации личного интереса на благо другого [1, с. 160-161]. Конт полагал, что прогресс общества напрямую зависит от способности его членов к сочувствию и разделению переживаний ближних. Эта идея была развита Эмилем Дюркгеймом, который подчеркивал, что именно эмпатическая связь, моральная солидарность, всегда будет основанием общественной жизни, а не просто её «приятным украшением». По его убеждению, эмпатические чувства формируют у человека понимание себя как части целого, позволяя ему выйти за пределы собственного эго и пробуждая готовность к поддержке других, что на практике проявляется в актах сострадания и самопожертвования [1, с. 167-170].

Для социальной работы как профессии, целью которой является помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, эмпатическая

направленность является системообразующей. Как отмечается в исследованиях, эмпатия выступает тем необходимым психологическим качеством, которым должен обладать социальный работник [2, с. 118-119]. Более того, гуманизм, проявляющийся в любви к ближнему, рассматривается как важнейшая морально-этическая категория социальной работы [3, с. 145-148]. Эрих Фромм, развивая идеи гуманистического психоанализа, рассматривал любовь как искусство, требующее теоретического и практического освоения, и именно это качество позволяет социальному работнику выстраивать подлинно помогающие отношения [4, с. 56-62].

Артур Шопенгауэр, размышляя о природе нравственности, утверждал, что фундаментальным основанием взаимодействия людей должны быть бескорыстная справедливость и подлинное человеколюбие, источником которых является сострадание. Философ подчеркивал, что сострадание проявляется всюду, где человек, недолго думая, спешит на выручку другому, порой подвергая опасности собственную жизнь [1, с. 173-175]. Эта мысль перекликается с современным пониманием эмпатии как ключевой компетенции социального работника.

Однако на протяжении всей истории философской мысли существовала и противоположная традиция, подвергавшая сомнению саму возможность бескорыстного поведения. Наиболее ярким представителем этой традиции является Фридрих Ницше, который с презрением относился к альтруистической морали, видя в ней проявление "жалких чувств лакейской души" и деградацию жизненно важных инстинктов [5, с. 169-170]. По его мнению, проповедь бескорыстия поддерживает слабых и неудачников, препятствуя развитию сильной личности.

В более мягкой форме психологический эгоизм утверждает, что в основе любого, даже самого жертвенного поступка, лежит эгоистический интерес: стремление избежать чувства вины, заслужить одобрение, повысить самооценку или получить внутреннее удовлетворение [6, с. 385-390]. Джером Уэйкфилд в своей фундаментальной работе, посвященной теоретическим основам помогающих профессий, отмечает парадокс: альтруистические цели лежат в основе гуманитарной миссии социальной работы, однако почти все современные теории мотивации предполагают, что люди по своей сути эгоистичны [7, с. 410-415]. Этот парадокс создает серьезную теоретическую проблему для обоснования профессиональной идентичности социальных работников.

Исследователи выделяют различные подходы к объяснению просоциального поведения. Д. Майерс описывает три теории: теорию социального обмена (помощь как результат подсчета выгод и издержек), теорию социальных норм (следование норме взаимности и норме социальной ответственности) и эволюционную теорию (помощь как механизм выживания рода) [8, с. 215-216]. Все эти теории, так или иначе, предполагают наличие эгоистического компонента в мотивации помощи.

В структуре мотивов личности, оказывающей помощь, присутствуют три основные группы: альтруистические, эгоистические и социально-нормативные, обусловленные культурными привычками, правилами этикета и внешними социальными ожиданиями [8, с. 216-217]. Эмпирические данные подтверждают, что в поведении индивидов в той или иной степени присутствуют все группы мотивов, и их актуализация носит ситуативный характер [9, с. 1530-1531].

Особый интерес представляет исследование Ю.В. Ковалевой, которая установила взаимосвязь мотивов помогающего поведения с самоотношением личности. Было выявлено, что чем выше принятие себя испытуемым, тем выше его стремление руководствоваться мотивами, направленными исключительно на благо нуждающегося. При этом здоровое самопринятие позволяет человеку объективно оценивать свои мотивы, признавая, что они не всегда являются безупречно бескорыстными [9, с. 1531-1532]. Это открытие имеет прямое отношение к социальной работе: специалист с адекватной самооценкой и высоким уровнем самопринятия способен к более подлинному и эффективному помогающему поведению, поскольку он не нуждается в клиенте для решения собственных психологических проблем. Данный вывод подтверждается и более ранними исследованиями Я. Рейковского, который показал, что устойчивая Я-концепция позволяет человеку быть более открытым к нуждам других [10, с. 18-20].

Зарубежные исследователи также приходят к мысли о необходимости комплексного рассмотрения неразрывного сочетания альтруистических и эгоистических устремлений человека [7, с. 445-450]. В социальной работе это проявляется особенно отчетливо. Как отмечают специалисты, мотив помогать и заботиться о других людях глубоко противоречив: с одной стороны, он связан с искренним желанием быть целителем и помощником, с другой – в нем может присутствовать неосознаваемая жажда власти и стремление управлять людьми, находящимися в более уязвимом положении [11, с. 58-60].

Более того, игнорирование собственных потребностей социального работника, его желания быть удовлетворенным своей работой, получать признание и достигать успеха, может привести к серьезным последствиям. Стремление быть любимым и ценимым так же важно для помогающего, как и для того, кому оказывается помощь [4, с. 98-102]. В противном случае возникает риск так называемого "синдрома спасателя", когда специалист неосознанно стремится сохранить зависимость клиента, чтобы подтверждать свою значимость.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, мотивация помощи в деятельности социального работника представляет собой сложное, многоуровневое образование. Сведение ее исключительно к эмпатии является не только упрощением, но и потенциально опасным заблуждением, способным привести к профессиональной деформации и эмоциональному выгоранию. Как образно отмечается в одной из работ, эмпатия и есть сама жизнь, это закон, управляющий обществом, но реализуется

он через конкретных людей – эгоистов, действующих по принципу "хотел добиться богатства для себя, приобрел фирму, но обязан заботиться о работниках" [5, с. 171-172]. В социальной работе этот "закон эмпатии" проявляется в том, что, даже преследуя вполне прагматичные цели (получение зарплаты, карьерный рост, профессиональное признание), специалист объективно выполняет важную социальную функцию помощи нуждающимся.

Во-вторых, здоровое самопринятие и рефлексия собственных мотивов являются необходимыми условиями профессиональной эффективности социального работника. Осознание "теневых" аспектов своей мотивации – стремления к власти, потребности в признании, желания чувствовать себя нужным – позволяет не проецировать эти неосознаваемые импульсы на клиента и выстраивать подлинно помогающие, а не созависимые отношения [11, с. 60-61]. Эту мысль подтверждает и этическая философия В.С. Соловьева, который утверждал, что истинное добро возможно только при полной ясности сознания и свободе самоопределения [3, с. 115-118].

В-третьих, современная наука движется к пониманию мотивации помощи как сложного синтеза альтруистических и эгоистических компонентов. Задача профессиональной подготовки социальных работников заключается не в том, чтобы искоренить "эгоистические" мотивы, а в том, чтобы сформировать у будущих специалистов культуру рефлексии, позволяющую интегрировать эти мотивы в структуру профессиональной идентичности без ущерба для качества помощи. Только признавая *свою* собственную человеческую природу со всеми её противоречиями, социальный работник может по-настоящему принять и другого человека – со всеми его слабостями и проблемами.

Список литературы:

- 1.Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов; Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. – Минск: Беларуская наука, 2015. – 390 с. – ISBN 978-985-08-1925-3.
- 2.Ильин, Е. П. Психология помощи: альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 304 с. – ISBN 978-5-496-00234-9.
- 3.Соловьев, В. С. Оправдание добра: нравственная философия / В. С. Соловьев ; вступительная статья А. Н. Голубева, Л. В. Коноваловой. – Москва: Республика, 1996. – 479 с. – (Библиотека этической мысли). – ISBN 5-250-02510-2.
- 4.Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; перевод с английского. – Москва: АСТ, 2017. – 224 с. – ISBN 978-5-17-982471-8.
- 5.Губанов, Н.Н. Менталитет и его функционирование в обществе / Н.Н. Губанов // Философия и общество. – 2006. – № 4 (44). – С. 125-141.
- 6.Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен; перевод с английского Т. Гудковой [и др.]; научные редакторы перевода Д. А. Леонтьев, Б. М. Величковский. – 2-е издание. – Санкт-Петербург; Москва: Смысл, 2003. – 859 с. – (Мастера психологии). – ISBN 5-94723-389-4.

7. Wakefield, J. C. Is Altruism Part of Human Nature? Toward a Theoretical Foundation for the Helping Professions / J. C. Wakefield // Social Service Review. – 1993. – Vol. 67, No. 3. – P. 406-458. – ISSN 0037-7961.
8. Хачатурова, К. Г. Понимание альтруизма в современных зарубежных теориях / К. Г. Хачатурова // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: сборник материалов конференции. – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 214-217.
9. Ковалева, Ю. В. Мотивы помогающего поведения и их связь с самоотношением личности / Ю. В. Ковалева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1525-1532. – ISSN 2070-7428.
10. Рейковский, Я. Просоциальная деятельность и понятие собственного "Я" / Я. Рейковский // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1981. – № 1. – С. 14-22. – ISSN 0201-7385.
11. Кораблина, Е.П., Колчанова, Л.А. Помощь и помогающие / Е.П. Кораблина, Л.А. Колчанова // Вестник Балтийской педагогической академии. – 2002. – Вып. 43. – С. 143-145.

Дворянинова Анастасия Петровна

1 МД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Anastasia Dvoryaninova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО XVIII–XIX ВВ.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В данной статье рассматривается социально-экономическое положение российского дворянства в XVIII–XIX веках на примере известных дворянских родов, таких как Шереметевы, Юсуповы и Воронцовы. Анализируются их имущественное положение, культурно-образовательный уровень, духовно-нравственные ценности и особенности повседневного быта. Выясняется роль дворянства в формировании государственной идеологии, развитии науки, культуры и благотворительности. Изучается повседневный быт, духовно-нравственные аспекты формирования дворянского сословия в Российской империи. Дворянство, являясь опорой самодержавной власти, играло ключевую роль в укреплении государственного строя Российской империи, формировании управленческого аппарата и продвижении культурного прогресса. Каждое поколение дворян внесло свой неповторимый вклад в укрепление государства. Портретные характеристики представителей известных дворянских родов позволяют проследить эволюцию дворянского самосознания, подтверждая их особый социально-правовой статус и значимость для российского государства.

Ключевые слова: дворянство, Российская империя, культура, экономика, благотворительность, Шереметевы, Юсуповы, Воронцовы, усадьба, Жалованная грамота дворянству.

THE RUSSIAN NOBILITY OF THE 18TH–19TH CENTURIES: SOCIO-ECONOMIC PORTRAIT AND ROLE IN STRENGTHENING THE STATE

Summary: This article examines the socio-economic status of the Russian nobility in the 18th–19th centuries, using prominent noble families such as the Sheremetevs, Yusupovs, and Vorontsovs as examples. Their financial status, cultural and educational level, spiritual and moral values, and the characteristics of their everyday life are analyzed. The role of the nobility in the formation of state ideology, the development of science, culture, and philanthropy is explored. The article also examines everyday life and the spiritual and moral aspects of the formation of the noble class in the Russian Empire. The nobility, as the mainstay of autocratic power, played a key role in strengthening the state system of the Russian Empire, developing

the administrative apparatus, and advancing cultural progress. Each generation of nobles made its own unique contribution to strengthening the state. The portraits of representatives of famous noble families allow us to trace the evolution of noble self-awareness, confirming their special social and legal status and importance to the Russian state.

Keywords: nobility, Russian Empire, culture, economics, charity, Sheremetevs, Yusupovs, Vorontsovs, estate, Charter to the nobility.

Российское дворянство XVIII–XIX веков представляло собой уникальное социальное явление, сочетающее в себе аристократическую элитарность, государственную службу и культурную миссию. Оно не только пользовалось привилегиями, но и несло перед лицом государства и общества особую ответственность. Будучи официально провозглашённым «первенствующим сословием» Жалованной грамотой 1785 года, дворянство стало главной опорой самодержавной власти, обеспечивая управление огромной империей. Однако за внешним блеском парадных мундиров, балов и придворных церемоний скрывалась сложная и динамичная социальная структура, в которой мир магнатов, владевших десятками тысяч душ крепостных, соседствовал с бытом провинциальных помещиков, еле сводивших концы с концами. Именно на примере крупных родов - Шереметевых, Юсуповых и Воронцовых - можно наиболее полно реконструировать социально-экономический портрет элиты и понять её вклад в укрепление Российской империи.

Социально-экономическая база дворянства формировалась на основе землевладения и крепостного права. К середине XVIII века процесс консолидации крупной дворянской собственности завершился: по данным Б.Н. Миронова, к концу царствования Екатерины II около 70 % земель империи принадлежали дворянам, а в центральных губерниях эта доля достигала 90 % [2, с. 178]. Именно в этот период складываются крупнейшие латифундии, принадлежавшие знатнейшим родам империи, чьи имена стали символами «просвещённого господства» и культурного величия.

Графский род Шереметевых играл заметную роль ещё при Иване Грозном. К XVIII веку Шереметевы превратились в одну из богатейших и влиятельнейших фамилий Российской империи. К 1800 году они владели более чем 200 тысячами душ крепостных и десятками усадеб - от Санкт-Петербурга до Тамбовской и Рязанской губерний. Особенно знамениты их резиденции: Кусково под Москвой и Остафьево под Серпуховом. В Кускове уже в 1750-х годах был построен один из первых в Европе частных театров, где выступали как приглашённые итальянские певцы, так и крепостные артисты, прошедшие обучение за границей. В Остафьеве граф Дмитрий Николаевич Шереметев собрал одну из крупнейших в Европе коллекций рукописей, книг и произведений искусства, которая позже вошла в коллекцию Румянцевского музея - будущей Библиотеки имени Ленина. Особое внимание Шереметевы уделяли просвещению: в их имениях существовали школы для крепостных детей, больницы и аптеки.

Князья Юсуповы принадлежали к числу древнейших татарских родов, признанных в русском боярстве. Их предки - правители Большой Ногайской Орды - вступили в русское подданство ещё при Иване IV Грозном в середине XVI века. В 1570 году за верную службу они получили княжеский титул и были включены в состав высшей аристократии Московского государства [5, с. 412]. К XVIII веку Юсуповы достигли вершин влияния: князь Н.Б. Юсупов был воспитателем будущего императора Александра I, министром императорского двора и директором Эрмитажа. Под его руководством Эрмитаж превратился из частной коллекции в национальную сокровищницу. Семейной резиденцией Юсуповых стало Архангельское под Москвой - усадьба, построенная по проекту итальянского архитектора Джакомо Кваренги в стиле классицизма. Здесь хранились шедевры Рембрандта, Ван Дейка, Рубенса и Боттичелли. Архангельское стало не только резиденцией, но и центром культурной жизни: в усадьбе устраивались музыкальные вечера, концерты, литературные чтения. При этом Юсуповы, подобно Шереметевым, не забывали о социальной ответственности: в Архангельском действовала школа для крепостных девочек, где обучали грамоте, музыке и рукоделию.

Князья Воронцовы, достигли наивысшего влияния в XIX веке при Михаиле Семёновиче Воронцове. В отличие от Шереметевых и Юсуповых, чья мощь базировалась на центральной России, Воронцовы стали архитекторами южного экономического чуда: они превратили Одессу в один из крупнейших портов Европы, развили виноделие в Крыму и выстроили систему сельскохозяйственных улучшений в степных губерниях. Главной резиденцией М.С. Воронцова стал дворец в Алушке, спроектированный английским архитектором Эдвардом Блором в мавританском стиле. Этот дворец стал не только символом вкуса, но и проявлением новой политики - культурного синтеза между Россией и Востоком. Воронцов активно внедрял новые агротехнологии, приглашал западноевропейских специалистов, строил дороги, больницы и училища. Его подход к управлению сочетал государственную стратегию и частную благотворительность, делая его образцом «просвещённого администратора» эпохи империи.

Вместе с тем дворянство было далеко не монолитным. По данным С.В. Мироненко, к середине XIX века около 40 % дворян не имели ни одного крепостного крестьянина и вынуждены были служить в армии или гражданском ведомстве ради выживания [3, с. 271]. Эти «серые» дворяне жили в скромных деревянных домах, одевались в простую одежду, а их дети получали образование в уездных училищах или даже не учились грамоте. Тем не менее, именно из таких семей вырастали многие будущие деятели культуры и науки - от Гоголя и Тургенева до Менделеева. Даже в условиях бедности дворянская семья стремилась сохранить «порядок» и «честь», воспитывая детей в духе служения государству и обществу. Это внутреннее разнообразие делало дворянство гибким и адаптивным сословием, способным выполнять разные функции - от представительства империи при европейских дворах до управления волостями в отдалённых губерниях.

Правовой статус дворянства окончательно оформился при Екатерине II. Жалованная грамота 1785 года закрепила за дворянами право на землю, крепостных, освобождение от подушной подати и телесных наказаний, а также право на самоуправление через губернские и уездные собрания. Однако привилегии сопровождались и обязанностями: служба оставалась основой дворянской идентичности. Согласно Табели о рангах Петра I, дворянство обязано было служить, и только через службу можно было подтвердить своё положение в обществе. Эта связь службы и статуса сохранялась вплоть до отмены крепостного права в 1861 году. Представители Шереметевых, Юсуповых и Воронцовых занимали высшие посты в государстве: граф Пётр Борисович Шереметев был сенатором и обер-шенком, князь Николай Борисович Юсупов - министром императорского двора и воспитателем будущего Александра I, а Михаил Семёнович Воронцов - генерал-губернатором юга империи и наместником на Кавказе. Их деятельность показывает, что дворянство не просто пользовалось привилегиями, но и несло реальную ответственность за управление империей.

Особое место в жизни дворянства занимала усадьба - пространство, где формировалась культурная, духовная и хозяйственная жизнь семьи. По словам Л.М. Ляшенко, «усадьба отражала мировоззрение владельца - его образованность, эстетические вкусы и отношение к социальной ответственности» [1, с. 87]. Зимой аристократия переезжала в столицы, где участвовала в придворной и светской жизни, а летом возвращалась в поместья, где занималась хозяйством, охотой, чтением и приёмом гостей. При этом многие магнаты не ограничивались роскошью, но и заботились о благосостоянии крестьян: в имениях Шереметевых существовали больницы, школы и даже аптеки.

Благотворительность была неотъемлемой частью дворянской этики. Согласно А.Л. Раздорскому, к 1830-м годам «благотворительность стала неотъемлемой частью дворянской идентичности» [4, с. 112]. Шереметевы основали в Москве первую частную больницу для бедных - сегодня это знаменитая больница имени Шереметева на Сухаревской площади. Юсуповы передали значительную часть своей коллекции в Эрмитаж, тем самым внося вклад в формирование национального музейного наследия. Воронцовы, будучи генерал-губернаторами, финансировали строительство храмов, училищ и больниц в Новороссии, а также выделяли средства на помощь пострадавшим от эпидемий и засух. Эта деятельность не была просто проявлением щедрости - она вытекала из глубокого убеждения в долге перед обществом и государством, которое было присуще лучшим представителям сословия. Князь М.С. Воронцов ежегодно выделял из личных средств до 30 тысяч рублей на содержание приютов и больниц в Одесской губернии - сумма, сопоставимая с годовым бюджетом небольшого уездного города.

Также Дворянство играло ключевую роль в развитии науки и культуры. Именно дворяне становились членами Академии наук, попечителями учебных округов, меценатами художников и композиторов. Дворянское сословие

активно участвовало в организации юбилеев Российской академии наук, подчёркивая связь науки и государства. Многие дворянские семьи поддерживали талантливых музыкантов и писателей: так, князь В.Ф. Одоевский, один из основателей Общества любителей российской словесности, оказывал покровительство Глинке и Даргомыжскому. Образовательный уровень дворянства рос на протяжении всего периода: представители старших родов учились в Царскосельском лицее, Императорском училище правоведения, а также в европейских университетах. В домашних театрах и библиотеках усадеб формировалась интеллектуальная элита, способная вести диалог с европейской культурой на равных.

Женщина занимала особое место в культурной жизни дворянства. Дворянки получали образование, владели иностранными языками, занимались музыкой и живописью. Многие из них были хозяйками литературных салонов - например, Зинаида Волконская в Москве или Елизавета Нарышкина в Петербурге. Женщины из семей Шереметевых и Юсуповых активно участвовали в благотворительности: графиня Софья Шереметева, лично руководила работой приюта для сирот в Остафьеве и обучала девочек рукоделию и чтению [6]. Также княгиня Зинаида Юсупова, открыла в Москве первую женскую ремесленную школу, где девушки из бедных семей обучались шитью, вышивке и бухгалтерии [6]. Такое участие женщин в общественной жизни стало возможным благодаря высокому культурному уровню самого сословия и представлениям о «просвещённой благотворительности» как форме морального долга.

Реформы Александра I и особенно Александра II оказали глубокое влияние на судьбу дворянства. Учреждение министерств, судебная и земская реформы изменили структуру государственного управления и ослабили монополию дворян на власть. Отмена крепостного права в 1861 году стала поворотным моментом: многие мелкие и средние дворяне, лишившись дешёвого труда, оказались на грани экономического краха. Однако крупные магнаты сумели адаптироваться: Шереметевы и Воронцовы начали внедрять новые агротехнологии, строить мельницы и заводы на своих землях. Более того, именно дворяне стали активными участниками земского самоуправления: более 60 % земских гласных в центральных губерниях происходили из дворянских семей [3, с. 273]. Они занимались строительством школ, больниц, дорог - тем самым продолжая традицию социальной ответственности даже в новых экономических условиях.

Важно подчеркнуть, что дворянство не было пассивным получателем привилегий - оно активно участвовало в формировании государственной идеологии. Уже в эпоху Екатерины II сформировалась концепция «просвещённого самодержавия», в которой дворянство выступало посредником между государем и народом. Эта роль закреплялась и в культурной сфере: дворянские усадьбы становились «малыми академиями», где проводились научные наблюдения, велись метеорологические записи, собирались гербарии.

В имении Воронцовых в Алушке функционировала собственная ботаническая оранжерея, позже переданная в ведение Императорского ботанического сада.

Символом этой связи культуры и власти стали позитивные примеры поведения в общественной среде дворянского сословия. В XIX веке в русской литературе и публицистике складывается образ «идеального дворянина» - образованного, честного, благородного и патриотичного. Этот образ присутствует у Тургенева, Гончарова, Достоевского. Даже критика дворянства у Салтыкова-Щедрина или Льва Толстого направлена не на уничтожение сословия, а на призыв к моральному возрождению. Сам Лев Николаевич, происходивший из старинного рода, в своём «Дневнике» неоднократно призывал дворян «вернуться к земле» и «служить народу», а не «жить на его счёт». Это свидетельствует о том, что к концу XIX века в среде самого дворянства зрело осознание необходимости переосмысления своей роли в обществе.

Тем не менее, экономический упадок и рост революционных настроений подорвали позиции дворянства к началу XX века. Однако до последнего момента именно дворяне составляли костяк офицерского корпуса, дипломатической службы, научного и культурного истеблишмента. Даже в 1917 году многие представители элиты пытались сохранить государство - как на фронте, так и в Государственной думе. После революции многие дворяне эмигрировали, но их наследие осталось в России - в архитектуре усадеб, в системе образования, в традициях благотворительности и служения обществу.

Таким образом, российское дворянство XVIII–XIX веков было сложным и многогранным сословием, сочетающим привилегированное положение с высокой степенью социальной ответственности. На примере Шереметевых, Юсуповых и Воронцовых видно, как экономическое могущество дополнялось культурной активностью, а личная власть - заботой о благе общества. Дворянство стало связующим звеном между монархией и обществом, обеспечивая стабильность и развитие Российской империи на протяжении двух столетий. Его наследие - в архитектуре усадеб, в системе образования, в традициях благотворительности и государственной службы - остаётся важной частью российской исторической памяти и сегодня.

Список литературы:

1. Ляшенко, Л. М. Дворянская усадьба в России XVIII–XIX веков / Л. М. Ляшенко. - М.: Вече, 2001. - 320 с.
2. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): в 2 т. Т. 1: Дворянство. Буржуазия. Крестьяне. Рабочие / Б. Н. Миронов. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. - 624 с.
3. Мироненко, С. В. Мастера российской историографии / Мироненко, С. В., - М.: Российская политическая энциклопедия, 2023. - № 6. - С. 269-275 с.
4. Раздорский, А. Л. Благотворительность русского дворянства в XIX – начале XX века / А. Л. Раздорский. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2015. - 296 с.

- 5.Сахаров, А. Н. (ред.) История российского дворянства / А. Н. Сахаров. - М.: РГГУ, 2003. - 584 с.
- 6.Вячеслав Румянцев, Хронос: всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.hrono.ru> (дата обращения: 21.10.2025).
- 7.Каллиников Павел, Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.rulex.ru> (дата обращения: 28.10.2025).

Демиденко Екатерина Алексеевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Demidenko Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ МУЖСКОГО КОСТЮМА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Стиль является своеобразным языком, благодаря которому человек может общаться, не говоря ни слова: рассказать о своей принадлежности к определённой субкультуре, профессии, выражать себя. С помощью кроя, аксессуаров, цветов, ткани можно рассказать не только о своих эстетических предпочтениях, но и о характере в целом. Не зря существует пословица: «Встречают по одежке». Статья нацелена на исследование философии мужского костюма XIX - начала XX века как культурного феномена, являющегося прадедом современного классического мужского стиля. Анализируется взаимосвязь между глобальными социальными изменениями и развитием общества с тем, как человек представляет себя миру через одежду. Так же статья имеет цель разобраться, что современный человек может найти вдохновляющего в моде той эпохи и за что некоторые люди до сих пор отдают предпочтение одежде XIX - начала XX веков.

Ключевые слова: дендизм, мода, мужской костюм, стиль, история.

PHILOSOPHY OF MEN'S SUIT OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Summary: Style is a unique language through which people can communicate without speaking: they can reveal their affiliation with a particular subculture, profession, and express themselves. Through cut, accessories, colors, and fabrics, one can convey not only their aesthetic preferences but also their overall character. It's not for nothing that the saying goes, "You're judged by your clothes." This article explores the philosophy of men's dress in the late 19th and early 20th centuries as a cultural phenomenon that is the forerunner of modern classic men's style. It analyzes the relationship between global social change and societal development and how people present themselves to the world through clothing. The article also aims to explore what modern people find inspiring in the fashion of that era and why some people still prefer clothing from the 19th and 20th centuries.

Keywords: dandyism, fashion, costume, style, history.

Мода – атрибут социума, свойственный ему с начала времен [4, с. 34]. Даже тело и фигура человека, исходя из восприятия и убеждений общества, может быть красивым или нет. Человек всегда стремился выделиться, обозначить свой социальный статус или принадлежность к определенной

группе, а как лучше всего это сделать, как если не использовать одежду и украшения? Одежду мы носим всегда, это важная составляющая того, как мы можем показать себя миру, а также первое благодаря чему другие люди могут сложить о нас свое впечатление. Исходя из этих рассуждений напрашивается вывод, что моду стоит воспринимать как целый язык образов и символов, используя который костюм становится не просто искусно сложенной тканью, но целым текстом. Однако этот текст включает в себя не только глубоко личные смыслы, но и является красноречивым отражением целых исторических эпох с их потрясениями и изменениями жизни миллионов людей.

Любая мода неразрывно связана с процессами, происходящими в массовом сознании человечества и отражает политические, мировоззренческие и культурные изменения. XIX век и начало XX – это переломные моменты в мировой истории: потрясения эпохи Великой французской революции, наполеоновские войны, рост либеральных настроений в обществе, кризис традиционной аристократии и монархии, созревание почвы для будущей мировой войны, промышленная революция и появление нового класса буржуазии в конце концов. Это уже не просто эпоха, а тектонический сдвиг в направлении сознания европейского человека. И все это можно проследить в том, как начали одеваться мужчины в это интересное время.

Искусство, в том числе и искусство костюма, является путеводной звездой для понимая как люди определенной эпохи смотрели на мир и на себя в этом мире. XVIII был веком, где балом правили пышные и нарочито богатые барокко и рококо. Огромные замысловатые парики, наряды из дорогих тканей, расшитые драгоценными нитками – все это кричало о статусе их носителя. Философия этого времени была основана на научных и географических открытиях, усилении абсолютизма, религиозных переменах. Однако это не решало назревших социальных проблем и в итоге общество вспыхнуло как пороховая бочка, грянула Великая французская революция, повлиявшая на все. Теперь роскошь во Франции не только стала символом ненавистной старой монархии, но и могла грозить гильотиной.

XIX век заявил о себе революционно новым образом жизни и мысли, новыми социальными и политическими идеями, восприятием искусства, новой философией, пониманием человека, природы, деятельности, свободы, истины и многих других аспектов жизни [5, с. 131]. На смену культу показной роскоши и сословной иерархии приходили буржуазные ценности, где решающим фактором была личная инициатива. В Англии – стране, где уже во всю гремела промышленная революция, благодаря демократическим сдвигам в обществе, произошедшим после Великой французской революции, третье сословие получило эту возможность для самовыражения и проявления инициативы. Мужской костюм уже не просто показатель сословной принадлежности, а сложный инструмент самопрезентации, требующий не столько знатности рода, сколько тонкого чувства вкуса и умения себя подать. Но для этого пути продвижения в обществе важно не только обладать харизмой и сильным характером, но, и чтобы общество было готово оценить эти качества по

достоинству. Способствовало этому доминирование романтических идей в культурной среде XIX века. Романтизм стал трибуной для свободной творческой личности, наделив её правом задавать тон обществу. Именно в такой точке появляется, пожалуй, одно из самых ярких и философски насыщенных явлений в истории мировой моды – дендизм, где безупречный костюм стал не просто одеждой, а манифестом личной свободы и интеллектуального превосходства.

Ключевую роль в появлении и формировании дендизма сыграл англичанин Джордж Браммелл. Будучи чуть ли не легендарной фигурой в истории моды и костюма Браммелл не был знатного происхождения, а признания в обществе добился харизмой и удачной дружбой с принцем-регентом. Благодаря ему дендизм сложился как явление, включающее в себя искусство стиля, определенную манеру поведения и особую жизненную философию. Эта философия стояла на трех китах: «Ничему не удивляться»; «Сохраняя бесстрастие поражать неожиданностью»; «Удаляться, как только достигну впечатление» [1, с. 26]. Денди были ярким примером идеи жизнотворчества: каждый тщательно продумывал свой образ, то, как они будут вести себя на публике и даже свои вкусы. Свобода была одной из ключевых ценностей: используя иронию, дистанцируясь от общества денди не отвергая играл с нормами, сохраняя свою внутреннюю свободу на самоопределение и свое мнение.

Костюм в такой парадигме становится частью жестко продуманной системы. Возникла идея заметной незаметности, где костюм и поведение не должны открыто привлекать внимание, а быть непринужденными, но при этом подчеркивать превосходство и быть оцененными у публики. Денди предпочитали минимализм, сдержанную и приглушенную цветовую гамму, мужская одежда начала в большей степени зависеть от покроя и хорошей посадки, чем от дорогих украшений [2, с. 76]. Теперь по человеку можно было сказать по незаметным на первый взгляд деталям, например, большое значение уделялось галстуку – он был не только признаком мастерства, но и нес определенную смысловую нагрузку в зависимости от того, как именно галстук завязан. Качество ткани, запонки, трости, лорнеты, монокли все это было такой тихой роскошью, несущую колоссальную смысловую нагрузку, указывая на посвященность владельца в элитарный код. Обращаться со всеми этими мелочами, конечно, необходимо было с отточенным элегантным мастерством. Манера носки тоже была особенной, считалось вульгарным надевать абсолютно новый костюм, иногда их специально состаривали. Денег на туалет можно потратить много, но это не должно выходить за рамки непринужденности. Единственное к чему было тщательное отношение так это к гигиене. Идеально чистые перчатки и смена одежды по многу раз в день все это противопоставлялось грязному прошлому и опять выгодно создавало образ превосходства и жесткого самоконтроля. Дендизм, в эпоху, когда аристократия уже сдавала позиции, а капитал еще не стал единственным символом успеха,

был уникальным явлением, где умение поставить себя в обществе благодаря стилю и харизме вставало во главу угла.

Но XIX век своим победным шествием капитализма дал раскрыться новому слою общества – буржуазии, которая тоже оставила свой след. Благодаря промышленной революции купечество начало быстро богатеть из-за чего изменился их образ и стиль жизни, а за ними и то, во что купцы одевались. Долгое время купечество и аристократия были представителями разных культурных миров, но с развитием средний предприниматель, по крайней мере в столицах, стал мало чем отличаться от своих европейских коллег [5, с. 132]. Хотя все же было очень важное различие между этими социальными группами. Купечество, опираясь на определенные стереотипы, нередко чрезмерно, а иногда и безвкусно по мнению аристократии, увлекалось украшением, а мода была социально-экономической потребностью. Для купцов было важно показать свой престиж и богатство. Но к концу века буржуазия бесповоротно повлияла на мужскую моду и окончательно закрепила новый образ делового человека, который предпочтет практичную для работы одежду, не требующую тщательного ухода, дабы экономить свое время. Костюм стал функционален, благодаря нему стало можно сказать о профессии человека, произошло четкое разграничение костюма на дневной и вечерний, что стало символом нового ритма жизни. Впоследствии эти принципы позаимствует Коко Шанель для революции уже в женском гардеробе.

Главным открытием в истории костюма и моды стало изобретение и массовое внедрение швейных машин. Благодаря индустриализации стало возможно массовое производство одежды. Производство упростилось, появились унификация кроя и стандартизация размеров, что не только привело к намного более широкой доступности одежды, но и к формированию единого стандарта. Свое господство начал костюм-тройка, который отвечал новым потребностям и экономики, за счет упрощённого кроя, и человека, который все больше предпочитал практичность. Но на фоне стандартизации и стремительного изменения ритма жизни не все могли найти себе место и появилось такое направление как декаданс – настроения «конца века», которые отличались индивидуализмом и отказом от общественной жизни и моральных норм. Теперь денди вышли из светских салонов на улицы и начали находить себя во фланерстве – искусстве убивать время. Денди-декадент пропитан духом пессимизма и осознает его как пассивный протест, находя в нем вдохновение [3, с. 17]. На рубеже эпох костюм стал формой противостояния старого мира, что цеплялся за уже изжившие себя традиции и мировоззрения, и нового индустриального человека, ярко запечатлев этот переломный момент.

Первая мировая война поставит точку, разделит мир на «до» и «после», станет последним аккордом для рассматриваемой эпохи мужского костюма и навсегда изменит его силуэт. Функциональность, за которую так ратовали в 19 веке, станет суровой необходимостью в жизни миллионов. Многие вещи перейдут с военных фронтов в гражданские гардеробы, а другие, наоборот, постепенно уйдут в забвение.

С течением времени мужской костюм ушел далеко от своего прародителя, но именно в XIX веке он определил свою направленность на следующие столетия, включая и сегодняшний день. Современный мужской костюм является закономерным развитием общества и пусть сегодня он, состоящий, как минимум, из пиджака и брюк, является официальной и деловой одеждой, когда-то был абсолютно неформальной одеждой, а для более официальных мероприятий существовали сюртуки и визитки для дневных мероприятий и фраки для вечерних. Но если заглянуть еще дальше в историю, то стоит упомянуть, что и визитка изначально считалась неофициальной одеждой, которая из бытового обихода вытеснила в официальный ряд для особых случаев сюртуки.

Привлекательность стиля лощенных денди не обходит стороной и современных людей. Некоторые молодые люди отдают свое предпочтение крою и моде XIX и XX веков. По словам таких людей принципы дендизма и функциональности остаются актуальными благодаря сочетанию элегантности и эстетичности со сдержанностью, без нарочитого привлечения внимания пышностью и яркостью. Это классическое позиционирование любого денди любой эпохи: привлечение внимания без попытки привлечь внимание. Отмечают не только более интересный силуэт и сложный образ по сравнению с тем, что может предложить современная мода и современный мужской костюм, но и даже такой пункт как качество старой ткани. Так же не стоит не учитывать то, что силуэт эпохи XIX и начало XX веков отвечает эстетическим предпочтениям этих людей. Расспрашивая о том, как другие люди реагируют, видя стиль радикально отличающийся от современного и фасоном и философией мне дали ответ, что данный стиль в массе своей вызывает восхищение и справляется со своей задачей привлекать внимание, но есть вероятность столкнуться и с насмешками. Однако мнения других особо не волнуют ретро-энтузиастов, что выбирают моду XIX- XX веков, ведь для них это не просто попытка привлечь внимание, а то, без чего они не могут жить.

Современные дизайнеры одежды тоже не против вдохновиться данной эпохой, где элегантность возводилась в абсолют, и, пусть в измененном виде, но атрибуты денди сегодня можно увидеть на знаковых мировых подиумах. Некоторые же исторические фильмы и сериалы, что стали знаменитыми, только добавляют интереса к стилю денди.

В заключение хочется сказать, что мужской костюм XIX – начала XX века является некоторым зеркалом, где отчетливо заметно отражение духа уходящей эпохи аристократизма и приходящей ей на смену эпохи деловых предпринимателей и харизматичных людей. Он учит нас что стиль — это всегда философия и диалог с собой, окружающими и тем временем, в котором находится человек. А то как и во что одеваются люди всегда было и будет отражением ценностей целых эпох.

Список литературы:

1. Вайнштейн, О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.
2. Кокс, К. Легендарные модные дома: всемирная история. – М: ОДРИ, 2014 – 287 с.
3. Мальцев, К.А. Дендизм: тип и образ. Критерии культурной идентичности. // Культурный код. – 2024. - №1. – С. 21 - 42 - URL: https://pgik.ru/sites/default/files/cc_1_2024.pdf
4. Родионова, Д.Д. Феномен моды в зеркале философии // Вестник КемГУКИ. – 2012. - №18. – С. 33 – 41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-mody-v-zerkale-filosofii/viewer>
5. Харсеева, А.В. Харсеева, Н.В. Мода как социально-экономическая потребность предпринимателей конца XIX – начала XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2011. - №1. – С. 131 – 133 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moda-kak-sotsialno-ekonomicheskaya-potrebnost-predprinimateley-kontsa-xix-nachala-xx-v/viewer>

Дидорчук Дарья Сергеевна

1 ЭД-36с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Didorchuk Daria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФЕНОМЕН СМЕРТИ И КОНЦЕПЦИЯ «ДОЛГА ДУШИ» В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу феномена смерти и посмертия. Рассматривается философское рассуждение о том, что земное бытие представляет собой пространство испытаний для души, а смерть является закономерным итогом выполнения душой своего предназначения. Особое внимание уделяется проблеме ранней смерти добродетельных людей и концепции «чистого бытия» как возможной модели посмертного существования. В работе делается вывод, что рассуждение о жизни как испытании, а о смерти как обретении покоя является возможностью преодолеть экзистенциальный страх перед смертью и смягчить чувство несправедливости от потери близких.

Ключевые слова: страх смерти, посмертие, философская антропология, долг души.

THE PHENOMENON OF DEATH AND THE CONCEPT OF THE «DUTY OF THE SOUL» IN THE PHILOSOPHICAL TRADITION

Summary: The article is devoted to the philosophical analysis of the phenomenon of death and the afterlife. It examines the philosophical argument that earthly existence is a space of trials for the soul, and that death is a natural outcome of the soul fulfilling its purpose. Special attention is given to the issue of the early death of virtuous individuals and the concept of "pure being" as a possible model of posthumous existence. The article concludes that thinking about life as a test and death as a place of peace can help overcome the existential fear of death and alleviate the sense of injustice caused by the loss of loved ones.

Keywords: fear of death, the afterlife, philosophical anthropology, and the duty of the soul.

Вопросы конечности человеческого существования, посмертия и справедливости мироустройства являются фундаментальными для философской антропологии. Каждое поколение мыслителей пытается дать ответ на вопросы: почему страдания в мире распределены неравномерно и почему добродетельные люди нередко покидают этот мир раньше других? В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть гипотезу о том, что земная жизнь представляет собой пространство испытаний для души, а

смерть является закономерным итогом выполнения душой своего предназначения.

Повседневный опыт нередко демонстрирует нам ситуацию, которую обыденное сознание определяет как «несправедливость»: люди, обладающие высокими моральными качествами (добротой, эмпатией, честностью), зачастую уходят из жизни рано или трагически.

Философия предлагает отказаться от оценки этого явления в категориях «справедливости» земного суда и рассмотреть его телеологически, то есть с точки зрения цели. В рамках предлагаемой гипотезы ранняя смерть доброго человека может быть интерпретирована как завершение его земной миссии. Если допустить, что душа приходит в материальный мир не случайно, а для решения определенных задач (прохождения «уроков» или несения света), то продолжительность жизни оказывается прямо пропорциональной не количеству прожитых лет, а объему выполненной духовной работы.

Древнегреческий философ Платон в диалоге «Апология Сократа» вкладывает в уста своего учителя мысль о том, что смерть – это либо переход в небытие (глубокий покой), либо переселение души в иное место. Сократ, приговоренный к смерти афинским судом, не боится конца, так как жил праведно. Здесь мы видим прямую параллель с рассматриваемой идеей: выполнивший свой долг (в случае Сократа – долг философа перед истиной) не страшится ухода, ибо его земная задача исчерпана. [1]

Вторым важным тезисом является предположение о том, что физическое существование человека может рассматриваться как своего рода пространство проверки для бессмертной души. Данная идея имеет глубокие корни в философской традиции и неоднократно возникала в разные исторические эпохи. Немецкий философ Артур Шопенгауэр, основоположник философии пессимизма, характеризовал наш мир как «наихудший из возможных», где человеческая воля обречена на вечное страдание от неудовлетворенных желаний и скуки [2]. В буддийской философии этот мир именуется Сансарой – бесконечным круговоротом рождений и смертей, наполненным болью и иллюзиями, из которого необходимо найти выход.

Таким образом, мысль о том, что «на земле мы проходим испытания» как необходимый опыт души, находит свое отражение в различных философских учениях.

Земная жизнь предстает перед человеком не как место беззаботного наслаждения, а как школа духа, где душа обретает опыт через преодоление трудностей. Те страдания, которые мы привыкли воспринимать трагически (болезни, утраты, разочарования), в рамках данной парадигмы могут быть осмыслены как инструменты воспитания и закалки личности.

Логическим завершением предыдущих двух тезисов является вопрос о том, что же ждет душу, успешно прошедшую земные испытания и выполнившую свой долг. Отказываясь от догматических религиозных описаний рая, философская мысль предлагает более тонкое определение посмертия.

Если душа выполнила свое земное предназначение и более не обременена кармическими или моральными долгами, её существование после смерти переходит в принципиально иную категорию. Это состояние можно охарактеризовать как чистое бытие – существование без атрибутов, без страданий и без необходимости действовать. Данная интуиция находит параллель в философии Иммануила Канта, а именно в его учении о «ноуменальном мире» (мире «вещей в себе») [3]. Это реальность, которая не постигается органами чувств и не подчиняется законам физического мира, но может мыслиться разумом как область истинного, освобожденного существования.

Данная концепция также перекликается с античным понятием эвдемонии – состояния внутренней гармонии и счастья, не зависящего от внешних обстоятельств. Смерть в этом контексте – это не награда в виде вечного праздника, а возвращение в естественное, недеятельное состояние покоя, где душе не нужно больше «играть» по правилам материального мира, бороться за выживание или преодолевать проверки. Как писал древнегреческий философ-неоплатоник Плотин, душа стремится обратно к Единому, из которого она истекла. Смерть можно рассматривать как процесс возвращения к первоисточнику, снятие с себя груза материи и обретение чистой духовности [4].

Подводя итог данному философскому рассуждению, следует отметить, что предложенная идея («жизнь – испытание, смерть – покой выполнившего долг») имеет основания в рамках идеалистической философской традиции. Данный взгляд позволяет преодолеть экзистенциальный ужас перед смертью и смягчить чувство несправедливости от потери близких.

Если принять, что земные трудности – это временный этап воспитания души, а продолжительность жизни зависит не от случайного стечения обстоятельств, а от глубины духовной задачи, то ранний уход добрых людей перестает восприниматься как трагедия. Это может быть осмыслено как завершение тяжелой работы и возвращение в состояние, где не нужно ничего доказывать и преодолевать. Долг души может считаться исполненным полнотой искупления через страдания и испытания духовного пути. Таким образом, жизненные трудности понимаются не как наказания и несправедливость, а в качестве необходимого опыта, подготовки души к существованию в мыслимом мире.

Вопрос о природе посмертия остается открытым для эмпирической науки, но философия позволяет нам мыслить эту возможность существования как область вечного покоя и выполненного долга, делая земное существование более осмысленным.

Список литературы:

1. Платон. Апология Сократа /Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 70-96.

- 2.Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление /А. Шопенгауэр. – М.: АСТ, – 2022. – 672 с.
- 3.Кант, И. Критика чистого разума /И. Кант. – М.: Мысль, – 1994. – 591 с.
- 4.Плотин. Эннеады /Плотин. – Киев: УЦИММ-Пресс, – 1995. — 394 с.

Дмитриева Василиса Ильинична

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Vasilisa Dmitrieva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИГРА КАК УБЕЖИЩЕ: ФЕНОМЕН ЭСКАПИЗМА В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»

Аннотация: В данной статье осуществляется философско-культурологический анализ феномен эскапизма как стратегии ухода от реальности. Рассматривается амбивалентная природа эскапизма, сочетающего деструктивные (бегство от мира) и конструктивные (бегство к творчеству и свободе) аспекты. На материале романа Германа Гессе «Игра в бисер» анализируется модель эскапистской утопии - государство Касталия как замкнутое интеллектуальное сообщество, противопоставившее себя хаосу внешнего мира. Особое внимание уделяется судьбе Магистра игры Йозефа Кнехта, чей путь становится проверкой состоятельности радикального эскапизма. В статье обосновывается тезис о том, что игра не может заменить реальную жизнь, поскольку подлинность существования раскрывается не в бегстве от мира, а во встрече с ним. Проводятся параллели между касталийским проектом и современными формами эскапизма в цифровую эпоху.

Ключевые слова: эскапизм, Герман Гессе, Игра в бисер, Касталия, реальность, утопия, Йозеф Кнехт.

GAME AS A SHELTER: THE PHENOMENON OF ESCAPISM IN H. HESSE'S NOVEL "THE GLASS BEAD GAME"

Summary: This article provides a philosophical and cultural analysis of the phenomenon of escapism as a strategy for escaping reality. The ambivalent nature of escapism, combining destructive (escape from the world) and constructive (escape towards creativity and freedom) aspects, is examined. Based on Hermann Hesse's novel "The Glass Bead Game," the model of an escapist utopia - the state of Castalia as a closed intellectual community opposed to the chaos of the external world - is

analyzed. Special attention is paid to the fate of the Master of the Game, Joseph Knecht, whose path becomes a test of the viability of radical escapism. The article substantiates the thesis that the game cannot replace real life, since the authenticity of existence is revealed not in fleeing from the world, but in encountering it. Parallels are drawn between the Castalian project and modern forms of escapism in the digital age.

Keywords: escapism, Hermann Hesse, «The Glass Bead Game», Castalia, reality, utopia, Joseph Knecht.

Современный человек живёт в эпоху информационной перегрузки, социальной нестабильности и постоянного стресса. Ежедневно сталкиваясь с новостями о кризисах, конфликтах и катастрофах, многие испытывают желание отгородиться от этого хаоса, найти тихое убежище, где можно спрятаться от тревог внешнего мира. Это стремление к уходу от реальности получило название «эскапизм». Однако было бы ошибкой считать эскапизм исключительно бегством от жизни в развлечения или иллюзии.

Эскапизм, происходящий от английского «escape» (бегство, спасение), представляет собой стратегию поведения, при которой индивид уходит от ограничений реальности в альтернативные пространства, это могут быть воображаемые миры или символические конструкции. Это – не однозначно негативное явление: оно амбивалентно, сочетая деструктивные и конструктивные аспекты. С одной стороны, эскапизм может выступать как защитный механизм, приводящий к самоотчуждению, когда человек разрывает связи с привычной жизнедеятельностью из страха перед хаосом. С другой, он становится «бегством к» чему-то большему, стимулируя творчество и поиск свободы. Как отмечает Т.Н. Савченко, эскапизм представляет собой сложный психологический феномен, который может проявляться и в конструктивных формах, например, в творчестве, научном поиске или духовных практиках [4, с. 45]. В этом смысле эскапизм тесно связан с природой самого человека как существа, способного создавать миры идей и символов, выходящие за пределы реальности. «Уход от реальности в мир воображения может выполнять деструктивно-компенсаторную и/или конструктивную-побуждающую функцию», что подчеркивает необходимость волевого контроля для предотвращения погружения в иллюзии [4]. Т. А. Сметанина и А. А. Ключев подчеркивают, что эскапизм – это «метафизика поиска ускользающего смысла», где бегство не просто уклонение, а конструктивное создание альтернативных реальностей, подпитывающих культурный прогресс [5]. Именно эту двойственность феномена мы обнаруживаем в романе Германа Гессе «Игра в бисер».

Одним из самых глубоких художественных исследований эскапизма стал роман немецкого писателя Германа Гессе «Игра в бисер», завершённый в 1942 году. Само время создания романа показательное: в разгар Второй мировой войны, когда реальность предстала в своём самом страшном, разрушительном обличье, Гессе создаёт утопию – государство Касталия, замкнутое

интеллектуальное сообщество, живущее по законам чистого духа, где элита посвящает себя «игре в бисер» - универсальному синтезу искусства, науки и философии, символизирующему гармонию знаний. Игра в бисер требует полной отрешенности от мирской суеты. Касталия как проект одновременно воплощает оба вида эскапистского сознания. С одной стороны, это «бегство от» - от варварства мировой войны, от пошлости «фельетонной эпохи», от трагической бессмысленности существования масс. Сама строгость отбора в Орден, закрытость государства, эзотеричность Игры - все это указывает на травматический разрыв с реальностью. С другой стороны, Касталия - это мощнейший проект «бегства к»: к гармонии, к синтезу всех знаний, к идеальной коммуникации через универсальный язык Игры. Касталийцы не просто убегают от мира - они сохраняют и развивают культуру, которую мир вокруг готов растоптать. Казалось бы, перед нами идеальный образец высокого, конструктивного эскапизма, противопоставленного массовому, поверхностному бегству «фельетонной эпохи» XX века, которую Гессе критикует в приложении к роману. Касталия в этом контексте - элитарный ответ на массовый, примитивный эскапизм. Вместо кроссвордов - Игра в бисер. Вместо иллюзий - высшая правда духа.

Однако Гессе был слишком непростым писателем, чтобы остановиться на этой идеальной картине. Роман построен как жизнеописание Магистра игры Йозефа Кнехта, и именно его судьба становится проверкой проекта Касталии на прочность. Кнехт - идеальный продукт Касталии. Он впитывает её дух, достигает вершин мастерства и становится Верховным магом Игры. Его путь - это восхождение к чистому созерцанию, где знание освобождается от ответственности за внешний мир. Казалось бы, он достиг всего, о чём только можно мечтать в этом замкнутом мире. Но именно Кнехт начинает ощущать сомнения, осознаёт, что «игра ради игры» приводит к духовному застою.

И здесь мы подходим к вопросу: может ли Игра полностью заместить несовершенную реальность, и приводит ли такой уход к потере связи с настоящим бытием? Гессе даёт на него неожиданный и трагический ответ. Жизнь в Касталии, при всей её возвышенности, начинает напоминать существование в теплице - безопасное, красивое, но лишённое подлинной почвы. Кнехт принимает решение покинуть государство и уйти в «мир». Он отказывается от безопасного убежища, чтобы стать простым наставником, живущим среди людей и разделяющим их судьбу. Это - отказ от радикального эскапизма, выбор в пользу жизни со всеми её рисками и несовершенством.

Как отмечает С.С. Аверинцев в своём предисловии к роману, Кнехт понимает: нельзя вечно оставаться в «башне из слоновой кости», ибо башня эта может стать тюрьмой [1]. Кнехт уходит из Касталии не потому, что разочаровался в ней, а потому что понял: знание обретает полноту только тогда, когда применяется в жизни. Глубоко символично само имя главного героя. Немецкое слово *Knecht* означает «слуга», «работник», что отсылает к принципиально иному способу существования, нежели чистое созерцание касталийских игроков. Кнехт не просто Магистр, он тот, кто призван служить,

но служить не абстрактному знанию, а живой реальности. Трагическая гибель Кнехта в холодных водах горного озера также не случайна: вода в мировой символике часто означает жизнь, текучесть, изменчивость, но также и смерть. Игра прекрасна, но она лишь подготовка к главной Игре - к жизни. И в этом, пожалуй, заключается главный урок романа Германа Гессе, обращённый к каждому из нас, кто хотя бы раз испытывал желание спрятаться от сложностей мира в тишине библиотеки или в виртуальных мирах. Человек, по мысли Гессе, реализует себя не в бегстве от мира, а во встрече с ним, не в созерцании, а в действии.

Интересно, что в советское время, когда роман Гессе стал доступен русскому читателю, интеллектуалы воспринимали «Игру в бисер» именно как «путеводитель по формам эскапизма: духовного и интеллектуального» [3]. В условиях идеологического давления многие искали в Касталии образец внутренней эмиграции - способа сохранить себя, уйдя в высокие сферы духа. Однако роман Гессе предупреждал и о другой опасности: эскапизм, ставший пожизненной стратегией, убивает в человеке человеческое. Нельзя всё время только созерцать - наступает момент, когда нужно действовать и отвечать за мир.

Сегодня, в эпоху торжества цифровых технологий и виртуальных миров, вопрос о границах эскапизма приобретает новую остроту. Касталия Гессе оказывалась пророческим образом не только для интеллектуалов XX века, но и для нас, живущих в XXI столетии. Социальные сети, видеоигры, метавселенные - все это современные формы «игры в бисер», предлагающие человеку готовые убежища от тревог реальности. Однако, как и в романе Гессе, здесь таится опасность: виртуальное существование может стать настолько комфортным и самодостаточным, что реальная жизнь начнет восприниматься как досадная помеха.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. «Игра в бисер» - это метафора высокого, творческого эскапизма, она не может и не должна заменять реальную жизнь. Она может быть школой мысли, убежищем для души в трудные времена, местом по производству смыслов. Но попытка навсегда запереться в Игре, сделать её единственным содержанием существования ведёт к утрате человечности. Уходить в убежище можно и нужно - но лишь для того, чтобы, отдохнув и набравшись сил, снова выйти в мир и жить по-настоящему.

Список литературы:

- 1.Аверинцев, С.С. Путь Германа Гессе // Гессе Г. Игра в бисер. — М.: Художественная литература, 1969. — С. 5-26.
- 2.Гессе, Г. Игра в бисер. — М.: АСТ, 2021. — 480 с.
- 3.Николаева, П. А. Опыт сравнения рецепции творчества Германа Гессе в России и Германии 60-х – 80-х годов XX века // XVII Международная конференция студентов-филологов. — СПбГУ, 2014. — URL: <https://www.conference-spbu.ru> (дата обращения: 05.03.2026).

4. Савченко, Т. Н. Эскапизм как психологический феномен: содержание конструкта, типология, методы диагностики. — 2016. — URL: <https://lib.ipran.ru/paper/53796360> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Сметанина, Т. А., Ключев, А. А. Метафизика эскапизма: поиск ускользающего смысла // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — Вып. 1. — URL: <https://www.gramota.net/article/hss20170047/fulltext> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Труфанова, Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. — 2012. — № 3. — С. 96-107.

Дорощенко Анна Александровна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Anna Doroshchenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА МЕЛАНХОЛИИ В ГРАВЮРЕ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА «МЕЛАНХОЛИЯ I»

Аннотация: Гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия I», созданная в 1514 году, — одно из самых известных произведений Северного Возрождения. В ней художник изобразил меланхолию не просто как грусть, а как особое состояние творческого человека. В древности считали, что меланхолия может быть причиной как болезней, так и гениальности. В эпоху Возрождения её часто ассоциировали с планетой Сатурн и людьми, занимающимися наукой и искусством. На гравюре показана крылатая женщина, которая сидит в задумчивости среди инструментов, весов, песочных часов и других предметов. Эти символы говорят о стремлении к глубокому знанию и одновременно о невозможности полностью понять мир. Дюрер показывает меланхолию как трагическое противоречие: гений хочет познать всё, но сталкивается с границами человеческого разума. В итоге произведение можно рассматривать как размышление самого художника о творчестве, познании и человеческой судьбе.

Ключевые слова: Альбрехт Дюрер, Меланхолия I, меланхолия, гравюра, Северное Возрождение, символика, творчество.

A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE IMAGE OF MELANCHOLY IN ALBRECHT DÜRER'S ENGRAVING "MELANCHOLY I"

Summary: Albrecht Dürer's engraving "Melancholia I," created in 1514, is one of the most famous works of the Northern Renaissance. In it, the artist depicted melancholia not simply as sadness, but as a special state of the creative individual. In ancient times, melancholia was believed to be the cause of both illness and genius. During the Renaissance, it was often associated with the planet Saturn and people engaged in science and art. The engraving depicts a winged woman seated pensively among tools, scales, an hourglass, and other objects. These symbols speak of the desire for deep knowledge and simultaneously the impossibility of fully understanding the world. Dürer depicts melancholia as a tragic contradiction: genius desires to understand everything but encounters the limits of the human mind. Ultimately, the work can be seen as the artist's own reflection on creativity, knowledge, and human destiny.

Keywords: Albrecht Dürer, Melancholia I, melancholy, engraving, Northern Renaissance, symbolism, creativity.

Гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия I», созданная в 1514 году, считается одним из самых известных и загадочных произведений эпохи Северного Возрождения. Эта работа привлекает внимание не только своей технической красотой, но и глубоким философским смыслом. Дюрер изобразил меланхолию не как простую грусть или лень, а как сложное состояние души, связанное с творчеством и стремлением к знанию. Можно предположить, что именно в этой гравюре художник размышляет о границах человеческого разума и о том, почему даже очень талантливые люди иногда чувствуют бессилие.

Понятие меланхолии пришло из античности. Ещё Гиппократ и Аристотель говорили о четырёх темпераментах, где меланхолия связана с чёрной желчью и может вызывать как болезни, так и выдающиеся способности [3, с. 12–15]. В Средние века и в эпоху Возрождения меланхолию часто ассоциировали с планетой Сатурн, которая считалась покровительницей учёных, художников и философов. Дюрер, по-видимому, знал эти идеи и использовал их в своей работе. Он хотел показать, что меланхолия — это не только страдание, но и сила, которая помогает человеку думать глубоко и творить.

Классическая интерпретация гравюры принадлежит Эрвину Пеновскому и Фрицу Заклю. Они считали, что это «меланхолия художника» — изображение творческого человека, который мучается от невозможности достичь абсолютного знания и совершенства [4, с. 156–160; 5, с. 207–210].

Другие авторы говорят о связи меланхолии с геометрией и семью свободными искусствами, где Дюрер объединил традиционные образы уныния с энергией поиска истины [2].

Понятие меланхолии появилось ещё в античности. Гиппократ и его последователи объясняли её чёрной желчью — одним из четырёх соков тела. Это могло вызывать грусть, страхи и даже безумие [3, с. 12–14]. Но Аристотель заметил, что многие выдающиеся люди — философы и поэты — часто бывают меланхоликами. Он думал, что чёрная желчь в меру даёт гениальность [4, с. 45; 4]. Это важная идея: меланхолия не только болезнь, но и источник таланта.

В Средние века меланхолию считали грехом уныния, который мешает радоваться жизни и Богу. Но в эпоху Возрождения гуманисты вернулись к античным взглядам. Марселино Фичино писал, что меланхолия помогает глубоким размышлениям, особенно под влиянием планеты Сатурн [5, с. 207–208]. Агриппа Неттесгеймский добавлял, что она связана с воображением и высшим знанием, хотя делает человека одиноким [1]. Эти мысли были близки Дюреру — он сам много размышлял о науке и искусстве.

К XVI веку меланхолия стала символом творческого гения: стремление к знанию и осознание его границ. Дюрер, живший в это время, знал эти идеи через книги и путешествия. В гравюре «Меланхолия I» он соединил их: женщина думает напряжённо, окружённая инструментами. Дюрер показал двойственную природу меланхолии — страдание и силу разума.

Теперь посмотрим на саму гравюру «Меланхолия I» 1514 года. На переднем плане сидит крылатая женщина — это и есть олицетворение меланхолии. Она подпирает голову рукой, взгляд устремлён в пустоту, лицо тёмное и задумчивое. В другой руке у неё циркуль, опирающийся на книгу. Вокруг неё разбросаны разные предметы: деревянный шар, большой каменный многогранник, инструменты ремесленников — молоток, пила, рубанок. Позади виден угрюмый мальчик с крыльями, который сидит на жёрнове и пишет что-то на дощечке. Рядом свернулась тощая собака. Справа стоит недостроенное здание с лестницей, на стене висят песочные часы, весы, колокол и знаменитый магический квадрат из 16 клеток. В небе — комета, радуга и огромная летучая мышь с надписью «Melencolia I» на крыльях [3, с. 156–158; 4, с. 45–47].

Эти предметы — не случайные, а полны символов. Циркуль, шар и многогранник говорят о геометрии и математике — науках, которые Дюрер очень любил. Магический квадрат (где сумма чисел в строках, столбцах и диагоналях всегда 34) — это талисман от дурного влияния Сатурна, планеты меланхоликов. Песочные часы и колокол напоминают о времени и смерти, весы — о мере и справедливости. Летучая мышь символизирует тьму и ночные страхи, а комета — предзнаменование бед. Мальчик с дощечкой, возможно, показывает, как меланхолия передаётся даже детям, или это намёк на творческий процесс [5, с. 207–210; 2].

Самое главное — крылатая женщина сама по себе. У неё есть крылья, но она не летает — сидит неподвижно, в бездействии. Это показывает противоречие: она хочет познать всё, но не может. Инструменты вокруг — символы семи свободных искусств и ремесла, но они разбросаны в беспорядке, как будто знания не помогают. Дюрер хотел сказать, что даже самый умный человек иногда чувствует бессилие перед тайнами мира. Панофский называл это «меланхолией художника» — когда гений мучается от невозможности достичь совершенства [4, с. 156–160]. По Панофскому, гравюра изображает «меланхолию художника, парализованную мыслью о невозможности постичь абсолютное» [4, с. 157].

Таким образом, гравюра полна символов, которые связывают античные и ренессансные идеи меланхолии с реальной жизнью творца. Женщина не просто грустит — она думает глубоко, но это мышление приводит к тоске. Именно в этом и есть главная загадка произведения.

Теперь попробуем проанализировать образ меланхолии с философской точки зрения. Главное в гравюре — это не просто грустная женщина, а глубокое противоречие: стремление к абсолютному знанию и невозможность его достичь. Крылатая фигура имеет крылья — символ возвышения духа и творчества, но она сидит неподвижно, опустив голову. Это показывает, что даже гений может застрять в бездействии. Дюрер хотел сказать, что настоящий талант всегда сталкивается с границами человеческого разума.

С философской стороны это перекликается с идеями античности и Возрождения. Аристотель говорил, что меланхолия помогает мыслить глубоко, но может привести к отчаянию, если человек слишком много думает. [4, с. 45].

В эпоху Возрождения Фичино и Агриппа развивали эту мысль: меланхолия — это состояние, когда душа пытается соединиться с божественным через разум и воображение, но часто терпит неудачу [5, с. 207–208; 1]. Дюрер, показал именно этот момент неудачи. Женщина окружена инструментами семи свободных искусств — геометрией, арифметикой, астрономией, — но они лежат в беспорядке. Это символизирует, что знания есть, но они не дают полного ответа на главные вопросы жизни: зачем мы существуем, что такое бесконечность, как понять Бога или природу.

Панофский в своей книге называл эту гравюру изображением «творческой меланхолии» — когда художник или мыслитель мучается от разрыва между идеалом и реальностью [4, с. 156–160]. Он писал, что Дюрер превратил традиционный образ уныния в аллегорию гения, который страдает от собственной силы. Я думаю, это очень точное наблюдение. Дюрер сам был не только художником, но и теоретиком: он писал трактаты о пропорциях, измерял тело человека, изучал перспективу. Но в 1514 году, после смерти матери и размышлений о бренности, он, наверное, почувствовал, что все измерения и расчёты не спасают от тоски. Гравюра стала его размышлением о том, что человеческий разум конечен, а мир — бесконечен.

Ещё один важный аспект — время и смерть. Песочные часы, колокол, комета — всё напоминает о быстротечности жизни. Меланхолик осознаёт это острее других. На мой взгляд, здесь Дюрер близок к идеям гуманизма: человек велик своим разумом, но именно разум делает его несчастным, потому что он видит свои пределы.

В итоге образ меланхолии в гравюре — это не болезнь и не грех, а философское состояние. Дюрер показал, что творческий человек живёт в постоянном напряжении: он хочет познать всё, но понимает невозможность. Мне кажется, эта гравюра до сих пор актуальна — многие люди сегодня чувствуют то же самое, когда сталкиваются с огромным количеством информации и вопросов без ответов.

Подводя итог всему сказанному, можно сказать, что гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия I» — это не просто изображение грусти, а глубокое философское произведение. Художник соединил в нём античные представления о меланхолии как о темпераменте, средневековые взгляды на уныние и ренессансные идеи о гении. Центральный образ крылатой женщины показывает противоречие: стремление к высшему знанию и творчеству сталкивается с границами человеческого разума. Символы вокруг — инструменты, магический квадрат, песочные часы — подчёркивают, что даже самые точные науки и измерения не дают полного ответа на вечные вопросы [4, с. 156–160; 5, с. 207–218].

На мой взгляд, Дюрер создал духовный автопортрет: в 1514 году он сам переживал тяжёлые времена, размышлял о смерти, пропорциях и смысле искусства. Меланхолия здесь — не слабость, а сила. Она заставляет человека думать интенсивно, хотя и приводит к тоске. Панофский правильно назвал это «меланхолией художника» — состоянием, когда гений мучается от

невозможности достичь совершенства [4, с. 156–160]. Э. Панофский подчёркивает: «Это произведение — духовный автопортрет Дюрера, где меланхолия предстаёт как трагедия творческого гения» [4, с. 160].

Кажется, что именно в этом и есть главная ценность гравюры: она показывает, как в эпоху Возрождения человек осознал свою великость и одновременно свою ограниченность.

В итоге «Меланхолия I» остаётся актуальной и сегодня. Многие люди чувствуют похожую тоску — от переизбытка информации, от желания понять мир полностью, но невозможности это сделать. Дюрер показал, что такая меланхолия может быть не разрушительной, а творческой. Она побуждает к размышлениям и поиску, даже если ответы не приходят сразу.

Список литературы:

1. Агриппа Неттесгеймский Г. К. Оккультная философия. — М.: Энигма, 2007. — 592 с.
2. Байкалов, Д. Гравюра Дюрера «Меланхолия I» и семь свободных искусств // Троицкий вариант – Наука. — 2017. — № 4. — С. 12–15.
3. Нессельштраус, Ц. Г. Дюрер. — Л.: Искусство, 1961. — 320 с.
4. Панофский, Э. Альбрехт Дюрер: в 2 т. — М.: Искусство, 1977. — Т. 1. — 296 с.
5. Южакова Е. В. «Меланхолия I» Альбрехта Дюрера: история интерпретаций // Известия Уральского государственного университета. — 2010. — № 82. — С. 207–218 с.

Дудалева Мария Геннадьевна

2 АВ-2с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Dudaleva Maria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РЫЦАРСТВО И АЛХИМИЯ КАК ФЕНОМЕНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению двух феноменов средневековой культуры — рыцарства и алхимии. Анализируются истоки, этапы становления и ключевые характеристики этих явлений, которые, несмотря на кажущуюся противоположность (воин-практик и ученый-мистик), выросли из единой социокультурной почвы феодальной Европы. Рассматриваются эволюция рыцарства от военно-служилого сословия до носителя христианского идеала и куртуазного кодекса чести, а также алхимия как синтез античной философии и восточной практики, ее цели (поиск философского камня), методы и влияние на становление экспериментальной науки. Особое внимание уделяется парадоксальному сходству этих двух путей к совершенству: внешнего, воинского подвига рыцаря, и внутреннего, лабораторного делания алхимика. Делается вывод о том, что оба феномена оставили глубокий след в европейской культуре, заложив основы современных представлений о чести, благородстве и научном познании.

Ключевые слова: Рыцарство, алхимия, средневековая культура, феодализм, рыцарский кодекс, философский камень, посвящение, символика, духовные ценности, история науки.

CHILLARSHIP AND ALCHEMY AS PHENOMENA OF MEDIEVAL CULTURE

Summary: The article is devoted to the consideration of two fundamental phenomena of medieval culture — chivalry and alchemy. The author analyzes the origins, stages of formation and key characteristics of these phenomena, which, despite the apparent opposites (the warrior-practitioner and the scientist-mystic), grew out of a single socio-cultural soil of feudal Europe. The first part examines the evolution of chivalry from the military service class to the bearer of the Christian ideal and the courtly code of honor. The second part examines alchemy as a synthesis of ancient philosophy and Eastern practice, its goals (the search for the Philosopher's stone), methods and influence on the formation of experimental science. Special attention is paid to the paradoxical similarity of these two paths to perfection: the external, military feat of a knight, and the internal, laboratory work of an alchemist. It is concluded that both phenomena have left a deep mark on European culture, laying the foundations of modern ideas about honor, nobility and scientific knowledge.

Keywords: Chivalry, alchemy, medieval culture, feudalism, knightly code, philosopher's stone, initiation, symbolism, spiritual values, history of science.

Рыцарство и алхимия — два ярких феномена, которые парадоксальным образом отражают дух средневековой Европы. На первый взгляд, между ними мало общего: рыцарь — это воин, аристократ, защитник христианского мира, чья жизнь проходит на поле боя и при дворе; алхимик — учёный-отшельник, мистик, запертый в лаборатории в поисках философского камня. Однако оба явления выросли из одной почвы — феодального строя и религиозного мировоззрения, оба прошли долгий путь становления и оставили глубокий след в европейской культуре. В этой статье мы рассмотрим историю и ключевые особенности рыцарства и алхимии как двух важнейших составляющих культуры Средневековья.

Средневековье часто представляют, как эпоху контрастов: время молитвы и меча, веры и суеверий, высокой духовности и грубой силы. Рыцарство и алхимия стали квинтэссенцией этих противоречий. Рыцарство олицетворяло идеал служения — Богу, сеньору и Прекрасной Даме. Алхимия же символизировала стремление к познанию тайн мироздания, попытку человека проникнуть в божественные секреты творения. Оба феномена прошли путь от сугубо практических задач (военное дело и металлургия) до сложных философско-мистических систем, определивших мировоззрение целой эпохи.

Рыцарство как военно-социальный институт зародилось в раннем Средневековье, в период глубоких перемен, вызванных падением Римской империи и Великим переселением народов. Прообразом рыцарей можно считать тяжелую конницу сарматов и гуннов, но подлинное становление сословия произошло во Франкском государстве.

Ключевым фактором стала военная реформа Карла Мартелла в VIII веке. Столкнувшись с угрозой вторжения арабов, чья конница была быстрой и маневренной, Карл понял, что пешее ополчение свободных крестьян больше неэффективно. Содержание тяжеловооруженного всадника стоило дорого, поэтому Мартелл начал раздавать своим воинам-дружишкам (газиндам) земельные наделы (бенефиции) на условиях несения конной службы. Эти земли сначала раздавались из церковных владений, затем из коронных. Так родилась основа феодализма: земля дается за службу, а рыцарь становится ключевой фигурой в этой системе.

Первоначально рыцари не были элитой. Слово «рыцарь» (нем. Ritter, англ. knight) означало просто «всадник», «слуга». Многие из них имели несвободное происхождение. В Германии, например, существовало сословие министериалов (динстманнов) — людей, обязанных служить сеньору и не имевших права бросить службу. Однако постепенно, благодаря востребованности их профессии, они поднимаются по социальной лестнице. Уже к XII веку рыцарство становится более закрытым сословием. Император Фридрих Барбаросса своими указами закрепляет понятие «рыцарского происхождения»

(Ritterbürtigkeit), запрещая крестьянам и поповичам носить рыцарский меч. Быть рыцарем теперь означает быть частью наследственной аристократии.

Стать рыцарем было непросто. Путь начинался с семи лет, когда мальчика отдавали в качестве пажа в замок другого сеньора. Там он обучался хорошим манерам, охоте, игре на музыкальных инструментах и основам веры. В 14 лет он становился оруженосцем: прислуживал рыцарю за столом, ухаживал за его конем и доспехами, сопровождал в походах и учился владеть настоящим оружием. И лишь в 21 год, после многолетней подготовки, если юноша доказывал свою доблесть, мог состояться обряд посвящения в рыцари.

Этот ритуал имел глубокий религиозный смысл: меч благословлялся на алтаре, посвящаемый давал клятву защищать церковь, вдов и сирот. Рыцарство становилось не просто военной профессией, а моральным и духовным призванием.

Под влиянием церкви и куртуазной поэзии сформировался идеальный образ рыцаря: благочестивый, верный своему слову, щедрый, защитник слабых и слуга Прекрасной Дамы. На практике этот кодекс соблюдался далеко не всегда, но он задавал высокую планку поведения.

Важнейшей школой войны и демонстрацией доблести стали турниры. Первые упоминания о них относятся к XI веку, а родиной считается Франция. Изначально турниры мало чем отличались от реальной битвы — это были групповые схватки (меле), где целью был плен противника для получения выкупа. Позже появились более безопасные и зрелищные формы — конные поединки на копьях (джоусты). Турниры были не просто забавой, а важным социальным институтом, где рыцари зарабатывали славу, деньги и расположение знатных дам.

Таким образом, рыцарство стало синтезом военного дела, социальной иерархии и христианской этики, создав образ воина Христа, который на долгие века остался культурным идеалом Европы.

Если рыцарство — дитя европейского феодализма, то алхимия пришла в Европу извне, с богатого и умудренного опытом Востока. Само слово «алхимия» происходит либо от древнего названия Египта — «Кемет» (черная земля), либо от арабского «аль-химия», восходящего к греческому «хюмейа» — «литье», «флюид».

Зародилась алхимия еще в эллинистическом Египте (II—VI века н. э.), в Александрии — городе, где встретились греческая философия и восточная магия. Основой для нее послужило учение Аристотеля о четырех стихиях и идея о единой первоматерии. Божественным покровителем алхимии считался Гермес Трисмегист, легендарный автор «Изумрудной скрижали», где сформулирован главный принцип магии: «что внизу, подобно тому, что вверху».

После падения Рима центр алхимической мысли переместился в Арабский халифат. Величайший арабский алхимик Джабир ибн Хайян (Гебер) в VIII веке развил ртутно-серную теорию происхождения металлов. Он считал, что все металлы состоят из серы (символ огня и горючести) и ртути (символ воды и металличности). Золото — идеальный металл — получается только в

том случае, если взяты самые чистые сера и ртуть в самой совершенной пропорции. Если пропорция нарушена, получаются неблагородные металлы. Задача алхимика — исправить эту «порчу», найти способ очистить неблагородный металл и превратить его в золото.

В Европу алхимия проникла благодаря двум основным каналам: через арабскую Испанию (Кордовский халифат), а позднее — через контакты с Византией и крестовые походы. Переводы арабских трактатов на латынь в XII—XIII веках произвели эффект разорвавшейся бомбы. Европейские ученые увлеклись идеей трансмутации металлов.

В отличие от строго монотеистического ислама, в христианской Европе алхимия вступила в сложные отношения с церковью. С одной стороны, поиски философского камня могли рассматриваться как гордыня и попытка соперничать с Творцом. Папа Иоанн XXII в XIV веке даже издал буллу против подделывателей золота, что ударило и по алхимикам. С другой стороны, многие видные богословы, такие как Альберт Великий и Фома Аквинский, не отрицали возможности превращения одних веществ в другие, видя в этом подтверждение могущества Бога, заложившего такие чудесные свойства в природу.

Цели алхимиков были грандиозны. Главная из них — поиски философского камня (или Великого эликсира). Это гипотетическое вещество обладало чудесными свойствами: трансмутация металлов - превращение свинца, олова или меди в чистое золото; панацея - приготовление универсального лекарства от всех болезней; эликсир бессмертия - дарование вечной жизни или, как минимум, продление молодости.

Ради этих целей алхимики проводили бесчисленные опыты, изобретали и совершенствовали лабораторное оборудование: перегонные кубы (алембики), печи, ступки. Они открыли множество минеральных кислот (серную, соляную, азотную), научились получать спирт, фосфор, многие соли и оксиды. Хотя официальная цель (золото) так и не была достигнута, накопленные знания заложили фундамент для возникновения научной химии в XVII—XVIII веках.

Как и рыцари, алхимики нуждались в покровителях, ибо опыты стоили дорого. Почти каждый уважающий себя средневековый государь держал при дворе алхимика. Император Священной Римской империи Рудольф II был страстным коллекционером алхимических трактатов и меценатом. Король Франции Карл VI оборудовал целую лабораторию в Венсеннском замке. Датский король Фридрих III потратил на поиски философского камня миллионы талеров.

Интересно, что алхимией увлекались не только авантюристы, но и крупные финансисты и мыслители. Знаменитый французский казначей Жак Кёр, чей дворец в Бурже до сих пор украшен алхимическими символами, был одним из богатейших людей Франции XV века, и его состояние было нажито отнюдь не алхимией, а торговлей, но тайное искусство занимало его ум. Позднее, уже на закате эпохи, алхимические опыты ставили Исаак Ньютон и Михаил Ломоносов, что говорит о том, что грань между «лженаукой» и «наукой» в те времена была очень зыбкой.

Рыцарство и алхимия как феномены средневековой культуры исчезли, уступив место новым общественным отношениям. Рыцарство пришло в упадок с развитием огнестрельного оружия и созданием постоянных армий. Алхимия трансформировалась в научную химию и медицину, оставив мистическую составляющую в удел эзотерикам.

Однако оба явления оставили неизгладимый след. Рыцарство подарило европейской культуре понятия чести, благородства и куртуазности. Алхимия — богатую символику, отразившуюся в литературе и искусстве (вспомним хотя бы «Гарри Поттера» или «Фауста»), и огромный пласт практических знаний. Рыцарь стремился к совершенству через внешний подвиг, алхимик — через внутреннее и лабораторное делание. Оба они искали путь к идеалу в мире, который они считали творением Божьим, полным тайн и загадок.

Список литературы:

- 1.Алхимический креационизм // Darkermagazine - URL: <https://darkermagazine.ru/page/alhimicheskij-kreacionizm> (дата обращения: 27.01.2026).
- 2.Известные ученые, начинавшие с лженауки: что умели придворные алхимики // КУЛЬТУРОЛОГИЯ - URL: <https://kulturologia.ru/blogs/050225/63043/#comments> (дата обращения: 27.01.2026).
- 3.Приключения алхимии в средневековой Европе / пер. с латин. яз., коммент., вводи, ст., прилож. Д. М. Омельченко. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2025. — 346 с.
- 4.Руа, Ж.-Ж. История рыцарства. - 1-е изд. - Олма-пресс, 2018. - 256 с.
- 5.Пуассон, А. Книга алхимии: история, символы, практика. - 1-е изд. - Т-8, 2022. - 302 с.

Емлютина Екатерина Анатольевна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Emlutina Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МОЖЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ?

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о функциональной необходимости вертикальной социальной мобильности для устойчивого существования общества. Опираясь на теоретические положения П. Сорокина и современные эмпирические исследования, автор анализирует последствия институциональной блокировки каналов мобильности. Проводится разграничение моделей открытого и закрытого общества на примере кастовой системы. Делается вывод, что общество способно к физическому воспроизводству в отсутствие социальных лифтов, однако такая конфигурация приводит к стагнации человеческого капитала, утрате механизмов обратной связи между стратами и накоплению протестного потенциала, что ставит под вопрос его долгосрочное развитие.

Ключевые слова: социальные лифты, вертикальная мобильность, стратификация, циркуляция элит, закрытое общество, социальное неравенство.

CAN A SOCIETY EXIST WITHOUT SOCIAL ELEVATORS?

Summary: The article examines the issue of the functional necessity of vertical social mobility for the sustainable existence of society. Drawing on the theoretical provisions of P. Sorokin and modern empirical studies, the author analyzes the consequences of the institutional blocking of mobility channels. The author distinguishes between the models of open and closed society on the example of the caste system. It is concluded that society is capable of physical reproduction in the absence of social elevators, however, such a configuration leads to the stagnation of human capital, the loss of feedback mechanisms between strata and the accumulation of protest potential, which raises questions about its long-term development.

Keywords: social elevators, vertical mobility, stratification, elite circulation, closed society, and social inequality.

Вопрос о том, насколько социальное происхождение предопределяет жизненные шансы индивида, остается одним из ключевых в социальной философии. В современном дискурсе, сталкивающемся с кризисом традиционных институтов и цифровым расслоением, проблема функционирования социальных лифтов приобретает новое измерение. Цель данной статьи – определить, является ли наличие работающих каналов

вертикальной мобильности необходимым условием существования общества или же социум может сохранять устойчивость и в условиях их отсутствия.

В социологической традиции, восходящей к П. Сорокину, социальное пространство рассматривается как иерархизированное. Для описания движений в этой иерархии Сорокин ввёл понятие вертикальной мобильности, понимая под ней восхождение или нисхождение по социальной лестнице. Инструментами такого перемещения выступают социальные институты, или «лифты»: армия, церковь, школа, семья, выполняющие функцию селекции и распределения индивидов [3, с. 392-395]. Как отмечает О.И. Шкаратан, общество объективно заинтересовано в том, чтобы наиболее компетентные члены занимали ключевые позиции; нарушение этого принципа ведёт к снижению эффективности социального организма [5, с. 85-90].

Для анализа поставленного вопроса необходимо обратиться к дихотомии «открытое – закрытое общество». В открытых системах статус достигается благодаря личным усилиям, и мобильность институционально поддерживается. В закрытых – статус предписан от рождения, а переходы между стратами либо крайне затруднены, либо запрещены. Историческим примером, максимально приближенным к модели закрытого общества, является кастовая система Индии. П. Сорокин характеризовал её как классический случай, где принадлежность к касте жёстко детерминирует весь жизненный сценарий индивида [3, с. 396-400]. Современный исследователь Ж. Наудэ, анализируя индийское общество, подтверждает сохранение «вязкости» социальной структуры: несмотря на политику резервирования мест, доступ к качественному образованию и элитным позициям по-прежнему сильно коррелирует с происхождением, что позволяет говорить о сохранении элементов закрытости [8].

Способно ли общество, построенное по типу кастового, к длительному существованию? Исторический опыт демонстрирует, что да, однако платой за ригидность является стагнация. Как отмечает Г. Ястребов, зависимость жизненных шансов детей от статуса родителей универсальна, но, когда эта зависимость становится абсолютной, общество утрачивает механизмы самообновления [6]. В закрытой системе социальная энергия не находит продуктивного выхода, что ведёт к накоплению критической массы нереализованного потенциала.

Исследователи фиксируют ряд системных дисфункций, возникающих при блокировке социальных лифтов. Во-первых, это экономическая стагнация, вызванная деградацией человеческого капитала: у большинства населения исчезают стимулы к долгосрочным инвестициям в образование и развитие, поскольку они не гарантируют изменения статуса [4]. Во-вторых, наблюдается феномен «социального закрытия» элит, описанный Т. Наем. Привилегированные группы превращаются в замкнутую касту, ориентированную исключительно на сохранение собственных привилегий и воспроизводство закрытых социальных сетей, что препятствует притоку «свежей крови» в управление и экономику [9, с. 92-95]. В-третьих, даже при

нисходящей мобильности выходцы из элит сохраняют преимущества в виде социального капитала, что, как показывает в своем исследовании Р. де Врис, создает феномен «падения вбок» (falling sideways), когда статусная позиция утрачивается, но связи и культурный капитал продолжают работать, консервируя неравенство [7, с. 15-18].

Ключевым каналом мобильности в современном мире признаётся образование. Однако, как подчеркивают Э. Тенре и С. Бенаму, институт образования сам может выступать не лифтом, а фильтром, усиливающим неравенство. Двухуровневая система высшего образования (элитные университеты против стандартных) в сочетании с конвертацией культурного и экономического капитала семьи приводит к тому, что доступ к качественному обучению становится предиктором статуса, а не инструментом его достижения [10, с. 7-12]. Чем выше разрыв между элитными и массовыми университетами, тем ниже показатели межпоколенческой мобильности. Исследования студенческой молодежи, проведенные Д.А. Севостьяновым с коллегами, показывают, что респонденты всё чаще ориентируются на индивидуальные стратегии успеха (фриланс, творчество, бизнес), а не на традиционные институциональные лифты, что может свидетельствовать как о кризисе доверия к последним, так и о поиске новых, в том числе цифровых, каналов реализации [2, с. 22-25]. Однако, как отмечает С.Ю. Попков, цифровое пространство не отменяет неравенства доступа, создавая новые формы цифрового разрыва [1, с. 20-22].

Таким образом, общество как совокупность индивидов и групп способно к физическому воспроизводству в условиях отсутствия социальных лифтов. Кастовые и сословные системы прошлого демонстрируют многовековую устойчивость. Однако такая форма существования не является динамически стабильной. Социальные лифты выполняют функцию «кровеносной системы»: они обеспечивают циркуляцию элит, легитимируют неравенство через принцип меритократии и мотивируют индивидов к производительной деятельности. Их отсутствие ведёт не к исчезновению иерархии, а к её окостенению и накоплению протестного потенциала, который рано или поздно находит выход в деструктивных формах – от революций до замещения официальных каналов криминальными «черными ходами». Следовательно, социальные лифты являются не просто опцией для индивидуального карьерного роста, а необходимым структурным элементом, обеспечивающим гомеостаз и развитие сложных социальных систем.

Список литературы:

1. Попков С. Ю. Система социальных лифтов и социальных лестниц в цифровом пространстве: уровни и ступени спусков и подъемов... [Текст] / С. Ю. Попков, С. В. Кирюхин, В. М. Смирнов [и др.] // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 4. – С. 18-28.

- 2.Севостьянов Д. А. Социальные лифты и их восприятие обучающимися [Текст] / Д. А. Севостьянов, А. Р. Гайнанова, Ю. В. Печин // Профессиональное образование в современном мире. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 18-27.
- 3.Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин; общ. Ред., сост. И предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко, А. Ю. Согомонова. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
- 4.Царь без горы [Электронный ресурс] // Профиль. – 2007. – 24 декабря. – URL: <https://profile.ru/archive/car-bez-gory-118529/> (дата обращения: 24.02.2026).
- 5.Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О. И. Шкаратан; Высш. шк. экономики – нац. исслед. ун-т. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 525, [1] с.
- 6.Ястребов Г. «Особо впечатляющих подвижек в сторону большего равенства возможностей в мире пока не обнаружено» [Электронный ресурс]: [интервью] / Г. Ястребов // Реальное время. – 2020. – 22 марта. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/169443-gordey-yastrebov-o-socialnoy-mobilnosti-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 24.02.2026).
- 7.De Vries R. Falling sideways? Social status and the true nature of elite downward mobility in Britain [Electronic resource] / R. de Vries // SSRN. – 2023 Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] /
- 8.Naudet J. Is India a closed society? Some thoughts on the issue of upward social mobility [Electronic resource] / J. Naudet // GIS Asie. – 2012. – URL: <https://www.gis-reseau-asie.org/en/article/india-closed-society-some-thoughts-issue-upward-social-mobility-0> (дата обращения: 24.02.2026).
- 9.Nay T. Social Closure and International Society [Text] / T. Nay // Inclusion / ed. by T. Naylor. – London: Routledge, 2018. – P. 89-115.
- 10.Tenret E. Higher education, social mobility and social stratification [Electronic resource] / E. Tenret, S. Benhamou // HAL Science Ouverte. – 2018. – URL: <https://univ-catholille.hal.science/hal-01744553> (дата обращения: 24.02.2026).

Ефимова Маргарита Андреевна

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Efimova Margarita

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСКУССТВО РЕВОЛЮЦИЙ: КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОТРАЖАЕТ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается феномен отражения социальных изменений в художественном творчестве на примере ключевых исторических периодов, связанных с революционными потрясениями. Анализируется эволюция роли художника: от летописца событий до активного участника и провокатора социальных процессов. Особое внимание уделяется механизмам трансформации общественных настроений в художественные образы и символы. Исследуется специфика восприятия революционного искусства в контексте современной российской культурной политики. На примере искусства русского авангарда и современных уличных практик демонстрируется диалектика запрета и признания. В работе подчеркивается, что художественное осмысление революций проходит несколько этапов: от непосредственной эмоции к исторической рефлексии. В статье делается вывод о том, что искусство выступает не только зеркалом, но и инструментом конструирования новой социальной реальности.

Ключевые слова: искусство и революция, социальные изменения, культурная политика РФ, русский авангард, современное искусство, визуальная культура, политический символизм.

THE ART OF REVOLUTIONS: HOW ARTISTIC CREATIVITY REFLECTS SOCIAL CHANGE

Summary: The article examines the phenomenon of social change reflected in artistic creativity using the example of key historical periods associated with revolutionary upheavals. It analyzes the evolution of the artist's role, from chronicler of events to active participant and provocateur of social processes. Special attention is given to the mechanisms of transforming public sentiments into artistic images and symbols. The article explores the specific perception of revolutionary art in the context of contemporary Russian cultural policy. It demonstrates the dialectics of prohibition and recognition using the example of Russian avant-garde art and contemporary street practices. The paper emphasizes that the artistic interpretation of revolutions goes through several stages: from immediate emotion to historical reflection. The article concludes that art is not only a mirror, but also a tool for constructing a new social reality.

Keywords: art and revolution, social change, cultural policy of the Russian Federation, Russian avant-garde, contemporary art, visual culture, political symbolism.

Искусство на протяжении всей истории человечества выполняло функцию чуткого барометра общественных настроений. В периоды социальных катаклизмов и революционных преобразований эта функция проявляется наиболее ярко и драматично. Художественное творчество не просто фиксирует изменения, происходящие в обществе, но и активно участвует в формировании новой картины мира, создавая визуальные и смысловые коды грядущей эпохи. Вопрос о том, как именно искусство отражает социальные изменения, остается актуальным и для современной России, переживающей сложные процессы культурной самоидентификации и переосмысления своего исторического прошлого.

Взаимосвязь искусства и революции носит двунаправленный характер. С одной стороны, социальные потрясения рожают новые темы, образы и эстетические формы. Художник, живущий в эпоху перемен, не может оставаться в стороне от происходящего. Его творчество становится эмоциональным откликом на ломку старого мира и рождение нового. С другой стороны, искусство само способно выступать катализатором социальных изменений, формируя протестное сознание или, напротив, легитимизируя новую власть через создание героического пантеона и монументальной пропаганды, как отмечается в исследованиях по соотношению «искусства революции» и «революционного искусства».

Классическим примером синтеза художественного поиска и социальной революции является русский авангард начала XX века. Художники К. Малевич, В. Татлин, А. Родченко восприняли Октябрьскую революцию не просто как политический переворот, но как космический слом эпох, требующий принципиально нового языка в искусстве. Как отмечал В. Татлин, революция открывает перспективу «жизнеустройства», когда искусство становится частью социального конструирования, а не только его отражением. [2] Данная позиция согласуется с концепцией переходного «искусства революции» к будущему «социалистическому искусству» [5].

Однако отношения между революционной властью и искусством складывались непросто. Если в первые послереволюционные годы авангард пользовался государственной поддержкой, так как его борьба с «буржуазным» реализмом совпадала с задачами классовой борьбы, то уже к концу 1920-х годов ситуация кардинально изменилась. Искусство должно было стать понятным массам, а значит, вернуться к фигуративности. Революция, отразившись в искусстве, начала требовать от него не поиска, а служения. Этот переход от «искусства революции» к «революционному искусству» в его ортодоксальном, соцреалистическом понимании наглядно демонстрирует, как социальные изменения могут канализировать творческую энергию в строго определенное идеологическое русло. [3]

В современной России тема отражения социальных изменений в искусстве приобретает новые контексты. Культурная политика государства, особенно в последнее десятилетие, направлена на формирование единого ценностного поля. Это неизбежно влияет на художественные практики. Происходит переосмысление понятия «гражданский поступок» в искусстве. Если в советское время таковым считалось служение официальной идеологии, а в 1990-е — тотальное отрицание прошлого, то сегодня художник все чаще оказывается в ситуации поиска баланса между личным высказыванием и общественным запросом на стабильность и традиционные ценности, что соответствует современной модели государственной культурной политики РФ.

Одним из наиболее репрезентативных полей для анализа этих процессов является уличное искусство и паблик-арт. Стрит-арт, будучи по своей природе искусством публичным и часто нелегальным, мгновенно реагирует на социальную повестку. Граффити и муралы становятся способом визуализации коллективных эмоций: от радости по поводу национальных побед до тревоги и солидарности в кризисные моменты. Однако современная политика благоустройства российских городов всё чаще включает стрит-арт в легальное поле, заказывая художникам патриотические муралы к памятным датам. Это создаёт интересный прецедент, когда маргинальное искусство, традиционно отражающее протест, интегрируется в официальный дискурс для отражения государственных социальных изменений.

Важно отметить, что искусство отражает не только макросоциальные изменения (смену строя или идеологии), но и микродвижки в общественном сознании. Например, рост интереса к локальной идентичности и истории малых городов, поддерживаемый различными культурными фондами РФ, породил феномен «арт-резиденций» и фестивалей в провинции. Художники, приезжая в небольшие города, работают с местным контекстом, часто обращаясь к темам индустриального прошлого, памяти о земляках или утраченных ремеслах. Тем самым искусство отражает социальный запрос на «укоренение» и поиск опоры в истории на фоне глобализационных вызовов.

Особого внимания заслуживает проблема отражения в искусстве трагических страниц истории. Революции и социальные катаклизмы несут не только созидательный пафос, но и боль, раскол в обществе, судьбы изгнанников. В современном российском культурном пространстве существует сложная оптика взгляда на события 1917 года, Гражданской войны или 1990-х годов. Художественные выставки, фильмы и театральные постановки часто становятся площадкой для рефлексии и анализа этих событий. По мнению Л. Е. Петровой, музеи и другие институции современного искусства могут выступать «пространством солидарности», репрезентируя социальные проблемы так, чтобы не усиливать конфликт, а переводить его в плоскость общечеловеческой трагедии или героики, что согласуется с работой по практикам репрезентации социальных проблем в российских учреждениях современного искусства [4].

Инструментарий, с помощью которого искусство отражает изменения, также эволюционирует. Если в XIX веке это были масштабные полотна

исторической живописи, а в XX веке – плакат и фотомонтаж, то сегодня на первый план выходят новые медиа, перформанс и иммерсивные практики.

Цифровое искусство позволяет моделировать альтернативные реальности и вовлекать зрителя в диалог напрямую. Социальные сети становятся не только площадкой для распространения художественного контента, но и сами по себе являются объектом осмысления художников, работающих с темами новой искренности, постправды и информационных войн. В российских медиа и исследованиях уже отмечена роль цифрового искусства как нового канала коммуникации, который отражает современные социальные и медийные трансформации [1].

В контексте культурной политики РФ поддержка социально значимого искусства является приоритетной задачей. Государственные гранты и стипендии получают проекты, направленные на сохранение культурного наследия, поддержку традиционных ценностей и патриотическое воспитание, как прямо предусмотрено в стратегических документах о государственной культурной политике РФ до 2030 года и в постановлении Совета Федерации по формированию современной модели культурной политики. Это создаёт определённый мейнстрим, который, однако, не отменяет существования параллельных художественных процессов. Андеграундная культура продолжает существовать, отражая те социальные изменения, которые не попадают в официальную повестку, либо отражая их с критической точки зрения.

Таким образом, художественное поле современной России представляет собой сложную многослойную структуру, где разные типы искусства по-разному взаимодействуют с социальной реальностью.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что искусство революций и социальных изменений – это не фиксированный жанр, а перманентный процесс диалога творца и общества. Механизм отражения работает на нескольких уровнях: документальном (фиксация события), эмоциональном (передача атмосферы времени) и прогностическом (создание образов будущего).

В современной России, где вопросы культурной политики и национальной идентичности стоят особенно остро, искусство продолжает выполнять свою миссию зеркала, даже если это зеркало иногда оказывается кривым или разбитым. Понимание того, как именно художественные практики реагируют на изменения, позволяет глубже понять логику самого общества, его боли, надежды и векторы развития. Искусство остаётся тем пространством, где социальные изменения перестают быть абстрактной статистикой и становятся пережитой эмоцией.

Список литературы:

- 1.Ерохин, С.В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. –СПб: Алетей, – 2011. – 187с.
- 2.Жирякова, А. Д. Мироздание и жизнеустройство в концепциях формообразования К.С. Малевича и В.Е. Татлина / А. Д. Жирякова, Ю. В.

- Назаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 1(176). – С. 40-46.
- 3.Ковалева, Е. Д. 20-30 годы XX века: культурная революция и изменение менталитета населения СССР / Е. Д. Ковалева, А. С. Бочкарева // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2019. – № 3. – С. 142-151.
- 4.Петрова, Л. Е. Солидарность в музее: практики репрезентации социальных проблем в российских институциях современного искусства / Л. Е. Петрова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 56-74.
- 5.Салиенко, А. П. К вопросу об "искусстве революции" и "социалистическом искусстве": умолчания и недоумения / А. П. Салиенко // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 1. – С. 160-183.

Жарков Алексей Денисович

студент

Санкт-Петербургский колледж электроники и информационных технологий

Научный руководитель: преподаватель Лихачев Виктор Геннадьевич

Zharkov Alexey

Saint Petersburg college of electronics and information technology

РЕВОЛЮЦИИ, РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация: История европейских государств 19 - начала 20 века богата примерами сложного взаимодействия реформ, революций и контрреформ. Данная статья посвящена сравнительному анализу этих процессов на материале трёх крупнейших европейских держав - Франции, Германии и России. Рассматривается опыт Великой французской революции 1789 года, политики Реставрации и последующих революционных потрясений 1830 и 1848 годов. Особое внимание уделяется германской модели преобразований: реформам Штейна - Гарденберга в начале 19 века и политике объединения Германии под руководством Бисмарка. Анализируется российский опыт "Великих реформ" Александра II - отмены крепостного права, земской, судебной и военной реформ, а также их свёртывания в период контрреформ Александра III. На основе сопоставления трёх национальных моделей в статье выявляются общие закономерности цикличности политических преобразований в европейской истории.

Ключевые слова: реформа, контрреформа, революция, Россия, Франция, Германия.

REVOLUTIONS, REFORMS AND COUNTER-REFORMS IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

Summary: The history of European states in the nineteenth and early twentieth centuries is rich in examples of complex interactions between reforms, revolutions, and counter-reforms. This article is devoted to a comparative analysis of these processes based on the experience of three major European powers: France, Germany, and Russia. It examines the experience of the Great French Revolution of 1789, the policies of the Restoration, and the subsequent revolutionary upheavals of 1830 and 1848. Special attention is paid to the German model of transformation, including the Stein and Hardenberg reforms of the early nineteenth century and the policy of German unification under the leadership of Bismarck. The article analyzes the Russian experience of the "Great Reforms" of Alexander II, including the abolition of serfdom and the zemstvo, judicial, and military reforms, as well as their curtailment during the period of counter-reforms under Alexander III. Based on a comparison of the three national models, the article identifies general patterns in the cyclical nature of political transformations in European history.

Keywords: reform, counter-reform, revolution, Russia, France, Germany.

Вопрос о соотношении реформ и революций занимает одно из центральных мест в исторической науке. Почему одни государства проходили путь модернизации относительно мирно, тогда как другие раз за разом переживали революционные потрясения? Почему реформы, призванные предотвратить революцию, нередко её провоцировали? Ответить на эти вопросы позволяет сравнительный анализ опыта Франции, Германии и России в 19 - начале 20 века. Каждая из этих стран демонстрирует особую модель взаимодействия реформ, контрреформ и революций, а вместе они складываются в единую историческую закономерность.

Великая французская революция 1789 года стала первым в новоевропейской истории примером того, как неспособность власти провести своевременные реформы оборачивается взрывом колоссальной силы. Французская монархия при Людовике 16 предпринимала попытки преобразований - прежде всего в сфере налогообложения и административного устройства, - однако они неизменно наталкивались на сопротивление привилегированных сословий. Дворянство и духовенство налогов практически не платили, и всё финансовое бремя ложилось на третье сословие - крестьян, городскую бедноту и буржуазию. Дефицит королевской казны к 1788 году принял катастрофические размеры, тогда как страну в очередной раз поразил неурожай и резкое подорожание хлеба, спровоцировавшее массовый голод и бунты в провинциях [1, с. 30]. Крестьяне страдали под гнётом феодальных повинностей - платежей зерном, птицей и деньгами одновременно нескольким сеньорам - и мечтали получить землю в собственность. Буржуазия, окрепшая экономически, оставалась политически бесправной: высшие государственные, офицерские и церковные должности по-прежнему закреплялись за дворянством. На заседании Генеральных штатов, созванных в мае 1789 года, третье сословие располагало вдвое большим числом депутатов, чем первые два вместе взятых, однако правительство отказалось вводить индивидуальное голосование, оставив каждому сословию лишь один голос. Именно это решение переполнило чашу терпения: депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, а улица ответила взятием Бастилии. Неспособность государства перераспределить налоговое бремя, упразднить сословные привилегии и допустить широкие слои общества к политическому участию привела к тому, что общество взяло преобразования в собственные руки [1, с. 41].

После якобинского террора и Директории последовал Наполеон, осуществивший масштабные реформы “сверху”: введение Гражданского кодекса, реорганизация судебной и административной системы, создание централизованного государственного аппарата. Однако реставрация Бурбонов в 1814 - 1815 годах обернулась частичным откатом - попыткой восстановить дореволюционные порядки. Итогом стали революции 1830 и 1848 годов. Таким образом, Франция за шесть десятилетий прошла полный цикл: революция - реформы - контрреформы - новая революция [2, с. 88].

Немецкий путь принципиально отличался от французского. После разгрома Пруссии Наполеоном в 1806 году реформаторы Штейн и Гарденберг

предприняли попытку модернизировать государство, не допустив революции: отменили крепостное право, провели административную реформу, преобразовали армию. Это была осознанная стратегия - “реформировать, чтобы не революционизировать”. Революция 1848 года всё же охватила германские государства, однако была подавлена. Объединение Германии под руководством Бисмарка в 1860-1870-е годы стало классическим примером «революции сверху»: глубокие структурные преобразования были проведены консервативной властью, не допустившей массового революционного движения. Тем не менее нерешённость социального вопроса и отсутствие полноценного парламентаризма привели к революционному кризису 1918 года - уже в условиях военного поражения.

Наиболее наглядно закономерность “половинчатая реформа - контрреформа – революция” прослеживается на российском материале. “Великие реформы” Александра II (1861-1874) - отмена крепостного права, земская, судебная, городская, военные реформы - коренным образом изменили облик страны. Однако реформы с самого начала несли в себе противоречие: освободив крестьян, государство обременило их выкупными платежами, составлявшими почти тройную стоимость полученной земли [4]. Судебная реформа вводила независимость суда, но параллельно правительство усиливало административный контроль. После убийства Александра II народолюбцами в 1881 году новый император Александр III взял курс на контрреформы. Земское положение 1890 года и Городовое положение 1892 года урезали самоуправление, Университетский устав 1884 года ликвидировал автономию высшей школы, судебная контрреформа ограничила компетенцию суда присяжных [5]. По мнению историков, контрреформы “заморозили” накопившиеся социальные противоречия, но не устранили их [6]. Результатом стали революции 1905-1907 и 1917 годов.

Сопоставление трёх национальных моделей позволяет выявить ряд общих закономерностей. Во-первых, реформы, проводимые под давлением кризиса и не подкреплённые системными изменениями, лишь откладывают революционный взрыв. Во-вторых, контрреформы, направленные на отмену или ограничение уже проведённых преобразований, как правило, усугубляют ситуацию, поскольку консервируют накопившиеся противоречия. В-третьих, наиболее устойчивыми оказывались те государства, которые - подобно Германии при Бисмарке - проводили реформы последовательно и достаточно глубоко, не позволяя оппозиционным силам монополизировать повестку перемен [3, с. 922].

Важно также отметить, что реформы и революции различаются не только методами, но и логикой: реформа - это “революция сверху”, управляемое преобразование; революция - стихийный или организованный слом существующего порядка снизу [7]. Именно поэтому власть, последовательно проводящая реформы, лишает революцию питательной почвы.

Список литературы:

- 1.Манфред А.З. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - 431 с.
- 2.Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: курс лекций. - М.: Высшая школа, 1997. - 431 с. - URL: https://scepsis.net/library/id_1421.html (дата обращения: 23.02.2026).
- 3.Ильченко С.П. Объединение Германии как революция сверху прусских правящих классов // Молодой учёный. - 2015. - № 9 (89). - С. 921–923. - URL: <https://moluch.ru/archive/89/18110> (дата обращения: 20.02.2026).
- 4.Скоробогатова В.В., Рузанов С.В., Токарев Г.М. «Исторический портрет Александра II и буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века» // Молодой учёный, 2016, № 27 (131). С. 295–297 <https://moluch.ru/archive/131/36275>
- 5.Воронин И.В. Сущность политики «контрреформ» Александра III // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-politiki-kontrreform-aleksandra-iii> (дата обращения: 23.02.2026).
- 6.Контрреформы Александра III: содержание и последствия // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrreformy-aleksandra-iii-soderzhanie-i-posledstviya> (дата обращения: 23.02.2026).
- 7.Реформа и контрреформа. - URL: <https://histerl.ru/slovar/reforma-i-kontrreforma.htm> (дата обращения: 23.02.2026).

Жежкун Алина Андреевна

3 ГД-19

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Zhezhkun Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КАНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАЛИНИНГРАДА

Аннотация: Статья посвящена анализу роли кантовского наследия в современной культурной политике Российской Федерации. Рассматривается процесс трансформации образа Иммануил Кант из фигуры немецкой философской традиции в один из ключевых символов региональной идентичности Калининграда. Особое внимание уделяется механизмам институционализации философского наследия и его включению в публичное культурное пространство. Исследуется понятие символического капитала применительно к региональной культурной стратегии. В работе анализируются противоречия между универсализмом кантовской философии и национальными задачами культурной политики. Делается вывод о сложной взаимосвязи философии, исторической памяти и государственной культурной политики в постсоветский период.

Ключевые слова: культурная политика, символический капитал, историческая память, региональная идентичность, философское наследие.

KANT'S LEGACY AS THE SYMBOLIC CAPITAL OF KALININGRAD

Summary: The article is devoted to the analysis of the role of Kant's legacy in the modern cultural policy of the Russian Federation. It examines the process of transforming the image of Immanuel Kant from a figure of the German philosophical tradition into one of the key symbols of the regional identity of Kaliningrad. Special attention is paid to the mechanisms of institutionalization of philosophical heritage and its inclusion in the public cultural space. The article explores the concept of symbolic capital in relation to the regional cultural strategy. The work analyzes the contradictions between the universalism of Kant's philosophy and the national objectives of cultural policy. The article concludes that there is a complex relationship between philosophy, historical memory, and state cultural policy in the post-Soviet period.

Keywords: cultural policy, symbolic capital, historical memory, regional identity, and philosophical heritage.

В условиях трансформации российского культурного пространства после распада СССР особую значимость приобрёл вопрос переосмысления региональных идентичностей. Калининградская область оказалась в

уникальном положении: территория с ярко выраженным прусским и немецким прошлым стала частью советского, а затем российского государства. В этой ситуации возникла необходимость поиска символов, способных интегрировать сложное историческое наследие в современную культурную стратегию.

С городом Кёнигсбергом неразрывно связаны жизнь и деятельность философа мирового значения – Иммануила Канта (1724-1804). Его философия ориентирована на разум, автономию личности и нравственный закон, что позволяет интерпретировать её как ценностную основу диалога культур.

Однако включение философского наследия в государственную культурную политику неизбежно связано с процессом его символической адаптации. Возникает вопрос: каким образом философ превращается в инструмент формирования регионального символического капитала? И не утрачивается ли при этом глубина его идей?

Понятие символического капитала, введённое французским социологом и философом П. Бурдьё, позволяет рассматривать культурные символы как ресурс, способный усиливать статус территории или института. В российской гуманитарной науке данная концепция активно применяется к анализу региональной культурной политики. В этом контексте имя Канта используется как нематериальный ресурс, повышающий престиж региона и закрепляющий его уникальность.

Современная культурная политика Российской Федерации ориентирована не только на сохранение наследия, но и на его интерпретацию в рамках государственной стратегии. В «Основах государственной культурной политики» (Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014) [4]. подчёркивается значение исторической памяти и культурного наследия для укрепления национального единства. Таким образом, включение кантовского наследия в культурную повестку соответствует общим направлениям государственной политики.

После 1991 года в Калининградской области усилился интерес к немецкому прошлому региона. Если в советский период акцент делался преимущественно на военной истории и освоении территории, то в постсоветское время начался процесс постепенной реабилитации культурного наследия более раннего периода.

Как отмечает А. Н. Круглов, рецепция Канта в России имеет длительную традицию, но в постсоветский период она приобрела новый, региональный характер. Фигура философа стала восприниматься не только как объект академического изучения, но и как символ культурной преемственности. [1]

Знаковым шагом стало присвоение имени философа Балтийскому федеральному университету. В сборнике «Образы Канта в Калининградском университете» подчёркивается, что университет использует имя философа как основу своей образовательной и научной миссии. Таким образом, происходит институционализация символа в научно-образовательной культурной среде. [3]

Имя Канта закрепляется и в городском пространстве: восстановление мемориальных объектов, развитие музейных программ, проведение

международных конференций. Всё это формирует устойчивый образ Калининграда как «города Канта».

В современной постсоветской истории Калининград переживает процесс сложной символической трансформации. Отказ от полного отрицания немецкого прошлого сопровождается его выборочной интеграцией. И. Кант становится центральной фигурой этого процесса, поскольку его философское наследие обладает универсальным характером и общемировым значением. Международное наследие региона включается в российский исторический нарратив через механизмы символической адаптации. Это означает, что немецкое культурное наследие интерпретируется как часть многоуровневой истории территории, а не как чуждый элемент.

Кантовское наследие тем самым выполняет функцию посредника между Россией и Европой. Регион получает возможность позиционировать себя как пространство культурного диалога, что усиливает его международный статус.

Несмотря на очевидную продуктивность использования кантовского образа в культурной политике, данный процесс сопровождается внутренним противоречием. Философия Канта строится на принципах универсализма и носит наднациональный характер.

Однако культурная политика по своей природе связана с формированием определённой интерпретации прошлого. Включение философа в национальный канон неизбежно сопровождается акцентированием одних аспектов его наследия и игнорированием других. Возникает риск редукции сложной философской системы до символа территориального бренда.

Это противоречие требует особого анализа. С одной стороны, государство вправе использовать культурные символы для укрепления идентичности. С другой стороны, чрезмерная инструментализация наследия может привести к утрате его интеллектуальной глубины.

Кантовское наследие формирует символический капитал Калининграда на нескольких уровнях.

Во-первых, на региональном уровне оно укрепляет чувство исторической значимости территории. Регион перестаёт восприниматься исключительно как военный форпост и начинает ассоциироваться с интеллектуальной традицией.

Во-вторых, на федеральном уровне образ Канта способствует включению Калининграда в единое культурное пространство России. Регион демонстрирует не только стратегическую, но и культурную ценность.

В-третьих, на международном уровне кантовское наследие создаёт возможности для культурной дипломатии. Универсальность философских идей облегчает участие региона в международных гуманитарных проектах.[2].

Таким образом, символический капитал формируется через институционализацию, мемориальные практики и публичную риторику. Он становится важным элементом современной культурной политики.

Кантовское наследие в современной культурной политике Российской Федерации представляет собой пример сложной трансформации философской традиции в инструмент символического конструирования региональной

идентичности. Фигура Иммануила Канта выступает посредником между немецким прошлым Калининграда и его российским настоящим.

Процесс включения философского наследия в государственную стратегию сопровождается институционализацией, мемориализацией и публичной интерпретацией. В результате формируется символический капитал региона, повышающий его культурный статус. В то же время, сохраняется напряжение между универсализмом кантовской философии и национальной культурной политикой. Баланс между сохранением интеллектуальной глубины наследия и его функционализацией становится важной задачей современной культурной политики.

Анализ данного феномена позволяет глубже понять механизмы формирования региональной идентичности в постсоветской России и выявить роль философского наследия в процессе реализации культурной политики.

Список литературы:

- 1.Круглов, А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков / А. Н. Круглов. – М.: Канон, – 2009. – 567 с.
- 2.Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. Н. В. Мотрошиловой. – М.: Канон, – 2007. – 623 с.
- 3.Образы Канта в Калининградском университете / под ред. Л. А. Калининкова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, – 2024. – 313 с.
- 4.Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 25.02.2026).

Заболотская Алина Андреевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Alina Zabolotskaya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И МОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ КИТАЯ И ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННУЮ МОДУ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее яркие примеры влияния культуры и модных тенденций Китая и Японии на современную российскую моду. Анализируется их значимость в развитии русской моды и влияние этих тенденций. Особое внимание уделяется показам именитых модных домов и Неделям моды в Шанхае, Пекине и др.

Ключевые слова: ханьфу, ципао, гочао, оверсайз, X-образные силуэты, абрис, Heaven Gaia (Хевен Джиа), Samuel Guì Yang, Gucci, Apricot Crush, Pink Diamond, бренд Li-Ning, Стилистика hanfu movement, guochao (гочао), ципао, Adidas.

THE IMPACT OF CHINA AND JAPAN'S CULTURE AND FASHION TRENDS ON MODERN RUSSIAN FASHION

Summary: The article examines the most striking examples of the influence of China and Japan's culture and fashion trends on modern Russian fashion. It analyzes their significance in the development of Russian fashion and the impact of these trends. Special attention is given to the shows of renowned fashion houses and the Fashion Weeks in Shanghai, Beijing, and other cities.

Keywords: Hanfu, qipao, gochao, oversize, X-shaped silhouettes, outline, Heaven Gaia, Samuel Gui Yang, Gucci, Apricot Crush, Pink Diamond, Li-Ning brand, hanfu movement style, guochao, qipao, Adidas.

Сегодня в современной российской моде актуален стиль, пришедший из Азиатских стран (Китая, Японии и Южной Кореи). Культура Китая - одна из самых древних и самобытных в мире. Она оказала большое влияние и на развитие культуры России, и многочисленных соседних народов, например, - Монголии, Тибета, Индокитая, Кореи и Японии

Именно поэтому основной упор был сделан на китайскую традиционную одежду разных исторических периодов в новых модных тенденциях.

В последние годы наблюдается возрождение интереса к традиционным китайским костюмам. Молодёжь не только носит ханьфу и ципао в повседневной жизни, но и устраивает тематические мероприятия, фотосессии. Также актуально направление гочао - движение объединяет молодёжь, которая ценит китайскую культуру, стиль, но в современной интерпретации. Гочао

использует элементы традиционного китайского искусства, каллиграфии, дизайна в моде, музыке и других сферах. В 2025 году в моде бытуют яркие, неформальные образы, вдохновленные как традиционной китайской культурой, так и западными тенденциями.

Стиль гочао хорошо продемонстрировали в осенней коллекции спортивного бренда Li-Ning в 2018 году. Компания продемонстрировала ее на неделе моды в Нью-Йорке. Коллекция произвела фурор яркими цветами и крупными надписями «Китай» 中国 и «Китайский Li-Ning» 中国李宁. [1]

Стилистика hanfu movement, guochao (гочао), ципао и дальше повлияют на молодежные тренды, но китайские дизайнеры будут добавлять к этим стилям элементы, которые подчеркивают уникальность китайской культуры. Например, на футболках и толстовках могут появиться надписи и изображения с китайской символикой, каллиграфией и дизайном в моде, элементами китайского искусства или отсылками к популярным китайским фильмам и музыке. Такой стиль будет активно просачиваться в русские тренды 2025-2026 гг.

Среди силуэтов не теряет актуальности оверсайз и трапециевидные абрисы у молодежи, но также актуальны приталенные силуэты, всевозможные облегающие платья, Х-образные силуэты и длинные юбки в складку. Ярким примером таких силуэтов является модный дом Samuel Gui Yang.

Мода в Китае будет все больше акцентировать внимание на возвращении к традиционным китайским формам. В 2025 г. наблюдается значительное возрождение ханьфу и ципао — традиционной китайской одежды, которая будет адаптирована к современным тенденциям. Это сочетание элементов прошлого с современной эстетикой демонстрирует богатое культурное наследие Китая, в то же время охватывая влияние глобализации. Например, современная уличная мода ханьфу сочетает в себе традиционные элементы одежды ханьфу, уходящие корнями в вековые традиции моды, с современными силуэтами, тканями и принтами. Результатом является яркое и динамичное модное движение, сочетающее в себе как традиции, так и инновации. Китайские дизайнеры будут использовать древние принципы и образы, но в новом контексте. Например, сочетание классического ханьфу или ципао с джинсами или кроссовками может стать символом культурного слияния.

Модели с ярко выраженным культурным кодом можно увидеть на показах модного дома Heaven Gaia (Хевен Джиа) модельера из Поднебесной Сюн Ин (Xiong Ying), которая создала модный бренд Heaven Gaia и запустила его в 2013 году. Идеи для коллекций она черпает в истории древнего Китая, в его фресках, вышивках, традициях, театральной культуре, народном творчестве. [2]

Минимализм продолжает оставаться в тренде, но в китайской и русской моде 2025-2026 г. будет особенный акцент на сочетание минималистичных форм с традиционными китайскими элементами. Простые силуэты, нейтральные цвета и лаконичные линии будут в сочетании с вышивками, бамбуковыми аксессуарами или элементами, отражающими философию

даосизма и конфуцианства. Такой стиль сочетает в себе элегантность, спокойствие и глубокий культурный подтекст.

Важно помнить, что мода в Китае — это не просто одежда, а также способ самовыражения, уважения к культурному наследию и связи с будущим.

В последнее время в обществе Поднебесной укрепился феномен — ципао.

Ципао — традиционное китайское платье, которое в настоящее время переживает настоящее возрождение. Винтажные магазины продают ципао, которые много лет назад были использованы для свадебных церемоний, а подростки надевают различные вариации этого платья, демонстрируя любовь к своей многовековой культуре. В нашем случае речь идет о том, что китайские модники все реже стали смотреть в сторону Запада и его трендов, модных домов и обычных брендов. [3]

Эта эстетика — как раз-таки один из отголосков феномена ханьфу. Она созвучна китайской тихой роскоши, но если вещи, которые носят ее поклонники, действительно «тихие», без обилия цвета, узоров и слоев, то новый китайский стиль дает экспериментам зеленый свет. Главное условие — наличие в образе элементов традиционного китайского костюма от ханьфу до пиджаков с воротниками-стойками «мандарин».

Вспомним показ Gucci весна-лето 2023. Если не отвлекаться на близнецов, которых вывели на подиум для демонстрации вещей, можно заметить явные отсылки к восточной эстетике — цветочные мотивы, изображения птиц и шелковые пуговицы, к примеру. Этот показ уже являлся предпосылкой к возрождению культуры Азии в моде.

Изменчивость модных веяний затрагивает каждый аспект одежды, которую мы носим, начиная от элементов кроя и заканчивая тканями и фурнитурой. Безусловно, в каждом сезоне можно встретить изделия из самых разных материалов, но на некоторые ткани стоит обратить особое внимание.

«Японизм» современной моды проявляется в коллекциях на конкретных показах, например, 15 апреля 2025 г. в древнем храме То-дзи в Киото произошло событие, которое легко было бы назвать «волшебным». Состоялся показ новой коллекции Pre-Fall 2025 дома Dior (Диор), организованный Марией Грацией Кьюри. Восток в этой коллекции словно рассматривался через увеличительное стекло Запада. Кимоно, сакура, журавли, ткацкие ремёсла — как галочки в методичке по «японскому стилю». Всё безупречно, но слишком буквально. Меньше духа, больше репродукции. Силуэты — безусловно элегантны. Вся композиция выглядит выверенной и гармоничной, демонстрируя безупречное мастерство кроя и чуткое понимание пропорции. Кьюри остаётся верна своей концепции «феминности без агрессии» — и в этом её достоинство. Но с каждым сезоном эта формула всё меньше вызывает вдохновение. Мария Грация Кьюри — дизайнер с безупречным вкусом, интеллектуальной глубиной и редкой для модной индустрии этичностью. Но именно это делает её уязвимой: она создаёт красоту, но избегает риска. Её коллекции говорят важные вещи, но слишком часто одним и тем же голосом. В

случае с Киото это особенно заметно. Показ, который должен был быть мостом, стал скорее галереей.[4]

В 2025 г. Adidas представил свою новую китайскую коллекцию, которая сразу же привлекла внимание модных экспертов и любителей уличной моды по всему миру. Линейка стала не просто очередным выпуском спортивной одежды, а настоящим культурным мостом между современностью и богатым наследием Восточной Азии.

Одной из главных особенностей коллекции стало бережное использование традиционных китайских мотивов и символов. В дизайне появились элементы, вдохновленные каллиграфией, узорами из шелка, а также изображениями лотосов — символов долголетия, силы и красоты. Эти мотивы были интегрированы в современные силуэты спортивной одежды и обуви, создавая уникальный микс классики и современности.

Главная идея коллекции — показать богатство культурного наследия Китая через призму современных трендов. Например, классические китайские узоры были выполнены в стиле абстрактных рисунков.

В данной китайской линейке можно найти национальные платья ципао, атласные и джинсовые рубашки, футболки и бомберы. Сочетание традиционных элементов и в целом образов (по типу ципао) с современной модой выделяет коллекцию среди множества других.

Новая азиатская/китайская коллекция Adidas 2025 стала ярким примером того, как бренд может гармонично сочетать уважение к культуре с инновациями в дизайне. Ее успех объясняется не только эстетикой или технологическими новинками, но и умением передать ценности культуры через современную моду. В результате эта коллекция не только завоевала сердца миллионов по всему миру, но и стала настоящим феноменом в мире уличной моды — вирусным трендом 2025 г. [5]

Согласно модным тенденциям Китая и других стран Азии на 2025-2026 гг, а также цветовой палитре модных оттенков от Pantone, популярными цветами были и остаются яркие оттенки красного, оранжевого и желтого. Apricot Crush, яркий оранжевый полутон, стал ключевым цветом весны/лета 2024 г. в Китае. Этот освежающий и поднимающий настроение оттенок напоминает красивые рассветы и закаты, вызывая чувство позитива, оптимизма и обновления. Apricot Crush чрезвычайно универсален и пользуется широкой популярностью во всех категориях моды. Прогнозируется его популярность и в 2025-2026 г.

Мягкий, мерцающий Pink Diamond – еще один популярный цвет 2024 года, может быть пастельным, но он далеко не юношеский и не исключительно женственный. Pink Diamond обладает сильным гендерно-инклюзивным потенциалом и найдет отклик у молодых потребителей в самых разных категориях: от повседневной и уличной одежды до косметики, постельного белья и игрового оборудования. Поскольку розовый продолжает терять свои «девчачьи» ассоциации, Розовый Бриллиант готов стать новым нейтральным цветом, сохраняющим свою силу после 2024 г. [6]

Тренд на ориентации на Восток повлиял на сложение авторской концепции дизайнера Алины Заболотской. Коллекция «КОI» была представлена на St. Petersburg Fashion Week 18.10.2025. В ней отражены черты исторических костюмов Китая и Японии в современной интерпретации. (Иллюстрация 1)

Одним из главных источников вдохновения стала природа. Именно она полна различных красок и форм, которые не повторяются. Поэтому следующим источником вдохновения были выбраны карпы кои – их символика зависит от культуры страны. В коллекции отражена легкость и изящность этих рыб.

Еще одним источником вдохновения была богатая культура Восточной Азии. Во многом именно культура Китая одна из самых древних и самобытных в мире. Она оказала большое влияние на развитие культур многочисленных соседних народов, например, Монголии, Тибета, Индокитая, Кореи и Японии

Именно поэтому основной упор в коллекции был сделан на китайскую традиционную одежду разных исторических периодов. В коллекции можно увидеть традиционное китайское платье "ципао", юбку со складками и разрезами, высокие стоячие воротники и различные пояса. Активно использовались аксессуары, чтобы подчеркнуть культурный код. Были использованы круглые декоративные сумки с жгутами, кисточки, спицы в прическах, зонтики.

Япония же вдохновила своими традициями и достопримечательностями.

Конечно же, были затронуты традиции Японии, японские гейши и ойран, которые имеют очень богатую историю и известны на весь мир. В качестве источников вдохновения были прически гейш, их украшения и способ нанесения макияжа. Так у моделей выделены оранжевыми и красными оттенками щеки и глаза, подчеркивая утонченность и символику карпов кои – удачу и благополучие.

Таким образом влияние Востока на современную российскую моду актуально и плодотворно, что непосредственно отражается в коллекциях дизайнеров. Показы ведущих модных домов подтверждают это.

Иллюстрация 1 – коллекция «KOI» Алины Заболотской на St. Petersburg Fashion Week

Список литературы:

1. Сычев Л.П. Китайский костюм Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве / Л.П. Сычев, В.Л. Сычев; АН СССР, Ин-т востоковедения. - Москва: Наука, 1975. – 134 с.
2. Хованчук, Ольга Александровна. История японского костюма с древнейших времен до середины XX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток, 2006. — 27 с.
3. Пантелеева Вера Борисовна. Платье ципао: традиции и современность. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, N. 3 (89) /2018: N. 3 (89) /2018
4. Руслана Жукова // Guochao как новый made in China. – URL.: <https://mates-china.com/blog/guochao-china/> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Heaven Gaia: дуновение восточного ветра – URL.: https://dzen.ru/a/Y5Gq_IZ2hwENuDN4 (дата обращения: 05.10.2025).
6. История быта и искусств – URL.: https://pikabu.ru/story/tsipao_kratkaya_istoriya_samogo_seksualnogo_kitayskogo_platya_7764487?ysclid=mht56s5gea258374140 (дата обращения: 05.10.2025).
7. ML L'Atelier – URL.: <https://dzen.ru/a/aAOx83N7NS9R3pjR?ysclid=mht5ci8zpx92618187> (дата обращения: 28.10.2025).
8. Александра Шкутько // Adidas Chinese collection 2025 – URL.: <https://designersfromrussia.ru/adidas-chinese-collection-2025>. (дата обращения: 21.10.2025)
9. Ву Лела // Ключевые модные цвета Китая сезона весна/лето 2024 – URL.: <https://reads.alibaba.com/ru/chinas-key-fashion-colors-for-spring-summer-2024/>. (дата обращения: 10.10.2025).

Заболотская Алина Андреевна

1 ТД-16с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Alina Zabolotskaya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ДЕМОНА В КАРТИНЕ М. А. ВРУБЕЛЯ «ДЕМОН СИДЯЩИЙ»

Аннотация: В данной статье рассматривается творчество Михаила Александровича Врубеля через одну из его самых известных картин «Демон сидящий» 1890 г. создания. Проводится анализ картины и рассматриваются тайные философские смыслы этого произведения.

Ключевые слова: Философия искусства, искусство, эстетика, демон, модерн, романтизм, символизм.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE DEMON IN THE PAINTING

M. A. VRUBEL "THE DEMON SITTING"

Summary: His article examines the work of Mikhail Alexandrovich Vrubel through one of his most famous paintings "The Demon Sitting" created in 1890. The painting is analyzed and the hidden philosophical meanings of this work are considered.

Keywords: Philosophy of Art, Art, Aesthetics, Demon, Modernism, Romanticism, Symbolism.

Михаил Александрович Врубель — один из самых загадочных и многогранных художников в истории русской живописи. Его творчество стало символом эпохи, а жанр живописи, в котором он работал, до сих пор вызывает восхищение и споры среди искусствоведов и ценителей искусства. В этой статье мы погрузимся в сюжет картины «Демон сидящий», исследуем особенности стиля художника и узнаем, почему его работы остаются актуальными спустя столетия. [1, с. 39-40]

В 1891 году Михаилу Александровичу Врубелю предложили сделать иллюстрации к юбилейному двухтомнику сочинений Лермонтова, и, конечно, он соглашается. Художнику близок образ демона в лермонтовском произведении, и он рождает на свет множество красивых иллюстраций. Кроме того, к нему в голову приходит идея создания новой монументальной картины — ещё одного демона. Непрекращающееся вдохновение Врубеля было вызвано популярностью богоборческих произведений Ницше и популярностью драматургии Ибсена. Романтизм показывает демонов как свободолюбивых

существ с бунтарским характером, но далеко не самыми мерзкими созданиями на земле.

Картина «Демон Сидящий» стала визитной карточкой не только своего автора, Михаила Александровича Врубеля, но и в целом искусства конца 19 века. Наряду со «Звездной ночью» Винсента Ван Гога, это произведение в наши дни перестало быть лишь музейным экспонатом, а превратилось в узнаваемый образ массовой культуры. Впрочем, она искажила изначальный смысл картины. [6]

Важно отметить, что рубеж XIX - XX столетий ознаменовался переломной эпохой для России: экономические подъёмы и кризисы, проигранная русско-японская война 1904-1905 гг. и революция 1905-1907 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг. и как следствие революции в феврале и октябре 1917г., свергшие монархию и власть буржуазии. Но в то же время наука, литература и искусство переживали небывалый расцвет. Реалистические традиции передвижников в живописи, их повествовательность и, в определённом смысле, назидательный тон уходили в прошлое. Им на смену пришёл стиль модерн. В конце XIX в. человек впервые ощутил пугающую силу науки и власть техники. Могущество техники делало отдельную человеческую жизнь слишком уязвимой и хрупкой. Ответной реакцией стало особое внимание культуры к индивидуальной человеческой душе. [4]

Творчество Михаила Врубеля — это синтез символизма, модерна и романтизма. Художник сочетал мифологические сюжеты, религиозные мотивы и глубокий психологизм. Михаил Александрович был весьма многогранным художником, который умело работал в самых разных направлениях: живописи, графике, декоративно-прикладном искусстве, скульптуре и театральном искусстве. Рассмотрим направления, в которых работал художник.

Творцы рубежа веков искали новые средства художественной выразительности, и прямое изображение действительности в формах самой же действительности не всегда соответствовало их представлениям. Таким образом появилось много художественных направлений, например, модерн.

Модерн противопоставлялся идеологии традиционного общества, основанной на доминировании традиции над инновацией. Стиль модерн в изобразительном искусстве России начала XX века имел характерные черты: декоративность, плавность линий и округлость форм, обилие орнаментов и украшений, внимание к растительным, природным мотивам. [3, с. 94]

Символизм — течение в изобразительном искусстве, основанное на стремлении выразить не внешний мир, а внутренние переживания, духовные идеи и скрытые смыслы. Художники-символисты стремились уйти от внешней реальности и показать то, что скрыто: чувства, идеи, страхи, мечты, интуиции. В центре символизма — не факт, а образ, не сюжет, а настроение. [2, с. 226], [3, с. 146-147]

Романтизм — направление в искусстве, которое поставило в центр внимания чувства, личные переживания, стремление к свободе и открытое

выражение эмоций. Романтизм пришёл на смену строгому классицизму в живописи. [3, с. 138-139]

Теперь перейдем непосредственно к самой картине М. А. Врубеля «Демон сидящий».

Философский энциклопедический словарь дает определение демона как непостижимой силы, приписываемой человеком таким явлениям, которые он не может понять на основе своего повседневного опыта. [5, с. 145]

Со времен Гераклита, Платона и стоиков демон в человеке рассматривается как его своеобразие, роковая определенность (демонический). Родственное значение зла, зловещего, возникло лишь с появлением христианства и в более позднюю эпоху античного мира вместе с верой в чудеса. У Гомера этим словом часто обозначается божество, которое не может быть определено точнее, но о котором человек узнает благодаря таинственным (не обязательно вредным) воздействиям его на человека. «Демоническое» есть нечто настолько необъяснимое с точки зрения его действий, что вызывает ужас, а часто играет роль разрушительной силы. В этом смысле говорят о демонии техники, о демонии войны или государства, также о демонии современного человека, который чувствует себя направляемым сверхъестественными, неизвестными силами к неизвестной цели.

На картине демон не изображен как само зло, а как скорбящая одинокая душа, которая не может найти себе приюта ни на земле, ни на небе, и вынужден бесконечно скитаться, забытый, непонятый, отверженный, но при этом могущественный и гордый. «Демона не понимают — путают с чертом и дьяволом, тогда как «черт» по-гречески значит просто «рогатый», дьявол — «клеветник», а «демон» — значит «душа», — говорил художник. Рядом с демоном на картине изображены каменные цветы, словно в его образе сливаются мужские и женские черты. Художник отражает в картине уже собственный внутренний портрет и своё одиночество. Получившаяся картина не даёт автору отпустить внутреннюю тоску, а только заставляет его писать демонов дальше.

Врубель показывает зрителю усталого, бессильного, страдающего «Демона», но в тоже время оживляет полотно необыкновенно-переливающимся на свету одеянием героя в голубых, синих оттенках. Также на картине можно увидеть необыкновенные цветы, которые расположены за главным героем картины. В целом полотно наполнено золотистыми, красными, сиреневыми, охристыми, лилово-синими тонами, которые при разном освещении совершенно меняют вид картины. Михаил Александрович не случайно пишет цветы вокруг главного героя размыто, как бы обозначая их присутствие. Это сделано, чтобы вывести на первый план главного героя. Автор не случайно выбрал в качестве фоновых оттенков фиолетовый и сиреневый цвет. Эти цвета передают тревогу, печаль, взволнованность героя, с помощью них автор смог показать зрителю душевное состояние главного героя.

Во время просмотра картины, создаётся ощущение, что Душа Демона закована в тело. Композиция наполнена внутренним напряжением. Голова

повёрнута в бок и при этом, возникает зрительная иллюзия, что волосы находятся в состоянии полёта. Черты лица размыты, но при этом чётко ясно настроение героя. Взгляд полон грусти и печали. Если внимательно присмотреться, мы можем увидеть на щеке Демона отблеск хрупкой, словно хрусталь, слезы. Величавые плечи и руки демона выполнены с необычайной точностью. Мышцы прописаны с необыкновенной реалистичностью. Руки являются одним из главных элементов полотна. В них чувствуется напряжение героя и в тоже время они напоминают былые крылья ангела, которых у него нет. Ведь демон – это падший ангел, изгнанник рая. Так же чувствуется огромное напряжение, которое сосредоточено в кистях рук. Демон чуть ли не выворачивает их полностью, так сильно он сосредоточен на своих мыслях, он не чувствует физической боли. В некоторых фрагментах картины, Врубель записывает пальца черным цветом, тем самым создает еще более сильное напряжение в кистях рук. Колени замкнуты, спина согнута, тело Демона находится в состоянии напряжения, волнения. Синяя ткань усиливает этот эффект. Фигура героя в целом напоминает большой кувшин, пустой сосуд, который нечем наполнить. [6] Недаром, живопись Врубеля считается сложной и тяжёлой для восприятия. В его живописной манере ощущается колоссальный натиск на форму.

Список литературы:

- 1.Бычкова, А. С. Феномен творчества Михаила Врубеля // Научный Лидер. – февраль 2022. – №5 (50). – С. 39-40.
- 2.Воскресенская, М. А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX-XX веков / науч. ред. А. Н. Жеравина. - Москва: Изд-во Томского ун-та, 2003. - 226 с.
- 3.Краткий словарь терминов изобразительного искусства. - Москва: Сов. художник, 1961. - 190 с.
- 4.Родионова, Е. И. Развитие русского изобразительного искусства второй половины XIX – начала XX века. – URL: <https://studfile.net/preview/11107899/page:3/> (дата обращения: 27.02.2026).
- 5.Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. — Москва: ИНФРА-М, 2009. – 568 с.
- 6.Шпак, А. МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ «ДЕМОН». Художественное описание картины Журнал Клаузура. – URL: <https://klauzura.ru/2018/12/mihail-vrubel-demon-hudozhestvennoe-opisanie-kartiny/> (дата обращения: 05.02.2026).

Заец Дарья Витальевна

1 МД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Daria Zaets

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РУССКИЕ ЦАРЕВНЫ XVII В ПО ОПИСАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ (В СЕМЬЕ И В ОБЩЕСТВЕ)

Аннотация: В данной статье рассматриваются социально-правовой статус женщины в российском обществе XVII века, ее хозяйственно-бытовые обязанности, духовно-нравственные устои как хранительницы семейного очага прежде всего. Изучаются возможности проявления деятельности женщин в обществе: в благотворительности, воспитательной сфере и участие в государственных делах, хотя это и носило ограниченный характер. Именно в XVII веке происходит разрушение средневекового взгляда на положение женщин в обществе, что и подтверждают биографии известных цариц и царевен (царица Наталья Кирилловна Нарышкина (1651-1694), царевна Софья Алексеевна Романова (1657-1704), царевна Марфа Алексеевна Романова (1652-1707) и др.).

Ключевые слова: Царевна, женщины XVII столетия, Россия, царский быт, мировоззрение, культура, повседневность.

RUSSIAN TSAREVNAS OF THE 17TH CENTURY ACCORDING TO CONTEMPORARIES' DESCRIPTIONS (IN THE FAMILY AND IN SOCIETY)

Summary: This article examines the socio-legal status of women in 17th-century Russian society, their domestic and household duties, and their spiritual and moral principles as, first and foremost, the keepers of the family hearth. It explores the opportunities for women to manifest their activity in society: in charity, in the educational sphere, and in participation in state affairs, although this was limited in nature. It was precisely in the XVII century that the medieval view of women's position in society began to break down, as confirmed by the biographies of famous tsaritsas and tsarevnas (Tsaritsa Natalya Kirillovna, Tsarevna Sophia, Tsarevna Martha, etc.).

Keywords: Tsarevna, women of the XVII century, Russia, tsar lifestyle, worldview, culture, everyday life.

Сегодня актуальным становится изучение истории повседневности, русского быта XVII века. Проявление активной деятельности со стороны женщин, в частности, царевен и цариц. Это обусловлено сложностью времени XVII-го столетия – перехода от Средневековья к Новому времени.

Во второй половине XVII века у русских государей было шесть жен, шесть цариц. Своих первых жен пережили и женились на других цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич. Одну жену имел царь Иван V Алексеевич. Петр I нарушил старомосковскую традицию. Он отказался от нелюбимой первой жены, хотя она и родила ему наследника, открыто жил с фаворитками и в начале XVIII века женился вторично. Царицы происходили из дворянских родов Милославских (Мария), Нарышкиных (Наталья), Грушецких (Агафья), Апраксиных (Марфа), Салтыковых (Прасковья) и Лопухиных (Евдокия). Хотя большинство из них могли похвастаться древностью своего происхождения, но все они, кроме Салтыковых, относились к небогатому дворянству.

Традиция выбирать себе жену из незаметных дворянских семей объяснялась тем, что для царей нежелательными и даже опасными было возвышение какого-нибудь знатного и богатого боярского рода, из которого бы происходила царица. Правда, выбор царицы из невлиятельного рода сопровождался резким возвышением ее родственников. Другой особенностью с начала 16 века было то, что русские цари выбирали себе жен из собственных подданных. Европейская же традиция, к которой русские государи обратились в XVIII веке, требовала заключения династического брака.

Царских невест выбирали из большого числа кандидаток, которые могли приехать в Москву со всей страны. Брачный возраст наступал в шестнадцать лет, но в исключительных случаях как это было с Марфой – второй женой царя Федора Алексеевича) царь мог жениться и на более молодой девушке. Кандидатки в царские невесты должны были физически здоровы, привлекательны, обладать статью, грацией, не просто идти, а «плыть как лебедушка». По эстетическим канонам того времени красивыми признавались девушки «в теле». В течении некоторого времени происходил отсев кандидаток: из сотен оставались десятки, а из десятков единицы. В смотринах обязательно участвовали мать царя, если она была жива, сестры-царевны, близкие к царской семье бояре и боярыни. Наконец, сам царь имел возможность познакомиться с претендентками, обычно на последнем этапе, и выбирал из них наиболее приглянувшуюся. С этого момента невеста торжественно вводилась в царские хоромы. До свадьбы невесту окружали лишь особо избранные боярыни и постельницы.

Свадьба царя являлась делом государственной важности, ради нее откладывались даже государственные дела. После свадьбы царь с царицей совершали паломничество по московским монастырям, где одаривали монахов деньгами и подарками. Раздавалась милостыня по тюрьмам и богадельням, принято было освобождать заключенных. [2, с.152]

Царицы имели свои особые жилые покои, соединявшиеся с другими помещениями дворца крытыми переходами. Это условие соблюдалось и в Кремле, и в загородных резиденциях. Количество личных комнат государынь было невелико – обычно пять. Более пышным убранство комнат было в Кремлевском дворце. В загородных резиденциях интерьеры были поскромнее. Для выездов государынь использовались кареты и сани. Вообще же царицы

почти не показывались широкой публике, а во время пеших прогулок над головами цариц держали длинные зонты или балдахины.

Утро государыни начиналось с молитвы, затем она вместе с царем или одна посещала церковь. В торжественные дни больших церковных или же семейных праздников государыни устраивали собственные приемы в своей Золотой палате. Через специально сделанные потайные окошки они могли наблюдать государственные мероприятия, приемы послов в Грановитой палате. В обычные же дни государыни принимали родственников, боярынь.

На чьи-либо именины посылались подарки, велись светские беседы, чисто хозяйственными вопросами царицам заниматься было не принято. Царицы активно занимались рукоделием, вышивали золотом и шелком для собственных нужд или делали специальные «покровы» и одаривали ими церкви. Кроме того, государыни крестили в православную веру иноверок, раздавали милостыню нищим. В часы досуга они могли слушать музыку, смотреть представления скоморохов (царица Наталья даже наблюдала театральные действия). Вечером после молитвы, перед сном, принято было слушать сказки, которые рассказывали сказочницы или внимать рассказам странников.

Русские государыни привечали целый сонм людей иного рода: священнослужителей, сирот, нищих, странников, юродивых. Причем они могли временно или же постоянно проживать в соответствующих помещениях. Распространены были увлечения и другого плана: шутовские игры, представления, нередко драки. Обычно государынь обслуживал целый штат «карлов и карлиц», «арапов и арапов», «калмыков и калмычек». Часто это были взятые в плен или привезенные иностранными купцами в качестве диковинок дети и взрослые, отличавшиеся малым ростом и физическими недостатками. [2, с.154]

Когда царицы отходили в мир иной, их похороны имели то же значение, что и их мужей-царей, но при этом расходовалось наполовину меньше денег. В печальных церемониях участвовали царь, царевичи, все высшие сановники и церковные иерархи. Хоронили их в Вознесенском девичьем монастыре. Траур соблюдался шесть недель.

Несколько штрихов к портрету цариц и царевен XVII века:

Первенцем царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны стала, родившаяся в 1627 году царевна Ирина. Она вошла в историю как неудавшаяся невеста. Царь Михаил Федорович решил в какой-то степени пойти по стопам Бориса Годунова, который хотел устроить брак своей дочери Ксении с датским принцем Иоанном. Тот даже приехал в Москву, но скоропостижно скончался. Царь Михаил желал упрочения авторитета династии Романовых в Европе путем брака с одним из европейских принцев, но неизбежно вставал вопрос вероисповедания жениха. Когда зашел разговор о возможном брачном союзе, датская сторона отказалась выполнить требование о переходе принца Вальдемара в православие. Брак не состоялся, принц Вальдемар смог уехать в Данию только после смерти царя Михаила Федоровича. Царевна Ирина

Михайловна после неудавшегося замужества заняла высокое положение при дворе своего брата, царя Алексея Михайловича. Существует масса свидетельств, что царь Алексей исключительно уважительно относился к сестре, даже называл ее «матушкой» и часто с ней советовался. [3, с.229]

По свидетельствам современников, жизнь царицы Марии Ильиничны Милославской (1624-1669) являлась достойным примером для всех цариц дома Романовых второй половины XVII века. Царица Мария Ильинична была примерной женой и матерью, прожила не так много, неполных сорок четыре года. Она поистине была женщиной в самом высоком смысле этого слова, полностью посвятила себя семье. Мария Ильинична счастливо прожила двадцать лет с супругом Алексеем Михайловичем, родив ему одиннадцать детей (правда, до взрослого возраста дожили два сына и шесть дочерей). Кроткая, скромная и добронравная царица окружала заботой мужа и детей. Другим занятиям она посвящала гораздо меньше времени.

Известно, что царь Алексей Михайлович любил путешествовать по своим загородным резиденциям (Коломенское, Измайлово), посещать близлежащие монастыри и храмы (он часами мог выстаивать церковную службу). По мере возможности его сопровождала царица. Государыня имела собственные хоромы в Кремле. В одной из загородных резиденций, в селе Коломенском, у нее также имелся свой терем. Разумеется, Мария Ильинична имела особые помещения и в «путевых» царских дворцах. Торжественные и обычные выезды царицы обслуживались соответствующими экипажами.

Царица была добра и щедра, она неоднократно одаривала кормилиц своих детей (дорогие вещи, драгоценности) и «дворовых» боярынь. В 1649 году по случаю рождения царевича Дмитрия боярыням досталось 20 пар соболей. Также государыня занималась продвижением родни по служебной лестнице. Ее отец, боярин Илья Данилович Милославский на протяжении своей политической карьеры возглавлял ряд финансовых и военных приказов. [3, с.162]

Другой пример, достойный подражания и поразивший своих современников, жизнь царевны Марфы Алексеевны Романовой (1652-1707). Она была названа в честь монашеского имени бабушки царя Алексея. Когда была жива мать, царевна Марфа со своими сестрами не знали горя, но после смерти первой супруги Алексей Михайлович женился на Наталье Нарышкиной и счастье сестер закончилось. Марфа всего на год была моложе мачехи и большую роль в плохих отношениях сестер с Натальей Кирилловной сыграла женская зависть. Их сверстница, царица Наталья, нашла свое счастье, рожала детей, а они были обречены на безбрачие и затворничество. В это время Марфа особенно сблизилась со своей сестрой, царевной Софьей, которая была моложе ее на пять лет.

Разные по характеру (Марфа мягкая и добрая, а Софья твердая, умная и целеустремленная), вероятно, они дополняли друг друга. Царевна Марфа в политической жизни не участвовала, поэтому никакой заслуги в том, что ее любимая сестра Софья стала правительницей страны, не было. Правление

Софьи Алексеевны стало лучшим временем жизни для сестер. Они получили большую свободу, им выдавалось больше денег на собственные надобности. В этот период особенно заметно новое строительство и ремонт в хоромы царевен. Благодеяние закончилось, когда царевна Софья потеряла власть и оказалась под арестом в Новодевичьем монастыре. В этот сложный период Марфа не отдалась от опальной, а в полной мере проявила свое участие в судьбе младшей сестры. Она не задумывалась о той опасности, которая ей грозила и придумала способы общаться с Софьей через доверенных лиц.

Трудно сказать, насколько серьезно Марфа вмешивалась в политику, раньше это было для нее нехарактерно. Однако она оказалась втянутой в восстание московских стрельцов 1698 года. Поскольку прямого участия в заговоре ни Софьи, ни Марфы доказано не было, Петр их оставил в живых. Обе сестры были подстрижены в монахини. Сорока шестилетняя Марфа, в монашестве Маргарита, оказалась в женском Успенском монастыре, что в Александровой слободе (ныне город Александров). Ее приняли в монастыре с честью, как царскую дочь. Петр I не поскупился на содержание сестер-монахинь. Маргарита сохранила в монастыре свой двор: штат боярынь, женщин-прислужниц. Продукты поставлялись из дворцового ведомства, по необходимости приезжал врач.

В последние годы царевна в основном читала богослужебную литературу, а также известно, что она любила заниматься рукоделием (вышивала). По монастырским преданиям, инокиня Маргарита не чуралась и обычной монашеской работы. Ее навещали оставшиеся на свободе сестры – царевны Мария и Феодосия. Известно, что Маргариту тайно навещал в 1706 году царевич Алексей Петрович по пути в Суздаль для встречи с находившейся там матерью-монахиней. Сохранилось предание о том как царь Петр I внезапно приехал в монастырь и застал уже немощную сводную сестру за чтением, это умилило грозного государя. На пятьдесят пятом году жизни, в 1707 году, Марфа-Маргарита умерла и была похоронена в Успенской обители. [3, с.239]

Как известно, Мать Петра I, Наталья Кирилловна, происходившая из рода Нарышкиных, подарила мировой истории одного из великих государей. Но и сама она была личностью неординарной. Судьба преподнесла ей возможность стать второй женой царя Алексея Михайловича. В 1669 году умерла царица Мария Ильинична. Царь стал вдовцом, будучи отцом шести царевен и двух царевичей. В этот период государь особо приблизил к себе своего фаворита Артамона Сергеевича Матвеева, в доме, которого он и встретил Наталью Кирилловну. Государева «симпатия» была объявлена царской невестой. В 1671 году двадцатилетняя Наталья Кирилловна становится царицей. Царю Алексею Михайловичу тогда шел сорок второй год. Несмотря на большую разницу в возрасте, в отношениях молодоженов установилась полная гармония.

У царя Алексея и Натальи Нарышкиной было много общего. Алексей Михайлович и его молодая жена очень любили загородные путешествия и проводили довольно много времени на природе, с удовольствием смотрели театральные представления и проявляли интерес к европейской культуре.

Современники отмечали, что женитьба по любви на молодой и веселой, приветливой Наталье преобразила царя, он словно помолодел.

Не привыкшая к обычному в то время теремному затворничеству, Наталья стремилась не отставать от интересных событий и чаще, чем принято, сопровождала царя-мужа. Царица не хотела ездить с зашторенными окнами, но лицемерие государыни было столь непривычным, что советники уговорили царя не нарушать традиции. Наталья Кирилловна уступила просьбе мужа и окна по-прежнему тщательно зашторивались.

При Наталье Кирилловне в царском обиходе появлялось больше европейских диковинок, с учетом европейской моды переделывались хоромы, свои хоромы у царицы были и в Коломенском. (4) Как известно в Коломенском родился Петр I (1672 г.). Несмотря на появление сына, Наталья Кирилловна не забывала о «светской» жизни. Именно с 1672 года стал давать представления придворный театр и царица могла наблюдать действо вместе с пасынками и падчерицами. В 1673 году у Петра родилась сестра, названная Натальей. По случаю рождения детей царица щедро одаривала повивальных бабок и кормилиц дорогими тканями и одеждой. Существовал также обычай по случаю благополучных родов делать подарки церквям.

Особое внимание обращалось на воспитание маленького Петра. Помимо обычных предметов и игрушек, у него были вещи европейского прикладного искусства и музыкальные инструменты, что конечно повлияло на формирование европейских взглядов Петра Алексеевича. В 1676 году умирает Алексей Михайлович и это, конечно, изменило положение царицы с детьми. Значение Натальи Кирилловны при дворе умалилось, но вдовствующей царице удалось отстоять свои права и даже остаться в старых хорах. [3, с.172]

Интересна также судьба царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (1669-1731). Царица Евдокия Федоровна, первая жена Петра Великого, испила горькую чашу отвергнутой жены, и еще совсем молодая была по приказу царя-мужа пострижена в монахини. В истории династии Романовых подобного факта мы не найдем. Евдокия происходила из древнего рода Лопухиных, была воспитана, как положено, в старомосковском духе. Петр же чем дальше, тем больше проявлял враждебность ко многим обычаям и традициям предков. Он рано усвоил западные привычки и уже в молодости начал перестраивать российское общество на европейский лад. В этом жена была ему не помощница и муж довольно скоро начал от нее отдаляться. Но до разрыва было еще далеко.

В 1690 году царица Евдокия родила сына Алексея. Петр I обзавелся реальным наследником, на радостях одаривалась прислуга. Но рождение детей (сын Александр умер в младенчестве) не изменило отношение Петра к жене, появилась фаворитка. Пока была жива царица Наталья, Петр Алексеевич, уважительно относившийся к матери, вынужден был считаться с ее мнением. Мать была на стороне Евдокии и не одобряла увлечений сына. Но после смерти Натальи Кирилловны в 1694 Петр Алексеевич уже не считал нужным соблюдать приличия. Формально царица Евдокия еще считалась женой, но свой разрыв с ней и увлечение фавориткой демонстрировал ежедневно.

Развестись официально он не мог и уезжая в составе Великого посольства поручил дяде Л. К. Нарышкину уговорить Евдокию постричься в монахини. Евдокия не захотела подчиниться царскому приказу. Она продолжала пользоваться всеми преимуществами своего официального статуса царицы и матери наследника престола. На Пасху в 1698 году вместе с царевичем Алексеем совершила торжественное паломничество в Троице-Сергиев монастырь, а затем несколько раз была на официальных приемах у австрийского посла. Когда в Москву прибыл Петр Алексеевич он пришел в ярость, узнав, что Евдокия еще не монахиня. В итоге царица Евдокия подчинилась воле государя. [3, с.212]

Бунтарский характер царевны Софьи Алексеевны Романовой (1657-1704) заслуживает отдельного рассмотрения среди выдающихся женщин XVII века. Царевна Софья Алексеевна представляет собой непревзойденный феномен не только в отечественной, но и в европейской истории Нового времени. Это единственный случай, когда в течение нескольких лет страной правила дочь покойного государя при живых государях-наследниках и вдовах государей. Применительно к России этот факт еще более удивителен, ибо здесь в соответствии с традицией царевны не только не допускались к какому бы то ни было участию в политической жизни, но и вообще жили как затворницы, которых посторонним видеть было нельзя.

Прорваться к власти в таких условиях могла лишь личность выдающаяся. Царевна Софья была третьей дочерью царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны. Довольно рано, к девяти годам, царевна Софья стала заметно выделяться среди своих сестер. К этому времени она уже прошла курс начального образования у специально приставленной «мастерицы». На этом заканчивалось обучение для других царевен.

Софья же отличалась необыкновенной живостью ума, страстью к знаниям и желанием быть лидером. Она продолжила свое образование у Симеона Полоцкого, крупнейшего просветителя второй половины XVII века, влиятельного идеолога, советника Алексея Михайловича в делах науки и культуры. Одновременно Полоцкий преподавал и братьям Софьи – царевичам Алексею и Федору. Так царевна Софья Алексеевна стала одним из образованнейших людей своего времени и уж точно самой образованной женщиной. Она знала языки, писала стихи, участвовала в представлениях придворного театра, страстно любила историю отечественную и европейскую. Она рано в 19 лет начала участвовать в государственных делах. В 1682–89 годах Софья Алексеевна выступала регентшей при своих младших братьях, царях Иване V Алексеевиче и Петре I, фактически была правительницей Русского государства. [3, с.245]

Безусловно яркими достижениями правления царевны Софьи как во внутренней, так и во внешней политике являются: создание Славяно-греко-латинской академии, первая перепись населения, проведение реформы налоговой системы, а также изменение правил получения государственных должностей. Софья начала реорганизацию армии по европейскому образцу, но

не успела завершить начатое. Во внешней политике наиболее значительными акциями правительства Софьи Алексеевны были заключение «Вечного мира» 1686 года с Польшей, закрепившего за Россией Левобережную Украину, Киев и Смоленск; Нерчинского договора 1689 года с Китаем; вступление в войну с Турцией и Крымским ханством.

В 1689 году произошёл разрыв между Софьей и боярско-дворянской группировкой, поддерживавшей Петра I. Петра I одержал победу, правительство Софьи пало, её имя исключили из царского титула, а сама она была направлена в Новодевичий монастырь без пострижения в монахини. Во время Стрелецкого восстания 1698 года Софья попыталась взять власть ещё раз. Восстание было жестоко подавлено, Софья Алексеевна была пострижена в монахини под именем Сусанны и оставлена все в том же Новодевичьем монастыре, но под более строгим надзором. Софья после этих событий прожила недолго, она скончалась на сорок седьмом году жизни. [3, с. 259]

К концу XVII века старый патриархальный быт разрушается до того, что даже самые ревностные его хранители начали осознавать необходимость перемен и новых порядков. Постепенно, мало-помалу стали совершаться переделки древнерусской жизни на европейский образец. Старый порядок пошатнулся во многих своих основах. Реформы Петра I подорвали значение родового принципа, царившего над всей древнерусской жизнью и дали сильный толчок к разложению архаического семейства. На передний план был выдвинут принцип личного достоинства и личность во многих отношениях сделалась независимой от рода и семьи. Реформа разрушила терем – эту темницу, построенную родовым началом и патриархальным деспотизмом для женщины и сделала ее членом общества. Вышедшая на свободу из терема русская женщина стала пользоваться теми же правами что и европейская.

Как пишет секретарь австрийского посольства Иоганн Корб, в 1698 году 29 апреля Царица Евдокия (первая супруга Петра I) наблюдала из окна терема торжественный въезд в Кремль этого посольства. На Пасху Евдокия вместе с царевичем Алексеем совершила торжественное паломничество в Троице-Сергиев монастырь, а затем несколько раз была на официальных приемах у австрийского посла. (Демкин А., Царицы и царевны второй половины XVII века, М., 2016).

По воспоминаниям Г. К. Котошихина царицы и царевны, а также приближенные к ним боярыни своим влиянием «многих людей от напрасных и ненапрасных бед и смертей освобождали, а иных в честь возвышали и в богатство приводили». «Это закрытое в своих теремах общество, никому невидимое во дворце, становилось по временам даже политической силой, которая своим подземным влиянием давала известное направление государевым поступкам и делам, возводила людей на высоту царских милостей, а стало быть, и управления или низвергала их с этой высоты, поддерживала падающих или помогала их падению» (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII, Т.2 М., 1869).

Надо отметить, что происходило раскрепощение русских женщин не так быстро, как этого бы хотелось. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания современников и иностранцев, путешествующих по России. Аббат Шапп вспоминал, что во время своего путешествия он не увидел общества в европейском значении этого слова: «Так как мужчины мало уважают женщин, то они не играют в обществе никакой роли, а какое общество может образоваться без них? Они почти постоянно живут взаперти, внутри своих домов; они там проводят дни свои в скуке, окруженные своими рабынями, без власти и без занятия...» (Шашков С. С. История русской женщины, М., 2011).

Таким образом изучение биографий выдающихся женщин XVII-го столетия позволяют увидеть много новых черт, характеризующих любознательность и способность женщин реализовать себя и в «тереме», и в разных моментах общественной жизни.

Список литературы:

1. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2-х т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / Иван Егорович Забелин. - Репр. - М.: Языки русской культуры, 2001. - XVII; 772 с.
2. Кровяков, Е. А. От теремного заточения к европейским традициям. Жизнь и быт женщин на троне и вокруг него в России XVII - XVIII вв. / Е. А. Кровяков // Евразийский Союз Ученых. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-teremnogo-zatocheniya-k-evropeyskim-traditsiyam-zhizn-i-byt-zhenschin-na-trone-i-vokrug-nego-v-rossii-xvii-xviii-vv?ysclid=mgahoncpyq318127812>
3. Морозова, Л. Е. Русские царицы и царевны XVII века: [монография] / Л. Е. Морозова, А. В. Демкин. - Москва: Ломоносовъ, 2016. - 264, [1] с.
4. Симорот, С. Ю. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН РОССИИ (КОНЕЦ XVII – XVIII ВВ.) / С. Ю. Симорот // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 1-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-zhenschin-rossii-konets-xvii-xviii-vv?ysclid=mgahr4j618775323201>
5. Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси: научно-популярная литература / Н. Л. Пушкарева. - М.: Мысль, 1989. - 284 с.
6. Шашков, С. С. История русской женщины / С. С. Шашков; Гос. публич. ист. б-ка России. - [Перепеч. с изд. 1879 г.]. - Москва: [Государственная публичная историческая библиотека России], 2011. - 278 с.
7. Яговец, В. В. Статус женщины в древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) / В. В. Яговец // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2009. – № 4. – С. 144-151. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14341566>

Запара Виктория Витальевна

3 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Zapara Victoria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕЛОМА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»

Аннотация: Статья посвящена анализу пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» как художественного документа эпохи смены культурных парадигм на рубеже XIX–XX веков. В работе рассматривается, как драматургические особенности, система образов и символика произведения отражают кризис дворянской усадебной культуры, зарождение буржуазного прагматизма и поиски новой идентичности русской интеллигенцией. Опираясь на исследования современных культурологов и литературоведов, автор статьи выявляет в чеховском тексте ключевые культурные коды переломного времени.

Ключевые слова: драматургия, чеховский текст, культурная парадигма, социальный слой, культурная идентичность.

THE CULTURAL BREAKTHROUGH OF THE 19TH–20TH CENTURIES IN ANTON CHEKHOV'S PLAY «THE CHERRY ORCHARD»

Summary: The article analyzes Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard" as a literary document of the era of cultural paradigm shifts at the turn of the 19th and 20th centuries. It examines how the play's dramatic features, character system, and symbolism reflect the crisis of the aristocratic estate culture, the emergence of bourgeois pragmatism, and the search for a new identity by the Russian intelligentsia. Drawing on the research of contemporary cultural and literary scholars, the author identifies the key cultural codes of this tumultuous period in Chekhov's text.

Keywords: drama, Chekhov's text, cultural paradigm, social stratum, and cultural identity.

Пьеса «Вишневый сад», созданная А.П. Чеховым в 1903 году, стала не только лебединой песней писателя, но и своеобразным эпилогом целой эпохи в истории русской культуры. Написанная на стыке двух столетий, она соединила в себе духовные искания, социальные противоречия и эстетические новации своего времени. Сам автор, являясь современником глубоких цивилизационных сдвигов, запечатлел в своей последней пьесе процесс «вырождения дворянства» и «наступления новой, буржуазной эры», как тонкую культурную рефлексию [5].

Цель данной работы – проанализировать, каким образом в поэтике, образной системе и символике «Вишневого сада» отразились культурные

процессы рубежа XIX–XX веков. Для достижения цели используется культурологический подход, а также исследование, рассматривающие феномен усадьбы как ключевой элемент русской культуры, идеологические особенности эпохи и специфику чеховского хронотопа.

Центральным образом-символом пьесы является вишневый сад, который исследователи справедливо рассматривают в контексте «усадебного текста» русской литературы. Усадьба в конце XIX века представляла собой не просто место действия, а «важнейший социокультурный феномен русской жизни», воплощающий родовые и семейные связи, связь человека с природой и историей. Чеховская усадьба Раневской - идеализированное пространство прошлого, хранящее память предков [4].

Однако, в отличие от классических усадебных романов XIX века, у Чехова этот мир показан в состоянии распада. Культурная функция дворянской усадьбы как «хранительницы традиций» оказывается исчерпанной. В.С. Абрамова в своем исследовании творчества Чехова 1890–1900-х годов доказывает, что писатель снимает традиционное для русской литературы противоречие между столицей и провинцией, создавая некое пространство, в котором территория усадьбы становится точкой отсчета для характеристики «системы ценностных отношений» героев [1]. Для Гаева и Раневской сад - именно такое ценностное, почти сакральное место, но их пассивность и неспособность принять прагматичные советы Лопухина символизируют утрату дворянством культурного господства.

Рубеж XIX–XX веков – время доминирования новых философских концепций, менявших традиционную мораль. Как указывают А.В. Волошинов и его соавторы, идеосфера этого периода формировалась под влиянием учений Ф. Ницше, К. Маркса и З. Фрейда, а также идей англо-американского прагматизма, которые вели к пересмотру традиционных ценностей. [3]

В «Вишневом саде» это отчетливо проявляется в фигуре Еромолая Лопухина. Лопухин - «новый русский» эпохи первоначального накопления капитала, человек, чья культура - культура пользы и выгоды. Обращаясь к Лопухину, Петя Трофимов бросает знаменательную фразу: «...у тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...». В этом оксюморе – ключ к культурной двойственности героя. С одной стороны, он несет в себе разрушительное для старой эстетики начало, предлагая разбить сад на дачные участки. Его прагматизм - прямое следствие той «утилитарной морали», о которой пишут исследователи. С другой - он тоскует по красоте и искренне восхищается садом. Лопухин - продукт новой эпохи, где на смену родовому принципу приходит принцип экономической эффективности.

Чехов дает в пьесе широкий срез русского общества, где каждый социальный слой представляет определенный культурный тип. Гаев и Раневская - носители уходящей дворянской культуры с ее культом памяти и эстетства. Лопухин - носитель городской, предпринимательской культуры. Но особенно интересны представители «дна» и прислуги - Епиходов, Яша, Дуняша, Фирс.

Старый лакей Фирс - «ходячая культурная память». Его фигура, по мнению исследователей, воплощает связь времен, которая вот-вот оборвется. Фирс помнит, «как мужиков при господах знали, а теперь всё враздробь», и его забытое в пустом доме тело в финале – символ трагического разрыва поколений и утраты культурной преемственности.

Интересен подход, предложенный М.Н. Баринцевой, которая рассматривает бытовые детали (например, концепты «няня» или «напитки») как ключи к пониманию картины мира чеховских героев. Бытовые разговоры о разбитом стакане, бильярдные термины Гаева или шампанское Яши в финале – не просто штрихи к портрету, а маркеры принадлежности к разным культурным слоям, которые более не могут найти общего языка. «Параллельные диалоги» Чехова – художественное выражение той самой культурной раздробленности нации, о которой писали философы и публицисты начала XX века. [2]

Вишневый сад в пьесе - символ не только дворянской культуры, но и всей России. Исследователь О.В. Спачиль предлагает рассматривать пьесу как «пролог ко всей последующей истории России», проводя параллели с утратой человеком «миссии творца и хранителя Эдемского сада». В таком ключе стук топора, рубящего вишни, приобретает черты апокалиптического знака. [7]

Спачиль отмечает, что тема варварского уничтожения деревьев как снятия вековых культурных запретов была распространена в литературе конца XIX века. В этом смысле Лопухин, выкупивший и тут же приказавший рубить сад, действует в духе нового времени, где «немедленная прагматическая выгода одерживает верх» над красотой и памятью. [7].

Звук лопнувшей струны, который слышат герои, также является звуковым символом слома эпохи. Он маркирует границу между «старой» и «новой» жизнью, вызывая у всех чувство тревоги перед грядущими переменами, которые уже не укладываются в привычные культурные категории. [7]

Чехов выступает в произведении не как моралист, а как объективный аналитик, показывающий «столкновение субъективных правд» и эпох. Символика пьесы – гибнущий сад, звук лопнувшей струны, забытый Фирс - создает образ России, стоящей на пороге неизбежных исторических катаклизмов, в которых культуре прошлого, возможно, не найдется места, но память о ней навсегда останется в литературе [6].

Пьеса «Вишневый сад» является глубоким культурологическим исследованием русского общества рубежа XIX–XX веков. Чехов не просто зафиксировал смену социальных формаций (уход дворян, приход буржуазии), но и показал трагедию распада культурного кода нации. Усадебная культура с ее многовековыми традициями уходит в прошлое, а носители новой прагматичной этики еще не способны стать полноценными хранителями красоты и духовности.

Список литературы:

- 1.Абрамова, В.С. Проблема соотношения провинциального и столичного топосов в прозе А.П. Чехова 1890-1900-х гг. / В.С. Абрамова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3. – С. 381-387.
- 2.Баринцева, М.Н. Проблема понимания иноязычного художественного текста через призму социокультурных концептов "няня" и "напитки" (на примере пьес А.П. Чехова) /М.Н. Баринцева // Вестник МГУ. – Сер. 19, – 2008 – С.91-97.
- 3.Волошинов, А.В. Культура и мораль в XIX веке: у истоков современной европейской толерантности / А.В. Волошинов, Е.А. Семухина, С.В. Шиндель С.В. // Философия и культура. – 2022. – № 5. С. –12-21.
- 4.Комаров, С. А. "Вишнёвый сад" А. П. Чехова в аспекте неклассической поэтики / С. А. Комаров // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2017. – № 4. – С. 96-121.
- 5.Одинокое, В. Г. Пьеса А.П. Чехова "Вишневый сад": "человеческая комедия" / В. Г. Одинокое // Сибирский филологический журнал. – 2005. – № 3-4. – С. 13-19.
- 6.Сербул, М. Н. Символика названия пьесы А.П. Чехова "вишнёвый сад": смысловые перспективы / М. Н. Сербул, Т. Ю. Шаркович // Научный поиск. – 2014. – № 3. – С. 55-58.
- 7.Спачиль, О.В. «Вишневый сад» А.П. Чехова и сады российского юга в конце XIX - начале XXI в. / О.В. Спачиль // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2014. – № 4. – С. 75-84.

Иванова Вероника Константиновна

1 ХД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Ivanova Veronika

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КЁНИГСБЕРГА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ КАЛИНИНГРАДА

Аннотация: В статье рассматривается влияние немецкого исторического наследия на самосознание молодых жителей Калининградской области. Анализируется процесс освоения советскими переселенцами территории бывшей Восточной Пруссии после 1945 года. Особое внимание уделяется тому, как архитектурные памятники Кёнигсберга (Кафедральный собор, кирхи, форты, городские ворота) воспринимаются современной молодёжью и становятся частью ее повседневной жизни. Делается вывод о формировании особой калининградской идентичности, основанной на способности воспринимать «чужое» прошлое как «свое».

Ключевые слова: культурная идентичность, молодёжная политика, историческое наследие, культура повседневности.

THE INFLUENCE OF THE HISTORICAL HERITAGE OF KÖNIGSBERG ON THE IDENTITY OF TODAY'S KALININGRAD YOUTH

Summary: The article examines the influence of the German historical heritage on the self-awareness of young residents of the Kaliningrad region. It analyzes the process of Soviet settlers' adaptation to the territory of former East Prussia after 1945. Special attention is given to how the architectural monuments of Königsberg (the Cathedral, churches, forts, and city gates) are perceived by modern youth and become part of their daily lives. The article concludes that a unique Kaliningrad identity is emerging, based on the ability to embrace the "foreign" past as "one's own."

Keywords: cultural identity, youth policy, historical heritage, and everyday culture.

Калининград – уникальный город с богатой историей, полной интересных фактов, тайн и легенд. Расположенный на юго-восточном побережье Балтийского моря, он увлекает своей оригинальностью. Архитектура города – это симбиоз немецкого, советского и современного стиля, который привлекает большой поток туристов.

Начало истории этой местности уходит в глубокую древность. Археологические раскопки свидетельствуют: первые люди появились на

территории нынешней Калининградской области ещё задолго до нашей эры. Найденные здесь костяные и каменные орудия труда позволяют учёным говорить о древних поселениях, существовавших в этих краях тысячелетия назад. Постепенно древние жители этих территорий осваивали ремёсла, учились обрабатывать бронзу, налаживали торговлю. Среди находок археологов встречаются даже римские монеты I–II веков, что говорит о широких связях этих племён. Основное население составляли балтские племена, а позднее здесь расселились пруссы. До XII века прусские языческие племена подвергались набегам викингов, впоследствии вторжениям польских королей и князей.

Прусские племена славились своей отвагой и воинским духом. Они не только обороняли собственные границы от польских дружин, но и сами не раз вторгались в соседние владения. Однако ситуация резко изменилась, когда польский князь Конрад Мазовецкий (1188-1247) призвал на помощь рыцарей Тевтонского ордена. Для крестоносцев это был шанс получить новые территории, и они не преминули им воспользоваться. Покорение пруссов затянулось на десятилетия. Даже после окончательного взятия земель в 1283 г., восстания вспыхивали ещё двенадцать лет. Орденская власть оказалась жёсткой, но эффективной. На протяжении нескольких столетий шёл процесс ассимиляции: тех, кто не погиб в боях, насильно крестили, облагали повинностями, включали в новую социальную систему. Прусский язык постепенно исчез из обихода, а сами пруссы растворились в массе немецких переселенцев. Часть из них ещё раньше бежала в соседние Литву, Польшу, Русь, спасаясь от завоевателей. [3]

В 1255г. началось строительство крепости на северном берегу Прегеля. Место выбрали не случайно – раньше там находилось прусское городище Твангесте, которое было сожжено. Крепость называли Кёнигсбергом, что в переводе означает «Королевская гора» [2, с. 39].

Кёнигсберг получил название «Королевская гора» в честь короля Чехии Пржемысла II Отакара, который участвовал в крестовом походе тевтонских рыцарей на прусские земли в 1254-1255 годах.

В сентябре 1255 года крестоносцы приступили к строительству первой деревянной крепости Кёнигсберг. Именно в 1255 году были выстроены два деревянных блокауза, в которых поселились рыцари-монахи. Спустя два года (в 1257 году) деревянную крепость разобрали и приступили к постройке каменной цитадели чуть западнее от старой. Со временем крепость получила статус города, «обросла» поселениями, превратилась в крупный европейский центр. [2, с. 43].

К началу XX века в Восточной Пруссии проживало около 1,8 миллиона человек. К 1931 году Восточная Пруссия имела уже 2 260 тысяч жителей. В Кёнигсберге в 1870 году насчитывалось 110 тысяч жителей, в 1931 году – 287 тысяч. Конец истории немецкой Восточной Пруссии положила Вторая мировая война.

В результате треть Восточной Пруссии стала территорией СССР. Решение было принято на Потсдамской конференции. 7 апреля 1946 г этим землям был присвоен статус Кёнигсбергской области, которая 4 июля того же года была переименована в Калининградскую, а ее административный центр – в Калининград.

Однако одно дело – передать территорию по решению конференции, и совсем другое – сделать её по-настоящему своей. После окончания войны в области практически не было советского гражданского населения. Как отмечает историк А. Хитров, после войны на территории Калининградской области проживало около 110 тыс. человек немецкого населения, главным образом, старики, женщины, дети, инвалиды. Трудоспособных мужчин было всего 0,5 % от этого числа. [1, с. 74]. Понятно, что это население не могло поднять разрушенное хозяйство. К тому же судьба немцев была предрешена: в соответствии с решениями держав-победительниц они подлежали депортации. В 1949 году территорию Калининградской области покинули последние немцы.

С августа 1946 года Калининград начали активно заселять граждане СССР. Люди ехали из разных мест – из 27 областей России и других республик Союза [3]. К 1948 году в области проживало уже более 300 тысяч человек, а к 1950 году – более 407 тысяч.

Им предстояло начать жизнь на абсолютно чужой земле. Они селились в немецких домах, пользовались немецкой мебелью и утварью, ходили по улицам с немецкими названиями. Их окружали руины зданий, построенных теми, кто ещё вчера был врагом. Перед этими людьми стояла не только хозяйственная, но и психологическая задача: нужно было как-то освоить это пространство, сделать его «своим», перестать чувствовать себя чужаками в бывших вражеских стенах. Власть пыталась помочь им в этом.

В первые послевоенные годы официальная пропаганда убеждала калининградцев в том, что они проживают не на немецкой, а на славянской земле, которая некогда была захвачена немцами. Как упоминает А. Хитров в сентябре 1947 г. первый секретарь Калининградского обкома ВКП(б) Щербаков, председатель облисполкома Борисов и уполномоченный министерства заготовок Горохов докладывали Сталину о том, что калининградцы «...впервые проводили сельскохозяйственные работы на исконно славянских землях, возвращенных в результате разгрома фашистской Германии ее настоящим хозяевам» [1, с.13].

Однако реальная жизнь была намного сложнее. Переселенцы сталкивались с колоссальными трудностями. Особенно тяжёлой была зима 1946-1947 годов, когда люди голодали. В некоторых колхозах за трудодень колхозник получал 300 граммов отходов после сортировки семян и 18 копеек. Тем не менее, подавляющее большинство переселенцев осталось на этой земле. Это было настоящим трудовым подвигом. Люди работали не из-за страха или пропаганды, а потому что хотели восстановить свой новый дом. А. Хитров подчёркивает: «любой нормальный человек в те годы стремился восстановить

свой разрушенный дом и наладить в нём мирную жизнь, а домом, в понимании тех лет, была вся страна» [1, с. 77].

Именно эти люди, их труд и их отношение к новой земле заложили основу того, что сегодня мы называем калининградской идентичностью. Они не просто переселились – они сделали немецкие руины основой для «новой жизни».

Казалось бы, какое отношение имеют эти средневековые события к молодым людям, живущим в Калининграде сегодня? Современный калининградец, гуляя по городу, видит огромное количество зданий, построенных ещё в немецкое время.

Самым крупным сохранившимся памятником средневековой архитектуры является Кафедральный собор на острове Канта. Его строительство началось в 1333 году. Собор пережил войну, но долгие годы разрушался, и только к концу XX века его начали восстанавливать.

Сегодня это не просто исторический памятник, а живое место: там проходят концерты органной музыки, собирающие полные залы. Молодые люди приходят туда не потому, что это «памятник немецкой культуры», а потому, что там интересно, там можно услышать красивую музыку и просто хорошо провести время.

Особое значение этому месту придаёт то, что у стен собора находится могила великого философа Иммануила Канта (1724-1804). В 1880 году над ней была возведена часовня, а в 1924 году пантеон, который сохранился до наших дней. Кант родился, учился и преподавал в Кенигсберге, и сегодня его имя стало неотъемлемой частью города. В 1992 году у здания бывшего Кенигсбергского университета была установлена копия памятника философу. Для современной молодёжи Кант – уже не просто «немецкий мыслитель», а неотъемлемая часть калининградской идентичности. Кант стал таким же символом города, как Кафедральный собор.

Проходя мимо Калининградского областного театра кукол, многие даже не задумываются, что здесь раньше была кирха памяти королевы Луизы, построенная в 1899-1901 годах. А кто-то из молодёжи идёт вечером в клуб «Вагонка», не подозревая, что это здание – бывшая Евангелическая церковь Христа 1936-1937 годов постройки. Для них это просто театр и просто клуб. Немецкие стены стали привычной оболочкой для совершенно другой, современной жизни. Происходит удивительное: архитектура перестаёт быть «чужой», она становится просто фоном для учёбы, работы и развлечений.

Королевские ворота (1843-1848 гг.), Росгартенские ворота (1853 г.), где сейчас кафе, Фридландские ворота (1862 г.), в настоящее время в них размещается музей, Бранденбургские ворота (1860 г.), которые до сих пор используются по прямому назначению как проезд в город. Всё это – бывшие немецкие укрепления, которые сегодня стали просто частью городского пейзажа.

Особый интерес представляют форты Кенигсберга. Форт №1 «Штайн», №2 «Бронзарт», №3 «Король Фридрих III», №5 «Король Фридрих-Вильгельм

III» и многие другие, построенные в конце XIX века. Каждый форт — целый город под землёй и на поверхности, со своей уникальной историей, архитектурой и атмосферой. Стоит только зайти внутрь, и посетитель словно переносится на сотню лет назад. Для многих путешественников посещение фортов становится сильным эмоциональным опытом: глядя на суровые стены, понимаешь, с какой мощью пришлось столкнуться советским воинам в апреле 1945 г., каким мужеством и воинским мастерством надо было обладать, чтобы взломать оборону противника.

Даже здания, где учатся студенты, имеют немецкое происхождение. Корпуса КГТУ расположены в бывших немецких зданиях: главный корпус на проспекте Мира построен в 1914 году, а здание на улице Проф. Баранова — это бывшая реальная школа имени Гинденбурга 1917 года [1, с. 35]. Студенты каждый день ходят на лекции в стены, которые помнят кайзеровскую Германию.

Для местной молодёжи это просто привычные ориентиры, места прогулок или проведения фестивалей. Даже те здания, которые несут в себе память о войне постепенно теряют свой устрашающий смысл и становятся частью повседневного ландшафта.

Это и есть главный парадокс калининградской идентичности: «чужое» прошлое через повседневность становится «своим». Молодые люди не изучают специально историю каждого здания, но, живя среди них, они впитывают эту особенную атмосферу. Для туриста кирха — экзотика, а для местного жителя — просто здание, где можно купить продукты или послушать концерт. Так немецкое наследие незаметно, но прочно вплетается в ткань современной жизни.

Подводя итог, вернёмся к главному вопросу: как же историческое наследие Кенигсберга влияет на формирование идентичности современной калининградской молодёжи?

Проведённый анализ показывает, что это влияние осуществляется не через учебники или музейные экспозиции, а через повседневность. Молодые люди живут в пространстве, которое хранит память о другой культуре, войне, других людях. Они учатся в зданиях, построенных немецкими архитекторами, гуляют у стен старых фортов, слушают органную музыку в Кафедральном соборе, даже не задумываясь каждый раз о происхождении этих стен. Немецкое наследие становится для них просто привычным фоном.

Однако именно в этой «привычности» и кроется главный эффект. Среда, в которой человек растёт, неизбежно формирует его мышление. Для молодых калининградцев всё это уже не «немецкое» и не «чужое». Для них это просто их город, их дом. И, наверное, это и есть главная победа — когда страшная история перестаёт быть страшной и становится просто частью жизни.

Важно подчеркнуть, что речь идёт о формировании особого типа самосознания, которое можно назвать калининградской идентичностью. Это идентичность человека, живущего на перекрёстке культур, умеющего

принимать прошлое во всей его сложности и делать его частью своего настоящего.

Основы этого самосознания были заложены ещё первыми переселенцами, которые в тяжелейших условиях поднимали город из руин. Сегодняшняя молодёжь, сама того не замечая, продолжает процесс развития калининградской идентичности, но уже на новом уровне – уровне повседневного восприятия.

Таким образом, Кёнигсберг не исчез. Он просто стал Калининградом. И живёт в своих улицах, в своих стенах и в своих людях.

Список литературы:

- 1.Хитров, А. А. История Восточной Пруссии и Калининградской области: учебное пособие / А. А. Хитров - Калининград: Изд-во" КГТУ, 2013. – 124 с.
- 2.Губин, А. Б. Очерки истории Кёнигсберга / А. Б. Губин, В. Н. Строкин - Калининград: Книжное издательство; 1991. – 190 с.
- 3.Историческая справка о Калининградской области // Visit-Kaliningrad.ru: Туристический портал Калининграда. – URL: <https://visit-kaliningrad.ru/blog/history/>;(дата обращения: 26.02.2026).

Иванова Кристина Алексеевна

1 ТД-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Ivanova Kristina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: В данной работе исследуется, как взгляды немецкого социолога Георга Зиммеля о моде и индивидуальной свободе помогают понять современные реалии. Опираясь на его теорию, утверждающую, что нынешняя мода в одежде, гаджетах и стиле жизни по-прежнему основана на стремлении людей отличаться от других и одновременно быть похожими на них, в работе анализируется, как быстро сменяющие друг друга тренды в соцсетях, к примеру, у блогеров, идеально соответствуют зиммелевскому описанию моды как непрерывного процесса подражания и обособления. Также рассматривается его концепция индивидуальной свободы, которая в мегаполисе парадоксальным образом переплетается с одиночеством и отчуждением. В статье делается акцент на том, что этот конфликт особенно ощутим в наши дни: у нас есть колоссальная свобода выбора в интернете, но зачастую мы чувствуем себя растерянными и зависимыми от чужого мнения. На примерах из цифровой культуры показано, что деньги и социальные сети одновременно расширяют наши возможности и делают нас более уязвимыми, в соответствии с прогнозами Зиммеля.

Ключевые слова: идеи, теория, мода, индивид, современный мир.

THE REFLECTION OF GEORG SIMMEL'S IDEAS IN MODERN TIMES

Summary: This paper explores how the views of the German sociologist Georg Simmel on fashion and individual freedom help to understand modern realities. Based on his theory that current fashion in clothing, gadgets, and lifestyle is still based on people's desire to be different from others and at the same time be like them, the paper analyzes how rapidly changing trends in social networks, for example, bloggers, perfectly match Simmel's description of fashion as continuous the process of imitation and isolation. His concept of individual freedom, which in a megalopolis is paradoxically intertwined with loneliness and alienation, is also considered. The article focuses on the fact that this conflict is especially noticeable these days: we have tremendous freedom of choice on the Internet, but often we feel confused and dependent on other people's opinions. Digital culture examples show that money and social media simultaneously empower us and make us more vulnerable, according to Simmel's predictions.

Keywords: ideas, theory, fashion, individual, modern world.

Данное исследование важно, так как Георг Зиммель предложил метод анализа общества через изучение обычных взаимодействий. Его мысли о перегрузке горожан и моде помогают понять многие современные явления, например, влияние алгоритмов на наш выбор или феномен одиночества в сети. В этой работе я планирую изучить идеи Зиммеля и их связь с современными социальными и культурными процессами.

Георг Зиммель (1858-1918) был одним из первооткрывателей моды как «индустрии»: до его трудов мода понималась прежде всего как игра, вносящая в жизнь требуемое разнообразие, и только Зиммель стал толковать моду как непосредственное выражение жизни современного горожанина. До Зиммеля в моде либо видели в основном притворство, позволяющее строже развести социальные роли; либо отмечали попытку внести элемент авантюры в готовые социальные роли, добавить элемент имитации и переодевания. В результате мода оказывалась гораздо более скучной вещью, чем высокое искусство - мечта поэта или художника могла рваться в неведомые миры, тогда как творчество в области моды в лучшем случае выглядело попыткой примерить на себя чужой образ [1].

Зиммель был уверен, что цель моды - скрывать чьи-то пороки. В принципе, с ним сложно не согласиться, если вспомнить ряд исторических фактов. Скажем, обувь с длинными и узкими носами возникла в эпоху Средневековья, когда одна знатная персона пыталась замаскировать большой нарост на ноге. А пышные юбки на обручах стали шить для того, чтобы не афишировать грядущего пополнения в семействе. Есть и еще один яркий пример. У Людовика XIV была невестка Елизавета Шарлотта Пфальцская. Она слыла в высшем обществе мужеподобными манерами. Не желая выделяться из толпы, барышня придумала хитроумный выход. Она ввела моду на то, чтобы женщины подражали мужчинам, а мужчины-как женщинам. Естественно, это касалось исключительно особ, приближенных к императору. Именно поэтому, мода выступает адаптивным социальным механизмом, влияющим как на выбор отдельных элементов одежды для сокрытия чего-либо, так и на сдвиги в общепринятых стилистических нормах для сглаживания различий. В обоих случаях реализуется цель, обозначенная Зиммелем: уменьшение акцента на тех сторонах личности или обстоятельствах, которые, по мнению общества или самого человека, требуют маскировки.

Зиммель считал, что мода – удел именно знати. Простому сословию не подобает следовать стильным тенденциям и постоянно обновлять гардероб. В то же время немец признавал, что с каждым годом мода меняется все быстрее. А это значит, что кутюрье должны ставить более доступные цены на свою продукцию. Размышляя о моде в начале XX-го столетия Зиммель уже начал предчувствовать ее переход в массовость и повседневность. Г. Зиммель считал: «...Чем быстрее меняется мода, тем дешевле должны становиться вещи; а чем дешевле они становятся, тем к более быстрому изменению моды они приглашают потребителей и принуждают производителей. [3] Философ ассоциировал моду с властью. Он говорил о том, что стиль порой навязывает

обществу самые несуразные и отвратительные формы. С другой стороны, немец осознавал многоликость моды и ее способность иметь множество форм. [3].

Если размышлять о теме в современности можно прийти к следующим выводам.

В современном обществе, где социальные сети играют центральную роль, стремление к подражанию и обособлению достигло новых масштабов. С одной стороны, платформы социальных сетей способствуют быстрому возникновению кратковременных трендов, которым следуют огромные массы людей, что является примером чистого подражания. С другой стороны, эти же сети предоставляют возможности для индивидуализации, такие как формирование нишевых эстетических предпочтений, кастомизация одежды и поиск уникальных брендов. Как и предсказывал Зиммель, люди постоянно ищут равновесие между стремлением к индивидуальности и опасением быть исключенными из социальной группы. Этот механизм, хотя и изменился, все еще существует. Современные ученые ставят вопрос о необходимости пересмотра классических теорий моды Зиммеля в контексте цифровой эпохи. Сегодня лидеры мнений не всегда навязывают моду. Часто тренды возникают в рамках субкультур, например, хип-хопа или панка, или прямо на улицах, как в случае со стилем streetwear, а бренды класса люкс быстро адаптируют их для получения прибыли. И все же, основной принцип остается тем же: механизм дифференциации действует даже быстрее. Как только какой-либо предмет становится слишком распространенным, например, через быструю моду, он теряет свою привлекательность для тех, кто стремится подчеркнуть свой статус.

Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни. Это - последняя из выпавших на нашу долю форм борьбы с природой, борьбы, которую первобытный человек ведет за свое физическое существование.

Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, - это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений.

Познавательная способность человека основана на восприятии различий, т. е. его сознание возбуждается восприятием разницы между переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим. Ощущения, которые повторяются, немного отличаются друг от друга и не меняются резко, требуют от сознания меньше усилий, чем быстро сменяющиеся картины или внезапные ощущения. Городская среда оказывает заметное психологическое влияние из-за интенсивного движения на улицах, ускоренного ритма жизни и разнообразия видов деятельности.

Этим типичный житель большого города - создает себе средство самозащиты против угрожающих его существованию течений и противоречий

внешней среды: он реагирует на них не чувством, а преимущественно умом, которому развившееся сознание доставило гегемонию в душевной жизни [2, с 1.].

Сегодня идеи Георга Зиммеля приобретают особую актуальность в контексте анализа современной городской жизни. Его эссе, посвященные психологии горожанина, предоставляют ценные инструменты для понимания состояния человека, живущего в мегаполисе XXI века. Описанная философом «повышенная нервозность» современного жителя, безусловно, усилилась под воздействием цифровой среды. Если в начале прошлого столетия источником раздражения выступала городская толпа, то в наши дни к этому добавился нескончаемый поток информации, уведомлений и визуальных образов, поступающих из социальных сетей и мессенджеров. Этот информационный поток оказывает существенное влияние на психику горожанина, изменяя его восприятие мира и самого себя. Современные исследователи отмечают те же характеристики, что и Зиммель - повышенное внимание к пунктуальности, рациональность, а также циничное безразличие ко всему происходящему, но в гораздо более выраженной форме. Эти черты приводят к возникновению так называемого «синдрома большого города» и, как следствие, к состоянию внутренней дисгармонии. Развивая идеи Зиммеля, социолог Ирвинг Гофман ввёл понятие «вежливого невнимания», определив его как необходимую стратегию выживания в перенаселенном пространстве, переполненном людьми и сигналами.

Прогнозируемый Зиммелем рост «замкнутости и одиночества» стал одной из наиболее острых проблем современного общества. Несмотря на то, что люди физически находятся в густонаселенных городах, они все больше изолируются друг от друга. Социальные сети, изначально призванные объединять людей, зачастую создают лишь иллюзию общности, усиливая при этом чувство изоляции и отчуждения. Это современная версия зиммелевской «свободы от общества», которая, к сожалению, оборачивается отсутствием подлинных, глубоких эмоциональных связей. Как точно подметил философ, освобождаясь от старых форм зависимости, мы попадаем в новые: от безличных рыночных механизмов и стремления к социальному одобрению. Эта новая реальность ставит перед нами задачу переосмысления ценностей и поиска новых путей построения межличностных отношений, которые бы позволяли преодолеть чувство одиночества и отчуждения в современном мире. Важно задуматься о том, как, живя в эпоху цифровых технологий и глобализации, мы можем сохранить свою индивидуальность и не потерять способность к настоящему человеческому общению.

В итоге, идеи Георга Зиммеля не просто важны, а помогают понять основные противоречия современной жизни. Его социология предлагает нам способ объяснить, как технологический прогресс, ускоряя социальную жизнь и расширяя личный выбор, одновременно создает новые формы зависимости, отчуждения и психического напряжения. Зиммель остается актуальным, потому что вопросы о том, как оставаться собой в единообразном мире и как получить

настоящую свободу в обществе потребления, стали еще более важными, чем раньше.

Список литературы:

1. Александр Марков. Георг Зиммель. Издательский дом “Новое литературное обозрение”- М., 2026. - URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/21_tm_3_2011/article/18991/ (дата обращения 22.02.2026)
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь/ Г. Зиммель // Логос. – 2002. - №3. С. 1.
3. Textile Space | Философия моды от Георга Зиммеля: Textile Space - информационная платформа для текстильной отрасли. М., 2026. - URL: https://textilespace.ru/catalog/design/filosofiya-modi-ot-georga-zimelya/#send_event (дата обращения 22.02.2026).

Иванова Кристина Алексеевна

1 ТД-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доцент Шкандрий Надежда Ярославовна

Ivanova Kristina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ЖИВОПИСИ И АРХИТЕКТУРЕ В 20 ВЕКЕ

Аннотация: Статья рассматривает подъём культуры и искусства, касаясь живописи и архитектуры XX века. Это время больших изменений, вызванных развитием промышленности, влиянием политики на культуру и сменой модернизма постмодернизмом. В живописи появились заметные направления, такие как фовизм (Анри Матисс), кубизм (Пабло Пикассо), абстракционизм (Василий Кандинский), сюрреализм (Сальвадор Дали) и поп-арт (Энди Уорхол). Каждое из них по-своему показало настроение времени и поменяло взгляды на художественное самовыражение. В архитектуре вместо исторических стилей стали важны удобство и простота. Например, здание фабрики Фагус Вальтера Гропиуса показывает принципы модернизма, а в СССР конструктивизм (Моисей Гинзбург, Иван Леонидов) выразил идеи коллективизма в проектах домов и общественных зданий. Новые технологии, такие как железобетон, стекло и новые способы строительства, не только ускорили возведение зданий, но и дали возможность воплотить смелые архитектурные идеи, которые стали основой для дальнейшего развития мировой культуры.

Ключевые слова: искусство, живопись, архитектура, постмодернизм, индустриализация.

THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND ART IN PAINTING AND ARCHITECTURE IN THE 20TH CENTURY

Summary: The article examines the rise of culture and art, touching upon painting and architecture of the 20th century. This is a time of great changes caused by the development of industry, the influence of politics on culture and the replacement of modernism by postmodernism. Notable trends have appeared in painting, such as Fauvism (Henri Matisse), Cubism (Pablo Picasso), abstractionism (Wassily Kandinsky), surrealism (Salvador Dali) and pop art (Andy Warhol). Each of them showed the mood of the time in its own way and changed the views on artistic expression. In architecture, convenience and simplicity have become important instead of historical styles. For example, the Walter Gropius Fagus factory building shows the principles of modernism, and in the USSR constructivism (Moses Ginzburg, Ivan Leonidov) expressed the ideas of collectivism in the designs of houses and public buildings. New technologies such as reinforced concrete, glass and new construction methods not only accelerated the construction of buildings, but also

made it possible to embody bold architectural ideas that became the basis for the further development of world culture.

Keywords: art, painting, architecture, postmodernism, industrialization.

Исследование путей развития культуры и искусства, в частности живописи и архитектуры XX века, важно, так как этот период сформировал базу для сегодняшних художественных приемов. Направления, такие как кубизм, сюрреализм и поп-арт, поменяли взгляды на творчество и продолжают оказывать влияние на современных художников. Архитектурные идеи того времени – модернизм, конструктивизм и постмодернизм – определили внешний вид современных городов и всё ещё применяются в градостроительстве из-за их акцента на функциональность и минимализм. Изучение того, как искусство в XX веке было связано с политикой, помогает понять, как культура и власть взаимодействуют, что важно для понимания роли искусства в обществе сейчас. Переход от модернизма к постмодернизму поднял важные вопросы о том, что такое творчество и где проходят границы искусства. Эти вопросы остаются актуальными в эпоху цифровых технологий и глобализации.

В XX веке подъём культуры и искусства шёл очень быстро. Стоит отметить ключевые культурные тенденции:

1. Индустриализация. Быстрый научный и технический прогресс привёл к формированию новых технических культурных ниш.

2. Культура стала более политизированной и подверженной идеализации. Творческие работы превратились в инструменты пропаганды, а люди искусства стали участниками политических и общественных движений.

3. Утверждение постмодернизма. Мировоззрение поменялось, произошёл переход от модернизма к постмодернизму [3].

В данной статье подробно рассмотрим развитие искусства в живописи и архитектуре [2].

XX век был насыщен разными историческими событиями и политическими, и общественными настроениями, которые влияли на художников и вследствие отражались на искусстве в целом.

Основные стили той эпохи:

Фовизм — течение в живописи начала XX века, отличается использованием ярких цветов, обобщённых контуров и отказом от светотени. Самые яркие представители — Анри Матисс, Морис де Вламинк и Андре Дерен.

Экспрессионизм — направление, в котором художники стремились передать своё эмоциональное состояние через форму и цвет, обращаясь к темам страха, разочарования и тревоги.

Кубизм — направление в искусстве, для которого характерны использование геометрических форм и плоскостей, отказ от перспективы и акцент на абстрактных линиях и острых углах. Самый знаменитый художник, работавший в стиле кубизма — Пабло Пикассо [2].

Футуризм — это направление авангарда начала XX века, которое отвергало культурное наследие прошлого, проповедовало урбанизм и разрушение форм искусства ради слияния с ускоренным жизненным процессом.

Абстракционизм — направление в живописи, основанное на отказе от подражания реальности, выражающее субъективное восприятие художника.

Дадаизм — направление, которое характеризуется нигилизмом, протестом против традиционных ценностей и поиском новых форм выражения.

Сюрреализм — это авангардное направление, с изображением тайных мыслей, желаний, и страхов с помощью иносказаний и создавали на холсте высшую реальность, подсказанную подсознанием.

Поп-арт — направление в искусстве, которое возникло как реакция на живопись абстрактного экспрессионизма, с использованием обыденных вещей и продуктов массового потребления, придавая им необычное содержание с помощью трансформаций и комбинаторных приёмов.

Эти стили отражают глобальные политические, социальные и технологические изменения, происходившие в XX веке, и демонстрируют разнообразие подходов к выражению идей и эмоций через искусство [2].

Архитектура 20 века стала периодом радикальных изменений и поисков новых выразительных форм. Вместо исторических стилей архитекторы сосредоточились на функциональности, минимализме и инновационных строительных технологиях. В этой статье мы рассмотрим ключевые архитектурные направления XX века, от модернизма и конструктивизма до постмодернизма и экологической архитектуры [1].

Развитие технологий и массовое производство привели к появлению новых строительных методов и материалов. Железобетонные конструкции, каркасное строительство и использование модульных элементов позволяли возводить здания быстрее и дешевле. Эти принципы легли в основу архитектуры модернизма, которая ориентировалась на функциональность и отказ от излишнего декора.

Одним из первых примеров новой архитектуры стало здание фабрики Фагус (1911-1913) по проекту Вальтера Гропиуса, где были использованы большие стеклянные поверхности и минималистичные формы. Этот проект стал предвестником интернационального стиля, который окончательно сформировался в 1920-1930-х годах [1].

В России 1920-х годов получил развитие конструктивизм — авангардное архитектурное направление, стремившееся к максимальной функциональности и использованию индустриальных методов строительства. Конструктивисты, такие как Моисей Гинзбург, Александр Веснин и Иван Леонидов, разрабатывали проекты жилых комплексов, фабрик-кухонь и общественных зданий, в которых воплощались идеи коллективизма, присущие советскому обществу.

Эпоха с 1900 по 1930 год ознаменовала собой радикальные перемены в архитектуре. Отказ от исторических стилей, поиск новых форм, применение

современных материалов и опора на принципы функциональности привели к становлению модернизма как ведущего архитектурного направления XX века. Идеи, сформированные в этот период, получили продолжение в последующие десятилетия, оказав большое влияние на мировую архитектуру [1].

В заключение стоит отметить, что XX век был временем больших перемен в культуре и искусстве. Живопись и архитектура показывали важные социальные, технические и политические изменения. В живописи появились разные стили, выражавшие дух времени: фовизм с его яркими цветами, кубизм с геометрией, сюрреализм с абсурдом и поп-арт с его популярной эстетикой. Каждый из них менял идеи о художественном выражении. Архитектура отошла от старых стилей в сторону практичности, минимализма и современных технологий строительства. Это хорошо видно в модернизме, конструктивизме и других стилях. Новые материалы и методы, например, железобетон и стекло, ускорили строительство и дали возможность создавать интересные проекты, которые повлияли на культуру в мире. Переход от модернизма к постмодернизму поднял вопросы о том, что такое искусство и где проходят его границы. Эти вопросы важны и сейчас, в эпоху цифровых технологий и глобализации.

Список литературы:

1. Архитектура 20 века: основные стили, направления и влияние | Новости архитектуры и дизайна INTGZ. М., 2026. - URL: <https://www.intgz.ru/posts/arhitektura-20-veka> (дата обращения 27.02.2026).
2. Основные стили искусства XX века. М., 2024. - URL: <https://artifactschool.ru/articles/tpost/1s7p9u3cr1-vvedenie-v-mir-iskusstva> (дата обращения 27.02.2026).
3. Особенности культуры 20 века, основные тенденции культуры. М., 2000-2026. - URL: https://pro.zaochnik-com.com/spravochnik/kulturologija/evropejskaja-kultura-xx-veka/kultura-20-veka/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com

Иванова Майя Дмитриевна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Mayya Ivanova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ И ЛЮБВИ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ АРГУМЕНТОМ В ПОЛЬЗУ БЕССМЕРТИЯ ДУШИ?

Аннотация: В статье рассматривается философская проблема соотношения феномена любви и идеи бессмертия человеческой души. Анализируются подходы к данной проблеме в истории философии, при этом особое внимание уделяется античной традиции (Платон) и русской религиозной философии (В. С. Соловьев, С. Л. Франк). В работе исследуется онтологический статус любви как явления, выводящего человека за границы временного существования. Особое внимание уделяется концепции «памяти» как связующего звена между любовью и бессмертием. Делается вывод о том, что любовь может рассматриваться как аргумент в пользу бессмертия души, однако этот аргумент носит не логический, а нравственно-метафизический характер. Статья предназначена для студентов философских специальностей и всех интересующихся вопросами философской антропологии.

Ключевые слова: любовь, бессмертие души, Платон, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Эрос, память, онтология личности, русская философия.

THE PROBLEM OF IMMORTALITY AND LOVE: IS LOVE AN ARGUMENT IN FAVOR OF THE IMMORTALITY OF THE SOUL?

Summary: The article examines the philosophical problem of the relationship between the phenomenon of love and the idea of the immortality of the human soul. It analyzes approaches to this problem in the history of philosophy, paying special attention to the ancient tradition (Plato) and Russian religious philosophy (V.S. Solovyov, S.L. Frank). The work explores the ontological status of love as a phenomenon that takes a person beyond the boundaries of temporal existence. Special attention is paid to the concept of "memory" as a connecting link between love and immortality. It is concluded that love can be considered an argument in favor of the immortality of the soul, but this argument is not logical, but moral and metaphysical. The article is intended for students of philosophical specialties and anyone interested in issues of philosophical anthropology.

Keywords: love, immortality of the soul, Plato, V. S. Solovyov, S. L. Frank, Eros, memory, ontology of personality, Russian philosophy.

Проблема бессмертия души является одной из фундаментальных тем философского знания. На протяжении всей истории человечества мыслители

пытались ответить на вопрос: существует ли человеческая личность после физической смерти тела? Традиционно эта проблема решалась либо в контексте религиозной веры, предполагающей (в зависимости от религиозной традиции) бессмертие души, жизнь после смерти, загробный мир, рай и ад, реинкарнацию; либо возможность жизни после смерти в любой форме отвергалась с позиций научного материализма. Однако существует особая сфера человеческого опыта, которая позволяет взглянуть на проблему бессмертия под иным углом — это сфера любви.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном мире, где доминируют технократические и потребительские ценности, вопрос о подлинном смысле человеческой жизни, о ценности человеческих чувств встает особенно остро. В настоящее время к проблеме девальвации человеческих чувств, обусловленной особенностями общества потребления, добавились проблемы сужения горизонта предвидения, турбулентности во многих сферах общественной жизни и нарастающего ощущения хрупкости человеческой жизни ввиду глобальной геополитической нестабильности. Все чаще, как писал классик, человек становится «не просто смертен, а внезапно смертен». В этой связи значение высших, вечных ценностей в сознании человека возрастает тем больше, чем труднее становится их достичь в реальной жизни. Любовь как высшее человеческое чувство в таких условиях, возможно, на уровне бытия отдельного человека возвращает себе смысл нравственной опоры, островка стабильности в турбулентном мире, и в этом смысле сближается с философским пониманием любви — как онтологического феномена, связанного с самой сутью бытия человека.

Цель данной статьи — проанализировать, может ли феномен любви служить аргументом в пользу бессмертия человеческой души. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть понимание любви в античной философии как стремления к вечности; во-вторых, проанализировать концепцию любви в русской религиозной философии; в-третьих, выявить связь между феноменами любви, памяти и бессмертия.

Первым философским направлением, в котором любовь была непосредственно связана с идеей бессмертия, стала философия Платона. В своем знаменитом диалоге «Пир» Платон через речь мудрой женщины Диотимы излагает учение об Эросе. Согласно этому учению, Эрос не есть простое влечение или чувство, но есть «стремление к вечному обладанию благом» и, следовательно, стремление к бессмертию. Как поясняет Диотима, «природа смертного стремится существовать вечно и быть бессмертной: она может достигнуть этого только путем рождения, оставляя каждый раз новое вместо старого» [1, с. 98].

Платон выделяет два основных пути приобщения к вечности через любовь. Первый путь — телесный, или «низший» Эрос. Он реализуется через рождение детей. Человек, будучи смертным, стремится оставить после себя

потомство, тем самым продолжая себя во времени. Однако это лишь несовершенная форма бессмертия.

Второй путь — духовный, или «высший» Эрос. Эрос служит силой, движущей душу от чувственной любви к прекрасному телу к созерцанию вечных идей. Этот путь реализуется через творчество, рождение «прекрасных речей», добродетелей и знаний. Как пишет Платон, «все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени» [1, с. 98]. Человек, любящий другого за его душу, за его внутреннюю красоту, стремится к духовному единению. В этом единении рождаются идеи, произведения искусства, нравственные поступки, которые остаются в вечности через память поколений.

Таким образом, в античной традиции любовь понимается как особая энергия — Эрос, соединяющая человека с миром вечных идей. Любящий видит в любимом не просто временное тело, а отражение абсолютной красоты. Созерцая эту красоту, душа человека, согласно теории познания Платона, припоминает то, что она видела в мире идей до своего рождения. Тем самым любовь становится путем восхождения к вечности.

Наиболее глубоко тема любви как аргумента в пользу бессмертия была разработана в русской религиозной философии конца XIX — начала XX века, и прежде всего в творчестве Владимира Сергеевича Соловьева. Его работа «Смысл любви» представляет собой уникальное философское исследование, в котором любовь рассматривается не просто как чувство, а как онтологическая задача, стоящая перед человеком.

Соловьев решительно выступает против сведения любви к средству продолжения рода. По его мнению, если бы любовь служила только деторождению, она была бы лишь биологическим механизмом. Однако истинная любовь направлена на уникальную, неповторимую личность. Философ пишет: «Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма» [2, с. 506].

Что значит «спасение индивидуальности»? Согласно Соловьеву, эгоизм — это такое состояние сознания, при котором человек утверждает себя в качестве центра вселенной. Любовь преодолевает этот эгоизм: «Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса с себя на другое» [2, с. 508]. Любящий видит в любимом абсолютную ценность, которая не может быть уничтожена смертью. Если человек способен воспринять другого как бесконечно значимого, то эта значимость требует вечного существования.

Соловьев вводит важное понятие «андрогина» — целостного человека. По мысли философа, любовь призвана восстановить эту утраченную целостность. Однако полное восстановление невозможно в границах земной жизни, ограниченной смертью. Следовательно, задача любви требует бессмертия как необходимого условия своего осуществления. В противном случае, замечает философ, любовь «осталась бы бессильным и неверным себе чувством» [2, с. 516]. Если бы смерть была окончательной, любовь оказалась бы бессмысленной

тратой сил, иллюзией. Но опыт любви говорит нам об обратном: в ней мы прикасаемся к подлинной реальности.

Связующим звеном между любовью и бессмертием выступает феномен памяти. В контексте изучаемой темы важно следующее: любовь порождает особую форму памяти — память сердечную. Это не просто воспоминание о фактах и событиях, связанных с любимым человеком. Это удержание самого образа личности, ее уникальной сущности.

Философ Семен Людвигович Франк в своей работе «С нами Бог» отмечал, что любовь открывает нам в человеке нечто абсолютное, что не подлежит уничтожению. Он пишет: «Любовь есть именно радостное приятие и утверждение другого существа в его глубочайшей, интимной сущности» [3, с. 395]. Любящий знает любимого не как объект среди объектов, а как уникальный мир, как целую вселенную. Для Франка этот опыт встречи с «ты» имеет религиозное измерение, ибо в нем нам открывается вечная основа бытия. Смерть, по мысли философа, бессильна перед этой духовной связью.

Таким образом, память, рожденная любовью, становится зародышем бессмертия. Мы не просто храним образ ушедшего — мы продолжаем быть с ним в духовной связи. Эту мысль развивал и другой русский философ, Н.А. Бердяев. В работе «О назначении человека» он подчеркивает связь памяти с высшим смыслом: «Память об умерших, как внутреннее с ними общение, есть уже преодоление смерти» [4, с. 253]. Бердяев утверждает, что любовь сильнее смерти, и именно она является силой, сохраняющей личность для вечности. Тем самым в акте любви и памяти смерть преодолевается уже здесь, в земной жизни.

Подводя итоги проведенного исследования, следует вернуться к главному вопросу: является ли любовь аргументом в пользу бессмертия души? На основании анализа философских текстов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в античной философии, прежде всего у Платона, любовь (Эрос) понимается как врожденное стремление человека к вечности. Через рождение в красоте — будь то дети или духовные творения — человек приобщается к бессмертию [1, с. 98-101].

Во-вторых, в русской религиозной философии, в трудах В.С. Соловьева, любовь предстает как онтологическая задача по спасению личности. Любовь открывает в человеке абсолютную ценность, которая не может быть уничтожена смертью, и тем самым требует бессмертия как необходимого условия своей реализации [2, с. 506-516].

В-третьих, феномен памяти выступает связующим звеном между любовью и бессмертием. Как показали С. Л. Франк и Н. А. Бердяев, любовь рождает особую память сердца, которая удерживает образ личности за пределами ее физического существования и устанавливает с ней духовную связь, неподвластную времени [3, с. 395; 4, с. 253].

Таким образом, любовь — это не просто чувство, а метафизический опыт, который доказывает человеку: смерть — это не точка, а многоточие. И поэтому, даже с философской точки зрения, мы имеем право надеяться на бессмертие.

Список литературы:

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. — Москва: Республика, 1993. — 383 с.
2. Платон. Пир // Собрание сочинений: в 4 т. — Москва: Мысль, 1993. — Т. 2. — С. 81–134.
3. Соловьев В. С. Смысл любви // Сочинения: в 2 т. — Москва: Мысль, 1988. — Т. 2. — С. 493–547.
4. Франк С. Л. С нами Бог. — Москва: АСТ, 2003. — 750 с.

Иванова Юлия Сергеевна

1 СД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Julia Ivanova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИГРА КАК ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Аннотация: В статье рассматривается игра как один из важнейших способов человеческого бытия, основные аспекты игры с философской точки зрения. Особое внимание уделяется роли игры в формировании личности, логики и навыков взаимодействия. Раскрывается многогранность и значимость игры в жизни человека, отличающих игровую деятельность от других форм жизненной активности.

Ключевые слова: феномен, игра, свобода, удовольствие, развитие, Йохан Хейзинга, Ойген Финк.

THE GAME AS A PHENOMENON OF HUMAN EXISTENCE

Summary: The article considers the game as one of the most important ways of human existence, the main aspects of the game from a philosophical point of view. Special attention is paid to the formation of personality. Logic and interaction skills. The article reveals the versatility and importance of the game in human life, which distinguish gaming activity from other forms of life activity.

Keywords: phenomenon, game, freedom, pleasure, development, Johan Huizinga, philosophical aspect, Eugen Fink.

Наряду со свободой, одиночеством [4], коммуникацией, любовью [2; 3], господством игра является одним из важнейших проявлений человеческого бытия. Одна из концептуальных работ об игре – трактат Й. Хёйзинга «Человек играющий». Рассматривая игру в качестве источника культуры и человеческого способа бытия, подробно выявляя её специфику, автор концепции, однако, не обозначает критерия, позволяющего отличить игровую деятельность от неигровой, что в свою очередь становится предметом исследовательского поиска современных философов.

Значение игры в жизни любого человека очень велико. Именно через игру малыш познает мир, учится взаимодействовать с ним, контактирует со своими близкими, а позже, со сверстниками и другими взрослыми, приспосабливается к работе в команде, проявляет фантазию и смекалку, развивает логику, активизирует мыслительный процесс. Здесь важно понять, что все необходимое ребенок получает как раз в игровом формате, и рассматриваться данная форма деятельности должна комплексно. Играя, ребенок: развивает мелкую моторику (рисование, лепка, пазлы), что ускоряет

развитие речевых навыков; развивает фантазию (вовлечение родителей, игрушек, применение к себе какой - либо роли из реальной жизни или прочитанной книги); адаптируется к социальным ситуациям (магазин, школа, поликлиника); развивается физически (подвижные игры); нивелирует стресс (укладывание кукол, активные игры). Таким образом, можно сказать, что игра, наряду с трудом и любовью, определяет саму сущность человека. Это осмысленная деятельность, приносящая радость, действующая по правилам и выходящая за рамки обыденности. Игра позволяет познавать мир, развивать личность, социализироваться, а также выступает как способ психологической адаптации и моделирования жизненных сценариев.

Можно выделить следующие аспекты игры как феномена бытия:

1. Философский аспект: Й. Хейзинга и О. Финк рассматривали игру как основу культуры и одно из главных проявлений человеческого существования, предшествующее культуре. Игра не преследует практических целей, принося радость сама по себе, выделяя человека из животного мира.

2. Социально-культурный аспект: Игра является механизмом передачи культурных ценностей, обучения социальным ролям и взаимодействия. Видеоигры сегодня стали глобальным феноменом, влияющим на поведение и ценности миллиардов.

3. Психологический аспект: Игра — это способ познания мира, тренировка навыков (логика, фантазия) и самоисследования. Эрик Берн в книге «Игры, в которые играют люди» описывает игру как устоявшийся социальный сценарий, часто неосознаваемый человеком.

4. Педагогический аспект: Игра — «высшая форма исследования», позволяющая быстрее усваивать материал и развиваться.

На этом основании можно сделать вывод, что игра пронизывает всю жизнь человека, помогая не только адаптироваться к реальности, но и переосмысливать ее, делая процесс жизни более интересным и упорядоченным.

Игра имеет ряд фундаментальных характеристик. Так, свобода как ключевой атрибут человеческого бытия исходно присутствует в игре, определяя её суть следующим образом:

1. Любая игра прежде всего свободная деятельность, она не может быть по приказу, принуждению. Ребенок, животное играют, потому что испытывают удовольствие от самой игры, именно в этом и заключается их свобода. Игра — это не просто «обыденная жизнь» она украшает и дополняет ее.

2. Существует мнение, что игра не обусловлена врожденными инстинктами. К примеру, ролевые игры возникают на этапе развития человеческого общества и тесно связана с изменением места ребенка в системе общественных отношений. Поэтому игра — это не инстинктивная, а предметная деятельность, которая исходит из потребности действовать по отношению к широкому миру.

3. Игра принципиально не утилитарна, у нее нет цели, нет абсолюта, это постоянное свободное творение смысла. Игра — это и есть становление, а ребенок в игре созидает. Игра — это самое утвердительное, что может быть в жизни, она всегда говорит жизни «да» и символизирует радость невинности.

Свобода инициирует игру, однако «внутри игры» всегда есть четкие правила. Игры без правил не существует. Таким образом, игра структурирована. Нарушение правил – нарушение условий возможности игры. Благодаря структуре игра может повторяться и постепенно модифицироваться (изменение правил благодаря «импровизациям» внутри игры). Игра требует определённого пространства и времени – совершенно особых, определённых условий её существования.

Таким образом, по Й. Хёйзинга, вся культура есть игра. Но всё ли является игрой? Современные исследователи, признавая огромный вклад, внесший автором «Человека играющего» в исследование феноменологии игры, находятся в поиске критерия, позволяющего отделить собственно игру от форм человеческой деятельности, включающей игру.

Сделать это довольно сложно, вопрос остаётся открытым. Представляется, что границы игры не находятся в деятельности, а находятся в сознании: когда есть факт осознания и приятия «себя» играющим; игра должна быть самодостаточна: самонацелена, не должно быть внеигровой цели деятельности; эмоциональная вовлеченность, удовольствие, интерес как субъективные критерии присутствия в игре и её переживание. – Человек «изнутри» всегда знает, играет он или нет: «только в поле личного выбора, субъективных оценок рождается игра, а именно, человек только тогда играет, когда осознает, чувствует, признает себя играющим, а не работающим, занимающимся искусством, погрязшим в суете межличностных отношений и т.п.» [7].

Список литературы:

- 1.Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
- 2.Кребель, И. А., Сухачев, В. Ю., Ватолина Ю. В. // Омский научный вестник. – Сер. Общество, история, современность. – 2014. – № 1 (125). – С. 81-84.
- 3.Маркович, Е. Герман Гессе и его роман «Игра в бисер» // Гессе Г. Игра в бисер. - М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. – С. 6-14.
- 4.Орлов, Е. С., Пятилетова Л. В. Игра как феномен человеческого бытия // Современные научные исследования и инновации. — 2017. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/03/79152> (дата обращения: 04.03.2026)
- 5.Финк, О. Основные феномены человеческого бытия. – М.: Канон, 2017. – 432 с.
- 6.Хейзинга, Й. Опыт определения игрового элемента культуры. – М.: Прогресс - Традиция, 1997. – 416 с.

Ильясова Алина Бауржановна

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Ilyasova Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА В СТРУКТУРЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматривается феномен малых форм художественного ремесла в Калининградской области как значимый сегмент региональных креативных индустрий. Предлагается авторская классификация ремесленных практик, анализируются основные проблемы их бытования и определяются перспективы развития в контексте государственной политики по поддержке креативного сектора. Особое внимание уделяется уникальному опыту региона по интеграции ремесленных продуктов в туристическую инфраструктуру и брендинг территории.

Ключевые слова: художественное ремесло, креативные индустрии, малые формы, народные художественные промыслы, региональная идентичность, янтарный промысел.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL ARTISTIC TRADES IN THE CREATIVE INDUSTRIES OF THE KALININGRAD REGION

Summary: The article examines the phenomenon of small forms of artistic craft in the Kaliningrad region as a significant segment of regional creative industries. The author's classification of craft practices is proposed, the main problems of their existence are analyzed and the prospects for development are determined in the context of state policy to support the creative sector. Special attention is paid to the unique experience of the region in integrating handicraft products into the tourist infrastructure and branding of the territory.

Keywords: artistic craft, creative industries, small forms, folk art crafts, regional identity, amber industry.

В условиях современного социально-экономического развития особую актуальность приобретает проблематика креативных индустрий. Это обусловлено возрастающей ролью нематериальных факторов, таких как человеческий капитал, культурная идентичность и символические ресурсы территории.

В постиндустриальной экономике способность региона создавать уникальные смыслы и творческие продукты становится ключевым фактором

его конкурентоспособности. Это формирует основу для устойчивого развития, которое не сводится к сырьевой или индустриальной модели.

Калининградская область, благодаря своему уникальному геополитическому положению и богатому культурному наследию, занимает лидирующие позиции в развитии креативных индустрий среди регионов России. Как отмечает А. В. Лисевич в своём исследовании регионального ремесленного кластера, сектор мелкотоварного ремесленного производства может стать основой для формирования устойчивой бизнес-модели, основанной на принципах социального предпринимательства [5].

В контексте региональных творческих практик в Калининграде особое внимание уделяется малым формам художественного ремесла, которые включают в себя широкий спектр изделий, от миниатюрной скульптуры до авторских кукол, от арт-объектов из янтаря до текстильных изделий, отражающих локальную идентичность.

В исследовании, проведённом Л. Ф. Беликовой, отмечается, что в условиях рыночной трансформации экономики ремесленные практики требуют новых подходов к их пониманию [1]. Развитие этих практик способствует созданию новых рабочих мест и расширению среднего класса.

Этот сегмент представляет собой не только экономический ресурс, но и механизм сохранения культурного кода территории, средство повышения её привлекательности для туристов и инструмент сохранения нематериального наследия.

Понятие «малые формы художественного ремесла» требует уточнения. В рамках данного исследования под ними понимаются произведения декоративно-прикладного искусства, характеризующиеся камерностью, тиражностью (от единичных экземпляров до малых серий), ориентированностью на индивидуальное потребление и, как правило, ручным или полуручным способом производства. Как подчеркивают А. В. Ефанов и О. А. Карпачев, советская, а позже российская система профессионального образования много лет готовила кадры преимущественно для крупной промышленности, а целенаправленной подготовки кадров для малых предприятий ремесленного профиля не было, что создает сегодня существенный дисбаланс в этой сфере [2].

В 2024 году был принят Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», который включил народные художественные промыслы в структуру креативных индустрий. Это создало нормативную основу для их поддержки наравне с другими творческими секторами.

Данное решение имеет принципиальное значение, поскольку ранее ремесленные практики часто выпадали из поля системной государственной политики и оставались на периферии как «традиционное наследие», не интегрированное в актуальные экономические процессы.

Следует особо отметить, что Калининградская область представляет собой уникальную территорию с точки зрения формирования ремесленных

традиций. В настоящее время в регионе зарегистрировано 78 национально-культурных общественных организаций, объединяющих представителей 18 этносов. Эта многонациональность создаёт особый контекст для развития ремесленных практик, которые сохраняют свою культурную идентичность и в то же время обогащают друг друга.

На основе анализа эмпирического материала представляется возможным провести классификацию малых форм художественного ремесла Калининградской области и выделить несколько устойчивых групп ремесленных практик, каждая из которых обладает собственной эстетикой, технологической базой и способами взаимодействия с потребителем.

Янтарная миниатюра и сувенирная пластика образуют доминирующее направление, что закономерно для региона, обладающего крупнейшими запасами этого минерала. Искусство художественной обработки янтаря можно назвать одним из самых «молодых» по возрасту российских художественных промыслов, поскольку это направление родилось после 1945 года на территории бывшей Восточной Пруссии, вошедшей в состав СССР. При этом, российское народное искусство характеризуется тем, что оно постоянно воспроизводится в разнообразных новых формах и направлениях, и исторический опыт Калининградской области показывает, что народное искусство может возникать и развиваться на разных территориях.

Помимо традиционных ювелирных изделий, в последние годы активно развивается направление миниатюрной городской скульптуры. Наиболее репрезентативным примером выступает проект «Хомлины» семьи Шевченко — семь бронзовых мини-скульптур сказочных персонажей-домовых, расставленных в туристических локациях Калининграда. Проект демонстрирует высокую эффективность: миниатюрные фигурки стали полноценными городскими символами, вокруг них выстроены экскурсионные маршруты, сформирован сувенирный рынок. Принципиально, что авторы сознательно ограничили «семейство» семью персонажами, отказываясь от тиражирования и расширения во избежание потери художественного качества.

Авторская кукла и текстильная пластика представляют собой второе значимое направление, в рамках которого сложилось устойчивое сообщество мастеров. Анализ выставочной деятельности демонстрирует широкий спектр техник: текстильные куклы, вязаные игрушки, куклы из капрона с утяжкой, соломки и бумаги. Важной характеристикой является межпоколенческий характер сообщества: возраст участников варьируется от 9 до 91 года, что свидетельствует о живом интересе к ремеслу и трансляции традиции. Особого внимания заслуживают обереговые куклы, воспроизводящие архаичные славянские формы и актуализирующие интерес к этнокультурному наследию [6].

Экологический дизайн и работа с натуральными материалами формируют отчетливый тренд последних лет, связанный с обращением к природным фактурам. На региональных ярмарочных площадках представлены изделия из джутовой нити, гипоаллергенной пряжи, натурального льна. Бренд льняной

одежды, ключевым продуктом которого стала стилизованная косоворотка, демонстрирует возможность успешной коммерциализации традиционных форм при условии качественного дизайна и узнаваемой айдентики.

Наконец, экспериментальные формы, находящиеся на грани ремесла и высокого искусства, занимают особую нишу. Примером служит коллекция одежды из янтаря, созданная при участии Калининградского янтарного комбината. Данный продукт позиционируется как «штучный товар», не рассчитанный на массовое производство, но выполняющий важную имиджевую функцию — продвижение янтарного бренда региона в модной индустрии и искусстве. И. А. Кривонос в своем исследовании отмечает, что в Калининградской области в районе посёлка Янтарный расположено самое большое в мире месторождение янтаря, единственное в мире позволяющее добывать его промышленным путём, и при этом калининградское янтарное дело отстаёт от соседних польского и литовского, что делает особенно актуальным изучение различных способов использования янтаря [3]. К этой же категории можно отнести крупные арт-объекты, интегрированные в городской ландшафт, созданные по мотивам локальных легенд и нарративов.

Анализ текущей ситуации позволяет выделить ряд проблем, препятствующих развитию малых ремесленных форм, которые носят как структурный, так и институциональный характер.

Материал по истории ремесел в основном носит фактографический или описательный характер и содержится в разрозненных источниках, которые не могут в полной мере отразить развитие традиций, связанных с промыслами.

Наиболее острая проблема, которая неоднократно отмечалась экспертами на федеральном и региональном уровнях, — нехватка квалифицированных кадров. В Калининградской области за последние годы закрылось более 50 текстильных производств, и поиск специалистов, способных работать в операционном режиме, представляет собой критическую сложность.

В сфере художественной обработки янтаря проблема также стоит остро: уходят мастера, получившие образование в советской системе и владеющие уникальными техниками ручной работы, которые не могут быть сведены к технологическим картам. Передача «тактильного знания» — опыта, связанного с чувством материала и интуитивным пониманием его свойств, — является наиболее уязвимым звеном в цепи воспроизводства ремесленной традиции.

Развитие ремесленных брендов сдерживается сырьевой и технологической зависимостью. Даже при использовании локального сырья, конечная стоимость изделий из-за ручного труда делает их нишевым продуктом.

В текстильной отрасли качественные материалы преимущественно импортируются, что увеличивает стоимость производства и создает логистические риски. Дороговизна материалов и сложность с их приобретением становятся серьезным препятствием для молодых мастеров, желающих войти в профессию.

Малые ремесленные производства, часто представленные в виде самозанятости или микробизнеса, сталкиваются с рядом проблем при выходе на рынок. К ним относятся: отсутствие узнаваемых брендов и неразвитость каналов сбыта.

Ярмарки выполняют важную функцию первичного знакомства потребителей с продукцией, но не решают проблему системного сбыта. Кроме того, существует разрыв между системой образования и рынком труда. Непрерывная траектория «школа — вуз — производство» недостаточно развита, что приводит к оттоку потенциальных кадров в другие сферы занятости.

Опыт хомлинов показывает, что малые ремесленные предприятия могут стать полноценными туристическими объектами. Перспективным является распространение подобного опыта, включая создание городских талисманов, ремесленных квестов и арт-троп, объединяющих объекты, созданные современными мастерами. Важно, чтобы такие проекты не возникали спонтанно, а были реализованы в рамках муниципальных и региональных программ брендинга территории. Это обеспечит им системную поддержку и долгосрочное развитие.

Решение кадровой проблемы в сфере ремесленного производства требует комплексных мер в области образования и наставничества. В Калининградской области необходимо уделить особое внимание сохранению и развитию программ дополнительного образования, направленных на подготовку специалистов в области ремесел.

Целесообразно рассмотреть возможность введения дополнительных выплат наставникам, работающим с молодыми мастерами, а также создание постоянно действующих площадок для обмена опытом между опытными мастерами и начинающими ремесленниками.

А. В. Лисевич и Н. Ф. Огнева в своем исследовании предлагают разработать бизнес-модель развития сектора мелкотоварного ремесленного производства, который является основой регионального ремесленного кластера, сформированного на основе идей социального предпринимательства. Такой подход позволяет рассматривать ремесленные практики не только как культурное явление, но и как полноценный экономический сектор, способный приносить доход и создавать рабочие места [5].

В настоящее время система государственной поддержки нуждается в адаптации с учётом потребностей микробизнеса и самозанятых в сфере ремесленничества. Критерии включения в Федеральный перечень организаций народных художественных промыслов, предполагающие длительный срок существования производства, зачастую не позволяют молодым мастерским претендовать на поддержку.

Необходимо упростить доступ к государственной поддержке для недавно созданных малых предприятий, сохранив при этом требования к художественному качеству продукции. Как отмечается в исследовании социокультурных факторов возрождения ремесленничества, поддержка со

стороны властей, преимущественно на местном или региональном уровне, является одним из ключевых условий развития этой сферы [1, 4].

Развитие онлайн-площадок для самозанятых мастеров должно сопровождаться обучением основам маркетинга, фотографии, упаковки продукта и работе с социальными сетями. Также необходимо координировать усилия по продвижению регионального ремесленного кластера на внешние рынки, включая туристические информационные центры и участие в межрегиональных и международных ярмарках. Только комплексный подход, включающий маркетинговую поддержку, образовательные программы и институциональное сопровождение, может обеспечить устойчивое развитие малых форм художественного ремесла в регионе.

Малые формы художественного ремесла Калининградской области представляют собой активно развивающийся сегмент креативных индустрий, обладающий значительным потенциалом. Миниатюрные городские скульптуры, экологичный текстиль и экспериментальные арт-объекты — все эти практики формируют уникальный облик региона, способствуют его узнаваемости и привлекательности.

Российское традиционное прикладное искусство обладает уникальной особенностью: оно продолжало развиваться и в индустриальную, и в постиндустриальную эпохи. Калининградская область с её уникальным янтарным промыслом и разнообразием ремесленных практик является ярким примером этой тенденции.

Перспективы дальнейших исследований включают мониторинг эффективности реализуемых мер поддержки, изучение потребительского спроса на продукцию ремесленников, а также анализ успешных примеров коммерциализации малых ремесленных форм в контексте региональной идентичности.

Список литературы:

- 1.Беликова, Л.Ф. Социологическое изучение ремесленного образования как один из путей возрождения ремесленничества на Урале /Л.Ф. Беликова // Образование и наука. – 2004. – № 6. – С. 17-25.
- 2.Ефанов, А. В. Проблемы становления ремесленного образования в северном регионе России / А. В. Ефанов, О. А. Карпачев // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 207-212.
- 3.Кривонос, И.А. Использование янтаря в трансграничном регионе Юго-Восточной Балтики: исторический, экономический и географический аспекты /И.А. Кривонос // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 91-97.
- 4.Кружкова, Т.И. Проблемы развития ремесленничества на Урале /Т.И. Кружкова // Социально-организационные основы развития ремесленничества в России: сборник научных статей. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, – 2005. – С. 15-18.

5. Лисевич, А. В. Региональный ремесленный кластер: развитие посредством идей социального предпринимательства / А. В. Лисевич, Н. Ф. Огнева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 3. – С. 100-105.
6. Погодаева, О.С. Проблема преемственности традиций текстильных ремесел в Свердловской области /О.С. Погодаева // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – № 3. – С. 220-229.

Калькова Ирина Игоревна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Kalkova Irina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕ: НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА «ULYANA SERGEENKO»

Аннотация: Статья посвящена анализу традиционных элементов русского костюма и особенностей их интерпретации в современной моде на примере бренда «Ulyana Sergeenko». Рассматривается историко-культурное значение народного костюма как носителя символов, отражающих мировоззрение и ценностные ориентиры общества. Особое внимание уделяется трансформации традиционных форм, орнаментов и конструктивных решений в современном дизайне одежды. Анализируются наиболее востребованные в дизайне элементы: орнаментальные композиции, приемы отделки, силуэтные решения и характерные конструктивные особенности, восходящие к региональным традициям. Обосновывается, что обращение к национальной традиции выступает важным механизмом сохранения культурного наследия и исторической памяти в условиях глобализации.

Ключевые слова: русский народный костюм, народные традиции, одежда, современная мода, культурное наследие, культурная идентичность, интерпретация, визуальные коды.

TRADITIONAL ELEMENTS OF RUSSIAN COSTUME IN CONTEMPORARY FASHION: THE CASE OF THE «ULYANA SERGEENKO» BRAND

Summary: The article is devoted to the analysis of traditional elements of the Russian costume and the features of their interpretation in contemporary fashion: the case of the «Ulyana Sergeenko» brand. The historical and cultural significance of folk costume as a bearer of symbols reflecting the worldview and value orientations of society is examined. Particular attention is paid to the transformation of traditional forms, ornaments, and structural solutions in modern clothing design. The paper outlines the elements most frequently adapted in design, including ornamental patterns, finishing techniques, silhouette solutions, and construction features linked to regional traditions. It is substantiated that the appeal to national tradition serves as an important mechanism for preserving cultural heritage and historical memory in the context of globalization.

Keywords: Russian folk costume, folk tradition, clothes, contemporary fashion, cultural heritage, cultural identity, interpretation, visual codes.

Последние десятилетия мода всё чаще демонстрирует устойчивый интерес к традиционным формам и символам, рассматривая их не как музейный артефакт, а как ресурс для создания актуального визуального высказывания. В контексте современности подобное обращение приобретает особую значимость, поскольку народный костюм, складывавшийся в течение длительного исторического времени, фиксирует в материальной форме ценностные установки, социальные роли и эстетические нормы, характерные для различных регионов и общностей.

Одновременно процессы глобализации и распространение унифицированных модных стандартов усиливают риск размывания культурных различий, в результате чего визуальные коды национальных традиций оказываются вытесненными на периферию повседневной практики. В этой ситуации современный дизайн одежды способен выступать посредником между историческим опытом и настоящим, поскольку он переводит элементы традиционной культуры в язык, понятный современному потребителю, и тем самым поддерживает их узнаваемость и жизнеспособность.

Традиционный русский костюм представляет собой сложную знаковую систему, в которой соединяются утилитарные, эстетические и мировоззренческие начала народной культуры. Его формирование происходило на протяжении многих столетий под влиянием природно-климатических условий, социального уклада, религиозных представлений и локальных художественных традиций разных народов, что обусловило разнообразие региональных форм и декоративных решений. Так, например, на севере преобладала теплая многослойная одежда из меха и кожи: жители региона носили тулупы, малицы, валенки. На юге России был распространен «легкий» стиль с использованием ярких расшитых рубах, картузов, летних сарафанов. В Сибири был традиционен костюм из оленьих шкур, меха и кожи с орнаментами в виде солярных знаков, имеющих сакральный смысл. Жители Кавказа сохранили элементы закавказской одежды – черкески, бешметы, папахи.

Несмотря на внешние различия в структуре народного костюма, прослеживаются устойчивые композиционные принципы, основанные на целостности силуэта, гармоничном сочетании цвета и орнамента, а также символической наполненности декоративных элементов. Эти принципы обеспечивали не только эстетическое единство костюма, но и его способность выполнять функцию культурного маркера, позволяющего визуально определить возраст, семейное положение, личные качества, социальную принадлежность, мировоззрение и место происхождения человека.

Таким образом, дифференциация костюма свидетельствовала о его важной роли в системе общественных отношений, где одежда выступала своеобразным визуальным языком, фиксирующим положение и статус человека в социальной иерархии. Тем самым русский традиционный костюм выполнял не только бытовую и эстетическую функции, но и служил средством символической коммуникации внутри сообщества.

Особое значение в традиционном костюме имели материалы и способы их обработки. Использование льна, шерсти, домотканых тканей и ручных техник вышивки отражало не только хозяйственные возможности крестьянского быта, но и представления о естественной связи человека с природой, о цикличности времени и сакральности повседневного труда. Орнамент выступал важнейшим носителем смыслов, выполняя охранительную, обрядовую и коммуникативную функции. Костюм дает представление о культурных и экономических контактах народа, его эстетических идеалах и обычаях. Одежда обладает многими свойствами языка, сообщая о человеке, который её носит, самую разнообразную информацию, дающую представление не только о свойствах его характера и привычках, но и о той социокультурной среде, к которой он принадлежит. [1, с.1-2]

Конструктивные особенности русского костюма также свидетельствуют о его глубокой связи с традиционным мировоззрением. Свободный крой, многослойность, вертикальная направленность силуэта обеспечивали не только удобство движения и приспособленность к климатическим условиям, но и формировали образ цельности, внутренней собранности и устойчивости человека в мире. Для кроя рубаш, сарафанов, штанов, головных уборов использовались традиционные лекала и выкройки. Детали одежды соединялись при помощи разнообразных швов, применялись мелкие складки, вытачки для придания формы. Подобная конструктивная логика отражала представления о гармоничном соотношении телесного и духовного начал, что позволяло рассматривать костюм как важный элемент культурной среды, в котором концентрировались представления общества о красоте, порядке и нравственной норме. Следовательно, народный костюм выступал не просто формой одежды, а визуальным выражением целостной системы традиционных ценностей.

Обращение к традиционному русскому костюму в современном дизайне одежды связано с поиском культурной идентичности и стремлением к осмыслению национального художественного наследия в условиях стремительно меняющегося мира. В отличие от прямого заимствования исторических форм, характерного для стилизаций прошлых эпох, современная мода преимущественно использует принцип интерпретации, предполагающий творческое переосмысление конструктивных, декоративных и колористических особенностей народного костюма с учётом актуального художественного контекста.

Наиболее устойчивыми элементами, сохраняющимися в дизайнерской практике, являются орнаментальные мотивы, характерные пропорции силуэта, многослойность, а также обращение к натуральным материалам и традиционным техникам декорирования. Однако в современном контексте данные элементы утрачивают первоначальную обрядовую функцию и приобретают новое значение. Тем самым происходит переход от сакральной семантики к эстетико-культурной интерпретации, что отражает изменение роли костюма в структуре общественного сознания и превращает традицию в источник художественного цитирования и смыслового диалога с прошлым.

Примером подобной трансформации является творчество российского дизайнера Ульяны Сергеенко, в коллекциях которой систематически переосмысляются образы традиционного русского костюма и эстетика дореволюционной культуры. При этом исторические формы не воспроизводятся буквально: плотные домотканые ткани заменяются современными материалами, традиционная цветовая гамма получает более сложные нюансные сочетания, а конструкция костюма адаптируется к требованиям подиумной и городской моды. Дизайнер умело сочетает элементы классической русской одежды с современными модными трендами и веяниями моды. [2]

Показательной в этом отношении является коллекция *couture* весна–лето 2019 года, в которой работа с историческим наследием была реализована через подчеркнутую театральность образов и насыщенную декоративность формы. Сама структура показа предполагала восприятие костюма как художественного высказывания, близкого к сценографическому решению, где каждый образ функционировал как самостоятельная визуальная композиция.

В коллекции 2019 года можно отметить устойчивое цитирование конструктивных и декоративных принципов традиционного русского костюма. Прежде всего это проявляется в доминировании удлинённого вертикального силуэта, характерного для русского сарафанного комплекса, а также в подчёркнутой линии талии и акцентированной плечевой зоне. Объёмные рукава, напоминающие форму народной рубахи, создают пластичность верхней части костюма и воспроизводят традиционный приём расширения рукавной зоны как важного композиционного центра. Особое внимание уделено декоративной системе. Многослойные юбки, кружевные элементы, текстурные контрасты и насыщенная цветовая палитра воспроизводят принцип зонирования, характерный для праздничного народного костюма, где подол, ворот и манжеты выступали носителями орнаментального акцента. В коллекции декоративные элементы также концентрируются в ключевых зонах, однако их семантика изменяется: если в традиционном костюме орнамент имел обрядовое и охранительное значение, то в кутюрном образе он становится инструментом художественной выразительности.

Следует подчеркнуть, что подобный приём структурного цитирования традиционного костюма не является единичным художественным жестом в рамках одной коллекции, а представляет собой устойчивую авторскую стратегию бренда.

В коллекции весна–лето 2025 года наблюдается иная степень структурной работы с традиционным наследием. Если в коллекции 2019 года преобладала театрализация и визуальная насыщенность, то в коллекции 2025 года акцент смещается в сторону композиционной логики и конструктивной организации силуэта. Удлинённые пропорции платьев, закрытая линия плеча, подчёркнутая талия и чёткая вертикаль формы соотносятся с принципами построения северорусского сарафанного комплекса. Вертикальная направленность силуэта

сохраняет идею цельности и собранности образа, однако реализуется через современные материалы и корсетные решения, характерные для высокой моды.

Декоративные элементы коллекции 2025 года – кружевные баски, рукава-буфы, пасторальные корсеты, цветочные мотивы – можно рассматривать как интерпретацию традиционного кроя и декоративной структуры народной рубахи и праздничных сарафанов. Рукава-буфы соотносятся с объёмным рукавом народной одежды, а декоративные акценты в нижней части изделия воспроизводят принцип фризowego оформления подола. При этом дизайнер работает не столько с конкретным орнаментом, сколько с системой распределения декоративных зон, что свидетельствует о глубоком понимании композиционной логики исторического костюма. Кроме того, в коллекции отчётливо проявляется принцип многослойности, характерный для традиционного русского костюма. Сочетание различных фактур, использование платков в качестве стилистического акцента, сложные текстильные комбинации формируют пластическую глубину образа. В историческом контексте многослойность выполняла утилитарную и социальную функцию; в современной интерпретации она становится средством создания художественной сложности и визуальной насыщенности.

Подобная художественная стратегия демонстрирует, что современный дизайнер костюма работает прежде всего со структурной и символической моделью традиционного костюма, а не с его внешним копированием. В результате происходит расширение культурного значения народных форм: они переходят из локального этнографического контекста в пространство глобальной всемирной моды, сохраняя при этом связь с историческим источником и заложенным смыслом. Тем самым традиция в современном дизайне функционирует не как статичное наследие прошлого, а как динамический ресурс художественного развития и культурной самоидентификации.

Современный дизайн одежды, интегрируя традиционные мотивы, выполняет функцию посредника между историческим наследием и актуальной художественной практикой. Благодаря этому происходит не механическое воспроизведение архаических форм, а их осмысленное включение в современную культурную коммуникацию, в рамках которой традиция получает новое звучание и новые способы визуального выражения.

Русский костюм в современной моде следует рассматривать как форму культурной памяти, обеспечивающую непрерывность исторического развития художественных традиций и их адаптацию к меняющимся условиям современности. Его переосмысление в дизайне одежды свидетельствует о способности культуры к самообновлению без утраты собственных оснований, что делает обращение к традиции важным условием сохранения национального наследия в современном мире. Костюм представляет собой не только исторически сложившуюся форму одежды, но и многослойную культурно-символическую систему. Его конструктивные, декоративные и колористические особенности формировались в тесной связи с образом жизни

общества, обеспечивая преемственность традиций и передачу ценностных ориентиров от поколения к поколению.

Таким образом, традиционные элементы русского костюма в современной моде могут рассматриваться как значимый механизм сохранения культурного наследия, обеспечивающий связь исторического опыта с актуальными формами художественного выражения. Их включение в современный дизайн способствует укреплению культурной памяти, поддержанию национальной идентичности и формированию целостного представления о непрерывности историко-культурного развития. Обращение к традиции в данном контексте выступает не проявлением стилизации прошлого, а осмысленным культурным выбором, направленным на сохранение и обновление духовных оснований современной художественной среды.

Практический опыт бренда «Ulyana Sergeenko» наглядно демонстрирует интеграцию традиционных форм в структуру кутюрных и сезонных коллекций, которая может выступать последовательной художественной стратегией, основанной на переосмыслении исторического наследия. Тем самым костюм продолжает функционировать как культурный код, обеспечивающий сохранение исторической преемственности и устойчивость национальной художественной традиции.

Список литературы:

1. Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. — М.: Слово, 2002. — 224 с.
2. Русская душа в моде: Коллекция Ульяны Сергеенко, как признание в любви к традициям // Яндекс.Дзен. - URL: <https://dzen.ru/a/Z7DDRcwjMGpyEil4/> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX века: опыт энциклопедии. — М.: Большая российская энциклопедия, 1995. — 383 с.
4. Свендсен Л. С 24 Философия моды/ Пер. с норв. А. Шипунова. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 256 с.
5. Традиционный русский национальный костюм: история, описание и фото // fb.ru. - URL: <https://fb.ru/article/562518/2024-traditsionnyiy-russkiy-natsionalnyiy-kostyum-istoriya-opisanie-i-foto/> (дата обращения: 18.02.2026).
6. Народный костюм и современная молодежная культура: Сборник статей. Архангельск, 1999. 272 с.

Капинус Алевтина Александровна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Kapinus Alevtina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена культуре коми-пермяков — коренного малочисленного народа Пермского края. В работе рассматриваются исторические особенности формирования их традиций, включая языковые, этнографические и духовные аспекты. Особое внимание уделяется современному состоянию традиционной культуры в условиях глобализации и урбанизации. В статье анализируются ключевые элементы культурного наследия: национальный костюм, праздники, фольклор, хозяйственная деятельность и ремёсла. Описываются современные инициативы по сохранению языка и традиций — от преподавания в школах до создания современной одежды с этническими мотивами. Также освещается роль различных социальных институтов (образовательных организаций, СМИ, властей) в поддержании этнической идентичности. Подчеркивается, что сохранение традиций коми-пермяков требует комплексного подхода: сочетания естественных процессов трансляции культуры внутри сообщества и целенаправленных усилий государства, исследователей и общественности.

Ключевые слова: коми-пермяки, традиционные праздники, сохранение культуры, национальный костюм, финно-угорские народы, пермская языковая группа.

TRADITIONAL KOMI-PERMYAKS' CULTURE: HISTORICAL AND CULTURAL FEATURES AND MODERN PRESERVATION STRATEGIES

Summary: The article is devoted to the culture of the Komi-Permyaks, an indigenous minority people of the Perm Territory. The work examines the historical features of the formation of their traditions, including linguistic, ethnographic, and spiritual aspects. Special attention is paid to the current state of traditional culture in the context of globalization and urbanization. The article analyzes the key elements of cultural heritage, such as national costumes, holidays, folklore, economic activities, and crafts. It also describes current initiatives to preserve the language and traditions, from teaching in schools to creating modern merchandise with ethnic motifs. The article also highlights the role of various social institutions (educational organizations, the media, and the authorities) in maintaining ethnic identity. It emphasizes that preserving the traditions of the Komi-Permyaks requires a

comprehensive approach that combines natural processes of cultural transmission within the community with targeted efforts by the government, researchers, and the public.

Keywords: Komi-Permians, traditional holidays, cultural preservation, national costume, Finno-Ugric peoples, Permian language group.

Коми-пермяки — это коренной малочисленный народ, проживающий преимущественно в Пермском крае. Их культура формировалась столетиями, объединяя и создавая уникальные языковые, этнографические и духовные особенности. В условиях современной глобализации, урбанизации и цифровизации наблюдается угроза утраты национальной самобытности. Поэтому проблема, связанная с сохранением традиций коми-пермяков, растёт, а современные способы их сохранения становятся предметом активного изучения в научных кругах.

В современном языкознании языки трех народов — коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов — объединяются в одну финноязычную группу, которую называют пермской. Она входит в финно-угорскую семью большой уральской семьи языков [1]. Традиционная культура коми-пермяков представляет собой сочетание финно-угорских элементов с влиянием русской колонизации с XIV века. Хозяйство носило собирательно-производящий характер: земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, сбор дикоросов. Все это отразилось не только на традициях и жизни народа, но повлияло и на узоры на одежде, поверья, сказания, песни, отношение к жизни и смерти, поклонение божествам, духам и на многое другое. Одежда коми-пермяков отражала их быт, климат и эстетические представления.

Современные исследователи подчеркивают, что коми-пермяцкий национальный костюм отражает традиции и целесообразно объединяет утилитарные и художественные функции, являясь символом народа и обладая большой художественной ценностью [2, с. 10]. В древности основная функция одежды заключалась в защите человека от неблагоприятных погодных условий — ветра, осадков и экстремальных температур. Вместе с тем, согласно мифологическим поверьям коми-пермяков, одежда служила также оберегом от духов-хозяев стихий, которые могли причинить вред здоровью и благополучию человека, вызвав болезнь, порчу и тому подобное. С этой целью на ткани размещали специальные орнаменты, символы и знаки. По мере развития костюма усложнялась и орнаментика: изначально сакральная и обереговая функция постепенно дополнялась декоративной, в результате чего орнамент стал одновременно и защитой, и украшением. Поэтому для коми-пермяков одежда — это многокомпонентная система, требующая применения сложных технологий при производстве материалов и пошиве, тщательного декорирования, строгого следования устоявшимся традициям изготовления, а также учёта эстетических предпочтений как мастера-исполнителя, так и заказчика.

Поэтому одежда бережно хранилась и передавалась по наследству от матери к дочери, а пояса учили ткать уже с 6–7 лет, чтобы передать знания и умения для будущих поколений. В связи с историческими, социальными и общественными событиями в середине XX в. традиционная национальная одежда вышла из повседневного обихода и сохранилась лишь как праздничная и сценическая.

Основными методами сохранения культурного одеяния и привлечения людей к рассказу о своём культурном коде сегодня являются поддержка мастеров, занимающихся ткачеством, плетением и резьбой, воссоздание традиционных костюмов для фольклорных ансамблей, создание современной коллекции одежды для ежедневной носки в современном мире с использованием коми-пермяцких элементов, символов и орнаментов, организация музейных выставок с историей костюма и его особенностями, а также театральные постановки на коми-пермяцком языке с использованием костюмов и традиционной одежды.

Неотъемлемой частью культуры коми-пермяков являются праздники и гуляния. Многие из них схожи с русскими и православными праздниками, однако имеют свои необычные черты в проведении. Пасха (Паска) отмечалась с соблюдением православных обычаев, но включала и местные обряды, такие как крашение яиц луковой шелухой и обход дворов с песнями. Троица (Тройча) сопровождалась украшением домов берёзовыми ветками, хороводами и гаданиями. Ильин день (Ильин лун) был связан с окончанием сенокоса и включал жертвоприношения скота для защиты от бед. Покров день (Покров лун) знаменовал начало осенних свадеб и сопровождался обрядами для защиты дома. Ряженье (Вождыр) представляло собой зимний обряд, напоминающий святочные гуляния: участники в масках обходили дома, разыгрывали сценки и изгоняли злых духов. Кроме того, сельские престольные праздники отмечались в честь местных святых и сопровождались ярмарками и спортивными состязаниями.

Однако большинство традиционных праздников, ритуалов и гуляний отличалось от других народов и носило свой собственный сакральный смысл для коми-пермяков. Обряды включали коллективные трапезы, магию плодородия, умиловивление предков и природы. К XX в. многие из них сохранялись только в узком кругу старшего поколения.

Фольклор этого народа выполнял важную социокультурную функцию, транслируя ключевые ценности: почитание труда, значимость родственных связей и уважительное отношение к природе. В системе верований особое место занимал культ семейно-родовых предков, а также сакрализация природных объектов — священных деревьев и источников. Традиционная хозяйственная деятельность коми-пермяков включала активный сбор дикоросов: ягод, грибов, лекарственных трав. Значительную часть пищевого рациона составляли блюда местной кухни, среди которых можно выделить окрошку с редькой, шаньги, грибную икру, а также традиционный напиток — пиво сур с добавлением трав и чаги. Материальная культура коми-пермяков

была представлена такими видами традиционного ремесла, как резьба по дереву, узорное ткачество и вязание, которые нередко входили в состав приданого. Бытовой уклад характеризовался выраженной родовой солидарностью, а посиделки выступали в роли важного социального института, способствующего поддержанию общинных связей.

В современной культуре коми-пермяков сочетаются естественные процессы трансформации традиций и их целенаправленное поддержание. Аутентичные элементы, сохраняющиеся как привычная часть быта, охватывают узкий круг носителей и меньше подвержены глобализации. В то же время выразительные традиции активно включаются в образовательные и культурные программы (фестивали, выставки, мастер-классы) для поддержания этнической идентичности и связи с прошлым.

Традиция в народной культуре коми-пермяков начала XX в. охватывала все сферы жизни: хозяйственную деятельность, материальную культуру, народное творчество и нравственные устои. В начале XXI в. наблюдаются существенные перемены. В течение столетия кардинально преобразились условия быта и материальная культура, изменилась роль традиционного хозяйства и ремесла, многие представители народа сейчас не владеют родным языком. Данные изменения происходили постепенно и отличались по степени интенсивности среди локальных групп народа [3].

В настоящее время сохранение и поддержание традиций связано не только с деятельностью самого народа, но и с работой отдельных общественных и государственных структур. Важную роль играют исследователи, поскольку результаты их изысканий становятся основой при реконструкции народных обычаев. Кроме того, интерес исследователей к традициям побуждает представителей народа относиться к ним более внимательно. Выбор элементов традиций, которые будут поддерживаться, осуществляют организаторы мероприятий и проектных конкурсов. Решающими в отдельных случаях становятся мнения, высказанные в средствах массовой информации и даже в социальных сетях. Так, негативные высказывания в интернете и СМИ об обряде «Быкобой» в 2018 г. привели к отказу от его совершения [3].

Ключевыми субъектами сохранения традиций выступают носители культуры старшего поколения, творческая интеллигенция, исследователи, образовательные и культурно-просветительские организации, местные власти и СМИ. При этом остаются малоизученными механизмы передачи традиций, влияние вторичного воспроизведения на аутентичность обычаев и зависимость практик поддержания от финансирования. В условиях современной глобализации, урбанизации и цифровизации многие элементы этой культуры оказались под угрозой исчезновения: традиционная одежда вышла из повседневного обихода, часть праздников сохранилась лишь в узком кругу старшего поколения, а владение родным языком среди молодёжи снижается.

Однако сегодня наблюдается активная работа по сохранению и возрождению традиций коми-пермяков. Реализуются разнообразные

инициативы: преподавание языка в школах, издание учебной литературы, поддержка народных мастеров, воссоздание костюмов, проведение фестивалей и праздников, создание современной сувенирной продукции с этническими элементами. Ключевую роль в этом процессе играют носители традиционной культуры старшего поколения, творческая интеллигенция и исследователи, образовательные и культурно-просветительские организации, местные власти и СМИ. Тем не менее остаются актуальными вопросы изучения механизмов передачи традиций, влияния вторичного воспроизведения на аутентичность обычаев и зависимости практик поддержания от финансирования. Комплексный подход, объединяющий усилия самого народа, научного сообщества и государства, является залогом сохранения такого уникального культурного наследия коми-пермяков для будущих поколений.

Список литературы:

- 1.Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. - Кудымкар: Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2013. - 152 с.
- 2.Коми-пермяцкий национальный костюм: Из собрания Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка / Чагин Г.Н., Климов В.В., Караваева Л.В. – Кудымкар: Коми Пермское кн. изд-во, 2006. – 88 с
- 3.Голева Т.Г. Народные традиции в настоящее время (на примере этнокультурных процессов у коми-пермяков) // Культурный код. 2020. №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnye-traditsii-v-nastoyashee-vremya-na-primere-etnokulturnyh-protsessov-u-komi-permyakov> (дата обращения: 26.02.2026).

Карлушина Екатерина Алексеевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Karlushina Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

БАЙКАЛ КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТРАЖЕНИЕ ОЗЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию Байкала как уникального культурного феномена и источника вдохновения для художников России, и зарубежных стран. Анализируется формирование визуального образа Байкала. Особое внимание уделяется международным пленэрам, где европейские, американские и азиатские мастера осмысливают «дух места» Байкала. Показано, как через искусство озеро превращается в универсальную культурную ценность, объединяющую разные художественные традиции. Делается вывод о том, что озеро выступает не просто объектом изображения, а полноправным участником культурного диалога.

Ключевые слова: Байкал, культурное наследие, международные пленэры, русские художники, зарубежные художники.

LAKE BAIKAL AS A WORLD CULTURAL HERITAGE SITE: REFLECTION OF THE LAKE IN RUSSIAN AND FOREIGN ART

Summary: The article explores Lake Baikal as a unique cultural phenomenon and a source of inspiration for artists from Russia and other countries. It analyzes the formation of Baikal's visual image. Special attention is paid to international plein air events, where European, American, and Asian artists interpret the "spirit of place" of Lake Baikal. The article shows how, through art, the lake transforms into a universal cultural value that unites different artistic traditions. It concludes that the lake acts not merely as an object of depiction, but as a full-fledged participant in cultural dialogue.

Keywords: Baikal, cultural heritage, international plein airs, Russian artists, foreign artists.

На карте мира есть места, которые обладают особой магнетической силой. Они притягивают и вдохновляют многих писателей, художников. Озеро Байкал – безусловно, одно из таких мест. Это озеро занимает особое место в нашей истории, культуре, легендах и преданиях. В 1996 году озеро было включено в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, получив официальное признание за свои исключительные природные характеристики: древность, уникальную экосистему и потрясающую красоту ландшафтов.

На протяжении многих веков Байкал служит источником вдохновения для художников. Завораживающая красота сибирской природы побуждает

людей к художественному творчеству, и в каждой работе мастера чувствуется его глубокое почтение и искренняя любовь к этому месту.

Особый интерес представляет взгляд из-за рубежа. В последние десятилетия Байкал стал точкой притяжения для художников Европы, Азии и Америки. Международные пленэры собирают мастеров из других стран. Что ищет здесь западный художник? Чем отличается его восприятие от взгляда русского живописца? Можно предположить, что прежде всего – это духовный опыт, попытка соприкоснуться с сакральным центром Азии и уловить неуловимый «дух места», чтобы затем перенести его на холст.

Так рождается уникальный культурный диалог. Байкал перестает быть исключительно российским достоянием и превращается в универсальную культурную ценность, объединяющую разные художественные школы, традиции и эпохи. От него исходит вдохновение и радость творчества, понятные без перевода любому, кто хоть раз видел его прозрачные воды или суровые берега. Байкал по праву может считаться не только уникальным природным объектом, но и одним из ключевых культурных символов мирового масштаба.

Байкал – не просто озеро, а природный феномен. Его характеристики поражают воображение и задают тот масштаб, который впоследствии будет воспроизводиться в искусстве. Возраст озера оценивается в 25-30 миллионов лет, что делает его древнейшим озером на Земле. Глубина достигает 1642 метров – это примерно высота пяти Эйфелевых башен, поставленных друг на друга. Байкал является самым глубоким озером планеты, вмещающим 20% мировых запасов пресной воды.

Озеро Байкал по-настоящему уникально. В его водах и на его берегах обитает огромное количество разнообразной живности, причем часть видов не встречается больше нигде на планете. Байкал настолько велик, что многие называют его морем, и, по правде говоря, это озеро гораздо больше похоже на море, чем некоторые «настоящие» моря. Чистейшая вода Байкала (в ней растворено так мало солей, что она приближается по качеству к дистиллированной) позволяет видеть дно на глубине до 40 метров. Эта прозрачность – один из ключевых визуальных мотивов, который пытаются передать художники.

Байкал изменчив, и эта изменчивость создает бесконечное разнообразие сюжетов для художников. Байкальский лед – уникальное явление. Зимой озеро замерзает, образуется прозрачный лед толщиной до метра, а трещины со звуком мощного выстрела расходятся на километры. На озере волны могут достигать около четырех метров в высоту. Байкал предстает то грозным и бушующим, то зеркально-спокойным.

Некоторые места на Байкале приобрели сакральное значение и стали визуальными символами, многократно воспроизводимыми в живописи, графике и фотографии: Остров Ольхон — культурный, исторический и сакральный центр Байкала. Самый крупный остров озера, место концентрации шаманских культов. Здесь расположена главная святыня — мыс Бурхан со скалой

Шаманка. Эта двуглавая скала из белого мрамора, уходящая прямо в воду, — самый узнаваемый образ Байкала. В древности здесь совершали жертвоприношения духам, и до сих пор скала остается местом силы для последователей шаманизма.

Шаман-камень — скала у истока Ангары, единственной реки, вытекающей из Байкала. Согласно бурятской легенде об Ангаре, единственной дочери Байкала, которая влюбилась в богатыря Енисея и убежала к нему, нарушив волю отца, — ключевой мифологический сюжет. Разгневанный Байкал бросил вслед беглянке Шаман-камень и проклял ее. С тех пор Ангара уносит свои воды к Енисею, а камень остается на месте. Эта мифологическая основа задала тон всему последующему художественному осмыслению Байкала. Озеро воспринимается не как пассивный объект изображения, а как действующее лицо, характер, субъект — живое, могущественное, обладающее волей и душой.

Первыми художниками Байкала стали не профессиональные живописцы, а ученые-путешественники и участники экспедиций. В XVIII–XIX веках они создавали документальные зарисовки побережья для научных отчетов. Первые картины, посвященные Байкалу, датированы началом XIX века. Среди известных художников-«первопроходцев», запечатлевших озеро на полотнах, — А.Е. Мартынов и Т.А. Васильев. Оба были на Байкале проездом. Мартынов создал картины «Байкал» и «Сибирский вид на реке Селенге», а Васильев написал «Вид на Байкальском озере», «Вид Никольской пристани у истока Ангары» и др.

XIX век добавил много картин в художественное описание Сибири и Байкала в связи с присутствием в этих местах декабристов — мастеров кисти. Среди последних особым даром отличался Н.А. Бестужев, который хоть и не оставил после себя полотен о Байкале, все же написал много акварелей с зарисовками сибирских красот: «Чита. Сад. При комендантской квартире», «Река Чита — место купания декабристов», «Бурятские юрты по дороге из Читы в Петровский завод», «Общий вид Петровского завода» и др. Известно, что в период переезда из Петровского завода в Селенгинск, братья Бестужевы побывали на Байкале в его прибрежных селениях.

Одна из первых крупных художественных выставок, на которой была представлена большая палитра картин о Байкале, состоялась в 1914 году — сначала в Петербурге, а затем в Иркутске. В рамках выставки ценители живописи могли увидеть более 30 байкальских пейзажей, в том числе «Байкал нахмурился», «Осенний шум Байкала», «Скала на Байкале», томского художника В.Д. Вучичевич-Сибирского.

Уловить и тем более передать на холсте всю полноту байкальских красок способен далеко не каждый. Писатель Н. Ладейщиков полагал, что у Байкала был «свой Айвазовский» и это — Б.И. Лебединский. Но даже его кисти, создавшей подлинные шедевры, не удалось запечатлеть изменчивую прелесть озера в движении. Среди картин известных иркутских художников второй половины XX — начала XXI вв. можно назвать работы Роголя В.С. «Солнце

Байкала» (1984) и «Байкал — золото Сибири», Симонова Е.С. «У острова Ольхон», Чевелева В.В. «Звезды над Байкалом» (1997), Шихалева Г.В. «Байкальские незабудки» (2004) и «Дорога к Байкалу. Священное место» (2002), Юшкова И.Е. «Зима на Байкале» (1966 г.), «Байкал. Утро» (1970 — 1974 гг.) Муравьева А.М. «Ветра Байкала», «Чайка», «Хужир» и др.

Байкал давно перестал быть объектом внимания исключительно российских мастеров. С начала 2000-х годов озеро превратилось в точку притяжения для художников со всего мира, став площадкой регулярных международных пленэров. На берегах Байкала проходили такие масштабные пленэрно-выставочные проекты, как «Русская Атлантида», «Баргуджин Токум» с участием монгольских и китайских художников. «Язык художественного творчества не имеет границ и является самым универсальным способом межнационального общения. Совместная работа на пленэре способствует развитию и укреплению межнационального и международного сотрудничества в области изобразительного искусства, взаимодействию художников из разных регионов, знакомству с новыми техниками и направлениями в современном искусстве, обмену профессиональным опытом», - прокомментировали в Союзе художников Бурятии.

В 2021 году к 25-летию внесения озера Байкал в список наследия ЮНЕСКО Русский дом в Париже показал документальную фотовыставку «Озеро Байкал – главный пресноводный резервуар Планеты». Были собраны работы как российских фотографов, так и их иностранных коллег, сделанные во время легендарной экспедиции «Миров» в 2008 году.

Самый концептуальный проект последних лет — выставка «Волновой эффект» в иркутской галерее Виктора Бронштейна, кураторами которой выступили экспериментальные художники из США Габриела Булисова и Марк Айзек. Проведя почти год в Сибири, изучая культуру Прибайкалья, общаясь с учеными и местными жителями, они создали арт-проект «Baikal Lenses». Он включил три серии: фотографии через линзу; фотографии через линзу, в роли которой выступали различные стеклышки и пластик, найденные на Байкале; замерзшие фотографии, буквально помещенные в морозилку, а затем вынутые оттуда и вновь сфотографированные в процессе таянья. Все это послужило основой для создания выставки «Волновой эффект». В экспозицию также вошли инсталляции молодых российских скульпторов, интерпретирующих антропогенное влияние на природу Байкала. Название «Волновой эффект» кураторы объяснили так: «Мелочи, которые мы делаем, чтобы защитить природу и сберечь Байкал, вместе с другими маленькими «волнами» создадут огромную «волну» перемен». Здесь Байкал выступает уже не просто объектом изображения, но поводом для глобального разговора об экологии будущего.

Подводя итог сказанному, можно с уверенностью сказать, что Байкал — явление уникальное не только в природном, но и в культурном отношении. Озеро раскрывается перед нами как живое, многогранное существо, обладающее собственной душой и волей. Оно не просто изображается

художниками, но становится полноправным участником творческого диалога, протянувшегося сквозь столетия.

Русские живописцы стремились передать изменчивую прелесть и суровое величие «Священного моря», каждый раз убеждаясь, что до конца постичь и запечатлеть его цветовую гамму и движение невозможно — оно всегда ускользает, оставаясь загадкой. Это не поражение, а свидетельство бесконечной глубины байкальского образа, к которому можно приближаться снова и снова.

Взгляд из-за рубежа открыл новые грани этого образа. Европейские фотографии, монгольские и китайские художники, американские концептуалисты, такие как авторы проекта «Волновой эффект», не копируют байкальские пейзажи, а осмысляют их через призму собственного культурного опыта. Для них Байкал становится не просто живописным местом, а пространством для разговора о вечных ценностях и актуальных проблемах человечества — от экологии до поисков «духа места».

Таким образом, Байкал превращается в универсальную культурную ценность, объединяющую разные эпохи, художественные школы и континенты. От него исходит вдохновение, понятное без перевода каждому, кто хотя бы раз в жизни задумался о величии природы. И в этом смысле озеро по праву может считаться не только объектом всемирного природного наследия, но и одним из ключевых культурных символов планетарного масштаба.

Список литературы:

- 1.Найданова, С.Д. Кистью о Байкале // Научно- исследовательская работа на nsportal.ru — URL.: <https://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2022/04/30/nauchno-issledovatel'skaya-rabota-kistyu-o-baykale> (дата обращения: 25.02.2026).
- 2.К 25-летию вписания озера Байкал в Список наследия ЮНЕСКО Русский дом в Париже показывает документальную фотовыставку // Официальный сайт русского дома науки и культуры в Париже. — URL.: <https://crsc.fr/k-25-letiju-vpisanija-ozera-bajkal-v-spisok-nasledija-junesko-russkij-dom-v-parizhe-pokazyvaet-dokumentalnuju-fotovystavku/?lang=ru> (дата обращения 25.02.2026)
- 3.Шевченко, С. Волновой эффект // Статья сайта «Глагол» иркутское образование — URL.: https://glagol38.ru/text/29-07-2019/volnovoi_effekt (дата обращения: 25.02.2026)
- 4.Иностранные художники устроили пленэр на Байкале в Бурятии // Новостной сайт «Байкал дейли». — URL.: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/318159/> (дата обращения 25.02.2026)

Карьгина Юлия Альбертовна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Kargina Yulya

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДЫ: ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ КОСТЮМЕ

Аннотация: В статье рассматривается феномен интеграции традиционных ремесел Калининградской области в современную индустрию моды. Анализируется специфика региона как географического эксклава с уникальным переплетением прусского и российского культурного наследия. Особое внимание уделяется янтарному промыслу как системообразующему ремеслу региона: от традиционной ювелирной обработки до инновационных техник. На примере деятельности Калининградского янтарного комбината и Дома янтарной моды показано создание эксклюзивных коллекций одежды и аксессуаров, включая платья с янтарным декором, пуговицы-броши и экспериментальные образцы с использованием меха. Отдельное внимание уделено возрождению текстильных традиций Восточной Пруссии в коллекциях одежды. Стилизации «балтийских свитеров» с морскими узорами, а также развитию кожевенного ремесла и апсайклинга с использованием исторических материалов. Делается вывод о том, что обращение к ремесленным традициям становится способом формирования локальной идентичности, где сохранение наследия происходит через внедрение в повседневную культуру и современный гардероб.

Ключевые слова: Калининградская область, традиционные ремесла, янтарь, Дом янтарной моды, этномода, культурное наследие, локальная идентичность, современный дизайн одежды.

PRESERVING CULTURAL HERITAGE THROUGH THE PRISM OF FASHION: INTEGRATION OF TRADITIONAL CRAFTS OF THE KALININGRAD REGION INTO A MODERN COSTUME

Summary: The article examines the phenomenon of the integration of traditional crafts of the Kaliningrad region into the modern fashion industry. The article analyzes the specifics of the region as a geographical exclave with a unique intertwining of Prussian and Russian cultural heritage. Special attention is paid to amber craft as the backbone craft of the region: from traditional jewelry processing to innovative techniques. Using the example of the Kaliningrad Amber Factory and the Amber Fashion House, the creation of exclusive collections of clothing and accessories, including dresses with amber decor, brooch buttons and experimental samples using fur, is shown. Special attention is paid to the revival of East Prussian

textile traditions in clothing collections. The stylization of "Baltic sweaters" with marine patterns, as well as the development of leather craft and upcycling using historical materials. It is concluded that the appeal to craft traditions becomes a way of forming a local identity, where the preservation of heritage occurs through the introduction into everyday culture and modern wardrobe.

Keywords: Kaliningrad region, traditional crafts, amber, Amber Fashion House, ethnomoda, cultural heritage, local identity, modern fashion design.

Калининградская область представляет собой не только географический эксклав Российской Федерации, но и уникальный регион, характеризующийся сложным переплетением культурных и геополитических факторов. Будучи географически обособленной от материка, но в то же время восприимчивой к европейским веяниям, эта земля на протяжении столетий становилась хранилищем культурных традиций множества народов. Здесь переплетаются прусские легенды, готические силуэты церквей, оставшиеся от Кёнигсберга, и внушительные масштабы советской архитектуры, создавая уникальный сплав прошлого [1, с. 207].

Однако, в отличие от исконно русских территорий, где крестьянский быт и костюм имеют многовековую преемственность, в Калининграде эта связь времен была разорвана. После 1945 года, когда Калининград отошел СССР, традиции пришлось создавать заново, буквально «с нуля». Перед современными мастерами и дизайнерами стоит непростой, но захватывающий вопрос: что именно считать своей «традицией» и как ее формировать?

В последние десятилетия наблюдается глобальная тенденция поиска собственной идентичности. В эпоху глобализации и тотального доминирования масс-маркета люди все сильнее ощущают потребность в уникальности, в вещах, которые несут в себе душу места и тепло человеческого труда. Этот запрос породил феномен «нового ремесленничества» - возвращения к истокам, но на качественном, современном уровне.

Именно Калининград, с его сложной историей и богатейшим природным ресурсом - легендарным «солнечным камнем», - стал идеальной площадкой для этого слияния. В отличие от Вологды или Архангельска, где ремесло опирается на многовековой уклад, калининградская идентичность часто формируется вокруг образа «янтарного края» [2, с. 91]. Здесь, на стыке веков и культур, происходит преображение: древние ремесла оживают, выходя за рамки музейных витрин и становясь частью современной моды.

Современные дизайнеры совершили настоящую революцию, перенеся традиционное использование янтаря в ювелирном деле в сферу одежды и аксессуаров. Традиционное ремесло обработки янтаря (резьба, огранка, шлифовка) получило новое дыхание в технике янтарной флористики. Мастера научились создавать тончайшие пластины и кружева из расплавленного янтаря, которые вплетаются в ткань или становятся самостоятельными декоративными элементами.

Местные ремесленники ищут способы донести ценность традиций до молодёжи, создавая изделия, уместные как на модных показах, так и на атмосферных ярмарках в прибрежных посёлках. Например, в рамках Недели моды в Москве 24 марта 2016 года прошел показ коллекции платьев и корсетов молодого модельера Аси Жуковой «1001 ночь». Показ стал одним из самых запоминающихся моментов этого ключевого события в российской моде. Коллекция поразила публику мастерски выполненными узорами из янтарных пайеток и бусин, которые украшали ткани. Этот оригинальный дизайнерский ход, ранее не встречавшийся в работах российских кутюрье, стал настоящей изюминкой коллекции. Для ручного декорирования платьев было использовано свыше 25 килограммов высококачественного янтаря [3].

Главным действующим предприятием этого направления стал Калининградский янтарный комбинат в посёлке Янтарном. Ежегодно добывая около 600 тонн янтаря, комбинат не только производит традиционные изделия, но и создаёт уникальный бренд территории, сочетая современные технологии и искусную ручную работу. Его производственная линейка включает более тысячи наименований продукции. В 2023 году был открыт единственный в мире Дом янтарной моды - экспериментальная площадка, где дизайнеры и художники разрабатывают эксклюзивные коллекции украшений, аксессуаров и одежды из янтаря [4].

В качестве примера можно привести платье из 1260 прозрачных пластин янтаря, каждая из которых хранит в себе фрагменты доисторической флоры и фауны. Включения могут быть представлены древесной корой, почвой, цветами, хвоей, а также различными минеральными и органическими компонентами. Сегодня янтарные вставки украшают не только вечерние платья, но и джинсовую куртку, лаконичный свитер грубой вязки или кеды. Такой прием позволяет создать мост между элитарностью камня и демократичностью современного гардероба. Янтарная крошка используется для создания принтов на тканях и декора трикотажа. Новая коллекция насчитывает 60 экспериментальных луков, включающих блузки, юбки, пиджаки и даже джинсы, украшенные янтарной вышивкой и мозаикой. В качестве оригинальных дополнений к образам представлены необычные аксессуары, такие как янтарные сумочки-подстаканники для кофе или напитков. Для этой линии созданы также особые пуговицы-броши с вставками из янтаря [5]. Секрет успеха - в смелом переосмыслении: холодный металл или грубая шерсть вступают в диалог с древним камнем, подчеркивая его внутреннее тепло и древнее происхождение.

Если янтарь - это очевидная «визитная карточка», то текстильные традиции региона долгое время оставались в тени и требовали кропотливой реконструкции. Наследие Восточной Пруссии, почти утраченное после войны, сегодня привлекает внимание не только историков, но и дизайнеров.

Важную роль в этом процессе играют художники, работающие с темой памяти. Так, в коллекции Светланы Гнатуш «Пруссия» отчетливо видно стремление передать дух города через визуальные приемы его воплощения в

моделях. Красивые места Калининградской области, её история, - всё связано воедино коллекцией «Купава». А её проект «Мамино платье» - это собрание винтажных нарядов, которые стали мостом между поколениями, вызывая воспоминания о семейных традициях и ручном декоре праздничной одежды. На выставке представлено более сорока оригинальных платьев и костюмов, созданных в разные годы [6].

Параллельно с этим энтузиасты и этнографы обращаются к возрождению конкретных ремёсел, в частности, знаменитых кёнигсбергских вязаных изделия и техник плетения кружева. Самый яркий пример - коклюшечное кружево. Этот пример идеально ложится в параллель с Калининградом, так как технология, практически утерянная к XX веку, сегодня обретает вторую жизнь именно благодаря тандему исследователей и молодых дизайнеров, которые не просто копируют старинные узоры, но и внедряют их в современный гардероб.

Особый интерес представляет стилизация так называемого «балтийского свитера». Историки отмечают, что для рыбаков Куршской косы и побережья были характерны плотные шерстяные свитера с геометрическими узорами, близкими к скандинавским. Современные калининградские бренды не копируют музейные образцы, а создают коллекции, вдохновлённые морской стилистикой: используют грубую фактуру, узоры «волны», «рыбачьи сети» и натуральные оттенки балтийского побережья - от песка до графита.

Отдельная глава – это эксперименты с материалами и формами. Мастера демонстрируют инновационный подход к ювелирному искусству, разрушая стереотипы о «холодной» Балтике. Так, коллекция «Тепло Балтики» впервые соединила легкий гляцевый мех норки с теплым янтарем, создав воздушные и изысканные серьги, кольцо и броши. А в 2025 году, ко Дню космонавтики, была представлена футуристичная коллекция «Земля» и «Солнечная система», где использован переработанный янтарь. Инновационная технология, сочетающая определенные температуру и давление, позволила янтарю придать удобную для обработки форму и желаемую окраску, при этом сохраняются его естественные свойства [7].

Уникальной чертой региона является и его послевоенная история «культуры остатков», когда из обломков немецкой цивилизации создавался новый быт. Эта философия неожиданно обрела отклик в современном движении апсайклинга. Сегодня калининградские мастера используют фрагменты старых тканей, найденные на чердаках форт, советское кружево и даже выброшенный морем пластик. Это не просто тренд на экологичность, а глубокий способ «пересобрать» память места, вписав её в актуальный гардероб.

Активно развиваются и небольшие мастерские, где вручную создаются уникальные изделия из кожи. Например, в мастерской «ТСNobel» Павла Енбаева и Жанны Удовиковой создают аксессуары от кардхолдеров до портфелей, стилизованных под средневековые находки из региональных раскопок. Несмотря на логистические сложности, трудности и особенности режима Особой экономической зоны, ремесленники не стоят на месте, находя в

своем положении и уникальные возможности для формирования самобытного стиля [8].

Калининградские ремесленники и дизайнеры не просто копируют прошлое - они творчески переосмысливают его. Они используют янтарь как текстурный материал, балтийские пейзажи как источник орнаментов, а морскую историю как основу для функционального дизайна. Благодаря этому культурное наследие не консервируется в музеях, а активно интегрируется в повседневную жизнь. Когда люди носят одежду или аксессуары, созданные с использованием местных материалов и старинных техник, они становятся не просто потребителями, а живыми хранителями и соавторами новой региональной культуры. Это и есть главное достижение калининградского «нового ремесленничества»: оно превращает традицию из экспоната в неотъемлемую часть современного стиля.

Список литературы:

1. Костяшов Ю.В. и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. - СПб.: Издательство «Бельведер», 2002. - 272 с.: ил.
2. Кропоткин Андрей Михайлович Легенды Янтарного края. - Живем, 2018. - 464 с.
3. На Неделе моды в Москве показали коллекции платьев и корсетов, расшитых янтарем // Комсомольская правда - URL: <https://www.kp.ru/daily/26509.5/3378540/> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Янтарная мода // Дом янтарной моды - URL: <https://ambercombine.ru/yantarnaya-moda/dom-yantarnoj-mody> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Янтарный комбинат Ростеха создал уникальное платье из балтийского камня возрастом 50 млн лет // Ростех - URL: <https://rostec.ru/media/news/yantarnyy-kombinat-rostekha-sozdal-unikalnoe-plate-iz-baltiyskogo-kamnya-vozrastom-50-mln-let/#middle> (дата обращения: 28.02.2026).
6. МОДА. КОД УСПЕХА // Kaliningrad Museum of Fine Arts - URL: <https://en.kaliningradartmuseum.ru/exhibitions/moda-kod-uspekha/> (дата обращения: 28.02.2026).
7. Коллекции // Янтарная мода - URL: <https://ambercombine.ru/yantarnaya-moda/kollektsii> (дата обращения: 28.02.2026).
8. Вторая кожа Калининграда // Королевские ворота - URL: <https://korolevskievorota.ru/vtoraya-kozha-kaliningrada/> (дата обращения: 28.02.2026).

Кашкова Анна Олеговна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Kashkova Anna

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАДИЦИЯ ХОХЛОМСКОЙ РОСПИСИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ И ДИЗАЙНА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: В статье рассматривается значение хохломской росписи в контексте ее интеграции в современную индустрию моды и дизайна. Делается попытка выявить основные проблемы сохранения и интерпретации художественного промысла, и проанализировать адаптацию к запросам современного рынка. Определяются основные направления государственной политики в области защиты народных художественных промыслов.

Ключевые слова: хохлома, хохломская роспись, народные художественные промыслы, государственная политика, традиции, мода, дизайн.

THE TRADITION OF KHOKHLOMA PAINTING IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY FASHION AND DESIGN: PROBLEMS OF PRESERVATION AND INTERPRETATION OF ARTISTIC HERITAGE

Summary: The primary goal of this article is to examine the significance of khokhloma painting in the context of its integration into the modern fashion and design industry, to identify the main problems of preserving and interpreting this artistic craft, to analyze its adaptation to the demands of the contemporary market, and to determine the key directions of state policy in the field of protecting folk artistic crafts.

Keywords: khokhloma, khokhloma painting, folk artistic crafts, state policy, traditions, fashion, design.

Кому не знакомо яркое, нарядное и поистине народное искусство Хохломы! Ложки и миски, солонки и чашки, карандашницы и стульчики – что-нибудь, да обязательно найдется в каждом доме. Искусству этому уже более 300 лет, а оно, как и раньше, остается самым известным, доступным и любимым промыслом России. [1]

«Хохлома» – старинное слово, связанное с языком проживавших на территории Заволжья финно-угорских народов. Название «Хохлома» было дано протекающей здесь реке, на которой возникла деревня – тоже Хохлома, разросшаяся ещё к XVI веку в крупное торговое поселение. В течение нескольких столетий ремесленники, родившиеся в окрестных деревнях, свозили

сюда для продажи изготавливаемую ими расписную деревянную посуду и ложки, которые также стали называть хохломой.

От одного поколения художников к другому в промысле передаётся уникальная технология окраски дерева в золотой цвет без применения золота, известная ещё иконописцам Древней Руси и приспособленная местными самобытными изобретателями в декорировании деревянной посуды. Принципы этой замечательной технологии сохраняют своё значение и в наши дни, хотя технический прогресс и принёс в традиционный промысел современное оборудование и новые материалы.

Но неизменным среде остаётся основной принцип хохломы: ни один мастер не копирует тот или иной рисунок, не повторяет даже свой. Полная свобода желаний и фантазии. Поэтому каждый имеет свой особый стиль росписи, своё направление в ней. [2]

Впервые поселение Хохлома, как небольшой лесной участок «Хохломская ухोजея», упоминается еще в документах времен Ивана Грозного. При Борисе Годунове, на составленной в это время карте, оно числится среди «приузовских» селений, а в XVII веке в числе других земель передается во владение Троице-Сергиеву монастырю. Расположенное в центре селений, занимавшихся точением и окраской посуды, связанное с Городцом и Волгой самым кратчайшим путем, село быстро росло и к XIX веку стало центром, куда свозилась вся изготовленная и окрашенная посуда. Деревни, где точили и окрашивали деревянную посуду, группировались вокруг крупного торгового села Хохлома, давшего название всему искусству росписи.

По количеству дворов и проживающих в ней жителей Хохлома – село довольно большое. Оно занимало второе место после районного центра Ковернино. Располагалось село на возвышении, напоминающем высокий полуостров. С юго-востока его обнимала река Хохломка, с северо-запада тянулся большой глубокий овраг, по дну которого протекал ручей. Постройки в селе располагались своеобразно. Здесь не было улиц. Все дома размещались двумя рядами, образуя букву «П». В середине большая площадь. На базарной площади торг проходил каждую неделю по средам. Торговля начиналась без всякого расписания и распорядка — с раннего утра, как только начинало светать. На базар приезжали с вечера или ночью и торговали до позднего вечера. Так выглядела в прошлом торговая Хохлома с её шумными весёлыми базарами. Приобретая на этих базарах товары, в том числе и изделия из дерева, окрашенные особым, только здесь принятым способом, скупщики отправляли их во все концы России. В самом селе Хохломе ни красильного, ни токарного ремесла никогда не было.

Еще быстрее, как торговый центр, рос город Семенов. Благодаря срединному прохождению и удобному тракту, соединившего его с Нижним Новгородом, а позже благодаря железной дороге, Семенов вскоре оттеснил Хохлому, и теперь именно сюда свозилась вся готовая продукция и отсюда она поступала уже на Нижегородскую ярмарку. [3]

Во второй половине XIX века продукция хохломского промысла перестает быть посудой для «сельской роскоши», она приобретает популярность среди всех сословий, проникает во многие города. Наряду с крестьянскими мисками и ложками в городе вытачивались сахарницы, вазы-цветочницы, бокалы и флакончики, кувшины и графины, напоминавшие по форме фарфоровые и стеклянные, выполнялись коробки для рукоделия и шахмат, шкатулки, лаковые трости. Специально для трактиров делались блюда, подносы, плоские тарелки, разных фасонов кружки и ложки.

Со сказочной быстротой росла слава хохломской росписи: в конце XIX – начале XX века она становится обязательной принадлежностью базаров, модных магазинов, престижных выставок как в России, так и за рубежом. Однако мировая слава не спасла уникальный промысел от разорения. В 1910-е годы промысел пережил экономический кризис. Начавшаяся Первая мировая война, неурожай и голод в Поволжье отразились на его состоянии: кустари лишились заказов, закрылись многие мастерские, а в оставшихся изготавливались самые дешевые сорта посуды и ложки с незатейливыми узорами.

Лишь во второй половине XX века возрождение промысла стало государственной программой. Были сформированы два крупных художественных предприятия – «Хохломская роспись» в городе Семенове и «Хохломской художник» в селе Семино Нижегородской области. [4] После распада СССР хохломской промысел, как и многие другие народные художественные производства, оказался в глубоком кризисе. В советский период продукция почти полностью выкупалась госструктурами: на выставки, на продажу в сети «Берёзка», на подарки иностранным гостям. С исчезновением этой системы сбыта промыслы оказались предоставлены сами себе.

Статистика свидетельствует о масштабах падения: если в советское время хохломским промыслом занимались около 3 тысяч мастеров, то к 2017 году их осталось 600–700 человек, средний возраст которых приблизился к 50 годам. К 2013 году фабрика «Хохломская роспись» оказалась на грани банкротства. Проблема усугублялась ценовым фактором и конкуренцией с контрафактной продукцией. Оригинальные хохломские изделия, проходящие полный цикл ручной работы, стоят значительно дороже подделок, которые заполонили рынок и воспринимаются потребителем, как равноценная замена. [5]

Сейчас государственная политика в области народных художественных промыслов является составной частью государственной культурной и социально-экономической политики и направлена на сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов.

Для реализации государственной политики в области народных художественных промыслов могут применяться меры финансовой, информационной, консультационной, организационной поддержки и иные меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации. [6]

Так, благодаря государственной политике, произошла передача фабрики «Хохломская роспись» в декабре 2023 года в ведение правительства

Нижегородской области. Для развития промысла была создана автономная некоммерческая организация «Хохлома», под брендом которой началась реализация проектов по продвижению хохломской росписи в различных сферах общественной жизни. В 2025 году впервые на специализированной выставке перед профессионалами интерьерной индустрии предстал стенд, который отражает русскую идентичность, связь истории народного промысла с современностью и его востребованность в дизайне и архитектуре. Все убранство стенда передает связь поколений и представляет собой новую хохлому, которая адаптируется под стиль жизни современного человека, но сохраняется в обиходе. [7]

Наиболее ярким и резонансным проектом по актуализации хохломского наследия стало сотрудничество бренда «Хохлома» с российским дизайнером Аленой Ахмадуллиной, которая при создании флагманской коллекции погружалась в архивы и историю промысла, работала бок о бок с мастерами. Дизайнер переосмыслила классическую хохломскую роспись, интерпретировав ее для современного применения, своим примером показывая уважительное культурное заимствование. Коллекция «Хохлома и Алена Ахмадуллина» включает одежду, аксессуары, предметы интерьера, посуду, детские игрушки и ювелирные изделия, мебель и домашний декор.

В июле 2025 года в Плесе Ивановской области открылся магазин-мастерская бренда «Хохлома», реализованный в рамках проекта «Туризм и гостеприимство». Это пространство объединяет историю промысла с его современным воплощением в новых для хохломы материалах и предметах. [8]

Интерес к традициям, к поискам национальных кодов, культурной идентичности возвращается – эту тенденцию мы наблюдаем в последние годы повсюду: в моде, архитектуре, дизайне, искусстве. Люди устали от безликости и обращаются к понятным, глубоким символам. Хохлома – один из них. Россия ищет локальные коды – и обретает свой голос, свою самобытность. Но важно не просто бережно хранить традицию, а делать ее современной.

Хохломская роспись переживает сегодня период фундаментальной трансформации. Пройдя через этапы кустарного производства, фабричного изготовления и постсоветского кризиса, промысел вступает в новую фазу – брендинга и интеграции в индустрию высококласного дизайна. Хохлома, возникшая на стыке иконописной традиции и крестьянского ремесла, сегодня вновь оказывается в точке культурного перекрестка – между народным промыслом и современной модой, между рукотворным мастерством и дизайнерским проектированием. И от того, насколько органичным будет этот синтез зависит будущее одного из самых узнаваемых народных художественных промыслов.

Список литературы:

1. Величко, Н.К. Роспись: техники, приемы, изделия. Мезенская. Городецкая. Хохломская. Пермогорская: традиции, современность/Н.К. Величко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 172 с.

- 2.Красильников, А.В. «Золотая хохлома: рассказы о народном искусстве»; лит. обраб. И. Сидоровой; предисл. В.М. Вишневской. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1979. – 175 с.
- 3.Жегалова, С.К. «Росписи Хохломы» - Москва, 1991. – 48 с.
- 4.Емельянова, Т.И. Декоративная роспись по дереву. Золотая хохлома: - М.; Интербук-бизнес, 2001. – 166 с.
- 5.Аргументы недели. Народные ремесла в России на грани вымирания – 23 ноября 2017 – URL: <https://argumenti.ru/society/2017/11/556359> (дата обращения: 18.02.2026).
- 6.Федеральный закон от 06.01.1999 №7-ФЗ «О народных художественных промыслах»
- 7.ADDAWARDS.RU. Бренд «Хохлома»: новая жизнь народных промыслов – 25 февраля 2025 – URL: <https://addawards.ru/news/brend-khokhloma-novaya-zhizn-narodnykh-promyslov> (дата обращения: 19.02.2026).
- 8.Юдина С. (директор АНО «Хохлома»). Выступление на форуме «Креативный код Россия»//Друзья Петербурга: 10 октября 2025. – URL:<https://umagazine.ru/stars/column/sofya-yudina-glavnyy-kulturnyy-smysl-segodnya-vernutsya-k-sebe-sokhraniv-uvazhenie-k-tem-kto-sozdava/> (дата обращения: 20.02.2026).

Кириллова Дарья Андреевна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Kirilova Dar'ya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимодействия человека и власти сквозь призму философской традиции. Прослеживается эволюция представлений о природе власти – от античных концепций Платона и Аристотеля до современных теорий Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. Анализируются ключевые философские подходы к пониманию легитимности власти: божественное обоснование в средневековой мысли, теории общественного договора Нового времени, марксистская критика классового господства. Особое внимание уделяется отражению философских концепций власти в художественной литературе: исследуются произведения Ф. М. Достоевского, Е. И. Замятина и Дж. Оруэлла как художественные модели взаимодействия личности и властных структур. Показано, что вопрос о балансе свободы и порядка остаётся центральным в осмыслении отношений человека и власти. В заключении подчёркивается, что легитимность власти определяется её служением общественному благу и уважением к человеческому достоинству.

Ключевые слова: власть, человек, свобода, государство, легитимность, ответственность, политическая философия.

HUMAN AND POWER: A PHILOSOPHICAL VIEW OF THEIR INTERACTION

Summary: The article examines the problem of human-government interaction through the prism of philosophical tradition. The evolution of ideas about the nature of power is traced – from the ancient concepts of Plato and Aristotle to the modern theories of Michel Foucault and Jurgen Habermas. The key philosophical approaches to understanding the legitimacy of power are analyzed: the divine justification in medieval thought, the theory of the social contract of Modern times, and the Marxist critique of class rule. Special attention is paid to the reflection of philosophical concepts of power in fiction: the works of F. M. are studied. Dostoevsky, E. I. Zamiatin and J. Orwell as artistic models of the interaction of personality and power structures. It is shown that the question of the balance of freedom and order remains central to understanding the relationship between man and power. In conclusion, it is emphasized that the legitimacy of the government is determined by its service to the public good and respect for human dignity.

Keywords: power, human being, freedom, state, legitimacy, responsibility, political philosophy.

Проблема власти относится к числу фундаментальных тем философии и сопровождает развитие политической мысли на протяжении всей истории европейской культуры. Вопрос о происхождении власти и границах её осуществления связан с пониманием человеческой природы и принципов общественного устройства.

Вопрос о взаимодействии человека и власти – один из центральных в философии. Он затрагивает природу власти, её легитимность, влияние на личность и общество, а также моральные и этические дилеммы, с которыми сталкиваются как правители, так и подданные. На протяжении веков мыслители предлагали разные ответы на вопрос о том, как должны выстраиваться эти отношения, и какую роль в них играют свобода, ответственность и справедливость.

В античной философии проблема власти рассматривалась в контексте поиска идеального государственного устройства. Платон в диалоге «Государство» [10] выдвигает идею правления философов-царей – людей, обладающих знанием истины и способных управлять обществом во благо всех его членов. По мнению Платона, власть должна принадлежать тем, кто способен подняться над своими эгоистическими интересами и действовать в соответствии с идеей справедливости. Эта концепция отражает убеждение, что власть – не привилегия, а тяжёлая обязанность, требующая высокой нравственности и интеллектуального развития.

Аристотель, ученик Платона, в трактате «Политика» [2] предлагает более реалистичный подход. Он классифицирует формы правления, выделяя правильные (монархия, аристократия, полиция) и неправильные (тирания, олигархия, демократия). Для Аристотеля ключевым критерием является цель власти: служит ли она общему благу или интересам узкой группы людей. Он подчёркивает, что даже лучшая форма правления может вырождаться в свою противоположность, если правители утратят моральные ориентиры.

Средневековая философия рассматривала власть через призму божественного порядка. Августин Блаженный в труде «О граде Божием» [1] противопоставляет «град земной» и «град Божий», утверждая, что земная власть, несмотря на свою необходимость, всегда несовершенна и подвержена греху. Фома Аквинский [12], развивая идеи Аристотеля, обосновывает концепцию справедливой власти, которая должна соответствовать естественному закону и служить общему благу. В этой традиции власть получает легитимность не от силы, а от соответствия божественным и моральным принципам.

Эпоха Возрождения и Нового времени ознаменовалась радикальным переосмыслением природы власти. Никколо Макиавелли в трактате «Государь» [7] отделяет политику от морали, утверждая, что правитель должен руководствоваться не абстрактными идеалами, а реальной политической

целесообразностью. Его образ идеального правителя – это человек, способный быть одновременно львом и лисой: сильным и хитрым. Макиавелли показывает, что власть часто требует жёстких решений, которые могут противоречить общепринятым нормам, но необходимы для сохранения государства.

Томас Гоббс в работе «Левиафан» [3] описывает естественное состояние людей как «войну всех против всех», где жизнь «одинокa, бедна, отвратительна, жестока и коротка». Чтобы избежать этого хаоса, люди заключают общественный договор, передавая часть своих прав суверену. Гоббс оправдывает абсолютную власть как необходимое условие для поддержания порядка и безопасности. Джон Локк, напротив, в «Двух трактатах о правлении» [6] отстаивает идею ограниченной власти, основанной на защите естественных прав человека – жизни, свободы и собственности. Для Локка власть легитимна только тогда, когда она действует в интересах народа и уважает его права.

Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» [11] развивает концепцию народного суверенитета, утверждая, что истинная власть исходит от народа и должна выражать общую волю. Руссо критикует любые формы представительства, считая, что только прямое участие граждан в управлении может обеспечить подлинную свободу. Его идеи оказали огромное влияние на революционные движения XVIII–XIX веков, вдохновляя людей на борьбу за демократию и гражданские права.

В XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» [8] предлагают радикально иной взгляд на власть. Они рассматривают её как инструмент классового господства, служащий интересам правящего класса. По их мнению, подлинное освобождение человека возможно только через уничтожение классового общества и установление бесклассового строя, где власть перестанет быть отчуждённой силой и станет выражением коллективной воли трудящихся.

Философские концепции власти находят яркое отражение в художественной литературе. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [4] Раскольников пытается оправдать своё преступление теорией о «право имеющих» и «тварях дрожащих». Он верит, что исключительные люди имеют право переступать через моральные нормы ради великих целей. Однако его опыт показывает, что такая логика ведёт к духовной гибели: истинная власть над собой возможна только через признание нравственных законов и искупление вины.

Джордж Оруэлл в антиутопии «1984» [9] изображает тоталитарное общество, где власть полностью поглощает личность. Партия контролирует не только действия, но и мысли людей, используя пропаганду, слежку и насилие. Главный герой, Уинстон Смит, пытается сохранить свою индивидуальность, но в конечном итоге ломается под давлением системы. Оруэлл предупреждает, что абсолютная власть неизбежно ведёт к деградации человека и уничтожению свободы.

Антиутопия Евгения Замятина «Мы» [5] показывает другой вариант тотального контроля: в Едином Государстве люди лишены имён и индивидуальности, превращены в номера, живущие по строгому расписанию. Власть здесь опирается не столько на насилие, сколько на рационализацию и стандартизацию жизни. Герой Д-503 постепенно осознаёт, что такая система подавляет самое ценное в человеке – способность любить, мечтать и выбирать.

Современные философы продолжают исследовать проблему власти в контексте глобализации, цифровых технологий и новых форм социального контроля. Мишель Фуко в работах «Надзирать и наказывать» [13] анализирует механизмы дисциплинарной власти, которая пронизывает все сферы жизни – от школ и больниц до тюрем и корпораций. Он показывает, что власть не просто подавляет, но и производит определённые типы субъектов, формируя их желания, знания и поведение.

Юрген Хабермас в теории коммуникативного действия [14] подчёркивает важность диалога и рационального обсуждения как основы легитимной власти. По его мнению, демократические институты должны обеспечивать условия для свободного обмена мнениями, где решения принимаются не через принуждение, а через консенсус. Это возвращает нас к идее, что власть должна служить человеку, а не подчинять его.

Взаимодействие человека и власти – это вечный диалог, в котором сталкиваются свобода и порядок, индивидуальность и коллективность, мораль и целесообразность. История философии и литературы показывает, что нет универсального ответа на вопрос о том, какой должна быть идеальная власть. Однако ясно одно: она легитимна лишь тогда, когда уважает достоинство человека, защищает его права и создаёт условия для его развития. В конечном счёте смысл власти не в господстве, а в служении – служении обществу, справедливости и человечности.

Список литературы:

- 1.Августин Аврелий. О граде Божием. – М.: АСТ, 2000.
- 2.Аристотель. Политика. – М.: Мысль, 1983.
- 3.Гоббс Т. Левиафан. – М.: Рипол Классик, 2017.
- 4.Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Художественная литература, 1970.
- 5.Замятин Е.И. Мы. – М.: Эксмо, 2020.
- 6.Локк Дж. Два трактата о правлении. – М.: Канон+, 2009.
- 7.Макиавелли Н. Государь. – М.: Азбука, 2019.
- 8.Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1974.
- 9.Оруэлл Дж. 1984. – М.: АСТ, 2021.
- 10.Платон. Государство. – М.: Наука, 2005.
- 11.Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Канон+, 1998.
- 12.Фома Аквинский. Сумма теологии. – К.: Ника-Центр, 2003.

13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – М.: Весь Мир, 2022.

Клемешова Анастасия Дмитриевна

1 ГД-21

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Anastasia Klemeshova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ философии власти, представленной в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Рассматривается, как кризис государственности пореформенной России 1870-х годов находит своё художественное воплощение в идеологии и практике революционного нигилизма. Через призму характеров ключевых персонажей – Николая Ставрогина, Петра Верховенского и Ивана Шатова – исследуются виды узурпации власти: от тоталитарной диктатуры и духовного деспотизма до поисков новой национальной идентичности. Доказывается, что роман является не только пророческой критикой революционного террора, но и глубоким онтологическим исследованием природы власти, оторванной от нравственных и духовных оснований.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», философия власти, кризис государственности, революционный нигилизм, узурпация власти, тоталитаризм, духовный деспотизм, национальная идентичность, онтология власти, нравственные основания, духовное возрождение, Петр Верховенский, Николай Ставрогин, Иван Шатов.

THE PHILOSOPHY OF POWER IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “DEMONS” AS A REFLECTION OF THE CRISIS OF STATEHOOD

Summary: This article provides a comprehensive analysis of the philosophy of power as presented in F.M. Dostoevsky's novel “Demons”. It examines how the crisis of statehood in post-reform Russia of the 1870s finds its artistic embodiment in the ideology and practice of revolutionary nihilism. Through the prism of key characters — Nikolai Stavrogin, Pyotr Verkhovensky, and Ivan Shatov — the forms of power usurpation are explored: from totalitarian dictatorship and spiritual despotism to the

search for a new national identity. It is argued that the novel is not only a prophetic critique of revolutionary terror but also a profound ontological investigation into the nature of power severed from moral and spiritual foundations.

Keywords: Dostoevsky, “Demons”, philosophy of power, crisis of statehood, revolutionary nihilism, usurpation of power, totalitarianism, spiritual despotism, national identity, ontology of power, moral foundations, spiritual revival, Pyotr Verkhovensky, Nikolai Stavrogin, Ivan Shatov.

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871–1872) занимает уникальное место в истории русской и мировой литературы, выступая не только как художественное произведение, но и как философско-политический трактат, предвосхитивший социальные катастрофы XX века. Написанный под впечатлением от дела революционера Сергея Нечаева, роман выходит далеко за рамки памфлета на злобу дня, превращаясь в масштабное исследование кризиса государственности как кризиса духа. Кризис этот проявляется в распаде традиционных иерархий, утрате объединяющей национальной идеи и появлении новых, химерических форм власти, основанных на насилии, лжи и духовной пустоте.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать модели философии власти, представленные в романе, и показать их корреляцию с симптомами системного кризиса государственного организма. Я предполагаю, что «бесовство» у Достоевского – это не просто метафора политического радикализма, но и диагноз болезни власти, утратившей онтологическое оправдание и превратившейся в самоцель.

Чтобы понять глубину прозрений Достоевского, необходимо обратиться к эпохе Великих реформ Александра II. Отмена крепостного права, судебная, земская и военная реформы создали ситуацию социальной нестабильности. Старая патриархальная модель власти трещала по швам, а новая ещё не сформировалась. Интеллигенция, оторванная от народной почвы, активно заимствовала западные социальные утопии (от социализма до анархизма), видя в них панацею от всех российских бед.

Именно в этой среде и зарождается феномен «бесовства» – революционного нигилизма, для которого разрушение существующего государства является главной и самодостаточной целью. Дело Сергея Нечаева, создавшего террористическую организацию «Народная расправа» и хладнокровно убившего одного из ее членов, стало для Достоевского ярчайшим симптомом того, что кризис перешел из сферы политики в сферу морали и метафизики. Власть теперь воспринимается не как служение или бремя (по византийско-московской модели), а как инструмент тотального переустройства мира по произвольной схеме.

Петр Верховенский является в романе олицетворением чистой, технологической власти, лишенной какого-либо идеологического содержания. Его философия власти – это прагматичный цинизм, предвосхищающий методы будущих тоталитарных режимов.

1. Власть как организация и манипуляция. Верховенский – гениальный тактик и организатор. Он понимает, что власть в условиях кризиса принадлежит не тому, у кого есть идея, а тому, кто способен создать сплоченную структуру, основанную на страхе, доносах и взаимной ответственности. Его «пятерка» – прообраз партии нового типа, где личная преданность и слепое исполнение приказов заменяют мораль.

2. Деконструкция старого мира. Его стратегия – систематическое разрушение всех основ общества: «Мы провозгласим разрушение... Почему, почему эта идея так обаятельна?». Власть для него рождается из хаоса, и чтобы её захватить, необходимо этот хаос создать. Поджоги, убийства, провокации – все это инструменты расчистки площадки для новой узурпации.

3. Культ «князя» и мифология. Верховенский интуитивно понимает, что одной организации недостаточно. Ей нужен символ, идол. Таким символом он пытается сделать Николая Ставрогина, наделяя его харизмой, которой тот лишен. Здесь Достоевский прозревает и предвосхищает один из ключевых механизмов власти XX века – создание вождя как сакральной фигуры, даже если за ней стоит пустота.

4. «Шатость» как принцип. Знаменитый принцип Верховенского – «все дозволено» – является квинтэссенцией его философии власти. Это прямая декларация морального релятивизма, где власть становится единственным мерилем истины. Кризис государственности, по Достоевскому, начинается именно с этого – с утраты абсолютных нравственных ориентиров.

Философия власти Верховенского – это диагноз: государственность, лишенная позитивного содержания и духовного стержня, неизбежно вырождается в тоталитарную диктатуру, где власть есть чистое, ничем не ограниченное насилие.

Если Петр Верховенский представляет технологию узурпации власти, то Николай Ставрогин – ее метафизический фундамент и, одновременно, ее крах. Он – «артист опустошенности» (по выражению европейского философа А. Камю), чья мощь, не находящая выхода, становится разрушительной.

1. Власть как эксперимент над собой и миром. Ставрогин обладает всеми атрибутами сильной личности: ум, воля, аристократизм. Однако его сила не имеет вектора. Он экспериментирует с властью как с формой самоутверждения: женитьба на Хромоножке, пощечина губернатору, дуэль. Но каждый эксперимент заканчивается духовным тупиком. Его власть саморазрушительна.

2. «Иван-царевич» без царства. Ставрогин – потенциальный вождь, которого ищет Верховенский. Но его трагедия в том, что он не верит ни во что: ни в Бога, ни в черта, ни в Россию, ни в революцию. Его знаменитая фраза: «Я могу ощущать только отрицательное великодушие – то есть великодушие для самого себя», – раскрывает природу его власти: это власть-жест, лишенная ответственности и цели.

3. Спиритуализация зла. В «Исповеди Ставрогина» (глава «У Тихона»), которая является идейным центром романа, демонстрируется, что высшая форма «бесовства» – это не политический заговор, а духовное заболевание,

выражающееся в жажде самоуничтожения и осквернения святынь. Власть Ставрогина над другими (над Лизой, над Шатовым, над Лебядкиными) проистекает из его абсолютной власти над собственной душой, доведшей ее до полного опустошения.

Ставрогин олицетворяет кризис элиты, утратившей связь с народом и веру. Его фигура показывает, что любая власть, не основанная на положительном идеале и духовной наполненности, обречена на самораспад, даже если она обладает огромным потенциалом.

В противоположность Верховенскому и Ставрогину, Иван Шатов представляет собой попытку найти новые, почвенные основания для русской государственности. Бывший член «пятерки», он порывает с нигилизмом и формулирует свою «идею России».

1. Власть как служение «богоносному» народу. Философия Шатова – это философия национальной соборности. Его ключевой тезис: «Народ – это тело Божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает без всякого примирения». Для Шатова подлинная власть должна быть производной от этой национальной религиозной идеи. Она не может быть навязана сверху (как у Верховенского) или быть игрой ума (как у Ставрогина), а должна органически вырастать из веры народа.

2. Критика западничества. Шатов резко критикует заимствование западных моделей государственности, видя в них чуждые русскому духу формы. Кризис, по его мнению, вызван именно отрывом образованного общества от народной почвы.

3. Трагедия невоплощенной идеи. Однако Шатов – трагическая фигура. Он верит в Бога, «как бы верует», но не может обрести личную, живую веру. Его идея остается умозрительной конструкцией, не подкрепленной духовным опытом. Его убийство по приказу Верховенского символизирует, что в мире, где торжествует «бесовское» начало, сама попытка найти почвенный идеал оказывается обреченной. Шатов – это голос еще не рожденной, но уже гибнущей России.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что роман «Бесы» представляет собой грандиозную панораму кризиса государственности, рассмотренного сквозь призму философии власти. Достоевский показывает, что этот кризис носит не столько политический, сколько духовно-онтологический характер.

Петр Верховенский олицетворяет узурпацию власти технологической, аморальной силой, рождающейся в условиях идеологического вакуума. Николай Ставрогин демонстрирует метафизический тупик элитарной власти, лишенной веры и положительного идеала, что ведет к ее самоуничтожению. Иван Шатов представляет собой болезненный и трагический поиск новых оснований для власти, укорененных в национальной почве и религиозном сознании, но неспособных реализоваться в атмосфере всеобщего распада.

Таким образом, «Бесы» – это не просто обличение революционного террора, но глубокое пророчество о природе власти в секулярном мире. Ф.М. Достоевский предупреждает, что государственность, основанная на отрицании нравственного абсолюта и национальной традиции, неизбежно вырождается либо в кровавую диктатуру (Верховенский), либо в декадентское саморазрушение (Ставрогин). Выход из кризиса, который намечается в фигуре Ивана Шатова и в проповеди Степана Трофимовича в финале («Блудный сын вернулся...»), писатель видит не в политических реформах, а в духовном возрождении личности и общества, в обретении «почвы» и живой веры, которые только и могут стать прочным фундаментом для подлинной власти – власти как служения, а не как господства.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собрание сочинений: В 30 т. - Л.: Наука, 1974. Т. 10.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М.: АСТ Хранитель, 2006. – 254 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. – 414 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1999. – 431 с.
5. Сараскина Л.И. Бесы: Роман-предупреждение. – М.: Советский писатель, 1990. – 478 с.
6. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
7. Щедрицкий Г.П. Лекции о «Бесах» Достоевского. – М.: Путь, 1992.

Ковалева Арина

3 ГД-19

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Kovaleva Arina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АРХЕТИП БАБЫ-ЯГИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Аннотация: В статье исследуется сакральный образ Бабы-Яги как одного из самых сложных и многогранных персонажей русского фольклора. В работе рассматривается трансформация образа от положительного женского божества – прародительницы, берегини рода и покровительницы рожениц – до демонизированной лесной колдуньи, какой мы знаем ее по народным сказкам. Подробно рассматривается семантика жилища Бабы-Яги: расположение избышки на границе миров как отражение пограничного статуса персонажа между миром живых и мертвых; архитектурные особенности, восходящие к древнеславянской погребальной традиции «избы-домовины»; символика «курьих ножек» и костяной ноги как маркеров принадлежности к потустороннему миру. Делается вывод, что Баба-Яга в русской сказке предстает не столько антагонистом, сколько строгим экзаменатором и проводником для героя, проходящего инициацию, а ее образ сохраняет память о древнейших мифологических представлениях славян о жизни, смерти и возрождении.

Ключевые слова: русская народная сказка, славянская мифология, Баба-Яга, колдунья, берегиня, пограничье миров.

THE ARCHETYPE OF BABA YAGA AS A REFLECTION OF ANCIENT SLAVIC IDEAS ABOUT LIFE AND DEATH

Summary: This paper explores the sacred image of Baba Yaga as one of the most complex and multifaceted characters in Russian folklore. The article examines the transformation of the image from a positive female deity – progenitor, guardian of the clan and patroness of women in childbirth – to the demonized forest witch as we know her from folk tales. The semantics of Baba Yaga's dwelling are analyzed in detail: the location of the hut on the border of worlds as a reflection of the character's liminal status between the world of the living and the dead; architectural features originating from the ancient Slavic funerary tradition of the "domovina" (burial house); the symbolism of the "chicken legs" and the bone leg as markers of belonging to the otherworld. It is concluded that in Russian fairy tales, Baba Yaga appears not so much as an antagonist, but rather as a stern examiner and guide for the hero undergoing initiation, and her image preserves the memory of the ancient mythological beliefs of the Slavs about life, death, and rebirth.

Keywords: Russian folk tale, Slavic mythology, Baba Yaga, witch, guardian (bereginya), borderland of worlds.

Знакомство с народными сказками происходит в самом раннем детстве, и на этих историях воспитано множество поколений. Среди всех персонажей русского фольклора Баба-Яга занимает особое место – это, пожалуй, самый колоритный и запоминающийся образ. С детства мы помним эту атмосферу ужаса: зловещий скрип избушки, костяная нога, тяжелая поступь ступы и частокол из человеческих костей. В нашем восприятии она – коварная похитительница детей, злая старуха, стерегущая границу дремучего леса.

Но чем пристальнее мы вглядываемся в сказочные сюжеты, тем яснее возникает вопрос: а так ли проста эта сказочная колдунья? Почему герои как убегают от нее, так и идут к ней осознанно? Почему она помогает им советом и магическим предметом? Что, если этот пугающий образ скрывает нечто неизмеримо более древнее и могущественное? Что, если за маской злой колдуньи скрывается трансформировавшийся образ великой богини, наставницы героев и проводницы в мир предков; тот сакральный образ, который был почти стерт временем и новыми верованиями?

Сложность анализа образа Бабы-Яги обусловлена его многогранностью и глубокой архаичностью. Принято считать, что в досказочный, мифологический период она выступала как положительное женское божество – прародительница, берегиня рода, хранительница обычаев, жизненного уклада, а также покровительница рожениц. Существует даже гипотеза, возводящая ее имя к шумерской традиции: «Баба» – имя богини, дочери верховного бога Ану.

Изначально светлый образ Ягинишны со временем расщепился на несколько функций, которые систематизировал филолог, фольклорист В. Я. Пропп. Он выделяет три роли Бабы-яги: «Дарительница» (может выступать как советчица, повелительница сил природы и животных, хранительница или помощница героя), «Похитительница детей» и «Воительница» [1].

Процесс демонизации образа Бабы-Яги напрямую связан с распространением христианства на Руси и его последовательной борьбой против языческих культов. Женщины-повитухи, хранительницы древних знаний и традиций, оказались под ударом новой религии. Вынужденные скрываться от преследования, они удалялись в лесные чащи, подальше от поселений, что неизбежно вело к изоляции и ограничению контактов с мирянами. Их жизнь постепенно окутывалась завесой тайны, а сакральные знания и уникальные профессиональные навыки, передававшиеся из поколения в поколение, начинали вызывать у окружающих не только глубокое почтение, но и суеверный страх перед неизведанным. Так в народном сознании образ мудрой прародительницы и помощницы Ягинишны трансформировался в образ злой и опасной лесной колдуньи, сажающей детей на лопату для жарки.

Образ Бабы-Яги обнаруживает прямую связь с семейным духом-покровителем и культом домашнего очага. На это указывают ее неизменные атрибуты – печь, ступа, пест и помело. В древнеславянской традиции ступа

наделялась целительными свойствами и играла важную обрядовую роль, олицетворяя при этом женское начало, тогда как пест символизировал мужское; их соединение в ритуальном действии означало плодородие и продолжение рода. Помело, родственное обычному венику, занимало двойственное положение: оно могло служить как атрибутом нечистой силы, так и мощным оберегом от нее. В родильной обрядности повитуха стучала помелом в потолок, призывая домашнего духа-покровителя помочь роженице [2]. Таким образом, анализ многочисленных свидетельств о Бабе-Яге позволяет выделить ряд положений, раскрывающих ее глубинную связь с «повивальной» функцией – ролью хранительницы рождения и продолжения рода.

Один из самых пугающих сказочных мотивов – похищение детей и попытка зажарить их в печи – при ближайшем рассмотрении обнаруживает под собой реальную обрядовую основу и связь с народной медициной. Этнографы связывают его с древним славянским «обрядом перепекания», который проводили знахарки с ослабленными или больными младенцами. Ритуал заключался в следующем: ребенка целиком обмазывали свежеприготовленным ржаным тестом, оставляя открытым только лицо, затем укладывали на хлебную лопату и ненадолго помещали в еще теплую, источающую жар печь. Действие повторялось трижды, сопровождая заговорами и речами. Считалось, раз ребенок родился слабый, значит, ему не хватило внутриутробной материнской силы. А печь символизирует женское чрево, в которой ребенок должен был «дойти». Таким образом младенца символически «допекали», «перепекали» или «запаривали», веря, что жар печи передаст ему силы, очистит от болезни и подарит новую, здоровую жизнь. Существует мнение, что печь символизирует не только женское чрево, но и символ загробной жизни, а отправление в печь – временную смерть. Именно поэтому, на ребенке разрывали рубаху и сжигали, как на покойнике. Выход из печи означал перерождение, в надежде на оздоровление и укрепление духа.

Сказочная же ситуация, где Яга пытается изжарить ребенка, представляет собой искаженное, демонизированное переосмысление этого целительского акта. Сама же принадлежность Бабы-Яги к данному обряду убедительно свидетельствует о ее глубинной связи с народной медициной, знахарской традицией и древними знаниями.

Особое внимание в сказках уделяется жилищу Бабы-Яги. Само расположение избушки Бабы-Яги – на опушке или в чаще дремучего леса – имеет особый смысл, указывая на ее пограничный статус в хронотопе волшебной сказки. Дремучий лес в мифопоэтической традиции осмысливается как рубеж, разделяющий «свой» (человеческий, реальный) мир и мир «чужой» – потустороннее пространство, где обитают духи и властвуют законы смерти. Именно на этой границе и стоит избушка Яги, выполняя роль своеобразного портала. Лес предстает как сфера иного царства, иного мира, мира мертвых, т.е. область трансцендентного [1]. К аналогичному выводу приходит и Ю. С. Степанов, подчеркивая что избушка Бабы-Яги – о двух входах, она – переход из одного пространства в другое [3]. Таким образом, жилище Яги предстает не

просто домом лесной колдуньи, а связующем звеном между двумя мирами. Сама же Ягинишна открывается перед нами уже не только как ведающая лесная жительница, а как стражница врат между миром живых и мертвых.

Знаменитое обращение к избушке – «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом» – при всей своей простоте скрывает глубокий смысл. Казалось бы, если жилище стоит задом к путнику, достаточно просто обойти его и войти с другой стороны. Но невозможность просто обойти жилище Бабы-Яги и войти с нужной стороны – не случайность, а доказательство того, что избушка выступает «контрольно-пропускным пунктом» на границе миров, входом в царство смерти, который открывается с помощью ритуального слова и прохождения испытаний, подтверждающих, что герой обладает необходимым знанием и достоин переступить порог.

Причастность Бабы-Яги к миру мертвых бесспорна: «Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами» [4].

Костяная нога Бабы Яги – это тоже не просто пугающая деталь. Она знаменует неразрывную связь с миром предков, со смертью и последующим возрождением. Баба-Яга буквально стоит одной ногой в мире живых (в Яви), а другой – в потустороннем мире духов (в Нави), что делает ее одновременно принадлежащей этим реальностям. Именно этот пограничный статус, это знание тайн жизни и смерти наделяет ее силой и сакральной мудростью. Таким образом, костяная нога становится зримым воплощением ее главной функции – быть проводницей между мирами и хранительницей древней мудрости. Не случайно герой, желающий обрести удачу или знание, должен пройти через ее испытание – только прикоснувшись к миру смерти, можно обрести подлинную мудрость жизни.

Присмотримся к интерьеру избушки Бабы-Яги: он удивительно тесен. Хозяйка возлежит на печи, занимая собою все пространство «из угла в угол». Развернуться ей попросту негде, да она, судя по всему, и не пытается — недаром же сказка добавляет, что «нос в потолок врос». Тесноту же избушки Бабы-яги можно объяснить тем, что он есть гроб. Разгадка необычной архитектуры избушки Бабы-Яги кроется в древних погребальных традициях славян-язычников. Прообразом этого сказочного жилища выступает так называемая «изба-домовина» – особая форма гроба, которую наши предки сооружали для умерших. Внутри помещали не только тело покойного, но и различные предметы, которые, по верованиям, могли пригодиться ему в загробной жизни. Саму домовину устанавливали на двух высоких пнях – это защищало останки от диких зверей. Однако конструкция имела и психологически важную деталь: отверстие, через которое живые могли «общаться» с ушедшим. Расставание с близким человеком давалось тяжело, и такая иллюзия контакта помогала пережить утрату. Отдельного внимания заслуживает вопрос о происхождении «курьих ножек» избушки Бабы-Яги. С

одной стороны, напрашивается простое объяснение: лесные пни с обнажившимися корнями действительно напоминают куриные ноги, и человек мог по этой аналогии назвать опоры избушки. Однако Владимир Пропп предлагает более глубокое истолкование. Он допускает, что в сознании древних славян гроб сохранял архаичные зооморфные черты. У охотников-собирателей, находившихся на первобытной стадии развития, существовала традиция сооружать погребальные постройки в виде животных – именно туда помещали тела умерших. Птичьи ноги есть не что иное, как остаток зооморфных столбов, на которых некогда стояли подобного рода сооружения [1]. Таким образом, за сказочным образом избушки на курьих ножках прослеживается древний славянский погребальный культ.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем с уверенностью утверждать: образ Бабы-Яги – это не просто страшный антагонист из детской сказки, а сложный глубокий архетип, впитавший в себя тысячелетний пласт славянской мифологии и древних верований. Истоки образа уходят в эпоху матриархата, где Яга выступала как прародительница и покровительница. Христианизация Руси демонизировала этот образ, превратив мудрую ведунью в лесную ведьму, но сквозь поздние наслоения отчетливо проступают древние черты.

Таким образом, Баба-Яга раскрывается перед нами как многомерный и противоречивый образ, в котором ужас и мудрость, смерть и возрождение, зло и добро переплетены в неразрывное целое. Баба-Яга в русской сказке – это необходимый этап духовного пути героя. Она не столько враг, сколько строгий экзаменатор, испытывающий готовность искателя к встрече с иным миром. И если герой выдерживает испытание, Яга из грозной хозяйки смерти превращается в мудрую дарительницу, открывающую ему путь к счастью и новой жизни. В этом глубинном парадоксе и заключается уникальность и непреходящая притягательность этого древнейшего образа.

Список литературы:

1. Пропп В.Я Исторические корни волшебной сказки // Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки, Исторические корни волшебной сказки. - М., КоЛибри, Азбука – Аттикус, 2024. С. 163-637.
2. Топорков А.Л. Откуда у Бабы-Яги ступа? / А. Л. Топорков // Русская речь. – 1989. – № 4. – С. 126-130.
3. Степанов, Ю.С. Баба-Яга // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М.: Языки русской культуры, 1997. 825 с.
4. Василиса Прекрасная // Народные русские сказки / сост. А.Н. Афанасьев. - М.: Худож. лит., 1979. 348 с.
5. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. - М., 1975. 192 с.
6. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. (Собрание трудов). - М.: Лабиринт, 2000. 480 с.

Кожина Екатерина Владимировна

1 ГД-21

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Ekaterina Kozhina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИДЕЯ «СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н.М. КАРАМЗИНА

Аннотация: В статье исследуется идея «сильной власти» в политической философии Н.М. Карамзина. Анализируется его концепция самодержавия как «палладиума России» – исторически оправданной и нравственно обоснованной формы правления, необходимой для сохранения единства и суверенитета страны. На примере «Записки о древней и новой России» раскрывается критика Карамзиным либеральных реформ и его аргументы в защиту нераздельной власти монарха.

Ключевые слова: Карамзин, суверенитет, политическая философия, самодержавие, палладиум России, Сперанский, Александр I, консерватизм.

THE IDEA OF THE “STRONG POWER” IN N.M. KARAMZIN’S POLITICAL PHILOSOPHY

Summary: This article examines the idea of “strong power” in the political philosophy of N.M. Karamzin. It analyzes his concept of autocracy as the “palladium of Russia” – a historically justified and morally grounded form of government essential for preserving the country's unity and sovereignty. Using “A Memoir on Ancient and Modern Russia” as a case study, the article explores Karamzin's criticism of liberal reforms and his arguments in defense of undivided monarchical power.

Keywords: Karamzin, sovereignty, political philosophy, autocracy, Palladium of Russia, Speransky, Alexander I, conservatism.

Политическая философия Николая Михайловича Карамзина занимает особое место в интеллектуальной истории России. Широко известный как литератор, сентименталист и историк, Карамзин одновременно был влиятельным политическим мыслителем, чьи взгляды оказали серьёзное воздействие на формирование консервативной идеологии XIX века. Особое внимание в его рассуждениях занимает идея «сильной власти» – концепт, который Карамзин рассматривал как условие стабильности, порядка и цивилизационного развития России.

Взгляды Карамзина формировались в переломную эпоху. Изначально увлеченный идеалами европейского Просвещения, он, как и многие его современники, пережил глубокое разочарование после Французской революции 1789 года. Ужасы якобинского террора и последующая военная диктатура

Наполеона убедили его в пагубности радикальных социальных экспериментов и ослабления государственных устоев.

Поездка в Европу (1789–1790) и личные наблюдения за революционными процессами заставили его задуматься об особом пути России. Позже, в период правления Александра I, когда в высших кругах заговорили о конституционных реформах и отмене крепостного права, Карамзин занял четкую консервативную позицию. Он выступал против проектов своего бывшего друга М.М. Сперанского, видя в них слепое копирование западных институтов, непригодных для русской почвы. Его труд «История государства Российского» и политическая «Записка о древней и новой России» (1811) стали прямым идеологическим ответом на вызовы времени.

Для Карамзина «сильная власть» – это не произвол, а, прежде всего, единая, суверенная и нераздельная власть монарха-самодержца. Ее сила проистекает из двух ключевых источников:

1. Божественное установление и историческая легитимность. Карамзин считал, что самодержавие было не случайным выбором, а формой власти, которую «само Провидение» даровало России для собирания земель, защиты от внешних угроз и поддержания внутреннего порядка в условиях огромных пространств и многонационального состава. Он видел в истории доказательство того, что периоды сильной единоличной власти (Иван III, Александр Невский) были эпохами расцвета, а «удельные раздоры» и слабость центральной власти (как в Смутное время) вели страну к катастрофе.

2. «Палладиум России». Эта знаменитая формула Карамзина означает, что самодержавие – это священный оплот, защитный символ и главный гарант существования самой России. Он писал: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». Таким образом, сильная монаршая власть – это условие выживания и процветания нации.

Важнейшим аспектом теории Карамзина является разграничение между самодержавием и деспотизмом. Сила власти у монарха, по его мнению, не должна быть тождественна тирании. Истинно сильная власть ограничена не внешними конституционными рамками, а нравственным законом, традицией и совестью самого государя. Монарх должен править не как деспот, а как «отец нации», руководствуясь любовью к подданным и заботой об их благополучии. Свою теорию Карамзин блестяще отразил в «Записке о древней и новой России», поданной им императору Александру I в 1811 году. Это был манифест русского консерватизма и жесткая критика проводимых и планируемых реформ.

Н.М. Карамзин резко выступил против проектов Сперанского по созданию представительных органов и разделению властей. Он считал, что введение таких институтов ослабит верховную власть, породит бюрократическую волокиту и чуждые русскому духу «прения о власти». Для него «сила власти» заключалась в ее единстве и способности принимать быстрые и эффективные решения. Сила монарха, по Карамзину, проявляется не

в угнетении, а в способности обеспечивать правосудие, защищать страну, развивать просвещение и заботиться о народном благе. Он писал: «Самодержавие есть душа жизни [России]... но государь так же, как и последний подданный, обязан быть блюстителем общих законов». То есть, закон, исходящий от монарха, должен быть справедливым и одинаковым для всех. Карамзин утверждал, что настоящая сила государства коренится не только в силе армии или закона, но и в прочности традиций, в «добрых нравах» народа и доверии к власти. Любые резкие преобразования, ломающие исторически сложившийся уклад, он считал губительными.

Если М.М. Сперанский видел путь к сильному государству через рационализацию управления, разделение властей и правовые гарантии (т.е. через ограничение самодержавия правом в западном смысле), то Карамзин видел силу именно в неограниченности власти монарха, основанной на традиции и нравственности. Он по праву считается предтечей движения и философии славянофилов. Однако его консерватизм был более государственным (статским), чем народным. Он делал акцент на роли государства как такового, тогда как славянофилы (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и др.) идеализировали допетровскую Русь с ее соборностью и считали, что истинная сила власти – в моральном авторитете, одобренном народом («сила мнения»). Карамзин же оправдывал петровские реформы как необходимое усиление государства.

Идеи Карамзина продолжают резонировать в современном российском обществе и политическом дискурсе. Его тезис об особом пути России, о необходимости сильной центральной власти для удержания огромной территории и интеграции разнородных регионов остается одним из ключевых в идеологии современного российского государства. Карамзин поставил вечную дилемму: что важнее для процветания страны – эффективность и стабильность, обеспечиваемые «сильной рукой», или свобода и личная инициатива, требующие ограничения этой власти? Эта дилемма актуальна и сегодня.

Политическая философия Н.М. Карамзина представляет собой глубоко продуманную и исторически обоснованную концепцию «сильной власти» как основы российского государственного бытия. Для Карамзина сила власти – это не произвол, а единое, суверенное и нравственно ответственное самодержавие, выросшее из специфики русской истории и призванное быть гарантом порядка, стабильности и единства нации. Его идеи, сформулированные в полемике с либеральными реформаторами, заложили фундамент русского консерватизма и продолжают оказывать влияние на политическое мышление в России. Спор о том, является ли сильная централизованная власть «палладиумом России» или препятствием для ее развития, начатый Карамзиным более двух веков назад, не потерял своей остроты и сегодня, делая его наследие не просто историческим фактом, а живым элементом современной политической культуры.

Список литературы:

1. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 125 с.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. – М.: Наука, 1989–1998.
3. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. – Воронеж: издательство ВГУ, 2011. – 560 с.
4. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. – СПб.: Академический проект, 2001. – 543 с.
5. Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: государственная публичная историческая библиотека России, 2013. – 446 с.
6. Эйдельман Н.Я. Последний летописец (о Н.М. Карамзине). – М.: Книга, 1983. – 174 с.

Козырь Михаил Алексеевич

студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Акимов Юрий Германович

Kozyr Mikhail

Saint Petersburg State University

«ГОРОД АНГЕЛОВ» И АТР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВЯЗЕЙ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА С КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ В XXI ВЕКЕ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению связей Лос-Анджелеса и двух стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Китая и Японии. Предпринята попытка провести сравнительный анализ контактов «Города ангелов» с обоими государствами в контексте отношений каждого из них с США в целом. Цель исследования – выявить причины и характер сходства и отличия связей Лос-Анджелеса с КНР и Японией. Особый акцент делается на деятельности муниципальной организации LAEDC, контролирующей парадипломатию Лос-Анджелеса. Вскрыта структура парадипломатии Лос-Анджелеса, оценена активность института мэра и муниципальных/региональных организаций, ответственных за осуществление международной деятельности.

Ключевые слова: парадипломатия, Лос-Анджелес, Калифорния, субнациональные акторы, дипломатия городов, КНР, Япония, АТР.

“THE CITY OF ANGELS” AND ASIA-PACIFIC: COMPARATIVE ANALYSIS OF LOS ANGELES’ TIES WITH CHINA AND JAPAN IN XXI CENTURY

Summary: The paper deals with the ties between Los Angeles and two countries in the Asia-Pacific region – China and Japan. It attempts to conduct a comparative analysis of the *City of Angels's* contacts with both countries within the context of each country's relations with the United States as a whole. The paper aims to identify the causes and nature of the similarities and differences in Los Angeles's ties with China and Japan. Special attention is given to the activities of the Los Angeles County Economic Development Corporation (LAEDC), a municipal organization that oversees Los Angeles's paradiplomacy. The structure of Los Angeles's paradiplomacy is revealed, and the activities of the mayor and municipal/regional organizations responsible for international affairs are assessed.

Keywords: Paradiplomacy, Los Angeles, California, Subnational Actors, Cities' Diplomacy, China, Japan, Asia-Pacific.

Начиная с 80-х годов XX столетия, мировая политика претерпела значительные изменения: государства перестали быть единственными действующими лицами на международной арене. Наряду с транснациональными корпорациями и неправительственными организациями на авансцену вышли также наиболее экономически развитые провинции, регионы и города – субнациональные акторы. Их самостоятельную

деятельность, сопутствующую внешнеполитическому курсу страны, дополняющую, дублирующую его или противостоящую ему канадский учёный П. Солдатос ещё несколько десятилетий назад назвал парадипломатией [1, р. 46]. Взаимодействие внешних связей несuverенных субнациональных акторов с внешней политикой государств может быть различным – однако последнее время господствует тенденция к взаимодополнению [2].

В этом исследовании будет рассмотрена парадипломатия Лос-Анджелеса в отношении двух стран АТР – Китая и Японии. Лос-Анджелес – крупнейший американский город Тихоокеанского побережья, вполне подходящий под определение глобального или международного [1, р. 54], что даёт ему приоритетные возможности для осуществления трансокеанских контактов. Наша задача – определить, насколько схожими или отличными друг от друга являются связи «Города ангелов», как часто называют мегаполис, с КНР и Японией, учитывая контекст характера отношений США с этими странами.

В Лос-Анджелесе существует муниципальная организация LAEDC (Los Angeles County Economic Development Corporation), сопряженная с аналитическим центром Kyser Center for Economic Research, специализация которой состоит в поиске партнеров для взаимовыгодного сотрудничества и развития. Основана она была в 1996 году, а ключевым направлением её деятельности является именно сотрудничество с Китаем. Важно отметить, что мэр города не отличается большой активностью, когда речь идет о контактах с зарубежными партнёрами. Более того, в 2022 году, при своём вступлении в должность, Карен Басс сделала заявление о том, что не намерена выезжать за пределы страны до окончания своего срока [3].

Сотрудничеству КНР и Лос-Анджелеса в 2026 году исполнится 42 года. Началось оно вместе с Летними Олимпийскими играми 1984 года, прошедшими в «Городе ангелов». Появление на этой Олимпиаде китайских спортсменов означало потепление в китайско-американских отношениях, а в дальнейшем именно этот город стал играть определяющую роль в них. Утверждает это и президент Тихоокеанского совета Дж. Р. Грин, считающий, что именно Лос-Анджелес и Лонг-Бэй, как два крупнейших города Южной Калифорнии, являются отличным примером взаимовыгодного сотрудничества США и Китая, несмотря на паритетную политику в межгосударственных отношениях этих двух полюсов современного миропорядка [4]. Одной из узловых точек складывающихся отношений является порт Лос-Анджелеса, занимающий первое место по импорту товаров в США (2023) и второе по экспорту (2023) [5, р. 23]. 24 октября 2023 года порт Лос-Анджелеса подписал с портом Гуанчжоу (города-побратима, включенного в список “Sister Cities”) Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of Understanding). Этот документ укрепляет дружеские и партнерские отношения между Гуанчжоу и Лос-Анджелесом, подразумевает дальнейшее развитие инфраструктуры технологичной цепочки поставок, создание Тихоокеанского (Транс-Тихоокеанского) зеленого судоходного коридора (GSC) между портами и другие инициативы в области

устойчивого развития, направленные на сокращение выбросов вредных веществ и объемов парниковых газов.

Один из экспертов LAEDC Фердинандо Герра выделяет несколько типов связей между Лос-Анджелесом и КНР: исторические, личностные (образовательные, культурные, сетевые), торговые, инвестиционные и бизнес-связи [6, р. 14-103]. Современный «Город ангелов» действительно связан с Китаем и с этнической точки зрения – в Лос-Анджелесе находится один из двух крупнейших Чайнатаунов в Соединенных Штатах, и тенденция к посещению этого города гражданами Китая только усиливается. Во-первых, с каждым годом растет доля его китайского населения, а во-вторых, значительно увеличивается количество туристов. Так, в отчете LAEDC представлены следующие показатели: в 2009 году Лос-Анджелес посетили 158 тысяч китайцев, в 2012 году – 470 тысяч, а в 2013 году – 570 тысяч [6, р. 4] (более 21% годового прироста). Начиная с 2012 года, Китай – основной рынок для отрасли межконтинентального туризма в Лос-Анджелесе.

К 2014 году в городе насчитывалось уже более 250 бизнес-объектов, владельцы которых представляли именно КНР [6, р. 4-5]. При этом статистика инвестиций в бизнес в виде открытия филиалов китайских и калифорнийских компаний тоже указывает на развитие отношений между «Городом ангелов» и Китаем. Всё в том же отчете LAEDC представлены следующие данные: на 2014 год, в Китае имели представительство более 70 американских компаний, головной офис которых находится в Лос-Анджелесе; и наоборот, 40 китайских компаний представлены в виде филиалов в крупнейшем городе Калифорнии [6, р. 5]. Позитивно это сказывается и на трудоустройстве: китайские компании входят в первую пятерку среди иностранных государств по предоставлению рабочих мест жителям Лос-Анджелеса [7, р. 17]. Ко всему прочему, здесь проживает более 432 тысяч китайцев [8] (4,4% от населения округа), что тоже связывает город с КНР.

Инвестиции в город и его инфраструктуру не ограничиваются одним только открытием филиалов: сотрудничество происходит и в других областях экономики. Особенную популярность в условиях концепции устойчивого развития имеют инвестиции в «зелёные технологии» (сферы электрического транспорта, возобновляемых энергоресурсов и др.). Голливуд является одним из символов города, не менее известным, чем Кремниевая долина, и он тоже во многом спонсируется китайскими инвестициями. Например, в 2016 году корпорация из Китая «Dalian Wanda Group» приобрела за \$3,5 млрд. продюсерский центр «Legendary Entertainment», которому принадлежит авторство таких культовых кинолент, как «Тёмный рыцарь» и «Мир Юрского периода» [4].

Из перечисленного выше мы можем сделать вывод, что сотрудничество между Лос-Анджелесом и Китаем является действительно взаимовыгодным и всесторонним, с поправкой на допустимые границы применения парадипломатии.

Если рассматривать связи «Города ангелов» с Японией, то сразу будут видны некоторые элементы сходства со связями с Китаем [9, р. 3]. Первые переселенцы из Японии в городах Южной Калифорнии появились примерно тогда же, когда и из Китая – в 1880-е годы, однако их судьбы были различны. Во время Второй мировой войны, когда Япония воевала с США, подавляющее большинство лиц японского происхождения, живших на территории Соединенных Штатов, были интернированы в лагеря, из-за чего их численность сократилась почти на треть (в конце 1930-х гг. в Калифорнии было 120 тысяч японцев, а в 1950 г. – 85 тысяч [9, р. 12]). На время последствия войны затормозили отношения между двумя странами, но японоговорящее население Калифорнии и Лос-Анджелеса никуда не исчезло. К концу 2023 года, в Лос-Анджелесе проживало более 64 тысяч японских граждан [10], что составляет примерно 1,6% от общего населения города. В городе даже существует «Литтл Токио» - один из крупнейших японских этнических районов побережья.

Продолжая выявлять сходства, нельзя не упомянуть MOU, подписанный портом Лос-Анджелеса, а также портом Токио и портом Йокогамы 16 марта 2023 года. Содержание соглашения соответствует вышеназванному документу, который был подписан с портом Гуанчжоу. Его основные тезисы – поддержание Зеленого судоходного коридора (GSC) и экологизация технологий транспортировки. Важно отметить, что MOU был подписан спустя 5 дней после начала ежегодной Калифорнийско-японской торговой миссии по чистой энергии.

Основные сферы сотрудничества Японии и Лос-Анджелеса – оптовая и розничная торговля. Наиболее известные японские компании, занимающиеся этой деятельностью в «Городе ангелов» - Toyota Motor Sales, Honda, Epson, Kenwood и Pioneer. Из этого можно сделать вывод, что Лос-Анджелес является одной из нескольких точек присутствия японской автомобильной промышленности в Северной Америке. Прямые инвестиции Японии в Лос-Анджелес в основном затрагивают такие сферы, как биотехнологии, сектор чистой / альтернативной энергии, здравоохранение, автоматическое производство, еда и развлечения.

Отдельно остановимся на сфере развлечений, потому что японские инвестиции в неё отличаются от китайских. Так, в апреле 2024 г. клуб Главной лиги бейсбола (MLB) «Лос-Анджелес Доджерс» подписал сразу два контракта с японскими спонсорами. Сначала 1 апреля было подписано соглашение с All Nippon Airways [11], крупнейшей авиакомпанией Японии, а 22 апреля с одной из наиболее известных японских ритейлинговых компаний DAISO [12]. Японские инвестиции связаны, в основном, со сферой спорта – вероятно, из-за роста популярности и бюджета таких крупных спортивных организаций, как MLB (по доходам из всех американских спортивных ассоциаций её обходит только Национальная футбольная лига (NFL)). Однако распространить своё влияние на другие крупные индустрии – такие, как Голливуд, японцам пока не удалось – в этом китайские конкуренты их обошли.

Таким образом, сравнив политику Лос-Анджелеса в отношении Японии и Китая, можно сделать вывод, что она имеет множество сходств, а отличия заключаются в основном в сферах торговли и инвестиций. Несмотря на стабильность в японо-американских отношениях и постоянную напряженность в американо-китайских, это не сильно влияет на экономический центр Тихоокеанского побережья. Модель современных отношений между Лос-Анджелесом и Японией во многом строится аналогично модели, практикуемой с Китаем, сразу по нескольким причинам – от географического положения и присутствия этнических групп до высокого уровня экономического развития обеих стран, но главная из них – штат Калифорния. «Золотой штат» – это не просто субъект США – это четвертая экономика мира по ВВП [13], для которой отношения со странами АТР – это особая, активно используемая привилегия. Штат в ходе своей парадипломатии активно проводит конференции формата «China-California», несмотря на все межгосударственные противоречия, а отношения с Японией, которую Калифорния обошла по ВВП – одно из самых стабильных и крепких партнерств. Именно этим можно объяснить практически аналогичный характер связей Лос-Анджелеса с двумя странами, к которым на высшем уровне США относятся абсолютно по-разному.

Список литературы:

1. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // *States and Provinces in the International Economy* / Ed. by E. Fry and D. Brown. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 45-65.
2. Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // *Сравнительная политика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 33-41.
3. Walker J. LA Mayor, found in Africa amid wildfire crisis, vowed in 2021 to stop travelling abroad. Baltimore: The Baltimore Sun, 2025 - URL: <https://abcnews4.com/news/nation-world/la-mayor-found-in-africa-amid-wildfire-crisis-vowed-to-stop-traveling-abroad-4-years-ago-los-angeles-mayor-karen-bass-palisades-socal-southern-california-fires-death-politics-new-york-times> (accessed 31.01.2025).
4. Green J.R., Chapman J., Moore A. Los Angeles as a Regional Model for U.S.-China Relations // *China-US Diplomacy Summit*. Beijing, 2016 - URL: <https://www.pacificcouncil.org/newsroom/los-angeles-regional-model-us-china-relations> (accessed 31.01.2025).
5. WorldBusinessChicago. Chicago Business Bulletin. Year in Review 2023, [internet resource] - URL: https://worldbusinesschicago.com/app/uploads/2024/02/Year-in-Review-2023_-Chicago-Business-Bulletin.pdf (accessed 25.01.2025). 41 p.
6. Guerra F. Growing Together: China and Los Angeles County // LAEDC, 2014 [internet resource] - URL: <https://hotellaw.jefferson.com/files/2014/06/2014-Growing-Together-China-and-LA-County-June-2014-.pdf> (accessed 19.02.2026). 134 p.

- 7.Laferriere T., Ramsey J. Canada & Southern California: United through collaboration, defined by partnership, sustained by friendship // LAEDC, 2019 [internet resource] - URL: <https://laedc.org/wp-content/uploads/2019/07/LAEDC-Canada-Socal-Report-0701C-Final.pdf> (accessed 28.01.2025). 48 p.
- 8.LA Almanac. Asian Ethnic Origin Los Angeles County Census. Counts/Estimates for 2010, 2020, 2023 [Internet resource] - URL: <https://www.laalmanac.com/population/po16.php> (accessed 28.01.2025).
- 9.Sidhu N., Guerra F., Ritter K. Growing Together: Japan and Los Angeles County // LAEDC, 2010 [internet resource] - URL: https://laedc.org/reports/GrowingTogether_Japan_2011.pdf (accessed 31.01.2025). 124 p.
- 10.Statista Research Center. Number of Japanese residents living in Los Angeles from 2014 to 2023 [internet resource] - URL: <https://www.statista.com/statistics/1084227/japan-number-japanese-residents-los-angeles/#:~:text=As%20of%20October%202023%2C%20about,any%20city%20out side%20of%20Japan.> (accessed 31.01.2025).
- 11.Major League Baseball. Los Angeles Dodgers and All Nippon Airways announce multi-year partnership // MLB Press, 2024 [internet resource] - URL: <https://www.mlb.com/amp/press-release/press-release-los-angeles-dodgers-and-all-nippon-airways-announce-multi-year-partnership.html> (accessed 31.01.2025).
- 12.Major League Baseball. Los Angeles Dodgers and Daiso enter into multi-year partnership // MLB Press, 2024 [internet resource] - URL: <https://www.mlb.com/amp/press-release/press-release-los-angeles-dodgers-and-daiso-enter-into-multi-year-partnership.html> (accessed 31.01.2025).
- 13.California State Portal. California is now the 4th largest economy in the world // gov.ca.gov, 2025 [internet resource] - URL: <https://www.gov.ca.gov/2025/04/23/california-is-now-the-4th-largest-economy-in-the-world/> (accessed 15.02.2026).

Колесник Варвара Ивановна

1 АД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Varvara Kolesnik

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация: В статье анализируется эволюция городской среды как отражение социальных и исторических процессов. Рассматриваются ключевые этапы развития городов — от античности и средневековья до индустриальной эпохи и современности. Показано, что городская среда является не только пространственным образованием, но и социальным институтом, формирующим поведение, культурные практики и идентичность жителей. Исследование опирается на классические труды урбанистики и социальной теории, раскрывая взаимосвязь между историческими трансформациями общества и изменениями городской структуры.

Ключевые слова: городская среда, история города, социальные процессы, урбанизация, архитектура, общественное пространство.

HISTORY OF THE URBAN ENVIRONMENT AND SOCIAL PROCESSES

Summary: The article examines the historical development of urban environments as reflections of social processes and transformations. It analyses key stages of urban evolution — from antiquity and the Middle Ages to the industrial era and modernity — demonstrating that the urban environment functions as both a spatial structure and a social institution shaping human behaviour, cultural practices, and collective identity. The research is grounded in classical works of urban studies and social theory, revealing the interdependence between historical social change and urban spatial organisation. Particular attention is paid to the role of cities as arenas of social interaction and historical memory, illustrating how urban form influences social relations and cultural development.

Keywords: urban environment; urban history; social processes; urbanisation; architecture; public space; social structure.

Городская среда — сложный исторический и социальный феномен, который изменяется под влиянием экономических, политических и культурных факторов. Город не существует в вакууме: его планировка, архитектура и социальные институты отражают потребности общества и одновременно формируют новые способы взаимодействия. Как отмечает Кевин Линч (urban planner), образ города влияет на восприятие пространства и коллективную идентичность жителей [1, с. 1–3]. Это означает, что городская среда не только отражает социальные процессы, но и участвует в их формировании.

История городов — это история социальных трансформаций. Смена экономических укладов и культурных парадигм находила выражение в планировке улиц, архитектурных формах и общественных пространствах. Город становился ареной социальных взаимодействий, где формировались новые институты и нормы. В этом контексте анализ городской среды позволяет понять динамику исторических процессов.

В античном мире город выполнял политические, экономические и культурные функции. Полис (город-государство) рассматривался как основа общественной жизни. Аристотель (ancient greek philosopher) утверждал, что город существует для обеспечения благополучной жизни граждан [2, I, 1253a30]. Это подчёркивает социальную природу городской среды: пространство полиса организовывалось таким образом, чтобы способствовать взаимодействию граждан и реализации общественных интересов.

Греческий полис включал общественные площади (агоры), где происходили политические дискуссии и торговля. Агора служила пространством публичной жизни, где граждане могли участвовать в принятии решений. Таким образом, городская среда формировала политическую культуру и социальные отношения. [3, с. 48–52].

Римская цивилизация развила античные традиции градостроительства. Форум — центральная площадь Рима — был не только торговым центром, но и местом общественных собраний и судебных процессов [4, с. 97–101]. Римская архитектура и планировка демонстрируют, что городская среда служила инструментом социальной организации. Улицы и площади становились пространством, где пересекались интересы различных социальных групп.

Античный город отражал социальную иерархию общества. Храмы, форумы и общественные здания символизировали политическую власть и культурные ценности. Архитектура выполняла не только функциональную, но и символическую роль, укрепляя общественные нормы. Таким образом, городская среда в античности была тесно связана с социальными процессами.

В средневековье город приобрёл новые социальные функции. Городские коммуны и ремесленные гильдии стали основой экономической и социальной организации. Гильдии регулировали производство и торговлю, защищали интересы ремесленников и формировали профессиональные стандарты. Это свидетельствует о том, что городская среда способствовала развитию социальных институтов.

Площадь и рынок в средневековом городе выполняли функции общественного пространства. Здесь происходили торговля, политические собрания и культурные мероприятия. Социальная жизнь концентрировалась в пространстве, где взаимодействовали различные группы населения. Таким образом, городская среда становилась ареной социальных процессов.

Архитектура средневековых городов отражала религиозные и культурные ценности общества. Соборы и церкви занимали центральное место в городской структуре, символизируя духовные ориентиры. Городская планировка

подчёркивала значимость общественных институтов и культурных традиций [5, с.43–47].

Средневековый город также выполнял функции обороны и самоорганизации. Городские стены защищали население от внешних угроз, а муниципальные институты обеспечивали управление. Это показывает, что городская среда была не только пространственной, но и политической структурой.

Промышленная революция XVIII–XIX веков радикально изменила городскую структуру. Массовая миграция населения в города привела к урбанизации и росту промышленного производства. Города стали центрами экономической активности, что изменило их социальную и архитектурную структуру.

Индустриальный город характеризовался функциональным разделением пространств. Рабочие кварталы, фабричные районы и транспортные узлы формировали новую городскую среду. Однако быстрый рост городов сопровождался социальными проблемами — перенаселением и ухудшением санитарных условий. Эти факторы стимулировали градостроительные реформы. Реформаторские проекты конца XIX — начала XX века были направлены на улучшение городской среды. Парки, санитарные зоны и жилые районы с улучшенными условиями стали элементами социальной политики. Городская среда рассматривалась как инструмент повышения качества жизни и снижения социальной напряжённости [6, с. 135–141].

Индустриализация также изменила социальную структуру общества. Появились новые классы — промышленная буржуазия и рабочий класс. Социальные отношения стали более сложными, что отразилось в городской среде. Рабочие кварталы и промышленные районы формировали новый социальный ландшафт.

XX век ознаменовался дальнейшим ростом городов и усложнением социальных процессов. Массовая урбанизация привела к формированию мегаполисов — крупных городских агломераций. Город стал центром экономической и культурной жизни, где происходили социальные трансформации.

Социальные движения XX века часто находили выражение в городском пространстве. Площади и улицы становились местом публичных протестов и коллективных действий. Городская среда превращалась в арену политической и социальной активности [7, с. 205–209]. Это подтверждает взаимосвязь между пространством и социальными процессами. Современный город выполняет функции не только экономического центра, но и культурного пространства. Общественные зоны — парки, скверы, площади — становятся местом взаимодействия и культурного обмена. Они способствуют социальной интеграции и формированию коллективной идентичности [8, с. 88–94].

Городская среда XX века также отражала изменения в социальной структуре. Рост среднего класса, изменение культурных норм и развитие массовой культуры влияли на архитектуру и планировку городов. Город

становился пространством, где пересекались различные социальные и культурные практики.

Городская среда влияет на самоидентификацию общества и отдельных индивидов. Архитектура, памятники и общественные пространства формируют символическое пространство, отражающее культурные ценности. Образ города становится частью коллективной памяти, связывая прошлое и настоящее.

Исследования показывают, что восприятие городской среды влияет на социальное поведение. Удобные и благоустроенные пространства способствуют взаимодействию людей и укреплению социальных связей [1, с. 46–51]. Напротив, неблагоустроенная среда может вызывать отчуждение. Это подчёркивает важность градостроительного планирования. Городская среда участвует в формировании культурной идентичности. Исторические здания и памятники сохраняют связь с прошлым, напоминая о культурном наследии. Сохранение исторической застройки способствует преемственности культурных традиций. Город становится пространством, где история и современность взаимодействуют. Современные города сталкиваются с вызовами глобализации и миграции. Культурное разнообразие городов требует новых подходов к социальной интеграции. Общественные пространства могут способствовать взаимодействию различных культурных групп, укрепляя социальное единство. [9, с. 117–121]

История городской среды неразрывно связана с социальными процессами. Город отражает изменения общества и одновременно участвует в их формировании. От античных полисов до современных мегаполисов городская среда выполняет социальные функции — способствует взаимодействию людей, формированию идентичности и культурному развитию.

Социальные процессы влияют на структуру и функции города, а городская среда воздействует на поведение и мировосприятие жителей. Благоустройство общественных пространств, сохранение исторического наследия и создание комфортных условий жизни являются важными задачами современного градостроительства. Город должен быть не только функциональным пространством, но и средой, способствующей социальному и культурному развитию. Понимание исторической взаимосвязи между городом и обществом позволяет создавать города, отвечающие потребностям современного человека и поддерживающие социальную гармонию.

Список литературы:

1. Lynch K. The Image of the City. — MIT Press, 1960. с. 1-3, с. – 46-51.
2. Аристотель. Политика. — М.: Наука, 1974. I, 1253a30
3. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. — Random House, 1961. с. 48–52
4. Ward-Perkins J. Roman Imperial Architecture. — Yale Univ. Press, 1984. с. 97–101
5. Block G. The Social Role of the Medieval City. — Routledge, 1972. с. 43–47

- 6.Hall T. Cities of Tomorrow. — Blackwell, 1998. c.135–141
- 7.Galbraith J.K. Economics and the Public Purpose. — Houghton Mifflin, 1975. c. 205–209
- 8.Giddens A. The Constitution of Society. — Univ. of California Press, 1984. c. 88–94.
- 9.Holmes L., Sang D. Urban Complexity and Spatial Strategies. — Routledge, 2009. c. 117–121

Колесник Варвара Ивановна

1 АД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Varvara Kolesnik

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭСТЕТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ КРАСОТЫ В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация: В статье исследуется философское осмысление красоты и её значение в контексте благоустройства городской среды. Теоретическая база опирается на классические и современные философские источники: История античной эстетики, Эстетика как философская наука, Эстетика, Искусство как опыт и Новая философская энциклопедия. Показано, что эстетика повседневности расширяет сферу эстетического опыта, распространяя его на городскую среду. Благоустройство общественных пространств рассматривается как форма реализации философии красоты, способствующая гуманизации пространства и формированию культурной идентичности. Делается вывод о необходимости интеграции эстетических принципов в практику урбанистического проектирования.

Ключевые слова: эстетика; эстетика повседневности; красота; благоустройство; городская среда; общественное пространство; эстетический опыт; архитектура; гуманизация среды; культурная идентичность; гармония; форма и содержание.

AESTHETICS OF EVERYDAY LIFE: THE PHILOSOPHY OF BEAUTY IN THE IMPROVEMENT OF PUBLIC SPACES

Summary: The article explores the philosophical understanding of beauty and its significance in the context of urban improvement. The theoretical framework is based on classical and modern philosophical sources: История античной эстетики, Эстетика как философская наука, Эстетика, Искусство как опыт, and Новая философская энциклопедия. It is shown that everyday aesthetics expands the sphere of aesthetic experience to include urban environments. Urban improvement is regarded as a realization of the philosophy of beauty, contributing to the humanization of space and the formation of cultural identity. The paper concludes that aesthetic principles should be integrated into urban planning and design.

Keywords: aesthetics; everyday aesthetics; beauty; urban improvement; public space; aesthetic experience; architecture; humanization of space; cultural identity; harmony.

Городская среда — это не только совокупность зданий и инфраструктуры, но и пространство человеческого существования. Здесь

формируются социальные отношения, культурные практики и ценностные установки. Следовательно, благоустройство общественных пространств имеет не только техническое, но и философское измерение.

Категория прекрасного в философии традиционно связывалась с идеей гармонии. В «Новой философской энциклопедии» В.В. Бычков и О.В. Бычков подчёркивают, что прекрасное — это ценностная категория, выражающая совершенство и целостность бытия [1, с. 337–342]. Красота тем самым выступает способом осмысления мира, а не просто субъективным предпочтением. Античная эстетика рассматривала красоту как проявление космического порядка. В «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосев указывает, что древнегреческое понимание прекрасного основывалось на идее «гармонии и меры» [2, с. 112–118]. Прекрасное воспринималось как объективное свойство мира, выражающее его упорядоченность.

Современность, однако, ставит новые вопросы. Индустриализация и урбанизация изменили пространственную организацию жизни человека. Городская среда нередко ориентирована исключительно на функциональность, что может приводить к эстетической обезличенности. В этой связи возникает философский вопрос: может ли благоустройство рассматриваться как форма реализации эстетического идеала? Эстетика как философская дисциплина изучает ценностные аспекты восприятия мира и определяет эстетическое отношение как переживание целостности и гармонии. Это переживание связано не только с художественными объектами, но и с восприятием окружающей среды. М.С. Каган подчёркивает, что культура формирует предметный мир в соответствии с ценностями общества [3]. Городская среда является частью этого мира и отражает культурные установки эпохи. Если пространство организовано хаотично, без учёта эстетических принципов, это свидетельствует о ценностном дисбалансе.

А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» указывает, что форма в эстетике выступает носителем смысла [2]. Архитектурная форма, композиция площади, соотношение естественных и искусственных элементов — всё это выражает культурное содержание. Следовательно, благоустройство не является нейтральным процессом: оно формирует символическое пространство города и влияет на восприятие его культурной идентичности.

В XX веке философия эстетики претерпела изменения. Искусство как опыт вводит концепцию эстетического опыта как части повседневной жизни [4]. Дж. Дьюи утверждает, что «эстетическое переживание» не ограничивается искусством — оно может возникать в процессе взаимодействия с обычными объектами и ситуациями. Эстетический опыт характеризуется переживанием целостности и завершенности [4]. Например, благоустроенный парк, архитектурный ансамбль или природный ландшафт могут вызывать эстетическое удовлетворение. Это подтверждает мысль, что эстетика повседневности является важным аспектом человеческой жизни.

Эстетика развивает эту идею, определяя эстетическое как способ целостного освоения действительности. Эстетическое отношение предполагает

не только восприятие формы, но и оценку её смыслового содержания. Следовательно, благоустроенное пространство города становится объектом эстетического восприятия, влияющим на эмоциональное и психологическое состояние человека.

Архитектурная традиция исторически основывалась на единстве пользы и красоты. В трактате «Десять книг об архитектуре» Витрувий формулирует триаду: прочность, польза и красота [6, кн. I, гл. 3]. Прочность обеспечивает устойчивость, польза — функциональность, а красота — эстетическую ценность. Эта триада сохраняет актуальность и в современном урбанистическом проектировании. Городская среда должна не только выполнять утилитарные задачи, но и способствовать эстетическому восприятию. Площади, парки и набережные являются примерами пространств, где функциональность и эстетика могут быть интегрированы.

Модернистская архитектура XX века, как показывает А. Лоос в эссе «Орнамент и преступление», критиковала декоративность [7, с. 31–35]. Однако полное исключение эстетического измерения привело к обезличиванию среды. Городская застройка, ориентированная исключительно на функциональность, нередко утрачивает человеческий масштаб и визуальную выразительность. Если архитектура игнорирует эстетические аспекты, она перестаёт выполнять функцию символического выражения культурных ценностей. Благоустройство, напротив, возвращает в архитектурную практику идею гармонии и соразмерности.

Эстетическая организация пространства влияет на качество жизни. В.В. Бычков утверждает, что эстетическая ценность связана с гармонизацией человеческого существования [5]. Пространство, лишённое гармонии, может вызывать чувство отчуждения и дискомфорта. Дж. Дьюи писал, что эстетический опыт возникает там, где деятельность человека достигает завершённости [4]. Городская среда должна обеспечивать условия для такого опыта: безопасность, визуальную гармонию, возможность социального взаимодействия. Благоустроенные общественные пространства способствуют формированию позитивного отношения к окружающему миру и укреплению социальных связей.

Гуманизация пространства предполагает ориентацию на человека и его потребности. Городская среда должна отражать гуманистические ценности — уважение к личности и её праву на комфортное пространство. Благоустройство способствует гуманизации, создавая условия для социального взаимодействия и эстетического восприятия. Соразмерные человеку архитектурные формы, доступные общественные пространства и зелёные зоны формируют среду, в которой человек чувствует себя частью социума.

Городская среда является носителем культурной памяти. Архитектура, памятники и исторические здания формируют символическое пространство, в котором закрепляется идентичность общества. Сохранение исторического наследия и гармоничное сочетание старого и нового укрепляют связь между прошлым и настоящим. Благоустройство должно учитывать исторический

контекст, чтобы городское пространство оставалось носителем культурной памяти.

Подводя итог философскому анализу, можно утверждать, что благоустройство общественных пространств — это не только техническая или градостроительная задача, но и важный культурно-эстетический процесс. Городская среда формирует повседневный опыт человека, его восприятие мира и отношение к обществу. Если пространство организовано гармонично, оно способствует эмоциональному комфорту, социальному взаимодействию и ощущению принадлежности к культурной общности. Напротив, хаотичная и эстетически бедная среда может вызывать отчуждение и психологический дискомфорт.

Категория прекрасного, рассмотренная в философской традиции, указывает на ценностную природу эстетики. Красота не является исключительно субъективным переживанием; она связана с объективной гармонией формы и содержания. Уже античные мыслители подчёркивали, что мир устроен упорядоченно, а эстетическое восприятие помогает человеку соотнести себя с этой упорядоченностью. Современная философия, развивая эти идеи, расширяет сферу эстетического опыта на повседневную жизнь. Городская площадь, парк или улица становятся объектами эстетического анализа, поскольку они влияют на эмоциональное состояние и социальное поведение человека.

Благоустройство общественных пространств реализует идею гуманизации среды. Пространство, ориентированное на человека, должно учитывать не только функциональные требования, но и эстетические потребности. Удобные зоны отдыха, зелёные насаждения, гармоничная архитектура и продуманная композиция создают условия для позитивного взаимодействия людей и формирования социального доверия. Таким образом, благоустройство способствует укреплению общественных связей и развитию культурной идентичности.

Особое значение имеет культурно-исторический аспект городской среды. Архитектура и памятники являются носителями исторической памяти, связывающей прошлое и настоящее. Сохранение и гармоничное развитие исторического наследия позволяет обществу осознавать свою идентичность и ценностные ориентиры. Город, в котором старое и новое сочетаются органично, становится пространством культурной преемственности, где уважение к традиции соединяется с современными потребностями.

Современные подходы к урбанистике подчёркивают важность устойчивого развития. Экологические, социальные и эстетические факторы должны рассматриваться в единстве. Озеленение, использование экологически чистых материалов и создание комфортных общественных зон не только улучшают экологическую ситуацию, но и повышают эстетическую ценность среды. Природные элементы в городской структуре смягчают визуальный облик пространства и способствуют психологическому расслаблению. Это

подтверждает, что эстетика и экология являются взаимодополняющими аспектами благоустройства.

Философский анализ показывает, что эстетика повседневности имеет практическое значение. Эстетическое восприятие среды влияет на качество жизни, социальные отношения и культурное развитие общества. Город, организованный с учётом эстетических принципов, становится пространством, в котором человек чувствует себя комфортно и безопасно. Гармония формы и содержания способствует развитию позитивных эмоций и укреплению социального доверия.

Таким образом, благоустройство общественных пространств — это многомерный процесс, включающий инженерные, социальные, культурные и эстетические аспекты. Он направлен на создание среды, которая не только удовлетворяет функциональные потребности, но и способствует духовному и культурному развитию личности. Эстетика повседневности превращает городское пространство в место, где человек может ощущать гармонию и смысл, что является важным условием для устойчивого развития общества.

В заключение можно утверждать, что философия красоты и эстетики имеет прямое отношение к урбанистическому проектированию. Благоустроенная городская среда — это не только удобное, но и эстетически насыщенное пространство, способствующее гармонизации человеческого существования. Красота и гармония в городской среде укрепляют социальные связи, формируют культурную идентичность и повышают качество жизни.

Список литературы:

1. Бычков, В.В., Бычков, О.В. Прекрасное // Новая философская энциклопедия. / Под ред. В. С. Степина — М.: Мысль, 2010. — Т. 3. — 692 с. — С. 337–342.
2. Лосев А. Ф., История античной эстетики — М.: Искусство, 1963. — 608 с. — С. 112–118; 145–150.
3. Каган, М.С. Эстетика как философская наука. — Л.: Искусство, 1966. — 348 с. — С. 24–27; 42–45; 312–315.
4. Дьюи, Дж. Искусство как опыт. — М.: Республика, 2000. — 392 с. — С. 15; 37–40; 56–60.
5. Бычков, В.В. Эстетика. — М.: Гардарики, 2002. — 556 с. — С. 78–80; 95–97; 210–212.
6. Витрувий. Десять книг об архитектуре. — М.: Архитектура-С, 2006. — Кн. I, гл. 3.
7. Лоос, А. Орнамент и преступление. — М.: Стройиздат, 1990. — С. 31–35.

Колоскова Полина Александровна

1 ДД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Koloskova Polina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСКУССТВО КАК ЗНАНИЕ И МАСТЕРСТВО

Аннотация: В статье рассматривается изучение истории Древнего Мира и Средневековья. Искусство занимает особое место в человеческой культуре и развитии общества. Оно объединяет в себе два важных аспекта: знания и навыки, которые вместе формируют творческий процесс и результат. Произошедшие исторические периоды заложили фундаментальные культурные, политические и социальные институты, которые влияют на нашу жизнь. Прошлое позволяет нам анализировать процесс развития человеческой цивилизации, извлекать ценные знания и использовать накопленный опыт для построения устойчивого и прогрессивного будущего.

Ключевые слова: современный, исторический, изучение, анализ, культура, эпоха, общество, искусство, наука, навыки, развитие.

ART AS KNOWLEDGE AND SKILLS

Summary: The article discusses the study of the history of the Ancient World and the Middle Ages. It combines two essential aspects-knowledge and skills, which together shape the creative process and outcome. These historical periods have laid the groundwork for the fundamental cultural, political, and social institutions that shape our lives. By examining the past, we can analyze the development of human civilization, gain valuable insights, and use our accumulated knowledge to build a sustainable and progressive future. Art holds a special place in human culture and societal development.

Keywords: modern, historical, study, analysis, culture, era, society, art, science, skills, and development.

У искусства есть два пути, это владение техническим мастерством и свободное творчество. Техническое мастерство нацелено на выполнение конкретных задач, создание функциональных, точных продуктов. Оно основано на строгости, стандартах и объективных критериях качества и эффективности. Техническое мастерство опирается на знания, практические умения, понимание технологий и методов. Из прошлого техническое мастерство проявилось в ковке металла, лепке из глины. Путь творчества подразумевает свободу, эксперимент, оригинальность. Часто результат неопределённый и имеет уникальность. Выбирая творческий путь, человек может выражать эмоций и воздействовать на чувства и восприятие людей. Это искусство требует

творческих способностей, интуиции и чувства внутреннего стиля. Творчество прошлого начиналось с небольших свободных скульптур, картин, фресок. Благодаря передачи информации, человек начал развивать свои навыки. Художник изучал разнообразные техники, художественные направления, культурные традиции и символику, что помогло создавать выразительные и чувственные произведения, как обычные, так и религиозные в свои времена.

Знания передаются через обучение и через опыт, Навыки - важная практическая сторона искусства, включающая мастерство владения инструментами и материалами. Это умение рисовать, лепить, играть на музыкальных инструментах, танцевать, писать и воплощать замыслы в материальной или нематериальной форме. Навыки развиваются через регулярные тренировки и практику, превращая теоретические знания в конкретные действия.

Религия и искусство тесно связаны и взаимно влияют друг на друга. Религиозные идеи и образы на протяжении всей истории становились источником вдохновения для художников, скульпторов, архитекторов, музыкантов и других творцов. Религия даёт художникам сюжеты, символы и темы, отражающие верования, мифы и священные истории. Через искусство религиозные идеи становятся более доступными и понятными усиливая эмоциональное восприятие и духовное переживание.

Прошлое помогает развивать настоящее, благодаря сохранившемуся искусству, мы имеем возможность изучить те навыки, благодаря которым произошло творческое развитие. Прошлое не исчезает бесследно, следы, которые оставляет после себя, называются историческими источниками. Самыми достоверными являются письменные источники. К ним относятся: летописи, хроники, государственные и правовые документы, письма, мемуары, дневники, грамоты, литературные произведения, религиозные тексты, которые сложно сохраняются. Вещественные источники включают в себя: археологические находки: орудия труда, посуда, украшения, архитектурные памятники, здания, крепости, надписи на камне, металле, керамике. Немаловажными являются устные источники: народные предания, мифы, легенды, песни, сказания, устные рассказы. Изобразительные источники: картины, миниатюры, росписи, скульптуры, барельефы, карты и схемы. Естественно-научные источники: палеонтологические данные, климатические записи, анализы ДНК, датировка возрастов.

Древний мир, является синонимом понятия «древняя история». Обозначает первый и самый продолжительный исторический этап человечества. По мнению Л. Оппенгейма, одного из ведущих исследователей Древней Месопотамии, в этом периоде тесно связаны религиозные представления и социальные структуры. Главными особенностями является: религиозная ориентированность, где человек был подвержен влиянию богов, считал, что его жизнь и судьба зависят от воли высших божеств. Бытие строилось вокруг храмовых культов, жертвоприношений и ритуалов. Человечество верило не только в своих небесных владык, но и в богов другого

рода и других царств – это породило отсутствие догматизма и нетерпимости. У древнего Востока была полная воля вероисповедания, причиной было отсутствие понятия о ложной вере. Из-за этого в жизни древнего Востока меньше всего свидетельств конфликтов на национальной религиозной или этнической почве.

Нестабильная природная среда сформировала у жителей Месопотамии особое отношение к богам, люди олицетворяли их как отдельные стихии природы. Они испытывали перед всевышними ними страх.

Искусство Месопотамии составило конкуренцию искусству с Древнего Египта, оно считалось также величественным, изысканным и сложным. Основное внимание уделялось различным формам скульптуры из камня и глины. Живописи сохранилось мало, единичные сохранные фрагменты, показывают то, что в большинстве случаев она использовалась для декоративных элементов. Хотя множество небольших скульптур было расписано. Месопотамское искусство сохранилось в формах цилиндрической печати. Это не слишком большие круглые фигуры и рельефы различных размеров. Сюжеты изображают божественных персонажей, в одиночку или с людьми и животными. Сцены могут повторяться в рядах, одиночные, сражающиеся друг с другом или с человеком и противостоящие животные сами по себе. В храмах были найдены каменные стелы, вероятно предназначались для культовых подношений в ритуале или посвящённые победам и праздникам. В отличие от более официальных, они не имеют надписей, которые бы могли объяснить.

Месопотамское искусство сыграло важную роль в формировании культурных и технических основ для будущих поколений. В Месопотамии создали одну из первых систем письма - клинопись. Искусство оформления таблиц научило последующие поколения важности записи информации. Такой как, руководство для охоты, строительства, управления государством, хранения законов и для передачи других знаний. Архитектурные достижения, в первую очередь мастерство в строительстве зиккуратов, храмов и дворцов научило человечество использовать новые строительные материалы, например, кирпич. И использовать различные инженерные техники при строительстве. Художественные достижения, орнаменты и скульптуры стали примерами символизма и декоративного искусства. Произведения искусства отражали религиозные представления и мифы, что способствовало развитию духовности и культовой символики у новых поколений. Социальные иерархии и власть, через изображения богов и поклоняющихся им царей, месопотамское искусство передало понимание общественного устройства, роли власти и идеалов, что влияло на организацию общества. Технические навыки и мастерство улучшались, благодаря этому совершенствовалась обработка металлов, керамики. Создание монументальных рельефов, когда-то использовавшиеся, совершенствуются поколениями художников и ремесленников.

Античная история государства и общества, существовавших по берегам Средиземного моря, где наиболее важными были государства древних греков и

древних римлян. Боги и герои часто становились персонажами в результате творчества. Фрески и мозаики, характерные для античных интерьеров, служили декоративностью и создавались для ритуальных сцен. Они имели определённую атмосферу, где светская и религиозная жизни переплетались. Эволюция греческого общества в классовую сторону происходит во время архаики. Искусство Древней Греции изучается во всех проявлениях. Оно формировалось, развивалось на протяжении длительного времени и стало главной основой для римской и современной культур.

Историю Древней Греции принято делить на пять основных периодов, охватывающих временной промежуток от 3 тысячелетия до н.э. до V века н.э.: Крито-микенский, Гомеровский, Архаический, Классический и Эллинистический периоды. Греческая скульптура прошла удивительный путь эволюции: от застывших, условных фигур архаики к гармоничному идеалу классики и бурной экспрессии эллинизма. Ее главной темой всегда был человек, сначала в образе бога, затем атлета и героя, а позже — простой личности со всеми ее страстями и переживаниями. Классическим жанром в древнегреческом театре была комедия, также показывали и трагедию, а его неотъемлемой частью является хор. Жанр трагедии появился благодаря песни богу Дионису, слово дословно переводится как «песнь козла». Музыканты надевали настоящие козлиные меха. Для копирования мифических спутников бога виноделия. Крепкой основой древнегреческой музыки был одноголосое пение. Музыка развивалась благодаря развитию поэзии. Вокалист просто пел свои написанные стихи, играя музыку на музыкальном инструменте. Особенного музыкального инструмента в использовании не было. Например, древние греки могли использовать в музыке: лиру, флейту, авлодию, кифародию и «флейту Пана». Популярными произведениями все также оставались гимны богам и богиням. Пелись народные песни, среди которых были и крестьянские, свадебные и поминальные. В театрально-хоровых песнях преобладали элегии, исполняемые под флейту, и оды.

Культура Древнего Рима существовала более 12 веков и обладала своими большими уникальными ценностями. В римском искусстве присутствовали темы как, почитание и прославление богов, любовь к Родине и солдатская доблесть. Музыка Рима во многом повторяла и подражала греческим образцам. Музыканты, актёры и скульпторы часто приглашались из Эллады. Достаточно большой популярностью пользовались оды Горация и Овидия. Со временем музыкальные выступления становились зрелищными они сочетались с прекрасными театральными постановками и гладиаторскими боями. В то время, особенно выдающихся результатов достигла философская деятельность, развитие получили такие направления, как римский стоицизм. Он ориентировался на достижение духовных и нравственных идеалов. И неоплатонизм, который стремился к развитию высшей духовной сущности души и экстатическим переживаниям. В Риме древнегреческий учёный Птолемей разработал геоцентрическую модель мира. Он создал множество

трудов по математике и географии. Римский врач Гален возвысил понимание роли нервов в управлении двигательными рефлексам и кровообращением.

Античное искусство – это художественные направления, сформировавшиеся в Древней Греции и Древнем Риме. Оно заложило основу для понимания культуры, науки и искусства в следующие эпохи. Исследование его значения позволяет понять, как классические идеи и формы продолжают оказывать влияние на современное и будущее искусство.

Искусство античности отличалось гармонией, балансом и поиском идеала. Скульптура, архитектура, живопись этого периода стала образцом прекрасного и технического мастерства. Принципы симметрии и пропорций, заложенные во время античности, остаются базой и основой для многих архитектурных и художественных проектов. Влияние на Возрождение и последующую культуру. Во время эпохи Возрождения творцы и архитекторы обратились к античным образцам, возрождая классические техники написания и идеалы в пропорциях. Это поспособствовало росту гуманизма, научного подхода и искусства, основанного на изучении человека и природы.

Античность как фундамент для нашего нового и современного искусства. Новые художники и появившиеся дизайнеры нередко ищут вдохновение и силы, в античном наследии, используя классические мотивы, образы и символы. Идеи античности помогают создавать гармоничные и функциональные творения. Благодаря проработанности и идеи они остаются актуальными и в будущем. Античное искусство развивает критическое мышление, даёт чувство эстетики и глубокое понимание культурных традиций. Это важно для формирования и поднятия творческой личности будущего поколения.

Античное искусство является не просто историческим феноменом. Это живая основа, на которой строится будущее искусства, творчества и культуры. Его принципы гармонии, человеческой удивительной красоты и несомненно совершенства остаются актуальными, вдохновляя и направляя развитие творческой деятельности в современном мире и будущем. Изучение и установка в архивах античного наследия важно для устойчивого культурного прогресса.

Термин «средние века» от латинского *medium aevum* (медиевистика), был предложен итальянскими гуманистами в XV веке. Он обозначает период между античностью и эпохой Возрождения. Для гуманистов средние века были периодом упадка и деградации по сравнению с античностью и их временем. Средневековое искусство охватывает период примерно с V по XV век и является отражением духовных, культурных и социальных процессов того времени. Основные направления включают романское и готическое искусство, являющиеся выражением религиозных идеалов. В религиозной тематике, главным источником вдохновения была христианская вера. Церкви, соборы и монастыри украшались фресками, мозаиками, витражами и резьбой, изображающими библейские сюжеты. В архитектуре романский стиль отличался массивностью и тяжеловесностью, строгостью форм, тогда как

готика стремилась к высоте и свету, использовала стрельчатые арки, витражи и контрфорсы. Скульптура и живопись того времени, преимущественно служили религиозным целям, имели символическое значение и обоснованы догматами церкви. Персонажи часто изображались условно, с акцентом на духовное содержание.

Средневековое искусство заложило основы европейской культурной традиции, особенно в архитектуре: готические соборы стали образцом для многих последующих построек и символами городов. Развитие техники витражей, фресок и иконописи способствовало развитию изобразительных искусств в эпоху Возрождения. Идеалы, заложенные в религиозном искусстве, повлияли на философские и этические взгляды европейского общества. Средневековая художественная практика стала фундаментом для дальнейшего развития учебных заведений, манускриптов и книгопечатания, что способствовало распространению знаний.

Таким образом, навыки, которые приобретены в прошлом и развиты в настоящем, составляют искусство ремесла и свободное творчество. Искусство – это, одновременно и знание, и навыки, которые в сочетании создают уникальный творческий процесс, но также могут работать и по отдельности. Искусство является важным средством самовыражения и передачи культурных ценностей, объединяя теорию и практику в единое целое.

Изучение древнего мира на основе исторических источников позволило понять глубокую взаимосвязь религии, общественного устройства, творчества и окружающей среды, что формировало поведение и мышление древних цивилизаций. Связь религии и искусства глубока и многогранна в прошлом и в настоящем. Религия не только служит источником вдохновения, но и формирует культурное наследие, отражая духовные и моральные ценности общества через призму творчества.

Список литературы:

- 1.Бауэр, С. История Древнего мира. Т.1 / С. Бауэр. - М.: АСТ, 2019. - 480 с.
- 2.Бауэр, С. История Древнего мира. Т.2 / С. Бауэр. - М.: АСТ, 2019. – 800с.
- 3.Кузищин, В.И. История Древнего Рима / В.И. Кузищин. - М.: Высшая школа, 2007 – 383 с.
- 4.Агибалова Е.В., Донской Г.М. «История средних веков», М., Просвещение, 2007.
- 5.Булычев К. Тайны средневековья: Сошинская К./К.Б улычев. - М.: АрмадапрессДрофа, 2002.-173с.

Корепанова Александра Дмитриевна

2 ГД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Alexandra Korepanova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭКСПОРТ ИКОННОГО ФОНДА ИЗ СССР В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОХРАНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: В статье исследуется процесс национализации и экспорта русских икон в 1920–1930-е годы, когда советское руководство рассматривало церковные ценности как источник валюты для индустриализации, передавая их через «Антиквариат» и Торгсин на зарубежные рынки. Анализируется противоречивая роль музейных сотрудников и реставраторов, которые, спасая шедевры от уничтожения, одновременно участвовали в их отборе для продажи, что привело к концентрации древнерусского искусства в столичных музеях, но и к обнищанию региональных собраний.

Ключевые слова: икона, древнерусское искусство, Государственный исторический музей, Государственная Третьяковская галерея, антиквариат, экспорт.

EXPORT OF THE ICON FOND FROM THE USSR IN THE 1920S AND 1930S AND ITS IMPACT ON THE PRESERVATION OF MODERN CULTURAL HERITAGE

Summary: The article explores the process of nationalization and export of Russian icons in the 1920s and 1930s, when the Soviet government viewed church valuables as a source of currency for industrialization, transferring them through Antikvariat and Torgsin to foreign markets. The article analyzes the controversial role of museum staff and restorers, who, while saving masterpieces from destruction, also participated in selecting them for sale, leading to the concentration of ancient Russian art in metropolitan museums and the impoverishment of regional collections.

Keywords: icon, ancient Russian art, State Historical Museum, State Tretyakov Gallery, antiques, export.

Экспорт русского иконного фонда из СССР, пик которого пришелся на 1930-е годы, был обусловлен прежде всего экономическими причинами. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года обсуждалась первая пятилетка, и стало очевидно: для индустриализации требуются колоссальные валютные средства. Золотые запасы были пусты, а надежды на экспорт сельхозсырья не оправдались – после краха Нью-Йоркской биржи 1929 года цены на сырье рухнули, тогда как стоимость импортного оборудования неуклонно росла. В

условиях острого валютного дефицита советское руководство обратилось к массовому экспорту антиквариата, включая иконы, которые должны были финансировать строительство «государства безбожников».

Первым шагом стала национализация и централизация ценностей в крупнейших музеях. Решения о передаче и продаже икон принимала Комиссия по сохранению памятников древней живописи под эгидой И.Э. Грабаря. Инструкция Главнауки предписывала отбирать на продажу наиболее ценные предметы, а их оценку проводили музейные сотрудники с приглашенными экспертами. Одним из главных центров аккумуляции стал Государственный Исторический музей (ГИМ), куда поступили величайшие шедевры русской иконописи: домонгольские святыни – «Богоматерь Владимирская», «Ангел Златые Власы», «Спас Нерукотворный», «Устюжское Благовещение», а также «Богоматерь Донская», «Богоматерь Пименовская» и легендарная «Четырехчастная» икона круга Феофана Грека. Однако ГИМу не суждено было стать главным хранилищем: уже в 1930 году началось массовое перемещение икон из его стен.

Судьба коллекции Третьяковской галереи (ГТГ) сложилась иначе. До революции ее собрание было камерным – чуть более 60 икон, к 1927 году – около 150. Сегодня же фонд древнерусского искусства ГТГ насчитывает почти 7000 единиц, из которых около 4500 – иконы. Этот колоссальный рост – порождение советской эпохи. Первая крупная передача состоялась в 1929 году, а в 1930 галерея получила из ГИМ более восьмисот лучших икон. 3 августа 1930 года заведующий отделом нумизматики А.В. Орешников записал в дневнике: «Сегодня Третьяковка, по распоряжению свыше, [забрала] все наши сокровища иконной живописи: Владимирскую, Донскую, Спаса «златые власы», Ангела с золотыми волосами и проч. (всего 28). Хорошо, если эти иконы останутся у нас, а если уйдут за границу».

Авторы авторитетных каталогов 1963 и 1995 годов объясняют передачу естественной логикой: иконам место в художественном музее, а не в историко-бытовом. Однако в послереволюционные годы это не было очевидным. К началу 1930-х ГИМ, аккумулировав тысячи икон, де-факто превратился в мощнейший художественный музей древнерусского искусства (и сегодня он владеет собранием из шести тысяч икон). Решение передать их в Третьяковку было не техническим, а идеологическим. Признать его «естественность» – значит поверить, что власть видела в иконе прежде всего искусство. Но это далеко от истины: в ГТГ после получения коллекции не создали профильного отдела древнерусского искусства – иконы «затерялись» в отделе феодализма, эпизодически появляясь в экспозициях как иллюстрация религиозного «мракобесия». Парадокс в том, что перемещение икон в художественный музей совпало с периодом, когда их художественная ценность была принижена. Признание иконы искусством, утвердившееся в начале XX века, отбросила воинствующая безбожная идеология. Для власти икона вновь стала религиозным атрибутом, а антирелигиозная пропаганда оказалась важнее эстетического воспитания. Ее место в музее определяла политическая повестка

– и дискуссии о том, где икона должна находиться, в музее или в храме, остаются острыми по сей день, напоминая о сложной природе этого наследия.

Интересно также то, как происходила национализация предметов искусства на практике. В процессе этого осуществлялись: приватизация государством частного имущества, массовое разорение монастырей и церквей, усадеб и квартир, изъятие икон из региональных музеев. Например, такова судьба киевской иконы второй половины XII века «Святой Дмитрий Солунский» из Успенского собора в Дмитрове, оказавшейся в ГТГ в 1930 году (до передачи в ГТГ она находилась в краеведческом музее города Дмитрова); или иконы вологодской школы «Святой Николай Чудотворец с житием» второй половины XIV века, изъятый из Вологодского музея. В письмах Ивана Васильевича Федышина, возглавлявшего художественный отдел Вологодского музея, ярко отразились тревоги и умонастроения, свойственные провинциальным музейщикам той эпохи. В 1926 году, будучи в Москве на курсах повышения квалификации при Главнауке, он в одном из посланий просил свою сотрудницу (а вскоре и будущую жену) спрятать наиболее ценные иконы «в самый темный угол и никому не показывать: ни Грабарю, ни Анисимову, а то поминай как звали! Непременно утащат». «Хищничество и жадность до редкостей у москвичей, – писал Федышин, – развиты гораздо больше, чем у нас грешных». Находясь на лечении в санатории в мае 1930 года, Федышин в письме инструктировал жену:

«Вероятно, уже появились в Вологде приезжие специалисты из центра и скоро приедет экспедиция Анисимова. На всякий случай уברי на лестницу вниз за портреты 3 иконы: 1) «Козьму и Дамиана», 2) «Богородицу» из Гавр[иило]-Архангельск[ой] ц[еркви]... и 3) «Николу» из ц[еркви] Воскресения».

Массовое закрытие и снос храмов в 1930-е годы стали еще одной печальной страницей в истории пополнения музейных собраний. Ценности либо напрямую вывозились сотрудниками галерей из подлежащих ликвидации церквей, либо поступали через музейный фонд МОНО. Характерный пример — закрытие церкви Николая в Толмачах летом 1929 года и передача ее здания Третьяковской галерее под хранилище. Принцип раздела был циничен: общине оставляли то, что не имело музейной ценности. Большинство закрытых московских церквей впоследствии разрушили – в нынешних границах города таких утраченных храмов не менее двухсот. О размахе уничтожения свидетельствуют документы: только за 1933 год в связи с закрытием московских церквей «был собран 1021 памятник» древнерусского искусства, а план комплектования иконной коллекции галереи оказался перевыполнен.

Благодаря масштабным изъятиям к исходу 1930 года собрание ГТГ стало уникальным. В его составе оказалось шесть бесценных домонгольских памятников: «Богоматерь Владимирская», «Устюжское Благовещение», «Спас Нерукотворный» из кремлевского Успенского собора, «Никола с избранными святыми» из Новодевичьего монастыря, а также обретенные экспедициями «Богоматерь Великая Панагия» из Ярославля и «Димитрий Солунский» из

Дмитрова. Новый мощный приток икон произошел в начале 1934 года после ликвидации Центральных реставрационных мастерских. Галерее досталось несколько сотен первоклассных произведений, но за этим стояла человеческая трагедия: закрытие мастерских стало следствием репрессий. В марте 1931 года арестовали ведущих реставраторов П.И. Юкина и Г.О. Чирикова, отправив их в ссылку на Север. И.Э. Грабарь, предчувствуя беду, заранее ушел на пенсию. В феврале 1934 года мастерские закрыли, а уцелевших сотрудников вместе с иконами передали Третьяковской галерее.

Разорение региональных музеев и разрушение храмов привели к обнищанию художественного фонда в глубинке. Страна лишилась множества памятников и потенциальных туристических локаций – даже сейчас ни один региональный музей не может состязаться с собраниями Москвы и Петербурга. Однако у этой истории есть и другая сторона: попав в Третьяковскую галерею, иконы были спасены от физического уничтожения, а их концентрация имела колоссальное научное значение. Искусствоведы получили уникальный материал: обрел реальные очертания домонгольский период, прояснились границы новгородской школы, и была признана самостоятельной московская школа иконописи.

Параллельно с концентрацией происходила оценка икон как потенциального товара и их распределение в торгующие организации. С 1928 года действовал Госторг, затем создали специализированную контору «Антиквариат». Документы фиксируют масштаб передачи ценностей. По акту № 217 от 21 июля 1931 года ученый секретарь ГИМ П.А. Незнамов сдал эксперту Торгсина А.С. Бубновой 52 металлических предмета (18 крестов, иконы, образки, складни, панагии) на сумму 85,5 рубля. 28 сентября 1932 года заведующий отделом нумизматики ГИМ А.В. Орешников передал представителю «Антиквариата» Т. И. Сорокину 112 металлических образов, признанными «не имеющими музейного значения», на сумму 369 рублей. А 21 октября того же года по акту № 154 Торгсин через Сорокина получил из Исторического музея 50 икон на сумму 1300 рублей – цены от 15 до 50 рублей за икону указывают на их высокую художественную ценность.

После революции иконы хлынули на барахолки и в комиссионки, став массовым товаром. Купить их могли только иностранцы: для обнищавших россиян это было недоступно. Для западных коллекционеров русские иконы были экзотикой и модным сувениром. В 1920–30-е годы иностранные дипломаты и предприниматели, жившие или работавшие в СССР, скупая святыни на рынках, собрали первые весомые коллекции, которые позже оказались на Западе.

30 октября 1928 года специальная правительственная комиссия по антикварному экспорту приняла решение о необходимости освоения зарубежных рынков для продажи старинных русских икон. В качестве одного из инструментов продвижения было предложено организовать за границей выставку древнерусской живописи. Уже в конце ноября соответствующее распоряжение Главнауки Народного комиссариата просвещения РСФСР

(Наркомпроса) о подготовке экспозиции поступило в музейные учреждения. Для отбора экспонатов по стране направили сотрудников реставрационных мастерских под руководством И.Э. Грабаря. В Москве сам Грабарь активно включился в процесс, не пренебрегая и методами давления. Для предполагавшейся выставки из собрания Третьяковской галереи он изъясил 25 памятников иконописи XIV–XVIII веков, а также большую псковскую икону «Избранные святые», приобретенную Советом галереи еще в 1917 году.

Выставка планировалась с целью создать товарный спрос на русские иконы, но ей придавался научный характер – не религиозная, а выставка произведений древнерусского искусства; и предполагалось, несмотря на то что ее организацией занимается торговое ведомство, считать ее наркомпросовской, о чем и объявить публично.

То, что многие ценные произведения древнерусского искусства остались на Родине, оказалось крайне важным, поскольку «Антиквариат», вопреки соглашениям, пытался продать иконы с выставки за границей. Оставшиеся же в России экспонаты избежали и повреждений, нередких при длительных перевозках, которые к тому же порой осуществлялись без всякого сопровождения.

Выставочное турне охватило ряд европейских стран и девять музеев США. Его скрытой задачей было формирование американского рынка сбыта старинных русских икон при содействии частных компаний. Однако реальный спрос оказался неожиданным: главными покупателями стали американские домохозяйки, рассматривавшие иконы как декоративный элемент интерьера. Их выбор падал на небольшие образа XIX века с богатыми окладами. Формировали вкус этой публики не эксперты и не искусствоведы, а коммивояжеры, торговавшие через универмаги, преподнося товар как «сокровища царской семьи».

Как отмечает профессор В. Салмонд, в 1930-е годы в Америке произошла смысловая трансформация русской иконы. Она утратила функции сакрального предмета, музейного раритета или шедевра реставрации, превратившись в сувенир, элемент декора и материальную нить, связывающую владельца с миром российской аристократии. Такое восприятие резко контрастировало с просветительскими задачами выставки, позиционировавшей икону как древнее искусство. Впоследствии приобретенные тогда иконы – бывшими дипломатами, туристами и теми самыми домохозяйками – осели в музейных собраниях Нью-Йорка, Детройта, Цинциннати, Ричмонда и других городов, определив географию русских коллекций в США.

Политика национализации, централизации и экспорта русских икон в 1920–1930-е годы стала сложнейшим этапом в истории отечественной культуры, последствия которого ощущаются до сих пор. Оценка этих событий не может быть однозначной, поскольку они имели как созидательные, так и разрушительные последствия.

К положительным последствиям следует отнести физическое спасение множества памятников. В условиях массового закрытия и сноса храмов,

проводимых в ходе антирелигиозной кампании, концентрация икон в крупнейших музеях – прежде всего в Третьяковской галерее – уберегла шедевры от уничтожения, переплавки и порчи. Благодаря масштабным изъятиям к началу 1930-х годов сложились уникальные собрания, позволившие искусствоведам обосновать самостоятельность московской школы иконописи, систематизировать знания о новгородской школе и домонгольском периоде русской иконописи. Передача наследия Центральных реставрационных мастерских в ГТГ обеспечила преемственность реставрационных традиций. Кроме того, массовый экспорт способствовал осведомленности Запада о русском иконописном искусстве: сегодня тысячи русских икон хранятся в музеях разных стран мира. Так, в Национальном музее Швеции около ста икон происходят из фондов «Антиквариата» – это собрания Улофа Ашберга (52 иконы куплены при содействии Грабаря в 1928 году, еще 33 – в 1935-м) и Вилхелма Ассарссона (13 икон через коллекцию Оке Виберга поступили в музей в 1950–1960-е гг.). В Национальной галерее Осло не менее 18 икон поступило от Рудолфа Зейннер-Хенриксена и 11 – от Эйнара Кране. В музее Синебрюхова в Хельсинки из 32 икон 29 – русские XVI–XX веков. Крупнейшее в неправославном мире собрание – Музей икон в Реклингхаузене – включает две иконы из коллекции Ассарссона и 50 икон, приобретенных в 1965 году у антиквара А.А. Попова. В Лувре среди 28 русских икон есть «Богоматерь Умиление» московской школы начала XVI века, бесспорно происходящая из сталинского экспортного фонда.

Однако негативные последствия оказались не менее масштабны. Централизация привела к катастрофическому обеднению провинциальных музеев и исчезновению храмовой культуры на местах. Из регионов изъяли лучшие образцы иконописи, лишив их исторической памяти и туристического потенциала. Разрушение тысяч храмов (около 200 церквей было снесено только в Москве) нанесло невосполнимый урон архитектурному облику страны, а перемещение лучших образцов иконописи из регионов в столицу создало вопиющую диспропорцию: региональные музеи до сих пор не могут конкурировать с собраниями Москвы и Петербурга.

Перемещение икон в музеи сопровождалось идеологическим принижением их сути: власть рассматривала икону прежде всего как религиозный атрибут («мракобесие»), а не искусство, что отбросило достижения дореволюционного искусствознания. Репрессии против реставраторов (П.И. Юкин, Г.О. Чириков) и травля провинциальных музейщиков (И.В. Федышин) создали атмосферу страха, оборвав множество научных биографий. Но главным итогом стала безвозвратная утрата культурного наследия: массовый экспорт навсегда лишил страну огромного пласта национального достояния. Цена полученной валюты оказалась колоссальной – икона на Западе превратилась из сакрального предмета в дешевый сувенир, который коммивояжеры продавали в универмагах как «сокровища царской семьи», окончательно обесценив ее духовное и художественное содержание.

Список литературы:

- 1.Осокина Е.А. Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920—1930-е годы. – М: Новое литературное обозрение, 2018. – 664 с.
- 2.Осокина Е.А. Судьбы икон в Стране Советов. 1920–1930-е. – М: Новое литературное обозрение, 2023. – 416 с.
- 3.Павлова И.В. Торгсины в Западно-Сибирском крае // Экономика и организация. – 2003. – № 3. – С. 162–169.
- 4.Тетерятников В.М. Мистификации XX века // Культура. – 1994. – № 14. – URL.: <http://www.raruss.ru/restorer/1788-teteryatnikov-chirikov.html>

Коркина Антонина Александровна

1 ГД-22

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Antonina Korkina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЦВЕТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ: ЛИТЕРАТУРА И МИНИАТЮРЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: Статья рассматривает цвет в произведениях средневековых литераторов и художников, и смыслы, которыми он наделялся. В том числе связь между цветом и словесностью, физический и метафорический цвет в литературе религиозной и светской. Цвет как характеристика персонажа – как передаются «скрытые послания» в поэмах и хрониках, материальность и духовность как равнозначные характеристики цветов, цвет как проводник между физическим изображением и посланием «между строк».

Ключевые слова: цвет, символ, образ, Средневековье, миниатюра, искусство, христианство.

THE MEANING OF COLOR IN MEDIEVAL IMAGERY: LITERATURE AND MINIATURES OF THE LATE MIDDLE AGES

Summary: The article examines color in the works of medieval writers and artists and the meanings it was given. This includes the connection between color and literature, physical and metaphorical color in literature, both religious and secular. Color as a character characteristic – how “hidden messages” are conveyed in poems and chronicles, materiality and spirituality as equivalent characteristics of colors, color as a guide between the physical image and the message “between the lines”.

Keywords: color, symbol, image, Middle Ages, miniature, art, Christianity.

Сложно отрицать, что во многом именно европейское Средневековье создало символическое и цветовое кодирование, прослеживаемое в культуре следующих веков. Один из самых авторитетных историков-медиевистов XX века Жак Ле Гофф в своей книге «Цивилизация средневекового Запада» писал: «Хорошо известно пристрастие Средневековья к сверкающим, ярким цветам. Это был «варварский» вкус: кабошоны, которые вправляли в переплеты, блеск золота и серебра, многоцветие статуй и живописи на стенах церквей и богатых жилищ, магия витражей» [1, с. 407].

Но, как и любое другое понятие, цвет в эпоху Средних Веков, особенно в их конце, имел не только непосредственные физические характеристики, но и длинный ассоциативный ряд. Средневековье обладало таким массивным опытом связывания всего со всем с помощью метафор, игры слов и нахождения божественного в самой примитивной аллегории, что цвет, разумеется, также

попадал в этот философский корпус. Если мы попытаемся вникнуть в то, что собой представляло в те времена чувство прекрасного, мы обнаружим, что выражения эти почти всегда передавали ощущение сияния или естественного движения. Объясняя красоту вещей духовного свойства, их возводят к свету: разум есть свет; он выражается в знаниях, науке, искусстве, духовных ценностях. В том числе через понятие света как такового, прежде всего солнечного, в текстах, начиная с ветхозаветных, описывается Бог. Ближайшими цветами к обозначению чистого света на бумаге являлись белый и золотой.

Белый – олицетворение пустоты, чистоты и отсутствия материи, а значит, максимального приближения к нематериальному духовному. Золото же представляло собой более сложную этическую проблему. Как свет, оно взаимодействует с божественным: это благое золото, максимально приближенное к идее блеска и солнца. Но как материя, оно символизирует человеческую алчность: это *vanitas*. Это было сложной дилеммой для церкви и для самих художников, в работах которых к концу средневековья золота становилось чересчур много, и из благих намерений изобразить божественное величие, искусство начинало тяготеть к перегруженной роскоши. Тем не менее в средневековом понимании природы цвета золото теснейшим образом связано с белым, и иногда используется для выражения идеи «сверхбелого» цвета: эта хроматическая градация зачастую бывает необходима для подчеркивания иерархического превосходства небесного или божественного (например, мира ангелов), но при этом ни лексика, ни живопись не могут адекватно передать ее средствами скудной гаммы белых тонов. Словарь средневековой латыни свидетельствует о том, что золотой и белый были связаны между собой гораздо теснее, чем золотой и желтый: *aureus* (золотой) часто становится синонимом *candidus* (ослепительно белый) или *niveus* (белоснежный) и редко бывает синонимом *croceus* (шафрановый), или *galbinus*, *giallus*, или *luteus* (оттенки желтого) [2, с. 154].

Желтый же, в отличие от современности, поставившей бы его рядом с золотым, в средневековой образности существовал на противоположном конце эмоционального спектра. Словно «лживый» или искаженный золотой, желтый становился самым «некрасивым» в моральном смысле цветом, а, следовательно, наделялся значениями враждебности. Ла Марш в своих хрониках упоминает, что Генрих Вюртембергский, вместе со своей свитой облаченный в желтое, проследовал мимо герцога Бургундского «*et fut le duc adverty que cestoit contre luy*» [«и герцог был тем уведомлен, что затеяно сие было против него»] [4, с. 551].

Желтый также примечателен в иконографических изображениях Иуды, его одежды, в которой он все чаще и чаще появляется с конца XII века – например, в «Поцелуе Иуды» Джотто ди Бондоне (1304–1306 гг.) Закрепив за собой таким образом репутацию цвета лжи, далее желтый трактовался так и в других сюжетах: Ян Гус, казнённый по обвинению в ереси, изображался привязанным к столбу жёлтыми верёвками (первое подобное изображение встроено в текст рукописи 1430 г.)

Первостепенное значение по количеству разнообразных цветов в повседневной жизни и ее изображениях имела одежда. Для полной характеристики ее разнообразия пришлось бы обращаться не к скудным остаткам тканей, а к бесчисленным описаниям, что в рамках данной статьи и ценно. Описания одежды даются как в художественных произведениях (и высоких, и низких жанров), так и в хрониках. Некоторые ценные сведения относительно основных цветов дает Герольд Сицилийский в труде *Blason des couleurs*.

Черное, особенно в бархатных тканях, явно знаменует гордое, мрачное величие, столь любимое этой эпохой, высокомерное обособление от веселой пестроты, которая царила вокруг. Филипп Добрый, простившись с годами своей юности, всегда одет в черное, так же, как и его свита; его лошади тоже убраны черным. В абсолютно черном одеянии он изображен на своем портрете работы Рогира ван дер Вейдена (XV в.). Цвета короля Рене, стремившегося более ревностно подчеркивать свои знатность и утонченность, – серый, белый и черный. Герольд Сицилийский сообщает, что «черный – по нынешним временам излюбленный цвет одежды, ибо это цвет самый простой. Но все им злоупотребляют» [4, с. 552]. Вместе с тем в визуале того времени параллельно сосуществуют два черных цвета. Один – изысканный цвет королей, обозначающий уверенность и величие, упомянутые выше. На материальном уровне это объяснялось технической сложностью окраски одежды в черный цвет – чаще получался сероватый и неоднородный, а глубокий, с насыщенными отливами черный был доступен только высшим кругам и становился их символом. С другой стороны, черный по своей сути – отказ от любого цвета как такового, отказ от выделения себя, отречение от материальности цветного мира, цвет смирения и покаяния – стал цветом христианского монашества [2, с. 180]. Эта своеобразная дихотомия черного создавала хороший контраст для противопоставления этих двух категорий человечества в произведениях и вместе с тем давала почву для их объединения в заказных картинах, где короли и феодалы стремились продемонстрировать свою набожность и близость к монашескому внешнему виду.

Несмотря на нарастающую к позднему средневековью популярность черного, в праздничной и парадной одежде над всеми прочими цветами господствует красный. Зачастую парадные выходы государей полностью оформлены в багряный: он символизирует значимость, твердый характер, превосходство над остальными, более «блеклыми» в сопоставлении цветами. Хотя у красного также упоминается и обратная сторона: в произведениях те, кто эмблематизирует себя с помощью красного цвета, в той или иной мере имеют отношение к преисподней. Как, например, многочисленные алые рыцари из артуровских романов XII–XIII веков, которые встают на пути героя, сражаются с ним или предвещают смерть – они всегда движимы дурными намерениями и готовы к кровопролитию, а некоторые из них являются выходцами из потустороннего мира [4, с. 553–554]. Одним из характерных

примеров может служить легенда о Парцифале, изложенная Вольфрамом фон Эшенбахом.

Вдруг рыцарь перед ним возник,
Сияя, словно месяц ясный.
То был – скажу вам – Итер Красный,
Один из доблестных владык...
Явился он в доспехах алых,
На рыже-огненном коне.
Глаза горят. Лицо в огне.
Шишак – в рубинах и в кораллах.
Великолепный плащ на нем
Багровым светится огнем.
Как кровь, красно его копьё [5, с. 13].

Меньшее место, которое занимают в литературе синий и зеленый цвета, конечно, не связано с тем, что их меньше носили или меньше придавали им значения. Среди всех прочих цветов прежде всего зеленый и синий обладали особым символическим смыслом, и значение их повышалось тем, что как цвета одежды они почти не применялись. Оба они являлись цветами любви: зеленый – влюбленности, синий – верности. В христианской иконографии синий цвет также был закреплен за Девой Марией, которая в свою очередь покровительствовала французской монархии, поэтому и в светском искусстве ему придавалось возвышенное и благородное значение.

Эташ Дешан, поэт XIV века, говорит о влюбленных:

Одет в зеленое один,
Тот – в синее, того – любовь
Одела в алое, как кровь;
Кто ж страсть не в силах превозмочь,
От скорби в черном весь, как ночь.
Зеленый цвет был преимущественно цветом юной любви, полной надежд:
Зеленым облеку себя,
Сиречь одеждою влюбленных.

Поэтому часто и странствующий рыцарь должен одеваться в зеленое, демонстрируя читателям свою возвышенность в любовных чувствах.

Синий же цвет одежды влюбленного, как правило, свидетельствовал о его верности; однако она могла быть и обманчивой. У Кристины Пизанской, поэтессы XIV–XV веков, дама отвечает влюбленному, указывающему ей на свою одежду синего цвета:

Одежды синий цвет не убедит,
Равно как и девиз, в любви прочной;
Но кто душою предан и хранит
Честь дамы сердца от хулы порочной,
...Не в синем хоть, любовью дорожит,
Неверный же, который всё грешит,
Скрывает грех одеждою нарочной,

Облекшись в синее...

В эволюции образности синий, используемый из лицемерных побуждений, стал самостоятельным обозначением неверности. *De blauwe huik* [Синим плащом] именуют по-нидерландски неверную жену, а французское выражение *cote bleu* [синяя юбка] обозначает жертву супружеской измены [4, с. 555].

Для передачи же непосредственной аллегории предательства на Западе также имелся свой цвет, который располагается между красным и желтым, от каждого из них заимствует отрицательную сторону и, объединяя их, не просто символически удваивается, а как будто бы увеличивает негатив в геометрической прогрессии. Будет ошибочно воспринимать этот цвет как современный оранжевый – этот солнечный и позитивный концепт был практически незнаком средневековому сознанию, в отличие от более темного и насыщенного тона: рыжего – цвета, связанного с бесами, лисами, лицемерием, обманом и предательством.

Ни в одном каноническом тексте Нового Завета и даже ни в одном библейском апокрифе о внешности Иуды ничего не говорится. Поэтому в раннехристианском, а затем раннесредневековом искусстве Иуда не обладает какими бы то ни было специфическими чертами или атрибутами. В изображениях Тайной вечери художники тем не менее старались выделить его на фоне других апостолов с помощью какого-нибудь отличительного признака – местоположения, роста, позы, особенностей волосяного покрова. Образ рыжеволосого Иуды в миниатюрах появляется и получает распространение в эпоху Карла Лысого, что мы можем отметить на сцене Тайной вечери в молитвеннике из южной Германии (около 1160–1170). Данная иконографическая традиция, возникшая в прирейнских и мозанских областях, мало-помалу завоевывает значительную часть Западной Европы (однако в Италии и Испании она долгое время будет оставаться менее распространенной, чем в других странах). Затем, начиная с XIII века, рыжая шевелюра, часто в сочетании с рыжей бородой, становится в эмблематическом арсенале Иуды основным и самым распространенным атрибутивным признаком: об этом свидетельствуют миниатюры сцен взятия Христа под стражу в «Книге Мадам Мари» (ок. 1285–1290), и Тайной вечери в Баварском Псалтыре (ок. 1230–1240).

Зачастую цветовая символика обуславливалась зарождающейся, иногда ошибочной, филологией. В Германии в позднем Средневековье была распространена игра слов, построенная на этимологическом возведении прозвища Искарот, Iskariot («человек из Кариота») к *ist gar rot*: это означало, что он «является совершенно красным» [2, с. 173].

Также смешением красного и желтого обозначались негативные персонажи детских сказок и нравоучительных историй: сыновья, восставшие против отцов, братья-клятвопреступники, дядья-узурпаторы, неверные жены и мужья.

Отдельно стоит разобрать нелюбовь средневековой образности к самому смешению цветов – например, как мы наблюдали это с рыжим (красный и

желтый). Смещение, как и пятнистость, рябь, неравномерность (даже при случайной неравномерной окраске ткани) ассоциировались с чем-то грязным, как физически, так и в переносном смысле. Материально пятна и рябые текстуры (сюда же включались такие черты внешности, как веснушки или родимые пятна, полосатые ткани, лоскутные или шахматные (хотя в этом случае бывали исключения)) воспринимались как отголосок проказы, и затем трансформировались в общий негативный признак. Метафорически же смешением и, следовательно, искажением цветов промышленный дьявол, стремясь сбить с истинного пути. Благие, святые символы всегда обладали чистым цветом.

Хотя на самих изображениях, если цвет ложился неоднородно, нечистым он не считался – миниатюры были всего лишь физическим проводником для передачи смысла сюжета. Для культуры европейского Средневековья было логично, что любая условная «красноватая» краска, будь она розовой, оранжевой или любой другой – в своей идее все тот же красный абсолют, а значит, наделяется теми же смыслами. И наоборот: если изображалось реальное историческое событие и в описании значится «мантия короля была красной», необязательно она была красной на самом деле. Это лишь отображение качеств, которые автор хотел сообщить читателям, условный знак. Он мог иметь смысл относительно конкретного события, вступать в контраст с другими указанными цветами или являться референсом к какому-либо архетипу, с которым автор хотел сравнить этого короля.

Разобрав некоторые особенности колористического языка средних веков, на котором говорили произведения искусства и культуры, можно заметить, насколько масштабно взаимовлияние лексики, религиозных канонов и взглядов, и изобразительной грамоты. Можно предположить, что в современные нам годы символика цветов утратила такое глубокое значение и мы воспринимаем их без «балласта» метафор и религии. Однако средневековая смысловая кодификация наследуется христианской европейской цивилизацией до сих пор: например, очень малое количество людей, живущих в Западной Европе, назовут желтый цвет своим любимым, но вероятно, не смогут объяснить, почему именно [3, с. 87]. Закрепленный ассоциативный ряд существует на подсознательном уровне и тянется за всем, на что уже повлияла культура.

Список литературы:

1. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада – М.: Прогресс-академия, 1992. – 372 с.
2. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья – СПб.: Александрия, 2019. – 448 с.
3. Пастуро М. Желтый. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 160 с.
4. Хейзенга Й. Осень Средневековья. – М.: Иллюстратор, 2023. – 789 с.
5. Эшенбах В. Парцифаль. – М.: Художественная литература, 1974. – 75 с.

Котыхова Елена Александровна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Kotikhova Elena

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА ЕВРОПЫ 14 - 16 ВЕКОВ

Аннотация: В статье рассматривается развитие европейского исторического костюма XIV–XVI веков, а также особенности вышивки, текстильных материалов и фурнитуры данного периода. Анализируется влияние социально-культурных процессов на формирование моды позднего Средневековья и Ренессанса, а также отражение этих традиций в современной практике реконструкторов и художников по костюму XXI века. Особое внимание уделено технологиям изготовления тканей, способам окрашивания и художественным техникам вышивки.

Ключевые слова: Исторический костюм, Средневековье, вышивка, текстиль, фурнитура, окрашивание тканей, реконструкция костюма, символизм, европейская мода.

THE DEVELOPMENT OF THE HISTORICAL COSTUME OF EUROPE IN THE 14TH - 16TH CENTURIES

Summary: The article examines the development of European historical costume in the 14th–16th centuries, focusing on embroidery techniques, textile materials, and decorative elements of the period. It analyzes the impact of social and cultural changes on the formation of fashion during the Late Middle Ages and the Renaissance, as well as the influence of these traditions on the work of contemporary costume designers and historical reenactors of the 21st century. Special attention is given to fabric production technologies, dyeing methods, and artistic embroidery techniques.

Keywords: Historical costume, Middle Ages, embroidery, textiles, accessories, fabric dyeing, costume reconstruction, symbolism, European fashion.

История — неотъемлемая часть каждого человека, с первого вздоха и даже после его смерти. Всё живет и развивается, чтобы остаться в памяти, а затем быть запечатленным на страницах книг и фолиантов. Человек боится забвения, а потому старается оставить после себя — наследие.

Мода всегда была быстротечна - во все времена и костюм является одним из главных доказательств - общественного развития. С XII по XVI век в Европе происходили значительные изменения в обществе: от феодального строя к зарождению капитализма и гуманизма эпохи Возрождения. Эти процессы

нашли отражение и в одежде — от простых форм Средневековья до изысканных и роскошных нарядов Ренессанса.

Прежде чем коснуться позднего Средневековья нужно рассмотреть его первые шаги в истории. Стоит начать знакомство с костюмом народов Южной и Средней Европы Романского периода: Франки, Германцы, Бургунды, Итальянцы X-XII, которые показывают период разрушения и перестройки античной культуры, где простоту и легкость в костюме выдворили суровый быт и нрав.

У разных народов все равно сохранялись общие черты костюма, который состоял из ограниченного количества вещей, слабо различающимися по половому признаку, возрасту и социальной принадлежности. Каждая часть костюма обладала символической осмысленностью и надевалась в строгих правилах. Костюм этого периода формировался на протяжении нескольких веков, последовательно соединяя и сохраняя позднеримские и византийские традиции с элементами варварского германского костюма и одежды романизованных галлов. В результате этого, сшитый костюм сменил свободно драпирующиеся одеяния античности. Убранства того периода можно охарактеризовать как: накладные, цельные, массивные.[1]

Мужской костюм включал в себя нижнюю рубаху - камизию (*camisia* - нижняя) - которая считалась одним из главных оберегов, ее сшили из сукняной шерстяной ткани, расшивая тонкими полосами на горловине, рукавах и по подолу. Под влиянием крестовых походов, рубаху в дальнейшем стали окрашивать с помощью шафрана в золотисто-оранжевый цвет, собирая складки и разрезали по бокам для удобства.[1] Следующим элементом нательной рубахи были брэ / браки - это были длинные брюки, которые оплетались внизу ремнями или лентами, а на уровне талии удерживались кожаным ремнем. Ноги же прикрывали чулки - шоссы, которые подвязывались с помощью тканевых лент, кожаных полос или вовсе с помощью шнуров из пряжи.[1] Позднее появились сшитые между собой шоссы, которые стали прообразом современных брюк. Верхней одеждой служила туника - гонель. По своему крою была аналогична крою камизии, но использовались более грубые ткани, например льняные. Рубаха всегда должна была быть подпоясанной, пояс делил человека на две части, его лучшую и худшую.[1] Еще одной частью верхней одежды был плащ - шап - повторяющий крой античной палаты[1] - (*lat. paenula*) — это древнеримский плащ, похожий на пончо, который сначала носили люди низкого статуса, но позднее он стал повседневной одеждой, удобной для путешествий и верховой езды. Это был широкий плащ из грубой шерсти с отверстием для головы, который мог снабжаться капюшоном для защиты от непогоды.[2] Накидка, что носилась на правом плече называлась - манто.[1] Часто плащи закалывали фибулой (*лат. fibula*, скоба) — металлическая застёжка, которая служила в быту с бронзового века, до позднего средневековья, со временем была высунута пуговицами, но осталась элементом национального костюма, таких народов, как Эстонцев, Скандинавов и др.[3]

Женский костюм не отличался излишнем шиком по сравнению с мужским, в первую очередь надевалась свободная туника - шенз, которую также закрепляли поясом красного цвета - для защиты от темных сил, поверх накидывали тунику-далматику, а сначала XII в. Блио, которое и задавало тенденцию на длинный шлейф, что с веками лишь устаканиться в женском костюме вплоть до XIX в. до прихода модной революции- Ар-Деко. Рукава были узкие у плеча, а затем расширялись от локтя, одеяние обязательно украшалось поясом из сафьяна, шелка или гибких металлических колец - указывая статус хозяйки. Верхним слоем служил удлиненный меховой жилет - пелиссон или накидка шазюбль, с разрезами для рук, и вдоль боковых швов для удобства в носке. Но не смотря на многочисленные слои главным атрибутом женского гардероба служил оббон - небольшой головной убор формы чепчика, прикрывающийся небольшим полотном или целым полотнищем - кувр - шерф.

К сожалению средневековая мода не могла похвастаться излишеством и обилием тканей, по причине слабо развитого ремесла, вплоть до XVIII-XIX - времен промышленной революции.[4] А потому девушек с юности учили вышивки, прядению и ткачеству не смотря на происхождение и сословие.[1] К середине XII века в Европе были известны такие ткани: Саржа, Шерстяной драп экарлот, Сатин, Камлот, Парча, Китайский шелк и Бархат. Считается, что прялка была изобретена где-то на Востоке, а попала в Европу уже в эпоху крестовых походов. Работали на ней так: кудель (прядельное волокно) закреплялось с помощью веревки на лопасти прялки. Пряха садилась на донце прялки и левой рукой вытягивала из кудели нить, а правой рукой – закручивала веретено как волчок, а вместе с ним и нить, при этом готовая нить наматывалась на среднюю часть веретена.[5] В одеждах преимущественно использовалась овчина, а потому одеяния, даже у знати имели неприметные цвета, но начиная с XVII мир стал приобретать яркие цвета. Так из Индии стали доставлять синий краситель - Индиго, его производили из стеблей и листьев растений рода индигофера, красный добывали из Марены Красильной цвет носил название Ализарин. Еще одним столь же древнейшим красителем был Пурпур. Добывали его из улиток-багрянок, измельчая их с водой. Если требовалось окрасить пряжу или ткань в желтый цвет, средневековые мастера могли использовать более двух десятков местных растений, таких как Бессмертник, Вереск, Манжетка, Пупавка, Черёда. Могли применяться цветы и листья Золотарника. В ход шли даже листья Березы и Чернотала, а еще, конечно же, всем известная Луковая шелуха. Использовались также и корни растений - Щавеля и Ириса. У Орешника и Дикой яблони брали кору. Сок ягод Ежевики позволял придавать тканям малиновую и фиолетовую окраску, а вот кора Дуба, к которой добавлялось ржавое железо, давала цвет от темно-синего до черного. После того, как ткань или пряжа проваривались в чане с краской, в него в качестве закрепителя добавлялся Уксус.[6]

Ранее мы уже затрагивали тему вышивки в средневековый период. Вышивка того времени имела в первую очередь религиозное значение, а затем уже эстетическое. Гладь (счетная вышивка) выполняется стежками в одном

направлении, при этом каждый следующий стежок считается от предыдущего. Таким образом, образуется ровная и гладкая поверхность с однородным швом. Гобеленовая вышивка эта техника представляет собой вышивку на гобеленовом полотне, которое служит основой для работы. Байковая вышивка заключается в создании сложных узоров и рисунков, используя большое количество мелких стежков. Байковая вышивка выполнялась тонкой шелковой или хлопчатобумажной нитью. Чернонабивная вышивка представляет собой технику, при которой используется черная нить или шелк. Но самым культурно ценным стали золотошвейки, вышивавшие изделия драгоценными металлами. Канитель – одна из основных техник вышивки золотыми нитями. Обычно пропускается через ткань, образуя петли или стежки, которые затем закрепляются на обратной стороне. Пришивная вышивка золотом – техника, при которой золотые нити пришиваются к ткани с помощью иглы. Нити могут быть закреплены в различных узорах и формах, создавая блестящие и изысканные декоративные элементы. Техника золотых контуров заключается в использовании золотых нитей для создания контуров и орнаментов на ткани. Золотая нить пропускается через ткань, образуя тонкие линии и узоры, которые подчеркивают формы и детали вышивки. Кракле – техника вышивки золотом, при которой золотая нить пропускается через ткань таким образом, чтобы создать трещинообразные узоры или разрывы в поверхности. Также была распространена техника “белый по белому” в вышивке представляет собой особую форму вышивки, при которой используются оттенки белого цвета на белой ткани. Таким образом, в Средние века существовало множество различных техник вышивки, каждая из которых давала свои особенности и возможности для выражения идей и историй через искусство вышивки.[6]

Исторический костюм Европы XIV–XVI веков отражает глубокие социальные и культурные изменения, происходившие в обществе на переходе от Средневековья к Ренессансу. Развитие тканей, технологий окрашивания и разнообразных техник вышивки демонстрирует рост ремесленного мастерства и формирование новых эстетических представлений. Изучение этих процессов позволяет современным исследователям, реконструкторам и художникам по костюму точнее понимать культурный контекст эпохи и создавать достоверные исторические образы.

Список литературы:

- 1.Плеханова, Е. О. История костюма, текстильного и ювелирного искусства: учебное пособие // Е. О. Плеханова. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2024. – 224 с.
- 2.Андреева Р. П. Пенула // Энциклопедия моды. — СПб.: Литера, 1997. — С. 280.
- 3.Андреева Р. П. Фибула // Энциклопедия моды. — СПб.: Литера, 1997. — С. 362.
- 4.Дмитрий Бовыкин // Промышленная революция – URL.: <https://postnauka.org/faq/48275>

5. Вячеслав Шпаковский // Трудлюбивое Средневековье: ткачи и красильщики
- URL.: <https://topwar.ru/219701-trudoljubivoe-srednevekove-tkachi-i-krasilschiki.html>
6. Вышивка в Средние века: Исторический контекст и значимость – URL.:
<https://vishivanie24.ru/vyshivka-v-srednie-veka-istoricheskij-kontekst-i-znachimost-2/>

Котыхова Елена Александровна

1 ТД-16с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Kotikhova Elena

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК ОСНОВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Аннотация: В статье рассматривается скандинавская мифология как целостная система представлений о мире, природе, человеке и судьбе. Анализируются космогонические мифы о сотворении мира, образ мирового древа Иггдрасиль, девять миров, боги асы и ваны, а также роль мифологических существ. Особое внимание уделяется фигурам Одина и Локи, концепции эвгемеризма и мифу о Рагнарёке как символу цикличности бытия. Показано, как мифы объясняли природные явления и помогали осмысливать страх, смерть и надежду на возрождение.

Ключевые слова: миф, скандинавская мифология, Иггдрасиль, множественность миров, боги, эвгемеризм, Рагнарёк, устная традиция.

SCANDINAVIAN MYTHOLOGY AS A FOUNDATION OF THE WORLDVIEW AND IDENTITY OF THE NORTHERN PEOPLES

Summary: The article examines Scandinavian mythology as an integral system of ideas about the world, nature, humanity, and fate. It analyzes the cosmogonic myths of the creation of the world, the image of the world tree Yggdrasil, the nine worlds, the gods of the Aesir and the Vanir, as well as the role of mythological beings. Special attention is given to the figures of Odin and Loki, the concept of euhemerism, and the myth of Ragnarök as a symbol of the cyclical nature of existence. The study demonstrates how myths explained natural phenomena and helped people comprehend fear, death, and the hope for rebirth.

Keywords: myth, Scandinavian mythology, Yggdrasil, multiplicity of worlds, gods, euhemerism, Ragnarök, oral tradition.

Мифы, на первый взгляд, — всего лишь предания или сказки, передававшиеся из поколения в поколение. Однако, как отмечает Ю. В. Ватолина, миф представляет собой не вымысел, а саму онтологическую реальность, в которой живет архаический человек; это особая стратегия существования, определяющая восприятие мира и действия субъекта [2, с. 51–57].

Говоря о культуре, необходимо помнить, что она формируется под воздействием внешних факторов. Для северных народов определяющую роль сыграли суровый климат и ограниченные природные ресурсы, которые обусловили специфику их образа жизни и хозяйственной деятельности. Именно эти условия подтолкнули скандинавов к развитию мореплавания, что впоследствии привело к возникновению викингов [5]. Постоянные войны, набеги и необходимость выживания породили культ силы, жестокости и воинской доблести. Воплощением этих ценностей стали берсерки, которые отчаянно рвались в бой не боясь повстречать Валькирий, по преданиям, забиравших их на Вальхаллу [1;4].

У скандинавов, как и у других народов, существовала своя версия создания мира, в их случае, даже три, которые прекрасно дополняли друг друга. Согласно одной из легенд, в начале существовала бездна Гиннунгагап — первичная пустота. Из нее вышли сыновья Бора (Сын Бури-первый бог в скандинавской мифологии, прародитель богов) — Один, Вили и Ве, которые подняли землю из небытия и заложили основы мироздания. Другая интерпретация описывает Гиннунгагап как ледяную пропасть на Севере, из которой текла ядовитая река Эливагар, и, застывая, её воды образовывали лёд. Соприкасаясь с огненными искрами южного мира Муспельхейма, лёд породил первого великана — Имира (Аургельмира), ставшего прародителем инеистых великанов [8, с. 9–49]. Наиболее жестокой и вместе с тем самой популярной является трактовка, согласно которой боги убивают Имира и создают из его тела упорядоченный космос: землю — из плоти, море — из крови, горы — из костей, а небосвод — из его черепа. Это отражение представления скандинавов о мире — как о результате борьбы и жертв [9, с. 16-17]. Стоит отметить, что пространственная организация этих "миров" не подчиняется привычной логике: как указывает Ю. В. Ватолин, они обладают особым, "неевклидовским" характером, где сакральная география важнее физической протяженности [3, с. 43–52].

Хаос порождает порядок: боги преврати пустоту в Иггдрасиль — великий ясень, древо мира, соединяющее все уровни бытия, три корня которого уходят в разные миры: один — в Асгард, к очагу Урд, где норны плетут судьбы богов и людей; второй — в Йотунхейм, к источнику Мимира, даровавшему мудрость; третий — в Нифльхейм, к потоку Хвергельмир, где обитает дракон Нидхёгг, подтачивающий корни древа, на ветвях располагаются остальные миры. Эти

миры образуют целостную картину существования: Мидгард, мир людей, указывает на хрупкость человеческой жизни между хаосом и космосом; Ванахейм, обитель богов плодородия — Валов, напоминает о гармонии с природой и цикличности бытия; Альвхейм отражает светлые и духовные аспекты жизни, красоту и внутреннюю гармонию; Свартальвхейм (Нидавеллир) — мир карликов-кузнецов, создателей артефактов, символизирует тайное знание и ремесло; Муспелхейм, мир огня, и Хельхейм, царство мёртвых, напоминают о неумолимой силе стихии и неизбежности смерти [9, с. 19–23].

Особое место занимают мифологические существа, которые оживляют этот мир и отражают его баланс: Йормунганд, мировой змей, олицетворяет скрытые силы и цикличность бытия; Фенрир, гигантский волк, — символ неукротимой энергии хаоса; Рататоск, белка, снующая по стволу Иггдрасиля, связывает вершину и корни, отражая постоянное взаимодействие сил; Орёл Хресвелг, сидящий на вершине древа, порождает ветры и движения, поддерживая дыхание мира [9, с. 20, 24, 30–33].

Снóрри Стýрлусон — исландский скальд, автор «Младшей Эдды» ведал, что боги Асы на самом деле исключительными людьми, переселенцами из Трои. Эта идея позже получит название «эвгемеризм». Культура пришельцев превосходила культуру местных жителей Германии и Скандинавии, а потому те приняли их язык, а после смерти первого поколения апофеозили их — сделали богами. Главным и одним из самых значимых представителей асов стал Один. Всеотец был богом мудрости, который искал ее повсюду и даже принес жертву Мимиру, бросив свой глаз в колодец, чтобы получить тайное знания и повесился на мировом древе, чтобы познать руны — систему германской письменности, давшую богам и людям возможность сохранять знания для потомков. Один был один из немногих богов, что спускались на землю с целью приобрести знания и поделиться ими. Вторым ярким представителем был Локи — кровный брат Всеотца. Именно он убьет Бальдара, смерть которого спровоцирует Рагнарек. Локи выступает в роли антагониста и трикстера. Примечателен эпизод на пиру у великана Эгира, где он открыто высмеивает пороки богов, уподобляя их человеческим слабостям. За эту дерзость Локи подвергли жестокой каре: его приковали к скалам путами из внутренностей собственного сына Нарви. Согласно мифу, брат Нарви, обезумев, загрыз его, и именно эти останки боги использовали как цепи. Кроме того, над головой Локи поместили ядовитую змею. Его жена Сигюн собирает яд в чашу, но когда та переполняется и капли падают на лицо Локи, он содрогается от боли, вызывая землетрясения - в этих образах воплотились представления скандинавов о силах природы, жестокости мироздания и несовершенстве человеческой души. Но над всем этим довлеет общая для германского эпоса мысль: ни мудрость Одина, ни сила асов не способны отвратить предначертанное. Даже боги остаются заложниками судьбы [7, с. 9–12, 20, 62–76].

Рагнарёк — конец всего и начало нового, ведь жизнь и смерть цикличны в понимании скандинавов. Уроборос — змей Ёрмунганд, сын Локи, опоясывающий мир, кусая свой хвост, олицетворяет конечность материального

мира и в то же время — вечный цикл, где конец связан с новым началом [6]. По поверьям северян, сначала придут холода — три зимы, которые приведут к гражданской войне, а затем наступит мрак, когда Сколь и Хати — сыновья Фенрир, сына Локи — поглотят Солнце и Луну, — мир погрузится в Хаос, боги падут, а землю омоет океан. Но после разрушения настанет возрождение: мир вновь поднимется из воды, земля зазеленеет, а новые боги и оставшиеся герои создадут новый порядок. Цикл Рагнарёка напоминает, что даже полное разрушение — лишь подготовка к обновлению: конец одного мирового этапа неизбежно ведёт к рождению следующего. И хотя катастрофа повторится снова, свет и жизнь неизменно возвращаются, отражая вечный круговорот рождения и смерти в скандинавской космологии [7, с. 71–77].

Археологические находки помогают лучше понять мир северной мифологии, дают представление о том, какими были оружие, щиты, дома, корабли, упомянутые в сказаниях. Вещи, найденные, в погребениях дают повод утверждать, что некоторые люди практиковали магию и применяли в ритуалах загадочные предметы. Также они приносили жертвы, почитая богов, каждый из которых имел свою сферу влияния: война и защита — Один, плодородие — Фрейр и Фрейя; море и богатство — Ньёрд; смерть — Хель. Хоронили с большим уважением к социальному статусу и вере в загробный мир различными способами: тело клали в могилы или курганы; сжигали, очищая душу от всего бренного, чтобы она могла оказаться в Вальгаллу или Хельхейм; погребали в корабле, хотя обычно драккары сжигали или отправляли в море [7, с. 28–30, 148–161].

Некоторые мифы и легенды превратились в баллады — песни, сохранившиеся до наших дней. Эти истории напоминали людям о важности поэтического слова, об уме и отваге в противостоянии злым силам, радости объятий смерти с мыслью о возрождении. Через песню и сказание скандинавы передавали память поколений, сохраняя образы богов, героев и великих битв. Устная традиция становилась не просто способом развлечения, но формой духовного наследия, в которой заключались жизненные ориентиры, моральные принципы и представления о судьбе. Так мифы превращались в живое знание, связывающее прошлое, настоящее и будущее, помогая человеку осознать своё место в вечном круговороте жизни и смерти.

Список литературы:

1. Берсерк // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. — URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 25.02.2026).
2. Ватолина, Ю. В. Миф как стратегия существования человека в архаических мирах // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 9 декабря 2022 года. — СПб.: СПбГУПТД, 2022. — Т. 1. — С. 51–57.
3. Ватолина, Ю. В. Неевклидовский лик архаических «миров» // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы VI

- международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. — СПб.: СПбГУПТД, 2023. — Т. 1. — С. 43–52.
4. Валькирия // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. — URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 25.02.2026).
5. Викинг // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. — URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 25.02.2026).
6. Ёрмунганд // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. — URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 26.02.2026).
7. Ларрингтон, К. Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов». — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 240 с.
8. Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А. И. Корсуна. — М.: Наука, 1975. — 464 с.
9. Стурлусон, С. Младшая Эдда / пер. О. А. Смирницкой. — М.: Наука, 1994. — 334 с.

Кошелева Варвара Владимировна

1 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Kosheleva Varvara

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«ШАГАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» АЛЬБЕРТО ДЖАКОМЕТТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В данной статье проводится философский анализ скульптуры «Шагающий человек» Альберто Джакометти в контексте идей экзистенциализма середины XX века. Рассматривается, как художественный образ одинокой, истощенной фигуры в движении передает мысль этой философии: «существование предшествует сущности». Через фактуру материала, вытянутость пропорций и динамику фигуры автор передает послевоенное состояние «человека без опор». Особое внимание уделяется тому, как пустота вокруг фигуры перестает быть фоном и становится активным участником философской картины. Одиноким путник, идущий сквозь пустоту, воплощает идеи Сартра о «заброшенности» и Камю об «абсурде». Показано, как выбор материала и характер его обработки становятся средством выражения опыта эпохи.

Ключевые слова: экзистенциализм, свобода, пустота, одиночество, негибкость

ALBERTO GIACOMETTI'S "STEPPING MAN": A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Summary: This article provides a philosophical analysis of Alberto Giacometti's sculpture "Walking Man" within the ideas of 20th-century existentialism. It is examined as an artistic image of a lonely, emaciated figure in motion, conveying the idea of this philosophy: "existence precedes essence." Through the texture of the material, the elongated proportions, and the dynamism of the figure, the artist evokes the post-war state of a "man without support." Particular attention is paid to how the emptiness around the figure ceases to be a background and becomes an active philosophical picture. The solitary traveler, walking through the void, embodies Sartre's ideas of "abandonment" and Camus's ideas of "absurdity." It is shown how the choice of material and the way it is processed become an expression of the experience of the era.

Keywords: existentialism, freedom, emptiness, loneliness, inflexibility.

Середина XX века стала эпохой крушения иллюзий. Две мировые войны, открытие лагерей смерти и угроза ядерного апокалипсиса поставили под сомнение веру в прогресс, разум и незыблемость гуманистических ценностей.

Человек остался один на один с враждебным миром, потеряв точку опоры. В этом вакууме смыслов на первый план вышел экзистенциализм (от латинского слова *existentia* — «существование») — философия, которая попыталась ответить на вопросы о бытии, свободе, ответственности и смысле жизни, исследуя не абстрактные категории, а конкретные переживания человеческого существования, попытка удержать неуловимый момент в вечном материале.

Образ человека-победителя, героя или мыслителя уступил место образу одинокого, уязвимого, но несломленного существа. Почти одновременно с философскими трактатами Жан-Поль Сартра и Альбера Камю в парижской мастерской Альберто Джакометти рождался образ, ставший визуальным манифестом этой эпохи. Его фигуры-истощенные, словно выжженные войной-сохраняют вертикальное положение и способность к движению. Его знаменитая скульптура «Шагающий человек» — это не просто изображение человека, движущегося в пространстве. Это метафора человеческого существования, увиденная через призму экзистенциальной философии: хрупкость плоти и несокрушимость духа, слитые в одном шаге.

Центральный тезис экзистенциализма, сформулированный Жаном-Полем Сартром, гласит: «Существование предшествует сущности» [4, с. 21]. Это означает, что у человека нет заранее заданной природы, ничто не определяет его поступки. Человек рождается как чистый лист, и лишь через свои действия и выборы он создает себя сам. Фигура Джакометти находится в вечном движении. Она не статична, не пребывает в покое. Её бытие — это и есть сам шаг. У этого человека нет пьедестала почета, нет четкой цели, обозначенной на карте мира. Он просто идет. Экзистенциалистский человек — это проект, направленный в будущее. Мы не можем судить о нем, пока он не остановится, то есть не умрет. До тех пор он — чистое становление, «бросок вперед». «Шагающий человек» Джакометти застыл в металле именно в этом усилии становления, в моменте, когда он выбирает себя.

Несмотря на то, что скульптура называется «Человек», она подчеркнута одинока. Перед нами не часть группы, не участник шествия, а одинокий странник. Экзистенциализм рассматривает человека как изолированного индивида, заброшенного в чуждый ему мир. Наши связи с другими людьми чаще всего поверхностны и основаны на взаимном использовании или самообмане [1, с. 25-32]. Джакометти доводит это одиночество до предела. Тело его «Шагающего человека» предельно вытянуто и иссушено. Кажется, что фигура вот-вот исчезнет, сольется с окружающей пустотой. Между человеком и миром нет гармонии. Создавая свою скульптуру, Альберто Джакометти говорил, что с расстояния знакомый человек превращался в узкую вытянутую фигуру, в хрупкую вертикаль, едва различимую в пространстве. Мы обречены быть «вещами» для других и «свободой» для самих себя, и этот разрыв непреодолим.

Экзистенциалисты описывали состояние человека терминами «заброшенность» (нас никто не спрашивал, хотим ли мы родиться в этом мире) и «тревога» (страх перед собственной свободой и ответственностью). Материал

скульптуры Джакометти передает это состояние с пугающей достоверностью: поверхность бронзы неровная, бугристая, словно обожженная. Это не античный атлет с гладкой, совершенной кожей. Это человек, который несет на себе следы борьбы с враждебной реальностью. Он словно выходит из небытия, и небытие продолжает тянуть его обратно. Огромную роль здесь играет пустота. В работах Джакометти она не просто фон, а активная сила. Она обступает фигуру, сжимает её, подчеркивая эфемерность материи. В этом прослеживается философское понятие «Ничто» (у М. Хайдеггера), которое открывается человеку в моменты ужаса и ставит его перед лицом подлинного существования. «Шагающий человек» шагает не по земле, а по краю бездны. Его движение — это попытка удержаться в бытии вопреки небытию.

Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» сравнивал человеческую жизнь с бессмысленным, но упорным трудом [2, с. 89-91]. Если нет мира без Бога, то ценности приходится создавать самому несмотря на то, что Вселенная к ним равнодушна. «Шагающий человек» — фигура абсурда. Мы не знаем, куда он идет и зачем. Возможно, он идет в никуда. Но важен сам акт ходьбы, само упрямство движения вперед. Как и Сизиф, катящий камень, этот человек обречен на вечное усилие. Но именно в этом усилии и заключена его свобода и его величие. Экзистенциализм учит: мы должны жить и действовать, не надеясь на награду или спасение.

На первый взгляд, «Шагающий человек» Джакометти — символ уязвимости человека XX века. Он тонок, как спичка, одинок, как песчинка в пустыне. Однако в этом образе скрыта парадоксальная сила. Его стойка устойчива, он твердо стоит на земле, его взгляд (или скорее направленность головы) устремлен вперед. Эта хрупкая конструкция не падает. В этом — суть экзистенциального гуманизма. Да, человек слаб и конечен. Но именно осознание этой конечности и этой свободы делает его по-настоящему сильным. Джакометти изобразил не победу духа над материей, и не торжество плоти, а мужество быть. Быть вопреки всему.

Скульптура Джакометти застигнута в момент, когда человека сталкивают с подлинным бытием. Иссушенная, почти бесплотная фигура балансирует на грани исчезновения. «Шагающий человек» Джакометти, растворяясь в пустоте, сопротивляется ей движением, проявляя акт мужества и свободы.

Экзистенциализм придает огромное значение категории времени. Человек существует не как временный объект, а как временной проект, который всегда находится «впереди себя», устремлен в будущее [5, с. 153-159].

«Шагающий человек» Джакометти уникальным образом схватывает эту диалектику времени. С одной стороны, фигура предельно динамична: каждый мускул вытянутого тела участвует в движении назад. Это чистое будущее. С другой стороны, сам материал-бронза, техника литья-фиксирует это движение навечно, превращая его в вечное «сейчас». Мы видим не просто человека, идущего в определенный момент времени, а архетип ходьбы как таковой, длящейся сквозь эпохи.

В этом кроется еще один экзистенциальный посыл: человеческое существование всегда временно, но само переживание подлинного момента вырывает из потока обыденности и приобщает к чему-то вневременному [3, с. 33-37]. Скульптура Джакометти — это такой вырванный из времени миг предельного усилия, застывшая вечность, которая продолжает длиться.

«Шагающий человек» Джакометти — это философское высказывание, выплавленное в бронзе, портрет человека после Второй мировой войны, после Освенцима и Хиросимы, когда старые гуманистические идеалы рухнули. Джакометти удалось визуализировать невыразимое: одиночество свободного духа, тревогу перед бесконечностью и парадоксальную силу человеческой хрупкости. Это человек, лишенный иллюзий, но не сломленный. Он не герой, а просто смертный, который в полном одиночестве, в холоде экзистенциального вакуума продолжает делать то, что должен делать человек — идти вперед, невзирая ни на что. Он напоминает нам о главном: мы не выбираем условия своего появления в этом мире, но мы всегда свободны в выборе своего отношения к этим условиям. Наше достоинство определяется не успехом или поражением, а тем, как мы проходим свой путь. В этом смысле скульптура становится иконой экзистенциалистского мужества: признавая трагизм удела человеческого, утверждать его достоинство через простое действие.

Список литературы:

1. Ватолина, Ю. В. Чужой в философии Жана Поля Сартра // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2009. — № 3. — Т. 1. — Сер. философия. — С. 25-32.
2. Камю, А. Миф о Сизифе // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр. И. Волевич. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
4. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. — М.: Политиздат, 1990. — С. 319-344.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. — Москва: Издательство "Ad Marginem", 1997. — 451 с.

Краснова Анастасия Алексеевна

3 АД-6

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: преподаватель Киселева Анастасия Александровна

Anastasia Krasnova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИНТЕРЬЕР КАК НОСИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПРИМЕРЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЗДАНИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию интерьера как носителя исторической памяти на примере реконструкции Кафедрального собора и Кирхи Святого Семейства в Калининградской области. Актуальность работы связана с необходимостью осмысления подходов к сохранению наследия в регионах, переживших смену государственной принадлежности. Рассматриваются история создания памятников, степень их разрушения в годы Второй мировой войны и послевоенное использование. Особое внимание уделено концепциям реконструкции конца XX - начала XXI века и их влиянию на формирование современных интерьеров. В Кафедральном соборе реализована стратегия сохранения подлинных фрагментов, в Кирхе Святого Семейства - подход функциональной перестройки пространства. Сравнительный анализ выявляет принципиальные различия в подходах к реконструкции и их роль в формировании исторической памяти.

Ключевые слова: интерьер, историческая память, реконструкция, Кафедральный собор, Кирха Святого Семейства, музеефикация.

INTERIOR AS A CARRIER OF HISTORICAL MEMORY: EXAMPLES OF RECONSTRUCTION OF RELIGIOUS BUILDINGS IN THE KALININGRAD REGION

Summary: The article explores the interior as a carrier of historical memory through the reconstruction of the Cathedral and the Church of the Holy Family in the Kaliningrad region. The relevance of the study stems from the need to understand approaches to heritage preservation in regions that have experienced a change of state affiliation. The paper examines the history of these monuments, the extent of their destruction during World War II, and their post-war use. Particular attention is paid to the reconstruction concepts of the late 20th - early 21st centuries and their impact on the formation of modern interiors. The Cathedral employed a strategy of preserving authentic fragments, while the Church of the Holy Family underwent a functional restructuring of its space. Comparative analysis reveals fundamental differences in reconstruction approaches and their role in shaping historical memory.

Keywords: interior, historical memory, reconstruction, Cathedral, Church of the Holy Family, museumification.

Калининградская область представляет собой уникальный регион с точки зрения изучения процессов сохранения архитектурного наследия. Специфика его историко-культурного ландшафта обусловлена сменой государственной принадлежности и последовавшей за этим трансформацией предметно-пространственного окружения. Особый интерес вызывает политика в отношении объектов немецкой застройки, которая на современном этапе характеризуется переходом от утилитарного подхода к осознанию их мемориальной и архитектурной ценности. Практика последних лет демонстрирует стремление к интеграции исторических зданий в социокультурную среду: при ремонтно-восстановительных работах привлекаются архивные материалы, воссоздаются утраченные элементы, а в случаях невозможности сохранения объекта его фрагменты передаются в специализированные депозитарии. Данные меры, однако, не отменяют сложности теоретического осмысления феномена «исторической памяти», закрепленной в архитектурных формах, и способов ее репрезентации в обновленном интерьере.

Обширный пласт архитектурного наследия региона составляют бывшие культовые сооружения. Степень их сохранности, характер послевоенного использования и современные функции варьируются от полной утраты до музеефикации или адаптации под культурно-просветительские учреждения. В рамках данного исследования представляется обоснованным обратиться к двум знаковым памятникам, репрезентирующим различные модели реконструкции, - Кафедральному собору (Рис.1) и Кирхе Святого Семейства (Рис.2). Оба объекта объединяет общность происхождения, сходная судьба в послевоенный период и последующее обретение новой функции. При этом выбранные подходы к реконструкции их интерьеров демонстрируют принципиально различные стратегии обращения с историческим наследием: от сохранения подлинных фрагментов и музеефикации пространства до прагматичной адаптации, при которой историческая «оболочка» наполняется новым функциональным содержанием. Сравнительный анализ данных объектов позволяет выявить роль интерьера как активного носителя исторической памяти и проследить механизмы ее формирования в архитектурной среде постконфликтного региона.

Первым в ряду рассматриваемых архитектурных объектов стоит Кафедральный собор, являющийся одним из старейших в регионе и признанный объектом культурного наследия федерального значения, принятым под государственную охрану 30 августа 1960 года. Его история начинается в 1333 году, когда епископ Иоганн I Кларе приступил к возведению собора на острове Кнайпхоф. Начальный проект вызвал неодобрение Великого магистра Тевтонского ордена Лютера Брауншвейгского, который увидел в нем черты оборонительного сооружения. 13 сентября 1333 года было дано разрешение на продолжение строительства при условии отказа от

Рис. 1

укреплений; эту дату принято считать днем основания собора. Храм был освящен в честь Пресвятой Девы Марии и Святого Адальберта, а основная часть строительства была завершена к концу XIV века. Здание выполнено в виде трехнефной кирпичной базилики в готическом стиле. Отличительной чертой собора являются две разновысокие башни на западном фасаде: после пожара 1544 года южная башня была перестроена в духе Ренессанса, достигнув 58 метров в высоту и увенчанная флюгером в виде русалки, символа портового города. Северная башня же сохранила более скромные готические очертания. С конца XVII века до реставрационных работ 1901-1907 годов фасады собора были покрыты штукатуркой. В начале XX века при реставрации стремились вернуть зданию облик, максимально приближенный к состоянию на 1400 год. В южной башне располагалась Валленродтская библиотека - уникальное собрание из более чем 10 000 томов, открытое для публики в 1673 году. Она считалась единственной светской библиотекой в Европе, расположенной в культовом сооружении. Собор также служил местом захоронения представителей знати, университетских профессоров, великих магистров и герцогов. Последним, кто был здесь похоронен, стал Иммануил Кант в 1804 году. В 1924 году, к 200-летию философа, над его могилой по проекту Ф. Ларса был возведен колонный зал, заменивший неоготическую часовню.

В августе 1944 года, в результате бомбардировок Кёнигсберга британской авиацией, собор претерпел значительные разрушения. Интерьеры были уничтожены огнем, кровля обрушилась, сохранились лишь наружные стены и части сводов. Уцелевшая могила И. Канта сыграла впоследствии важную роль в сохранении руин. В послевоенный период судьба собора неоднократно становилась предметом обсуждений. В конце 1960-х годов существовал проект полного сноса остатков здания с последующим созданием мемориального комплекса - Пантеона героев Великой Отечественной войны. Этому решению противостояла местная интеллигенция, в частности, ректор Калининградского государственного университета Н.В. Прикладов предлагал передать здание университету под библиотеку и читальные залы, однако отсутствие финансирования препятствовало реализации этой идеи. В 1970-1980-е годы были предприняты работы по консервации руин, а прилегающая территория была благоустроена под Парк скульптур.

Реставрация собора в его нынешнем виде стартовала в 1992 году по инициативе инженера-строителя И. Одинцова и продолжалась до 2005 года. Концепция восстановления основывалась на принципе сохранения исторической подлинности с одновременной адаптацией здания под новые функции. Были воссозданы утраченные кровли и шпили, восстановлены своды и оконные проемы. В интерьере был применен подход «живой руины»: подлинные сохранившиеся элементы - средневековые эпитафии, кирпичная кладка со следами обжига, исторические дверные проемы - были музеефицированы и гармонично вписаны в новое пространство. Сегодня Кафедральный собор представляет собой многофункциональный культурный

центр. К нему относится концертный зал на 700 мест с уникальным органным комплексом. Комплекс состоит из двух органов (Большого и Малого), соединенных оптоволоконной связью, что позволяет им функционировать как совместно, так и по отдельности. Фасад Большого органа выполнен в стиле барокко и повторяет облик исторического органа, созданного И. Мозенгелем в 1721 году. Концертный зал расположен в основной части нефа, а историческая готическая архитектура - стрельчатые арки, нервюрные своды - формирует его уникальную акустику и внешний вид. В соборе также действует Музей Иммануила Канта, посвященный как жизни выдающегося философа, так и истории Кёнигсберга и самого собора. Экспозиция включает археологические находки, модели, документы, а также воссозданный интерьер Валленродтской библиотеки. Кроме того, в соборе расположены православная, лютеранская и католическая часовни, что подчеркивает его роль как площадки для межконфессионального диалога. Особый интерес представляет пространство за алтарной частью, открытое для посещения, где демонстрируются восстановленные надгробия, в том числе 14-метровое ренессансное надгробие герцога Альбрехта работы К. Флориса (около 1572 года) и эпитафия рода Радзивиллов.

Принципиально иную стратегию реконструкции демонстрирует Кирха Святого Семейства, расположенная в бывшем районе Хаберберг (ныне улица Богдана Хмельницкого). Это здание, построенное в 1904-1907 годах по проекту Фридриха Хайтманна - архитектора, чьим наиболее выдающимся творением оно считается, - представляет собой яркий образец неоготической архитектуры начала XX века. В отличие от многих культовых построек, выполненных по асимметричному канону, эта кирха получила симметричные очертания благодаря прилегающему расширению строительной территории, что стало отступлением от привычного стиля зодчего. Хайтманн задумал ее как «семейный дом», наполненный духом пресвятой семьи, поэтому здесь проводились исключительно таинства крещения и венчания, минуя панихиды. Иногда храм именовали

Катеринен Кирхе, отсылая к близлежащему госпиталю Святой Екатерины. *Рис. 2*

Архитектурный облик строения отличается согласованностью и продуманностью. Просторный главный неф, хоры и монументальная башня с фронтонами и угловыми пристройками для ризниц и подсобных помещений формируют выразительную объемную композицию. Для украшения были использованы ступенчатые готические фронтоны, венчающие двускатные крыши нефа и в меньшем масштабе присутствующие на башне. Множество лестничных фронтонов с небольшими фиалами придают строгим кубическим формам динамизм и устремленность ввысь. Портал из формовочного камня

ведет через преддверие в вестибюль, открывая доступ к основному пространству. Внутренняя часть кирхи представляет собой высокую зальную церковь с пятью пролетами, разделенными изящными восьмигранными колоннами на три нефа одинаковой высоты. Особую ценность представляют звездчатые своды с нервюрами из формовочного красного кирпича, начинающиеся от капителей колонн и у стен, где они опираются на небольшие консоли. Оштукатуренные стены и выделенные красным кирпичом углы и триумфальная арка создают характерный для неоготики декоративный эффект. При проектировании особое внимание было уделено акустике будущего концертного зала, а интерьер сразу предусматривал возможность установки большого органа.

Судьба кирхи в период военных действий и послевоенное время сложилась иначе, чем у Кафедрального собора. Защищенное плотной жилой застройкой, здание получило незначительные повреждения во время бомбардировок 1944 года и уличных боев 1945 года - пострадали в основном башня и элементы внутреннего убранства. Известно, что в 1944 году храм служил полевым госпиталем. Однако в послевоенные годы, как и многие другие религиозные здания, кирха была заброшена и постепенно ветшала, использовавшись в качестве склада удобрений, что пагубно отразилось на ее состоянии.

Реставрационные работы начались лишь в 70-х годах XX века по инициативе председателя горисполкома В.В. Денисова, активно поддерживавшего превращение исторических объектов в культурные учреждения. Архитектурно-художественная концепция реконструкции была разработана под руководством архитектора Павла Горбача при участии Е. Попова, А. Гараниной, Н. и Ю. Смирнягиных. Восстановление проводилось силами треста «Горремстрой» при поддержке многих городских промышленных предприятий. Важно отметить, что восстановление кирхи было проведено полностью, без «упрощений», типичных для того времени: внешний облик, включая декоративные детали, был воссоздан практически идентично оригиналу. В 1980 году реставрация завершилась, и 22 августа того же года в здании была торжественно открыта Калининградская областная филармония.

Первые два года зал функционировал как стандартная концертная площадка, со сценой, расположенной в алтарной части, и зрительским балконом на месте предполагавшегося ранее органа. В 1982 году благодаря усилиям В.В. Денисова и поддержке заместителя министра культуры СССР В.Кухарского в концертном зале был установлен орган чехословацкой фирмы «Ригер-Клосс» (город Крнов), оснащенный 3600 трубами и 44 регистрами, что позволяет исполнять сложнейшие органное произведения. Этот инструмент считается одним из лучших в России. Акустические свойства зала, изначально воплощенные в проекте Хайтманна и усиленные грамотной реконструкцией, получили высокую оценку музыкантов: время реверберации здесь достигает восьми секунд, создавая уникальную звуковую атмосферу.

В дальнейшем филармония стала одним из ведущих культурных центров региона, принимая международные фестивали органной музыки (первый из которых прошел в 1990 году). В 1997 году за свою музыкально-просветительскую деятельность Калининградская филармония была удостоена звания лауреата Всероссийского конкурса «Окно в Россию», учрежденного газетой «Культура». Ныне она носит имя выдающегося дирижера Е.Ф. Светланова. В нишах сохранились аутентичные немецкие витражи, а на стенах видны следы от пуль военного времени - материальные свидетельства истории, которые были намеренно сохранены в процессе реставрации. Постановлением правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года кирха Святого Семейства получила статус объекта культурного наследия регионального значения.

Кафедральный собор и Кирха Святого Семейства демонстрируют две принципиально различные стратегии реконструкции бывших культовых сооружений Калининградской области. В первом случае применен подход музеефикации: подлинные исторические фрагменты сохраняются и экспонируются как самостоятельные свидетельства прошлого, а новая концертная функция выстраивается вокруг них. Во втором случае реализована модель прагматичной адаптации: историческая архитектурная оболочка бережно восстановлена, но интерьер полностью подчинен задачам концертного зала, при этом память присутствует в акустике пространства и намеренно сохраненных следах военных повреждений.

Оба подхода равноценны и отражают разные этапы осмысления наследия. Их объединяет главное: интерьер в обоих случаях выступает активным носителем исторической памяти, транслируя ее либо через подлинные артефакты, либо через атмосферу пространства. Опыт Калининградской области показывает, что даже при полной смене функции бывшее культовое сооружение способно сохранять связь с прошлым, становясь неотъемлемой частью современного культурного ландшафта.

Список литературы:

1. Кафедральный собор Калининград // KëniGo: калининградский краеведческий портал. - 06.07.2022. - URL: <https://kenigo.ru/galereya/kyonigsbergskij-kafedralnyj-sobor/> (дата обращения: 26.02.2026)
2. Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. - 2016. - Т. 35. - № 4. - С. 88-105.
3. "Особо ценный" собор // Аргументы и Факты - Калининград. - 2013. - № 16. - URL: <https://klg.aif.ru/archive/1779595> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Кирха Святого Семейства // Википедия. - URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кирха_Святого_Семейства_\(Калининград\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кирха_Святого_Семейства_(Калининград)) (дата обращения: 26.02.2026).
5. Белинцева И. В. Архитектура Восточной Пруссии: избранные статьи и фрагменты. Калининградская область. - Калининград: Живём, 2023. - 460 с.

- 6.Кёнигсбергский Кафедральный собор, Калининград [Изображение] // Wikimedia Commons. -
URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ee/Кёнигсбергский_Кафедральный_собор_Калининград.jpg (дата обращения: 26.02.2026).
- 7.Кирха Святого Семейства, Калининград [Изображение] // Яндекс.Картинки. –
URL: <https://avatars.mds.yandex.net/get-altay/239474/2a0000015e530dfb8f44abc370f9adb24600/XXXL> (дата обращения: 26.02.2026).

Крецу Карина Николаевна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: старший преподаватель Михайлова Маргарита Ярославна

Karina Kretsu

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

Аннотация: Статья посвящена анализу Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г. и штурма Кенигсберга как одного из решающих эпизодов завершающего этапа Великой Отечественной войны. Рассматриваются военно-стратегическая обстановка к началу 1945 г., замысел советского командования, особенности подготовки и проведения операции силами 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а также специфика штурма города-крепости. Особое внимание уделяется анализу тактики прорыва глубокоэшелонированной обороны противника, роли артиллерии и авиации, а также вопросам капитуляции кёнигсбергского гарнизона. В статье исследуются военно-политические последствия разгрома восточно-прусской группировки вермахта, включая изменение государственной принадлежности региона и его стратегическое значение в послевоенном устройстве Европы. На основе опубликованных документов, мемуарных источников и современных исследований делается вывод о ключевой роли Восточно-Прусской операции в обеспечении северного фланга советского наступления на Берлин и завершении войны в Европе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточно-Прусская операция, штурм Кёнигсберга, стратегическое наступление, Красная армия, военное искусство, Восточная Пруссия, 1945 год, Берлинская операция, историческая память.

THE EAST PRUSSIAN OFFENSIVE AND THE STORMING OF KONIGSBERG

Summary: The article is devoted to the analysis of the East Prussian strategic offensive operation of 1945 and the storming of Königsberg as one of the decisive episodes of the final stage of the Great Patriotic War. The article examines the military-strategic situation by the beginning of 1945, the plan of the Soviet command, the specifics of the preparation and conduct of the operation by the forces of the 3rd and 2nd Belorussian fronts, as well as the specifics of the storming of the fortress city. Special attention is paid to the analysis of tactics for breaking through the enemy's deep-echelon defenses, the role of artillery and aviation, as well as the surrender of the Königsberg garrison. The article examines the military and political consequences of the defeat of the East Prussian Wehrmacht group, including the change in the region's state affiliation and its strategic importance in the post-war structure of

Europe. Based on published documents, memoir sources and modern research, it is concluded that the East Prussian Operation played a key role in securing the northern flank of the Soviet offensive on Berlin and ending the war in Europe.

Keywords: Great Patriotic War, East Prussian operation, Koenigsberg assault, strategic offensive, Red Army, military art, East Prussia, 1945, Berlin operation, historical memory.

Восточно-Прусская операция 1945 г. и штурм Кёнигсберг относятся к числу наиболее значимых событий завершающего этапа Великой Отечественной войны. Их исследование позволяет раскрыть особенности стратегического наступления Красной армии в 1945 г., проанализировать специфику ведения боевых действий в условиях глубокоэшелонированной обороны противника, а также определить военно-политические последствия разгрома восточнопрусской группировки вермахта.

Актуальность темы определяется тем, что Восточная Пруссия являлась важнейшим военно-стратегическим районом Германии, прикрывавшим северо-восточные подступы к Берлину и обеспечивавшим контроль над коммуникациями в Балтийском регионе. Немецкое командование рассматривало её как мощный оборонительный плацдарм, способный надолго сковать силы Красной армии [1, с. 568–571].

Кроме того, операция отличалась масштабностью и сложностью. Советским войскам пришлось преодолевать развитую систему долговременных укреплений, вести бои в условиях зимы, лесисто-болотистой местности и городской застройки. Всё это придаёт Восточно-Прусской операции особое значение в изучении военного искусства заключительного периода войны [2, с. 214–216].

События января – апреля 1945 г. имели и серьёзные политические последствия. В результате разгрома немецкой группировки и капитуляции гарнизона Кёнигсберга северная часть Восточной Пруссии была передана Советскому Союзу, что определило формирование новой административно-территориальной единицы — Калининградской области и изменило стратегическую ситуацию в Балтийском регионе [3, с. 302–305].

Восточно-Прусская операция (13 января – 25 апреля 1945 г.) являлась составной частью общего стратегического наступления Красной армии зимой – весной 1945 г. Она проводилась силами 3-го и 2-го Белорусских фронтов и стала одним из крупнейших фронтовых наступлений заключительного периода войны [1, с. 572–575].

По своему военно-стратегическому значению операция решала несколько ключевых задач:

- разгром группы армий «Центр» (с 26 января 1945 г. — «Север») на восточно-прусском направлении;
- ликвидацию угрозы флангового удара по войскам, наступавшим на Берлин;
- овладение важными портами на Балтийском море;

– изоляцию и последующее уничтожение кёнигсбергской группировки противника.

Таким образом, Восточно-Прусская операция выступала необходимым этапом подготовки к Берлинской стратегической операции и обеспечивала устойчивость северного фланга советского наступления [2, с. 220–223]. Её успешное завершение окончательно лишило Германию важнейшего военно-промышленного и стратегического района.

Источниковую основу исследования составляют официальные документы и материалы Ставки Верховного Главнокомандования, боевые донесения фронтов, мемуары военачальников, а также фундаментальные коллективные труды по истории войны.

Особое значение имеет многотомное издание История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг., содержащее подробный анализ операций завершающего этапа войны, статистические данные и карты боевых действий [1, с. 568–575]. Существенный вклад в разработку темы внесли также исследования, посвящённые военному искусству Красной армии в 1945 г. [2, с. 214–223].

В постсоветский период расширилась источниковая база за счёт публикации ранее недоступных архивных документов, в том числе материалов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Это позволило уточнить численность сторон, характер потерь, детали планирования и проведения штурма Кёнигсберга [4, с. 45–49].

После успешного завершения Висло-Одерской операции в январе 1945 г. Красная армия вышла к реке Одер и создала прямую угрозу Берлину. Немецкая оборона на центральном направлении была серьёзно ослаблена, войска вермахта понесли значительные потери и отступали на запад [1, с. 568–570]. Однако обстановка на Восточном фронте оставалась сложной. На северном участке сохранялась крупная немецкая группировка в Восточной Пруссии, которая продолжала оказывать сопротивление и могла нанести фланговый удар по советским войскам, продвигавшимся к столице Германии. Поэтому её разгром становился необходимым условием дальнейшего наступления [2, с. 214–216].

Восточная Пруссия имела для Германии особое значение. Это был не только важный военный район, но и историческая территория, связанная с формированием прусской государственности и военной традиции. Немецкое руководство придавало её удержанию большое политическое значение. С военной точки зрения регион представлял собой мощный укреплённый район с развитой системой долговременных оборонительных сооружений, укреплённых городов, а также естественных рубежей — рек, озёр и лесов. Здесь находились важные железнодорожные узлы и порты на Балтийском море, обеспечивавшие снабжение войск и связь с другими районами Германии [1, с. 571–573].

В начале 1945 г. Восточная Пруссия стала одним из ключевых элементов оборонительной стратегии Третьего рейха. Немецкое командование рассчитывало удерживать её как можно дольше, чтобы сковать значительные

силы Красной армии и выиграть время для подготовки обороны Берлина. Города региона, особенно Кёнигсберг, были заранее подготовлены к длительной обороне и объявлены крепостями. В состав немецкой группировки входили крупные силы, объединённые в группу армий «Центр», позднее переименованную в группу армий «Север» [2, с. 218–220].

Понимая стратегическую опасность такого положения, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о проведении Восточно-Прусской наступательной операции. Её целью было прорвать оборону противника, расчленив его силы и поэтапно уничтожить изолированные группировки. Особое значение придавалось овладению Кёнигсбергом и выходу к побережью Балтийского моря, что лишало противника возможности эвакуации и снабжения морским путём [1, с. 572–575].

В операции участвовали войска 3-го Белорусского фронта под командованием Иван Черняховский, а после его гибели — Александр Василевский, а также 2-го Белорусского фронта под командованием Константин Рокоссовский. Их действия координировались Ставкой и были направлены на нанесение ударов с разных направлений, чтобы окружить немецкие войска и не допустить их отхода.

Советские войска имели преимущество в численности, артиллерии и авиации, однако противник опирался на заранее подготовленную оборону и использовал особенности местности. Боевые действия велись в сложных условиях зимы, в лесисто-болотистой местности, при наличии многочисленных укрепленных пунктов. Несмотря на это, в январе 1945 г. советские части прорвали глубокоэшелонированную оборону противника и начали продвигаться вглубь Восточной Пруссии.

В ходе наступления немецкая группировка была расчленена на несколько изолированных частей. Часть войск оказалась окружённой в районе Кёнигсберга, другая — на Земландском полуострове. Ожесточённые бои развернулись за Инстербург, Пиллау и другие важные узлы обороны. Постепенно советские войска лишили противника возможности маневра и снабжения, что создало условия для последующего штурма Кёнигсберга и окончательного разгрома восточно-прусской группировки.

В январе 1945 г. начался активный этап Восточно-Прусской операции. Советским войскам предстояло прорвать глубокоэшелонированную оборону противника, которая создавалась на протяжении многих лет. Немецкая сторона использовала систему долговременных укреплений, противотанковых рвов, минных полей и хорошо оборудованных огневых позиций. Несмотря на сложные погодные условия и упорное сопротивление, части 3-го и 2-го Белорусских фронтов смогли прорвать оборону на ряде участков и начать продвижение вглубь Восточной Пруссии [1, с. 572–574].

По мере развития наступления советские войска стремились не только продвигаться вперёд, но и расчленив немецкую группировку на изолированные части. Это удалось осуществить в результате последовательных ударов с разных направлений. Войска противника оказались разобщены: часть сил была

блокирована в районе Кёнигсберг, другая — на Земландском полуострове, третья — в районе юго-западной части города [2, с. 218–220]. Таким образом, немецкое командование потеряло возможность эффективно маневрировать резервами.

Особенно ожесточённые бои развернулись за крупные узлы обороны и транспортные центры. Взятие Инстербурга имело большое значение, поскольку он являлся важным железнодорожным узлом и укрепленным пунктом. Не менее тяжёлыми были бои за Пиллау — важный порт на Балтийском море, через который противник пытался поддерживать связь с другими районами Германии и проводить эвакуацию. Захват этих пунктов постепенно лишал немецкие войска снабжения и путей отхода [1, с. 574–575].

К марту 1945 г. Кёнигсбергская группировка оказалась полностью изолированной. Город был окружён с суши, а возможности снабжения по морю значительно сократились. Создались условия для подготовки решающего штурма.

Кёнигсберг к тому времени представлял собой одну из самых мощных крепостей Германии. Город имел долгую историю как центр Восточной Пруссии и крупный военный пункт. Его укрепления формировались ещё в XIX в., а перед Второй мировой войной были дополнительно модернизированы. Система обороны включала внешний и внутренний оборонительные пояса, форты, доты, подземные коммуникации и развитую сеть баррикад внутри города [1, с. 575].

Гарнизон крепости насчитывал десятки тысяч солдат и офицеров, имел значительное количество артиллерии и боеприпасов. Руководство обороной осуществлял комендант крепости Отто Ляш, который получил приказ удерживать город до последней возможности. Немецкое командование надеялось, что длительная оборона Кёнигсберга сковывает значительные силы Красной армии.

Штурм города начался 6 апреля 1945 г. Ему предшествовала мощная артиллерийская подготовка и массированные удары авиации. В течение нескольких дней советская артиллерия разрушала укрепления, подавляла огневые точки и разрушала узлы сопротивления. Это позволило ослабить оборону и подготовить условия для наступления пехоты [2, с. 221–223].

В ходе штурма активно применялась тактика штурмовых групп. Небольшие подразделения, усиленные сапёрами, огнеметчиками и артиллерией прямой наводки, действовали в городской застройке, постепенно продвигаясь от квартала к кварталу. Бои носили ожесточённый характер и сопровождались значительными потерями с обеих сторон.

9 апреля 1945 г. гарнизон Кёнигсберга капитулировал. Отто Ляш подписал акт о сдаче крепости. Падение города стало важным военным и политическим событием. Оно означало ликвидацию крупного узла обороны противника и окончательный разгром основной части восточно-прусской группировки.

Военно-стратегические результаты операции были значительными. Красная армия уничтожила крупные силы противника, обеспечила безопасность

северного фланга войск, готовившихся к Берлинской операции, и овладела важными портами на Балтийском море [1, с. 575–577].

Политические последствия также были существенными. После окончания войны северная часть Восточной Пруссии была передана Советскому Союзу, что привело к изменению государственных границ и формированию нового региона в составе СССР [3, с. 302–305]. Эти изменения оказали влияние на послевоенное устройство Европы.

Разгром восточно-прусской группировки способствовал ускорению общего завершения войны в Европе. Германия потеряла важный стратегический район и значительные военные ресурсы, что ослабило её способность к дальнейшему сопротивлению.

В исторической памяти России Восточно-Прусская операция рассматривается как пример высокого уровня организации наступательных действий и мужества советских солдат. В европейской историографии внимание уделяется как военным аспектам операции, так и её гуманитарным последствиям.

Таким образом, Восточно-Прусская операция сыграла важную роль в окончательном разгроме нацистской Германии. Она обеспечила стратегические условия для штурма Берлина и внесла значительный вклад в победу над Третьим рейхом. Опыт этой операции показывает значение тщательной подготовки, взаимодействия родов войск и последовательного решения стратегических задач, а её результаты продолжают оказывать влияние на политическую и историческую оценку событий Второй мировой войны.

Список литературы:

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 6. Освобождение территории СССР и европейских стран. Разгром фашистской Германии. – М.: Воениздат, 1965. – С. 568–577.
2. Самсонов, А.М. Крах фашистской агрессии 1944–1945 гг. – М.: Наука, 1980. – С. 214–223.
3. История СССР с древнейших времён до наших дней: В 12 т. Т. 10. СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1973. – С. 302–305.
4. Восточно-Прусская операция 1945 года: сборник документов / Центральный архив Министерства обороны РФ. – М.: ЦАМО РФ, 2005. – С. 45–49. – URL: <https://www.prilib.ru/item/327680> (дата обращения: 23.02.2026).

Кривихина Екатерина Дмитриевна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: старший преподаватель Михайлова Маргарита Ярославна

Ekaterina Krivikhina

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1756–1763 ГГ. КАК ПЕРВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ XVIII ВЕКА

Аннотация: В статье анализируются причины, ход и последствия Семилетней войны 1756–1763 гг. как одного из крупнейших международных конфликтов XVIII века. Рассматриваются дипломатические предпосылки войны, формирование коалиций и изменение баланса сил в Европе. Особое внимание уделяется участию Российской империи и её военным успехам в борьбе против Пруссии. Исследуется колониальный аспект противостояния между Великобританией и Францией. Делается вывод о глобальном характере войны и её значении для дальнейшего развития международных отношений. Работа основана на трудах отечественных историков и материалах академических изданий.

Ключевые слова: Семилетняя война, международные отношения XVIII века, Российская империя, Пруссия, дипломатическая революция, колониальные войны.

THE SEVEN YEARS' WAR (1756–1763) AS THE FIRST GLOBAL CONFLICT OF THE 18TH CENTURY

Summary: The article examines the causes, course and consequences of the Seven Years' War (1756–1763) as one of the largest international conflicts of the 18th century. The diplomatic background, formation of coalitions and transformation of the European balance of power are analyzed. Special attention is paid to the participation of the Russian Empire. The colonial rivalry between Great Britain and France is examined. The author concludes that the war marked the beginning of a new global political order.

Keywords: Seven Years' War, 18th century international relations, Russian Empire, Prussia, colonial rivalry.

Семилетняя война 1756–1763 гг. стала одним из наиболее масштабных вооружённых конфликтов XVIII столетия. Она охватила Европу, Северную Америку, Индию и морские пространства Атлантики и Индийского океана. По широте географии и количеству вовлечённых держав война значительно превосходила предыдущие европейские конфликты и предвосхитила глобальные войны последующих эпох [1, с. 214]. В историографии Семилетняя война рассматривается как важнейший этап формирования нового баланса сил

в Европе и мире [2, с. 118]. Именно в ходе этого конфликта окончательно определилось возвышение Пруссии и укрепление Британской колониальной империи.

Причины войны имели комплексный характер. В Европе центральным вопросом оставался силезский конфликт между Австрией и Пруссией. После войны за Австрийское наследство Силезия перешла под контроль Пруссии, что вызвало стремление Австрии к реваншу [3, с. 302]. Одновременно усилилось англо-французское соперничество в Северной Америке и Индии. Борьба за колониальные рынки и торговые пути приобрела стратегическое значение [2, с. 121]. Решающим фактором стала «дипломатическая революция» 1756 года — коренной пересмотр традиционных союзов. Австрия заключила союз с Францией, а Пруссия — с Великобританией [4, с. 98]. Это изменение разрушило прежнюю систему международных отношений и стало непосредственной предпосылкой войны.

Европейский театр военных действий: Военные действия в Европе развернулись преимущественно в Центральной Европе. Пруссия оказалась в окружении мощной коалиции — Австрии, Франции, России и Саксонии. Несмотря на тяжёлое положение, Фридрих II сумел одержать ряд крупных побед [5, с. 177]. Русская армия вступила в войну в 1757 году. Победа при Гросс-Егерсдорфе стала первым серьёзным успехом анти-прусской коалиции [6, с. 214]. Особенно значимой стала битва при Кунерсдорфе в 1759 году, где русско-австрийские войска нанесли тяжёлое поражение армии Фридриха II [7, с. 384]. В 1760 году русские войска заняли Берлин, что стало кульминацией российского участия в войне [3, с. 315]. Однако после смерти Елизаветы Петровны Россия заключила мир с Пруссией, что существенно изменило ход конфликта.

Колониальный аспект войны: За пределами Европы война приняла характер масштабного колониального противостояния. В Северной Америке она вошла в историю как Франко-индейская война. Великобритания постепенно вытеснила Францию из Канады [2, с. 126]. В Индии британская Ост-Индская компания добилась значительных успехов, что стало началом установления британского господства на субконтиненте [8, с. 52]. Семилетняя война завершила борьбу за колониальное первенство в пользу Великобритании.

Война оказала серьёзное влияние на экономику европейских держав. Государственные расходы резко возросли, что привело к увеличению государственного долга, особенно в Великобритании и Франции [1, с. 228]. Франция потеряла значительную часть своих колоний, что ослабило её международные позиции [9, с. 143]. Пруссия, напротив, сохранила Силезию и укрепила своё положение в германском мире [10, с. 201]. Для России участие в войне способствовало росту международного авторитета и подтверждению статуса великой европейской державы [6, с. 219]. Многие исследователи рассматривают Семилетнюю войну как первый глобальный конфликт Нового времени [2, с. 118]. Она показала взаимосвязанность европейской и колониальной политики, а также продемонстрировала переход международных

отношений к новому этапу развития. Итоги войны способствовали дальнейшим революционным процессам - Американской и Французской революциям [11, с. 64].

Семилетняя война 1756–1763 гг. стала переломным событием мировой истории XVIII века. Она изменила расстановку сил в Европе, способствовала возвышению Пруссии и Великобритании и укреплению международного авторитета России. Глобальный характер конфликта позволяет рассматривать его как предвестник мировых войн последующих столетий.

Список литературы:

1. История Европы: в 8 т. Т. 4 / Европа Нового времени (XVII–XVIII века) отв. ред. А. О. Чубарьян. - М.: Наука, 1994. - 704 с. - URL: <https://search.rsl.ru/>)
2. Всемирная история: в 6 т. Т. 4 - Мир в XVIII веке отв. ред. А. О. Чубарьян. - М.: Наука, 2013. - 672 с.
3. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. - СПб. / Наука, 1999. 392 с. - URL: <https://nlr.ru/>)
4. История международных отношений: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. В. Торкунова. - М.: Аспект Пресс, 2012. – 560 с.
5. Разин Е. А. История военного искусства. Т. 2. - М. / Воениздат, 1957. - 560 с. - URL: <https://elibrary.ru/>)
6. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. - М.: Воениздат, 1958. - 646 с. - URL: <https://search.rsl.ru/>)
7. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. - М. / Голос, 1992. 416 с.
8. История Востока: в 6 т. Т. 4. М.: Восточная литература, 2002. - 720 с. - URL: <https://www.prilib.ru/>)
9. Ерман Л. К. История Германии. - М.: Высшая школа, 1979. - 400 с. - URL: <https://search.rsl.ru/>)

Кузьмина Мария Алексеевна

3 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Kuzmina Maria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТВОРЧЕСТВО ЭДУАРДА ЛИМОНОВА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: Статья посвящена анализу литературного наследия Эдуарда Лимонова (российского писателя, поэта, публициста), которое стало самобытным культурным явлением в современной русской литературе. Особое внимание в работе уделено рассмотрению влияния творчества Э. Лимонова на современных деятелей культуры в различных сферах искусства.

Ключевые слова: литературное творчество, культурное влияние, эмигрантский роман, цинизм в искусстве.

THE CREATIVITY OF EDUARD LIMONOV AS A LITERARY AND CULTURAL PHENOMENON

Summary: The article focuses on the literary legacy of Eduard Limonov (a Russian writer, poet, and publicist), which has become a distinctive cultural phenomenon in contemporary Russian literature. The article explores the influence of Limonov's work on contemporary cultural figures in various fields of art.

Keywords: literary creativity, cultural influence, emigrant novel, cynicism in art.

Эдуард Лимонов (1943-1920) (настоящая фамилия – Савенко) родился в городе Дзержинске Горьковской области (ныне – Нижегородская область) в семье офицера. Из-за службы отца семья часто переезжала, поэтому детство будущего писателя прошло в Харькове, где Савенко окончательно обосновались. В молодости Лимонов попал в компанию хулиганов и участвовал в уличных грабежах и кражах в магазинах. В возрасте 17 лет он начал писать стихи, что, по словам одноклассников, вызывало сравнения с Есениным.

После окончания школы Эдуард поступил в кулинарное училище, но его отчислили из-за постоянных прогулов и краж. В дальнейшем он попробовал себя в разных сферах: работал на производстве, грузчиком, на шахте и в книжном магазине. В своих воспоминаниях Лимонов упоминал о времени, проведенном в Москве в конце 60-х годов, когда он с успехом занимался пошивом брюк для столичной богемы.

В 1980 году, обосновавшись во Франции после нескольких лет, проведенных в США, Лимонов наконец получил возможность полностью

посвятить себя литературе. Именно в Париже он стал по-настоящему востребованным автором, а его имя приобрело скандальную европейскую известность.

Поворотным моментом стала публикация автобиографического романа «Это я – Эдичка», действие которого разворачивается в Нью-Йорке в 1976 году. Эта книга, написанная с беспрецедентной для русской литературы откровенностью, мгновенно стала бестселлером и принесла автору мировую славу. В центре повествования – тяжелейший кризис эмигранта: Лимонов с хирургической точностью описывает свои отношения с женой, которая уходит от него к другому человеку, погружение в пучину одиночества в чужом мегаполисе, хаотичные связи с другими женщинами и мужчинами, унижительные поиски работы и отчаянные попытки найти себя в пространстве, где царят только деньги и социальный статус. [4]

Книга поразила читателей скандальностью сцен, грубостью, а также абсолютной искренностью и обнаженностью нервов, с которой автор рассказывал о своем падении и попытках воскреснуть. Успех «Эдички» открыл Лимонову дорогу в большую литературу, и вскоре, в 1983 году, в Париже выходит его следующее произведение – роман «Подросток Савенко», а в 1986 году – повесть «Молодой негодяй». Вместе эти три книги образовали уникальную автобиографическую трилогию, прослеживающую становление личности автора от детства и юности на Украине до богемной и маргинальной жизни в Нью-Йорке.

В своих автобиографических произведениях, таких как «Это я – Эдичка» или «Книга воды», Лимонов выстраивает сложную, полную противоречий картину взаимоотношений творческой личности с Родиной. В его размышлениях образ России парадоксальным образом трансформируется в некий потерянный рай, утраченный из-за политических и социальных катаклизмов, но оттого еще более желанный. Писатель с острой ностальгией описывает покинутую страну, и в этой тоске важную роль играет его критика Запада. Лимонов утверждает, что в сознании советских людей, отрезанных от достоверной информации, сформировался миф о западных странах, как о заповедниках абсолютной творческой свободы и легкой жизни. Этот миф, по мысли автора, стал катализатором массовой эмиграции, однако для большинства беглецов она обернулась разочарованием. Столкнувшись с реальностью, эмигранты обнаруживали, что жизнь на Западе подчинена жесткой логике выживания, где главными мерилami успеха становятся «добыча денег» и погоня за высоким социальным статусом, что оставляет истинному творчеству и личной свободе гораздо меньше места, чем им грезилось на родине.

Во время эмиграции, помимо автобиографической трилогии, Лимонов также написал «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (Лимонов пишет об отношениях с женщинами, про свои политические взгляды, а также попытку устроиться в Америке), «История его слуги» (роман, где главный герой – Эдичка работает в доме богатого американца дворецким и поваром. Герой

бунтует против высшего света, пытается стать не слугой, а писателем. [1] Это роман автобиография, но дополненная художественным вымыслом), «Палач» (Роман про польского эмигранта, который становится свидетелем убийства. Позже из СМИ герой узнает о необычной профессии погибшего, заинтересовывается и решает не писать книги и быть писателем, а работать в совершенно другой области, в секс-индустрии) [2], повесть «У нас была великая эпоха» (первая книга цикла «Харьковская трилогия», где Лимонов рассказывает о послевоенном детстве), а также автобиографические рассказы и публицистические статьи.

Переломным моментом в биографии писателя стал 1990 год, когда после многих лет эмиграции Лимонов принял решение вернуться на родину – в стремительно меняющийся, находящийся на пороге распада Советский Союз. Это возвращение ознаменовало начало нового, политически активного этапа его творческой жизни.

В 1994 году, в атмосфере социально-политической нестабильности первой половины 90-х, писатель основал газету «Лимонка». Это издание очень быстро стало рупором созданной им Национал-большевистской партии (НБП), чья эпатажная идеология, сочетавшая ультраправые и левые мотивы, нашла отклик у радикально настроенной молодежи и маргинальных слоев общества.

На страницах «Лимонки» публиковались не только программные статьи, но и художественные тексты, а с ней сотрудничали люди, оказавшие заметное влияние на контркультуру того времени: философ Александр Дугин, культовый рок-музыкант Егор Летов (лидер группы «Гражданская Оборона») и поэтесса Наталья Медведева (супруга Лимонова). Газета, выходявшая с периодичностью раз в две недели, распространялась полуподпольными методами – местным представителям партии она передавалась в закрытых, опечатанных упаковках, чтобы обеспечить тайную доставку читателям и избежать давления со стороны властей. Однако в июле 2010 года история издания прервалась: его выпуск был прекращен, а все вышедшие номера и материалы впоследствии были признаны экстремистскими и внесены в соответствующий список, что поставило точку в легальном существовании этого провокационного проекта.

Некоторые книги, написанные Лимоновым уже в России: «Ноль часов» (сборник стихов), «Мальчик, беги!» (сборник стихов последних лет творческой жизни писателя), «К Фифи» (сборник стихов с посланием женщине, чье имя было зашифровано как Фифи). Книга «Старик путешествует» – сборник заметок Лимонова о путешествиях в Америке, Италии, Франции, Абхазии и Монголии. Эта работа является последней в жизни писателя, она опубликована через месяц после его смерти в 2020 году. Лимонов осознавал приближающуюся смерть, это и стало мотивом книги. Он пишет: «Да, я смертен, да, я слаб и болен, и я понимаю, что уже ничего нельзя сделать». [3]

17 марта 2020 года Лимонов скончался на 77-м году жизни от осложнений после операции по удалению рака горла.

Творчество Эдуарда Лимонова представляет собой уникальное и неоднозначное явление в истории русской литературы конца XX - начала XXI

века. Оно органично впитало в себя нерв и проблемы современности, став своеобразным зеркалом, отразившим хаос переходной эпохи, крах старых идеалов и агрессию нарождающегося капитализма. [5]

Писатель создал стиль, который невозможно спутать ни с чьим другим: его проза – самобытная до эпатажа, построенная на обнажении чувств и физиологии, она постоянно находится в состоянии рефлексии, мучительного самоанализа и одновременно отрицания какой-либо морализаторской дидактики. Именно эта бескомпромиссность и породила шквал вопросов и критики.

Читатели и литературоведы разделились на два лагеря: для одних тексты Лимонова казались нарочито грубыми, примитивными и резкими, граничащими с литературным хулиганством, для других – откровением, срывающим покровы с запретных тем. Эта противоречивость заложена в самой природе его дарования: лирический герой Лимонова то вызывает омерзение своей циничностью, то сострадание своей уязвимостью. Многие современники, особенно из лагеря либеральной интеллигенции, поспешили навесить на его творчество ярлык «пошлости», обвиняя автора в намеренном эпатаже и моральном нигилизме, отказываясь видеть за внешней грубостью сложную философскую и экзистенциальную проблематику.

Эдуард Лимонов останется в истории русской литературы не только как самостоятельный художник, но и как мощный катализатор для целого литературного поколения. Его главный урок для последователей заключался в демонстрации абсолютной творческой свободы: он влиял на других авторов прежде всего своей самобытностью, показывая, как можно писать по-другому, игнорируя жанровые и стилистические перегородки, существовавшие в классической традиции. Со временем его эпатажная, грубая, но предельно искренняя манера перестала быть маргинальной и фактически стала новой литературной нормой для тех, кто искал выхода из тупика постмодернизма.

Ключевым фактором этого влияния стала именно уникальная искренность и противоречивость Лимонова – его герой мог быть одновременно отвратительным и вызывающим сострадание, что дало молодым писателям смелость исследовать темные стороны человеческой души без цензуры. [6]

Среди тех, кто открыто называет себя учениками Лимонова, полярные, но одинаково значимые фигуры: Захар Прилепин, известный писатель, публицист и общественно-политический деятель, унаследовавший от учителя бунтарский дух и интерес к «сильному человеку», а также Роман Сенчин, прозаик и литературный критик, который, будучи менее политизированным, воспринял лимоновское умение писать правду о беспросветности и тоске русской провинции.

Список литературы:

1. Безрукавая, М. В. Романы Э. Лимонова как система сюжетных стратегий / М. В. Безрукавая // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, № 3. – С. 1046-1050.

2. Лимонов, Э. Палач / Э. Лимонов. – СПб: Питер, 2025. – 352 с.
3. Лимонов, Э. Старик путешествует / Э. Лимонов. – М.: Individuum, 2024.
4. Лимонов, Э. Это я -Эдичка / Э. Лимонов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 360 с.
5. Митрофанова, А. А. Стереотипы творческого поведения писателя в современной историко-культурной ситуации (Эдуард Лимонов) / А. А. Митрофанова // Дергачевские чтения - 2011. X Всерос. науч. конф. – № 10. – С. 102-110.
6. Орлова, А. А. Проза и публицистика Эдуарда Лимонова / А. А Орлова– Санкт-Петербург, 2004. – 151 с.

Куклина Милания Антоновна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Kuklina Milaniya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЦВЕТ ПРОТИВ ХАКИ: КАК РУССКИЙ АВАНГАРД В МОДЕ ОСВОБОДИЛ КОСТЮМ ОТ ВОЕННОЙ СТРОГОСТИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации костюма в послереволюционной России под влиянием идей художественного авангарда. Анализируется процесс преодоления эстетики военной униформы (цвета хаки) как доминирующего кода эпохи Гражданской войны. Рассматривается деятельность ключевых фигур авангарда – Варвары Степановой, Любви Поповой и Александры Экстер, – которые переосмыслили функцию одежды, наделив её качествами художественного высказывания, динамики и новой социальной значимости. Особое внимание уделяется принципам конструктивизма в текстиле, концепциям «прозодежды» и «производственного костюма». Можно сделать вывод о том, что авангард совершил символический акт демилитаризации повседневности, превратив костюм из средства унификации в инструмент освобождения личности и творческого преобразования быта.

Ключевые слова: русский авангард, военная строгость, цвет хаки, конструктивизм, реформа костюма, текстильный орнамент, Любовь Попова, Варвара Степанова, Александра Экстер.

COLOR VS. KHAKI: HOW THE RUSSIAN AVANT-GARDE IN FASHION FREED THE COSTUME FROM MILITARY AUSTERITY

Summary: This article explores the transformation of costume in post-revolutionary Russia under the influence of the artistic avant-garde. It analyzes the process of overcoming the aesthetics of military uniform (khaki color) as the dominant code of the Civil War era. The study examines the work of key avant-garde figures-Varvara Stepanova, Lyubov Popova, and Alexandra Exter-who redefined the function of clothing, imbuing it with the qualities of artistic expression, dynamism, and new social significance. Special attention is paid to the principles of Constructivism in textiles, as well as the concepts of "prozodezhda" (workwear) and the "production suit." The article concludes that the avant-garde performed a symbolic act of demilitarizing everyday life, transforming the costume from a tool of unification into an instrument for the liberation of the individual and the creative transformation of daily existence.

Keywords: Russian avant-garde, military austerity, khaki color, Constructivism, costume reform, textile ornament, Lyubov Popova, Varvara Stepanova, Alexandra Exter.

Под конец 1910-х — начало 1920-х годов стали для России эпохой грандиозных социальных катаклизмов и культурных сдвигов. Хаос Гражданской войны и разруха диктовали суровые условия существования, что неизбежно отразилось и на внешнем облике человека. Цвет хаки, цвет шинели и гимнастерки, стал не просто доминирующим оттенком, но мощным символом времени, знаком выживания, мобилизации и подчинения личности интересам государства. Однако уже к середине 1920-х годов на смену этой вынужденной унификации пришла новая эстетика, рожденная в мастерских художников-авангардистов. Их задачей стало не просто «одеть» нового человека, но создать костюм, который бы отражал идеи созидания, индустриализации и свободы. Цель данной статьи — проследить, как русский авангард, вооружившись принципами конструктивизма и супрематизма, сумел преодолеть инерцию военной строгости и вернуть костюму статус самостоятельного художественного высказывания.

В годы Первой мировой и Гражданской войн костюм утратил свою эстетическую и сословную функции, подчинившись исключительно утилитарным задачам защиты и маскировки. Хаки — цвет грязи, пыли и солдатского сукна — стал визуальным воплощением эпохи «военного коммунизма». Шинели, кожанки, гимнастерки и буденовки нивелировали индивидуальность, превращая человека в «винтик» огромной военной машины. Даже после окончания активных боевых действий инерция этого образа сохранялась: в условиях тотального дефицита тканей и предметов первой необходимости любая одежда воспринималась прежде всего, как функциональный предмет, лишенный декоративных излишеств. Однако именно эта эстетическая пауза создала предпосылки для радикального обновления, которое предложили художники-новаторы.

Параллельно с процессами милитаризации быта в художественной среде вызревали идеи, отрицавшие как дореволюционную роскошь, так и суровую аскетичность униформы. Русский авангард, представленный такими течениями, как супрематизм Казимира Малевича и конструктивизм Александра Родченко, провозгласил задачу «преобразования жизни». Художники авангарда видели в искусстве не отражение реальности, а инструмент её активного переустройства. Эта установка оказалась созвучна новой социальной политике, требовавшей создания «пролетарского стиля». Однако вместо унылой унификации авангардисты предложили динамику геометрических форм и чистоту локального цвета, способные пробудить творческое начало в каждом человеке.

Ключевым этапом «освобождения» костюма стала работа художниц Любви Поповой и Варвары Степановой на Первой ситценабивной фабрике в Москве в 1923–1924 годах. Их приход в текстильное производство носил программный характер: они стремились заменить архаичные «купеческие» рисунки (розочки, васильки) новыми орнаментами, соответствующими индустриальному ритму жизни.

Варвара Степанова разрабатывала рисунки, которые сама называла «орнаментально-ритмическими». В её арсенале были круги, полосы, клетка, пунктиры, создающие на ткани ощущение движения и энергии. Она сознательно отказывалась от натуралистичности, используя исключительно геометрические формы, рожденные «техническими средствами». Любовь Попова, в свою очередь, уделяла большое внимание связи орнамента с конструкцией костюма. Она экспериментировала с масштабом рисунка, следя за тем, чтобы он не искажался на сгибах ткани и динамично взаимодействовал с фигурой человека. Эти ткани не маскировали и не прятали человека, как это делал хаки. Напротив, они делали его заметным, акцентировали его активность и современность. «Оденьте всех в одинаковое, — словно говорили они своим творчеством, — и вы получите казарму. Оденьте всех в динамичную геометрию — и вы получите город будущего».

Параллельно с реформой текстиля авангард предложил и новую концепцию кроя. Центральным понятием здесь стала «прозодежда» (производственная одежда) — костюм, максимально удобный для труда, лишенный лишних деталей, но при этом не превращающий человека в безликого статиста. В отличие от военной формы, которая требовала подчинения, прозодежда требовала активности.

Художница Александра Экстер в своей статье «О конструктивной одежде» развивала идеи о соответствии материала форме, о необходимости учитывать пластику тела при создании костюма. Она предлагала многофункциональные решения: одежду-трансформер, элементы которой можно было менять в зависимости от ситуации. Это был принципиально новый подход: вещь больше не довлела над человеком, а служила ему, адаптируясь под его потребности. Конструктивисты отвергли принцип «украшательства» как буржуазный пережиток, но заменили его принципом «оформления поверхности». Даже простая рабочая блуза, сшитая по канонам авангарда, становилась носителем новой эстетики — строгой, функциональной, но не репрессивной.

Цветовая гамма, предложенная авангардом, вступила в прямой конфликт с хаки. Если хаки — это цвет слияния со средой, растворения в ней, то цвета авангарда — черный, белый, красный, синий, желтый — это цвета утверждения. Красный цвет, доминирующий в текстиле тех лет, нес в себе множественную семантику: он был и символом революции, и традиционным для Руси знаком красоты, и, в трактовке супрематистов, знаком энергии и динамики. Геометрические формы (круги, квадраты, полосы) выполняли роль нового декора, который не маскировал фигуру, а подчеркивал её конструкцию. В этом смысле авангард совершил настоящий семиотический переворот: он вытеснил из повседневности знаки войны и подчинения, заменив их знаками индустрии, урбанизма и творческой активности.

Идеи русского авангарда 1920-х годов не исчезли и не растворились. Они продолжают питать мировую моду, предлагая модельерам готовые решения для преодоления излишней строгости и милитаризованности силуэта. Надежда

Ламанова ещё в 1920-е годы сотрудничала с авангардистами, создавая модели, где традиции русского костюма перерабатывались в духе конструктивизма, соединяя народные мотивы с функциональностью.

Вячеслав Зайцев в советский период неоднократно обращался к наследию авангарда, предлагая коллекции, в которых геометрический орнамент и четкость линий противостояли «серому» советскому массовому пошиву. Валентин Юдашкин в своих коллекциях, посвященных русскому авангарду (например, «Екатерина Великая» или «Русский сезон»), использовал графические приемы Поповой и Степановой, перенося их в область высокой моды и *haute couture*. Дизайнер Джон Гальяно (бренд «Maison Margiela») в коллекциях последних лет часто использует приемы аппликации и наложения геометрических форм, напоминающие текстильные эксперименты авангарда, создавая сложные, многослойные визуальные образы. Дизайнер Гоша Рубчинский и эстетика его коллекций постсоветского пространства, хоть и тяготеет к униформе, включает в себя графичные линии и черно-белую гамму, отсылающие к супрематической традиции, переосмысленной в современном контексте. Ульяна Сергеенко активно использует мотивы русского народного костюма, но часто интерпретирует их через призму конструктивных решений (четкие линии кокошников, геометризованные объемы сарафанов), что создает диалог с традицией авангарда. Ирина Комар — современный дизайнер, в чьих работах геометрическая простота кроя сочетается с яркими цветовыми блоками и архитектурностью форм, напрямую наследуя эстетике 1920-х годов.

В XXI веке тема демилитаризации костюма через авангард обретает новое звучание. Современные дизайнеры работают в условиях, где военная эстетика вновь проникает в моду (милитари-стайл как тренд). Однако обращение к наследию авангарда позволяет им создавать более сложные и осмысленные образы. Ярким примером являются коллекции, где традиционная военная форма (шинели, френчи) комбинируется с авангардными текстильными вставками, геометрическим кроем или яркими орнаментами. Такой прием разрушает монолитность военной строгости, внося в неё элемент игры, творчества и индивидуальности. Коллекция бренда «Comme des Garçons» осени 2018 года, где Рей Кавакубо использовала принципы деконструкции, сочетая их с яркой цветовой палитрой, напоминает о свободе авангардного эксперимента. Дизайнер Рик Оуэнс часто обращается к архитектурности форм, которая была свойственна Баухаусу и русскому конструктивизму, создавая образы суровые, но не репрессивные, а скорее монументальные и защищающие человека от хаоса внешнего мира.

Русский авангард совершил настоящую революцию в области костюма, главным итогом которой стало освобождение человека от визуальной диктатуры военной строгости. Предложив взамен хаки динамику геометрического орнамента, а вместо униформы — функциональную и конструктивную одежду, художники 1920-х годов вернули костюму его культурную миссию. Они доказали, что даже в эпоху индустриализации и массового производства одежда может и должна нести в себе заряд творческой

энергии, подчеркивать индивидуальность и формировать новую, созидательную эстетику повседневности. Опыт Степановой, Поповой и Экстер остается актуальным и сегодня, служа источником вдохновения для дизайнеров, стремящихся найти баланс между функцией и смыслом, между необходимостью подчиняться обстоятельствам и правом на свободное самовыражение через цвет и форму.

Список литературы:

- 1.Лаврентьев, А. Н. Лаборатория конструктивизма. Опыты графического моделирования. – М.: Грантъ, 2000. – 256 с.
- 2.Степанова, В. Ф. Человек не может жить без чуда: Письма. Поэтические опыты. Записки художницы. – М.: Сфера, 1994. – 320 с.
- 3.Сидорина, Е. В. Русский конструктивизм: Идеи. Истоки. Практика. – М.: Галарт, 1995. – 288 с.
- 4.Экстер, А. А. О конструктивной одежде // Красная нива. – 1923. – № 50. – С. 12–15.
- 5.Родченко, А. М. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. – М.: Советский художник, 1982. – 304 с.

Кулакова Мария Игоревна

3 ГД-25

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Maria Kulakova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ СЕТУ: ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЯЗЫКА И ОЧАГА

Аннотация: в статье рассматривается ключевая роль женщины в сохранении и трансляции культурного кода малочисленного финно-угорского народа сету (сето), проживающего на территории Печорского района Псковской области и Эстонии. На основе анализа этнографических данных, материалов музейных коллекций и полевых наблюдений автор раскрывает феномен женщины как хранительницы языка и домашнего очага, материализованного в сложной системе костюма и семейных обрядах.

Ключевые слова: народ сето, нематериальное культурное наследие, леело, традиционный костюм, фибула, Печорский район, Псков.

THE ROLE OF WOMEN IN TRADITIONAL SETO SOCIETY: GUARDIAN OF LANGUAGE AND HEARTH

Summary: The article examines the crucial role of women in preserving and transmitting the cultural code of the Seto, a small Finno-Ugric people living in the Pechory district of the Pskov region and Estonia. Based on an analysis of ethnographic data, materials from museum collections, and field observations, the author reveals the phenomenon of the Seto woman as the guardian of language and the hearth, materialized in the complex system of traditional costume and family rituals.

Keywords: Seto people, intangible cultural heritage, leelo, traditional costume, fibula, Pechory district, Pskov.

Народ сето является одним из коренных малочисленных народов Российской Федерации, чья уникальная культура формировалась на стыке западного (финно-угорского) и восточного (славянского, православного) влияния. Проживая на границе двух миров – России и Эстонии, сето сумели сохранить свою идентичность, языковую и обрядовую специфику. 25 июня 2010 года сето были официально признаны коренным малочисленным народом России. По данным на 2016 год, в Печорском районе насчитывалось 274 представителя сето, а всего в России – около 300 человек.

В то время как мужчины были более вовлечены во внешние экономические связи и общение с иноязычным окружением, женщина оставалась ядром семьи и общины. Одной из важнейших функций женщины в

обществе сето была передача языка. Язык сето близок древнеэстонскому, однако письменности у него никогда не существовало – он передавался исключительно устно, из поколения в поколение. В 2009 году ЮНЕСКО включило язык сето в Атлас исчезающих языков мира как «находящийся под угрозой исчезновения». Именно женщины, проводившие больше времени с детьми и в домашнем кругу, становились главными трансляторами лингвистического кода. В школах язык сето не преподается, поэтому его сохранение происходит лишь в семьях, от родителей к детям.

Сето сохранили традицию многоголосого пения «леело», которая в 2009 году признана ЮНЕСКО шедевром устного нематериального культурного наследия человечества. По некоторым данным, песни леело звучат уже более 1000 лет. В этой традиции женщина, обладающая даром импровизации и словом, именуется «матерью песни». Специфика леело заключается в чередовании пения солиста и хора: солистка импровизирует текст на ходу, а хор подхватывает, повторяя сначала последние слоги куплета, а затем всю заключительную фразу. Исполняются песни преимущественно «а саррелла». Леело сопровождало всю жизнь: от колыбельных до похоронных плачей и свадебных обрядов. У женщин на каждую жизненную ситуацию была своя песня, даже если это обычные бытовые дела. Считалось, чем больше песен знает девушка, тем выше ее статус и ценность. Сегодня традиция леело активно поддерживается. В Печорской лингвистической гимназии с 2003 года действует детский этнографический ансамбль сето «Птенцы», который возрождает уникальное песенное наследие, занимается поиском и записью песенного материала, изучением языка и традиций.

Костюм в культуре сето выступал не просто одеждой, а материализованным выражением женского статуса и родовой принадлежности. В облике женщины читалась целая история культурных взаимодействий: покрой льняной рубахи восходил к славянским традициям, декоративное оформление сарафана-китесника перекликалось с эстонским народным костюмом, орнаментика пояса несла балтские языческие мотивы, а конструкция головного ободка имела сходство с ливскими образцами. К началу XX столетия сложился устойчивый костюмный комплекс, зафиксированный этнографами. Его основу составляли глухой черный сарафан косоклинного кроя (близкий к архаичным формам одежды Псковско-Новгородского региона) и рубаха с характерным пышным рукавом и манжетами, декорированными широкой тканой полосой с геометрическим орнаментом.

Головные уборы выполняли функцию визуального маркера, по которому безошибочно определялось семейное положение женщины. Девиный «ваник» представлял собой налобную повязку, украшенную разноцветными лентами – такой открытый убор символизировал свободу и период ожидания замужества. С переходом женщины в статус супруги менялся и головной убор: «линик», напоминающий по форме полотенце, надевался особым образом – под него подкручивали волосы или специально изготовленные льняные валики, создававшие характерную объемную конструкцию. Линик фиксировался

тканым поясом, а его концы обильно украшались вышивкой и кружевным узором. Примечательно, что орнаментальные мотивы на одежде не были случайными – каждая семья хранила и передавала по женской линии свои уникальные узоры, выступавшие своеобразным родовым знаком.

Наиболее яркой и самобытной чертой женского костюма сето являлись массивные серебряные украшения. «Серебряный убор» женщины мог включать 20-22 предмета общим весом до 5-6 килограммов. Некоторые источники упоминают, что у замужних женщин вес украшений мог достигать 16 килограммов. Недаром говорили: сперва женщину сето слышно, а потом – видно, поскольку звон серебра предшествовал ее появлению. Серебряные украшения выполняли не только эстетическую функцию, но и множество других: они были оберегом от злых духов, показателем семейного благосостояния, а в некоторых случаях – и своеобразной валютой.

Центральным и наиболее сакрально нагруженным элементом являлась фибула (сылыг), которая произошла от небольших круглых прибалтийских застёжек, но в традиции сету достигла огромных размеров – до 35 см в диаметре. Фибула была маркером детородного периода женщины: ее начинали носить со свадьбы и прекращали после вдовства или рождения внуков. Символика фибулы многослойна и отражает синтез языческих и христианских представлений. Верхняя часть фибулы часто увенчана крестом на фоне двуглавого орла, что трактуется как символ пограничного положения народа сето между Россией и Эстонией, Востоком и Западом. Корона в декоре фибулы указывает на статус женщины как главы семьи, рода – она коронуется этим украшением, приобретая сакральную власть над домашним пространством. Растительные мотивы (вьющиеся листья аканта, пришедшие из античной традиции) и розетки как солярные символы несли благопожелательную функцию.

Фибула активно использовалась в семейной магии и обрядах жизненного цикла: считалось, что она помогает сохранять молодость и красоту, а в случае семейных неурядиц – вернуть мужа. Существовали разночтения в обряде перерезания пуповины – по одним сведениям, это делали фибулой, по другим – на ней. Вода, пролитая через отверстие фибулы, приобретала целебные свойства – ею лечили людей и даже заболевший скот. Фибулу для женщины покупал муж или жених, и размер, богатство украшения прямо демонстрировали отношение мужа: чем крупнее и дороже фибула, тем больше ценил муж свою жену. Фибулы для народа сето изготавливали целые династии иностранных мастеров – например, Бломериус и Херман. Комплекс украшений дополнялся длинными серебряными цепями различного плетения, монетными рядами из царских серебряных монет, вышедших из употребления после революции, а также бусинными и листовными рядами – европейским веянием, пришедшим в культуру сето после окончания Северной войны. На выставках представлены и голландские монеты из Брабанта, что свидетельствует о широких торговых связях региона.

Жизнь сето была пронизана ритуалами, в которых материальное и духовное переплетались в неразрывное целое. Особое место занимали вязаные изделия. Варежки для сето были своеобразной валютой – за них можно было получить услугу, поэтому хозяйки вязали их впрок, и многие пары, представленные в музейных коллекциях, даже не были ни разу надеты. В народной медицине сето издавна использовалась целебная сила воды из источников и грязи Псковского озера. Легенды о пользе воды подтверждались исключительным здоровьем жителей Сетомаа, которые жили дольше и качественнее соседей.

Традиции народа сету не ушли в прошлое, а воспроизводятся в живых практиках, где ключевую роль по-прежнему играют женщины. Главным событием года является фестиваль «Сетомаа. Семейные встречи», который ежегодно собирает представителей народа из России и Эстонии в деревне Сигово. На празднике женщины демонстрируют кулинарное мастерство, поддерживают певческую традицию и сохраняют костюмную традицию. Во время праздника музыканты играют на каннеле – инструменте, отдаленно напоминающем славянские гусли.

Роль женщины в традиционном обществе сету выходит далеко за рамки ведения домашнего хозяйства. Она является краеугольным камнем этнической идентичности этого малочисленного народа. Пастор Яков Хурт, занимавшийся сбором фольклора сето в XIX веке, зафиксировал замечательные слова одной из женщин: «Разве возможно изменить одежду? Ведь она красива; наши матери так же одевались. Святая Дева Мария носила такую же одежду, и было бы грешно заменить ее другой». В этой фразе – вся суть отношения женщины сето к своей традиции: костюм воспринимается не просто как одежда, а как священное наследие, освященное материнским примером. Язык и традиции сето находятся под угрозой исчезновения, и женщины остаются двигателем этнического возрождения, участвуя в фестивалях, обучая детей языку и ремеслам. Понимание этой роли необходимо для разработки эффективных мер поддержки коренных народов, где акцент должен делаться на укрепление женских линий трансляции традиции.

Список литературы:

1. Галицкая И. А. Фибулы сету в псковских коллекциях // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. №41. С.79 – 95.
2. Засецкая М. Л. Сету: история, культура, современные этнические процессы / М. Л. Засецкая, А. Г. Новожилов, Ю. В. Громова, С. А. Хрущев // Историко-этнографические очерки Псковского края. - Псков, 1999. - С. 269-301.
3. Манаков А. Г. На стыке цивилизаций: этнокультурная география Запада России и стран Балтии. - Псков: Изд-во Псковского государственного педагогического института, 2017. - 296 с.
4. Черноморова А. И. Сето. Музей-усадьба народности «Сето», филиал государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-

- заповедника «Изборск». - Изборск, Историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск»: Стерх, 2015. - 95 с.
5. Национальный костюм сето: о народном костюме сету: – Печоры, 2010. – URL: <https://pechori.ru/seto/nacionalnyj-kostyum-seto/> (дата обращения: 26.02.2026).

Кухи Мариам Гасановна

1 ИД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Логинова Диана Васильевна

Mariam Kukhi

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ

Аннотация: статья посвящена становлению концепции русского космизма в ракурсе современной философии. Представлены шесть основных идей современной философии настоящего времени. Рассматривается концепция русского космизма и бессмертия одним из ярких мыслителей этого направления Н.Ф. Федорова. Особое внимание уделяется современным исследованиям в области генной инженерии, биотехнологий, робототехники и искусственного интеллекта, которые позволяют рассматривать перспективу существенного продления человеческой жизни и даже достижения бессмертия.

Ключевые слова: русский космизм, бессмертие, воскрешение, генная инженерия, биотехнология, робототехника, искусственный интеллект.

THE CONCEPT OF RUSSIAN COSMISM AND THE PROSPECTS FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL IMMORTALITY

Summary: the article is devoted to the formation of the concept of Russian cosmism from the perspective of modern philosophy. Six main ideas of modern philosophy of the present tense are presented. The concept of Russian cosmism and immortality is considered by one of the brightest thinkers of this direction N.F. Fedorov. Particular attention is paid to modern research in the field of genetic engineering, biotechnology, robotics and artificial intelligence, which allow us to consider the prospect of a significant extension of human life and even the achievement of immortality.

Keywords: Russian cosmism, immortality, resurrection, genetic engineering, biotechnology, robotics, artificial intelligence.

Философию чаще всего воспринимают как дисциплину статичную и практически не имеющую отношения к современности, а как некую мудрость веков. Но время не стоит на месте. Сегодня философия — это целая сеть исследовательских проектов, направленных на то, чтобы осмыслить настоящий момент в новых категориях. Современная философия амбициозно претендует на то, что раньше философии и вовсе не было, она была вечно отягощена какими-то изъятиями и искажениями. В настоящее время можно рассматривать несколько идей современной философии: темная экология; космизм и технологическое бессмертие; постчеловечество; киберготика; плоская онтология; антиантропоцентризм.

Как для человека, имеющего отношение к изобразительному искусству, безусловно, одной из главных идей можно назвать философское обоснование возможности технологического обеспечения бессмертия и воскрешения. Основной вклад здесь принадлежит плеяде мыслителей начала XX в., ассоциируемых с «русским космизмом», течением в отечественной мысли, соединившим некоторые выводы из марксизма, теории биологической эволюции и необходимости технологической трансформации жизни, а также прочтения с отступлением от христианской теологии. Космизм часто атакуют за неадекватность его языка и методологии по отношению к нормам, принятым в современном интеллектуальном производстве.

Концепция русского космизма представляет собой философско-научное направление, возникшее в конце XIX в. и развивающееся вплоть до настоящего времени. Его основоположники, среди которых выделяются Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и В. И. Вернадский, ставили перед человечеством глобальные цели: выход за пределы Земли, покорение космического пространства, решение проблем биологического старения и преодоление смерти, и даже восстановление утраченных человеческих жизней благодаря развитию науки и технологий. Одним из центральных положений этой теории было утверждение о необходимости единения всех народов мира ради достижения общей цели — преобразование самой природы человека и общества в целом.

Николай Федорович Федоров один из наиболее ярких мыслителей русского космизма предполагал, что необходимо объединить усилия всего человечества для восстановления предыдущих поколений путем воскрешения мертвых при помощи высоких технологий будущего. Таким образом, философия русского космизма подразумевает возможность активного вмешательства человека в процесс эволюции и естественного отбора, что кардинально изменит представление о природе и сущности самого человека посредством технического прогресса.

Технологические разработки конца XX и начала XXI вв. открыли новые горизонты для реализации идей русского космизма. Современные исследования в области геномной инженерии, биотехнологий, робототехники и искусственного интеллекта позволяют рассматривать перспективу существенного продления

человеческой жизни и даже достижения бессмертия. В будущем искусственный интеллект сможет принимать участие в создании лекарств нового поколения, направленных против заболеваний, считающихся неизлечимыми сегодня. Важнейшими направлениями исследований являются изучение механизмов старения организма, разработка методов регенерации тканей и органов, создание интерфейсов мозг-компьютер и внедрение когнитивных технологий.

Однако наряду с оптимизмом в отношении технологических достижений возникают серьезные этические проблемы и социальные вызовы. Вопросы справедливости распределения ресурсов, равенства возможностей, ответственности ученых и инженеров требуют тщательного осмысления и принятия коллективных решений на международном уровне.

Таким образом, русский космизм продолжает оставаться актуальным направлением философии и научной мысли, вдохновляя исследователей на поиски новых путей улучшения качества жизни и обеспечения долгосрочного существования человеческого вида.

Список литературы:

1. Космизм в русском искусстве: каталог. – Санкт-Петербург: Русский музей, 2021. – 208 с.
2. Шесть главных идей современной философии, которые нужно знать [Электронный ресурс]. 23.10.2018 г. – URL: <https://www.buro247.ru/culture/arts/23-oct-2019-modern-philosophy.html> (дата обращения 1.03.2026)

Латина Марина Дмитриевна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: старший преподаватель Михайлова Маргарита Ярославна

Maria Latina

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«ЖИВАЯ ВЕХА»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЗМ МОЛОДЁЖИ РОССИИ

Аннотация: В статье исследуется фундаментальная роль российского исторического знания в формировании прочного патриотического сознания у современной молодёжи. Акцент делается на отечественной истории как «камне» патриотического воспитания и развития гражданской ответственности молодого поколения. Рассматриваются ключевые механизмы передачи исторической памяти, раскрывается сущность и инструментарий патриотического воспитания. Анализируются актуальные вызовы в области трансляции исторического знания и предлагаются пути их решения, обогащенные историческими примерами и событиями.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, историческая память, историческое сознание, молодёжь, патриотизм, исторические факты, исторические события.

«A LIVING LANDMARK»: HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTISM OF THE YOUTH OF RUSSIA.

Summary: The article examines the fundamental role of Russian historical knowledge in shaping a sustainable patriotic consciousness among modern youth. The focus is on Russian history as the "stone" of patriotic education and the development of civic responsibility among the younger generation. The article explores the key mechanisms of historical memory transmission and reveals the essence and tools of patriotic education. The article analyzes current challenges in the field of historical knowledge transmission and proposes solutions enriched with historical examples and events.

Keywords: patriotic education, historical memory, historical consciousness, youth, patriotism, historical facts, historical events.

Современное российское общество, стремясь к укреплению гражданской солидарности и формированию устойчивой патриотической позиции у молодого поколения, сталкивается с необходимостью осмысленного освоения отечественной истории. В условиях глобализации, стремительной цифровизации и информационных потоков, особенно актуальным становится вопрос патриотического воспитания молодежи. Актуальность обусловлена рядом факторов:

- информационная среда: В эпоху "информационной войны" и многообразных интерпретаций прошлого возрастает риск фрагментарного восприятия национального прошлого. Важно не только знать факты, но и понимать их контекст;
- доступ к информации: Молодежь, активно пользуясь цифровыми ресурсами, может столкнуться с недостоверными или тенденциозно искаженными версиями событий. Это подрывает доверие к фундаментальным историческим нарративам и ослабляет чувство исторической преемственности;
- формирование идентичности: Сохранение культурной идентичности и гражданской солидарности требует системной работы по передаче достоверных исторических знаний. Эти знания должны служить основой для осознанной патриотической позиции, построенной на понимании закономерностей развития страны, а не только на эмоциях.

Патриотизм, как социально-нравственная ценность, неразрывно связан с исторической памятью народа. Концепция коллективной памяти, разработанная Морисом Хальбваксом, подчеркивает, что общие представления о прошлом формируют идентичность социальной группы [1, с. 25-27]. В российском контексте это означает:

- непрерывность истории: Осознание того, что современная Россия является продолжением тысячелетней истории, с ее взлетами и падениями;
- принятие прошлого: Принятие как героических, так и трагических страниц национальной истории, понимание их причин и последствий. Например, осмысление Великой Отечественной войны не только как победы, но и как трагедии, с учетом колоссальных человеческих потерь, укрепляет понимание цены мира;
- наследие предков: Понимание вклада предшествующих поколений в становление и развитие российской государственности. Отвага и стойкость защитников Отечества во все времена – от ледовых походов князя Александра Невского до событий в Афганистане и современной истории – служит ярким примером преемственности патриотического долга.

Патриотическое воспитание – это целенаправленный, системно организованный процесс формирования у личности комплекса патриотических качеств, ценностей и установок. Он направлен на:

- развитие любви к Родине, своему народу, культурному и историческому наследию;
- осознание долга перед Отечеством, готовности защищать его интересы и суверенитет. Историческая память о подвигах защитников Отечества, например, о защите Брестской крепости в 1941 году, служит мощным стимулом к осознанию долга перед страной;
- формирование гражданской ответственности и активной жизненной позиции;
- воспитание уважения к традициям, обычаям и символам государства.
- развитие способности к критическому осмыслению исторических и современных процессов в контексте национальных интересов.

Ключевые компоненты патриотического воспитания включают:

- эмоциональный компонент: Привязанность, радость за успехи Родины, негативные реакции на ее проблемы;
- когнитивный компонент: Система знаний, представлений и убеждений о стране, ее истории, культуре, символах;
- поведенческий компонент: Действия и поступки, направленные на проявление привязанности и поддержки Родины;
- ценностный компонент: Ориентиры, закрепленные в национальной культуре и традициях [3, с. 572-574].

Историческое знание выполняет следующие функции в патриотическом воспитании:

- формирование системы представлений о прошлом, включая понимание причин и следствий ключевых событий, таких как Петровские реформы, повлиявшие на модернизацию России, или Октябрьская революция, изменившая ход мировой истории [8, с. 50-60];
- осмысление нравственных ориентиров, например, через изучение житий святых, подвигов героев Великой Отечественной войны или деятелей культуры, оставивших след в истории;
- осознание принадлежности к нации, создание общего культурного кода, основанного на общих ценностях и истории [4, с. 79];
- использование исторического опыта для будущего, извлечение уроков из ошибок прошлого, например, из периода Смутного времени, чтобы избежать подобных кризисов в будущем [7, с. 150-160].

В процессе трансляции исторического знания и патриотического воспитания выявляются ключевые проблемы, требующие системных решений. Ниже представлены проблемы, рекомендации и меры.

Фрагментация исторического сознания: Отсутствие целостной картины прошлого, разрозненное восприятие событий, неспособность выстроить причинно-следственные связи. Рекомендации и меры:

- междисциплинарные модули: Интеграция истории с литературой, искусством, обществознанием. Например, изучение творчества А.С. Пушкина в контексте его эпохи, или анализ живописи И. Репина как отражения переломных моментов российской истории [2, с. 50-55];
- практическая составляющая: Проектная деятельность (исследование местной истории), работа с архивами, экскурсии. Глубокое изучение истории своего города или села, фамильных историй, позволяет молодежи увидеть историю "вблизи";
- интерактивные методы: Дебаты, ролевые игры, кейс-анализ. Например, моделирование заседаний Государственной Думы царской России или обсуждение сценариев развития страны после революции 1917 года.

Историческая фальсификация и распространение недостоверной информации: Сомнения в объективности фактов, искаженные интерпретации, особенно в цифровой среде [5]. Можно предложить такие меры как:

- использование верифицированных цифровых ресурсов: Создание и продвижение качественного контента – онлайн-курсов, интерактивных карт,

архивных баз данных. Поддержка таких платформ, как "История.РФ", с научно-достоверной информацией [6];

- медиаграмотность: Обучение молодежи отличать достоверные источники, анализировать информацию, проверять факты. Разработка учебных пособий по медиаграмотности, уделяющих внимание анализу исторических нарративов в СМИ и интернете;

- цифровые инструменты как дополнение: Использование VR-реконструкций, интерактивных приложений для иллюстрации, а не замены традиционных методов. Например, виртуальная реконструкция Бородинского поля может помочь лучше понять поле боя, но не заменить изучение стратегических решений и героизма солдат.

Дефицит эмоциональных связей с прошлым: отрыв исторических знаний от личного опыта, слабая связь между историей семьи и историей страны. В связи с данной проблемой можно предложить такие решения:

- семейные исторические мероприятия: разработка методических материалов для родителей по организации совместных просмотров фильмов, посещению памятных мест, обсуждению семейных реликвий. Создание семейных хроник, где история семьи переплетается с историей страны;

- семейные архивы и генеалогические древа: поддержка инициатив по их созданию, чтобы показать личную связь с историей. Результаты генеалогических исследований могут удивить и вдохновить молодых людей, показав, что их предки были свидетелями или участниками значимых событий;

- диалог поколений: встречи с ветеранами, историками, краеведами. Рассказы участников Великой Отечественной войны, блокадников Ленинграда, людей, переживших переломные моменты истории, оставляют глубокий эмоциональный след;

- сотрудничество с музеями и архивами: проведение совместных экскурсий, лекций, выставок;

- практики мемориализации: участие в акциях памяти, посещение мемориалов. Акция "Бессмертный полк" – яркий пример того, как личная память становится частью общенациональной.

- краеведческий компонент: изучение локальной истории. Исследование истории конкретного завода, улицы, школы позволяет увидеть, как великие исторические события отражались в повседневной жизни людей.

Трансляция исторического сознания – это важнейший механизм сохранения культурной и гражданской памяти общества. Знание отечественной истории является неотъемлемым элементом патриотического воспитания молодежи, обеспечивая преемственность поколений, формируя гражданскую ответственность и выступая щитом против деструктивных идеологий. Наши предки, от первых князей Древней Руси до бойцов, освобождавших мир от фашизма, оставили нам богатое наследие, которое необходимо не только сохранить, но и осмыслить, чтобы двигаться вперед. Осмысленное изучение прошлого дает молодежи понимание логики развития государства, осознание

личной причастности к судьбе страны и умение извлекать уроки из опыта предков.

В современных условиях критически важно не допустить подмены подлинного исторического знания поверхностными или искаженными интерпретациями. Необходимо модернизировать способы трансляции исторического знания, сочетая традиционные и цифровые форматы просвещения, а также укреплять взаимодействие семьи, школы и общественных институтов. Примером такого взаимодействия может служить совместная подготовка школьниками и их родителями презентаций об участниках Великой Отечественной войны из их семей, которые затем представляются на школьных мероприятиях.

Список литературы:

- 1.Ельцина А. Н. Патриотизм как психологический феномен: структура, компоненты и уровни развития // Молодой Учёный. – 2026. – № 4 (607). – С. 572 – 574. – URL: <https://moluch.ru/archive/607/132803> (дата обращения: 23.02.2026).
- 2.Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- 3.Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М.: АСТ, 2003.
- 4.Хайруллина А. А. Формирование исторического сознания молодёжи как приоритетная задача современного образования // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 79–81.
- 5.Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2021. – 1008 с.
- 6.Вяземский Е. Е. Теория и методика преподавания истории. – М.: ВЛАДОС, 2020. – 304 с.
- 7.Левада-Центр. Социологическое исследование «Историческая память россиян» (2024) // Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 23.02.2026).
- 8.Портал «История.РФ» // Министерство культуры РФ. – URL: <https://histrf.ru> (дата обращения: 23.02.2026).

Латина Марина Дмитриевна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Анцупова Александра Сергеевна

Latina Marina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Аннотация: В статье рассматривается роль исторического знания в формировании патриотического сознания современной молодёжи. Анализируется значимость отечественной истории как фундамент патриотического воспитания и формирования гражданской ответственности молодого поколения. Описываются ключевые механизмы трансляции исторического знания, раскрывается сущность и содержание патриотического воспитания. Выявляются проблемы трансляции патриотического знания в контексте патриотического воспитания молодежи и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, историческая память, историческое сознание, молодёжь, патриотизм.

TRANSMISSION OF HISTORICAL KNOWLEDGE AS A BASIS FOR PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: The article examines the role of historical knowledge in shaping patriotic consciousness among today's youth. It analyzes the importance of Russian history as the foundation of patriotic education and the development of civic responsibility in the younger generation. It describes the key mechanisms for transmitting historical knowledge and reveals the essence and content of patriotic education. It identifies challenges in transmitting patriotic knowledge within the context of patriotic education of youth and proposes solutions.

Keywords: patriotic education, historical memory, historical consciousness, youth, patriotism.

Современное российское общество сталкивается с необходимостью укрепления гражданской солидарности и формирования устойчивой патриотической позиции у молодого поколения. В условиях глобализации, интенсивной цифровизации, информационного пространства и множественных внешних вызовов особую актуальность приобретает вопрос патриотического воспитания молодежи через осмысленное освоение отечественной истории.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в эпоху информационных потоков и разнонаправленных интерпретаций прошлого возрастает риск фрагментации целостного восприятия национального

прошлого. Во-вторых, молодёжь, активно включенная в активную среду, нередко сталкивается с недостоверными или идеологически искажёнными версиями событий, что подрывает доверие к официальным источникам и ослабляет чувство исторической преемственности. В-третьих, сохранение культурной идентичности и гражданской солидарности требует системной работы по передаче достоверных исторических знаний, способных сформировать у молодых людей осознанную патриотическую позицию, основанную не на эмоциях, а на понимании закономерностей исторического развития страны.

Патриотизм как социально-нравственная ценность неразрывно связан с исторической памятью народа. Согласно концепции коллективной памяти М. Хальбвакса, общие представления о прошлом формируют идентичность социальной группы [1, с. 15]. В российском контексте это означает:

- осознание непрерывности исторического развития;
- принятие героических и трагических страниц национальной истории;
- понимание вклада предков в становление государства.

Патриотическое воспитание представляет **целенаправленный, системно организованный процесс формирования у личности комплекса патриотических качеств, ценностей и установок**, направленных на:

- развитие любви к Родине, своему народу, культурному и историческому наследию;
- осознание долга перед Отечеством, готовности защищать его интересы и суверенитет;
- формирование гражданской ответственности и активной жизненной позиции;
- воспитание уважения к традициям, обычаям и символам государства;
- развитие способности к критическому осмыслению исторических и современных процессов в контексте национальных интересов [2, с. 16-17].

Так, ключевые компоненты патриотического воспитания, обеспечивающего последовательное и комплексное развитие патриотических качеств:

- эмоциональный компонент, проявляющийся в эмоциональной привязанности, радости за достижения Родины и негативных реакциях на её пороки;
- когнитивный компонент, представляющий собой систему знаний, представлений и убеждений о стране, её истории, культуре, символах;
- поведенческий компонент, включающий действия и поступки, направленные на проявление привязанности и поддержки Родины;
- ценностный компонент, связанный с конкретными ориентирами, закреплёнными в национальной культуре и традициях [3].

Историческое знание выполняет следующие функции в патриотическом воспитании:

- формирование системы представлений о прошлом;
- осмысление нравственных ориентиров;
- осознание принадлежности к нации;
- использование исторического опыта для будущего [4, с. 79].

В процессе трансляции исторического знания и патриотического воспитания выявляются ключевые проблемы, требующие системных решений. Ниже представлены основные вызовы и соответствующие меры по их преодолению.

Фрагментация исторического сознания – это отсутствие целостной картины прошлого, разрозненное восприятие исторических событий, неспособность выстроить причинно-следственные связи между ними. Это ведёт к поверхностному пониманию истории и ослаблению исторической памяти [2, с. 80]. В связи с решением этой проблемы основными рекомендациями могут быть:

- внедрять междисциплинарные модули, объединяющие историю с литературой, искусством и обществознанием – это позволит показать взаимосвязь событий и культурных процессов, сформировать системное видение прошлого [2, с. 80];
- усиливать практическую составляющую обучения: включать проектную деятельность (например, исследование местных исторических событий), работу с архивными материалами, экскурсии в музеи и на исторические объекты — это поможет связать абстрактные знания с реальным опытом [5];
- использовать интерактивные методы (дебаты, ролевые игры, кейс-анализ), чтобы пробудить интерес молодежи к истории, развить критическое мышление и способность аргументировать свою точку зрения [2, с. 81].

Историческая фальсификация и распространение недостоверной информации – это сомнения в объективности исторических фактов, распространение искажённых интерпретаций, особенно в цифровой среде. Это подрывает доверие к авторитетным источникам и создаёт почву для манипулирования историческим сознанием [2, с. 81]. *Для решения данной проблемы можно предложить следующие меры:*

- создавать и продвигать верифицированные цифровые ресурсы с качественным историческим контентом (онлайн-курсы, интерактивные карты, архивные базы данных), чтобы обеспечить доступ к достоверной информации [6];
- включать в образовательную программу модули по медиаграмотности – обучать молодёжь отличать достоверные источники от искажённых, анализировать информацию критически, проверять факты [2, с. 80];
- интегрировать цифровые инструменты в обучение так, чтобы они дополняли, а не подменяли традиционные методы: например, использовать VR-реконструкции как иллюстрацию к занятию, а не как самостоятельный источник знаний [6].

Дефицит эмоциональных связей с прошлым – это отрыв исторических знаний от личного опыта, слабая связь между историей семьи и историей страны, недостаточная вовлечённость молодёжи в осмысление прошлого. В результате это снижает уровень эмоциональной привязанности к Родине и ослабляет патриотические чувства [5]. *В качестве решения предлагается:*

- разрабатывать и распространять методические материалы для родителей по организации «исторических» семейных мероприятий (совместный просмотр документальных фильмов, посещение памятных мест, обсуждение семейных реликвий) [5];
- поддерживать инициативы по созданию семейных архивов и генеалогических древов — это поможет молодёжи увидеть свою личную связь с историей страны [5];
- организовывать совместные школьные и семейные проекты (например, «История моей семьи в истории страны»), чтобы объединить усилия семьи и образовательного учреждения [5];
- активизировать диалог поколений — проводить встречи с ветеранами, историками, краеведами, чтобы передать живой опыт и эмоциональную память о прошлом [2, с. 80];
- развивать партнёрство школ с музеями, архивами и общественными организациями для проведения совместных мероприятий (экскурсий, лекций, выставок), которые сделают историю более осязаемой и значимой [2, с. 80];
- внедрять в образовательный процесс **практики мемориализации** – посещение мемориалов, участие в акциях памяти (например, «Бессмертный полк»), что способствует формированию чувства сопричастности к героическому прошлому [6];
- использовать **краеведческий компонент** как «точку входа» в большую историю: изучение локальной истории (города, района, школы) позволяет учащимся увидеть исторические процессы «вблизи», осознать их влияние на жизнь конкретных людей [5].

Трансляция исторического сознания является важнейшим механизмом сохранения культурной и гражданской памяти общества, данный процесс охватывает как формальные институты (образование, государственные программы), так и неформальные каналы (семья, цифровые медиа). Знание отечественной истории является неотъемлемым элементом патриотического воспитания молодежи, оно обеспечивает преемственность поколений, формирует гражданскую ответственность и защищает от деструктивных идеологий. Осмысленное изучение прошлого даёт молодёжи не просто набор фактов, а понимание логики развития государства, осознание личной причастности к судьбе страны, умение извлекать уроки из опыта предков. В современных условиях особенно важно не допустить подмены подлинного исторического знания поверхностными или искажёнными интерпретациями, которые могут ослабить национальную идентичность и разобщить общество. Необходимо модернизировать способы трансляции исторического знания в контексте патриотического воспитания молодежи: сочетать традиционные и цифровые форматы просвещения и укреплять взаимодействие семьи, школы и общественных институтов.

Список литературы:

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории. – М.: ВЛАДОС, 2020. – 304 с.
3. Ельцина, А. Н. Патриотизм как психологический феномен: структура, компоненты и уровни развития // Молодой Учёный. – 2026. – № 4 (607). – С. 572 – 574. – URL: <https://moluch.ru/archive/607/132803> (дата обращения: 21.01.2026).
4. Хайруллина, А. А. Формирование исторического сознания молодёжи как приоритетная задача современного образования // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 79–81.
5. Левада-Центр. Социологическое исследование «Историческая память россиян» (2024) // Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
6. Портал «История.РФ» // Министерство культуры РФ. – URL: <https://histrf.ru> (дата обращения: 23.01.2026).

Лебедева Алина Константиновна

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Alina Lebedeva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматривается развитие русской иконописи в XX веке: от дореволюционных традиций до её возрождения в конце советского периода. Анализируются последствия революции и антирелигиозной политики, роль реставраторов и музеев в сохранении духовного и художественного наследия, а также постепенное восстановление интереса к иконе как к культурному символу России.

Ключевые слова: русская иконопись, революция, советская власть, антирелигиозная политика, реставрация, музеи, духовное наследие, Палех, Холуй, Мстёра, И. Э. Грабарь, П. А. Флоренский, В. Н. Лазарев, старообрядцы, культурная идентичность, возрождение, иконописные школы, традиция, духовность, искусство, XX век.

RUSSIAN ICON PAINTING IN THE ERA OF REVOLUTION AND SOVIET POWER

Summary: The article examines the development of Russian icon painting in the 20th century, from pre-revolutionary traditions to its revival at the end of the Soviet period. It analyzes the consequences of the revolution and anti-religious policy, the role of restorers and museums in preserving spiritual and artistic heritage, as well as the gradual restoration of interest in the icon as a cultural symbol of Russia.

Keywords: Russian icon painting, revolution, Soviet power, anti-religious policy, restoration, museums, spiritual heritage, Palekh, Kholuy, Mstyora, I. E. Grabar, P. A. Florensky, V. N. Lazarev, Old Believers, cultural identity, revival, icon painting schools, tradition, spirituality, art, 20th century.

Русская иконопись на протяжении веков представляла собой не только религиозное, но и культурное явление, поскольку она глубоко отражала духовные, эстетические и художественные ценности общества в целом. В XX веке, учитывая сложные и противоречивые исторические обстоятельства, данный вид искусства столкнулся с одним из наиболее драматичных периодов своей истории, который был обусловлен как революционными событиями, так и установлением советской власти, сопровождавшимся проводимой антирелигиозной политикой. В таких условиях традиционные школы иконописи подвергались серьёзным испытаниям, однако, несмотря на

возникшие трудности, определённая часть мастеров и исследователей сумела сохранить духовное и художественное наследие, одновременно адаптируя его к новым социально-культурным и политическим реалиям, что обеспечило преемственность традиций и подготовило почву для последующего возрождения иконописного искусства.

До революции русская иконопись преимущественно сохраняла свои традиции в крупных художественных центрах, таких как Палех, Холуй и Мстёра, что обуславливало высокую концентрацию мастерских и устойчивость культурных практик. В этих регионах продолжали функционировать школы с устоявшимися канонами, где мастерство передавалось от поколения к поколению, обеспечивая преемственность художественных и духовных традиций. Помимо выполнения религиозных храмовых заказов, значительную роль играли частные коллекции, а также возросший интерес к народному искусству со стороны интеллигенции, что способствовало формированию более широкого культурного контекста. В данном контексте следует отметить, что деятельность иконописцев была тесно связана с церковными структурами, что напрямую способствовало поддержанию канонов и традиционных техник древнерусских мастеров. Среди наиболее выдающихся исследователей и художников того времени особое место занимают И. Э. Грабарь и П. А. Флоренский, которые не только изучали теорию и философию иконы, но и активно занимались её реставрацией, обеспечивая сохранение древних памятников для будущих поколений.

После Октябрьской революции 1917 года русская иконопись оказалась в крайне сложных условиях. Декрет об отделении церкви от государства (1918) закрепил антирелигиозную политику, что привело к национализации храмового имущества, закрытию и разрушению многих церквей. Вследствие этих процессов иконописцы столкнулись с необходимостью выбора: прекратить традиционную деятельность или адаптировать её к новым социально-политическим реалиям. Некоторые мастера продолжили работу в реставрационных мастерских при музеях, другие сохраняли традицию в подполье или выполняли частные заказы. В данном контексте особенно значимым стало начало музейного отношения к иконе: ценность образа стала рассматриваться не только с религиозной, но и с культурной точки зрения. Активную роль в этом процессе сыграл И. Э. Грабарь, организовавший мастерские для сохранения древнерусского искусства.

В 1930-е годы усилилась антирелигиозная кампания советской власти, вследствие чего религиозное искусство подвергалось запретам, а иконы рассматривались как пережиток прошлого. Тем не менее, традиции иконописи продолжали существовать в подпольных мастерских, у старообрядцев и в частных коллекциях. Важным направлением в этот период стала деятельность музейных реставраторов, которые могли работать с иконами в качестве произведений искусства. Государственные музеи, включая Государственную Третьяковскую галерею и Русский музей, создавали реставрационные мастерские и архивы, где изучались старинные технологии, материалы и

художественные приёмы. Анализ показывает, что подобная деятельность позволила сохранить для будущих поколений значительную часть культурного наследия и обеспечила преемственность художественных традиций.

Начиная с 1960-х годов, наблюдается постепенное возрождение интереса к древнерусской иконописи, что объясняется как развитием научных исследований, так и расширением культурного контекста. В этот период исследователи, такие как А. А. Овчинников, В. Н. Лазарев и М. В. Алпатов, активно изучали и публиковали работы, посвящённые традициям иконописных школ, тем самым способствуя систематизации знаний о данном виде искусства. Особое внимание уделялось Палехской миниатюре: техника лаковой миниатюры позволяла не только сохранять традиционные художественные приёмы и символику, но и адаптировать их к новым условиям, поскольку иконы создавались уже не для храмов, а для художественных выставок. Выставки древнерусского искусства в крупных городах СССР способствовали формированию уважения к культурному наследию и одновременно поддерживали интерес к историческим традициям. В результате исследовательская деятельность закладывала фундамент для дальнейшего возрождения духовной традиции, при этом интерес к иконе постепенно трансформировался от чисто художественного восприятия к более комплексному культурологическому и духовному осмыслению её значения.

В последние годы советской власти икона постепенно начала возвращаться в церковное обращение, что сопровождалось восстановлением храмов и монастырей, а также открытием новых школ иконописи. В это время формировались новые поколения мастеров, стремившихся органично сочетать традиционную технику с современными художественными методами, тем самым обеспечивая преемственность культурного и духовного наследия. Икона вновь становилась значимым символом духовного возрождения и культурной идентичности, что, в свою очередь, способствовало углублённому осмыслению роли искусства и религии в жизни общества. Одновременно происходило систематическое восстановление преемственности традиций, которая была утрачена в предыдущие десятилетия, что подчеркивает важность изучения данного периода для понимания истории русского искусства.

XX век стал для русской иконописи временем не только серьёзных испытаний, но и глубоких трансформаций, обусловленных как революционными событиями, так и политикой советской власти. В результате этих исторических процессов привычные структуры оказались разрушены, а на искусство были наложены значительные идеологические ограничения; тем не менее, мастерство и традиции удалось сохранить благодаря целенаправленной деятельности реставраторов, функционированию подпольных мастерских и усилиям отдельных художников. К концу советской эпохи икона постепенно вновь обрела статус культурного и духовного символа, что позволило возродить определённые традиции и восстановить утраченные связи с историческим наследием. В данном контексте сохранение и системное изучение этого

наследия приобретает особое значение для комплексного и всестороннего понимания истории русского искусства и духовной культуры.

Список литературы:

1. Грабарь И.Э. История Русского искусства: В 7 т. Т 41. История Русского искусства / под общ. Ред. Э.В. Грабаря. – Москва: Академия науки СССР, 1959. – 724с.
2. Комашко Наталия. История иконописи. – М: Верхов С.И., 2014. – 288с.
3. Мойрова Н.О. Скоков Г.К. – М: Белый город, 2007. – 544с.
4. Судьба иконы в революционный период России [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-ikony-v-revolyutsionnoy-rossii-ot-otkrytiya-drevnerusskoy-zhivopisi-do-epohi-ikonoborchestva/viewer> (Дата обращения 15.11.2025).

Ли Зоя Александровна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Lee Zoya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭТНО СТИЛЬ КОРЕЙСКОЙ ОДЕЖДЫ: ОСОБЕННОСТИ И ДЕКОРИРОВАНИЕ

Аннотация: В статье рассматривается эволюция традиционного корейского костюма ханбок от его истоков до современности. Анализируются ключевые элементы костюма, символика декора и аксессуаров, отражающие социальный статус и культурные парадигмы различных исторических эпох Кореи.

Ключевые слова: ханбок, корейская культура, традиционный костюм, культурное наследие, джасу (вышивка), этническая идентичность.

ETHNIC STYLE OF KOREAN CLOTHING: FEATURES AND DECORATION

Summary: The article examines the evolution of the traditional Korean hanbok costume from its origins to the present day. The key elements of the costume, the symbolism of the decor and accessories, reflecting the social status and cultural paradigms of various historical eras of Korea are analyzed.

Keywords: hanbok, Korean culture, traditional costume, cultural heritage, jassu (embroidery), ethnic identity.

Корея — это страна с богатым историческим наследием и уникальной культурной самобытностью. Одним из ярких проявлений этого наследия является традиционная корейская одежда — ханбок. В последние десятилетия интерес к этническим костюмам возрождается, что обусловлено желанием сохранить культурное наследие и адаптировать его к современным условиям. Эта статья посвящена изучению исторических корней и развития корейской национальной одежды, а также её влиянию на современные модные тенденции и этнокультурную идентичность.

Традиционная корейская одежда берет свое начало в глубокой древности и с течением времени претерпевала изменения, отражая исторические эпохи, социальный статус и культурные особенности общества. Все основные изменения и трансформации ханбока можно разделить на 3 основных этапа: начиная с периода трех государств, потом период Корё и период династии Ли [2].

В эпоху Троедревнего Корейского государства (период трех государств) возник первый прототип ханбока: объемные формы, предположительно,

например, для удобной езды верхом, традиционные вышивки и орнаменты, содержащие информацию об образе жизни предков и их традициях. Сам костюм состоял из удлиненной юбки прямого силуэта (чхима), рубашки свободного кроя на запах (чогори), а также отличительная черта традиционного корейского костюма был тончжон – белая тесемка – воротник, прикрепляющийся поверх жакета, а узел на жакете изначально просто поддерживал полы чогори, но затем стал элементом декора.

Со временем все элементы костюма претерпели какие – либо изменения в связи с постоянным контактом с другими народами, но при этом он все равно продолжал сохранять свою идентичность. Так, например, в эпоху Корё традиционная юбка чхима стала укороченной, жакет чогори укоротился и перестал подпоясываться, а начал завязываться лентой на груди, рукава жакета стали более округлыми. Данные видоизменения связаны с мирным соглашением с Монгольской империей, жёны корейских правящих кругов привезли из Монголии новую моду. Однако влияние было взаимным, так что в монгольской традиционной одежде можно было увидеть отголоски ханбока [6].

Конечно, кроме Монголии на развитие культуры Кореи огромное влияние оказывала и китайская культура. Из Китая были заимствованы шелководство и хлопководство, что повлияло на изменение традиционного костюма, ведь плавные линии воротников появились с широким распространением в стране шелковых и хлопковых материалов. В ранней одежде корейцев воротник отсутствовал. Кроме того, со временем и развитием страны, элементы китайского костюма все больше просачивались в жизнь корейцев, особенно это было видно в одежде придворного круга. Китайский костюм тогда считался неким эталоном для выходных костюмов высших кругов и воинских чинов.

В период династии Ли среди прочих решающее значение для развития костюма имел XV в., отмеченный подъемом экономики, значительным прогрессом во многих областях науки и культуры. Появляется много новых фасонов одежды. На развитие корейского костюма этого времени оказала Имчжинская война (1592 - 1598). Стоит выделить в истории развития ханбока конец XIX - начало XX в., когда под влиянием проникновения фасонов одежды других народов происходят изменения в покрой отдельных элементов традиционного корейского костюма. Например, из Маньчжурии была завезена мода на верхний жакет – магоджа, его корейцы носят и по сей день, более того, основные элементы одежды были одинаковыми для всех сословий и классов корейского феодального общества, разница заключалась лишь в качестве материалов. По своему назначению одежда подразделялась на повседневную, праздничную, ритуальную, обрядовую. Подобно китайской, корейская одежда делилась еще и по сезону: на летнюю, осенне - весеннюю и зимнюю. Ханбок в наше время является наследником ханбока периода Чосон [4].

Часто на ханбоке или других изделий ручной работы можно увидеть традиционную корейскую вышивку – джасу. На самом деле, искусство вышивания не является уникальным для Кореи и также существует в других восточных и западных странах. Корейское джасу представлено своими

множественными, переплетенными потоков, обеспечивающих динамически и впечатление 3D изображения и кажется, что вышитые предметы стоят вне на фоне.

Во времена династии Горю корейское джасу стало чрезвычайно роскошным, и в основном было 4 различных типа Корейского джасу, а именно:

Босик джасу использовался для украшения одежды, и поскольку одежда строго регулировалась в соответствии с социальным статусом и рангом, были правила, которые необходимо было соблюдать. Например, обычным мужчинам и женщинам было запрещено украшать шелк узорами дракона или феникса и золотыми нитями.

Гийонг джасу использовался для украшения материалов, используемых в королевских дворцах.

Гамсанг джасу использовался для украшения декоративных материалов и часто использовался для украшения складных экранов в спальнях или гостиных.

Поскольку буддизм был национальной религией в то время, буддийский джасу широко использовался в статуях Будды или в храмах.

Узорами ханбока часто становятся растения, животные и символы, которые полны символизма и имеют глубокое значение.

Например, пион, который называют королем цветов и цветком богатства из-за обильных лепестков с раздвоенными краями. Обычного его можно было увидеть на одеждах королевских особах, а если он изображен с бабочками, которые символизируют радость и удовольствие, то это означает гармоничную семью и чаще всего встречается на наряде невесты.

Дракон – благородное существо, символизирующее власть, всегда изображался на одеждах для короля, часто рядом были вышиты облака и волны, что означало его способность управлять небом и водой. Дракона в древние времена считали божеством - хранителем страны.

Среди ханбоков с использованием геометрических узоров чаще всего использовали бокджамун – это один из благоприятных символов, означающий удачу. Его использовали во всех зданиях, предметах домашнего обихода и фресках, в надежду на богатую счастливую жизнь [5].

Так же кроме ханбока, традиционный образ девушки дополнялся различными украшениями, которые могли показать ее социальный статус.

Пинё – традиционная корейская заколка-шпилька для фиксации женских шиньонов и мужских пучков. По её внешнему виду можно было определить социальный статус носящего.

В эпоху Чосон девушки в день совершеннолетия впервые делали взрослую прическу с собранными в пучок волосами и вставляли в нее пинё. Если свадьба проходила до совершеннолетия, то церемонию прически с пинё проводили перед свадьбой. Девочки и молодые девушки могли носить только косу с лентой тэнги, а пинё им нередко дарили на свадьбу женихи.

Дэнги или тэнги – это традиционная корейская лента, которой завязывают и украшают заплетенные волосы. Она бывает разных цветов, часто

с цветочной вышивкой и золотой росписью. Согласно «Истории северных династий», девушки Пэкче связывали волосы сзади и заплетали их в косы, а замужние женщины заплетали волосы в две косы и закрепляли их на макушке головы.

Норигэ – традиционная корейская подвеска. Норигэ можно повесить на корым (завязки пальто), женский жакет – чогами или на юбку - чхима. Норигэ является декоративным кулоном и одновременно талисманом на удачу, который должен принести вечную молодость, богатство или множество сыновей (в зависимости от его формы), а также он может быть модным аксессуаром и показателем статуса владелицы. Обычно норигэ из дома родителей или родственников передавали потомкам [3].

Стоит отметить, что коренной перелом в развитие корейского костюма случился после завершения Корейской войны. В результате чего традиционный костюм вышел из моды, и на смену ему пришла одежда западного стиля, а ханбок надевали только по праздникам. В настоящее время можно подумать, что традиционный костюм потеряет свое значение и популярность и будет надеваться только по каким-то особым случаям: дни рождения, юбилеи, фестивали, свадебные церемонии или народные праздники. В связи с повышенным вниманием и популярностью корейской культуре, а также к национальному костюму, сегодня многие современные корейские дизайнеры стараются адаптировать ханбок под современный стиль, используя необычные ткани, принты и сочетания элементов. Так на примере популярных южнокорейских дизайнеров Данха (“단하”) и Хван Ли Сыль (“LeesLee”) можно увидеть как они создают предметы гардероба, которые совмещают в себе крой традиционной одежды, так и актуальные элементы одежды и материалы. Хочется отметить, что данные дизайнеры, также создавали сценические костюмы для крор артистов, которые также являются одними из катализаторов популяризации корейской культуры. Ханбок оказывает влияние и на современную западную моду, хотя это влияние не столь массовое. Его элементы всё чаще появляются в коллекциях известных дизайнеров и на модных показах. Западные бренды и дома моды периодически используют такие характерные детали, как свободный крой, запах на юбках и жакетах, многослойность, рукава необычной формы, богатые ткани и вышивку, вдохновленные корейской традиционной одеждой [1].

Ханбок, пройдя долгий путь исторической эволюции остается живым и динамичным феноменом корейской культуры. Его конструкция, декор и аксессуары представляют собой сложную систему, отражающую социальные и духовные ценности общества. В современную эпоху ханбок успешно преодолел границы, интегрировались в глобальное модное пространство.

Список литературы:

1. Кириллова Е. Н. Культурное наследие в изделиях современных корейских дизайнеров // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4. № 1. С. 66-71.

2. Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). – М.: ГРВЛ, с. 1972. – 202.
3. Ли Сун Хи. Женские украшения // Кымсугансан. Пхеньян. 2000. №4. С. 53.
4. Ли Я. В. Ханбок – как культурный феномен Кореи // Корееведение в России: направление и развитие. 2022. Т. 3. № 3. С. 31-36.
5. Убогая Д. Г. Узоры на традиционном корейском костюме ханбок // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4. № 1. С. 72 - 77.
6. Пан Хван Джу. Одежда // Корея. Краткие сведения. Корея: Пхеньян, 1988. – С. 324 – 326.

Литвинова Анастасия Константиновна

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Anastasia Litvinova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ОСНОВАТЕЛЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В. И. ЛЕНИНА

Аннотация: В статье исследуется специфика визуальных образов В. И. Ленина, создававшихся в советский период. Анализируется процесс формирования иконографии вождя, который эволюционировал от прижизненных портретов и фотографий до масштабной пропагандистской кампании по созданию канонического образа после его смерти. Особое внимание уделяется функциям ленинской иконографии в советской идеологической системе, где изображения Ленина служили инструментом легитимации власти, консолидации общества и визуального воплощения утопического идеала. Рассматриваются ключевые типы изображений (официальный портрет, «лениниана», скульптура, монументальное искусство) и их трансформация в зависимости от политического контекста и задач государства.

Ключевые слова: В. И. Ленин, визуальная пропаганда, советское искусство, иконография, политический образ, культ личности, агитационное искусство, монументальная пропаганда, «лениниана», советская идеология.

SPECIFICITY OF THE IMAGES OF THE FOUNDER OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS V. I. LENIN

Summary: The article examines the specifics of the visual images of V. I. Lenin created during the Soviet period. The process of forming the iconography of the leader is analyzed, which evolved from lifetime portraits and photographs to a large-scale propaganda campaign to create a canonical image after his death. Particular attention is paid to the functions of Leninist iconography in the Soviet ideological system, where images of Lenin served as a tool for legitimizing power, consolidating society, and visually embodying a utopian ideal. The key types of images (official portrait, "Leniniana", sculpture, monumental art) and their transformation depending on the political context and the tasks of the state are considered.

Keywords: V. I. Lenin, visual propaganda, Soviet art, iconography, political image, personality cult, agitational art, monumental propaganda, "Leniniana", Soviet ideology.

Образ Владимира Ильича Ленина (Ульянова) (1870–1924) стал одним из центральных элементов советской визуальной культуры и политической пропаганды на протяжении более семи десятилетий. Его изображения, создававшиеся в различных техниках и жанрах, не были просто фиксацией внешности политического деятеля; они представляли собой сложный символический конструкт, призванный решать конкретные идеологические задачи. Специфика изображений Ленина заключается в их двойственной природе: с одной стороны, они претендовали на документальность и историческую достоверность, с другой – подвергались активной мифологизации и канонизации, превращаясь в сакральные символы государственной власти и коммунистической идеологии [1, с. 45]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов формирования и функционирования политических образов в тоталитарных и авторитарных системах. Визуальная пропаганда, центрированная вокруг фигуры Ленина, стала моделью, на основе которой впоследствии конструировался культ И. В. Сталина и других советских лидеров.

Первые изображения В. И. Ленина, создававшиеся в период его активной политической деятельности (до 1917 года и в первые годы советской власти), носили в основном документальный или конспиративный характер. Это были немногочисленные фотографии, часто групповые, карикатуры в эмигрантской и оппозиционной прессе, а также редкие зарисовки с натуры. Подлинный визуальный бум начался после Октябрьской революции 1917 года. Ленин становится центральной фигурой нового государства, и его образ начинает тиражироваться в массовой печати, на плакатах и в кинохронике. Однако эти изображения еще лишены той сакральной ауры, которая появится позже. Фотографы и художники стремились запечатлеть «живого» Ленина – оратора на митинге, работающего в кабинете, беседующего с крестьянами [2, с. 71]. Ключевую роль в этом сыграла работа таких фотографов, как П. А. Оцуп, чьи снимки стали хрестоматийными. В живописи ранние портреты Ленина, созданные, например, И. И. Бродским («Ленин в Смольном», 1930), хотя и несли в себе элементы будущего канона (простота, доступность, энергичность), все же сохраняли некоторую психологическую достоверность и связь с конкретной исторической обстановкой. Важно отметить, что сам Ленин относился к собственной персоне в искусстве скептически и выступал против начинаний по его возвеличиванию, что, однако, не остановило начавшийся процесс [2, с. 73].

Смерть Ленина в 1924 году стала переломным моментом в истории его визуальной репрезентации. Из политического лидера он был превращен в символ и икону всей советской эпохи. Этот процесс был напрямую связан с внутрипартийной борьбой и стремлением И. В. Сталина укрепить свою власть, выступая в роли верного продолжателя дела Ленина. Одним из ключевых инструментов создания канонического образа стал ленинский план «монументальной пропаганды», расширенный и переосмысленный после его

смерти. По всей стране началось массовое сооружение памятников Ленину. Если первые скульптуры (работы Н. А. Андреева, С. Д. Меркурова) могли обладать определенной пластической выразительностью и даже психологизмом, то к 1930-м годам утвердился унифицированный тип монумента – статичная, величественная фигура с характерным жестом указующей руки, символизирующей путь в «светлое будущее» [4, с. 63]. В живописи и графике сложился жесткий иконографический канон. Он включал в себя официальный портрет, использовавшийся в кабинетах учреждений, школах, на официальных церемониях, где Ленин изображался в строгом костюме или пиджаке, с сосредоточенным и волевым выражением лица. Другим распространенным типом были нарративные композиции («Ленин и дети», «Ленин и Сталин в Горках» и т.д.), призванные гуманизировать образ вождя, показать его «отцом народов». Особую роль в утверждении канона сыграл кинематограф, в частности, фильмы С. М. Эйзенштейна «Октябрь» (1927) и М. И. Ромма «Ленин в Октябре» (1937), где актер Б. В. Щукин создал эталонный экранный образ, сочетавший простоту и гениальность [7, с. 134].

Особого внимания заслуживает эволюция скульптурного образа Ленина, который прошел путь от психологических трактовок к тотальной унификации. Ранние работы, такие как бюсты и статуи Николая Андреева, создававшиеся с натуры, отличались вниманием к индивидуальным чертам, передачей характерной посадки головы, умного и цепкого взгляда. Эти произведения, несмотря на некоторую идеализацию, сохраняли портретное сходство и ощущение «человечности». Однако с укреплением сталинского режима утвердился иной тип скульптуры. Памятники работы Сергея Меркурова, в частности, гигантская статуя для Дворца Советов, так и не построенного, представляли Ленина как титана, пророка, вождя мирового масштаба. Его фигура приобретала черты монументальной обобщенности, а жест руки, указывающий в светлое будущее, стал обязательным атрибутом. Этот иконографический тип тиражировался в тысячах экземпляров по всей стране, от столиц до самых отдаленных поселков, что делало визуальное присутствие Ленина поистине тотальным. Стилистически эти памятники тяготели к упрощенному классицизму, лишенному индивидуальных черт и психологической глубины, что полностью соответствовало задачам массовой пропаганды [7, с. 145].

В послевоенный период, особенно в 1950–1980-е годы, сложился феномен «ленинианы» – необъятного массива произведений искусства, посвященных Ленину. Это понятие охватывало все виды творчества: от станковой живописи и скульптуры до декоративно-прикладного искусства, филателии и нумизматики. Специфика этого периода заключалась в тотальном тиражировании образа, который стал повсеместным и обязательным атрибутом советского пространства. Его можно было встретить на значках, марках, деньгах, плакатах, коврах и даже посуде. Этот процесс вел к десакрализации и одновременно к глубокой индоктринации: образ Ленина превращался в фон, в привычный элемент быта, что делало его присутствие в сознании граждан

незыблемым. Несмотря на жесткость канона, в «лениниане» существовала определенная вариативность. В эпоху «оттепели» появилась тенденция к созданию более камерных, «лирических» образов Ленина (работы В. А. Серова, Д. А. Налбандяна). Акцент делался на его человеческих качествах – простоте, скромности, любви к детям и природе. Однако эти трактовки всегда оставались в рамках дозволенного и не оспаривали основные мифы о вожде [8, с. 131]. Монументальное искусство достигло гигантомании. Ярчайшим примером является памятник Ленину на Волго-Донском судоходном канале работы Е. В. Вучетича (1973) – одна из самых больших статуй в мире. Такие монументы символизировали незыблемость советской власти и торжество ленинских идей.

Важным аспектом изучения ленинской иконографии является региональная специфика. В союзных республиках СССР образ Ленина часто синтезировался с национальными художественными традициями. В республиках Средней Азии и Закавказья его могли изображать в окружении традиционных орнаментов, на фоне местных пейзажей или рядом с представителями народов СССР в национальных костюмах. Эта стратегия преследовала цель показать Ленина как «отца всех народов» и визуально закрепить идею дружбы народов под руководством русского пролетариата. Однако при этом сохранялись основные канонические черты, что обеспечивало единообразие образа на всей территории СССР. Такая адаптация делала культ Ленина более органичным и приемлемым для различных этнокультурных сред, способствуя его внедрению в массовое сознание [5, с. 64].

Визуальные образы Ленина выполняли ряд ключевых функций в советском обществе. Во-первых, легитимирующую функцию: изображения Ленина служили визуальным обоснованием правомерности власти Коммунистической партии как единственной наследницы его дела. Во-вторых, интегрирующую функцию: образ общего, почитаемого вождя должен был сплачивать многонациональное советское общество. В-третьих, дидактическую функцию: Ленин представлялся как эталон нравственности, трудолюбия и преданности идее, становясь ориентиром для воспитания «нового человека». В-четвертых, эсхатологическую функцию: Ленин изображался как пророк, предвидевший неизбежное наступление коммунизма, а его указующий жест символизировал путь к этому будущему. Наконец, сакральная функция: тело Ленина в Мавзолее и его бесчисленные изображения функционировали как светские религиозные реликвии и иконы, формируя комплекс ритуалов поклонения [1, с. 63].

Отдельного анализа заслуживает функционирование образа Ленина в частном пространстве. Если официальное искусство создавало монументальный, героизированный образ, то в быту он трансформировался в более камерные и доступные формы. Ковры с портретом Ленина, вышивки, фигурки из фарфора и бронзы, плакаты в красных уголках – все это делало образ вождя частью повседневной жизни. Эта «домашняя» иконография выполняла функцию постоянного идеологического напоминания и создания ощущения сопричастности к большому историческому проекту. Образ Ленина

в таком контексте становился чем-то вроде защитного оберега, символом правильности выбранного пути и гарантом стабильности. Эта двойственность – грандиозное в официальном искусстве и камерное в бытовом – лишь усиливала тотальность его присутствия в жизни советского человека [7, с. 137].

Судьба ленинской иконографии после распада СССР представляет собой отдельный интересный сюжет. С одной стороны, произошла массовая десакрализация образа: множество памятников было демонтировано, изображения исчезли из официальных учреждений. С другой стороны, в некоторых странах постсоветского пространства он сохранил свой статус, а в России стал объектом острых общественных дискуссий, символизируя различное отношение к советскому прошлому. Современные художники часто обращаются к образу Ленина в рамках критического осмысления истории, используя его как материал для иронии, деконструкции или ностальгии. Это свидетельствует о том, что, несмотря на исчезновение идеологического культа, Ленин остается мощным визуальным и культурным архетипом, несущим в себе огромный пласт исторической памяти и символических значений.

Таким образом, специфика изображений В. И. Ленина в советский период определяется их подчиненностью задачам политической пропаганды и идеологии. Эволюция его визуального образа шла по пути от относительно документальных прижизненных портретов к созданию унифицированного, сакрализованного канона после 1924 года. Феномен «ленинианы» демонстрирует уникальный пример тотальной визуализации политического культа, когда образ вождя пронизывал все уровни жизни общества – от грандиозных монументов до предметов домашнего обихода. Функции ленинских изображений были многогранны: они легитимировали власть, консолидировали общество, служили моральным ориентиром и визуальной проекцией коммунистической утопии. Эволюция скульптурного канона и региональные адаптации образа показывают гибкость пропагандистского аппарата в достижении своих целей. Изучение его специфики позволяет не только понять законы советского искусства, но и вскрыть механизмы воздействия визуальной пропаганды на массовое сознание, уроки которой сохраняют актуальность и в современном мире.

Список литературы:

1. Андрианова Н. Ю. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917–1927). – М.: Трида-фарм, 2008. – 142 с.
2. Брянецев М. В. Ленин после смерти (представления населения советской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – № 2 (42). – С. 62–76.
3. Галкин Д. В., Кухлина А. Ю. Развитие современного искусства в регионах России: глобальный контекст и локальные проекты // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 65–74.
4. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. – М.: Галарт, 1994. – 296 с.

- 5.Елисеев А. Б. Концепт «Образ Ленина» в дискурсивной практике первой половины 1920-х // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 61–65.
- 6.Ленинский трип, или воронежец показывает портреты Ленина наше время // LIFE.ru : информационный портал. – URL: <https://www.facebook.com/lifenewx.ru/videos/1574270905928263/> (дата обращения: 15.11.2025).
- 7.Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Ван ден Аккер и др. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 494 с.
- 8.Москвин Д. Е. «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре // Символическая политика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 128–145.

Литвинова Таисия Валерьевна

1 ГД-22

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Taisiya Litvinova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РАБОТАХ РУССКОГО ЖИВОПИСЦА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРЕЩАГИНА

Аннотация: В статье рассматриваются картины Василия Васильевича Верещагина, посвященные быту и культуре стран Средней Азии. Анализируются их сюжеты, также картины сопоставляются с путевыми заметками художника и его отношению к быту восточных стран.

Ключевые слова: художник, картины, Восток, живопись, путевые заметки, Средняя Азия, Центральная Азия.

CENTRAL ASIA IN THE WORKS OF THE RUSSIAN PAINTER VASILY VASILIEVICH VERESHCHAGIN

Summary: This article examines Vasily Vasilyevich Vereshchagin's paintings depicting the everyday life and culture of Central Asia countries. The subjects are analyzed, and the his paintings are compared with the artist's travel notes and his views on Eastern life.

Keywords: artist, paintings, East, painting, travel notes, Central Asia, Asia.

Картины Василия Васильевича Верещагина, обличающие социальный и национальный гнет, затрагивают вопрос о судьбах и жизненных интересах не только русского народа, но и многих народов различных стран. Верещагин не был ограничен в своем творчестве только эстетической областью. В нем можно увидеть страстного публициста, неутомимого путешественника, раскрывшего миру с большой глубиной и наглядностью многие стороны жизни отдельных народов.

Родители художника унаследовали в Новгородской и Вологодской губерниях шесть деревень с окрестными лесами. Им принадлежало большое число крепостных крестьян.

Юный Вася Верещагин рано начал видеть проявления раболепия, подбострастия, низкопоклонства, лести, лицемерной покорности и возненавидел все это. Крепостная деревня раскрывалась перед ним с другой, темной, стороны: будущий художник рано почувствовал ненависть угнетенного народа к притеснителям-помещикам. Впечатления раннего детства развили у Верещагина горячее чувство любви к народу, ненависть к крепостничеству и его пережиткам.

Думается, художник ненавидел все проявления подчинения и угнетения, унижение одних людей и возвышение над ними других. Это находит отражение в его творчестве: автор не раз намеренно обращает внимание зрителя на человеческие грехи и неравенство.

В своей статье я хочу рассмотреть, как Василий Васильевич Верещагин увидел Среднюю Азию в своих путешествиях.

Речь в статье пойдет о картинах Туркестанской серии, которая создавалась в его двух поездках в Среднюю Азию в 1867–1868 и в 1869–1870 гг., а затем в Париже зимой 1868–1869 гг. и в Мюнхене в 1871–1873 гг. Василий Васильевич в своих среднеазиатских поездках создавал множество этюдов и набросков, в затем воплощал их в живописных работах, пребывая в Париже, а затем в Мюнхене.

Летом 1867 г. В.В. Верещагин узнал, что назначенный туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа генерал Константин Петрович фон Кауфман подбирает художника. Друзья помогают Верещагину добиться встречи с генерал-губернатором и представить ему свои кавказские рисунки. Молодой человек заинтересовал К. П. фон Кауфмана и был зачислен на службу в чине прапорщика. При этом Василий Васильевич выговорил себе разрешение не носить военную форму.

Так художник попал в Среднюю Азию, Туркестан. Свои впечатления Верещагин изложил в книге «Из путешествия по Средней Азии». В ней представлено несколько очерков, ярко описывающих жизнь в Туркестане того времени, и многим отрывкам можно сопоставить картины Василия Васильевича.

Так, например, Верещагин уделяет значительную часть своего очерка описанию «опиумоедов». Это нищие люди, которых можно встретить в календархане – приюте для нищих. Среди этого слоя общества существует такой статус, как «диван». Таких людей Верещагин называет «официальными нищими», для них попрошайничество является работой. Художник так описывает их промысел в своей книге: «Каждый день утром нищая компания расходится на промысел, и вечером опять все собираются, сводят счета, приходы, рассказывают виденное, слышанное, городские новости и сплетни».

В.В. Верещагин ярко изобразил этот слой общества и календархан в картине «Политики в опиумной лавочке. Ташкент». На картине изображена группа мужчин, собравшихся в малоосвещенном помещении. Их одежда, несмотря на яркие цвета лоскутков тканей, выглядит потрепанно, а местами порвана, что намекает на их невысокое социальное положение. Мужчины явно сосредоточены на беседе. Их пожелтевшие от опиума лица преувеличенно серьезны. В своих заметках Верещагин отмечал, что среднеазиаты страстно любят разговоры о политике.

Культура употребления опиума занимает особое место в среднеазиатский повседневности. В.В. Верещагин пишет о том, что кукнар – спиртной напиток из мака и сам опиум употребляли в больших количествах три или четыре раза в день. Опиум исчислялся в кусках, его ели как хлеб. В книге «Из путешествия

по Средней Азии» художник описывает случай, когда он подал попрошайке кусок опиума: «Когда я, наконец, подал ему кусок, он схватил его в обе руки и, скорчившись у своей стенки, начал грызть его потихоньку, с наслаждением, замуривая глаза, как собака гложет вкусную кость. Скоро он начал как-то странно улыбаться, нашептывать бессвязные слова; временем же судорога передергивала и искривляла его лицо».

Подобных этому попрошайке людей художник изобразил на картине «Опиумоеды». На картине изображена группа нищих мужчин. Их тесно прижавшиеся друг к другу фигуры занимают большую часть пространства картины, они выглядят жалко и, кажется, не замечают ничего вокруг. Кто-то смотрит в одну точку, словно глубоко задумавшись, другие спят, закутавшись в лохмотья. Видно, что эти люди находятся под действием наркотика, опустошенность в их глазах и жалкий внешний вид невольно заставляет зрителя ужаснуться.

В своих заметках Верещагин также отмечает нелегкую долю местных детей. Например, в Туркестане того времени существовал класс бач. В буквальном переводе «бача» означает «мальчик, ребенок мужского пола»; но так как эти мальчики выполняют странную и не совсем нормальную роль, то и слово «бача» имеет еще один смысл. Часто таких мальчиков продают родители ещё в совершенно детском возрасте. Юношу обучают танцоры и певцы, а хозяин одевает его как куклу. Такие мальчики являются чем-то вроде диковины, ради выступления бачи устраиваются специальные вечера-представления – тамаша.

Представить внешность бачи позволяет этюд Верещагина «Портрет бачи». Вот как художник описывал такого юношу в своих заметках: «Его преображали в девочку: подвязали длинные волосы в несколько мелкозаплетенных кос, голову покрыли большим светлым шелковым платком и потом, выше лба, перевязали еще другим, узко сложенным, ярко-красным. Перед бачой держали зеркало, в которое он все время кокетливо смотрелся».

Этюд «Портрет бачи» был использован Верещагиным при написании полноценной картины «Бача со своими поклонниками». На полотне изображен мальчик в окружении мужчин. В XIX веке эта картина произвела резко негативное впечатление на зрителей. Художник столкнулся с невероятной критикой и уничтожил свою работу вскоре после написания.

На невольничьих базарах был особый спрос на хороших мальчиков, отраженный художником в сюжете полотна «Продажа ребенка-невольника». На полотне изображён беззащитный мальчик лет пяти-шести, который выступает в роли «живого товара» для работорговца и покупателя. Ребёнок стоит перед будущим хозяином, слегка разведя руки в стороны, вероятно, выполняя указание торговцев.

Художник гневно обличает другую мрачную сторону среднеазиатской действительности того времени – работорговлю. Изобразив не взрослого человека, а беззащитного, беспомощного ребенка, Верещагин усилил трагическое звучание темы. Вот как художник пишет об этом явлении в своей

книге: «Мне случалось слышать рассказы бывших рабов-персиян о том, как маленькие еще они были захвачены туркменами: одни в поле, на работе, вместе с отцом и братьями, другие просто на улице деревни, среди белого дня, при бессильном вое и крике трусливого населения. Истории следующих затем странствований, перехода этих несчастных из рук разбойника-туркменца в руки торговца рабами и отсюда в дом купивших их крайне печальны и нельзя не порадоваться, что благодаря вмешательству русских этот грязный омут стал видимо очищаться». Представляется, что эта заметка хорошо передает, насколько художнику противна и неприятна такая среднеазиатская действительность. В книге он также отмечает, что с приходом в Туркестан русских работоторговля уменьшилась, а именно: вообще уменьшилось число рабов, так как во всей присоединенной к России территории они сделались свободными; а также такая торговля значительно уменьшилась в размере во всех соседних государствах Средней Азии по причине опасений, что русские могут пожаловать к каждому из таких торговцев, и так как каждый из них хорошо знает, что русские освобождают рабов, то все покупки и сделки этого рода принимают теперь малонадежный, неблагодарный вид.

Верещагин также говорит о сложной судьбе восточной женщины. Он пишет, что «судьба женщины в Средней Азии, говоря вообще, еще печальнее судьбы ее сестры в более западных странах, каковы Персия, Турция и другие...». Также, как и многие приезжающие в Туркестан того времени, художник отмечал непривычные для европейского сознания восточные обряды: выкуп (калым) за невесту, женское затворничество, ношение паранджи; и с возмущением критиковал абсолютное бесправие и физическую порабощенность среднеазиатских женщин.

Художник написал этюд «Узбекская женщина в Ташкенте», который наглядно демонстрирует зрителю, как выглядела женщина в том обществе. Это удивительно, но женские образы он практически не изображал на живописных полотнах туркестанской серии. На своих этюдах В.В. Верещагин запечатлел самые разные типы местных жителей. Однако узбекская женщина в парандже согласно строгим патриархальным обычаям не посмела бы позировать художнику. Скорее всего, ему удалось набросать рисунок в альбом, на основе которого он позже написал этот живописный вариант в Мюнхене. На этюде Верещагина узбечка показана идущей вдоль длинного саманного забора, ее освещает палящее южное солнце, но внешность девушки скрыта под паранджой. Образ женщины, изображенный в этюде Верещагина, может стать важным этнографическим источником для исследования национальной одежды того периода. Среднеазиатская паранджа представляла собой длинный широкий халат с прорезями для рук и искусственно зафиксированными за спиной ложными рукавами. До начала XX века все паранджи были одинакового типа и изготавливались из алачи – синей ткани. Женщину, полностью покрытую паранджой, можно было увидеть на улицах Ташкента, Самарканда, Бухары и других крупных городов Туркестана. С юных лет при выходе на

улицу девушка должна была надевать паранджу на голову и закрывать лицо чачваном – плотной сеткой, сплетенной из черного конского волоса.

Следует отметить, что в этот период в Туркестане доминировали феодальные отношения, а также сохранялись старинные обычаи и ритуалы. В дополнение к проявлениям деспотизма местных феодальных правителей существовали рабство и работорговля. Религиозный фанатизм мусульманской религии процветал на фоне тяжелой бедности и низкого уровня образования населения. Войны между феодалами, приводившие к опустошению селений и разорению народа, глубоко затронули чувствительного художника, и все эти события, как и сама война, произвели на него сильное впечатление. Именно туркестанская серия отражает желание художника обратить внимание на жизнь среднеазиатского народа. Около половины картин этой серии были посвящены изображению быта, остальные полотна относились к батальному жанру. Однако первую выставку этих работ критики охарактеризовали как удачный случай ознакомиться со страной, сделавшейся недавно русской провинцией. Критики единодушно отметили, что работы художника дают очень живое понятие о нравах жителей Туркестанского края. Но в целом сенсации работы художника тогда не произвели.

Для современников эти сюжеты казались антипатриотичными, парадоксальными, непонятными и побуждали задуматься о подходах колониальной политики любого государства. Петербургские газеты во время первой выставки В.В. Верещагина в России в 1874 году писали, что эти сюжеты вызвали ряд критических статей, обвинявших его в предательстве и «туркменском» взгляде на события. Оскорбленный Верещагин в знак протеста уничтожил три полотна серии, вызвавшие особо яростные нападки.

Однако, обсуждали также и исключительность таланта Верещагина, которая проявилась в способности передавать быт и нравы с особой тщательностью, иллюстративностью, при этом не лишая их научной достоверности: можно считать эти этюды, картины и зарисовки не просто уникальными, а этнографически, политически, исторически и общественно ценными. Также благодаря письменным заметкам художника и богатству живописных полотен мы можем погрузиться в тот мир, который увидел автор в то время, понять, что именно его заинтересовало. И возможно, стать немного ближе к художнику.

Список литературы:

- 1.Верещагин В.В. Из путешествія по Средней Азіи. – СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1883. – 85 с.
- 2.Крылова Е.Е. Первые выставки среднеазиатских работ В.В. Верещагина в периодической печати и проблема интерпретации произведений Туркестанского цикла // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 335–342.
- 3.Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. 1842–1904. – М.: Искусство, 1972. – 395 с.

Логинова Камилла Дмитриевна

2 ТД-15

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Loginova Camilla

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И МИРА С ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу отношений между человеком и миром на разных исторических этапах. Рассматриваются ключевые концепции античности, средневековья, Нового времени, философии XX века и современных теорий постгуманизма. Автор исследует, как менялись представления о мире – от гармоничного космоса до сетевых систем. Анализ включает реальные исторические и культурные примеры, показывающие связь философских идей с социальной практикой. Особое внимание уделяется смене субъектно-объектной модели на систему взаимодействий. Обосновывается, что философия может предложить новые формы сосуществования в условиях экологических и технологических вызовов. Подчёркивается важность переосмысления роли человека не как господствующего субъекта, а как участника сложных сетей бытия. Работа направлена на формирование ответственного философского отношения к миру.

Ключевые слова: человек, мир, философия, субъект, природа, постгуманизм, взаимодействие.

THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMANS AND THE WORLD FROM A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Summary: The article presents a philosophical analysis of the relationship between humans and the world across historical periods. It explores core concepts from Antiquity, the Middle Ages, Modernity, 20th-century existentialism, and contemporary posthumanist theories. The author traces how perceptions of the world evolved—from a harmonious cosmos to complex network systems. The analysis is supported by historical and cultural examples illustrating how philosophical ideas reflect and shape real-life practices. Special attention is given to the shift from subject-object models to interaction-based systems. The paper argues that philosophy can offer new ways of coexisting amid ecological and technological challenges. It emphasizes the need to rethink the human role not as a dominating subject but as a participant in interdependent networks. The article aims to develop a more responsible and reflective attitude toward the world.

Keywords: human, world, philosophy, subject, nature, posthumanism, interaction.

Вопрос о взаимоотношениях человека и мира – один из самых устойчивых и сложных в философии. Он затрагивает фундаментальные аспекты существования: от осознания собственного «Я» до понимания природы и устройства реальности. На протяжении истории философия по-разному отвечала на вопрос о месте человека в мире, отражая не только теоретические поиски, но и реальные исторические изменения, социальные потрясения, научные прорывы. Цель данной статьи – проследить, как философские представления о человеке и мире эволюционировали, проанализировать ключевые повороты в этом дискурсе и сравнить философские идеи с примерами из истории и современности.

В античности космос понимался как упорядоченное, разумно устроенное целое. Человек не противопоставляется этому порядку, он – его органическая часть. У Платона мир идей – это вечная и неизменная реальность, к которой должен стремиться человек, чтобы достичь подлинного знания и внутренней гармонии [6]. Стоики, в свою очередь, развивают мысль о соразмерности человека и природы: разум, как универсальный логос, пронизывает и человека, и мир. Аналитически здесь прослеживается ранняя модель этического натурализма: нормы поведения выводятся из устройства мира. Человеческое «должное» опирается на природное «есть». Такое мышление делает невозможным эксплуатацию природы как ресурса – человек должен соразмерять свои действия с природными законами. Реальный пример – античная медицина Гиппократ, где здоровье понимается как баланс сил природы, а врач не вмешивается агрессивно, а помогает телу восстановить гармонию.

Средневековая христианская философия вносит радикальное изменение: теперь мир – это не окончательная реальность, а временное поле для нравственного выбора. Августин различает Град Божий и Град земной, указывая на конфликт между вечным и преходящим. Отношения человека и мира становятся напряжёнными: земное привлекательно, но обманчиво; подлинное бытие – за пределами чувственного [1]. С логической точки зрения, здесь происходит переход от натуралистического понимания мира к дуалистическому. Человек оказывается между двумя мирами, и от его выбора зависит не только судьба души, но и смысл его жизни. Это отражается в социальной практике: монастыри, отшельничество, религиозные ордена – всё это способы дистанцироваться от мирского и приблизиться к божественному. Аналитически это можно интерпретировать как появление модели внутреннего конфликта между телесным и духовным. Мир больше не нейтрален – он полон испытаний. Такой взгляд на реальность предопределяет аскетическую практику как форму философской жизни.

С началом Нового времени философия вновь переопределяет отношения между человеком и миром. Возникает субъект-объектная парадигма: человек становится автономным источником знания, а мир – объектом познания и преобразования. У Декарта разум – первичен, тело и внешний мир – вторичны [3]. У Ньютона природа предстает как механизм, подчинённый универсальным

законам. Это изменение связано не только с философией, но и с социально-экономическим контекстом: капитализм, наука, технологии. Мир теряет сакральность и становится ресурсом. Однако одновременно появляется кризис: если мир – объект, а человек – субъект, то между ними возникает разрыв. Кант замечает, что мы знаем только явления, но не вещи сами по себе [4]. Аналитически эта эпоха демонстрирует формирование гносеологического скептицизма: человек познаёт не мир, а свои представления о нём. В практическом плане это оборачивается как прогресс (инженерия, медицина), так и отчуждение (урбанизация, разрушение природы). Реальный пример: колонизация природы – от осушения болот до терраформирования городов – иллюстрирует, как философская модель человека-субъекта трансформируется в геополитическую и технократическую практику.

XX век разрушает уверенность в человеке как центре мира. Мировые войны, тоталитаризм, Холокост и атомная бомба поставили под вопрос гуманизм. Хайдеггер вводит концепцию *Dasein* – бытие-в-мире. Он утверждает: человек всегда уже находится в определённой ситуации, и эта ситуация – не нейтральна, а определяет способ его существования [7]. Камю, Сартр, Ясперс развивают идею абсурда и ответственности. Человек свободен, но его свобода обречена, потому что мир молчит. Философия становится экзистенциальной антропологией: задача – не узнать, каков мир, а как в нём быть. Аналитически здесь формируется модель бытия в условиях неопределённости и конечности. Мир – не прозрачная среда, а вызов, на который человек вынужден отвечать. Пример – Хиросима: продукт рационального мышления привёл к иррациональному уничтожению. Это парадокс: знание и разрушение теперь неразделимы.

Современная философия предлагает пересмотреть само противопоставление человека и мира. Постгуманизм, философия технологий, экология утверждают: человек не автономен, а включён в сложные сети биологических, технических и социальных связей. Латур, Харруэй, Мортон поднимают вопрос: действительно ли человек – единственный субъект? Это мышление уже не индивидуалистично, а системно. Агентом становится не только человек, но и вирус, компьютер, климат, инфраструктура. Пример – COVID-19: пандемия продемонстрировала, как вирус, политика, технологии и поведение людей формируют единую сеть. Аналитически это сдвиг от дуализма к интерактивным системам. Мир уже не фон и не объект, а поле взаимодействий. Это меняет и этику: речь идёт не о господстве над природой, а о сосуществовании. Философия всё чаще обращается к идее симбиоза, устойчивости, коэволюции.

Таким образом, история философии показывает, что представления о мире и человеке неустойчивы, они изменяются в зависимости от культурного, технологического и экзистенциального контекста. От античной гармонии – к модерному господству, от экзистенциального отчуждения – к экологической взаимозависимости. Этот путь демонстрирует не только интеллектуальные сдвиги, но и реальные изменения в образе жизни. Сегодняшний вызов – это

переход к мышлению, которое признаёт сложность, нестабильность и взаимозависимость. Философия может помочь сформировать такие формы бытия, в которых человек – не враг миру и не его центр, а один из факторов общей сцены бытия. Это требует не столько нового знания, сколько нового отношения – ответственного, внимательного, сознающего пределы.

Список литературы:

1. Амвросий, А. А. Учение о Царстве Божием по сочинению блаженного Августина "О граде Божием" / А. А. Амвросий; Священноисповедник Амвросий (Полянский; 1878-1932) еп. Каменец-Подольский и Брацлавский. – Тверь: Булат, 2003. – 94 с.
2. Бекарев А.М., Пак Г.С. О звездном небе и моральном законе // Личность. Культура. Общество. - 2017. - Т. XIX. - № 1-2. - С. 157-161.
3. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. - М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3-72.
4. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосский. - СПб.: Изд. «Тайм-Аут», 1993. - 477 с.
5. Мортон Тимоти Экология без природы // Художественный журнал Moscow art magazine - 2016. - № 96 [Электронный ресурс] Режим доступа свободный - URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>.
6. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. - М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1312 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. - М.: Республика, 1993.
8. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Пер. с англ. А. Гараджи // Гендерная теория и искусство: антология: 1970-2000 / Под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322-377.

Лукина Елизавета Сергеевна

2 АВ-2с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Lukina Elizaveta

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Аннотация: В статье рассматривается актуальность цифрового сохранения культурного наследия в XXI веке, обусловленная ростом рисков для исторических объектов. Подчеркивается, что современное понимание цифровизации выходит за рамки простого копирования и включает исследование и популяризацию памятников. Детально анализируются ключевые технологические методы: высокоточная 3D-фиксация (лазерное сканирование, фотограмметрия), создание виртуальных реконструкций (VR/AR) и методы неразрушающего анализа (гиперспектральная съемка). На конкретных примерах, таких как сканирование Нотр-Дама или проект «Возрождение Рима», демонстрируются возможности этих инструментов для мониторинга и реставрации. Отдельное внимание уделяется опыту российских исследователей в области виртуальной реконструкции утраченной исторической среды. Цифровые технологии становятся основой для научно обоснованной реставрации и нового формата просветительской деятельности.

Ключевые слова: культурное наследие, цифровизация, 3D-моделирование, лазерное сканирование, фотограмметрия, гиперспектральный анализ, виртуальная реконструкция, реставрация.

THE STRIVE FOR UNIQUENESS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REASONS FOR THE DESIRE TO BE SPECIAL

Summary: The article examines the relevance of digital preservation of cultural heritage in the 21st century, due to the growing risks to historical sites. It is emphasized that the modern understanding of digitalization goes beyond simple copying and includes the research and popularization of monuments. Key technological methods are analyzed in detail: high-precision 3D fixation (laser scanning, photogrammetry), creation of virtual reconstructions (VR/AR) and methods of non-destructive analysis (hyperspectral imaging). Concrete examples, such as the Notre Dame scan or the Renaissance of Rome project, demonstrate the capabilities of these tools for monitoring and restoration. Special attention is paid to the experience of Russian researchers in the field of virtual reconstruction of the lost historical environment. Digital technologies are becoming the basis for scientifically based restoration and a new format of educational activities.

Keywords: cultural heritage, digitalization, 3D modeling, laser scanning, photogrammetry, hyperspectral analysis, virtual reconstruction, restoration.

Актуальность сохранения культурного наследия в XXI веке обретает новое начало. С одной стороны, многие исторические объекты - от памятников архитектуры до произведений живописи, иконописи, керамики и графики - подвергаются возрастающим рискам. Угрозами выступают как разрушительное воздействие климатических условий, химическое и физическое выветривание, военные конфликты, а также акты вандализма и нестабильность условий хранения, как отмечает директор центра спасательной археологии ИИМК РАН Наталья Соловьева, «абсолютно все объекты наследия несут в себе элемент риска. <...> Гарантом сохранения памяти является даже не ее физическое сохранение, а цифровое документирование, которое нельзя ни переписать, ни уничтожить» [1]. С другой стороны, стремительное развитие цифровых технологий открывает множество возможностей для фиксации, реставрации и популяризации объектов культурного достояния. На текущий момент цифровое сохранение понимается значительно шире традиционного подхода. Как подчеркивает руководитель проекта «Сохраненная культура» В. Наумов, это не только создание цифровых копий, но и актуализация исследований, продвижение объектов и привлечение к ним общественного внимания [2].

Цифровая эпоха предлагает исследователям и реставраторам широкий спектр инструментов, которые существенно меняют методологию работы с наследием. На смену традиционным обмерам и фотофиксации приходят высокотехнологичные методы пространственного анализа. Одним из таких методов является технология высокоточной оцифровки (лазерное сканирование и фотограмметрия). Позволяют создавать предельно точные трехмерные модели объектов с полной передачей геометрии и текстуры. Они фиксируют текущее состояние памятников с миллиметровой точностью, формируя базу для мониторинга разрушений и последующей реставрации [3].

Примером реализации первого метода выступает работа в 2010 году специалиста по истории архитектуры Эндрю Таллона, который выполнил детальное 3D-сканирование Нотр-Дам-де-Пари, зафиксировав мельчайшие элементы с микронной точностью. Работы, охватившие как внутреннее, так и внешнее пространство собора, проводились с пятидесяти различных позиций. Лазерное сканирующее устройство перемещали, тщательно отмечая каждый сантиметр поверхностей, что впоследствии сыграло ключевую роль в восстановлении собора после пожара 2019 года [4].

Также к числу методов относятся виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR). VR полностью погружает пользователя в смоделированное цифровое пространство, позволяя «гулять» по древним городам. AR, напротив, накладывает цифровую информацию на изображение реального мира через экран смартфона или очки. Примером реализации стала платформа «Yorescape». Этот проект от компании «Flyover Zone» дает возможность любому желающему совершить виртуальную экскурсию по детально реконструированным памятникам античности, таким как Древний Рим, Афины или египетские храмы, находясь у себя дома [5].

К последнему представленному методу относятся специализированная съемка и анализ (гиперспектральная, тепловизионная). Данный способ относят к категории неразрушающего контроля. Его главное преимущество в том, что они позволяют ученым заглянуть внутрь объекта или изучить его структуру, не прикасаясь к нему и не рискуя повредить оригинал [6]. Если обычная фотография фиксирует только внешний вид, то специальные камеры видят то, что скрыто от человеческого глаза. Гиперспектральная съемка работает на уровне химического анализа. Камера разбивает изображение на сотни узких спектральных диапазонов, что позволяет определить точный химический состав материалов - будь то пигменты древних красок, следы органических веществ или соли, разрушающие камень. Тепловизионная съемка (инфракрасная термография) фиксирует распределение температуры на поверхности. По тому, как объект нагревается и остывает, можно обнаружить скрытые пустоты, отслоения, трещины или участки с повышенной влажностью, которые незаметны при визуальном осмотре.

Наглядный пример специализированной съемки проиллюстрирован при работе специалистов с наскальными скульптурами Дацзу (Китай). Этот объект ЮНЕСКО представляет собой тысячи высеченных в скалах рельефов, которым больше тысячи лет. Перед реставраторами стояла задача не только укрепить камень, но и сохранить подлинную красочную роспись. Ученые применили гиперспектральный анализ для детального документирования состояния памятника. Исследование позволило точно идентифицировать состав минеральных пигментов, которыми пользовались древние мастера. Но главное, гиперспектральная съемка выявила химический состав солей, кристаллизующихся внутри камня и разрушающих его изнутри.

Современные исследования в области сохранения культурного наследия все чаще опираются на методы трехмерного моделирования. Лазерное сканирование, фотограмметрия и гиперспектральный анализ позволяют решать две ключевые задачи: прецизионную фиксацию текущего состояния памятников и их научно обоснованную реконструкцию. Анализ международных проектов, реализованных под эгидой организаций «CyArk» и «Flyover Zone», позволяет проследить эволюцию этих методов.

Так, в 2015 году «CyArk» совместно с калифорнийской школой и старейшинами племени чумаш провела 3D-документирование уникальной Расписной пещеры. Проект позволил не только создать точную цифровую копию объекта для мониторинга его состояния, но и приобщить местное сообщество к сохранению своего культурного наследия. В свою очередь, компания «Flyover Zone» реализовала масштабный образовательный проект «Возрождение Рима» - интерактивную 3D-реконструкцию столицы империи в 320 году н. э. Модель включает детализированные изображения Колизея, Пантеона и императорских дворцов, доступные для обзора с высоты птичьего полета и с земли [7]. Особую ценность представляет функция сравнения древних памятников с их современным обликом, что делает проект эффективным инструментом изучения истории [5].

В России значительный вклад в развитие этого направления вносит кафедра исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где на протяжении четверти века ведутся работы по виртуальной реконструкции объектов культурного наследия. Объектами реконструкции становятся храмы и монастырские комплексы, исчезнувшая историческая застройка, дворянские усадьбы с их интерьерами и парковыми ансамблями, индустриальные сооружения. Особого внимания заслуживает воссоздание целостной пространственной урбанистической среды, в которой находились утраченные объекты. Такие реконструкции, доступные на смартфонах и планшетах, существенно обогащают экскурсионную и просветительскую деятельность.

К настоящему времени на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова накоплен значительный опыт реализации проектов по виртуальной реконструкции, охватывающих различные хронологические периоды и типы объектов. В числе выполненных работ – воссоздание Страстного монастыря и прилегающей к нему площади, а также реконструкция исторического ландшафта Белого города XVI-XVIII веков [8]. Эти проекты демонстрируют эволюцию методических подходов: от создания отдельных трехмерных моделей к комплексной реконструкции целостной пространственной среды с последующей интеграцией результатов в форматы виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR).

Как отмечает заведующий кафедрой, профессор Леонид Иосифович Бородин, появление 3D-моделей дает принципиально новый инструментарий в руки исследователя: «при наличии комплекса репрезентативных исторических источников можно доподлинно, достоверно восстановить облик и обстоятельства той среды, в которой разворачивались описываемые события» [9]. Эту мысль развивают и специалисты Московского архитектурного института (МАРХИ), подчеркивая важность методологии подачи материала: в своих работах они указывают на необходимость различать типы изображений и критерии их оценки при визуализации 3D-реконструкций, чтобы избежать искажения исторической правды [10].

Подводя итог, цифровые технологии меняют сам подход к сохранению культурного наследия. Как было показано в работе, лазерное сканирование, фотограмметрия, гиперспектральный анализ и технологии виртуальной реальности решают сразу две главные задачи: с одной стороны, обеспечивается «страховка» памятника путем создания его точнейшей цифровой копии (документирование), с другой - появляется возможность его изучения и популяризации, недоступная традиционными методами (реконструкция) [3; 6].

Международный опыт, от сканирования Нотр-Дама до реконструкций «Flyover Zone,» а также отечественные проекты МГУ и МАРХИ доказывают, что цифровое наследие превратилось из простого дополнения в полноценный инструмент работы с историей. Оно стало научным инструментом и важнейшим элементом образования [8; 5; 4].

Цифровые копии позволяют сохранить память об объектах, уничтоженных войной или временем, а дополненная реальность - вписать историю в современное пространство, делая её доступной для миллионов людей. Однако важно помнить о методологической строгости, на которой акцентируют внимание исследователи: виртуальная реконструкция - это всегда интерпретация, научная гипотеза, визуализированная с помощью кода [3; 10]. Искажение исторической правды недопустимо. Поэтому будущее цифровой реставрации заключается не только в совершенствовании технологий (повышении точности, скорости обработки данных, внедрении ИИ для анализа разрушений), но и в выработке единых этических и научных стандартов представления материалов.

Список литературы:

1. Соловьева, Н. Цифровое документирование как гарант сохранения культурного наследия / Н. Соловьева // Материалы круглого стола ИИМК РАН. – СПб., 2023.
2. Наумов, В. Сохраненная культура: от оцифровки к актуализации / В. Наумов // Музей и цифровые технологии. – 2022. – № 1. – С. 45 – 52.
3. Бородкин, Л. И. Цифровая реконструкция объектов историко-культурного наследия: проблемы и перспективы / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 78 – 95.
4. Tallon, A. Scanning the Past: Digital Documentation of Notre-Dame / A. Tallon // Journal of Cultural Heritage. – 2020. – Vol. 42. – P. 215 – 223.
5. Flyover Zone. Yorescape и проект «Возрождение Рима»: новая эра виртуального туризма [Электронный ресурс] / Flyover Zone. – 2023. – URL: <https://www.flyoverzone.com/yorescape> (дата обращения: 10.02.2024).
6. Косенкова, В. Л. Неразрушающие методы исследования в реставрации: гиперспектральный и тепловизионный анализ / В. Л. Косенкова // Реставратор. – 2021. – № 4. – С. 112 – 119.
7. CyArk. Chumash Painted Cave State Historic Park [Электронный ресурс] / CyArk. – 2015. – URL: <https://www.cyark.org/projects/chumash-painted-cave> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Жукова, Е. В. Проекты виртуальной реконструкции на кафедре исторической информатики МГУ: опыт и перспективы / Е. В. Жукова // Историческая информатика. – 2023. – № 4. – С. 45 – 60.
9. Бородкин, Л. И. Виртуальная реконструкция исторической городской среды: методология и практика / Л. И. Бородкин, Е. В. Жукова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2023. – № 2. – С. 120 – 136.
10. МАРХИ. Визуализация историко-архитектурного наследия: критерии достоверности и художественной выразительности / под ред. А. В. Некрасова. – М.: МАРХИ, 2022. – 180 с.

Лушникова Анна Олеговна

1 ТД-2

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Anna Lushnikova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«СИЛЬМАРИЛЛИОН» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРИТЧА О ГРАНИЦАХ СВОБОДЫ: ТАЛАНТ И ЭГОИЗМ ФЕАНОРА

Аннотация: В данной статье исследуется философская проблема границ творческой свободы на примере образа Феанора, персонажа книги «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина. Анализируется связь между гениальностью и эгоизмом, рассматривается вопрос того, где проходит грань между созиданием как служением красоте и творчеством как актом самоутверждения, поработавшим своего создателя. Опираясь на концепцию субкреации Толкина, учение Канта о гении и аристотелевское различие себялюбия, в статье рассматривается трагедия Феанора, заключающаяся в подмене творческого дара обладанием результатом творчества. Также внимание уделяется актуальности этой дилеммы для современной культуры, где технологические возможности творчества опережают этическое осмысление их границ.

Ключевые слова: творчество, свобода, эгоизм, гениальность, ответственность, гордыня, субкреация.

J. R. R. TOLKIEN'S "THE SILMARILLION" AS A PHILOSOPHICAL PARABLE ABOUT THE LIMITS OF FREEDOM: THEANOR'S TALENT AND EGOISM

Summary: This article explores the philosophical problem of the boundaries of creative freedom using the example of the image of Feanor, the author of the book "The Silmarillion" by J.R.R. Tolkien. The connection between genius and selfishness is analyzed, and the question of where the line lies between creation as a service to beauty and creativity as an act of self-affirmation enslaving its creator is considered. Based on Tolkien's concept of subcreation, Kant's doctrine of genius, and Aristotle's distinction of selfishness, the article examines the tragedy of Feanor, which consists in substituting the creative gift for the possession of the result of creativity. Attention is also paid to the relevance of this dilemma for modern culture, where the technological possibilities of creativity outstrip the ethical understanding of their boundaries.

Keywords: creativity, freedom, egoism, genius, responsibility, pride, subcreation.

Творчество традиционно понимается как высшее проявление человеческой свободы. Однако иногда гениальность может обернуться трагедией — как для творца, так и для окружающих.

Сейчас, когда технологические возможности творчества стремительно расширяются (хорошим примером этого служит применение художниками искусственного интеллекта в своих работах), вопрос о границах свободы творчества приобретает практическое значение.

В этом контексте Феанор — один из центральных персонажей легендарiums Дж. Р. Р. Толкина — представляет собой уникальный пример из художественной литературы, идеально подходящий для философского осмысления этой дилеммы. Будучи величайшим из эльфов, создателем Сильмариллов (пожалуй, главной реликвии и величайшего творения в мире Толкина) он становится причиной бесчисленных бедствий как своего народа, так и представителей других рас [6, с. 91-104].

На примере анализа фигуры Феанора из «Сильмариллиона» Дж. Р. Р. Толкина данная статья исследует, где проходит граница между свободой созидания и эгоизмом творца.

Феанор - старший сын короля Финвэ и глава Первого дома эльфов нолдор. Он известен как величайший из когда-либо живших в Арде эльфов - великий мастер, изобретатель и создатель огромного количества великих реликвий эльфов, в том числе Сильмариллей (Сильмариллов в других версиях перевода). Его гениальность не раз отмечалась автором и признавалась другими героями книги.

Сильмарилли в легендарium Толкина — своего рода "абсолютное" творение. Это волшебные самоцветы, вобравшие свет Древ Валинора и "...никакая сила в Королевстве Арды не могла повредить или сокрушить их". Феанор создал то, что не мог создать никто (даже Валар - боги Арды) - ни до, ни после него.

Когда Древа погибают по вине Моргота (отражение единого зла в произведениях Толкина) Феанор отказывается расколоть Сильмарилли Валар для исцеления Древ: "И для малых, также, как и для великих, есть такой труд, какой можно исполнить лишь однажды; и в том труде — отрада сердца мастера. Я могу отомкнуть для вас мои самоцветы, но никогда не сотворить мне вновь подобного им; если вынудят меня разбить их — разобьется и мое сердце, и погибну я...". Именно это становится первым крупным шагом к переходу от творца к одержимому собственным творением.

Однако коренной перелом в судьбе Феанора происходит, когда Моргот убивает короля Финвэ и крадет Сильмарилли. Феанор и его сыновья приносят клятву именем Эру (создателя Арды, аналога Бога в мире Толкина), обещая "...преследовать своей мстью и ненавистью до самых пределов Мира любого - ...преследовать того, кто хранит Сильмарилль или завладеет камнем, или воспрепятствует им вернуть его". Именно этот поступок стал точкой невозврата, принесшей впоследствии множество бед всем народам Средиземья, но больше всего — самому Феанору и его сыновьям [6, с. 91-118].

Стоит отметить, что Феанор - участник многих других ключевых событий в мире Толкина. Более того, он, вероятно, и является главным персонажем всего легендариума, так как именно созданные им Сильмарилли станут "яблоком раздора" на долгие тысячелетия, а потомки Феанора совершат множество решающих для Арды поступков. Однако, здесь приведены лишь основные для этой статьи факты. Некоторые другие (менее необходимые) элементы истории Сильмариллиона, связанные с Феанором, будут тезисно приведены в соответствующих частях статьи.

Том Шиппи в "Дороге в Седиземье" в главе "Гордыня и собственничество: новый взгляд" отмечает Феанора как фигуру "титанического" творца, с которым отождествляет себя и сам Толкин. В определенной мере автор "Сильмариллиона" представлял мятеж нолдор, организованный Феанором, как "удачный грех" - деяние, пусть и не абсолютно верное с этической точки зрения, но живущее в веках и приведшее не только к бедам, но и к положительным последствиям в общем итоге. С точки зрения Толкина, творчество, создание нового "несут в себе свое собственное оправдание" [7, с. 267-271].

Чтобы понять, где проходит граница между творческой свободой и эгоистическим желанием обладания в образе Феанора, необходимо обратиться к классическим философским концепциям, осмысляющим природу творчества и меру человеческого себялюбия, а также комментариям и письмам самого Толкина.

В диалоге "Пир" Платон через речь Диотимы определяет творчество (poiesis) как "переход из небытия в бытие" и стремление родить "в прекрасном". При этом Платон выстраивает иерархию восхождения к красоте: от любви к единичному прекрасному объекту - к созерцанию самой идеи прекрасного. Тот, кто останавливается на первой ступени, становится "жалким рабом чьей-либо привлекательности" [3, с. 118-122]. Феанор, создавая Сильмарилли - совершеннейшие объекты красоты - воплощает первый, но не второй этап платоновского пути. Свет Древ (живая реальность блага) подменяется для него светом кристаллов (вещественным результатом). Любовь к творению перестает быть любовью к благу и превращается в любовь к обладанию.

В "Никомаховой этике" (Книга IX) Аристотель различает два вида себялюбия (philautia). Благородное себялюбие - когда человек жертвует собой ради друзей и общества, "себе уделяя большее благо". Дурное себялюбие - когда человек потакает своим страстям в ущерб другим. Аристотель подчеркивает: человек - существо общественное, и подлинное счастье невозможно вне заботы о других [1, с. 258-261]. Применительно к Феанору эта точка зрения позволяет увидеть парадокс: следуя высшим творческим устремлениям, он в итоге приходит к ссоре с братьями и междоусобной резне. Аристотелева "золотая середина" между служением искусству и служением миру оказывается утрачена — Феанор впадает в избыток творческой воли, не уравновешенной этической ответственностью.

В "Критике способности суждения" (§§46–50) Кант определяет гения через оригинальность, бессознательность и природный дар. Гений "дает правила искусству", но сам не может объяснить, как он это делает [2, с. 178]. Феанор — идеальный кантовский гений: он создает Сильмарилли, не имея возможности воспроизвести их или передать свой метод. Однако кантовская автономия воли не означает вседозволенности. Свобода, по Канту, есть подчинение нравственному закону, требующему относиться к другому человеку как к цели, а не только как к средству [2, с. 188]. Феанор нарушает этот принцип: он отказывается отдать Сильмарилли для спасения Древ Валинора, ставя свое творение выше блага мира, а позже жертвует жизнями других ради исполнения Клятвы.

В книге "О волшебных историях" Толкин вводит понятие "субкреации" (sub-creation): человек творит не из ничего, а участвует в сотворении вторичного мира, преображая данный ему материал [4, с. 148]. В письме 131 он прямо говорит об опасности: желание творить может исказиться в желание "стать Господом и Богом своего частного творения" [5, с. 292]. Созданное начинает "владеть" творцом. Толкин также различает подлинное искусство и "магию", как попытку узурпировать власть Творца [4, с. 170]. Феанор переходит эту грань: его отношение к Сильмариллиям становится "магическим" - он не просто любит свое творение, но одержим им, присваивая то, что по природе своей принадлежит всему миру.

В какие же именно моменты истории Феанор преступает черту, отделяющую творчество во благо от способа самоутверждения и выражения эгоизма творца? Где проходят границы свободы творчества? Пожалуй, стоит выделить несколько моментов:

1. Отказ отдать Сильмарилли: Когда Валары просят Феанора отдать камни для возрождения Древ, он отказывается, аргументируя это тем, что они - его творение, его жизнь. Кантовская автономия гения вступает в конфликт с долгом перед миром. Феанор выбирает обладание (результат) вместо служения (процесс, свет).

2. Клятва: Клятва Феанора — это акт, в котором свобода творца превращается в противоположность самому понятию свободы. Абсолютный акт свободной воли становится "цепью", предопределяющей все дальнейшие поступки.

3. Братоубийство в Альквалондэ: ради возвращения Сильмариллей Феанор ведет нолдор на братоубийство. Аристотелевское «благородное себялюбие» подменяется дурным - жертвой другими ради своего.

4. Сожжение кораблей: Прибыв в Средиземье, Феанор сжигает корабли, оставляя часть народа на другой стороне моря. Это метафора предельного эгоизма — отказа от солидарности и ответственности.

В XXI веке технологии расширили границы творчества до предела. Художник, программист, ученый — каждый сегодня может быть «творцом». И каждый сталкивается с искушением Феанора: мое творение — это я, я имею право на абсолютную свободу самовыражения. В качестве ярких примеров

можно привести авторское право и копирайт (когда защита интеллектуальной собственности превращается в препятствие для культуры); создание провокационного контента во имя "свободы творчества"; развитие ИИ и вопрос об ответственности за творения машин.

История Феанора — это философская притча о границах творческой свободы. Гениальность сама по себе не гарантирует блага. Свобода творчества не абсолютна: она ограничена ответственностью перед миром и перед самим замыслом красоты. Граница, которую перешел Феанор, — граница между любовью к творению и любовью к части себя в творении, к причастности к нему.

В современном мире философское осмысление границ творчества становится не просто академическим размышлением, а условием сохранения человечности.

Список литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4 т. — Т. 4. / пер. Н. Брагинской. — Москва: Мысль, 1983. — С. 53–294.
2. Кант, И. Критика способности суждения / пер. Н. Лосского. — Москва: Наука, 2001. — 512 с.
3. Платон. Пир // Собрание сочинений в 4 т. — Т. 2 / пер. С. Апта. — Москва: Мысль, 1993. — С. 81–134.
4. Толкин, Дж. Р. Р. О волшебных историях // Чудовища и критики / пер. С. Кошелева. — Москва: АСТ, 2018. — С. 112–215.
5. Толкин, Дж. Р. Р. Письма / под ред. Х. Карпентера; пер. С. Лихачевой. — Москва: АСТ, 2019. — 752 с.
6. Толкин, Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. С. Лихачевой. — Санкт-Петербург: Азбука, 2020. — 416 с.
7. Шиппи, Т. А. Дорога в Средьземелье / пер. с англ. М. Каменкович. — Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2003. — 384 с.

Лыкова Ольга Игоревна

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Olga Lykova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСТОРИЯ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ДИЗАЙНА: ОТ ИМПЕРСКИХ БАНКНОТ ДО СОВРЕМЕННЫХ КУПЮР

Аннотация: Статья посвящена эволюции визуального языка и художественно-символического содержания российских бумажных денег с момента их появления до наших дней. Исследуется, как изменения в дизайне банкнот отражали ключевые политические, идеологические и культурные трансформации в истории России. Особое внимание уделяется тому, как через дизайн денег конструировались и продвигались образы государственности, власти и национальной идентичности.

Ключевые слова: дизайн, деньги, банкноты, ассигнации, водяной знак, гильош, Банк России, купюры, Гознак, идеология.

THE HISTORY OF RUSSIAN MONEY DESIGN: FROM IMPERIAL BANKNOTES TO MODERN BANKNOTES

Summary: This article examines the evolution of the visual language and artistic and symbolic content of Russian paper money from its inception to the present day. It examines how changes in banknote design reflected key political, ideological, and cultural transformations in Russian history. Particular attention is paid to how banknote design constructed and promoted images of statehood, power, and national identity.

Keywords: design, money, banknotes, watermark, guilloche, Bank of Russia, Gznak, ideology.

Бумажные деньги – это важнейший исторический документ, отражающий политические, культурные и технологические изменения в жизни общества. Русский денежный дизайн прошел долгий и сложный путь от первых ассигнаций Екатерины II до современных высокотехнологичных купюр Банка России. Каждая банкнота рассказывает свою историю – о правителях и героях, о городах и достижениях, о войнах и мирных периодах, о художественных стилях и защитных технологиях.

Изучение эволюции российских денег позволяет проследить, как менялась государственная символика, как развивалось полиграфическое искусство, и как государство через дизайн денег формировало образ страны как для своих граждан, так и для внешнего мира. От имперских двуглавых орлов до советских серпов и молотов, от портретов монархов до изображений

памятников архитектуры – денежный дизайн всегда был тонким инструментом идеологии и национальной идентичности.

Деньги в форме листов бумаги (бумажные деньги) - это знаки стоимости, представители действительных денег. Они появились в связи с затруднением металлического денежного обращения и начали функционировать как заместители серебряных и золотых денег. Первые бумажные деньги появились в Китае примерно девять веков назад, в Европе и Америке - в XVII-XVIII вв., в Российской империи они начали применяться с 1769 года. Выпускает (эмитирует) бумажные деньги государственное казначейство или центральный банк. Казначейство может использовать эмиссию бумажных денег непосредственно на государственные расходы, либо центральный банк выпускает бумажные деньги (банкноты) и кредитует ими правительство страны. [1, с. 89]

Графический дизайн играет особую роль в изготовлении банкнот – он не только придает денежным знакам индивидуальность и узнаваемость, но и включает в себя как традиционные, так и современные графические способы защиты от фальсификации: различные сложные гильошные элементы и фоновые рисунки, антикопировальные сетки, микротексты и специальные растровые изображения, созданные с помощью компьютерных программ [3, с. 47]

Как правило, над созданием концепции дизайна банкноты работает целая группа специалистов: художники, историки, сотрудники центральных банков и компаний-изготовителей. Современная банкнота – результат постоянной модернизации производства и успешного многостороннего сотрудничества. [3, с. 47]

Первые в России бумажные денежные знаки – «ассигнации» были выпущены на основании Высочайшего манифеста от 29 декабря 1768 года (№ 13220) номиналами 25, 50, 75 и 100 рублей. Одновременно были учреждены два банка – Санкт-Петербургский и Московский – для вымена государственных ассигнаций, каждый с конторами в Санкт-Петербурге и Москве соответственно. Печатались ассигнации в сенатской типографии на литой плотной бумаге с водяными знаками. Их главной задачей была простота изготовления и защита от подделок, а не эстетическое совершенство.

Все банкноты имели однотипное одностороннее оформление. На лицевой стороне, в орнаментной рамке, находились цифровое обозначение номинала ассигнации («100», «75», «50» или «25») и текст: «ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ (МОСКОВСКОЙ) БАНК СТО (СЕМДЕСЯТ ПЯТЬ, ПЯТЬДЕСЯТ, ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ) РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЙ, (год выпуска цифрами). САНКТПЕТЕРБУРГ (МОСКВА)». На ассигнациях первых выпусков серийный номер проставлялся только один раз, в верхней части банкноты. Начиная с 1774 г. его начали дублировать трижды - вверху и внизу справа и слева. Текст, серийные номера и рамка были напечатаны черной краской.

В качестве дополнительных степеней защиты выступали два симметрично расположенных овальных медальона, выполненных рельефным тиснением. На левом овале внизу были изображены военные атрибуты (знамена, пушки, ядра) и эмблемы торговли и промышленности (корабль, тюки, бочки, кадуцей Меркурия). В центре овала располагался государственный герб России - двуглавый орел, увенчанный тремя императорскими коронами, с большим овальным щитом с московским гербом на груди - святой Георгий Победоносец. На коне, развернутый вправо, вокруг щита была цель ордена святого Андрея Первозванного. В лапах орел удерживал знаки царской власти - скипетр и державу. Вверху овала полукругом проходила надпись: «ПОКОИТ И ОБОРОНЯЕТ». В центре правого овала была изображена неприступная скала, внизу - бушующее море и головы чудовищ, а сверху находилась надпись: «НЕВРЕДИМА», выполненная полукругом.

Кроме того, каждую купюру собственноручно подписывали сначала два сенатора, затем главный директор банков, после чего ассигнации отсылались в банки и подписывались их директорами. [2, с. 80 – 81]

При Николае I произошла важная реформа: в 1843 году были введены кредитные билеты, обеспеченные серебром. Их дизайн стал сложнее – появились орнаменты, портреты исторических фигур (хотя и в аллегорической форме), сложные гильоширные узоры. На купюрах изображались виды Москвы и Петербурга, что подчеркивало единство империи.

Кредитные билеты изготавливались на тонкой белой бумаге методом цветной двухсторонней печати. Кстати, впервые при изготовлении печатных форм для них был применен метод гальванопластики, изобретенный в 1838 г. русским ученым Б. С. Якоби. Водяной знак состоял из текста «ГОСУДАРСТВ. КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ», номинала цифрами и года выпуска, выполненных на орнаментальном фоне, различном для каждого номинала.

Для банкноты достоинством 1 рубль фон лицевой стороны был желтым, рисунок – коричневым, цвет печати – черным, достоинством 3 рубля – соответственно светло-зеленым, темно-зеленым и черным, 5 рублей – голубым, темно-синим и черным; 10 рублей – розовым, карминовым и черным; 25 рублей – лиловым, светло-фиолетовым и черным; 50 рублей – фон серый, а печать и рисунок – черные. Лицевая сторона банкноты достоинством 100 рублей имела светло-коричневый фон, на который был нанесен коричнево-фиолетовый рисунок. Обратная сторона отличалась многокрасочным фоном и черными рисунком и печатью.

На лицевой стороне билетов, в верхней части, находилось изображение государственного герба России – двуглавый орел, увенчанный тремя императорскими коронами, орел со скипетром и державой в лапах. На груди орла был изображен щит с московским гербом - святой Георгий Победоносец на коне, развернутый вправо. Под гербом, в центре, были размещены наименование билета - «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ» - и основной текст: «По предъявлению сего билета немедленно выдается из разменных Касс Экспедиции Кредитных билетов (номинал прописью)

рубля(лей) серебряною или золотою монетою». Ниже в три строки размещались печатные подписи управляющего, директора и кассира. [2, с. 105 – 106]

Настоящий переворот в денежном дизайне произошел в 1866 году, когда на кредитных билетах впервые появились портреты исторических деятелей России. На оборотной стороне билетов, за исключением номиналов в 1 и 3 рубля, был расположен овальный медальон с изображением выдающихся российских деятелей: на банкноте достоинством 5 рублей – портрет князя Дмитрия Донского, 10 рублей – портрет царя Михаила Федоровича, 25 рублей – портрет царя Алексея Михайловича, 50 рублей – портрет императора Петра I и на купюре достоинством 100 рублей – портрет императрицы Екатерины II. Это была не просто дань уважения предшественникам, а четкое идеологическое послание: преемственность власти, величие империи, связь с историческими корнями. [2, с.113]

При Александре III дизайн стал более единообразным и монументальным. Появилась знаменитая «Катенька» – 100-рубевая купюра с портретом Екатерины Великой, которая стала одним из символов дореволюционной России.

К концу XIX века российские деньги достигли высокого художественного уровня. Купюры образца 1898-1912 годов, разработанные при участии лучших граверов Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне Гознак), отличались изысканностью и сложностью. На них изображались аллегорические фигуры (например, "Россия" в виде женщины в кокошнике), гербы городов и губерний, сложнейшие орнаменты. [2, с. 127]

Особенностью этого периода стало сочетание европейских полиграфических технологий с традиционными русскими мотивами. Деньги стали не только платежным средством, но и произведением искусства, демонстрирующим мощь и культурный уровень империи.

Февральская и Октябрьская революции 1917 года привели к денежному хаосу. Временное правительство выпустило знаменитые "керенки" – деньги упрощенного дизайна без номеров и подписей, которые печатались буквально листами и отрезались ножницами. Новые «революционные» деньги своим внешним видом и размерами должны были отличаться от «царских», их оформление было приведено в соответствие с идеями и символикой демократической России. Разработка дизайна псовых купюр была поручена известному художнику И. Я. Билибину. [2, с. 135]

Первые советские деньги (1919) сохраняли некоторые элементы старого дизайна, но уже без имперской символики. На смену портретам царей пришли абстрактные орнаменты и изображения рабочего и крестьянина. На купюрах 1922 года появился первый советский герб и девиз "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" [2, с. 141]

С окончанием Гражданской войны и введением НЭПа потребовалась стабильная валюта. В 1922 году появился червонец – банкнота, по дизайну напоминавшая дореволюционные деньги, но с советской символикой. На ней

был изображен сеятель – аллегорическая фигура крестьянина, символизирующая возрождение страны. Художник Иван Дубасов, будущий главный дизайнер советских денег, создал дизайн, сочетавший традиционное изящество с новыми идеологическими акцентами. [2, с. 154]

В 1930-е годы денежный дизайн стал более монументальным и пропагандистским. На банкнотах появились портреты Ленина (после его смерти), изображения рабочих, красноармейцев, шахтеров. Дизайн подчеркивал индустриальную мощь СССР, коллективный труд, военную силу. Купюры стали цветными, но цветовая гамма была сдержанной, преимущественно темных тонов.

Портрет В. И. Ленина, размещенный на новых купюрах 1937 г., был создан ленинградским художником А. Р. Эберлингом, гравировку выполнил А. Г. Блюм. Дизайн купюр был разработан талантливыми художниками Гознака С. А. Поманским (1 червонец) и И. И. Дубасовым (3, 5 и 10 червонцев). [2, с. 188]

Денежная реформа 1947 года принесла новые банкноты с упрощенным дизайном и усиленной идеологической составляющей. На всех купюрах размещался портрет Ленина, государственный герб и номинал на языках союзных республик. [2, с. 194]

В 1961 году была проведена одна из самых известных денежных реформ. Новые деньги, разработанные под руководством художников Гознака, отличались современным для того времени дизайном: четкие геометрические формы, яркие цвета, стилизованные изображения Кремля, Московского университета, советского герба. Эти купюры оставались в обращении до начала 1990-х и стали для нескольких поколений советских людей символом стабильности. [2, с. 203]

После распада СССР перед Банком России встала сложная задача: создать дизайн новых денег, который отражал бы историческую преемственность, но при этом символизировал новый, демократический путь развития. В 1995 году начался выпуск серии банкнот "города России". На купюрах вместо портретов политиков появились изображения архитектурных памятников: Красноярск (10 рублей), Санкт-Петербург (50 рублей), Москва (100 рублей) и так далее. Все билеты Банка России образца 1995 г. были оснащены водяными знаками, состоящими из цифрового обозначения номинала и фрагмента основного изображения лицевой стороны. Нумерация билетов традиционно состояла из двух литер и семизначного номера. [2, с. 227]

Эта серия, разработанная под руководством художника Гознака Игоря Крылкова, стала важным шагом в формировании новой национальной идентичности. Через архитектурное наследие подчеркивалось единство и историческая глубина российского государства.

В последние годы Банк России выпускает памятные банкноты, посвященные значимым событиям: Олимпиаде в Сочи (2014), присоединению Крыма (2015), Чемпионату мира по футболу (2018). Эти банкноты отличаются нестандартным дизайном и становятся объектом коллекционирования. [4]

В июне 2022 года Банк России представил модернизированную банкноту номиналом 100 рублей, в октябре 2023 года – номиналом 5000 рублей. Дизайн стал более динамичным, технологичным, соответствующим цифровой эпохе. [4]

В оформлении модернизированных банкнот используется символика федеральных округов. На лицевой стороне представлены памятники столицы округа, на оборотной стороне – достопримечательности регионов, входящих в состав федеральных округов. Обновленная сторублевая банкнота посвящена Москве и Центральному федеральному округу. Основное изображение лицевой стороны – фрагмент Спасской башни Московского Кремля с курантами. На оборотной стороне – Ржевский мемориал Советскому солдату. На пятитысячной банкноте изображены достопримечательности Екатеринбурга и Уральского федерального округа. На лицевой стороне банкноты – стела «Европа – Азия», на оборотной – памятник «Сказ об Урале» в Челябинске. [4]

История русского денежного дизайна – это зеркало российской истории во всем ее многообразии и противоречивости. От имперской монументальности через революционный хаос и советскую идеологизацию к современному технологичному дизайну – каждый этап отражал ключевые ценности и вызовы своего времени.

Сегодня российские банкноты сочетают исторические традиции (орнаменты, архитектурные мотивы) с современными технологиями и новыми смыслами. В эпоху цифровых платежей банкноты все чаще становятся не просто средством платежа, а культурным артефактом, носителем национальной идентичности и объектом художественного творчества.

Список литературы:

1. Гончаров Александр Иванович Банкнота как расчетная банковская ценная бумага // Legal Concept. 2017. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/banknota-kak-raschetnaya-bankovskaya-tsennaya-bumaga> (дата обращения: 08.12.2025).
2. Деньги России. Монеты и банкноты России / А. Г. Мерников. – Москва: АСТ, 2015. – 240 с.: ил.
3. Корочкин Л., Сильванович Н. Современные методы дизайна банкнот и документов // Банковский вестник. 2004. № 16 (273). С. 47-50.
4. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: <https://cbr.ru/> (Дата обращения: 08.12.2025)

Мавков Максим Александрович

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Mavkov Maxim

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования исторических стереотипов о Великой Отечественной войне в современном российском медиапространстве и образовательной среде. На примере анализа нескольких популярных художественных фильмов и содержания школьных учебников автор выявляет механизмы конструирования упрощенных образов прошлого. Особое внимание уделяется противоречию между академическим историческим знанием и его массовыми репрезентациями. Делается вывод о том, что исторические стереотипы, выполняя функцию национальной консолидации, одновременно препятствуют формированию критического мышления у молодежи.

Ключевые слова: Историческая память, исторические стереотипы, Великая Отечественная война, массовое сознание, коммеморация, историческое образование, кинематограф, коллективная идентичность.

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL STEREOTYPES

Summary: The article examines the problem of the formation of historical stereotypes about the Great Patriotic War in the contemporary Russian media space and educational environment. By analyzing several popular feature films and the content of school textbooks, the author identifies the mechanisms of constructing simplified images of the past. Special attention is paid to the contradiction between academic historical knowledge and its mass representations. It is concluded that historical stereotypes, while performing the function of national consolidation, simultaneously hinder the formation of critical thinking among young people.

Keywords: Historical memory, historical stereotypes, Great Patriotic War, mass consciousness, commemoration, history education, cinema, collective identity.

Проблема исторической памяти в современном обществе приобретает особую остроту в связи с активизацией процессов национального самоопределения и поиска идентичности. Под исторической памятью в научной литературе понимают совокупность социокультурных практик и институтов, обеспечивающих отбор, сохранение и передачу значимой для настоящего момента информации о прошлом [7, с. 213]. Как отмечает Я. Ассман, коллективная память всегда избирательна: общества запоминают не все события, а лишь те, которые работают на поддержание групповой

солидарности и формирование чувства «мы» [2, с. 42]. Однако процесс запоминания неизбежно сопровождается упрощением, схематизацией и эмоциональной окраской исторических событий, что приводит к формированию устойчивых стереотипов. Исторические стереотипы представляют собой упрощенные, эмоционально насыщенные и устойчивые представления о прошлом, которые усваиваются индивидом под влиянием социальной среды, а не в результате самостоятельного критического анализа источников. У. Липпман, впервые введший понятие «стереотип» в научный оборот, подчеркивал, что стереотипы выполняют важную функцию экономии мыслительных усилий, но одновременно искажают реальность, подменяя сложную картину мира простыми схемами [8, с. 95]. В случае исторического познания эта особенность человеческого сознания играет двойную роль: с одной стороны, стереотипы помогают массовому сознанию освоить сложный исторический материал, с другой – создают устойчивые мифы, которые трудно поддаются коррекции даже при столкновении с противоречащими им фактами.

Особый интерес для анализа представляет то, как исторические стереотипы о Великой Отечественной войне формируются в современном российском обществе. Выбор этого сюжета обусловлен тем, что война 1941-1945 годов остается ключевым событием национальной истории, вокруг которого выстраивается коллективная идентичность. По данным социологических опросов, для большинства россиян Великая Отечественная война является главным событием XX века, вызывающим чувство гордости [3]. Однако именно вокруг этого события складывается множество устойчивых стереотипов, которые транслируются через различные каналы – кинематограф, школьное образование, публичные празднования и медиа.

Рассмотрим, как работает механизм стереотипизации на примере современного российского кинематографа о войне. Фильмы последних двадцати лет, такие как «Брестская крепость» (2010) Александра Котта, «Сталинград» (2013) Федора Бондарчука, «Т-34» (2018) Алексея Сидорова и «Девятаев» (2021) Тимура Бекмамбетова, демонстрируют устойчивый набор стереотипных образов. Во-первых, это образ «героя-одиночки», который в одиночку способен противостоять врагу. Как справедливо замечает историк кино М.И. Жабский, такой нарратив упрощает реальность коллективного подвига и подменяет сложную историческую картину понятными зрителю схемами противостояния [6, с. 78]. Во-вторых, это образ врага, который часто лишен человеческих черт и предстает исключительно как бездушная машина уничтожения. В фильме «Сталинград» немецкие солдаты показаны как почти безликая масса, что, по мнению кинокритика А.Ю. Усова, формирует упрощенное представление о войне как о противостоянии абсолютного добра и абсолютного зла [11, с. 112]. В-третьих, важным стереотипом является представление о том, что войну выиграли исключительно благодаря «русскому характеру», чудесам героизма и воле случая, но не благодаря стратегическому планированию, экономической мобилизации или помощи союзников. В фильме «Т-34» главный герой побеждает не столько благодаря военной подготовке,

сколько благодаря личной смекалке и удаче. Такой нарратив, по наблюдению исследователя Д.И. Герасимова, формирует у молодежи представление о войне как о цепи героических эпизодов, а не как о сложном историческом процессе [4, с. 34].

Другим важным каналом трансляции исторических стереотипов является школьное образование. Анализ содержания школьных учебников истории последнего десятилетия показывает, что, несмотря на декларируемый отказ от идеологизации, многие стереотипы сохраняются. Исследование А.А. Голосеевой и А.А. Хохлова, посвященное конструированию исторического нарратива в современной России, показывает, что образовательные тексты часто совмещают разные интерпретации событий, но при этом отсекают сложные и неоднозначные сюжеты [5, с. 29]. Например, тема коллаборационизма, противоречий внутри советского руководства, цены победы (огромных потерь, ошибок командования) либо полностью отсутствует в учебниках, либо представлена крайне фрагментарно.

Особенно заметно это проявляется в описании начального периода войны. В большинстве школьных учебников трагедия 1941 года (отступление, огромное количество пленных, развал управления) объясняется исключительно внезапностью нападения и численным превосходством противника. При этом практически не упоминаются системные проблемы Красной армии, репрессии среди командного состава, просчеты в стратегическом планировании. Как отмечает педагог Г.В. Азаренко, такое упрощение приводит к тому, что у школьников формируется стереотипное представление: «если бы не внезапность, мы бы сразу победили», что не соответствует сложной исторической реальности [1, с. 144].

В результате взаимодействия кинематографических образов и образовательных нарративов в массовом сознании молодого поколения формируется устойчивый стереотипный образ войны. Исследование, проведенное среди студентов Южного федерального университета в 2023 году, показало, что большинство опрошенных представляют войну через набор клишированных образов: «подвиг 28 панфиловцев», «снайперша», «катюша», «пионеры-герои», «генерал, который не отступает» [9, с. 65]. При этом студенты плохо ориентируются в хронологии событий, не знают ключевых дат и имен военачальников, но при этом уверены, что «наши» всегда были правы и побеждали благодаря героизму, а не ценою огромных жертв и трагических ошибок.

Важно подчеркнуть, что проблема не в самом существовании героического нарратива как такового. Героизация прошлого – нормальный механизм формирования коллективной идентичности. Проблема возникает тогда, когда упрощенные схемы полностью замещают собой сложное историческое знание. Как отмечает Н. Эппле в своем исследовании «неудобного прошлого», без честного разговора о сложных и противоречивых страницах истории общество рискует построить идентичность на зыбком фундаменте мифов, которые рано или поздно вступают в противоречие с

реальностью [12, с. 203]. При этом важно учитывать, что даже в Германии, которую часто приводят как пример успешного преодоления травматичного прошлого, процесс осмысления был длительным и болезненным, и идеальных рецептов не существует [12, с. 215].

Анализ конкретных форм бытования исторических стереотипов о Великой Отечественной войне позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, стереотипы выполняют важную социальную функцию: они консолидируют общество вокруг общих ценностей и создают эмоционально понятную картину прошлого. Во-вторых, эти стереотипы активно конструируются и транслируются через ключевые институты социализации – кинематограф, школу, медиа. В-третьих, опасность стереотипизации заключается в том, что упрощенные схемы со временем начинают восприниматься как единственно возможная историческая правда, что препятствует развитию критического мышления и делает человека уязвимым для манипуляций.

Преодоление негативных последствий стереотипизации не означает отказа от патриотического воспитания или героизации прошлого. Речь идет о необходимости дополнять упрощенные образы более сложным знанием. Как показывает практика, наиболее эффективным способом работы со стереотипами является метод сравнительного анализа источников. Когда студентам предлагают сравнить официальные сводки Совинформбюро, воспоминания фронтовиков, немецкие документы и современные исследования, стереотипы начинают разрушаться, уступая место более объемной картине прошлого. Такой подход, по мнению методиста О.Ю. Стреловой, позволяет сохранить уважение к подвигу предков, но при этом избежать примитивизации истории [10, с. 88].

Таким образом, историческая память и исторические стереотипы находятся в сложном диалектическом взаимодействии. Память питает стереотипы, поставляя материал для упрощения. Стереотипы, в свою очередь, становятся неотъемлемой частью коллективной памяти, формируя устойчивые образы прошлого. Задача исторического образования заключается не в том, чтобы полностью искоренить стереотипы (это невозможно), а в том, чтобы научить молодое поколение рефлексировать по поводу этих стереотипов, понимать их природу и соотносить с более сложным знанием, которое дает академическая наука.

Список литературы:

1. Азаренко, Г. В. Исторические стереотипы и их влияние на современное общество: взгляд учителя истории и обществознания / Г. В. Азаренко // Молодой ученый. – 2025. – № 46 (597). – С. 143–145. – URL: <https://moluch.ru/archive/597/> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Великая Отечественная война в общественном сознании россиян: аналитический отчет ВЦИОМ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. – 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaja-otechestvennaja-voina-v-obshchestvennom-soznanii-rossijan> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Герасимов, Д. И. «Т-34» и другие: трансформация героического мифа в постсоветском кинематографе / Д. И. Герасимов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2020. – № 1. – С. 30–41. – URL: <https://journal-labirint.com/archive/> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Голосеева, А. А. В лабиринте идейных поисков: способы конструирования памяти о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 г. и Гражданской войны) / А. А. Голосеева, А. А. Хохлов // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 26–41. – DOI 10.19181/nko.2024.30.3.2. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=640 (дата обращения: 27.02.2026).
6. Жабский, М. И. Социокультурная драма кинематографа: аналитика смыслов / М. И. Жабский. – Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 352 с.
7. Историческая память как социальный гипноз: к методологии исследования / Е. Н. Яркова, А. В. Логинов, И. В. Фотиева [и др.] // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2021. – № 4 (63). – С. 213–222. – URL: <https://vestnik.pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/2249/> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
9. Стереотип как институт исторической памяти: случай российского поколения Z / А. А. Иванов, М. С. Соколова // Историческая память и идентичность в XXI веке : материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 15–17 ноября 2023 года). – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. – С. 62–71. – URL: <https://sfedu.ru/www/> (дата обращения: 27.02.2026).
10. Стрелова, О. Ю. Историческое образование в условиях смены парадигм / О. Ю. Стрелова // Преподавание истории в школе. – 2022. – № 5. – С. 84–91. – URL: <https://pish.ru/archive/> (дата обращения: 27.02.2026).
11. Усов, А. Ю. Образ врага в современном российском кино о Великой Отечественной войне / А. Ю. Усов // Вестник ВГИК. – 2021. – Т. 13, № 2 (48). – С. 108–118. – URL: <https://vestnik-vgik.com/2074-0832/article/view/> (дата обращения: 27.02.2026).
12. Эппле, Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах / Н. Эппле. – Москва: Новое литературное обозрение, 2025. – 576 с.

Магеррамов Тимур Вугар оглы

1 МГ-62

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Magerramov Timur

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРИВАТНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО НАДЗОРА: ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ИЛИ КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ?

Аннотация: В статье проводится философско-правовой анализ статуса приватности (неприкосновенности частной жизни) в условиях современных технологий массового наблюдения и сбора больших данных. Рассматривается ключевой вопрос: является ли приватность естественным, неотчуждаемым правом личности или она подлежит ограничению в пользу общественной безопасности. Автор проводит сравнительный анализ утилитаристского и деонтологического подходов к данной дилемме, используя в качестве примеров системы цифрового мониторинга и технологии шифрования. Особое внимание уделено осмыслению этой проблемы в рамках российской философско-правовой традиции и актуального законодательства.

Ключевые слова: приватность, естественное право, большие данные, массовое наблюдение, утилитаризм, деонтология, цифровая безопасность, шифрование, информационная автономия, философия права.

PRIVACY IN THE AGE OF DIGITAL SURVEILLANCE: A NATURAL RIGHT OR COLLECTIVE SECURITY?

Summary: The article provides a philosophical and legal analysis of the status of privacy (inviolability of private life) in the context of modern technologies of mass surveillance and big data collection. The key question is considered: whether privacy is a natural, inalienable right of the individual or whether it is subject to restriction for the sake of public security. The author conducts a comparative analysis of utilitarian and deontological approaches to this dilemma, using digital monitoring systems and encryption technologies as examples. Special attention is paid to the understanding of this problem within the framework of the Russian philosophical and legal tradition and current legislation.

Keywords: privacy, natural law, big data, mass surveillance, utilitarianism, deontology, digital security, encryption, informational autonomy, philosophy of law.

Цифровая трансформация общества, набирающая скорость с каждым годом, приносит не только беспрецедентные удобства и возможности, но и ставит перед человечеством глубокие этико-философские вызовы. Одним из центральных среди них является проблема приватности - неприкосновенности частной жизни.

С одной стороны, развитие технологий больших данных (big data), повсеместная цифровизация услуг, социальные сети и интернет вещей создали инфраструктуру для тотального сбора и анализа информации о каждом человеке. Государственные системы видеонаблюдения с распознаванием лиц, метаданные коммуникаций, отслеживание цифровых следов - все это инструменты, которые могут использоваться как для обеспечения безопасности и оптимизации услуг, так и для установления контроля.

С другой стороны, именно в эту эпоху право на приватность было закреплено в международных декларациях и конституциях большинства стран как одно из фундаментальных прав человека. Возникает напряженный и принципиальный конфликт: является ли приватность естественным правом, внутренне присущим человеческому достоинству и автономии, или же она представляет собой условную социальную договоренность, которая может и должна быть пересмотрена ради более весомых общественных благ, таких как национальная безопасность и эффективное управление?

Данная статья ставит целью проанализировать эту дилемму через призму двух ведущих философских парадигм - утилитаризма и деонтологии, - а также рассмотреть ее в контексте российской философско-правовой мысли.

Для понимания современной дискуссии необходимо обратиться к концепции естественного права, которая утверждает существование прав, вытекающих из самой природы человека, его разума и морали, а не дарованных государством. В российской интеллектуальной традиции эта идея имеет глубокие корни.

Философ и правовед Павел Новгородцев (1866-1924) последовательно отстаивал примат личной свободы как основы права. Он рассматривал государство не как источник прав, а как институт, призванный охранять предсуществующую свободу индивида, создавая рамки, в которых личность может нравственно развиваться. В 1906 году Новгородцев представил «Законопроект о неприкосновенности личности», прямо ограничивавший произвольное вмешательство власти в частную сферу и требовавший судебной санкции для подобных действий. Этот проект стал практической попыткой воплотить естественно-правовую идею приватности в юридическую форму, защитив пространство личной жизни от тотального контроля.

В современной России эта традиция получила прямое конституционное воплощение. Статья 23 Конституции РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Конституционный Суд РФ в своих решениях развил это положение, указав, что оно включает в себя правомочие контролировать информацию о себе и препятствовать ее распространению без согласия. Таким образом, в правовом поле России приватность закреплена как ценность, восходящая к идеалам личной свободы, что создает прочную основу для ее философского осмысления.

Противоположный взгляд на проблему предлагает утилитаризм - этическое учение, оценивающее действия по их последствиям, стремясь к

максимуму общего блага (счастья, безопасности, благосостояния) для наибольшего числа людей. Примененный к дилемме «безопасность vs. приватность», утилитаризм часто становится философским обоснованием систем массового наблюдения.

Сторонники этого подхода аргументируют, что сбор метаданных, прослушивание коммуникаций, биометрический контроль и анализ цифровых следов - это эффективные инструменты для предотвращения террористических актов, раскрытия тяжких преступлений и обеспечения национальной безопасности. В этой логике приватность отдельного индивида рассматривается как разумная и допустимая «цена», которую общество платит за коллективную безопасность. Предполагается, что выгоды от предотвращенных катастроф перевешивают издержки, связанные с ограничением личной свободы.

Однако при ближайшем рассмотрении утилитаристская аргументация в цифровую эпоху сталкивается с серьезными проблемами. Во-первых, практически невозможно корректно измерить и сопоставить «общее благо». Гипотетические выгоды от предотвращенных инцидентов трудно подсчитать, в то время как издержки массового наблюдения - вполне ощутимы. К ним относится «эффект охлаждения» (*chilling effect*), когда люди из-за осознания постоянного контроля начинают избегать определенных тем для разговоров, поисковых запросов или социальных активностей, что подрывает свободу мысли и самовыражения.

Во-вторых, возникает проблема «миссии крепа» (*mission creep*): системы, внедренные для борьбы с экстремальными угрозами, со временем неизбежно начинают использоваться для решения все более широкого круга задач - от контроля за политическим инакомыслием до коммерческого таргетирования рекламы и слежки за обычными гражданами.

В-третьих, создаваемые цифровые досье носят перманентный характер. Информация, собранная сегодня, может быть использована против человека завтра в совершенно ином контексте, даже если первоначально его действия не несли никакой угрозы. Таким образом, утилитаристский компромисс грозит превратиться в тотальный и необратимый контроль, выгоды от которого для общества в целом становятся все более сомнительными, а риски для свободы - системными.

В противовес утилитаризму деонтологическая этика, ассоциирующаяся прежде всего с именем Иммануила Канта, утверждает, что моральная ценность поступка определяется не его последствиями, а соответствием моральному долгу и универсальным принципам. С этой точки зрения, право на приватность является внутренней (*intrinsic*) ценностью, неотъемлемой частью человеческого достоинства и автономии.

Человек как разумное и самоопределяющееся существо нуждается в приватном пространстве - сфере, свободной от внешнего вмешательства, давления и оценки. Это пространство необходимо для формирования собственных убеждений, независимого мышления, глубоких личных отношений и, в конечном счете, для становления личности. Приватность - это

условие возможности быть собой, а не просто желание что-то скрыть. Поэтому вторжение в эту сферу, даже мотивированное благими целями безопасности, является нарушением фундаментального принципа, рассматривающего человека всегда как цель и никогда исключительно как средство.

В цифровую эпоху технологическим воплощением этого деонтологического принципа стала криптография с открытым ключом и сквозное шифрование (end-to-end encryption). Эти технологии не просто защищают содержимое сообщений от посторонних глаз; они создают техническую возможность для конфиденциальной коммуникации по умолчанию, обеспечивая цифровой аналог доверительного разговора за закрытой дверью. Требования со стороны государств к созданию «бэкдоров» (закладок) или ослаблению стандартов шифрования для нужд следствия, с деонтологической точки зрения, есть не что иное, как отрицание самого права на частную коммуникацию, исходящее из презумпции виновности и тотального недоверия к гражданину.

Современная правовая доктрина поддерживает этот взгляд. Право на информационную приватность понимается как сложное право, обеспечивающее автономию личности в информационной сфере. Важно отметить, что угрозу представляет не только раскрытие отдельных компрометирующих фактов, но и составление из разрозненных, казалось бы, нейтральных данных (метаданных о звонках, геолокации, покупках) исчерпывающего поведенческого портрета человека. Таким образом, защита приватности — это защита целостности личности от несанкционированного конструирования и манипуляций.

Конфликт между этими двумя подходами наиболее ярко проявляется в глобальной дискуссии о шифровании. Утилитаристская позиция, отстаиваемая многими правоохранительными органами, настаивает на необходимости законодательного обязывания технологических компаний предоставлять по решению суда доступ к зашифрованным данным пользователей. Главный аргумент - «террористы и преступники используют шифрование, что создает «темные зоны» для следствия и ставит под угрозу жизни людей». В этой логике интересы безопасности общества перевешивают право на частную коммуникацию.

Деонтологический подход в союзе с техно-прагматическим анализом дает иной ответ. Создание уязвимостей в системах шифрования по заказу государства технически неотделимо от ослабления безопасности для всех пользователей без исключения. Любая такая «дверь», созданная для «хороших парней», рано или поздно будет обнаружена, уязвима или украдена злоумышленниками, враждебными государствами или коррумпированными чиновниками.

Следовательно, ослабление шифрования подрывает не только приватность, но и саму цифровую безопасность в глобальном масштабе: под угрозой оказываются финансовые транзакции, критическая инфраструктура, коммерческая тайна и доверие ко всем цифровым сервисам. Таким образом, стойкое шифрование выступает необходимым условием для безопасного и

устойчивого цифрового общества, защищающим одновременно и частные права, и общественные интересы.

Подводя итог, можно заключить, что философско-правовой анализ противостояния утилитаризма и деонтологии в вопросе о приватности демонстрирует, что это не просто спор между «безопасностью» и «свободой». Утилитаристская модель, оправдывающая массовое наблюдение, страдает от фундаментальных недостатков: трудности измерения отдаленных выгод, тенденции к неограниченному расширению контроля и непреднамеренного причинения масштабного вреда общественному доверию и личностной автономии. Деонтологический подход предлагает более прочный этический фундамент, рассматривая приватность как неотъемлемый элемент человеческого достоинства и необходимое условие существования свободного демократического общества.

Вместе с тем, правовая реальность редко бывает черно-белой. Как справедливо отмечается в юридической литературе, право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным и может вступать в коллизию с другими конституционными ценностями. Задача современного общества, в том числе российского, заключается не в выборе одной из крайностей, а в выработке нового, технологически грамотного и этически взвешенного баланса.

Такой баланс должен: 1) исходить из презумпции ценности приватности как основы автономии личности; 2) требовать от любых мер вмешательства строгой соразмерности, конкретной обоснованности и санкции независимого суда; 3) признавать, что в цифровую эпоху сильная криптография и защита данных являются важнейшим элементом национальной и личной безопасности, а не ее антагонистом; 4) постоянно адаптировать правовые рамки к стремительно меняющемуся технологическому ландшафту.

Приватность в XXI веке — это не архаичный пережиток, а необходимое условие для сохранения человеческой индивидуальности, свободы и достоинства перед лицом всепроникающих алгоритмов и тотальной информационной прозрачности. Ее защита — это сложный вызов, требующий не только адекватного законодательства, но и глубокого философского осмысления, традиции которого в России были заложены еще мыслителями начала XX века.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок). Ст. 23, 24.
2. Себякина Е.П. Теория права информационной приватности: классификация правоотношений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 127–144.
3. Защищают ли законы нашу приватность? // DRC.LAW. - URL: <https://drc.law/blog/zashchishchayut-li-zakony-nashu-privatnost/> (дата обращения: 10.12.2024).

- 4.Русский практический либерализм: П. Новгородцев. Законопроект о неприкосновенности личности (1906) // Ostkraft.ru. 25.08.2023. - URL: <https://ostkraft.ru/ru/articles/2091> (дата обращения: 10.12.2024).
- 5.Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1917. — 432 с.
- 6.Яценко В.В. Введение в криптографию / под общ. ред. В.В. Яценко. — 3-е изд. — М.: МЦНМО, 2012. — 348 с.
- 7.Шустрова Ю. История криптосистемы RSA // Квант. — 2024. — № 2. — С. 15–20.
- 8.Фундаментальная проблема TLS/SSL или как потерять доверие к доверенным центрам // Хабр. — 2024. — URL: <https://habr.com/ru/articles/891330/> (дата обращения: 10.12.2024)

Магомедова Патимат Магомедовна

2 ТД-25

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Patimat Magomedova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Аннотация: В статье рассматривается теория культурно-исторических цивилизаций Н. Я. Данилевского. Рассматриваются критерии, по которым Данилевский определял принадлежность к тому или иному типу, а также его прогнозы относительно будущего развития славянской цивилизации, также затрагивает вопросы взаимодействия и взаимовлияния различных цивилизаций, а также возможности их мирного сосуществования. Подчеркивается значение теории Данилевского для понимания многообразия культур и цивилизационных моделей в истории человечества.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, цивилизация, славянофильство, материя, дух, движение, методология.

THE THEORY OF LOCAL CIVILIZATIONS BY N. Y. DANILEVSKY

Summary: The article examines the theory of cultural and historical civilizations by N. Y. Danilevsky. The criteria by which Danilevsky determined belonging to a particular type are considered, as well as his predictions about the future development of Slavic civilization. The article also touches upon the issues of interaction and mutual influence of various civilizations, as well as the possibility of their peaceful coexistence. The importance of Danilevsky's theory for understanding the diversity of cultures and civilizational models in the history of mankind is emphasized.

Keywords: N. Ya. Danilevsky, civilization, Slavophilism, matter, spirit, movement, methodology.

В середине XIX века в России существовали три основных идеологических лагеря, которые по-разному реагировали на развитие капиталистических отношений и их влияние на общество. Первый — революционно-демократический — критиковал феодальные порядки и видел в капитализме источник прогресса и будущего развития. Второй — либеральный — ориентировался на принципы гражданского общества, ограничивал свои оценки докапиталистическими формациями и подчеркивал достоинства либерального порядка. Третий — официально-охранительный — выступал против западничества, защищая самодержавный строй и его устои.

Однако эта схема упрощает реальное многообразие идеологических течений того времени. В частности, в России существовало промежуточное,

переходное положение, например, славянофильство. Оно не полностью совпадало с официально-охранительной позицией и содержало элементы и либеральных идей, и консерватизма. Славянофильство, по сути, представляло собой консервативно-романтическое учение, и в этом смысле оно сближалось с официальной линией.

Аналогично, и другие идеи, такие как учение Н.Я. Данилевского, занимали промежуточное место в спектре идеологических ориентаций.

Николай Яковлевич Данилевский, известный российский философ и историк, предложил свою теорию, которая рассматривает развитие цивилизаций как особых культурных и исторических типов. Он утверждал, что в мире существуют три базовые «мировые сущности» [1, с. 125]: материя, дух и движение. Эти сущности универсальны и пронизывают все уровни бытия: природный, социальный и духовный.

Важной идеей Данилевского было то, что все конкретные составляющие мира имеют сходную структуру и состоят из двух начал: формы (идеального, божественного начала) и материи (неорганической или органической). Идеальное начало он воспринимал как божественное. Данилевский считал, что эти три начала — материя, дух и движение — существуют независимо и соответствуют определённым уровням бытия. В его концепции идея всеобщего эволюционного закона, применяемого к биологическим видам, не могла служить ключом к пониманию происхождения видов, поскольку виды в природе — самостоятельные и обособленные сущности. В свою очередь, в модели исторического развития он рассматривал культуры как особые цивилизации, каждая из которых развивается по своему собственному сценарию, не сводясь к универсальному эволюционному закону.

Данилевский также исходил из идеи, что в общемировом мировоззрении важнейшей ролью обладает православно-христианская традиция, которая формирует основу для понимания мира и истории. В рамках анализа предпосылок теории культурно-исторических типов он подчеркивает, что в основе истории лежит божественный промысел — концепция о том, что исторический процесс управляется высшей волей Бога, а события в истории — это проявление его воли и духовных сил. Особое место занимает восходящее учение Августина о борьбе между земным и небесным, которое служит ключевым смыслом и содержанием исторического развития. В этом контексте, дополнительно, православное представление о католичестве воспринимается как духовное явление, связанное с концепцией царства земного, что подчеркивает их роль в формировании культурных и социально-исторических типов. Данилевский при этом проявлял свою «научоцентрическую» [2, с. 150] установку, стремясь построить философско-историческую систему на научной основе. Это проявление его общего принципа опоры философии на научное мышление, что сближает его взгляды с позитивизмом. Он искал новые, научнообоснованные источники для понимания истории, что означало его скепсис по отношению к классической метафизике и ориентацию на естественнонаучные модели и структурные аналогии. Такое направление

мышления требовало освобождения от традиционных философских догм и устаревших представлений, что и стало важным стимулом для формирования его концепции.

Влияние славянофильских идей, особенно учения А. С. Хомякова и М. А. Бакунина, сыграло важную роль в формировании его понимания славянского культурно-исторического типа. Важно отметить, что Данилевский не являлся ортодоксальным последователем славянофильства, однако идеи славянского единства и культурного самосознания оказали существенное влияние на его концепцию. Для понимания места идеи славянского единства в его учении необходимо провести отдельное исследование эволюции этой идеи как в отечественной, так и в зарубежной славянской мысли. В рамках этой работы ограничимся констатацией необходимости дальнейшего изучения.

Особое значение в системе Данилевского имеет методологическая база — типология и принцип отождествления органического социального образования. Он придерживался натуралистической методологии, которая была широко распространена в европейском научном сообществе XVIII-XIX веков. Натурализм, понимаемый как перенос методов природных наук на изучение общества, стал важным инструментом в его философской системе. Однако, в XIX веке, при развитии социальных наук, ориентация на натуралистические подходы стала вызывать критику, так как социально-историческая реальность требовала более сложных и дифференцированных методов исследования. Тем не менее, Данилевский продолжал считать натуралистическую методологию универсальной и применимой к изучению культурных и цивилизационных типов. В целом, теория локальных цивилизаций Данилевского опирается на идею о том, что каждая цивилизация — это органическая, духовная и социальная единица, формирующаяся под влиянием религиозных и культурных традиций. Его концепция подчеркивает важность духовных предпосылок, религиозных идей и исторических судебных сценариев, которые делают каждую цивилизацию уникальной.

Он использовал эту концепцию для анализа состояния исторической науки и предложил программу её преобразования. Для выявления общих закономерностей развития всех наук Данилевский обратился к астрономии, считая её предмет и ход развития достаточно простыми и в то же время достигшими высокой степени совершенства. Он выделил четыре ключевых этапа в развитии астрономии, связанных с именами Гиппарха, Коперника, Кеплера и Ньютона.

До Гиппарха астрономия занималась преимущественно сбором фактов и материалов, а известные "законы" [3, с. 200] были скорее эмпирическими формулами. Этот период Данилевский характеризует как этап накопления материалов. Гиппарх, по мнению Данилевского, создал первую искусственную систему систематизации этих фактов. Коперник совершил переход от искусственной системы к естественной, установив "факты науки в их настоящее соотношение" [3, с. 210]. Кеплер, в свою очередь, открыл частные эмпирические законы, связывающие ряд явлений, но не объясняющие их.

Наконец, Ньютон открыл общий рациональный закон – закон всемирного тяготения, который объяснил частные законы Кеплера. Данилевский считал, что достижение наукой периода общего рационального закона означает завершение её развития.

Таким образом, Данилевский видел в развитии науки последовательную смену этапов: от простого накопления эмпирических данных к созданию искусственных систем, затем к построению естественных систем, основанных на выявлении истинных соотношений между явлениями, и, наконец, к открытию общих рациональных законов, объясняющих частные эмпирические закономерности. При этом, важно отметить, что Данилевский не считал, что каждый этап полностью отрицает предыдущий. Напротив, каждый новый этап опирается на достижения предыдущих, интегрируя их в более широкую и глубокую систему понимания.

Применительно к исторической науке, Данилевский полагал, что она находится на стадии, предшествующей открытию общего рационального закона. Он критиковал существующие исторические концепции за их фрагментарность, европоцентризм и отсутствие единого объяснительного принципа. По его мнению, историческая наука должна была перейти от простого описания событий и фактов к выявлению общих закономерностей развития локальных цивилизаций, каждая из которых проходит свой собственный, уникальный путь, но подчиняется общим принципам органического роста и упадка. Именно в этом Данилевский видел задачу преобразования исторической науки – в создании целостной и объективной картины исторического процесса, основанной на понимании сущности и закономерностей развития локальных цивилизаций. Он стремился к тому, чтобы историческая наука, подобно астрономии после Ньютона, достигла периода общего рационального закона, объясняющего многообразие исторических явлений из единого, понятного и всеобъемлющего принципа.

Так как научное знание требует четкой и логически обоснованной классификации, которая позволяет систематизировать информацию и облегчить ее восприятие Н.Я. Данилевский, опираясь на требования «здравой логики» [1, с. 155], выдвигает три ключевых критерия, которым должна соответствовать система классификации, чтобы быть признанной адекватной и эффективной.

Первый критерий заключается в том, что принцип деления, положенный в основу классификации, должен охватывать всю сферу делимого. Это означает, что классификация должна быть всеобъемлющей и учитывать все существенные признаки объектов, которые она классифицирует. Например, если мы классифицируем исторические события, то необходимо учитывать все важные аспекты, такие как временные рамки, географическое положение и культурные особенности. Данилевский указывает на то, что существующая система деления исторических периодов на древнюю, среднюю и новейшую историю не всегда соответствует этому критерию. Он подчеркивает, что дата падения Западной Римской империи не может служить универсальным

основанием для разделения истории, так как она не охватывает события в других регионах, таких как Китай или Индия.

Второй критерий требует, чтобы явления внутри одной группы имели больше сходства между собой, чем с явлениями другой группы. Это означает, что классификация должна быть логически обоснованной и отражать реальные связи между объектами. Например, история Греции и Рима может иметь больше общего с историей новейшей Европы, чем с историей Индии или Китая. Данилевский отмечает, что существующая система классификации не всегда соблюдает это требование, так как она объединяет в одну группу события, которые могут не иметь значительных аналогий и связей. Это приводит к путанице и затрудняет понимание исторических процессов.

Третий критерий касается однородности групп. Степень сходства, соединяющая членов группы, должна быть одинаковой в одноименных группах. Это означает, что все элементы группы должны быть сопоставимы по своим характеристикам и признакам. Данилевский указывает на то, что в группе древней истории оказались объединены страны с различными стадиями исторического развития, что нарушает принцип однородности. Таким образом, Данилевский подчеркивает необходимость пересмотра существующих классификаций для более точного отражения исторических процессов.

Подводя итоги можно сказать, что теория локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского – это не просто исторический артефакт, а живая и актуальная концепция, которая позволяет обществу лучше понять сложность и многообразие современного мира, а также выработать более взвешенный и ответственный подход к вопросам межкультурного взаимодействия и глобального развития. Эта теория призывает к диалогу цивилизаций, основанному на взаимном уважении и признании ценности каждой культуры, и предостерегает от попыток навязывания универсальных моделей развития, игнорирующих уникальные особенности и потребности различных народов.

Список литературы:

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. - Москва: Книга, 1991. - 576 с.
2. Бажов, С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского / С. И. Бажов. – Москва: Институт философии РАН, 1997. - 279 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. - 574 с. (Историко-литературный архив).

Макарычева Аглая Сергеевна

1 СД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Aglaya Makarycheva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТЫД КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ: РОЛЬ ДРУГОГО В КОНСТИТУИРОВАНИИ САМОСТИ У Ж.-П. САРТРА

Аннотация: В статье анализируется феномен стыда как фундаментальная онтологическая структура в философии Ж.-П. Сартра. Показано, что стыд выступает первичным опытом, через который человеческому сознанию открывается присутствие Другого и собственная объективация под его взглядом. В отличие от психологической эмоции, стыд у Сартра конституирует бытие-для-другого, превращая субъекта в уязвимое тело и «пространственно-временной объект». С применением метода мифореконструкции выявлены имплицитные библейские аллюзии в сартровском анализе, отсылающие к мотиву грехопадения и утраты невинности. Обнаруженная двойственность позволяет рассматривать стыд как связующее звено между рационалистическим дискурсом и мифологическими основаниями культуры. Делается вывод, что через стыд самость конституируется в неразрывной связи с инаковостью Другого.

Ключевые слова: стыд, Другой, Сартр, онтология, взгляд, телесность.

SHAME AS AN ONTOLOGICAL EXPERIENCE: THE ROLE OF THE OTHER IN THE CONSTITUTION OF THE SELF IN J.-P. SARTRE

Summary: The article analyzes the phenomenon of shame as a fundamental ontological structure in the philosophy of J.-P. Sartre. It is shown that shame acts as the primary experience through which human consciousness discovers the presence of the Other and its own objectification under the Other's gaze. Unlike a psychological emotion, shame in Sartre's philosophy constitutes being-for-others, transforming the subject into a vulnerable body and a "spatio-temporal object." Using the method of mytho-reconstruction, implicit biblical allusions in Sartre's analysis are revealed, referring to the motif of the Fall and the loss of innocence. This discovered duality allows shame to be viewed as a link between rationalist discourse and the mythological foundations of culture. It is concluded that through shame, the self is constituted in an inextricable connection with the alterity of the Other.

Keywords: shame, the Other, Sartre, ontology, gaze, corporeality.

Проблема Другого является одной из ключевых демаркационных линий, отделяющих философию XX века от классической традиции. Если для последней характерен «лого- и эгоцентризм», ориентированный на автономный

разум и вертикаль отношений с Абсолютом, то для современной мысли центральным становится горизонт межчеловеческого взаимодействия, горизонтальная плоскость повседневности, где «Я» сталкивается с инаковостью Другого [3, с. 40–41]. Наиболее радикальное и глубокое переосмысление эта тема получает в фундаментальном труде Жан-Поля Сартра «Бытие и ничто» (1943). Французский философ отказывается от абстрактно-теоретического рассмотрения Другого, помещая анализ в конкретную ситуацию взгляда и переживания. Именно здесь, в сфере дорефлексивного опыта, Другой обнаруживает себя не как познаваемый объект, а как угроза моей субъективности, как «опустошающая дыра» в центре моего мира [4, с. 279]. Ключевым феноменом, в котором, по Сартру, с наибольшей очевидностью раскрывается присутствие Другого и его конституирующее воздействие на «меня», является стыд. Как справедливо отмечает в своей статье мой научный руководитель, именно такие переживания, как стыд, страх или беспокойство, служат неопровержимым доказательством бытия Другого, выводя проблему за пределы чисто гносеологической постановки вопроса. Однако стыд у Сартра — это не просто психологическая эмоция или социальный аффект. Это фундаментальная структура человеческой реальности, момент онтологического переворота, в котором «Я» впервые постигает себя не как абсолютный центр мира (бытие-для-себя), а как уязвимое тело, как объект среди объектов, существующий для чуждого сознания (бытие-для-другого).

Цель данной статьи — проанализировать феномен стыда как основополагающий опыт, через который, согласно философии Сартра, происходит конституирование самости под взглядом Другого. Опираясь на текст «Бытия и ничто», а также на исследовательскую перспективу, заданную в статье моего научного руководителя, мы рассмотрим, каким образом взгляд превращает субъекта в «пространственно-временной объект», раскрывает в нем «иностранца» для него самого и закладывает основания для абсурдных и конфликтных отношений между сознаниями. Особое внимание будет уделено онтологическому статусу стыда, который, по мысли Сартра, не просто сопровождает наше бытие, но является одним из способов, каким это бытие нам открывается. В философской системе Ж.-П. Сартра стыд занимает особое место, выступая не просто эмоциональной реакцией, но фундаментальной онтологической структурой, через которую человеческому сознанию открывается существование Другого и, опосредованно, собственного бытия в новом измерении. Как справедливо отмечает Ю. В. Ватолина, анализируя концепцию Другого у Сартра, именно переживаемые состояния — беспокойство, стыд, страх, гордость — служат неопровержимым доказательством присутствия в моем мире кого-то внешнего по отношению ко мне [1, с. 25–36]. В контексте настоящего исследования особый интерес представляет именно стыд, поскольку в его структуре наиболее рельефно проступает конституирующее воздействие Другого на самость. Сартр начинает свой анализ с принципиального различения стыда и рефлексии. Философ предлагает вообразить ситуацию, в которой субъект совершает неловкий или

вульгарный жест. Пока он пребывает в одиночестве, жест просто «живется», реализуется в модусе для-себя-бытия без какой-либо оценки. Ситуация радикально меняется в момент обнаружения взгляда Другого: «Я тут же осознаю всю вульгарность своего жеста, и мне стыдно» [2, с. 282]. Следовательно, стыд возникает не как следствие авторефлексии, а как непосредственное, дорефлексивное содрогание перед лицом Другого. «Стыд в своей первичной структуре есть стыд перед кем-то», — утверждает философ [2, с. 282]. Сартр специально оговаривает случай возможного заблуждения: «Но возможно, что я заблуждаюсь; может быть, объекты мира, которые я принял за глаза, не являлись глазами, может быть, только ветер колеблет кусты позади меня; одним словом, эти конкретные объекты не обнаруживают действительно взгляд. Чем становится в этом случае моя уверенность, что меня рассматривают сейчас? Мой стыд был бы, в самом деле, стыдом перед кем-то; но здесь никого нет. Не станет ли он от этого стыдом перед никем, так как он полагал кого-то здесь, где не было никого, не станет ли он ложным стыдом?» [2, с. 283]. Данное рассуждение может создать впечатление, что стыд зависит от фактического присутствия наблюдателя. Однако Сартр подчеркивает: стыд был пережит, и сам факт его переживания онтологически значим независимо от того, существовал ли Другой в действительности или был лишь плодом воображения. Стыд в любом случае есть стыд перед кем-то — даже если этот «кто-то» оказался мнимым. Следовательно, стыд есть структура сознания, которая конститутивно предполагает Другого. Как отмечает А. С. Костомаров в своем анализе сартровской концепции, «стыд оказывается, по природе, признанием. Я признаю, что Я являюсь таким, каким другой меня видит» [3, с. 16]. Именно это признание — принятие себя как объекта для другого сознания — составляет суть стыда. Костомаров также подчеркивает: «Другой открывает мне не только, чем Я был, он конституирует меня по новому типу, он освещает мне наброски моего бытия. Этот новый вид бытия дает мне новые качества, но само по себе это новое бытие не находилось во мне в потенции перед появлением другого, оно конституируется при встрече с другим» [3, с. 16]. Данное наблюдение принципиально для понимания онтологической роли Другого. Бытие-для-другого не есть простое отражение или дубликат бытия-для-себя. Это радикально иной способ существования, который актуализируется только в момент встречи с чужим взглядом. Стыд, таким образом, выступает тем феноменом, в котором это новое бытие впервые дается самому субъекту. Принципиально важно, что за это новое бытие, открываемое через стыд, субъект несет ответственность. Сартр иронично замечает, что на этом основана воспитательная система, состоящая в том, чтобы «заставить детей стыдиться» того, что они есть [2, с. 283]. Ответственность здесь парадоксальна: я отвечаю за бытие, которое не выбирал и которое открывается мне только через отчужденный взгляд Другого. Таким образом, стыд выполняет двойную функцию. С одной стороны, он сигнализирует о присутствии Другого и моей объективации в его поле зрения. С другой стороны, он становится условием возможности более полного самопознания. Как заключает Костомаров, «через

стыд человек по Сартру осознает, что ему нужен другой, чтобы целостно постичь структуры своего бытия» [3, с. 16]. Для-себя-бытие, взятое изолированно, не дает полноты онтологической картины; оно с необходимостью отсылает к бытию-для-другого. В этом смысле стыд оказывается не просто негативным переживанием, но конститутивным элементом человеческой реальности.

Проведенный анализ позволяет заключить, что феномен стыда занимает ключевое место в сартровской концепции Другого, выступая тем первичным опытом, в котором человеческому сознанию открывается его собственное бытие-для-другого. Стыд, по Сартру, есть не психологическая эмоция и не социально сконструированное чувство, но фундаментальная онтологическая структура, удостоверяющая присутствие Другого в моем мире и мою объективацию под его взглядом. Как справедливо отмечает Ю. В. Ватолина, именно переживаемые состояния — стыд, страх, беспокойство — служат неопровержимым доказательством бытия Другого, выводя проблему за пределы чисто гносеологической постановки вопроса [1, с. 25–36]. В стыде «Я» впервые постигает себя не как абсолютный центр мира, но как уязвимое тело, как объект среди объектов, существующий для чуждого сознания. Однако анализ сартровской теории стыда обнаруживает в ней глубину, выходящую за рамки строго рационалистического дискурса. Как показано в диссертационном исследовании И. В. Кузина «Телесность как социокультурный концепт», применение метода мифореконструкции позволяет выявить в экзистенциальной аналитике Сартра скрытые мифологические структуры, которые автор оставляет «на задворках своего мышления, на уровне не проговариваемых гипотез» [2, с. 56]. Обнаружение такой двойственности дает основание предполагать, что «в недрах любой строго рационалистичной концепции всегда можно обнаружить некие точки западения, лакуны и недоговоренности, образующие параллельные линии повествования в дополнение к основной логически обосновываемой генеральной линии» [2, с. 55].

В контексте сартровского анализа стыда такая параллельная линия проступает в библейских аллюзиях, которые, не будучи эксплицитно выражены, тем не менее структурируют само понимание ситуации «падения» под взглядом Другого. Сама логика сартровского описания — стыд как признание своей фактичности, как открытие собственной уязвимости и «греховности» перед лицом Другого — воспроизводит библейский нарратив о грехопадении. Подобно тому, как Адам и Ева, вкусив от древа познания, «узнали, что наги», и устыдились, скрывшись от взгляда Бога, так и сартровский субъект впервые осознает себя через стыд, открывая свою наготу и незавершенность перед Другим. Другой, таким образом, выступает не просто свидетелем, но тем, кто учреждает само измерение греха и падшести. Более того, сартровское понимание стыда неразрывно связано с телесностью. Стыд открывает мне, что «я имею тело, которое может быть ранено, что я занимаю место и ни в коем случае не могу избежать пространства, в котором я беззащитен» [3, с. 282]. Это переживание телесной уязвимости также отсылает к библейскому мотиву:

грехопадение вводит человека в измерение страдания, боли и смерти, делает его тело объектом среди объектов. Как отмечает Кузин, «в мистико-мифологическом опыте» становится возможным то, что кажется необъяснимым с позиции строгого рационализма — например, чувство стыда перед вещами или перед неодушевленным миром [2, с. 55]. У Сартра эта возможность реализуется в знаменитом примере с подглядывающим в замочную скважину: стыд возникает не от факта присутствия Другого, но от самого переживания взгляда, даже если этот взгляд оказывается мнимым, иллюзорным. Здесь Другой как эмпирический наблюдатель может отсутствовать, но структура стыда сохраняется, что указывает на ее мифологические, а не эмпирические основания. Таким образом, стыд у Сартра выполняет двойную функцию. С одной стороны, будучи включенным в картезианскую традицию *cogito*, он служит доказательством существования Другого и моей объективации. С другой стороны, в своем глубинном измерении стыд отсылает к дорефлексивному, мифологическому опыту «падения», который не может быть полностью рационализирован. Как заключает Кузин, «никакой рационалистический проект не в состоянии в полной мере оставаться в своих рамках, так как подспудно он включает в себя как бы некий "символ веры" (мифологему), присущий автору» [2, с. 55]. В случае Сартра такой мифологемой оказывается библейское понимание стыда как следствия грехопадения и утраты невинности.

Обнаружение этого мифологического подтекста не умаляет философского значения сартровского анализа, но, напротив, раскрывает его глубину и многослойность. Стыд, понятый как онтологическая структура, связывает воедино три измерения человеческого существования: отношение к Другому, переживание собственной телесности и причастность к мифологическим основаниям культуры. В этом смысле сартровская теория стыда оказывается не просто фрагментом феноменологической онтологии, но важным вкладом в понимание того, как через телесный опыт и встречу с чужим взглядом конституируется человеческая самость в ее неразрывной связи с инаковостью Другого.

Список литературы:

1. Ватолина, Ю. В. Чужой в философии Жана-Поля Сартра // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2009. — №3. — С. 25–36.
2. Кузин, И. В. Телесность как социокультурный концепт: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. — СПб., 2016. — 424 с.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
4. Костомаров, А. С. Существование другого в «Бытие и ничто» Ж. П. Сартра // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 2, № 3. — С. 15–18.

Макеев Виктор Михайлович

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Victor Makeev

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СОВРЕМЕННЫЕ СЕРИАЛЫ КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЗНАНИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация: В данной статье рассматриваются художественные и исторические смыслы, значение сериалов «Романовы» и «Рюриковичи история первой династии» в учебном процессе по курсу история России. Исследуется их роль в изучении вузовского курса истории России, оцениваются влияния архивных и современных исследований в популяризации исторических знаний через кино - и телевидение.

Ключевые слова: Сериал, Романовы, Рюриковичи, кинематограф, история России, процесс обучения.

MODERN TV SERIES AS AN IMPORTANT SOURCE OF KNOWLEDGE ON RUSSIAN HISTORY FOR STUDENTS

Summary: this article examines the artistic and historical meanings, the significance of the TV series "Romanovs" and "Rurikids: The History of the First Dynasty" in the educational process of the course "History of Russia". It explores their role in studying the university course on Russian history, and evaluates the influence of archival and modern research in popularizing historical knowledge through cinema and television.

Keywords: TV series, Romanovs, Rurikids, cinema, Russian history, learning process.

Век цифровизации и компьютеризации затронул и учебный процесс преподавания гуманитарных дисциплин, расширив возможности демонстрации визуального ряда за счет экранной культуры, что отмечается в работах специалистов [1].

Вышедший на экраны в 2013 году, документально-художественный, телевизионный сериал «Романовы» (2013 г., реж. Максим Беспалый) студии Star Media совместно с Первым каналом стал хитом, принесся создателям хорошую кассу и высокие рейтинги. Сериал был приурочен к 400-летию избрания на царство Михаила I Федоровича и воцарению на Руси дома Романовых. сериал хорошо просматривать студентам, опираясь на данные лекционного курса [2], курсы лекций В.О. Ключевского [3] и последние рекомендуемые Минобром учебники по истории России [4]. Сюжет сериала

посвящен истории русской императорской династии Романовых, начиная с момента избрания первого представителя дома Романовых — царя Михаила Федоровича в 1613 году и заканчивая трагическими событиями Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Структура и содержание сериала соответствуют исторической хронологии по курсу истории России, что облегчает задачу использования его в учебном процессе. Сериал состоит из 8 серий, каждая из которых имеет продолжительность около 50 минут. Серия включает как исторический экскурс событий, так и драматическое представление важнейших эпизодов правления двух представителей династии. К примеру, первая серия рассказывает о Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, вторая посвящается Петру I и Екатерине I и так далее вплоть до последнего императора Николая II.

Режиссёром сериала Максимом Беспалым была проделана колоссальная работа, под его чутким руководством каждая серия была построена таким образом, что зрители получают полную картину исторических событий благодаря нескольким составляющим, таким как - Архивные кадры: Уникальные фотографии, письма, дневники, свидетельства современников эпохи позволяют зрителю погрузиться в атмосферу той эпохи. Постановочные сцены: Высококачественно снятые Иваном Бархвартом реконструкции ключевых моментов правлений каждого монарха делают события живыми и понятными даже людям, далеким от изучения истории. Также в сериале использовались комментарии историка Алексея Светозарова и архивные документы для придания достоверности проекту, кроме того, в цикле документальных фильмов, посвящённом династии Романовых, выступали историки, учёные, священнослужители и общественные деятели, в том числе автор цикла Елена Чавчавадзе. Специалисты-историки комментируют ключевые моменты и раскрывают интересные факты, неизвестные широкой аудитории.

Кроме того, ценны воспоминания потомков Дома Романовых: Прямые потомки Романовых рассказывают личные семейные истории, добавляют эмоциональную глубину происходящему.

Сериал может поведать много интересного.

История просматривается через судьбы реальных людей: Один из главных плюсов сериала заключается в том, что исторические события рассматриваются не только как сухие хроники дат и сражений, но и через призму судеб конкретных людей, их мысли, эмоции и переживания в тот самый период Русской истории в котором происходят события серии. Также благодаря глубокому, сильному и интересному повествованию каждый зритель может ощутить себя в конкретной эпохе, почувствовать себя барином времен царствования Михаила Федоровича или крестьянином времен правления Екатерины I, ну или даже Императором Российской империи. Таким образом зритель видит развитие персонажей: героев государства, членов семей, простых людей, оказавшихся вовлеченными в глобальные процессы.

Проделана пеконструкция важных моментов: постановочные сцены воссоздают значимые эпизоды из жизни отдельных монархов и всей империи, делая сюжеты доступными и увлекательными. Такие моменты особенно полезны для тех, кому тяжело воспринимать исключительно теоретический материал учебника.

Также интервью с ведущими специалистами по истории России помогают осмыслить произошедшие события и сформировать объективное понимание процесса упадка Российской Империи и предпосылок революции.

Впечатляет разнообразие форматов подачи материала: сочетание исторической документации, живописных реконструкций и авторских комментариев создает многослойное восприятие, помогающее легче усвоить материал и увлечь зрителей.

Этот сериал является отличным дополнением к традиционному обучению истории России по следующим причинам:

Интерактивность: Студенты могут самостоятельно изучать исторические периоды, формируя личное мнение и понимая важность контекста событий.

Наглядность: Благодаря качественным визуальным эффектам и актерским перевоплощениям учащиеся получают полное впечатление о событиях прошлого, воспринимая учебный материал визуально.

Расширение кругозора: Интересные детали и интерпретации вызывают желание глубже разобраться в изучаемых эпохах, мотивируя учащихся искать дополнительную литературу и исследования.

Развитие критического мышления: Историки предлагают разные точки зрения на одни и те же события, стимулируя самостоятельное формирование мнения студента относительно оценок разных периодов истории.

Таким образом, просмотр сериала «Романовы» (2013 г., реж. Максим Беспалый) может стать полезным инструментом в учебном процессе, позволяя студентам расширить знания по истории России, сделать процесс изучения интересным и захватывающим. В дополнение к аудиторным лекциям студенты смогут увидеть живых людей, действующих лиц истории, услышать голоса исследователей, посмотреть реконструированные события и ощутить эпоху словно бы изнутри. Это может сделать изучение предмета гораздо интереснее и продуктивнее.

Другой полезный для постижения курса истории России сериал - «Рюриковичи. История первой династии» (2019 г., реж. Максим Беспалый) - это документально-художественный сериал «Рюриковичи» вышел в эфир в 2019 году и также создавался студией Star Media. Проект стал продолжением успешной концепции сериала «Романовы», но теперь рассказывая историю древнейшей русской княжеско-династической семьи — Рюриковичей.

По своим структуре и содержанию сериал охватывает почти тысячелетнюю историю Древней Руси и Московского государства, начавшуюся с легендарного призвания варяжского князя Рюрика в IX веке и завершившуюся гибелью последнего законного наследника Ивана IV Васильевича (Ивана

Грозного). Основная цель проекта -- показать преемственность власти, культурные достижения и важные этапы становления российского государства.

Каждая серия, мастерски созданная всё теми же режиссером Максимом Беспалым и главным оператором Иваном Бархвартом, дополнена профессиональными постановочными сценами, точно воссоздающими важные исторические события и персонажей той эпохи.

Комментарии учёных успешно входят в композицию ленты сериала: известные специалисты-историки такие как Дмитрий Володихин — доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, подробно поясняют наиболее сложные аспекты истории. Актуален и эксклюзивный контент: редкие архивы, письменные памятники и материальные артефакты дополняют повествование.

Главные преимущества сериала заключены в ряде факторов, таких как:

Детальное исследование родословной: показываются связи поколений русских князей и влияние семейной линии на развитие государства.

Яркая реконструкция исторических реалий: зритель получает наглядное представление о быте, культуре и политической ситуации прошлых веков.

Доступность восприятия: грамотно выстроенная структура позволяет легко усваивать обширный объём информации.

Особенностью осуществления проекта стало то, что:

- Съёмки проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове Великом, Ярославле, Суздале и других городах России.
- Для проекта искали малоизвестных актёров, обладающих действительным внешним сходством с правителями.
- Многие актёры снимались без пластического грима, чтобы известные лица не отвлекали зрителей от исторических фактов.
- Постановкой танцев занимались участники клуба исторических реконструкций, они же и сыграли гостей бала.
- Сериал создан при поддержке Российского военно-исторического общества.

Образовательная ценность сериала безусловна.

Сериал «Рюриковичи» предоставляют уникальную возможность для глубокого понимания истоков русского государства и формирования современной России. Как и предыдущий проект, этот сериал может активно использоваться в образовательных целях.

Помогает развивать чувство патриотизма, способствует формированию целостного представления о национальном прошлом, вдохновляет молодёжь на изучение истории своей Родины.

Оба сериала, «Романовы» и «Рюриковичи», представляют собой ценные проекты, позволяющие зрителям познакомиться с важнейшими этапами развития Российского государства и углубить своё знание отечественной истории. Они одинаково успешно могут выполнять образовательные цели, предлагая уникальный опыт взгляда на историю России под разными углами и с разных точек зрения.

Список литературы:

- 1.Дружинкина Н.Г. Роль киноискусства в обучении гуманитарным дисциплинам: отражение в современном мировом кинематографе преамбулы творчества художников. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3. - №2, СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД»,2025. - С. 61-73.
- 2.История (история России, всеобщая история). Внешнеполитические аспекты: учебное пособие / О. Б. Вахромеева и др.; под ред. А. С. Минина. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – 234 с.
- 3.История (история России, Всеобщая история): учебное пособие для студентов бакалавров всех форм обучения и направлений подготовки / В. Д. Кузнецов и др.; под ред. А. С. Минина. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – 324 с.
- 4.Ключевский В.О. Курс русской истории [Текст] / В. О. Ключевский. - Москва : Академический проект, 2015.
- 5.История России: учебник для вузов / Под ред . Ю. А. Петрова . – М.: Наука, 2024 . – 521 с.

Мамина Юлия Рушановна

1 ТД-17с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Yuliya Mamina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ЖАН-ПОЛЯ САРТРА

Аннотация: В философии Жан-Поля Сартра рассматриваются свобода и ответственность — две неразрывные стороны онтологического основания человеческого бытия. Свобода абсолютна и сохраняется даже в экстремальных условиях. Она выражается в возможности выбора отношения к обстоятельствам и из свободы неизбежно вытекает **ответственность**. Осознание свободы порождает **экзистенциальную тревогу**, связанную с грузом ответственности. Этика Сартра строится на идее, что совокупные выборы людей формируют нравственный облик человечества. Подлинное человеческое достоинство рождается в принятии свободы со всей её тревогой и ответственностью — в осознанном творчестве самого себя в мире без предзаданного смысла.

Ключевые слова: свобода выбора, сознание, ответственность, онтология, предшествующая сущность, человек, экзистенциализм.

FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN THE PHILOSOPHY OF JEAN-PAUL SARTRE

Summary: In Jean-Paul Sartre's philosophy, freedom and responsibility are examined as two inseparable aspects of the ontological foundation of human existence. Freedom is absolute and persists even under extreme conditions. It is expressed in the ability to choose one's attitude toward circumstances and responsibility inevitably follows from freedom, not only for one's own fate but for the image of humanity as a whole. The awareness of freedom gives rise to existential anxiety, which is tied to the burden of responsibility. Sartre's ethics is built upon the idea that the aggregate choices of individuals shape the moral character of humanity. True human dignity is born in the acceptance of freedom with all its anxiety and responsibility—in the conscious creation of oneself in a world without pre-established meaning.

Keywords: freedom of choice, consciousness, responsibility, ontology, precedence of existence over essence, human being, existentialism.

Жан-Поль Сартр — один из самых влиятельных и провокационных мыслителей XX века, он преподнес человечеству парадоксальную истину: абсолютную свободу, неразрывно связанную с абсолютной ответственностью.

Свободу анализировали и сравнивали относительно других философских понятий: свобода и ответственность, свобода и смерть, свобода и одиночество. Также это практически ко всему применяемый термин, например: свободный человек или свободное общество, внутренняя свобода, свободный полет птицы.

Концепции свободы и ответственности занимают центральное место в философии Жан-Поля Сартра, особенно в его работах «Бытие и ничто» (1943) и «Экзистенциализм — это гуманизм» (1945). Эти идеи тесно связаны с его пониманием человеческого существования и экзистенциалистской онтологии. Он отвергает некую предрешенность в любых его формах (божественный, биологический, социальный), Сартр провозглашает человека существом радикально свободным. Человек не может не быть свободным — даже отказ от выбора есть выбор. Таким образом, свобода является неотъемлемым и неизбежным условием человеческого бытия [1, с. 27].

Сартр утверждает, что существование предшествует сущности. Это означает, что человек сначала существует, а уже затем определяет себя через свои поступки. В отличие от вещей, которые создаются с определённой целью (например, нож — чтобы резать), человек не имеет заранее заданной природы или «сущности». Он не определяется своим прошлым, генами, социальными условиями или «судьбой».

Свобода у Сартра абсолютна и безусловна. Она не является привилегией, а составляет саму суть человеческого бытия. Свобода — это не атрибут или возможность, а способ бытия сознания. Человек не обладает свободой, он и есть свобода. Даже в самых тяжёлых условиях — в плену, под пыткой — человек сохраняет свободу выбора отношения к своему положению, свободу придания ему смысла и, в конечном счёте, свободу выбора своего ответа: сопротивления, смирения или самоубийства [2, с. 356].

Свобода не зависит от внешних обстоятельств. Она не связана с практической реализацией цели, как в обыденном понимании, а означает свободу выбора, предсказуемость человеческой деятельности. Субъективность сознания отдельного индивида становится бытием для других, попадая в область восприятия другого сознания, и это отношение представляет собой борьбу за признание свободы личности вторым субъектом [3, с.404].

Поскольку человек свободен, он несёт ответственность за каждый свой выбор и за самого себя. Ответственность не является внешним бременем, налагаемым миром, а неотъемлема от свободы, как тень от света. Быть свободным — значит быть ответственным за своё бытие в мире.

Ответственность распространяется не только на самого человека, но и на всё человечество. Понятие «личная ответственность» означает, что человек отвечает за свои действия и их последствия. Выбирая себя, человек выбирает не только свою индивидуальность, но и определённый образ человека, который он полагает желательным или истинным. Таким образом, его выбор неявно утверждает ценность этого образа для всех. Например, выбирая стать художником, а не революционером, или солдатом, а не дезертиром, человек не просто решает свою личную судьбу; он провозглашает, что такой способ бытия

в мире обладает высшей ценностью. Коллективная же ответственность предполагает формирование образа человека через свои же выборы, поскольку своим поведением он показывает, какой образ человека он считает должен быть. Таким образом, человек ответственен не только перед собой, но и перед всем человечеством.

Сартр подчёркивает, что, беря на себя ответственность, человек не может рассчитывать на предварительно установленные ценности, даже если они установлены им самим. Он никогда не бывает абсолютно уверен в правильности своих поступков, но тем не менее осуществляет выбор. «Дурная вера» как попытка избежать ответственности Сартр критиковал «дурную веру» — самообман, когда человек отказывается от свободы, оправдываясь обстоятельствами, традициями или «природой». «Дурная вера» — это попытка подменить понятие свободы, уйти от муки осознания того, что личность совершенно свободна и сама выбирает себя. Истинная свобода требует признания своей ответственности и отказа от самообмана.

Осознание свободы порождает экзистенциальную тревогу. Человек, понимая, что он сам творит себя через выбор, сталкивается с неизбежностью ответственности, что вызывает чувство тревоги. Сартр не предлагает утешения, он обнажает бездну, в которой рождается подлинно человеческое достоинство — достоинство того, кто, будучи «ничем», несёт ответственность за всё [4, с. 80-120].

Этика Сартра вытекает из концепции свободы и ответственности. Поскольку выбор каждого человека формирует всё человечество, каждый должен стремиться к добру и справедливости. Только тогда человечество в целом станет добрым и справедливым. Если же люди будут совершать злодеяния, это сформирует всё человечество как злое и несправедливое. Без свободы нет подлинной морали, поскольку моральный выбор возможен только там, где есть альтернатива. Ответственность же требует от человека постоянного самосовершенствования и честности перед собой.

При этом Сартр отвергает идею предзаданных моральных ценностей или предписаний. Нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода. Если бога нет, у нас нет никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки.

Философия Сартра оказывает влияние на многие области: психологию (экзистенциальная психотерапия), политику (активизм и борьба за свободу), искусство (экзистенциальная литература и театр). Как раз в пьесе «За закрытыми дверями» («Huis Clos») герои сталкиваются с невозможностью избежать ответственности за свою жизнь и выборы [5, с. 240].

Таким образом, свобода и ответственность в философии Сартра — две неразрывные стороны одного онтологического основания человеческого бытия в мире, лишённом предзаданного смысла или божественного провидения. Принять эту свободу со всей её сопутствующей тревогой и безграничной

ответственностью — значит жить «подлинно», в полном осознании своего удела творца самого себя.

Список литературы:

1. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000. — С. 27.
2. Коган, М. М., Лурье, Я. А., Философия XX века: Экзистенциализм / Учебник. — М.: Высшая школа, 1996. — С. 356.
3. Розанов, В. В. Экзистенциализм: история и теория / Учебное пособие — СПб.: Питер, 2010. — С. 404.
4. Сартр, Ж.-П. Критика диалектического разума. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2008. — С. 80-120.
5. Киссель, М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. — Л.: Лениздат, 1976. — С. 240.

Манзырева София Родионовна

1 СД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Manzyreva Sofiiia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОБРЯД ГОСТЕПРИИМСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: Данная статья посвящена изучению гостеприимства как древней социокультурной практики, переживающей существенные изменения в условиях современного мира. Проводится анализ сакрально-символической природы традиционного гостеприимства, где фигура гостя воспринимается как знамение «Иного». Особое внимание уделяется основным изменениям обряда под влиянием урбанизации, глобализации и развития сервисной индустрии. Тезис аргументируется тем, что эти процессы приводят к десакрализации, формализации и профанации ритуалов гостеприимства. Также в статье, наряду с угасанием архаичных форм, рассматривается противоречивое сохранение и обновление нравственных ценностей гостеприимства. Они проявляются в новых форматах, начиная с межличностных ритуалов и заканчивая профессиональной этикой. Это позволяет рассматривать гостеприимство как «якорь» идентичности в эпоху перемен.

Ключевые слова: гостеприимство, обряд, традиционное общество, архаическая культура, этос, современность, трансформация.

THE RITUAL OF HOSPITALITY AND ITS TRANSFORMATION IN THE MODERN WORLD

Summary: This article focuses on the study of hospitality as an ancient sociocultural practice that is undergoing significant changes in the modern world. It analyzes the sacred and symbolic nature of traditional hospitality, where the figure of the guest is perceived as a sign of the "Other." The article highlights the key transformations of the ritual under the influence of urbanization, globalization, and the development of the service industry. The argument is that these processes lead to the desacralization, formalization, and profanation of hospitality rituals. Along with the extinction of archaic forms, the article also examines the contradictory preservation and renewal of the moral values of hospitality. They manifest themselves in new formats, starting with interpersonal rituals and ending with professional ethics. This allows us to consider it as an "anchor" of identity in an era of change.

Keywords: hospitality, ritual, traditional society, archaic culture, ethos, modernity, transformation.

В традиционных обществах жизнь человека была установлена сложной системой обрядов, охватывающей все сферы жизни, но особое место занимал обряд гостеприимства. В архаичной культуре он представлял собой не просто бытовое правило приёма путника, а сложное сакрально-символическое действие. Его основная функция заключалась в «переработке» чуждого и потенциально опасного «Другого» в статус «гостя», тем самым включая его в упорядоченный мир дома. В ту эпоху гость воспринимался как знамение «Иного», посредник между мирами, что придавало ритуалу обряда глубокое экзистенциальное значение [3, с. 138].

Однако современная культура, сформированная ценностями индивидуализма, приватности и рыночной эффективности ставит под сомнение традиционное понимание гостеприимства. У исследователей возникают вопросы: сохраняется ли сакральная составляющая в условиях, когда дом превращается в неприкосновенную крепость приватного пространства? [6] Является ли «индустрия гостеприимства» деградацией древнего обряда или адаптированной формой? Можно ли говорить, о возрождении духа гостеприимства в цифровой среде, где блоги и социальные сети выступают в роли дома для виртуальных «гостей»? [6]

Цель данной статьи – проанализировать основные векторы трансформации обряда гостеприимства в современном обществе, выяснив, какие архаические черты были утрачены, а какие нашли новые формы существования.

Феномен гостеприимства в своей «онтологической чистоте» представляется в сакрально-мифических мирах. В таких контекстах гость воспринимался не просто как человек, а как воплощение высшего или знамение Иного – будь то божество, дух предка или существо из другого измерения [3, с. 138-139]. Эта связь с сакральным наделяла ритуал гостеприимства огромной важностью. Он требовал выверенных техник приёма, точности жестов и слов, что наглядно иллюстрируется в албанском «Кануне», где весь ритуал приёма гостей был детально регламентирован [3, с. 141]. Нарушение этих норм гостеприимства в архаических сообществах каралось на уровне святотатства, что подчёркивало его сакральный статус.

Мифологический и символический аспект гостеприимства позволял участникам выйти за пределы привычного мира. Это был обряд- праздник, разрывающий рутинное время повседневности. Как отмечает Ю. В. Ватолина, темпоральность гостеприимства в своей основе является временем событийности, в котором рождается чувство возвышенного. Встреча с «гостем» требует от Я «хозяина» огромного внутреннего усилия, способности подняться над самим собой. Эта внутренняя «власть-сила», укоренённая в культуре и символических ресурсах, преобразует потенциально деструктивное вторжение «чужого» в событие, которое возвышает и укрепляет идентичность хозяина [4, с. 150-151].

В условиях современного мира, характеризуемого как «расколдованный» (М. Вебер) и наполненный «симулякрами» (Ж. Бодрийяр), обряд

гостеприимства претерпевает глубокие изменения. Основные трансформации сводятся к трём тенденциям. Во-первых, это утрата символического и сакрального значения: гость перестаёт быть носителем иного, священного мира и превращается либо в «друга», либо в «посетителя». Гостеприимство воспринимается как услуга, а не добродетель. Как отмечает Ю. В. Ватолина в современном мире этот феномен «размывается разного рода экономическими практиками, блекнет и теряет определённую» [3, с. 140]. Во-вторых, просматривается формализация и институционализация, вместо помощи соседей и близких приходят профессиональные услуги. Организация праздников и иных мероприятий передаётся специализированным службам [5]. Это приводит к формализации обряда; он может выполнен технически, но при этом утратить всё внутреннее и сакральное наполнение. И в – третьих – это упрощение и сокращение. Динамичный ритм городской жизни вытесняет долгие застолья со сложными ритуалами на краткие визиты в кафе или ресторанах быстрого питания. Исследователи отмечают, что идёт сокращение обряда гостевания во времени, изменения участников и атрибутов [6]. Традиционные формы уступают место универсальным, внеэтническим новациям.

Однако неверно полагать, что гостеприимство уходит в прошлое. Напротив, оно переживает сложный период адаптации и возрождения, принимая новые формы и вновь обретая новые формы и возвращаясь в те сферы, где потребность в человеческом контакте и стабильности особенно велика. В трудные времена люди инстинктивно обращаются к старинным ритуалам. Например, в Осетии есть поговорка «гость – Божий гость» («Уазæг – Хуыцауы уазæг»), даже современные организаторы мероприятий стараются сохранить сакральную чистоту действия, советуясь со старейшинами [5]. Это демонстрирует, что формальное соблюдение традиции становится способом поддержания связи с родом и культурой, превращая гостеприимство своего рода «якорь» идентичности. Интересен тот факт, что даже индустрия гостеприимства играет роль в сохранении и передаче этикета. Профессиональные стандарты обслуживания, знание языка, уважение к гостю, требования к внешнему виду персонала – всё это можно считать «технологичной» версией древних обычаев. И наконец, в ответ на глобализацию и унификацию, на личном и семейном уровне происходит возрождение или создание собственных ритуалов гостеприимства, таких как семейные застолья, онлайн-общение с родными и близкими. Особые традиции празднования – всё это формирует «чувство дома», которое психологи называют «якорем» в мире перемен [1].

Как отмечает Ю. В. Ватолина, несмотря на ослабление символического значения в новоевропейском «мире», гостеприимство продолжает играть роль основной жизненной стратегии в определённых областях [7, с. 255]. Пока эта потребность сохраняется во встрече с Иным, к диалогу, выходящему за рамки утилитарного обмена, ритуал гостеприимства будет возрождаться и будет приспособливаться к языку и реалиям современности, но при этом сохранять

глубинную человеческую сущность – способность возвыситься над собой ради другого.

Таким образом, можно сделать вывод, что трансформация гостеприимства в современном мире носит неоднозначный характер. С одной стороны, мы наблюдаем процесс десакрализации, формализации и упрощение гостеприимства, где гость ранее выступал как знамение Иного [3]. Но, с другой стороны, главные принципы гостеприимства основаны на открытости, даре, уважении и личной ответственности, которые не исчезают полностью. Они видоизменяются и проявляются в новых сферах как элемент профессиональной этики, как метод адаптации к стрессовым условиям и способом сохранения семейной и этнической идентичности.

Список литературы:

1. Ватолина, Ю. В. Гостеприимство как антропологический феномен: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.13. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. — 283 с.
2. Ватолина, Ю. В. Гостеприимство как этос возвышенного // Этнические процессы в глобальном мире. Материалы международной науч. конференции / отв. ред. И.В. Земцова; С.-Петербургский ин-т управления и права. — СПб.: Изд-во «Астерион», 2014. — С. 149-154.
3. Ватолина, Ю. В. Гость и знамение Иного // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2012. — № 4. — Т. 2. Философия. — С. 138-145.
4. Горнова, Г. В. Философия города. — М.: Форум, 2014. — 344 с.
5. Заякин, С. В. Проблема гостеприимства во взглядах молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 2 (23). — С. 151-155.
6. Сипунова, Н. Н. Современное гостеприимство в контексте межкультурной коммуникации // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. — 2010. — Т. 190. — С. 466-471.
7. Чеснокова, Л. В. Трансформация социальной практики гостеприимства в европейской культуре / Л.В. Чеснокова // Общество: философия, история, культура. — 2024. — № 6. — С. 81–85. — URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.11> (дата обращения: 28.02.2026).

Марчук Максим Андреевич

курсант

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Гулевская Наталья Анатольевна

Maxim Marchuk

S.M. Kirov Military Medical Academy

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация: Целью работы является анализ организации патриотического воспитания военнослужащих. Автор приходит к выводу, что патриотическое воспитание – одно из приоритетных направлений в системе образования России. Армия, воспитанная в духе патриотизма, – это не только сила, но и моральный ориентир и гарантия независимости страны, оберегающая не только её земли, но и её культуру и прошлое.

Ключевые слова: патриотизм, Родина, Отечество, военнослужащий, армия, воинский долг.

PATRIOTIC EDUCATION OF MILITARY PERSONNEL

Summary: The purpose of the work is to analyze the organization of patriotic education of military personnel. The author comes to the conclusion that patriotic education is one of the priority areas in the education system of Russia. An army brought up in the spirit of patriotism is not only a force, but also a moral guideline and a guarantee of independence of the country, protecting not only its lands, but also its culture and past.

Keywords: patriotism, Motherland, Fatherland, soldier, army, military duty.

Что такое патриотизм для военнослужащего Российской армии? В Военном словаре патриотизм рассматривается как «преданность своему Отечеству, любовь к Родине, стремление служить ее интересам, защищать от врагов» [5]. Все эти понятия объединяет одно чувство – любовь. В современном мире патриотизм можно определить как одну из наиболее значимых и важных ценностей личности человека, которая присущая всем сферам общественной жизни и жизни государства в целом. Она является важнейшим духовным достоянием каждого человека, характеризует высший уровень его развития и проявляется в его самореализации на благо Отечества. Патриотизм воплощает любовь к своему Отечеству, которая принадлежит его истории, культуре, достижениям, победам и поражениям, которые составляют духовную и моральную основу личности, формирующую ее гражданскую позицию и необходимость достойного, самоотверженного, до конца жертвенного служения Родине. Патриотизм – это чувство беззаветной любви к своему Отечеству, к населению своей страны, к родной земле, гордость за принадлежность к великому народу, причастность к его свершениям, испытаниям и проблемам, почитание национальной культуры, традиций,

ценностей, готовность к достойному и самоотверженному служению обществу и государству, защите родной земли. Таким образом, патриотизм – это чувство, которое мотивирует военнослужащего идти дальше и побеждать, совершать подвиги во имя своей Родины. Для человека находящегося на поле боя это чувство отвечает на вопросы «Зачем?», «Почему я здесь?», помогает ему понять себя, понять, что он воюет не за деньги, а за историю, традиции и ценности своего народа.

Патриотизм – это любовь к языку, культуре, природе родной страны. Патриот – это не только человек в бронежилете, с автоматом в руках, отстаивающий интересы своей страны на поле боя. Любовь к Отечеству проявляется по разному, иногда даже в мелочах, которые мы не замечаем. Человек, любящий и уважающий свою страну бережёт леса, не мусорит в парке, участвует в экологических акциях. Это тот, кто гордится балетом в Большом театре, народными песнями, сибирскими просторами, кавказским гостеприимством, татарской кухней – потому что для него Россия – это не только русские, а многоликая, многонациональная страна, где каждый народ – часть большой семьи. Он читает А.С. Пушкина не потому, что это в программе, а потому, что чувствует в его строках душу России. Любить Отечество можно по-своему, и эта любовь проявляется в повседневной жизни каждого из нас и не менее важно прививать её подрастающему поколению.

Патриотическое воспитание – одно из приоритетных направлений в системе образования России. Оно способствует формированию у молодёжи высокого патриотического сознания, гражданского долга по защите интересов Родины, чувства верности своему Отечеству [2]. Формирование чувства патриотизма сегодня начинается ещё с начальных классов школы – проводятся уроки мужества, беседы с военнослужащими, в том числе с участниками СВО, имеющими реальный опыт защиты Отечества. Кроме того, существуют кадетские классы и училища, в которых воспитывают будущих военнослужащих. Активно ведётся пропаганда патриотизма в медиа пространстве. Как военнослужащим прививают чувство любви к Отечеству? Основой для этого является военно-политическая работа. Основным документом регламентирующим ее проведение является приказ Министра обороны Российской Федерации № 803 от 28.12.2021 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооружённых Силах Российской Федерации» [3]. Она включает в себя множество аспектов: это и проведение вечеров вопросов и ответов с личным составом, индивидуальные и групповые беседы, мероприятия по объединению коллектива, проведение самых разных мероприятий – от дней воинской славы до культурных походов в театры или музеи. Вообще военно-политическая работа включает немало разделов, в том числе военно-социальную работу, работу по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины и т.д., однако самым важным в этой работе является военно-патриотическое воспитание военнослужащих. Основными целями патриотического воспитания военнослужащих являются: формирование высоких морально-этических

качеств; углубление знаний о культуре, истории и традициях России; подготовка к выполнению обязанностей по защите Отечества; воспитание чувства гордости за Родину, её достижения и заслуги.

К задачам патриотического воспитания можно отнести: проведение культурно-просветительских мероприятий; организацию военно-патриотических акций и мероприятий; работа с историческими материалами и личными примерами героизма [3]. Уроки мужества представляют собой важную составляющую патриотического воспитания подрастающего поколения, охватывающую детей и юношей. Их основная задача заключается в том, чтобы познакомить их с выдающимися подвигами, как на полях сражений, так и в мирном труде, которыми богата история нашей страны. В процессе таких уроков у военнослужащих формируется глубокое уважение к тем, кто проявил героизм в годы войны, кто своим трудом внес значительный вклад в развитие страны, а также к выдающимся личностям, прославившим Россию. Важной задачей является развитие ценностного отношения к такому качеству как мужество и его проявлениям в самых разных ситуациях, как в обычной жизни, так и на службе, требующих от человека трудолюбия, самообладания и самоотверженности. Конечная цель этого урока состоит в том, чтобы воспитать готовность военнослужащего к смелым действиям во имя своего народа и своей Родины, что предполагает формирование чувства долга, ответственности и приверженности со стороны молодежи защите интересов своей страны. Различие между уроком мужества и регулярными встречами – привлечение героических солдат, военных руководителей и спортсменов из вооруженных сил, отличившихся в своей сфере военнослужащих. Их личный опыт и пример служат мощным стимулом для патриотического воспитания молодежи. Привлечение достойных людей мотивирует солдат и вызывает чувство гордости за свою страну.

Культурные походы из воинских частей. Эти мероприятия включают экскурсии к местам памяти, посещения театров или музеев, памятников, расположенных на территории воинской части, а иногда и за её пределами. Кроме того, существуют дни открытых дверей – это особая форма экскурсии, которую воинские части обычно устраивают один-два раза в год. Такие мероприятия приурочены к важным датам: принятию воинской присяги, дню воинской части, Дню защитника Отечества или, например, дням воинской славы [1]. Во время экскурсий и дней открытых дверей посетителям часто предлагают осмотреть выставки вооружения и военной техники. Такие выставки бывают разных видов. Есть постоянные экспозиции, которые находятся на одном месте, например, выставки военной техники под открытым небом. Бывают временные выставки, организованные к какому-то конкретному событию. Существуют и передвижные выставки, а иногда экспонируется всего один предмет. Главная задача этих выставок – заинтересовать людей военной историей и культурой, вызвать у них удивление и любопытство к экспонатам. Для достижения этой цели экскурсоводы и организаторы используют различные методы и подходы, чтобы сделать посещение максимально

познавательным и запоминающимся. Важно показать не просто технику, но и рассказать истории людей, которые её создавали и использовали, чтобы посетители почувствовали связь времён и поняли важность сохранения исторической памяти.

В современном мире военно-патриотическое воспитание важно как никогда. В условиях проведения информационных войн, вражеской пропаганды в медиа пространствах жизненно необходимо, чтобы людям объяснялось, что такое патриотизм, что значит любить Родину и почему это важно. Во многом, поэтому формирование патриотизма и есть основа воспитания военнослужащих, ведь нельзя служить Отечеству, не любя его.

Одним из важнейших направлений в воспитании военнослужащего является изучение военной истории своей страны, показ её героического прошлого и ее Вооруженных Сил, пропаганда боевых традиций. Российский писатель В. Пикуль: «...Нельзя быть патриотом сегодняшнего дня, не опираясь при этом на богатейшее наследство наших предков. Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, тверже характером и сильнее разумом. История воспитывает в нем необходимое чувство национальной гордости!». Исторический пример человека, которого можно назвать настоящим патриотом своей страны – это Алексей Петрович Маресьев. Не просто герой войны, он стал символом любви к Родине. Его жизнь – больше, чем история сражений, это пример нравственности. Для Маресьева настоящим испытанием стал апрель 1942 года. Сбитый в бою, с поврежденными ногами, он три недели пробирался к своим. Это был не только физический труд, но и выбор – жить, чтобы снова сражаться. Местные жители из деревни Плав спасли его. Это был знак поддержки народа, за который он воевал. Уже тогда проявился его патриотизм – желание бороться, несмотря ни на что. После ампутации обеих ног многие бы сдались. Но Маресьев вернулся в истребительную авиацию. Это был его настоящий подвиг. Он показал, что патриотизм – это не просто слова, а вполне осязаемый труд, когда человек старается быть полезным своей Родине там, где он может принести больше всего пользы. В наградном листе командир коротко отметил: Настоящий русский патриот, который в бою с врагом не щадит ни себя, ни своей крови.

Таким образом, патриотизм в воспитании военных – это не просто прихоть властей, а очень важная философская и личная потребность. Он важен тем, что задает смысл службе, морально поддерживает в сложных военных ситуациях, сплачивает солдат и лежит в основе всего военного образования. Это как сплав знаний, чувств и поступков, который делает из человека гражданина в форме, готового служить не из-под палки, а по велению сердца. Настоящий патриот не требует наград, ему важно, чтобы страна жила, развивалась, чтобы его дети могли остаться здесь и гордиться своей Родиной. Патриотизм – это не принадлежность к государству, а принадлежность к народу. Это когда ты чувствуешь боль от несправедливости, радость от маленьких побед, гордость за достижения своего государства, даже если ты сам в них не участвовал. Армия, воспитанная в духе патриотизма, – это не только

сила, но и моральный ориентир и гарантия независимости страны, оберегающая не только её земли, но и её культуру и прошлое.

Список литературы:

1. Булыгин А.А., Постников С.В. Основные направления, формы и средства военно-патриотической работы в вооруженных силах России. // Научное обозрение. Педагогические науки – 2024. – № 2. – С. 5-9.
2. Минвалиев Р. Направления, формы и методы патриотического воспитания школьников. 10.09.2019 // Фестиваль «Открытый урок» – URL: <https://urok.1sept.ru/publication/175892> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Приказ Министра обороны РФ №803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации», 28.12.2021. – URL: <https://base.garant.ru/405116179/> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Степанов Н. Патриотическое воспитание военнослужащего. 2025 // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2025/02/06/473> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Совин В., Цагарелли К. Патриотизм – нравственная и уставная обязанность военнослужащего. // Армейский сборник № 06. от 03.06.24 – URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/579766/> (дата обращения: 27.02.2026).

Матвеева Полина Олеговна

студент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Чепель Александр Иванович

Matveeva Polina

Saint Petersburg State Maritime Technical University

К ИСТОРИИ КРЕПОСТИ ПИЛЛАУ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация: В статье рассказывается о крепости Пиллау. С 1946 года город, в котором находится эта крепость, называется Балтийск. Автор рассказывает об истории строительства крепости, о её архитектурных особенностях. Изучается фортификация крепости Пиллау. Рассматривается история крепости во время Северной войны, Наполеоновских войн, Великой Отечественной войны. Рассказывается о современном состоянии крепости.

Ключевые слова: крепость Пиллау, фортификация, бастионы, Семилетняя война, Наполеоновские войны, Великая Отечественная война.

TO THE HISTORY OF PILLAU FORTRESS: PAST AND PRESENT

Summary: The article discusses the Pillau Fortress. Since 1946, the city where this fortress is located has been called Baltiysk. The author describes the history of the fortress's construction and its architectural features. The fortification of Pillau Fortress is studied. The history of the fortress during the Great Northern War, the Napoleonic Wars, and the Great Patriotic War is examined. The current state of the fortress is also discussed.

Keywords: Pillau Fortress, fortification, bastions, Seven Years' War, Napoleonic Wars, Great Patriotic War.

Пиллау – крепость-музей, что стоит на берегу пролива, разделяющего Балтийскую косу и Пиллауский полуостров. Её стены хранят эхо истории, ведь она стоит уже целых четыре столетия, пережила различных правителей, войны и реконструкции.

Своё начало крепость берёт в 1626 году. Конечно, были и более ранние попытки создания здесь твердыни (1601 и 1625 годы), так как точка, где расположена крепость, являлась ключевой при входе в Калининградский залив, через узкий Балтийский пролив, который стал судоходным ещё в 1510 году, после большого шторма. Но именно поход против Польши послужил поводом для постройки крепости. Заложена она была по приказу шведского короля Густава II Адольфа. В руках шведов крепость пробыла недолго, всего десять лет.

Уже в 1636 году Пиллау стала принадлежать пруссакам, выкупившим фортификационные сооружения. Они занялись укреплением, что закончилось только в 1670 году. В проектировании крепости использовались новейшие на тот момент наработки. Если посмотреть на конструкцию крепости сверху, то

можно увидеть, что внешний крепостной обвод представляет собой пятиугольник, каждая сторона которого составляет 80 метров и внутри имеется пять бастионов. Первый из этих бастионов назывался «Альбрехт» – по имени Альбрехта Бранденбург-Ансбахского (1490–1568), который являлся первым герцогом Пруссии и в то же время – последним магистром Тевтонского ордена (в 1525 году он перешёл в протестантизм и сложил с себя полномочия великого магистра). Другие бастионы получили имена: «Пруссия», «Кёниг» «Кёниген» в переводе означающие король и королева соответственно, «Кронпринц», что означает наследный принц. Вокруг крепости вырыли широкий ров. С внешней стороны этого рва были построены пять рavelинов, носивших следующие наименования: «Людвиг», «Сторхнест», «Фаульвинкель», «Кронверк» и «Шинкеншанц». Связь крепости Пиллау с окружающим миром обеспечивали три прохода, каждый со своим назначением. «Хауптор», или главные ворота, встречали официальных гостей и высокопоставленных лиц. Далее «Плантажентор», ведущие в крепостной сад и «Фаульвинкельтор», которые соединяли собственно крепость с городской территорией. Далее были построены цейхгауз (1707 год), гарнизонная церковь (1717 год) башня над крепостными воротами (1730 год), склад провианта (1731 год) квартира коменданта (1739 год).

Следующим ярким периодом, в истории крепости стала Семилетняя война. Летом 1757 года русская армия начала наступление на Восточную Пруссию, но оставила её в октябре того же года. Но уже в следующем году русские войска вошли вновь в провинцию, и пруссы были вынуждены всё оставить и отступить. Наша армия вошла в Пиллау. Порт был использован для снабжения провиантам, а цитадель для содержания военнопленных.

Крепостные постройки были отмечены российским двуглавым орлом, чтобы продемонстрировать принадлежность крепости Пиллау. Местные жители были приведены к присяге российской императрице Елизавете Петровне, дочери императора Петра I. За весь период Семилетней войны в крепости Пиллау один за другим сменилось пять комендантов. Это были: Родион Гербель, полковник Фрейман, полковник Вигант, полковник Хомутов, полковник Гиршгенд. За время российского владычества крепость Пиллау была в очередной раз за свою историю усилена, укрепления модернизированы в соответствии с требованиями времени для повышения обороноспособности твердыни. В порту была сооружена «Русская дамба». Когда губернатором крепости Пиллау был В.И. Суворов, отец будущего генералиссимуса А.В. Суворова, были существенно модернизированы оборонительные сооружения самой крепости. Для усиления крепости были устроены новые амбразуры, между амбразурами и бойницами сооружены новые насыпи, срыты возвышения, которые препятствовали эффективному ведению артиллерийского огня с крепостных стен. Помимо названных фортификационных работ, были засыпаны низменные части, которые слабо просматривались из крепости: в этих низинах мог затаиться неприятель.

В начале XIX века крепость вновь оказалась во власти Пруссии. В Пиллау происходили очередные модификации, но выделить можно те, которые связаны с грядущей войной против Франции: крепость усилили одной трёхпудовой и тремя двенадцатипудовыми пушками. Помимо этого, пороховой склад был переоборудован в вахтенное помещение, а по косе был вырыт непрерывный окоп, протянувшийся от берега моря до залива.

Пришла эпоха Наполеоновских войн. В 1807 году гарнизон крепости Пиллау составляли три батальона, суммарная численность которых достигала трёхсот человек. Помимо этого, здесь базировались 340 артиллеристов и ещё сотня вюртембергских гусаров. Проблема была в том, что батальоны по большей части состояли из рекрутов, поэтому боеспособность их оставляла желать лучшего. 28 июня 1807 года подошедшие к крепости Пиллау французы потребовали сдать им город. В случае отказа французские войска планировали сжечь крепость, о чём и сообщили оборонявшему Пиллау прусскому гарнизону. Однако попытка запугать пруссаков не увенчалась успехом. Командование крепости, во главе которой тогда стоял комендант полковник фон Херрманн, решило держать оборону, не сдаваться врагу, стоять насмерть, ожидая решения о судьбе крепости и помощи от своего короля. С целью продержаться как можно дольше на берегу в сторону косы был командирован батальон пехоты, там же была установлена артиллерия. Помимо этого, было решено привлечь к обороне мирное население города. Наиболее активным и крепким горожанам были розданы пики и косы. Таким образом, оборона крепости была усилена, крепость полностью приведена в боевую готовность. Однако эти мероприятия оказались лишними. Утром 29 июня 1807 года в крепости узнали о заключённом в Тильзите мирном договоре, и борьба с Наполеоном на этом этапе завершилась. Французские войска, почти месяц блокировавшие крепость Пиллау с суши, отступили от её стен. В итоге крепость выстояла и в этом случае.

В 1870-х – 1880-х годах крепость Пиллау была радикально модернизирована. В результате модернизации крепость стала состоять из ядра – основного пятиугольника оборонных сооружений, а также из пояса фортов, окружавших эту цитадель. Артиллерия располагалась на валах и в крепостном дворе. На валах были устроены траверсы – специальные сооружения, которые предназначались для подъёма боеприпасов из арсеналов, надёжно укрытых под землёй. Форты, которые сооружались вокруг крепости, были призваны существенно усилить её обороноспособность. К этому времени дальноточность осадной артиллерии значительно возросла, поэтому и потребовались дополнительные укрепления, форты, призванные защитить цитадель, воспрепятствовать неприятелю разрушить крепость.

Хоть Первая мировая война обошла крепость стороной, во время Второй мировой стены крепости видели последний бой. Он произошёл в апреле 1945 года: 8, 16-й и 32-й гвардейские стрелковые корпуса РККА начали штурм города Пиллау. Крепостная цитадель стала последним очагом сопротивления. Наступление велось при мощной поддержке артиллерии, танков и авиации, в

результате этого натиска утром 26 апреля 1945 года крепость была полностью освобождена. Далее крепость начали изучать, были попытки найти янтарную комнату, но тщетно.

На данный момент Пиллау является музеем, который можно посетить в городе Балтийске. К сожалению, мне не удалось попасть внутрь, так как туда ходят только экскурсии, самостоятельное посещение по некоторым причинам невозможно, но увидеть рвы, а также форму пятиконечной звезды мне удалось. Крепость выглядит очень внушительно, а также загадочно. Она хранит в себе много тайн, пережила много веков и напоминает нам о прошлом.

Список литературы:

- 1.Анохин И.В., Катков С.М., Григорьев А.М., Чечулин С.А. Исследования крепости Пиллау. Результаты и перспективы // Архитектурное наследство. 2023. № 79. С. 29–38.
- 2.Балтийская крепость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://балтийская-крепость.рф/> (дата обращения: 23.02.2026).
- 3.Довыденко Л. Тайны Пиллау. - Калининград, 2009. 191 с.
- 4.Миловский В.А. Хроника штурма Пиллау // Калининградские архивы. 2008. № 8. С. 182–184.
- 5.Тайны крепости Пиллау [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://travelask.ru/blog/posts/36037-tayny-kreposti-pillau-yantarnaya-komnata-i-duh-fridriha-vilg> (дата обращения: 23.02.2026).

Медведева Алиса Михайловна

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Alisa Medvedeva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВИД АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО ЖАНРА В ГРАФИКЕ

Аннотация: в данной статье рассматриваются наскальные изображения (петроглифы и пещерная живопись) как уникальная и оригинальная форма анималистического жанра в графическом искусстве. Особое внимание уделяется функциональному аспекту – сакрально-магическому и коммуникативному назначению изображений животных, что определяло их стилистику. Проводится параллель между приемами древних мастеров и техниками современной графики, что позволяет говорить о наскальном искусстве как о самостоятельном и полноценном виде графического творчества.

Ключевые слова: наскальные изображения, петроглифы, пещерная живопись, анималистический жанр, графика, первобытное искусство, палеолит, неолит, символизм, художественные приемы.

ROCK CARVINGS AS AN ORIGINAL KIND OF ANIMALISTIC GENRE IN GRAPHICS

Summary: This article examines rock carvings (petroglyphs and cave paintings) as a unique and original form of the animalistic genre in graphic art. Special attention is paid to the functional aspect – the sacral-magical and communicative purpose of animal images, which determined their style. A parallel is drawn between the techniques of ancient masters and those of modern graphics, which allows us to speak of cave art as an independent and full-fledged form of graphic art.

Keywords: rock carvings, petroglyphs, cave paintings, animalistic genre, graphics, primitive art, Paleolithic, Neolithic, symbolism, artistic techniques.

Анималистический жанр, будучи одним из древнейших в мировом искусстве, традиционно ассоциируется со скульптурными и живописными произведениями, созданными в рамках развитых цивилизаций. Однако его подлинные истоки лежат гораздо глубже – в творчестве первобытного человека, оставившего после себя грандиозную галерею изображений животных на стенах пещер и скальных поверхностях. Эти памятники, разбросанные от пещер Южной Франции и Испании до плато Наска и Сибири, представляют собой не просто исторический или археологический интерес.

Они являются фундаментом, на котором выросло все последующее изобразительное искусство, и, в частности, оригинальным, самобытным видом анималистической графики.

Прежде чем говорить об анималистике, необходимо обосновать рассмотрение наскальных изображений в рамках графики. Графика (от греч. *grapho* – пишу, черчу, рисую) – вид изобразительного искусства, использующий в качестве основных изобразительных средств линии, штрихи, пятна и точки. Цвет, если и присутствует, то играет вспомогательную роль и, как правило, ограничен одним-двумя тонами. Именно эти критерии в полной мере применимы к петроглифам и пещерной живописи.

Древние художники работали с ограниченной палитрой, основанной на природных пигментах: охра (красный, желтый, коричневатый), марганец и древесный уголь (черный), каолин (белый). Фактически, это была монохромная или полихромная с ограниченным числом цветов графика. Основными инструментами служили пальцы, примитивные кисти из шерсти или растительных волокон, а также резцы по камню для выбивания контуров. [5]

Линия была главным средством выражения – она могла быть уверенной и плавной, как в изображениях бизонов в пещере Альтамира, или схематичной и угловатой, как в некоторых петроглифах Заполярья. [1]

Важнейшей особенностью наскальной графики является ее неразрывная связь с материнской породой. Художник палеолита или неолита не просто использовал скалу как холст; он вступал с ней в диалог. Выступы, трещины и неровности поверхности обыгрывались, становясь частью изображения. Выпуклость скалы могла обозначить мощный горб бизона, углубление – стать глазом или раной. Это создавало уникальный эффект трехмерности, скульптурности, что роднит эту графику с барельефом. Таким образом, наскальное искусство представляет собой синтетическую форму, где графика сливается с природным ландшафтом. [2]

Вершиной палеолитического реализма по праву считаются росписи пещер Ласко, Альтамира и Шове. Изображения зубров, лошадей, оленей, мамонтов поражают анатомической точностью, передачей движения и пластики. Художник схватывал самую суть зверя, его характерные повадки. Это не слепое копирование, а глубокое обобщение, результат многолетнего наблюдения [4]. Например, мамонты в Каповой пещере (Россия) изображены с таким знанием их массивного телосложения и специфической формы бивней, что не оставляют сомнений в непосредственном знакомстве автора с этими животными.

Параллельно с реализмом существовала мощная тенденция к схематизму и символизации. В эпоху неолита, с изменением хозяйственного уклада и мировоззрения, изображение животного всё чаще превращается в знак, символ. Контуры упрощаются, детали исчезают, фигура сводится к набору основных линий, достаточных для опознания вида. Яркий пример — петроглифы Онежского озера или каменных островов Белого моря, где лоси и киты изображены условно, их силуэты геометризированы. Такая графика была не

столько изображением, сколько идеограммой, несущей определенную информацию для посвященных.

Композиции в наскальном искусстве редко были статичными. Древние мастера прекрасно чувствовали ритм и динамику. Животные часто изображались в беге, прыжке, борьбе. Характерным приемом была так называемая «кучность» — нагромождение фигур друг на друга, создающее ощущение стада, массы (пещера Фон-де-Гом, Франция). При этом сюжетные сцены, такие как охота, встречаются реже. Чаще всего композиция строилась по принципу ряда или свободного размещения фигур по плоскости, что создавало ощущение своеобразного «звериного bestiaria», застывшего во времени. [4]

Понимание графического языка наскальной анималистики невозможно без проникновения в ее смысловое содержание. Изображение животного в первобытную эпоху никогда не было искусством ради искусства. Оно выполняло сугубо утилитарные, сакральные и социальные функции.

Согласно наиболее распространенной теории, создание изображения зверя было частью магического ритуала, призванного обеспечить успешную охоту. Изображая животное, пронзенное копьями или стрелами, человек верил, что это произойдет в реальности. Этим объясняется частое наличие на рисунках знаков-ран, а также тот факт, что многие изображения находятся в труднодоступных, похожих на святилища частях пещер. Графическое воплощение здесь было актом творения и управления реальностью.

Многие животные, вероятно, были тотемами — покровителями родов или племен. Их изображения служили для самоидентификации группы, передачи мифов о предках-животных. Стилизация в этом случае была не следствием неумения, а сознательным приемом, позволяющим создать опознавательный, сакральный символ клана.

Наскальные рисунки были одной из первых форм передачи знаний и информации через поколения. Изображая животных, их повадки, миграционные пути, человек создавал наглядное пособие для своих соплеменников. Это была «каменная книга», в которой кодировался жизненно важный опыт. Графический образ становился носителем информации, протописьменностью.

Таким образом, все художественные приемы — от реализма до схематизма — были подчинены этим глубинным функциям, что и определяло уникальность и оригинальность этого вида анималистики.

Открытие в XIX-XX веках пещерной живописи стало культурным шоком для западной цивилизации и оказало значительное влияние на искусство модернизма и последующих эпох. Художники увидели в первобытных коллег, решавших схожие художественные задачи — выразить сущность формы, найти лаконичный и выразительный знак. [3]

Принципы наскальной графики напрямую перекликаются с творчеством представителей кубизма (П. Пикассо, Ж. Брак), которые изобрели не что-то новое, а заново открыли искусство Альтамиры. Лаконизм линии, деформация

формы ради высшей выразительности, синтез нескольких точек зрения – все это присутствует в палеолитическом искусстве. [1]

В анималистической графике XX-XXI веков также заметно обращение к этому древнейшему пласту. Художники-анималисты (например, В. А. Ватагин) ценят в наскальных рисунках не столько архаику, сколько умение немногими средствами передать характер и пластику животного. Приемы работы с пятном, силуэтом, фактурой поверхности, активно используемые в современной эстампной графике (литография, линогравюра), имеют прямые параллели с техниками петроглифики. [3]

Более того, сама эстетика «первобытного» знака стала языком современной культуры, используемым в дизайне, логотипах, книжной иллюстрации, где требуется мгновенное, интуитивное считывание образа.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что наскальные изображения животных представляют собой самостоятельный, оригинальный и высокоразвитый вид анималистического жанра в графике. Зародившись в глубокой древности, он сформировал собственный комплекс художественно-выразительных средств, основанный на доминировании линии и пятна, синтезе с природным рельефом и глубокой семиотической наполненности.

Оригинальность этой формы заключается в нерасторжимом единстве эстетического и функционального начал. Реализм палеолитических шедевров и схематизм неолитических петроглифов – это не стадии эволюции от «плохого» к «хорошему», а разные, но равноправные художественные стратегии, отвечавшие конкретным духовным и практическим запросам эпохи.

Наскальная анималистика заложила фундаментальные принципы всего последующего искусства: наблюдение за натурой, обобщение формы, ритмическую организацию пространства и, главное, – способность через изображение животного говорить о фундаментальных вопросах бытия, жизни и смерти, взаимоотношений человека и природы. Её графический язык, несмотря на свою древность, остается поразительно современным и продолжает вдохновлять художников, являясь неиссякаемым источником пластических идей и глубоким культурным кодом человечества.

Список литературы:

1. Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М.: Алетея, 2004. – с. 277.
2. Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. – Москва: Искусство, 1985. – с. 298.
3. Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Наука, 1980. – с. 134.
4. Breuil H. Four Hundred Centuries of Cave Art. — Montignac, Dordogne: Centre d'Études et de Documentation Préhistoriques, 1952. – p. 411.
5. Clottes J. Cave Art. – London: Phaidon Press, 2008. – p. 326.

Мелехова Александра

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Alexandra Melekhova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ НА МОДУЛЬНОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме оптимизации учебного пространства в образовательных учреждениях творческой направленности. Традиционная мебель зачастую ограничивает возможности для проведения разноформатных занятий, групповой работы и индивидуального творчества. В качестве решения предлагается концепция многофункционального модульного оборудования, способного трансформироваться в соответствии с задачами учебного процесса. На примере разработки стеллажа-трибуны подробно рассматриваются эргономические, функциональные и эстетические аспекты проектирования. Обоснован выбор материалов (фанера толщиной 10 мм) и технологий производства (раскрой на станке с ЧПУ), обеспечивающих прочность, экономическую эффективность и экологичность. Приведены расчеты себестоимости и рентабельности, подтверждающие практическую реализуемость проекта.

Ключевые слова: многофункциональная мебель, модульное оборудование, учебное пространство, дизайн образования, эргономика, фанера, ЧПУ, трансформируемая мебель, стеллаж-трибуна, экономическая эффективность.

MULTIFUNCTIONAL EDUCATIONAL EQUIPMENT ON A MODULAR BASIS FOR EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Summary: The article is devoted to the actual problem of optimizing the educational space in educational institutions of creative orientation. Traditional furniture often limits the possibilities for conducting multi-format classes, group work and individual creativity. As a solution, the concept of multifunctional modular equipment is proposed, capable of transforming in accordance with the tasks of the educational process. On the example of the development of a rack-tribune, the ergonomic, functional and aesthetic aspects of design are considered in detail. The choice of materials (10 mm thick plywood) and production technologies (CNC cutting) is justified, ensuring durability, economic efficiency, and environmental friendliness. The calculations of cost and profitability are provided, confirming the practical feasibility of the project.

Keywords: multifunctional furniture, modular equipment, educational space, educational design, ergonomics, plywood, CNC, transformable furniture, rack-tribune, economic efficiency.

В наше время мебель-трансформер очень популярна во всем мире. Это, конечно, современное требование, города расширяются, людей становится всё больше, а жилплощадь ограничивается. Один из лучших способов справиться с этой проблемой это широкое применение мебели-трансформера.

Их главные особенности - это многофункциональность и экономия жилой площади. Многие дизайнеры обращают внимание именно на это направление, и это показывает, что такая мебель имеет большие перспективы в будущем. [2, с. 39]

В наши дни мебель-трансформер является предметом домашнего или офисного интерьера. Она имеет широкий спектр параметров, в том числе возможность изменять свою форму, внешний вид, размеры и при необходимости восстанавливать его в исходное состояние. Такую мебель можно встретить в обычных квартирах и элитных домах. Ее практическое удобство и универсальность увеличивают популярность всех видов мебель-трансформеров.

Характерная черта современной секционной мебели — повторяемость размеров элементов изделий (стенок, полок, ящиков, опорных скамеек), входящих в различные наборы. Повторяемость размеров элементов корпусной мебели, связанная со стандартными функциональными размерами отделений шкафов, их пропорциями, служит базой унификации элементов корпусной мебели. Унификация элементов корпусной мебели позволяет организовать их массовое производство на комбинатах мебельных деталей с поставкой на мебельно-сборочные комбинаты в заданных размерах для дальнейшей обработки и отделки. При унификации корпусной мебели возникает необходимость приведения ее размеров к определенным единицам, кратным общему модулю. Под мебельным модулем понимается условная единица, принятая для согласования кратных размеров элементов мебели. [1, с. 103]

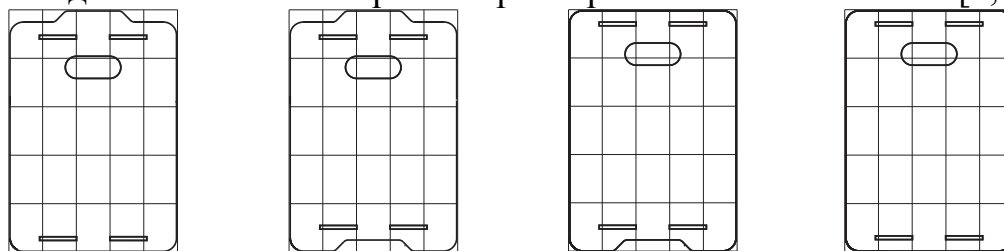
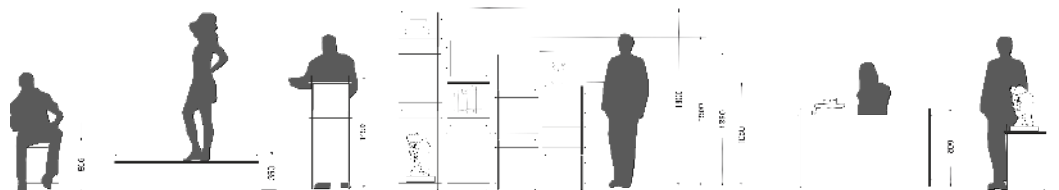

рис. 1. Варианты модуля

Эргономика дает комплексный взгляд на отношение человека к технике и учит использованию психофизиологических характеристик человека при конструировании. Она способствует правильной разработке структуры изделия и интерьера. (рис.2). Требования эргономики показывают, что полный учет «человеческих факторов» является неотъемлемой частью всего процесса художественного конструирования, в результате чего обеспечивается удобство

пользования предметами и оборудованием, максимальное соответствие условиям эксплуатации и, в конечном счете, оптимизации условий человеческой жизни. [3, с. 73]

Технологический процесс включает этапы: создание 3D-модели → генерация УП → раскрой на ЧПУ → фрезерование → шлифовка → контроль качества.

Применена система соединений, обеспечивающая прочность и простоту сборки:

Система «шип-паз» с Т-образными клиньями: Обеспечивает быструю сборку и разборку без инструментов. Клинья, выполненные в контрастном оранжевом цвете, служат и декоративным акцентом.

Шкантовые соединения: Используются для точного позиционирования и усиления конструкции.

Для защиты и придания эстетичного вида используется матовый лак на водной основе.

Преимущества: Безопасность: Отсутствие вредных растворителей; Долговечность: Устойчивость к истиранию и царапинам; Эстетика: Подчеркивает натуральную текстуру дерева, матовость исключает блики.

Процесс отделки: Подготовка поверхности (шлифовка) → грунтование → нанесение нескольких слоев лака.

Разработанная система модульного учебного оборудования представляет собой инновационное решение, которое может внести значительный вклад в развитие образовательной среды и повысить. (рис. 3)

рис. 3. Использование модуля

Список литературы:

- 1.Бобиков П.Д. Конструирование мебели. – М.: Высшая школа, 1972 264 с.
- 2.Маъруфов Ф.О. Трансформируемая мебель // Наука, образование и культура, 2021 – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformiruemaya-mebel>
- 3.Покатаев, В. П. Конструирование оборудования интерьера. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. - 344 с.
- 4.ГОСТ 3916.1-2018 "Фанера общего назначения с наружными слоями из шпона лиственных пород"

Меньшиков Дмитрий Валерьевич

студент

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

*Научный руководитель: преподаватель истории высшей категории
Домбровский Роман Юрьевич*

Dmitry Menshikov

Nizhny Tagil Branch of Sverdlovsk Regional Medical College

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ НИЖНЕГО ТАГИЛА, ПОГИБШИЕ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1945 ГОДУ

Аннотация: Статья посвящена памяти медицинских работников из Нижнего Тагила, погибших при освобождении Восточной Пруссии в 1945 году. На основе архивных документов, приказов о награждении восстановлены судьбы пяти тагильских медиков. Подробно рассмотрены их биографии, боевой путь и награждения. Особое внимание уделено уточнению мест захоронений и послевоенных перезахоронений тагильчан.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, санинструктор, Нижний Тагил, медработник, награждение, захоронение, подвиг.

MEDICAL WORKERS OF NIZHNY TAGIL WHO DIED DURING THE LIBERATION OF EASTERN PRUSSIA IN 1945

Summary: The article is dedicated to the memory of medical workers from Nizhny Tagil who died during the liberation of East Prussia in 1945. Based on archival documents and award orders, the fates of five Nizhny Tagil medical workers have been restored. Their biographies, military careers, and awards have been examined in detail. Special attention has been paid to clarifying the burial sites and post-war reburials of Nizhny Tagil residents.

Keywords: East Prussia, medical assistant, Nizhny Tagil, medical worker, award, burial, heroic deed.

Александр Твардовский в поэме «За далью - даль» очень точно обрисовал тружеников войны на фронте и в тылу - участников Великой Отечественной войны, боевой и трудовой подвиг которых равен. В крылатой фразе «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют», выражена вся правда того фронтового огненного времени. Медицинская служба на передовой, в прифронтовой полосе, и в эвакогоспиталях по напряженности и значимости стояла на одном уровне. При этом спасая раненых, подавляющее большинство медиков получало ранения или контузии, многие погибли. В годы Великой Отечественной войны общие потери медицинской службы составили 210 601 человек. 88,2% потерь пришлось на рядовой и сержантский состав, то есть на передовое звено медицинской службы, действовавшей на поле боя. На сегодняшний день установлено около тысячи тагильских медработников – участников Великой Отечественной войны, из них 99 погибших, умерших от ран и без вести пропавших [3, с.5]. Среди найденных медработников мы

выделим тех, кто погиб, освобождая от нацистов Восточную Пруссию. Ниже представим обобщенные максимально возможные сведения по каждому представленному участнику Великой Отечественной войны, на основе архивных документов, воспоминаний их потомков.

Большакова Елизавета Александровна, 1917 г.р. Род. Нижний Тагил. Призвана в РККА в 1943 г. Уральским РВК, Свердловская обл. Беспартийная. Младший лейтенант медицинской службы 3100-го эвакуационного госпиталя, 1-й фронтовой эвакуационный пункт. Поступила с болезнью 09.05.1945 г. в Инфекционный Госпиталь №1384. Умерла от болезни (брюшной тиф) 12.05.1945 г. Труп для захоронения с почестями был выдан воинской части [5].

Похоронена на восточной окраине общегоспитального кладбища г. Инстербург, в Инстербургском р-не, Гумбинненского окр., Восточная Пруссия. Ныне Мемориальный комплекс на братской могиле советских воинов ул. Спортивная, г. Черняховск, Черняховский округ, Калининградская область [3, с.131].

Воробьев Федор Алексеевич, 1909 г.р. Родился в Куйбышевской области, Ставропольском районе, ст. Ставрополь. Образование 4 кл. Рабочий, слесарь-сварщик, электросварщик Московского тормозного завода. Проживал в г. Москва с женой Марией Максимовной [1]. Призван в РККА 25.06.1941 г. Нижне-Тагильским РВК. Красноармеец 136 стрелкового полка 97 стрелковой дивизии. В 1942 году при освобождении от немецких захватчиков гор. Димитрова Московской области получил осколочное и пулевое ранение, а в 1944 году под гор. Вильно получил контузию. Рядовой, санитар 106 отдельной авто-санитарной роты 5 Армии [9]. Числился убитым в бою. 19.02.1945 г. и похороненным на опушке леса 700 метров севернее деревни Вильмсдорф, Прейс-Айлауский район, Кенигсбергский округ, Восточная Пруссия.

Камаев Александр Никифорович, родился в 1912 г. в селе Реши Петрокаменского района Свердловской области. Из крестьян. До войны проживал в селе Реши с женой Камаевой Ефросиньей Алексеевной. В июле 1941 года призван Нижнетагильским РВК в Красную Армию. Старшина медслужбы, санитарный инструктор 4-й стрелковой роты 2-го стрелкового батальона 329 Краснознаменного стрелкового полка 70 стрелковой дивизии 43 Армии 1-го Прибалтийского фронта, с июля 1941 года до августа 1944 года проходил службу в составе войск 49 Армии Западного фронта. С августа 1944 г. по 30 апреля 1945 года - на 1-м Прибалтийском фронте, с 1 мая по 9 мая 1945 г. - на 2-м Белорусском фронте. В составе 70-й стрелковой дивизии выносил с поля боя раненых и оказывал им медицинскую помощь в следующих наступательных операциях в 1943 г.: в Смоленско-Рославльской операции; в 1944 г.: Могилёвской операции, Режицко-Двинской операции, Минской операции, переправе через Днепр, Каунасской операции, Рижской операции, Мемельской операции; в 1945 г.: Инстербургско-Кенигсбергской операции, штурме Кенигсберга, Земландской операции. Был дважды ранен: тяжело - 22 июля 1944 г., легко - 06 апреля 1945 г. За служебные отличия был награжден:

1. За количество спасенных раненых (80 и более) должен был получить высшую военную награду орден Красного Знамени. Однако, награжден орденом Красной Звезды приказом №67/н от 30.09.1944 г. по 70 сд [10].

2. За количество вынесенных с поля боя раненых и количество спасенных жизней представлялся к награждению высшей наградой советской Родины - ордену Ленина, однако приказом комкора 90 СК был награжден орденом Отечественной войны II степени приказом №23/н от 14.04.1945 г. по 90 стрелковому корпусу [7].

3. Медалью «За взятие Кенигсберга» (09.06.1945 г.)

4. Медалью «За победу над Германией» (09.05.1945 г.)

В представлении к ордену Ленина на А.Н. Камаева написано: «В боях за Кенигсберг, смело, под сильным огнем противника вынес с поля боя 34 раненых бойцов, сержантов и офицеров с их оружием. Вынося раненого, был сам ранен 6 апреля 1945г. Пользуется любовью и уважением личного состава. Показал храбрость и смелость. Им вынесено 98 раненых с их оружием. Достоин правительственной награды ордена Ленина» [7, с.98].

С 24.04.1945 г. в составе 70 стрелковой дивизии А.Н. Камаев был выведен в резерв, и вместе с 43 армией отправлен в район Данциг, Гдыня, Нойштадт.

Умер от ран 11.07.1945 г. в военном госпитале (передвижном полевом госпитале №4191). Из рассказов родной сестры Шепелевой (Камаевой) Екатерины Никифоровны становится известно следующее: «Рассказывали, что Александр пошел за водой и подорвался на mine» [3, с. 246].

13.07.1945 г. А.Н. Камаев был похоронен в могиле №84 на военном кладбище на высоте в 0,5 км. южнее ж/д вокзала города Данциг Гданьского воеводства в Польше. Сейчас на этом кладбище покоятся 3088 солдат и гражданских лиц, в том числе 2525 солдат, погибших или умерших вследствие ранения).

Кончиц Василий Никитович, 1921 г.р. Родился в Гомельской области, Ветковском районе. Призван в РККА 01.02.1943 г. Нижне-Тагильским ГВК. Участник войны на Калининском фронте с 01.02.1943г. Ранен легко 11.1943г. Красноармеец, военфельдшер санроты 973 стрелкового полка 270 стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды приказом №5 от 25.02.1944 г. по 270 стрелковой Демидовской дивизии «за организацию выносом его взводом в ходе ожесточенного боя 48 бойцов вместе с их оружием» [6].

Гвардии рядовой, военфельдшер, командир отделения санитарного взвода 1 стрелкового батальона 40 гвардейского стрелкового полка 11 гвардейской стрелковой Городокской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии 11 гв. Армии. Убит в бою 08.04.1945 г. Похоронен в братской могиле: Восточная Пруссия, Кенигсбергский округ, Кенигсбергский р-н, 3 км. юго-западнее п. Понарт, 366 квартал [11]. Числится перезахороненным в 1945 г. на братском кладбище мемориальный комплекс «Обелиск-1200», пр. Гвардейский, Ленинградский р-н, Калининград. Реально похоронен в братской могиле советских воинов мемориального комплекса на ул. Киевская, Калининград [4].

За бои в Кенигсберге посмертно представлен к награждению орденом «Отечественная война» 1-ой степени. Награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени по Приказу №77/н от 02.06.1945 г. по 16 гвардейского стрелкового корпуса: «В бою за город и Крепость Кенигсберг 7 и 8 апреля 1945 года, товарищ Кончиц самоотверженно работал по оказанию медицинской помощи раненым и эвакуации их в тыл. За 2 дня боя он эвакуировал 55 человек раненых при исполнении своих служебных обязанностей. Товарищ Кончиц был убит осколком вражеского снаряда 08.04.1945 года. Достоин посмертно правительственной награды ордена «Отечественная война» 1-ой ст.» [8].

Худобин Федор Иванович, 1918 г.р. Родился в Вологодской области, Междуреченском районе. Проживал с женой Надеждой Михайловной в г. Нижний Тагил, Новый. Призван в РККА 11.11.1944 г. Нижне-Тагильским ГВК. Рядовой, санинструктор 58 гвардейского стрелкового ордена Суворова полка 18 гвардейской стрелковой Инстербургской Краснознамённой дивизии 11 гвардейской Армии. Погиб в бою 27.01.1945 г. Убит в Восточной Пруссии в м. Леменхаген (Калининградская обл. Гвардейский р-н, пос. Комсомольский). [12] Ошибочно увековечен (ошибочно внесен в список воинского захоронения): в Братской могиле советских воинов, Калининградская область, Гвардейский городской округ, п. Комсомольск, ул. Центральная. Захоронен в братской могиле советских воинов в 50 метрах южнее здания вокзала восточнее железной дороги в поселке Голубево Гурьевского городского округа Калининградской области [2].

На фронте военные медики следовали трем главным правилам: ни один раненый не должен остаться на поле боя, медик обязан суметь в бою защитить раненого, необходимо сделать все возможное и невозможное для спасения жизни, излечения и выздоровления раненого. Тагильские медработники – сотрудники госпиталей, санитары, санинструкторы и военфельдшеры при освобождении Восточной Пруссии до конца исполнили свой гражданский, воинский и высокий медицинский долг.

Список литературы:

1. Воробьев Федор Алексеевич (1909). - Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Воробьев_Федор_Алексеевич_\(1909\)](https://ru.openlist.wiki/Воробьев_Федор_Алексеевич_(1909)) (дата обращения: 23.02.2026).
2. Гвардии рядовой Худобин Федор Иванович. Электронная Книга Памяти Калининградской области. - Режим доступа: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=77320> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Книга Памяти и Славы «Нижнетагильские медики – участники Великой Отечественной войны» / Р.Ю. Домбровский. - Нижний Тагил: НФ СОМК, 2021. – 681 с.
4. Кончиц Василий Никитович. Калининградская область. Книга Памяти. - Режим доступа: <http://memorial1945.ru/index.php?c=burial&id=2150> (дата обращения: 23.02.2026).
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 803. Л.3.

- 6.ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2655. Л.7.
- 7.ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. 2814. Л. 98-99.
- 8.ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3147. Л.23.
- 9.ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6074. Л.642.
- 10.ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6306. Л. 25.
- 11.ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 577. Л.9.
- 12.ЦАМО. Ф. 6279. Оп. 267727. Д. 9. Л.9.

Минасян Эмми Айковна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Minasyan Emmi

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ: УЧЕНИЕ О ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация: В работе рассматривается жизнь и философское наследие русского мыслителя XIX века Константина Николаевича Леонтьева — одного из самых самобытных представителей консервативной философской традиции. Особое внимание уделено его учению о «цветущей сложности», в котором он представил оригинальную концепцию развития цивилизаций: от первичной простоты через период расцвета — к упрощению и распаду. Леонтьев выступал против западного уравнительного прогресса, видя в нём угрозу духовности и культурному разнообразию. Анализируются его взгляды на судьбу Европы и России, отношение к византийскому наследию и религии. В аннотации подчёркивается актуальность идей Леонтьева в контексте современных процессов глобализации и культурной унификации.

Ключевые слова: Константин Леонтьев, философия, «цветущая сложность», цивилизация, культура, Византия, консерватизм, православие, упрощение, прогресс, Россия и Европа, XIX век.

KONSTANTIN NIKOLAEVICH LEONTIEV: THE DOCTRINE OF CIVILIZATION

Summary: This work examines the life and philosophical legacy of 19th-century Russian thinker Konstantin Nikolayevich Leontiev, one of the most distinctive representatives of the conservative philosophical tradition. Particular attention is paid to his doctrine of "flourishing complexity," in which he presented an original concept of the development of civilizations: from primary simplicity through a period of prosperity to simplification and decay. Leontiev opposed Western egalitarian progress, seeing it as a threat to spirituality and cultural diversity. His views on the fate of Europe and Russia, his attitude toward the Byzantine heritage and religion are analyzed. The abstract emphasizes the relevance of Leontiev's ideas in the context of contemporary processes of globalization and cultural unification.

Keywords: Konstantin Leontiev, philosophy, "flourishing complexity," civilization, culture, Byzantium, conservatism, Orthodox Christianity, simplification, progress, Russia and Europe, 19th century.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — один из наиболее оригинальных и противоречивых русских мыслителей XIX века, философ,

публицист, культуролог и литературный критик, чьи идеи о цивилизации, культуре и судьбах России оказали значительное влияние на развитие отечественной философской мысли. Его творчество представляет собой синтез религиозного консерватизма, эстетизма и глубокой социокультурной аналитики. Леонтьев, будучи по образованию врачом, по жизненному пути дипломатом, а по духу мыслителем, создал своеобразную философию истории, в которой культура и цивилизация рассматриваются как живые организмы, подверженные рождению, расцвету и неизбежному разложению. Родился Константин Леонтьев в семье небогатого дворянина в Калужской губернии. Образование получил в Московском университете, где изучал медицину, однако его интересы с юности лежали в области философии, истории, эстетики и религии. После окончания университета он некоторое время служил военным врачом во время Крымской войны, а затем поступил на дипломатическую службу. Много лет Леонтьев провёл за границей — в Греции, Турции и на Балканах, где непосредственно наблюдал жизнь восточных обществ. Этот опыт оказал решающее влияние на формирование его взглядов, особенно на понимание различий между Востоком и Западом, традиционными и модернизирующимися культурами. Возвратившись в Россию, он посвятил себя литературной и философской деятельности, вырабатывая собственное учение о цивилизации и судьбе культур.

Леонтьев исходил из органической теории развития общества, согласно которой культура подобна живому организму, проходящему три основных стадии: первичную простоту, цветущее многообразие и вторичное упрощение. В начальной фазе народ находится в состоянии естественной простоты, когда социальные формы и духовная жизнь еще не развиты, но внутренне цельны. Затем наступает стадия расцвета — «цветущего многообразия», когда общество достигает высшего культурного и духовного развития, характеризующегося богатством форм, эстетической красотой, многоуровневой структурой, строго иерархическим устройством и внутренней дисциплиной. Третья стадия — это период разложения, когда культура, достигнув предела своей сложности, утрачивает духовную энергию, формы распадаются, общество демократизируется и уравнивается, что в конечном итоге ведёт к гибели цивилизации. Эта концепция во многом соотносится с идеями органицистов XIX века, однако Леонтьев придавал ей собственную, глубоко религиозную и эстетическую окраску. В отличие от западных эволюционистов, видевших в развитии прогресс, он рассматривал исторический процесс как трагическую и закономерную деградацию форм. Для Леонтьева высшей ценностью была не моральная или утилитарная польза, а красота — эстетическая целостность культуры. В этом смысле он противопоставлял христианско-византийский идеал красоты и духовной строгости — рационализму, гуманизму и демократизму Запада.

Леонтьев утверждал, что западная цивилизация вступила в стадию «вторичного упрощения» — разрушения органических форм и вырождения культуры в безликий либерализм и уравнилительный гуманизм. Он полагал, что

Европа утрачивает внутреннюю структуру и творческое начало, подчиняясь экономическому материализму и политическому демократизму. Россия, по его мнению, должна была сделать выбор: либо пойти по пути Запада и повторить его судьбу, либо сохранить свое византийское духовное наследие, которое он считал залогом национальной самобытности и исторического будущего. В отличие от славянофилов, Леонтьев не был оптимистом относительно миссии России. Он не верил в идею всеобщего славянского возрождения и видел в русском народе не только источник духовной силы, но и потенциальную склонность к разрушительной простоте. Его концепция византизма как духовного идеала строилась на убеждении, что истинная цивилизация может существовать лишь в условиях строгой иерархии, дисциплины, религиозного подчинения и аскетической красоты. Для него Византия была воплощением гармонии между религией, искусством и государством, а Россия — наследницей этой духовной традиции. Леонтьев противопоставлял византийскую «органическую красоту» западному принципу прогресса, считая последний разрушительным для духовной структуры общества. Прогресс, по его мнению, ведет к упрощению и потере многообразия, а демократия и равенство — к уничтожению элит и нивелированию человеческих различий. Он писал, что «где все просто, там все мертво», выражая тем самым свой эстетико-философский принцип: жизнь и развитие возможны только в сложности, иерархии и красоте.

Леонтьев был убежден, что историческое будущее России зависит от её способности сохранить «цветущее многообразие» православной и государственной традиции, сопротивляясь уравнительной тенденции либерализма. Его идеал государства был авторитарным, но не в политическом, а в духовном смысле: он представлял себе общество как иерархическую систему, где каждый элемент имеет своё место и функцию, а человек подчинён высшей духовной цели. В своих поздних работах, таких как «Византизм и славянство», Леонтьев развил идею особого пути России, противопоставленного как Западу, так и Востоку. Он считал, что Россия должна быть хранительницей византийского духа, защитницей религиозного начала и духовной иерархии. Его идеал — это «церковно-государственная цивилизация», в которой религия определяет смысл существования, а искусство и культура подчинены идее духовной красоты. В этом смысле Леонтьев выступал предшественником тех направлений русской философии, которые в XX веке развивали идеи культурного консерватизма, религиозного космизма и цивилизационной самобытности. Особое место в его мировоззрении занимает категория смерти и разложения как необходимого этапа бытия. Он полагал, что в природе и истории все развивается по одному и тому же закону: рождение — цветение — упадок. Однако смерть не есть абсолютный конец, а лишь переход к иной форме бытия. В этом отношении философия Леонтьева носит не только историко-культурный, но и метафизический характер. Он понимал культуру как живую ткань, где гибель формы является условием для зарождения новой. Его учение о цивилизации соединяет исторический анализ с религиозной

эсхатологией: история мира для него — не движение к прогрессу, а к суду и завершению. В философии Леонтьева просматривается глубокая связь с православным миропониманием, византийским мистицизмом и эстетикой трагического. Он рассматривал мир как арену борьбы между духовной красотой и бездуховным упрощением, между иерархией и хаосом, между религиозной дисциплиной и анархией эгалитаризма. Его критика либерализма, гуманизма и западной демократии основана не на политическом консерватизме, а на метафизическом неприятии бездуховности и разрушения формы. Леонтьев утверждал, что истинное спасение человечества возможно лишь через возвращение к духовной и эстетической иерархии, через восстановление сакрального смысла культуры. Его философия оказала влияние на последующие поколения мыслителей, включая Николая Бердяева, Вячеслава Иванова, Льва Карсавина и других представителей религиозно-философского ренессанса начала XX века. В своих идеях о цивилизации Леонтьев предвосхитил концепции Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, которые рассматривали историю как цикл культурных подъемов и падений. Однако, в отличие от них, он придавал духовное измерение каждому этапу развития, видя в упадке не просто историческую неизбежность, а проявление метафизического закона бытия. Его наследие продолжает вызывать интерес исследователей, поскольку в условиях глобализации и культурной унификации идеи Леонтьева о ценности многообразия, духовной глубины и эстетической сложности приобретают новую актуальность. Константин Николаевич Леонтьев остается одной из наиболее значительных фигур русской интеллектуальной традиции, соединяющей философию истории, религиозную антропологию и эстетику. Его учение о цивилизации — это не просто культурная теория, а целостная метафизическая система, утверждающая, что судьба народов определяется их духовной формой, а не материальными условиями. Он видел смысл человеческой истории не в прогрессе, а в сохранении красоты и духовной высоты, полагая, что только через сложность, иерархию и верность высшим идеалам возможно противостоять хаосу современности.

Таким образом, философское наследие Константина Николаевича Леонтьева представляет собой уникальное явление в истории русской мысли, в котором органически соединяются эстетика, религия и философия истории. Его учение о цивилизации основано на идее органического развития культуры, подчинённого закону рождения, расцвета и упадка. Леонтьев первым в русской философии дал глубокий анализ кризиса европейской цивилизации, увидев в её стремлении к прогрессу и уравниванию начало духовного распада и упрощения. В отличие от западных мыслителей, он не верил в безграничное развитие человечества, считая, что всякая культура обречена на гибель, если теряет внутреннюю иерархию, религиозное ядро и эстетическую сложность. Его византийский идеал — это не просто обращение к прошлому, а попытка указать путь к сохранению духовной целостности в мире, где материальное и рациональное начинают преобладать над сакральным и прекрасным. Взгляды Леонтьева остаются актуальными и в XXI веке, когда человечество вновь

сталкивается с угрозой культурной нивелировки и утраты духовных ориентиров. Его мысль о необходимости «цветущего многообразия» как высшей формы культурного бытия напоминает о том, что подлинная сила цивилизации заключается не в техническом прогрессе, а в глубине духовной жизни, в способности сохранять внутреннюю форму и красоту. Леонтьев предостерегал от соблазна всеобщего равенства и утилитаризма, утверждая, что истинное развитие возможно лишь через сложность, иерархичность и эстетическую дисциплину. Его философия — это не просто консерватизм, а глубокое метафизическое учение о судьбе культур, в котором каждый народ несёт особую духовную миссию. Учение Константина Леонтьева является не только выдающимся вкладом в философию цивилизации, но и нравственным напоминанием о необходимости сохранять духовное достоинство, красоту и смысл человеческого существования перед лицом исторических перемен.

Список литературы:

1. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство - М.: Тип. И. Д. Сытина, 1875.
2. Леонтьев К. Н. Будущее Европы и России. — СПб., 1886.
3. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. - М.: Тип. И. Д. Сытина, 1885.
4. Баранов П. П. Константин Леонтьев: человек, мыслитель, эстет. — СПб.: Изд-во РХГА, 2011.
5. Касьянов А. А. Философия «цветущей сложности» К. Н. Леонтьева». — М.: Наука, 1998.
6. Есаулов И. А. Русская идея и византизм: духовное наследие К. Н. Леонтьева. — М., 2014.

Минасян Эмми Айковна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Minasyan Emmi

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ОТ СОЮЗА К МИРОВЫМ ВОЙНАМ

Аннотация: В статье предпринят анализ дискуссионных проблем российско-германских отношений конца XIX – первой половины XX века. Рассматриваются основные историографические подходы к оценке Рапалльского договора 1922 года, пакта Молотова-Риббентропа 1939 года и предвоенного сотрудничества двух стран. Автор ставит вопрос о том, почему союзнические отношения неизбежно сменялись военным противостоянием, и приходит к выводу, что в основе этого цикла лежало фундаментальное расхождение геополитических целей при тактическом совпадении интересов. Особое внимание уделяется концепции «квазиальянса» и дискуссиям в современной историографии относительно мотивов советского руководства при заключении договоров с Германией.

Ключевые слова: историография российско-германских отношений, Рапалльский договор, пакт Молотова-Риббентропа, «квазиальянс», Веймарская республика, секретные протоколы, геополитические интересы.

RUSSIA AND GERMANY: FROM ALLIANCE TO WORLD WARS

Summary: This article analyzes controversial issues in Russian-German relations in the late 19th and early 20th centuries. It examines the main historiographical approaches to assessing the 1922 Rapallo Treaty, the 1939 Molotov-Ribbentrop Pact, and pre-war cooperation between the two countries. The author asks why the alliance inevitably gave way to military confrontation and concludes that this cycle was based on a fundamental divergence of geopolitical goals despite a tactical coincidence of interests. Particular attention is paid to the concept of a "quasi-alliance" and discussions in contemporary historiography regarding the motives of the Soviet leadership in concluding treaties with Germany.

Keywords: historiography of Russian-German relations, Rapallo Treaty, Molotov-Ribbentrop Pact, "quasi-alliance," Weimar Republic, secret protocols, geopolitical interests.

Проблема российско-германских отношений в первой половине XX века остается в центре внимания отечественной и зарубежной историографии. Как отмечает А. Ю. Ватлин, методология «переплетённой истории» позволяет перенести акцент с межгосударственных отношений на процесс общественного взаимодействия, включающий сферы быта, массовой культуры и политики, что

открывает новые возможности для понимания глубинных механизмов сближения и отторжения двух стран [6, с. 45–46]. Действительно, ни с одной другой европейской страной у России не было столь интенсивного и одновременно трагического взаимодействия, как с Германией. В исторической науке сложились различные подходы к оценке раннего этапа советско-германских отношений. Ю. [1, с. 206]. Особого внимания заслуживает диссертация Т.В. Анисимовой, в которой впервые был проведен комплексный анализ военно-политических отношений между СССР и Германией с разделением на рапальский период и этап после прихода нацистов к власти [1, с. 207]. Ключевой для понимания всей проблемы является работа С. А. Горлова «Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин. 1920–1933 годы». Исследователь вводит термин «квазиальянс», характеризующий отношения двух стран, имевших различные глобальные цели – стремление к мировой революции у СССР и перспективу реванша у Германии – при выгодном в данный момент совпадении тактических интересов [3, с. 112–115; 6]. Горлов на основе ранее секретных документов высших государственных органов и компартии впервые дал комплексную картину становления военно-политического сотрудничества, показав, что Рапальский договор лишь внешне оформил уже налаживавшиеся экономические и военные связи [3, с. 118]. Существенный вклад в разработку темы внесла докторская диссертация Ю. З. Кантор «Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921–1939 гг.». Автор подчеркивает, что ведущая роль в становлении военного сотрудничества принадлежала руководству СССР, причем это мнение преобладало среди партийной верхушки. Кантор также обращает внимание на умелое использование советской дипломатией противоречий между странами-победительницами и побежденной Германией для прорыва дипломатической блокады [1, с. 208–209]. А.Ю. Байков в диссертации «Советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1920–1933 гг.» отмечает множество причин этого взаимодействия: неблагоприятные итоги Первой мировой войны для обеих стран, изоляция от европейской политики, общий противник в лице Польши. Интересен вывод исследователя о том, что различия между странами также способствовали развитию взаимосвязей – ограничения Версальского договора для Германии и их отсутствие для Советской России создали естественную основу для переориентации германского военно-промышленного комплекса на внешние заказы [1, с. 209]. Дипломатическая предыстория Рапальского договора детально проанализирована Л. А. Безыменским. Исследователь, опираясь на переписку Г. В. Чичерина с В. И. Лениным, показывает, что новая тактика советской дипломатии предусматривала отказ от максималистских деклараций и переход к «производственной политике». Чичерин в феврале 1922 года писал Ленину: «Мы должны, как марксисты и реалисты, трезво учитывать сложность нашего положения... Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели» [4]. Безыменский также приводит записку И. В. Сталина от 30 ноября 1921 года, в которой будущий советский лидер скептически оценивал

возможность «серьезных деловых комбинаций с немцами», полагая, что время для них ещё не настало [4]. Особую сложность для историков представляет оценка пакта Молотова-Риббентропа. Как отмечает Г. Бордюгов, в историографии сложились две основные позиции. Одни исследователи считают пакт законным средством обеспечения безопасности СССР, естественным продолжением имперской политики, подчеркивая, что «делёж» Европы начали правительства Франции и Великобритании в Мюнхене в 1938 году. Другие ученые рассматривают заключение пакта одновременно как ошибку и как проявление экспансионистских замыслов Сталина под идеологической оболочкой «расширения зоны социализма» [7]. Дискуссионность проблемы подтверждает и официальная позиция Института российской истории РАН. Заместитель директора ИРИ РАН С. Журавлев подчеркивает: «Для науки разные точки зрения и дискуссии – норма жизни, многие ученые в чем-то сходятся, а в каких-то нюансах и аспектах придерживаются разных позиций. Это относится и к оценке советско-германских соглашений и их последствий». При этом он отмечает, что вопросы о вынужденности подписания договора для Советского Союза могут быть темой для «особого разговора», однако ученые стремятся не смешивать научный дискурс с политической плоскостью [5]. Важным аспектом современной историографии является анализ восприятия пакта в медийном пространстве. Исследователи отмечают, что термин «пакт Молотова-Риббентропа» зачастую ошибочно идентифицируется со всеми последующими советско-германскими договоренностями 1939–1941 годов. Постоянное обращение политиков и журналистов к этой теме свидетельствует о том, что пакт стал своеобразным «местом памяти», где пересекаются воспоминания о прошлом представителей разных стран [2, с. 87–89]. В западной историографии периода холодной войны сложились свои подходы к оценке советско-германских отношений. А. В. Гришин анализирует взгляды британских и американских историков на подготовку и заключение Рапалльского договора, отмечая, что зарубежные исследователи акцентировали внимание на тактических мотивах сторон и геополитическом контексте [9]. Таким образом, историография российско-германских отношений демонстрирует широкий спектр оценок – от признания Рапалльского договора первым равноправным международным договором для обеих стран до квалификации пакта Молотова-Риббентропа как циничного сговора. Общим местом в исследовательской литературе является признание того, что сотрудничество носило временный, тактический характер и было обречено на крах в силу фундаментальных расхождений стратегических целей. Как справедливо отмечает С. А. Горлов, «квазиальянс» Москвы и Берлина был возможен лишь до тех пор, пока обе стороны видели в нем средство достижения своих глобальных целей – мировой революции и национального реванша соответственно [3, с. 345].

Список литературы:

1. Наумова Ю. А. Рапалльский договор 1922 года и проблема выстраивания дипломатических отношений между РСФСР и Веймарской Германией в оценках отечественных и зарубежных историков // Молодой ученый. – 2022. – № 42 (437). – С. 205–211. – URL: <https://moluch.ru/archive/437/95599> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Пакт Молотова – Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1. – С. 85–92. – URL: <https://politlinguistika.ru/archive/186504/1/pakt-molotova-ribbentropa-v-sovremennom-mediapoliticheskom-diskurse> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Горлов С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с. – URL: <http://militera.lib.ru/research/all/g/b4484/index.html> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000. – 512 с. – URL: <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/03.html> (дата обращения: 25.02.2026).
5. В РАН отмежевались от обсуждения «пакта Молотова-Риббентропа» в политической плоскости // Интерфакс. – 2019. – 24 сентября. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/677720> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Ватлин А. Ю. Переплетенная история: Советская Россия и Веймарская Германия в межвоенный период: лекция в историческом лектории «Хронограф». – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. – URL: <http://hist.msu.ru/dop-obr/projects/lectorium/events.php/44596/> (дата обращения: 25.02.2026).
7. Бордюгов Г. Разные измерения пакта Молотова–Риббентропа // Trend News Agency. – 2009. – 24 августа. – URL: <https://ru.trend.az/world/russia/1527249.html> (дата обращения: 25.02.2026).
8. Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. – М., 2002. – 368 с.
9. Гришин А. В. Советская Россия и Германия на пути к Рапалло глазами британских и американских историков периода холодной войны // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-rossiya-i-germaniya-na-puti-k-rapallo-glazami-britanskih-i-amerikanskih-istorikov-perioda-holodnoy-voyny> (дата обращения: 25.02.2026).
10. Пакт Молотова-Риббентропа: от неполной информации к дезинформации // INOSMI.INFO. – 2023. – 9 августа. – URL: <https://inosmi.info/exclusive/29740-pakt-molotova-ribbentropa-ot-nepolnoj-informacii-k-dezinformacii-eska-pozice.html> (дата обращения: 25.02.2026).

Митюрин Александр Дмитриевич

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Mityurin Alexander

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МУЗЕЙ В КИНО И КИНО КАК МУЗЕЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимосвязи музея и кинематографа как двух способов репрезентации исторического наследия. Актуальность обусловлена возрастающей ролью визуальных образов в формировании исторических представлений современного человека. В работе анализируется, как игровое и документальное кино создает образ прошлого и как музеи, в свою очередь, осваивают киноязык для взаимодействия с посетителем. Особое внимание уделяется феномену «кино как музея», то есть способности фильмов выполнять функцию сохранения и трансляции культурной памяти. На примере российских и зарубежных кинолент, а также современных музейных экспозиций доказывается, что кино и музей сегодня выступают не конкурентами, а партнерами в деле осмысления истории.

Ключевые слова: музей, кинематограф, историческое наследие, визуализация прошлого, иммерсивность, мультимедиа в музее.

MUSEUM IN CINEMA AND CINEMA AS A MUSEUM: REPRESENTATION OF HISTORICAL HERITAGE

Summary: The article explores the relationship between museums and cinema as two means of representing historical heritage. The relevance of this topic stems from the growing role of visual images in shaping the historical perceptions of modern people. It provides an analysis of how fiction and documentary films create an image of the past, and how museums, in turn, are adopting the language of cinema to engage with visitors. Special attention is paid to the phenomenon of "cinema as a museum," that is, the ability of films to preserve and transmit cultural memory. Using examples from Russian and foreign films, as well as contemporary museum exhibitions, the article argues that cinema and museums today are not competitors, but partners in the interpretation of history.

Keywords: museum, cinematography, historical heritage, visualization of the past, immersiveness, multimedia in the museum.

Визуальная информация в современном мире занимает доминирующее положение в системе коммуникаций. Для значительной части общества именно кинематограф становится главным источником представлений о прошлом, формируя устойчивые образы исторических эпох и событий. Как отмечает В.А.

Хохлов, более 60% россиян считают кино главным источником знаний об истории [4]. Одновременно музеи как традиционные институты сохранения культурного наследия переживают период трансформации, осваивая новые формы взаимодействия с посетителем, среди которых киноязык приобретает особое значение [5].

На первый взгляд музей и кино представляются явлениями противоположными: музей ассоциируется с подлинностью, статикой и созерцанием, кино – с вымыслом, динамикой и зрелищностью. Однако их отношения носят взаимный и исторически обусловленный характер. В массовом кинематографе долгое время доминировал образ музея как пыльного хранилища, где время остановилось. Этот стереотип активно тиражировался в фильмах разных жанров – от классических фильмов ужасов, где экспонаты оживают по ночам, до советских производственных драм, изображавших музейных работников чужаковатыми хранителями. Подобное восприятие музея как «кладбища истории» имело основания: в XIX – первой половине XX века музей действительно часто воспринимался как элитарное учреждение, доступное лишь узкому кругу специалистов.

Однако во второй половине XX века ситуация начинает меняться. Показательным примером переосмысления образа музея стала американская комедия «Ночь в музее» (2006), где экспонаты оживают и вступают в диалог с современностью, а музей предстает пространством живого взаимодействия с прошлым. Принципиально иной, более глубокий подход демонстрирует фильм Александра Сокурова «Русский ковчег» (2002), снятый одним кадром в Государственном Эрмитаже. Здесь музей выступает не просто местом действия, аместилищем национальной памяти, где искусство и история переплетаются неразрывно. Камера путешествует по залам, встречая исторических персонажей разных эпох, а само музейное пространство становится активным участником повествования. Как отмечает Э. Манделли, подобные проекты демонстрируют новый уровень взаимодействия музея и кинематографа, где музей перестает быть пассивным фоном и обретает голос [6].

Однако гораздо более значимым представляется обратный процесс – феномен «кино как музея», то есть способности кинематографа выполнять функции сохранения и трансляции исторического наследия. В первую очередь это относится к документальной кинохронике. Кадры, запечатлевшие события мировых войн, революции, индустриализацию, быт ушедших эпох, обладают аурой подлинности и выполняют ту же функцию, что и музейные экспонаты – служат документальными свидетельствами прошлого. В России систематический сбор и хранение кинохроники начался еще в 1920-е годы, и сегодня в архивах хранятся миллионы метров пленки, запечатлевшей историю страны.

Фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965) блестяще демонстрирует, как монтаж и авторский комментарий могут превратить архивные кадры в глубокое исследование тоталитарной идеологии. Ромм использовал не только советскую хронику, но и трофейные немецкие съемки, в

том числе любительские ленты солдат вермахта. Столкновение разных взглядов на одни и те же события создает объемную картину, заставляющую зрителя задуматься о природе нацизма. Как отмечает В.С. Стельмашук, подобные фильмы выполняют важнейшую функцию сохранения исторической памяти, выступая своеобразным «кинематографическим архивом» эпохи [3]. При этом важно понимать, что даже документальное кино не является объективным отражением реальности: отбор кадров, их последовательность, интонация комментатора – всё это формирует определенную интерпретацию, что сближает работу кинодокументалиста с трудом музейного куратора, который также отбирает экспонаты и выстраивает нарратив экспозиции.

Использование документальной хроники в художественных фильмах также имеет давнюю традицию. В эпопее Юрия Озерова «Освобождение» (1970–1971) кадры кинохроники органично вплетаются в игровое повествование, придавая ему качество исторического свидетельства. Многие сцены снимались на тех же местах, где происходили реальные события, что усиливает эффект подлинности. Исследователи отмечают, что подобные проекты играют ключевую роль в формировании исторической памяти новых поколений, особенно в условиях, когда живых свидетелей событий остается всё меньше [1].

Игровое кино способно выполнять музейные функции и через скрупулезное воссоздание материальной культуры прошлого. Экранизация «Войны и мира» Сергея Бондарчука (1965–1967) до сих пор поражает масштабом реконструкции балов, интерьеров, военных мундиров начала XIX века. Для создания костюмов художники изучали подлинные образцы из музейных собраний Эрмитажа и Исторического музея. Было сшито более 20 тысяч комплектов военной формы. Для нескольких поколений зрителей этот фильм стал главным визуальным источником знаний об эпохе 1812 года. Как подчеркивает А. Неретина, в таких случаях кинематограф начинает замещать собой музейную экспозицию, становясь для массового зрителя основным проводником в прошлое [2]. Та же тенденция прослеживается в современных проектах: фильм «Серебряные коньки» (2020) воссоздает Санкт-Петербург рубежа XIX–XX веков с использованием исторических чертежей и музейных коллекций, погружая зрителя в атмосферу Северной столицы накануне революционных потрясений [4].

Однако здесь возникает серьезная проблема: зритель может принять художественный вымысел за подлинную историю. Кино всегда остается интерпретацией, оно неизбежно упрощает и драматизирует события, подчиняя их законам жанра. Яркий пример – фильм «Т-34» (2018), где танковые дуэли поставлены по законам зрелищного боевика, а не реальной тактики боя. Для многих молодых зрителей именно этот фильм формирует образ войны, создавая миф, способный заслонить реальные факты. Это обратная сторона «кино как музея»: музей призван сохранять подлинность, тогда как кино часто жертвует ею ради зрелищности. Однако существуют и примеры удачного баланса: фильмы, создаваемые при участии исторических консультантов и с

использованием музейных коллекций, могут сочетать художественную выразительность с уважением к исторической правде.

Современные музеи, осознавая эту проблему, активно осваивают киноязык, стремясь сделать экспозиции более доступными и эмоционально вовлекающими. Традиционные витрины дополняются мультимедийными инсталляциями, видеопроекциями, зонами панорамного кино. Как отмечает Л.А. Худякова, использование кинематографических приемов в музейной экспозиции имеет давнюю историю, восходящую к 1920-м годам, когда Международное бюро музеев пропагандировало использование кино в музейном деле [5]. Эта тенденция усилилась в XXI веке в связи с изменением способов восприятия информации: современный посетитель привык к динамике, он хочет не просто смотреть, но и погружаться, участвовать.

Исторические парки «Россия – моя история», открытые во многих городах начиная с 2013 года, представляют собой принципиально новый тип музейного пространства. Экспозиции целиком построены на цифровых технологиях: история от Рюриковичей до наших дней подается языком клипов и инфографики, привычным для человека, выросшего в эпоху интернета. Сенсорные столы, интерактивные карты, видеоинсталляции позволяют посетителю самостоятельно выбирать траекторию знакомства с материалом. Популярность проекта (миллионы посетителей) свидетельствует о востребованности такого подхода, хотя он и вызывает дискуссии о границах между просвещением и упрощением истории.

Музей Победы на Поклонной горе использует звуковые и световые эффекты в диорамах, а в зале «Дорога к Победе» применен иммерсивный подход с проекциями военной хроники, реконструированными интерьерами военных лет. Посетитель слышит грохот боя, видит вспышки выстрелов, проходит через пространства, воссоздающие атмосферу войны. Такое погружение делает историю эмоционально близкой, особенно для молодого поколения, которое лучше воспринимает информацию через аудиовизуальные образы [1]. Однако здесь возникает риск подмены: чрезмерная увлеченность спецэффектами может отвлекать от осмысления самой истории, превращая музей в аттракцион.

Интересен зарубежный опыт. В мемориальном музее «Аушвиц-Биркенау» посетителям показывают документальный фильм, снятый советскими операторами сразу после освобождения лагеря. Эти кадры – не просто иллюстрация, а неотъемлемая часть экспозиции, без которой невозможно осознать масштаб трагедии. Фильм демонстрируется перед входом на территорию лагеря, подготавливая посетителей к тому, что они увидят [6]. В музее Гуггенхайма в Нью-Йорке видеоинсталляции современных художников становятся частью выставочного пространства, создавая гибридные формы, где экран и подлинный экспонат дополняют друг друга.

Взаимодействие музея и кино носит двусторонний характер. Кино не только черпает вдохновение в музейных собраниях, но и само становится объектом музейного показа. Музей кино в Москве хранит костюмы, реквизит,

личные архивы режиссеров и актеров. Среди уникальных экспонатов – костюм Ивана Грозного из фильма Эйзенштейна, куклы из мультфильмов Птушко, личные вещи Тарковского. Здесь кино выступает в роли предмета музейного показа, а музей – в роли хранителя кинопамяти [2]. Особого внимания заслуживают музеи, посвященные отдельным фильмам: в Ясной Поляне существует экспозиция об экранизациях «Войны и мира», в Переславле-Залесском – музей Александра Невского, где большое место занимает материал о фильме Эйзенштейна, сформировавшем визуальный образ князя для многих поколений.

Таким образом, кино и музей в современной культуре не противостоят друг другу, а образуют сложный симбиоз. Кино способно оживлять музейные экспонаты, возвращать им утраченный контекст и эмоциональное звучание. Музей придает кинематографическому вымыслу достоверность, связывая художественный образ с подлинным артефактом. Их взаимодействие позволяет преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, сделать историю не абстрактным знанием, а лично пережитым опытом [3]. При этом важно сохранять критическое отношение к экранным образам, понимая, что любое кино – это чья-то интерпретация.

В заключение следует подчеркнуть, что в эпоху доминирования визуальных образов именно союз музея и кино способен сохранить историческую память живой и доступной для новых поколений. Однако необходимо помнить о принципиальном различии: кино всегда остается интерпретацией, художественным высказыванием, тогда как музей – хранителем подлинности. Только при сохранении баланса между зрелищностью и достоверностью, при взаимном уважении к специфике каждого института они могут выполнить свою главную миссию – не дать прошлому уйти в небытие, сохранить связь времен и поколений. Этот синтез открывает новые перспективы для развития как музейного дела, так и кинематографа, позволяя создавать более глубокие и многослойные формы репрезентации истории, отвечающие запросам современного зрителя и посетителя.

Список литературы:

1. Курасов, С.А. Кино и историческая память современной молодежи: от поиска идей к реализации / С.А. Курасов // Преподавание истории в школе. – 2022. – № 1. – С. 15–18.
2. Неретина, А. Кино в пространстве музея / А. Неретина // Сборник научных трудов РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. – С. 87–94.
3. Стельмашук, В.С. Археология через призму кинематографа / В.С. Стельмашук // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 1. – С. 14–16.
4. Хохлов, В.А. 35 миллиметров русской истории. Кино и историческая память / В.А. Хохлов. – М.: Искусство, 2020. – 312 с.

- 5.Худякова, Л.А. Кинематограф на службе музеев и памятников культуры: по материалам журнала «Мусейон» / Л.А. Худякова // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 143–149.
- 6.Mandelli, E. The Museum as a Cinematic Space: The Display of Moving Images in Exhibitions / E. Mandelli. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. – 176 p.

Москалева Дарья Дмитриевна

студент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Чепель Александр Иванович

Moskaleva Darya

Saint Petersburg State Maritime Technical University

О ПРОБЛЕМЕ МОРСКОГО ПИРАТСТВА В АДЕНСКОМ ЗАЛИВЕ

Аннотация. В статье рассказывается о морском пиратстве в Аденском заливе. Автор изучает причины распространения морского пиратства у берегов Сомали. Выявляются социальные и экономические причины морского пиратства в этом регионе. Исследуются масштабы экономических потерь от воздействия морских пиратов на грузоперевозки. Анализируются меры по противодействию морскому пиратству в Аденском заливе.

Ключевые слова: морское пиратство, Аденский залив, морской транспорт, морская логистика, риски в морской логистике.

ON THE PROBLEM OF MARITIME PIRACY IN THE GULF OF ADEN

Summary. This article discusses maritime piracy in the Gulf of Aden. The author examines the causes of the spread of maritime piracy off the coast of Somalia. Social and economic reasons for maritime piracy in this region are identified. The scale of economic losses from the impact of maritime pirates on cargo transportation is investigated. Measures to counter maritime piracy in the Gulf of Aden are analyzed.

Keywords: maritime piracy, Gulf of Aden, maritime transport, maritime logistics, risks in maritime logistics.

Проблема пиратства в районе Аденского залива в наши дни является актуальной, так как Аденский залив и прилегающие к нему Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море, связывают Европу и Средиземноморье с Азией, Ближним Востоком и Восточной Африкой через Суэцкий канал. Эта зона является важной составляющей морского судоходства: каждый год через этот маршрут проходит более трёх тысяч судов, поэтому любая угроза здесь мгновенно отражается на всей глобальной цепочке поставок. Наиболее актуальной проблема пиратства в Аденском заливе является для стран ЕС. На основе данных агентства ЕС НАВФОР, которое выполняет мониторинг и патрулирует Аденский залив, можно сказать, что около 95 процентов всей торговли стран Европейского Союза приходится на морскую торговлю.

Зарождение пиратства в Аденском заливе началось с того, что сомалийцы пытались отстоять свои воды от судов, занимающихся браконьерством рыбы. Заявило морское пиратство о себе, по данным Норвежского института региональных и урбанизационных исследований, в 2004 году, когда Сомали стали рассматривать в качестве региона, который представляет угрозу для

международной морской торговли, а также угрожающего региональной безопасности в целом.

Существует ряд причин появления пиратства именно в Сомали. Во-первых, существует географическая предпосылка: суда, идущие из Красного моря в Индийский океан и обратно, через узкий Баб-эль-Мандебский пролив, не могут обойти Аденский залив и сразу же становятся «мишенью» для нападения. Во-вторых, в основе пиратства лежит бедность. Большинство сомалийских пиратов – это молодые люди, у которых нет возможности найти хорошо оплачиваемую работу.

С политической и экономической точки зрения причин широкого распространения пиратства в данном регионе в разы больше. Прежде всего, это несовершенство законодательства и отсутствие международной системы, которая была бы нацелена на борьбу с пиратством. Значительная часть Аденского залива – это открытое море, где преступники чувствуют себя безнаказанными. Существуют сложности с привлечением пиратов к суду: какую страну просить об уголовном преследовании? Где отбывать наказание? Эта правовая неопределённость, о которой говорят в ООН, снижает эффективность борьбы с преступностью. Также со стороны прибрежных государств приложено недостаточно усилий, направленных на борьбу с пиратством: даже при желании активно бороться с пиратством у Сомали и Йемена часто не было необходимых средств, технологий и обученного персонала для этой борьбы. Помимо прочего, террористические организации, например, «Аш-Шабаб» (запрещенная в РФ организация), нередко совершали акты пиратства для подрыва политической стабильности в регионе или ради финансовой выгоды.

По оценкам, каждые 10 случаев захвата судов приводят к сокращению экспорта между Азией и Европой примерно на 11 %, что влечёт издержки в размере около 28 млрд долларов США. Пик активности пиратства в Аденском заливе пришелся на 2008–2012 годы: пираты захватывали торговые и пассажирские суда, беря в заложники экипажи. В 2011 году общий ущерб мировой экономике от сомалийского пиратства в Аденском заливе составил около 6,9 миллиарда долларов, а уже в 2013 году сообщалось, что потери мировой экономики от сомалийского пиратства составляли 18,2 млрд долларов в год. После этого количество нападений стало постепенно уменьшаться. Однако даже при снижении количества успешных захватов, экономический ущерб от потенциальной угрозы пиратства многогранен и исчисляется миллиардами долларов. Огромные суммы уходят на обеспечение безопасности: судоходные компании вынуждены платить повышенные страховые взносы за проход через зону военных рисков, а коммерческие суда нанимать частные вооружённые охранные группы за десятки тысяч долларов за один транзит. В случае обострения ситуации некоторые судоходные компании предпочитают идти в обход, например, вокруг мыса Доброй Надежды. Это добавляет к пути до двух недель и значительно увеличивает расходы на топливо и зарплату экипажу.

Пиратство негативно сказывается на экономике как стран, через чьи воды проходят торговые пути, так и прибрежных государств. Для стран, через чьи воды проходят торговые пути, риск нападений снижает привлекательность маршрута, что приводит к оттоку грузопотоков и потере доходов от транзита. Для прибрежных государств, таких как Сомали, пиратство становится своеобразным «бизнесом», который, хотя и приносит доходы отдельным группам, в целом разрушает легальную экономику. Например, в Сомали пиратство привело к снижению рыболовства и туризма, а также к росту коррупции и зависимости от криминальных доходов.

Для обеспечения безопасности судоходства в зоне действия сомалийских пиратов был принят ряд мер. В 2008 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1838, разрешающую странам применять военную силу для пресечения пиратств. Помимо этого, в регионе появились частные военные компании, например французская Sicomex, которая проводила точечные операции против пиратских групп, а также были направлены военные корабли десятков стран, включая ЕС, НАТО, Россию, Китай, Индию и Японию. Часто использовались и невоенные методы: некоторых пиратов «покупали», предлагая крупные суммы за отказ от криминальной деятельности, других легализовывали в качестве бизнесменов.

Стоит отметить, что подобные меры дают свой результат: начиная с 2013 года сомалийские пираты уступили лидирующие позиции по числу совершённых нападений и захватов судов своим нигерийским коллегам. К середине 2010-х годов о сомалийских пиратах стало реже упоминаться в новостях. Такая положительная динамика продлилась вплоть до 2024 года: тогда было зафиксировано 26 инцидентов, а в конце 2025 года произошло несколько атак пиратов на грузовые суда в Аденском заливе. В зоне риска оказались перевозки в Азию, ЮАР и на Ближний Восток.

Усиление пиратской активности в районе Адена в последние годы ставит вопрос об обновлении как международных договоров в отношении преследования пиратов, так и отдельных законов против морского пиратства в странах, страдающих от пиратских нападений. В основном все подозреваемые в морском пиратстве предстали перед судами разных стран по обвинениям в терроризме, покушениях, захвате заложников, вооружённых нападениях. Но ни одному не было предъявлено обвинение именно в пиратстве. Несмотря на то, что по совокупности предъявленных обвинений пираты получили длительные сроки заключений, есть основания для обновления международного законодательства по этой проблеме. По большей части, она заключается в отсутствии координации усилий международного сообщества, направленных на регламентацию международно-правовых мер по противодействию и наказанию преступлений, совершаемых пиратами.

Морское пиратство в Аденском заливе представляет собой не локальную криминальную проблему, а системный дестабилизирующий фактор, оказывающий прямое и многоуровневое воздействие на современную международную экономику. Пиратство в этой зоне остаётся препятствием для

бесперебойного функционирования мировой экономики, требующим не только военно-технического реагирования, но и выработки комплексных международно-правовых и экономических механизмов, направленных на минимизацию рисков и снижение уязвимости глобальной торговой системы.

Список литературы:

1. Аден А.Ю. Проблема пиратства в районе Аденского залива // Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1 / под ред. Кузьминой В.М.. Курск, 2020. С. 15–17.
2. Алдонясов В.И. Проблемы Африканского рога, или пираты XXI-го в. // Мир и политика. 2010. № 9(48). С. 53–66.
3. Бутакова Н.А., Евграфова И.В., Тарасов А.С., Чепель А.И. Эволюция организационно-правового противодействия пиратству на море // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6. С. 82–86.
4. Князева Н.А., Князева Е.А. Использование военно-морских сил в борьбе с морским пиратством // Национальная безопасность / Nota bene. 2019. № 4. С. 1–10.
5. Пискунова Н.И. Пиратство в зоне Аденского залива: современное состояние проблемы // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-2. С. 193–202.
6. Чепель А.И., Балашова Е.С. Монетизация разбоя: проблема экономических потерь от морского пиратства на современном этапе // Современные проблемы инновационной экономики. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, 15 декабря 2023 г. СПб., 2023. С. 478–483.
7. Чепель А.И., Балашова Е.С. Морское страхование как способ уменьшения экономических потерь от морского пиратства: проблемы и перспективы // Счисляевские чтения: актуальные проблемы экономики и управления. Материалы XIII международной научно-практической конференции. 26 апреля 2024 г. СПб., 2024. С. 468–473.

Московская Евгения Александровна

1 ГД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Moskovskaya Evgeniya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ СУТЕЕВ: ТАЛАНТ ХУДОЖНИКА И ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается творческий путь и педагогическая деятельность Владимира Григорьевича Сутеева, его вклад в развитие советской анимации и детской литературы. Особое внимание уделяется его инновационным подходам к созданию книг-иллюстраций, роли в воспитании гуманистических ценностей и влиянию на развитие культуры и педагогики.

Ключевые слова: детская литература, книги-иллюстрации, анимация, воспитание, кино, гуманизм, культура, педагогика, творчество.

VLADIMIR GRIGORIEVICH SUTEEV: THE TALENT OF AN ARTIST AND TEACHER IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF SOVIET CULTURE

Summary: The article examines the creative path and pedagogical activity of Vladimir Grigorievich Suteev, his contribution to the development of Soviet animation and children's literature. Special attention is paid to his innovative approaches to creating illustration books, his role in fostering humanistic values, and his influence on the development of culture and pedagogy.

Keywords: children's literature, illustration books, animation, education, cinema, humanism, culture, pedagogy, creativity.

Владимир Григорьевич Сутеев — фигура уникальная и яркая в панораме отечественной культуры, соединившая в себе редкий дар художника, писателя и педагога. Его творчество — это не только зеркало времени, но и живое свидетельство эпохи, в которой молодое советское государство создавало свою идентичность, воспитывало моральные ценности и формировало гражданский долг. Образ Владимира Григорьевича и его художественные произведения — это те духовные опоры, на которых строилась система воспитания нового поколения, закладывавшего основы социалистического будущего.

Владимир Сутеев родился в 1903 году в семье врача, доктора медицинских наук Григория Сутеева. Григорий Осипович по работе вращался в естественно-научных кругах, а в свободное время пел на концертах в Благородном дворянском собрании, интересовался классической литературой и живописью, сам рисовал и учил сыновей — Владимира и Вячеслава. Мать будущего художника и детского писателя тоже жила культурой и не

пропускала ни одной художественной выставки. Владимир стал детским писателем, иллюстратором и мультипликатором, а Вячеслав — режиссером документального кино. [5]

Талант к рисованию у Владимира Сутеева проснулся рано. Он начинал с воображаемых сюжетов и простых образов — представления в цирке, пейзажи, лесные животные, а затем юный художник перешел к карикатурам и шаржам на знакомых. Когда ему было четырнадцать лет, в стране гремела революция, началась Гражданская война. Денег у семьи не хватало, и подросток решил использовать свои художественные способности для заработка. Он рисовал диаграммы для выставок здравоохранения, плакаты, дипломы и грамоты для победителей спортивных соревнований. От «живописных» он переходил и на другие работы — был санитаром в красноармейском госпитале и учителем физкультуры у младшеклассников. [5]

Понимая, что рисование вряд ли принесет много денег в кризисные времена, будущий художник решил поступить на инженерно-строительный факультет Московского высшего технического училища (сейчас — университет имени Н. А. Баумана). [5] Однако на инженера Сутеев так недоучился. Для его таланта художника нашлась не менее перспективная область.

В 1924 году поступил на художественный факультет Государственного техникума кинематографии (ГТК). Вместе с ним на курсах учились его брат Вячеслав Сутеев и двоюродный брат Дмитрий Боголепов (1903—1990) — впоследствии режиссёры научно-популярного кино. Ещё во время учёбы Владимир примкнул к экспериментально-производственной группе мультипликаторов при техникуме (Юрий Меркулов, Николай Ходатаев, Зенон Комиссаренко, Даниил Черкес). Дебютировал в качестве мультипликатора в фильме «Китай в огне» (1925), где впервые был применён альбомный метод мультипликации. Картина уникальна тем, что в ней впервые применили альбомный метод анимации — каждый момент мультика рисовался отдельно на бумаге. В 1928 году Владимир заканчивает учебу и начинает работу на кинофабрике «Межрабпомфильм». Больше всего молодого художника заинтересовала мультипликация, которая в те годы делала в СССР первые шаги. В 1931 году он выпускает первый советский оригинальный звуковой мультфильм «Улица поперек», где дебютирует как постановщик. [4]

В 1924—1925 годах проявил себя в рекламном плакате, создав несколько киноплакатов к вышедшим в советский прокат зарубежным фильмам: «Безбилетный пассажир», «Девушка в маске», «Жена фараона», «Кожаные перчатки», «Куртизанка», «Поташ и Перламутр», «Похождения американки», «Принц по милости сказки (Жена Сабейда)», «Сердце гор», «Три мушкетёра». Также известен его плакат 1934 года к фильму «Весёлые ребята», созданный совместно с Дмитрием Бабиченко.

В 1928 году окончил учёбу в ГТК и устроился на кинофабрику «Межрабпомфильм». Через 3 года он поставил первый советский оригинальный звуковой мультфильм «Улица поперёк». Вместе со Львом Атамановым и Дмитрием Бабиченко разрабатывал серийного персонажа —

Кляксу. В 1935 году перешёл в коллектив Виктора Смирнова (вначале в Экспериментальную мультмастерскую при Главном управлении кинофотопромышленности (ГУКФ), затем — на «Мосфильм»), где числился художником по титрах, фактически же выполняя и режиссёрские функции. [4]

При работе с анимационным кино наглядным пособием для Владимира Сутеева и его коллег стали ленты Уолта Диснея, которые знаменитый мультипликатор отправил организаторам Московского кинофестиваля в 1934 году. Советские аниматоры были поражены работами мастера — плавной сменой кадров, пластикой и характерами персонажей, новыми технологиями, открытыми Диснеем. На волне этого интереса отдельные группы энтузиастов объединились в "Союзмультфильм", чтобы творчески переосмыслить наследие Диснея и создать свои ленты мирового уровня, которыми будут вдохновляться классики анимации. Сценарный отдел студии являлся неким интеллектуальным центром и местом встречи основоположников советской анимации. [2]

В то же время начал работать на "Союзмультфильме" и Владимир Сутеев. "Дядя Стёпа" (первая экранизация поэмы Сергея Михалкова), "И мы на Олимпиаду", "Почему у носорога шкура в складках", "Муха-Цокотуха" — ленты, созданные Сутеевым, которые легли в основу самобытной традиции советского рисованного фильма. [2]

Также в это время Сутеев постоянно рисует для детских и подростковых периодических журналов: «Мурзилка», «Пионер», «Дружные ребята», «Искорка», «Пионерская правда» и других. С 1923 года он начинает иллюстрировать книги для детей. Среди самых известных его работ — иллюстрации к произведениям Корнея Чуковского и Самуила Маршака. Журнал "Мурзилка" №6 1928. [4]

22 июня 1941 года он представляет в комитете кинематографии свою экранизацию «Мухи-Цокотухи», а через два дня отправляется на Юго-Западный фронт. Участвовал в Белорусской операции, в боях на Юго-Западном фронте. Только в 1943 году его отзывают с фронта на «Воентехфильм», где он ставит учебные фильмы (кадры из этих фильмов войдут в учебники Суворовского училища): «Ориентирование на местности», «Типы вражеских танков», «Уничтожай танки врага», «Борьба с вражескими танками» и «Как бороться с замораживанием». Любимую работу Сутеев продолжал даже в военные годы. Когда выдавалось свободное время, рисовал для детей — ведь детям в военное время чудеса еще нужнее, чем в мирное. [4] После войны Сутеев вернулся в «Союзмультфильм» и три года преподавал на курсах художников-мультипликаторов, параллельно начав иллюстрировать детские книги. Вскоре Владимир и вовсе завершает карьеру режиссёра и уходит полноценно работать художником-иллюстратором.

Владимир Сутеев не долго думал над тем, каким именно иллюстратором он хотел быть: его умения и талант переключились на детскую литературу. Поначалу он только рисовал иллюстрации и оформлял обложки отечественных и зарубежных классиков для издательства «Детгиз». С иллюстрациями Сутеева вышли книги Корнея Чуковского, Агнии Барто, Самуила Маршака, Сергея

Михалкова. Но всё же опыт сценариста и режиссёра пригодился, и в довольно оригинальной форме. Сутеев стал сочинять сказки. Но не просто сочинять а, что вполне закономерно, иллюстрировать. Он, по сути, создал некий промежуточный жанр — «книжку-картинку» — соединив динамику и информативную образность мультипликации с поясняющим и оформляющим сюжет текстом. [3] Первая такая книжка "Две сказки про карандаш и краски" вышла в 1952 году и была отмечена положительной рецензией Корнея Чуковского. [2]

Он рисовал на каждой странице, текст всегда сопровождался иллюстрацией, поэтому, если взять его книги и быстро перелистать, создается впечатление, что вы держите в руках мультфильм. Рисунки Сутеева узнаются сразу: вроде бы простые, они цепляют своей живостью и красочностью — будто на каждой странице поселилось солнце и рассказывает нам о доброте и храбрости, как, например, сказка «Про бегемота, который боялся прививок».

Хотя сейчас часто говорят о Сутееве как о создателе "первых советских комиксов", это определение не совсем корректно. Главное отличие комиксов в том, что рисунок в них играет ведущую роль, а текст вторичен или отсутствует вовсе. Сутеев действительно экспериментировал с формами, близкими к комиксам, как, например, в историях о пёсике Пифе. Однако его настоящие сказки строились на тесном диалоге текста и изображения. Тексты Сутеева, несмотря на свою краткость и простоту, обладают самостоятельной ценностью и могут быть поняты без иллюстраций. Но, в отличие от комиксов, лишение этих сказок картинок делает их менее выразительными и может привести к потере важной информации. Так, в "Кто сказал „Мяу“?" внимательный читатель может увидеть на картинках спрятавшуюся кошку, что добавляет юмора в историю о недоумевающем щенке. [5]

Сутеев вспоминал в письмах: «Мне пишут учителя, библиотекари, работники детских садов, инженеры... Особенно взволновало меня письмо сотрудников детской больницы в Рязани. Врачи, медсестры и няни писали: „...ваши сказки и рисунки помогают нам лечить детей. Даже у самых тяжелобольных они вызывают улыбку. Нам очень нужны такие книги“. Все эти письма — радостная и вдохновляющая награда — большое, настоящее счастье для художника». [5]

Дети окружали художника, куда бы он ни шел. Он был рад такой компании и всегда был готов удивить детей: его коронным трюком была демонстрация способностей амбидекстра — он одинаково хорошо владел правой и левой рукой. Когда его приглашали выступить в школах с лекциями, он одновременно двумя рисовал на доске зеркальных собачек, приводя школьников в восторг.

Жизнь и творчество Владимира Григорьевича Сутеева — это увлекательный рассказ о том, как искусство может служить науке воспитания и морали, прописанной в ярких образах, услужливых метафорах и глубоких по смыслу текстах. Его художественные и педагогические идеи оказали значительное влияние на развитие отечественного искусства, формирования

нравственных ориентиров советских граждан и воспитание поколения. иллюстрировал свои многочисленные сказки. Его книги отличаются простотой и доступностью для самых маленьких читателей. Во многом благодаря живости рисунков и свойственному его стилю юмору, автору удается воспитывать и направлять на правильный путь своих юных читателей. [3] Наследие Владимира Сутеева — это живой мост между прошлым и настоящим, напоминание о силе и ответственности искусства в формировании человеческой души.

Особое значение приобретает его педагогическая философия, основанная на уважении к ребёнку, его внутреннему миру и потенциалу. В своих руководствах для воспитателей и педагогов он подчеркивал необходимость мягкого, доброжелательного воспитания и творческого подхода в обучении. Идеи Сутеева остаются актуальными и сегодня, служа пропагандой гуманистических ценностей и национальных традиций, ведь вклад Сутеева в развитие литературы, педагогики и художественного искусства навсегда останется важной частью богатого наследия России и всего СССР.

Список литературы:

1. Курий С. Как мультипликатор стал писателем, и что из этого вышло? Памяти Владимира Сутеева // Школа жизни: [сайт]. — 2013. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/60057/> (Дата обращения: 18.11.25)
2. Наш Дисней и Андерсен: как легендарный сказочник Владимир Сутеев создавал свои работы: [сайт]. — 2023. — [Электронный ресурс]. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/51039457-nash-disney-i-andersen-kak-legendarnyy-skazochnik-vladimir-suteev-sozdaval-svoi-raboty/> (Дата обращения: 18.11.25)
3. Чарская-Бойко В. Ю., Иванкова М. В. Иллюстрации в детской литературе. Опыт интермедиального анализа: [сайт]. — 2014. — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustratsii-v-detskoy-literature-opyt-intermedialnogo-analiza/viewer> (Дата обращения: 18.11.25)
4. Художник-сказочник Владимир Сутеев // Культура.РФ: [сайт]. — 2023. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/events/3346605/khudozhnik-skazochnik-vladimir-suteev>
5. Широкова А. Скажите, как вы задумываете свои сказки? История жизни и работы Владимира Сутеева // Мел: [сайт]. — 2023. — [Электронный ресурс]. URL: <https://mel.fm/zhizn/istorii/391658-skazhite-kak-vyzadumyvayete-svoi-skazki-istoriya-zhizni-i-raboty-vladimira-suteyeva> (Дата обращения: 18.11.25)

Мужипова Алина Эдуардовна

1 МГ-6

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Muzhipova Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОШЛОЕ КАК ОСНОВА БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Аннотация: В данной статье исследуется значение изучения истории Древнего мира и Средневековья для формирования стратегического мышления специалиста в области автоматизации и технологических процессов. Через призму философских концепций детерминизма, цикличности истории и онтологии техники доказывается, что технологический прогресс не является линейным и автономным процессом, но укоренен в социальных, экономических и мировоззренческих структурах, сформированных в глубоком прошлом. Анализируются преемственность инженерной мысли, эволюция систем управления и трансформация отношения «человек-техника» от античных механизмов до средневековых гильдий. Делается вывод о необходимости интеграции гуманитарного, историко-философского знания в техническое образование для ответственного проектирования будущих автоматизированных систем.

Ключевые слова: философия техники, Индустрия 4.0, IoT, SCADA, автоматизация, история технологии, детерминизм, циклы истории, инженерная этика, системы управления, робастность, будущее.

STUDYING THE HISTORY OF THE ANCIENT WORLD AND THE MIDDLE AGES: THE PAST AS THE BASIS OF THE FUTURE IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

Summary: This article examines the importance of studying the history of the Ancient World and the Middle Ages for the formation of strategic thinking of a specialist in the field of automation and technological processes. Through the prism of philosophical concepts of determinism, cyclical history and the ontology of technology, it is proved that technological progress is not a linear and autonomous process, but is rooted in social, economic and ideological structures formed in the deep past. The article analyzes the continuity of engineering, the evolution of control systems and the transformation of the "man-machine" relationship from ancient mechanisms to medieval guilds. It is concluded that it is necessary to integrate humanitarian, historical and philosophical knowledge into technical education for responsible design of future automated systems.

Keywords: philosophy of technology, Industry 4.0, IoT, SCADA, automation, history of technology, determinism, cycles of history, engineering ethics, management systems, robustness, the future.

Современный специалист в области автоматизации технологических процессов и производств существует в парадигме ускоренного технологического развития, где доминируют концепции Индустрии 4.0 (четвертая промышленная революция), интернета вещей (IoT) и искусственного интеллекта. Индустрии 4.0 определяют как тенденцию к полностью автоматизированному производству, выходящее в единую глобальную сеть продуктов и услуг.

В этих условиях обращение к истории Древнего мира и Средневековья может показаться архаичным и нерелевантным. Однако именно такой ретроспективный анализ позволяет выявить фундаментальные, вневременные закономерности взаимодействия человека, техники и общества.

Актуальность данного исследования заключается в преодолении узкоспециализированного подхода в техническом образовании и формировании целостного мировоззрения, способного к критическому осмыслению последствий технологических решений.

Цель статьи – продемонстрировать, что изучение античности и Средневековья представляет собой не коллекционирование курьезов, а исследование «прототипов» современных систем, чей анализ позволяет избежать системных ошибок в проектировании будущего.

1. Философский фундамент: детерминизм и цикличность в истории техники
Философская рефлексия над историей техники неизбежно сталкивается с проблемой детерминизма. Является ли технологический прогресс жестко предопределенным, линейным путем (как у Г.В.Ф. Гегеля с его «мировым духом»), или он подвержен влиянию случайных факторов и культурных контекстов?

Обращение к Древнему миру, в частности, к эллинистическому периоду (III-I вв. до н.э.), опровергает идею линейного прогресса. Теоретические разработки Архимеда демонстрируют, что потенциал для возникновения сложных автоматизированных систем существовал. Однако он не был реализован в массовом производстве в силу социально-экономических причин – наличия рабского труда и отсутствия соответствующего экономического запроса. Этот исторический пример иллюстрирует социокультурный детерминизм техники: технология не развивается в вакууме, ее траектория определяется потребностями и структурой общества[3].

Далее, концепция цикличности истории (Дж. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби) применительно к нашей теме позволяет увидеть, что этапы технологического развития часто имеют ритмическую природу. Так, распад Римской Империи и «технологический регресс» раннего Средневековья сменился в Высоком Средневековье (XI-XIII вв.) настоящей технической революцией: распространение водяных и ветряных мельниц, тяжелого плуга,

хомута. Эти изобретения, будучи аналогами современных «технологий двойного назначения», кардинально изменили аграрную и военную сферы, заложив материальную основу для будущего рывка. Для инженера-автоматизатора это означает, что технологическое развитие – не монотонное восхождение, а процесс, имеющий свои «зимы» и «весны», что требует стратегического планирования и устойчивости систем к внешним шокам.

2. **Онтология техники:** от «фюсис» к «технэ» и далее к автоматизированной системе. С точки зрения онтологии (учения о бытии), ключевым является понимание, как менялось само восприятие техники. В античной философии, у Аристотеля, техника («технэ») понималась как искусство воплощения заложенной в природе («фюсис») формы в материале. Мастер-ремесленник был неразрывно связан с процессом творения, выступая его завершающим звеном.

В Средневековье техника начинает осмысливаться в религиозном ключе – как «подражание Богу-Творцу» и способ восполнения поврежденной грехопадением человеческой природы. Сложные механизмы часов соборов (как в Страсбурге или Праге) были не просто инженерными сооружениями, а наглядными моделями божественной вселенной, первыми программируемыми автоматами, где механический ангел бьет в колокол в строго отведенное время. Здесь мы видим прообраз современной системы автоматического управления, где заложенная программа (божественный замысел / алгоритм) выполняется механизмом.

Эволюция этого отношения приводит нас к современности, где техника, по мысли М. Хайдеггера, становится способом раскрытия мира исключительно как ресурса, подлежащего оптимизации и эксплуатации. Специалист по автоматизации, проектирующий «умную фабрику», является наследником этой традиции [1]. Понимание этой историко-философской цепочки позволяет осознать всю меру ответственности: мы не просто создаем эффективные системы, мы конструируем новый тип реальности, новую «онтологию».

3. **Преемственность инженерных парадигм и систем управления.** Прямые параллели между прошлым и будущим можно провести в области организации систем управления. Античные и средневековые «логистические цепи». Строительство пирамид в Египте или готических соборов в Европе требовало невероятно сложной координации труда тысяч людей, транспортировки материалов и управления проектами. Эти системы, хотя и не автоматизированные, были прототипами современных SCADA (Supervisory Control And Data Acquisition) и MES (Manufacturing Execution System), где требуется централизованное планирование, контроль исполнения и оперативное реагирование на сбои.

Стандартизация и модульность. Римские легионы, благодаря стандартизации оружия, доспехов и инженерных сооружений (типовые лагеря, мосты), могли эффективно функционировать в любой точке империи. Этот принцип лежит в основе современной модульной автоматизации, где система

собирается из унифицированных, взаимозаменяемых компонентов (ПЛК, датчики, приводы).

От гильдии к корпоративному стандарту. Средневековые гильдии ремесленников были не только экономическими объединениями, но и институтами, хранившими и передававшими «ноу-хау» – технологические регламенты, стандарты качества. Эта функция сегодня начала воплощаться в послевоенный период, когда создавались международные организации, и в 1947 году была учреждена Международная организация по стандартизации (ISO), но теперь это выражается в корпоративных стандартах, системах менеджмента качества продуктов, и цифровых двойниках, которые описывают идеальный технологический процесс.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что изучение истории Древнего мира и Средневековья является не интеллектуальным баловством, а необходимой компонентой подготовки высококвалифицированного инженера-автоматизатора. Прошлое выступает в роли масштабной и долгосрочной лаборатории, где уже были опробованы различные модели организации сложных систем, управления ресурсами и взаимодействия человека с технологиями.

Философское осмысление этой истории дает понимание, что:

1. Технология – не самодостаточна, она вписана в широкий контекст и зависит от культурных, экономических и этических установок общества.

2. Развитие техносферы носит нелинейный и циклический характер, что требует от создателей будущих систем закладывать робастность (надёжность, способность технической системы к устойчивости) и адаптивность.

3. Инженерная деятельность несет в себе глубокий онтологический смысл, преобразуя не только производство, но и само человеческое бытие.

Таким образом, интеграция историко-философского знания в техническое образование формирует не просто специалиста, а «архитектора будущего», способного видеть системные связи, понимать долгосрочные последствия своих решений и ответственно подходить к проектированию автоматизированного мира, избегая ошибок, цена которых была осознана тысячелетия назад.

Список литературы:

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.
2. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.

Мустаева Ангелина Алексеевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Mustaeva Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТИЛЬ СПОРТИВНОЙ ОДЕЖДЫ В РОССИИ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: в данной статье рассматривается стилистика спортивного стиля в России XXI века. На примере российских компаний befree, Sela, Zarina, Gloria Jeans и отечественных молодых брендов выявляются особенности формирования и преимущества российских производителей, ориентированных на выпуск повседневной одежды в спортивном стиле. Анализируются недостатки, тормозящие развитие легкой промышленности, а также освещается историческая эволюция спортивного стиля, включая влияние моды 1990-х годов.

Ключевые слова: производство, Россия, спортивная одежда, стиль, легкая промышленность.

THE STYLE OF SPORTING CLOTHING IN 21ST CENTURY RUSSIA: TRADITIONS AND MODERNITY

Summary: This article examines the style of sportswear in 21st century Russia. Using the example of Russian companies befree, Sela, Zarina, Gloria Jeans, and domestic young brands, the article identifies the features of the formation and advantages of Russian manufacturers focused on the production of everyday sportswear. The article also analyzes the shortcomings that hinder the development of the light industry and highlights the historical evolution of sportswear, including the influence of fashion in the 1990s.

Keywords: production, Russia, sportswear, style, light industry.

Спортивный стиль представляет собой устойчивое направление массовой моды, сформированное на пересечении урбанистической эстетики, комфорта и стремления к динамичному образу жизни. В отличие от специализированной экипировки для спорта, спортивный стиль ориентирован на повседневное использование и характеризуется удобными, мягкими силуэтами, свободными линиями, функциональными тканями и современной молодежной эстетикой. В него входят множество трикотажных изделий, таких как худи, свитшоты, джоггеры, спортивные брюки, объемные куртки, а также различные кроссовки и аксессуары, подчеркивающие неформальность образа, например, рюкзаки и кепки.

Историческое развитие спортивного стиля в России формировалось под влиянием промышленного потенциала страны, социальных перемен и культурных запросов, которые постоянно трансформировались на протяжении второй половины XX века. В позднесоветский период основу массового производства составляли недорогие изделия, ориентированные на максимально широкий круг потребителей и зачастую повторяющие зарубежные модели. Несмотря на ограниченность технологических возможностей, именно в этот период зарождается интерес к более функциональной, удобной и динамичной одежде, что постепенно создает почву для будущего развития спортивного стиля. На рубеже 1980–1990-х годов тенденции усиливаются. С распадом прежней экономической системы и переходом страны к рыночным механизмам легкая промышленность оказалась в кризисе, многие фабрики потеряли стабильные поставки сырья и технику, а российский рынок впервые столкнулся с огромным объемом импортной продукции. Для массового потребителя это стало культурным шоком. Люди получили доступ к одежде, которая визуально и функционально отличалась от советского ассортимента: ярким ветровкам, олимпийкам, широким джинсам, массивным кроссовкам. Эстетика 1990-х годов сочетала элементы хаотичного экспериментирования, стремление к самовыражению, жажду зарубежной новизны и подчеркнутую практичность. Повседневный костюм наполнялся спортивными элементами, превращаясь в символ свободы, обновления и принадлежности к новой современной культуре [3]. Одновременно развивается спрос на собственный стиль, учитывающий российские условия. Подъем частного предпринимательства, появление небольших швейных производств, развитие технологий трикотажа и постепенное повышение доступности материалов открывают путь к созданию отечественных брендов, ориентированных на спортивную эстетику. В конце XX века усиливается потребность в более комфортной, функциональной и современной одежде, а увеличивающееся участие российских атлетов в международных соревнованиях формирует интерес к спортивной моде как культурному явлению.

Визуальный опыт 90-х оказался настолько значимым, что он продолжает влиять на моду XXI века: *oversize*-силуэты, яркие фактуры, крупные логотипы, объемные куртки, свободные джинсы, кроссовки как составляющие повседневного образа. Все это сегодня воспринимается как актуальный ресурс для дизайнеров, формирующий уникальную траекторию отечественной моды. Именно сочетание исторического фона, бытовой практики, технологических возможностей и культурного запроса позволило спортивному стилю закрепиться в России и стать одним из ключевых направлений современной городской эстетики. К началу XXI века на российский рынок постепенно выходят отечественные бренды, специализирующиеся на повседневной одежде и ориентирующиеся на спортивный стиль как на основу молодежной моды. Среди них выделяются *befree*, *Sela*, *Zarina*, *Gloria Jeans*, которые активно используют спортивные силуэты, комфортные материалы и демократичную эстетику. *Befree* формирует направление «молодежного урбанизма», сочетая

удобные худи, объемные бомберы, толстовки и джинсы свободного кроя. Sela делает акцент на универсальности и адаптации спортивной эстетики для различных возрастных групп. Zarina проводит эксперименты на стыке спортивного и повседневного женственного стиля, предлагая удобные брюки, мягкие свитшоты и легкие пальто в спортивной стилистике. Gloria Jeans создаёт доступные коллекции, объединяющие базовые джинсовые вещи, худи и кроссовки, формируя массовый рынок спортивно-повседневной одежды. Спортивный стиль в России занимает одно из ведущих мест в современной моде [1]. Его популярность обусловлена тем, что он позволяет формировать комфортные городские образы, подходящие для учёбы, работы, прогулок и повседневной активности. Высокий спрос на одежду спортивного стиля связан с изменением социального ритма: люди все чаще выбирают вещи, не ограничивающие движения, легко сочетаемые между собой и адаптирующиеся под разные условия. Спортивный стиль стал частью личной идентичности и площадкой для модных экспериментов, он объединяет в себе комфорт, универсальность и элементы самовыражения.

Важным аспектом развития спортивного стиля становится сочетание традиций и современных материалов. Российские производители активно используют трикотаж, мягкий флис, хлопок с добавлением синтетических волокон для повышения износостойкости, а также функциональные ткани, адаптированные для климата разных регионов страны. Постепенно растет доля отечественных материалов, хотя зависимость от импортных тканей и фурнитуры все еще ощутима. Тем не менее российские компании расширяют ассортимент, внедряют цифровые методики проектирования, 3D-конструирование и автоматизацию раскроя, что позволяет повышать эффективность производства.

Несмотря на заметный прогресс, развитие легкой промышленности в России сталкивается с несколькими проблемами. Среди них зависимость от зарубежных технологий и материалов, неравномерная модернизация производств, большое количество конкурентов, а также недостаток инженерных и дизайнерских кадров. По мимо этого, российская легкая промышленность характеризуется низкой оплатой труда, что влечёт за собой сокращение численности работников со временем. Так, в период 2005-2012 годов количество работников сократилось почти в 3 раза [3]. Эти трудности влияют на скорость обновления ассортимента и затрудняют конкуренцию с крупными международными брендами. Кроме того, ограниченность инвестиций в отрасль сдерживает внедрение высокотехнологичных линий и развитие локальных фабрик, особенно в регионах. Тем не менее опыт российских брендов показывает, что успешное развитие спортивного стиля возможно благодаря грамотному сочетанию модных тенденций, доступности продукции и адаптации дизайна под российский климат. Молодые дизайнеры также вносят вклад в расширение спортивной эстетики, создавая коллекции, основанные на свободных силуэтах, нетривиальной цветовой палитре и идее повседневного комфорта как главной ценности.

Таким образом, производство одежды спортивного стиля является ключевым направлением в возрождении и дальнейшей развитии российской легкой промышленности. Спортивный стиль, прочно закрепившийся в массовой моде, демонстрирует устойчивый спрос, что делает его одним из наиболее перспективных сегментов отечественного рынка. Ведущими брендами в данной сфере сегодня выступают компании befree, Sela, Zarina и Gloria Jeans, сумевшие сформировать узнаваемый визуальный язык, адаптировать мировые тренды к российским условиям и обеспечить стабильное качество продукции. Их деятельность способствует укреплению внутреннего рынка, расширяет доступность современного ассортимента для различных социальных групп и формирует положительный имидж отечественного производства. Опыт этих брендов показывает, что сочетание технологичности, грамотного проектирования, гибкости в работе с силуэтами и внимания к потребностям молодежной аудитории становится важным условием успешного развития. Современные подходы к созданию коллекций, использование цифровых методов моделирования, внедрение новых видов трикотажа и материалов, адаптированных к климатическим требованиям, открывают дополнительные перспективы для роста отрасли. В то же время практический опыт демонстрирует наличие определенных трудностей. Среди них выделяются ограниченный выбор отечественных тканей, необходимость совершенствования фурнитуры, недостаточная модернизация отдельных производств, а также потребность в формировании устойчивой базы квалифицированных специалистов.

В моей практике наибольшие сложности возникли при подборе локальных материалов, поиске оптимальных пропорций для спортивных силуэтов и необходимости учитывать технологические ограничения предприятий. Эти препятствия подчеркивают важность комплексного развития отрасли, включающего улучшение оборудования, расширение ассортимента отечественного сырья, а также поддержку региональных фабрик.

Перспективы отрасли во многом определяются способностью российских компаний сочетать исторический опыт, современные технологии и запросы потребителей. Расширение спектра локальных тканей, развитие экологических производственных циклов, внедрение инновационных решений и повышение уровня дизайнерской подготовки позволят укрепить позиции спортивного стиля в XXI веке. Формирование устойчивой индустрии спортивно-повседневной одежды становится важным элементом культурного и экономического развития страны, создавая возможности для дальнейшего роста легкой промышленности и укрепления национальной модной идентичности.

Список литературы:

1. Варсегова Н. Шьем в России и Азии, боремся с ростом цен: Что происходит с нашим рынком одежды после ухода западных брендов - KP.RU. - URL: <https://www.kp.ru/daily/27532.5/4797809> (Дата обращения 10.11.2025).

- 2.Вишневская Ю. Одежда в стиле 90х - Мода и Как одевались в 90 е: ФОТО, главные тренды лихих девяностых, стильные образы. - URL: <https://stockmann.ru/fashion-blog/odezhda-v-stile90h/?ysclid=mimgwxqy3v6524995> (Дата обращения 10.11.2025).
- 3.Радаев В. В. Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления [Текст] : аналит. отчет / отв. ред. сер.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 343, [1] с.

Некрасова Анна Сергеевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Maria Bautina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АВАНГАРДНАЯ ОДЕЖДА В СССР И СОБСТВЕННАЯ ПРАКТИКА ЕЕ ИНТЕРПРИТАЦИИ

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ феномена авангардной одежды в Советской России 1920-х годов. Рассматриваются теоретические основы и практические реализации проектов прозодежды в творчестве Варвары Степановой, Любови Поповой и других представителей конструктивизма. Особое внимание уделяется исследованию художественных объединений того периода как лабораторий нового дизайна. На основе исторического анализа формулируются принципы современной интерпретации авангардного наследия в контексте актуальных задач дизайна одежды.

Ключевые слова: авангардная одежда, советский конструктивизм, прозодежда, Варвара Степанова, Любовь Попова, художественные объединения, Союз молодежи, ВХУТЕМАС, интерпретация авангарда, современный дизайн.

AVANT-GARDE CLOTHING IN THE USSR AND OWN PRACTICE OF ITS INTERPRETATION

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of avant-garde clothing in Soviet Russia of the 1920s. The theoretical foundations and practical implementations of specialized clothing projects in the works of Varvara Stepanova, Lyubov Popova and other representatives of constructivism are considered. Special attention is paid to the study of artistic associations of that period as laboratories of new design. Based on historical analysis, the principles of modern interpretation of the avant-garde heritage in the context of current clothing design tasks are formulated.

Keywords: avant-garde clothing, Soviet constructivism, prozodezhda (specialized clothing), Varvara Stepanova, Lyubov Popova, art associations, Union of Youth, VKHUTEMAS, interpretation of avant-garde, contemporary design.

Авангардное движение в одежде Советской России 1920-х годов представляет собой уникальный феномен, сформировавшийся на стыке радикальных художественных идей и социально-политического заказа нового государства. Его возникновение было напрямую обусловлено революционным пафосом эпохи, стремившейся к тотальному переустройству жизни на рациональных, коллективных началах. Искусство в этот период перестало быть

исключительно репрезентативным, взяв на себя утилитарную функцию — проектирование новой материальной среды и, что особенно важно, нового человека. Одежда в данной парадигме осмысливалась как своего рода «производительный костюм», призванный не украшать, а организовывать тело для труда и коллективного быта. Этот подход был частью более широкой программы «производственного искусства», сторонники которого призывали к ликвидации станковых форм и слиянию творчества с промышленностью.

Эстетика авангардного костюма была производной от ключевых направлений русского художественного авангарда — супрематизма и конструктивизма. [2] От супрематизма, с его акцентом на базовых геометрических формах и чистом цвете, была унаследована визуальная выразительность. Конструкторы одежды активно использовали контрастные сочетания — красный, черный, белый, а также динамичные геометрические орнаменты на текстиле, что являлось прямым переносом живописных принципов Казимира Малевича и его последователей в прикладную сферу. От конструктивизма, провозгласившего лозунг «искусство в производство», была заимствована методология. Одежда стала рассматриваться как объект дизайна, инженерная конструкция, требующая функционального обоснования каждой детали. Работа с формой велась исходя из логики конструкции, а не из стремления следовать изменчивым канонам красоты.

Ключевыми фигурами в области моделирования одежды этого периода стали художницы-конструктивистки Варвара Степанова и Любовь Попова. [1] Их работа на Первой ситценабивной фабрике в Москве в 1924 году стала практической реализацией теоретических установок производственного искусства. [4] Они создавали эскизы тканей с абстрактными паттернами и проектировали так называемую прозодежду — специальную одежду для рабочих, спортсменов и актеров. Костюм, по их замыслу, должен был максимально соответствовать конкретному виду деятельности, организовывать движение и быть лишенным какой бы то ни было буржуазной декоративности. В своих статьях Степанова подчеркивала, что форма костюма определяется его производственной функцией, а не капризами моды. Параллельно развивались и другие эксперименты, такие как проекты прозодежды Владимира Татлина, в которых тело мыслилось как биомеханическая система, а костюм — как функциональная оболочка, усиливающая его возможности. Театральные работы Александры Экстер также оказали значительное влияние, демонстрируя, как авангардные принципы работы с формой и цветом могут быть применены к костюму, наделяя его мощной динамической энергией.

Становление авангардного костюма в России 1910-1920-х годов происходило в тесной связи с деятельностью ключевых художественных объединений, которые служили интеллектуальными и творческими лабораториями нового искусства. Особую роль в этом процессе сыграл "Союз молодежи" - первое официально зарегистрированное объединение художников-авангардистов России, существовавшее с 1910 по 1914 год. Участники объединения, включая Михаила Матюшина, Елену Гуро и Иосифа Школьника,

активно исследовали проблемы синтеза искусств, что оказало значительное влияние на формирование нового понимания костюма.

Деятельность "Союза молодежи" характеризовалась принципиально новым подходом к организации художественного процесса. Объединение проводило не только выставки, но и теоретические диспуты, литературные вечера, издавало одноименный журнал. [2] Именно в рамках этой среды происходило активное взаимодействие между представителями разных видов искусства - живописцами, поэтами, музыкантами, что создавало питательную среду для формирования комплексного подхода к дизайну одежды.

Особого внимания заслуживает постановка оперы "Победа над Солнцем" (1913), в которой участвовали члены "Союза молодежи". Казимир Малевич создал для этого спектакля костюмы и декорации, демонстрировавшие радикальный разрыв с традиционной театральной эстетикой. Костюмы представляли собой геометрические конструкции, скрывавшие природные формы тела и провозглашавшие новую, машинную эстетику. Этот проект стал важным прецедентом для последующих экспериментов в области сценического костюма.

Параллельно развивалась деятельность общества "Бубновый валет" (1910-1916), члены которого - Петр Кончаловский, Аристарх Лентулов, Илья Машков - разрабатывали принципы нового живописного языка. Их интерес к народному искусству, лубку и вывеске нашел отражение в работе с цветом и формой, что впоследствии повлияло на подходы к созданию авангардного текстиля. Яркие, контрастные цветовые решения и смелые геометрические композиции в живописи "бубновалетцев" предвосхитили экспериментальные орнаменты на тканях 1920-х годов.

После революции 1917 года эти художественные искания получили новое развитие в рамках Института художественной культуры (ИНХУК), где в 1921 году была создана Рабочая группа объективного анализа. [4] Участники группы - Любовь Попова, Александр Родченко, Варвара Степанова - занимались изучением формально-композиционных методов в искусстве. Их теоретические разработки в области конструктивизма непосредственно повлияли на становление принципов проектирования производственной одежды.

Особенностью художественной жизни этого периода было активное взаимодействие между разными творческими объединениями. Например, Владимир Татлин, участвовавший в выставках "Союза молодежи", впоследствии возглавил отделение материальной культуры в ИНХУКе. Такое пересечение различных художественных практик способствовало формированию целостного подхода к проектированию предметной среды, где костюм рассматривался как неотъемлемый элемент новой визуальной культуры.

Деятельность этих объединений демонстрирует, что авангардный костюм формировался не изолированно, а в контексте сложного взаимодействия различных художественных течений и теоретических поисков. Именно в лаборатории художественных объединений рождались принципы, которые

впоследствии нашли практическое применение в работе над прозодеждой и производственным костюмом 1920-х годов.

Однако, несмотря на новаторский характер и мощный теоретический фундамент, проект авангардной одежды в его чистом виде не был реализован в массовом масштабе. Причины этого носят как объективный, так и идеологический характер. С одной стороны, острая нехватка материалов и слабость легкой промышленности в послереволюционные годы делали невозможным серийный выпуск сложной в конструктивном отношении одежды. С другой стороны, к середине 1930-х годов произошел кардинальный смен культурного курса. Утопический интернационализм и радикальный эстетический эксперимент авангарда были вытеснены государственным заказом на имперскую помпезность и традиционализм сталинского ампира. [3] в современ Идея прозодежды и коллективного костюма уступила место стремлению к репрезентативной, подчеркивающей социальный статус одежде. Таким образом, авангардный проект в моде, как и в других видах искусства, был фактически свернут, оставшись в истории ярким, но нереализованным утопическим жестом. Это историческое наследие, тем не менее, не было утрачено безвозвратно. Его принципы — функциональность как эстетическая категория, геометризм форм, акцент на конструкцию, а не на декор, и социальная ответственность дизайна — были законсервированы на несколько десятилетий, чтобы быть заново открытыми и переосмысленными следующими поколениями дизайнеров уже в ином историческом и культурном контексте.

Трансформация идей авангарда в мировом контексте второй половины XX века представляется закономерным этапом эволюции художественных принципов, сформированных в том числе и в Советской России. Однако для целей данного исследования ключевым является не столько прослеживание всех последующих влияний, сколько анализ того, как базовые концепции советского авангарда сохранили свой потенциал и оказались востребованы в совершенно иную эпоху. После сворачивания экспериментов 1920-х годов в СССР наследие конструктивизма и супрематизма в моде на несколько десятилетий оказалось в забвении, но его принципы — функциональность, геометрическая чистота форм, акцент на конструкцию — не были утрачены безвозвратно.

В 1960-е годы, в период глобального интереса к футуризму и научно-техническому прогрессу, произошло первое косвенное обращение к эстетике, перекликающейся с раннесоветскими опытами. Коллекции таких дизайнеров, как Андре Курреж и Пьер Карден, с их акцентом на геометрические силуэты, синтетические материалы и общую космическую утопичность, демонстрировали возрождение веры в преобразующую силу дизайна, хотя и лишенной социально-политического пафоса своего предшественника. В этот период можно наблюдать реабилитацию самой идеи о том, что одежда может быть проектом будущего, а не только отражением текущих тенденций.

Более глубокое и концептуальное переосмысление наследия русского авангарда произошло в 1980-1990-е годы. В это время дизайнеры, в первую

очередь японские, такие как Рэй Кавакубо и Йоджи Ямамото, обратились к языку деконструкции. Если советские художники декорировали ткань супрематическими орнаментами, то Кавакубо подвергала деконструкции сам крой и силуэт, что можно рассматривать как доведение до логического предела конструктивистского принципа примата конструкции над декоративностью. Ее знаменитая коллекция «Lumps and Bumps» (1997) бросала вызов традиционным представлениям о пропорциях и красоте, наследуя от авангарда не форму, но радикальный метод — использование одежды как средства критического высказывания.

Параллельно развитие технологий позволило таким авторам, как Ирис Ван Херпен, вывести эксперименты с формой и материалом на новый уровень, используя 3D-печать и лазерную резку. Ее скульптурные, архитектурные объекты-одежды являются прямым продолжением поисков Владимира Татлина и Александра Родченко, перенося их в цифровую эпоху. Таким образом, произошел переход от утопического проекта создания универсальной одежды для нового общества (СССР 1920-х) к созданию универсального языка форм, пригодного для выражения индивидуальности в глобальном контексте. Этот исторический путь подготовил почву для современных интерпретаций, в которых наследие советского авангарда актуализируется, теряя свою идеологическую составляющую, но сохраняя мощный эстетический и методологический потенциал.

Исторический контекст развития авангардной одежды в Советской России демонстрирует сложную диалектику между утопическими проектами и реальной практикой. После революции 1917 года возникла уникальная ситуация, когда художественный авангард получил возможность реализовывать свои идеи в масштабах государства. Важно отметить, что деятельность таких художников, как Варвара Степанова и Любовь Попова, развивалась в рамках институциональной системы — они работали на Первой ситценабивной фабрике, преподавали во ВХУТЕМАСе, что принципиально отличало их положение от статуса современных дизайнеров.

Их проекты прозодежды следует рассматривать не как отдельные арт-объекты, а как часть комплексной программы переустройства быта. Например, созданные Степановой костюмы для актеров театра Мейерхольда представляли собой тщательно продуманные системы, где каждая деталь подчинялась задаче организации движения на сцене. Этот подход был теоретически обоснован в статьях самой Степановой, где она последовательно развивала идею о том, что художник в новом обществе должен стать "конструктором" материальной среды.

Парадокс советского авангарда заключался в том, что при всей радикальности художественных решений, его представители стремились к созданию универсальных, тиражируемых форм. Проектируя спортивные костюмы или рабочую одежду, они исходили из принципов стандартизации и функциональной целесообразности. Однако реализация этих проектов натолкнулась на объективные трудности послевоенного времени — недостаток

материалов, низкий уровень технологического развития легкой промышленности и появление новых задач как у государства, так и у одежды. [1]

К середине 1930-х годов происходит идеологический поворот, приведший к полному свертыванию авангардных экспериментов. Утверждается курс на "советский неоклассицизм" в искусстве и "социалистический реализм" в культуре. Авангардная одежда, с ее геометризмом и минимализмом, оказалась несовместимой с новым эстетическим каноном, требовавшим монументальности и репрезентативности. Наследие конструктивистов было надолго вытеснено из официального дискурса, хотя отдельные его элементы продолжали существовать в сфере производственной одежды и спецкостюмов.

Возвращение интереса к этому наследию в конце XX века связано с глобальными процессами переосмысления модернистского проекта. Современные дизайнеры обращаются к архивам русского авангарда, находя в них не только формальные решения, но и методологию работы с костюмом как с социально и функционально обусловленным объектом. При этом происходит важная трансформация: если в 1920-е годы акцент делался на создании универсальных форм для коллективного тела, то сегодня эти принципы применяются для проектирования гардероба, ориентированного на индивидуальное самовыражение.

Эта трансформация особенно заметна в формате капсульной коллекции, который наследует от советской прозодежды принципы рациональности и системности, но направляет их на решение иных задач. Современная капсула представляет собой не набор унифицированных элементов, а систему вариативных комбинаций, позволяющих конструировать индивидуальный стиль. Такой подход позволяет актуализировать методологическое наследие авангарда, освобождая его от конкретно-исторической идеологической нагрузки.

Анализ конкретных моделей показывает, как принципы авангарда трансформируются в современном контексте. Асимметричный крой, который в прозодежде Степановой был следствием функционального анализа движения, сегодня становится средством создания сложного визуального языка. Монохромная палитра, в 1920-е годы отражавшая установку на утилитарность, теперь служит инструментом концентрации внимания на качестве конструкции и фактуре материалов. Эти трансформации демонстрируют, что наследие советского авангарда продолжает оставаться актуальным источником для современных творческих поисков в области дизайна одежды.

Феномен авангардной одежды в СССР представляет собой значимую страницу в истории моды XX века, демонстрирующую уникальный синтез художественного эксперимента и социального проектирования. Деятельность таких художников, как Варвара Степанова, Любовь Попова и Владимир Татлин, была основана на принципиально новом понимании костюма как функционального объекта, способного формировать новую телесность и новые социальные отношения. Их проекты прозодежды, создававшиеся в 1921-1924

годах, стали практической реализацией идей производственного искусства, стремившегося к слиянию творчества с промышленностью.

Историческая судьба советского авангарда в моде сложилась парадоксальным образом. С одной стороны, его радикальные эксперименты не получили массового распространения и уже к середине 1930-х годов были вытеснены из официальной культурной политики. С другой стороны, методологические принципы, разработанные конструктивистами, — примат конструкции, функциональная обусловленность формы, использование геометрических паттернов — оказались чрезвычайно жизнеспособными и востребованными в последующие эпохи.

Анализ современных интерпретаций авангардного наследия показывает, что его актуальность сохраняется в различных аспектах. Во-первых, принципы рациональной организации костюма, разработанные в 1920-е годы, находят новое применение в контексте устойчивого развития и осознанного потребления. Во-вторых, формальные приемы авангарда — геометризм, асимметрия, работа с чистым цветом — продолжают обогащать визуальный язык современного дизайна. В-третьих, сам подход к одежде как к средству социального высказывания остается продуктивной методологической основой для современных дизайнерских практик.

Особого внимания заслуживает трансформация авангардных идей в условиях цифровой эпохи. Современные технологии, такие как 3D-моделирование и цифровая печать, позволяют реализовывать те принципы работы с формой и материалом, которые в 1920-е годы оставались преимущественно в сфере теоретических разработок и эскизных проектов. [5]

Исторический опыт советского авангарда свидетельствует о том, что наиболее ценными оказываются не конкретные формальные решения, а лежащие в их основе методологические принципы. Именно они обеспечивают непреходящую актуальность этого наследия и открывают возможности для его творческого переосмысления в новых исторических условиях. [6] Дальнейшее изучение архивных материалов и критический анализ современных интерпретаций могут способствовать более глубокому пониманию этого уникального явления и его места в истории мировой культуры.

Значение авангардного эксперимента 1920-х годов выходит за рамки собственно истории моды, представляя собой важный ресурс для развития современной проектной культуры в целом. Его изучение позволяет не только восстановить историческую справедливость в отношении забытых новаторов, но и выявить продуктивные методы для решения актуальных проблем современного дизайна.

Список литературы

1. Баркалова, П.В. «Конструктивистский текстиль Варвары Степановой: между искусством и производством». // Теория моды. Вып. 64. 2022. С. 45-67.
2. Бовт, Джон Э. и Лоддер, Кристина / Ред. Русский авангард: теория и критика / Пер. с англ. - М.: Искусство, 1990. 320 с.

- 3.Кандионов, О.И. История дизайна, науки и техники. Учебное пособие. - М.: Архитектура-С, 2007. 296 с.
- 4.Лаврентьев, А.Н. Рабочая группа конструктивистов ИНХУКа и проект новой культуры. - М.: Прогресс-Традиция, 2018. 384 с.
- 5.Лоддер, Кристина. Русский конструктивизм / Пер. с англ. Нью-Хейвен: Yale University Press, 1983. 328 с.
- 6.Степанова, Варвара. «Человек не может жить без чуда...»: Письма. Поэтические опыты. Записки художницы». - М.: Искусство - XXI век, 2022. 512 с.

Некрасова Анна Сергеевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Nekrasova Anna

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования и развития политических партий России в исторической ретроспективе. Анализируются допартийные формы политического представительства, а также становление политических партий в начале XX века. Особое внимание уделяется трансформации партийной системы в советский период и возрождению многопартийности в Российской Федерации в 1990-е годы. Раскрываются особенности партийного строительства в условиях постсоветских социально-политических преобразований. Характеризуется этап институционализации партий в 2000–2010-е годы и современное состояние партийной системы Российской Федерации. Делается вывод о специфике развития политических партий в России, обусловленной историческим опытом и особенностями взаимодействия государства и общества.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, политическое представительство, многопартийность, политическая история.

POLITICAL PARTIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

Summary: The article examines the process of formation and development of political parties in Russia in historical perspective. It analyzes pre-party forms of political representation, as well as the emergence of political parties in the early 20th century. Special attention is paid to the transformation of the party system during the Soviet period and the revival of multi-party politics in the Russian Federation in the 1990s. The article also explores the specific features of party building in the context of post-Soviet socio-political transformations. The article describes the stage of institutionalization of political parties in the 2000s and 2010s and the current state of the party system in the Russian Federation. The author concludes that the development of political parties in Russia is influenced by historical experience and the interaction between the state and society.

Keywords: political parties, party system, political representation, multi-party system, and political history.

Политические партии как форма организации общественно-политических интересов являются сравнительно поздним явлением в истории российского

государства. В отличие от стран Западной Европы, где партийные структуры формировались параллельно с развитием парламентаризма и гражданского общества, в России процесс становления партийности был обусловлен иными историческими условиями и имел прерывистый характер. Тем не менее развитие политических партий в Российской Федерации невозможно понять без обращения к более ранним формам общественного представительства и коллективного участия в политической жизни.

История российских политических партий представляет собой сложный путь от сословных и общественных институтов допартийного периода к организованным политическим объединениям конца XIX — начала XX века, последующей ликвидации многопартийности в советский период и возрождению партийной системы в условиях постсоветской трансформации. Такой исторический контекст позволяет рассматривать современные политические партии Российской Федерации не изолированно, а как результат длительной эволюции политических форм и институтов.

Целью настоящей статьи является анализ становления и развития политических партий в России в исторической ретроспективе, а также характеристика их структуры, деятельности и современного состояния. Особое внимание уделяется причинам возникновения партий, условиям их трансформации и роли в политической системе страны на различных этапах её развития.

До появления политических партий в современном понимании в России существовали формы коллективного представительства, отражавшие интересы различных социальных групп и сословий. Эти институты не являлись партиями, однако выполняли важную функцию согласования общественных интересов и подготовки решений по ключевым вопросам государственной жизни.

Одним из наиболее значимых таких институтов являлся Земский собор, созывавшийся в Русском государстве в XVI–XVII веках. Земские соборы объединяли представителей духовенства, боярства, служилых людей и посадского населения и привлекались к обсуждению вопросов внешней политики, законодательства, налогообложения и престолонаследия. Как отмечают исследователи, Земский собор выступал формой сословного представительства, отражающей потребность государства в опоре на широкие социальные слои.

Несмотря на отсутствие постоянного состава, устойчивой организационной структуры и политических программ, Земские соборы способствовали формированию традиции коллективного обсуждения государственных решений. Их деятельность не носила оппозиционного характера и осуществлялась по инициативе верховной власти, однако сама практика привлечения представителей различных сословий к политическому диалогу имела важное значение для дальнейшего развития представительных институтов [3].

В XIX веке элементы общественного участия в политической жизни получили развитие в деятельности земств и городских дум, учреждённых в ходе реформ Александра II. Земства стали площадкой для формирования общественной активности, политической культуры и опыта коллективного управления, что впоследствии сыграло значительную роль в становлении либерального движения и первых политических партий в России [4].

Появление политических партий в России не было внезапным заимствованием западных моделей. Оно опиралось на отечественную традицию сословного и общественного представительства, которая, несмотря на свои ограничения, подготовила социальную и институциональную почву для развития партийности в конце XIX – начале XX века.

Формирование политических партий в Российской империи в современном смысле слова относится к рубежу XIX–XX веков и было тесно связано с общим кризисом самодержавной системы. Усиление социального напряжения, рост рабочего движения, распространение либеральных и социалистических идей, а также поражение в Русско-японской войне способствовали активизации политической жизни и возникновению организованных партийных объединений.

Революция 1905–1907 годов стала ключевым событием, приведшим к легализации политических партий и созданию представительных органов власти. Учреждение Государственной думы и провозглашение гражданских свобод способствовали переходу политической борьбы в относительно легальное русло. В этот период оформились ведущие партии либерального и социалистического направлений, каждая из которых предлагала собственное видение путей преобразования российского общества.

К числу наиболее влиятельных либеральных партий относилась Конституционно-демократическая партия (кадеты), выступавшая за конституционную монархию, расширение прав парламента и гражданские свободы. Более умеренную позицию занимал «Союз 17 октября» (октябристы), ориентировавшийся на сотрудничество с властью и постепенные реформы. Эти партии опирались преимущественно на образованную часть общества, земских деятелей и предпринимательство [5].

Социалистическое направление было представлено Российской социал-демократической рабочей партией, разделившейся на большевиков и меньшевиков, а также партией социалистов-революционеров. Их деятельность была ориентирована на рабочий класс и крестьянство и предполагала более радикальные формы политической борьбы. Как отмечают историки, именно в этот период в России сложилась многопартийная система, отличавшаяся высоким уровнем идеологической поляризации [5].

Несмотря на активное развитие партийной жизни, российская многопартийность начала XX века оставалась нестабильной. Ограниченность парламентских полномочий, противоречия между партиями и сохранение самодержавных институтов не позволили сформировать устойчивую политическую систему. После событий 1917 года партийный плюрализм был

ликвидирован, что прервало естественный процесс эволюции партийных институтов на длительный исторический период.

Октябрьская революция 1917 года радикально изменила политическую структуру российского государства и прервала процесс формирования многопартийной системы. В первые месяцы после революции формально сохранялось политическое многообразие, однако уже к началу 1920-х годов в стране утвердилась однопартийная модель, основанная на доминирующей роли Российской коммунистической партии (большевиков). Политические партии и движения, не разделявшие большевистскую идеологию, были вытеснены из политического пространства или ликвидированы [5].

Коммунистическая партия в советский период выполняла функции, значительно выходявшие за рамки классической партийной деятельности. Она являлась не только политической организацией, но и ключевым элементом системы государственного управления, определявшим основные направления внутренней и внешней политики. Как отмечают исследователи, в СССР партия фактически подменила собой институты политического представительства, сосредоточив в своих руках контроль над государственным аппаратом и общественной жизнью.

В условиях однопартийной системы исчезла конкуренция политических программ и альтернативных идеологий. Вместо этого была сформирована разветвлённая система внутрипартийных органов, обеспечивавших мобилизацию населения и идеологическое единство общества. Несмотря на наличие формальных выборов и представительных органов, реальная политическая борьба была сведена к внутрипартийным механизмам, а роль политической партии как выразительницы социальных интересов граждан оказалась существенно ограниченной.

Советский период характеризуется отказом от многопартийности и длительным разрывом в развитии партийных институтов. Этот опыт оказал значительное влияние на последующее формирование партийной системы Российской Федерации, поскольку в начале 1990-х годов процесс партийного строительства фактически начинался заново, в условиях отсутствия устойчивых демократических традиций.

1990-е годы стали ключевым и во многом уникальным этапом в истории политических партий Российской Федерации. Распад Советского Союза и демонтаж однопартийной системы привели к резкому расширению политического пространства и возникновению множества партий, движений и общественно-политических объединений. В условиях отсутствия устоявшихся демократических традиций и партийной культуры процесс формирования новой партийной системы носил противоречивый и во многом экспериментальный характер.

Первые постсоветские партии возникали в ситуации глубокой социально-экономической трансформации и политической неопределённости. Для них было характерно сочетание заимствованных западных моделей партийного строительства с отечественным опытом политической мобилизации. Многие

объединения создавались вокруг конкретных политических лидеров или под избирательные кампании, что придавало партийной системе персонализированный и нестабильный характер. Как отмечают исследователи, партии 1990-х годов зачастую не имели устойчивой социальной базы и чётко оформленной идеологической платформы.

Важную роль в формировании многопартийности сыграло руководство страны во главе с первым Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным. В своих воспоминаниях он неоднократно подчёркивал, что переход к политическому плюрализму рассматривался как необходимый элемент демократических преобразований и разрыва с советской политической моделью. Вместе с тем Ельцин указывал на сложность и противоречивость этого процесса, отмечая, что формирование партий происходило быстрее, чем складывались устойчивые механизмы их взаимодействия с обществом и государством [1].

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года стало важным этапом институционализации партийной системы. В Основном законе был закреплён принцип политического многообразия и многопартийности, что создало правовые условия для легальной деятельности политических партий. Однако одновременно с этим усилилась роль президентской власти, что определило специфику партийно-политического развития страны в последующие годы.

К концу 1990-х годов стало очевидно, что первоначальный период «партийного изобилия» сменяется тенденцией к сокращению числа реально влиятельных политических объединений. На политической арене начали выделяться партии, обладавшие организационной устойчивостью, представительством в органах власти и возможностью участия в федеральных выборах. Именно в 1990-е годы были заложены структурные основы современной партийной системы Российской Федерации, несмотря на её незавершённость и внутреннюю противоречивость. [2]

Начало 2000-х годов ознаменовало переход от этапа формирования партийной системы к её институционализации и относительной стабилизации. В условиях укрепления государственной власти и централизации политического управления партийная система Российской Федерации постепенно утратила фрагментарный характер, свойственный 1990-м годам. На смену множеству короткоживущих политических объединений пришла более упорядоченная конфигурация, основанная на ограниченном числе крупных партий.

В этот период усиливается роль политических партий как формальных участников избирательного процесса и парламентской деятельности. Законодательное регулирование партийной сферы стало более жёстким, что выразилось в ужесточении требований к регистрации партий, их численности и организационной структуре. Эти меры способствовали сокращению количества партий и одновременно повышению их институциональной устойчивости.

К середине 2000-х годов в российской политической системе сформировалась группа ведущих парламентских партий, представленных в Государственной думе и участвующих в федеральной политике. Среди них особое место заняла партия «Единая Россия», позиционировавшая себя как партия парламентского большинства и опора исполнительной власти. Наряду с ней устойчивое присутствие в политическом пространстве сохранили Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России и партия «Справедливая Россия», представлявшие различные идеологические и электоральные ниши.

Деятельность политических партий в 2000–2010-е годы всё в большей степени концентрировалась вокруг участия в избирательных кампаниях, парламентской работе и взаимодействии с органами государственной власти. При этом роль партий как инструментов массовой политической мобилизации и выражения интересов широких социальных групп оставалась ограниченной, что являлось следствием как исторического опыта, так и особенностей политического развития постсоветской России.

На современном этапе развития политической системы Российской Федерации партийная структура характеризуется относительной устойчивостью и предсказуемостью. Крупные парламентские партии сохраняют свои позиции, участвуя в федеральных и региональных выборах, а также в работе законодательных органов власти. Многопартийность в данном контексте выступает как институционально закреплённый элемент политической системы, функционирующий в рамках установленных правовых и политических условий.

Современные политические партии Российской Федерации обладают развитой организационной структурой, включающей центральные органы управления, региональные и местные отделения. Их деятельность охватывает участие в законотворчестве, формирование политической повестки, а также взаимодействие с различными социальными и профессиональными группами. Вместе с тем характер партийной конкуренции и формы политической активности существенно отличаются от моделей, сложившихся в западных демократических государствах, что отражает специфику отечественного исторического и политического развития.

История политических партий в России свидетельствует о том, что партийность формировалась не как линейный и непрерывный процесс, а как результат чередования периодов институционального развития и резких разрывов политической традиции. Это определило особый характер партийных институтов, отличающийся от классических западных моделей.

Политические партии Российской Федерации следует рассматривать как исторически обусловленный феномен, развитие которого определяется спецификой отечественного политического опыта и особенностями взаимодействия государства и общества на различных этапах их эволюции.

Список литературы:

1. Ельцин, Б. Н. Записки президента / Б. Н. Ельцин. – М.: Огонёк, 1994. – 415 с.
2. Малютина, Л. Ф. История многопартийности в России: российский и региональный компоненты / Л. Ф. Малютина, Д. И. Гергилёв. – Красноярск: СФУ, 2016. – 129 с.
3. Медушевский, А. Н. Политические сочинения. Право и власть в условиях социальных трансформаций / А. Н. Медушевский. – СПб: Центр гуманитарных инициатив, – 2015. – 512 с.
4. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Захаров, 2004. – 494 с.
5. Политические партии России: история и современность / Под. ред. А. И. Зевелева и др. – М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.

Нестерова Дарья Константиновна

3 ТД-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доцент Шкандрий Надежда Ярославовна

Daria Nesterova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. НЕСТЕРОВА

Аннотация: В статье рассматриваются национальные образы в творчестве М. В. Нестерова. Анализируется, как художник через религиозные сюжеты, образы святых, характер народа и русскую природу создаёт художественный образ России. Особое внимание уделяется духовной направленности его произведений и их связи с культурными традициями конца XIX – начала XX века. Творчество М. В. Нестерова сыграло важную роль в сохранении и выражении национальной идентичности.

Ключевые слова: национальные образы, искусство, духовность, национальная идентичность, русская живопись.

NATIONAL IMAGES IN THE WORKS OF M. V. NESTEROV

Summary: The article examines national images in the works of M. V. Nesterov. The article analyzes how an artist creates an artistic image of Russia through religious subjects, images of saints, the character of the people and Russian nature. Special attention is paid to the spiritual orientation of his works and their connection with the cultural traditions of the late 19th and early 20th centuries. M. V. Nesterov's creative work played an important role in preserving and expressing national identity.

Keywords: national images, art, spirituality, national identity, Russian painting.

Обращение к искусству приобретает особую значимость как к форме сохранения и трансляции национальных ценностей, исторической памяти и духовных ориентиров. Изобразительное искусство, обладая мощным выразительным потенциалом, становится важнейшим носителем национальных образов, способных формировать представления о культурной самобытности народа.

В русской художественной культуре рубежа XIX-XX веков проблема национального самосознания получает особое развитие. Этот период характеризуется активными поисками национального идеала, обращением к духовным истокам, религиозной традиции, образу родной земли и народного характера.

В этом контексте творчество Михаила Васильевича Нестерова (1862-1942) занимает особое место [1]. Его произведения формируют

художественный образ России, основанный на православной духовности, созерцательном восприятии мира и глубокой связи человека с природой.

Понятие «национальный образ» в художественной культуре связано с представлениями о самобытности народа, его историческом опыте, системе ценностей и мировоззренческих установках. В искусстве национальный образ проявляется не только через сюжет и тематику произведения, но и через особенности художественного языка, символику, композиционные решения и эмоциональный строй.

Национальный образ следует рассматривать как многослойное явление, включающее в себя мифологические, религиозные, исторические и культурные аспекты. Он формируется в процессе длительного исторического развития и отражает коллективное сознание народа. В изобразительном искусстве национальный образ может воплощаться через архетипические фигуры, символические пейзажи, устойчивые типы персонажей и характерные эмоциональные состояния.

Для русской художественной традиции особое значение имеет связь национального образа с духовной сферой. Православие, идея внутреннего подвига, созерцательность и нравственный идеал оказывают значительное влияние на формирование художественного образа России. Национальный образ в русском искусстве часто лишён внешнего героизма и пафоса, он обращён к внутреннему миру человека и его духовному опыту.

Таким образом, национальный образ в искусстве представляет собой целостную систему художественных средств, направленных на выражение национальной идентичности и культурной памяти народа.

Творчество М. В. Нестерова формируется в сложный и противоречивый период истории России — на рубеже XIX-XX веков. Это время характеризуется кризисом традиционных ценностей, ростом интереса к философским и религиозным поискам, а также активным развитием национального самосознания. В художественной среде усиливается стремление к осмыслению «русской идеи», поиску духовных оснований национальной культуры.

Нестеров принадлежит к поколению художников, для которых искусство становится не только формой эстетического выражения, но и средством духовного служения. На его творчество значительное влияние оказали идеи славянофильства, труды философов, а также традиции древнерусского искусства и иконописи. Художник осознаёт свою миссию как создание образа «внутренней России», обращённого к духовным истокам национальной культуры [2].

Важную роль в формировании мировоззрения Нестерова сыграла религиозная тематика. Его интерес к образам русских святых, монашеской жизни и духовного подвига отражает стремление к восстановлению утраченной духовной целостности общества [3]. При этом художник избегает внешней торжественности и канонической строгости, наполняя свои произведения лиризмом и личным переживанием.

Историко-культурный контекст творчества М. В. Нестерова позволяет рассматривать его произведения как художественный ответ на духовные и национальные поиски эпохи.

Центральное место в творчестве Нестерова занимает духовный образ России, воплощённый через религиозные сюжеты и образы святых. Одним из наиболее значимых произведений является картина «Видение отроку Варфоломею». В этом произведении образ будущего преподобного Сергия Радонежского представлен не как героическая фигура, а как тихий, сосредоточенный ребёнок, находящийся в гармонии с окружающим миром [1]. Нравственный идеал Сергия имел в глазах Нестерова общественное значение как пример жизни человека, привлёкший множество людей своего времени и сыгравший роль в духовном сплочении народа [2].

Продолжением темы является картина «Юность преподобного Сергия». Здесь национальный образ раскрывается через мотив уединения и духовного выбора. Молодой Сергий изображён в лесном пейзаже, вдали от мирской суеты. Пространство картины наполнено тишиной, подчёркивающей внутреннюю сосредоточенность героя.

Лес в интерпретации Нестерова символизирует не только природную среду, но и духовное пространство, в котором происходит становление личности. Художник создаёт образ национального характера, основанного на самоограничении, внутреннем труде и нравственной ответственности. Таким образом, национальная идентичность связывается с идеей духовного подвига, совершаемого не публично, а в глубине души.

В картине «Христова невеста», написанной в 1913 г., оживала старина, сохранившаяся в русском старообрядчестве. Старообрядцы, почитавшие себя хранителями национального прошлого, были для художника как бы реальными выразителями вечного народного духа [1].

Духовность в интерпретации Нестерова лишена внешнего драматизма. Она проявляется через внутреннее состояние персонажей, их сосредоточенность и отрешённость от мирской суеты. Такой подход формирует образ национального характера, основанного на смирении, созерцании и духовной глубине.

В произведениях художника пейзаж не является фоном, он активно участвует в формировании национального образа [4]. Образ русской земли у Нестерова связан с идеей духовного укоренения, непрерывности традиции и гармонии человека с природой.

Природа в творчестве Нестерова всегда одухотворена. Она не подавляет человека и не доминирует над ним, а существует в состоянии гармонии. Через повторяющиеся мотивы, берёзы, мягкие линии горизонта, спокойные водные поверхности, художник формирует устойчивый визуальный код национального образа.

Образы людей в творчестве Нестерова отражают представление художника о национальном характере. Его персонажи лишены внешней экспрессии, они погружены в состояние внутреннего созерцания. Через

сдержанность жестов и выражений лица Нестеров передаёт идею внутреннего подвига, характерного для русской духовной традиции.

Национальный образ народа в произведениях Нестерова формируется как образ духовного сообщества, объединённого общими ценностями и исторической памятью.

Пейзаж в творчестве М. В. Нестерова играет не менее важную роль, чем фигура человека. Русская природа становится носителем национального смысла, символом духовной родины. Пейзажи Нестерова отличаются спокойствием, мягкой цветовой гаммой и отсутствием резких контрастов. Они создают атмосферу тишины и внутреннего покоя.

Творчество Михаила Васильевича сыграло важную роль в формировании художественного образа России начала XX века. Его произведения способствовали сохранению духовных и культурных традиций в период социальных и культурных потрясений. Обращение к религиозной тематике и национальным образам стало формой художественного сопротивления утрате духовных ориентиров.

Нестеров создал уникальную художественную систему, в которой национальная идентичность раскрывается через духовный опыт, пейзаж и образ человека. Его творчество оказало значительное влияние на развитие русской религиозной живописи и культурологического осмысления национального искусства.

Национальные образы в творчестве Михаила Васильевича Нестерова представляют собой целостную художественную систему, направленную на выражение национальной идентичности России. Через духовные, пейзажные и антропологические мотивы художник формирует образ национального идеала, основанного на православной традиции, внутренней сосредоточенности и гармонии с окружающим миром.

Творчество М. В. Нестерова демонстрирует значимость искусства как средства сохранения и трансляции национальных ценностей. Его произведения остаются актуальными в контексте современных дискуссий о национальной идентичности и роли культуры в формировании коллективного сознания.

Список литературы:

1. Никонова И. И. Михаил Васильевич Нестеров — М.: Искусство, 1962. — 192 с.
2. Нестеров М. В. Давние дни (Воспоминания, очерки, письма) — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. — 560с.
3. Биография М. В. Нестерова // Электронный ресурс. - URL: <https://museum-nesterov.ru/collection/mihail-nesterov/biografiya> (дата обращения 25.02.2026 г.)
4. Михаил Васильевич Нестеров – биография художника, личная жизнь, картины // Электронный ресурс. - URL: <https://www.culture.ru/persons/8964/mikhail-nesterov> (дата обращения 25.02.2026 г.)

Нестерова Дарья Константиновна

3 ТД-26

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Nesterova Darya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПОЧЕМУ ВАЖНО ЗНАТЬ ИСТОРИЮ СВОЕЙ РОДИНЫ?

Аннотация: Историческое образование способствует формированию человека как личность и его национального самосознания. Без знания прошлого невозможно построить будущее, мы учимся на опыте наших предков, развивая критическое мышление. К тому же, знание истории своей Родины способствует сохранению культурного наследия: традиций, обычаев, языка, памятников архитектуры и искусства. Изучение истории своей страны развивает чувство патриотизма, благодаря чему появляется желание участвовать в процветании своей Родины.

Ключевые слова: история, прошлое, будущее, опыт, культура, патриотизм.

WHY IS IT IMPORTANT TO KNOW THE HISTORY OF YOUR HOMELAND?

Summary: Historical education contributes to the formation of a person as a person and his national identity. Without knowledge of the past, it is impossible to build the future, we learn from the experience of our ancestors, developing critical thinking. In addition, knowledge of the history of their homeland contributes to the preservation of cultural heritage: traditions, customs, language, monuments of architecture and art. Studying the history of your country develops a sense of patriotism, which makes you want to participate in the prosperity of your homeland.

Keywords: history, past, future, experience, culture, patriotism.

Слово «история» происходит от древнегреческого «*historia*», что означает «исследование», «рассказ о познанном». В современном научном понимании история представляет собой общественную науку, изучающую закономерности развития человеческого общества в прошлом. Она исследует процессы становления государств, эволюцию социальных институтов, трансформацию культурных норм и ценностей.

Актуальность обращения к проблеме исторического образования обусловлена возрастающей сложностью общественных процессов, глобализацией, усилением межкультурных контактов и информационной насыщенностью современного пространства. В этих условиях формирование исторического сознания становится важным фактором устойчивого общественного развития [1].

Одной из ключевых функций исторического образования является развитие критического мышления. История не ограничивается фиксацией фактов, она предполагает анализ причинно-следственных связей, сопоставление различных событий, выявление закономерностей и тенденций общественного развития.

Существенный вклад в осмысление роли истории внёс Василий Ключевский, рассматривавший исторический процесс как результат взаимодействия природных условий, социальной среды и человеческой деятельности. Он подчёркивал, что история не ограничивается описанием событий, а раскрывает закономерности развития общества. По мнению учёного, изучение прошлого формирует у человека способность видеть взаимосвязь явлений и понимать причины социальных изменений, что напрямую связано с развитием аналитического мышления [2].

Изучение истории способствует формированию навыков анализа источников, умения работать с различными точками зрения, оценивать достоверность информации и аргументированно выстраивать собственную позицию. В современном мире, перенасыщенном информацией, эти навыки становятся особенно важными.

Кроме того, исторические знания формируют способность рассматривать явления в контексте конкретной эпохи. Понимание того, что каждое событие обусловлено совокупностью экономических, политических, культурных и социальных факторов, развивает комплексный подход к анализу действительности. Это позволяет избежать упрощённых оценок и способствует более взвешенному восприятию общественных процессов.

Знание истории играет существенную роль в становлении национального самосознания. Осмысление прошлого способствует формированию чувства принадлежности к определённой культурной и исторической общности [3]. Через изучение ключевых этапов развития государства, достижений и опыта предшествующих поколений формируется представление о преемственности исторического пути.

Историческое образование позволяет молодому поколению осознать вклад своей страны в мировое развитие, понять особенности национальной культуры, традиций и общественных институтов. В этом контексте история выступает не только как область научного знания, но и как средство социализации личности.

Важно отметить, что формирование национальной идентичности не должно сводиться к одностороннему восприятию прошлого. Научный подход предполагает критическое осмысление исторических событий, признание сложных и противоречивых этапов развития общества. Именно такая позиция способствует формированию зрелого гражданского сознания.

Важным аспектом является формирование исторической памяти как элемента коллективного сознания общества [4]. Историческая память объединяет поколения, создаёт систему общих символов, дат и событий, которые становятся опорными точками национального самосознания.

Осмысление исторического опыта позволяет выявлять закономерности общественного развития и учитывать последствия политических и социальных решений. Анализ прошлых преобразований, реформ и кризисов способствует более обоснованному прогнозированию возможных сценариев развития современного общества.

Историческая наука демонстрирует, что общественные процессы носят сложный и многоуровневый характер. Решения, принимаемые в определённый исторический момент, могут иметь долгосрочные последствия. Понимание этого факта формирует ответственное отношение к гражданской позиции и участию в общественной жизни.

Кроме того, историческое знание способствует формированию правовой культуры. Осмысление эволюции политических институтов, конституционных норм и механизмов государственного управления позволяет глубже понимать принципы функционирования современной политической системы [1].

Особое значение историческое образование заключается в сохранении культурного наследия. Памятники архитектуры, произведения искусства, традиции и обычаи являются материальным и духовным отражением развития общества. Их изучение формирует уважительное отношение к культурным ценностям и осознание необходимости их сохранения.

История культуры позволяет проследить эволюцию художественных стилей, философских идей, литературных направлений и форм общественного сознания. Анализ культурных процессов демонстрирует, что культура развивается в диалоге эпох, сохраняя преемственность и одновременно трансформируясь под воздействием социальных изменений [4]. Историческое образование способствует пониманию этой динамики и формирует способность воспринимать культуру как живой и развивающийся феномен.

Кроме материальных памятников, значительную ценность представляет нематериальное культурное наследие: язык, фольклор, обряды, традиционные формы искусства. Историческое образование способствует осознанию их значимости и уязвимости в условиях глобализации. Сохранение нематериального наследия становится важным условием поддержания культурного многообразия и национальной самобытности.

Значимыми представляются идеи Дмитрия Лихачёва, рассматривавшего культуру как «память человечества». Учёный подчёркивал, что культурное наследие формирует нравственные ориентиры общества и обеспечивает духовную преемственность поколений. По его мнению, утрата культурной памяти приводит к разрыву исторической традиции и обеднению общественного сознания [5]. Данное положение подчёркивает необходимость системного историко-культурного образования как условия сохранения духовной устойчивости общества.

Лев Гумилёв развивал концепцию этногенеза, в которой особое значение придавал культурным и природным факторам формирования этносов. Учёный подчёркивал, что понимание исторического пути народа необходимо для осознания его культурной специфики, этапов подъёма и кризиса, а также

перспектив дальнейшего существования. По его мнению, игнорирование исторических и этнологических закономерностей может привести к утрате идентичности и ослаблению общества [6]. Такой подход позволяет рассматривать культуру не как второстепенное явление, а как фундаментальный фактор исторического движения.

Понимание исторического и художественного контекста позволяет глубже оценить значимость объектов культурного наследия. Историческая грамотность способствует формированию ответственного отношения к вопросам реставрации и охраны памятников, что особенно актуально в современном мире.

Сохранение исторической памяти выступает важным элементом культурной политики государства и гражданского общества. Передача знаний о прошлом новым поколениям обеспечивает преемственность традиций и устойчивость культурной идентичности.

Историко-культурный подход позволяет рассматривать культуру не только как совокупность художественных достижений, но и как систему ценностей, норм и моделей поведения, формирующих общественную идентичность. Через изучение истории культуры выявляются механизмы трансляции духовного опыта, особенности формирования общественной морали и эстетических идеалов. Таким образом, историческое образование выполняет функцию сохранения и передачи культурных смыслов, обеспечивая целостность национального развития.

В современном обществе возрастает значимость патриотического воспитания, основанного на объективном изучении истории. Осознание достижений и испытаний, выпавших на долю предыдущих поколений, формирует уважение к историческому наследию и способствует развитию чувства ответственности за будущее страны.

История знакомит нас с примерами гражданского мужества, научных и культурных достижений, общественного служения [7]. Это может стимулировать стремление к профессиональной и общественной самореализации. При этом важно, чтобы патриотическое воспитание опиралось на принципы научности, объективности и критического анализа.

В условиях глобализации историческое знание приобретает дополнительное значение как средство межкультурного диалога. Понимание особенностей развития различных цивилизаций способствует формированию толерантности и уважения к культурному многообразию.

Изучение мировых исторических процессов позволяет выявлять общие закономерности и различия в путях развития обществ [8]. Это формирует мировоззрение, основанное на признании ценности культурного разнообразия и взаимного сотрудничества.

Таким образом, историческое образование выполняет комплексную функцию в формировании личности и гражданского сознания. Оно способствует развитию критического мышления, формированию национальной

идентичности, укреплению правовой культуры и сохранению культурного наследия.

Осмысление исторического опыта позволяет более глубоко понимать современные общественные процессы и вырабатывать ответственную гражданскую позицию. В условиях динамично меняющегося мира историческое знание остаётся важнейшим инструментом интеллектуального и духовного развития общества.

Список литературы:

- 1.Суворова, Т. С. Актуальность изучения истории в современном мире // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 25–26 ноября 2022 года. — 2023. — С. 220-223.
- 2.Лаппо-Данилевский, А. С. Исторические взгляды В. О. Ключевского // ЖССА. — 2004. — №1. — С. 50-62.
- 3.Крючек, П. С., Сергеев, В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. — 2025. — № 1 (293). — С. 5-10.
- 4.Хаттон, П.Х. История как искусство памяти — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003.
- 5.Лихачёв, Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М.: Детская литература, 1985.
- 6.Карпиленя, Н. В. Об исторических и этнологических процессах в русской цивилизации: развитие идей Л. Н. Гумилева // Архонт. — 2021. — №1 (22). — С. 30-67.
- 7.Шестакова, О. Е. Формирование у молодежи патриотического сознания, исторической памяти через изучение истории Великой Отечественной войны // Молодой ученый. — 2020. — № 8 (298). — С. 252-254.
- 8.Пристапчук, Е. С. Патриотическое воспитание обучающихся при изучении истории в основной школе // Молодой ученый. — 2019. — № 39 (277).

Никитина Влада Владиславовна

1 АД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Vlada Nikitina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«ФРАНКФУРТСКАЯ» КУХНЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОТОТИПА СОВРЕМЕННОЙ КОРПУСНОЙ И МОДУЛЬНОЙ КУХНИ

Аннотация: В статье исследуется история создания «Франкфуртской» кухни – инновационного образца кухонного оборудования 1920-х годов, ставшего символом рационализации домашнего труда и эстетики функционализма. На основе анализа социально-экономического контекста Веймарской республики, автор рассматривает проект архитектора Маргарете Шютте-Лихоцки не как сугубо дизайнерское решение, а как важнейший элемент масштабной программы муниципального жилищного строительства во Франкфурте-на-Майне. Особое внимание уделяется научному подходу к организации пространства, социологическим и эргономическим исследованиям, предшествовавшим проекту, а также его противоречивому наследию. Благодаря появлению Франкфуртской кухни современные кухни в домах по всему миру создаются и строятся по одному образцу.

Ключевые слова: Франкфуртская кухня, Маргарете Шютте-Лихоцки, Веймарская республика, эргономика, функционализм, муниципальное жилье, рационализация домашнего труда, Нойе-Франкфурт.

THE “FRANKFURT” KITCHEN: THE HISTORY OF THE CREATION OF A PROTOTYPE OF A MODERN MODULAR KITCHEN

Summary: This article explores the history of the “Frankfurt” kitchen – an innovative example of kitchen equipment from the 1920s that became a symbol of the rationalization of household labor and the aesthetics of functionalism. Based on an analysis of the socioeconomic context of the Weimar Republic, the author examines Margarete Schütte-Lihotzky's project not as a purely design solution, but as a crucial element of a large-scale municipal housing program in Frankfurt am Main. Particular attention is paid to the scientific approach to spatial organization, the sociological and ergonomic research that preceded the project, and its controversial legacy. Thanks to the emergence of the Frankfurt kitchen, modern kitchens in homes around the world are designed and built according to the same model.

Keywords: Frankfurt kitchen, Margarete Schütte-Lihotzky, Weimar Republic, ergonomics, functionalism, municipal housing, rationalization of domestic work, Neue Frankfurt.

История дизайна знает немного примеров, когда один объект интерьера становился бы кульминацией целого комплекса социальных, экономических и архитектурных идей. «Франкфуртская» кухня (Frankfurter Küche), разработанная в 1926 году австрийским архитектором Маргарете Шютте-Лихоцки, является именно таким явлением. Ее создание не было следствием лишь творческого озарения, а стало результатом целенаправленной политики в рамках проекта «Нойе-Франкфурт» (Neues Frankfurt) под руководством городского советника по строительству Эрнста Мая. Эта программа ставила своей целью разрешение острого жилищного кризиса через строительство доступных, гигиеничных и эффективных квартир для рабочих семей. Маргарете Шютте – архитектор из Вены, ученица Адольфа Лооса, позже ставшая ученицей Эрнста Мая. Для одного из районов, предназначенного для проживания рабочего класса, Маргарете и разработала данный элемент мебели.

После Первой мировой войны Германия, и в частности Франкфурт-на-Майне, столкнулась с катастрофической нехваткой жилья. Новое социал-демократическое руководство города инициировало беспрецедентную по масштабам программу строительства жилых кварталов с типовыми квартирами малой площади (около 60 м²). В таких условиях кухня, традиционно занимавшая значительное пространство, должна была быть кардинально пересмотрена. Квартиры строились для рабочего класса и должны были отвечать другим бытовым нуждам; в квартирах должно было быть урезано место, которое занимала кухня, на которой раньше трудились нанятые кухарки, а теперь – домохозяйки и обычные трудоустроенные женщины. Задача формулировалась не только в терминах экономии места, но и освобождения женщины от непродуктивного и изнурительного домашнего труда, что соответствовало духу эмансипации и рационализации эпохи.

Маргарете Шютте-Лихоцки, первая женщина-архитектор Австрии и убежденная сторонница идей функционализма, подошла к проектированию кухни как к научной задаче. Маргарете отправилась на кухни обычных немецких семей, где она внимательно записывала и просчитывала каждый шаг домохозяек и кухарок. Несмотря на то, что исследования проводились в маленьких квартирах, выяснилось, что домохозяйки в течение каждого дня проходят километры по одной только маленькой кухне, – и это только из-за того, что рабочие поверхности и шкафы расположены в неудобном порядке и далеко друг от друга. И тогда появился проект знаменитой «Франкфуртской кухни». Прогрессивная австрийка выбрала для вдохновения корабельный камбуз и право женщины на свободное время.

Это была настоящая революция. На 6,5 квадратных метрах Маргарете разместила модульные секции, которые рационально заполняли всё пространство до последнего квадратного сантиметра. Кухонная мебель была безжалостно лишена ножек и установлена на бетонный подиум. Так появились первые образцы встраиваемой мебели. Дизайн определялся жёсткой функциональностью: плита – справа, двойная мойка – слева, навесные шкафы

со скользящими дверцами. Табурет – крутящийся. Лампа – подвесная. Элементами предметного дизайна на «франкфуртской кухне» стали «шюттенки»: выдвижные контейнеры для хранения сыпучих продуктов. Их было ровно 18.

«Я уверена, что каждый миллиметр имеет смысл, каждый миллиметр в пространстве преобразуется в трех измерениях и имеет свою функцию. Но при этом нужно помнить и о социальных аспектах. Ведь дом – это своего рода реализованная организация наших жизненных привычек», – писала Грета Шютте-Лихоцки.

Этот анализ привел к следующим ключевым инновациям:

1. Принцип «рабочего треугольника»: последовательное расположение зон хранения, мытья и приготовления пищи.

2. Модульная конструкция: стандартные шкафы и столешницы, пригодные для промышленного производства и сборки.

3. Интеграция технологий: встроенная вытяжка, скользящая дверь, компактная плита, раковина из оцинкованной стали.

4. Эргономика и гигиена: использование легко моющихся поверхностей (линолеум, дерево, окрашенное масляной краской), встроенные баки для мусора и муки, вращающийся табурет.

5. Жесткая стандартизация: размеры кухни (1.9×3.4 м) были привязаны к стандартному размеру балкона, что оптимизировало строительство.

Кухня проектировалась не как место для семейных трапез (для этого предназначалась жилая комната), а как высокоэффективное пространство, скорее напоминающее рабочий станок, от которого домохозяйке не требуется отходить, чтобы завершить процесс приготовления блюда.

Между 1926 и 1930 годами во франкфуртских жилых кварталах (например, Праунхайм, Вестхаузен, Рёмерштадт) было установлено около 10 000 таких кухонь. Их успех был обусловлен не только новаторским дизайном, но и экономическими факторами: серийное производство удешевляло стоимость каждой единицы, а компактность освобождала квадратные метры для других жилых зон.

К слову, идею рабочего треугольника и новые понятия в эргономике кухни придумала не Грета. Она лишь оформила эту идею и воплотила ее в жизнь. В 1869 году в США вышла книга Катарины Бичер «Дом американской женщины». Затем американка Лилиан Гилберт, инженер, дизайнер, мать 11-ти детей и непримиримая феминистка, провела свой знаменитый эксперимент с клубничным пирогом. Придумав рабочий треугольник на кухне, Гилберт испекла пирог, сократив количество шагов с 281 до 45, а количество проводимых операций с 97 до 64.

Несмотря на революционность, «Франкфуртская» кухня сразу же стала объектом критики. Основные претензии касались:

- социального отчуждения: кухня изолировала хозяйку от семьи, лишая ее социального взаимодействия во время работы;

- жесткой стандартизации: проект игнорировал индивидуальные потребности, культурные привычки и разный состав семей;
- эстетической аскетичности: строгий, почти индустриальный вид кухни вызывал отторжение у части жильцов, привыкших к более уютной обстановке.

Однако именно эти противоречия делают «Франкфуртскую» кухню идеальным объектом для анализа. Она стала материальным воплощением утопических надежд и практических компромиссов модернизма. Ее гендерный аспект (освобождение или заточение женщины?) остается предметом острых дискуссий в гендерных и дизайнерских исследованиях.

Маргарете спроектировала кухню, сделавшую её знаменитой, когда ей было всего тридцать лет. Впереди её ждала долгая сложная жизнь. Тридцатые годы прошлого века архитектор провела в СССР, где проектировала промышленные города, в том числе Магнитогорск. По возвращении в Германию она была схвачена Гестапо, а после провела 4 страшных года в концлагерях. Оставшуюся часть жизни женщина работала над проектированием частных домов, консультировала архитектурные проекты на Кубе и в Китае.

Города, кварталы, детские сады... Маргарете Шютте-Лихоцки прожила 102 года. Свой столетний юбилей она отметила, вальсируя с мэром Вены. До конца жизни она читала лекции, выступала с докладами, и получала награды в области дизайна и архитектуры.

«Франкфуртская» кухня Маргарете Шютте-Лихоцки представляет собой выдающийся пример того, как дизайн становится инструментом социальной инженерии. Это был не просто прототип современной встроенной кухни, а комплексный ответ на конкретные исторические вызовы: послевоенную нищету, жилищный кризис и дискуссию о роли женщины в обществе. Ее создание базировалось на междисциплинарном подходе, сочетавшем архитектуру, социологию и теорию научного менеджмента.

Наследие «Франкфуртской» кухни двойственно. С одной стороны, она заложила эргономические и производственные стандарты, определившие развитие кухонного дизайна на десятилетия вперед. С другой – она показала недостатки модернистского взгляда на окружающую среду человека, среди которых стремление к стандартизации, без учета индивидуальных особенностей человека, упрощение производства, исключаящее декоративность и украшение окружающего пространства.

Список литературы:

1. Грета Шютте-Лихоцки и ее кухонная революция. – URL: https://onlinerad.ru/greta_rad_news (дата обращения 03.01.2026).
2. Остервельд Х. Функционализм и женский труд: Маргарете Шютте-Лихоцки и Франкфуртская кухня // Архитектура и феминизм. – Нью-Йорк, 1996.
3. Хендерсон С. Франкфуртская кухня: стандартизация и гендер в архитектуре модернизма // Журнал Общества историков архитектуры. – 1996.
4. Шютте-Лихоцки М. Воспоминания из Соппротивления. – Вена, 1994.

Новикова Алина Александровна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Alina Novikova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ: СМЕРТЬ АВТОРА 2.0

Аннотация: В данной статье используется философский анализ трансформации категории «автор» в условиях стремительного развития генеративных нейросетей. Исходным теоретическим горизонтом исследования выступает концепция «смерти автора» Ролана Барта, провозгласившая в XX веке независимость текста от породившего его субъекта. Автор показывает, что ситуация с искусственным интеллектом принципиально отличается от постструктуралистской игры смыслов: если у Барта смерть автора была метафорой читательской свободы, то сегодня мы наблюдаем буквальное исчезновение антропного субъекта творчества. В работе анализируется онтологический статус текста, порожденного нечеловеческим агентом, и ставится вопрос о природе креативности. Особое внимание уделяется проблеме интенциональности и тому, как меняется роль человека, который из творца превращается в оператора-промттера. Делается вывод о необходимости пересмотра классических категорий эстетики и авторского права в новой технологической реальности.

Ключевые слова: смерть автора, нейросети, искусственный интеллект, постструктурализм, креативность, промт-инжиниринг.

THE PROBLEM OF AUTHORSHIP IN THE AGE OF NEURAL NETWORKS: THE DEATH OF AN AUTHOR 2.0

Summary: This article uses a philosophical analysis of the transformation of the category «author» in the context of the rapid development of generative neural networks. The initial theoretical horizon of the study is the concept of the «death of the author» by Roland Barthes, who proclaimed the independence of the text from the subject that gave rise to it in the 20th century. The author shows that the situation with artificial intelligence is fundamentally different from the post-structuralist game of meanings: if Barthes's death of the author was a metaphor for the reader's freedom, today we are witnessing the literal disappearance of the anthropic subject of creativity. The paper analyzes the ontological status of a text generated by a non-human agent and raises the question of the nature of creativity. Special attention is paid to the problem of intentionality and how the role of the person changes, who turns from a creator into a prompt operator. It is concluded that it is necessary to

revise the classical categories of aesthetics and copyright in the new technological reality.

Keywords: death of the author, neural networks, artificial intelligence, poststructuralism, creativity, industrial engineering.

Стремительное развитие искусственного интеллекта в последнее время поставило перед гуманитарным знанием ряд фундаментальных вопросов. Созданные алгоритмами тексты, изображения и музыка все сложнее отличить от произведений человека. Как отмечают исследователи, современные пользователи имеют свободный доступ к платформам для генерации контента, где они не просто получают готовые тексты, но и взаимодействуют с ИИ, уточняя промты и используя сгенерированные фрагменты в своих работах [2, с. 122–133]. Это порождает не только юридические коллизии в сфере авторского права, но и требует переосмысления самих оснований творчества. Кто является автором произведения, сгенерированного нейросетью? Можно ли считать креативным актом формулировку запроса? Что происходит с категорией «субъект творчества», когда в процесс создания вовлекается нечеловеческий интеллект?

Классическая философия XX века дала, казалось бы, радикальный ответ на подобные вопросы. Работы Ролана Барта «Смерть автора» и Мишеля Фуко «Что такое автор?» деконструировали фигуру автора как источника смысла произведения. Однако эта «смерть» носила метафорический характер: за текстом все равно стоял человек. Ситуация с нейросетями принципиально иная: текст создается машиной, не обладающей ни сознанием, ни жизненным опытом. Цель данной статьи – проанализировать трансформацию феномена авторства при переходе от антропоцентричной культуры к культуре, где сотворцом выступает искусственный интеллект.

В 1967 году Ролан Барт публикует эссе «Смерть автора», ставшее манифестом постструктурализма. Барт выступает против поиска источника смысла в личности автора. Для Барта письмо – это нейтральная, комбинаторная область, где теряются следы индивидуального голоса. Текст выполнен из цитат, отсылок к культурным кодам, и задача автора лишь в том, чтобы смешивать уже написанное. «Скриптор, – пишет Барт, – рождается одновременно с текстом, у него нет уникального бытия до и вне письма» [1, с. 384–391]. Следовательно, смысл окончательно формируется не в момент создания, а в момент чтения.

Мишель Фуко в лекции «Что такое автор?» предлагает рассматривать автора как функцию дискурса. «Имя автора» служит для классификации текстов и придания им статуса. Автор – идеологическая конструкция, позволяющая обществу присваивать и ограничивать смыслы [6, с. 7–46]. Фуко показывает историческую изменчивость этого понятия.

Таким образом, в XX веке «смерть автора» была методологическим жестом против культа гениальной личности. Автор умирает символически, уступая место интерпретации. Но во всех построениях автор оставался человеком – децентрированным, но антропным субъектом.

Принципиальное отличие современной ситуации в том, что нейросеть не является человеком и не обладает сознанием. Генеративные модели обучаются на массивах текстов и на основе статистических закономерностей предсказывают продолжение последовательности. Как отмечает И.В. Овчинников, создаваемое изображение представляет собой усредненную репрезентацию объекта, которую сеть усвоила на основе статистического анализа всего датасета [3, с. 74–82].

Н. А. Масленкова и А. С. Никитина вводят понятие «гибридных текстов», сочетающих естественные и сгенерированные элементы. Исследования показывают, что участники экспериментов определяли контент GPT-3 с точностью не выше 49,9% [2, с. 122–133]. Это создает онтологическую ситуацию: перед нами текст с формальными признаками произведения, но без автора-человека в традиционном смысле. Произведение ИИ симулирует авторство, оставаясь «пустым» в экзистенциальном плане.

Взаимодействие с нейросетью меняет классическую схему творчества. Человек теперь не создает произведение непосредственно, а формулирует промпт. Возникает новый вид деятельности – промпт-инжиниринг. Можно ли считать автором того, кто пишет промпт? И. В. Овчинников приводит замечание Дж. Гинзбург: в «офлайн»-мире выдача команды не делает автором отдавшего ее: Юлий II мог заказать роспись Сикстинской капеллы, но автором считается Микеланджело [3, с. 74–82]. Без человека не было бы запроса, но генерация осуществляется машиной стохастически. Роль человека смещается от созидания к селекции.

Э. А. Хутова отмечает, что в доктрине сформировались противоположные подходы: одни отрицают правосубъектность ИИ и предлагают признавать автором пользователя или разработчика, другие обсуждают наделение ИИ особой «цифровой» правосубъектностью [4, с. 661–663]. Н. А. Масленкова и А. С. Никитина предлагают рассматривать модели расширенного авторства и распределенного творчества как адекватные гибридной природе взаимодействия [2, с. 122–133].

С. М. Малков обращает внимание на еще один аспект: благодаря генеративным технологиям творчество живых и умерших артистов подвергается имитации, часто без их согласия [5, с. 205–213]. Это возрождает проблему обезличивания автора в новом обличье.

Практические последствия особенно ощутимы в авторском праве. Согласно ст. 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создано произведение [4, с. 661–663]. Это исключает ИИ из числа потенциальных субъектов. И. В. Овчинников подчеркивает: авторское право охраняет частные интересы конкретных лиц. Признание прав на произведения, созданные ИИ, подорвало бы философские основания литературной и художественной собственности [3, с. 74–82].

Наконец, вопрос об ответственности за контент, созданный ИИ. Э. А. Хутова предлагает сместить акцент с фиксации авторства на установление

ответственности конкретных человеческих акторов, поскольку ИИ не имеет правосубъективности [4, с. 661–663].

Концепция «смерти автора» получает неожиданное продолжение в эпоху нейросетей. Если у Барта и Фуко речь шла о деконструкции власти автора над смыслом, то сегодня мы сталкиваемся с буквальным исчезновением человеческого субъекта из процесса творчества.

Человек не устраняется полностью, но его роль трансформируется: из создателя он превращается в оператора, задающего параметры и выбирающего результат. Н. А. Масленкова и А. С. Никитина предлагают гибкий контекстуальный подход к определению авторства в условиях ИИ-посредничества [2, с. 122–133]. Философия техники стоит перед задачей выработки нового языка для описания реальности, где соавтором человека выступает алгоритм.

Список литературы:

1. Барт, Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384–391
2. Масленкова, Н. А., Никитина, А. С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. – 2025. – Т. 5, № 2. – С. 122–133.
3. Овчинников, И. В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – Март. № 1 (47). – С. 74–82.
4. Хутова, Э. А. Коллизии авторского права в цифровую эпоху: правовой статус произведений, созданных с использованием технологий генеративного искусственного интеллекта // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 661–663.
5. Малков, С. М. Концепция смерти автора и проблема посттворчества в цифровую эпоху // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – Вып. 2. – С. 205–213.
6. Фуко, М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. – С. 7–46.

Носкова Мария Михайловна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: старший преподаватель Михайлова Маргарита Ярославна

Maria Noskova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СУДЬБЫ ВОЕННЫХ КОМАНДИРОВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА НА ПРИМЕРАХ РОКОССОВСКОГО И ПАТТОНА

Аннотация: Статья посвящена сравнительному исследованию судеб двух выдающихся полководцев XX века — Константина Рокоссовского и Джорджа Паттона. Автором подробно анализируются их личные качества и стратегии военного руководства, проявившиеся в ходе Второй мировой войны. Особое внимание уделяется роли этих генералов в ключевых сражениях, определивших ход боевых действий на Восточном и Западном фронтах. В работе рассматривается влияние политических факторов и государственной идеологии на их карьеру, взлеты и опалы. Исследование демонстрирует, насколько сильно судьба каждого командира зависела от контекста исторической эпохи и национальных особенностей армий. Делается вывод о том, что личная харизма полководцев по-разному взаимодействовала с требованиями тоталитарного и демократического режимов. Статья представляет интерес для исследователей военной истории, социологии, а также психологии лидерства в экстремальных условиях.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Константин Рокоссовский, Джордж Паттон, военное командование, исторические судьбы, политика и армия, сравнительный анализ.

THE FATES OF MILITARY COMMANDERS: A HISTORICAL PERSPECTIVE BASED ON THE EXAMPLES OF ROKOSSOVSKY AND PATTON

Summary: The article is devoted to a comparative study of the fates of two outstanding military commanders of the 20th century — Konstantin Rokossovsky and George Patton. The author analyzes in detail their personal qualities and military leadership strategies as manifested during World War II. Special attention is paid to the role of these generals in the key battles that determined the course of hostilities on the Eastern and Western Fronts. The work examines the influence of political factors and state ideology on their careers, ups and downs. The study demonstrates how strongly the fate of each commander depended on the context of the historical era and the national characteristics of their armies. It concludes that the personal charisma of these military leaders interacted differently with the demands of totalitarian and democratic regimes. The article is of interest to researchers of military history, sociology, and the psychology of leadership in extreme conditions.

Keywords: World War II, Konstantin Rokossovsky, George Patton, military command, historical destinies, politics and the army, comparative analysis.

Исторический опыт человечества свидетельствует о ключевой роли военных лидеров в развитии государств и формировании национального самосознания народов. Полководцы прошлого остаются образцами героизма, стойкости и жертвенности, чьи имена навсегда вписаны в историю войн и сражений. Исторический анализ судеб военных руководителей открывает возможности для выявления параллелей между различными странами и временами, способствует выявлению универсалий и специфики каждой культуры. Одним из наиболее показательных примеров является судьба советских и американских генералов периода Второй мировой войны. Так, два выдающихся представителя своей эпохи — Константин Константинович Рокоссовский и Джордж Смит Паттон — демонстрируют широкий спектр характеристик успешного командира и яркие черты национальных особенностей военных традиций Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Рокоссовский достиг наибольшего признания в годы Великой Отечественной войны. Уже в первые месяцы сражения на фронтах будущий маршал показал себя искусным руководителем оборонительных операций, сумев стабилизировать ситуацию под Москвой осенью 1941 года. Позже именно он возглавил важнейшие битвы на центральном направлении Восточного фронта, став одной из ключевых фигур Курской дуги летом 1943 года. Успех в обороне Курска стал возможен благодаря тщательному планированию, организации взаимодействия родов войск и умелым действиям самого Рокоссовского [1, с. 71]. Следующим этапом стала операция «Багратион» в Белоруссии, которая привела к освобождению крупных территорий оккупированной Европы, где именно Рокоссовский разработал план нанесения главного удара по немецкой группе армии “Центр” сразу по двум направлениям, что привело к полному поражению немецко-фашистских войск в Белоруссии и Восточной Польше [2, с. 6]. Наконец, решающим событием стало командование войсками в завершающем этапе войны — взятии Берлина весной 1945 года. Благодаря таланту и опыту Рокоссовского советские войска смогли эффективно провести наступление и нанести сокрушительное поражение вермахту.

Политическая карьера генерала началась ещё до окончания войны, когда Сталин назначил его заместителем министра обороны СССР. После смерти Сталина последовала сложная политическая ситуация, связанная с репрессиями и чистками среди высшего состава армии. Однако удалось избежать серьёзных последствий, и вскоре Константин Константинович был назначен министром обороны социалистической Польши, где продолжал оказывать существенное влияние на укрепление обороноспособности восточноевропейских государств.

Современная историография оценила вклад Рокоссовского высоко. Многие считают его одним из лучших советских полководцев, чей талант и харизма помогли одерживать победы даже в сложных обстоятельствах. Вместе с тем критики указывают на некоторые недостатки его стратегии, особенно в части излишней осторожности и нежелания рисковать в определённых ситуациях.

Что касается, его современника, то началом карьеры Джорджа Смитта Паттона стала Первая мировая война, где тот служил помощником генерала Джона Першинга и приобрёл известность своими действиями против мексиканского революционера. Начало Второй мировой войны открыло новый этап в судьбе генерала. Первым крупным заданием Паттона было руководство корпусом во Французской кампании 1942 года, когда союзники высадились в Северной Африке. Здесь Паттон зарекомендовал себя энергичным командиром, однако его поведение часто подвергалось критике за чрезмерную жестокость и агрессивность [3, с. 120].

Одним из значительных эпизодов карьеры генерала была кампания в Италии. Под его командованием американская армия достигла впечатляющих успехов, продвигаясь быстрее запланированного графика и демонстрируя высокую мобильность. Тем не менее неудачи тоже случались: после инцидента с немецким контрударом на Сицилии и недовольством Эйзенхауэра дисциплина внутри войск снизилась, что негативно повлияло на дальнейшее продвижение американцев.

Самым известным эпизодом в карьере Паттона стал конфликт с верховным командованием союзников. Летом 1943 года генерал совершил ряд дисциплинарных проступков, выразившихся в публичном унижении солдат, находящихся в госпиталях. За своё неподобающее поведение Паттон получил выговор от Дуайта Эйзенхауэра и лишился должности главнокомандующего силами вторжения в Нормандию [4, с. 147]. Лишь позже, после освобождения Парижа, ему вновь доверили управление крупными операциями, такими как освобождение территории Западной Германии и Чехии.

Несмотря на критику, Паттон остался символом храбрости и силы духа для многих соотечественников. Американская культура создала вокруг него настоящий культ, отразившийся в литературе, кино и музыке. Фильм Стэнли Кубрика «Паттон» закрепил образ уверенного и бескомпромиссного командира, готового идти до конца ради победы.

Тем не менее посмертное восприятие генерала оказалось двойственным. Одни восхищались его решительностью и воинским духом, другие критиковали жёсткость и нетерпение к чужим мнениям. Современная историография пытается сбалансированно подойти к оценке военного руководителя, отмечая одновременно его достоинства и недостатки.

Обобщённый взгляд на судьбы маршала Константина Рокоссовского и генерала Джорджа Паттона позволяет выявить ключевые сходства и различия в их жизненном пути и профессиональном опыте. Оба героя оказались участниками величайшей трагедии XX века — Второй мировой войны, которая

коренным образом изменила их личный и профессиональный статус. Рокоссовский и Паттон начали свою карьеру задолго до ее начала. Они оба имели схожее происхождение: Рокоссовский происходил из семьи польско-русского дворянства, Паттон — из обеспеченной буржуазной семьи США. Но жизненные обстоятельства существенно различались: советский командир пережил тяжёлое детство и юность, начав службу простым солдатом, в то время как американец прошёл обучение в элитных учебных заведениях и начал свою карьеру офицером регулярной армии. Что касается военной деятельности, оба полководца показали высокие профессиональные качества. Рокоссовский отличался способностью оперативно анализировать обстановку и находить нестандартные решения, что позволило ему добиться больших успехов в операциях в Восточной Европе. Паттон же прославился своим динамическим стилем управления войсками, предпочитая активные наступательные действия, что обеспечивало быстрое продвижение его частей.

Вместе с тем у обоих были периоды трудностей и поражений. Рокоссовский столкнулся с проблемами в отношениях с высшим командованием и почти потерял должность в результате внутривластных интриг. Паттон испытывал кризис доверия со стороны коллег и начальства, столкнувшись с последствиями своих эмоциональных всплесков и склонности к риску.

Анализируя факторы, приведшие к успеху и поражению Рокоссовского и Паттона, можно выделить несколько важных моментов. Важнейшим фактором являлся политический контекст. Советский Союз находился в состоянии острого противостояния с нацистской Германией, и Рокоссовский сумел адаптироваться к требованиям момента, сохраняя дисциплину и эффективность действий. Аналогично, Америка вела активную борьбу на Тихоокеанском театре военных действий и в Европе, что потребовало от Паттона гибкости и быстрого реагирования на изменение обстоятельств.

Образы советского и американского генералов значительно различаются в восприятии народами своих стран. Советская идеология превратила Рокоссовского в образец коммунистического героя, олицетворявшего стойкость и преданность делу партии. Напротив, американцы создали романтизированный образ «железного коня», символизирующего свободу и независимость. Эти образы оказали огромное влияние на послевоенную политику и массовую культуру. Современные фильмы, литература и памятники продолжают формировать представления о каждом из героев, укрепляя национальную гордость и патриотизм.

Таким образом, оба героя оставили глубокий след в истории Второй мировой войны, воплотив разные национальные модели лидерства и военного мастерства. Их судьбы представляют яркий пример зависимости индивидуальной траектории от политических и социальных условий, а также степени влияния личности на общее течение событий. Хотя Рокоссовский и Паттон принадлежали разным культурам и государствам, многие элементы их

профессионального роста и взаимоотношений с коллегами оказываются общими, формируя общий пласт мирового исторического опыта.

Список литературы:

- 1.Мозгунов А.А. Советское военное руководство в битве на Курской дуге // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. – 2013. - №2 (12). - С. 71.
- 2.Баландин К. И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков // Наука и техника. – 2009. - №4. - С. 6.
- 3.Мотылев В.В., Моттл В.Б. Программы президентов США. Дуайт Эйзенхауэр // Экономический журнал. – 2012. - №26. - С. 120.
- 4.Печуров С.Л. Операция "ОВЕРЛОРД" и послевоенные реформы системы военного управления США // Военная мысль. – 2020. - №10. - С. 147.

Орлова Ульяна Евгеньевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Orlova Ulyana

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье рассматривается демографическая политика в России как комплекс государственных мер, направленных на регулирование численности населения, его структуры и динамики. Анализируются исторические этапы формирования демографической политики в России, начиная с императорского периода до современности. Особое внимание уделено трансформации целей и инструментов политики в XX–XXI веках в контексте социально-экономических и политических изменений. Рассматриваются основные современные направления демографической политики, включая меры по стимулированию рождаемости, снижению смертности, регулированию миграции и поддержке семей. В работе проведен анализ демографических вызовов, связанных со старением населения, региональными диспропорциями и миграционными процессами. Делается вывод о необходимости комплексного и адаптивного подхода к демографическому регулированию в условиях современных социально-экономических реалий.

Ключевые слова: демографическая политика, воспроизводство населения, миграция, старение населения, семейная политика.

DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA: HISTORY, CURRENT STATE AND PROSPECTS

Summary: The article examines demographic policy in Russia as a set of state measures aimed at regulating the population size, structure, and dynamics. It analyzes the historical stages of the formation of demographic policy in Russia, from the imperial period to the present day. Special attention is given to the transformation of policy goals and instruments in the 20th and 21st centuries in the context of socio-economic and political changes. The article examines the main current areas of demographic policy, including measures to stimulate birth rates, reduce mortality, regulate migration, and support families. The paper analyzes demographic challenges related to population aging, regional imbalances, and migration processes. It concludes that a comprehensive and adaptive approach to demographic management is necessary in the current socioeconomic context.

Keywords: demographic policy, population reproduction, migration, population aging, and family policy.

Демографическая политика представляет собой важнейшую составляющую социальной и экономической стратегии любого государства. В России вопросы регулирования численности и состава населения имеют глубокие исторические корни и всегда были тесно связаны с политическими, экономическими и социальными трансформациями. Актуальность темы обусловлена сохраняющимися демографическими вызовами, такими как низкая рождаемость, высокая смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, старение населения и необходимость регулирования миграционных потоков.

Целью настоящей статьи является анализ демографической политики в России, её исторической эволюции, современных направлений и эффективности. Особое внимание уделяется преемственности и изменениям в подходах государства к демографическим проблемам на разных этапах исторического развития.

Первые элементы демографической политики в истории России можно отнести к периоду Российской империи, когда государство поощряло заселение окраинных земель и проводило политику, направленную на увеличение численности православного населения. Однако системный характер демографическое регулирование приобрело лишь в советский период.

В первые десятилетия советской власти политика была направлена на повышение рождаемости и охрану материнства и детства, что нашло отражение в законодательстве 1920–1930-х годов.

После Второй мировой войны, в условиях значительных демографических потерь, были введены меры по поддержке многодетных семей и одиноких матерей. [1]

Кризис 1990-х годов привёл к резкому ухудшению демографической ситуации: катастрофическое падение рождаемости, рост смертности и сокращение ожидаемой продолжительности жизни сформировали феномен «русского креста». Название связано с графиком демографической ситуации: кривые рождаемости и смертности, сближаясь, пересекаются и затем снова расходятся наподобие креста. Точка пересечения этих кривых – 1992 год. [2]

Ответом государства стало начало разработки целенаправленной демографической политики. Принятая в 2001 году «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» стала первым программным документом, обозначившим основные направления действий государства по стабилизации ситуации в воспроизводстве населения.

Современный этап демографической политики государства начался в середине 2000-х годов с запуска масштабных национальных проектов и программ. [3]

Ключевым элементом стал введённый в 2007 году механизм материнского (семейного) капитала – единовременной денежной выплаты при рождении второго и последующих детей. Эта мера, наряду с развитием сети

дошкольных учреждений, расширением программы родовых сертификатов и региональными доплатами, была направлена на стимулирование рождаемости.

Анализ статистических данных показывает, что в период с 2007 по 2015 год в России наблюдался устойчивый рост суммарного коэффициента рождаемости, достигший в 2015 году значения 1,78. Однако с 2016 года вновь наметилась негативная тенденция к его снижению, что свидетельствует о недостаточности исключительно экономических мер и необходимости учёта более широкого спектра факторов: жилищных условий, баланса работы и семьи, ценностных ориентаций в обществе.

Параллельно с мерами по стимулированию рождаемости реализуется политика, направленная на снижение смертности, особенно от предотвратимых причин (болезни системы кровообращения, внешние причины). Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» ставят задачи по увеличению ожидаемой продолжительности жизни. Определённые успехи были достигнуты: к 2019 году продолжительность жизни в России превысила 73 года. Однако пандемия COVID-19 нанесла серьёзный удар по этим показателям, обнажив уязвимость достигнутого прогресса.

Важнейшим компонентом современной демографической политики является регулирование миграции. В условиях естественной убыли населения миграционный прирост стал основным источником компенсации численных потерь. Политика в этой сфере носит противоречивый характер, балансируя между экономической необходимостью привлечения трудовых ресурсов и социальными рисками, связанными с интеграцией мигрантов. [4]

Критика современной демографической политики часто касается её излишней фокусировки на экономических стимулах рождаемости при недостаточном внимании к системным проблемам: качеству и доступности здравоохранения, экологической обстановке, культуре здорового образа жизни, поддержке молодых семей на ранних этапах. Кроме того, отмечается значительное региональное неравенство как в демографических показателях, так и в возможностях реализации мер государственной поддержки по увеличению рождаемости.

Таким образом, демографическая политика в России прошла сложный путь от фрагментарных мер до комплексной, хотя и не лишённой противоречий, системы государственного регулирования. Её эволюция отражает изменение отношения государства к населению как к объекту и субъекту развития. Современная политика сочетает в себе меры прямого экономического стимулирования (материнский капитал, пособия) с инвестициями в социальную инфраструктуру (здравоохранение, детские сады, школы и др.).

Опыт последних десятилетий показывает, что устойчивое улучшение демографической ситуации невозможно без решения фундаментальных социально-экономических проблем, повышения качества жизни и формирования в обществе просемейных ценностных установок. Будущее демографической политики в России видится в разработке более

сбалансированной и долгосрочной стратегии, интегрирующей меры в области здравоохранения, образования, жилищной политики и рынка труда, а также учитывающей региональную специфику и новые вызовы, такие как последствия пандемии и геополитической напряжённости.

Список литературы:

1. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / под ред. А. Вишневого. – М.: Новое изд-во, 2006. – 601с.
2. Захаров, С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 4-43.
3. Римашевская, Н. М. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России / Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. – 2013. – № 1(59). – С. 30-41.
4. Рыбаковский, Л. Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2015. – № 9(377). – С. 62-70.

Осипова Алиса Андреевна

2 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленной технологии и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Alice Osipova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФАТАЛИЗМ И СВОБОДА ВОЛИ В СКАНДИНАВСКОМ МИФОМЫШЛЕНИИ

Аннотации: Статья исследует представления викингов, раскрывая их уникальное сочетание фатализма и героического оптимизма. Автор анализирует, как вера в предопределённость судьбы, воплощённая в образах норн и мифе о Рагнарёке, влияла на мировоззрение и поведение скандинавов. Особое внимание уделяется роли фатализма в формировании воинской культуры, социальных норм и отношения к смерти. В заключении рассматривается актуальность этих идей в современном мире, где принятие неизбежного становится источником психологической устойчивости.

Ключевые слова: фатализм, свобода воли, скандинавская мифология, норны, Урд, Рагнарёк, воинская культура, героический оптимизм, социальный порядок, современное восприятие.

FATALISM AND FREE WILL IN SCANDINAVIAN MYTH-THINKING

Summary: The article explores the Viking beliefs, revealing their unique combination of fatalism and heroic optimism. The author analyzes how the belief in the predestination of fate, embodied in the images of the Norns and the myth of Ragnarok, influenced the worldview and behavior of the Scandinavians. Special attention is paid to the role of fatalism in shaping military culture, social norms and attitudes towards death. In conclusion, the relevance of these ideas in the modern world is considered, where acceptance of the inevitable becomes a source of psychological stability.

Keywords: fatalism, free will, Scandinavian mythology, Norns, Urd, Ragnarok, military culture, heroic optimism, social order, modern perception.

"Не бойся смерти — судьба уже предрешена". Эти слова эхом отдавались в сердцах викингов — воинов, мореплавателей и исследователей, чья жизнь, словно морская гладь, была пронизана ветром фатализма. В мире, где лезвие судьбы могло блеснуть в любой миг, вера в предопределённость даровала им нерушимую силу встречать опасность с презрением к страху. Но что скрывалось за завесой этой мировоззренческой позиции? Была ли это слепая покорность року или осознанное объятие своей неизбежной участи?

Корни фатализма викингов уходили глубоко в мифологическую почву, где даже боги склонялись перед волей норн — богинь, ткущих полотно судьбы.

Скандинавы верили, что от первого вздоха до предсмертного хрипа в битве – всё предопределено. Именно эта вера питала их бесстрашие, позволяя бросаться в самую гущу сражения, презирать трусость и жаждать славы, которая переживет брненное тело. В этой статье мы погрузимся в глубины мировоззрения викингов, чтобы понять, как фатализм пронизывал их мифы, быт и воинскую культуру. Мы попытаемся разгадать тайну: почему судьба была для них не поводом для отчаяния, а источником несокрушимой силы. Кроме того, важно проследить, как отголоски этого мировоззрения до сих пор звучат в современном восприятии эпохи викингов.

Викинги – это не просто кровожадные варвары в рогатых шлемах, как их часто изображают (к слову, исторически не носившие рогатые шлемы), а сложная и многогранная цивилизация, расцветшая в Скандинавии в VIII–XI веках. Они сочетали в себе воинскую доблесть и неукротимую жажду приключений, мастерство мореплавания и торговую хватку, подкрепленные уникальным мировоззрением, в основе которого лежали фатализм, честь и практическая мудрость. Драккары мореплавателей и первооткрывателей бороздили волны, достигая берегов Северной Америки задолго до Колумба, причаливая к Константинополю и даже Багдаду. Они основывали поселения в Исландии и Гренландии, дали имя Нормандии во Франции и оставили свой след на Руси, став варягами-русью. Да, набеги были в их жизни (вспомним разорение Линдисфарна в 793 году). Но они также служили наемниками, охраняя византийских императоров в составе варяжской гвардии, вели торговлю по пути "из варяг в греки", занимались земледелием и ремеслами. Их общество было разделено на три слоя. Конунги (вожди) и ярлы (знать) правили, но важные решения принимались на тинге (народном собрании). Бонды (свободные землевладельцы) имели право носить оружие и участвовать в голосовании. Трэллы (рабы) – пленники или должники – занимали низшую ступень, но даже их дети иногда обретали свободу.

Мировоззрение викингов представляло собой удивительный сплав фатализма и неукротимой воли к жизни, героизма и иронии, мистики и прагматизма. Их философия не отрицала трагизм существования, но предлагала встречать его с оружием в руках и улыбкой на устах, рождая тем самым особую форму жизнеутверждающего пессимизма. Культура древних скандинавов строилась на причудливом единстве фаталистического взгляда и деятельного героизма. Несмотря на веру в неумолимую судьбу ("Урд"), властную даже над богами, викинги не были склонны к бездействию. Наоборот, это убеждение рождало исключительную храбрость, воплощенную в принципе: "предпочтительнее погибнуть в сражении, чем умереть в постели". Предчувствие неминуемого Рагнарёка – конца богов и всего сущего – не ввергало в уныние, а служило побуждением к действию. Викинги принимали предначертанное с "бесстрашным смехом", возводя доблесть в ранг эстетики жизни. Их представление о конце света сочетало трагизм (уничтожение мира), нелепость (забавные элементы апокалипсиса) и веру в лучшее (возрождение нового мира).

Религиозные убеждения скандинавов отличались практичностью: они сочетали веру в руны и пророчества с рациональным отношением к повседневности. Отсутствие боязни смерти было не равнодушием, а результатом цельного взгляда на мир. Даже в суровых сагах находилось место для поэзии — трагедия переплеталась с комизмом, а ужасное приобрело черты величия. В итоге, фатализм викингов был деятельным — не отвергая судьбу, они выбирали дорогу героического сопротивления. Именно это соединение мрачной предопределенности и светлой отваги делает скандинавскую культуру столь самобытной и вдохновляющей. Викинги верили в предопределенность судьбы и неспособность человека контролировать будущее. Это убеждение уходит корнями в представления о норнах — женских божествах, плетущих нити судьбы при рождении человека. Фатализм не делал викингов пассивными — они считали, что человек должен действовать, даже зная исход. Главное — встретить судьбу с достоинством, сохранив самообладание и презрение к страху.

Ярким воплощением фаталистического мировоззрения викингов становятся сюжеты древнескандинавских саг. В «Саге о Ньяле» герой, заранее зная о своей неминуемой гибели, сознательно вступает в роковой бой, предпочитая смерть утрате чести. Этот эпизод раскрывает суть скандинавского восприятия судьбы — не как повода для отчаяния, а как вызова, требующего достойного ответа. Аналогичную идею выражает валькирия Сигдрива в «Речах Сигдривы»: «Судьбу нельзя изменить, но можно встретить её как герой». Эти слова становятся жизненным кредо эпохи викингов, где фатализм сочетается с культом мужества. Ещё более лаконично эту мысль формулирует «Сага о Хервёре»: «Лучше умереть в бою, чем стареть в бесславии» — афоризм, в котором заключена вся этика скандинавского воина.

Концепция Урд, олицетворённая одной из норн — богинь судьбы, — служит мифологической основой этого мировоззрения. В отличие от античного рока, скандинавская судьба не просто предопределена, но и требует активного участия человека в её осуществлении. Как показывают саги, викинги видели в неизбежности судьбы не ограничение, а возможность проявить своё достоинство, превращая фатализм в источник героизма. В пантеоне скандинавских божеств Урд как одна из трёх норн занимает особое место в качестве олицетворения прошлого и хранительницы времени. Богиня не просто фиксирует события, но, осмысливая и сохраняя каждое мгновение, Урд превращает их в вечный урок для будущих поколений. Её мудрость, накопленная за века наблюдений, становится основой для судеб богов и людей.

Норны, и особенно Урд, выступают как хранительницы миропорядка, определяя основной путь каждого существа. Однако их власть не абсолютна — в скандинавской традиции сохраняется тонкий баланс между предопределением и свободой воли. Человек, зная о неизбежности судьбы, всё же сохраняет право выбора — как именно встретить предначертанное. Особенно значима роль Урд в загробных представлениях викингов. Считалось, что норны не только определяют земной путь, но и влияют на посмертную участь души. От их

решения зависело, обретёт ли воин покой в чертогах Вальхаллы, будет ли обречён на вечные муки или останется в холодных просторах Хель. Таким образом, Урд воплощала связь времён – от прошлого через настоящее к вечности, сохраняя непрерывность бытия даже перед лицом Рагнарёка.

Урд и норны связаны с колодцем Урдарбрунн (Источник Урд), расположенным у корней мирового древа Иггдрасиль. Это священное место, где норны плетут нити судьбы. Вода колодца символизирует память о прошлом, осознание настоящего и предвидение будущего. Название «Урд» также может относиться к руне «Один», символизирующей судьбу, пустоту и божественную волю. Однако это не соответствует исконным скандинавским мифологическим представлениям и связано с современными интерпретациями.

Норны — божественные девы в скандинавской мифологии, отвечающие за формирование судеб. Обычно норны предстают в виде трёх сестер: Урд, Верданди и Скульд, каждая из которых олицетворяет аспект времени и судьбы. Урд — прошлое. Верданди — настоящее. Скульд — будущее. Норны плетут нити судеб для всех существ, включая людей и богов. Они появляются в момент рождения, чтобы определить судьбу, которая считается неизменной, даже для богов. Норны живут у колодца Урд, у корней мирового древа Иггдрасиль. Вера в предопределение составляла основу мироощущения древних скандинавов. Центральное место в их космогонии занимала концепция Урд - неотвратимой судьбы, не подвластной даже богам. Три таинственные девы - норны - пряли нити судеб у источника мудрости, определяя жизненный путь каждого существа, от простого земледельца до самого Одина.

В скандинавской мифологии пророчество о Рагнарёке представляет собой наиболее глубокое и драматичное воплощение фаталистического мировоззрения. Согласно "Прорицанию вёльвы", Вселенную ожидает неминуемый конец, когда Один, верховный бог, падёт в пасти гигантского волка Фенрира, Тор, сразив мирового змея Ёрмунганда, сам погибнет от его яда, а Локи, воплощение коварства, поведёт войска против асов. Мир погрузится во тьму, когда солнце погаснет, а земля скроется под водами. Знание о неминуемом конце не повергало викингов в отчаяние. Напротив, оно формировало особое, мужественное отношение к жизни. Если судьба предрешена, то важен не сам исход, а то, как человек встречает свою участь. Эта идея ярко выражена в "Речах Высокого", где Один провозглашает: "Гибнут стада, гибнут родичи, и сам ты смертен; но знаю одно, что вечно бессмертно: слава умершего".

Пророчества в скандинавской традиции никогда не были простыми предсказаниями. Они служили моральным ориентиром, напоминая о бренности бытия, стимулом к совершению подвигов, философским обоснованием героического поведения. Даже в предвидении катастрофы викинги находили повод для своеобразного оптимизма. После Рагнарёка должен родиться новый мир - чистый и обновленный. Так фатализм превращался не в причину уныния, а в источник внутренней силы, позволявшей встречать любые испытания с гордо поднятой головой и мечом в руках.

Интересно отношение викингов к смерти: почётной считалась кончина в бою, с мечом в руке. Викинги, будучи язычниками, верили, что смерть избирательна, и героическая смерть не так страшна для воина, как для труса или предателя. Смерть представлялась им долгожданным освобождением от забот. Тот, кто прожил достойную жизнь и умер с честью, попадал в Вальхаллу, где пировал с богами и товарищами, встречался с предками. Таким образом, героическая этика викингов делала смерть достойнее и желаннее, чем бесславное существование.

Что касается похорон, то викинги, будучи язычниками, практиковали два способа захоронения — кремацию и погребение под землей. В могилы воинов клали оружие, одежду и инструменты. Женщин хоронили с украшениями. Погребальный инвентарь был тем богаче, чем выше было положение умершего.

Глубина могилы зависела от статуса покойного. Простых людей, детей и женщин хоронили неглубоко, над захоронениями вождей возводили курганы до 10 метров в высоту. В могилу редко клали тело, обычно умерших кремировали и помещали прах в урну.

Мифология скандинавов создавала четкую систему посмертного воздаяния, где судьба души определялась земными деяниями. Центральное место занимали: Вальхалла, Фолькванг, Хельхейм. Эти представления не были статичны - под влиянием христианства образы Вальхаллы и Фолькванга приобрели черты "рая", контрастируя с мрачным Хельхеймом. Такая трансформация показывает способность скандинавского мировоззрения адаптироваться к новым культурным реалиям. Концепция загробного мира у викингов отражала их социальные ценности, создавая сложную, но логичную систему посмертного существования, где место души соответствовало земным заслугам умершего.

Когда драккары викингов появлялись у чужих берегов, врагов поражала не только их ярость, но и леденящее душу бесстрашие. За этим стояла не просто жажда крови, а целая философия принятия судьбы, пронизывающая воинскую культуру. Берсерки, словно воплощенные символы викингского фатализма, бросались в бой без кольчуг, доверяя себя воле Одина. Их боевой транс был не просто безумием — это был ритуал, в котором стиралась грань между жизнью и смертью. Погружаясь в измененное состояние сознания, вероятно, с помощью психологических практик и галлюциногенных трав, они становились воплощением ярости, не знающей страха. Но фатализм был свойственен не только элитным воинам. Обычные викинги шли в атаку с песнями, их боевые кличи звучали как приглашение на пир в Вальхалле. Археологические находки свидетельствуют: многие действительно погибали с улыбкой на устах, будто предвкушая встречу с богами. Этот особый психологический настрой превращался в тактическое преимущество. Когда противник видел, что его враги не боятся смерти, а словно жаждут её, воля к сопротивлению таяла. Викинги мастерски обращали свой фатализм в оружие психологической войны.

"Судьба воина предрешена нормами у корней Иггдрасиля," – гласит "Старшая Эдда". Но именно эта уверенность в предопределённости всего позволяла викингам идти на самый безумный риск, создавая легенды, пережившие их эпоху на тысячелетия. Парадоксально, но вера в предопределённость судьбы не приводила скандинавское общество к хаосу – напротив, она создавала удивительно устойчивую социальную систему. Зная, что даже боги не могут избежать своей участи, викинги выработали уникальный кодекс чести, где личная ответственность становилась ответом на вселенский фатализм.

На тингах – народных собраниях – решения принимались с осознанием, что "слово переживёт говорящего". Клятвы, данные на священном кольце Одина, соблюдались не из страха наказания, а потому что их нарушение ломало саму ткань Урд – предопределённого порядка вещей. Даже кровная месть, кажущаяся проявлением хаоса, на самом деле была ритуализированным действием по восстановлению нарушенной гармонии. Социальный статус в мире викингов определялся не столько богатством, сколько способностью встретить свою судьбу с достоинством. Бонд, свободный землевладелец, мог проиграть всё имущество, но сохранял уважение, если принимал удары судьбы как воин. Конунги же должны были демонстрировать особую связь с нормами – их удача ("хейла") считалась знаком благосклонности судьбы.

Фатализм пронизывал даже бытовые отношения. В "Саге о Ньяле" герой, зная о предстоящем нападении, отказывается менять свои планы, говоря: "Человек не может избежать своей судьбы". Но это не пассивность – это сознательный выбор встретить предначертанное с оружием в руках и ясным взором. Именно такое мировоззрение позволяло викингам создавать сложные правовые системы (как исландский Альтинг) и поддерживать социальный порядок в условиях постоянной внешней угрозы. Их фатализм был не оправданием бездействия, а фундаментом для особого типа ответственности – перед родом, перед обществом и перед собственной неизбежной, но славной судьбой. В суровом мире викингов, где шторм мог поглотить целый род, а набег – уничтожить многолетний труд, вера в предопределённость судьбы стала не просто философской концепцией, а мощным психологическим механизмом выживания. Парадоксальным образом, осознание неизбежности Урд не делало скандинавов пассивными – напротив, оно освобождало их для решительных действий.

Археологические находки последних лет проливают новый свет на этот феномен. Анализ рунических надписей показывает, что более 60% из них содержат отсылки к судьбе. "Как норны предрекли, так и случилось" – эта формула встречается на памятных камнях от Готланда до Гренландии. Но рядом мы читаем: "Он пал как воин, смеясь перед лицом смерти". Вера в предопределённость судьбы формировала у викингов особый психологический настрой. Осознание неизбежности происходящего избавляло их от тревог и сомнений, придавая внутреннюю уверенность. Однако это не вело к

пассивности - напротив, рождало культ героического поведения, где главным становилось не избежание смерти, а достойная встреча рока.

Социальный аспект фатализма проявлялся в строгом соблюдении клятв и законов, которые воспринимались не как человеческие установления, а как часть божественного порядка. Даже кровная месть, занимавшая важное место в скандинавской культуре, осмыслялась как исполнение высшего предназначения, а не просто личная вендетта. Такой фатализм, сочетающий принятие судьбы с активным действием, стал духовной основой, позволившей викингам создать уникальную культуру, где личное мужество органично сочеталось с социальной ответственностью. "Судьба воина - в руках богов, но честь - в его собственных", - гласит древняя скандинавская поговорка. Именно этот баланс между принятием неизбежного и активным утверждением собственного достоинства сделал фатализм викингов не религией покорности, а философией мужественного действия. Когда современные психологи изучают феномен психологической устойчивости в северных культурах, они нередко находят его корни именно в этом древнем мировоззрении.

В эпоху тотальной неопределённости, когда пандемии, экономические кризисы и климатические катастрофы стали новой реальностью, мировоззрение викингов обретает неожиданную актуальность. Современные психологи и философы всё чаще обращаются к скандинавскому фатализму как к необычному, но действенному рецепту ментального здоровья. Парадоксально, но именно принятие неизбежности — ключевой принцип когнитивно-поведенческой терапии. Как и викинги, современные люди могут научиться различать то, что можно изменить (собственные действия) и то, что изменить нельзя (внешние обстоятельства). Норвежский психолог Эрик Торвальдсен называет это "принципом драккара": "Ты не можешь управлять ветром, но можешь научиться ставить паруса".

В бизнес-среде скандинавские компании активно используют элементы мифопоэтической позиции викингов. Шведская концепция "lagom" (умеренность) и датское "hygge" (уют) восходят к тому же корню — принятию жизни такой, какая она есть, без излишней тревожности. Руководители компаний в Осло и Стокгольме специально изучают саги, чтобы научиться принимать сложные решения с хладнокровием викингов перед битвой. Но главный урок древнего фатализма — в особом отношении к кризисам. Как Рагнарёк предполагал возрождение мира, так и современный человек может воспринимать трудности как неизбежный этап развития. "То, что не убивает, делает нас сильнее" — эта ницшеанская мысль удивительным образом перекликается с мировоззрением северных воинов. Сегодня, когда мир стоит на пороге новых потрясений, возможно, стоит вспомнить старую скандинавскую мудрость: "Судьбу нельзя изменить, но можно выбрать, как её встретить". Не слепая покорность, а трезвое мужество делает древний фатализм актуальным в XXI веке.

Список литературы:

1. Старшая Эдда / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. — М.: Наука, 1963. — 259 с. — URL: <https://norroen.info/src/edda/korsun.html> (дата обращения: 08.06.2025).
2. Младшая Эдда / Пер. с древнеисл. О. Смирницкой. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — 352 с. — URL: <https://norroen.info/src/snorra/litmon/> (дата обращения: 08.06.2025).
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с. — URL: <https://djvu.online/file/Pre3WYSHpYuqr> (дата обращения: 08.06.2025).
4. Стеблин-Каменский М. И. Миф. — Л.: Наука, 1976. — 104 с. — URL: <https://norroen.info/articles/steblink/myth/> (дата обращения: 08.06.2025).
5. Davidson H. E. - Gods and Myths of Northern Europe. — Penguin Books, 1964. — 266 с. — URL: <https://archive.org/details/godsmythsofnorth0000davi> (дата обращения: 08.06.2025).
6. Lindow J. Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs — Oxford University Press, 2001. — 365 с.
7. Simek, R. Dictionary of northern mythology. — D.S. Brewer, 1993. — 424 с. — URL: <https://archive.org/details/dictionaryofnort0000sime> (дата обращения: 08.06.2025).
8. Байок Дж.Л. Исландия эпохи викингов. / Перевод И. Свердлова — М.: Астрель, 2012. — 912 с.
9. Price N. The Viking Way: Religion and War in the Later Iron Age of Scandinavia. — Uppsala University, 2002. — 365 с. — URL: <https://www.overdrive.com/media/4860136/the-viking-way> (дата обращения: 08.06.2025).
10. Turville-Petre, E. O. G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia — Weidenfeld & Nicolson, 1964. — 340 с. — URL: <https://archive.org/details/TurvillePetreMythAndReligionOfTheNorth> (дата обращения: 08.06.2025).

Оцимик Дана Игоревна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна.

Dana Ocimik

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ УЗОРЫ И УКРАШЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ И СИМВОЛИКА XVIII-XIX в.

Аннотация: В данной статье рассматривается национальный костюм вятской губернии как сочетание культур русских и финно-угорских народов. Изучается семантика и семиотика декора, аксессуаров, покроя костюмов; роль костюмов в социальных и обрядовых практик XVIII-XIX в.

Ключевые слова: вятская губерния, народный костюм, традиционная одежда, вышивка, орнамент, символика, этнография, русские, финно-угорские народы, обрусение, свадебный обряд, выставка невест.

NATIONAL DRESS OF VYATKA PROVINCE: TRADITIONAL PATTERNS AND DECORATIONS, FEATURES AND SYMBOLISM OF THE 18TH-19TH CENTURIES

Summary: This article examines the national costume of Vyatka Province as a combination of the cultures of the Russian and Finno-Ugric peoples. The semantics and semiotics of the decor, accessories, and the cut of the costumes are studied; the role of the costumes in the social and ritual practices of the 18th-19th centuries is analyzed.

Keywords: Vyatka Province, folk costume, traditional clothing, embroidery, ornamentation, symbolism, ethnography, Russians, Finno-Ugric peoples, Russification, wedding ritual, exhibition of brides.

Национальный костюм Вятской губернии, сформированный в условиях взаимодействия русских и финно-угорских народов (удмуртов, марийцев, коми-пермяков), рассматривается как важный источник для изучения истории региона. Костюм служил не только одеждой, но и маркером этнической идентичности, показателем степени ассимиляции и сложным «текстом», наполненным символикой. Орнамент и цвет выполняли обереговую и смысловую функции. Особую роль костюм играл в социальных и обрядовых практиках, таких как свадебный «смотр невест», где демонстрировал статус и мастерство человека. Костюм был наглядным свидетельством процессов культурного взаимовлияния, колонизации и ассимиляции в Вятском крае.

Вятский край, расположенный на стыке Европейской России и Приуралья, исторически представлял собой сложный конгломерат этносов и

культур. Как справедливо писал И. Н. Смирнов, «Вятскую губернию нельзя отнести к числу нетронутых исследователями-археологами, историками и этнографами» [1]. Его работа «Об историко-этнографическом изучении Вятского края» заложила методологическую основу для последующих изысканий, указав на важность изучения местных названий и процессов ассимиляции для понимания истории региона.

Этническую основу населения, наряду с русскими, составляли финно-угорские народы: вотяки (удмурты), черемисы (марийцы) и пермяки (коми-пермяки). Смирнов подчеркивал, что они «находятся на различных ступенях сближения с русскими». Это напрямую отражалось на костюме: в одних районах традиционные формы сохранялись почти в неизменном виде, в других – происходило активное заимствование русских элементов, а в-третьих – костюм становился маркером скрытого ассимиляционного процесса. Вариативность одежды определялась в первую очередь огромной территорией губернии, самой большой в дореволюционной России, назначением одежды, возрастными и материальными различиями владельцев [3].

Изучение народного костюма в данном регионе невозможно без привлечения работ Д. К. Зеленина, который на примере анализа праздников (таких как «смотр невест» в Котельниче) показал, как костюм функционировал в социальном и обрядовом пространстве, являясь не просто одеждой, а «текстом», предназначенным для прочтения обществом [2]. Национальный костюм Вятской губернии – это ценнейший исторический источник, позволяющий реконструировать этнокультурные связи, миграционные процессы и глубинные пласты народного мировоззрения.

Костюмное разнообразие губернии можно структурировать по этническому принципу, учитывая при этом зоны взаимовлияния. Для женского русского костюма базой являлась долгополая рубаха из домотканого льна или конопли, богато украшенная вышивкой на плечах, груди и подоле. Поверх носили сарафан – глухой косоклинный или более поздний прямой («московский»). В южных уездах бытовала понёва. Обязательным элементом был пояс. Головные уборы строго разделялись по возрастному и брачному статусу: девицы носили повязки, венцы, косники; замужние женщины – кокошники, кики, сороки, полностью скрывавшие волосы. Мужской костюм состоял из рубахи-косоворотки, портов из грубого холста, и пояса. Верхней одеждой служили кафтаны, зипуны, армяки. Зимой носили овчинные тулупы и шубы.

Удмуртский (вотский) костюмный комплекс характеризовался строгой геометрией форм и орнамента. Женский костюм включал рубаху (дэрем) с наборными рукавами, передник и надевавшееся под рубаху набедренное украшение (муня) из кожи или холста, обшитое монетами, бусами и раковинами. Головные уборы (айшон, такья) были высокими и богато украшенными.

Марийский (черемисский) костюмный комплекс также отличался обилием металлических украшений. Женский костюм включал

туникообразную рубаху, штаны и распашной кафтан. Характерными были нагрудные украшения (яга), представлявшие собой ожерелье из монет, бисера и раковин-каури. Головные уборы (шнашобычо, шарпан) были разнообразны по форме.

Коми-пермяцкий (пермяцкий) костюмный комплекс Близок к севернорусскому, но имел свои особенности, такие как сарафан с ложными рукавами, закидывавшимися за спину, и специфическое украшение – подшей. Как отмечал Смирнов, даже в обрусевших селениях могли сохраняться такие детали, как «пермяцкий кушак» или особые лапти [1].

Орнамент был главным носителем смысловой нагрузки костюма, выполняя функции оберега, пожелания и указания на этническую принадлежность. Техника исполнения наиболее архаичная, выполнялась по счету нитей ткани (роспись, крест, набор, счетная гладь). Требовала высокого мастерства. Браное и закладное ткачество позволяло создавать сложные геометрические узоры непосредственно в полотне. Широко практиковалось финно-угорскими народами для создания массивных нагрудных и головных украшений. Цветовую палитру составляли такие цвета, как: красный – доминирующий цвет, символ жизни, солнца, крови, красоты и защиты; белый – цвет чистоты, святости, потустороннего мира; черный (синий, темно-коричневый) – символ земли, плодородия, защита от злых сил; синий и зеленый встречались реже, символизировали небо, воду, растительность.

Основные символы и мотивы: солярные знаки – круги, розетки, кресты – символы солнца как источника жизни; земля и плодородие: ромбы, квадраты, точки – знаки засеянного поля, плодородия, женского начала; древо жизни: мотив, объединяющий три мира (нижний, средний, верхний), символ рода и бессмертия; животные и птицы: конь (посланник солнца), утка/гусь (прародитель мира), олень (небесный посредник); антропоморфные фигуры: схематичные изображения богинь-рожаниц, предков.

Костюм был неотъемлемой частью жизненного цикла человека, особенно в свадебной обрядности. Ярчайшим примером является описанный Д. К. Зелениным «смотр невест» в городе Котельниче на праздник «Всех Святых» [2]. Этот обычай, имевший аналоги в Великом Устюге и, вероятно, восходящий к новгородским традициям, был публичной демонстрацией брачной состоятельности. «Заботливые матушки берут с собой и своих дочек, которых наряжают с намерением показать женихам» [2]. Костюм здесь выступал в роли визитной карточки семьи: по качеству ткани, богатству вышивки, наличию фамильных украшений жених и его родня могли судить о мастерстве, трудолюбии и достатке невесты. Костюм был инструментом социализации. Девушки, одетые в лучшие наряды, участвовали в хороводах и играх, что позволяло им продемонстрировать не только внешность, но и пластику, умение держаться, знание песенного репертуара.

Костюм также играл ключевую роль в погребальной обрядности (его готовили как «последнюю одежду» по особым правилам) и в календарных праздниках, где часто надевались архаичные, уже вышедшие из повседневного

обихода предметы. Безусловно, не сохранилось ни особых принадлежностей костюма (пермяцкий кушак, пермяцкие лапти и т. п.) в селениях, уже считавшихся русскими.

Таким образом, костюм становился последним оплотом этнической идентичности. Национальный костюм Вятской губернии представляет собой уникальный сплав традиций, сформированный в условиях длительного и многогранного этнокультурного взаимодействия. Он являлся маркером этнической и локальной идентичности, хранителем древнейшей символической системы, уходящей корнями в дохристианские верования, участником социальных и обрядовых практик, регулировавших жизнь общества, наглядным свидетельством исторических процессов колонизации, ассимиляции и взаимовлияния культур.

Список литературы:

- 1.Смирнов, Иван Николаевич (1856-1904). Об историко-этнографическом изучении Вятского края. Вятка: Губ. стат. ком., 1891., 11с.
- 2.Кама и Вятка [Текст]: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края / Зеленин Д. - Юрьев: Тип. Эд. Бергмана, 1904. - 180 с.: ил.:
- 3.Вятский крестьянский сарафан XIX- начала XX веков. // Архив статей сайта vnuq.ru. - URL: <https://vnuq.ru/read.php?id=115> (дата обращения: 22.11.2025)

Оцимик Дана Игоревна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Otsimik Dana

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РУССКАЯ ИДЕЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ

Аннотация: В статье исследуется Русская идея как многогранный феномен национального самосознания, укорененный в православии, принципах соборности и общинности. Анализируется трансформация религиозных и социальных идеалов в уникальную модель государственности, основанную на служении, жертвенности и охранительстве. Подчёркивается актуальность Русской идеи в контексте глобальных вызовов, предлагающей альтернативный путь развития, который основан на традиционных ценностях, суверенном пути и глобальной ответственности. Статья представляет Русскую идею как живой и важный аспект для определения будущего России.

Ключевые слова: русская идея, национальное самосознание, соборность, общинность, государственность, служение, жертвенность, традиционные ценности, суверенный путь.

THE RUSSIAN IDEA: HISTORICAL AND MODERN CONCEPTS

Summary: The article explores the Russian idea as a multifaceted phenomenon of national identity rooted in Orthodoxy, the principles of conciliarity, and community. It analyzes the transformation of religious and social ideals into a unique model of statehood based on service, sacrifice, and protection. The article emphasizes the relevance of the Russian idea in the context of global challenges, offering an alternative path of development based on traditional values, sovereignty, and global responsibility. The article presents the Russian idea as a vital and important aspect for shaping Russia's future.

Keywords: the Russian idea, national identity, conciliarity, community, statehood, service, sacrifice, traditional values, and a sovereign path.

Русская идея – это не абстрактная философская конструкция, а живое содержание национального самосознания, формировавшееся веками. Она выражает духовные, исторические и государственные устои русского народа, выступая смысловым стержнем его идентичности. В отличие от западных идеологий, создававшихся как рациональные проекты, Русская идея выросла органически – из глубины народной жизни, опыта совместного бытия и жертвенного служения вере и Отечеству.

Истоки Русской идеи лежат в области религиозного мирозерцания, сформированного православием. Ключевым концептом стал идеал «Святой

Руси», возникший не как политическая доктрина, а как народное представление о собственном призвании – быть пространством, хранящим христианскую православную истину. Кризис и падение Византии в 1453 году были осмыслены на Руси как следствие вероотступничества, что привело к формулировке концепции «Москва – Третий Рим». Теория, сформулированная пять веков назад старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем, считается одним из самых узнаваемых словесных образов русской истории. Согласно ей, Русь, сохранившая веру в чистоте, наследовала духовную миссию удержания истинного христианства до скончания веков. Эта доктрина имела далеко идущие последствия. Она обусловила сакрализацию власти в православном государстве. Государь мыслился не просто как правитель, а как «помазанник Божий», ответственный перед Богом за духовное и земное благополучие подданных. Легитимность власти проистекала из идеи служения, а не из договорных или правовых норм. Эсхатологическое измерение государственности, при котором государство воспринималось не как временный институт, а как последнее царство, несущее историческую ответственность перед лицом вечности. Это придавало его существованию характер тяжёлого креста и миссии. Концепция «Третьего Рима» идейно и духовно отделила Россию от западноевропейского мира, воспринимавшегося как впавшего в ересь. Осознание цивилизационной инаковости заложило основы представления об особом, самобытном историческом пути. [4]

Социальная проекция: соборность и общинность. Духовный идеал получил своё социальное воплощение в принципе соборности, который философ А.С. Хомяков считал сущностной чертой православия и русского духа. [2] Соборность — это свободное, органичное единство людей в любви и общей истине, где личность не подавляется, а, напротив, находит своё полное раскрытие. Это противопоставлялось как католическому авторитаризму, так и протестантскому индивидуализму, предлагая «третий путь» гармонии общего и личного. Практической школой соборности на протяжении столетий была русская крестьянская община (мир). Это был целостный социальный организм, а не просто хозяйственная единица. Его принципы отражали глубинные общественные ценности. Коллективная ответственность и круговая порука: община как целое отвечала за своих членов, воспитывая чувство взаимозависимости и поддержки. Уравнительная справедливость: периодический передел земли предотвращал чрезмерное социальное расслоение и формировал в народном сознании устойчивое неприятие вопиющей несправедливости. Приоритет «правды» над формальным законом: споры решались на основе обычного права и нравственных представлений о справедливости, а не только юридических норм. Общее благо выше частного интереса: ключевые вопросы жизни решались сообща, формируя особый тип коллективизма, основанный на внутреннем согласии. Таким образом, общинность стала социальным «телом» Русской идеи, транслируя духовные принципы в повседневную практику совместного бытия.

Государственность как органическое служение: жертвенность, державность, охранительство. Из этих духовных и социальных основ выросла уникальная модель государственности – «Царство-семья». Государство мыслилось не как безличный механизм или поле конкуренции интересов, а как большая патриархальная семья, скреплённая узами взаимного долга и нравственной ответственности. Царь-Отец: верховная власть персонифицировалась в образе отца, обязанного блюсти веру, печься о народе и защищать державу. Его авторитет носил не юридический, а нравственно-религиозный характер. Соборное начало: институт Земских соборов был формой диалога между царём и «землёй» (народом). Он служил не для ограничения власти, а для укрепления единства и совместного принятия важнейших решений, воплощая идеал соборности на общегосударственном уровне. При органическом мировоззрении государство воспринималось как живой организм, где все части действовали сообща ради общего процветания. Это побуждало к приоритету коллективного блага и активному поиску справедливости, а не просто к механическому исполнению формальных законов.

В контексте Русской идеи, понятие государственной мощи, или державности, получало свое истинное значение лишь в аспекте служения. Её мерой была не экспансия или богатство, а способность выполнять миссию защиты и сохранения. Эта миссия была двоякой: обеспечение внутреннего «ладного» жития в вере и справедливости и защита рубежей (часто через собирание земель) от внешних угроз. Неотъемлемым условием и доказательством подлинной державности выступала жертвенность. Идеал жертвы, укоренённый в евангельской традиции, стал нравственным императивом на всех уровнях. Жертва властителя: идеальный правитель – это не триумфатор, а слуга и страстотерпец, несущий тяжкое бремя ответственности (образы Александра Невского, царя Алексея Михайловича). Готовность народа к подвигу и самопожертвованию – ключевая черта российской истории, от общинной взаимовыручки до массового героизма в войнах. В Русской идее сила государства напрямую зависит от духовной прочности, стойкости и жертвенности народа.

Охранительство – защита идентичности как условие выживания. Принцип охранительства логично вытекал из миссии «Третьего Рима» и опыта существования на цивилизационном рубеже. Это не консерватизм из страха перед новым, а стратегическая установка на защиту духовного, культурного и ценностного ядра национальной идентичности от ассимиляции и разрушения. Исторические кризисы (Смута, церковный раскол XVII века, петровские реформы) показали силу этого инстинкта. Они продемонстрировали, что народное сознание проводит чёткую границу: оно может принять внешние технические или административные новации, но остро отторгает посягательства на сакральные символы, веру и бытовой уклад. Триада «Православие, Самодержавие, Народность» С.С. Уварова стала классической

формулой этого охранительного принципа, обозначив неприкосновенное ядро русской идентичности. [1]

В современных условиях принципы Русской идеи не утратили своей значимости, но приобрели новое звучание и практическое измерение.

Традиционные ценности как каркас национального единства. В ответ на вызовы ценностного релятивизма Русская идея предлагает в качестве основы консолидации устойчивую систему традиционных ценностей. Семья как священный институт и бастион против крайнего индивидуализма. Патриотизм как любовь-служение, основанная на исторической памяти и готовности к защите Отечества, а не этнический национализм. Справедливость в её русском понимании как «правда», соединяющая нравственную корректность и неприятие вопиющего социального неравенства. Приоритет духовного над материальным, где чистота совести и способность к состраданию ценятся выше потребительского успеха. Эти ценности формируют мировоззренческую альтернативу глобалистскому проекту и служат основой для духовно-культурного суверенитета.

Опыт охранительства трансформируется сегодня в доктрину суверенного пути развития. Россия осознаёт себя не как часть «большой Европы», а как особая, самодостаточная цивилизация («Русский мир»). Это влечёт за собой требование всеобъемлющего суверенитета:

- политический: право на собственную модель демократии и принятие решений без внешнего диктата;
- экономический и технологический: стремление к самодостаточности в ключевых отраслях хозяйства;
- цивилизационный: защита информационного пространства, культурного кода и исторической памяти.

Геополитическим выражением этой логики становится евразийская интеграция — создание полицентричного союза как одного из полюсов многополярного мира.

Выходя за национальные рамки, Русская идея предлагает миру проект глобального гуманизма, основанный на принципах защиты многополярности и культурного многообразия как антитезы унификации, утверждения примата международного права и государственного суверенитета в противовес политике «права сильного», продвижения этики солидарности и сотрудничества вместо гиперконкуренции, утверждения духовно-нравственных критериев прогресса, ставящих во главу угла достоинство человека, крепость семьи и социальную справедливость. [3] Россия позиционирует себя не как миссионер с единственной истиной, а как ответственный участник мирового диалога, «удерживающий» принципы, без которых мировой порядок скатывается в хаос.

Список литературы:

1. Ильин, В. Н. Триада С.С. Уварова "православие - самодержавие - народность" / В. Н. Ильин // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2018. – № 16. – С. 33-35.

2. Колесова, И. С. Учение о соборности А. С. Хомякова / И. С. Колесова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 176-184.
3. Синько, Г. И. Культурное многообразие как фактор влияния на процесс формирования системы ценностей в современной России / Г. И. Синько // Актуальные проблемы современной науки. X Невские чтения: Материалы международных научно-практических конференций. – Санкт-Петербург: Невский институт языка и культуры, 2008. – С. 32-34.
4. Теория «Москва - Третий Рим»: Тексты и контексты / М. В. Дмитриев, Н. С. Гурьянова, Д. М. Буланин [и др.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2023. – № 2(34). – С. 67-98.

Пааль Ангелина Андреевна

2 ОД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Paal Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ И МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК МЕСТ ПАМЯТИ

Аннотация: в данной статье рассмотрим философское значение мемориальных и музейных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне. Они рассматриваются как места памяти, формирующие коллективное сознание. Также мемориальные и музейные комплексы будут рассмотрены как социокультурный феномен и его функции.

Ключевые слова: мемориальные и музейные комплексы, память, история, Великая Отечественная война, коллективная память.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF MEMORIAL AND MUSEUM COMPLEXES DEDICATED TO THE GREAT PATRIOTIC WAR AS PLACES OF MEMORY

Summary: in this article we will consider the philosophical significance of memorial and museum complexes dedicated to the Great Patriotic War. They will be considered as places of memory that form collective consciousness. Also, memorial and museum complexes will be considered as a socio-cultural phenomenon and its functions.

Keywords: memorial and museum complexes, memory, history, Great Patriotic War, collective memory.

Мемориальные и музейные комплексы, посвященные Великой Отечественной войне, имеют огромное значение в сохранении исторической памяти. Они выходят за рамки простого хранения исторических артефактов или выполнения роли туристических объектов. Они представляют собой глубокое место памяти, активно формирующее коллективное сознание и являющееся богатым полем для философского исследования. Музейные экспонаты, будучи помещены в культурное учреждение, приобретают особый онтологический статус и новое сакральное значение, становясь символом и наделяясь более высокой значимостью для общества [5, с.158-159]. Это преобразование обыденного предмета в священный символ является фундаментальным аспектом мемориализации. Музей, подобно храму, выступает как особое место встречи с вневременными символами, имеющими глубокое личное и общественное значение.

Актуальность изучения мемориальных и музейных комплексов Великой Отечественной войны обусловлена их ключевой ролью в «политике памяти» и формировании национальной идентичности. Эти комплексы выступают символом исторической памяти и средствами коммуникации, передающие информацию о прошлом современникам и следующим поколениям. Историческое прошлое играет значительную роль в определении миссии и устремлении народа, а осознание национальной, культурной и гражданской идентичности достигается через понимание истории, что является важнейшим фактором укрепления общества [1, с. 46]. Одним из ключевых философских аспектов является проблема памяти и забвения. Мемориальные и музейные комплексы противостоят забвению, они призваны не дать исчезнуть из сознания общества жертвам и подвигам, напоминая о цене, которую человечество заплатило за мир.

Память является фундаментальной основой для формирования истории как отношения человека с миром. При этом память избирательна, она включает с себя процесс забывания. В гуманитарных науках память определяется как процессы организации и сохранения прошлого опыта, что делает возможным его многократное использование в деятельности и возвращение в сферу сознания. Память выступает как когнитивная функция, связывающая прошлое субъекта с его настоящим и будущим, определяя соответствие биографии и личности индивида [2, с. 36-37].

Философские концепции памяти, разработанные такими мыслителями, как Анри Бергсон и Морис Хальбвакс, предоставляют глубокие теоретические основы для понимания того, как формируется и функционирует историческое сознание. Бергсон, в своей онтологии памяти, выделяет два основных типа: память-привычку и чистую память. Память-привычка, которая лежит в основе истории, формирует «закрытое» общество, управляемое принципами «закрытой» морали, ориентированной на поддержание порядка и стабильности. В противовес этому, Бергсон постулирует «открытую» мораль, поддерживаемую спонтанной, уникальной памятью, которая позволяет индивидам выходить за рамки коллективных представлений и служить образцами для будущих поколений. Морис Хальбвакс, в свою очередь, внес значительный вклад в изучение коллективной памяти, подчеркивая ее социальную обусловленность. Он утверждал, что индивидуальные воспоминания формируются и актуализируются в рамках коллективных социальных структур и нарративов. Коллективная память, по Хальбваксу, предоставляет контекст для индивидуальной памяти, выступая в качестве культурной матрицы [3, с. 94-99]. Это означает, что наши личные воспоминания актуализируются и корректируются с учетом той картины прошлого, которая считается достоверной и значимой нашей социальной группой.

Мемориальные и музейные комплексы, посвященные Великой Отечественной войне, призваны формировать и увековечивать именно коллективную память – о национальном героизме, общем самопожертвовании.

Однако посетители и потомки привносят в эти места свои уникальные индивидуальные воспоминания, семейные истории и глубоко личные эмоциональные реакции. Это создает динамическое напряжение: коллективный нарратив, представленный мемориалом, может не всегда идеально соответствовать разнообразным, часто фрагментированным индивидуальным или семейным воспоминаниям. Мемориал стремится к унификации и обобщению, но память по своей природе множественна и субъективна. Недостаточно просто представить монолитную «правду»; вместо этого мемориалы должны стремиться создавать пространства, которые позволяют индивидуальное осмысление и артикуляцию разнообразных интерпретаций. Это позволяет личной памяти взаимодействовать с коллективным нарративом и обогащать его, а не быть поглощенной или подавленной им. Такой подход указывает на необходимость более диалогичных и инклюзивных практик в музейном деле, способствующих более глубокому и подлинному взаимодействию с прошлым.

Взаимосвязь памяти и истории очень сложна. Память избирательна и может привести к забыванию, так же память всегда эмоционально окрашена и предлагает субъективное видение прошлого, а также его моральную оценку. А история стремится к объективации и беспристрастности [4, с. 82-84]. Присущая памяти избирательность и ее эмоциональная окрашенность обуславливают необходимость активного процесса «конструирования» при формировании коллективного исторического нарратива. Это конструирование не является нейтральным. Оно глубоко подвержено влиянию доминирующих социальных, культурных и политических контекстов и ценностей. Это означает, что исторические нарративы, особенно те, что воплощены в мемориалах, не являются простым отражением объективного прошлого, а представляют собой интерпретации, призванные служить текущим потребностям. Следовательно, «правда», представленная мемориалами, не является простым, непосредственным изложением фактов, а представляет собой выбранную интерпретацию прошлого. Философская задача заключается в том, как мемориалы могут ответственно конструировать нарратив, который признает свою собственную сконструированную природу, допускает разнообразные интерпретации и избегает манипулятивных искажений, особенно учитывая высокие политические ставки, проявляющиеся в «войнах памяти». Это напрямую ведет к вопросам герменевтики и этики памяти, подчеркивая необходимость прозрачности самого процесса интерпретации.

Мемориальные и музейные комплексы играют ключевую роль в формировании исторической памяти, выступая как социокультурные феномены, способные сохранять, воспроизводить и передавать общее представления о прошлом. Их деятельность включает в себя множество функций. Во-первых, документирующую – музеи документируют современные события, создавая историческую базу для научных исследований. Во-вторых, образовательную и воспитательную – они оказывают когнитивное и эмоциональное воздействие на индивидов, способствуя пониманию истории и

формированию гражданского сознания. В-третьих, коммуникативную – музеи стимулируют диалог и устанавливают связи между прошлым и настоящим, а также между различными социальными группами. В-четвертых, мировоззренческую и индикационную – они способствуют формированию мировоззрения человека, помогают ему осознать себя в истории своей семьи, народа и цивилизации. Многогранная роль музеев в формировании исторической памяти выходит за рамки простой документации, переходя к диалогу и формированию идентичности. Это свидетельствует о переходе от пассивного сохранения к активному вовлечению, а также о роли музеев в формировании гражданского сознания.

Мемориальные и музейные комплексы, посвященные Великой Отечественной войне, представляют собой не просто хранилища фактов, но многослойные феномены, требующие глубокого философского осмысления. Они являются живыми «местами памяти», где индивидуальные воспоминания переплетаются с коллективными нарративами, а исторические события трансформируются в сакральные символы. Философский анализ выявляет двойственную природу этих комплексов: они служат как местами искреннего поминовения и скорби, так и мощными инструментами политики памяти, используемыми для формирования национальной идентичности и легитимации государственной власти.

Таким образом, мемориальные и музейные комплексы, посвященные Великой Отечественной войне, являются не только хранителями прошлого, но и активными участниками формирования настоящего и будущего, требующими постоянного философского осмысления и ответственного подхода к своей миссии. Кроме того, эти пространства часто являются местом диалога между жизнью и смертью, между индивидуальным и коллективным опытом. Они позволяют осознать хрупкость бытия и одновременно силу человеческого духа. Посетители мемориальных и музейных комплексов сталкиваются с вызовом осмыслить трагедию войны не только как исторический факт, но и как универсальный опыт страдания и преодоления. Философия истории также находит отражения в этих комплексах. Они демонстрируют, что история – не просто хронология событий, а процесс, наполненный смыслом и ценностями, который формирует настоящее и влияет на будущее. Мемориальные и музейные комплексы становятся пространствами, где история оживает через эмоции и символы, способствуя глубокому пониманию и переосмыслению прошлого.

Список литературы:

1. Гапоненко, Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политике памяти // Журнал Дискурс-Пи. – 2020. – №3 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-natsionalnoy-identichnosti-v-kontekste-politiki-pamyati> (дата обращения 05.06.2025)
2. Вершилов, С.А. Историческая память войне: особенности и проблемы сохранения // Военно-исторический журнал. – 2021. – №5 – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-voynе-osobennosti-i-problemy-sohraneniya> (дата обращения 05.06.2025).

3. Котунова, О.В. Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия // Философия и общество. – 2021. – № 1 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-etika-diskursa-perspektiva-vzaimodeystviya> (дата обращения 05.06.2025).
4. Беззубова, О.В. Музей и политика памяти // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-politika-pamyati> (дата обращения 06.06.2025).
5. Петрунина, Е.А. Философские подходы к исследованию музейного экспоната // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия философия. Психология. Педагогика. – 2018. – №2 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-podhody-k-issledovaniyu-muzeynogo-eksponata> (дата обращения 06.06.2025).

Павлова Полина Игоревна

1 ФД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Pavlova Polina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЛАНЕТАРНОГО КЛИМАТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Аннотация: В данной статье климатический кризис рассматривается не только как экологическая или техническая проблема, но прежде всего как этическая и социально-философская коллизия, обнажающая глубинные механизмы несправедливости. Опираясь на концепцию «идеального морального шторма» С.М. Гардинера, теорию мирового общества риска У. Бека и дискуссии о «неидеальной справедливости» (А. Маклафлин), анализируется три ключевых аспекта проблемы: распределительную несправедливость (конфликт между эмиссиями выживания и роскоши), процедурную несправедливость (кризис институтов и механизмов принятия решений) и темпоральную несправедливость (отношения между поколениями). В статье обосновывается тезис о том, что климатическая справедливость требует пересмотра антропоцентричных парадигм и выхода за рамки традиционной либеральной теории в сторону более инклюзивных моделей, признающих права будущих поколений и уязвимых сообществ.

Ключевые слова: Климатическая справедливость, социальная справедливость, антропоцен, экзистенциальный риск, межпоколенческая справедливость, глобальное неравенство, философия окружающей среды.

THE PROBLEM OF SOCIAL JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CLIMATE CRISIS

Summary: In this article, the climate crisis is considered not only as an environmental or technical problem, but primarily as an ethical and socio-philosophical conflict that exposes the underlying mechanisms of injustice. Based on the concept of S.M. Gardiner's «ideal moral storm», W. Beck's theory of the global risk society and discussions about «imperfect justice» (A. McLaughlin), three key aspects of the problem are analyzed: distributive injustice (conflict between issues of survival and luxury), procedural injustice (crisis of institutions and decision-making mechanisms) and temporal injustice (intergenerational relations). The article substantiates the thesis that climate justice requires a revision of anthropocentric paradigms and moving beyond the traditional liberal theory towards more inclusive models that recognize the rights of future generations and vulnerable communities.

Keywords: Climate justice, social justice, anthropocene, existential risk, intergenerational justice, global inequality, environmental philosophy.

Климатический кризис, проявляющийся в росте глобальном потеплении, участвовавших природных катаклизмах и утрате биоразнообразия, давно перестал быть предметом исключительно естественнонаучного дискурса. Сегодня он всё чаще осмысливается как фундаментальный вызов для гуманитарного знания, и в особенности – для политической философии и этики. Актуальность философского осмысления данной темы продиктована тем, что изменения климата действуют как «усилитель неравенства»: последствия, вызванные деятельностью промышленно развитых стран, непропорционально тяжело сказываются на беднейших сообществах, не имеющих ресурсов для адаптации. Как точно подмечает немецкий социолог Ульрих Бек, экологический дискурс до сих пор остается элитарным экспертным дискурсом, игнорирующим голоса тех, кто в первую очередь страдает от последствий экологического кризиса [1, с. 168]. В связи с этим цель данной статьи – проанализировать климатический кризис сквозь призму теорий справедливости, выявив, каким образом глобальное потепление ставит под вопрос традиционные представления о правах человека, равенстве и коллективной ответственности.

Традиционная парадигма социальной справедливости, восходящая к трудам Джона Ролза, фокусировалась на справедливом распределении благ и ресурсов. Однако климатический кризис смещает акцент на распределение «зол» – ущерба, рисков и бремени, связанных с деградацией окружающей среды. В центре философской дискуссии оказывается вопрос: кто должен платить за переход к «зеленой» экономике, и кто должен нести бремя уже необратимых изменений?

Американский философ Стивен Гардинер предлагает метафору «идеального морального шторма» для описания этической сложности климатической проблемы. По его мнению, климатическая политика сталкивается с уникальным наложением нескольких факторов, которые делают традиционные моральные реакции неэффективными. Во-первых, это глобальный аспект: существует разрыв между причинами и следствиями – основные загрязнители часто географически удалены от зон наибольшего ущерба, что размывает ответственность. Во-вторых, это межпоколенческий аспект: основные последствия наших действий обрушатся на головы будущих поколений, которые не имеют голоса в сегодняшних политических процессах. В-третьих, это теоретический аспект: существующие этические теории и политические институты плохо приспособлены к решению проблем с таким отложенным во времени и распределенным в пространстве действием [2, с. 415].

Гардинер подчеркивает, что неадекватность институтов усугубляется отсутствием глобального регулятора, способного эффективно решать проблему «безбилетника» и предотвращать «трагедию общих ресурсов» [2, с. 418]. Пока значительная часть населения не наблюдает катастрофических последствий непосредственно, сохраняется мотивация к бездействию, что Гардинер характеризует как моральную коррупцию – стремление найти оправдания

своему нежеланию менять привычный образ жизни. Это наблюдение перекликается с тезисом о том, что климатический кризис является не только провалом политики, но и симптомом более глубокого кризиса морального воображения.

Ключевой вклад в дискуссию о распределении внес Генри Шуэ, предложив различать «эмиссии выживания» и «эмиссии роскоши» [3, с. 253]. Согласно его подходу, морально недопустимо требовать одинаковых усилий по сокращению выбросов от фермера в бедной стране Африки, который пытается обеспечить пропитание семьи, и от владельца частного самолета в развитой стране. Шуэ аргументирует это тем, что базовые потребности человека имеют приоритет над удовлетворением сверхнормативного потребления, и любая справедливая климатическая политика должна признавать это различие [3, с. 258].

Развивая эту мысль, современные исследователи, такие как Доминик Ленци, указывают на необходимость пересмотра самой категории «роскоши» и перехода к более широкому взгляду на справедливость, нацеленному на неравенство как таковое [4, с. 7]. Климатическая справедливость в этом контексте требует не просто количественного сокращения выбросов, а качественного переустройства экономических отношений, при котором приоритет получает защита минимального достаточного уровня жизни для всех, а не накопление избыточного богатства узкой группой лиц. Анализируя глобальную ситуацию, исследователи приходят к выводу, что даже справедливый уровень неравенства повышает энергозатраты на обеспечение достойной жизни, а существование сверхбогатой элиты ведет к колоссальному дополнительному потреблению ресурсов. Согласно глобальному сценарному анализу Дж. Миллуорд-Хопкинса, для обеспечения достойного уровня жизни всех людей на планете при сохранении климатической стабильности необходимо радикальное перераспределение ресурсов, поскольку текущий уровень потребления богатейших слоев населения экологически неустойчив [5, с. 6].

Хотя климатический кризис часто описывается активистами как экзистенциальная угроза человечеству, в академической философской литературе, как отмечает Алекс Маклафлин, этот термин долгое время избегался [6, с. 192]. Аналитическая философия, работающая в рамках «идеальной теории», часто исходила из предположения, что человечество так или иначе сможет избежать худших сценариев, и фокусировалась на справедливом распределении относительно умеренных затрат. Однако реальность такова, что мы имеем дело с перманентным несоблюдением обязательств со стороны государств, что требует перехода к «неидеальной теории». Маклафлин подчеркивает, что философы обязаны рассматривать сценарии глобальной катастрофы и частичного коллапса цивилизации, так как игнорирование этих рисков делает теоретические построения бесполезными для реального мира [6, с. 202].

В этом контексте активистские движения, такие как «Восстание против вымирания», возвращают в публичное поле дискуссию о выживании. С философской точки зрения, признание экзистенциального риска меняет моральную математику: если под угрозой находится само существование человечества или его ключевых институтов, то радикальные меры, включая гражданское неповиновение, получают более весомое моральное обоснование [6, с. 204]. Кроме того, экзистенциальная перспектива заставляет нас по-новому взглянуть на проблему темпоральности. Как показывают современные исследования по экзистенциализму и международным отношениям, временная логика, в которой мы осмысляем кризис, может как подталкивать к действию, так и усиливать климатическое отрицание, предлагая индивиду интеллектуальный инструмент для ухода от ответственности. Так, Эндрю Хом анализирует, как различные темпоральные режимы (линейное время прогресса, циклическое время природы) конфликтуют в дискурсе о климате, создавая парадоксальные эффекты: чем более катастрофичными рисуются перспективы, тем сильнее может быть психологическая защита в виде отрицания [7].

Ульрих Бек предлагает рассматривать климатические изменения как фактор формирования «космополитических риск-сообществ» [1, с. 172]. Эти сообщества возникают не на основе общей культуры или национальной идентичности, а на основе общей уязвимости. Бек утверждает, что мы живем в эпоху, когда больше нет «внешней среды» – планета стала единым пространством риска. Эта ситуация требует перехода от «методологического национализма» к «методологическому космополитизму», когда мы мыслим категориями глобальной взаимозависимости [1, с. 176].

Однако космополитизм климатической справедливости не должен быть слеп к исторической несправедливости. Многие коренные народы и сообщества Глобального Юга справедливо указывают на то, что дискурс о спасении человечества часто игнорирует тот факт, что их культуры и образ жизни уже были уничтожены или находятся под угрозой именно из-за экспансии западной цивилизации. Как отмечает Кайл Пауэрс Уайт, для коренных народов климатический кризис – это не отдаленная угроза, а продолжение колониального насилия, которое уже привело к разрушению их традиционных экосистем и укладов [8, с. 230]. Климатическая справедливость, следовательно, должна включать в себя элементы восстановительной справедливости и признания колониального долга. Это требует не просто перераспределения ресурсов, но и децентрации субъекта справедливости: включения в моральный круг не только будущих поколений людей, но и нечеловеческих акторов.

Критикуя видовой шовинизм, некоторые современные философы настаивают на том, что справедливость в эпоху антропоцена должна быть «мультивидовой» и «планетарной», признавая внутреннюю ценность экосистем и животных, страдающих от климатических изменений не меньше людей. Группа исследователей во главе с Даниэль Селермайер предлагает концепцию «планетарной справедливости», которая выходит за пределы антропоцентризма

и включает в себя обязательства перед всеми формами жизни и поддерживающими их системами [9, с. 5].

Наконец, Саймон Кейни, развивая теорию двух видов климатической справедливости, подчеркивает необходимость различать обязанность не наносить вред и обязанность делиться бременем. Первая является более фундаментальной и безусловной, в то время как вторая зависит от исторической ответственности и способностей. Кейни аргументирует, что развитые страны, исторически ответственные за основную массу выбросов, несут моральное обязательство не только сокращать свои выбросы, но и помогать уязвимым странам в адаптации [10, с. 135].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что климатический кризис представляет собой одну из наиболее сложных проблем социальной справедливости за всю историю философской мысли. Он не укладывается в прокрустово ложе классических теорий распределения, требуя их пересмотра с учетом временного разрыва (ответственность перед будущим), пространственного разрыва (глобальный Север и Юг) и антропологического разрыва (преодоление узкого гуманизма).

Климатическая несправедливость имеет множество измерений:

- распределительное: бедные несут непропорциональное бремя за богатство богатых, что подтверждается различием эмиссий выживания и роскоши (Шуэ) и анализом глобального неравенства (Ленци, Миллуорд-Хопкинс);

- процедурное: институты глобального управления не способны эффективно и справедливо представлять интересы пострадавших сторон, а сам дискурс остается элитарным (Бек, Гардинер);

- темпоральное: нынешнее поколение, руководствуясь краткосрочными интересами, закладывает «бомбу замедленного действия» для потомков, а экзистенциальный характер угрозы требует перехода к неидеальным теориям справедливости (Гардинер, Маклафлин, Хом);

- признание Другого: справедливость требует включения в моральный круг не только будущих поколений, но и коренных народов, а также нечеловеческих акторов (Уайт, Селермайер).

Климатическая справедливость как философская концепция сегодня движется в сторону синтеза космополитизма (признания общей уязвимости) и партикуляризма (учета исторических обид и особых обстоятельств). Она бросает вызов самому понятию прогресса, заставляя задуматься о том, что экономический рост, достигнутый ценой разрушения условий существования человечества, не может считаться ни рациональным, ни справедливым. Выход из «идеального морального шторма» требует не только технологических инноваций, но и этической революции, способной расширить границы нашего морального сообщества до масштабов планеты и будущих столетий.

Список литературы:

- 1.Beck U. Remapping social inequalities in an age of climate change: for a cosmopolitan renewal of sociology / U. Beck // *Global Networks*. – 2010. – Vol. 10, No. 2. – P. 165–181.
- 2.Gardiner S.M. A Perfect Moral Storm: The Ethical Tragedy of Climate Change / S.M. Gardiner // *Environmental Ethics: The Big Questions* / ed. by D.R. Keller. – New York: Oxford University Press, 2011. – P. 411–423.
- 3.Shue H. Subsistence Protection and Mitigation Ambition: Necessities, Economic and Climatic / H. Shue // *British Journal of Politics and International Relations*. – 2019. – Vol. 21, No. 2. – P. 251–262.
- 4.Lenzi D. The ethics of negative emissions / D. Lenzi // *Global Sustainability*. – 2018. – Vol. 1, Article e7. – P. 1–8.
- 5.Millward-Hopkins J. Inequality can double the energy required to secure universal decent living / J. Millward-Hopkins // *Nature Communications*. – 2022. – Vol. 13, Article 5028. – P. 1–9.
- 6.McLaughlin A. Existential Risk, Climate Change, and Nonideal Justice / A. McLaughlin // *The Monist*. – 2024. – Vol. 107, No. 2. – P. 190–206.
- 7.Hom A. Existential time and climate in/justice at the end of the world / A. Hom // *Times of Global Injustice: Temporalities of Power and Community Beyond Disciplinary Boundaries* / ed. by P. Amorosa, V. Erkkilä, K. Stenlund. – 1st ed. – New York: Routledge, 2026.
- 8.Whyte K.P. Indigenous Science (Fiction) for the Anthropocene: Ancestral Dystopias and Fantasies of Climate Change Crises / K.P. Whyte // *Environment and Planning E: Nature and Space*. – 2018. – Vol. 1, No. 1-2. – P. 224–242.
- 9.Celermajer D. Planetary justice: A research framework / D. Celermajer, D. Schlosberg, L. Rickards [et al.] // *Earth System Governance*. – 2020. – Vol. 6, Article 100049.
- 10.Caney S. Two Kinds of Climate Justice: Avoiding Harm and Sharing Burdens / S. Caney // *Journal of Political Philosophy*. – 2014. – Vol. 22, No. 2. – P. 125–149.

Павлюк Влада Олеговна

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Pavlyuk Vlada

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИВОПИСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Аннотация: В данной статье анализируются ключевые подходы к изучению произведений искусства на примере живописи эпохи Возрождения. Особое внимание уделяется философии гуманизма и её влиянию на художественное мышление. Рассматриваются причины обращения мастеров к античным традициям и канонам. Также показано, каким образом композиционные приёмы воздействуют на восприятие зрителя. В работе приводятся примеры разбора конкретных произведений. В итоге делается вывод о том, что полноценное понимание искусства Возрождения возможно при учёте композиции, сюжетного содержания и культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: ренессанс, античность, гуманизм, композиция, сюжет.

FEATURES OF REVIVAL PAINTING PERCEPTION

Summary: This article analyzes key approaches to the study of works of art using Renaissance painting as an example. Particular attention is paid to the philosophy of humanism and its influence on artistic thinking. The reasons for artists' turn to ancient traditions and canons are examined. It also demonstrates how compositional techniques influence viewer perception. The article provides examples of specific works. Ultimately, it concludes that a full understanding of Renaissance art is possible by considering composition, narrative content, and cultural and historical context.

Keywords: renaissance, antiquity, humanism, composition, plot.

Эпоха Возрождения (XIV–XVI века) является одним из наиболее значимых периодов в истории мирового искусства. Она возникла в Италии и пришла на смену Средневековью. Уже в XIII веке феодальная система начала ослабевать, формировались зачатки буржуазии и раннего капитализма. Жёсткие рамки сословного общества и церковной аскетической морали сдерживали развитие личности и ограничивали свободу мышления [1].

С развитием экономических и социальных отношений возрастает ценность человека как личности – его жизни, прав, интересов и стремлений. Освобождаясь от страха перед сверхъестественным, характерного для средневекового мировоззрения, люди вновь начинают воспринимать и ценить красоту окружающего мира. В этот период формируется гуманизм –

философское направление, в центре которого находится человек. Представители гуманизма выступали против чрезмерного влияния католической церкви на культуру и утверждали идеалы свободной, гармонично развитой и творческой личности.

Характерной чертой эпохи становится обращение к наследию античности. Изучение культуры Древней Греции и Древнего Рима рассматривалось как путь к обновлению и развитию. Античные традиции стали основой для переосмысления прежних норм и формирования новых эстетических и этических ценностей.

Деятели эпохи Возрождения – философы, художники, поэты, архитекторы – провели масштабную работу по изучению и осмыслению античного наследия. Они не просто копировали древние образцы, а переосмысливали их, адаптируя к новым культурным условиям и создавая собственные оригинальные интерпретации.

В отличие от средневековой традиции, где авторство зачастую оставалось неизвестным, в эпоху Возрождения на первый план выходит индивидуальность творца. Художники и другие мастера становятся узнаваемыми, их имена приобретают значимость. Ослабевает прежняя тесная связь искусства с религиозной догматикой, и новые художественные подходы позволяют авторам глубже выражать идеи, чувства и личное видение мира [3].

Одной из ключевых особенностей искусства Возрождения является стремление к созданию правдоподобных изображений реальности. Живописные произведения постепенно вытесняют иконописную традицию и формируют основу для развития новых самостоятельных жанров, таких как пейзаж, портрет и сцены повседневной жизни.

Понимание перспективы, пропорций, анатомии передача трехмерного пространства позволяла художникам познавать окружающий мир и применять знания в своих работах. Грамотное использование правил композиции позволяло передать мысль изобразительным методом. Горизонтальные, вертикальные, диагональные композиции передавали состояния стабильности, равновесия, подъема или падения соответственно [5]. Использование ритма и метрической организации композиции позволяло художнику изменять характер изображения – от более подвижного и напряжённого к спокойному и уравновешенному. Благодаря этому задавалось общее эмоциональное звучание произведения, а также раскрывался характер и внутреннее состояние изображённого персонажа.

Анализ условной, схематической основы изображения, состоящей из сочетания форм и цветовых пятен, способен дать значительно больше информации о структуре произведения. Осознание закономерностей пропорций, а также роли композиционного центра и смысловых акцентов позволяло художнику направлять взгляд зрителя и концентрировать его внимание на наиболее значимых элементах картины.

Также очень сложной и важной задачей искусства Ренессанса было достижения схождения с природой. Следует с осторожностью применять к

произведениям искусства нынешние стандарты точности, так как авторы могли руководствоваться иными целями. Зачастую художники делали второстепенных персонажей легко узнаваемыми, естественными. А вот в изображении главных прибегали к ясности, убедительности и значимости.

Кроме того, для анализа художественного произведения важно понять культурный контекст. В эпоху Ренессанса начинается расцвет светского общества, отказ от схоластических убеждений и провозглашение мудрой, вольной личности. Поэтому художники стремились показать в своих произведениях каким должен быть человек Возрождения, основываясь на мифах античности и библейских мотивах. Сюжеты картин в основном повторяли сюжеты мифов, так как именно в них изображался идеальный, богоподобный человек. В них же высмеивались людские пороки. Религия больше не внушала страх, поэтому сюжеты из Библии в изображении художников были ближе к человеческому началу.

В качестве примера обратимся к картине Сандро Боттичелли «Венера и Марс». Уже само название отсылает к персонажам римской мифологии — Венере, богине любви и красоты, и Марсу, богу войны. В этом сопоставлении изначально заложено противопоставление двух начал, что настраивает зрителя на ожидание конфликта. Однако в действительности композиция раскрывает иную ситуацию: Марс изображён спящим, полностью погружённым в сон, тогда как Венера, лежа и опираясь на подушку, бодрствует и внимательно наблюдает за ним. Складывается впечатление, что именно она управляет происходящим, словно подчиняя себе воинственную натуру Марса и умирняя его силу. Его сон настолько глубок, что даже играющие рядом фавны не способны его разбудить. Более того, они забрали его доспехи — шлем и нагрудник, что подчёркивает его незащищённость и безоружность. [4]

С точки зрения композиционного построения картина имеет выраженную горизонтальную ориентацию, что дополнительно акцентируется жезлом, с которым взаимодействуют фавны. Такое решение усиливает ощущение покоя, устойчивости и гармонии, передавая атмосферу умиротворения.

Контраст между тёмным фоном и светлой кожей персонажей позволяет выделить главные фигуры, концентрируя внимание зрителя именно на них. Повторяющееся, ритмически организованное изображение трёх фавнов, расположенных в центральной части полотна, придаёт композиции статичность и завершённость. [2]

Очевидно, что картина имеет аллегорический смысл, как и все, связанное с античной мифологией. Основная идея – любовь побеждает войну или любовь побеждает всё. Это общая концепция восходит к идеям итальянского гуманиста Марсилио Фичино, который, в частности, утверждал, что Марс выделяется между планетами, ибо делает людей сильнее, однако Венера господствует над ним. Марс никогда не господствует над Венерой.

Фреска Микеланджело «Сотворение Адама», выполненная для Сикстинской капеллы в Ватикане, иллюстрирует библейский сюжет создания первого человека. Бог протягивает руку к Адаму, и вся сцена построена по

диагонали, что придаёт композиции ощущение движения: создаётся впечатление, что Бог стремительно приближается к своему творению.

Творец изображён в человеческом облике, что делает его ближе и понятнее зрителю. Адам, в свою очередь, повторяет позу Бога, подчеркивая идею его сходства с создателем и отражая гуманистические взгляды эпохи. Образы Бога и Адама проработаны особенно тщательно: тело Адама, сильное и гармоничное, опирается на традиции античного искусства и знания анатомии. В то же время второстепенные фигуры, включая Еву, остаются в тени, что подчёркивает их второстепенную роль.

Композиционный центр сосредоточен в почти соприкасающихся руках Бога и Адама — именно к этой точке направлено внимание зрителя. Контраст между фигурами, фоном и яркой тканью усиливает напряжение момента, оставляя открытым вопрос: происходит ли акт передачи жизни в этот миг или уже завершился. [4]

Таким образом, для восприятия изобразительного искусства эпохи Ренессанса современному зрителю необходимо погружение в систему смыслов и контекстов. Осознавая задачу автора, понимая основные философские течения эпохи, анализируя композиционные приемы и библейские сюжеты, можно понять не только главный, но и глубинный смысл произведений данного времени.

Список литературы:

1. Баткин, Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л. М. Баткин. — М.: Наука, — 1989. — 272 с.
2. Вудфорд, С. Как смотреть на картины / С. Вудфорд. — М.: Ад Маргинем Пресс: АВСдизайн, — 2018. — 176 с.
3. Горфункель, А. Х. Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. — М.: Высшая школа, — 1980. — 368 с.
4. Дворжак, М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения: Курс лекций: Т. 1. XIV и XV столетия / М. Дворжак. — М.; СПб.: «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2022. — 304 с.
5. Кузнецова, М. Р. Пропедевтика. Основы композиции: учеб. Пособие / М. Р. Кузнецова, С. П. Борисов, А. Н. Кислицына. — СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. — 135 с.

Панкратова Виктория Михайловна

1 ЭД-2

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Victoria Pankratova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПАМЯТНИК КОРОЛЕВЕ ЛУИЗЕ В СОВЕТСКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматривается памятник королеве Луизе, расположенный в городе Советске Калининградской области, как элемент исторической памяти региона. Анализируется эволюция значения памятника в различные исторические периоды, а также его роль в формировании региональной идентичности. Особое внимание уделяется проблеме переосмысления немецкого культурного наследия в постсоветский период. Памятник рассматривается как «место памяти», отражающее сложность и многослойность исторического прошлого Калининградской области.

Ключевые слова: историческая память, Калининградская область, Советск, королева Луиза, культурное наследие, Восточная Пруссия.

THE MONUMENT TO QUEEN LOUISE IN SOVETSK AS AN ELEMENT OF HISTORICAL MEMORY OF THE KALININGRAD REGION

Summary: The article examines the monument to Queen Louise located in the city of Sovetsk, Kaliningrad region, as an element of regional historical memory. The evolution of the monument's meaning in different historical periods is analyzed, along with its role in shaping regional identity. Particular attention is paid to the reinterpretation of German cultural heritage in the post-Soviet period. The monument is considered as a site of memory reflecting the complexity and multilayered nature of the Kaliningrad region's historical past.

Keywords: historical memory, Kaliningrad region, Sovetsk, Queen Louise, cultural heritage, East Prussia.

Проблема исторической памяти в современной России занимает особое место, особенно в регионах, история которых отличается сложностью и многослойностью. Вопросы сохранения, утраты и переосмысления прошлого становятся особенно актуальными в условиях общественных и культурных трансформаций, связанных с изменением политических режимов и социальных ориентиров. Калининградская область в этом отношении представляет собой уникальное пространство, где историческая память формировалась в условиях радикального разрыва с предшествующим историческим опытом.

Территория бывшей Восточной Пруссии, вошедшая в состав Советского Союза в 1945 году по итогам Великой Отечественной войны и решений

Потсдамской конференции, стала ареной масштабных демографических, административных и культурных изменений. Практически полная смена населения, переименование населённых пунктов, изменение системы управления и идеологического контроля привели к формированию нового исторического нарратива, в котором довоенное прошлое региона длительное время занимало маргинальное положение. В этих условиях историческая память формировалась преимущественно «с нуля», без опоры на локальные традиции и преемственность поколений.

Отсутствие устойчивых локальных исторических практик привело к тому, что материальные объекты прошлого приобрели особую значимость. Архитектура, памятники, элементы городской среды стали важнейшими носителями информации о предшествующих этапах развития региона. Именно через них возможен диалог с прошлым, не опосредованный исключительно текстовыми или идеологическими источниками. В этом контексте памятники выступают как своеобразные «узлы памяти», концентрирующие в себе различные исторические смыслы.

Одним из таких объектов является памятник королеве Луизе, расположенный в городе Советск (бывший Тильзит). Он представляет собой пример мемориального объекта, судьба которого отражает основные этапы трансформации исторического сознания региона. Анализ памятника позволяет рассматривать его не только как символ, но и как конкретный историко-культурный объект, обладающий собственной биографией.

Королева Луиза Прусская (1776–1810), супруга короля Фридриха Вильгельма III, занимает особое место в немецкой культурной и исторической традиции. Уже при жизни она воспринималась как фигура, олицетворяющая моральные и семейные ценности, однако подлинное значение её образа сформировалось после поражения Пруссии в войнах с Наполеоном в 1806–1807 годах. В условиях национального кризиса Луиза стала символом утраченного достоинства и надежды на возрождение государства.

В XIX веке образ королевы Луизы был включён в систему национальной мифологии. Он активно использовался в литературе, живописи, школьном образовании и публичных церемониях. Во второй половине XIX века, на фоне объединения Германии, культ Луизы получил официальное закрепление, а памятники в её честь стали важной частью мемориального ландшафта. Особенно активно они устанавливались на территории Восточной Пруссии, где фигура королевы воспринималась как часть региональной идентичности.

Памятник королеве Луизе в Тильзите был установлен в конце XIX — начале XX века в период активного формирования мемориального пространства города. Инициаторами установки выступали городские власти и общественные объединения, стремившиеся подчеркнуть историческую значимость Тильзита. Скульптура была выполнена в традициях реалистического монументального искусства: королева изображалась в полный рост, в строгом и сдержанном облике, подчёркивающим её внутреннее достоинство.

Художественный образ памятника был тщательно продуман. Отсутствие чрезмерной декоративности, спокойная поза, лаконичность деталей создавали впечатление сосредоточенности и моральной силы. Материалом служила бронза, что подчёркивало долговечность и статусность монумента. Каменный постамент дополнял композицию, придавая ей устойчивость и визуальную завершенность.

Место установки памятника также имело принципиальное значение. Он располагался в парковом пространстве, связанном с исторической застройкой Тильзита, что позволяло воспринимать его как часть повседневной городской среды. Памятник не доминировал агрессивно над пространством, а органично вписывался в него, формируя устойчивый визуальный ориентир и точку символической концентрации памяти.

Связь памятника с историей города усиливалась ассоциацией с Тильзитским миром, подписанным в июле 1807 года. Хотя королева Луиза не участвовала в официальных переговорах, в общественном сознании именно с Тильзитом связывались её дипломатические попытки смягчить условия мира. Таким образом, памятник закреплял в пространстве города не столько точный исторический факт, сколько устойчивый исторический образ, важный для национального самосознания.

После 1945 года судьба памятника изменилась кардинально. Включение территории Восточной Пруссии в состав СССР сопровождалось демонтажом или утратой значительной части довоенной символики. Немецкие памятники воспринимались как элементы враждебной культуры и не рассматривались как объекты, подлежащие сохранению. Памятник королеве Луизе был утрачен, а память о нём сохранялась лишь в архивных материалах.

В первые послевоенные десятилетия формировался новый символический ландшафт, ориентированный на советскую историческую традицию. Переименование Тильзита в Советск в 1946 году стало частью этого процесса. Отсутствие памятника королеве Луизе в городском пространстве на протяжении нескольких десятилетий наглядно демонстрировало символический разрыв с довоенной историей.

Ситуация начала меняться лишь в конце XX века. С 1990-х годов в Калининградской области усиливается интерес к комплексному изучению довоенной истории региона. Появляется запрос на сохранение и восстановление утраченных объектов культурного наследия. В этом контексте решение о восстановлении памятника королеве Луизе в Советске стало важным культурным и общественным событием.

Восстановление памятника, осуществлённое в 2014 году, основывалось на архивных фотографиях, открытках и описаниях. Оригинальная скульптура не сохранилась, поэтому речь шла не о реставрации, а о реконструкции. Новый памятник был выполнен как стилистически точная копия утраченного оригинала, что подчёркивало стремление сохранить историческую достоверность.

Современный памятник выполнен из бронзы и установлен на постаменте, воспроизводящем дореволюционный облик. Отказ от современных художественных интерпретаций свидетельствует о желании вернуть памятник в историческое пространство города, а не переосмыслить его образ в актуальном художественном ключе. При этом смысл памятника в современной культурной среде существенно изменился.

Сегодня памятник королеве Луизе воспринимается прежде всего как свидетельство сложной и неоднозначной истории региона. Он выполняет культурно-просветительскую функцию, служит объектом туристического интереса и поводом для общественных дискуссий. Для большинства жителей и гостей города памятник является напоминанием о том, что история Советска не ограничивается советским периодом.

Таким образом, памятник королеве Луизе в Советске является важным элементом исторической памяти Калининградской области. Его история – от установки и утраты до восстановления и нового прочтения – отражает эволюцию отношения общества к прошлому. Памятник демонстрирует возможность включения сложного исторического наследия в современное культурное пространство без идеологизации и конфликта, что делает его значимым объектом историко-культурного анализа.

Список литературы:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и политика памяти. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Белов А.М. Восточная Пруссия: история и культурное наследие. – Калининград: Изд-во КГУ, 2010. – 214 с.
3. Восточная Пруссия: история, культура, общество: сборник научных статей / под ред. А.В. Громыко. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 256 с.
4. Костяшов Ю.В. Калининградская область: формирование исторической памяти. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2008. – 196 с.
5. Манкевич Д.В., Мегем М.Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 94–108. – URL: https://journals.kantiana.ru/baltic_region/ (дата обращения: 14.01.2026).
6. Материалы Президентской библиотеки Российской Федерации: Восточная Пруссия и Калининградская область. – URL: <https://www.prilib.ru> (дата обращения: 14.01.2026).
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1999. – С. 17–50.

Панкратова Софья Владимировна

2 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Pankratova Sofia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СВОБОДА ВОЛИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация: В данной статье исследуются фундаментальные идеи свободы воли и самоопределения, опираясь на классические и современные философские концепции, анализируя их аргументы и выявляя сходства и разногласия. Рассматриваются позиции таких выдающихся мыслителей, как Аристотель, Артур Шопенгауэр, Георг Гегель, Иммануил Кант, Жан-Поль Сартр, Николай Бердяев. Особое внимание уделено экзистенциалистскому и этическому пониманию свободы как основы ответственности и личностного развития. Противопоставляются позиции детерминизма и философии автономии воли. Подчеркивается, что свобода — не просто выбор, а способность формировать свою сущность и быть причиной собственных поступков. Статья выделяет непреходящую значимость темы свободы воли для понимания человеческой природы.

Ключевые слова: свобода воли, самоопределение, детерминизм, Аристотель, Артур Шопенгауэр, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Иммануил Кант, Жан-Поль Сартр, Николай Бердяев.

FREEDOM OF WILL AND SELF-DETERMINATION

Summary: This article explores the fundamental concepts of free will and self-determination by examining both classical and modern philosophical works, analyzing their arguments, and identifying key similarities and differences. It presents the perspectives of prominent thinkers such as Aristotle, Arthur Schopenhauer, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Immanuel Kant, Jean-Paul Sartre, and Nikolai Berdyaev. Special attention is given to existentialist and ethical interpretations of freedom as the foundation of responsibility and personal development. The paper contrasts deterministic views with the philosophy of autonomy of the will. It emphasizes that freedom is not merely a matter of choice, but the ability to shape one's own essence and be the cause of one's actions. The article highlights the enduring relevance of the problem of free will for understanding human nature.

Keywords: free will, self-determination, determinism, Aristotle, Arthur Schopenhauer, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Immanuel Kant, Jean-Paul Sartre, Nikolai Berdyaev.

Вопрос о свободе воли остаётся одним из самых главных в истории философии. Мы часто задумываемся: действительно ли наши поступки зависят

от нас, или мы просто следуем неизбежным законам природы, воле высших сил или обстоятельствам? Можно ли сказать, что человек сам строит свою жизнь, выбирает цели, формирует ценности? Или всё заранее предрешиено, и свобода — лишь иллюзия? Эти размышления напрямую касаются понимания человека, его ответственности, морали и смысла существования.

Свободу воли обычно понимают как способность принимать решение среди нескольких вариантов, не будучи полностью вынужденным действовать каким-то одним образом. Идея самоопределения дополняет это представление: она говорит о том, что человек сам формирует свою личность, выбирает жизненные ориентиры и отвечает за них. Быть причиной самого себя (*causa sui*) — значит определять своё направление жизни осознанно и независимо, особенно в вопросах нравственного выбора [1].

Эта тема появилась ещё в античной философии. Например, Аристотель (384–322 до н. э.) в «Никомаховой этике» различает поступки, совершённые добровольно, и те, что совершаются вынужденно [3, с. 58]. Он считал, что действие считается произвольным, если его начало находится в самом человеке и он осознаёт условия, в которых действует [3, с. 62]. Хотя Аристотель не использует термин «свобода воли» в современном понимании, его рассуждения о выборе и ответственности стали основой для последующих размышлений о самоопределении. Он подчёркивал, что человек несёт ответственность, так как сам формирует свои привычки и характер [3, с. 72, 85].

Серьёзное возражение против свободы воли возникает со стороны детерминизма. С этой точки зрения, всё в мире, включая мысли и действия, происходит по неизбежной цепочке причин. Если каждое событие уже обусловлено предыдущими, то тогда, казалось бы, не остаётся места для настоящего выбора [1].

Артур Шопенгауэр (1788–1860) в произведении «О свободе воли» высказывает сомнение в обычном понимании свободы. Он заявляет: «Ты можешь делать то, что хочешь; но ты не можешь хотеть того, что ты хочешь» [4, с. 112]. Эта фраза означает, что человек может действовать в соответствии со своими желаниями, но сами желания не выбирает. Воля, по его мнению, — это иррациональная и базовая сила, которая определяет поведение каждого [4, с. 125–130]. Наши поступки определяются характером и мотивами, а не свободной волей. Свобода, если и существует, то лишь на метафизическом уровне, как воля-в-себе, тогда как в повседневной жизни человек подчинён внутренним законам своей природы. Поэтому самоопределение кажется Шопенгауэру иллюзией, возникающей из-за незнания истинных причин нашего поведения [4, с. 142, 148].

Другой подход предлагает Георг Гегель (1770–1831) в «Философии права». Он соединяет свободу и необходимость, утверждая, что свобода — это не просто способность делать всё, что хочется, а способность осознанно действовать по разумным законам. «Свобода воли... есть субстанция и определение воли... Воля без свободы — пустое слово...» [5, с. 45]. Гегель различает произвол, как выбор случайного, и истинную свободу — как

разумную волю, направленную на общее благо [5, с. 67]. Подлинное самоопределение, по мнению Гегеля, осуществляется в рамках морального и правового порядка: семья, общество и государство становятся теми структурами, в которых человек реализует себя как свободную личность. Государство у него — не враг свободы, а её высшее выражение, поскольку согласует личную волю с общей [5, с. 89, 102].

Иммануил Кант (1724–1804) в «Критике практического разума» предлагает другой взгляд. Он делает свободу основой морали. Человек, по Канту, свободен тогда, когда подчиняется закону, который сам для себя установил [6, с. 315, 327]. Это и есть автономия воли. Без свободы не может быть ответственности, ведь если поступок был неизбежен, то нельзя винить или хвалить за него. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы стать всеобщим законом» [6, с. 342, 358]. Кант утверждает, что разумная воля обязана следовать категорическому императиву. Он делит мир на мир явлений (где действуют физические законы) и мир ноуменов — область чистой воли, где возможно нравственное поведение [6, с. 372, 385]. Самоопределение у Канта — это подчинение своей эмпирической, склонной к желаниям природе голосу разума и долга. В этом и проявляется высшая форма свободы [6, с. 402, 415].

Совсем иной, более радикальный взгляд предлагает Жан-Поль Сартр (1905–1980) в труде «Бытие и ничто» [7, с. 120]. Он пишет: «Человек осуждён быть свободным» [7, с. 135]. По его мнению, свобода — это не свойство, а сама суть человеческого существования [7, с. 148, 162]. Мы не выбираем, быть нам свободными или нет — мы уже свободны просто потому, что существуем как сознание. Сартр утверждает, что нет Бога или предзаданной природы, которая бы определяла, кем мы являемся. Поэтому каждый человек вынужден сам выбирать, кем он будет [7, с. 175–188]. «Существование предшествует сущности» — ключевая формула экзистенциализма [7, с. 202]. Это означает, что мы сначала живём и делаем выбор, а уже потом на основе этого формируется наша сущность [7, с. 215]. Таким образом, свобода превращается в постоянное самоопределение, за которое человек полностью ответствен. Даже бездействие — это тоже выбор [7, с. 228, 240]. Такая свобода, по Сартру, тяжела: она лишает нас оправданий и делает нас единственными виновниками своих поступков [7, с. 255].

Николай Бердяев (1874–1948), представляющий религиозно-философскую традицию, предлагает свою интерпретацию в «Философии свободного духа» [8, с. 75]. Он противопоставляет свободу любой форме необходимости — природной, социальной или логической [8, с. 88]. Истинная свобода, по его словам, берёт начало в духовной глубине, предшествующей даже Богу [8, с. 102]. Он пишет: «Свобода — моя независимость и определяемость моей личности изнутри...» [8, с. 115]. Это означает, что человек не просто выбирает среди уже имеющегося, а способен творчески создавать новое [8, с. 128]. Бердяев различает две свободы: изначальную (меоническую), из которой может произойти как добро, так и зло, и вторичную

— ту, что связана с разумом и благодатью [8, с. 142]. Настоящее самоопределение — это путь духовного преображения, преодоления внешней обусловленности и стремление к внутренней свободе. Для Бердяева свобода — это не столько возможность выбора, сколько призвание к творчеству и обожению [8, с. 155, 168].

Все эти философские позиции по-разному отвечают на вопрос о свободе воли и самоопределении. Шопенгауэр отрицает свободу выбора, говоря о жёсткой детерминированности. Кант утверждает свободу как условие морали, связывая её с разумом и нравственным законом. Гегель находит свободу в диалектическом процессе, где она реализуется в обществе и государстве. Сартр радикализирует понятие свободы, делая его основой человеческого бытия, а Бердяев говорит о свободе как духовном источнике, который даёт человеку возможность выйти за пределы внешней необходимости.

Несмотря на различия, все рассмотренные подходы подчёркивают важность свободы и самоопределения для понимания человека. Идея, что человек может быть автором своей жизни, формировать свою сущность и нести ответственность за выбор, остаётся основополагающей для философии. Ответ на вопрос о свободе — это, по сути, ответ на вопрос: что значит быть человеком.

Список литературы:

- 1.Скрипник, А.П., Столяров, А.А. Свобода воли // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2010. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f08825aa0b5a92b1bfd>. (дата обращения: 08.06.2025).
- 2.Столяров, А.А., Величковский, Б.М., Апполонов, А.В., Попов, Ю.Н. Свобода воли // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017. — URL: <https://bigenc.ru/c/svoboda-voli-eaed15>. (дата обращения: 08.06.2025).
- 3.Аристотель. Никомахова этика — М.: АСТ, 2010. — С. 29—291.
- 4.Шопенгауэр, А. О свободе воли // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. — М.: Республика, 1992. — С. 48—151.
- 5.Гегель, Г.В.Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
- 6.Кант, И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. — М.: Мысль, 1965. — Т. 4, Ч. 1. — С. 311—501.
- 7.Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
- 8.Бердяев, Н.А. Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994. — 480 с.

Парфенова Алина Александровна

1 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Parfenova Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ИММАНУИЛА КАНТА

Аннотация: Статья посвящена анализу нравственно-философского наследия немецкого мыслителя Иммануила Канта. В основе этики Канта лежит категорический императив как априорный закон чистого практического разума, который определяет моральное поведение через понятия долга, автономии воли и доброй воли. Учение Канта переосмысливает традиционные представления о морали, противопоставляя деонтологический подход телеологическим этикам и подчеркивая универсальность нравственного закона. В статье рассматриваются три формулировки категорического императива, их взаимосвязь с понятиями свободы и человечества как цели. Интерес к кантовской этике в современной культуре свидетельствует о её огромном духовном потенциале: идеи автономии и уважения к человеку как цели остаются актуальными для решения вопросов профессиональной этики, прав человека и нормативного регулирования. Учение Канта сохраняет востребованность, предлагая универсальные критерии нравственности в эпоху глобальных вызовов.

Ключевые слова: этика, мораль, долг, категорический императив, автономия воли, деонтология, добрая воля.

THE ETHICAL TEACHINGS OF IMMANUEL KANT

Summary: The article focuses on the analysis of the moral and philosophical legacy of the German thinker Immanuel Kant. Kant's ethics are based on the categorical imperative, which is an a priori law of pure practical reason that defines moral behavior through the concepts of duty, autonomy of the will, and good will. Kant's teachings reinterpret traditional notions of morality, contrasting the deontological approach with teleological ethics and emphasizing the universality of the moral law. The article explores three formulations of the categorical imperative and their relationship to the concepts of freedom and humanity as a goal. The interest in Kant's ethics in modern culture demonstrates its immense spiritual potential: the ideas of autonomy and respect for the individual as a goal remain relevant for addressing issues of professional ethics, human rights, and regulatory frameworks. Kant's teachings remain relevant, offering universal moral criteria in an era of global challenges.

Keywords: ethics, morality, duty, categorical imperative, autonomy of the will, deontology, good will.

Иммануил Кант (1724–1804) – один из самых влиятельных мыслителей Нового времени, основоположник немецкой классической философии и критического идеализма. Его учение охватывает практически все сферы философского знания, но особое место занимает практическая философия, где Кант разрабатывает этику как науку о нравственном законе, независимом от эмпирических условий. Если в «Критике чистого разума» Кант ограничивает возможности теоретического познания, то в «Критике практического разума» и «Основоположениях метафизики нравов» он обосновывает возможность нравственности на основе чистого разума. Цель кантовской этики – установление всеобщего и необходимого нравственного закона, способного направлять поведение разумного существа независимо от склонностей и внешних обстоятельств. Носителем такого закона выступает автономная воля, способная сама себе давать закон.

Центральное понятие этики Канта – категорический императив, безусловное повеление разума, в отличие от гипотетических императивов, которые зависят от целей и желаний. Кант формулирует его в трёх основных формулировках, раскрывающих единую сущность. Первая формулировка гласит о том, что поступать следует только согласно такой максиме, руководствуясь которой, в то же время, можно пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. Вторая подчёркивает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1]. Третья формулировка вводит идею «царства целей» – сообщества разумных существ, где каждый выступает одновременно законодателем и подданным всеобщего закона. Эти формулировки не противоречат друг другу, а раскрывают разные грани одного и того же нравственного принципа. [1].

Кант утверждает, что единственное безусловное благо – добрая воля, которая ценна сама по себе, независимо от результатов действий. Моральность поступка определяется не последствиями (как в утилитаризме), а намерением действовать из уважения к нравственному закону. Долг – это необходимость действия из уважения к закону. Человек одновременно принадлежит феноменальному миру (где господствует причинность) и ноуменальному миру свободы. Именно в сфере свободы возможна автономия воли: воля подчиняется только закону, который она сама себе даёт. Таким образом, Кант разрешает антиномию свободы и необходимости, показывая, что мораль возможна только при признании свободы как постулата практического разума [2].

В отличие от этических учений прошлого, где мораль часто связывалась с религией, счастьем или природными склонностями, Кант делает её полностью автономной и рациональной. Нравственный закон априорен и формален: он не предписывает конкретное содержание действий, а устанавливает критерий их всеобщности. Это позволяет избежать релятивизма и субъективизма. В то же время кантовская этика подвергалась критике за ригоризм – абсолютность требований, например, запрета на ложь даже «из человеколюбия». Т.И. Ойзерман отмечает, что Кант настаивает на абсолютности запрета лжи,

поскольку ложь разрушает основание всякого права и общения, хотя на практике могут возникать коллизии [3]. Аналитический подход показывает: ригоризм Канта не слепая жёсткость, а требование последовательности максим, сохраняющее достоинство человека как разумного существа.

Кантовское учение оказало огромное влияние на последующую философию, право и этику. Идея автономии воли легла в основу концепций прав человека, деонтологической этики профессий и современных кодексов поведения. В условиях глобализации и технологических вызовов категорический императив остаётся критерием, позволяющим оценивать действия не по выгоде, а по их соответствию универсальному нравственному закону. Нравственное самосовершенствование, по Канту, – это путь к достоинству личности и гармоничному обществу, где каждый уважает другого как цель. Хотя в истории далеко не всегда соблюдались гуманные кантовские принципы, именно они служат ориентиром нравственного воспитания и правового регулирования.

Таким образом, этическое учение Иммануила Канта обращено к человеческому разуму и свободе. Оно предлагает универсальный фундамент морали, способный объединять людей независимо от культурных различий. В современном мире, где часто преобладают утилитарные и релятивистские подходы, кантовский категорический императив сохраняет свою актуальность как призыв к ответственности и уважению достоинства каждого человека. Изучение трудов Канта помогает не только понять историю европейской мысли, но и выработать нравственные ориентиры для сегодняшнего дня.

Список литературы:

1. Кант, И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. – 780 с.
2. Левикова, С.И. Этическая концепция Иммануила Канта как ключ к пониманию поведения людей / С.И. Левикова // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 2. – С. 34-45.
3. Ойзерман, Т. Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта / Т. Ойзерман // Логос. – 2008. – № 5(68). – С. 172-178.
4. Русакова, Н. Г. Этическая концепция И. Канта как основание развития деонтологического нормативного регулирования / Н.Г. Русакова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 1 – № 69 – С.254-256.

Перминова Ангелина Сергеевна

1 ЭД-36с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Perminova Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу роли государственной политики в формировании мировоззрения граждан. Мировоззрение рассматривается как система ценностей и представлений людей о мире, подчеркивается его смыслообразующая функция. В работе анализируются основные направления государственного влияния на коллективные представления: политика памяти, историческая политика, культурная и национальная политики. Делается вывод о том, что государство через эти механизмы не просто регулирует общественную жизнь, но и философски обосновывает ее.

Ключевые слова: мировоззрение, государственная политика, ценности, идеология, национальная идентичность, философские смыслы политики.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE INFLUENCE OF STATE POLICY ON THE FORMATION OF WORLDVIEW

Summary: The article is devoted to the philosophical analysis of the role of state policy in shaping the worldview of citizens. The worldview is considered as a system of values and people's ideas about the world, and its meaning-making function is emphasized. The article analyzes the main areas of state influence on collective ideas: memory policy, historical policy, cultural policy, and national policy. The author concludes that the state uses these mechanisms not only to regulate public life, but also to provide a philosophical foundation for it.

Keywords: worldview, state policy, values, ideology, national identity, and philosophical meanings of politics.

Термин «мировоззрение» часто используется в научных работах и повседневной жизни, хотя его объем и содержание точно не определены. Мировоззрение обычно рассматривается как форма духовно-практического освоения человеком окружающего его мира. Иными словами – это система представлений человека о мире и своем месте в нем. Мировоззрение определяет, во-первых, отношение человека к миру – другим людям, обществу и государству, природе, истории и культуре. Во-вторых, оно отражает и отношение мира к человеку. [3] Таким образом, в мировоззрении отражается

одновременно и мир через его отношение к человеку, и человек через его отношение к миру. [2]

Смыслообразующим фундаментом мировоззрения, независимо от ракурса рассмотрения его сущности и структуры, являются ценности, которые отражают связь человека как познающего субъекта с объектами окружающей действительности. [3]

Интерпретация мировоззрения в пространстве политологического знания фокусируется на политических ценностях, которые трактуются как устойчивые, присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений. [3]

На фундаменте определенных ценностей строятся различные идеологии, которые в свою очередь служат основой для формирования политических программ и стратегий.

Современное государство активно участвует в формировании коллективного мировоззрения граждан через построение ценностно-смыслового поля, т.е. комплекса взаимосвязанных смыслов, транслирующих систему ценностей (патриотизм, гражданственность, общественные идеалы), которые становятся основой для формирования индивидуального мировоззрения, помогая людям определять значение происходящих процессов. Эти смыслы служат целям укрепления национальной идентичности, социальной сплоченности и легитимности власти.

Важную роль в формировании мировоззрения играет политика памяти (мемориальная политика). Это сознательное конструирование и продвижение официальной версии ключевых исторических событий для формирования ценностно-смыслового единства. Государство, выступая главным «архитектором памяти», определяет, какие события, даты и исторические фигуры являются объединяющими и героическими, а какие подлежат забвению или критическому переосмыслению.

Таким образом, философия политики обосновывает справедливость текущего строя – его идеологическую легитимность. При осмыслении значения понятий «идеология» и «мировоззрение» становится понятно, что несмотря на то, что оба этих понятия продукт сознания, они не являются тождественными. Идеология зачастую находится над интересами субъекта и направлена на мобилизацию людей в поддержку идей и реализацию целей общественного развития. Идеология формирует и определяет мировоззрение людей. Мировоззрение способствует поддержанию и воспроизводству идеологии, придавая ее идеям и ценностям субъективно значимый смысл. [3]

Инструментами политики памяти, в частности, могут выступать: создание мемориальных комплексов и музеев, установление памятных дат и дней воинской славы, поддержка определенных трактовок в образовательных стандартах и медиапространстве.

Цель – создать «позитивное прошлое», которое оправдывает настоящее и задает вектор будущего.

Более широким понятием, чем политика памяти, включающим в себя прямые действия государства в сфере исторического знания, является историческая политика. Она включает в себя научные исследования, учебные программы и публичную дискуссию. Это может выражаться в поддержке научных школ, законодательном запрете на «реабилитацию нацизма» или отрицание определенных событий, институционализации патриотических концепций. [1]

Проводя подобным образом реконструкцию исторических знаний реализуется диалектика сущего и должного: политика формирует мировоззрение, балансируя между реальной ситуацией (сущее) и желаемым образом будущего (должное), что влияет на уровень оптимизма или протестных настроений граждан.

Культурная политика направлена на управление символическим пространством общества через поддержку, регулирование или ограничение культурных процессов. Ее ключевые аспекты: сохранение и популяризация классического культурного наследия; поддержка искусства, соответствующего традиционным или патриотическим ценностям; поддержка государством современных инновационных культурных проектов, продвижение русского языка как основы гражданской идентичности. Культура становится «мягкой силой» внутри страны, транслируя желаемые модели поведения, эстетические и этические нормы.

Национальная политика (политика в сфере межнациональных отношений). В условиях многонационального государства эта политика призвана балансировать между двумя полюсами: укреплением общероссийской гражданской идентичности («россияне») и поддержкой культурного многообразия народов России. Она включает: профилактику экстремизма и межэтнических конфликтов, поддержку национальных языков и культур (в рамках единого образовательного и правового поля), развитие идеи многонационального народа (полиэтничной гражданской нации) и традиционных религий как основы духовности. Важнейшая цель – не допустить этнизации политики и превращения культурных различий в политические требования.

Мировоззрение формирует смысловую основу национально-государственной идентичности граждан, которая определяется как устойчивая взаимосвязь человека с общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), основой которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый посредством института государства. Мировоззрение формирует смысловую основу национально-государственной идентичности граждан, которая определяется как устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью. [3]

Все четыре направления тесно переплетены. Например, историческая политика, акцентирующая общий подвиг в Великой Отечественной войне, служит целям и национальной (объединение народов), и культурной (героические архетипы) политики. В совокупности они образуют целостную

систему мировоззренческой консолидации общества вокруг базовых ценностей: патриотизма, традиций, и социальной солидарности. Критики часто оценивают эти практики как инструменты для легитимации власти и подавления альтернативных трактовок истории и культуры. Сторонники видят в них необходимый ответ на вызовы глобализации, распада идентичностей и информационных войн, способ сохранения суверенитета и цивилизационной самобытности.

Таким образом, государственная политика не просто регулирует жизнь, а философски обосновывает ее, формируя ментальные установки, моральные ориентиры и картину мира граждан. Политическая философия реализуется в публичной сфере, образуя коммуникативное пространство, определяя культуру взаимодействия власти и общества, что воспитывает гражданина, формирует его ответственную социальную позицию.

Список литературы:

1. Кочетков, А. П. Политическая элита как субъект модернизации современной России / А. П. Кочетков // Идеи и ценности в политике: Политическая наука: Ежегодник 2015 / Российская ассоциация политической науки. – М.: Политическая энциклопедия, – 2015. – С. 314-326.
2. Личман, Б. В. Цель государства – цель государственного мировоззрения в истории России вчера, сегодня, завтра /Б.В. Личман //Журнал Социально-политические науки. – 2017. – №6. – с.136-139.
3. Селезнева, А. В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. / А. В. Селезнева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 223-233.

Перфильева Полина Антоновна

1 ГД-29

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Polina Perfileva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

«РУССКАЯ ИДЕЯ» И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ПРУССИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу философского диалога между Россией и Пруссией в XVIII - XIX веках, рассматриваемого через полемику вокруг «русской идеи» и западноевропейского рационализма. В работе исследуется влияние классической немецкой философии на формирование русской общественной мысли. Особое внимание уделяется концептуальной оппозиции славянофильства и западничества как двух способов ответа на вызовы западноевропейского рационализма. Статья раскрывает полемику славянофилов, что разрабатывали собственное учение о соборности и цельности духа, с немецким идеализмом, тогда как западники стремились адаптировать достижения европейской философии к российским условиям. В работе делается вывод о том, что диалог с прусской философской традицией стал важным фактором становления оригинальной русской философии и национального самосознания.

Ключевые слова: русская идея, рационализм, славянофильство, западничество, немецкая классическая философия, Пруссия.

"THE RUSSIAN IDEA" AND WESTERN EUROPEAN RATIONALISM: THE PHILOSOPHICAL DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND PRUSSIA IN THE 19TH CENTURY

Summary: This article is devoted to an analysis of the philosophical dialogue between Russia and Prussia in the nineteenth centuries, viewed through polemics around "the Russian idea" and Western European rationalism. The article examines the influence of classical German philosophy on the formation of Russian public thought. Particular attention is paid to the conceptual opposition of Slavophilism and Westernization as two ways of responding to the challenges of Western European rationalism. The article reveals a polemic among Slavophiles who developed their own doctrine of the verb and wholeness of spirit, with German idealism, while Westerners sought to adapt the achievements of European philosophy to Russian conditions. The work concludes that dialogue with the Prussian philosophical tradition became an important factor in the formation of original Russian philosophy and national identity.

Keywords: Russian idea, rationalism, Slavophilism, Westernism, German classical philosophy, Prussia.

XIX столетие стало эпохой напряженного философского самоопределения России. Победа в Отечественной войне 1812 года, пробудившая национальное самосознание, и синхронный рост влияния европейской, прежде всего, немецкой мысли поставили перед русской интеллигенцией фундаментальный вопрос: в чем заключается культурно-историческое призвание России, каково её место в мире? Эта проблематика, позднее обретшая имя «русской идеи», формировалась в постоянном диалоге — и острой полемике — с западноевропейским рационализмом, главным выразителем которого выступала философская традиция Пруссии. Цель данной статьи — рассмотреть философский диалог России и Пруссии в XIX веке как ключевой фактор становления оригинальной русской философии. В фокусе исследования — анализ того, как идеи Канта, Шеллинга и Гегеля были восприняты, переосмыслены и подвергнуты критике в рамках двух магистральных течений отечественной мысли: славянофильства и западничества.

Влияние немецкой философии на русскую мысль началось задолго до знаменитых споров сороковых годов. Уже в конце XVIII века идеи Иммануила Канта проникают в Россию: «Критика чистого разума» переводится на русский язык трижды, а в начале XIX столетия его теория познания становится предметом жесткой критики. Так, по свидетельству философа Э.Л. Радлова, профессор Оссировский указывал на противоречие между динамистической теорией материи Канта и его же учением о субъективности пространства и времени [5, с.12]. Однако подлинный расцвет интереса к немецкой философии приходится на 1820–1830-е годы, когда в России складываются философские кружки «любомудров» — молодых последователей Шеллинга и Гегеля. Немецкая философия предоставила русским мыслителям универсальный категориальный аппарат для осмысления исторического процесса и места в нем России. Именно через призму немецкого идеализма отечественная мысль начала сознать себя — и в этом самосознании неизбежно обнаружила свою глубинную двойственность.

Отправной точкой философского диалога с Западом принято считать «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1836). Чаадаев сформулировал антитезу «Россия — Запад» с предельной остротой, поставив под сомнение саму возможность России участвовать в историческом движении человечества. По его мысли, отделенность России от Западного христианства исключила ее из магистрального пути истории, ведущего к установлению универсального христианского общества. Парадокс Чаадаева заключался в том, что, будучи глубоко европейским мыслителем, он пробудил именно национальное самосознание. Как писал Н.А. Бердяев, «гениальная боль его о России была мукой рождения русского самосознания, западничество его было столь же национальным подвигом, как и славянофильство Киреевского и Хомякова». Чаадаев задал ту систему координат, в которой разворачивался последующий конфликт: Запад навсегда остался для России не просто образцом для

подражания или объектом отрицания, но той смысловой «точкой отсчета», без которой невозможна рефлексия о собственном пути.

Славянофильство стало первой оригинальной попыткой русского философского самосознания. И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, пройдя через увлечение немецкой философией (Киреевский слушал лекции Гегеля в Берлине, Хомяков глубоко изучал Шеллинга), пришли к ее последовательной критике с позиций православного мировоззрения. И.В. Киреевский усматривал коренной порок западной философии в ее «отвлеченном рационализме» — разрыве познавательных способностей человека, ведущем к утрате цельности духа. В противовес этому он выдвинул идеал «цельного знания», синтезирующего разум, чувство, совесть и волю. Только на этой основе, полагал Киреевский, человек обретает способность к высшему познанию — мистической интуиции, открывающей истину о Боге. Наивысшее воплощение цельности он находил в православной святоотеческой традиции, не затронутой, по его убеждению, излишней рассудочностью западного богословия.

А.С. Хомяков, в свою очередь, развил учение о соборности как фундаментальном принципе бытия Церкви и личности. Соборность — это «свободное единение верующих в деле совместного поиска истины и спасения, основанное на любви к Христу». В этом понятии Хомяков противопоставил православное понимание единства (единство в свободе и любви) западным моделям: как католическому авторитаризму, так и протестантскому индивидуализму и разобщенности.

Важно подчеркнуть, что славянофильская критика Запада была не простым отрицанием, а напряженным диалогом. Т.И. Липич справедливо называет этот диалог «полифоническим», подчеркивая, что он создавал благоприятную почву для развития русской культуры [4, с.6]. Славянофилы мыслили в категориях, во многом заимствованных у немецкого романтизма и идеализма («народный дух», противопоставление культуры и цивилизации), но наполняли их оригинальным содержанием, почерпнутым из православной традиции и исторического опыта России.

Западничество, представленное именами Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Т.Н. Грановского, также формировалось под определяющим влиянием немецкой философии. Кружок Станкевича (1831–1839) стал настоящей школой философского образования для целого поколения русских мыслителей. Здесь изучали Шеллинга, Гегеля, Фихте, стремясь применить их идеи к пониманию России. В.Г. Белинский прошел характерную для западников эволюцию: от консервативного гегельянства с его формулой «все действительное разумно» к персонализму и социалистическим идеалам. Эта эволюция отражала фундаментальное противоречие: гегелевская философия с ее приматом всеобщего над единичным вступала в конфликт с ценностью человеческой личности, которую русские западники (особенно после 1840-х годов) ставили во главу угла.

А.И. Герцен, также начинавший как гегельянец, после революции 1848 года в Европе разочаровался в западной цивилизации, увидев угрозу гибели

«живого духа» в мещанстве. Однако это разочарование не привело его в стан славянофилов. Герцен создал оригинальную концепцию, синтезирующую западное понимание ценности личности с русской общинной традицией, — теорию «крестьянского социализма». В своей философской эволюции Герцен продолжал диалог с немецкой мыслью, в том числе с кантовским пониманием просвещения. Он использовал кантовские идеи нравственной автономии и призыв «*sapere aude*» («имей мужество пользоваться собственным умом») для построения собственного проекта русского просвещения [3, с.263].

Философский диалог России и Пруссии долгие годы разворачивался на фоне интенсивных политических, культурных и династических связей двух государств. От Тильзитского мира (1807) до Священного союза (1815), от совместной борьбы с Наполеоном до нарастающих противоречий, — этот исторический контекст неизбежно окрашивал и философское общение. Показательно, что славянофильская критика рационализма перекликалась с критикой западной цивилизации со стороны самого западного романтизма и консервативной мысли. Как отмечает А. Валицкий в своем фундаментальном исследовании, славянофилы, провозглашавшие тезис о радикальной самобытности России, парадоксальным образом вписывались в общеевропейское идейное движение, а их концепции имеют точные соответствия в немецком консервативном романтизме или даже прямо восходят к нему.

Философский диалог России и Пруссии в XIX веке стал важнейшим фактором становления оригинальной русской философии. Немецкая классическая философия предоставила русской мысли тот понятийный язык и поставила те фундаментальные вопросы, без которых формирование национального самосознания было бы невозможно. Вместе с тем, усваивая уроки немецкого рационализма, отечественная мысль напряженно искала собственные пути.

Славянофильство предложило критику западноевропейского рационализма с позиций православной цельности и соборности. Западничество стремилось адаптировать достижения европейской философии к российским условиям, не теряя при этом связи с национальной почвой (особенно в лице позднего Герцена). Оба течения, при всех их различиях, формировались в постоянном диалоге с немецкой мыслью и вне этого диалога не могут быть адекватно поняты.

«Русская идея», о которой спорили на протяжении всего XIX века, рождалась не в изоляции, а в напряженном и плодотворном взаимодействии с Западом — и прежде всего с философской традицией Пруссии. Этот диалог, исполненный и восхищения, и критики, и творческого переосмысления, сохраняет свою актуальность и сегодня, когда вопрос о цивилизационной идентичности России вновь обретает остроту.

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков. - М.: Путь, 1912. - 250 с.

- 2.Валицкий, А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. - М.: НЛО, 2019. - 704 с.
- 3.Дмитриева, Н.А. Что такое просвещение: ответ А.И. Герцена на кантианский вопрос // Философский журнал. - 2025. - Т. 40. - С. 262-318.
- 4.Липич, Т.И. Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам классической немецкой идеалистической философии? // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. - 2010. - № 14(85), вып. 13. - С. 5-16.
- 5.Лосский, Н.О. История русской философии - М., «Советский писатель», 1991.
- 6.Чаадаев П.Я. Философические письма. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. - М.: «Наука», 1991.

Подгорнова Анна Ивановна

1 ГД-29

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Anna Podgornova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РИТУАЛ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И МЕХАНИЗМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация: В данной статье анализируется ритуал как символическое действие, обеспечивающее эмоциональное переживание и передачу культурных смыслов, формируя идентичность и преемственность поколений, как механизм закрепления культурного кода с опорой на концепции Эрнста Кассирера, Эмиля Дюркгейма, Фридриха Ницше и Поля Рикёра.

Ключевые слова: ритуал, символ, культурный код, символическое действие, мифологическое мышление, сакральное и профанное, коллективное возбуждение, дионисическое начало, социальная солидарность, идентичность.

RITUAL AS A SYMBOLIC ACTION AND A MECHANISM FOR SOLIDIFYING THE CULTURAL CODE

Summary: This article analyzes ritual as a symbolic action that ensures the emotional experience and transmission of cultural meanings, shaping identity and generational continuity, as a mechanism for solidifying the cultural code based on the concepts of Ernst Cassirer, Émile Durkheim, Friedrich Nietzsche, and Paul Ricœur.

Keywords: ritual, symbol, cultural code, symbolic action, mythological thinking, sacred and profane, collective effervescence, Dionysian principle, social solidarity, identity.

Ритуал (от лат. *ritualis* – обрядовый) – явление, представляющее собой символическое действие, характерное для всех известных человеческих обществ. Первоначально связанное с осмыслением окружающего мира и попыткой обрести над ним контроль, оно неоднократно трансформировалось, приобретало новые формы и значения. Выражаясь в обрядах поклонения, торжественных церемониях, клятвах, в обыденном пожелании доброго утра или рукопожатии, ритуалы присутствуют как в религиозных культах, так и в светских обществах, и в повседневной жизни современного человека.

Эрнст Кассирер в своих фундаментальных работах «Философия символических форм» (1923–1929) и «Опыт о человеке» (1944) рассматривал человека не столько как «разумное животное», сколько как «животное, создающее символы» (*animal symbolicum*) [7, с.43-44]. Человек совершенно окружил себя искусственной средой, формируемой языковыми формами, художественными образами, мифическими символами или религиозными

обрядами. Ритуал же есть действие-символ, где само действие становится носителем смысла. Как духовное выражение, он несет функцию не столько овладения, сколько «наделения смыслом». В мифологическом мышлении слово и действие неразрывно связаны с вещью [3, с.67-68]. Произнести имя бога – значит уже призвать его, то есть совершение ритуала означает влияние на миропорядок. Эта особенность архаического сознания трансформируется с развитием цивилизации, но не исчезает. В современных обществах ритуалы сохраняют двойственность значений, сочетая видимое и невидимое. Так, например, рукопожатие при встрече – это не просто физический контакт, а символический акт, подтверждающий отсутствие враждебных намерений. Именно благодаря способности создавать символы и действовать в символическом пространстве человеческая культура обретает устойчивость и способность к накоплению опыта.

Эмиль Дюркгейм в классическом труде «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912) предложил рассматривать ритуал как механизм, посредством которого общество осознает само себя. Изучая тотемические культы австралийских аборигенов, философ пришел к выводу, что разделение мира на священное и профанное является фундаментальной характеристикой религиозного мышления. Сакральные представления являются объединяющим фактором для группы людей. Составляющие ее индивиды едины в своих представлениях о священном мире, его отношениях с профанным и выражают это общее представление в одинаковых действиях, ритуалах. Объектом поклонения в конечном счете оказывается само общество, составляющее объективно существующую реальность [6].

Когда люди собираются вместе для совершения ритуала, возникает особое состояние «коллективного возбуждения» (*effervescence collective*). Индивидуумы ощущают присутствие силы, превосходящей их самих, и приписывают эту силу внешним символам — тотемам, священным предметам. Как утверждает Дюркгейм, эта сила есть само общество, но общество, переживаемое эмоционально, а не рационально. Ритуал создает, воспроизводит и выражает социальные связи. Участвуя в ритуальных действиях, люди вновь и вновь подтверждают свою принадлежность к общности, разделяют ее ценности и нормы [1, с.367-380]. Философ подчеркивает функцию поддержания социальной солидарности, которую выполняет ритуал: индивид, через обрядовые действия, ощущает себя частью целого, а целое напоминает о себе каждому своему члену, так общество сознает и утверждает себя.

Фридрих Ницше в ранней работе «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) предложил отличный от социологизма Дюркгейма взгляд на символическое действие. Ницше рассматривает происхождение греческой трагедии из ритуальных практик культа Диониса. Для него важно различие двух начал — аполоновского (связанного со сновидением, мерой, индивидуальностью) и дионисического (связанного с опьянением, разрушением границ, слиянием с первоединым) [4, с.59-62]. Ритуал, особенно в его

дионисической ипостаси, позволяет выйти за пределы индивидуального существования, означает приобщение к стихийной мощи жизни.

Ницше показывает, что символическое действие в ритуале не всегда ясно для рационального понимания. Оно укоренено в телесном опыте, в музыке, в ритме. Дионисический хор — это не просто зрелище, но действие, в котором участники становятся частью мифического события и чувствуют внутреннее единство с ним. В этом смысле ритуал оказывается механизмом трансгрессии — переступания границ повседневности. Но именно благодаря такому выходу за пределы обыденного и происходит обновление культуры, которая без дионисического начала костенеет, превращаясь в мертвую схему. Ритуал возвращает символам жизненную энергию, не позволяет им стать пустыми знаками.

Поль Рикёр в работах «Символика зла» (1960) и «Конфликт интерпретаций» (1969) развивает подход к символу, который можно назвать герменевтическим. Рикёр исходит из того, что символ всегда говорит о чем-то ином, чем он сам, и требует истолкования. Особенно важна его концепция «символики зла» — тех культурных форм (мифов, ритуалов, запретов), в которых человечество осмысляет опыт вины, страдания, несовершенства. Ритуалы очищения, жертвоприношения, покаяния представляют собой символические действия, посредством которых сообщество справляется с опытом зла [5, с. 397-405]. Рикёр показывает, что здесь мы имеем дело не с внешним принуждением, а с внутренней работой сознания, которое через символические формы стремится преодолеть разрыв между желаемым и действительным. Важно, что ритуал не просто выражает некоторое содержание, но преобразует того, кто в нем участвует. Совершая ритуальное действие, человек изменяет свое отношение к реальности, принимает ее в новом качестве. Рикёр называет это «герменевтикой восстановления смысла» — в отличие от «герменевтики подозрения», которая стремится разоблачить иллюзии [5, с.114-121]. Ритуал являет собой механизм такого восстановления: через символическое действие человек заново обретает целостность и осмысленность существования.

Соединяя рассмотренные подходы, мы можем увидеть, как ритуал выполняет функцию закрепления культурного кода. Культурный код — это совокупность значений, норм, ценностей и способов действия, которые определяют идентичность сообщества и передаются из поколения в поколение. Но код сам по себе, как абстрактная система, не способен к воспроизводству. Ему нужны механизмы воплощения в живую практику. Таким механизмом и выступает ритуал. Во-первых, он переводит абстрактные ценности в конкретные действия, доступные для восприятия и повторения. Во-вторых, ритуал эмоционально окрашивает культурные смыслы, связывает их с переживаниями. В-третьих, ритуал обеспечивает телесную память культуры, что имело исключительную важность для бесписьменных культур, но сохраняет значение и для современных обществ.

Интересный аспект закрепления культурного кода через ритуал связан с

процессом взросления и социализации. Так, дети воспринимают ритуальные действия просто как часть реальности, и лишь постепенно, с развитием рефлексии, они начинают понимать символизм этих действий. Это означает, что культурный код усваивается через ритуал на дорефлексивном уровне, вплетаясь в саму структуру восприятия реальности.

В современном мире, который часто описывают в категориях кризиса идентичности, утраты традиций и размывания культурных границ, понимание природы ритуала приобретает особую актуальность. Мы нуждаемся в механизмах, которые позволяли бы передавать культурный код и поддерживать чувство принадлежности к общности. Ритуал как живое символическое действие соединяет прошлое и будущее: в нем сохраняется память культуры так, что каждое новое поколение может заново пережить и присвоить эту память.

Список литературы:

- 1.Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 736 с.
- 2.Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. / М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.
- 3.Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. / М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с. — (Книга света)
- 4.Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем. — М.: Мысль, 1990. — 829 с.
- 5.Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. — М.: Академический Проект, 2008. — 695 с. — (Философские технологии).
- 6.Яблоков, И.Н. Социология религии: концепция Э. Дюркгейма. — URL: <https://www.km.ru/referats/4BB2A067AFC74AD6B9AE5C4C0742845C> (дата обращения: 22.02.2026).
- 7.Кассирер Э. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. — М., 1989. С. 3-30.

Покровская Валерия Владимировна

1 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Pokrovskaya Valeria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЖИВОПИСЬ КАК ФОРМА МОРАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ: ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Аннотация: В статье рассматривается этический аспект живописи нидерландского художника Винсент Ван Гога. Анализируются мотивы написания им художественных работ. Особое внимание уделяется внутреннему миру Ван Гога, из-за которого его живопись имеет неординарный характер. Выявляются особенности художественного языка Ван Гога, требуемые этическими константами творчества художника.

Ключевые слова: моральное служение, этическая установка, эмоциональная глубина, художественный язык, моральное послание.

PAINTING AS A FORM OF MORAL SERVICE: VINCENT VAN GOGH

Summary: The article examines the ethical aspect of the paintings by the Dutch artist Vincent Van Gogh. It analyzes the motives behind his artistic works. Special attention is given to Van Gogh's inner world, which contributes to the unique nature of his paintings. The features of Van Gogh's artistic language are revealed, which are required by the ethical constants of the artist's work.

Keywords: moral service, ethical attitude, emotional depth, artistic language, and moral message.

Винсент Ван Гог вошел в историю не просто как «безумный гений», а как художник, превративший живопись в акт глубочайшего этического служения. Его творчество — это не просто способ получения эстетического удовольствия, а попытка показать действительность через призму сострадания и экзистенциального опыта. Для него кисть была не просто инструментом для создания красоты, а средством для выражения истины, утешения страждущих и прославления божественного в обыденном.

Ван Гог считал, что художник несет ответственность перед обществом и должен служить ему через свое творчество. Он стремился показать красоту и свет даже в самых простых и обыденных вещах — полях пшеницы, звездах на ночном небе, крестьянских трудах. Его картины призывают к состраданию и пониманию, напоминают о ценности жизни и человеческой души.

Художник сознательно дистанцировался от салонной красоты, — его этическая установка строилась на отрицании принципа «искусство ради искусства». Для него живопись была формой коммуникации с народом,

способом «утешить обездоленных». Лозунгом стало изречение: «Искусство в полном смысле слова делается для тебя, народ» [1, с. 350]. В серии работ первой половины 1880-х годов (например, в «Едоках картофеля») он не просто изображал крестьян — он мыслил и чувствовал, как они.

Моральное служение Ван Гога проявлялось, прежде всего, в его глубоком сострадании к человечеству, особенно к тем, кто находился на обочине общества; в честном и искреннем взгляде на реальность, в попытке пробудить в людях сострадание и понимание. Он рисовал крестьян, рабочих, стариков, женщин, обремененных трудом, с невероятной нежностью и уважением; видел в них воплощение стойкости, трудолюбия и внутренней силы, которые часто ускользали от внимания более "изящных" художников. Этика Ван Гога заключалась в честности: писать руки, которые возделывали землю, теми же цветами, которыми обладает сама почва.

Винсент Ван Гог отмечал, что настоящий художник не повторяет вещи такими, какие они есть, а чувствует себя этими предметами и поэтому творит. В письмах своему брату Тео он писал: «Я рисую не для того, чтобы докучать людям, а напротив, делаю всё возможное, чтобы развлечь их или обратить их внимание на вещи, достойные быть замеченными, но известные далеко не каждому» [1, с. 112]. В его представлении художник не просто «фиксирует вид», он «проживает» объект. Ван Гог писал не для своего удовольствия, а для людей. Создавая свои полотна, живописец словно боролся с духовной пустотой, которая, как он чувствовал, охватила современное общество. Он стремился напомнить людям о важности связи с природой, о ценности простого бытия, о силе человеческих чувств. Его яркие, экспрессивные краски были призваны пробудить эмоции, вызвать глубокое внутреннее переживание, которое выходило за рамки эстетического наслаждения. Через картины он передавал свое состояние народу, доказывая, что живопись может быть необычной, яркой и красочной, а к тому же отражать внутренний настрой человека. Так же в письмах брату Ван Гог отмечает, что рисование — это такой же труд, как и любой другой. Он пишет: «Искусство требует упорной работы, работы, несмотря ни на что, и непрерывного наблюдения». Ведь чтобы нарисовать картину, нужно не только иметь визуальное представление работы, нужно прочувствовать ее настроение и атмосферу, а еще не менее важно умение не отказываться от тех или иных убеждений по требованию других людей.

Ван Гог верил, что искусство должно быть доступно всем, а не только элите. Он хотел, чтобы его картины говорили с простыми людьми, утешали их и давали им надежду. Он видел в искусстве способ преодоления одиночества и отчуждения, предлагая зрителю возможность соединиться с чем-то большим, чем он сам. «Нет, крестьян надо писать так, словно ты сам один из них, словно ты чувствуешь и мыслишь так же, как они: ведь нельзя же быть иным, чем ты есть». Винсент Ван Гог не ставил себя выше других, он жил среди народа и старался с помощью холста, кистей и красок передавать не только визуальную красоту, но и внутреннее состояние души. Верил, что творческий процесс может быть терапевтическим, помогая справиться с внутренними демонами и

найти гармонию. И эта вера распространялась на его зрителей. Он хотел, чтобы его картины служили своего рода духовным убежищем, местом, где можно найти утешение и обрести внутренний покой. Его яркие, пульсирующие цвета, его динамичные мазки — это не просто выражение его собственного внутреннего смятения, но и попытка передать зрителю ощущение жизненной силы, способной преодолеть любые трудности.

Важным аспектом морального служения Ван Гога через живопись является его стремление к искренности и правде, которые он воплощал в каждом движении кисти. В эпоху, когда многие художники ориентировались на внешнюю красоту и формальные каноны, Ван Гог шел своим путем, отдавая предпочтение внутреннему содержанию и эмоциональной глубине. Его работы не стремились к идеализации, напротив, они часто показывали мир в его несовершенстве и хрупкости, что делало их особенно трогательными и близкими зрителю.

Этика служения требовала нового художественного языка. Ван Гог старался создать такой художественный язык, который был бы в силах передать необычную интенсивность переживания действительности самим живописцем. Для этого он трансформировал художественную технику, сделав акцент на четырех приемах:

1. Упрощение рисунка и обобщение форм — часто упрощал форму предметов, желая сильнее выразить сущность объекта.

2. Произвольное использование цвета — художник понимал, что каждый цвет несёт в себе определённую эмоцию и энергию, и умело этим пользовался. По его мнению, краски живописца не обязательно должны совпадать с красками природы — для него важнее передать своё настроение и суть объекта, а не точность увиденного. Желтый цвет художник ассоциировал со счастьем, красный напротив с тревогой.

3. Чёткость линий и контуров — Ван Гог любил усиливать и подчёркивать контуры объектов, так как линии для него имели свою силу и помогали лучше выразить чувства.

4. Широкий динамичный мазок — хотя Ван Гог писал свои картины очень быстро, каждый его мазок осмыслен и всегда находится на нужном месте.

Присмотревшись к его работам, можно заметить все вышеперечисленное. Художник старался «проживать» каждую из своих картин. Он не просто рисовал на холсте действительность, которую видит, он изображал чувства и эмоции, который ощущает в момент работы.

«С двенадцати лет он знал только одну живопись — тёмную и мрачноватую, где мазок был незаметен, где все детали на холсте были выписаны правильно и законченно, где ровные тонкие слои красок постепенно переходили один в другой. Та живопись, что теперь весело смеялась над ним со стены, не имела ничего общего с картинами, виденными им до сих пор. Исчезли ровные и тонкие красочные слои. Исчезла сентиментальность и невозмутимая

степенность. Исчезла коричневая подливка, в которой плавала живопись Европы не одно столетие. Здесь были картины, напоенные буйным, неистовым солнцем. Здесь всюду трепетал и пульсировал свет и воздух» [3], - писал Ирвинг Стоун в работе «Жажда жизни».

Техника исполнения работ Ван Гога цепляет взгляд, хочется рассматривать каждый мазок, который тянется один за другим как непрерывная цепь времени. Уже неоднократно мы говорили, что художник рисует «состояние души». «Смысл картин Ван Гога – в акценте на внутреннем мире. Эмоциональное состояние художник передавал при помощи динамичных мазков и насыщенных контрастных цветов» [2], – пишет искусствовед Наталья Леванова.

Ван Гог передает настроение и чувства через цвет, наполненность картин. Получается своеобразный диалог поколений, рассматривая его картины люди общаются через эмоции с прошлым. Они проживают настроение, которое испытывал художник во время работы. Но важно отметить, что чувственные восприятия людей работают по-разному, поэтому те или иные работы Ван Гога могут вызывать смешанные чувства, а иногда и вовсе отличаться у разных зрителей.

Таким образом, живопись Винсента Ван Гога — это не просто визуальное отражение реальности, а мощное моральное послание, призывающее к пониманию, любви и внутреннему преображению. Можно сказать, что Ван Гог зацепил зрителей не идеально выточенными и выписанными картинами, он затронул состояние души каждого человека. Через легкость, насыщенность цвета, «воздух» и эмоцию он создавал каждую из своих работ. Загадочность техники исполнения и то, как он пришел к этим удивительным мазкам, не оставляет равнодушным ни одного зрителя. Его творчество напоминает нам о том, что искусство способно не только украшать жизнь, но и служить высшим целям — исцелению души и пробуждению человечности в каждом из нас.

Список литературы:

1. Ван Гог, В. Письма к брату Тео. — СПб.: Азбука, 2019. — 832 с.
2. Леванова, Н. Смысл картин Ван Гога: объясняем за десять минут. — URL: <https://dobro.press/lifestyle/smysl-kartin-van-goga-obyasnyаем-za-desyat-minut> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Стоун, И. Жажда жизни: Повесть о Винсенте Ван Гогге. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 511 с.

Полуяхтова Татьяна Павловна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Poluyakhtova Tatyana

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу процессов импортозамещения в российской культуре в условиях геополитических изменений 2020-х годов. В работе рассматриваются три ключевых направления: материально-технологическое, контентное и ценностно-мировоззренческое. Особое внимание уделяется проблемам: зависимости от западных технологий, дефициту профильных кадров и необходимости восстановления утраченных творческих школ. Импортозамещение в культуре состоялось как необратимый процесс, в рамках которого культура не только адаптировалась к внешним ограничениям, но и стала основой для формирования новой национальной идентичности и суверенитета.

Ключевые слова: импортозамещение, культура, традиционные ценности, культурный код, государственная культурная политика.

CULTURE IN THE ERA OF IMPORT SUBSTITUTION

Summary: This article is devoted to the analysis of import substitution processes in Russian culture in the context of geopolitical changes in the 2020s. The work examines three key areas: material and technological, content, and value and worldview. Special attention is paid to the problems: dependence on Western technologies, the shortage of specialized personnel, and the need to restore lost creative schools. Import substitution in culture took place as an irreversible process, in which culture not only adapted to external restrictions, but also became the basis for the formation of a new national identity and sovereignty.

Keywords: import substitution, culture, traditional values, cultural code, state cultural policy.

Импортозамещение, возникшее как реакция на геополитические события последних лет, привычно трактовать в экономическом или технологическом ключе — как процесс замены зарубежных товаров, техники и программного обеспечения на продукцию отечественного производства. Об этом, выступая на Конгрессе «Инновационная практика: наука плюс бизнес», заявила первый заместитель генерального директора «Иннопрактики» Наталья Попова. По ее словам, при исчезновении привычных правил, обусловленных устоявшимися нормами и традициями, общество неизбежно вынуждено обращаться к культурному уровню, поскольку в эпоху перемен единственным регулятором поступков становятся именно ценности, сформированные культурной средой [1].

В эру импортозамещения культура претерпевает сложную метаморфозу, реализуя двойственную функцию. С одной стороны, она выступает объектом замещения (иностранный контент, реставрационные технологии и материалы уступают место отечественным), с другой — служит базисом, обеспечивающим технологический суверенитет и формирование обновленной национальной идентичности. Руководитель ВЭБ. РФ Игорь Шувалов в ходе Санкт-Петербургского форума объединенных культур акцентировал: технологическое первенство недостижимо без объединяющего начала, в роли которого выступают патриотизм и привязанность к Родине. Именно консолидация вокруг культурного кода, согласно его позиции, формирует фундаментальную основу государства [2].

Настоящее исследование нацелено на всестороннее рассмотрение импортозамещения в отечественной культурной среде. В поле зрения попадают как материальный аспект (восстановление памятников, производственный сектор), так и содержательный (киноиндустрия, мода, креативные кластеры), а также ценностный (кристаллизация культурного кода, защита идентичности).

Реставрационная деятельность является, вероятно, наиболее показательной иллюстрацией успешного импортозамещения. В ноябре 2023 года Москва принимала выставку «ПРОреставрацию. Импортозамещение в реставрационных материалах и технологиях», посетителями которой стали свыше 15 тыс. человек. Экспозиция представила более 100 инновационных российских разработок, направленных на сохранение объектов культурного наследия. Порядка 1000 профессионалов из РФ, Китая, Турции, Ирана, Мали, Беларуси и иных государств подтвердили международный интерес к российским технологиям [3].

Руководитель столичного Департамента культурного наследия Алексей Емельянов отметил трансформацию подходов. Если изначально мероприятие задумывалось как демонстрация импортозамещающих решений в материалах и технологиях для реставрации, то сейчас оно охватывает значительно более обширный спектр проблематики, связанной с сохранением наследия [3].

Состоявшаяся выставка убедительно подтвердила устойчивость сектора. Заммэра Москвы Наталья Сергунина констатировала: восстановление архитектурных памятников столицы сегодня осуществляется сугубо с применением российских материалов, а санкционное давление не оказало на эту сферу негативного воздействия. Страна располагает достаточными технологическими, ресурсными и производственными возможностями для автономной деятельности специалистов по охране наследия. Отдельно стоит отметить кадровое направление: в рамках мероприятия прошли VI соревнования молодых реставраторов, объединившие 53 студента из 11 российских городов [1].

Кинематографическая сфера оказалась в эпицентре наиболее ощутимых трансформаций. Прекращение деятельности на российском рынке целого ряда зарубежных кинокомпаний, которые до 2022 года контролировали около 80% прокатного пространства, поставило отечественных кинематографистов перед

необходимостью отвечать на серьезный вызов, одновременно открыв перед ними уникальные перспективы [4].

Статистика посещаемости наглядно отражает произошедшие изменения. Если провальный 2022 год принес кинотеатрам лишь 83 млн зрителей при том, что годом ранее этот показатель составлял 146 млн, то по итогам 2024-го аудитория выросла практически до 125 млн человек. Суммарные кассовые поступления демонстрируют двукратный рост — с 24 до 45 млрд рублей. Фильмы, ориентированные на массового зрителя и получающие, как правило, поддержку государственного Фонда кино, последовательно окупаются в прокате и приносят создателям существенный доход. Январь 2026 года ознаменовался для кинотеатров рекордной посещаемостью, чему способствовал премьерный показ целой серии семейных лент — в их числе «Буратино», «Чебурашка-2», «Простоквашино», а также несколько фантастических проектов [5].

Однако достигнутые количественные показатели порождают активные дискуссии относительно качественного уровня выпускаемой продукции. Представители критического сообщества акцентируют внимание на шаблонности сюжетных линий, чрезмерном увлечении ремейками и не всегда удачном переосмыслении классических кинопроизведений прошлых лет. Журналист Семён Борзенков своих публикациях отмечает, что подавляющее большинство картин рассчитано на разовое восприятие и спустя непродолжительное время полностью исчезает из памяти зрителей. Такое положение дел, по его мнению, вполне закономерно: великие традиции советского кинематографа остались в прошлом, а за длительный период безраздельного господства голливудской продукции российским создателям удавалось отвоевывать лишь незначительную часть проката, что привело к утрате профессиональной школы.

Невзирая на обозначенные проблемы, многомиллиардные сборы обеспечивают кинематографу инвестиционную привлекательность. В непрерывном потоке производства телесериалов и разнообразных шоу, способствующем оттачиванию профессиональных навыков и формированию авторского почерка, неизбежно появятся мастера, способные создавать картины подлинно высокого художественного уровня.

Одновременно с этим в сегодняшних реалиях перед Россией весьма остро обозначилась проблема технологической зависимости. Все достижения в области содержательного наполнения не отменяют серьезного вызова в виде привязанности к западным технологическим решениям. Генеральный директор Института развития интернета Алексей Гореславский привлек внимание к активному применению зарубежных нейросетей в процессе создания контента. По его убеждению, до тех пор, пока не будут разработаны собственные инструменты, не произойдет обучение отечественных нейросетей на материале мультипликации 70-80-х годов и творчестве художника Билибина, невозможно получить контент, отвечающий нашим потребностям, и промедление в этом вопросе способно привести к критическим последствиям [6].

Модная индустрия стала той областью, где задачи импортозамещения теснейшим образом переплелись с процессами обретения национальной самоидентификации. В ноябре 2025 года культурная столица принимала IV международный форум «Содружество моды», собравший представителей государств СНГ, а также Бахрейна, Катар и Омана. Принятая по итогам резолюция закрепила ряд существенных достижений: утверждение модельного закона СНГ, посвященного креативным индустриям, завершение работы над Концепцией развития сотрудничества в легкой промышленности, призванной стать фундаментом для совместного продвижения национальных брендов на внешние рынки.

Участниками форума были одобрены единые методические рекомендации, касающиеся сохранения и популяризации национальных образов. Туристическая сфера рассматривается в качестве инструмента постижения культурного наследия и традиционных укладов. В образовательном сегменте предполагается формирование целостной системы, объединяющей профориентацию, обучение, наставничество и последующее трудоустройство, а также открытие дополнительных бюджетных мест в профильных высших и средних специальных учебных заведениях [7].

Финансовый эксперт Сурен Заринян высказывает предположение, что к 2026 году доля российских марок в сегментах одежды и косметики возрастет с 45 до 70 процентов. Статистические данные подтверждают наличие патриотических предпочтений: свыше 40 процентов россиян осознанно отдают предпочтение продукции местных производителей. Отечественные бренды, по словам аналитика, ориентируются не только на качественные характеристики, но и на национальную идентичность, выстраивая эмоциональное взаимодействие с покупателем. В качестве иллюстрации приводится известный часовой бренд «Ракета», которому удалось сохранить производственные традиции советской эпохи и вывести продукцию на премиальный уровень [8].

Наиболее глубинное осмысление проблематики импортозамещения соединяет культурную сферу с технологическим развитием и обеспечением национальной безопасности. В своем выступлении на форуме «Объединенных культур» Игорь Шувалов акцентировал, что достижение технологического лидерства невозможно в отсутствие объединяющего общества культурного кода. Им была подчеркнута важность передачи этого кода будущим поколениям посредством образовательных программ, в том числе таких инициатив, как «Просвещение» и «Сириус».

Особый акцент Шувалов сделал на вопросах соотношения технологий и нравственности, задавшись вопросом о том, каким образом посредством искусственного интеллекта возможно продвижение и воспитание высоких моральных принципов. По его убеждению, даже продукция массовых жанров должна способствовать формированию уважительного отношения к семье и социуму. При этом констатируется, что существующее правовое регулирование в области современных технологий и искусственного интеллекта пока не в полной мере отвечает общественным запросам [2].

Профессор МГИМО Андрей Безруков, участвовавший в Конгрессе «Инновационная практика», обратил внимание на необходимость формирования долгосрочной стратегической культуры и четкого целеполагания. Согласно его оценкам, для обеспечения роста российской экономики необходима потребительская база порядка миллиарда человек, что предполагает освоение глобальных рынков с предложением собственных продуктов, несущих культурную обусловленность [6].

Решающим фактором реализации культурной политики продолжают оставаться кадровые ресурсы. Министр культуры РФ Ольга Любимова представила данные о финансировании программы «Земский работник культуры»: в 2025 году объем выделенных средств составил 1,1 млрд рублей, а на 2026 и 2027 годы запланировано ежегодное выделение по 2,5 млрд рублей. Данная программа ориентирована на привлечение специалистов культурной сферы в небольшие города и сельские поселения, где фиксируется существенная нехватка квалифицированных работников. Министр особо отметила, что проведение ремонтных работ и модернизация учреждений недостаточны — первостепенное значение имеет наполнение этих значимых для страны культурных центров профессиональными кадрами, способными привнести творческую энергию в обновленные пространства [8].

В эпоху импортозамещения культура вовлечена в сложный многоуровневый процесс преобразований, существенно выходящий за границы простого замещения импортной продукции отечественными аналогами. Проведенный анализ свидетельствует о том, что импортозамещение в культурном пространстве продвигается по нескольким основополагающим направлениям.

Материально-технологическое направление характеризуется впечатляющими результатами: реставрационная сфера в полном объеме обеспечена российскими материалами и технологиями, что подтверждается проведением масштабных выставочных мероприятий и активным профессиональным обменом с участием тысяч специалистов. Это создает надежную основу для сохранения культурного достояния в условиях внешних ограничений.

Контентное направление наиболее ярко проявило себя в кинематографе, где российские фильмы сумели заполнить освободившуюся нишу и достигли коммерческой состоятельности. Увеличение кассовых сборов до 45 млрд рублей и рост зрительской аудитории до 125 млн человек служат подтверждением того, что отечественный кинематограф сформировался как полноценная индустрия. В модной индустрии происходит становление новых национальных брендов, делающих ставку на культурную идентичность и установление эмоциональной связи с потребителем.

Ценностно-мировоззренческое направление приобретает, по всей видимости, ключевое значение. Среди экспертов существует консенсус относительно того, что технологическое первенство невозможно без опоры на культурный код и традиционные ценности. Культура предстает не просто

одной из отраслей, подлежащих импортозамещению, а фундаментальной основой, на которой выстраивается суверенитет государства [2].

При этом сохраняется ряд серьезных вызовов. Зависимость от западных технологий, особенно в части использования искусственного интеллекта для создания контента, требует оперативных решений. Качественные характеристики многих культурных продуктов продолжают оставаться предметом полемики, а восстановление утраченных за десятилетия доминирования Голливуда профессиональных школ и традиций потребует значительного времени.

Тем не менее импортозамещение в культурной сфере состоялось как необратимый процесс. Российская культура не только сумела выстоять в условиях внешнего давления, но и обрела уникальную возможность для самоопределения и дальнейшего развития на собственной ценностной основе. Объединение россиян вокруг культурного кода и его передача последующим поколениям становится насущной задачей. Именно эта миссия — сохранение, развитие и трансляция культурной идентичности — обретает статус главного смысла импортозамещения, выходящего далеко за пределы сугубо экономической целесообразности.

Список литературы:

1. Российская газета. Достичь технологического суверенитета поможет культура. 2 декабря 2025. - URL: <https://rg.ru/2025/12/02/sila-duha.html> (Дата обращения: 25.02.2026)
2. Шувалов. ИА REGNUM: технологическое лидерство невозможно без единого культурного кода. 12 сентября 2025. - URL: <https://regnum.ru/news/3987937> (Дата обращения: 26.02.2026)
3. Информационный Центр Правительства Москвы. Сергунина: 6 тыс. человек посетили выставку «Импортозамещение в реставрационных материалах и технологиях». 21 февраля 2026. - URL: <https://icmos.ru/news/sergunina-6-tys-celovek-posetili-vystavku-importozameshhenie-v-restavracionnyx-materialax-i-tehnologiyax> (Дата обращения: 25.02.2026)
4. Аргументы и Факты. 28 июня 2025. - URL: <https://aif.ru/money/market/perevorot-nazvany-tovary-kotorye-rossiyane-massovo-skupyat-v-2026-godu??source=subhealth> (Дата обращения: 27.02.2026)
5. Битва с Голливудом. ИА REGNUM. 31 октября 2025. - URL: <https://cdn.regnum.ru/opinion/3997997> (Дата обращения: 28.02.2026)
6. RIA Moda. Итоговая резолюция IV международного форума «Содружество моды» опубликована на сайте мероприятия. 16 февраля 2026. - URL: <https://riamoda.ru/news/65439.html> (Дата обращения: 28.02.2026)
7. Радио «Комсомольская правда». Импортозамещение в киноиндустрии или что предлагает зрителям российский прокат. 20 января 2026. - URL: <https://radiokp.ru/samara/podcast/dialogi-samara/776121> (Дата обращения: 25.02.2026)

- 8.Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Меры поддержки и импортозамещения (программа «Земский работник культуры»). 2024-2025. - URL: https://erdc.ru/import-substitution/t.me/favt_ru/3330%20https://favt.gov.ru/novosti-novosti/?id=14434&PAGEN_1=4 (Дата обращения: 25.02.2026)
- 9.Информационный Центр Правительства Москвы. Более 15 тыс. человек посетили выставку «ПРОреставрацию» в Москве. 15 января 2026. - URL: <https://icmos.ru/news/bole-15-tys-celovek-posetili-vystavku-prorestavraciyu-v-moskve> (Дата обращения: 28.02.2026)

Похилько Роман Антонович

1 АД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Roman Pokhilko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МОЛОДИНСКАЯ БИТВА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: Рассматриваются ключевые аспекты одного из важнейших военных столкновений XVI века – Молодинской битвы, также известной как битва при Молодях 1572 года. Анализируются политический и военный контексты, приведшие к столкновению между Русским царством под руководством князей Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина и войском Крымского ханства под началом Девлет-Гирея. Особое внимание уделяется ходу сражения, тактике сторон, роли инновационных укреплений и решающим моментам, которые привели к значительной победе русских войск. Обсуждаются последствия битвы для отношений между Московским государством и Крымским ханством, её влияние на дальнейшее укрепление независимости России и отражение события в исторической науке.

Ключевые слова: битва при Молодях, Иван Грозный, Девлет-Гирей, Михаил Воротынский, Дмитрий Хворостинин, Крымское ханство, русско-крымские отношения, XIV век.

THE BATTLE OF MOLODIN AND ITS HISTORICAL SIGNIFICANCE

Summary: This article explores key aspects of one of the most significant military engagements of the 16th century – the Battle of Molodi (1572). The analysis focuses on the political and military contexts leading to the clash between the Tsardom of Russia, led by Princes Mikhail Vorotynsky and Dmitry Khvorostinin, and the Crimean Khanate under Devlet I Giray. Special attention is given to the course of the battle, the strategies and tactics of both sides, the use of innovative fortifications, and decisive moments that led to a major Russian victory. The article also discusses the consequences of the battle for Russo-Crimean relations and its impact on the consolidation of Russian independence, as well as its representation in historical research.

Keywords: battle of Molodi, Ivan the Terrible, Devlet I Giray, Mikhail Vorotynsky, Dmitry Khvorostinin, Crimean Khanate, Russian-Crimean relations, 16th century.

Молодинская битва – одна из ключевых страниц русской военной истории XVI века, хотя в массовом сознании она долгое время оставалась в тени других более известных событий. Это сражение произошло во второй половине лета 1572 года неподалёку от села Молодь, где войска Московского

царства под командованием князя Михаила Воротынского и воеводы Дмитрия Хворостинина сумели остановить крупное вторжение крымско-турецкой армии Девлет-Гирея. Это столкновение стало переломным моментом, который предотвратил возможное повторение набега 1571 года, в результате которого Москва была разорена и сожжена.

Предпосылки битвы уходят во времена, когда Русское государство находилось в тяжёлом политическом положении. Шла Ливонская война, силы были распылены, экономика истощена, а внутренние политические процессы осложнялись опричниной. Крымское ханство пользовалось поддержкой Османской империи и рассматривало северные земли как место для выгодных набегов. В 1571 году Девлет-Гирей стремительно прорвался к Москве, избежав серьёзных сражений на своем пути, и сжёг город, что стало серьёзным ударом по государству. Именно страх повтора подобной катастрофы заставил Москву готовиться более тщательно, собирая войска и укрепляя стратегически важные направления.

В 1572 году крымский хан вновь направил войско на Русь. Его силы, по разным историческим оценкам, составляли от 40 до 120 тысяч человек (включая конницу, опытных воинов и турецких янычар). Русское войско, значительно уступавшее по численности, было организовано иначе: помимо дворянской конницы применялись стрелецкие полки, а также использовалась новая тактика полевого укрепления «гуляй-город». Это подвижное укрепление из возов, соединённых щитами и досками, позволяло создавать защитные линии прямо на поле боя.

Бои у Молодей продолжались несколько дней. Русские войска искусно маневрировали, заманивая часть крымской орды в неудобные позиции. Дмитрий Хворостинин с лёгкой конницей нанёс удар с тыла, нарушив строй противника. Хан Девлет-Гирей рассчитывал на стремительный прорыв, как годом ранее, однако столкнулся с хорошо подготовленной обороной. Наиболее ожесточённые столкновения развернулись у стен гуляй-города, где русские стрельцы выдержали натиск, а артиллерия нанесла серьёзный урон врагу.

Считается, что перелом в битве наступил, когда русские войска перешли в контратаку, используя преимущество в позициях и знание местности. Войско хана оказалось рассеяно, многие его полководцы погибли, а сам Девлет-Гирей был вынужден бежать. Потери крымско-турецких сил оцениваются историками в десятки тысяч человек, при этом русское войско, несмотря на тяжёлые бои, сохранило боеспособность и, что существенно, отбросило угрозу повторного разорения столицы.

Значение Молодинской битвы трудно переоценить. Она остановила экспансию Крымского ханства и показала эффективность новой военной тактики. Победа укрепила позиции Московского государства, позволила ему сосредоточиться на Ливонской войне и стала важным этапом в развитии военного искусства. Возросло значение стрелецких порядков, передвижных укреплений и комбинированных тактических решений, основанных на взаимодействии различных родов войск.

Спустя столетия интерес к этому событию постепенно возвращается. Историки спорят о точной численности войск и деталях сражения, однако в одном они сходятся – исход Молодинской битвы изменил ход истории. Победа в ней не только спасла Москву, но и показала способность государства к мобилизации ресурсов в тяжёлые времена. Она стала символом стойкости и стратегической гибкости, которую проявило Русское царство в один из самых драматичных периодов XVI века.

Хотя источники XVI века не всегда дают точные цифры, летописи упоминают, что в поход 1572 года Девлет-Гирей выступил, рассчитывая повторить успех прошлого года. В Никоновской летописи описывается, что к хану присоединились отборные нукеры и опытные полководцы, среди которых упоминаются князья Гирей. Однако, как отмечает историк С.М. Соловьёв, даже при кажущемся превосходстве крымские силы были уязвимы из-за растянутых коммуникаций и самоуверенности после успеха 1571 года.

Известно также, что Османская империя отправила на помощь хану несколько тысяч янычар, вооружённых пищалями, что свидетельствует о серьёзном намерении закрепить влияние на южных границах Руси.

Русское войско под командованием Михаила Воротынского, по данным РГАДА, включало несколько сот стрельцов, служилых людей «по прибору» и дворянские полки, собранные из центральных уездов. Архивные записи упоминают, что особое внимание уделялось снабжению: заготавливали порох, ядра, продовольствие, лошадей. О гуляй-городе историк Р.Г. Скрынников пишет, что его конструкция позволяла менять конфигурацию укрепления в зависимости от хода боя, создавая коридоры для манёвра кавалерии. Летописцы отмечают, что именно стрельцы выдержали первый мощный удар татарской конницы, не допустив прорыва.

Сражение у реки Пахры развернулось особенно ожесточённо. Записи из разрядных книг свидетельствуют, что Хворостинин, действуя почти самостоятельно, увёл часть вражеской конницы в сторону, вынудив её преследовать, тем самым ослабив основной удар орды по гуляй-городу. Воротынский же организовал контратаку, когда крымцы были втянуты в тесное пространство между возами. В этот момент русская артиллерия нанесла серьёзный урон. Интересно, что современник событий, писец Разрядного приказа, вспоминал о «трубе и пищалях, что били день и ночь», показывая интенсивность столкновений.

После поражения Девлет-Гирей был вынужден бежать, потеряв значительную часть войска. Летописи утверждают, что многие знатные мурзы погибли, а среди пленных оказались представители степной знати. Некоторые исследователи считают, что победа под Молодьми не только спасла Москву от повторного разорения, но и изменила стратегию отношений Московского государства с Крымом. Победа позволила Ивану Грозному продолжить участие в Ливонской войне и укрепила авторитет центральной власти. Историк В.О. Ключевский отмечал, что Молодинская битва стала примером «редкой стойкости русского войска и искусства полководцев того времени».

Память о сражении долгое время оставалась фрагментарной. В документах XVII века встречаются лишь отдельные упоминания, а широкое изучение битвы началось лишь в XIX столетии. Археологические раскопки в районе предполагаемого поля боя выявили остатки стрел, боевых наконечников, фрагменты обмундирования. Эти находки подтверждают летописные данные о масштабности столкновения. В наше время интерес к Молодинской битве растёт: проводятся исторические реконструкции, появляются художественные произведения и документальные фильмы.

Таким образом, Молодинская битва – это важный этап в военной истории России, пример стойкости и искусного применения стратегического мастерства. Эта битва стала символом способности государства защищать свои земли и интересы в условиях испытаний, а также продемонстрировала возможности русской армии в использовании новых тактических решений. Благодаря архивным документам, летописным свидетельствам и исследованиям историков мы можем сегодня восстановить картину тех событий и осознать её значение для судьбы страны.

Список литературы:

1. Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 263 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции XXX–LIX: От эпохи Ивана Грозного до Петра Великого. – М.: Академический проект, 2015. – 525 с.
3. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1975. – 247 с.
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Том 5. – М.: Амфора, 2003. – 447 с.
5. Толстой А.К. Русское военное дело в XVI веке. – М., 2010.
6. Труды Российского исторического общества. «1572 год – Битва при Молодях». – URL: <https://historia.russia.org/sobytiya/450-let-nazad-29-iyulya-1572-goda-nachalas-bitva-pri-molodyakh.html> (дата обращения 05.01.2026).

Прищенко Карина Сергеевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Prishchenko Karina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ПРОТИВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННОМ КИНО И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения исторической достоверности и художественного вымысла в реконструкции исторического костюма в современном кино и исторической живописи. Рассматривается костюм как важнейший элемент визуального кода эпохи, формирующий представления зрителя о прошлом. Анализируются причины отступлений от исторической точности, обусловленные эстетическими, драматургическими и идеологическими задачами художественного произведения. Особое внимание уделяется роли художника по костюму и живописца в формировании исторического мифа и коллективной памяти. Показано, что визуальная репрезентация костюма влияет на массовое историческое сознание не менее существенно, чем письменные источники. Делается вывод о необходимости поиска баланса между научной реконструкцией и художественной выразительностью.

Ключевые слова: исторический костюм, историческая достоверность, художественный вымысел, реконструкция, кино, историческая живопись, визуальная культура.

HISTORICAL ACCURACY VERSUS ARTISTIC FICTION: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTING HISTORICAL COSTUME IN CONTEMPORARY CINEMA AND HISTORICAL PAINTING

Summary: The article examines the issue of historical accuracy versus artistic imagination in the reconstruction of historical costume in contemporary cinema and historical painting. Costume is analyzed as a crucial visual code of an era shaping the viewer's perception of the past. The study explores the reasons for deviations from authenticity caused by aesthetic, dramaturgical, and ideological tasks of artistic production. Particular attention is paid to the role of costume designers and painters in constructing historical myth and collective memory. It is argued that visual representations of costume significantly influence public historical consciousness. The article concludes that a balance between scholarly reconstruction and artistic expressiveness is essential.

Keywords: historical costume, historical accuracy, artistic imagination, reconstruction, cinema, historical painting, visual culture.

Исторический костюм как объект художественной реконструкции представляет собой сложный феномен, находящийся на пересечении истории, искусствоведения, культурологии и театрально-кинематографической практики. Костюм является не просто материальной оболочкой человека определённой эпохи, но носителем социальных, символических и идеологических значений, отражающих структуру общества, гендерные роли, экономические условия и эстетические предпочтения времени [1, с. 15]. В этом смысле его воспроизведение в искусстве неизбежно выходит за рамки утилитарной задачи копирования и становится интерпретацией прошлого. Напряжение между реконструкцией и авторской трактовкой возникает в тот момент, когда визуальный образ начинает конкурировать с научным знанием, формируя у зрителя устойчивое представление об эпохе, зачастую более влиятельное, чем академические исследования.

Историческая живопись XIX века стала одним из первых пространств, где проблема реконструкции костюма приобрела особую остроту. Художники стремились к созданию убедительной иллюзии прошлого, однако их источниковая база была ограниченной и фрагментарной. Даже при обращении к археологическим находкам и письменным описаниям они неизбежно дополняли пробелы собственной фантазией или следовали эстетическим канонам своего времени [2, с. 47]. В результате формировался образ прошлого, соответствующий идеалам современности, а не реальной исторической действительности. Костюм в таких произведениях нередко отражал стилистические тенденции эпохи самого художника, что особенно заметно в трактовке античных или средневековых сюжетов.

Проблема соотношения исторической достоверности и художественного вымысла особенно наглядна при обращении к конкретным произведениям кино и живописи, где реконструкция костюма становится самостоятельным выразительным средством и при этом источником дискуссий. Уже в исторической живописи XIX века можно наблюдать характерное сочетание стремления к аутентичности и неизбежной стилизации. Так, в картине Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» костюм царя Ивана IV и боярское облачение выписаны с вниманием к источникам, включая музейные образцы древнерусского шитья и вооружения, однако цветовая насыщенность тканей и драматическая контрастность образов подчинены психологической задаче картины, усиливая трагизм сцены. Аналогично в полотне Василия Сурикова «Боярыня Морозова» костюмы старообрядцев демонстрируют интерес к этнографической точности, но композиционная организация фигур и подчеркнутая декоративность черных одежд служат созданию монументального образа духовного сопротивления, а не исключительно документальной фиксации XVII века.

В XX веке, с развитием кинематографа, вопрос исторической достоверности костюма приобрёл новое измерение. Кино, обладая высокой

степенью визуальной убедительности, стало мощным инструментом формирования исторического воображения. В отличие от живописи, кинематограф предполагает динамику, движение ткани, взаимодействие костюма с телом актёра и пространством кадра.

Это требует не только визуальной, но и функциональной адаптации исторических форм к современным условиям съёмочного процесса [3, с. 102]. Тяжёлые материалы заменяются более лёгкими, сложные конструкции упрощаются, а цветовые решения корректируются в соответствии с требованиями операторской работы. Таким образом, историческая точность неизбежно уступает место технологической и художественной целесообразности.

В фильме «Иван Грозный» режиссёра Сергея Эйзенштейна костюмы, созданные в сотрудничестве с художниками по костюму и историками, отличаются стилизованной монументальностью. Они опираются на древнерусскую иконографию и музейные источники, однако их гипертрофированные силуэты и декоративные элементы подчинены экспрессионистской эстетике фильма и символическому осмыслению власти. В данном случае историческая достоверность уступает место созданию визуальной метафоры самодержавия.

Противоположный пример демонстрирует фильм «Барри Линдон» режиссёра Стэнли Кубрика. Художники по костюму стремились к максимальной точности в воспроизведении европейского костюма XVIII века, опираясь на живописные источники и музейные коллекции. Натуральные ткани, аутентичный крой и цветовые решения создают ощущение «ожившей живописи» эпохи. Однако даже здесь абсолютная реконструкция невозможна: освещение, пластика ткани и требования кинопроизводства вносят неизбежные коррективы.

Интересный пример компромисса между точностью и художественным решением демонстрирует фильм «Гладиатор» режиссёра Ридли Скотта. Несмотря на использование консультаций историков и археологов, костюмы римских легионеров и гладиаторов были частично адаптированы для зрелищности и узнаваемости. Некоторые элементы доспехов объединяют детали разных исторических периодов Римской империи, что создаёт обобщённый образ «античности», понятный массовому зрителю, но не строго соответствующий конкретной дате.

Таким образом, анализ конкретных произведений показывает, что реконструкция исторического костюма в кино и живописи всегда находится между полюсами научной точности и художественной выразительности. Даже при наличии обширной источниковой базы автор неизбежно интерпретирует материал, подчиняя его композиционным, драматургическим или идеологическим задачам.

Особое значение имеет вопрос аутентичности материалов и кроя. Научная реконструкция костюма основывается на анализе подлинных образцов, иконографических источников и текстильных исследований [4, с. 89].

Однако в кино и живописи точное воспроизведение технологии зачастую невозможно или экономически нецелесообразно. Более того, даже при наличии достоверной информации художник может сознательно отступить от неё ради создания более выразительного образа персонажа. Так, усиление контраста цвета или добавление декоративных элементов помогает подчеркнуть социальный статус или характер героя, хотя подобные детали могли отсутствовать в реальности.

Художественный вымысел в реконструкции костюма выполняет важную коммуникативную функцию. Он делает образ прошлого понятным и эмоционально доступным современному зрителю. Если следовать исключительно научной точности, существует риск создания визуально «невывразительного» пространства, не отвечающего ожиданиям аудитории [5, с. 134]. С другой стороны, чрезмерная стилизация приводит к формированию исторических стереотипов, которые закрепляются в массовом сознании и подменяют собой реальное знание. Таким образом, художник оказывается в ситуации постоянного выбора между научной корректностью и художественной убедительностью.

Проблема усугубляется тем, что исторический костюм часто используется как средство идеологической репрезентации. В разные периоды истории обращение к определённым эпохам сопровождалось их переосмыслением в соответствии с актуальными политическими задачами [6, с. 58]. В таких случаях костюм становится инструментом создания героического или романтизированного образа прошлого. Например, утрированная пышность дворцовых нарядов или подчеркнутая простота народного костюма могут служить визуальным выражением определённой концепции истории. Подобная практика характерна как для живописи, так и для кино, где художественный образ часто подчинён идеологической установке.

Одним из ярких примеров идеологического использования исторического костюма является живопись эпохи академизма XIX века. В картине «Последний день Помпеи» художника Карла Брюллова античные одежды персонажей не просто реконструируют эпоху, но и формируют героизированный образ древнего мира, соответствующий романтическим представлениям времени о величии античной цивилизации.

В исторической живописи России обращение к допетровской Руси также сопровождалось идеологическим переосмыслением. В произведении Виктора Васнецова «Богатыри» костюмы персонажей подчеркнута декоративны и монументальны. Они создают образ героического национального прошлого, отвечающий идеям формирования национальной идентичности конца XIX века.

Пример романтизации дворцовой культуры можно увидеть в фильме «Елизавета» режиссёра Шекхара Капура, где пышность костюмов английского двора эпохи Тюдоров служит созданию величественного и драматизированного образа монархической власти.

Современные тенденции в историческом кино демонстрируют стремление к большей достоверности, обусловленное развитием исторической

науки и доступностью архивных материалов. Художники по костюму всё чаще сотрудничают с историками, этнографами и реставраторами, что позволяет приблизиться к научной реконструкции [4, с. 112]. Тем не менее даже при таком подходе сохраняется элемент интерпретации. Выбор конкретного варианта костюма из нескольких возможных, адаптация цветовой палитры к драматургии фильма, подчёркивание индивидуальности персонажа – всё это формирует особую художественную реальность, отличную от исторической.

Показательным примером стремления к исторической достоверности является фильм «Ведьма» режиссёра Роберта Эггерса. При работе над картиной художники по костюму изучали пуританские источники XVII века, музейные коллекции и подлинные описания одежды переселенцев Новой Англии. Ткани, крой и цветовая гамма максимально приближены к историческим реалиям. Однако приглушённая палитра и строгость силуэтов одновременно усиливают атмосферу изоляции и религиозного фанатизма, что подчёркивает драматургию фильма.

В российском кинематографе примером научной реконструкции может служить фильм «Союз спасения», посвящённый эпохе декабристов. Создатели обращались к музейным фондам и архивным документам, чтобы точно воспроизвести мундиры, знаки отличия и придворные костюмы начала XIX века. Тем не менее, даже здесь цвет и фактура тканей адаптированы к операторской работе и общей визуальной концепции картины.

Интересен и опыт сериала «Чернобыль», где костюмы конца 1980-х годов создавались на основе фотографий, документальных свидетельств и подлинных предметов быта. При этом художники усиливали степень изношенности одежды и варьировали оттенки тканей, чтобы подчеркнуть социальные различия персонажей и эмоциональное состояние среды.

В исторической живописи конца XX – начала XXI века также наблюдается тенденция к более внимательному отношению к источникам. Художники активно используют музейные коллекции, результаты археологических исследований, специализированные публикации по истории костюма [1, с. 76]. Однако живописное произведение остаётся прежде всего актом художественного высказывания, в котором костюм является частью композиционного и символического решения. Его цвет, фактура и декоративность подчинены общей идее картины, а не исключительно научной задаче реконструкции.

Примером подобного подхода может служить творчество Александра Шабанова, работающего в жанре исторической и стилизованной живописи. В ряде его произведений, обращённых к европейской культуре XVII–XVIII веков, костюм тщательно проработан с точки зрения кроя, аксессуаров и декоративных элементов, что свидетельствует об опоре на музейные коллекции и исследования по истории моды. Однако при этом цветовая гамма нередко усиливается по сравнению с историческими аналогами, фактуры становятся более выразительными, а декоративность подчёркивает театрализованность сцены. В результате костюм выполняет не только реконструктивную, но и

композиционно-символическую функцию, формируя ироничное или романтизированное прочтение эпохи.

Следует учитывать и психологический аспект восприятия исторического костюма. Зритель оценивает достоверность не на основе глубокого знания источников, а исходя из сложившихся культурных стереотипов. Если образ соответствует ожидаемому «коду эпохи», он воспринимается как аутентичный, даже при наличии фактических неточностей [3, с. 148]. Таким образом, художник ориентируется не только на историческую правду, но и на коллективные представления о ней. Это особенно заметно в массовом кинематографе, где задача привлечения широкой аудитории часто превалирует над научной точностью.

Вопрос о границах допустимого художественного вымысла остаётся дискуссионным. С одной стороны, искусство не обязано быть иллюстрацией исторического учебника. Его задача – создание образа, способного вызвать эмоциональный отклик и осмысление прошлого. С другой стороны, систематическое искажение исторической реальности может приводить к формированию ложных представлений, что особенно опасно в условиях визуальной доминанты современной культуры [5, с. 159]. Ответственность художника в этом контексте возрастает, поскольку его произведение становится частью общественного дискурса о прошлом.

Таким образом, реконструкция исторического костюма в кино и живописи представляет собой сложный процесс, сочетающий элементы научного исследования и художественной интерпретации. Полная идентичность историческому оригиналу практически невозможна, поскольку любое воспроизведение осуществляется в иной культурной и технологической среде. Вместе с тем стремление к достоверности остаётся важным ориентиром, обеспечивающим уважение к историческому наследию и повышающим уровень визуальной культуры общества. Баланс между точностью и вымыслом позволяет создавать произведения, которые одновременно обладают художественной выразительностью и исторической ответственностью. Именно в этом равновесии заключается продуктивное решение проблемы, стоящей перед современными художниками и кинематографистами.

Список литературы:

1. Васильев А. А. История моды. Костюмы и традиции разных эпох. — М.: Искусство, 2010. — 240 с.
2. Гнедич П. П. История искусств. Живопись. Скульптура. Архитектура. — М.: Эксмо, 2007. — 848 с.
3. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — СПб.: Искусство-СПб, 2004. — 327 с.
4. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX века. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. — 383 с.
5. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974. — 392 с.

6. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с.

Прохорова Павла Михайловна

студент

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

*Научный руководитель: преподаватель истории высшей категории
Домбровский Роман Юрьевич*

Pavla Prokhorova

Nizhny Tagil Branch of Sverdlovsk Regional Medical College

УРОЖЕНЦЫ ДЕРЕВЕНЬ КРАСНОПОЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, УЧАСТВОВАВШИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена участию в Восточно Прусской операции уроженцев деревень и поселков Краснопольского сельсовета Свердловской области. На основе архивных, публицистических и мемориальных источников выявляются и документируются судьбы участников войны, ранее не систематизированные в региональном контексте. Приведены сведения на 31 участника боев за Восточную Пруссию, с указанием конкретных заслуг. Представлены 18 человек, награжденных медалью «За взятие Кёнигсберга» и 8 погибших и умерших. Уточняются места захоронений и перезахоронений на территории Калининградской области.

Ключевые слова: Краснопольская, Восточно Прусская, Кёнигсберг, медаль, участники войны, захоронение, поиск.

NATIVES OF THE VILLAGES OF THE KRASNOPOL TERRITORY OF THE SVERDLOVSK REGION WHO PARTICIPATED IN THE LIBERATION OF EAST PRUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article is devoted to the participation of natives of villages and settlements of the Krasnopolsky village council of the Sverdlovsk region in the East Prussian operation. Based on archival, journalistic, and memorial sources, the article identifies and documents the fates of war participants that have not previously been systematized in the regional context. The article provides information on 31 participants of the battles for East Prussia, including their specific achievements. It also presents 18 individuals who were awarded the Medal for the Capture of Königsberg and 8 individuals who died or passed away. The article clarifies the locations of their graves and reburials in the Kaliningrad region.

Keywords: Krasnopolskaya, East Prussia, Kenigsberg, medal, war veterans, burial, search.

В стратегической наступательной операции Красной Армии против войск нацистской Германии с целью освобождения Восточной Пруссии и северной части Польши приняли участие свыше 1,6 млн человек. В Восточно-Прусской операции принимали участие войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, часть

сил 1-го Прибалтийского фронта, Краснознаменный Балтийский флот. В этих частях в отдельных операциях в январе-апреле 1945 года сражались и жители деревень Краснопольской территории Свердловской области.

Чтобы установить участников тех исторических сражений, была проведена архивно-поисковая работа по поиску уроженцев и жителей деревень и поселков Краснополье, Зайкова, Судорогина, Киприна, Соседкова, Журавли, Мартынова, Колмаки, Реши, Сирбишина, Старые Быньги, Дрягунова, Рябки, Темная, Осиновая, Боровая [7, с.7-8], и поселков Новоасбест и Первомайский. На сегодня известны 1539 участников Великой Отечественной войны [4, с.15].

Используя электронную базу данных Центрального архива Министерства обороны РФ «Память народа»[2] были проведены выборки с указанием места рождения по названию населенного пункта с последующим поименным поиском по участникам войны, а также по награждению медалью «За взятие Кенигсберга». Дополнительно привлекались районные Книги памяти [5, 6] и публицистические материалы пригородной газеты «За Победу!».

Удалось найти 8 военнослужащих, о которых приведем установленные сведения, касающихся участия в Восточно-Прусской операции.

1. Гаев Василий Александрович, родился 26.01.1916 г в д. Судорогино. Старшина, командир орудия 76-мм. пушки батареи 259 сп 179 сд 92 ск 43 Армии. Прошел Латвию, Литву, Белоруссию, Восточную Пруссию. День Победы встретил в Курляндии [1, с.2],
2. Кошелев Илья Емельянович Род. д. Рябки. Старший сержант, командир отделения автоматчиков 89 Таманской сд. Тяжело ранен под Кенигсбергом.
3. Семячков Ефим Иосифович, уроженец д.Дрягуново Красноармеец, разведчик 237 отдельной разведроты 153 сд 69 ск 49 Армии 2 БелФ. В боях в Восточной Пруссии потерял ногу.
4. Соседков Георгий Алексеевич, родился в д.Рябки. Освобождал Инстербург в Восточной Пруссии. Танк старшего сержанта Георгия Алексеевича Соседкова в январе 1945 г. первым ворвался в город во время штурма. Награжден орденом Славы 3 степени. После окончания войны служил в Прибалтике.
5. Тархов Максим Андреевич, родился в 1924 г. в д. Соседково. Легко ранен в ногу 16.08.1944 г. под Тарту, тяжело ранен в руку 05.05.1945 г. в Пруссии. Командир расчета 120-мм. минометов минометной батареи на 3 БелФ. Участник ликвидации группировки немцев в Восточно-Прусской операции, в районе юго-западнее Кенигсберга ранен. Победу встретил в госпитале.
6. Тархов Степан Иванович из с. Краснополье. Ефрейтор, сапер-разведчик отдельной мото-разведроты 32 инженерно-саперной бригады участник боев и операций по разминированию в Восточной Пруссии, участник штурма Кенигсберга. Победу встретил в освобожденном г. Пилау.
7. Третьяков Федор Максимович, родился 28.02.1915 г. Жил в п. Ново-Асбест. Лейтенант, парторг 2 стрелкового батальона 695 сп 221 сд 94 ск. Участвовал в ликвидации окруженной группировки на Земландском полуострове [3, с.3].

8. Ярков Федор Иванович, родился 24.09.1914 г., жил в с. Покровское. Рядовой, минер. В Рижском заливе наводили мосты, занимались разминированием залива для прохода кораблей. Войну закончил в Кенигсберге.

Также удалось выявить 18 уроженцев и жителей населенных пунктов Краснопольского сельсовета, награжденных медалью «За взятие Кенигсберга»

1. Баранов Иван Афанасьевич, 30.08.1909 г.р. из с. Новоасбест. Рядовой.
2. Белов Афанасий Федотович / Федорович, 07.11.1914 г.р. из пос. Новоасбест. Сержант, командир отделения. 199 отд. батальона связи 157 сд 5 Армии 3 БелФ
3. Белоусов Игнатий Захарович, 1904 г.р, с. Краснополье. Рядовой, стрелок.
4. Бороздин Владимир Александрович, родился в 1920 г. в пос. Новоасбест. Ефрейтор 108 отдельного строительно-путевого железнодорожного батальона.
5. Журавлев Константин Александрович, родился в 1922 г. в д. Журавли. Гв. сержант, командир орудия 2 батареи 186 гв. ап 84 гв. сд 11 гв. Армии
6. Зайцев Дмитрий Иванович, родился в 1905 г. в Ново-Асбесте. Рядовой, стрелок, ездовой батареи 76-мм пушек 646 сп 152 сд.
7. Камаев Герасим Демидович, родился в 1916 г. в пос. Новоасбест. Старший сержант, помощник командира взвода.
8. Красиков Владимир Алексеевич, 1925 г.р., житель Краснопольского сельсовета. Сержант, сапер, десантник.
9. Мезенин Петр Степанович, родился в 1907 г. в пос. Новоасбест. Красноармеец, ездовой орудия батареи 45-мм. пушек 1229 сп 371 сд
10. Пунтус Василий Николаевич, родился в 1903 г. в пос. Новоасбест. Ефрейтор, путеец 1-й путевой роты 107 восстановительного железнодорожного батальона 23 ждбр 1 ПрибФ
11. Семячков Иван Васильевич, родился в 1923 г. в д. Боровая. Лейтенант, командир пулеметного взвода 199 азсп 31 Армии 3 БелФ
12. Середкин Александр Митрофанович, родился в 1911 г. в пос. Новоасбест. Гв. рядовой, стрелок.
13. Скороходов Степан Сергеевич, родился в 1907 г. в с. Краснополье. Гв. лейтенант, старший механик-водитель СУ-125 в 340 гв. тсап БТ и МВ 3 Армии.
14. Старцев Федор Ананьевич, родился в 1919 г. в д. Судорогино. Гв. ефрейтор, шофер 1-го взвода 1-й батареи паркового дивизиона 24 гв. минбр СВГК
15. Тархов Степан Иванович из с. Краснополье. Ефрейтор, сапер-разведчик отдельной мото-разведроты 32 инженерно-саперной бригады.
16. Третьяков Федор Максимович, родился 28.02.1915 г. Жил в п.Н-Асбест. Лейтенант, партийный организатор 2 стрелкового батальона 695 сп 221 сд 94 ск
17. Ширинкин Леонид Иванович, 1921 г.р., в с. Краснополье. Гв. мл. сержант, водитель мотоцикла 1-й роты мотоциклетного батальона 1 гв. омщп 5 гв. ТА.
18. Ярков Федор Иванович, родился 1914 г., в с. Покровское. Рядовой, минер.

К глубокому сожалению, освобождая Восточную Пруссию пали смертью храбрых 8 военнослужащих:

1. Антушев Александр Николаевич 1926 г.р. Родился в дер. Соседково. Призван 19.09.1943 г. Нижне-Тагильским ГВК. Рядовой, стрелок 611 сп 88 сд 71 ск 31 Армии 3 БелФ. Убит в бою 21.01.1945 г. в период Восточно-Прусской

наступательной операции. Похоронен в местечке Чернен, р-н г. Гольдап, Восточная Пруссия (по спискам Ассоциации патриотических отрядов «Возвращение», захоронен в Польской республике, место Вронки).

2. Белоусов Александр Иванович 1925 г.р. Родился в с. Киприно. Призван 01.1943 г. Невьянским РВК. Мл. лейтенант, командир стрелкового взвода 2 стрелковой роты 1138 сп 338 сд 3 БелФ. Награжден орденом Красной Звезды по приказу №116 от 30.10.1944 по 388 сд 3 БелФ за бои при освобождении городов Россияны и Юрбург 6-12.10.1944 г. 22.10.1944 г. убит в бою. Похоронен в могиле 600 метров северо-западнее д. Крушенелен, Гумбинненский окр., Восточная Пруссия. Перезахоронен в братскую могилу советских воинов в центре поселка Добровольск Краснознаменского района, Калининградской обл.

3. Бородин Михаил Иванович, 1906 г.р. Родился в дер. Сербишино. Старший сержант медслужбы, командир отделения 3 гв. сд. 11 гв. ск 2 гв. Армии 3 БелФ. 02-05.11.1944 г. вынес с поля боя 3 раненых у г.Гольдап. Ранен в бедро 08.02.1945 г. в период Восточно-Прусской стратегической операции. Умер от ран 08.02.1945 г. в 372 медсанбате 3 гв. сд. Похоронен в братской могиле № 18 н/п Тольск, Кенигсбергский окр., Восточная Пруссия.

4. Боронихин Георгий Иванович 1925 г.р. Родился в с. Реши. Призван 31.05.1943 г. Ревдинским ГВК. Мл. лейтенант, командир стрелкового взвода 1 стрелковой роты 438 сп 129 сд 3 Армии 2 БелФ Награжден медалью «За отвагу» по приказу №198/н от 14.12.1944 г. по 129 сд 3 Армии 2 БелФ за бои ноября 1944 г. на восточном берегу реки Нарев. Убит в бою 23.01.1945 г. вблизи г. Ортельсбург. Похоронен у озера на западной окраине г. Ортельсбург в Восточной Пруссии.

5. Камаев Михаил Семенович, 1926 г.р. Родился в д. Реши. Призван 17.02.1943 г. Петрокаменским РВК. Рядовой 5 Армии. 22.01.1945 г. погиб в бою. Похоронен в п. Вильмсдорф. Перезахоронен в братскую могилу, территория в/ч 35795, п. Корнево, Багратионовский р-н, Калининградская обл.

6. Клинецов (Клинцев) Афанасий Григорьевич 1926г.р. Родился в с. Лобашка (часть д.Реши). Призван в 1944 г. Петрокаменским РВК Гв. ефрейтор, стрелок 160 гв. сп 54 гв. сд 3 гв. ск 28 Армии. 23.10.1944 г. пропал без вести на территории Восточной Пруссии. Похоронен в братской могиле на захоронении ул. Первомайская, п. Первомайское, Нестеровский р-н, Калининградская обл.

7. Соловьев Василий Феонович (Фионович), 1903 г.р. Родился в с. Башкарка. Проживал в п.Новоасбест. Призван 09.01.1942 г. Нижнетагильским ГВК. Красноармеец, стрелок 646 сп 152 сд 128 ск 28 Армии 3 БелФ. Убит в бою 24.02.1945 г. за Восточную Пруссию. Похоронен на воинском кладбище Барслак (Цинтенский р-н, Кенигсбергский окр., Восточная Пруссия). Перезахоронен. Реально захоронен (увековечен, должен быть внесен в список воинского захоронения): братская могила советских воинов у дороги в центре поселка Славское Багратионовский район, Калининградская обл. Ошибочно увековечен (ошибочно внесен в список воинского захоронения): на братской могиле советских воинов на мемориальном комплексе в сквере ул. Центральная, п. Корнево, Багратионовский район, Калининградская обл.

8. Филатов Сергей Михайлович 1912 г.р. Родился в с. Дрягуново. Призван 30.08.1941 г. Нижне-Тагильским ГВК. Гв.мл. сержант, командир отделения 48 гв. сп 17 гв. сд. 15.01.1945 умер от множественных осколочных ран в 383 отдельном медсанбате. Похоронен в районе Кузмен, 1 км юго-западнее от стыка большаков Ширвиндт-Пилькаллен, г. Шталлупенен, Шталлупененский р-н, Гумбинненский окр., Восточная Пруссия. Перезахоронен в братскую 193 могилу советских воинов в центре поселка Добровольск, Краснознаменский район, Калининградская область.

Таким образом, 31 уроженец Краснопольской территории Свердловской области приняли участие в освобождении важных военно-экономических областей Восточной Пруссии и части северных районов Польши и внесли свой вклад в ускорение поражения Германии.

Список литературы:

1. Гаев Василий Александрович. // За победу! - №123. - 16.10.1982. - с.2.
2. Единая электронная база данных «Память Народа». – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>
3. Живет в Поселке ветеран (о Третьякове Ф.М.) // За победу! - №135. - 16.11.1974. - с.3.
4. Книга Памяти и Воинской Славы Краснопольской территории Пригородного района Свердловской области / Автор-составитель Р.Ю. Домбровский. Нижний Тагил, 2018. – 680 с.
5. Книга Памяти Пригородного района Свердловской области. Т. 1. - Нижний Тагил: Всем, 1995. - С.255.
6. Книга памяти: Пригородный район Свердловской области Т. 2. - Нижний Тагил: ГОУП Нижнетагильская типография, 2001. - С. 219.
7. Краснопольская волость. / Списки населенных мест Пермской губернии. Пермская губерния, 1904. – с.7,8.

Прохорова Павла Михайловна

студент

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

*Научный руководитель: преподаватель истории высшей категории
Домбровский Роман Юрьевич*

Pavla Prokhorova

Nizhny Tagil Branch of Sverdlovsk Regional Medical College

УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, НАХОДИВШИЕСЯ В ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕГО ТАГИЛА)

Аннотация: Статья посвящена исследованию судеб жителей Нижнего Тагила, попавших в плен в ходе Первой мировой и Великой Отечественной войны с фокусом на тех, кто содержался в лагерях на территории Восточной Пруссии. На основе архивных документов, мемориальных и биографических материалов выявлены 7 тагильчан, оказавшихся в плену. Рассмотрены обстоятельства их пленения, места содержания. Реконструированы судьбы военнопленных. Особо подчеркнут моральный облик тагильчан, сохранивших честь и верность долгу.

Ключевые слова: Нижний Тагил, военнопленные, война, Восточная Пруссия, шталаг, судьбы.

PARTICIPANTS OF THE FIRST WORLD WAR AND THE GREAT PATRIOTIC WAR WHO WERE CAPTURED IN EASTERN PRUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE INHABITANTS OF NIZHNY TAGIL)

Summary: The article is devoted to the study of the fates of residents of Nizhny Tagil who were captured during the First World War and the Great Patriotic War, with a focus on those who were held in camps in East Prussia. Based on archival documents, memorial materials, and biographical information, seven residents of Nizhny Tagil who were captured have been identified. The circumstances of their capture and the places where they were held have been examined. The fates of the prisoners of war have been reconstructed. The moral character of the residents of Nizhny Tagil, who maintained their honor and loyalty to their duty, has been highlighted.

Keywords: Nizhny Tagil, prisoners of war, war, East Prussia, Stalag, destinies.

Тема плена и советских военнопленных достаточно болезненная в отечественной истории. Войны XX - начала XXI века отметились российскими и советскими воинами, которые погибли в плену или вернулись из вражеского плена на Родину. Архивные документы позволяют нам узнать о тагильчанах и их судьбах, исковерканных пленом в этих войнах.

Данные сайта памяти героев Первой мировой войны [11] по запросу «место рождения - Тагил» и «категория - военнопленные» и показывают 20 человек, по запросам «тагильский, Ниж. Тагил, Ниж. Тагильский,

нижнетагильский, тагильск» - еще 7 человек. Также 2 военнопленных из Шайтанки Тагильского района находились в немецких лагерях. Всего же в австрийском плену находились 18 тагильчан, а в немецком плену - 12 тагильчан.

Среди них выделяется Дригунов Федор Михайлович, 1888 г.р. Он родился в Пермской губ., Верхотурском уезде, с. Шайтанка. Рядовой 7 роты 116 пехотного Малоярославецкого полка. Попал в плен 30.08.1914 г. под Даркеменом в Восточной Пруссии. Содержался в лагере Коттбус в Германии, в лагере военнопленных во Франкфурт-на-Одере в Германии и в лагере Данциг Тройл в Германии[11]. Дальнейшая судьба не известна.

Количество призванных из Нижнего Тагила на Великую Отечественную войну несравнимо больше, чем на Первую Мировую. Согласно проведенной выборке на сайте «Память народа» электронной базы ЦАМО РФ [2], по запросу: «место рождения и призыва: Тагил» и «картотека военнопленных» и «документы о военнопленных» было выявлено 112 таких тагильчан, по запросу «тагильский» выявлено 122 человека. Впоследствии дополнительно было выявлено еще 228 тагильских военнопленных. 195 из них погибла в плену.

Согласно такой же выборке по запросу: «Свердловская область», «документы о военнопленных» проводился просмотр документов на 5150 групп документов на военнопленных. Обобщенно мы можем выявить 406 уроженцев Н. Тагила или тагильчан, призванных из города и проживавших в населенных пунктах Нижнетагильского района и Пригородного района Н. Тагила. Среди них, нами выбраны 6 тагильчан, находившихся в плену в лагерях, расположенных на территории Восточной Пруссии. На основании архивных документов базы ЦАМО [2] и дополнительных источников, представим краткие сведения об их служебно-боевом пути, сделав акцент на записи, касающиеся прусских населенных пунктов.

Добрынин Евгений Дмитриевич, 20.11.1915 г.р. Уроженец г. Нижний Тагил. С 1937 г. работал инструктором-летчиком в аэроклубе г. Омск, до 1938 г. при 26 авиабригаде, затем до 06.1941 г. командиром отряда в г. Тюмень и до 07.1941 г. в г. Керчь. Кадровый военный. Призван в РККА 09.07.1941 г. Керченским РВК. Участник Отечественной войны с 09.07.1941 г. летчиком звена связи, на Южном, Крымском, Северо - Кавказском фронте, в 36 районе Авиабазирования с 10.07.1941 г. по 29.09.1942 г., на Закавказском и Северо-Кавказском фронте командиром звена 502 штурмовой авиадивизии 5 ВА с ноября 1942 г. Награжден орденом Красной Звезды 26.02.1943 г. за выполнение спецзаданий командования во вражеском тылу в 1941 – 1943 гг. 17.03.1943 г. на Кубани над Таманским полуостровом был сбит и попал в плен. Отправлен в лагерь Симферопольская тюрьма и шталаг Люфтваффе 2. Лагерный номер: 2164. В 1943 г. содержался в лагерях №32 воздушной службы в городах Лиценштад (Лодзи) и в штрафном лагере г. Хайдекруг в Восточной Пруссии. Бежал из плена 20 августа 1943 г. из г. Хайзеркруг. Из объяснительной записки от 05.03.1944 г.: «бежал вместе с другими товарищами по сделанному нами подкопу длиной около 30-метров. Побег был произведен ночью. Ввиду большой слабости в эту ночь в составе группы 3-х человек мы прошли не более 1,5 километров, замаскировались. И после этого дня шли благополучно 10 дней

по Литве, питаюсь молоком и овощами, которые доставали из колодезей. 1 сентября были разогнаны полицией, я остался один и 14 дней шел по Литве. В Ракитском лесу около дер. Милонцы случайно наткнулся на партизан» [8]. С 09.1943 г. находился в Литовском партизанском отряде в Ракитском уезде. С 15.12.1943 г. по 01.1944 г. рядовой боец 4-й Белорусской партизанской бригады в 1-ом отряде в Западной Белоруссии. 24.01.1944 г. как летчик отправлен за линию фронта в распоряжение Белорусского штаба партизанского движения и 08.03.1944 г. направлен в управление кадров ВВС РККА. Окончил службу 22.12.1945 г. Награжден медалью «За победу над Германией».

Задворных Борис Васильевич, 03.12.1922 г.р. Родился в г. Красноуральск. Кадровый военный. Призван по специальному набору в РККА 11.1941 г. Нижнетагильским ГВК. Воевал с 09.04.1943 г. по 01.03.1944 г. на ВолхФ, с 01.03.1944 г. на ЛенФ. Имел ожоги лица и осколочное ранение в ногу. Старший лейтенант, командир звена самолётов Як-9 845 истребительного авиационного полка 267 истребительной авиационной дивизии 14 воздушной армии 3 Прибалтийского фронта. В боях в составе 845 иап имел 7 индивидуальных и 1 групповую воздушную победу [1]. Награжден орденами Красной Звезды 11.08.1943 г., Отечественной войны I степени 24.04.1944 г. и Красного Знамени 10.08.1944 г. Был сбит в воздушном бою над вражеской территорией 21.08.1944 г. в районе н.п. Вальк. Попал в плен. Направлен в шталаг Люфтваффе – 1. С 04.10.1944 г. заключённый шталага Люфтваффе - 2, под Кёнигсбергом. Лагерный номер №4091. 27.10.1944 г. совершил побег из лагеря в составе группы 8 советских летчиков в день массового побега пленных [9]. Пойман 27.10.1944 г. Передан в гестапо в Франкфурт-на-Одере. Переведен в концлагерь Маутхаузен. 30.10.1944 г. казнен через повешение[3].

Заякин (Залкин, Зайкин) Евгений Васильевич, 26.11.1925 г.р. Родился в Свердловской области. Учащийся. Призван в РККА Нижнетагильским ГВК. Рядовой 328 стрелковой дивизии. 12.12.1943 г. числился пропавшим без вести в Радомышльском районе Житомирской обл. Попал в плен 13.12.1943 г. под Житомиром. Находился в лагере шталаг I В (Хоэнштайн, Восточная Пруссия - ныне Ольштынек, Польша). Лагерный номер: 38630. 08.04.1944 г. умер в плену в лагерьном лазарете.

Катков Сергей Алексеевич, 10.03.1925 г.р. Родился в с. Висимо-Уткинск, жил в п. Висим. Рабочий. Призван в РККА 17.05.1943 г. Нижнетагильским ГВК. Младший лейтенант, командир стрелкового взвода 46 гвардейского стрелкового полка 16 гвардейской стрелковой дивизии 11 армии. Числился убитым в бою 04.11.1944 г. и похороненным в Восточной Пруссии, Гумбинненском окр., 100 м. севернее д. Шуйкен (ныне г. Озерск). Попал в плен 03.11.1944 г. в районе Гольдапа. С 17.11.1944 г. содержался в шталаге I В, Хоэнштайн в Восточной Пруссии. Лагерный номер: 54059. Числился погибшим в плену 31.01.1945 г. С 11.12.1944 г. содержался в шталаге ХIА, Альтенграбов в Саксонии-Анхальт до 31.01.1945 г. Освобожден из плена. Филтрацию прошел до 31.12.1945 г. в 40 запасном стрелковом полку. Окончил службу 27.11.1945 г. Награжден медалью «За победу над Германией».

Малинин Иван Ананьевич, 22.09.1919 г.р. Родился в Нижнетагильском районе в поселке Черноисточинск. Крестьянин. Призван в РККА в 1939 г. Нижнетагильским ГВК. Рядовой 58 (армейского) полка, служил в г. Каунас. Ефрейтор, ручной пулеметчик 1 мотострелкового полка отдельной мотострелковой дивизии особого назначения войск НКВД. 25.06.1941 г. пропал без вести – не вернулся из боя в районе г. Утяна Утянского уезда Литовской ССР. Попал в плен 07.07.1941 г. под г. Полоцк. Содержался в шталаге I В. Лагерный номер: 12212. Погиб в плену 19.10.1941 г., находясь в рабочей команде 4/203 в районе Кёнигсберга. Похоронен на Интернациональном кладбище военнопленных в г. Калининград. Увековечен в пос. Зеленый Бор, Черняховской области [5].

Намдаков Балдоржи, 1920 г.р. Родился в селе Амитхаша Забайкальского края. Шофер. Призван в РККА 18.10.1940 г. Агинским РВК Читинской обл. [6] До декабря 1942 года служил заряжающим в 376-м отделении танкового полка, до декабря 1943 года был башенным стрелком в 208 танковой бригаде. Отправлен на курсы санинструкторов в Нижний Тагил [7]. Санинструктор 366 стрелкового полка, затем 690 стрелкового полка 126 стрелковой дивизии 43 армии. Числился убитым 21.10.1944 г. и похороненным в с.Пляушварен в Мемельской обл. [4] Был ранен и 20.10.1944 г. попал в плен в районе Тельзит в Восточной Пруссии. Находился в плену с 1944 г. до 1945 г. в Германии. Освобожден из плена советскими войсками в апреле 1945 года. 09.1945 г. прибыл в 69 зсп 21 зсд МВО, направлен в отдельный рабочий батальон на завод им. Дзержинского в г. Москва. Награжден медалью «За победу над Германией». Демобилизован в мае 1946 года. Вернувшись на родину, работал водителем в колхозе «Коммунизм» (Ушарбай). В 1976 году стал чабаном[10]. Умер в 1987 г.

Выстраданный многовековой отечественный опыт гласит, что попадание в плен (без добровольного перехода на сторону противника и сотрудничества с ним) является не предательством, а продолжением службы в экстремальных условиях. Мы можем с уверенностью сказать, что все тагильчане, находившиеся в плену в лагерях, расположенных на территории Восточной Пруссии до конца честно исполнили свой воинский и гражданский долг.

Список литературы:

- 1.Авиаторы Второй мировой. Задворных Борис Васильевич. - Режим доступа: <http://allaces.ru/p/people.php?id=9471> (дата обращения: 10.01.2026)
- 2.Единая электронная база данных «Память Народа». ЦАМО РФ. - Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 10.01.2026)
- 3.Задворных Борис Васильевич. - Режим доступа: www.pobeda1945.su/frontovik/32640?ysclid=lbrrcffb1n576801151 (дата обращения: 10.01.2026)
- 4.Книга памяти о тех, кто не вернулся с войны. Читинская область. Том 2. - Чита: Забтранс, 1994. - 607 с.
- 5.Красноармеец Малинин Иван Ананьевич. - Режим доступа: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=149701&ysclid=ldl8ly0j2g43743679> (дата обращения: 10.01.2026)

6. Намдаков Балдоржи. - Режим доступа:
<https://www.moypolk.ru/soldier/namdakov-baldorzhi> (дата обращения:
10.01.2026)
7. Намдакова Д. Санинструктор. // Агинская правда. 30.05.2015 г.
8. Партизаны Белоруси. Добрынин Евгений Дмитриевич. - Режим
доступа: <https://partizany.by/partisans/210883/> (дата обращения:
10.01.2026)
9. Савончик В. 845-й истребительный авиационный полк. - Режим доступа:
<https://proza.ru/2019/04/27/747?ysclid=lbrrcrl2ii693681073> (дата обращения:
10.01.2026)
10. Намдаков Балдоржи. Ушарбайская школа-4. - Режим доступа:
<https://azarovskiy.livejournal.com/605903.html> (дата обращения: 10.01.2026)
11. Электронный банк документов «Памяти героев Великой Войны 1914-1918».
- Режим доступа: <http://gwar.mil.ru> (дата обращения: 10.01.2026)

Райкова Ангелина Дмитриевна

4 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Angelina Raikova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ТЮМЕНИ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию деревянного зодчества Тюмени как значимого явления регионального архитектурного наследия и анализу современных практик его сохранения. Рассматриваются исторические предпосылки формирования тюменской деревянной архитектуры, её планировочные и конструктивные особенности, а также художественно-декоративные элементы, определяющие уникальность городского облика. Особое внимание уделяется проблемам утраты исторической застройки, влиянию урбанизационных процессов и состоянию объектов культурного наследия в настоящее время. В работе анализируются действующие механизмы охраны, реставрации и популяризации памятников деревянного зодчества, а также перспективы их интеграции в современную городскую среду. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к сохранению исторической деревянной архитектуры как важного элемента культурной идентичности и исторической памяти города.

Ключевые слова: деревянное искусство, народные промыслы, резьба по дереву, декоративно-прикладное искусство, фасады, зодчество, архитектура, наличник.

TUMEN'S WOODEN ARCHITECTURE AND ITS PRESENT-DAY INTERPRETATION

Summary: The article is devoted to the study of wooden architecture in Tyumen as a significant phenomenon of regional architectural heritage and the analysis of modern practices for its preservation. It examines the historical background of the formation of Tyumen's wooden architecture, its planning and structural features, as well as the artistic and decorative elements that define the uniqueness of the city's appearance. Special attention is given to the challenges of the loss of historical buildings, the impact of urbanization processes, and the current state of cultural heritage sites. The article analyzes the existing mechanisms for the protection, restoration, and promotion of wooden architecture, as well as the prospects for integrating them into the modern urban environment. The article concludes that a comprehensive approach to preserving historical wooden architecture is necessary as an important element of the city's cultural identity and historical memory.

Keywords: wooden art, folk crafts, wood carving, decorative and applied art, facades, architecture, and window frames

Деревянное зодчество является важной составляющей историко-культурного наследия российских городов, особенно в регионах Сибири, где дерево на протяжении веков оставалось основным строительным материалом. Город Тюмень, как один из старейших городов Сибири, обладает богатым архитектурным наследием, значительную часть которого составляет деревянная застройка. Жилые дома, усадьбы и хозяйственные постройки формировали облик города на протяжении XVII–XIX веков и во многом определили его архитектурную и культурную идентичность.

Актуальность исследования темы обусловлена процессами активной урбанизации и модернизации городской среды, в результате которых значительное число объектов деревянной архитектуры утрачивается или подвергается необратимым изменениям. Значение приобретает изучение исторических, архитектурных и художественных особенностей деревянных построек Тюмени, а также осмысление их роли в формировании исторического облика города. Целью статьи является изучение особенностей деревянного зодчества Тюмени как важного элемента культурного наследия города.

Тюмень была основана в 1586 году как первый русский город в Сибири и первоначально выполняла функции военного укрепления и административного центра. Её возникновение было связано с процессами освоения сибирских земель и необходимостью защиты торговых путей. Ранняя застройка города формировалась в условиях ограниченных технических и материальных возможностей, что во многом предопределило использование дерева в качестве основного строительного материала. Первые постройки Тюмени представляли собой деревянные крепостные сооружения, жилые дома, хозяйственные и служебные здания. Планировка города носила упрощённый характер и подчинялась оборонительным задачам. Со временем, по мере роста численности населения и развития торгово-ремесленных функций, городская застройка постепенно расширялась за пределы крепостных укреплений. Формировались жилые кварталы, усадебная застройка, появлялись общественные здания. Несмотря на эти изменения, дерево продолжало оставаться доминирующим строительным материалом, определяя архитектурный облик ранней Тюмени. Кроме того, развитие деревянного зодчества в городе во многом определялось природно-климатическими условиями Западной Сибири. Суровый климат с продолжительной зимой требовал строительства хорошо сохраняющих тепло жилых зданий. Дерево, обладающее низкой теплопроводностью, в наибольшей степени отвечало этим требованиям, что способствовало его широкому применению в строительстве. Экономические факторы также сыграли значительную роль в формировании деревянной застройки. Каменное строительство в течение длительного времени оставалось труднодоступным и дорогостоящим [1].

Теперь стоит рассмотреть основную типологию деревянных застроек. Она представлена преимущественно жилыми домами и усадебными комплексами, которые формировались на протяжении XVIII – начала XX веков. Наиболее распространённым типом являлся многоквартирный или многоквартирный жилой дом, ориентированный фасадом на улицу. Такие здания, как правило, имели один или два этажа и сочетали в себе жилые и хозяйственные функции. Усадебная застройка занимала значительное место в архитектурном облике города. Она включала жилой дом, хозяйственные постройки, а также двор, ограждённый забором. Подобная структура отражала традиционный уклад жизни горожан и обеспечивала функциональное зонирование пространства. В более состоятельных усадьбах наблюдалось усложнение объёмно-пространственной композиции, увеличение размеров жилых зданий и более богатое декоративное оформление фасадов. Планировочные решения деревянных построек Тюмени складывались под влиянием климатических условий и традиций народного строительства. Наиболее типичной была продольно-осевая планировка с размещением жилых помещений вдоль уличного фасада и разделением внутреннего пространства на жилую и хозяйственную зоны. Основу конструкций составлял бревенчатый сруб, обеспечивавший прочность и высокие теплоизоляционные качества. Двускатные крыши способствовали эффективному отводу осадков, а высокий цоколь или подклет использовался для хозяйственных нужд. Симметричное расположение окон формировало упорядоченную композицию фасада. В дальнейшем планировочные и конструктивные решения усложнялись под влиянием новых архитектурных тенденций и развития строительных технологий [2].

Техника тюменской домовой резьбы сформировалась в первой половине XIX века в результате синтеза художественно-ремесленных традиций мастеров, прибывших на территорию Западной Сибири из различных регионов Российской империи — Урала, Великого Устюга, Костромы и других центров деревянного зодчества. Перенесённые ими технологические приёмы и орнаментальные мотивы в условиях локальной культурной среды получили дальнейшее развитие и переработку. В процессе адаптации к региональным особенностям архитектуры и строительных практик сложилось самостоятельное направление художественной обработки дерева, отличающееся устойчивым набором композиционных принципов и декоративных форм, не имеющих прямых аналогов в других регионах. Международное признание художественной ценности тюменской домовой резьбы было подтверждено в 1980 году, когда результаты реставрационных работ тюменских мастеров по восстановлению исторических особняков были представлены на площадке Международного совета по сохранению памятников и достопримечательностей (ИКОМОС) при ЮНЕСКО. Представленные образцы продемонстрировали высокий уровень сохранности традиционной техники и выразительность так называемого «деревянного кружева» Тюмени, что позволило экспертному сообществу отметить его как уникальное явление

регионального деревянного зодчества. Характерной особенностью тюменских наличников является их стилистическое и технологическое разнообразие. В декоративном оформлении фасадов применяются как глухая (рельефная) резьба, так и пропильная техника, а также накладные объёмные элементы, создающие сложную многослойную композицию. Подобное сочетание различных способов обработки древесины формирует выразительную пластику фасада и усиливает художественную целостность архитектурного образа. В отличие от многих других регионов России, где преимущественно использовалась пропильная «кружевная» резьба, тюменская традиция демонстрирует более сложную систему декоративного моделирования, что подчёркивает её самостоятельность и высокий уровень ремесленной культуры [3].

Несмотря на значительные утраты, в Тюмени сохранился ряд деревянных зданий, представляющих архитектурную и историческую ценность. Одним из таких объектов является дом купца Колокольниково, который отличается выразительным декоративным оформлением фасада, резными наличниками и продуманной объёмно-пространственной композицией. Это здание является ярким примером городской усадебной застройки конца XIX века. Другим значимым объектом является дом Машарова, представляющий собой образец деревянной архитектуры с элементами эклектики. Его фасад отличается симметричной композицией и богатым декоративным оформлением, что свидетельствует о влиянии общеархитектурных стилей на деревянное зодчество Тюмени в конце XIX — начале XX века [4].

В последние годы в городе активно развиваются проекты, направленные на сохранение и актуализацию историко-культурного наследия города. Одним из таких проектов является «Золотая линия Тюмени» — пешеходный туристический маршрут, объединяющий значимые исторические и архитектурные объекты центральной части города. Данный проект представляет собой важный инструмент формирования культурного пространства и повышения интереса к истории Тюмени среди горожан и туристов. «Золотая линия» проходит по историческому центру города и охватывает памятники архитектуры различных периодов, включая каменные и деревянные здания, культовые сооружения, купеческие дома и общественные постройки. Маршрут выстроен таким образом, чтобы последовательно знакомить посетителей с этапами развития города, его архитектурными особенностями и культурными традициями. Маршрут включает в себя 12 наиболее значимых архитектурных объектов, 6 из которых будут рассмотрены в данной статье.

Рис. 1 – Фрагмент карты центральной части города Тюмень

Начальной точкой туристического маршрута является верхний уровень набережной реки Туры в районе дома № 1 по улице Семакова. Улица в период с середины XIX века до 1922 года носила название Подаруевской, что было связано с именем одного из известных тюменских купцов. Изначально постройка возводилось для нужд причта Знаменской церкви и выполняло жилую функцию. В нём проживала семья настоятеля храма, а также законоучителя женской гимназии — священника Петра Рябинина. Историческая значимость данного объекта усиливается тем обстоятельством, что в 1897 году в этом доме временно пребывал выдающийся русский военноморской деятель, океанограф и вице-адмирал С. О. Макаров. Его имя связано с развитием отечественного флота и созданием первого в мире ледокола «Ермак», что придаёт зданию дополнительную мемориальную ценность в контексте истории города и страны [5].

Далее следует Угловой особняк купца Сергея Степановича Чиралова. Он был построен в конце XIX века для семьи Чираловых — влиятельных тюменских купцов и известных сибирских заводчиков-кожевенников. Особняк сразу привлекает внимание своим угловым расположением, благодаря которому здание воспринимается как доминанта улицы. Архитектура выполнена в стиле эклектики с элементами классицизма, что было характерно для состоятельных купеческих домов конца XIX века. Дерево на фасаде особняка Сергея Степановича Чиралова — одно из самых тонких и ценных деталей этого дома, придающая ему по-настоящему уникальный облик. Орнаменты не перегружают здание, а, напротив, подчёркивают его угловую композицию и архитектурный ритм окон. Растительные мотивы традиционно ассоциировались с достатком, ростом и процветанием, что было особенно уместно для дома промышленника-кожевенника. Такие элементы выполняли не только декоративную, но и символическую функцию — своеобразный визуальный манифест успешности семьи Чираловых [6].

Рис. 2 – Особняк купца С.С. Чиралова

По адресу улица Володарского, 7 расположен объект № 3 «Золотой линии Тюмени» —купеческий особняк, который считается одним из самых декоративно выразительных зданий начала XX века в городе. Особняк был построен в 1911–1912 годах для семьи купцов Поповых: Константина Васильевича Попова и его супруги Вириinei Сергеевны. Здание выполнено в духе поздней эклектики с элементами модерна, что было характерно для 1910-х годов. Композиция фасада тщательно продумана, а декоративные элементы создают ощущение лёгкости и утончённости, несмотря на массивность стен. Также стоит отметить особо декоративное оформление лицевой части здания. Оно выглядят очень контрастно и отличается обилием кружев и сетчатых мотивов [3].

Рис. 3 – Особняк семьи купцов Поповых (улица Володарского, 7)

Двухэтажный прямоугольный дом является следующим в списке значимых исторических объектов Тюмени. Дом был возведён в конце XIX века для владельца музыкальной мастерской И. С. Ларионова. В истории здания есть примечательный эпизод: после Революции в нём в течение трёх дней проживал Александр Васильевич Колчак — выдающийся океанограф и полярный исследователь, адмирал, а в годы Гражданской войны — руководитель Белого движения, Верховный правитель России и главнокомандующий Русской армией [4]. В наружном оформлении здания доминирующую роль играют оконные наличники с резными подоконными досками-панно, выразительность которых особенно подчёркивается контрастом с пластикой открытых бревенчатых стен. Их декоративное решение основано на развитом растительном орнаменте, включающем гибко переплетающиеся, крестообразно организованные побеги с завитками и листьями. Данный мотив является характерным локальным признаком и во многом определяет художественную специфику тюменского деревянного зодчества. Орнамент выполнен в технике накладной барельефной резьбы, отличающейся высокой пластичностью и тщательной проработкой форм. Общая декоративная насыщенность композиции усиливается фигурными навершиями-«кокошниками», размещёнными над карнизами и украшенными тонким борозчатым узором. Особого внимания заслуживает редкий для Тюмени образец глухой резьбы подоконных досок со стороны бокового дворового фасада, представляющий оригинальную интерпретацию орнаментальной композиции на тему «древа жизни» [5].

Рис. 4 – Дом И.С. Ларионова (ул. Тургенева, 12)

Рис. 5 – Дом И.С. Ларионова (ул. Тургенева, 12). Фрагменты деревянного зодчества

Следующий объект, включенный в «Золотую линию» под № 5. Стоит отметить, что усадьба Козловых имеет наиболее объёмный и массивный фасадный ряд, отличающийся чёткой композиционной организацией. Его архитектурное решение строится на ритмичном расположении оконных проёмов, объединённых единым декоративным оформлением. Существенную роль в формировании художественного облика играют резные наличники. Их пластика и орнаментальность создают активную игру света и тени на плоскости стены. Боковые и дворовые фасады решены более сдержанно, однако сохраняют стилистическое единство с главным.

Рис. 6 – Усадьба Козловых (ул. Тургенева, 9)

Рис. 7 – Усадьба Козловых (ул. Тургенева, 9). Узоры деревянного зодчества

Далее следует рассмотреть комплекс, состоящий из двух зданий, принадлежавших семье Колокольниковых. Ризалиты и фигурные фронтоны здания представляют собой выразительный пример синтеза форм каменной архитектуры и приёмов тюменской объёмной резьбы. Ключевым акцентом уличного фасада по улице Республики выступает угловой ризалит, обогащённый оригинальной полукруглой нишей, восходящей к барочно-ренессансной традиции. В верхней части ниши размещена резная кувшинка, усиливающая пластическую выразительность объёма. Нишу завершает полукруглый фронтон, декорированный высокорельефной композицией в виде сложной гирлянды из плодов и завивающихся листьев, что подчёркивает парадный характер фасада [6]. Декоративное оформление наличников полностью соответствует общей художественной концепции здания. В их орнаментальном строе присутствуют плотно закрученные свитки, развитый растительный узор, вазоны, волюты с мотивом рога изобилия, ленты и медальоны утончённых пропорций. Совокупность этих элементов формирует цельный ансамбль, отражающий высокий уровень мастерства резчиков и ориентацию на репрезентативность архитектурного образа [5].

Рис. 8 – Усадьба С.И. Колокольникова (ул. Республики, 18)

Рис. 9 – Усадьба С.И. Колокольникова (ул. Республики, 18). Узоры деревянного зодчества

Особое значение «Золотая линия Тюмени» имеет для популяризации деревянного зодчества. В маршрут включены объекты деревянной архитектуры, которые позволяют наглядно продемонстрировать особенности традиционной застройки города и её художественную ценность. Таким образом, деревянные дома перестают восприниматься как устаревшие или второстепенные элементы городской среды и приобретают статус значимых объектов культурного наследия. Проект также выполняет образовательную функцию, способствуя формированию исторической памяти и культурной идентичности горожан. Информационные стенды, экскурсионные программы и цифровые ресурсы, связанные с маршрутом, позволяют расширить знания о прошлом Тюмени и её архитектурном наследии. «Золотая линия» становится своеобразным связующим звеном между историей города и его современным развитием. В контексте сохранения исторического облика Тюмени «Золотая линия» играет важную роль как инструмент комплексного подхода к культурному наследию. Она способствует не только привлечению внимания к отдельным памятникам, но и формированию целостного восприятия исторической городской среды. Включение объектов деревянного зодчества в данный маршрут подчёркивает их значимость и создаёт дополнительные предпосылки для их сохранения и реставрации [7].

В заключение следует отметить, что деревянное зодчество Тюмени представляет собой уникальное и самобытное явление в контексте не только сибирской, но и общероссийской архитектуры. Исследование подтверждает, что тюменская домовая резьба, синтезирующая традиции народного творчества, столичные архитектурные веяния (барокко, классицизм, модерн) и местные строительные техники, сформировала неповторимый облик города, который по праву можно считать живым музеем под открытым небом. Значимость этого наследия выходит далеко за рамки региональной истории: это материальное свидетельство адаптации общерусской культуры к условиям освоения Сибири, демонстрирующее высокий уровень мастерства резчиков и плотников. Сохранение и актуализация этого пласта культуры сегодня является не просто данью уважения прошлому, но и необходимым условием для поддержания исторической идентичности и культурного суверенитета России в эпоху глобализации.

Список литературы:

- 1.Пермиловская, А. Б. Сохранение русской этнокультурной традиции в северном деревянном зодчестве / А. Б. Пермиловская // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 1(1). – С. 52-60. – EDN XMWCGL.
- 2.Ещин, Д. В. Архитектурно-художественные элементы фасада деревянных жилых домов конца XIX - начала XX вв / Д. В. Ещин // Приволжский научный журнал. – 2020. – № 1(53). – С. 191-199. – EDN PJLIEW.
- 3.Деменчук, Д. Д. Деревянное зодчество города Тюмени. Сохранение и популяризация наследия края / Д. Д. Деменчук // Архитектура и строительство: традиции и инновации: Материалы II Международной научно-

- технической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 21 декабря 2023 года. – Гомель: Белорусский государственный университет транспорта, 2024. – С. 37-42. – EDN AZZBDT.
4. Наумов, И. В. Александр Васильевич Колчак - военный моряк, исследователь Арктики и «Верховный правитель России» / И. В. Наумов // Известия лаборатории древних технологий. – 2024. – Т. 20, № 1(50). – С. 134-147. – DOI 10.21285/2415-8739-2024-1-134-147. – EDN PPIWQQ.
5. Сафарова, Н. Р. Орнамент как вид искусства. Древнерусская орнаментика / Н. Р. Сафарова // Современная культурология: проблемы и перспективы: Сборник статей молодых ученых / Под редакцией Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой. Том Выпуск 4. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. – С. 42-45. – EDN XWKQWT.
6. Веселкова, К. О. Образ кувшинки как один из символов деревянной резьбы города Тюмени / К. О. Веселкова, И. И. Колосова // Молодежь, наука, технологии: новые идеи и перспективы (МНТ-2017) : Избранные доклады IV Международной научной конференции студентов и молодых ученых, Томск, 25–27 октября 2017 года. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. – С. 139-143. – EDN YQNEOY
7. Егорова, В. А. К вопросу о преемственности традиций деревянного зодчества в современной архитектурной практике / В. А. Егорова // Новые технологии в учебном процессе и производстве: Сборник тезисов 22 Международной научно-технической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Ю.А. Гагарина, Рязань, 17–19 апреля 2024 года. – Рязань: Московский политехнический университет, 2024. – С. 51-53. – EDN SFGAWU.

Райкова Ангелина Дмитриевна

4 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Angelina Raikova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗРАЗЦОВ ВЕЛИКОГО УСТЮГА

Аннотация: Статья посвящена исследованию стилистических особенностей изразцов Великого Устюга как самобытного художественного явления в русском декоративно-прикладном искусстве конца XVII–XVIII вв. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного осмысления региональных центров изразцового производства, которые, следуя общерусским тенденциям, вырабатывали уникальную эстетику. В статье анализируются художественно-стилистические приемы декора. Особое внимание уделяется эволюции изразца: от ранних привозных образцов с батальными сценами до развития местной школы полихромных изразцов с характерными растительными мотивами («древо жизни», «птица», «вазон») и колоритом (бирюзовый, синий, желтый, белый, коричневый тона). В статье рассматриваются композиционные схемы размещения изразцов в архитектурном декоре (фризы, наличники, ширинки) и их связь с формами «нарышкинского барокко». Отдельный раздел работы посвящен технико-технологическим особенностям местной керамики, включая состав глин и рецептуры глин. Автор приходит к выводу, что стилистика устюжских изразцов, сохраняя связь с московской традицией, отличается особым «северным» лаконизмом, монументальностью форм и своеобразием орнаментальных решений, что позволяет рассматривать Великий Устюг как крупный самостоятельный центр художественной керамики своего времени.

Ключевые слова: изразцы, Великий Устюг, стилистика, архитектурная керамика, полихромия, орнамент, русское барокко, декоративно-прикладное искусство.

STYLISTIC FEATURES OF TILES VELIKY USTYUG

Summary: This article explores the stylistic characteristics of Veliky Ustyug tiles as a distinctive artistic phenomenon in Russian decorative and applied art of the late 17th and 18th centuries. The relevance of this work stems from the need for a comprehensive understanding of regional tile production centers, which, following pan-Russian trends, developed a unique aesthetic. The article analyzes artistic and stylistic decorative techniques. Particular attention is paid to the evolution of the tile: from early imported examples featuring battle scenes to the development of a local school of polychrome tiles with characteristic plant motifs (the "tree of life," "bird,"

and "flowerpot") and color schemes (turquoise, blue, yellow, white, and brown). The article examines compositional patterns for tile placement in architectural decor (friezes, architraves, and sashes) and their connection to the forms of Naryshkin Baroque. A separate section of the work is devoted to the technical and technological characteristics of local ceramics, including clay composition and recipes. The author concludes that the style of Ustyug tiles, while maintaining a connection with the Moscow tradition, is distinguished by a distinctive "northern" laconicism, monumental forms, and unique ornamental solutions, which allows Veliky Ustyug to be considered a major, independent center of artistic ceramics of its time.

Keywords: tiles, Veliky Ustyug, style, architectural ceramics, polychromy, ornament, Russian Baroque, decorative and applied arts.

Формирование изразцового искусства следует рассматривать как закономерный этап в развитии художественного осмысления предметно-пространственной среды человеком. С глубокой древности стремление не только обустроить жилище, но и наделить его символическим и эстетическим содержанием определяло эволюцию декоративных форм. Уже на ранних стадиях освоения глины как пластичного природного материала появляются первые образцы обожжённой керамики, сочетающие практическое назначение и элементы художественного оформления. Орнаментальные мотивы, наносимые на поверхность сосудов, кирпичей и иных керамических изделий, отражают потребность человека в визуальном структурировании пространства и придании бытовым предметам художественной выразительности.

К числу исторических предшественников изразцов можно отнести античные мозаики, создаваемые из фрагментов камня, керамики и смальты и использовавшиеся для декорирования храмовых и дворцовых комплексов. Эти композиции демонстрировали высокий уровень художественного мышления и понимания роли декоративного убранства в архитектуре. Тем не менее становление изразца как самостоятельного архитектурно-декоративного элемента стало возможным лишь в результате совершенствования гончарного ремесла и внедрения технологий глазурования, обеспечивших прочность, влагостойкость и насыщенность цветовой палитры керамических изделий. Существенным конструктивным отличием изразца от обычной облицовочной плитки является наличие румпы — специального коробчатого выступа на тыльной стороне, предназначенного для прочного закрепления элемента в кладке и создания объёмной декоративной поверхности.

Значимую роль в формировании традиций архитектурной керамики сыграли терракотовые панели, получившие широкое распространение в Древнем Египте и Вавилоне. Подобные декоративные решения активно применялись и в странах Востока, где керамическая облицовка стала неотъемлемой частью архитектурного ансамбля. Эти художественные практики оказали влияние на последующее развитие изразцового искусства в различных регионах.

Возникновение русского изразцового искусства исследователи относят к X столетию и связывают с эпохой крещения Руси, когда началось активное каменное храмовое строительство. Археологические материалы, обнаруженные в Древнем Киеве X–XI веков, а также в Старой Рязани и Владимире XII века, свидетельствуют о существовании керамических изделий, покрытых прозрачными и полихромными глазуриями. Эти находки позволяют говорить о раннем освоении сложных технологических приёмов обработки и декорирования керамики на территории Древней Руси и подтверждают включённость русских мастеров в общеевропейский и византийский художественный контекст [1]. Технология производства и художественной отделки керамических плиток была привнесена на Русь из Византии вместе с христианизацией и началом каменного строительства в конце X века. Однако вплоть до середины XV столетия архитектурная керамика не получила широкого тиражирования, уступая место белокаменной резьбе.

Системное развитие отечественного производства керамического декора прервалось в середине XIII века вследствие монгольского нашествия. Лишь после Куликовской битвы (1380 г.) и окончательной консолидации русских земель вокруг Москвы, в эпоху правления Ивана III, во второй половине XV века наблюдается возрождение ремесла. Активное внедрение терракотовых (неполивных) элементов фасадного декора фиксируется в московском зодчестве рубежа XVI столетия. К 20–30-м годам XVI века производство красных керамических плиток с гравировкой и рельефными изображениями распространяется далеко за пределы столицы. Если в первой половине XVI столетия ведущая роль принадлежала московским мастерским, то к 60–70-м годам того же века крупные центры формируются в Ярославле, Владимире и Калуге.

Новый качественный скачок в развитии изразцового дела происходит в середине XVII века. Его возрождение и технологическое усложнение неразрывно связано с церковной реформой патриарха Никона и началом строительства Новоиерусалимского монастыря на реке Истре (основан в 1656 г.). Именно здесь, при участии белорусских и польских мастеров, была налажена выработка «ценинных» (поливных) многоцветных изразцов, ознаменовавшая расцвет русского изразцового искусства во второй половине XVII столетия.

К началу XVIII века, в петровскую эпоху, география производства вновь меняется. Наряду с традиционными центрами (Москва, Троице-Сергиев монастырь) фиксируются новые очаги: в 1710-х годах открываются мастерские в Санкт-Петербурге и Александровской слободе. В провинции, вдали от новых столичных веяний, вплоть до середины XVIII столетия сохраняются локальные школы. Небольшие по объёму производства действуют в Балахне (Нижегородская губерния), Соликамске (Пермский край), Великом Устюге и Тотьме [2]. Со временем мастера начали использовать белую глину, которую после первого обжига покрывали глазуриями. В большинстве работ была использована плитка изумрудного оттенка, такие плитки называли

«муриновыми». Чуть позже возникло понятие «ценинные». Эта техника покрытия цветной глазурью, полихромная. Она преобладала у московских мастеров и именно там впервые использовались многоцветные изразцы с рельефной поверхностью в декоре церкви Троицы в Никитниках (1635–1653 гг.). Также стоит отметить, что плитки можно дифференцировать на 2 группы по способу их использования и назначению. Первый неразрывно связан с фасадами зданий. Это орнаментальные, реже сюжетные, композиции, сопоставимые по информативной нагрузке и сакральному значению с иконами, текстами церковного учения и храмовыми надписями. Будучи сложными, одиночными или плохо воспроизводимыми объектами, они соответствуют высокому статусу зданий и сами по себе повышают их значимость. Эти модели создавались по специальному заказу княжеских и царских семей, церковных иерархов. Вторая группа состоит из более распространенных, дорогих и сложных элементов. Они украшали интерьер, а именно печи. Печная плитка широко использовалась на Руси еще в старину. На начальной стадии печи обычно украшались водонепроницаемой плиткой, которая имела красный цвет, а потом ее заменяли на плитку зеленого цвета, затем – разноцветную. В XVIII веке плитка перестала использоваться в качестве внешнего оформления и стала основным элементом внутреннего декора религиозных, общественных зданий. В церкви села Дымково, Троицком монастыре, здании келий монастырей, домах Шилова, Павлова, Бызова и других зданиях Великого Новгорода до сих пор сохранились прекрасные изразцовые печи [3].

В конце XVI века в поселении Орёл-Городок, находившемся на реке Каме, сформировался первый на северных территориях центр изразцового производства. Этот этап стал важной вехой в развитии региональной керамической традиции. После переноса Орла-Городка в 1706 году на левый, более высокий берег Камы, ремесленные мастерские были перемещены в Соликамск, где изготовление изразцов получило дальнейшее развитие и организационное оформление.

Примерно во второй половине XVII столетия складывается ещё один значимый центр — балахнинское производство, сыгравшее заметную роль в формировании художественного облика печной керамики Поволжья и северных регионов.

Изразцы, создававшиеся в Соликамске и Балахне, демонстрируют общность колористического решения и орнаментальных мотивов. На протяжении всего периода существования этих мастерских для их продукции оставалась характерной конструктивная особенность — наличие коробчатой румпы, обеспечивавшей надёжное крепление изразца в печной кладке и способствовавшей формированию объёмной декоративной поверхности.

Производственные центры на реке Сухоне — в Великом Устюге и Тотьме — развивались в сходном художественно-технологическом русле. XVII–XVIII века принято рассматривать как этап наивысшего расцвета северной декоративной керамики, отличавшейся высоким уровнем мастерства исполнения и значительной ролью в архитектурном оформлении как

интерьеров, так и фасадов каменных сооружений. В этот период изразцы становятся неотъемлемым элементом художественной среды, формируя целостный декоративный ансамбль северного зодчества.

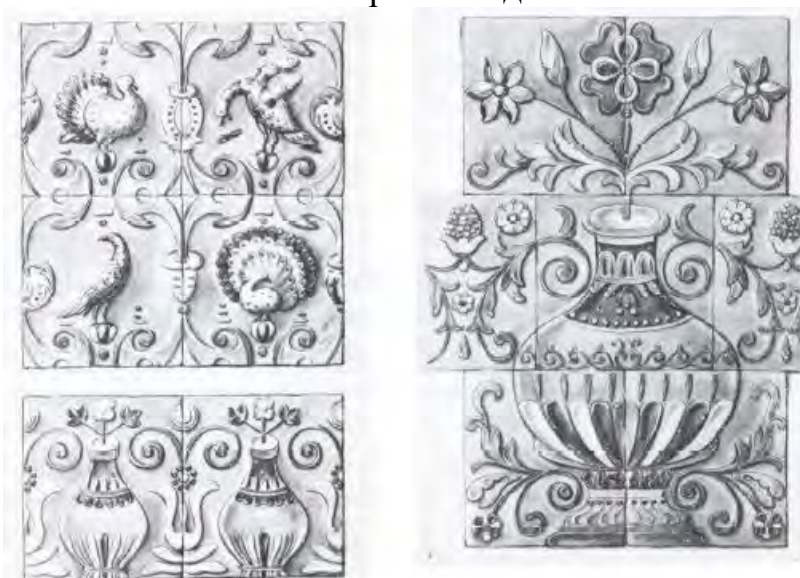

Рис. 1 – Ценинные фасадные изразцы конца XVII века (церковь Спасо-Преображенская). Фасадный раппорт из ценинных изразцов конца XVII века (церковь Спасо-Преображенская)

Изразцы XVII столетия отражали основные детали церквей: окна алтарных апсид, входы, барабаны центральных глав. Применение плитки на горизонтальных поверхностях, например, фризах, помогало наглядно определить структуру здания. Плитка сыграла важную роль в городском планировании, выделяя религиозные сооружения контрастным цветом среди обычных деревянных жилых зданий. Наконец, устюжские мастера использовали плитку в меру, чтобы придать ей особый блеск, и, как драгоценные камни, украсили белёную кладку. Предполагаемая умеренность была продиктована эстетикой того времени, когда преобладали простота и минимализм. Разноцветная плитка является основным примером устюжской облицовочной керамики со времен ее расцвета. Цветные плитки отличались от ранних керамических плиток тем, что лицевая сторона покрывалась непрозрачными эмалями на основе олова, откуда и произошло название цветных плиток «ценные» или «эмалевые». Декоративный эффект был достигнут за счет рельефа, живопись практически не использовалась. Первые образцы имели темный фон, обычно зеленый, и яркий орнаментальный узор. Цветовая палитра была достигнута за счет оксидов разных металлов, благодаря чему мастера получили палитру из пяти цветов – зеленого, синего, желтого и белого, а также прозрачную глазурь, которая дополнительно придала эмали красновато-коричневый оттенок. Преобладающим является оттенок, напоминающий изумруд, который используется как фон. С появлением новых технологий обработки поверхности изделий высокий рельеф был заменен на более низкий с вогнутой поверхностью, что позволило сохранить четкость

рисунка и избежать стекания краски. Если раньше каждая плитка была отдельной единицей и применялась как отдельный элемент в церкви Вознесения Господня, здания Михайловского, Троицкого и Архангельского монастырей, то в дальнейшем от плитки к плитке шел непрерывный узор, так что изолированные плитки образовали целые полосы. Формы рисунка стали крупнее, четче и обобщеннее. Разноцветная плитка с изображением разноцветных сказочных птиц в сложных обрамлениях была распространена в Устюге. Наиболее популярным предметом для украшения всегда были разнообразные вазы, стилизованные под цветы, с причудливыми завитками и растительными узорами. Основа всей композиции облицовки – это повторяемость рисунка. Кроме того, несмотря на ограниченность в выборе форм и рисунков, мастера разнообразили цвета плиток и их расположение, добившись богатства отделки.

Эволюция технологий и художественных предпочтений привела к созданию изразцов, характеризующихся светлым фоном и тёмными узорами. Мастера достигли высокого уровня мастерства в создании рельефных изображений, отличающихся точностью и симметрией.

Печи, распространённые в Великом Устюге и северных областях, имели многоярусную структуру. Со временем сформировалась традиция украшения печей ярусными композициями изразцов. В качестве примера можно привести многоцветные изразцовые панно, украшавшие церкви Сергия Радонежского в Дымковской слободе Великого Устюга и Спасо-Преображенский собор в Вологде. Период расцвета устюжской декоративной керамики продолжался около ста лет: с середины XVII до середины XVIII века, когда изразцы широко применялись при отделке фасадов каменных храмов. Среди них особое значение имеет Преображенский собор, который представляет собой настоящий музей разноцветного керамического фасада Устюшки. Одним из ярких примеров является памятник архитектуры – Вознесенская церковь (1648 г.), которая была украшена рамочными изразцами с изображениями сражений, животных и птиц, а также геральдическими знаками и растительным и геометрическим орнаментом. Керамические украшения храма представляют собой фриз из ряда растительных и геометрических раппортных композиций. Изразцы, расположенные по углам в верхней части барабана, покрывают все его главы. Такая же цепочка изразцов проходит в верхней части храма. Отдельные плитки, также расположенные по углам, декорируют тимпаны кокошников, элементы наличников. Строительством занимался устюжский купец – Никифор Ревякин и для работы он использовал плитки из белой и красной глины. Следует также отметить, что подобный декор не использовался в отделке других храмов Устюга, построенных в 1650-х и 1670-х годах.

Значимым этапом в истории производства устюжских изразцов следует считать период конца 1680-х годов. Именно в это время в Великом Устюге было прекращено изготовление полихромной рельефной плитки, которой ранее украшались многочисленные здания как в самом городе, так и в близлежащих населённых пунктах. Для данной продукции были характерны строго

выдержанные габариты: размеры плиток варьировались в пределах от 18,9 × 16,0 до 22,0 × 20,7 см при толщине 1,5–2 см. Поверхность изразцов покрывалась плотными по структуре эмалями бирюзового, синего, белого и жёлтого цветов, отличавшимися высокой укывистостью и насыщенностью тона. Несмотря на то что подобные изделия применялись преимущественно во внешнем архитектурном декоре, по своей функциональной природе они относились к печной керамике. Вместе с тем их художественное решение отличалось большей обобщённостью форм и отсутствием характерной для традиции печных комплектов дробной детализации. Следует подчеркнуть, что в Устюге не изготавливались крупноформатные изразцы, типичные для архитектурного убранства Москвы и Ярославля.

С конца 1680-х годов в декоративном оформлении храмовой архитектуры получают распространение многоцветные изразцы с изображениями птиц и вазонов. Композиционное построение таких плиток предполагало наличие по периметру граней декоративных рамок-соединителей, обеспечивавших возможность их включения в раппортные орнаментальные схемы и формирование цельных фризовых поясов.

Впервые подобные изразцы были применены при отделке Преображенского собора (1689–1696 гг.), после чего они украсили протяжённые фризы алтарных апсид церквей Антония и Феодосия Киево-Печерских (1693–1703 гг.), а также Ильинской церкви (1695 г.). В начале XVIII столетия плитки с аналогичной орнаментацией использовались и в других храмах городов и сёл Великоустюжской и Тотемской епархий. Так, Воскресенский собор в Лальске (1698–1717 гг.) был декорирован подобными элементами; монолитный керамический фриз располагался в верхней части церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Туглим (1710 г.); изразцовый фриз значительной протяжённости украшал здание Евангелической церкви в Лальске (1711–1715 гг.). Совокупность этих памятников свидетельствует о налаженном массовом производстве устюжских изразцов, отличавшихся устойчивостью формата, повторяемостью иконографических схем и стабильностью цветовых решений.

Общность художественных приёмов, прослеживаемая в изразцовых орнаментах и северодвинской настенной росписи, выражается в использовании коврового принципа заполнения фона, акцентировании центральных мотивов при помощи геометрических элементов и доминировании белого фона как композиционной основы. Растительные мотивы занимали ведущее место в декоративной системе печных изразцов; при этом мелкие орнаментальные элементы чередовались с крупными формами сложной конфигурации — картушами, медальонами и другими композиционными акцентами [1]. Масштаб орнамента соотносился с размерами интерьера и габаритами печи, что обуславливало более изысканную проработку деталей по сравнению с крупными фасадными плитками. Неотъемлемой частью печных ансамблей являлись многочисленные профильные и фасонные элементы — колонны, «гребешки», арочные детали, пояса, «ножки», «городки», «подзоры», «уголки»

и другие конструктивно-декоративные компоненты, формировавшие целостный художественный образ печи.

В конце XVIII века изразцы стали популярны и представляли собой новый вид устюжской печной облицовочной керамики «на голландский манер». Постепенно с плиток пропадает рельеф, разводы, которые теперь заменяются росписью по гладкой поверхности, первоначально синей краской на белом фоне. Затем количество цветов возрастает, и помимо синего в росписи появляются зеленый, желтый и фиолетово-коричневый цвета. Растительные орнаменты сменяются сюжетными картинками, на которых изображены жанровые сцены, охота, сбор фруктов и овощей, семейная жизнь, военные действия, игры и танцы, любовные сцены, быт зарубежных народов, иллюстрации к известным изречениям и т. д. Как правило, все сюжетные изразцы имели текстовое описание. В оформлении печей начинает преобладать принцип, основанный на иллюстрациях. Зачастую на одном предмете было изображено несколько законченных композиций, формирующих законченный сюжет. Изразцовое ремесло начало приходить в упадок в начале XIX века. Серебряный век вновь пробудил интерес к изразцам, но с другими эстетическими взглядами. Благодаря новым стилистическим тенденциям, разноцветная керамика была заменена гладкими белыми изразцами [5].

К началу XX столетия керамическое оформление фасадов многих устюжских зданий было сложно различимо из-за распространенной в конце XIX века практики побелки, скрывавшей декоративные элементы. Однако, в отличие от других мест, оригинальный изразцовый декор в Устюге редко заменялся при реставрации. Повторное открытие устюжского изразца произошло только во второй половине XX века, когда была произведена очистка керамических фриз на нескольких городских постройках.

Изучение показало, что в период с XVII до начала XVIII века Великий Устюг играл роль центра изразцового производства, хотя прямое подтверждение этому в исторических документах отсутствует. Необходимым условием для развития подобного ремесла в провинциальных городах было наличие развитого кирпичного и гончарного дела. Документы последней трети XVIII века содержат информацию об устюжских заводах и мастерских, указывая на то, что изготовление изразцов было дополнительной деятельностью к основному кирпичному производству [6].

Сохранность изразцов Великого Устюга объясняется их относительно большим количеством. О продукции других промыслов можно судить лишь по единичным образцам. Интересен многоцветный изразец, приобретенный Государственным музеем этнографии народов СССР в начале XX века в Сольвычегодске, бывшем владении Строгановых. Этот изразец местного производства отличается от типичных образцов начала XVIII века детализированным рисунком.

В заключение необходимо подчеркнуть выдающуюся роль устюжской керамики в контексте развития русского декоративно-прикладного искусства. На протяжении веков, устюжская керамика, бережно сохраняя традиции

прошлого, демонстрировала удивительную многогранность, от утилитарных предметов быта до изысканных художественных произведений. Стилистические особенности устюжской керамики, в которых гармонично сочетаются архаичные мотивы и инновационные решения, позволяют нам говорить о ее уникальном месте в истории русского искусства. Орнаментальные мотивы, унаследованные от древних культур, приобретают новое звучание в руках устюжских мастеров, обогащаясь символикой и философией своего времени.

Сегодня, в эпоху глобализации и унификации культур, сохранение и популяризация устюжской керамики приобретают особое значение. Устюжская керамика – это не просто предмет старины, это живое свидетельство культурного богатства России, способное вдохновлять современных художников и дизайнеров, а также воспитывать чувство прекрасного у молодого поколения. Необходимо прилагать усилия для сохранения и развития этого уникального ремесла, чтобы устюжская керамика продолжала радовать нас своей красотой и самобытностью на протяжении многих лет.

Список литературы:

1. Маслих, С.А. Русское-изразцовое искусство XV – XIX веков. - М.: Изобразительное искусство, 1983. С. 9 – 13.
2. Черная, М.П. Техничко-морфологические и стилистические особенности изразцов Сибири как исторического источника // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 78 - 85.
3. Баранова, С.И. Изразец как явление русской культуры: источники и изучение // Вестник Томского государственного университета. История, 2022. № 77. С. 174 - 188.
4. Лобзова, Р.В., Ярош, В.Н. Петрографические исследования изразцов фасадного декора храмов Великого Устюга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования, 2011. № 1. С. 127 - 131.
5. Скупченко, Л.А. Изразцы Великого Устюга в собраниях российских музеев // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. – 2025. – № 1(5). – С. 79-93. – DOI 10.28995/3034-3224-2025-1-79-93. – EDN OCPSYO.
6. Лисенкова, Ю.Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII–XVIII вв // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – № 7(108). – С. 208-216. – EDN QIWZTJ.

Райкова Ангелина Дмитриевна

4 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Raikova Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЯНТАРЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛИНИНГРАДА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу использования янтаря как ключевого элемента художественной культуры Калининграда и его трансформации в современном ювелирном искусстве. Актуальность исследования обусловлена особым статусом региона как центра добычи и художественной обработки балтийского янтаря и активным переосмыслением этого материала в практике современных дизайнеров. Цель работы заключается в выявлении преемственности традиций и новаторских тенденций в использовании янтаря, а также в определении особенностей художественного языка, формирующегося на пересечении ремесленного наследия и актуальных дизайнерских стратегий. На основе искусствоведческого и сравнительно-исторического анализа рассматриваются исторические предпосылки развития янтарного промысла, специфика региональной идентичности и современные подходы к формообразованию, включающие акцент на природной текстуре камня, минимализм оправ и экспериментальные композиционные решения. В результате показано, что янтарь функционирует не только как декоративный материал, но и как носитель культурных смыслов, а его интеграция в современный дизайн свидетельствует о формировании устойчивой модели художественного развития, сочетающей традицию и инновацию.

Ключевые слова: янтарь, Калининградская область, художественная культура, декоративно-прикладное искусство, ювелирное искусство, региональная идентичность, традиция, современное искусство, украшения из янтаря

YANTAR IN THE ARTISTIC CULTURE OF KALININGRAD: TRADITION AND MODERN INTERPRETATIONS IN JEWELRY

Summary: This article analyzes amber as a key element of Kaliningrad's artistic culture and its transformation into contemporary jewelry. The study's relevance stems from the region's special status as a center for the extraction and artistic processing of Baltic amber, as well as the active rethinking of this material by contemporary designers. The aim of the study is to identify the continuity of traditions and innovative trends in the use of amber, as well as to define the characteristics of an artistic language emerging at the intersection of craft heritage

and current design strategies. Based on art history and comparative historical analysis, this article examines the historical prerequisites for the development of amber crafts, the specifics of regional identity, and contemporary approaches to form-building, including an emphasis on the natural texture of the stone, minimalist settings, and experimental compositional solutions. It demonstrates that amber functions not only as a decorative material but also as a bearer of cultural meanings, and its integration into contemporary design indicates the emergence of a sustainable model of artistic development that combines tradition and innovation.

Keywords: amber, Kaliningrad region, artistic culture, decorative and applied arts, jewelry art, regional identity, tradition, contemporary art, amber jewelry

Калининградская область занимает уникальное положение в мировом янтарном ареале. На её территории сосредоточено до 90 % разведанных запасов балтийского янтаря, что обусловлено геологическими особенностями Самбийского полуострова. Янтароносные отложения формировались в палеогеновый период и связаны с древними хвойными лесами, смола которых в процессе длительных геологических преобразований превратилась в органоминеральное образование, известное как балтийский янтарь (сукцинит). Природно-географические условия предопределили не только экономическое значение региона, но и его культурную специфику. Наличие богатейших залежей янтаря сформировало устойчивую связь территории с этим материалом, что отразилось в хозяйственной деятельности, торговле и художественных практиках. Уже с древности янтарь являлся объектом международного обмена, входя в систему так называемого «янтарного пути», связывавшего Балтику с античным миром [1].

В период Восточной Пруссии янтарь приобрёл статус стратегически важного ресурса. Начиная с XVII века его добыча и обработка находились под строгим государственным контролем. В Кёнигсберге и других городах действовали специализированные мастерские, где формировались художественные традиции обработки янтаря, сочетающие ремесленные навыки с элементами барокко и классицизма [2]. Особое место в культурной истории региона занимает Янтарная комната, созданная в начале XVIII века. Этот проект стал символом художественного потенциала материала и продемонстрировал возможности янтаря как элемента парадного интерьерного искусства. В восточно-прусский период янтарь использовался в ювелирных украшениях, культовых предметах, декоративных панно и сувенирной продукции, что способствовало формированию устойчивого художественного канона. После 1945 года территория бывшей Восточной Пруссии вошла в состав СССР, что повлекло трансформацию экономической и культурной инфраструктуры региона. В 1947 году был создан Калининградский янтарный комбинат, ставший крупнейшим предприятием по добыче и переработке янтаря в мире. Его деятельность обеспечила промышленную основу для развития янтарного искусства в советский период. В 1950–1980-е годы при комбинате и в системе художественных промыслов функционировали мастерские, где

формировался новый художественный язык, ориентированный на принципы декоративно-прикладного искусства социалистической эпохи. Янтарь использовался в создании сувенирной продукции, ювелирных украшений, интерьерных композиций и тематических панно. Советская традиция стремилась соединить технологическую стандартизацию с художественной выразительностью, что привело к формированию узнаваемого стилистического комплекса. Одновременно происходило институциональное закрепление янтаря как культурного символа региона: проводились выставки, создавались специализированные музеи, формировалась система профессионального образования. В постсоветский период янтарь окончательно закрепился в качестве ключевого символа Калининградской области. Он активно используется в региональном брендинге, туристической инфраструктуре и культурной политике. Образ «янтарного края» транслируется через фестивали, музейные проекты, выставочные инициативы и сувенирную продукцию [3].

Технологии обработки янтаря формировались на протяжении нескольких столетий и отражают взаимодействие ремесленных традиций, художественных задач и технических возможностей конкретной эпохи. Первоначально обработка балтийского янтаря носила преимущественно утилитарный характер и ограничивалась механической шлифовкой, сверлением и полировкой. Простота инструментария определяла лаконичность форм и сохранение естественной конфигурации материала. В восточно-прусский период наблюдается усложнение технологических приёмов: широко применялись резьба, гравировка, инкрустация, комбинирование янтаря с металлом, слоновой костью и древесиной. Развитие токарных станков позволило создавать более сложные объёмные формы — кубки, шкатулки, декоративные сосуды. В этот период усиливается внимание к прозрачности, цветовой глубине и внутренним включениям янтаря как художественным достоинствам материала [2]. В советское время технологии были стандартизированы в рамках промышленного производства. Основное внимание уделялось механизированной обработке, калибровке и серийному выпуску изделий. Вместе с тем в художественных мастерских сохранялись традиции ручной резьбы и пластической обработки, что обеспечивало преемственность ремесленных навыков. В постсоветский период наблюдается возвращение к авторским техникам, экспериментам с фактурой, матированием, комбинированием янтаря с современными материалами (титан, сталь, стекло, полимеры).

В XX веке янтарь занял устойчивое место в системе декоративно-прикладного искусства региона. В довоенный период сохранялись традиции восточно-прусских мастерских, ориентированных на исторические стили и сувенирную продукцию. После 1945 года художественное освоение янтаря происходило в рамках советской эстетической парадигмы, ориентированной на соединение утилитарности и декоративности. Изделия 1950–1980-х годов отличались стремлением к ясности формы и тематической выразительности. Янтарь использовался в создании брошей, бус, кулонов, шкатулок, настольных композиций. Популярностью пользовались мотивы флоры и фауны Балтики,

морская тематика, а также символика, отражающая идеологический контекст эпохи. Характерной особенностью стало сочетание природной текстуры янтаря с серебром и мельхиором, что подчёркивало контраст между тёплой органической фактурой и холодным металлом [4].

В конце XX века декоративно-прикладное искусство янтаря постепенно освобождается от каноничных решений и обращается к более свободной пластике и индивидуальному художественному высказыванию. Формируется пространство авторского ювелирного искусства, где янтарь воспринимается не только как традиционный материал, но и как средство художественного эксперимента. Особое место в художественной традиции занимает использование янтаря в монументально-декоративном и интерьерном искусстве. Историческим прецедентом такого применения стала Янтарная комната – уникальный памятник декоративно-прикладного искусства XVIII века, созданный в 1701–1711 гг. в Пруссии по заказу короля Фридриха I. Главными мастерами проекта были архитектор Андреас Шлютер и янтарный мастер Готфрид Вольфрам (позднее работу продолжили Эрнст Шахт и Готфрид Турау). В 1716 году прусский король Фридрих Вильгельм I подарил Янтарную комнату российскому императору Петру I как дипломатический жест. В России она была установлена в Зимнем дворце, а затем при императрице Елизавете Петровне перенесена в Екатерининский дворец в Царском Селе; оформление завершено в 1755 году под руководством архитектора Бартоломео Растрелли. Во время Великой Отечественной войны в 1941 году комната была демонтирована и вывезена немецкими войсками в Кёнигсберг. С 1945 года её местонахождение остаётся неизвестным. Воссоздание Янтарной комнаты началось в 1979 году, а торжественное открытие реконструированного интерьера в Екатерининском дворце состоялось в 2003 году к 300-летию Санкт-Петербурга [5].

Современные художники продолжают развивать данное направление, создавая масштабные арт-объекты и инсталляции с использованием янтаря. В таких проектах материал нередко приобретает концептуальное значение, выступая метафорой времени, памяти и природной энергии. В XXI веке янтарь в художественной культуре Калининграда переживает этап активного переосмысления. Традиционный материал, долгое время ассоциировавшийся преимущественно с сувенирной продукцией и классическим декоративно-прикладным искусством, включается в пространство актуального художественного дискурса. Современные интерпретации основываются на диалоге с историческим наследием, однако стремятся выйти за пределы канонических форм и стилистических решений. В музейном и галерейном пространстве янтарь всё чаще рассматривается в контексте contemporary art, где акцент смещается с утилитарности на концептуальное осмысление материала. Художники обращаются к теме геологической древности янтаря, его органического происхождения и связи с историей региона. Таким образом, материал становится медиатором между природным и культурным измерениями. Характерной особенностью современного этапа является

активное комбинирование янтаря с новыми материалами — титаном, нержавеющей сталью, акрилом, текстилем и композитами. Такие сочетания позволяют подчеркнуть контраст между органической природой янтаря и индустриальной эстетикой современных технологий. Кроме того, наблюдается отход от традиционных симметричных форм и орнаментальных мотивов. Появляются асимметричные композиции, абстрактные структуры, объекты с подчеркнуто необработанной фактурой. Экспериментальные подходы включают использование фрагментированного янтаря, включение его в прозрачные полимерные конструкции, работу со светом и подсветкой. Подобные решения формируют новый визуальный язык, в котором янтарь выступает элементом актуального художественного поиска. Ключевыми и значимыми проектами стали: Ассоциация янтарной отрасли в Калининградской области -первый в России официально зарегистрированное профессиональное объединение, объединяющее участников янтарного дела. В её состав вошли системообразующие предприятия региона, включая ГУП «Калининградский янтарный комбинат» — единственный в мире центр промышленной добычи янтаря, АО «Янтарный Ювелирпром», а также ряд крупных перерабатывающих и ювелирных организаций. Приоритетными направлениями деятельности объединения являются модернизация технологической базы, развитие глубокой переработки, представительство интересов участников в национальном и международном профессиональном пространстве, а также формирование системы саморегулирования. Таким образом, Ассоциация выступает инструментом трансформации янтарной отрасли — от преимущественно сырьевой модели к инновационно ориентированной и институционально устойчивой структуре, что существенно влияет на социально-экономическое развитие региона, аккумулирующего основную часть мировых запасов янтаря [6]. Также в популяризации ювелирного искусства янтаря активное участие принимает Калининградский музей янтаря, ими была разработана выставка, где ювелирным изделиям посвящено две трети коллекции. Предоставлены работы не только российских мастеров, но и зарубежных художников.

Одним из примеров современного переосмысления янтаря является бренд «AmberProfi», основанный в 2001 году, компания специализируется не только на ювелирных изделиях, но и предметах интерьера. В работе используются разные виды янтаря: черный, молочный, коньячный и другие, что позволяет создавать более уникальную продукцию. Бренд отличается большой коллекцией различных типов изделий, сочетающих в себе простоту и лаконичность формы и цвета [7].

Рис. 1 – Серебряное кольцо с натуральным коньячным янтарём «Пикассо»

Также следует отметить бренд «Ambery», в котором акцент сделан на простоту формы и минимализм изделий. Основателем компании является Екатерина Алагич, на создание ювелирных украшений ее вдохновила рабочая поездка с репортажем на Янтарный Комбинат в Калининградскую область. В основе первой коллекции заложены простые формы и геометрия, в качестве источников вдохновения выступали различные архитектурные проекты и эскизы интерьеров. В процессе формирования концептуального мудборда, помимо архитектурных источников, были задействованы элементы интерьерного дизайна и образцы современной мебели, что позволило расширить визуально-семантическое поле проектирования. Существенную роль в разработке эстетической стратегии сыграли живопись и актуальные модные тенденции, прежде всего в аспекте использования выразительных и контрастных цветовых сочетаний. Особое внимание уделялось не только формообразованию, но и колористике: оттенки янтаря рассматривались как пластичный материал, способный к гармоничному взаимодействию с камнями голубой, красной, зеленой и белой гаммы, что обеспечивало многослойность визуального восприятия изделий.

Разработка коллекции «Modernism» заняла около шести месяцев и представляла собой последовательный процесс поиска баланса между материалом и формой. В рамках данной серии были созданы украшения, в которых комбинировались латунь и серебро, а также использовались как протяженные, delicate подвески, так и минималистичные кольца. Ассортимент дополняли серьги с редким полупрозрачным камнем и кольца, формообразование которых отсылало к образной системе американских небоскребов 1930-х годов, тем самым интегрируя в дизайн элементы архитектурного модернизма.

Сырьевая база проекта обеспечивается поставками материалов с Калининградский янтарный комбинат, что гарантирует стабильность качества используемого янтаря. Коммерциализация бренда «Ambery» началась в июне 2017 года с выхода на зарубежные рынки; спустя месяц продукция стала доступна и российскому потребителю. В настоящее время около 60% объема продаж приходится на российский рынок, преимущественно на Москва и Санкт-Петербург, при этом фиксируется устойчивый спрос со стороны

регионов. Оставшиеся 40% реализуются за рубежом, включая рынки США, Великобритания, Германия, Израиль и Китай, что свидетельствует о сформированном международном интересе к продукции бренда [8].

Рис. 2 – Кольцо из коллекции «Modernism»

Strelnik Jewelry — калининградский ювелирный бренд, специализирующийся на авторских изделиях из янтаря, возражающий камень в современном ювелирном мире. Камень рассматривается не только как декоративный ресурс, но прежде всего как материальная и культурная среда профессиональной деятельности. Данный материал, обладающий выраженной локальной спецификой и природной вариативностью, интерпретируется как «живой» субстрат с индивидуальными морфологическими характеристиками. Основное внимание в процессе проектирования уделяется формообразованию, эргономике посадки изделия и способам максимального раскрытия оптических и текстурных свойств камня в структуре украшения.

Принципиальное значение имеет обращение к балтийскому янтарю как к регионально укоренённому материалу. В этом контексте янтарь выступает в качестве своеобразной «языковой основы» бренда, формирующей его идентичность и обеспечивающей преемственность между местом создания и конечным объектом. Концептуальный фокус направлен непосредственно на камень как на центр композиции. Анализируются рисунок слоёв, глубина просвечивания, спектральные оттенки и характер цветовых переходов. Геометрия оправы и конструктивные параметры изделия выстраиваются исходя из природной структуры янтаря, что предполагает приоритет внутренней логики материала над внешне заданной формой. Современная интерпретация достигается за счёт вариативности типологических решений и масштабных характеристик. Идентичные по происхождению природные вставки получают различное композиционное звучание в кольцах, серьгах, кафф-браслетах и подвесках. Экспериментирование с асимметрией, пропорциями и способами крепления сочетается с принципом визуальной сдержанности, обеспечивающим читаемость камня и его доминирующую роль в структуре объекта [9].

Рис. 3 – Двойное кольцо с медовым (инклюзом) янтарем

«Янтарная волна» — калининградская производственно-торговая компания, специализирующаяся на создании художественных ювелирных изделий с использованием балтийского янтаря в комбинации с серебром, золотом и различными драгоценными или полудрагоценными камнями. Бренд функционирует с 2004 года, и за это время его продукция получила признание как среди ценителей натурального камня, так и среди экспертов ювелирного искусства. Название компании образно отражает связь с природой: вдохновение для создания украшений авторы видят в визуальных образах балтийского побережья — солнечном свете, играющем на волнах моря, и тёплых янтарных тонах, наполняющих морской пейзаж собственной «энергией» и динамикой.

Ассортимент бренда довольно широк и включает подвески, кольца, серьги, броши и браслеты разных стилистических направлений — от повседневных украшений до изделий, предназначенных для торжественных событий. Эксперты отмечают разнообразие художественных решений, в которых янтарь органично сочетается с металлами и драгоценными вставками, создавая выразительные визуальные композиции.

Производство сосредоточено в Калининграде, где мастера используют традиционные методы ювелирной обработки натурального камня, а также современные технологии, что позволяет бренду поддерживать высокое качество изделий и регулярно обновлять коллекции. Помимо серийной продукции, мастера «Янтарной волны» выполняют индивидуальные заказы, создавая уникальные предметы под конкретных клиентов [10].

Рис. 1 – Брошь (материал: серебро, желтый янтарь)

Sun Stone — российский ювелирный бренд, специализирующийся на создании украшений из натурального балтийского янтаря в сочетании с серебром 925-й пробы. Компания ведёт свою деятельность с 2017 года и базируется в Калининградская область. Бренд стремится разрушить традиционные стереотипы об этом материале и показать, что изделия с янтарём могут быть современными, эстетически релевантными и модными для широкого круга потребителей. Ассортимент Sun Stone включает широкий спектр ювелирных типов: серьги, кольца, браслеты, кулоны и броши, выполненные с использованием только натурального янтаря различных оттенков — коньячного, молочного и вишнёвого. В изделиях применяются разнообразные дизайнерские решения — от минималистичных и лаконичных форм до более выразительных современных конструкций, что позволяет бренду сочетать традиционный камень с актуальными эстетическими тенденциями. На данный момент существует несколько коллекций, каждая из которых раскрывает материал по своему, тем самым привлекая широкий спектр покупателей: TRIER, LAMA, SHAPE, ORION, MERIDIAN, FORK, KONGO, FLORA и другие. На сегодняшний день, бренду удалось завить о себе и выйти на крупные площадки, например, PanClub, OZON и Золотое яблоко [11].

Рис. 5 – Набор украшений из коллекции «SHIFT 3 collection»

Художественная культура Калининграда в сфере работы с янтарем демонстрирует уникальную модель преемственности, сформировавшуюся на стыке научной реконструкции и актуального художественного поиска. Поскольку регион аккумулирует около 90% мировых запасов балтийского самоцвета, именно здесь сложились условия для полноценного возрождения утраченных традиций и их последующей эволюции.

Ключевым фактором формирования традиции стала системная деятельность Калининградского областного музея янтаря (с 1979 г.), инициировавшего в 1978–1990-х годах реконструкцию кёнигсбергских шедевров. Это позволило не только восстановить историческую преемственность, но и воспитать поколение мастеров, владеющих академическими техниками обработки камня. Таким образом, «традиция» в региональном контексте оказалась не стихийным наследием, а результатом целенаправленной научно-реставрационной работы. В итоге калининградская школа янтарного искусства прошла путь от восстановления утраченного

наследия (1978–2000-е) к активному продуцированию новых смыслов. Развиваясь между полюсами исторического образца и современного дизайна, она демонстрирует жизнеспособность локальной традиции, способной к постоянному обновлению и интеграции в актуальный художественный контекст.

Список литературы:

1. Лебедев, С. В. Художественная обработка янтаря - самый молодой художественный промысел России / С. В. Лебедев // Вестник ГГУ. – 2018. – № 3. – С. 48-54. – EDN YVENTV.
2. Полякова, И. А. Коллекционирование природных образцов янтаря в Пруссии XVI века / И. А. Полякова // Коллекция в пространстве культуры материалы международной научной конференции: Материалы международной научной конференции, Калининград, 18–21 сентября 2017 года / Под редакцией И.А. Поляковой, Т.Ю. Суворовой; Калининградский областной музей янтаря. – Калининград: Государственное бюджетное учреждение культуры "Калининградский областной музей янтаря", 2018. – С. 71-90. – EDN NIAUSY.
3. Лебедев, С. В. Исторический аспект становления художественного промысла в индустриальную эпоху и особенности развития профессионального образования (на примере художественной обработки янтаря в Калининградской области) / С. В. Лебедев, В. И. Смирнов // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019. – № 3(30). – С. 33-42. – DOI 10.24411/2619-1504-2019-00045. – EDN OOGSPR.
4. Никифорова, А. А. Янтарное искусство: сохранение наследия и развитие новых возможностей / А. А. Никифорова // Культурное наследие России. – 2020. – № 2(29). – С. 53-58. – DOI 10.34685/NI.2020.29.2.007. – EDN VDUECN.
5. Маркова, К. И. Загадки и тайны Янтарной комнаты / К. И. Маркова, Е. Н. Костылева // Новые технологии в учебном процессе и производства: Материалы XVI межвузовской научно-технической конференции, Рязань, 17–19 апреля 2018 года / Под ред. Платонова А.А., Бакулиной А.А.. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Жуков Виталий Юрьевич, 2018. – С. 490-493. – EDN XYGZPN.
6. Калининградский янтарный комбинат. У российских янтарщиков появилась своя профессиональная ассоциация. – URL: <https://ambercombine.ru/en/press-center/news/u-rossijskikh-yantarshchikov-poyavilas-svoya-professionalnaya-assotsiatsiya> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Бренд «Ambery». Официальный сайт. – URL: https://amberprofi.ru/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=113768922&utm_content=16436344484&utm_term=--- (дата обращения: 20.02.2026).
8. Sobaka.ru. Ювелирные изделия с янтарём. – URL: <https://www.sobaka.ru/fashion/jewelry/61722?ysclid=mluoqi6yuh77580537> (дата обращения: 05.02.2026).
9. Бренд «Strelnik». Официальный сайт. – URL: <https://strelnik.ru/?ysclid=mluor9mepl341470870> (дата обращения: 11.02.2026).

- 10.Бренд «Янтарная волна». Официальный сайт. – URL: <https://amberwave.ru/?ysclid=mluos1ti3j95940888> (дата обращения: 17.02.2026).
- 11.Бренд «SUN STONE». Официальный сайт. – URL: <https://sunstoneamber.com/?ysclid=mluosr14os845687535> (дата обращения: 11.02.2026).

Резниченко Вероника Александровна

1 ГД-29

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук доцент Лобастова Вера Александровна

Veronika Reznichenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

НЕЙРОСЕТИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА

Аннотация: Статья посвящена философскому и этическому анализу влияния нейросетевых технологий на творческий процесс в современном обществе. Технологическая революция XXI века поставила под сомнение традиционные представления о границах творчества человека и машины, индивидуальности, субъективности и истинности. В статье анализируются трансформация креативности на фоне массового внедрения искусственного интеллекта. Кроме того, рассматривается роль размышления и опыта в создании уникального творческого продукта, а также возможностях ограничения генеративного искусственного интеллекта. Обсуждаются возможные стратегии гармонизации взаимодействия человека и нейросети. Также в статье приведено практическое исследование – опрос о восприятии искусственного интеллекта разными людьми.

Ключевые слова: творчество, философия, нейросети, автоматизация, размышления, индивидуальность.

NEURAL NETWORKS AS A PROBLEM IN THE PHILOSOPHY OF CREATIVITY

Summary: The article is devoted to the philosophical and ethical analysis of the influence of neural network technologies on the creative process in modern society. The technological revolution of the 21st century has challenged traditional views on the boundaries between human and machine creativity, individuality, subjectivity, and authenticity. The article examines the transformation of creativity in the context of the widespread implementation of artificial intelligence. In addition, it considers the role of reflection and experience in the creation of a unique creative product, as well as the potential limitations of generative artificial intelligence. Possible strategies for harmonizing the interaction between humans and neural networks are discussed. The study also includes practical research in the form of a survey on people's perceptions of artificial intelligence.

Keywords: creativity, philosophy, neural networks, automation, reflection, individuality.

Технологическая или цифровая революция к началу XXI века коренным образом изменила способы производства, коммуникации и творчества. Одним из важнейших достижений последних лет стала разработка и внедрение

нейросетей – систем, способных на генерацию текстов, изображений, музыки. Однако столь стремительное развитие технологий не только открыло новые горизонты для самовыражения, но и поставило перед обществом и философией творчества фундаментальные вызовы – прежде всего: что есть творческий акт, где проходит грань между человеком и машиной, может ли алгоритм обладать способностью к творчеству, и каково место индивидуальности и духа в создаваемых продуктами осмысленной деятельности? Эта статья посвящена критическому анализу роли нейросетей в современном творчестве, рассмотрению философских проблем и вызовов, связанных с делегированием творческого процесса машине.

Рассмотрим, само понятие размышления в творческом процессе, с точки зрения философии. Так, с древности философия базировалась на размышлении и стремлении к изучению истинного понимания бытия. Процесс философствования подразумевает не только стремление к мудрости, но и признание её недостижимости: каждое новое знание открывает границы неопределённости и новые горизонты поисков. Это заключение возможно подкрепить суждением Карла Ясперса о философии как науке, где он сопоставляет её с естественными науками: «В отличие от наук для философского мышления не характерен прогресс» [1, с. 9]. Также важно отметить, что философия универсальна с точки зрения индивидуальности подхода: каждый человек имеет возможность размышлять, развивать способность к самоанализу (опыта, действий, окружающего, высказанных слов и т.д.).

Так устроено и творчество как процесс: творец не просто механически создаёт объект, он вкладывает в продукт деятельности часть своего внутреннего мира, уникальность и ту «искру», которую невозможно механически воссоздать. Также важно отметить, что, как и философское мышление, которое «каждый раз должно начинаться с самого начала» и «каждый человек должен осуществлять его самостоятельно» [1, с. 11], творческий процесс также в создании нового «продукта» должен начинаться с нуля, с первой мысли человека о идее для ее реализации. Из этого следует, что в традиционном понимании творчества человек всегда стремился к новому: к познанию, изобретению, созданию чего-то, чего ещё не было.

Каждый творческий продукт, будь то произведение искусства, научное открытие или культурное явление, носит на себе «отпечаток» опыта субъекта: пережитых чувств, личных ценностей, идей и стремлений. Поиск истины и смыслов выступает внутренней движущей силой для науки, философии, искусства – всего спектра творческой деятельности человека. По выражению Сократа, «не исследованная жизнь не стоит того, чтобы ею жить».

Так, следующим возникает вопрос о самом понятии нейросети и возможно ли назвать машину «творцом». Дадим определение генеративному искусственному интеллекту: Нейросеть — это разработка, основанная на принципах функционирования нервной системы человека, имитирующая, однако, только математическую сторону обработки информации. Современные

нейросетевые алгоритмы способны генерировать то, что подражает человеческому творчеству. Но могут ли результаты такой деятельности считаться творчеством?

В философском контексте творчество немыслимо без субъективности, «души» творца, внутреннего импульса к созданию и смыслообразованию. Машина, каким бы совершенным ни был её алгоритм, не обладает сознанием, целеполаганием и личностным началом. Она действует по заранее заданным правилам, бессознательно оперируя статистическим анализом, выборками и повторением паттернов.

Технологии нейросетей основываются на уже существующих продуктах умственной и физической деятельности человека. Её устройство только повторяет когда-то реализованные идеи, сочетая фрагменты, либо же копируя практически полностью. Здесь возникает вопрос об авторском праве и обучении нейросети на произведениях, без согласия творцов, для генерации какого-либо контента.

Возвращаясь к духовной стороне вопроса, основная проблема заключается не в самой возможности использования технологий, а в смещении акцента: творческий продукт становится безличным, часто ориентированным исключительно на утилитарную, коммерческую ценность, теряя глубинные черты человеческой индивидуальности. Такой продукт не способен нести новое понимание мира, он лишь трансформирует и компилирует уже имеющийся опыт.

Также в возражении к данной проблеме можно отнести фразу: «Всё уже придумано до нас». Отчасти, суждение верно, ведь большое множество открытий уже реализовано, но всё ещё существует вероятность, что опыт отдельной личности способен придумать что-либо совершенно новое. Безусловно, национальная культура, окружение повлияет на итоговый продукт, но он всё ещё будет являться уникальным, так как и при философствовании разные люди часто приходят к разным выводам, имея схожие исходные данные.

Продолжая говорить о современном положении: культуре массовых решений и рынка творчества, мы приходим к тому, что сегодня понятие философии, а ещё более остро – философии творчества, претерпевает серьезные изменения как на уровне общественного сознания, так и на рынке культурных индустрий. Массовый потребитель и бизнес зачастую видят в творчестве лишь инструмент для коммерческого успеха, выгодный «контент» или быстрый способ закрытия задач. Простота получения результата через нейросети способствует «инфляции» креативности. Если же человек привыкает делегировать творческий труд, из-за автоматизации практически неизбежно исчезает внутренний рост, самостоятельный поиск смысла и причастность к подлинному творчеству, воплощённому в переживании работы, даровании смысла миру – даже если речь о простой бытовой задаче.

Идея и есть творчество, для того чтобы человек был способен на генерацию самостоятельно, должна проводится своеобразная «тренировка» в виде накопления опыта, начиная с закрытия бытовых вопросов, для

поддержания «бодрствующего сознания», по выражению К. Ясперса [1, с. 9-18], а использование нейросетей для решения простых задач вызывает кризис мышления человека. Так, можно привести пример об упрощении поиска информации с каждым столетием нового времени:

- XV век (период Гутенберга): в Европе началось активное распространение печатных станков, что сделало книги доступнее и ускорило развитие науки и образования. Для поиска информации необходимо искать ответ в литературе или обратиться к специалисту.

- 1969-1998: от создания интернета до регистрации компании Google. Период возникновения, а позже активного пользования поисковой сетью, упрощение в нахождении нужного ответа. Однако даже в этом случае человеку необходимо проанализировать множество ответов и выбрать для себя наиболее подходящий, либо же синтезировать несколько ответов в единый, субъективно верный.

- 2022/23-2026: пик популярности нейросетей для решения любых вопросов, касающихся генерации ответов (также создания изображений, музыки и т.д.). Здесь для поиска готового решения нужно лишь задать вопрос искусственному интеллекту, а он в свою очередь выдаст готовый ответ, не требующий дальнейшей умственной обработки.

Для дальнейшего размышления обратимся к результатам практического исследования: опроса об отношении людей (разных возрастных групп: от 15 до 50 лет) к нейросетевым технологиям. Число прошедших опрос – 61 человек. Следует отметить, что около 72% опрошенных относятся к возрастной категории от 15 до 20 лет.

В результате исследования были выявлены следующие тенденции:

- около 60,8% опрошенных используют нейросетевые сервисы часто (от ежедневного использования, до нескольких раз в неделю);

- 86,3 % опрошенных используют искусственный интеллект для коротких ответов на различные вопросы, более 51% для генерации текста, более 67% для решения образовательных задач;

- более 70% считают результат деятельности нейросети либо значительно хуже творческого продукта человека, либо частично сопоставимым, но сильно уступающим в глубине и оригинальности;

- более 50% опрошенных определяют продукт, сгенерированный нейросетью (при условии наличия ввода идеи человеком), как результат машины, который нельзя назвать творчеством;

- 98,1% прошедших опрос считают или невозможным замену искусственным интеллектом творчества человека, или маловероятным (возможно частичным), так как человеческое творчество обладает качествами, невозпроизводимыми нейросетями, и человеческое творчество сохранит основные функции.

Основными философскими и этическим проблемами, в связи с массовым использованием нейросетей, выдвинутыми опрашиваемыми стали: деградация размышлений человека в процессе создания нового, обесценивание творчества

как процесса и акта созидания чего-то нового, авторское право и присваивание генерации искусственного интеллекта человеку, а также неурегулированное использование уже существующего «истинного» творчества, основанного на опыте, мыслях, окружении автора, для обучения нейросети. Таким образом, исходя из результатов опроса философия творчества немыслима без индивидуальности, глубины духовного поиска, постоянного преодоления автоматизма и шаблона, а также понимания людей о проблеме массовости нейросетевого создания.

Итоговым вопросом становится поиск возможных путей решения философской проблемы творчества нейросетей. В попытках преодоления кризиса обсуждаются следующие стратегии:

- Частичное делегирование: использование нейросетей для автоматизации рутинных, технических операций (например, поиск справочной информации, первичная обработка материала), оставляя за человеком весь концептуальный, смысловой и осмысленный компонент творчества.

- Осознанное использование: критически относиться к алгоритмическим результатам, применять их как «черновик», не считая итоговым и авторским продуктом до глубокой переработки или творческой доработки «руками».

- Возвращение к труду и созиданию: сохранение высокой ценности процесса создания продукта, поощрение ремесленной и авторской работы, воспитание уважения к личному вкладу и осознанности в творчестве.

- Образовательные и культурные программы: формирование у молодёжи и широкого общества представления о творчестве как о глубокой, многослойной деятельности, требующей развития не только технических, но и философско-этических компетенций.

Тем не менее, даже при самом сбалансированном подходе возникают психологические и культурные барьеры. Полный отказ от применения нейросетей в настоящее время невозможен и не реалистичен, учитывая темпы цифровизации даже гуманитарных областей бытия. Человек, привыкший к удобству инструментов, скорости и простоте результата, редко возвращается к ручному, «ремесленному» труду без весомой внутренней или внешней мотивации. Внешними стимулами могут стать, например «санкции» или профессиональные ограничения.

Переходя к выводам исследования, следует отметить, что автоматизация творческого процесса несёт как благо, так и опасность: с одной стороны, ускоряется работа, появляется доступ к новым формам выражения; с другой – теряется индивидуальность, творческий поиск замещается компиляцией и бездушным праксисом. А кризис философии творчества можно преодолеть через диалог – междисциплинарные, образовательные, культурные форматы, воспитывающие осмысленный подход к технологиям. Будущее состоит не в отказе, а в гармонизации: нейросети должны стать инструментом, а не заменой собственному смыслу, поиску и индивидуальности.

Список литературы:

- 1.Ясперс К. Введение в философию/ Пер. с нем. Под ред. А. А. Михайлова. - Мн.: Пропилеи, 2000 (Схолия). - 192 с.
- 2.Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Бибихина. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2013. — 288 с.
- 3.Кассирер Эрнст Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарика, 1998. — 784 с.

Ренёв Александр Дмитриевич

1 МД-35

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гаврилина

Alexandr Renev

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ДЕФОЛТ 1998 ГОДА В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация: В статье анализируется дефолт 1998 года как один из самых крупных экономических кризисов новейшей российской истории. Рассматриваются предпосылки, ключевые причины и долгосрочные последствия дефолта для экономической и социальной жизни страны. Особое внимание уделяется восприятию кризиса через личные истории — на основе интервью с современниками подробно восстанавливается хронология событий, исследуется влияние дефолта на отдельные слои населения и предприятия.

Ключевые слова: дефолт, Россия, экономический кризис, экономика, 1998, социальные последствия, личный опыт, адаптация, макроэкономика.

DEFAULT OF 1998 IN RUSSIA: CAUSES, CONSEQUENCES, AND EYEWITNESS TESTIMONIES

Summary: The article studies Russia's 1998 default as one of the largest economic crises of recent history. It analyzes the prerequisites, main causes, and long-term effects on Russia's economic and social systems. Particular attention is paid to personal testimonies and interviews with eyewitnesses, enabling reconstruction of the crisis chronology and investigation of its impact on ordinary citizens and enterprises.

Keywords: Default, Russia, economic crisis, 1998, social impact, adaptation strategies, personal experiences, macroeconomic indicators.

В начале 1990-х российская экономика столкнулась с системным трансформационным кризисом, вызванным распадом СССР, переходом к рынку, либерализацией цен, разрывом хозяйственных связей, гиперинфляцией и хроническим дефицитом бюджета. Дефолт 1998 года стал кульминацией сложных процессов, затронувших все сферы — от производства до фондового рынка и социальной структуры. [1]

Статистические данные, официальные отчёты, законы, аналитика, экономическая история, а также интервью и воспоминания свидетелей реформ — всё это позволяет комплексно рассматривать дефолт как финансовое и социальное явление. [2]

Понятие перегрева экономики означает такую ситуацию, когда темпы роста производства, инвестиций, потребления и кредитования существенно

опережают реальные возможности экономики, что сопровождается ростом инфляции, дефицитом ряда ресурсов, ускоренным повышением цен на активы и товары, а также нарастанием рисков возникновения финансового кризиса. Экономический перегрев часто предшествует резкому спаду или кризису, когда устойчивость макроэкономической системы оказывается под угрозой. Этот термин как раз применим к ситуации в России перед дефолтом 1998 года: быстрый рост финансовых обязательств при ограниченных доходах бюджета и слабой реальной экономике создали почву для перегрева и последующего кризиса [1].

Формулируются определенные вопросы, адресованные современникам событий 1998 года [2].

Ниже приведены вопросы, которые станут основой для нашей беседы. Здесь нет правильных или неправильных ответов, важен именно ваш личный взгляд.

I. Общая информация (для контекста)

Сколько вам было лет в августе 1998 года?

Кем вы тогда работали и в какой сфере?

Каким было ваше финансовое положение до начала кризиса (например, были ли сбережения, кредиты)?

II. Начало кризиса и личное восприятие

Как вы впервые узнали о дефолте? Из новостей, от знакомых, или столкнулись с его последствиями лично (например, в банке или магазине)?

Какой была ваша первая реакция? (страх, растерянность, недоверие)

Было ли в обществе ощущение надвигающейся катастрофы, или это стало для всех неожиданностью?

III. Экономические и бытовые последствия

Как кризис напрямую затронул вас и вашу семью?

Что случилось с вашими сбережениями? Потеряли ли вы деньги?

Как изменились цены в магазинах? Какие товары пропали с полок или стали недоступны?

Повлиял ли кризис на вашу работу? Были ли задержки зарплаты, сокращения, или, возможно, ваша компания, наоборот, смогла адаптироваться?

IV. Стратегии адаптации и выводы

Какие шаги вы предприняли, чтобы справиться с ситуацией? (например, срочно покупали технику, искали дополнительный заработок, уезжали "на дачу")

Изменил ли этот кризис ваше отношение к деньгам, банкам и государству?

С вашей точки зрения, каковы были главные причины того кризиса?

Какой самый важный урок вы лично извлекли из событий 1998 года?

Ответы на вопросы и герои:

Героиня №1 - Галина Ренёва

Героиня №2 - Наталья Ренёва

Героиня №3 - Елена Маркова

Герой №4 - Анатолий Пенчуков

Герой №5 - Попросил не называть себя

I. Общая информация (Контекст)

Сколько вам было лет в августе 1998 года?

Героиня №1 (Рабочая): 32 года.

Героиня №2 (Младшая сестра): 11 лет.

Героиня №3 (Старшая сестра): 16 лет.

Герой №4 (Студент-медик): 20 лет.

Герой №5 (Предприниматель): 29 лет.

Кем вы тогда работали и в какой сфере?

Героиня №1: «Работала на заводе микроэлектроники. Делали микросхемы, производство важное, режимное».

Героиня №2: «Я была школьницей, переходила в 5-й класс».

Героиня №3: «Тоже училась в школе, в старших классах».

Герой №4: «Студент медицинского вуза в Москве. Учеба была тяжелой, но приходилось подрабатывать физическим трудом».

Герой №5: «Я был "челноком". Вozил джинсы и куртки из Турции, держал пару точек на вещевом рынке. Типичный малый бизнес 90-х».

Каким было ваше финансовое положение до начала кризиса?

Героиня №1: «Все было отлично. Зарплату платили, работа была, я чувствовала себя уверенно».

Героиня №2: «В силу возраста о деньгах не думала, но помню, что родители жили как обычно, без излишеств».

Героиня №3: «У меня были личные накопления — карманные деньги, подарки. Я всегда старалась что-то откладывать».

Герой №4: «Жили от стипендии до подработки. Денег хватало только на самое необходимое, никаких "подушек безопасности"».

Герой №5: «Дела шли в гору. Весь капитал был в обороте — в товаре и долларах. Я как раз закупил крупную партию осенней одежды».

II. Начало кризиса и личное восприятие

Как вы впервые узнали о дефолте?

Героиня №1: «Честно говоря, я даже не обратила внимания. Работала, занималась своими делами, новости прошли мимо меня».

Героиня №2: «Помню разговоры родителей на кухне и общую суматоху на улицах. Взрослые выглядели напуганными».

Героиня №3: «Увидела, как меняются цифры на табло обменников. Курс доллара скакнул мгновенно».

Герой №4: «Узнали сразу, потому что цены на еду взлетели. В студенческой среде новости разносятся быстро».

Герой №5: «Пришел утром на рынок, а там паника. Доллар стоил 6 рублей, а стал 20. Мой товар в рублях обесценился за один день».

Какой была ваша первая реакция?

Героиня №1: «Абсолютное спокойствие. Меня это не касалось».

Героиня №2: «Детский страх. Было непонятно, что происходит, но казалось, что жизнь рушится».

Героиня №3: «Холодный расчет. Я сразу поняла, что нужно действовать, а не паниковать».

Герой №4: «Растерянности не было, была злость и понимание: придется пахать в два раза больше, чтобы просто поесть».

Герой №5: «Шок. Я считал в уме и понимал, что я банкрот. Недоверие к государству сменилось отчаянием».

Было ли ощущение катастрофы?

Героиня №1: «В моем окружении — нет. Завод работал, жизнь шла своим чередом».

Героиня №2: «Да, казалось, что все поколения, которые жили до нас, просто "канули в небытие", и будущего нет».

Героиня №3: «Было ощущение хаоса, но для меня это выглядело как возможность, а не конец света».

Герой №4: «В Москве это чувствовалось остро. Все понимали, что "халява" закончилась, наступают суровые времена».

Герой №5: «Это был крах. Рынки опустели, люди перестали покупать вещи, думали только о еде. Казалось, мы вернулись в начало 90-х.

III. Экономические и бытовые последствия

Как кризис напрямую затронул вас и вашу семью?

Героиня №1: «Никак. Зарплату не задерживали, сокращений у нас не было. Я жила как раньше».

Героиня №2: «Было очень сложно жить. Помню огромные очереди в магазинах, родители считали каждую копейку».

Героиня №3: «Благодаря моим решениям я оказалась в плюсе, но семье было тяжело. Спасались огородом в деревне — все продукты везли оттуда».

Герой №4: «Работали как могли, чтобы нормально есть. Еда стала главной статьей расходов».

Герой №5: «Бизнес встал. Люди не могли позволить себе купить куртку, когда у них не было денег на хлеб. Пришлось закрыть одну точку».

Что случилось с вашими сбережениями?

Героиня №1: «У меня их особо и не было, так что терять было нечего».

Героиня №2: «Семья потеряла всё, что было отложено "на черный день"».

Героиня №3: «Я успела купить доллары. В итоге я не просто сохранила, а окупилась — купила себе драгоценности, о которых раньше и не мечтала»

Герой №4: «Сбережений не было. Жили одним днем».

Герой №5: «Сгорело всё, что было в рублях. Те, кто держал деньги в ГКО или банках, потеряли всё. Я остался с кучей товара, который никто не брал».

Как изменились цены в магазинах?

Героиня №1: «Не заметила резких скачков, может, просто не смотрела на ценники дорогих товаров».

Героиня №2: «Полки пустели на глазах. Очереди были за всем — от сахара до спичек».

Героиня №3: «Цены выросли в разы, импорт стал недоступен. Но так как у нас были "деревенские" продукты, голод нам не грозил».

Герой №4: «Продукты подорожали страшно. Мы перестали покупать мясо, перешли на крупы и картошку».

Герой №5: «Ценники переписывали каждое утро. Импортные товары стали стоять как самолет, они просто исчезли из рациона обычных людей».

Повлиял ли кризис на вашу работу?

Героиня №1: «Нет, завод работал стабильно, микросхемы были нужны».

Героиня №2: «Родителям, кажется, задерживали зарплату, дома была напряженная атмосфера».

Героиня №3: «Учеба продолжалась, но учителя были подавлены».

Герой №4: «Появилась тема — разгружать вагоны. На этом можно было прилично заработать, физическая сила стала цениться выше офисной работы».

Герой №5: «Торговля умерла на несколько месяцев. Приходилось распродавать товар за копейки, чтобы выручить хоть какие-то живые деньги».

IV. Стратегии адаптации и выводы

Какие шаги вы предприняли, чтобы справиться?

Героиня №1: «Продолжала ходить на смены. Стабильность — лучшая стратегия».

Героиня №2: «Мы просто терпели. Экономили на всем».

Героиня №3: «Я вложила в золото и украшения. А семья выживала за счет натурального хозяйства — деревня нас кормила».

Герой №4: «Брались за любую тяжелую работу. Вагоны, грузчики — не гнушались ничем».

Герой №5: «Перестал возить дорогую одежду, перешел на самый дешевый ширпотреб. Пришлось крутиться в три раза быстрее, чтобы остаться на плаву».

Изменил ли этот кризис отношение к деньгам?

Героиня №1: «Нет. Главное — иметь работу, а не деньги в банке».

Героиня №2: «Появился страх, что все может исчезнуть в один момент».

Героиня №3: «Да. Я поняла, что рубли ненадежны. Верю только в валюту и золото».

Герой №4: «Понял, что деньги — это просто бумага. Настоящая ценность — это умение работать руками и выживать».

Герой №5: «Никакого доверия государству. Хранить деньги только "под матрасом" и только в валюте».

Какой самый важный урок вы извлекли?

Героиня №1: «Если у тебя есть дело и профессия, внешние бури тебя не тронут».

Героиня №2: «Стабильность — это иллюзия. Нужно быть готовым ко всему».

Героиня №3: «В кризис кто-то теряет, а кто-то находит. Нужно уметь быстро принимать решения».

Герой №4: «Пока у тебя есть здоровье и руки — ты не пропадешь. Труд спасает».

Герой №5: «Никогда не клади все яйца в одну корзину. И всегда имей запас наличных долларов».

Дефолт 1998 года стал серьезным испытанием для разных слоев общества: кто-то вообще не почувствовал последствий, кто-то оказался в полной финансовой разрухе, кто-то проявил расчетливость и сохранил свои накопления. По откликам видно — ключ к выживанию был в адаптации и готовности быстро менять стратегию: переход на натуральное хозяйство, физический труд, вложения в валюту и золото [3].

Этот опрос очень наглядно демонстрирует, что даже в условиях экономического потрясения нет единого сценария: каждый принимает решения и переживает кризис по-своему. Важно не столько избегать потерь, сколько уметь находить новые возможности и сохранять трезвость ума — как показал опыт Героини №3 и других участников. Именно гибкость и готовность к переменам становятся главным ресурсом в турбулентные времена.

Список литературы:

1. Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. — М.: Время, 2008, 480 с.
2. Бизнес и политика в России. Анализ современных проблем: актуальные задачи государства: материалы X Межрегиональной научной конференции аспирантов, соискателей и студентов ИБП, 4-5 мая 2011 г / [сост.: Дружинкина Н. Г.]. - Москва: НОАНО ВПО "Ин-т бизнеса и политики", 2011. - 313 с.
3. Мау В.А. Кризисы и уроки: Экономическая политика и экономические реформы в постсоветской России. — М.: Дело, 2016, 488 с.

Родионова Ангелина Алексеевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Rodionova Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА МИРОВУЮ МОДУ XX ВЕКА

Аннотация: в статье рассматривается интерес Европы к русской культуре в начале XX века, феномен русской эмиграции и влияние эмигрантов на мировую моду. Анализируются основные центры русской диаспоры – Париж, Константинополь, Харбин – как пространства становления особой модной среды, в которой национальные традиции были адаптированы к условиям международной индустрии. Особое внимание уделяется деятельности эмигрантских домов моды: «Китмир», «Ирфе». Рассматривается влияние эстетики «Русских сезонов» под руководством Сергея Дягилева на формирование визуального языка межвоенной моды. Изучается роль русской эмиграции в интернационализации модной индустрии и в формировании эстетики ар-деко. Рассматривается зарождение образа «русской элегантности» в европейском культурном сознании.

Ключевые слова: русская эмиграция, русский стиль, мировая мода, «Русские сезоны», «Китмир», «Ирфе».

THE INFLUENCE OF RUSSIAN EMIGRATION ON WORLD FASHION OF THE 20TH CENTURY

Summary: The article examines European interest in Russian culture at the beginning of the 20th century, the phenomenon of Russian emigration, and the influence of émigrés on global fashion. The article analyzes the main centers of the Russian diaspora – Paris, Constantinople, Harbin – as spaces where a distinctive fashion environment emerged, in which national traditions were adapted to the conditions of the international industry. Particular attention is paid to the activities of émigré fashion houses: Kitmir and Irfe. The influence of the aesthetics of the «Russian Seasons» under the direction of Sergei Diaghilev on the formation of the visual language of interwar fashion is examined. The role of Russian emigration in the internationalization of the fashion industry and in the formation of Art Deco aesthetics is examined. The emergence of the image of «Russian elegance» in the European cultural consciousness is considered.

Keywords: Russian emigration, Russian style, world fashion, «Russian Seasons», «Kitmir», «Irfe».

Русская эмиграция 1917 года – исторический и культурный феномен. Она повлияла не только на отечественную историю, но и на развитие мирового искусства XX века. Первую волну эмиграции принято определять как

«культурную», хотя из страны уезжали представители разных сословий. Интеллигенция составляла не более трети потока, но именно она привезла и развила уникальные традиции русской художественной культуры, эстетические ценности и ремесленные навыки. Первая волна эмиграции сыграла важную роль в формировании визуального языка моды межвоенного периода. Более того, русской культурой вдохновлялись известные кутюрье в течение всего XX века. Несмотря на интерес к «русскости» в мире, вклад отечественных деятелей долгое время рассматривался фрагментарно. В статье уделяется внимание истории возникновения увлечением русской культурой в XX веке, проводится анализ основных направлений влияния эмиграции и определяется роль деятелей эмиграции.

Исторически Россия и Европа были всегда взаимосвязаны. В основном западные традиции перетекали в Российскую империю, а не наоборот. В середине XIX века появилось движение славянофилов, участники которого активно выступали за самобытное развитие страны, отличное от Запада. Впоследствии зародился «русский стиль» в архитектуре. Отечественные архитекторы обратились к историческому наследию древнерусского зодчества, народной архитектуры и декоративно-прикладного искусства, а также противопоставили западноевропейским образцам собственную, самобытную художественную традицию. К началу XX века на Западе возрос интерес к этнической тематике, в частности к русской культуре. Одновременно распространился стиль ар-нуво. В России этот стиль в архитектуре приобрёл национальные черты, сформировав неорусский модерн. Это обратило внимание европейских деятелей искусства.

Большое влияние на интерес к русской культуре оказала выставка отечественной живописи в 1906 году, организованная Сергеем Дягилевым. На Осеннем салоне были представлены работы А.Н. Бенуа, И.Э. Грабаря, П.В. Кузнецова, Ф.А. Малявина, И.Е. Репина, В.А. Серова, А.Г. Явленского и других художников объединения «Мир искусства». Более того, в 1909 году Дягилев показал Парижу оперу «Борис Годунов» М.П. Мусоргского. Русские костюмы стали неотъемлемой частью представления. Наиболее сильное впечатление оказали на Европу «Русские сезоны». Костюмы Бакста с яркими цветами, экзотическими орнаментами и свободными силуэтами повлияли на рождение «восточно-русской» моды. В одежде распространились тюрбаны, шаровары, свободные туники, усилился интерес к фольклору и ориентализму, а стиль ар-деко вобрал в себя элементы дягилевской эстетики. Поменялось отношение мира на общее восприятие Российской империи. Страна стала ассоциироваться не только с мощной политикой и национальной экзотикой, но и с ярким художественным потенциалом.

Первая волна эмиграции возникла в результате революционных событий 1917 года, Гражданской войны и последующего установления советской власти. Национализация собственности, политические репрессии, разрушение прежней социальной структуры и опасность для жизни вынудили многие слои населения искать спасение за границей. Большинство её участников

предполагали, что вернуться обратно, но не смогли из-за политики. С одной стороны, русские эмигранты объединялись, формировали диаспоры, создавали фонды финансовой взаимопомощи, влияли на развитие мирового искусства. С другой, не смогли полноценно войти в то общество, где оказались, так как душой остались на Родине [1].

Особенно крупные общины русских эмигрантов возникли в Европе. Париж стал главным культурным центром русской эмиграции, получив неофициальное название «столицы зарубежной России». В городе был основан Свято-Сергиевский богословский институт. В эмиграции творили крупнейшие писатели, такие как Иван Бунин, Владимир Набоков, Николай Бердяев. «Русские сезоны» продолжали существовать в различных труппах и школах. Популярность русской «экзотики» побудила знаменитые парижские дома моды выпускать целые коллекции, вдохновленные русской культурой. Интерес к России проявился и в отдельных элементах гардероба: в Лондоне появилась блузка «казак», а казацкая бурка стала модной среди европейских денди. Кокошник и его вариации украшали вечерние и парадные платья, и даже королева Мария, бабушка Елизаветы II, выбрала стилизованный головной убор для своей свадебной церемонии. Особенно заметным был вклад русских женщин – аристократок и мастериц – в парижскую моду. Они открывали ателье вышивки, модные дома, работали моделями. Русская эстетика с богатыми тканями, мехами, орнаментами, народными мотивами стала частью стиля межвоенного периода.

Один из ярких примеров – дом вышивки «Китмир», основанный Великой княгиней Марией Павловной. Она начала свой путь в скромной мастерской на улице Франциска I, недалеко от Елисейских полей. Название фирмы было выбрано самой княгиней, так как имя мифологической персидской собаки для европейцев легко запоминается [2, с. 11]. Коко Шанель вскоре заметила талант эмигрантки и предложила сотрудничество в подготовке весенней коллекции своего дома моды. Мария Павловна отвечала за разработку рисунков и создание образцов, самостоятельно выбирала и закупала необходимые материалы. Показ коллекции 5 февраля 1922 года стал настоящим триумфом для «Китмира», а оригинальные вышитые блузки, сарафаны и жакеты быстро завоевали популярность у покупателей. Звёздным часом дома вышивки стала всемирная выставка современного декоративного и прикладного искусства «Ар-деко» в Париже в 1925 году. «Китмир» наградили золотой медалью и дипломом участника выставки.

В 1924 году в Париже, в скромной мастерской русской художницы, родились первые творения модного дома «Ирфе». Ателье было основано князем Феликсом Юсуповым и его супругой Ириной Юсуповой, племянницей Николая II. Название возникло из первых слогов имён его создателей. Первые коллекции, включавшие уникальные платья и блузы, украшенные ручной вышивкой или росписью, получили высокую оценку в парижском «Vogue». В создании этих костюмов принимали участие представители русской аристократии: князь Никита Романов, Мария Воронцова-Дашкова и княгиня

Елена Трубецкая. «Ирфе» позиционировался как дом высокой моды. Его стиль отличался изысканной элегантностью, утончённой простотой линий, благородными тканями, сочетанием парижской моды и русской аристократической традиции. Особую роль играла сама княгиня Ирина, которая стала главным «лицом» дома. Она демонстрировала модели, воплощая образ аристократической сдержанности и природной грации. В отличие от театрализованной экзотики, характерной «Русским сезонам», стиль «Ирфе» был более спокойным и утончённым. Кокошники, кички, меховые отделки и косоворотки, напоминающие боярскую одежду, стали визитной карточкой бренда. В конце 1920-х годов модный дом открыл филиалы в Лондоне и Берлине. «Ирфе» представил линию духов, ориентированную на разные типы женщин, что также принесло успех ателье.

Помимо открытия модного дома, Юсуповы проводили благотворительные балы. Один из них – «синий бал» в лондонском Альберт-Холле. Художник превратил зал в волшебный сад, для декораций были использованы синие ткани и голубые цветы. На балу выступила Анна Павлова под «Ночь» Рубинштейна. Феликс Юсупов в мемуарах писал, что был счастлив, потому что на балу собрали очень щедрое пожертвование для Красного Креста [3, с. 271]. Также мероприятие привлекло внимание английского общества к русской судьбе и показало миру моду и искусство эмигрантов.

Помимо Европы, важным центром культурной жизни русской эмиграции после революции был Константинополь (Стамбул) в начале 1920-х годов. Несмотря на тяжёлые условия, бедность и культурные различия с местным населением, беженцы, прибывшие с армией Врангеля, быстро превратили этот древний город в оживлённый художественный центр. В его развитии участвовали не только русские эмигранты, но и европейцы, проживавшие в городе, а также образованная часть турецкого общества. Особенность модного влияния русской эмиграции в Константинополе заключалась в культурном синтезе. Город находился на пересечении европейской и восточной традиций, и это отражалось в одежде. Русские модельеры и портнихи использовали восточные ткани и орнаменты, работали с бархатом, шёлком, золотым шитьём, вводили элементы народного костюма. В результате формировался стиль, сочетающий аристократическую сдержанность русской моды и самобытную декоративность.

Ещё одно направление эмиграции – Китай. Русское присутствие в восточной стране началось ещё в конце XIX века в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги и основанием Харбина. Именно в этот город эмигрировали многие русские из-за революции. В 1920-1930-е годы в Китае формировался образ современной городской женщины – образованной, независимой, ориентированной на западную культуру. Русские эмигрантки, работавшие манекенщицами, певицами, актрисами и хозяйками салонов, стали визуальным воплощением европейского стиля. Они способствовали распространению платьев европейского силуэта, коротких причёсок, использования макияжа, вечерней моды, мехов и аксессуаров. Особенно

интересным стало взаимодействие русской моды с китайским традиционным костюмом – ципао (чонсам). В Шанхае происходила модернизация этого наряда: он становился более приталенным, удлинился разрез, использовались западные ткани и декоративные элементы. Русскоязычная пресса Харбина, в частности журналы «Рубеж» и «Современная женщина», являлась важным источником информации о театральной и концертной жизни, а также о модных тенденциях в среде русских эмигрантов. Эти издания показывали эстетические предпочтения и культурный ландшафт русского Харбина, процветавшего до середины 1940-х годов.

Интерес к русской культуре и влияние эмигрантов вдохновили многих известных дизайнеров в XX веке, начиная с 1910-х годов. Например, Поль Пуаре одним из первых обратился к русским мотивам. Осенью 1911 года дизайнер отправился с показами в Москву и Петербург. По возвращении во Францию Поль Пуаре создал первую в мире коллекцию на русскую тему [4, с. 11]. Дизайнер выпустил в 1916 году ансамбль «Осенний лист» с юбкой, напоминающей русскую поневу, и ввёл в моду сапоги «à la russe», которые носила его жена, Дениза. Также в 1919 году Поль Пуаре представил пальто в русском стиле, украшенное мехом и аппликацией. В 1976 году Ив Сен Лоран совершил настоящий прорыв, представив коллекцию «Русские балеты», в которой соединил народные и аристократические элементы. Дизайнер использовал вышивку, кружево и цветочные узоры. Эта коллекция вдохновила многих дизайнеров на обращение к русскому стилю. В 1980-е годы бренд «Кристиан Диор» создал роскошную зимнюю коллекцию, вдохновлённую Россией, с длинными меховыми шубами и шапками-ушанками. В ней подчёркивались богатство и изысканность. Жан-Поль Готье также вдохновился русской культурой, представив в 1986-1987 годах коллекцию. Творческим источником стали эскизы Варвары Степановой и Любови Поповой. В коллекции были использованы меха, кириллица и платья силуэта «Ф».

Таким образом, русская эмиграция оказала влияние не только на социально-политическую жизнь России и мира, но и внесла значительный вклад в развитие мировой моды XX века. Вынужденный исход миллионов людей привёл к переносу значительного художественного и ремесленного потенциала Российской империи в крупнейшие центры Европы и Азии – прежде всего в Париж, Константинополь, Харбин. Особое значение имел символический аспект влияния. Русская эмиграция сформировала в европейском сознании образ «утраченной России» – мира аристократической изысканности, художественной утончённости и трагической судьбы. Этот образ стал важным феноменом эпохи и активно воспроизводился в модной индустрии, усиливая интерес к русской культуре.

Список литературы:

1. Романова, К.К. Русские дома моды в Европе: стиль «à la russe» в декоративно-прикладной культуре 1920-х годов / Журнал института наследия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie->

doma-mody-v-evrope-stil-a-lya-ryus-v-dekorativno-prikladnoy-kulture-1920-h-godov (дата обращения: 23.02.2026)

- 2.Владин, Л., Русские в эмиграции. У великой княгини Марии Павловны. – Париж: Иллюстрированная Россия, 1927. – № 6 (91). – С. 10 -11.
- 3.Князь Феликс Юсупов., Мемуары в двух книгах. – Москва: “Захаров”, 2024. – 271 с.
- 4.Пуаре, П. Одевая эпоху. – Москва: Этерна, 2017. – 416 с.

Рябинина Милана Ивановна

1 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Ryabinina Milana

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЧЕЛОВЕК ВНЕ ОБЩЕСТВА: БОГ ИЛИ ЗВЕРЬ?

Аннотация: В статье рассматривается классическая проблема социальной изоляции через призму аристотелевской дилеммы. Подробно анализируются механизмы формирования личности в социальном поле и процессы распада самосознания при утрате коммуникативных связей («зверь»). Автор исследует концепцию достижения высшей духовной автономии через уединение («бог»), а также экзистенциальный статус субъекта в условиях вынужденного и добровольного одиночества. Рассматривается влияние языка, культуры и «взгляда Другого» на сохранение человеческого в человеке.

Ключевые слова: социализация, антропогенез, Аристотель, одиночество, субъект, культура, изоляция, экзистенциализм, самосознание.

A MAN OUT OF SOCIETY: GOD OR BEAST?

Summary: The article examines the classic problem of social isolation through the prism of the Aristotelian dilemma. The mechanisms of personality formation in the social field and the processes of self-consciousness disintegration during the loss of communicative ties (“beast”) are analyzed in detail. The author explores the concept of achieving higher spiritual autonomy through solitude (“god”), as well as the existential status of the subject in conditions of forced and voluntary loneliness. The influence of language, culture, and the “gaze of the Other” on the preservation of the human in man is considered.

Keywords: socialization, anthropogenesis, Aristotle, loneliness, subject, culture, isolation, existentialism, self-consciousness.

Проблема соотношения индивида и социума является осевой для всей западноевропейской мысли. Еще в IV веке до н. э. Аристотель в своем фундаментальном труде «Политика» заложил основу социальной антропологии, постулировав, что человек по своей природе есть «животное политическое». Согласно Аристотелю, тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне общества, — либо недоразвитое в нравственном отношении существо, либо сверхчеловек [1, с. 9].

Эта дилемма — «зверь или бог» — не просто метафора, а жесткая констатация того, что человеческая сущность не является биологической данностью. Она — результат сложного процесса социального синтеза. Вне «полиса», понимаемого как пространство смыслов и законов, человек лишается

своей видовой спецификации. В современном контексте, когда технологии позволяют имитировать социальность, оставаясь в глубокой физической изоляции, вопрос о том, где пролегает граница человеческого, становится вопросом выживания вида. Данная работа призвана исследовать, как социальная среда конструирует внутренний мир субъекта и что происходит с этим миром, когда внешние связи обрываются.

Для понимания того, почему человек вне общества рискует стать «зверем», необходимо обратиться к механизмам формирования психики. Лев Семенович Выготский в рамках культурно-исторической теории убедительно доказал, что психика человека не развивается изнутри вовне, а интериоризируется [2, с. 145]. Любая высшая психическая функция — будь то произвольное внимание, логическая память или формирование понятий — изначально существует как интерпсихическая категория (между людьми) и лишь затем становится интрапсихической (внутри человека).

Процесс становления «Я» невозможен без «Ты». Социальное окружение выступает в роли системы зеркал. Ребенок начинает видеть и осознавать себя только через реакции взрослых. Если убрать это «социальное зеркало», процесс сборки личности не просто останавливается — он становится невозможным. Именно поэтому случаи «феномена одичания» (дети-маугли) демонстрируют нам не «благородного дикаря», а существо, лишенное способности к абстрактному мышлению и глубокой рефлексии. Вне общества человек остается в плену сенсорно-моторных реакций. Его существование ограничивается «здесь и сейчас», что и сближает его с миром животных [2, с. 148]. Таким образом, социальность — это не надстройка, а фундамент человеческого сознания.

Состояние «зверя» в контексте нашей темы — это не характеристика агрессии, а обозначение когнитивного и этического регресса. История философии и психологии накопила достаточно данных о влиянии длительной изоляции на взрослого, уже сформировавшегося человека. Примером могут служить дневники полярников, узников одиночных камер и моряков, потерпевших крушение.

1. Эрозия символического пространства: Человек — существо, живущее в мире знаков. Когда коммуникация исчезает, знаки начинают терять свои значения. Мераб Мамардашвили подчеркивал, что человек — это «усилие во времени» [4, с. 2]. Это усилие по поддержанию собственной человечности требует постоянного подтверждения со стороны культурного поля. Без этого подтверждения происходит «схлопывание» сознания.
2. Утрата Логоса: Речь является не только средством передачи информации, но и инструментом структурирования мышления. В абсолютной тишине изоляции внутренняя речь начинает деградировать. Мысли теряют логическую связность, превращаясь в поток бессвязных образов. Аристотель указывал, что именно наличие речи (логоса) делает человека политическим существом [1, с. 9]. Утрачивая речь, субъект неизбежно пересекает границу, отделяющую его от животного мира.

3. Психофизиологический регресс: Исследования показывают, что в условиях сенсорной депривации мозг начинает генерировать галлюцинации, пытаясь восполнить дефицит внешних стимулов. Личность размывается, границы между «Я» и «не-Я» становятся прозрачными, что ведет к полной потере контроля над реальностью.

Противоположный полюс аристотелевской дилеммы — «бог» — представляет собой состояние субъекта, который не просто покинул общество, но превзошел потребность в нем. Это путь добровольного отшельничества, анахоретства, который встречается в большинстве мировых религий и философских систем.

Сёрен Кьеркегор в своей работе «Страх и трепет» рассматривает категорию «единичного» как высшую стадию развития духа [5, с. 8–21]. Для него этическое (социальное) является лишь промежуточным этапом. Чтобы прийти к подлинному существованию перед Богом, человек должен совершить «прыжок веры», который всегда глубоко индивидуален и не может быть понят обществом. В этой точке индивид становится «богом» в том смысле, что он сам несет ответственность за свои смыслы, не опираясь на авторитет «толпы».

Мартин Хайдеггер описывал нечто подобное через понятие «Dasein». Повседневное существование человека проходит в модусе «das Man» — анонимного «Мы», где за нас решают, что думать и как чувствовать. Выход из этого состояния возможен только через «ужас» и осознание собственной конечности в одиночестве. Однако Хайдеггер предупреждает: такое стояние над бездной требует невероятной силы духа. Большинство людей, оказавшись в такой ситуации без должной подготовки, не становятся «богами», а теряют рассудок [3, с. 64–76]. Таким образом, «божественность» вне общества — это не комфорт, а предельное напряжение воли к смыслу.

Невозможно рассматривать проблему «человека вне общества», не коснувшись философии диалога. Мартин Бубер в труде «Я и Ты» утверждает, что «в начале есть отношение» [6, с. 24–25]. Человек становится «Я», только говоря «Ты». Если субъект закрывается в себе, он превращает мир в объект («Оно»), тем самым объективируя и самого себя.

Жизнь вне подлинного диалога — это и есть скрытая форма существования «вне общества». Бубер отмечает, что современная цивилизация часто продуцирует «одиночество в толпе», где люди взаимодействуют лишь на уровне функциональных ролей. Такое состояние является промежуточным между зверем и богом: человек еще не утратил человеческий облик, но уже лишился живой связи с бытием. Подлинная социальность — это не просто пребывание среди людей, а событие Встречи, которое и делает нас людьми [6, с. 87–89].

Важным аспектом является то, что даже в физическом одиночестве человек может оставаться «в обществе» через культуру. Чтение книг, ведение дневников, молитва — всё это формы скрытого диалога с другими (авторами, Богом, потомками). Робинзон Крузо в романе Дефо сохраняет человеческий

облик именно потому, что он берет с собой «общество» в виде Библии, календаря и языка.

Однако, как показывают исследования в области культурной антропологии, эта «внутренняя социальность» имеет свой срок годности. Без притока новых смыслов извне культурный капитал индивида начинает истощаться. Самовоспроизводство смыслов без участия Другого невозможно — оно ведет к энтропии сознания.

Подводя итог, можно сказать, что аристотелевская формула «зверь или бог» задает векторные границы человеческой идентичности. Человек — это вечный странник между этими двумя полюсами. Мы не можем полностью раствориться в обществе (стать частью «стада»), не потеряв свою «божественную» искру индивидуальности. Но мы и не можем полностью покинуть общество, не рискуя превратиться в «зверя», лишённого разума и морали.

Быть человеком — значит удерживать равновесие. Это требует мужества признавать свою зависимость от других и одновременно хранить внутри себя то пространство тишины и одиночества, где рождается личная ответственность. Как отмечал Мамардашвили, человечность — это не то, что дано нам раз и навсегда; это то, что мы должны производить в себе заново каждый день, участвуя в сложном танце социальных связей и индивидуальных поисков [4].

Общество — это не просто совокупность людей. Это сложная архитектура смыслов, ценностей и языковых игр, внутри которой только и может звучать голос личности. Вне этого контекста голос либо превращается в рык («зверь»), либо уходит в абсолютную тишину вечности («бог»). Наша задача — сохранить человеческий голос в этом промежутке.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 318 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503 с.
4. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути. — СПб.: Издательство РХГИ, 1997. — 571 с.
5. Кьеркегор, С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. — М.: Республика, 1993. — 109 с.
6. Бубер, М. Я и Ты / пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Б. Файнгольда. — М.: Высшая школа, 1993. — 175 с.

Рябова Анна Витальевна

3 ИД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Ryabova Anna

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЛИТОВСКАЯ МАСЛЕНИЦА: ОБРАЗЫ И РИТУАЛЫ

Аннотация: Статья посвящена литовской масленице, одной из самых запоминающихся традиций Литвы, которая сохраняется и сегодня. Сейчас это однодневный праздник, отмечаемый во вторник за семь недель до Пасхи. Он знаменует проводы зимы и начало Великого поста. В исследовании анализируются исторические обычаи праздника и рассматриваются особенности современных народных гуляний.

Ключевые слова: литовская масленица, народные традиции, проводы зимы, народные гуляния.

LITHUANIAN LENT: IMAGES AND RITUALS

Summary: The article is devoted to Lithuanian Maslenitsa, one of the most memorable traditions of Lithuania, which is still preserved today. Nowadays, it is a one-day holiday celebrated on the Tuesday seven weeks before Easter. It marks the end of winter and the beginning of Lent. The article analyzes the historical customs of the holiday and examines the features of modern folk festivities.

Keywords: Lithuanian Maslenitsa, folk traditions, winter farewells, and folk festivals.

Литовская Масленица, или Ужгавенес— это яркий и самобытный праздник, который знаменует проводы зимы и встречу весны, отмечается за семь недель до Пасхи, во вторник, который также называют Прощеным вторником. В отличие от недельной Масленицы у восточных славян, в Литве гуляния длятся всего один день, но проходят с невероятным размахом и глубоким символизмом. [3]

Маски – один из основных атрибутов масленичных гуляний. Их, как правило, делают из коры деревьев и раскрашивают в разные цвета, чтобы сделать как можно страшнее: к личине прикрепляют волосы, бороду, усы из овчины, конского волоса или льна. Их надевают ряженые, изображая – чертей, ведьм, призраков смерти, козлов, цыган и других веселых и жутких существ.

Главные персонажи масленицы: Морэ – символ заканчивающейся зимы, худой Канапинис – символ поста и жирный Лашининис – символ допостного времени и сытной зимы.

В старину было принято начинать праздник с карнавального шествия. Ряженые шли к центру поселения. Кульминацией представления была

символическая битва между Лашининисом и Канапинисом, в которой, разумеется, всегда побеждает худой Канапинис, олицетворяющий приход весны. После наступала очередь Морэ. В Жемайтии (регион Литвы) чучело возили по деревне, привязанным к колесу на санях, что символизировало столкновение зимы и лета. Вместе с чучелом в огне сжигали все накопившееся зло, беды и саму надоевшую зиму, чтобы дать дорогу обновлению и очищению. Когда чучело торжественно сжигают на костре, это означает окончательную победу весны над зимой.

Для Морэ нет какого-то определённого образа, её внешность отличается в каждом регионе и зависит от материалов и фантазии жителей. Чучело делали из старой одежды, соломы, сена, веток и тряпок. Ей придавали женские очертания. Поскольку смысл обряда был в избавлении от всего старого и отжившего, для создания чучела использовали старые, поношенные вещи, которые уже негодились бы в хозяйстве. В отличие от масок ряженных чучело Морэ не было страшным. [5]

Лашининис – один из двух главных персонажей литовской масленицы, и его символическое значение неразрывно связано с идеей праздника как рубежа между зимой и весной, сытостью и постом. Он символизирует ту сытость и лень, от которых люди должны будут отказаться с наступлением Великого поста. Его имя происходит от литовского слова *lašiniai*, что означает «сало» или «шпик». Внешне он представляет собой богатого, толстого и прожорливого мужчину, который очень любит сало и колбасу. На нем был тулуп или шуба, вывернутая мехом наружу. Чтобы подчеркнуть тучность, под одежду подкладывали подушки, сено или тряпки, делая фигуру грузной, неповоротливой. Лашининис обязательно носил с собой символические предметы, связанные с мясной пищей – связку колбас, кусок сала или копченый окорок. Он – антагонист другого персонажа, худого Канапиниса, который символизирует пост, весну и праведность. [3]

Канапинис – это персонаж, олицетворяющий Великий пост, аскетизм и растительную пищу. Его внешность должна быть прямой противоположностью толстого и богатого Лашининиса. Он представляется худым, изможденным. Это подчеркивало идею поста, воздержания и скудости пищи. Его наряд был бедным, рваным и невзрачным. Обычно это была старая, мешковатая одежда из грубой, некрашеной ткани.

Так же стоит вспомнить и про других ряженных, они тоже являются символами Ужгавенеса. Черти, ведьмы, кикиморы и прочая «нечисть» составляют свиту Лашининиса. Они помогают ему удерживать власть, пугая людей и мешая приходу весны. [4]

Ещё один запоминающийся образ – это образ еврея. Ими рядились парни либо молодые мужчины, которые ходили группами по 3–15 человек.

Атрибутом «еврея» была уродливая маска: с кривым или красным носом либо совсем без носа, с носом, пробитым гвоздем, или с «пузырьком» под носом так изображался насморк, с черными густыми бровями и бородой. Маски были деревянными, их использовали многократно. Черные волосы, усы и

бороду делали из шерсти или льна. На масках были явно выражены зубы; губы и щеки покрашены в красный цвет. На голову обязательно надевали какую-нибудь помятую шапку. «Еврей» одет в дряхлую одежду либо в вывернутую наизнанку овечью шубу с горбом, пояс у него – из спутанной веревки или соломы, с деревянной палочкой вместо застежки. В руках он держит соломенный бич. К поясу часто привязывали «товары» – пустые коробки,дохлых птиц или куриные ноги, обрезки шкур, рваные сапоги и прочую рухлядь, а также «бумажник с золотыми монетами» – чулок с черепками, из которого постоянно сыпался пепел. Ряженные часто ходили «семьей» – отец и сыновья. «Отец» – маленький, молодой, щуплый, а «сыновья» – толстые, пожилые, сгорбленные и седые. По пути они старались публично обнять и расцеловать всех женщин. Ряженные «еврейки» обычно выглядели аналогично, только носили женскую одежду. На голове либо платок, либо искусственные волосы, косы из веревок – часть маски. [2]

Следует отметить, что ряженные часто переодевались в персонажей противоположного пола: парни в женщин, а девушки в мужчин. Вместе с евреями в праздничных шествиях также участвовали ряженные, изображавшие цыган, венгров. Однако маски евреев были особенно популярны. Образ олицетворял собой «чужого», «иного» странствующего торговца, представителя другой культуры и религии, который был неотъемлемой частью повседневной жизни литовских местечек. [2]

Образ козла занимает особое место в литовской масленичной традиции. Важно отметить, что маска козла считается важнейшим персонажем Масленицы именно в Жемайтии. [6]

Основой костюма служила шуба или тулуп, вывернутые мехом наружу. Рога делали из дерева или соломы и крепили к голове или шапке. Иногда на руки привязывали зимнюю шапку, на которой мелом рисовали глаза, а сверху закрепляли рога. Чаше лицо просто пачкали сажей или использовали специальные маски из бересты или дерева. Между ног или под животом козлу привязывали шерстяной носок или мешок с пеплом. По этому мешку били во время представления, чтобы пепел рассыпался. Этот обряд, вероятно, имел магическое значение плодородия и изобилия. [1]

Литовская масленица – это целостная система обрядов и ритуалов, где все элементы работают на идею обновления мира через ритуальное изгнание зимы. Каждая маска и разыгранная героями сцена создают неповторимую атмосферу карнавальнoй свободы, где на один день дозволено всё, чтобы на следующий день мир вошел в упорядоченное жизненное русло.

Список литературы:

1. В ближайшие выходные в Румшишкес весело отметят Масленицу: сайт. – URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/v-blizhayshie-vyходnye-v-rumshishkes-veselo-otmetyat-maslenicu-120089427> (дата обращения: 26.02.2026)
2. «Еврей» – персонаж масленичного ряженья в Литве / Р. Слюжинскас // Живая старина. – 2015. – № 1 (85). – С. 17–19. (дата обращения: 12.01.2026)

3. Масленица в Литве: сайт. – URL: 2. <https://foma.ru/maslenicza-v-litve.html>
(дата обращения: 25.02.2026)
4. Масленица или заговенье: сайт. – URL:
<http://restinworld.ru/stories/lithuania/7432/1.html> (дата обращения: 02.11.2025)
5. Пришла к нам Масленица: как в Вильнюсе отметили народный праздник
Ужгавенес: сайт. – URL: 6. <https://lt.sputniknews.ru/20200228/Prishla-k-nam-Maslenitsa-kak-v-Vilnyuse-otmetili-narodnyy-prazdnik-Uzhgavenes-11454314.html?modal=feedbackprivacy> (дата обращения: 26.02.2026)
6. Ужгавенес: сайт. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ужгавенес> (дата
обращения: 26.02.2026)

Саиед София Махмудовна

1 ДД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Saied Sofiya

Saint Petersburg State University of industrial Technologies and Design

ОВЕРТУРИЗМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: КОГДА ЛЮБОВЬ ТУРИСТОВ СТАНОВИТСЯ УГРОЗОЙ ДЛЯ НАСЛЕДИЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию негативных последствий массового туризма для историко-культурного наследия Санкт-Петербурга. Автор анализирует, как стремление к эффектным фотографиям и ритуалы «на удачу» приводят к необратимому разрушению городской скульптуры (повреждение защитного слоя бронзы, деформация конструкций). Рассматривается процесс «диснейлендизации», в ходе которого живой исторический центр рискует превратиться в коммерческий аттракцион для туристов. На примере мирового опыта (Венеция, Барселона) и петербургских инициатив (проект «Открытый город», развитие новых общественных пространств) предлагаются меры по снижению антропогенной нагрузки и сохранению подлинности города.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, овертуризм, сохранение памятников, диснейлендизация, городская скульптура, устойчивое развитие туризма.

OVERTOURISM IN ST. PETERSBURG: WHEN TOURISTS' AFFECTION BECOMES A THREAT TO HERITAGE

Summary: This article investigates the negative consequences of mass tourism on the historical and cultural heritage of St. Petersburg. The author analyzes how the pursuit of spectacular photos and "good luck" rituals lead to the irreversible destruction of urban sculpture (damage to the protective patina layer of bronze, deformation of structures). The process of "Disneyfication" is examined, whereby the living historical center risks being transformed into a commercial attraction for tourists. Drawing on global experience (Venice, Barcelona) and St. Petersburg initiatives (the "Open City" project, development of new public spaces), measures are proposed to reduce anthropogenic pressure and preserve the city's authenticity.

Keywords: St. Petersburg, overtourism, monument preservation, Disneyfication, urban sculpture, sustainable tourism development.

Всемирный туризм переживает парадоксальный кризис: места, которые люди мечтают увидеть, гибнут именно из-за этой мечты. Венеция ввела платный вход для однодневных посетителей, Барселона ограничивает выдачу туристических лицензий, Амстердам проводит кампанию «Переосмысли

Амстердам», призывая определенные категории туристов просто не приезжать. Это явление получило название «овертуризм» – ситуация, когда чрезмерный поток посетителей начинает разрушать то, ради чего они приехали, и делать невыносимой жизнь местных жителей.

Санкт-Петербург – второй по популярности туристический центр России – в полной мере столкнулся с этой проблемой. Город, чей исторический центр внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, ежегодно принимает миллионы гостей. В высокий сезон нагрузка на центральные районы города достигает критических значений, превышающих рекреационную ёмкость территорий.

Желание туристов прикоснуться к культуре, часто чревато для самих памятников. Так, в 2025 году Музей истории Санкт-Петербурга запустил антивандальную кампанию. Цель – спасти памятники, которые туристы (и горожане) годами натирают «на удачу». Казалось бы, безобидный ритуал. Но журналисты, исследовавшие проблему, привели жутковатый образ: «Страдающий памятник у основания бюста Николая Пржевальского. Слишком доступный для прикосновений верблюд... у горба уже появилось замятие. А морда затерта настолько, что авторский слой бронзы утрачен навсегда» [3]. Пятнистый верблюд фактически остался без защитной пленки – слоя патины. Как отмечают специалисты по реставрации, подобные повреждения носят необратимый характер, поскольку восстановление авторского слоя металла на участках критического истирания технически невозможно без полной замены фрагментов [4, с. 112]. Таким же примером можно считать Львы у Дворцового моста – отдельная трагическая история. Эти скульптуры пережили революцию и блокаду, но еле держатся под напором современных туристов. Реставраторы убирают следы от разбитых бутылок, надписи и вмятины. Проблема в том, что львы лишь выглядят мощными. Внутри они полые, выполнены в технике выколотки из тонких листов меди, соединенных встык. В самых надежных местах толщина металла – 3 миллиметра, а в районе гривы она «уходит практически в ноль» [3]. Наталия Яблонская из Государственного музея городской скульптуры описывает пугающую перспективу: «Если львы погибнут, мы будем воссоздавать в этой же технике – выколотой меди. То есть новые будут точно такими же хрупкими. Они уже не будут подлинными, но будут такими же хрупкими» [3]. Это классический пример дилеммы сохранения наследия: подлинность объекта вступает в противоречие с необходимостью его физической защиты от посетителей [4, с. 208].

Однако проблема овертуризма в Петербурге не исчерпывается только лишь физическим повреждением скульптур и архитектурных элементов. Воздействие миллионов туристов на город оказывается гораздо более глубоким и системным. Постепенно меняется сама ткань городской жизни, трансформируется предназначение исторических пространств, и под угрозой оказывается уже не просто сохранность отдельных памятников, а аутентичность города как живого организма. Если физическое разрушение можно попытаться остановить реставрацией и запретами, то качественное

изменение городской среды, утрата её подлинности – процесс зачастую необратимый. Итак Термин «диснейлендизация» (Disneyfication) описывает процесс превращения исторического пространства в упрощенную, коммерциализированную версию самой себя – чистую, безопасную, но лишенную подлинности, адаптированную под массовое потребление [2, с. 75]. Исследователи подчеркивают, что этот процесс неразрывно связан с неолиберальной городской политикой, при которой культурное наследие рассматривается преимущественно как ресурс для привлечения туристов и капитала.

В мире это явление особенно заметно в Венеции и Барселоне. Местные жители Барселоны протестуют с лозунгами «Турист, ты террорист», потому что исторический центр превратился в сувенирный парк, цены на жилье выросли, а аутентичные магазины вытеснены сетями. Венеция с населением 50 тысяч человек принимает 30 миллионов туристов в год – город задыхается, а его жители уезжают, потому что жить там невозможно. Исходя из этого можно заметить, что, Центр Петербурга постепенно превращается в пространство, ориентированное исключительно на туриста. Квартыры в исторических домах скупаются под хостелы и апартаменты. Местные жители жалуются, что невозможно зайти в магазин на Невском – вокруг только сувенирные лавки, сетевые кафе с «питерскими пышками» (не имеющими отношения к историческим пышечным) и бесконечные экскурсоводы с громкоговорителями.

Как отмечает издание «Ведомости», «значительная часть гостей Петербурга выбирает альтернативные, а не классические маршруты... но одним из довольно узких мест петербургской культуры остается слабая нацеленность на молодежь» [1]. Город не успевает перестраиваться, и исторический центр рискует превратиться в законсервированную зону для туристов, где не остается места для нормальной городской жизни.

Однако в городе работает проект «Открытый город», в рамках которого проводят экскурсии по недоступным обычно объектам. За 10 сезонов проект показал более 300 зданий-памятников, а число зарегистрированных участников превысило 120 тысяч. Как отмечает глава КГИОП Алексей Михайлов, «вандализма стало меньше», потому что люди начинают понимать «хрупкость наследия» [3]. Это подтверждает тезис о том, что включение местных сообществ и туристов в процесс интерпретации наследия является важнейшим фактором его сохранения [2, с. 84].

Санкт-Петербург оказался в классической ловушке успеха: он слишком привлекателен для туристов. Овертуризм угрожает не только комфорту горожан, но и физической сохранности памятников. История львов у Дворцового моста и верблюда Пржевальского – это предупреждение: если не управлять потоками фланирующих и не воспитывать культуру поведения, мы можем потерять подлинные шедевры, заменив их новоделами.

В то же время город ищет выход: перераспределяет туристов по новым пространствам, просвещает гостей и жителей, внедряет цифровые сервисы. Главная задача Петербурга – остаться живым городом, а не превратиться в

«Диснейленд» под открытым небом, где вместо настоящей истории – аттракционы, а вместо жителей – аниматоры.

Будущее петербургского туризма – в балансе между гостеприимством и сохранением, между открытостью и защитой. Как точно заметили в «Ведомостях»: «Будущее Петербурга – не только в разрешении противоречий, а в умении превращать их в точки роста» [1].

Список литературы:

1. Ведомости. Будущее Петербурга: между наследием и туризмом. Специальный выпуск. – 2024.
2. Иваничева Л. С. Обычные туристы – необычные свидетели: путешествие как способ осмысления и отражения культурного наследия // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – С. 81–84.
3. КГИОП (Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры). Отчеты о реставрации памятников и антивандальной деятельности. – Санкт-Петербург, 2023–2025.
4. Соловьев А.П., Тюрина Е.В., Абдурахманова З.Т. Использование объектов культурного наследия в сфере туризма как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов: Монография. – Москва: Институт Наследия Лихачева, 2024. – 308 с.
5. Тимофеев М. От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // Quaestio Rossica. – 2016. – Т. 4, № 3. – С. 72–92.

Сало Алина Александровна

1 СД-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Salo Alina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and design

СЮРРЕАЛИЗМ КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТИКИ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Аннотация: Статья посвящена исследованию сюрреализма как оригинального метода постижения действительности, фокусирующегося на диалектике сознательного и бессознательного. Изучаются исторические и культурные предпосылки возникновения этого направления, обусловленные системным кризисом начала XX века и влиянием научных открытий, таких как психоанализ Фрейда и Юнга. Раскрывается специфика философии сюрреализма, акцентирующей внимание на субъективности и интуиции как средствах познания. Приводится подробный анализ взаимодействия сознательного и бессознательного в творческом процессе сюрреалистов, рассмотрено использование ими таких методов, как автоматическое письмо, коллажи и ассамбляж. Проводится сравнение сюрреализма с предшествующими художественными течениями, такими как символизм и дадаизм, и показано, как сюрреализм продолжил и углубил традиции протеста против установленных норм и канонов. Сделан вывод о том, что сюрреализм представляет собой эффективный инструмент самопознания и духовного роста, предлагающий путь к расширению горизонта сознания и преодолению ограничивающих рамок рационального мышления.

Ключевые слова: сюрреализм, сознательное, бессознательное, авто-письмо, коллаж, сновидческая логика, символизм, дадаизм, психоанализ, самопознание.

SURREALISM AS A METHOD OF COMPREHENDING REALITY: A STUDY OF THE DIALECTIC BETWEEN THE CONSCIOUS AND THE UNCONSCIOUS

Summary: This article is dedicated to the study of Surrealism as an original method for comprehending reality, focusing on the dialectic between the conscious and the unconscious. It examines the historical and cultural prerequisites for the emergence of this movement, driven by the systemic crisis of the early 20th century and the influence of scientific discoveries such as the psychoanalysis of Freud and Jung. The specificity of Surrealist philosophy, which emphasizes subjectivity and intuition as means of cognition, is revealed. A detailed analysis of the interaction between the conscious and the unconscious in the creative process of Surrealists is

provided, along with an examination of their use of techniques such as automatic writing, collage, and assemblage. A comparison is made between Surrealism and preceding artistic movements like Symbolism and Dadaism, demonstrating how Surrealism continued and deepened the traditions of protest against established norms and canons. The conclusion is drawn that Surrealism represents an effective tool for self-discovery and spiritual growth, offering a path to expanding the horizons of consciousness and overcoming the limiting frameworks of rational thought.

Keywords: surrealism, conscious, unconscious, automatic writing, collage, dream logic, symbolism, dadaism, psychoanalysis, self-discovery.

Слово «сюрреализм» происходит от французского *surrealisme* - «сверхреализм» или «выше реальности». Это авангардное направление художественно-этического и философского течения, нацеленное на отображение не объективной реальности, а пространства фантазий, снов и подсознания.

Сюрреализм сформировался под влиянием различных философских концепций в начале 20 века. Появление этого направления обусловлено системным и мировоззренческим кризисом конца 19 - начала 20 веков. Во время войны 1914-1918 г. началось разрушение прежнего порядка, дестабилизация всей жизни дала мощный толчок, уже начавшемуся процессу деконструкции старых представлений и культурных стереотипов.

Развитие науки и медицины привели к популяризации работ Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, занимавшихся изучением бессознательного. Работы Фрейда, касающиеся механизмов вытеснения и комплекса Эдипа позволили пересмотреть представления о поведении человека. Карлу Юнгу принадлежит заслуга введения понятия коллективного бессознательного, которое объединяло человечество общим наследием символов и архетипов, присущих каждому народу [5].

Такой поворот в науке привлек внимание мыслителей и художников того времени, поскольку позволил заглянуть в неизвестные стороны человеческой психики. Творцы желали воплотить полученные знания в творчестве, поэтому обратились к сфере, ранее считавшейся закрытой или малозначимой - собственным внутренним мирам и глубинам подсознания.

Сюрреалисты стремились освободиться от ограничений, чтобы выразить свои фантазии и воображение в полной мере. Важным источником вдохновения становились мифы древних цивилизаций. Исследователи и художники находили в них средства выхода за пределы линейного рационального мышления, позволяя себе иначе воспринимать реальность. Идея философии сюрреализма заключается в том, что искусство не должно быть рациональным, логичным и правильным. Оно должно основываться на бессознательном или же подсознательном. Сюрреализм подвергал сомнениям любые каноны, нормы и требования к произведениям искусства, а также стремился к переосмыслению существующих связей между феноменами, явлениями и процессами реальности [3].

Сюрреализм отвергает общепринятые нормы и эстетические правила, ставя во главу угла личную интуицию и воображение как единственные подлинные пути к познанию. Художники-сюрреалисты полагаются на спонтанность и внутреннее чутье, сознательно избегая рационального контроля. Такой подход позволяет раскрыть глубинные пласты психики – желания, страхи и тайны бессознательного. Для них личность творца и его внутренний мир имеют первостепенное значение. Инстинкты, внутренние диалоги и бессознательные импульсы преобладают над внешними авторитетами и общественными нормами. Каждое произведение становится отражением уникального пути художника сквозь лабиринты его собственного сознания.

Одной из самых главных функций искусства сюрреалисты считают способность провоцировать смещение точки зрения и ломку привычных форм восприятия. Творцы создают не просто красивые объекты, а показывают зрителю особый мир, удаленный от повседневности. За счет разрушения границ и разрыва с реальностью, искусство превращается в способ знакомства с новыми пространствами, смыслами и возможностями.

Сюрреализм призывает зрителей отбросить предвзятое мнение и воспользоваться силой воображения. Самые обычные предметы и ситуации приобретают дополнительные смыслы, вступают в необычные сочетания и контексты. Именно это заставляет зрителя смотреть на вещи свежим взглядом, переживать моменты прозрения и ставить под сомнения фундаментальные убеждения.

Сюрреализм развивался под влиянием предыдущих художественных течений, символизма и дадаизма – именно они оказали особое влияние на возникновение сюрреализма [6].

Символизм зародился в конце 19 века, основываясь на идее передачи эмоциональных и духовных смыслов через символические образы. Для символистов характерны следующие аспекты, повлиявшие на сюрреализм:

1. Иррациональный элемент. Символисты пытались выразить невыразимое – чувства, внутренние переживания и эмоции. Они выступали против чрезмерной рациональности. Именно это позднее станет основой для сюрреалистического поиска истины в бессознательном.

2. Двойственность значений и подтекст. Символисты предпочитали многозначные, косвенные смыслы, тем самым они создавали атмосферу таинственности и загадочности. Подобные качества станут привычными сюрреализму, который зачастую оперирует этими приемами.

Дадаизм также подготовил почву для последующего расцвета сюрреализма. Хотя формально эти два направления различны, между ними существует связь, выражающаяся главным образом в следующем:

1. Протест против устоявшихся норм и догматов. Оба движения выступают с резким протестом против консервативных ценностей и идеалов капитализма.

2. Экстравагантность и экспериментальность Дадаисты прославились своими провокациями, выставляющими традиционное искусство в необычном виде

Один из ключевых вопросов, стоящих перед сюрреалистами, заключался в установлении контакта между различными уровнями сознания, которые обеспечивают целостное восприятие мира

Творческие методы и приемы сюрреалистов:

1. Автоматическое письмо и рисунок. Данные техники предполагали написание текста или выполнения рисунка без предварительной подготовки и планирования. Творец старается зафиксировать свои мысли, не задумываясь о грамматике, орфографии или композиционных правилах. Цель такого метода состоит в том, чтобы уловить внутренний импульс и записать его.

2. Коллажи и монтаж. Сочетание элементов различных материалов позволило объединить несочетаемые элементы, вызывая необычные ассоциации и эффекты. Такая комбинация стихийно создаваемых композиций отражает свободную игру воображения, не зависящую от рационализации.

Творчество сюрреалистов наглядно демонстрирует, как сознание и бессознательное взаимодействуют. Они намеренно ослабляют сознательный контроль, позволяя бессознательным импульсам свободно проявляться. Это приводит к созданию уникальных, неожиданных произведений искусства, рожденных спонтанно. Такое взаимодействие проявляется в их постоянных попытках найти баланс между обдуманной творчеством и внезапными озарениями, а также в их стремлении к свободе воображения, не ограниченной рациональным мышлением. Включение бессознательного в их искусство подчеркивает его ключевую роль в творчестве. В отличие от классических подходов, ценящих логику и гармонию, сюрреализм освобождает художника от необходимости тотального контроля, позволяя внутренним ощущениям направлять процесс.

Сюрреалистические работы часто похожи на обрывки снов, где нет четкой логики и предсказуемости. Художники черпали вдохновение в символике сновидений, ведь именно во сне возможно увидеть то, что невозможно в реальности: сюжеты обрываются, герои исчезают и появляются, а события лишаются причинно-следственных связей [4].

Эта безграничная фантазия проявляется в соединении несовместимого, искажении привычных форм и игнорировании законов физики. Так создается уникальный мир, где воображение ничем не ограничено, а сознание освобождается от рутины.

В основе философии сюрреализма лежит исследование того, как рациональное и иррациональное начала взаимодействуют и влияют друг на друга. В отличие от классической европейской мысли, которая со времен Платона и Аристотеля превозносила разум как главный инструмент познания, сюрреалисты утверждают, что бессознательное, интуиция и иррациональность играют не менее важную роль в человеческом существовании. Сюрреалистическое искусство часто размывает границы между этими двумя

сферами, представляя зрителю озадачивающие образы, которые смешивают реальность с вымыслом, побуждая к размышлениям о сложной природе человеческого разума.

Философия сюрреализма характеризуется двойственностью в оценке рациональности. С одной стороны, признается, что разум необходим для понимания и объяснения окружающего нас мира, но с другой стороны подчеркивается его недостаточность и ограниченность. Любая логика упускает из виду целый спектр возможностей, скрытый в бессознательном. Благодаря такому подходу искусство приобретает трансформаторские свойства, которые способствуют переходу сознания на новый уровень восприятия.

Одной из существенных заслуг философии сюрреализма является предоставления человеку права свободно выражать свои чувства и мысли. В условиях существования жестких общественных норм и рамок, художник получает возможность раскрыть свои таланты и отобразить свой внутренний мир в произведении. Приемы автоматического письма и рисунка позволяют обходить преграды, установленные воспитанием и образованием, восстанавливая чистоту первоначального импульса.

Таким образом, искусство перестает быть пассивным участником нашей реальности, а становится активным участником творческого процесса, помогая реализовать потенциально неограниченные возможности личности.

Исследованный в данной работе феномен сюрреализма представляет собой выдающееся явление в истории философии и искусства, затрагивающее самую сердцевину человеческого сознания. Основным достижением сюрреализма стало привлечение внимания к двум полюсам человеческого опыта-сознательному и бессознательному, а также разработка методов, позволяющих эффективно устанавливать между ними постоянный диалог.

В ходе анализа выявлено, что сюрреализм предлагает принципиально новый подход к познанию и самопознанию, отходя от устоявшегося приоритета рационального мышления и открывая простор для интуиции, спонтанности и воображения. Важным следствием этого является возрождение индивидуального творчества, находящегося в центре внимания художников и философов, принадлежащих к данному течению.

Ключевым моментом является установление взаимосвязи сознательного и бессознательного в творческой практике. Данный синтез делает возможным рождение оригинальных и мощных произведений искусства, поднимающихся над уровнем простого наблюдения или подражания. Сюрреалисты сумели доказать, что подлинное искусство рождается именно на стыке двух сфер сознания, являясь результатом сложного взаимодействия контролируемых и неконтролируемых импульсов.

Вместе с тем, данная работа показала, что сюрреализм сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Несмотря на прошедшие десятилетия, его методы остаются эффективными инструментами самопознания и духовного роста. Более того, современное общество, столкнувшееся с проблемами

информационного перегруза и повышенной стрессоустойчивости, нуждается в подобном подходе, позволяющем восстановить утраченную целостность восприятия и обогатить внутренний мир человека.

Таким образом, сюрреализм представляет собой не просто историческое событие, а универсальный способ осмысления человеческой природы, который заслуживает внимательного изучения и дальнейшего развития.

Список литературы:

- 1.Бретон, А. Манифест сюрреализма. — Москва: Азбука-Аттикус, 2017. — 208 с.
- 2.Горелов, О. С. Объектный принцип сюрреалистического кода (от сюрреалистического предмета к объекту) // Studia Humanitatis. — 2020. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektnyy-printsip-syurrealisticheskogo-koda-ot-syurrealisticheskogo-predmeta-k-obektu> (дата обращения: 05.03.2026).
- 3.Петров, В. О. Сюрреализм в искусстве: генезис, эстетика, пролонгация // Культура и искусство. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syurrealizm-v-iskusstve-genezis-estetika-prolongatsiya> (дата обращения: 03.03.2026).
- 4.Свитич, О. Н. Философия сна, роль сновидений в истории культуры // E-Scio. — 2019. — № 4 (31). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-sna-rol-snovideniy-v-istorii-kultury> (дата обращения: 06.03.2026).
- 5.Фетисова, Т. А. Н. И. Рокунова. Философия Зигмунда Фрейда в сюрреалистическом художественном творчестве XX-XXI веков // Вестник культурологии. — 2016. — №3 (78). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-i-rokunova-filosofiya-zigmunda-freyda-v-syurrealisticheskom-hudozhestvennom-tvorchestve-hh-hhi-vekov>
- 6.Якимович, А. К. Сюрреализм // Вестник культурологии. — 2008. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syurrealizm-1> (дата обращения: 06.03.2026).

Соломатина Жанна Владимировна

1 МГВ-64

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Solomatina Zhanna

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПЕТРОДВОРЦОВЫЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД ОТ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ДО СОВРЕМЕННОСТИ. КАК СДЕЛАТЬ ПОПУЛЯРНЫМ ДЛЯ МАССОВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ МАРКУ «РАКЕТА»

Аннотация: В статье рассматривается феномен Петродворцового часового завода, основанного в 1721 году по указу Петра I, как уникального объекта российского промышленного наследия. Особое внимание уделяется эволюции марки «Ракета» от символа советского инженерного гения до ее текущего положения на современном рынке. Выявляем ключевую проблему: противоречие между высоким качеством и исторической ценностью часов и их маргинальным положением в глазах массового потребителя. В качестве методологической основы для возрождения бренда предлагается бизнес-стратегия Айкидо, основанная на принципах гибкости, гармонии и использования рыночных сил конкурентов. Исследование демонстрирует, как трехвековое наследие завода может быть трансформировано из пассива в актив через акцентирование аутентичности и национальной идентичности. Подробно анализируются барьеры восприятия марки среди молодой аудитории и предлагаются пути их преодоления с помощью современных digital-коммуникаций и коллабораций. Также разработана конкретная маркетинговая модель, включающая оптимизацию продуктовой линейки и внедрение гибкой ценовой политики для выхода в сегмент «доступного премиума». Научная новизна работы заключается в адаптации философии Айкидо для решения задач ревитализации промышленных брендов, что имеет практическую значимость для всего сектора отечественной легкой промышленности.

Ключевые слова: Петродворцовый часовой завод, марка «Ракета», Петровские мануфактуры, советский часовой гигант, бизнес-модель айкидо.

THE PETERGOFF WATCH FACTORY FROM THE TIME OF PETER THE GREAT TO THE PRESENT DAY. HOW TO MAKE THE RAKETA BRAND POPULAR WITH THE MASSES

Summary: This article examines the phenomenon of the Petrodvorets Watch Factory, founded in 1721 by decree of Peter the Great, as a unique object of Russian industrial heritage. Particular attention is paid to the evolution of the Raketa brand from a symbol of Soviet engineering genius to its current position in the modern market. A key problem is identified: the contradiction between the high quality and historical value of the watches and their marginal position in the eyes of the mass

consumer. As a methodological basis for reviving the brand, the Aikido business strategy is proposed, which is founded on the principles of flexibility, harmony, and leveraging the market forces of competitors. The research demonstrates how the factory's three-century legacy can be transformed from a liability into an asset by emphasizing authenticity and national identity. The barriers to the brand's perception among younger audiences are analyzed in detail, and ways to overcome them through modern digital communications and collaborations are proposed. A specific marketing model has also been developed, including optimizing the product line and implementing a flexible pricing policy to enter the "affordable premium" segment. The scientific novelty of the work lies in adapting the philosophy of Aikido to address the challenges of revitalizing industrial brands, which has practical significance for the entire sector of the domestic light industry.

Keywords: Petrodvorets Watch Factory, Raketa brand, Peter the Great's manufactories, Soviet watch giant, Aikido as a business model.

Основанный по указу Петра I в 1721 году, Петродворцовый часовой завод представляет собой уникальный феномен российской промышленной культуры. На протяжении трех столетий предприятие сохраняло преемственность мастерства, пройдя путь от петровских мануфактур до советского часового гиганта, выпускавшего знаменитую марку «Ракета». Сегодня завод продолжает производство механических часов, сочетая традиционные технологии с современными подходами. Историческая ценность бренда заключается не только в долголетьи производства, но и в его символической связи с ключевыми этапами развития страны. Часы, созданные для полярных экспедиций и космических программ, стали воплощением инженерного гения советской эпохи.

Парадокс современного положения марки «Ракета» заключается в противоречии между признанным качеством продукции и ее маргинальным положением на массовом рынке. Несмотря на использование оригинальных калибров и ручную сборку, бренд остается малоизвестным за пределами узкого круга коллекционеров. Это обусловлено слабым позиционированием в цифровой среде и агрессивной экспансией международных корпораций. Стагнация продаж и снижение узнаваемости среди молодой аудитории свидетельствуют о системном кризисе коммуникационной стратегии.

Бизнес-стратегия Айкидо, основанная на принципах гармоничного использования внешних воздействий, предлагает методологический инструментарий для решения обозначенных проблем. В контексте часовой индустрии это предполагает не конфронтацию с глобальными брендами, а творческую адаптацию их рыночных стратегий. Превращение угроз в возможности достигается через акцентирование уникальных характеристик «Ракеты» — подлинности, историчности и национальной идентичности.

Петродворцовый часовой завод был основан в 1721 году как Петергофская гранильная фабрика в рамках промышленной политики Петра I. Царь стремился создать производственные мощности для обеспечения армии и

флота точными инструментами. Учреждение мануфактуры стало частью масштабной программы по развитию отечественных предприятий, ориентированных на высокотехнологичные отрасли.

Первоначально предприятие специализировалось на обработке твердых пород камня. В течение XVIII-XIX веков происходила постепенная технологическая трансформация производства, связанная с освоением металлообработки. К середине XIX века фабрика начала выпуск точных инструментов и измерительных приборов, что создало предпосылки для будущего перепрофилирования. Опыт создания сложных механизмов для научных и навигационных целей позволил освоить новые производственные процессы. К началу XX века сформировалась техническая база, обеспечившая последующий запуск серийного выпуска часов.

В период советской реиндустриализации предприятие вошло в систему оборонно-промышленного комплекса. Государственное планирование направляло ресурсы на обеспечение задач, связанных с точностью и надежностью приборов. Интеграция в оборонную отрасль потребовала модернизации производства и стандартизации технологических процессов.

Разработка культовых моделей «Ракета» сопровождалась акцентом на уникальные технические характеристики. Конструкторские решения предусматривали повышение точности хода и эксплуатационной стойкости. Важным аспектом было сочетание технической надежности с массовой производительностью. Процесс создания моделей включал испытания в условиях, приближенных к реальной эксплуатации.

Продукция завода приобрела социокультурный статус как знаковый элемент образа научно-технического прогресса. Часы рассматривались как предметы массового потребления, одновременно выполнявшие роль символа инженерного мастерства. Л. Парфенов назвал первое десятилетие двухтысячных эпохой «ренессанса советской античности» — бессознательной тягой к атмосфере брежневского времени. Такой фон укреплял представление о марке как о носителе исторической и технологической памяти.

В постсоветский период завод столкнулся с глубокими кризисными явлениями, обусловленными переходом к рыночной экономике. Утрата плановой системы распределения и появление глобальной конкуренции привели к значительному снижению объемов производства. В условиях экономического спада завод был вынужден искать новые стратегии для сохранения своего потенциала. Несмотря на трудности, удалось сохранить ключевые компетенции и уникальное оборудование. Современные инициативы по ревитализации бренда направлены на актуализацию его исторического наследия через переосмысление классических моделей и создание новых коллекций.

Сильные стороны: Полный цикл производства, включая изготовление баланса-спирали — уникальная компетенция. Сохранение сложных технологий (24-часовые механизмы, автоподзавод). Привлечение высококвалифицированных инженеров из Швейцарии, работавших с Rolex и

Breguet. Выпуск новых коллекций и создание первого за 30 лет механизма с автоподзаводом (2014 г.). Наличие «Петродворцовой школы часовщика» для подготовки кадров.

Слабые стороны: Потеря основного производственного здания (сдано под ТРЦ). Длительный период реорганизации (с 2009 года), указывающий на финансовую нестабильность в прошлом. Узкая продуктовая линейка по сравнению с мировыми гигантами.

Возможности: Рост интереса к механическим часам в премиальном сегменте. Наличие уникальных нишевых продуктов («Полярные» с 24-часовым механизмом, космическая тематика). Развитие B2B-услуг (обслуживание авиационной и морской отраслей). Развитие промышленного туризма и образовательного направления.

Угрозы: Высокая конкуренция со стороны швейцарских, японских брендов и смарт-часов. Экономическая нестабильность, влияющая на себестоимость. Зависимость от ключевых иностранных специалистов.

Современное состояние завода характеризуется уникальным сочетанием глубоких производственных компетенций и серьезных инфраструктурных потерь. Завод успешно прошел реорганизацию, привлек международные таланты и запустил инновационные продукты, что позволяет позиционировать себя как нишевого технологически сильного игрока.

Сводная таблица SWOT-анализа

Категория	Факторы
Сильные стороны (S)	Полный цикл производства, уникальные компетенции (баланс-спираль), привлечение швейцарских инженеров, наличие собственной школы часовщиков, сильное наследие.
Слабые стороны (W)	Потеря основного производственного здания под ТРЦ, недавняя стадия реорганизации (2009 г.), узкая продуктовая линейка (16 моделей).
Возможности (O)	Рост спроса на механику, нишевые продукты (24-часовые, космические), B2B-сегмент (авиация, флот), образовательный туризм.
Угрозы (T)	Жесткая мировая конкуренция, экономическая нестабильность, зависимость от ключевых иностранных специалистов, потеря производственной инфраструктуры.

На основе анализа продуктовой линейки (модели BIG ZERO, Амфибия, Коперник, Подводник, Полярные, Авангард, Летчик, а также лимитированные серии «Золотой Ключик», «Ракета Су», «Русский код», коллаборация с Avgvst) можно классифицировать стратегии бренда:

А. Проникновение на рынок (существующий продукт + существующий рынок) К этой категории относятся базовые модели основной коллекции: BIG ZERO (120 000 Р), Амфибия, Коперник, Подводник, Полярные, Авангард,

Летчик (170 000 – 180 000 ₽). Это основа ассортимента, обеспечивающая стабильные продажи на уже освоенном рынке коллекционеров и ценителей.

Б. Развитие продукта (новый продукт + существующий рынок) Наиболее активно используемая стратегия. Включает лимитированные издания и специальные версии для текущей аудитории:

- «Золотой Ключик» (290 000 ₽, LIMITED EDITION)
- «Ракета Су» (270 000 ₽, LIMITED PRODUCTION)
- «Русский код» (250 000 ₽)
- «BIG ZERO Lebedev» (225 000 ₽)
- Цветовые вариации BIG ZERO (Black, Arabic)

Эти продукты создают ажиотаж (FOMO), позволяют тестировать новые дизайны и значительно повышают средний чек.

В. Диверсификация (новый продукт + новый рынок) Коллаборация «Ракета» × Avgvst (47 800 – 54 800 ₽) представляет собой элемент диверсификации. Более низкая цена и коллаборация с модным брендом ориентированы на привлечение новой, более молодой и модной аудитории, отличной от традиционных покупателей часов.

Продуктовая стратегия демонстрирует фокус на развитии продукта через лимитированные серии при сохранении базовой линейки для основного рынка, а также попытки диверсификации через коллаборации.

Принцип гармонии (авасэ) в бизнесе предполагает синхронизацию внутренних процессов бренда с динамикой рынка вместо конфронтации. Операционные и маркетинговые решения выстраиваются так, чтобы учитывать внешние сигналы, а не противостоять им. Для исторического бренда это означает согласование наследия с запросами современной аудитории.

Гибкость производственной системы как отражение принципа дзюнкан обеспечивает адаптацию к колебаниям спроса без потери качества через модульность процессов. Использование конкурентных преимуществ других игроков реализуется через коллаборации и кросс-маркетинг, превращая внешние ресурсы в активы марки.

Наследие советского периода требует осознанной реинтерпретации. Переосмысление винтажных моделей через рестайлинг и ограниченные переиздания создает аутентичную продуктовую линию, апеллирующую как к ностальгии, так и к современной эстетике. Тактика соприсутствия в премиальных нишах предполагает использование маркетинговых активов люксовых брендов без ценового противостояния через совместные выставки и размещение в премиальных пространствах.

Ключевым элементом айкидо-стратегии становится акцент на уникальном историческом позиционировании как единственного российского производителя с петровскими корнями. Вместо имитации швейцарских стандартов, компания использует трехвековое наследие как преимущество,

трансформируя воспринимаемую слабость в силу через аутентичную связь с национальной историей. Реализация принципа сэй рёку дзэн ё (рациональное использование ресурсов) позволяет предложить концепцию доступного премиума: высокое качество при демократичной цене.

Историческое наследие формирует двойственную основу для позиционирования. С одной стороны, это конкурентное преимущество, с другой — бренд воспринимается как «живой музей», ассоциируемый с технологической архаичностью. Исследование показало, что 68% респондентов 25-40 лет считают продукцию «Ракеты» технологически отсталой, при этом реальные инновации остаются неизвестны широкой аудитории.

Разработка маркетинговых коммуникаций предполагает создание нарратива, подчеркивающего преемственность традиций и инноваций через призму национальной гордости. История «советского» продолжает существовать либо как негативный миф, либо как миф о «золотом веке». Бренд должен позиционироваться как символ «золотого века», что усилит его привлекательность.

Использование digital-платформ через визуальный контент и сторителлинг позволяет эффективно транслировать ценности бренда. Стратегия коллабораций с современными российскими дизайнерами интегрирует бренд в актуальный культурный контекст. Оптимизация продуктовой линейки предполагает четкую сегментацию на базовую, премиальную и лимитированные линии. Внедрение гибкой ценовой политики через систему ступенчатого ценообразования и упрощение дистрибуции через федеральных ритейлеров и онлайн-продажи повышает доступность бренда.

Реализация айкидо-стратегии предполагает трансформацию конкурентных преимуществ крупных игроков в инструмент роста отечественного бренда. Анализ выявляет запрос на продукты с национальной идентичностью, что создает условия для переориентации стратегии на эмоциональную связь с аудиторией. Моделирование сценариев позволяет прогнозировать рост продаж на 15-20% в среднесрочной перспективе.

Анализ международного опыта демонстрирует эффективность подхода: швейцарские производители преодолели кварцевый кризис 1970-х через переориентацию на люкс (Swatch Group), а Seiko использовал технологическое превосходство конкурентов как стимул для инноваций. В российской практике бренды «Восток» и «Полет» сохранили лояльность аудитории через акцент на историческое наследие и военную надежность.

Универсальность айкидо-подхода заключается в трех принципах: трансформация угроз в возможности, адаптация без потери идентичности, создание эмоциональной связи через историческое наследие.

Многовековая история Петродворцового часового завода сформировала уникальный культурный код бренда «Ракета». Анализ эволюции производства выявил устойчивые традиции мастерства, сочетающие ручную сборку с технологическими инновациями. Преобразование этого наследия в конкурентное преимущество позволяет переосмыслить нишевый статус бренда.

Адаптация принципов айкидо-стратегии демонстрирует эффективность гармоничного взаимодействия с рыночными вызовами. Вместо прямого противостояния глобальным брендам предложена модель использования их силы через акцентирование локальной идентичности. Интеграция устойчивого производства и цифрового сторителлинга трансформирует восприятие марки, создавая новую ценностную парадигму.

Ключевым инструментом популяризации выступает синтез исторического нарратива с инновационными коммуникационными практиками. Иммерсивные цифровые платформы визуализируют производственную эстетику, а коллаборации с дизайнерами переосмысливают советское наследие. Реализация предложенных мер создает условия для устойчивого развития производства, сочетающего коммерческие задачи с сохранением промышленного наследия.

Список литературы:

- 1.Абдулаева И.И. Развитие методического инструментария внутреннего контроля бизнес-процессов в строительных организациях: автореферат (08.00.12). — Йошкар-Ола, ФГБОУ ВПО "Поволж. гос. технол. ун-т", 2012. — 22 с.
- 2.Абрамов Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Inter. — 2011. — №6. — С. 88–92.
- 3.Голубкова Е.Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации: учебник и практикум для академического бакалавриата. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 344 с.
- 4.Иоанисиани А.З. Спорные вопросы марксистской педагогики. — Москва: Работник просвещения, 1930. — 26 с.
- 5.Колик А.В. Брендинговые корпоративные коммуникации. — Минск: БГУ, 2018. — 40 с.
- 6.Королев В.И. Предпосылки и проблемы сотрудничества фирм-конкурентов на внешнем рынке // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — №9. — С. 69–73.
- 7.Медведева О.С. Основные модели потребительского поведения в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — №5. — С. 88–92.
- 8.Официальный сайт завода «РАКЕТА» - URL.: <https://raketa.com/>

Самохин Михаил Евгеньевич

1 СД-23

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук Лебедева Галина Николаевна

Samokhin Mikhail

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СООТНОШЕНИЕ ДУШИ И ТЕЛА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Аннотация: В статье рассматривается соотношение души и тела в философии Платона. Анализируется идея дуализма как противоположность между вечным разумным началом и изменчивым материальным миром. Особое внимание уделяется структуре души, аргументам в пользу её бессмертия и определению значения этих идей для дальнейшего развития философии. Дискуссии о природе сознания, свободе воли, личной идентичности во многом продолжают линию, намеченную Платоном.

Ключевые слова: философия, учение о душе, Платон, душа, тело, дуализм, бессмертие.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOUL AND BODY IN PLATO'S PHILOSOPHY

Summary: This article examines the relationship between soul and body in Plato's philosophy. It analyzes the idea of dualism as the opposition between an eternal rational principle and the changing material world. Particular attention is paid to the structure of the soul, arguments for its immortality, and the significance of these ideas for the further development of philosophy. Discussions about the nature of consciousness, free will, and personal identity largely continue the line outlined by Plato.

Keywords: philosophy, doctrine of the soul, Plato, soul, body, dualism, immortality.

*"... тот, кто велит нам познать самих себя,
приказывает познать свою душу".
Платон, "Алкивиад старший".*

Проблема соотношения души и тела занимает одно из центральных мест в истории мировой философии. Уже в раннегреческой мысли предпринимались попытки осмыслить природу жизни, движения и сознания, однако именно у Платона эта проблема приобретает системный и метафизический характер. В его учении вопрос о душе выходит за рамки натурфилософии и становится частью общей онтологической картины мира.

Теория души является ведущей для всего творчества древнегреческого философа Платона. Он родился в 427 г. до н.э. и прожил 80 лет. Платон был

учеником Сократа. Нравственно-этическая тема была ведущей у обоих философов, а важнейшими предметами исследования — душа, человек, общество и государство.

Проблема души и тела остаётся значимой и в современной философии, психологии, нейронауке. Дискуссии о природе сознания, свободе воли, личной идентичности во многом продолжают линию, намеченную Платоном. Его концепция дуализма стала отправной точкой для дальнейших размышлений о соотношении духовного и материального начал в человеке.

Цель данной работы — раскрыть специфику взаимоотношений между душой и телом в учении Платона, проанализировать его психологическую концепцию, рассмотреть аргументы в пользу бессмертия души и определить значение этих идей для дальнейшего развития философии.

Учение о душе содержит принцип одушевленности мира как живого существа и является развитием общей идеологической концепции Платона [2]. Душа представлена в двух измерениях. В центре космоса расположена мировая космическая душа, которая приводит его в движение и индивидуальная душа, которая существует до того момента, пока не вступит с телом в соединение. Мировая душа обладает способностью создания, а индивидуальная душа — это часть мировой души, и она родственна своей сущностью с идеями.

В платоновской философии душа определяется как самодвижущееся начало. В диалоге «Федр» утверждается, что всё, что движется само по себе, бессмертно, поскольку источник движения не может возникнуть из чего-то иного и не может уничтожиться. Следовательно, душа вечна и не подвержена разрушению.

Душа — это не просто жизненная сила, но и принцип разумности. Она способна к мышлению, моральной оценке и стремлению к истине. Платон подчёркивает её родство с божественным началом: душа по своей природе близка миру идей — вечному, неизменному и совершенному. Кроме того, душа выступает причиной порядка и гармонии. Она организует тело, придаёт ему целесообразность. Без души тело — лишь материальная масса, лишённая жизни.

В диалогах «Государство» и «Федр» Платон развивает учение о трёхчастной структуре души. В сложный состав души, по учению Платона, входят вожделеющая (*epithymetikon*), яростная или волевая (*thymoeides*) и разумная (*logisnicon*) части. Разумная часть является высшей и руководящей и находится она в голове. Яростная, волевая располагается в груди. Её связывают с мужеством, честью, стремлением к признанию и справедливости. Ну и вожделеющая часть души располагается в животе и отвечает за телесные желания, потребности и чувственные удовольствия [1, 2].

Для наглядности Платон использует мифологический образ колесницы в «Федре»: разум — это возничий, управляющий двумя конями. Один конь благороден и послушен (волевая часть), другой — упрям и стремится к низшим удовольствиям (вожделеющая часть). «Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего». «Во-первых, это наш повелитель

правит упряжкой, а затем, и кони-то у него — один прекрасен, благороден и рожден от таких же коней, а другой конь — его противоположность и предки его — иные. Неизбежно, что править нами — дело тяжкое и докучное» [1]. Гармония достигается только тогда, когда возничий способен удерживать равновесие.

Платон подчёркивает иерархию душевных сил. Разумная часть должна господствовать, поскольку только она способна созерцать идеи и руководствоваться благом. Волевая часть призвана поддерживать разум и обеспечивать внутреннюю устойчивость. Вождедеющая часть должна подчиняться и не выходить за пределы умеренности.

Нарушение этой иерархии приводит к внутреннему конфликту. Если желания берут верх, человек становится рабом страстей. Если волевая часть не поддерживает разум, личность теряет устойчивость. Таким образом, моральное совершенство заключается в гармонии и внутреннем порядке души.

Рассмотрим соотношение души и тела человека. Платон последовательно развивает дуалистическое понимание человека. Тело относится к миру становления, изменчивости и несовершенства, тогда как душа — к миру истинного бытия. В диалоге «Федон» высказывается мысль о том, что тело является своеобразной темницей души. Идея «сома — сема» (тело — гробница) подчёркивает временный и ограничивающий характер телесности. Душа управляет телом, а оно в свою очередь закрепощает её и ограничивает. Тело отвлекает душу заботами о питании, удовольствиях, страданиях и болезнях. Оно связывает человека с чувственным миром и препятствует чистому созерцанию истины. На протяжении жизни тело и душа вступают в конфликт друг с другом [1].

Телесные ощущения являются источником чувственного опыта, но этот опыт, по Платону, ненадёжен. Чувства вводят в заблуждение, поскольку дают лишь мнение (*doxa*), а не знание (*episteme*), которое является точным пониманием вечных идей или истины и исходит от разума. Страсти и желания, связанные с телом, могут подчинить себе душу. Чрезмерная привязанность к удовольствиям ведёт к утрате самоконтроля и внутренней гармонии. Именно поэтому философ должен стремиться к умеренности и очищению.

Однако Платон не отрицает полностью роль тела. Оно необходимо как инструмент деятельности в материальном мире. Душа проявляет себя через тело, реализует свои способности и проходит путь нравственного испытания. Несмотря на противопоставление, душа и тело образуют временное единство. Душа оживляет тело, управляет его движениями и направляет поступки человека.

Смерть понимается как разъединение этих двух начал. Тело распадается, а душа продолжает существование. Тем самым Платон утверждает приоритет духовного начала над материальным. Не расставшись с телом, нельзя познать истину.

В «Федоне» Платон приводит несколько доказательств бессмертия души. Во-первых, аргумент из противоположностей: всё возникает из своей

противоположности — бодрствование из сна, жизнь из смерти. Следовательно, душа после смерти продолжает существование.

Во-вторых, аргумент из простоты: душа неделима и проста по своей природе, а значит, не подвержена разрушению.

В-третьих, аргумент из сродства: душа по своей природе сродни миру идей — невидимому, вечному и неизменному.

Эти доказательства имеют не только логическое, но и нравственное значение: вера в бессмертие укрепляет ответственность человека за свою жизнь.

Одним из важнейших положений платоновской теории познания является анамнезис — учение о припоминании. Согласно этой концепции, душа до воплощения созерцала мир идей. В земной жизни она «вспоминает» забытые истины. Познание есть процесс внутреннего пробуждения. Учитель не передаёт знание извне, а помогает душе вспомнить то, что она уже знала. Эта мысль ярко иллюстрируется в диалоге «Менон», где через наводящие вопросы раскрываются скрытые знания. Таким образом, теория припоминания подтверждает идею предсуществования и бессмертия души [1].

Платон утверждает, что истинный философ всю жизнь готовится к смерти. Это означает стремление к освобождению души от излишней зависимости от телесного. Философия понимается как очищение (катарсис) — освобождение от страстей, стремление к истине и добру. Смерть становится переходом к более совершенному состоянию, где душа может свободно созерцать идеи. Такое понимание придаёт платоновской этике глубокий духовный смысл: цель жизни — не удовлетворение телесных потребностей, а совершенствование души.

Учение Платона о душе и теле представляет собой целостную философскую систему, основанную на дуализме духовного и материального начал. Душа в его концепции — вечная, разумная и божественная субстанция, источник жизни и движения. Тело — временное и смертное, связанное с миром становления. «Божественному, бессмертному, умопостижаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постижаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно - и тоже в высшей степени - наше тело» [1].

Их связь носит противоречивый характер: тело ограничивает душу, но одновременно служит средством её проявления. Гармония достигается через господство разума и нравственное совершенствование личности.

Платоновская концепция оказала огромное влияние на дальнейшее развитие философии — на античную мысль, христианскую теологию и философию Нового времени. Идея бессмертия души, теория припоминания и дуализм духа, и материи стали фундаментом для последующих размышлений о природе человека.

Таким образом, проблема души и тела в учении Платона не только раскрывает особенности античной философии, но и остаётся значимой для понимания человека как существа, соединяющего в себе временное и вечное, материальное и духовное начала.

Список литературы:

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 2/Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993.
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 3/ Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994.

Сафарова Карина Руслановна

студент

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент Земцова Ирина Валерьевна

Safarova Karina

Pushkin Leningrad State University

ОСОБЕННОСТИ ОБСЛУЖИВАНИЯ КИТАЙСКИХ ТУРИСТОВ В ГОСТИНИЦЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности обслуживания туристов из Китая в современных условиях развития гостиничного бизнеса. Автором проанализированы кросс-культурные особенности китайского туриста, выявлены основные барьеры в коммуникации и сервисе.

Ключевые слова: гостиничный сервис, китайский туризм, China Friendly, кросс-культурные коммуникации, адаптация услуг.

FEATURES OF THE HOTEL'S SERVICE FOR CHINESE TOURISTS

Summary: The article discusses the features of servicing Chinese tourists in the current conditions of the hotel business development. The author analyzes the cross-cultural features of the Chinese tourist, and identifies the main barriers in communication and service.

Keywords: hotel service, Chinese tourism, China Friendly, cross-cultural communication, service adaptation.

Китайский выездной туризм на протяжении последнего десятилетия остается одним из самых динамично развивающихся сегментов мирового рынка. Россия является одним из приоритетных направлений для туристов из Китая. Ключевыми факторами, стимулирующими сотрудничество, являются объявление 2024 и 2025 годов «Перекрестными Годами культуры России и Китая», развитие программы «China Friendly», введение безвизового режима. По статистическим данным, только за первые шесть месяцев 2024 года Россию посетили более 300 тыс. организованных туристов из Китая в рамках безвизового обмена. А в 2025 году доля Китая составила 50,8% от всего турпотока [6]. Однако гостиничные предприятия сталкиваются с проблемой несоответствия классических европейских стандартов сервиса специфическим ожиданиям китайских гостей.

Фундаментальной основой, определяющей поведение и ожидания китайского туриста, является глубокая укоренённость в национальном сознании многовековых традиций конфуцианской этики. В отличие от западного индивидуализма, китайская модель мира базируется на принципах жесткой социальной иерархии и коллективизма, что напрямую транслируется в специфику взаимодействия гостя с персоналом гостиничного предприятия. Центральное место в системе ценностей жителей КНР занимает концепция

«Лица» — сложная междисциплинарная категория, определяющая социальный статус, авторитет и достоинство индивида в глазах окружающих. В контексте гостиничного обслуживания «сохранение лица» становится критически важным фактором. Для китайского гостя крайне важно чувствовать уважение к своему статусу, поэтому любой акт публичного порицания или прямое указание на ошибки воспринимается как тяжелое оскорбление. Прямолинейность, характерная для европейского сервиса, здесь недопустима: персонал должен проявлять предельную деликатность и решать любые спорные вопросы в формате конфиденциальной беседы «один на один», позволяя гостю выйти из ситуации без репутационных потерь.

Тесно связана с концепцией «лица» строгая социальная структурированность китайского общества. Иерархичность проявляется в четком выделении лидера внутри каждой туристической группы — будь то глава семьи, старший по возрасту или профессиональный руководитель (гид). Согласно нормам восточного этикета, проявление почтения к «первому лицу» группы является обязательным. На практике это означает, что администратор службы приема и размещения должен начинать приветствие, процедуру регистрации и подачу документов именно с лидера. Игнорирование этого порядка или обращение к младшему члену группы в обход старшего может быть расценено как проявление неуважения и непрофессионализма.

Еще одной выраженной чертой является приоритет коллективного над индивидуальным. Китайские туристы традиционно предпочитают путешествовать группами, что обусловлено чувством безопасности и общности. Эта особенность находит отражение в специфике коммуникации: группы из КНР часто воспринимаются европейским персоналом как излишне шумные. Однако с точки зрения китайской культуры, громкая речь в общественных зонах не является признаком отсутствия культуры или агрессии. Напротив, это проявление феномена «Renao» (досл. — «горячо и шумно») — создание оживленной, радостной атмосферы, свидетельствующей о благополучии группы и положительных эмоциях от путешествия [4].

В контексте языкового барьера следует отметить, что значительная лингвистическая специфика делает английский язык труднодоступным для большинства туристов из КНР, особенно старшего поколения. В связи с этим отель должен не только внедрять визуальную навигацию на китайском языке, но и использовать современные технологические решения, такие как портативные переводчики с поддержкой различных диалектов. Наличие информации на родном языке гостя воспринимается им как знак глубочайшего уважения со стороны отеля.

Особое значение в системе адаптации сервиса занимает культура питания, которая в Китае неразрывно связана с философией здоровья. Согласно принципам традиционной китайской медицины, поддержание внутреннего баланса возможно только через употребление теплой пищи и воды. Холодная вода или лед воспринимаются китайским гостем как угроза здоровью.

Гастрономические предпочтения китайских туристов также существенно отличаются от европейских стандартов. Традиционный «континентальный завтрак» с холодными нарезками, йогуртами и хлопьями часто остается невостребованным. Китайский гость ожидает увидеть «горячий старт» дня: рисовую кашу «Конджи», паровую лапшу или горячее соевое молоко [4].

Учитывая все эти особенности, гостиницам, которые решили массово принимать китайских туристов, необходимо адаптировать свои услуги под их запросы.

Первоочередной задачей является лингвистическая адаптация всех информационных носителей. Поскольку значительная часть китайских туристов не владеет английским языком на достаточном уровне, отелю необходимо обеспечить наличие навигационных указателей, информационных брошюр, меню на китайском языке. Важным инструментом цифрового маркетинга выступает создание версии официального сайта отеля на китайском языке, что способствует росту узнаваемости бренда на рынке КНР и увеличению доли прямых бронирований.

Также, для качественного взаимодействия с гостями целесообразно наличие в штате сотрудника со знанием китайского языка либо внедрение современных технических средств мгновенного перевода [3].

Критически важным условием является интеграция привычных для туристов платежных инструментов, в частности, обеспечение приема карт национальной платежной системы UnionPay. Кроме того, базовый стандарт обслуживания должен включать:

- предоставление бесплатного высокоскоростного доступа к сети Wi-Fi;
- оснащение номеров электрическими розетками или адаптерами китайского стандарта;
- корректировку рациона питания с включением блюд традиционной китайской кухни [1].

Для обеспечения высокого стандарта сервиса для гостей из Китая была разработана национальная программа «China Friendly». Многие отели активно проходят сертификацию в рамках этой программы для усиления своих конкурентных позиций на китайском туристическом рынке и стимулирования притока туристов.

Стандарт организации «China Friendly» разработан ассоциацией международного сотрудничества «Мир без границ», призван создать комфортную среду пребывания для китайских туристов в Российской Федерации и направлен на повышение качества обслуживания за счет обучения персонала, надлежащего информационного сопровождения, адаптации продукта/услуги и наличия возможности оплаты через китайские финансовые сервисы [7].

Критерии к услугам средств размещения «China Friendly»:

- наличие на официальном сайте средства размещения информации на китайском языке о самом средстве размещения и его услугах, с возможностью забронировать номер или наличие ссылки на возможные ресурсы по бронированию данного средства размещения;
- указатели/надписи и иная ориентирующая информация на русском языке в функциональных зонах средства размещения должны быть продублированы на китайском языке;
- наличие информационных материалов на стойке администратора на китайском языке, в том числе информации о стоимости услуг средства размещения;
- наличие бесплатных информационных материалов на стойке администратора на китайском языке: путеводитель или карта города;
- возможность оплаты картами China UnionPay и/или посредством других китайских платежных систем (например, WeChat Pay, AliPay);
- наличие банкомата, принимающего карты China UnionPay и/или других китайских платежных систем, на территории средства размещения;
- наличие бесплатного Wi-Fi на территории средства размещения;
- обеспечение комфортного доступа к кипяченой воде необходимой температуры (бесплатно): чайник в номере или кулер с горячей и холодной водой на этаже или бесплатное предоставление воды в лобби-баре по запросу;
- наличие ванных принадлежностей (бесплатно в номере или под запрос на стойке ресепшн);
- наличие тапочек по числу проживающих (бесплатно в номере или под запрос на стойке ресепшн);
- наличие адаптеров, соответствующих стандарту, принятому в КНР (бесплатно в номере или под запрос на стойке ресепшн);
- наличие адаптированного завтрака. Блюда, привычные для китайских гостей. Дополнительные приборы для еды - палочки;
- китайское телевидение в номере (возможно в холле);
- наличие возможности оперативного автоматического перевода устной китайской и русской речей и документов (в том числе с использованием смартфонов) на стойке службы приёма и размещения и в местах оказания услуг. Желательно наличие сотрудника отеля, владеющего китайским языком, или привлеченного сотрудника под заезд гостей;
- наличие страницы средства размещения в китайской социальной сети WeChat с описанием объекта, имеющихся услуг, актуальных тарифов и контактов на китайском языке [2; 5].

Роль программы «China Friendly» в системе современного гостиничного бизнеса заключается в создании единой сервисной среды, отвечающей запросам туристов из Китая. Сотрудничество с программой начинается с

детального анализа соответствия отеля установленным критериям, охватывающим информационную, техническую и гастрономическую составляющие.

Успешное прохождение аттестации наделяет отель правом на использование международного Знака качества, который является мощным репутационным инструментом на рынке. Дополнительными преимуществами являются маркировка отеля на цифровых картах (Baidu Maps, Amap) и в путеводителях на китайском языке, рекомендации в социальных сетях (WeChat, Weibo) и на крупнейших китайских туристических платформах.

Таким образом, сертификация становится не просто подтверждением соответствия нормам, а стратегическим преимуществом, позволяющим отелю эффективно конкурировать за внимание китайских туристов.

Подводя итог, можно утверждать, что эффективное обслуживание китайских туристов требует от современного гостиничного предприятия высокой гибкости и глубоких кросс-культурных компетенций персонала. В современных условиях конкуренции простого следования базовым стандартам гостеприимства недостаточно; необходима глубокая трансформация сервисной модели, учитывающая уникальную культуру гостей из КНР.

Переход к стандартам программы «China Friendly» следует рассматривать не как формальное выполнение набора требований, а как создание комплексной экосистемы сервиса. В такой среде каждая деталь — от лингвистической адаптации навигации до корректировки гастрономического предложения — транслирует гостю уважение к его национальным традициям и ценностям.

Глубокое понимание ментальных установок и учет специфических предпочтений позволяют не просто повысить качество сервиса, но и сформировать мощный инструмент повышения лояльности. Удовлетворенный гость из Китая становится активным каналом продвижения отеля в китайском цифровом пространстве, что обеспечивает стабильный приток туристов.

Список литературы:

1. Гомилевская, Г. А. Актуализация стандартов гостиничного обслуживания туристов из Китайской Народной Республики / Г. А. Гомилевская // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2025. – Т. 17. – № 4. – С. 79–91.
2. Гукасян, Д. Э. Сертификация по программе «China Friendly» и ее роль в развитии индустрии туризма / Д. Э. Гукасян, В. Д. Юкаш // Современный гостинично-ресторанный бизнес: экономика и менеджмент. Материалы VI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2020. – С. 129-131.
3. Золотарева, Ю. В. Поведение китайских туристов на рынке туризма и гостеприимства / Ю. В. Золотарева // Вестник экспертного совета. – 2019. – № 1 (16). – С. 32–33.
4. «Ни хао» вместо «здравствуйте». Как российским отелям понравиться китайским туристам [Электронный ресурс] // Inc. Russia. – 2018. – 14 дек. –

URL: <https://incrussia.ru/understand/ni-hao-vmesto-zdravstvujte-kak-rossijskim-otelyam-ponravitsya-kitajskim-turistam/> (дата обращения: 26.02.2026).

5. Правила функционирования системы добровольной сертификации услуг экосистемы «China Friendly» [Электронный ресурс] / АНО «Российская система качества». – Москва, 2021. – URL: https://roskachestvo.gov.ru/upload/competence/china_friendly.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
6. Российский въездной туризм держится на Китае, но растет за счет других рынков [Электронный ресурс] // Ассоциация туроператоров (АТОР): [офиц. сайт]. – 2024. – 16 мая. – URL: <https://www.atorus.ru/article/rossiyskiy-vezdnoy-turizm-derzhitsya-na-kitae-no-rastet-za-schet-drugikh-rynkov-66406> (дата обращения: 26.02.2026).
7. China Friendly [Электронный ресурс]: [офиц. сайт программы]. – URL: <https://chinafriendly.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

Секунов Константин Михайлович

студент

Тульский государственный университет

SPIN-код: 6359-7311

Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент Королев Павел Андреевич

Sekunov Konstantin

Tula State University

СИМВОЛИЗМ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ

Аннотация: В статье исследуется символизм Тильзитского мира 1807 года. На основе анализа исторических источников и современной историографии раскрывается дипломатический символизм переговоров на плоту как акта театрализованной политики. Особое внимание уделяется значению договора как проверки на прочность союзнических обязательств между Россией и Пруссией. Рассматривается роль Тильзита в качестве стратегического рубежа, определившего консервативно-охранительный вектор внешней политики России в XIX веке. Наконец, анализируется трансформация памяти о событии в пространстве исторического наследия Калининградской области, в которой этот мир играет ключевое значение.

Ключевые слова: Тильзитский мир, Александр I, Наполеон Бонапарт, Пруссия, дипломатический символизм, историческая память.

THE SYMBOLISM OF THE PEACE OF TILSIT IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY AND MEMORY

Summary: The article explores symbolism of the Peace of Tilsit in 1807. Based on the analysis of historical sources and contemporary historiography, the diplomatic symbolism of the raft negotiations as an act of theatrical politics is revealed. Special attention is paid to the significance of the treaty as a severe test of the strength of allied commitments between Russia and Prussia. The role of Tilsit as a strategic milestone that determined the conservative-guardian vector of Russia's foreign policy in the 19th century is considered. Finally, the transformation of the memory of the event in the space of the historical heritage of the Kaliningrad region is analyzed, in which this world plays a key role.

Keywords: Peace of Tilsit, Alexander I, Napoleon, Prussia, diplomatic symbolism, historical memory.

Тильзитский мир 1807 года представляет собой сложный исторический феномен, чьё значение выходит далеко за рамки дипломатии. Этот договор, подписанный Александром I и Наполеоном Бонапартом, приобрёл глубокий символизм, отражающий ключевые аспекты международных отношений эпохи, эволюцию внешнеполитической стратегии России, проверку на прочность

союзнических обязательств между Российской и Прусской монархиями и особенности взаимодействия с историческим прошлым.

Дипломатический символизм переговоров в Тильзите наиболее ярко проявился в тщательно продуманном ритуале встречи на плоту посреди Немана. Этот искусственно созданный нейтральный объект стал мощным визуальным образом временного примирения и формального равенства сторон. Плот был наведен на разделительной водной полосе: левый берег Немана занимала французская армия, а правый берег реки занимали русские войска. Это символизировало равенство сторон. Как отмечает А. В. Борисова, «Тильзитский мир стал «зеркалом» политики Александра I, отразившим его личные качества и прагматизм» [1, с. 1]. Сам император рассматривал соглашение как тактический манёвр и «временную передышку, для того чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и усиливать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы» [1, с. 7]. Неординарность оформления события, включая обмен орденами и личные клятвы, создавала видимость прочного союза. Однако, как справедливо указывал М. М. Сперанский, «вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром» [1, с. 7], что подчёркивало его внутреннюю противоречивость и неокончательный характер. Внешнее восприятие этого договора было показано художниками других государств, например, английской карикатурой, которая, как показано в исследовании М. А. Филимоновой, сразу представила Тильзит как символ не братства, а подчинения. На гравюре Ч. Уильямса «Императорские объятия на плоту» (July 1807) Александр I изображён теряющим корону на тонущем краю плота, что символизировало в британском публичном дискурсе катастрофические последствия договора для России [6, с. 4]. Таким образом, дипломатический ритуал в Тильзите изначально существовал в двух измерениях: как символ прагматичной паузы для России и как символ временного перемирия между императорами.

Особое символическое значение Тильзитский мир приобрёл как событие, подвергшее проверку на прочность союзнические обязательства между Россией и Пруссией. В полночь 5 ноября 1805 года Александр I и Фридрих Вильгельм III на могиле Фридриха Великого в Потсдаме поклялись в вечной дружбе и совместной борьбе против Наполеона Бонапарта. Наполеон Бонапарт на переговорах в Тильзите предложил Александру I упразднить Пруссию [2, с. 11]. Это было бы равнозначно предательству со стороны русского царя. Александр I, будучи верен клятве, настоял на сохранении государственности Пруссии. Сохранение Королевства Пруссии, пусть и без польских владений, – верной союзницы Англии, было невыгодно Наполеону Бонапарту и стало возможным только благодаря твердой позиции русского царя. Однако сама Пруссия в 1807 году вступила в вынужденный союз с Наполеоном Бонапартом, и прусские войска участвовали в походе Великой армии на Россию в 1812 году. Однако именно это унижение, как отмечает С. В. Рыбаков, «заложило основу для будущего национального подъёма Пруссии и формирования качественно новой,

более сплочённой коалиции 1813 года» [5, с. 122]. Сам факт сохранения Александром I прусской государственности, пусть и в урезанном виде, вопреки первоначальным планам Наполеона, стал жестом, за которым прусский король Фридрих Вильгельм III увидел не только расчёт, но и остатки союзнической солидарности. Таким образом, Тильзитский мир символизировал трагический разрыв прежних русско-прусских союзнических клятв, но одновременно и зарождение будущего «братства по оружию», которое возникнет в Освободительных войнах. Этот болезненный опыт превратил Пруссию из пассивного объекта большой политики в активного субъекта, чья внешняя политика на десятилетия вперёд будет мотивирована стремлением к реваншу и восстановлению своего статуса, что, в конечном итоге, изменило всю архитектуру европейских отношений.

Символическое значение Тильзитского мира для развития внешней политики России в XIX веке трудно переоценить. Договор стал болезненным, но необходимым рубежом, за которым последовала переоценка основ международной роли империи. Вынужденный союз с наполеоновской Францией, завершившийся Отечественной войной 1812 года, сформировал на десятилетия вперёд консервативный вектор внешней политики, окончательно оформившийся в идеологии Священного союза. Прагматичный расчёт Александра I, согласившегося на временные уступки ради сохранения Пруссии как государства и получения стратегической передышки, продемонстрировал новый подход, сочетавший принципиальность в отстаивании баланса сил с гибкостью тактических средств. Как отмечает С.В. Рыбаков, описывая Эрфуртскую встречу 1808 года, «доверие в русско-французских отношениях оказалось слабым» [5, с. 127], что лишь подтвердило изначальную проблемность заключённых договорённостей. Этот опыт закрепил в культуре российской дипломатии установку на приоритет государственных интересов и недоверие к проектам радикального переустройства Европы.

В пространстве исторической памяти, особенно на территории современной Калининградской области, символизм Тильзитского мира приобрёл особые, актуальные черты. Видимо, выбор нового имени города оказался символичен: Тильзит был переименован в Советск в напоминание о том, что когда-то здесь император французов и русский царь совещались о будущем Европы и смогли договориться. После Второй мировой войны и переименования Тильзита в Советск память о событиях 1807 года стала частью сложного культурного наследия, с которым взаимодействуют новые поколения жителей. Исследователи отмечают, что для многих жителей Советска знание о Тильзитском мире является частью «памяти учебника», часто единственным узнаваемым событием из довоенной истории города, которое, однако, эмоционально связывается с современным пространством [4, с. 28]. Материальные объекты, оставшиеся от немецкого прошлого, выступают в роли элементов, провоцирующих актуализацию так называемой «фантомной памяти» о событиях, с которыми жители не связаны биографически. В этом контексте, как справедливо отмечает Н. В. Петров, споры о прошлом «не

только историческая память», но и важный элемент конструирования настоящего и будущего локального сообщества [3, с. 7]. Тильзитский мир в таком прочтении превращается из конкретного исторического факта в символический мост, связующее звено между различными временными слоями - наполеоновской эпохой, немецким периодом и современной российской жизнью города. Он становится одним из символов «чужого» прошлого, который может быть интегрирован в сложную местную идентичность, основанную на наслоении разных исторических эпох.

Таким образом, символизм Тильзитского мира 1807 года проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Как дипломатическое событие, он символизировал прагматичную тактическую паузу, чья искусственная направленность раскрывала глубину реальных противоречий. Как проверка союзнических обязательств, он выявил хрупкость международных клятв перед лицом силового превосходства, но одновременно заложил основы будущего прусско-русского альянса, рождённого из общего унижения. Как стратегический рубеж, он обозначил поворотный пункт во внешней политике России, закрепив урок о приоритете национальных интересов и недопустимости гегемонии в Европе. Наконец, в долгосрочной исторической памяти, особенно на территории бывшей Восточной Пруссии, Тильзитский мир трансформировался в символ сложного взаимодействия с многослойным прошлым, позволяя современным жителям опосредованно включать «чужое» наследие в конструирование собственной локальной идентичности. Многообразие этих символических значений подтверждает, что Тильзитский мир остаётся не просто страницей учебника, а живым феноменом коллективной памяти, продолжающим влиять на осмысление истории и политики.

Список литературы:

- 1.Борисова, А. В. Тильзитский мир как зеркало политики императора Александра I (по письмам Ф.С. Лагарпа) // Вестник ЯрГУ. – 2022. – № 4. – С. 1-8.
- 2.Королев, П. А., Секунов, К.М. Стратегический потенциал Тильзитского мира: анализ геополитических возможностей России // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. – 2026. – № 1. – С. 9-20.
- 3.Петров, Н. В. Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем // Фольклор и антропология города. – 2024. – Т. VI. № 1–2. – С. 7–12.
- 4.Радченко, Д. А. Вещи на границе территорий памяти: между Тильзитом и Советском // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 6. – С. 26–43.
- 5.Рыбаков, С. В. Дуэль императоров: взаимоотношения Александра I и Наполеона Бонапарта // Обозреватель-Observer. – 2013. – № 10. – С. 115-129.
- 6.Филимонова, М. А. Александр I и Наполеон в Тильзите в восприятии английской карикатуры // Ученые записки Курского государственного университета. – 2025. – № 2 (74). – С. 1-11.

Селина Мария Сергеевна

1 ХД-11

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Selina Maria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЛИНЕЙНОСТЬ И ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу двух концепций исторического времени – линейной и циклической. Рассматриваются истоки формирования линейного подхода в христианской философии и его развитие в трудах мыслителей Нового времени. Анализируются циклические теории, начиная с античности и заканчивая философией Фридриха Ницше. В работе исследуются ограничения каждого из подходов. В заключении обосновывается современное представление об истории как о спиралевидном процессе, синтезирующем циклическую повторяемость и линейный прогресс.

Ключевые слова: философия истории, линейность истории, цикличность истории, историческое время, клиодинамика.

LINEARITY AND CYCLICALITY OF HISTORY

Summary: The article is devoted to the analysis of two concepts of historical time – linear and cyclical. The origins of the formation of the linear approach in Christian philosophy and its development in the works of modern thinkers are considered. Cyclical theories are analyzed, starting from antiquity and ending with the philosophy of Friedrich Nietzsche. The limitations of each approach are investigated in the work. In conclusion, the modern view of history as a spiral process, synthesizing cyclical recurrence and linear progress, is substantiated.

Keywords: philosophy of history, linearity of history, cyclicity of history, historical time, cliodynamics.

Общество склонно воспринимать время как нечто само собой разумеющееся и не нуждающееся в осмыслении. Фразы вроде «течение времени» или «движение истории» отражают наше интуитивное представление о нем. Однако понимание исторического времени, будь то линейное или циклическое, важно для осмысления прошлого и настоящего. От этого зависит наше видение прогресса, цели истории и роли человека в ней.

Линейная концепция истории – это представление о том, что исторический процесс развивается в одном направлении: от прошлого через настоящее в будущее. Зачастую ее сравнивают со «стрелой времени»: данный процесс имеет начало (возникновение человечества) и конец (эсхатология).

Прорыв в понимании линейности связан с христианством. Одним из первых философов, обосновавших данную концепцию, был Аврелий Августин

(354-430). В работе «О граде божьем» (413-427) история в его трактовке – это не цикл, а осуществление Божественного замысла: от грехопадения Адама и Евы через жертву Иисуса Христа к финальному искуплению и Страшному суду. [1]

В Новое время христианская основа сменилась верой в человеческий разум. По мнению французского мыслителя Ж.-А. Кондорсе (1743-1794), именно человеческий разум, обладающий потенциалом к неограниченному развитию и совершенствованию, являлся ключевой движущей силой исторического прогресса. В финальной части своей работы «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795) Кондорсе сформулировал три главные задачи, которые общество должно решить в будущем, чтобы считаться завершенным в своем прогрессе: уничтожение неравенства между нациями; ликвидация социального неравенства; совершенствование самого человека. [2]

Немецкий экономист и философ Карл Маркс (1818-1883) перевел идею линейности в материальную плоскость. Он разработал учение о исторических способах производства: азиатском, античном, феодальном и буржуазном, которые можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. [3] Переход от одной формации к другой происходит революционно, когда развитие производительных сил вступает в конфликт с устаревшими производственными отношениями.

Так, вышеперечисленные философы внесли значимый вклад в развитие мысли о концепции истории и утвердили идею направленности времени, а история обрела смысл и внутреннюю логику. Однако, в данную теорию не вписывается регресс, возврат к старым формам правления и периоды глубокого упадка. Прошлое утрачивает свою многовариантность. Общество теряет способность осознавать, что на каждом историческом этапе существовал спектр возможностей, и развитие событий могло пойти по иному сценарию.

Циклическая модель исторического развития отвергает концепцию однонаправленного культурного восхождения. Вместо этого, она трактует историю как процесс, в котором культурные формы, уже пережитые в прошлом, регулярно возрождаются и переосмысливаются, но каждый раз на качественно ином уровне. Первые теории цикличности берут свое начало еще из Древнего мира и одним из их источников являются мифологические нарративы. Древнегреческий историк Полибий (200-120 до н.э.) сделал первую систематизированную попытку описать исторический круговорот. Согласно Полибию, в пределах замкнутого цикла происходит смена шести основных форм государства: монархия (царство, царская власть), тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия (власть толпы). [4]

На XIX – XX века выпал расцвет циклических теорий. Немецкий философ Фридрих Ницше (1844-1900) возрождает идею «вечного возвращения» как фундаментальный закон мироздания: в бесконечном времени в этом мире все повторяется бесконечное число раз. [5]

Теория цикличности предлагает рассматривать историю не как однонаправленное движение к неизвестности или утопии, а как бесконечный цикл. Согласно этой концепции, цивилизации, культуры и государства подобны живым существам: они зарождаются, проходят через этапы развития (от юности до зрелости и угасания) и неизбежно приходят к концу, освобождая место для новых. Ценность этой теории в том, что она помогает понять причины краха империй и закономерность повторения исторических ошибок. Она предлагает пессимистичный, но реалистичный взгляд на мир, утверждая, что упадок столь же естественен, как и прогресс. С другой стороны, данная концепция отвергает возможность человечества учиться на ошибках прошлого. Циклическая теория плохо объясняет рост. Даже если цивилизации умирают, они передают следующим «виткам» накопленный опыт. Это делает историю скорее спиралью, чем замкнутым кругом.

Таким образом, противопоставление концептов заставило философов задуматься о том, есть ли у истории какая-либо форма, направленность или смысл. Это привело к развитию клиодинамики – междисциплинарной области исследований, ориентированной на построение математических моделей социально-исторических процессов. Это учение основано на положении об исторических процессах как происходящих по регулярным предсказуемым закономерностям. Клиодинамика объединяет знания из истории, социологии, экономики, антропологии, политологии, статистики, информатики и даже экологии. Это позволяет рассматривать общества как сложные адаптивные системы, подверженные и социальным, и природным изменениям.

В настоящее время противопоставление цикличности и линейности времени утратило свою ценность, и история человечества представляется спиралевидной моделью или волной, где цикличность проявляется как структурная основа, отражающая повторяющиеся стадии в эволюции, как отдельных сообществ, так и глобальных систем. Линейность, выраженная в накоплении знаний и усложнении социальной организации, составляет сущностное содержание этого процесса. Современная философия истории изучает ритм и пытается понять, на каком витке спирали находится человечество сейчас, чтобы предсказать следующий кризис или точку роста.

Список литературы:

1. Аврелий, Августин. О граде Божьем. /Августин Аврелий. – М.: АСТ, – 2023. – 1248 с.
2. Де Кондорсе, М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / М. де Кондорсе; переводчик И. А. Шапиро. – М.: Юрайт, – 2024. – 193 с.
3. Маркс, К. К критике политической экономии /К. Маркс. – М.: «ЛИБРОКОМ», – 2011. – 176 с.
4. Полибий. Всеобщая история / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, –2004. – 576 с.

5.Фаритов, В. Т. Идея вечного возвращения Ф. Ницше: между философией и поэзией / В. Т. Фаритов // Философская мысль. – 2017. – № 4. – С. 55-69.

Семина Валерия Валерьевна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Valeria Semina

Naval Academy

СЕЛО АЛЕКСАНДРОВКА: ИСТОРИЯ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ДОРОГ И ЭПОХ. ОТ КАЗАЧЬЕГО ФОРПОСТА ДО ЦЕНТРА ПРИГРАНИЧНОГО РАЙОНА

Аннотация: Статья посвящена военно-историческому прошлому села Александровка — административного центра Александровского района Оренбургской области. На основе географической привязки, архивных данных и краеведческих материалов рассматривается эволюция села от казачьего сторожевого поселения XIX века до тылового оплота в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется вкладу жителей в оборону страны, формированию локальной идентичности и сохранению исторической памяти. Работа выполнена в рамках изучения микроистории как ключа к пониманию общенациональных процессов.

Ключевые слова: Александровка, Оренбургская область, военная история, казачество, Великая Отечественная война, тыловой подвиг, историческая память, краеведение.

ALEXANDROVKA VILLAGE: HISTORY AT THE CROSSROADS OF ROADS AND ERAS. FROM THE COSSACK OUTPOST TO THE CENTER OF THE BORDER AREA

Summary: Aleksandrovka Village: A History at the Crossroads of Roads and Epochs. From a Cossack Outpost to the Center of a Border District Abstract: The article is devoted to the military-historical past of the village of Aleksandrovka (coordinates 52.68° N, 54.42° E), the administrative center of the Aleksandrovsky District of the Orenburg Region. Based on geographical location, archival data and local history materials, the evolution of the village from a Cossack guard settlement of the 19th century to a home front stronghold during the Great Patriotic War is examined. Special attention is paid to the contribution of residents to the defense of the country, the formation of local identity, and the preservation of historical memory. This work is carried out within the framework of studying microhistory as a key to understanding national processes.

Keywords: Aleksandrovka, Orenburg Region, military history, Cossacks, Great Patriotic War, home front feat, historical memory, local history.

Вопрос исторической памяти является одним из важнейших на современном этапе общественного развития. Верность традициям предков,

бережное сохранение национальной культуры позволяет народам сохранить свою идентичность, выстоять в эпоху социальных потрясений.

Для народов России бережное отношение к своей истории, культуре, как и родному языку, является основой исторического прогресса. Но наши противники постоянно предпринимают попытки очернить нашу историю и культуру, приуменьшить вклад россиян в развитие мировой цивилизации.

Вопросы сохранения исторической памяти очень многообразны. И если история крупных городов, культурных центров, важные исторические события бережно сохраняются в народной памяти, то порой история небольших поселений теряется в ходе развития. А без малой родины не было бы и великой России. Поэтому важно сохранять историческую память и о небольших по своему размеру поселений, которые являлись основой нашей государственности.

История одного из таких поселений и будет раскрыта в данной статье на основе сохранившихся исторических материалов.

Село Александровка расположено в западной части Оренбургской области, в 250 км от регионального центра. Его ключевая особенность — приграничное положение. Александровский район граничит с Самарской областью и Республикой Башкортостан, а в прошлом эти земли были частью обширной Новой пограничной линии Российской империи. Само село исторически возникло на оживлённом тракте, связывавшем Оренбургскую губернию с центральными регионами страны. Это предопределило его роль как узла коммуникаций и административного центра.

Село было основано в первой половине XIX века как казачья станица, надёжный страж границ империи. Название «Александровка» — типичное для эпохи правления императоров Александра I или Александра II, часто дававшееся в их честь. Основу населения составляли служивые люди — казаки и их семьи, а также примыкавшие к ним поселенцы из государственных крестьян и других социальных слоёв, по разным причинам искавшие лучшей доли [1, с.14].

В основе их повседневной жизни лежали военно-хозяйственные функции. Поселенцы, преимущественно казаки и государственные крестьяне, несли сторожевую службу, охраняя юго-восточные рубежи от кочевых набегов, и одновременно осваивали плодородные степные земли. Александровка стала центром сельской волости, где сочетались военная дисциплина и земледельческий уклад [2, с.44].

В начале 20-го века эти земли прошли через череду исторических потрясений. В первую очередь это связано с Гражданской войной, которая беспощадной волной прошла по этой территории.

В 1918-1919 годах район стал ареной жестоких столкновений между частями Красной Армии и казачьими формированиями, верными белому движению. Исторический разлом произошел не только между рядом жившими соседями из разных социальных слоёв, но и внутри семей. Эти события глубоко

раскололи местное сообщество и оставили долгую память в повседневной народной жизни [5, с.37].

Следующим глобальным потрясением, в полном смысле перевернувшим повседневную жизнь, явились коллективизация 30-х годов и последовавшая потом за ней и целинная эпопея 50-х годов XX века. В советский период Александровка стала центром крупного колхозно-совхозного производства. В 1950-е годы, с началом освоения целинных и залежных земель, район и его центр получили новый импульс развития. Целинники со всей страны приехали поднимать оренбургскую степь, что изменило демографию и экономику села, способствовала повышению объема и качества сельскохозяйственного производства [6, с.173].

Но между этими событиями повседневная жизнь александровцев была нарушена Великой Отечественной войной. И хотя непосредственные боевые действия не затронули эту территорию. Но на повседневную жизнь повлияла мобилизация мужской части населения и решение задач тылового обеспечения действующей армии.

Сотни александровцев ушли на фронт. Они сражались в составе сформированных в области дивизий, таких как 360-я стрелковая дивизия (позже — 8-я гвардейская), прошедшая славный боевой путь. Многие пали, защищая Москву, Сталинград, освобождая Европу.

С другой стороны, не менее значимым был трудовой подвиг тех, кто не попал на фронт. Село стало глубоким тылом. Женщины, старики и подростки работали на полях, обеспечивая страну хлебом. На александровских фермах ухаживали за эвакуированным скотом. В каждый дом пришла похоронка, а оставшиеся жили под лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!».

Современное поколение бережно хранит память о павших землях не только в камне, но и в сердцах. Центральным местом памяти в селе является Мемориал павшим воинам-землякам. На его плитах — десятки фамилий тех, кто не вернулся. Школьные музеи и библиотеки бережно хранят письма с фронта, фотографии и воспоминания.

Память о военном прошлом жива. Ежегодно 9 мая у мемориала проходят торжественные митинги, работает система патриотического воспитания. Краеведы и школьники по крупицам восстанавливают историю семей и подвигов. Подготовлено официальное издание, содержащее поименные списки погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны уроженцев и призывников Александровского района. Бесценный источник персональных данных [3].

Однако лучшей памятью о павших героях-земляках в современных условиях являются повседневные достижения во всех областях жизни и в первую очередь в экономике. Сегодня Александровский район — важный сельскохозяйственный регион, специализирующийся на растениеводстве и животноводстве. Село остается его логистическим и административным ядром.

Расположенное между сёлами Берёзовка, Дмитриевка, Котельниково, Ждановка, современная Александровка остается таким же перекрёстком, как и

два века назад — только теперь это перекрёсток не столько военных путей, сколько дорог, связывающих людей, поля и фермы обширного степного края.

История села Александровка — это история русской глубинки, на которую ложились все главные вызовы и победы страны. От казачьего пикета на краю империи до хлебного цеха в годы великой войны, от трагедий гражданской междоусобицы до подъёма целины — село прошло через всё, сохранив свою идентичность.

Его военная история — это не история громких сражений на его улицах, а история тихого, но невероятно значимого вклада: ушедших на фронт солдат, выращенного для армии хлеба, невыплаканных до конца слёз матерей и вдов. Изучая такую историю, мы понимаем, что мощь государства зиждется именно на устойчивости и жертвенности тысяч таких «Александровок», разбросанных по бескрайним просторам России.

Список литературы:

1. Александровский район Оренбургской области: страницы истории / Под ред. В.А. Моисеева. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2005. — 320 с.
2. Вибе П.П. Оренбургское казачье войско: история и традиции. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 2012. — 256 с.
3. Книга Памяти. Оренбургская область. Том 6 (Александровский район) / Правительство Оренбургской области. — Оренбург: Южный Урал, 1995. — 512 с.
4. Кузнецов В.М. Труженики тыла Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). — Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010. — 188 с.
5. Моргунов К.А. Оренбургская область в годы Гражданской войны: от фронтовых сводок к памяти поколений. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2017. — 240 с.
6. Фёдорова А.В. Освоение целины в Оренбургской области: история, люди, судьбы. — Оренбург: ООО «Агентство Пресса», 2019. — 192 с.

Сереберцева Анна-Люция Александровна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Serebertseva Anna-Lutsiia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МОДА XIX: ОТ ПРОСТОТЫ АМПИРА К ПЫШНОСТИ ВИКТОРИАНСТВА

Аннотация: В статье рассматривается развитие европейской моды XIX века - от ранней простоты стиля ампир до декоративной пышности викторианской эпохи. Особое внимание уделяется роли модных центров, таких как Франция и Великобритания, появлению турнюра, эволюции корсета и распространению новых типов украшений и аксессуаров.

Ключевые слова: XIX век, мода, Франция, Великобритания, стиль ампир, античные силуэты, турнюр, романтизм, промышленный прогресс, восточное влияние, королева Виктория.

FASHION OF THE 19th CENTURY: FROM THE SIMPLICITY OF EMPIRE STYLE TO THE OPULENCE OF VICTORIAN ERA

Summary: The article examines the development of European fashion in the 19th century—from the early simplicity of the Empire style to the decorative richness of the Victorian era. Special attention is given to the role of major fashion centers such as France and Great Britain, the emergence of the bustle, the evolution of the corset, and the spread of new types of ornaments and accessories.

Keywords: 19th century, fashion, France, Great Britain, Empire style, antique silhouettes, bustle, Romanticism, industrial progress, Eastern influence, Queen Victoria.

Мода XIX века формировалась под влиянием целого ряда исторических процессов - Французской революции, Наполеоновских войн, глубоких социальных перемен и стремительного развития промышленности. Эти события привели к тому, что в начале XIX века стиль одежды постепенно отходил от насыщенной роскоши и вычурности XVIII века, уступая место новым, более утончённым и осмысленным формам. Европейская мода по-прежнему ориентировалась на Париж, который оставался главным центром новаторских тенденций. Этот век подарил миру большое разнообразие силуэтов, материалов и декоративных решений, во многом определивших дальнейшее развитие моды [1].

В течение одного столетия модные веяния не раз менялись, и весьма радикально. Весь этот период можно разделить на несколько этапов:

- От начала века и до 15 года - стиль Ампир,

- 1815-25 годы - эпоха Реставрации,
- 25-30 годы - Бидермайер (стиль в искусстве, отличающийся простотой и безыскусностью),
- 40-60 годы - Второе рококо,
- 40-50 годы - популярность малого кринолина,
- 50-60 годы - расцвет второго рококо,
- 70-80 - популярность турнюров,
- 90 годы - зарождение стиля модерн.

В начале XIX века общество сознательно отказалось от атрибутов аристократического прошлого: тяжёлых париков, громоздких кринолинов, парчи, старых жёстких корсетов и чрезмерной вышивки. На смену пышности пришли простота, естественность и лёгкость силуэта. Мода становится проще и переходит к плавным античным линиям, а появившийся во Франции стиль ампир приносит женщине легкость, освобождая её от жёстких каркасных конструкций. Если корсет и использовался, он был мягким и почти не стеснял движения. Платья шили из лёгких, воздушных тканей пастельных оттенков - белых, кремовых, голубых, лиловых, розовых, создавая образ нежности и невесомости. Настоящей законодательницей вкуса в эту эпоху стала императрица Жозефина, задававшая тон не только французской, но и европейской моде. Она заказывала сотни нарядов в год, предпочитала изящные украшения, шляпки и ленты, а ткани её платьев нередко декорировали пчелиные мотивы - символ Наполеона.

С началом столетия в искусстве и моде распространились исторические и восточные темы. Европа увлекалась Индией, Центральной Азией, древними стилями Средних веков и эпохи Возрождения. Эти влияния были проявлением романтизма, который появлялся в одежде. В женской моде заметную роль играли как Жозефина Бонапарт, так и Долли Мэдисон, которая являлась первой леди США с 1809 по 1817 год, а в мужском костюме столкнулись два полюса - строгая элегантность Джорджа Браммелла и поэтическая свобода лорда Байрона. Силуэты непрерывно менялись: варьировалась длина юбок, глубина вырезов, ширина рукавов, линия талии и даже формы галстуков. На моду всё больше влияла печать - журналы с цветными иллюстрациями распространяли новшества быстрее, чем когда-либо прежде.

В 1840-е годы на стиль заметно повлияли промышленная революция и экономические трудности. Силуэты упростились, цвета стали спокойнее, а в одежде ценились скромность и сдержанность - особенно в Великобритании и США. Женские наряды отличались длинными рукавами, высокой округлой горловиной и длинными юбками-колоколами. Корсажи занижались к талии, а среди головных уборов преобладал капор, подчеркивавший целомудренность образа. Мужчины носили прямые брюки, строгие сюртуки и цилиндры, а чёрный фрак оставался символом торжественной элегантности [2].

Во второй половине XIX века, особенно в викторианскую эпоху, мода вновь стала более декоративной. Возвращаются рукава «жиги», а Чарльз Уорт,

английский модельер, создает турнюр - конструкцию, формирующую объёмный задний силуэт и ставшую одним из главных элементов женского костюма. Турнюры то увеличивались, то уменьшались, украшаясь драпировками, шлейфами, лентами и бантами. К концу 1860-х широкие кринолины уходят, уступая место более узким юбкам с пышными складками сзади, однако в 1880-е годы турнюр возвращается в преувеличенной форме и вызывает множество карикатур. Мужская мода тоже потерпела изменения, белые рубашки на пуговицах с отложными и стоячими воротничками в 60-х годах уступили место манишкам. Брюки с 50-х годов тоже претерпели изменения - сначала их носили на штрипках, затем без. позже на них появились лампасы, а нижняя часть существенно расширилась. К 90-м годам пошла мода на полосатые или клетчатые брюки мешковатого кроя с заужением к низу. А уже в конце XIX века ассортимент мужских костюмов расширился смокингом, само название происходит от слова “курить”, так как изначально этот пиджак носили во время курения, чтобы защитить дорогую вечернюю одежду от табачного дыма и пепла. Смокинг был популярен среди молодежи, носили его с черными брюками, которые украшали лампасы.

Параллельно с изменением силуэтов развиваются декоративные элементы. Воланы и рюши, появившиеся ещё в XVIII веке, в XIX столетии становятся особенно популярны: ими украшали сарафаны, платья, вечерние наряды, придавая образу мягкость и объём. Кружево, обладающее многовековой историей, в XIX веке достигает расцвета — французские мастерские создают утончённые кружева, используемые в свадебных платьях, белье. Велика была роль и украшений: жемчуг, один из древнейших драгоценных камней, оставался символом статуса и изысканности, украшая наряды знатных дам.

На протяжении всего XIX века Англия завоевывает и твердо сохраняет первое место в создании мод мужского костюма, формируя внешний облик мужчины нового времени, тогда как за Францией остается первенство в области женской моды. Секрет успеха французских мод заключается не только в главенствующем положении Франции в промышленном производстве предметов роскоши, но и в умении, свойственном большинству Французов, схватывать и ассимилировать всевозможные приметы времени, претворяя их в художественные образы, созвучные эстетическим требованиям.

XIX век также стал временем первых попыток женщин бороться за равные права. Некоторые участницы женского движения начали носить брюки, а Амелия Блумер, американская общественная деятельница, создала первые женские шаровары-блумерсы - костюм, включающий тунику, широкий лиф, юбку и брюки, напоминающие восточные шаровары. Общество сначала встречало такие новаторства резко отрицательно, и массовым этот костюм стал лишь в конце века - в основном для велопрогулок [3].

В Британии долгие десятилетия царствования королевы Виктории сопровождалась индустриализацией, расширением железных дорог и активными колониальными связями, что обогатило вкусы и расширило

возможности моды. Именно Виктория ввела традицию белого свадебного платья, появившись в 1840 году в белоснежном наряде, украшенном цветами апельсина. А после неожиданной смерти принца Альберта в 1861 году королева Виктория не снимала траурные платья до конца своей жизни. Этот длительный траур создал в стране культ траура, который выражался в повышенном внимании к теме смерти и моде на траурную атрибутику. Траурный обычай стал доступен во всех ценовых категориях и существовал для всех классов. Те, кто не мог позволить себе сменить одежду, часто перекрашивали свою обычную одежду в черный цвет. В моду также вошли аксессуары из мертвых птиц, насекомых, зубов животных – шляпки, серьги, колье, зеркала.

Таким образом, мода XIX века стала результатом сложного переплетения исторических событий, эстетических движений, технического прогресса и культурных влияний. Эта эпоха подарила миру колоссальное разнообразие стилей от простоты ампира до роскошных викторианских форм, и продолжает вдохновлять дизайнеров по сей день, сохраняя уникальное наследие прошлого.

Список литературы:

1. Коул Д. Дэйл Н. История моды. С 1850-х годов до наших дней - М.: Эксмо, 2023. - 1465 с.
2. Костюм разных времен и народов: Т. 3-4.: В 4 т. - М.: Академия Моды, СПб.: Чарт Пилот, 2001. - 576 с.
3. Фишель О., фон Бён М. Мода и нравы XIX века. На картинах, гравюрах и фотографиях того времени. 1790–1914. – М.: Этерна, 2023. – 480 с

Сереберцева Анна-Люция Александровна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Serebertseva Anna-Lutsiia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается миграционная политика Российской Федерации как комплексный и многоуровневый механизм государственного управления миграционными процессами. Анализируется её роль в условиях демографического кризиса и потребностей национальной экономики в трудовых ресурсах.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, трудовая миграция, демографический кризис, трудовые ресурсы.

FEATURES OF MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Summary: The article examines the migration policy of the Russian Federation as a complex and multi-level mechanism of state governance of migration processes. Its role is analyzed in the context of a demographic crisis and the national economy's need for labor resources.

Keywords: migration policy, migration processes, labor migration, demographic crisis, human resources.

Миграционная политика представляет собой комплекс мер государственного регулирования, направленных на управление потоками въезда, выезда и пребывания иностранных граждан на территории страны. Для России, сталкивающейся с последствиями естественной убыли населения и потребностями экономики в трудовых ресурсах, миграция является важнейшим фактором социально-демографического и экономического развития.

Для Российской Федерации, занимающей уникальное геополитическое и геоэкономическое положение, управление миграционными процессами имеет особое стратегическое значение. С одной стороны, Россия исторически является страной, формировавшейся через миграционные потоки. С другой, начиная с 1990-х годов, она столкнулась с беспрецедентным сочетанием вызовов: распадом единого миграционного пространства СССР, глубоким демографическим кризисом (депопуляцией), формированием новых центров экономического притяжения и необходимостью выстраивания новой правовой системы в условиях глобализации.

В широком смысле миграционная политика представляет собой систему законодательных актов, административных мер и программных документов, посредством которых государство воздействует на интенсивность, структуру и

географию миграционных потоков, а также на процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество [3].

В рамках миграционной политики реализуется регулятивная функция, заключающаяся в установлении правил въезда, пребывания, трудоустройства и получения гражданства, а также стимулирующая, или селективная, функция, направленная на создание преференций для привлечения целевых категорий мигрантов, таких как высококвалифицированные специалисты, инвесторы и соотечественники. Наряду с этим осуществляется сдерживающая, или ограничительная, функция, выражающаяся в установлении барьеров для нежелательных миграционных потоков, и интеграционная функция, ориентированная на содействие адаптации мигрантов в социокультурной и экономической среде принимающего общества.

Миграционная политика России носит двойственный характер: с одной стороны, она направлена на удовлетворение острых потребностей экономики в рабочей силе и демографического баланса, с другой — призвана минимизировать риски, связанные с незаконной миграцией, социальной напряженностью и угрозами для безопасности [4].

Современная миграционная политика России унаследовала и трансформировала подходы советского периода. В СССР внутренняя миграция жестко регулировалась институтом прописки, а внешняя была практически закрыта. Распад Советского Союза в 1991 году привел к масштабным, зачастую вынужденным, перемещениям населения. Перед новой Россией встала задача: прием большого количества русскоязычных переселенцев из бывших союзных республик («ближнего зарубежья») [1].

Эволюция миграционной политики России с 1990-х годов до настоящего времени отражает поэтапное становление государственной системы регулирования миграционных процессов.

В 1990-е годы миграционная политика носила преимущественно реактивный характер и формировалась в условиях распада СССР, будучи ориентированной прежде всего на прием и обустройство соотечественников, включая вынужденных переселенцев и беженцев. В данный период основное внимание уделялось именно вынужденной миграции, что выразилось в принятии законов «О беженцах» в 1993 году и «О вынужденных переселенцах» в 1995 году, а также в создании Федеральной миграционной службы России в 1992 году, ключевой задачей которой стало размещение и социальная поддержка соотечественников [2]. Одновременно сохранялся либеральный режим для граждан государств СНГ, включавший безвизовый порядок въезда и упрощенную систему регистрации, что фактически открыло границы для массовой трудовой миграции из стран Закавказья и Центральной Азии. Вместе с тем отсутствие системного контроля, слабый учет мигрантов и неразвитость институтов легализации трудовой деятельности привели к быстрому росту нерегулируемой, «теневой» миграции.

В 2000-е годы произошел переход к системному регулированию миграционных процессов и ужесточению контроля, что было связано с

централизацией государственной власти, экономическим ростом и усилением внимания к вопросам безопасности после террористических актов начала 2000-х годов. В этот период была заложена современная правовая база миграционной политики, в том числе посредством принятия Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федерального закона № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в 2002 году, которые закрепили основные понятия и процедуры в сфере миграции. Существенным элементом реформ стало внедрение разрешительной системы, выразившееся в введении квот на выдачу разрешений на работу и разрешений на временное проживание, что позволило государству управлять объемом и структурой миграционного притока. Одновременно усилилась борьба с нелегальной миграцией за счет ужесточения санкций за нарушения миграционного законодательства и совершенствования пограничного контроля, а также был введен уведомительный порядок регистрации по месту пребывания, направленный на улучшение учета мигрантов.

Современный этап, охватывающий 2010-е годы и настоящее время, характеризуется переходом к селективной миграционной политике, ориентированной не столько на количественное регулирование, сколько на качественный отбор мигрантов. Важным направлением стало стимулирование привлечения «нужных» мигрантов, прежде всего в сфере трудовой миграции, что нашло отражение в реформе 2014 года, связанной с введением патента в качестве основного инструмента трудоустройства граждан безвизовых стран у физических лиц. Данная мера позволила легализовать значительный сегмент рынка труда, включая жилищно-коммунальное хозяйство, строительство и сферу услуг. Одновременно были ужесточены требования к интеграции мигрантов, в частности введен обязательный комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для получения патента, разрешения на временное проживание и вида на жительство.

Существенную роль в развитии миграционной политики сыграла цифровизация, выразившаяся в широком внедрении электронных государственных услуг, таких как онлайн-оформление патентов и электронные уведомления о прибытии, а также в создании единых межведомственных баз данных. Завершающим элементом институциональных преобразований стала ликвидация Федеральной миграционной службы России в 2016 году и передача ее функций Главному управлению по вопросам миграции МВД Российской Федерации, что подчеркнуло усиление силового и контролирующего компонента современной миграционной политики.

Следует отметить, что миграционная политика оказывает существенное влияние не только на демографические и экономические процессы, но и на социальную структуру общества в целом. Масштабы и направления миграционных потоков напрямую отражаются на состоянии рынка труда, системе образования, здравоохранения, жилищной сфере, а также на уровне социальной сплоченности и межнациональных отношений.

Актуальность исследования миграционной политики обусловлена тем, что

Россия прочно удерживает позиции одного из крупнейших мировых реципиентов мигрантов. По оценкам Международной организации по миграции (МОМ) и национальной статистики, чистая миграция уже много лет остается ключевым фактором, частично компенсирующим естественную убыль населения. Так, в 2023 году миграционный прирост превысил естественную убыль, что подчеркивает критическую важность грамотного регулирования этих процессов.

Анализ миграционной политики России позволяет сделать несколько выводов, характеризующих ее как сложный, динамичный и противоречивый элемент государственного управления.

Миграционная политика России сегодня — это технически отлаженный, но социально неполноценный механизм. Ее дальнейшая эффективность будет определяться не столько новыми запретами или квотами, сколько способностью государства и общества предложить мигрантам понятную и справедливую перспективу стать частью страны, а не временными и обособленными ее жителями.

Список литературы:

1. Андриченко Л.В., Дутов П., Емельянов А.С. и др. Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития: Монография /Л.В. Андриченко, П. Дутов, А.С. Емельянов и др. М.: Юр. Норма, 2024. – 288 с.
2. Воробьева О. Д. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. – М.: Экон-Информ, 2016. – 192 с.
3. Капицын В.В. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран: Учебник. – М.: Инфра-М, 2025. – 418 с.
4. Рязанцев С.В. Мировой рынок труда и международная миграция: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Мировая экономика» / С. В. Рязанцев, М. Ф. Ткаченко. – М.: Экономика, 2010. – 302с.

Сидорова Ульяна Николаевна

1 ТД-2

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Ulyana Sidorova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ В «ЭДДАХ»: КОНЦЕПЦИИ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ И КОНЦА МИРА

Аннотация: Данная статья исследует, как идея цикличности времени представлена в скандинавской мифологии. Анализ «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» показывает, что, подобно многим мировым религиям, скандинавская мифология связывает повторение времен с эсхатологией: гибель одного мира знаменует рождение нового. Ключевым условием для возвращения к первоначальному мифологическому времени является жертвоприношение. Также важным аспектом этого нелинейного понимания времени является активное принятие своей судьбы.

Ключевые слова: скандинавская мифология, эсхатология, цикличность мифологического времени.

THE PHILOSOPHY OF TIME IN THE EDDAS: THE CONCEPT OF ETERNAL RETURN AND THE END OF THE WORLD

Summary: This article explores how the idea of the cyclical nature of time is represented in Norse mythology. An analysis of the Elder Edda and Younger Edda reveals that, like many world religions, Norse mythology reiterates the connection between time and eschatology: the destruction of one world marks its birth. Sacrifice is a key condition for returning to the primordial mythological time. Another important aspect of this nonlinear understanding of time is the active acceptance of one's destiny.

Keywords: Norse mythology, eschatology, cyclical nature of mythological time.

Время – одна из самых загадочных категорий, через которую культура выражает своё понимание действительности. В отличие от привычного для современного человека линейного историзма («от прошлого – к будущему»), мифологическое сознание древних скандинавов, зафиксированное в текстах «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды», предлагает иную, более сложную модель. Это время не просто циклично; оно пронизано трагизмом предопределения, идеей жертвенности и парадоксальным обещанием возрождения. Анализ эддических текстов позволяет утверждать, что скандинавская философия времени – это философия «становящегося круга»,

где конец неизбежно ведёт к новому началу, а судьба принимается с полной самоотдачей.

В скандинавской мифологии боги, несмотря на свою божественность, разделяют человеческое стремление узнать, что ждёт их впереди. Эту функцию – определение судеб богов и всего мира – выполняют три могущественные норны. Они живут у источника, который орошает корни Мирового Древа, представлявшего для викингов всю Вселенную. Их способности распределены по возрасту: самая старая знает прошлое, женщина средних лет – настоящее, а молодая – будущее. Даже сам Один, верховный бог, неоднократно искал у них мудрых наставлений.

Прежде всего, время в Эддах – это не абстрактная длительность, а качественно наполненная субстанция. Как отмечает исследовательница Н. Г. Шпаковская, восприятие времени в скандинавской мифологии является нелинейным [5]. В мифологическом сознании, по словам авторов, исследующих мифологическую традицию, время сакрально и антиисторично. Оно имеет дело не с фиксацией изменений, а с «первичными категориями и архетипами», то есть с актом творения и его последующим воспроизведением в ритуале. Это так называемое «пра-время» (*illud tempus*), которое не течет рекой, а пульсирует, возвращаясь к истокам. Показателен пример с Одним: его одержимость знанием вытекает из понимания, что знание разворачивается и сворачивается вместе со временем. В прологе к «Младшей Эдде» и в «Видении Гюльви» эта жажда знания движет и смертными: конунг Гюльви отправляется в Асгард, чтобы лично расспросить богов об устройстве мироздания, получая знания в форме диалога [2]. Один знает о прошлых жертвах и будущей гибели, но он не властен над самой тканью времени, которую прядут Норны. Полнота знания в этой традиции недостижима при текущем времени – она возможна лишь в момент его остановки, то есть в момент гибели и обновления мира.

Цикличность в Эддах – это не бесконечное повторение одного и того же, а скорее обновление через прохождение через кризис. Исследователи проводят параллели между воззрениями скандинавов и общемировой традицией. Однако в германо-скандинавском варианте этот цикл не является статичным вращением колеса; он динамичен и эсхатологичен. Мотив повторения времён здесь тесно связан с жертвоприношением. Смерть становится условием жизни. Это отчетливо видно в космогонии: боги создают мир из тела убитого ими великана Имира. Этот миф подробно пересказывается в «Видении Гюльви», где трое асов (Высокий, Равновысокий и Третий) повествуют о том, как плоть Имира стала землей, кровь – морем, а кости – горами [2, с. 26]. Этот акт первичного жертвоприношения задает матрицу для всех последующих циклов. Обязательным условием возвращения к изначальному сакральному времени становится новая жертва, и самой грандиозной из них станет Рагнарёк [5]. Даже повседневное существование богов и людей пронизано этим ощущением. Фраза «Единожды – всё равно что никогда» как нельзя лучше подходит для иллюстрации мифологического мышления: только то, что повторяется и проигрывается вновь, имеет истинный вес и реальность.

Кульминацией циклического понимания времени становится Рагнарёк – «Судьба (или Гибель) богов». В «Прорицании вёльвы» – ключевой песни «Старшей Эдды» – будущее разворачивается как череда неизбежных, но необходимых катастроф [3].

Рагнарёк сопровождается нарушением природного и морального циклов – трёхлетней «великанской зимой» Фимбулветр, когда солнце меркнет, а «Братья начнут биться друг с другом, родичи близкие в распрях погибнут; тягостно в мире, великий блуд, век мечей и секир, треснут щиты, век бурь и волков до гибели мира; щадить человек человека не станет...» [1, с.21]. Это состояние энтропии, деградации времени, которое уже не способно нести жизнь. Сама битва на поле Вигрид – это столкновение, в котором гибнут практически все: Одина пожирает волк Фенрир, Тор умирает, отравившись ядом поверженного Мирового Змея.

Однако философский смысл Рагнарёка не сводится к пессимизму. Как отмечается в научных обзорах, исследователями принято рассматривать Рагнарёк не просто как гибель, а как очищение [4]. Огонь великана Сурта, который сжигает мир, обладает двойственной природой. В отличие от хтонических чудовищ севера и востока, Сурт движется с юга – сакральной, «положительной» стороны света. Его огонь не только разрушителен, но и очищает вселенную для нового цикла [4].

Эсхатология Эдд оптимистична в своей основе. Конец старого времени становится началом нового. Вёльва провидит, как из моря вновь поднимается зеленая земля: «... вздымается снова из моря земля, зеленея, как прежде; падают воды, орел пролетает, рыбу из волн хочет он выловить» [3].

Возвращаются уцелевшие боги: сыновья Одина – Видар и Вали, а также сыновья Тора – Магни и Модри. Интереснейший момент – возвращение Бальдра, «умирающего и воскресающего» бога света. Бальдр возвращается из Хель, и эта его реинкарнация символизирует победу жизни над смертью в новом цикле бытия [4]. Время как бы делает виток, отбрасывая старую, обожженную скорлупу мира и обнажая его вечную, нетленную основу.

Таким образом, философия времени в Эддах раскрывается перед нами как грандиозная драма. Время здесь – это не равнодушный поток, а активная сила судьбы (рока). Циклическое понимание времени не ведёт к фатализму, а напротив, призывает героев к максимальной реализации себя перед лицом неизбежного конца. Вечное возвращение, торжествующее в финале «Прорицания вёльвы», утверждает идею о том, что Космос сильнее Хаоса, а жизнь, прошедшая через горнило смерти, становится более совершенной. Это не просто миф, а глубочайшее философское прозрение, увидевшее в гибели необходимое условие для подлинного обновления.

Список литературы:

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. - М.: Художественная литература, 1975. - 440 с.

- 2.Младшая Эдда / пер. О. А. Смирницкой; ред. М. И. Стеблин-Каменского. - Л.: Наука, 1970. - 256 с.
- 3.Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. - 259 с.
- 4.Чижикова, В. К. Эсхатологические мотивы в «Старшей Эдде». Сравнение эсхатологических мотивов в скандинавской мифологии с аналогичными мотивами в древнегреческой мифологии и библии: реферат // StudFiles [Электронный ресурс]. - URL: <https://studfile.net/preview/9569992/> (дата обращения: 22.02.2026).
- 5.Шпаковская, Н. Г. Восприятие времени в скандинавской мифологии // Cyberleninka [Электронный ресурс]. - URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/212804> (дата обращения: 22.02.2026).

Скороход Мария Сергеевна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Maria Skorohod

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МОРАЛЬ И ПРАВО: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И КОНФЛИКТА

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика морали и права, являющимися регуляторами общественных отношений, благодаря которым складывается стабильность в социуме и с чем каждый человек сталкивается ежедневно. Значимость работы заключается в необходимости понимания внутренних мотивов поведения человека, который оказывается перед сложным выбором между законодательством и принципами. Проводятся сравнительные характеристики морали и права, их особенности. Анализируется, как моральные убеждения вызывают внутренний конфликт профессионала. Особое внимание уделяется нахождению баланса между моральными и правовыми факторами.

Ключевые слова: мораль, нравственность, право, справедливость, социальные нормы, правосознание, конфликт ценностей, философия права.

MORALITY AND LAW: POINTS OF INTERSECTION AND CONFLICT

Summary: This article examines the specifics of morality and law as regulators of social relations. These regulators create stability in society and are something every person faces on a daily basis. The relevance of this work lies in the need to understand the internal motives of human behavior when an individual is faced with a difficult choice between legislation and personal principles. A comparative analysis of morality and law, as well as their features, is carried out. The article analyzes how moral beliefs create an internal conflict within a professional. Special attention is paid to finding a balance between moral and legal factors.

Keywords: morality, ethical, law, justice, social norms, legal awareness, conflict of values, philosophy.

Еще в древние времена перед учеными стоял вопрос соотношения морали и права. С тех пор как человеческое общество менялось, а социальная структура становилась сложнее, то появилась проблема согласования внутренних убеждений, представлений о добре и зле, с внешним принуждением со стороны государства. Целью данной статьи является рассмотрение точек пересечения, где мораль и право выступают единой системой, обеспечивая стабильность общества, а также анализ их противоречий, выявление причин

этих несоответствий и возможных путей их разрешения. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в современном обществе вопросы соотношения морали и права выходят на первый план, так как законы играют роль основного, закреплённого регулятора общественных отношений и могут противоречить с личными моральными принципами. Чтобы понять природу этого конфликта, нужно обратиться к истокам – к теории происхождения права от морали.

Одной из теорий происхождения права является теологическая теория, которая основывается на убеждении, что оно имеет моральные и божественные истоки. Право нельзя сводить к формальным предписаниям государства. Оно есть искусство добра и справедливости, дарованное человеку свыше как ориентир для достойной жизни. Более того, право появилось из многовекового опыта человечества, являясь воплощением достижений мировой культуры и цивилизации. Теологическое учение раскрывает глубокую связь между тем фактом, что мораль основана на вере в Бога, и правом, основанным на морали. Без морали закон становится принуждением, инструментом власти, а не правосудия. В конце концов, закон должен исходить из чувства справедливости, которое опирается на божественном порядке [6, с. 87-92].

Рассмотрев теологическую теорию происхождения права, можно выделить общие черты, объединяющие с моралью:

1. Единая цель, которая упорядочивает общественные отношения, вносит стабильность в жизнь людей, предотвращает беспорядок;
2. Нормативность, представляющая собой совокупность правил и норм поведения, которые определяют дозволенные и недопустимые формы поведения человека в обществе;
3. Общую систему ценностей, в основе которой опора на справедливость и добро, а аморальные становятся противоправными или осуждающими обществом и подлежат наказанию;
4. Регулируют одни и те же сферы общественных отношений, разными методами влияют на поведение индивидов в обществе, семье;
5. Согласовывают интересы отдельного человека и общества, обеспечивая баланс между личной свободой и общественным благом.

Право имеет неразрывную связь с моралью и обретает истинный смысл только в неразрывной связи, а мораль – в связи с верой. Право закрепляет тот минимум нравственных требований, без которых невозможно совместное существование людей, к чему можно отнести нормы и правила поведения, а также права и обязанности участников общественных отношений. Обеспечивает и достоинство личности, и устойчивость общества. Если общие черты объясняют родство, то различия являются причиной конфликта.

Право – это внешний, формальный регулятор. Оно стремится к точности, определенности и универсальности, работает по установленным законом нормам. Если совершено какое-либо неправомерное деяние, то должно следовать и наказание. Главной задачей права являются порядок и стабильность.

Мораль – это внутренний регулятор. Она основана на понятиях добра и зла, справедливости и сострадания. Она ситуативна и субъективна. То, что является моральным для одного человека или культуры, может быть аморальным для другого. Главной задачей выступает обеспечение целостности и стабильности общественных отношений без принуждения со стороны государства. На данном этапе и возникает противоречие, так как закон не может быть абсолютно нравственным, потому что он должен быть одинаковым для всех, а мораль носит личный, субъективный характер [3, С. 24-60].

Можно выделить следующие различительные черты:

1. право исходит от государства уполномоченными органами в официальном порядке, а мораль берет начало от общества, формируется в процессе исторического развития;

2. право существует в виде нормативно-правовых актов, нормы формально определены, а мораль передается через поколения и может быть не зафиксирована;

3. право обеспечивается государственным принуждением, влекущим юридическую ответственность, а за моралью стоит сила общественного мнения, что может привести к порицанию обществом;

4. право конкретно, точно в формулировках и обязательно к исполнению, а мораль условна и призывает к принципам добра, помощи другим людям, честности и внутренним устоям;

5. право имеет формальные санкции, такие как штраф, лишение свободы, а мораль – неформальные, например, угрызение совести, демонстративное игнорирование.

Несмотря на различия, понятия тесно связаны друг с другом. Право часто основывается на моральных устоях общества (нельзя убивать, обманывать), а мораль, в свою очередь, поддерживает соблюдение законов. Именно здесь и возникает внутренний конфликт профессионала.

Внутренний конфликт профессионала между инструкциями и личными моральными принципами – одна из самых сложных этических дилемм. Особенно остро он стоит в юридической практике, где профессиональный долг требует от вас стоять за теми, кто совершил аморальные действия, убийства, ведь каждый человек имеет право на защиту.

Основой такого конфликта служит пример из адвокатской практики, а именно в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката». Абсолютность этого требования вступает в неразрешимое противоречие с личными убеждениями, когда речь заходит о предотвращении тяжкого преступления, например убийства. Здесь сталкиваются два императива. С одной стороны, рассматривается профессиональный: для системы правосудия адвокат выступает носителем конфиденциальной информации, без данного условия доверие к институту защиты и само право на защиту потеряют свою значимость. С другой стороны, существует личный императив, который предписывает добиваться

справедливого наказания в соответствии с проступком. Нарушение этого основного принципа может вызвать глубокие моральные страдания у психически здорового человека [4, Ст. 6].

Что же становится причиной внутреннего конфликта? Во-первых, профессиональный долг требует полноценного участия в защите клиента, включая представление доказательств, аргументов и ходатайств, направленных на оправдание или смягчение наказания. Адвокату приходится идти против своих чувств, иногда защищая тех, кого осуждает общество. Во-вторых, правовые нормы и принципы требуют беспристрастности и объективности, что создает дополнительный стресс правозащитнику.

Юристы испытывают психологический стресс, и угроза профессионального выгорания возрастает по мере того, как работа превращается в ежедневную борьбу с самим собой. В таких случаях консультации с коллегами и наставниками позволяют взглянуть на ситуацию под другим углом, размышления помогают разобраться в собственных чувствах, формируя четкое представление о роли юриста в судебной системе. Развитие психологической устойчивости и навыков эмоционального самоконтроля помогают свести к минимуму негативные последствия внутреннего конфликта.

Внутренняя борьба юриста, возникающая при столкновении профессиональных обязанностей и личных принципов, является неотъемлемой частью юридической практики. Грамотное разрешение подобных случаев помогает сохранять высокий уровень профессионализма и внутреннее равновесие. Необходим баланс, чтобы оставаться человеком, исполняя долг.

К чему же приведет полное пересечение морали и права? Мораль – это внутренний категорический императив, а закон – это внешнее принуждение. Они не должны полностью совпадать. Правило, которое характеризуется обязательством, выражающим объективное принуждение к действию означает, что если бы разум полностью определял волю, то поступок неизбежно должен быть совершен в соответствии с этим правилом. Для людей моральная необходимость, в какой-то степени – это принуждение, и каждое действие, основанное на ней, должно представляться как долг, а не как образ действий, который нравится сам по себе [3, с. 24-60].

Полностью исключить совпадение закона и морали нельзя, поскольку настоящая мораль предполагает сознательное соблюдение норм, а не подчинение внешним факторам. Следование морали означает признание обязанности поступать определенным образом, независимо от собственного желания.

Каждый человек формирует свои собственные внутренние ориентиры относительно выбора тактики поведения в конфликтных ситуациях. Эти личные этические нормы основаны на индивидуальном понимании справедливости и определяют поведенческую стратегию в зависимости от характера возникших разногласий.

Конфуций одновременно отрицательно относился к введению наказаний на основе законов: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» [2, с. 95-96].

Конфуций считал, что законы и наказания только порождают у людей желание обмануть систему, скрываясь от последствий, не воспитывая истинного уважения к добру и порядку. Правильнее подавать людям пример добродетельного поведения и соблюдения традиций, благодаря которым у людей формируется внутреннее желание поступать правильно и исправляться, испытывая искреннюю вину за совершенный проступок.

Н. М. Коркунов отмечал расплывчатость некоторых нравственных (моральных) норм: «Но у двух людей редко бывают совершенно одинаковые, до мелких подробностей нравственные правила. И в обществе обязательными признаются только основные, более важные правила нравственности; подробности всегда остаются делом субъективного убеждения» [5, с. 43-44].

Идеальный баланс закона и морали достигается, когда правовые нормы отражают общепринятые фундаментальные моральные принципы, обеспечивая стабильное развитие общества, но оставляя место для индивидуальных взглядов и убеждений. Законодательство устанавливает ключевые требования, оставляя людям свободу толкования, что поддерживает единство общества и уважение индивидуальных различий [1, с. 154-172].

Право и мораль находятся в отношении взаимосвязи. Мораль – сфера внутренней воли, ее самоопределения. Действительно, существует механизм внешнего ограничения, а идеальный баланс достигается там, где закон защищает границы, в пределах которых мораль может свободно существовать. Мораль, в свою очередь, наполняет правовые формы живым содержанием, не позволяя закону превратиться в бездушный механизм принуждения и напоминая, что за каждой правовой нормой стоит человек с его достоинством, потребностями и правом на справедливость.

Таким образом, проблема соотношения морали и права актуальна в связи с возможным противоречием между законом и внутренними убеждениями человека. Закон – это внешний регулятор, основанный на принуждении; а мораль – внутренний, основанный на совести. Конфликт наиболее остро проявляется в профессиях, где служебный долг требует действовать вопреки личным принципам. Выход из таких ситуаций предполагает психологической устойчивости и самоанализа. Идеальный баланс достигается за счет взаимодополняемости: закон устанавливает внешние рамки, необходимые для стабильности, а мораль наполняет закон человеческим содержанием, не позволяя ему превратиться в бездушное принуждение.

Список литературы:

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. – Москва: АСТ, 2023. – 544 с.

- 2.Головко А. В. Политико-правовая идеология Конфуция // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества / Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 95-96.
- 3.Кант, И. Основы метафизики нравственности. – Москва: АСТ, 2023. – 384 с.
- 4.Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – Ст. 6.
- 5.Мартышин, О. В. Философия права: учебник для магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 352 с.
- 6.Спасенников, Б. А. О происхождении права (критика марксистской теории возникновения права) // На пути к гражданскому обществу. – 2025. – № 4. – С. 87-92. – URL: www.es.rae.ru/government/126-1109 (дата обращения: 27.02.2026).

Снегирев Лука Дмитриевич

3 ГД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Snegirev Luka

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РУССКАЯ ИДЕЯ И ЕЁ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу концепта русской идеи как культурно-философского и политического феномена. Рассматривается её историческое формирование в XIX–XX вв. под влиянием философии, литературы и религии, а также современная роль в формировании национальной идентичности, культурного самосознания и государственной политики. Особое внимание уделяется интегративной функции русской идеи в образовательной, медийной и культурной сферах, её влиянию на консолидацию общества и укрепление исторической памяти. Исследование демонстрирует многоуровневый характер русской идеи как синтеза духовных, нравственных и социальных ценностей России.

Ключевые слова: русская идея, национальная идентичность, культурная политика, духовные ценности, историческая память.

THE RUSSIAN IDEA AND ITS ROLE IN MODERN POLITICAL CULTURE

Summary: The article is devoted to the analysis of the concept of the Russian Idea as a cultural, philosophical, and political phenomenon. It examines its historical formation in the 19th–20th centuries under the influence of philosophy, literature, and religion, as well as its contemporary role in shaping national identity, cultural consciousness, and state policy. Special attention is given to the integrative function of the Russian Idea in education, media, and cultural spheres, its impact on social cohesion and the preservation of historical memory. The study demonstrates the multi-level nature of the Russian Idea as a synthesis of Russia's spiritual, moral, and social values.

Keywords: Russian Idea, national identity, cultural policy, spiritual values, historical memory.

Понятие «русская идея» является ключевым культурно-философским и политическим концептом, формировавшимся на протяжении нескольких столетий в российской интеллектуальной традиции. Оно отражает попытки осмыслить уникальное положение России в мировой истории, её цивилизационную миссию, духовную сущность и роль народа в глобальных процессах.

В современном политическом дискурсе русская идея выступает не только как философская категория, но и как мощный инструмент формирования государственной политики, общественного консенсуса и культурного самосознания. Она активно используется в медиапространстве, образовательных и культурных инициативах, а также в стратегиях национальной идентичности, где её значение выходит за рамки чисто интеллектуальных размышлений и превращается в практический инструмент управления коллективным сознанием.

Сегодня русская идея соединяет историческое наследие, духовные ценности, государственные практики и социокультурные процессы, делая её многоуровневым и комплексным феноменом. Она одновременно отражает историческую память народа, формирует нравственные ориентиры и служит культурным кодом для обозначения места России в глобальном историческом процессе.

Цель статьи детально исследовать историческое развитие русской идеи, проследить, каким образом она формировалась под влиянием философских, литературных и религиозных традиций, и проанализировать её роль в современной политической культуре. Особое внимание уделяется тому, как русская идея воздействует на формирование национальной идентичности, способствует консолидации общества, влияет на разработку государственной политики и оказывает практическое воздействие на социальные и культурные практики современного общества. Кроме того, исследование позволяет понять, как исторические трактовки русской идеи трансформируются в современных дискурсах и используются для решения актуальных политических и культурных задач.

Понятие русской идеи формировалось на протяжении XIX и начала XX веков в условиях интенсивного социального, культурного и философского развития России. В этот период философы, писатели и общественные деятели, такие как Владимир Соловьёв, Фёдор Достоевский, Николай Бердяев, Иван Ильин пытались определить уникальный путь России, её духовную миссию и историческую роль в мировой цивилизации [4].

Владимир Соловьёв, один из ключевых мыслителей этого периода, рассматривал русскую идею как концепцию морального и духовного совершенствования общества. Он подчёркивал необходимость объединения национального самосознания и христианской этики, видя в России «духовный центр» для всего человечества. Для Соловьёва русская идея была связующим звеном между духовной миссией нации и универсальными ценностями, такими как справедливость, любовь и моральная ответственность.[5]

Фёдор Достоевский через художественные образы своих романов демонстрировал, что русская культура обладает уникальной духовной глубиной и нравственной ориентированностью, которая делает народ способным к самопожертвованию и внутреннему преображению. В произведениях «Братья Карамазовы» и «Идиот» писатель анализирует важность духовных принципов для сохранения социальной гармонии и культурной идентичности.[3]

Николай Бердяев, философ и религиозный мыслитель, развивал идею свободы и духовного призвания России, утверждая, что русская нация обладает особой миссией в мире, которая заключается в духовном пробуждении и нравственном преобразовании общества. Он подчеркивал, что уникальность России заключается не только в её геополитическом положении, но и в способности к самосознанию, духовной инициативе и созидательной деятельности.[1]

Иван Ильин, политический философ и мыслитель XX века, связывал русскую идею с концепцией национального государства и общественного порядка, акцентируя внимание на гармонии между государственными институтами, духовными ценностями и моральной ответственностью граждан. Ильин видел в русской идее инструмент консолидации общества, который позволяет сохранить целостность культуры, традиций и национальной идентичности в периоды социальных и политических кризисов.[4]

Таким образом, в XIX начале XX веков русская идея формировалась как синтез философских, литературных, религиозных и общественных взглядов, направленных на осмысление уникальности России, её исторической миссии и духовного предназначения.

Формирование русской идеи на этом этапе было связано с поиском ответов на вопросы национальной идентичности, цивилизационного выбора и нравственных ориентиров, которые позволяли обществу осмыслить своё место в мировой истории. Она включала в себя элементы православной духовности, соборности, социальной ответственности и культурной миссии, что делало её одновременно философским, культурным и политическим инструментом, способным объединять людей вокруг общих ценностей и целей. Русская идея в это время трактовалась как морально-философская концепция, объединяющая принципы православной духовности, соборности, общинности и стремления к гармонии между личностью и обществом. Она отвечала на вопрос о предназначении России в мировой истории и рассматривала её как «особую цивилизацию», отличающуюся от Запада и Востока одновременно. Философы подчеркивали, что Россия несёт миссию духовного и культурного объединения, а её уникальный путь связан с внутренним моральным преображением общества [5].

Идея русской миссии активно отражалась в литературе, искусстве и общественных дискуссиях. Достоевский, например, через художественные образы показывал духовную глубину и моральные ориентиры народа, подчеркивая, что русская культура обладает особым нравственным потенциалом. Соловьёв рассматривал Россию как страну, способную служить нравственным центром для всего человечества, и считал, что русская идея должна стать источником нравственного обновления мира [3].

В советский период концепт русской идеи трансформировался в идеологическую категорию, частично утратив свою духовную основу, но сохранив функцию мобилизации и идентификации. Государство использовало элементы национальной идеи для консолидации общества и формирования

исторической памяти. После распада СССР в постсоветский период произошёл возврат к философским и культурным истокам русской идеи, что объясняется потребностью общества в новых ориентирах, самоидентификации и духовной миссии.

В последние десятилетия концепт русской идеи переживает активное возрождение. Современные исследователи отмечают, что она функционирует одновременно на трёх уровнях. Государственный уровень реализуется в рамках национальной политики, стратегий культурного развития, медиа и образовательных программ. Второй, интеллектуальный уровень существует как предмет философских, историко-культурных и политологических исследований. В третьем, социальном уровне формируется общественное сознание через культурные практики, традиции, медиа и общественные движения [2].

Особое внимание уделяется концепту «русского мира», который воспринимается как современная интерпретация русской идеи. Он подчеркивает духовную миссию России, её историческую преемственность и уникальность цивилизационного пути. В политическом дискурсе этот концепт используется для формирования идентичности, консолидации общества и поддержания национального самосознания. Современная русская идея акцентируется на традиционных ценностях, патриотизме, культурной самобытности и роли России на международной арене [2].

Применение русской идеи в публичной политике выражается в формировании образовательных программ, культурных инициатив, исторических проектов и государственной риторики, направленных на укрепление исторической памяти, формирование ценностей гражданственности и национальной идентичности. Таким образом, концепт становится важным элементом культурной и политической жизни населения.

Политическая культура определяется системой ценностей, представлений и норм, которые формируют модели политического поведения и понимание государственной власти. Русская идея в этом контексте выступает как один из ключевых культурных кодов, через который население осмысливает своё место в истории, международных отношениях, цивилизационном пути.

Примеры современного использования русской идеи встречаются повсеместно и охватывают различные сферы общественной, культурной и политической жизни России. В первую очередь, она активно используется в риторике государственных деятелей, где служит инструментом формирования единого нарратива о роли России в глобальном мире. В официальных выступлениях и документах подчёркивается преемственность исторических традиций, духовных и нравственных ценностей, а также особая миссия России как государства-цивилизации. В этом контексте русская идея часто используется для объяснения внешнеполитической стратегии, мотивации к развитию науки и технологий, а также формирования устойчивых ориентиров для внутренней социальной политики.

На уровне стратегий культурного развития русская идея интегрирована в проекты государственных и муниципальных культурных программ, направленных на сохранение исторического наследия, развитие национального искусства, организацию исторических реконструкций, фестивалей и культурных мероприятий. Эти инициативы создают пространство для публичного осмысления русской идеи и формирования коллективного культурного опыта, позволяя обществу выстраивать целостный культурный нарратив, основанный на исторической преемственности и духовных ценностях.

В образовательной сфере русская идея используется для формирования исторического и культурного самосознания школьников и студентов. Программы, лекции, конференции и проекты включают темы национальной идентичности, истории России, философии и литературы, где акцент делается на уникальной миссии страны и нравственных ориентирах общества. Включение русской идеи в образовательные программы способствует не только развитию критического мышления и осознанности исторического процесса, но и укреплению гражданской идентичности, патриотизма и чувства сопричастности к национальной истории. Молодые поколения получают возможность осознать своё место в историческом и культурном контексте, что усиливает социальную интеграцию и формирует устойчивые ценностные доминанты.

Медиа и культурные продукты являются ещё одной площадкой для актуализации русской идеи. Фильмы, телепрограммы, книги, документальные проекты, образовательные порталы, конференции и форумы активно используют мотивы русской идеи для формирования представлений о национальной миссии, духовных ценностях и исторической уникальности страны. Например, исторические фильмы и сериалы показывают преемственность традиций, национальные героические образы, а документальные проекты обращаются к философским и культурологическим концепциям русского пути. Публикации в СМИ и социальных сетях создают пространство для обсуждения смыслов русской идеи, её интерпретаций и практического значения, что позволяет обществу осознавать связь прошлого, настоящего и будущего страны.

Русская идея не является абстрактной философской категорией — она оказывает реальное влияние на общество и политику. С одной стороны, она формирует общественное сознание, укрепляет историческую преемственность, способствует консолидации общества и поддерживает национальное самосознание. С другой стороны, она используется как инструмент стратегической коммуникации в политических и культурных проектах, включая государственные программы, общественные инициативы и медийные кампании. Включение элементов русской идеи в образовательные и культурные проекты способствует укреплению гражданской идентичности, формированию патриотических ценностей, осознанию исторической миссии страны и социально-культурного наследия.

В современной политической культуре русская идея выполняет несколько ключевых функций. Она интегрирует общество, создавая общие культурные ориентиры и ценности, формирует национальную идентичность и чувство сопричастности к великой истории. Она также выполняет роль стабилизатора в условиях глобализационных вызовов, внешнеполитической неопределённости и социальных трансформаций.

Русская идея помогает формировать стратегические ориентиры для государства и общества, служит инструментом культурного, образовательного и политического планирования и является частью ценностного достояния страны и ее культурным капиталом.

Список литературы:

1. Бердяев, Н. А. Душа России: сборник статей /Н.А. Бердяев. – М.: Центрполиграф, – 2016. – 255 с.
2. Дугин, А. Г. Евразийский путь как национальная идея /А.Г. Дугин. – М.: Артогея-центр, – 2002. – 139 с.
3. Журова, А.С. «Русская идея» в мировоззрении Ф.М. Достоевского: история и современность /А.С. Журова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. –2010. –№ 1. – С.79-84.
4. Зеньковский, В.В. История русской философии /В.В. Зеньковский. – М.: ЭКСПО-Пресс, – 2001. – 895с.
5. Тимурғалиева, Л. А. Национальная идея современной России в космопланетарной стратегии будущего / Л. А. Тимурғалиева // Ноосферные исследования. – 2024. – № 2. – С. 42-51.

Сомова Екатерина Сергеевна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Somova Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОЛЬ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ В XX ВЕКЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается развитие советского кинематографа в XX веке. В статье отражаются ключевые этапы его становления, особенности тематического и жанрового многообразия, а также роль кино в формировании национальной идентичности и идеологической системы. Особое внимание уделяется периодизации, связи кинематографа и эпохи, а также влиянию политических и социальных изменений. Статья подчеркивает значимость кино как культурного и воспитательного инструмента, а также его вклад в мировое киноискусство и сохранение исторической памяти эпохи.

Ключевые слова: кинематограф, РСФСР, СССР, киноиндустрия, культура, развитие, государство, цензура, ценности, фильм, малокартинье, полочное кино, мелодрама, комедия, режиссер, мировоззрение, инструмент, история.

THE ROLE OF SOVIET CINEMA IN CULTURAL EDUCATION IN THE 20TH CENTURY

Summary: This article examines the development of Soviet cinema in the 20th century. It reflects the key stages of its formation, the peculiarities of thematic and genre diversity, as well as the role of cinema in the formation of national identity and ideological system. Special attention is paid to periodization, the connection between cinema and the era, as well as the impact of political and social changes. The article highlights the importance of cinema as a cultural and educational tool, as well as its contribution to world cinema and the preservation of the historical memory of the era.

Keywords: cinematography, RSFSR, USSR, film industry, culture, development, state, censorship, values, film, low-film, shelf cinema, romance, comedy, director, worldview, instrument, history.

Кинематограф на протяжении многих десятилетий являлся неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека, более того, популярность «важнейшего из искусств» в СССР с каждым годом только возрастала.

Киноискусство в нашей стране зародилось в конце XIX века. Первые демонстрации «живой фотографии» при помощи аппарата французского изобретателя Луи Люмьера состоялись весной 1896 года в Петербурге — в летнем саду «Аквариум» и в Москве — в театре оперетты «Эрмитаж».

Кинематограф постепенно входит в быт и становится одним из популярнейших зрелищных аттракционов. Сеанс длился десять-пятнадцать минут. Интерес зрителей сосредоточивался не на содержании картин, а на необычности зрелища «живой фотографии», сюжет фильмов основывался на привычных для людей событиях реальной жизни: прибытие поезда, выход рабочих с фабрики, городские будни. Шарль Пате, французский фабрикант, приобрел один из патентов на «синематограф», его компания в 1904 году открыла представительство в России, где постепенно начала формироваться сеть стационарных «электроттеатров». Период с 1896 по 1907 год характеризовался господством иностранных лент, в первую очередь французских.

С началом Первой мировой войны кино получает динамичное развитие. С 1914 года наблюдается значительное сокращение притока зарубежной кинопродукции, а зритель хочет видеть фильмы с русскими сюжетами. В кино приходят такие известные режиссеры как В. Мейерхольд, А. Санин, В. Сушкевич. В копилку отечественного кинематографа к 1916 году уже создается около 500 фильмов приключенческого и комического жанра, а также мелодрамы. Важно отметить, что в годы войны начали использовать кинематограф для создания пропагандистских фильмов и фронтовой хроники.

Официальной датой возникновения советского кинематографа принято считать 27 августа 1919 года, когда Совет народных комиссаров РСФСР издал постановление «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». Таким образом, именно советская власть первой в истории ввела полный контроль над отраслью, что привело к созданию принципиально новой модели кинематографа — централизованной государственной монополии, где процесс жестко контролируется государством путем прямых заказов, цензуры и вмешательства политических лидеров. Необходимость этого была вызвана расширением инструментов пропаганды в решении агитационных задач, вследствие чего большинство кинопродукции посвящалось актуальным вопросам общественной жизни и политики, поэтому документальное кино лидировало среди жанров.

1920-е годы — это период, когда одновременно развивались три направления кино: развлечение, пропаганда и фантазия. Руководители страны прекрасно понимали мощное влияние фильмов на сознание зрителей. Ещё во времена Гражданской войны активно применялись агитационные киновагоны. Не случайно крылатым стало высказывание В.И. Ленина «Для нас важнейшим из искусств является кино...». С. Эйзенштейн писал о том времени: «Мы проходили как бедуины или золотоискатели. На голое место. На место, таившее невообразимые возможности». Другой новатор — Дзига Вертов — утверждал: «Мы объявляем старые кинокартины... прокаженными. Не подходите близко! Не трогайте глазами! Опасно для жизни! Заразительно!» [4]. Одно из основных открытий кинематографа 1920-х: изобразительная драматургия может существовать в кинофильме наряду с традиционной повествовательной, но может существовать и отдельно.

В 1930-е годы отечественный кинематограф вступил в новую фазу своего развития. Картина «Весёлые ребята» (1934) режиссёра Г. Александрова стала знаковым событием этого периода. Она ознаменовала завершение эры авторского кино и переход к эпохе социалистического реализма. Не менее значимым достижением стало освоение звукового кино и рождение нового жанра — мюзикла. Ещё одной важной темой советского кино того времени стали трудовые подвиги советских людей. Документальные фильмы режиссёров рассказывали о строительстве новых заводов, о завоевании Арктики, о межконтинентальных полетах летчиков, об успехах колхозной деревни. Люди социалистического труда были показаны в фильмах Ф. Эрмлера «Крестьяне» (1935) и «Великий гражданин» (1938–1939).

С середины 1930-х годов советское кино передавало настроение, связанное с приближающейся мировой войной: военная тема все чаще звучала даже в совершенно «мирных» лентах, вроде «Цирка» Григория Александрова (1936), «Трактористов» Ивана Пырьева (1939) и др. Накануне Великой Отечественной войны одним из вариантов государственного эпоса стал историко-биографический фильм, в центре которого — вождь, лидер, направляющий массу по единственно правильному пути [6]. Исторические картины стали сосредоточены вокруг образов царей и великих полководцев. Большое внимание уделялось историческому жанру ввиду того, что советскому государству были необходимы новые версии его исторического прошлого. Появилось целое направление «оборонного кино», направленного на моральную подготовку населения к грядущему столкновению. Расширилась группа лент, связанных с шпионскими сюжетами. Фильмы о революционной борьбе зарубежного пролетариата модифицировались в антифашистские, например, «Болотные солдаты» А. В. Мачерета (1938), «Профессор Мамлок» Герберта Раппапорта и Адольфа Минкина (1938), «Семья Оппенгейм» Г. Л. Рошаля (1939).

С началом Великой Отечественной войны (1941-1945г.г.) в массовом порядке создаются «Боевые киносборники» — смонтированные в одну ленту короткометражные фильмы на военную тематику. Проблематика и эстетика кинокартин того периода существенно изменилась по сравнению с мирным временем. Осознавая огромную силу искусства кино, руководство страны поддерживало кинематографистов, считая необходимым не только рассказывать людям правду о войне, но и укреплять веру в победу. Режиссер Г.В. Александров говорил об этом периоде следующее: «Нуждами фронта и тыла с первых дней войны жила и наша художественная кинематография. Был пересмотрен план производства художественных и документальных фильмов. Из него изъяли все произведения, которые не имели прямого отношения к теме защиты Родины» [9, с. 268].

Послевоенные 1948–1953 гг. вошли в историю под названием «период малокартинья». Производство фильмов в год сократилось более чем в три раза. Режиссеры пытались создавать фильмы согласно политике и требованиям партийного аппарата, так как к каждому выпускаемому проекту предъявлялись

крайне высокие требования. Решение было найдено в конце 1940-х годов, когда основным жанром советского кинематографа стала кинобиография. Были выпущены такие фильмы, как «Адмирал Ушаков» М. Ромма (1953) и его сиквел «Корабли штурмуют бастионы» (1953), «Тарас Шевченко» И. Савченко (1951), «Композитор Глинка» Г. Александрова (1952) и другие.

Творческий всплеск в советском кинематографе 1950-х годов принято называть «оттепелью» в кино или «советской новой волной». Кинематограф этого периода декларировал высокодуховные ценности и устанавливал нравственные ориентиры, создаваемые картины отличались вниманием к непарадным ситуациям, негероическим профессиям и к жизни обычных людей. Появляется образ «нового героя» — положительного, но не без недостатков, что означало отход от жестких норм соцреализма, главенствующего ранее. В этот период в кино приходит новое поколение режиссеров и актеров, пафос и казенный язык прежних лет сменяет ирония и живая речь персонажей. В искренности и достоверности кроется секрет долгой популярности у зрителей таких лент, как «Дело было в Пенькове» С. Ростоцкого (1957), «Девчата» Ю. Чулюкина (1961), «Я шагаю по Москве» Г. Данелия (1964), «Карнавальная ночь» Э. Рязанова (1956). Именно в 1950-е годы советское кино получает широкое международное признание: отечественные картины получают призы на фестивалях, призы за режиссуру, актерское мастерство и лучший сценарий. Например, «Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля была присуждена в 1958 году фильму «Летят журавли» (режиссер Михаил Калатозов) «за высокие художественные достоинства и гуманизм». Десять лет «хрущевской оттепели» при всей политической, социальной и культурной противоречивости, пожалуй, благодарнейшее время для исследования российской культуры. Множественные инновационные разработки, отмена политической цензуры, переосмысление ценностей и смена их направлений, творческие новации являются характерными факторами данного десятилетия.

1960-е годы стали вторым «золотым веком» советского кино после 1920–1930-х годов. Бурный прирост населения привёл миллионы молодых зрителей в кинотеатры, вызвав резкий всплеск доходов от кинопроката. В это же время появилось новое поколение талантливых режиссёров, включающее представителей массовой культуры, например, Георгий Данелия, Александр Митта, Станислав Говорухин, Василий Шукшин, а также авторов, создающих артхаусные произведения, среди которых выделяются Андрей Тарковский («Иваново детство» (1962) получило первый советский «Золотой лев» в Венеции), Отар Иоселиани, Алексей Герман, Кира Муратова и другие. Образы и реплики из фильмов «Кавказская пленница» (1967), «Бриллиантовая рука» (1969) и других лент Л.И. Гайдая стали частью советского фольклора.

Оттепель была лишь недолгим мгновением свободы. В 70-е годы ножицы цензуры были наточены особенно остро. Знаковым явлением того времени стало «полочное кино» — стали запрещены к показу многие законченные кинопроизведения, а вышедшие распространялись ограниченным тиражом. Но и эта эпоха успела дать зрителю свои нетленные шедевры. К тому

же в это десятилетие на фоне «демографического перехода» началось снижение рождаемости, что привело к уменьшению посещаемости кинотеатров. В связи с возможной потерей доходов от киноиндустрии руководство Госкино (Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии) было вынуждено привлекать зрителей через иностранную продукцию, а также активно стимулировать расширение жанрового разнообразия советского кино. Этот подход дал свои плоды: на экраны вышли фильмы «Пираты XX века» режиссёра Бориса Дурова, снятый по сценарию Станислава Говорухина (1979) и «Экипаж» (1979), Александра Митта, имитировавшие популярные за рубежом жанры экшн-боевика и фильма-катастрофы.

Отечественному кинематографу 1970-х годов в СССР помогла телевизионная революция: кино пришло в каждый дом, став главным развлечением и средством формирования общественного сознания. Несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, рост дефицита и контроль кинопроката со стороны правительства, на экранах появлялось много новых фильмов (ежегодно снималось примерно 130 кинокартин). Кинематограф 1970-х представлен традиционно успешными у массового зрителя жанрами мелодрамы, комедии, детектива и экшна («Джентльмены удачи» (1971) и «Мимино» (1977) Г.А. Данелия; «Ирония, судьбы или с легким паром!» (1975) и «Служебный роман» (1977) Э.А. Рязанова, «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова (1979)). Многие детские фильмы, созданные в тот период, в дальнейшем не сходили с экранов десятилетиями и популярны до сих пор: «Приключения Буратино» (1975) — музыкальный телевизионный фильм Леонида Нечаева, «Приключения Электроника» (1979) К. Бромберга, «Розыгрыш» (1976) В. Меньшова. К особенностям киноиндустрии 1970-х годов можно отнести «культ актёра» — время настоящих кинозвёзд, которых обожала вся страна: В. Высоцкого, Е. Леонова, А. Папанова, А. Фрейндлих, Л. Гурченко, А. Миронова и других. В это же десятилетие создается ряд значимых картин о Великой Отечественной войне XX века, поскольку выросло целое поколение, которое не познало тягот того периода, например, «Белорусский вокзал» (1970)—пронзительная драма о фронтовиках режиссёра Андрея Смирнова и картина «А зори здесь тихие» (1972), снятая С. Ростоцким по одноимённой повести Бориса Васильева, завоевавшая массу наград, в том числе международных. К важным достижениям седьмого десятилетия 20 века можно отнести рост значения, количества и популярности телевизионных фильмов: циклы «Клуб кинопутешествий», «Очевидное-невероятное», «Жизнь животных».

В 1980-е годы киноиндустрия переживала период перестройки. Это было связано с провозглашением политики гласности, которая упразднила комитеты и органы, отвечавшие за контроль кинематографической деятельности в стране. В период перестройки классические жанры советского кино «подстраивались» под реалии времени. Возникает жанр социальной или молодёжной драмы — тематика фильмов, затрагивавших актуальную проблематику эпохи: взаимоотношения старого и нового поколений, проблемы проституции,

наркомании и т. д. Известные картины в этом жанре: «Интердевочка» (1989 г.) П. Тодоровского, «Беспредел» (1989 г.) И. Гостева, «Маленькая Вера» (1988 г.) — режиссер В. Пичул. В этот период происходит открытие ранее неизвестных советских фильмов, которые были упрятаны на цензурную «полку», а также появление «параллельного кино» — независимого кинематографа, который возникал большей частью как непрофессиональное кино. 1980-е годы также отмечены бумом картин совместного производства с Италией, Францией, Великобританией, Германией и США. Самым масштабным проектом являлась экранизация «Мастера и Маргариты» Элема Климова (1988). Благодаря взаимодействию между советскими и голливудскими режиссерами, многие новшества западного кинематографа оказались привнесены в киноиндустрию СССР. Ввиду их успеха у зрителя, руководство СССР сочло нужным либерализовать политику в отношении американских фильмов, и такой курс продолжался все десятилетие.

Однако уже в следующем десятилетии-в 1990 годы- правительству пришлось вводить меры, направленные исключительно на поддержку отечественного производства кино, которое переживало переходный период, повлиявший на производство фильмов, систему проката и финансирование отрасли. Отмена государственной монополии на кинопроизводство привела к бурному развитию независимых студий и кинокооперативов, централизованная советская система проката была разрушена. Снимали то, что нравилось спонсорам — преимущественно боевики и комедии, которые были далеки и от советских, и от зарубежных стандартов. Но, как и в любую эпоху, кино отражало то, что было в реальности: преступность, наркомания, пьянство, проституция, массовая эмиграция и общая разруха. Ситуация для советских актёров была отчаянной — предложений прежнего уровня не было, и они соглашались на проекты исключительно из финансовых соображений. Последнее десятилетие XX века- период перемен, ломки устоев и поиска новой идентичности. С середины 90-х стали появляться фильмы, которые «цепляли» не только спонсоров, но и зрителей. Коммерсанты наигрались в кино и перестали давать деньги всем подряд — снимать стали меньше, но профессиональней. Так стали популярными «Особенности национальной...» охоты и рыбалки Алексея Рогожкина, по следам первой чеченской кампании Сергей Бодров снял «Кавказского пленника», Валерий Тодоровский выпустил мелодраму «Страна глухих», а в 1996 году вышел культовый фильм «Брат» Алексея Балабанова. При всем шатком состоянии нового российского кино оно вызвало интерес у зарубежной аудитории- так в 1995 году драма «Утомлённые солнцем» Никиты Михалкова произвела фурор и получила премию «Оскар».

Советское кино XX века сыграло колоссальную роль в формировании мировоззрения целых поколений. Оно не только отражало политические, социальные и культурные изменения эпохи, но и активно их направляло. Фильмы становились частью повседневной жизни: воспитывали патриотизм, усиливали веру в идеалы, вдохновляли на трудовые подвиги и творческое самовыражение. Кинематограф стал важнейшим инструментом формирования

национальной идентичности, воспитания и отражения духа времени. Через образы экранных героев советский человек видел свои мечты, страхи и стремления. Искусство кино помогало объединить страну общей системой ценностей и оставило яркий след в мировой культуре. Сегодня фильмы XX века остаются ценным культурным наследием, помогая глубже понять эпоху, её ценности, стремления и внутренние противоречия.

Список литературы:

- 1.Беляева К.С. Специфика кинематографа «оттепели» на фоне эволюции отечественного киноискусства // Культура и цивилизация. 2016 № 2 С. 106-116.
- 2.Братолюбов, С.К. На заре советской кинематографии. Из истории киноорганизаций Петрограда – Ленинграда 1918 – 1925 гг. [Текст] / С.К. Братолюбов. – Л.: Искусство, 1976. – 176 с.
- 3.История нашего кино: 1990-е // Дом кино / [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.domkino.tv/news/11426> (Дата обращения: 26.02.2026)
- 4.Кинематограф. Отечественное киноискусство // Studfiles / [Электронный ресурс] - URL: <https://studfile.net/preview/3535056/page:32/> (Дата обращения: 26.02.2026)
- 5.Лубашова, Наталия Ивановна. Кинематография России XX в.: культурологический аспект: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Лубашова Наталия Ивановна; [Место защиты: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств]. — Краснодар, 2007. — 39 с.
- 6.Россия. Искусство и культура. Российский кинематограф: Великая Отечественная война и послевоенные годы // Большая Российская энциклопедия / [Электронный ресурс]. - URL: <https://bigenc.ru/c/rossiia-iskusstvo-i-kul-tura-kinematograf-velikaia-otechestvennaia-voina-i-poslevoennye-god-012dc5> (Дата обращения: 26.02.2026)
- 7.Рынин, Николай Алексеевич (1877-1942). Кинематография [Текст] / Н. А. Рынин. — Ленинград: Гос. изд-во, 1924. — 300 с.
- 8.Советское кино (Социализм с человеческим лицом) //Альтернативная история / [Электронный ресурс]. - URL: <https://althistory.fandom.com/ru/wiki/> (Дата обращения: 25.02.2026)
- 9.Советский кинематограф в годы ВОВ // Живая история / [Электронный ресурс]. URL: <https://живаяистория-россии.рф/blog/271-kinematograf-vov.html> (Дата обращения: 25.02.2026)
- 10.Советский кинематограф как механизм активации «политики памяти» // Deziign / [Электронный ресурс]. - URL: <https://deziign.com/project/fd90a78b743b47aab3a431726cd60c7> (Дата обращения: 25.02.2026)
- 11.Советский кинематограф: отражение эпохи // Tilda / [Электронный ресурс]. - URL: https://weareintilda.tilda.ws/ussr_cinema (Дата обращения: 26.02.2026)

- 12.Фомин В.И. Монография И.В. Шестаковой «Интермедialьная поэтика раннего кинематографа В.М. Шукшина» // Вестник КемГУКИ. 2014 № 28 С. 148-151.
- 13.История нашего кино: 1990-е // Дом кино / [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.domkino.tv/news/11426>

Стадниченко Екатерина Константиновна

2 ДД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Ekaterina Stadnichenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ В ОБРАЗЕ МАРТИНА ИДЕНА

Аннотация: В статье представлен разбор идеи Ф. Ницше о сверхчеловеке через призму художественного образа Мартина Идена, персонажа одноимённой книги американского писателя Джека Лондона. Автор ставит задачу на примере Мартина Идена истолковать представление Ницше о том, кого можно назвать «сверхчеловеком», какие качества ему присущи, и к чему может привести следование данному учению, по мнению Джека Лондона.

Ключевые слова: сверхчеловек, последний человек, индивидуализм, нигилизм, воля к власти, Фридрих Ницше, Джек Лондон, Мартин Иден.

THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE IN THE IMAGE OF MARTIN EDEN

Summary: The article presents an analysis of F. Nietzsche's idea of superman through the prism of the artistic image of Martin Eden, a character in the book of the same name by American writer Jack London. Using the example of Martin Eden, the author sets out to interpret Nietzsche's idea of who can be called a "superman", what qualities are inherent in him, and what following this teaching can lead to, according to Jack London.

Keywords: Superman, last man, individualism, nihilism, the will to power, Friedrich Nietzsche, Jack London, Martin Eden.

«Кто в себе не носит хаоса, тот никогда не породит звезды.
(Нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду)»

– Фридрих Вильгельм Ницше. Так говорил Заратустра

Фридрих Вильгельм Ницше – одна из самых неоднозначных фигур за всю историю философии. Исключительность его идей, полных афоризмов и метафор, отличилась множеством интерпретаций в сознании людей. Одна из самых известных идей рассказывает видение Ницше следующей ступени человеческой эволюции – сверхчеловеке. Ницшеанство затронуло и умы множества других философов, критиков и писателей. Одним из них является признанный классик американской литературы Джек Гриффит Лондон.

В одном из писем Джек Лондон признается, что именно личность Фридриха Ницше повлияла на него больше, чем какая-либо другая. Именно

философия Ницше зацепила автора, однако, он не столько следовал его учениям, сколько стремился к их переосмыслению и даже к критике. Критическое мышление на идеи Ницше у этого американского писателя особенно ярко выражено в произведениях «Морской волк» и «Мартин Иден». Образ последнего возьмем для анализа в рамках философии Ницше и его учении о сверхчеловеке.

«Человек – это канат между зверем и сверхчеловеком»
– Фридрих Вильгельм Ницше. Так говорил Заратустра

Со взгляда Ницше, сверхчеловек – наследник Бога. Сосуд полный воли к власти, сверх индивидуализма, созидания, духовного творчества и нескончаемого стремления к самосовершенствованию и жизни во всей её полноте. Это существо, сумевшее преодолеть самого себя, свою рабскую природу: «Нет слишком высокой цены, чтобы владеть самим собой». Ницше признает: равенства между людьми нет и быть не может. От рождения людям присуща «воля к власти», однако всем в разной степени. Именно она и определяет человека. Здесь можно проследить влияние философии Артура Шопенгауэра «Воля – основа всего сущего». Однако у Ницше воля к власти не имеет ничего общего со стремлением к господству. «Воля к власти» – главная движущая сила в людях. Это постоянное утверждение жизни и реализация творческого потенциала. Тот, кто обладает сильной волей к власти может создавать свои ценности и устанавливать их для других, создавая новый смысл для тех, кто сам на это не способен.

Под стать идеям философа, Джек Лондон воплощает все аспекты сверхчеловека в Мартине Идене. Персонаж содержит в себе качества здорового животного и утонченного интеллектуала – ницшеанский идеал. С самого начала книги нам дают понять о физическом здравии Мартина: молодой парень 20 лет, моряк с большим опытом, но обделённый хорошей школой. Однако, это не мешает Мартину быть духовно обогащенным человеком. Ему не чуждо искусство, «красота всегда находила отзыв в его душе». В доме Морзов Идену бросается в глаза картина, в которой тот находит динамический пейзаж штормового моря. Для него открытие, как всё больше изображение теряет смысл, если слишком близко подойти к нему. Раньше он видел картины маслом лишь в витринах магазина. Его глаз задевает стопка книг, которая ясно иллюстрирует неподдельный интерес персонажа к литературе: «В глазах у него появилась жадность, как у голодного при виде пищи. Он невольно сделал шаг к столу и начал с нежностью перебирать книги...». Далее по сюжету Джек Лондон подмечает с какой лёгкостью и упоением Мартин слушает игру на рояле, невзирая на отсутствие должного образования во всех вышеперечисленных культурных сферах.

Мартин Иден, словно губка, впитывает окружение «высокого общества». Но как бы его душа не пела от переполняющей вокруг него красоты, он не может избавиться от чувства собственной ничтожности и чужеродности в ней.

Это, как ничто другое, задевает его самолюбие, тем самым подстрекая амбиции простого моряка. Однако не собственное убожество заставляет героя поставить себе цель стать частью «высшего света».

Парадоксально, но именно любовь стала рычагом становления личности Мартина на пути к сверхчеловеку. Автор не просто так подчёркивает, что самое простое, человеческое, иррациональное чувство, как любовь, является главным стимулом к саморазвитию героя. Столь чуждое нищепанскому человеку чувство. Предметом обожания Мартина становится Руд Морз (в переводе чаще Руфь Морз). При которой каждое отличие Мартина отдаляло его от сердца Руд, но чем больше была эта пропасть между ними, тем жарче пылало его желание построить через неё мост. Здесь начинается восхождение Мартина Идена к сверхчеловеку.

По Ницше на пути к сверхчеловеку, человек должен пройти 3 стадии: «Верблюд», «Лев» и «Ребёнок». «Верблюд», как символ учения и хранитель опыта, приверженец старых идеалов, накопление знаний, исключая малейшие сомнения в них. Иден кардинально меняет свой образ жизни: теперь Мартин регулярно моет руки, чистит зубы, закаляется, бросает пить. Начинает тоннами поглощать литературные и философские труды, пока не в полном виде понятных ему, ввиду необразованности. День за днём он совершенствует свои познания, жертвуя сном, сильно экономит, но всё также стойко выдерживает удар за ударом от жизни и ни секунды не сомневается в себе.

Ведомый верблюд способен только соглашаться, но совсем скоро начинается переход в новую стадию «Льва». Изменения в личности героя приводят его к изоляции – ещё одному аспекту сверхчеловека по Ницше. Только полное одиночество может стать почвой для поиска индивидуальности, каждый раз бросая себе вызов. Всё прошлое теперь потеряло какую-либо ценность. Прямо на глазах читателя Мартин Иден преображается как внутри, так и снаружи. Даже в нищете и голоде, он только сильнее твердит о невозможности своего провала.

«Лев» - воплощение власти. Яростное отрицание и сомнения начинают разрушать все старые представления об общепринятых ценностях, идеалах, моральных нормах и культуре – нигилизм. Дойдя до определённого уровня, Мартин Иден поймал себя на мысли, что далеко не согласен с авторами и философами. Он отрицает все признанные обществом авторитеты. Для него они «невежды», «ничтожные люди с ничтожными мыслями». Теперь люди делятся на «толпу» и «избранных», отделяя для себя «последнего человека» по Ницше от «Я – индивидуалист». «Последний человек» не способен на индивидуальность и собственное мышление. Он – ведомый толпой, усталый от жизни и в вечном поиске комфорта и безопасности для себя. Что недопустимо для Ницше, отвергнуто и презираемо Мартином Иденом.

Однако лев не способен к созиданию. Это и способствует обращению льва в ребенка. Благодаря полученным знаниям он теперь разбирается в литературном слове лучше, чем то самое «высокое общество», к уровню

которого он так стремился. С таким выводом Мартин берётся за перо. Он обретает новые ценности, отрицая старые и чужие.

«Ограниченные умы замечают ограниченность только в других»
– Джек Лондон. Мартин Иден

«Ребёнок» – творец. Своими новыми начинаниями в творчестве он не скован правилами. Так и Мартин Иден обретает свободу в собственных строках, писательство для него – смысл всей его жизни, несмотря на то что его работы не производят изначальный фурор, получая за свои работы гроши. В данном процессе воплощаются новые смыслы и стремления, рождается новая мораль и рождается сверхчеловек.

Обстоятельства жизни не способны сломить героя. Один на один со всем миром, Мартин не страшится идти против течения, против всех, кто в него не верит. Он осознает себя, а значит и весь мир ему не помеха. Однако, эта обстановка накаливает отношения между Мартином и Руд, которая видит в писательской жиле лишь «забаву» и хочет, чтобы её будущий муж «принял жизнь всерьёз» и пошёл служить в какой-нибудь канторе.

После этого в романе стал фигурировать ещё один персонаж, который открыл глаза Мартину Идену – Расс Бриссенден (в переводах чаще Рэсс Бриссенден). Неожиданно повстречавшийся Идену в гостях у Морзов, он был единственным человеком, интеллект и талант которого был равен нашему герою. Это поэт и философ, изначально вызвавший поверхностное презрение («личность бесцветная, пустая, не стоящая внимания»), становиться настоящим другом и глотком свежего воздуха для Мартина, измотанного от недопонимания окружающих и одиночества. Бриссенден не просто одобряет произведения товарища, но и поддерживает его морально и финансово. Расс также дает совет Мартину бросить писать для журналов. Он видит в строках друга философские взгляды, которые не могла увидеть ни Руд, ни одно издательство. Именно Бриссенден высказывается об истинной природе Руд, называя ту «малодушной неженкой, выросшей под колпаком в буржуазной теплице». Что Мартин Иден не был готов принять.

Расс Бриссенден – чистейший ницшеанский человек, несомненно, приближенный к образу сверхчеловека. Также одинокий, возвысившийся над всеми человек, который страстно влюблён в саму жизнь. Именно на последнем аспекте сыграл Джек Лондон, описав парадоксальность данного персонажа. Человек, который так по-ницшеански стремится ощутить трепет жизни, болен смертельным заболеванием – туберкулёзом. Автор играет на контрасте внешнего портрета персонажа с его внутренним мировоззрением, одновременно подчёркивая в нем жажду жизни, так быстро ускользающей от него, и своё критическое мышление на проблему сверхчеловека. Джек Лондон искусно подводит читателей к несовершенству идеологии.

Переломным моментом стала статья, вымышленная журналистом об Идене после участия того в митинге социалистов и отказа давать интервью. От

Мартина отворачиваются многие знакомые, Руд сообщает о разрыве их помолвки, а вскоре и теряет своего единственного друга и единомышленника – скончавшегося Расса Бриссендена.

Именно в этот самый тяжкий период жизни герой сыскал неслыханный успех: одно издательство печатает его старую работу, которая возносит Идена в глазах общества. Теперь он известный, обеспеченный писатель. Его приглашают на обеды и созывают в общества элитных клубов – всё то, что теперь не вызывает у Мартина никакого интереса. Даже новая любовь в лице простой девушки Лиззи не может воодушевить Идена. Мир вокруг него всё больше и больше теряет смысл. В этом отрывке нам раскрывается другая сторона Руд, которая, прознав про успех Мартина, предлагает возобновить помолвку. Теперь он осознает, о чём предупреждал его Расс, и что в мелочах нам намекал Джек Лондон («Она доверяла суждению матери, как доверялась всегда и во всём», «ограниченность ума», «необходимость в отказе была соблазном свойственным всем женщинам» и т.д.) Мартин никогда не знал настоящую Руд, а лишь превозносил недостижимый образ, придуманный им самим.

Великолепно прописанный образ Руд раскрывается пред нами во всей своей красе лишь к концу книги. Читатели вместе с Иденом потерялись в идеале образа Руд, искусственно сотворенным Джеком Лондоном, на самом деле пронизанным факторами «последнего человека», что заметно лишь при повторном прочтении. Автор, незаметно для глаз на протяжении всей книги противопоставлял образ «последнего человека» в лице Руд с идеалом – «сверхчеловеком» Мартина. Теперь Иден увидел, насколько бессмысленна любовь, ради которой он когда-то начал этот путь. Любовь, которая хоть и полюбила его самого, дорожит буржуазной мерой ценностей больше. Герой отвергает Руд, не чувствуя к ней больше никакого трепета.

И вот теперь, когда от писем из издательств и журналов нет отбоя, деньги лишь прибывают. Весь мир, презиравший и недооценивавший Мартина Идена, теперь у его ног и готов отдать ему всё. Однако, всё это больше не интересует нашего героя, он преодолел порог человечности, его восхождение к сверхчеловеку подошло к концу. Но именно в момент обретения всего, он потерял всё то, чего так страстно желал. Мартин – лишь оставшаяся оболочка человека, которая потеряла свою сверхчеловечность в момент достижения цели, но не имеет возможности вернуться к своей человечности. Его сверхчеловечность проявлялась в прошлом, когда он поднимался вверх по этому пути невзирая на весь окружающий мир. Не каждому дано стать сверхчеловеком, но именно путь к его становлению наполнял смыслом жизнь героя. Мартин полностью потерял надежду в безумной гонке за успехом. Тот пыл, что когда-то был в нем, угас как звезда, которая горит всего ярче лишь в момент перед собственной гибелью. Автор тонко изображает, как отсутствие цели тяготит жизнь главного героя.

Так Джек Лондон освещает главный парадокс сверхчеловека, оба его персонажа: Мартин Иден и Расс Бриссенден заканчивают жизнь

самоубийством. Жизнь, которую они так страстно воспевали и любили. Равнодушие, опустошённость, одиночество без шанса на возвращение – губительная сущность нищезанятия по мнению Джека Лондона. Бесперспективность такого критического бунта личности приводит лишь к последующим страданиям без права выхода. Автор прямо ставит вопрос о возможности и последующей целесообразности наличия сверхчеловека среди человечества. Есть ли предел? как его определить? Как не переступить этот порог, потеряв самое ценное, что есть у людей – жизнь?

Смерть Мартина Идена – категоричный и бесспорный ответ Джека Лондона на эти вопросы. Как гуманист, Лондон выделяет нежизнеспособность сверхчеловека среди людей, в той реальности, которая преподносит нам человеческая жизнь. Даже сам Фридрих Ницше, в попытке преодолеть этот канат, столкнулся с непреодолимой преградой сознания человека. Это столкновение стоило самому же автору рассудка, обрекая его на вечное безумие. Идея о сверхчеловеке может лишь играть роль ориентира и цели в жизни. То, что всегда должно оставаться ей и то, что никогда не должно быть достигнуто. Именно к такому переосмыслению ницшеанской философии пришёл Джек Гриффит Лондон.

«Умри, как только сможешь – чтобы снова ожить, как утренняя вспышка
или весна после суровой зимы...»

– Фридрих Вильгельм Ницше. Так говорил Заратустра

Список литературы:

1. Letters of Jack London: in 3 vol. V. 3 / ed, by E. Labor; C. R. Leitz; I. M. Shepard. — Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1988 — с. 148
2. Так говорил Заратустра: [Перевод с немецкого] / Фридрих Ницше. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).
3. Мартин Иден / Джек Лондон; [перевод с английского Р. Облонской, Норы Галь]. — Москва: Эксмо, 2024 — 416 с. — (Яркие страницы).
4. Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр. — М.: Издательство АСТ, 2024 — 672 с. — (Эксклюзивная классика).

Стахеева Полина Дмитриевна

студент

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

*Научный руководитель: преподаватель истории высшей категории
Домбровский Роман Юрьевич*

Polina Staheeva

Nizhny Tagil Branch of Sverdlovsk Regional Medical College

ВОПРОСЫ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу системы оказания медицинской помощи раненым в русской армии в период Семилетней войны. Рассматриваются ключевые аспекты организации военно-медицинского обеспечения: структура медицинских подразделений, этапы эвакуации и лечения, возникающие проблемы, а также применяемые методы лечения. В статье освещаются вопросы структуры медицинских служб и организации медучреждений. Отдельно рассмотрены особенности медицинского снабжения, взаимодействие армейской и флотской медицинских служб.

Ключевые слова: Семилетняя война, русская армия, военно-медицинская служба, помощь раненым, медицинское обеспечение.

ISSUES OF PROVIDING ASSISTANCE TO THE WOUNDED IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE SEVEN-YEAR WAR

Summary: The article is devoted to the analysis of the system of providing medical assistance to the wounded in the Russian army during the Seven Years' War. The key aspects of the organization of military medical support are considered: the structure of medical units, the stages of evacuation and treatment, the problems that arise, and the methods of treatment used. The article highlights the issues of the structure of medical services and the organization of medical facilities. The features of medical supply and the interaction between the army and naval medical services are also discussed.

Keywords: Seven Years' War, Russian army, military medical service, assistance to the wounded, medical support.

«Война – это травматическая эпидемия», - резонно говорил в 19 веке о большом потоке раненых после каждого крупного сражения отечественный основатель военно-полевой хирургии Пирогов. Семилетняя война, как один из крупнейших военных конфликтов XVIII века, потребовал от России, как от активно воюющей стороны налаженной системы медицинской помощи раненым. В данной статье обратимся к вопросу ее организации.

Отечественная военно-медицинская организация начала активно формироваться со времен начала правления Елизаветы Петровны, то есть с 1741 года. После периода засилья иностранцев, начали применяться местные наработки по организации военно-госпитального дела, развития практик

оказания помощи раненым в ближнем тылу и совершенствования опыта выноса раненых с поля боя в период сражения. Именно русские врачи смогли адаптировать европейские методы к условиям русской армии.

Для военной медицины середины 18 века были характерны оставшиеся со времен средневековья методы лечения, отсутствие единой системы эвакуации раненых, острая нехватка хорошо обученного медперсонала, поиск и начало внедрения научных подходов.

Основными проблемами с которыми сталкивался армейский медперсонал и участники войн были антисанитария, ведущая к эпидемиям и заражению ран и высокая смертность от инфекций и осложнений, недостаток персонала, особенности эвакуации (транспортировка раненых на телегах по плохим дорогам, которая усугубляла их состояние), отсутствие эффективных обезболивающих средств (использовались алкоголь, опиум), антисептиков (применялись травяные настои), средств обработки ран (обрабатывали вином и уксусом). При перевязке врачам рекомендовалось «омыновение всех ран теплым вином или слабою ароматической жидкостью», поскольку других эффективных средств обеззараживания тогда не существовало [1].

На поле боя первую помощь оказывали: полковые медики, санитары (часто из числа солдат), иногда сами солдаты. Действия ограничивались остановкой кровотечения с использованием чаще перевязки с использованием льняных и хлопчатобумажных тканей, которые завязывали узлами и реже жгутов, по форме напоминавших прообраз современных турникетов. При перевязках иногда использовались антисептические мази на основе трав. Также практиковался перенос раненых в тыл.

В полевых перевязочных пунктах, расположенных недалеко от линии фронта, проводили первичную обработку ран, удаляли пули и осколки, шинами иммобилизовали переломы, останавливали кровотечения и осуществляли ампутации (основной метод помощи при огнестрельных ранениях конечностей). Во временных лазаретах русские медики лечили неопасные ранения и стабилизировали состояние тяжелораненых перед эвакуацией раненых вглубь страны, иногда применяли кровопускание как метод «балансировки соков организма». Также действовали полковые лазареты, гарнизонные и генеральные госпитали.

Подготовка медицинской службы к обеспечению боевых действий армии легла на плечи «главного директора Медицинской Канцелярии» Павла Захаровича Кондоиди [4, с.10], а на русском флоте – на доктора корабельного флота Демьяна Петровича Синопеуса. В 1757 году коллегиями отдавались распоряжения «медицинских чинов надлежащее число распределить». Несмотря на это, главной проблемой в медицинском обеспечении кампании явилась нехватка медицинского персонала [3, с.77].

Вынос раненых с поля боя производился и в ходе сражения, и после его окончания. Если эвакуацией с поля боя занимались определенные для этого рядовые, то непосредственное оказание помощи ложилось на плечи медработников. Врачи, чаще всего, иностранцы, трудились в госпиталях.

Лекари возглавляли медицинскую службу полков, батальонов, батарей. В русской армии в период Семилетней войны очень важную роль играли именно полковые лекари. Штаб-лекари возглавляли медицинскую службу корпусов и дивизий и работали в госпиталях. Фельдшеры применялись в батальонном звене и в кавалерийских полках. Привлекались также лекарские ученики (указ об увеличении числа которых был издан Сенатом в 1756 году) [4, с.8]. Костоправы присутствовали в полках регулярной кавалерии.

Одним из ключевых источников по теме медицинского обеспечения раненых во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) является монография 1951 года генерал-майора медицинской службы Сергея Александровича Себеки «Медицинское обеспечение русской армии во время Семилетней войны 1756–1763 гг.» [4]. Написанная им за 4 года полностью на документальном материале, в которой подробно рассматриваются организация военно-санитарной службы, проблемы медицинского обеспечения русской армии, структура госпиталей, эвакуация раненых и другие аспекты.

По ходу войны, практиковалось развертывание генеральных и полевых госпиталей в исходном положении, откуда выдвигалась армия, а затем по пути ее движения. Часть этих госпиталей далее преобразовывалась в этапные госпитали, цепочкой связывавшие действующую армию с операционной базой похода. Наметила организация подвоза материальных медицинских средств в действующую армию, что явилось предпосылкой для развития эвакуационной системы. Также совершенствовалась система противоэпидемиологической защиты войск [5, с.126]. Отметим, что среди русских войск не случилось так распространенных в то время эпидемий тифа и дизентерии.

Органами медицинского снабжения являлись 5 видов аптек [4, с.13]. Медицинское имущество в большом объеме для сухопутной армии доставлялось морским путем (например, в 1760 году таким образом перевозилось в Кенигсберг для снабжения полков, полевых аптек и прочих команд материалами на весь 1760 год) [2, с.24].

Проблемы, с которыми сталкивались при оказании медицинской помощи раненым и заболевшим в русском флоте во время Семилетней войны всестороннее описал в своей статье Попов Юрий Митрофанович. Он указывает на действенные мероприятия, предпринимаемые командованием: для борьбы с цингой, увеличение количества медикаментов, перевод раненых на госпитальный корабль, специальная диета для заболевших и строгий их учет, использование алкогольных напитков как лечебных средств, например, против цинги – пиво с хреном, размещение части кораблей на якорной стоянке у побережья Гданьска и лечение больных на берегу [3, с.76-83].

К.м.н. Бумай Олег Константинович, справедливо отмечает, что медицинские службы армии и флота тесно взаимодействовали по вопросам эвакуации раненых и больных сухопутных войск на кораблях в госпитали центра, подача медицинских средств армейской медицинской службе морским транспортом, привлечение медиков ВМФ к оказанию медпомощи личному составу Санкт-Петербургских полков [2, с.28].

Опыт Семилетней войны показал необходимость реформ системы медицинской помощи и способствовал созданию постоянных военных госпиталей, подготовке специализированных военных врачей, мероприятий по улучшению логистики эвакуации и средств эвакуации, формированию организованных систем лечения, внедрению более строгих санитарных норм. Этот опыт стал базисом усовершенствования системы военно-медицинского обеспечения боевых действий русской армией в последующих кампаниях.

Список литературы:

1. Баранов А. «Уцелеть — не значит выжить»: какой была военная медицина 200 лет назад. — Режим доступа: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7847/> (дата обращения: 26.02.2026)
2. Бумай О. К. Роль медицинской службы флота в медицинском обеспечении Семилетней войны 1756-1763 гг. // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700-1762). Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Вып. 1. - СПб., 2002. - С. 21-29.
3. Попов Ю.М. Выполнение боевых задач и заболеваемость личного состава кораблей русского флота в войне с Пруссией // История: факты и символы. — 2018. - №1 (14). — с.76-83.
4. Семека С. А. Медицинское обеспечение русской армии во время Семилетней войны 1756-1763 гг. — М/: Военный факультет при ЦИУВ, 1951. - 316 с.
5. Фролов Н. А. История военной медицины. Возникновение военной медицины и ее развитие в XIV-XVIII вв. Сообщение 1 / Н. А. Фролов // Военная медицина. — 2007. — №2. — С. 123-126.

Степанова Владислава Евгеньевна

4 ЭД-28

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Анцупова Александра Сергеевна

Stepanova Vladislava

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Аннотация: В статье рассматривается феномен патриотических движений в России, особенности их становления и развития. Характеризуется процесс патриотического воспитания молодежи. Описываются основные патриотические молодёжные движения и отмечается их роль в патриотическом воспитании молодёжи. Особое внимание посвящается определению проблем в деятельности патриотических движений и предлагаются рекомендации по их решению.

Ключевые слова: патриотические движения в России, молодёжь, воспитание, патриотизм, роль патриотического воспитания.

FEATURES OF PATRIOTIC MOVEMENTS IN THE FIELD OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: The article examines the phenomenon of patriotic movements in Russia, their development, and the specifics of their formation. It also explores the process of patriotic education among young people. The main patriotic youth movements are described and their role in patriotic education is highlighted. Particular attention is paid to identifying problems in the activities of patriotic movements and offering recommendations for addressing them.

Keywords: patriotic movements in Russia, youth, education, patriotism, and the role of patriotic education.

История формирования молодежных движений берёт начало с 20 века прошлого столетия. Основная суть первых молодежных движений заключалась в идеологическом объединении самой подвижной и мобильной группы населения в период смены власти. По подсчетам историка Рогозина И.И. с 1900 по 1917 года в России насчитывалось по неполным данным порядка 330 движений, которые делились на 6 типов: корпоративные, культурно-просветительские, политические, религиозные, спортивно-оздоровительные, националистические [1, с. 132].

В современной России, по данным Парламентской газеты на 2023 год, существует более 22 тысяч общественных объединений, которые работают с детьми и молодёжью [2]. Весомую часть существующих занимают патриотические движения, основной миссией которых является патриотическое воспитание детей и молодежи, сохранение и популяризация исторической

памяти, формирование уважительного отношения к культуре и истории России. К таким движениям в настоящее время относятся Юнармия, Поисковое движение России, Народный фронт, Волонтеры победы, Гуманитарный добровольческий корпус, Бессмертный полк, Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», региональные и местные инициативы (как например, отряды при школьных патриотических музеях).

На сегодняшний день в России нет единого понятия «патриотические движения», но исходя из анализа литературы можно сделать вывод, что это общественные объединения, деятельность которых основана на любви к Родине, преданности Отечеству, гордости за его историю и культуру, готовности к защите интересов страны. Патриотические движения ставят своей главной целью воспитание у молодёжи патриотизма, развитие их высокой социальной и гражданской активности, а также способности защищать государство и способствовать его развитию. Достижение данной цели обеспечивается через субъекты воспитательной деятельности: государство в лице федеральных, региональных и местных органов власти, учебные заведения всех уровней, НКО и общественные движения и организации, СМИ, общественные институты в виде семьи или отдельного человека [3, с. 97]. В рамках патриотического воспитания выделяют 3 основных направления:

- духовно-нравственное воспитание;
- гражданско-патриотическое воспитание;
- военно-патриотическое воспитание.

Процесс патриотического воспитания включает в себя целенаправленную деятельность по формированию у молодых людей патриотических чувств и сознания, укреплению социальной сплоченности и развитию уважения к истории и культуре России. Инструментами для этого служат различные виды деятельности: участие в мероприятиях патриотической направленности и их организация молодёжью, участие в военно-патриотических занятиях, уроках мужества, соревнованиях, лагерях, мастер-классах, встречах с ветеранами, исторических играх, квестах и многое другое. Подобные инициативы позволяют сформировать чувство сопричастности к истории и культуре страны, единства, помогают развить навыки дисциплины, чувства гордости и любви к Родине, расширяют кругозор и знания о своей стране или укрепляет уже имеющиеся патриотические установки у молодёжи.

Деятельность современных патриотических движений, как правило, практико-ориентирована, что позволяет им более эффективно и оперативно достигать своих целей и привлекать молодежь. Их работа строится на основе ряда ключевых принципов патриотического воспитания:

- координированная работа всех структур (принцип системно-организованного подхода подразумевает слаженное и целенаправленное взаимодействие всех государственных и общественных институтов в деле патриотического воспитания граждан России);

– дифференцированный подход к формированию патриотизма: (принцип адресности предполагает применение специфических форм и методов работы с учетом уникальных характеристик каждой возрастной, социальной и профессиональной группы, что подчеркивает многоуровневое влияние на формирование патриотизма молодого человека со стороны семьи, ближнего круга, образовательных учреждений, этнокультурной среды, рабочего коллектива, региона проживания (с его экономическими, социальными и культурными особенностями) и общества в целом);

– проактивность и инициативность: (принцип активности и наступательности требует настойчивости и разумной инициативы в изменении мировоззрения молодежи и их ценностных ориентаций в сторону национальных интересов России);

– целостный подход к воспитанию: (принцип универсальности основных направлений патриотического воспитания предполагает комплексное рассмотрение этих направлений. Важно также задействовать такой фактор, как социально-ценный опыт предыдущих поколений, который способствует формированию гордости за предков, уважения к национальным традициям в повседневной жизни, семейных отношениях, учебной деятельности, подходе к труду и методах творчества);

– учет региональных особенностей: (принцип учета региональных условий в пропаганде патриотических идей и ценностей означает продвижение не только общероссийских патриотических взглядов, но и локальных или региональных, основанных на привязанности и любви к своей малой родине – городу, деревне, улице, предприятию, спортивной команде и т.д.) [4].

Патриотические движения имеют значительное влияние на патриотическое воспитание молодёжи, поскольку они способствуют формированию «патриотизма», любви к Родине, уважение к истории и культуре страны. Участие молодого поколения в патриотических движениях способствует укреплению общественной сплочённости, помогает осознать свою сопричастность к жизни страны, развивает активную гражданскую позицию и даёт возможность внести свой вклад в развитие государства. Помимо этого, молодое поколение, через участие в патриотических движениях способствует сохранению и популяризации исторической памяти России, учится уважать и осмысливать прошлое, что формирует нравственные ценности и чувство преемственности поколений.

Патриотические движения в России активно расширяют зону формирования общей культуры, способствуют становлению внутреннего мира, формированию общечеловеческих ценностей, стимулируют социальное развитие их участников. Для многих молодых людей вовлечённость в данные инициативы становится источником личностного роста, развития гражданского самосознания, патриотических чувств и осознания своего общественного долга

[5, с. 100]. Однако, в деятельности современных российских патриотических движений существует ряд проблем:

- необходимость ведения отчётности и бюрократизм приводят к потере истинного смысла деятельности, безусловно, контроль работы организации является необходимым, но когда отчётность становится приоритетом, многие руководители и кураторы движений забывают о важности воспитания истинного патриотизма, о ценностях движения и его целях и в результате деятельность патриотических движений становится искусственной и прослеживается лишь на фотоотчётах;

- подмена понятий патриотизма, а также его игнорирование за пределами деятельности движений или даже внутри патриотических движений, когда молодёжи не объясняют цели и мотивы той деятельности, в которой она участвует, приводит к двойным стандартам;

- недостаток современной и обновлённой материально-технической базы затрудняет деятельность движений, что обусловлено тем, что патриотические движения являются довольно молодыми и существуют без финансовой поддержки государства;

- кадровая проблема, а именно отсутствие грамотных и подготовленных специалистов, необходимых для развития и курирования патриотических движений и воспитания патриотизма среди молодёжи также актуальна, во многом этой проблеме предшествует длительный период игнорирования патриотического воспитания как направления государственной политики.

Для решения данных проблем можно выделить ряд рекомендаций:

- внедрение качественных критериев оценки проведения мероприятий, то есть необходимо делать упор не на количество, а качество;

- автоматизация отчетности (например, портал Добро.ру);

- сбор обратной связи участников, проведение тренингов и бесед о целях движения, понятиях патриотизма;

- популяризация проектной деятельности среди движения для обеспечения финансовой поддержки в их конкретных инициативах, а также развитие партнёрства;

- создание оснащенных пространств для работы движений;

- подготовка, обучение и повышение квалификации специалистов и сотрудников патриотических движений, формирование кадрового резерва.

Таким образом, патриотические движения представляют важный инструмент патриотического воспитания в России, поскольку они не только формируют любовь к Родине, но и способствуют всестороннему развитию личности, приобретению новых качеств, ценностных ориентиров и установок. Однако, важно акцентировать внимание на качестве работы патриотических

движений, своевременно решать возникающие проблемы, регулярно заниматься подготовкой специалистов в области патриотического воспитания, повышать роль работы с участниками движений, обновлять материально-техническую базу и создавать условия для развития и совершенствования патриотических движений в России.

Список литературы:

- 1.Оконов, Б. А. Молодежные организации в России (1900-1920-е гг.) // Вестник ИКИАТ. – 2009. – №1 – (18). С. 132-134.
- 2.Более 22 тысяч молодежных организаций работает в России. – Текст: электронный // Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: <https://www.pnp.ru/social/bolee-22-tysyach-molodezhnykh-organizatsiy-rabotaet-v-rossii.html> (дата обращения 03.02.2026)
- 3.Вырщиков, А. Н. Сущность понятия "патриотическая деятельность": теоретические основания // Проблемы современного образования. – 2019. – №5. – С. 96-100.
- 4.Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации. – Текст: электронный // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи»: официальный сайт. – 2026. – URL: https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr._vospitaniya.pdf (дата обращения 03.02.2026)
- 5.Пономарев, П. А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – №2. – С. 95-102.

Степина Надежда Павловна

студент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент Земцова Ирина Валерьевна

Stepina Nadezhda

Pushkin Leningrad State University

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРИСТСКИХ ВЫСТАВКАХ

Аннотация: В статье рассматриваются цели участия города в международных туристских выставках. Анализируются практические примеры участия Санкт-Петербурга в подобных мероприятиях, включая международные туристские выставки, проходящие на территории России и за рубежом. Особое внимание уделяется анализу результатов участия в этих событиях.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, международные туристические выставки, туризм, культурные мероприятия, экономическое развитие, устойчивый туризм.

SAINT PETERSBURG AT INTERNATIONAL TOURIST EXHIBITIONS

Summary: The article discusses the goals of the city's participation in international tourism exhibitions. It analyzes practical examples of St. Petersburg's participation in such events, including international tourism exhibitions held in Russia and abroad. Special attention is given to analyzing the results of participation in these events.

Keywords: St. Petersburg, international tourism exhibitions, tourism, cultural events, economic development, and sustainable tourism.

Санкт-Петербург, основанный в 1703 году, является одним из важнейших культурных и исторических центров России. Ежегодно город привлекает миллионы туристов со всего мира благодаря своим уникальным архитектурным памятникам, музеям, театрам и культурным событиям. Тем не менее, в современных условиях глобализации, растущей конкуренции на туристском рынке, а также политической обстановки важность приобретает продвижение Санкт-Петербурга на международной арене как уникального культурного и исторического туристского направления. Наиболее эффективным инструментом для этого можно считать участие города в международных туристских выставках.

Участие Петербурга в подобных событиях сопровождается организацией презентаций, выставочных стендов и информационных материалов, демонстрирующих богатство культурных достопримечательностей, архитектурных памятников, музеев и событийных мероприятий города. Специалисты проводят переговоры с потенциальными партнерами, туроператорами и агентствами для установления новых контактов, расширения

туристического потока и привлечения иностранных гостей. Также на выставках осуществляется обмен опытом с коллегами из других стран, продвижение специальных туристских программ и тематических маршрутов.

Международные туристские выставки предоставляют собой платформу для формирования представления о туристских возможностях отдельных городов и стран. Участие в них имеет стратегическое значение для дестинации, поскольку способствует достижению сразу нескольких целей.

Во-первых, участвуя в выставках, Санкт-Петербург представляет новые туристские маршруты, культурные мероприятия и уникальные предложения, такие как гастрономические туры и экскурсии по историческим местам, более широкой аудитории. За счёт этого происходит продвижение туристских продуктов не только на внутреннем рынке, но и за рубежом [1].

Во-вторых, международные выставки – это уникальная возможность для установления деловых контактов, которые включают в себя как поиск потенциальных иностранных партнёров, так и возможности обмена опытом в вопросах реализации комплекса маркетинговых стратегий при подготовке, продвижении и реализации туристского продукта. То есть, участие в выставках способствует развитию сотрудничества в области туризма.

В-третьих, участие в международных выставках помогает формировать положительный имидж города, как дестинации, обладающей необходимой инфраструктурой для путешествий, что в свою очередь привлекает в Санкт-Петербург больше туристов.

Таким образом, подобные мероприятия позволяют не только продемонстрировать культурные и исторические достопримечательности, но и установить контакты с туристическими агентствами, операторами и другими заинтересованными сторонами. Именно поэтому участие Санкт-Петербурга в международных выставках контролируется Правительством города.

Так, в 2014 году в структуре Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга было создано Конгрессно-выставочное бюро, специалисты которого проводят большую работу по продвижению города как деловой дестинации мирового уровня [5]. Ежегодно сотрудники учреждения организуют участие Санкт-Петербурга в российских международных туристских выставках. Среди них можно выделить следующие наиболее яркие и масштабные мероприятия.

Важным событием в сфере туризма является Международный туристский форум «Travel Hub. Путешествуй!». В декабре 2024 года он объединил свыше 4400 участников из 45 регионов России и 22 иностранных государств, а его онлайн-трансляции смотрели более 11 000 человек. Мероприятие стало платформой для дискуссии об итогах работы туристской отрасли за год, обсуждения первостепенных задач и перспективных направлений в сфере дальнейшего развития туризма. Стоит отметить, что в 2025 году Санкт-Петербург взял Гран-при в финале Всероссийской премии «Регионы туризма и гостеприимства», именно «Travel Hub» был признан «Лучшим событием года в туризме».

Международный туристский форум «Путешествуй!» в Москве, на территории ВДНХ. В июне 2025 года мероприятие было открыто в пятый раз. В течение недели в рамках форума проводились различные дискуссии, беседы и заседания. Форум объединил на одной площадке представителей власти, бизнеса и экспертного сообщества. Санкт-Петербург традиционно принял активное участие в работе форума, масштабный стенд, организованный Конгресс-бюро, презентовал уникальные возможности Северной столицы [4].

В Москве в 2025 году также прошла 31-я Международная выставка туризма и индустрии гостеприимства MITT 2025, которая объединила более 1000 участников из 54 регионов России и 36 государств, включая страны СНГ и Ближнего Востока. Санкт-Петербург был представлен тематическим стендом, который посвятили возможностям города для путешествий во все времена года. В работе экспозиции приняли участие 25 представителей ведущих туроператоров, музеев и гостиниц. В том числе и специалисты из Ленинградской области для продвижения межрегиональных и национальных маршрутов.

Представление Санкт-Петербурга на международных выставках туризма и индустрии гостеприимства является частью информационной кампании «Добро пожаловать в Санкт-Петербург!», которую реализуют Комитет по развитию туризма, Конгрессно-выставочное бюро и Городское туристско-информационное бюро для привлечения российских и зарубежных гостей [4]. Эта кампания подразумевает участие не только в российских международных выставках, но и в мероприятиях иностранных государств.

Например, в 2025 году Санкт-Петербург участвовал в XXIII Международной выставке «Туризм и Путешествия» KITF-2025, которая является крупнейшим профессиональным событием Центральной Азии в области туризма. Участниками события стали туроператоры и турагентства, авиакомпания, национальные и региональные туристские организации, а также объекты размещения, медицинские центры, разработчики и поставщики IT-технологий в туризме. Стенд Санкт-Петербурга подготовили специалисты Конгрессно-выставочного бюро. Он был расположен в зарубежном павильоне, что крайне важно с точки зрения развития международных туристских связей.

В связи с введением безвизовых групповых поездок, запуском прямых авиарейсов и активной информационной кампанией актуальным стало участие Санкт-Петербурга в выставке «TITE 2025», в столице Ирана Тегеране. Здесь собрались более 700 экспонентов из 15 государств. Санкт-Петербург представил свежие туристские предложения для гостей из стран Ближнего Востока, гости узнали о классических достопримечательностях, современных точках притяжения, а также о возможностях промышленного, гастрономического, событийного, делового и других видов туризма. Особый акцент был сделан на межрегиональных путешествиях.

Санкт-Петербург стал и участником Индийского мероприятия. Зимой 2025 года в Мумбаи прошла международная туристская выставка Outbound Travel Mart (OTM) – ведущая туристическая выставка выездного туризма в

Индии. На стенде Санкт-Петербурга в течение трёх дней проходили презентации актуальных туристских предложений города. Туроператоры рассказывали о новых проектах и перспективных видах туризма, а также о бренде Discover Russia. Организаторы крупнейшего в Южной Азии мероприятия в сфере туризма отметили экспозицию Северной столицы, подготовленную специалистами Конгресс-бюро, дипломом за лучший дизайн [4]. Индия представляет всё больший интерес как рынок не только въездного, но и выездного туризма, а «Министерство экономического развития России включило его в перечень рекомендуемых к участию мероприятий» [2, с. 38].

Из приведённых выше примеров видно, что Санкт-Петербург принимает участие в туристских выставочных мероприятиях по всему миру. Несомненно, это положительно сказывается на состоянии отрасли в городе.

Согласно данным, представленным на выставках, Санкт-Петербург в 2022 году посетило более 10 миллионов туристов, из которых около 3 миллионов составили иностранные гости.

По данным Комитета по туризму Санкт-Петербурга, в 2023 году город посетило на 15% больше туристов по сравнению с предыдущим годом, что во многом связано с активной рекламой на международных платформах [3].

Участие города в выставочных мероприятиях позволяет укрепить позиции города как ведущего международного туристского направления, а также привлечь дополнительные турпотоки, в частности, из стран Ближнего Востока, входящих в перечень приоритетных государств федеральной стратегии развития въездного туризма Минэкономразвития России. Так, по итогам 2024 года в Петербурге побывали более 31 тысячи гостей из Ирана [4]. Это подтверждает важность и эффективность участия города в международных выставках.

Таким образом, участие Санкт-Петербурга в международных туристских выставках играет ключевую роль в позиционировании и продвижении города как привлекательного туристского направления. Такие мероприятия позволяют продемонстрировать богатое культурное наследие и уникальные достопримечательности Петербурга, способствуют установлению международных связей и развитию сотрудничества в сфере туризма.

Благодаря участию в выставках, повышается узнаваемость города на мировой арене, укрепляется его имидж как ведущего культурного центра и создаются условия для привлечения новых сегментов туристов. Кроме того, выставки способствуют развитию новых маршрутов и программ, обмену опытом с другими городами и странами, стимулируют рост туристической инфраструктуры и улучшение качества обслуживания, что в целом способствует дальнейшему развитию туристской индустрии Санкт-Петербурга. Поэтому в будущем можно ожидать, что город продолжит активно участвовать в подобных мероприятиях, привлекая все большее количество туристов и укрепляя свои позиции как культурной столицы России.

Список литературы:

- 1.Бабанчикова О.А. Новые векторы развития городского туризма в Санкт-Петербурге как фактор стимулирования повторных посещений туристской дестинации // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2024. – №1. – С. 77-87.
- 2.Земцова И. В. Развитие туристских выставок в Азии, Африке и Латинской Америке // Современный туризм и сервис: тренды, потребительский опыт и перспективы развития: сборник статей по материалам I Международной научно-практической конференции (Мелитополь, 10-12 июня 2025 г.) / МелГУ; редкол.: О. И. Топалова, Т. В. Карман, Е. Г. Бортников, Л. И. Ли. – Мелитополь: МелГУ, 2025. – С. 35-39.
- 3.Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга: официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. – URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_tourism/ (дата обращения: 11.06.2025).
- 4.Новости: официальный сайт Конгрессно-выставочного бюро. – URL: <https://spbcbr.ru/news/> (дата обращения: 11.06.2025).
- 5.О нас: официальный сайт Конгрессно-выставочного бюро. – URL: <https://spbcbr.ru/about/> (дата обращения: 11.06.2025).

Су Хуу Тонг (Социалистическая Республика Вьетнам)

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Su Huu Tong

Naval Academy

РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Аннотация: В статье рассматривается историческое развитие культуры и искусства Вьетнама от древнейших времён до современного этапа глобализации и цифровой трансформации. Анализируются ключевые этапы формирования национальной идентичности, особенности традиционной культуры, влияние восточных и западных цивилизаций, а также роль искусства в период революционной борьбы и обновления страны. Особое внимание уделяется процессам модернизации, развитию креативных индустрий и вызовам, связанным с сохранением культурного наследия в условиях международной интеграции. Делается вывод о том, что культура и искусство являются стратегическим ресурсом устойчивого развития Вьетнама и важным фактором укрепления национального самосознания в XXI веке.

Ключевые слова: вьетнамская культура, национальная идентичность, традиционное искусство, культурное наследие, модернизация, глобализация, цифровая трансформация, креативные индустрии, культурная интеграция, устойчивое развитие.

DEVELOPMENT OF VIETNAMESE CULTURE AND ART

Summary: The article examines the historical development of Vietnam's culture and art from ancient times to the modern stage of globalization and digital transformation. The key stages of the formation of national identity, features of traditional culture, the influence of Eastern and Western civilizations, as well as the role of art in the period of revolutionary struggle and renewal of the country are analyzed. Particular attention is paid to the processes of modernization, the development of creative industries and the challenges associated with the preservation of cultural heritage in the context of international integration. It is concluded that culture and art are a strategic resource for the sustainable development of Vietnam and an important factor in strengthening national identity in the 21st century.

Keywords: Vietnamese culture, national identity, traditional art, cultural heritage, modernization, globalization, digital transformation, creative industries, cultural integration, sustainable development.

Культура и искусство являются фундаментальной основой духовной жизни любого общества. Они формируют систему ценностей, мировоззрение,

историческую память и нравственные ориентиры народа. Уровень развития культуры во многом определяет степень зрелости нации, её способность к самоидентификации, внутреннему единству и устойчивому развитию в условиях глобальных изменений.

Для Вьетнама культура — это не просто совокупность традиций, обычаев и художественных форм. Это исторически сложившаяся система духовных и материальных ценностей, которая обеспечила выживание и развитие нации на протяжении тысячелетий. В сложных исторических условиях — от формирования древних государств Ван Ланг и Ау Лак, через более чем тысячелетний период иностранного господства, эпоху независимых феодальных династий, колониальный период, революционные войны XX века и до современного этапа обновления и международной интеграции — именно культура выступала внутренней опорой национального единства [1].

Особенностью вьетнамской культуры является её преемственность и способность к адаптации. С одной стороны, она сохраняет глубокую связь с традиционными ценностями — культом предков, общинным укладом, гармонией человека и природы, нравственными принципами конфуцианства и гуманистическими идеалами буддизма. С другой стороны, вьетнамская культура всегда была открыта к внешним влияниям, перерабатывая и трансформируя их в соответствии с национальной спецификой. Именно эта гибкость позволила сохранить самобытность в условиях интенсивного культурного взаимодействия Востока и Запада [2].

В современную эпоху глобализации и цифровой трансформации роль культуры приобретает новое значение. Развитие информационных технологий, расширение международного культурного обмена и формирование креативной экономики создают как новые возможности, так и серьёзные вызовы для национальной идентичности. Перед Вьетнамом стоит задача не только сохранить культурное наследие, но и интегрировать его в современное мировое культурное пространство, обеспечивая баланс между традицией и инновацией.

Цель данной работы — проанализировать основные этапы развития вьетнамской культуры и искусства, раскрыть их роль в формировании национальной идентичности и определить стратегические направления культурного развития в XXI веке.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- рассмотреть исторические и социокультурные предпосылки формирования вьетнамской культурной идентичности;
- проанализировать развитие литературы, архитектуры, изобразительного и народного искусства в различные исторические периоды;
- исследовать влияние колониального периода и модернизации на культурные процессы;
- оценить роль культуры в период революции и обновления (Đổi Mới);
- определить вызовы и перспективы развития культуры в условиях глобализации и цифровой эпохи.

Таким образом, изучение развития вьетнамской культуры и искусства позволяет глубже понять не только исторический путь страны, но и её современную стратегию развития, в которой культура выступает важнейшим ресурсом национальной конкурентоспособности и устойчивости [1].

В основе формирования вьетнамской культурной идентичности лежат географические и социально-экономические предпосылки.

Вьетнам расположен в Юго-Восточной Азии — регионе пересечения различных цивилизаций. Тропический климат, развитая речная система и рисоводческое земледелие способствовали формированию коллективистской культуры, основанной на взаимопомощи, общинных связях и гармонии с природой.

Традиционная деревня являлась не только местом проживания, но и культурным центром, где сохранялись обычаи, верования, праздники и народное искусство. Именно сельская община стала колыбелью духовной культуры Вьетнама.

Большую роль в этом процессе также играют народные верования и мировоззрение.

Одной из важнейших черт вьетнамской культуры является культ предков. Он выражает нравственный принцип благодарности и преемственности поколений. Также распространены культ местных духов, почитание национальных героев и культ Матери (tín ngưỡng thờ Mẫu).

Вьетнамское мировоззрение отличается синкретизмом и гибкостью. Конфуцианство, буддизм и даосизм органично переплелись с местными верованиями, образовав уникальную духовную систему [3, с.37].

Культура и искусство Вьетнама прошли долгий исторический период.

Культура Донгшон (примерно VII век до н. э. – I век н. э.) стала ярким этапом древней вьетнамской цивилизации. Бронзовые барабаны Донгшон свидетельствуют о высоком уровне художественного и технического мастерства.

Изображения на барабанах отражают сцены повседневной жизни, ритуалов, военных походов и сельскохозяйственных работ, демонстрируя богатую духовную жизнь древних вьетов.

В Средневековой литературе укрепилась гуманистическая традиция. С X по XIX век развивалась литература на китайском (хань) и вьетнамском (ном) письме. Литература этого периода сочетала патриотизм, нравственные идеалы и философскую глубину.

Поэзия и проза выражали идеи независимости, справедливости и гуманизма. Литературное наследие стало фундаментом национального самосознания.

Архитектура и изобразительное искусство эпохи Ли и Чан характеризовалась расцветом буддийской архитектуры — храмов и пагод. Скульптура отличалась утончённостью форм и символизмом.

Позднее, в эпоху Ле и Нгуен, развивалась дворцовая архитектура, отражавшая государственную мощь и эстетические каноны Востока.

Народное искусство нашло свое выражение в народной поэзии, пословицах, сказках и театральных формах. Традиционный театр, народные песни и водный кукольный театр — стали важнейшей частью духовной жизни народа.

Французская колонизация принесла новые образовательные модели, печатное дело и латинизированную письменность (кват-ngu). Это способствовало формированию современной литературы и журналистики.

Появились новые литературные направления — романтизм, критический реализм. Общество переживало культурную трансформацию.

Создание Школы изящных искусств Индокитая положило начало современной живописи и скульптуре. Музыка и театр также испытали влияние европейских форм, что привело к синтезу традиционных и западных элементов.

В XX веке культура стала частью национально-освободительного движения. Литература, музыка и театр служили идеалам независимости и патриотизма.

Произведения этого периода вдохновляли народ на борьбу и укрепляли национальное единство. Искусство выполняло не только эстетическую, но и общественно-политическую функцию.

Большие изменения произошли в культуре в период обновления (с 1986 года).

Политика «Доймой» способствовала расширению свободы творчества. Литература, кино, музыка и современное искусство стали более разнообразными и открытыми к эксперименту.

Культурные индустрии — кино, дизайн, мода, реклама, цифровой контент — становятся важным экономическим сектором. Культура превращается в фактор конкурентоспособности страны.

Глобализация способствует активному культурному обмену, но также создаёт риски утраты национальной идентичности. Массовая культура быстро распространяется через интернет и социальные сети.

Цифровые технологии меняют формы художественного выражения и способы потребления искусства. Возникают новые направления: цифровое искусство, онлайн-кино, виртуальные выставки.

В этих условиях сохранение культурного наследия требует системной государственной политики, участия общества и международного сотрудничества. Традиция должна не консервироваться, а творчески развиваться. Необходимо выделить образование, которое играет ключевую роль в передаче культурных ценностей новым поколениям.

В перспективе вьетнамская культура должна:

- активно интегрироваться в мировое культурное пространство;
- развивать цифровые технологии в сфере искусства;
- укреплять национальную идентичность;
- стимулировать инновации и креативность;
- использовать культуру как стратегический ресурс устойчивого развития.

Развитие вьетнамской культуры и искусства представляет собой сложный, многоплановый и непрерывный исторический процесс, отражающий духовную эволюцию нации на протяжении тысячелетий. От древней цивилизации бронзового века до современного цифрового общества культура Вьетнама демонстрирует поразительную устойчивость, гибкость и способность к обновлению.

Исторический анализ показывает, что культура во Вьетнаме всегда выполняла не только эстетическую функцию, но и стратегическую роль в сохранении национальной идентичности. В периоды внешнего давления и исторических испытаний именно культурные ценности — культ предков, традиции общинной солидарности, нравственные нормы, уважение к образованию и духовности — становились основой внутреннего единства и сопротивления ассимиляции. Культура служила источником силы, формировала национальное самосознание и обеспечивала преемственность поколений [5, с.9].

Особое значение имеет способность вьетнамской культуры к синтезу. На протяжении истории она активно взаимодействовала с различными цивилизациями, заимствуя и трансформируя внешние элементы в соответствии с собственными ценностями. Этот процесс не приводил к утрате самобытности, а, напротив, способствовал её укреплению. Именно в гармоничном сочетании традиции и инновации проявляется уникальность культурного пути Вьетнама.

В XX веке культура стала важнейшим инструментом национально-освободительной борьбы и социального преобразования. Литература, музыка, театр и изобразительное искусство не только отражали исторические события, но и активно формировали общественное сознание, укрепляя идеалы независимости, справедливости и патриотизма. В период обновления (Đổi Mới) культура получила новые возможности для развития, расширился творческий плюрализм, усилилась международная интеграция, началось формирование креативной экономики как нового сектора национального роста.

В условиях XXI века перед вьетнамской культурой стоят новые вызовы. Глобализация, цифровизация, ускорение информационных потоков создают как возможности для международного культурного диалога, так и риски размывания традиционных ценностей. Массовая культура и стандартизация культурных моделей могут ослаблять национальную специфику, если не будет обеспечен баланс между открытостью миру и сохранением идентичности.

В этой связи стратегическая задача государства и общества заключается в формировании современной культурной политики, направленной на:

- сохранение и творческое развитие национального наследия;
- поддержку художественных инноваций и молодых творцов;
- развитие культурных индустрий и цифровых технологий;
- укрепление культурного образования и воспитания;
- активное продвижение вьетнамской культуры на международной арене.

Культура должна рассматриваться не как второстепенная сфера, а как стратегический ресурс устойчивого развития. Инвестиции в культуру — это

инвестиции в человеческий капитал, в социальную стабильность и в долгосрочную конкурентоспособность страны.

Таким образом, развитие вьетнамской культуры и искусства подтверждает, что истинная сила нации заключается не только в экономических показателях или технологических достижениях, но прежде всего в её духовном потенциале. Сохраняя верность традициям и одновременно открываясь инновациям, Вьетнам способен уверенно двигаться вперёд, укрепляя своё место в мировом культурном пространстве.

В заключение можно подчеркнуть, что будущее вьетнамской культуры зависит от гармоничного взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Только при осознании ценности собственного культурного наследия и его творческого переосмысления возможно устойчивое и достойное развитие нации в XXI веке.

Список литературы:

1. Взаимосвязь науки и культуры - URL: <https://tapchigiaoduc.edu.vn> (дата обращения: 18. 02.2026).
2. Мишукова Д.Д. Вьетнам. Культурный код. - URL: <https://www.litres.ru/book/daria-mishukova/vetnam-kulturnyy-kod-70411624/> (дата обращения: 16. 02.2026).
3. Кнорозова, Е. Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев / Е.Ю. Кнорозова; отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН, 2020. — 507 с.
4. Культура и искусство Вьетнама. - URL: https://books.totalarch.com/vietnam_culture_and_art_scientific_articles?ysclid=mm3pji558x210425207 (дата обращения: 16. 02.2026).
5. Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционная вьетнамская литература / Е.Ю. Кнорозова; ред. коллегия: Р.Н. Ненашев, Н.В. Колпакова (отв. ред.), О.В. Холмогорова. – Санкт-Петербург: БАН, 2025. – 431 с.

Сулейманова Гюнель Рукузаевна

студент

Санкт-Петербургский медико-социальный институт

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Кацы Дмитрий Васильевич

Gunel Suleymanova

St. Petersburg medical and social institute

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: КАКОЙ ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ?

Аннотация: автор утверждает, что цифровизация высшего образования это неустоявшийся, двойственный процесс, сопровождающийся как перспективными возможностями, так и серьёзными проблемами. Цифровая среда теоретически расширяет возможности доступа к материалам, а на практике трудности студентов усиливаются. Недостаток навыков самоорганизации, сложности в планировании и соблюдении сроков, взаимодействие с администрацией и подобное создают барьеры для эффективного обучения. Теоретически имеющийся доступ к информации не порождает развитие критического мышления сам по себе. Автор подчёркивает необходимость систематизации взаимоотношений между студентами и преподавателями, регулирования использования цифровых средств и развития компетенций самостоятельного анализа для обеспечения более качественного и лучше сбалансированного образовательного процесса.

Ключевые слова: цифровизация, критическое мышление, контентная слепота, взаимодействие в цифровой среде.

DIGITALIZATION OF EDUCATION: WHAT SHOULD IT BE?

Summary: The author argues that the digitalization of higher education is an unstable, dual process, accompanied by both promising opportunities and serious challenges. While the digital environment theoretically expands access to materials, in practice it exacerbates student difficulties. A lack of self-organization skills, difficulties in planning and meeting deadlines, interactions with administrators, and similar factors create barriers to effective learning. Theoretically, access to information alone does not foster the development of critical thinking.

The author emphasizes the need to systematize relationships between students and faculty, regulate the use of digital tools, and develop self-reflection skills to ensure a higher-quality and balanced educational process.

This article examines the impact of digitalization on student learning in higher education, focusing on analytical skills, critical thinking, and subject-specific professional communication between faculty and students. An analysis of notable trends such as a decrease in information depth, an overreliance on algorithms, and a changing nature of discussions reveals risks to research thinking. The results highlight the need for a balanced use of digital tools alongside ongoing academic interaction

Keywords: digitalization, critical thinking, content blindness, interaction in the digital environment.

Цифровизация высшего образования сегодня – это одно из наиболее актуальных направлений его развития. Наличие электронных образовательных ресурсов, систем искусственного интеллекта, мессенджеров, чатов и других средств коммуникации, хранения и обработки информации в совокупности существенно влияет повседневную учебную практику студентов.

В теории, эта цифровая среда позволяет значительно расширить доступ к учебному материалу, облегчает поиск информации и открывает новые возможности для организации учебного процесса.

На практике, все немного иначе. Активное внедрение цифровых технологий сопровождается ростом интенсивности ряда проблемных моментов, последствия которых не так очевидны, но проявляют себя в учебной деятельности учащихся. Наиболее распространено мнение, что от нарастания интенсивности цифровой среды больше всего сложностей у студентов, обучающихся дистанционно, или заочно, но это не совсем так.

Есть свидетельства, что студенты очной формы обучения как раз чаще испытывают трудности в своей учебной деятельности. Им зачастую не хватает навыков самоорганизации, сложнее выполнять самостоятельную работу, не хватает умения, силы воли, возможностей планировать свои действия по причинам, которые от них не зависят, время и четкого плана обучения, они испытывают трудности с соблюдением сроков. Они чаще сталкиваются с техническими проблемами в обучении и испытывают трудности в коммуникации с администрацией вуза [1].

Одним из ключевых вопросов становится влияние цифровой образовательной среды на характер работы студентов с информацией.

Опять же, в теории, в условиях цифровизации значительная часть информации становится доступной практически мгновенно. Электронные базы данных, поисковые системы и автоматизированные сервисы позволяют получить готовый ответ на поставленный вопрос за короткое время. Но на практике, упрощенный доступ к информации не всегда сопровождается развитием навыков её критической оценки.

Более того, использование информационных и коммуникационных технологий может сказываться на личности обучающегося и негативно. Например, бессистемный, длительный и бесцельный поиск и использование информации, приводит к так называемой «контентной слепоте», то есть, к невозможности осознания индивидом целевого, структурно-содержательного, морально-ценностного компонента информации при её восприятии и использовании [2].

В повседневной учебной практике, конечно же, студентам предпочтительно использовать готовые ответы в качестве основного источника информации при подготовке к занятиям. А процесс анализа источников, поиск аргументов и формулирования собственных выводов может уходить на второй

план. В результате возникает своеобразная зависимость от алгоритмических формулировок, когда студент способен воспроизвести полученный ответ, но ему трудно объяснить его содержание или обосновать собственную позицию в письменном диалоге или на семинаре.

Если подобные явления становятся привычкой, то развитие аналитических навыков может замедлиться, или деградировать. Для тех, кто хотел бы работать в такой отрасли как медицина, это абсолютно недопустимо. Если не каждый студент может сегодня отличиться умением искать нужную информацию, систематизировать ее, формулировать исследовательские вопросы и находить обоснование для ответов, то этому предстоит научиться.

Сегодня, например, популярна точка зрения, что сегодняшние проблемы студентов начинаются в школе. Что в ходе цифровизации общества происходят существенные изменения в познавательной деятельности и когнитивных процессах учащихся [3]. Что у них низкий уровень обобщения и абстрагирования, неумение правильно аргументировать и критически объяснять происходящее [3].

Частично это так, но надо учесть, что это комплексная проблема, она возникла не на пустом месте и сразу ее решить нельзя. Несомненных доказательств, о том, что эффекты вроде снижения внимания при, например, дистанционном обучении, порой не преувеличены [4], пока нет, а без этого любые выводы будут находить своих сторонников и противников, пока конкретные изменения не произойдут в законодательстве. После этого понадобится время на его успешную, или нет реализацию.

Очень важным аспектом является необходимость упорядочить и систематизировать характер взаимодействия между студентами и преподавателями. Цифровизация оказывает дополнительное давление и на тех, и на других. В результате время, которое может быть посвящено содержательному и предметному обсуждению учебных вопросов, нередко отнимает необходимость исполнять дополнительные обязательства, вести неуценную активность и отчетность.

Таким образом, цифровизация образования создала не только новые возможности, но и новые сложности. Современные технологии действительно облегчают доступ к информации и расширяют образовательные ресурсы. Однако их не идеальное и иногда и противоречивое использование пока приводит к противоречивым результатам.

Список литературы:

1. Шляпников В.Н., Шестова М.А. Проблемы в обучении у студентов вуза, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании // сб. статей V международной научно-практической конференции. 14—15 ноября 2024. ФГБОУ ВО МГППУ, 2024 - URL.: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2024/contents/Shlyapnikov_Shestova [дата доступа 07.03.2026]

- 2.Роберт И. В. Развитие информатизации образования на основе цифровых технологий: интеллектуализация процесса обучения, возможные негативные последствия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. №4 (30) - URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-informatizatsii-obrazovaniya-na-osnove-tsifrovyyh-tehnologiy-intellektualizatsiya-protssessa-obucheniya-vozmozhnye> [Дата доступа: 07.03.2026]
- 3.Богомолова Е. С., Лангуев К. А., Котова Н. В., Лангуева Е. В. Влияние цифровой среды на умственную работоспособность и мышление учащихся // Наука и школа. 2022. №1. - URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-sredy-na-umstvennuyu-rabotosposobnost-i-myshlenie-uchaschihsya> (дата обращения: 07.03.2026).
- 4.Безотечество В. А. Сравнительный анализ традиционного обучения и дистанционных платформ // Молодой ученый. № 12 (511) 2024 - URL.: <https://moluch.ru/archive/511/112140> [Дата доступа: 07.02.26]

Сурова Ксения Денисовна

1 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Kseniya Surova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЦИФРОВАЯ ЭТИКА: ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: В статье рассматривается трансформация классических этических категорий под влиянием развития искусственного интеллекта. Анализируются ключевые проблемы: алгоритмическая предвзятость как форма институциональной дискриминации, кризис авторства и интеллектуальной собственности в эпоху генеративных нейросетей, "черный ящик" алгоритмов, подрывающий прозрачность принятия решений, а также фундаментальная угроза дегуманизации. Особое внимание уделяется вопросу о том, может ли машина обладать моральным статусом, и кто несет ответственность за действия автономных систем.

Ключевые слова: этика, искусственный интеллект, алгоритмы, «проблема черного ящика», интеллектуальная собственность, дегуманизация.

DIGITAL ETHICS: ARTIFICIAL INTELLIGENCE CHALLENGES

Summary: The article examines the transformation of classical ethical categories under the influence of artificial intelligence. Key problems are analyzed: algorithmic bias as a form of institutional discrimination, the crisis of authorship and intellectual property in the era of neural networks, a "black box" of algorithms, undermining transparency in decision-making and posing a fundamental threat of dehumanization. Particular attention is paid to the question of whether a machine can possess moral status and who is responsible for autonomous systems' actions.

Keywords: ethics, artificial intelligence, algorithms, "black box problem," intellectual property, dehumanization.

Еще несколько десятилетий назад мир человека в весьма упрощенном виде можно было представить тремя взаимосвязанными элементами: природой, человеком и обществом. Однако в эту систему властно вошел четвертый потенциально неуправляемый элемент – основанная на науке техника, которая сегодня обретает черты самостоятельного агента. Искусственный интеллект (ИИ) – это не просто новый станок или программа, это технология, претендующая на имитацию мыслительных процессов.

Юваль Ной Харари, размышляя о технологических вызовах XXI века, предупреждает: совершенствующаяся техника несет в себе величайшую опасность, поскольку она не просто влияет на наше восприятие мира, но изменяет саму сущность человеческого существования [4, с. 87–89]. Цифровая

этика – это попытка осмыслить эту новую реальность и ответить на вопрос: как сохранить человеческое в мире, где решения все чаще принимаются алгоритмами?

Первый и, пожалуй, самый фундаментальный вызов цифровой этики связан с проблемой непрозрачности или «эффектом черного ящика». Современные нейросети, особенно модели глубокого обучения, настолько сложны, что даже их создатели зачастую не могут объяснить, почему было принято то или иное решение. Алгоритмы, анализирующие, например, кредитные истории или соискателей на работу, работают по принципу «магии» – пользователь знает, что входит (данные) и что выходит (решение), но сам процесс остается скрытым [3, с.156–160]. С точки зрения этики, это неприемлемо, – ведь уважение к человеку требует прозрачности решений, влияющих на его судьбу.

Непрозрачные модели могут выучить неочевидные для человека корреляции и затем выдавать непредсказуемые ошибки, дискриминационные убеждения или даже опасные для жизни решения. Именно поэтому первый глобальный документ ЮНЕСКО по этике ИИ в качестве ключевого принципа закрепляет требование прозрачности и объяснимости алгоритмических систем [5, раздел 3.2, п. 37-41].

Распространенный миф гласит: «Машина объективна, у нее нет эмоций и предрассудков». Это опасное заблуждение: ИИ обучается на данных, созданных людьми, и, следовательно, неизбежно впитывает в себя все исторические и социальные предубеждения, стереотипы и предвзятости, существующие в обществе. Такое понятие как «алгоритмическая предвзятость» означает систематические ошибки в работе ИИ-систем, которые приводят к несправедливым результатам и дискриминации определенных групп пользователей.

Приложения ИИ, хотя и кажутся автоматизированными, по своему происхождению являются человеческими. Они подстраиваются под мнения пользователей, что, несомненно, влияет на результаты, а потому не могут быть объективными. Приложения зависят от программирования, структурирования данных и разработки алгоритмов, а значит, подвержены стереотипам и могут служить политическим и идеологическим целям под видом объективности [1, с. 138–140]. На практике это проявляется по-разному. Гендерные и расовые искажения в системах распознавания и рекомендательных алгоритмах – это не просто технические сбои, а глубокие этические проблемы нашего общества. Философский вопрос здесь заключается не просто в "отладке" алгоритмов, а в том, чьи именно ценности и нормы мы в них закладываем.

Из проблемы «черного ящика» вытекает юридический вопрос, ведь кто-то должен нести ответственность за действия, сделанные по совету нейросети. В праве и этике субъектом может быть лицо, обладающее свободой воли и способное нести ответственность. Стоит ли винить разработчика, если он лишь создает систему, которая научилась сама принимать решения, или пользователя, который доверился искусственному интеллекту? Известно одно –

искусственный интеллект нельзя считать субъектом, способным нести ответственность, он все еще является инструментом, не обладающим интернациональностью, сознанием или желаниями. [6, с. 136–138].

Однако сложность заключается в том, что в создании и эксплуатации системы ИИ участвуют тысячи людей. За ошибки или неправильные советы нейросетей невозможно привлечь к ответственности кого-то одного. Получается, что ответственность "размазывается", и в итоге никто не отвечает ни за что.

Генеративный ИИ взорвал рынок творчества, он содержит возможности, имитирующие отдельные стороны процесса творческой деятельности человека. Но в действительности оригинальная идея принадлежит человеку, ведь он дает описание и задает вопросы. Но и в самой нейросети заложены творческие способности, которые, в свою очередь, были заложены программистом. Возникают вопросы о том, кому принадлежит авторство на продукты, созданные с помощью нейросети: пользователю, который закладывает в промт свою фантазию, разработчикам или же такой продукт вообще не может иметь авторства? С этической точки зрения мы стоим перед необходимостью пересмотра самого понятия "творчество". Если творчество – это исключительная прерогатива человека, выражение его субъективного мира, то продукт ИИ – это лишь сложная компиляция.

Пожалуй, самый глубокий философский вызов, который поднимает цифровая этика, – это угроза дегуманизации. Можно выделить два вида дегуманизации:

1. Прямая дегуманизация (объективация): когда алгоритм принимает решение о человеке, превращая его из субъекта в объект управления.

2. Обратная дегуманизация (саморасчеловечивание): человек добровольно делегирует машине те функции, которые составляют суть его человечности.

Но правда ли человек сам добровольно возлагает свои обязанности на ИИ, делая выбор в пользу комфорта и эффективности, или он находится под влиянием алгоритмов, сам того не осознавая, – вопрос, на который нельзя дать однозначный ответ. Несмотря на все удобства и упрощения возникает риск превращения людей в "удобных пользователей", которых цифровая среда формирует под свои задачи, а не наоборот [4, с. 345–347]. Существует реальная угроза не просто замены человека технологией в рамках профессии или быта, но и минимизации человеческого разума, атрофии навыков и критического мышления, разрушения автономии человека и свободы воли.

Итак, вызовы, которые ИИ бросает цифровой этике, многообразны. Что может быть ответом? Лучано Флориди настаивает, что одних технических решений недостаточно – необходимо формирование новой этической парадигмы [6, с. 217–220]. Цифровая этика сегодня – это не просто свод правил для программистов или список запретов в корпоративных кодексах. Это, по сути, рефлексия человечества о самом себе в момент его технологической

трансформации. Мы стоим перед зеркалом, где наши ценности, страхи и надежды отражаются в кремнии и коде.

Проанализировав ключевые вызовы – от алгоритмической дискриминации до размывания границ приватности, – я пришла к выводу, что главная задача цифровой этики заключается не в том, чтобы «научить машины морали», а в том, чтобы сохранить человеческое измерение в мире, который становится всё более цифровым. Ответственность за будущее лежит не на нейросетях, а на нас. И вопрос «Что такое хорошо и что такое плохо?» в цифровую эпоху требует такого же вдумчивого и человеческого ответа, как и тысячелетия назад. Цифровая этика призвана стать тем мостом, который соединит стремительный прогресс технологий с неизменными ценностями человечества, гарантируя, что будущее будет не только развитым, но и справедливым.

Список литературы:

1. Лекторский, В. А, Дубровский, Д. И., Алексеев А. Ю. (Ред.). Философия искусственного интеллекта. – М.: Иинтелл, 2017. – 340 с.
2. О'Нил, К. Оружие математического поражения: как технология BigData увеличивает неравенство и угрожает демократии. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
3. Рассел, С. Совместимость с человеком: Искусственный интеллект и проблема контроля. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 432 с.
4. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М.: Синдбад, 2020. – 467 с.
5. ЮНЕСКО. Рекомендация по этике искусственного интеллекта. – Принята 23 ноября 2021 года. — URL: https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?v=2.1.196&id=p::usmarcdef_0000381137&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_75c9fb6b-92a6-4982-b772-79f540c9fc39%3F_%3D381137eng.pdf&locale=ru&multi=true&ark=/ark:/48223/pf0000381137/PDF/381137eng.pdf#1517_21_EN_SHS_int.indd%3A.8926%3A6 (дата обращения: 28.02.2026).
6. Floridi, L. The 4th revolution: how the infosphere reshaping human reality. – Oxford University Press, 2014, 248 p.

Сутурин Лев Алексеевич

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Lev Suturin

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РАЗВИТИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ ШКОЛЬНОЙ МУЗЕЙНОЙ И АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГОДОВ

Аннотация: Статья посвящена развитию и трансформации школьных музеев и архивов в нашей стране. Актуальность исследования обусловлена значимостью этого вида деятельности, созданного на базе общеобразовательных школ, с привлечением педагогов и молодёжи. На основе искусствоведческого и сравнительно-исторического анализа рассматриваются исторические этапы создания школьных музеев, их специфика и деятельность. На примере показано, как функционирует школьный музей, какие новаторские методы и приёмы работы используются в его работе и в каких мероприятиях, праздниках и акциях участвуют школьники. Цель работы заключается в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне, достоверных фактах о героях, их подвигах и боевом пути. В результате показано, что создание и сохранение школьных музеев играет большую роль в образовании и воспитании молодёжи.

Ключевые слова: школьный музей, архив, экскурсовод, экспозиция, герои Великой Отечественной войны, мемориал, экспонат, акция, новые технологии, историческая память, достоверные факты.

THE DEVELOPMENT AND IMPORTANCE OF SCHOOL MUSEUM AND ARCHIVAL ACTIVITIES FOR PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Summary: The article is devoted to the development and transformation of school museums and archives in our country. The relevance of the study is due to the importance of this type of activity, created on the basis of secondary schools, involving teachers and young people. Based on an art historical analysis, the historical stages of the creation of school museums, their specifics and activities are considered. The example shows how the school museum operates, what innovative methods and techniques are used in its work, and what events, celebrations, and promotions schoolchildren participate in. The purpose of the work is to preserve the historical memory of the Great Patriotic War, reliable facts about the heroes, their exploits and military path. As a result, it is shown that the creation and preservation of school museums plays an important role in the education and upbringing of young people.

Keywords: school museum, archive, guide, exposition, heroes of the Great Patriotic War, memorial, exhibit, action, new technologies, historical memory, reliable facts.

Память о подвигах героев Великой Отечественной войны сопровождает уже ни одно поколение россиян на протяжении десятилетий. Эта память запечатлена и сохранена в мемориальных комплексах и памятниках, в государственных и частных музеях, кроме вышесказанного и в школьных музеях. Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2025 года №28 в целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников СВО, 2025 год был объявлен Годом защитника Отечества и Годом Великой Победы [1]. С целью предотвращения искажения исторических фактов и событий, в настоящее время возникает острая необходимость в заинтересованности и активного привлечения молодого поколения к работе в школьных музеях и архивах. История развития школьных музеев неразрывно связана с историей нашей страны.

Термины «музей» и «архив» стали использоваться, как места для сохранения, изучения и экспонирования предметов, памятников культуры и истории ещё с начала 18 века. Вобрав в себя исходное начало музеев различных профилей, школьные музеи появились в России со второй половины 18 века, имея свои особенности, закономерности и этапы развития. Исторически сложилось так, что школьные музеи стали первым общедоступным местом при библиотеках, где, кроме книг, посетители могли рассмотреть разнообразные частные коллекции.

В 50-60-е годы прошлого века уже формируется целая сеть школьных музеев, которые отличаются широтой тематики и направлениями работы, например, художественный, естественнонаучный, литературный и народного творчества, но тема сохранения материалов о Великой Отечественной войне занимает среди них особое место. Несмотря на разнообразие и многочисленность направлений, во всех школьных музеях, со времён их создания, всегда уделялось пристальное внимание, и формировались отдельные экспозиции, посвящённые этому сложнейшему периоду жизни нашей страны. [2]

Во второй половине 20 века, наблюдается тенденция к созданию школьных музеев и архивов военно-патриотической направленности. Поскольку количество исторических документов, подлинных материалов и экспонатов было в достаточном количестве, то создание подобных школьных музеев не вызывало трудностей и из года в год их количество стремительно возрастало. Это повлияло на тематику школьных музеев по всей стране, во многих школах были открыты музеи, посвящённые героям и их подвигам в годы Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В ходе преобразований и развития, школьные музеи постепенно приобретали вид, приближённый к государственным требованиям. Музеем, как правило, присваивалось имя

конкретного героя, изучалась его биография, непременно боевой путь. Кроме этого, основная экспозиция посвящалась тому роду войск, в котором прославился этот герой.

Важным аспектом стало то, что школьные музеи и архивы были непосредственно включены в учебный процесс, как наглядные пособия и методы знакомства молодёжи с реальностью окружающей действительности и напоминаниях о событиях военного времени. Непосредственно, к середине восьмидесятых годов прошлого века, в России сформировалась достаточно обширная сеть школьных музеев, их насчитывалось более 4,5 тысяч.

В силу исторических обстоятельств, музеи переживали известный кризис в девяностые годы. Они массово приходили в упадок, закрывались и исчезали, несмотря на их значимость, актуальность и количества ценных экспонатов в них. Этот период истории школьных музеев и архивов считается самым сложным.

В настоящее время, в условиях современной внутренней и внешнеполитической обстановки, огромное значение приобретает привлечение детей младшего школьного возраста, подростков и молодёжи к участию в работе школьных музеев. Наряду с образовательным процессом происходит патриотическое воспитание по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Сохранение и совершенствование школьных музеев, как платформы для патриотического воспитания молодёжи, обладают некоторыми важными преимуществами:

- близость и доступность к детям и молодёжи;
- площадка для подготовки будущих экскурсоводов и архивистов;
- место и материалы для проведения уроков и интерактивной деятельности школьников;
- площадка для подготовки проектной и исследовательской деятельности;
- место для развития культурной и творческой деятельности

Таким образом, преобразование и развитие школьных музеев в нашей стране прошло долгий путь, стоит отметить, что этот процесс продолжается до сих пор. Музеи развиваются и модернизируются, включая в свою привычную деятельность новые технологии и методы работы. Компьютеры, интерактивные доски, сканеры, витрины, системы навигаций и аудиосистемы стремительно входят в жизнь музеев, и делают работу экскурсоводов яркой и привлекательной. Неизменным остаётся отношение и желание неравнодушных педагогов и руководителей этих организаций сохранить для молодёжи её историческое наследие, экспонаты, подлинные материалы и достоверные сведения о подвиге народа и героическом прошлом страны. Следует отметить, что деятельность школьных музеев невозможна без руководителей, активных школьников и молодёжи, которые постоянно участвуют в жизни музея, принимая участие в патриотических акциях, волонтерских, образовательных мероприятиях и конкурсах и проектах.

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге осуществляют свою деятельность 254 музея военно-исторической и гражданско-патриотической

направленности. Эти музеи сохраняют для будущих поколений память о героях Великой Отечественной войны, их подвигах и отваге, некоторые из них охватывают историю защиты блокадного Ленинграда. Музеи берут на себя функцию патриотически-воспитательного характера при работе с детьми младшего школьного возраста, подростков и молодёжью. В перспективный план каждого школьного музея непременно входят организационные мероприятия, связанные с участием или посещением как общеизвестных памятников Великой Отечественной войны (Ансамбль «Дорога жизни», Ораниенбаумский плацдарм, Пискаревский мемориальный комплекс и т.д.), так и тематически связанных с направлением работы этого музея. [3] Например, школьный музей боевой славы подводных лодок типа «Щ» имени Героя Советского Союза Е.Я.Осипова, «Подводники Балтики», расположен в школе №489 Московского района Санкт-Петербурга. Его торжественное открытие состоялось в канун сорокалетия победы советского народа над фашистской Германией, в мае 1985 года. С этого года в школе работает Совет музея, в состав которого входят учащиеся 7-11 классов. Они становились неоднократными победителями городских игр ГДТЮ и были награждены поездками по городам-героям, экскурсией на Северный флот, а также принимали участие в слёте советов школьных музеев городов-героев в Москве. Музею есть чем гордиться, его основной фонд составляет 103 экспоната и 229 вспомогательных, это: торпеды, мина, приёмно-определяющее устройство и многое другое. Кроме экскурсий и занятий, на платформе этого музея для молодежи проводятся викторины и конкурсы, конференции и подводно-поисковые экспедиции. Члены музейного совета активно участвуют в слётах, акциях и ведут поисковые работы по поиску родственников героев-подводников. Традиции музея интересны и разнообразны. Школьники принимают участие, посещая:

- Праздник, посвящённый Дню Подводных сил России;
- Уроки мужества, которые предполагают встречи с ветеранами;
- Митинг и возложение цветов на Новодевичьем кладбище (к могилам выдающихся моряков) и Смоленском кладбище (к могилам экипажа «Щ-323») в День Подводных Сил России;
- Митинг и возложение цветов на площади Победы 8 сентября и 27 января;
- Почётный караул на площади Победы 18 и 27 января;
- Экскурсии в Кронштадт на базу подводных лодок;
- Встречи с моряками подводных лодок и надводного корабля «Смольный»;
- Участие в районных и городских акциях «Мы с тобой, солдат», «Холоду войны – тепло души», «Никто не забыт», «Открытка на парадной», «Посылка солдату – земляку», «Сохраняя память», «У нашей славы в вечном карауле». [4]

У молодого поколения возникает стойкая необходимость участвовать в патриотических акциях, освещать своё участие в социальных сетях, привлекать в эту деятельность одноклассников и друзей, тем самым расширяя круг людей, интересующихся историей нашей страны и её героическим прошлым. У участников музейной группы и молодых экскурсоводов-исследователей

появляется возможность выбрать свой профессиональный путь в этом направлении.

Таким образом, привлечение детей и молодёжи к работе в школьных музеях объединяет два аспекта – это, непосредственно, образование и культура. У подрастающего поколения формируются чёткие и грамотные понятия об исторических событиях в период с 1941 по 1945 годы, они учатся рассуждать и доказывать, опираясь на исторические документы и факты. Эта форма деятельности даёт возможность глубоко прочувствовать такие понятия, как героизм, патриотизм, толерантность и милосердие. Эта новая и необычная по своей структуре форма участия молодого поколения в жизни школьного музея, формирует у них правильную гражданскую позицию, устойчивые установки на образование и сохранение культурного наследия.

В заключении, принимая во внимание, тот факт, что школьные музеи переживают очередной новый этап в своём развитии, следует отметить, что они становятся не только местом хранения предметов прошлого и считывания достоверной информации, но и местом интеграции музейного движения в образовательный процесс. Они способствуют повышению качества образования, совершенствованию коммуникативного развития, исторической и патриотической грамотности в воспитательном процессе молодого поколения.

Список литературы:

1. 2025 – Год защитника Отечества и 80-летия Великой Победы. – Текст: электронный // 2025 – МБОУ «Вышинская ОШ»: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://shkolavyshinskaya-r13.gosweb.gosuslugi.ru/glavnoe/2025-god-zaschitnika-otechestva-i-80-letiya-velikoy-pobedy/?category=16> (дата обращения 13.02.2026).
2. Леонов Е.Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы официальный сайт. – 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-aspekt-poyavleniya-i-razvitiya-shkolnyh-muzeev-v-rossii-periodizatsiya-problemy-osobennosti-raboty/viewer> (дата обращения 16.02.2026)
3. Подвиг народа: Памятники Великой Отеч. Войны, 1941-1945 гг./ Сост. и общ. ред. В.А. Голикова. – М.: Политиздат, 1980. – С. 110-120. (дата обращения 17.02.2026)
4. Официальный сайт школьного музея ГБОУ №489 города Санкт-Петербурга Московского района – 2025. - URL: <http://school489spb.ru/школьный-музей/> (дата обращения 18.02.2026)

Сухова Ксения Сергеевна

1 ТД-16с

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Ksenia Sukhova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СРАВНЕНИЕ ЗАГРОБНОГО МИРА В МИФОЛОГИЯХ МИРА: ГРЕЧЕСКОЙ, СЛАВЯНСКОЙ, КАРЕЛО-ФИНСКОЙ, КИТАЙСКОЙ И МАЙЯ

Аннотация: В статье представлен анализ представлений о загробном мире в пяти мифологиях: греческой, славянской, карело-финской, китайской и майя. Рассматриваются такие аспекты, как топография мира мертвых, способы проникновения в него живых существ, процедура перехода душ и критерии их посмертного распределения. Делается вывод о наличии географических сходств в восприятии смерти (связь с водной стихией, роль погребального обряда), несмотря на отсутствие культурных контактов между указанными народами.

Ключевые слова: сравнительная мифология, загробный мир, Аид, Навь, Диюй, Шибальба, Туонела, танатология, погребальный культ.

COMPARISON OF THE AFTERLIFE IN THE WORLD'S MYTHOLOGIES: GREEK, SLAVIC, KARELIAN-FINNISH, CHINESE, AND MAYAN

Summary: The article presents an analysis of the ideas about the afterlife in five mythologies: Greek, Slavic, Karelian-Finnish, Chinese and Maya. Aspects such as the topography of the world of the dead, the ways of living beings' penetration into it, the procedure of the souls' transition and the criteria of their posthumous distribution are considered. It is concluded that there are typological similarities in the perception of death (connection with the water element, the role of the funeral rite), despite the absence of cultural contacts between the specified peoples.

Keywords: comparative mythology, the afterlife, Hades, Nav, Diyu, Xibalba, Tuonela, thanatology, and funeral cult.

Человеку всегда было свойственно верить в существование иных миров. Задолго до появления науки архаическое сознание чувствовало: реальность шире того, что мы видим. За повседневностью, за границами привычного пространства скрываются иные измерения, иные слои бытия. Мифология — это первая попытка человека нанести эти незримые территории на карту.

Смерть в таком контексте предстает не как конец, а как порог, дверь из одного мира в другой [4, с. 119]. Вопрос не в том, есть ли жизнь после смерти, а в том, как устроен тот мир, куда мы попадаем. Каждая культура создавала свой образ загробья, проецируя на него собственные страхи, надежды и представления о справедливости [3].

В массовом сознании закрепились преимущественно образы греческой и скандинавской мифологии: река Стикс, царство Аида, подвиги Орфея или Цербер. Однако существует обширный пласт представлений иных культур, не менее глубоких и самобытных. Цель данной работы — проанализировать и сопоставить ключевые характеристики загробных миров в славянской, карело-финской, китайской мифологиях и мифологии майя. Мы намеренно откажемся от детального анализа богов и чудовищ, сосредоточившись на структуре и законах самих загробных миров как самостоятельных вселенных. Начнем с царства Аида, как наиболее знакомого европейскому читателю.

Вход в мир мертвых для живого существа, сохраняющего телесную оболочку, в греческой мифологии располагался на крайнем западе или юге, в частности, в пещере Тенара. Путь к Аиду лежал через реки, омывающие подземное царство (Стикс, Ахерон), где умершего или живого героя ожидал перевозчик Харон [4, с. 122]. Переправа была невозможна без соблюдения обряда (плата — монета под языком) и без преодоления стража — трехглавого пса Цербера. Наиболее полное описание этого маршрута содержится в мифе об Орфее и Эвридике [11], хотя известны и иные случаи проникновения живых туда (Геракл, Тесей) [1]. Стикс и Ахерон — это не просто географические объекты, а символ необратимости. Первозчик Харон — фигура пограничья, функционер перехода. Монета под языком умершего — не простая дань традиции, а знак того, что даже в смерти человек сохраняет связь с миром живых через ритуал.

Посмертная участь в Аиде строго обозначена. Асфodelев луг — удел большинства, серая область «пустой» жизни, где души ведут призрачное существование. Это напоминание: просто жить недостаточно. Особо отличившиеся герои и праведники удостоивались пребывания в Элизии (Елисейских полях) [12]. Напротив, тяжчайшие преступники, оскорбившие богов (Сизиф, Тантал), подвергались вечным мукам в Тартаре [15]. Власть в царстве была разделена между Аидом и его супругой Персефой, чей шестимесячный цикл пребывания на Олимпе мифологически объяснял смену времен года. Смерть здесь не уравнивает, а выносит окончательный приговор земной судьбе.

В славянской мифологии загробный мир (Навь, Тот Свет) осмыслялся как иная вселенная, в коей все действовало по собственным законам. Доступ живым в Навь открывался через сакральные или пограничные места: реку Смородину, избушку на курьих ножках (жилище Бабы-Яги) или перекрестки дорог [8]. Баба-Яга, чья костяная нога маркирует её принадлежность двум мирам, выступала не столько антагонистом, сколько проводником-испытателем для проходящих инициацию.

Пребывание в лесу (символическая смерть) являлось обязательным этапом обряда взросления, после которого молодые люди получали право на брак [14, с. 236-241].

Характерной чертой славянского мировоззрения является отсутствие разделения потустороннего мира на рай и ад. Посмертная участь человека

определялась не моральным обликом, а характером смерти и соблюдением погребального обряда. Умершие «правильной» (своей) смертью и захороненные по обычаю становились покровителями рода (чурами, дедами). «Нечистые» покойники (самоубийцы, умершие неестественной смертью, некрещенные) превращались в опасных для живых существ — русалок, мавок, упырей [4, с. 120]. Смерть без ритуала — это выпадение из бытия. Властителем Нави считался Чернобог, а также его сыновья, среди которых Кощей (вероятно, ипостась или младший сын) играл ведущую роль [10]. В социальном плане маргинальное положение занимали не прошедшие социализацию через брак и деторождение — старики, дети, молодежь, что отражало архаичные демографические реалии и приравнивало их к «полу-мертвым» [14, с. 72-73]. Навь — царство предков, и отношение к ней двойственно: это и источник мудрости, и источник опасности.

Китайский загробный мир, известный как Диюй, представляет собой сложную, бюрократизированную систему, доступную для посещения лишь узкому кругу даосских монахов и шаманов. Для обычного человека путь туда был однонаправленным и начинался после физической смерти. Китайский загробный мир представляет собой наиболее рационалистическую модель. Это суд, тюрьма и чистилище одновременно, организованное по образцу императорского двора.

Структура Диюя вариативна: в разных источниках упоминается от трех до восемнадцати уровней (судилищ), каждый из которых предназначен для определенной категории грешников. Путь к Желтому источнику ведет через горы Тайшань, где заседает верховный судья Яньло-ван. Он не просто каратель, а беспристрастный чиновник, ведущий учет земных деяний. Осужденные направлялись в столицу Диюя — Юду, а оттуда распределялись по залам наказаний. Важной особенностью китайской модели является цикличность: наказание в Диюе не вечно. Отбыв срок, душа перерождается согласно закону кармы (сансара), что принципиально отличает эту традицию от рассмотренных ранее (за исключением философских школ античности) [2]. Диюй — универсальное чистилище, место переработки кармы. Отсутствие рая подчеркивает, что цель не в вечном блаженстве, а в освобождении от цепи рождений, что, однако, остается уделом философских школ, а не народной религии.

Религиозные представления майя, лежащие в основе современного Дня мертвых, отличаются детальной проработкой пути души. Загробный мир, именуемый Шибальба («Место страха»), находился на западе — стороне умирающего солнца. Доступ в него осуществлялся через пещеры, стоячие воды (Тлалтипак) или Млечный путь. Попадание в Шибальбу было неизбежным для всех, кроме особых категорий умерших (погибшие насильственной смертью, женщины при родах, самоубийцы). Остальных ожидала череда суровых испытаний, целью которых было окончательное отделение души от тела. Это пространство чистого ужаса, где каждый этап — физическое и психологическое мучение, девятиуровневый лабиринт, состоящий из «домов испытаний»:

Холода, Ягуара, Летучей мыши, Обсидиановых ножей, Пламени и Темноты. Возможно существование и иных испытательных домов, о которых не сохранилось сведений. Согласно эпосу «Пополь-Вух», герои-близнецы Хунахпу и Шбаланке проходят эти испытания и переигрывают Владык смерти. Это важный мотив: смерть можно обмануть хитростью и смелостью. Однако для простых смертных путь предопределен. Шибальба неизбежна, но ее архитектура, отраженная в ступенчатых пирамидах, говорит о том, что человек должен готовиться к жизни после смерти как к последнему, самому трудному путешествию. Смерть здесь — не покой, а череда активных страданий, необходимых для окончательного отделения духа от материи [17].

В карело-финской мифологии мир мёртвых носит название Туонела (или Манала). Он расположен под землёй, на северной окраине мира, в стране Похьёла — суровой и мрачной земле, ассоциируемой с севером.

Границей между миром живых и Туонелой служит река Туонела (также известная как Чёрная река или река Мечей). Её воды описываются как тёмные и бурные, а поток состоит из копий и мечей; река протекает в глубоком ущелье. Переправа через неё возможна по тонкому, словно нить, мосту либо на лодке, которой управляет дочь Туони — одного из божеств, связанных с загробным миром [8, с. 97-98].

Проникновение живых в Туонелу было связано с деятельностью шаманов (нойд), которые могли совершать такие путешествия в состоянии транса. Чтобы обмануть стражей загробного мира, нойда имитировал смерть: замедлял дыхание и клал в рот монету как плату за переправу. Если дух-страж распознавал обман, шаман мог бросить в воду железный гвоздь — считалось, что обитатели Туонелы боятся железа [13].

Важнейший элемент финской модели — необходимость оплакивания. Для умерших важным элементом перехода в загробный мир было оплакивание со стороны живых родственников. Специальные причитания извещали ранее умерших родичей о прибытии новоумершего и помогали душе перейти в Туонелу. Голос причитывающей был единственным, который покойники могли слышать. Если душа не получала должного оплакивания, она могла застрять между мирами и скитаться в мире живых. Это дает нам понять, насколько для этих народов важны эмоции живых по отношению к мертвым. Существование души в загробье напрямую зависит от памяти и скорби рода.

В источниках так же упоминается страж Туонелы с железными зубами и тремя псами, встречающий умерших на другом берегу реки [7].

Туонела, подобно славянской Нави, представляет собой нейтральное царство — в нём нет разделения на грешников и праведников. Это место, где хранятся знания и мудрость предков. Шаманы и герои эпоса (например, Вяйнямёйнен или Лемминкяйнен) могли отправляться в Туонелу в поисках магических слов, инструментов или тайных знаний [16]. Шаман (нойда) спускается туда не за спасением, а за мудростью предков. Смерть здесь предстает как архив бытия, хранилище сакрального.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд существенных схождений в столь удаленных друг от друга культурах. Наиболее устойчивым является мотив водной преграды: река Смородина, Стикс, подземные воды Тлалтипака, река Туонелы — вода повсеместно выступает как лиминальная стихия, отделяющая мир живых от мира мертвых и являющейся их неотъемлемой частью [5]. Будучи текучей и аморфной субстанцией, она символизирует не только необратимость перехода, но и первородный хаос, из которого все возникло и в который все возвращается.

Вторым важным наблюдением выступает корреляция благополучия души с качеством исполнения погребального обряда. Особенно ярко это выражено в славянской и карело-финской традициях, где отсутствие оплакивания или неправильное захоронение ведет к превращению покойного в опасную неуспокоенную сущность. Это указывает на глубинное понимание смерти не как мгновенного события, а как растянутого во времени перехода, успешность которого зависит от живых.

Здесь же стоит подметить и пространственную логику мифа: расположение загробного мира и окружающий ландшафт тесно взаимосвязаны. Вход в иной мир почти всегда обозначали там, где находилось опасно для обычного человека: на дальнем севере, в непроходимых горах, в глубине темного леса. Тем самым мифологическое сознание решало практическую и одновременно сакральную задачу: помечая опасные территории как пограничные, люди получали карту запретного, куда без крайней нужды лучше не ходить.

В плане этического дуализма рассмотренные системы демонстрируют показательную вариативность. Греческая мифология создает четкие зоны Элизиума и Тартара, закрепляя за смертью функцию высшего суда. Славянская и карело-финская традиции, напротив, не имеют столь строгой моральной структуры, акцентируя внимание на ритуальной чистоте и правильности смерти, а не на этике жизни. Китайский Диюй и Шибальба майя предполагают всеобщность страданий или наказаний, однако в китайской модели этот процесс носит временный и циклический характер, будучи встроенным в колесо сансары, тогда как у майя страдания являются неизбежным, но преодолимым этапом пути.

Примечательна также роль собак как стражей границы (Цербер, стражи Туонелы). Этот образ может указывать на древние общеиндоевропейские или даже универсальные психологические архетипы, связанные с собакой как проводником между мирами и стражем, способным чувствовать незримое и различать своего и чужого на пороге.

Особого внимания заслуживает и структурная организация мироздания. Как отмечалось в начале, в большинстве мифологий прослеживается разделение мира на три части: мир богов (верхний), мир людей (срединный) и мир мертвых (нижний). Троичность пронизывает архаическое мышление. В частности, можно заметить, что у древних народов прослеживается особая приверженность цифре 3 и кратным ей числам, что проистекает, вероятно, из

этой базовой трехчастной модели космоса. Трикветр — знак, часто встречающийся у славян, кельтов и скандинавов, — служил не просто орнаментом, а сакральным символом единства трех миров, их взаимопроникновения и целостности бытия.

Таким образом, несмотря на географическую и хронологическую разобщенность народов, в их представлениях о смерти обнаруживается ряд глубоких сходств, отражающих не только культурные заимствования или миграции, но и универсальные структуры коллективного бессознательного. Человечество повсюду мыслило смерть через одни и те же категории: границу и переход, ландшафт и ритуал, число и иерархию. И в этом смысле изучение загробных миров есть не что иное, как изучение нас самих — наших страхов, надежд и вечного нежелания принять небытие как окончательный ответ [9, с. 15-18].

Список литературы:

1. 12 подвигов Геракла – Москва: АСТ, 2022 – 118 с.
2. Ады (кит. диюй, 地獄, дословно «подземные узилища»)… –URL: https://kartaslov.ru/книги/Е_А_Завидовская_Духи_и_божества_китайской_преисподней/3 (дата обращения: 27.02.2026).
3. Белякова, О. Б. Философское содержание учений о загробной жизни в древних и современных культурах // Вестник Тамбовского университета, №2(22), 2001 – С. 130.
4. Ватолина, Ю. В. Смерть как путь и преображение: сценарий мифа // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра, посвящается развитию российской науки, материалы VIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 11 декабря 2025 года – Т. 1.– СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2025. - С. 118-123.
5. Голова, С. Г. Логос живой и мертвой воды. –URL: <https://proza.ru/2021/08/10/1420> (дата обращения: 27.02.2026).
6. Карело-финские мифы от «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023 – 239 с.
7. Карельские плачи-причитания: Древнее искусство горя, которое лечит душу. – URL: <https://radiotochki.net/blog/russia/karelskie-plachi-prichitaniya-drevnee-iskusstvo-gorya-kotoroe-lechit-dushu.html> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Куда уходят души предков: мир Нави у славян. Статья Северной сказки. – URL: <https://northernfable.ru/article/mir-navi-u-slavyan/> (дата обращения: 27.02.2026).
9. Ламанова, Е. А. Страх как философская проблема // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра, 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е. Р. Дашковой: матер. VI междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. – Т. 3. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – С. 15-18.

10. Навь Мир, где властвуют тёмные не значит злые Боги. – URL: <https://proza.ru/2020/12/27/506> (дата обращения 27.02.2026).
11. Орфей и Эвридика. – Петрозаводск: Эпосы легенды сказания, 2012 – 5 с.
12. Подземное царство // Мифология Древней Греции. – URL: <https://dhog.org/cabinets/mdg/lessons/111> (дата обращения: 27.02.2026).
13. Саамская и Карело-Финская магия/ Проза.ру - URL: <https://proza.ru/2025/06/26/934> (дата обращения: 27.02.2026).
14. Славянские мифы от Велеса и Мокоши до птицы Сирина и Ивана Купалы. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022 – 248 с.
15. Тартар Греческая мифология. – URL: <https://godsbay.ru/hellas/tartar.html> (дата обращения: 27.02.2026).
16. Ходить по иглам, кататься по желудку Смерти и спать с червями: путеводитель по Туонеле — карельскому потустороннему миру. – URL: <https://knife.media/tuonela/> (дата обращения: 27.02.2026).
19. Шибальба – мрачный загробный мир Майя. – URL: <https://jaaj.club/article.aspx?enname=fairystory&id=16259> (дата обращения: 27.02.2026).

Сырова Полина Сергеевна

2 ХД-17

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Polina Syrova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ» ДЭВИДА ЧАЛМЕРСА: ФИЛОСОФСКИЕ ДЕБАТЫ И НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье рассматривается "трудная проблема сознания" - вопрос о том, как физические процессы в мозге создают наш субъективный опыт. Анализируются основные современные подходы к объяснению этой загадки: идеи Дэвида Чалмерса о "натуралистическом дуализме", теория панпсихизма (сознание как фундаментальное свойство материи), редуктивный материализм (сведение сознания к нейронным процессам) и теория интегрированной информации. Особое внимание уделяется критическому разбору достоинств и недостатков каждой концепции. Подчёркивается, что проблема сознания остаётся нерешённой, и для её понимания требуется сотрудничество философов, нейробиологов и специалистов по искусственному интеллекту.

Ключевые слова: сознание, трудная проблема, qualia, Дэвид Чалмерс, панпсихизм, искусственный интеллект, нейронаука.

MODERN INTERPRETATIONS OF DAVID CHALMERS' "HARD PROBLEM OF CONSCIOUSNESS": PHILOSOPHICAL DEBATES AND SCIENTIFIC PERSPECTIVES

Summary: This article examines the "hard problem of consciousness" – the question of how physical processes in the brain give rise to subjective experience. It analyzes key contemporary approaches to explaining this mystery: David Chalmers' "naturalistic dualism," panpsychism (consciousness as a fundamental property of matter), reductive materialism (reducing consciousness to neural processes), and integrated information theory. Special attention is given to critical evaluation of each theory's strengths and weaknesses. The study emphasizes that the consciousness problem remains unsolved and requires collaboration between philosophers, neuroscientists, and artificial intelligence specialists.

Keywords: consciousness, hard problem, qualia, David Chalmers, panpsychism, artificial intelligence, neuroscience.

Австралийский философ Дэвид Чалмерс в середине 1990-х годов поставил так называемую "трудную проблему сознания", которая формулируется как вопрос о природе возникновения субъективных

переживаний (qualia) - таких как восприятие цвета, ощущение боли или эмоциональные состояния - из физических процессов в мозге [1]. В отличие от относительно "простых проблем", объясняющих когнитивные функции, данная проблема выходит за рамки традиционных нейронаучных методов, поскольку затрагивает саму суть феноменологического восприятия.

Чалмерс подчеркивает, что даже исчерпывающее понимание нейронных механизмов не дает ответа на вопрос, почему эти процессы должны сопровождаться какими-либо внутренними переживаниями [1]. Эта концепция, известная как натуралистический дуализм, рассматривает сознание как базовое свойство реальности, аналогичное фундаментальным физическим характеристикам вроде массы или электрического заряда. Подобный взгляд существенно расходится с материалистическими представлениями, преобладавшими в философии сознания на протяжении большей части прошлого столетия.

В современных условиях бурного развития технологий искусственного интеллекта и когнитивной науки эта философская дилемма выходит на первый план. Особую остроту приобретает вопрос: способны ли создаваемые нами разумные машины обрести подлинное сознание? Связанные с этим этические дилеммы делают крайне актуальной необходимость раскрытия тайны субъективного опыта. Как справедливо указывает Кристоф Кох, пока "трудная проблема" остается нерешенной, мы не можем с уверенностью утверждать, что наши цифровые творения действительно переживают мир, а не просто имитируют осознанное поведение [6].

Современные философские дебаты о сущности сознания концентрируются на основных теориях, пытающихся разрешить "трудную проблему", выдвинутую Дэвидом Чалмерсом. Наиболее смелую точку зрения представляет сам автор, выдвигающий концепцию натуралистического дуализма [1]. Данная позиция подкрепляется известным мысленным экспериментом о "философском зомби" - воображаемом существе, полностью повторяющем человеческое поведение, но не обладающем внутренними переживаниями. Возможность существования такого зомби, согласно Чалмерсу, свидетельствует о невозможности полного объяснения сознания через физиологические механизмы [1].

Оппозиционную точку зрения демонстрируют приверженцы панпсихизма, включая Галена Строссона. Их теория, берущая корни из древнегреческой философии, предполагает наличие зачатков сознания у всего материального [4]. Этот подход снимает вопрос о неожиданном "возникновении" сознания из полностью бессознательного в ходе эволюционного развития. Тем не менее, панпсихизм сталкивается с существенной сложностью - проблемой комбинации: каким образом простейшие формы осознания создают целостное субъективное восприятие, свойственное высокоорганизованным существам [4]?

Совершенно иной подход демонстрируют представители редуктивного материализма, лидером которых выступает Дэниел Деннет. В своём главном

труде "Объяснённое сознание" он напрочь отрицает саму постановку "трудной проблемы", рассматривая qualia как языковую иллюзию, сформированную культурными стереотипами [2]. По его убеждению, по мере решения всех "лёгких проблем" и полного понимания когнитивных механизмов мозга, вопрос о субъективном опыте потеряет свою актуальность. Так или иначе, многие исследователи замечают, что подобная позиция на деле уходит от этой проблемы, а не предлагает конструктивный путь её решения [1].

В современной научной парадигме намечилось несколько перспективных направлений, стремящихся преодолеть пропасть между феноменологией сознания и объективными нейрофизиологическими процессами. Особо выделяется теория интегрированной информации (ИИ), разработанная Джулио Тонони при соавторстве Кристофа Коха. Данная концепция вводит уникальный количественный показатель сознания — коэффициент Φ (фи), характеризующий уровень интеграции информационных процессов в системе [3]. В рамках теории интегрированной информации (ИИ) постулируется фундаментальная взаимосвязь между организацией информационных процессов и феноменом сознания. Основной тезис данной концепции гласит: любая система, обладающая сложной структурой причинно-следственных связей, потенциально способна проявлять признаки сознания, причем степень его выраженности напрямую зависит от уровня Φ (фи) - меры интеграции информации [3]. Это положение создает теоретическую основу для сопоставления сознательных переживаний у разных биологических организмов, а также позволяет рассматривать возможность наличия сознания у искусственно созданных систем. Однако ключевая методологическая трудность заключается в отсутствии объяснения перехода от количественных параметров информационного обмена к качественно новому уровню - возникновению субъективного внутреннего мира [6].

Нейробиологические изыскания последнего десятилетия концентрируются на выявлении нейрофизиологических маркеров сознательной деятельности (NCC), пытаясь установить уникальные характеристики мозговых процессов, сопровождающих акты осознания. В монументальном исследовании "The Feeling of Life Itself" Кох подробно анализирует, как инновационные методы визуализации нейронной активности позволили идентифицировать особые комплексы нервных клеток, играющие определяющую роль в генезисе субъективного опыта [6]. Тем не менее, как отмечал еще в 1974 году Томас Нагель, даже самое детальное описание физиологических процессов в нервной системе не раскрывает природу связи между нейронной активностью и феноменом внутреннего переживания [5]. Это смысловое ограничение экспериментальных методов подтверждает не уходящую значимость философской дилеммы, известной как "трудная проблема".

Особую остроту эти научные изыскания приобретают в эпоху стремительного прогресса искусственного интеллекта. Согласно постулатам теории интегрированной информации, системы ИИ, достигшие определенного уровня продуманности внутренней организации, теоретически могут

демонстрировать признаки сознательной деятельности. Как подчеркивает Чалмерс, подобная перспектива порождает комплекс тяжелых этических дилемм, касающихся правового статуса и допустимых границ эксплуатации искусственных разумов [1]. В свою очередь, Кристоф Кох выражает скептицизм относительно возможности возникновения истинного субъективного опыта у нынешних компьютерных систем, построенных исключительно на принципах алгоритмической обработки информации [6]. Подобные научные дебаты на своем примере иллюстрируют, что изучение природы сознания трансформировалось из сугубо теоретической задачи в насущную проблему, имеющую прямое отношение к стратегическим направлениям технологического прогресса.

Развивая эту мысль, Деннет в "Consciousness Explained" утверждает, что сама постановка вопроса о сознании ИИ может быть неправильной, так как предполагает существование *qualia* как особой категории [2]. Однако такой радикальный редукционизм, как показывают труды Чалмерса и Нагеля, не дает решения ключевым феноменологическим аспектам сознательного опыта [1, 5]. Этот непрерывный диалог между научными и философскими подходами продолжает обогащать наше понимание одной из самых глубоких загадок человеческого существования.

Несмотря на значительные достижения в исследовании сознания, все обсуждаемые подходы вынуждены столкнуться с серьезными проблемами и ограничениями. Натуралистический дуализм Чалмерса, при его теоретической привлекательности, вызывает вопросы о природе предполагаемых "протопсихических" свойств материи [1]. Как именно эти элементарные формы сознания взаимодействуют с физическими процессами? Каков механизм их комбинирования в сложные субъективные переживания? Эти вопросы не имеют удовлетворительного ответа, что даёт основания критикам, таким как Деннет, утверждать о метафизической избыточности дуалистических концепций [2].

Концепция панпсихизма неизбежно сталкивается с парадоксом интеграции элементарных форм осознания. Когда каждому компоненту материи приписываются зачатки субъективности, возникает неразрешимая дилемма - каким образом эти фрагментарные проявления психического складываются в единое поле сознания, характерное для сложных организмов? Сам Строссон вынужден констатировать серьезные методологические затруднения данного подхода [4], тем не менее продолжая считать его наиболее логически непротиворечивой версией материалистического мировоззрения.

Что касается теории интегрированной информации, то ее формализованный математический аппарат вызывает вопросы относительно интерпретации полученных результатов. Многочисленные исследователи отмечают отсутствие внятного объяснения, каким именно образом числовые значения Φ трансформируются в совершенно иной феномен - внутренний мир переживаний [3]. Даже Кох в своих последних публикациях признает, что

количественные параметры информационной интеграции не могут служить однозначным доказательством присутствия сознания [6].

Гипотетическая вероятность наделения искусственного интеллекта сознанием, выдвигаемая Чалмерсом [1], порождает комплекс этических дилемм: по каким критериям фиксировать зарождение субъективности в цифровых системах? Какой правовой статус следует присваивать таким формам разума? В противовес этой позиции, сторонники концепции "философских зомби" [2] подвергают сомнению саму принципиальную возможность создания машин, обладающих подлинным внутренним опытом.

Остающиеся без ответа вопросы подчеркивают острую необходимость в комплексных научных изысканиях, синтезирующих философскую рефлексия с передовыми разработками в области изучения мозга, когнитивных процессов и искусственного интеллекта. По замечанию Нагеля, преодоление "трудной проблемы", вероятно, потребует создания принципиально иной концептуальной основы [5], кардинально отличающейся от существующих научных доктрин. Это превращает исследование феномена сознания в наиболее захватывающий и одновременно наиболее тяжелый вызов для современного научного сообщества.

Систематический обзор актуальных трактовок "трудной проблемы" выявляет их ограниченную объяснительную способность. Как удалось установить в ходе настоящего исследования, все доминирующие концепции - включая дуалистический натурализм Чалмерса [1], панпсихические воззрения Строссона [4] и материалистический редукционизм Деннета [2] - демонстрируют концептуальную неполноту при попытке объяснить природу субъективного понимания. Даже оригинальная теория Тонони и Коха [3], совершившая прорыв в математическом моделировании сознательных процессов, оказывается бессильной перед вопросом о трансформации нейрофизиологических событий в феномен внутреннего переживания.

Как справедливо отмечает Кох, мы все ещё не располагаем надёжными критериями для определения наличия сознания у искусственных систем [6], что создаёт серьёзные этические и философские дилеммы. В то же время работы Нагеля [5] продолжают напоминать нам о принципиальном разрыве между объективным научным описанием и субъективным переживанием.

Перспективы дальнейших разработок и обсуждений видятся в развитии междисциплинарного подхода, объединяющего философскую рефлексия с достижениями нейронауки, когнитивной психологии и компьютерного моделирования. Как демонстрирует история изучения сознания, для решения "трудной проблемы" может потребоваться не просто накопление новых данных, но радикальный пересмотр самих оснований нашего понимания взаимосвязи материи и субъективного опыта. В этом смысле "трудная проблема сознания" остается не только центральным вызовом для текущей науки о сознании, но и мощным стимулом для развития новых теоретических парадигм.

Список литературы:

1. Чалмерс, Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. Д. Галактионова. — М.: УРСС, 2013. — 512 с.
2. Деннет, Д. Объяснённое сознание / Пер. с англ. А. Веретенникова. — М.: Идея-Пресс, 2018. — 496 с.
3. Тонони, Г. ФИ: сознание как интегрированная информация. — М.: АСТ, 2021. — 352 с.
4. Strawson, G. Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism / Journal of Consciousness Studies. — 2006. — Vol. 13, No. 10-11. — P. 3-31.
5. Нагель, Т. Ум и космос: почему материалистическая неodarвинистская концепция природы почти наверняка ложна: каково это - быть летучей мышью? / Пер. с англ. В. В. Целищева. — М.: Канон-плюс: Реабилитация, 2024. — 191 с.
6. Кох, К. Как зафиксировать сознание // В мире науки, выпуск от 14.02.2018 — URL: <https://spkurdyumov.ru/magazine/kak-zafiksirovat-soznanie/> (дата обращения: 07.06.2025).

Сытникова Юлия Сергеевна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Yuliya Sitnikova

Naval Academy

ЗНАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ – ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Аннотация: Статья посвящена значению изучения Отечественной истории в патриотическом воспитании молодёжи. Бережное отношение к традициям предков позволяет народу сохранить свою идентичность, противостоять любым вызовам истории. В современных условиях это основа патриотического воспитания нашей молодёжи, залог сохранения Россией своего места на мировой политической арене. Важную роль в решении этой задачи играют российские молодёжные патриотические организации. Ими проводятся разнообразные мероприятия, международные форумы патриотической направленности. Новый импульс получила военно-спортивная игра «Зарница».

Ключевые слова: отечественная история, патриотическое воспитание, общественная идентичность, победа в отечественных войнах, сохранение правды о прошлом, военно-спортивная игра «Зарница».

KNOWLEDGE OF RUSSIAN HISTORY – THE BASIS FOR PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: This article examines the importance of studying Russian history in the patriotic education of youth. Respect for ancestral traditions allows people to preserve their identity and withstand any historical challenges. In today's world, this is the foundation of patriotic education for our youth and the key to Russia's continued place on the global political stage. Russian youth patriotic organizations play a key role in addressing this challenge. They organize a variety of events and international patriotic forums. The military-sports game "Zarnitsa" has received renewed impetus.

Keywords: Russian history, patriotic education, public identity, victory in patriotic wars, preserving the truth about the past, military-sports game "Zarnitsa."

Вопрос о формировании общественной идентичности и патриотизма не теряет актуальности. Знание Отечественной истории - это основа понимания коллективного прошлого, источников национальной самобытности, механизмов социального развития и гражданской ответственности. А глубокое и критическое знание истории способствует формированию зрелого патриотизма у молодежи. Военно-патриотическое воспитание молодежи —

одно из направлений государственной молодежной политики России на долговременную перспективу.

Знание Отечественной истории - один из ключевых компонентов формирования личности, гражданина и члена общества. Для молодёжи, находящейся в процессе самоопределения, понимание исторических событий, причин их наступления и последствий имеет не только интеллектуальную, но и воспитательную ценность: оно формирует чувство ответственности, коллективную память, нравственные ориентиры, гражданскую позицию.

В современных условиях значение патриотической работы с молодёжью, формирование у неё глубоких научных знаний о природе войн и роли широких народных масс в отпоре агрессору играет решающую роль в сохранении нашей страной своей государственности. Как приоритетное направление молодежной политики, оно нашло своё отражение во многих государственных актах, связанных с образованием и воспитанием молодёжи. Среди них можно отметить национальную доктрину образования, Государственные образовательные стандарты. Это положение прямо записано в законе Российской Федерации «Об образовании», является одной из его целей в воспитании молодёжи [1, Ст.2].

Знание истории – это фундамент, на котором строится патриотизм. Знать и помнить, как зарождалась государственность своей страны, как развивалась культура человечества - священный долг каждого человека и гражданина. История помогает формировать основные качества гражданина и патриота своей страны, помогает ориентироваться в любых хитросплетениях современной политической жизни. С помощью исторических фактов всегда можно как различить истинных друзей и недругов, так и понять, какие подлинные силы и интересы лежат в основе самых привлекательных идей.

На исторической гордости нации формируется патриотизм. Изучая Отечественную историю, молодёжь учитывает накопленный человечеством опыт. Это помогает не повторять ошибок прошлого, учиться на ошибках других и своих стран, народа, лидеров. История России содержит примеры, когда знания о прошлом объединяли общество и усиливали чувство принадлежности.

Важнейшим из них стала Отечественная война 1812 года. Война сплотила многообразные силы России в единое целое. Не только армия, но и весь народ страны поднялся на защиту своей родины. Толстой указывал, что накануне занятия столицы «все население, как один человек, бросая свое имущество, потекло вон из Москвы, показывая этим отрицательным действием всю силу своего народного чувства». Единодушны в этом были и жители других российских земель: «Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли... происходило то же, самое, что происходило в Москве»[2].

Русский народ отстоял свою государственность и независимость. Война вызвала рост народного самосознания и дала толчок к развитию русской культуры. Победа в Отечественной войне 1812г. положила начало освобождению народов Центральной и Западной Европы. Она показала

необходимость перемен в государстве. Русская армия в 1812 году, опираясь на боевой опыт и уровень высшего командного состава, находилась на сопоставимом с наполеоновскими войсками уровне.

По двум ключевым параметрам русская армия превосходила противника. Во-первых, будучи национальной армией, она демонстрировала большую монолитность и сплоченность по сравнению с многонациональным контингентом Наполеона. Во-вторых, русский солдатский состав отличался значительно более высоким моральным духом, продиктованным патриотическими чувствами, неприязнью к оккупантам и решимостью защитить Родину ценой жизни.

Ключевыми факторами российской победы в войне 1812 года стали: всеобщий патриотический подъем, активное развитие партизанского движения, выдающаяся роль высшего командования в выборе стратегически верной тактики, мудрое руководство М.И. Кутузова, а также героизм и самоотверженность защитников Отечества, подкрепленные верой в справедливый характер войны. Необходимо это помнить.

Триумф советского народа в Великой Отечественной войне имеет колоссальное значение для всей мировой истории. Именно Советский Союз и его армия стали той силой, которая остановила притязания гитлеровской Германии на глобальное господство, приняв на себя главный удар в этом беспрецедентном конфликте.

Решающая роль в уничтожении нацизма принадлежит нашим предкам, и любые попытки исказить эти факты или переписать историю являются недопустимым осквернением памяти.

Крайне важно оградить современную молодежь от недостоверных источников, ставящих под сомнение величие этого подвига. Наша задача - сохранить и передать будущим поколениям неизменную правду о войне. Воспитание уважения к ветеранам и гордости за героическое прошлое — залог того, что трагедии прошлого не повторятся.

Память о тех суровых годах должна стать фундаментом для мирного будущего. Работа с историческими источниками, архивными материалами, свидетельствами и разными интерпретациями способствует развитию аналитического мышления. Молодёжь учится отличать факты от интерпретаций, проверять источники и понимать причинно-следственные связи. Такой подход снижает уязвимость перед манипуляциями их идеологическими клише и формирует устойчивую гражданскую позицию, основанную на фактах и аргументах.

На сегодняшний день практически в каждом субъекте Российской Федерации функционируют региональные структуры, отвечающие за патриотическую работу. Благодаря принятым законам, направление получило не только правовой статус, но и серьезное научное и информационное сопровождение. Масштабные культурные события проходят на новом, более качественном уровне. Знаковым трендом стало возрождение военно-

патриотических игр и других образовательных форматов, которые успешно применялись в прошлом и теперь снова востребованы у молодежи[3].

Сохранение правды о прошлом – главная миссия Роспатриотцентра в рамках работы с молодым поколением. Ежегодно сообщество организует форум «Без срока давности», чтобы напомнить о трагедии советского народа в военные годы. Как отмечают организаторы, это не просто образовательный проект, а возможность для молодых людей заявить о себе, раскрыть свои таланты и найти путь в жизни [4].

Настоящим хитом стала игра «Зарница»: число желающих поучаствовать превысило 800 тысяч человек. В роли менторов здесь выступают тысячи экспертов и участников СВО. Проходя школу мужества, обучаясь выживанию в лесу и слаженной работе в группе, ребята получают бесценный жизненный опыт. Такой подход воспитывает деятельных патриотов, которые не просто любят Родину на словах, но и стремятся своим трудом укреплять будущее. Это является основной целью патриотического воспитания [5].

Понимание прошлого помогает молодым людям осознанно участвовать в жизни общества: принимать участие в волонтерских движениях, проектах по сохранению памятников, локальных исторических инициативах. Практические проекты по местной истории связывают знания с конкретными действиями, стимулируют чувство ответственности за общее наследие и укрепляют общественные связи. Знание Отечественной истории - необходимое условие формирования у молодёжи самосознания, гражданской ответственности и нравственных ориентиров.

Чтобы оно служило воспитательной цели, историческое образование должно быть многоголосым, критическим и связным с практической деятельностью. Только в таком виде история становится не инструментом манипуляции, а ресурсом для становления зрелого, ответственного патриотизма.

Список литературы:

- 1.Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "Об образовании в Российской Федерации".
- 2."Москва и москвичи в войне 1812 года" (по роману Л. Н. Толстого "Война и мир"). – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/05/31/moskva-i-moskvichi-v-vone-1812-goda-po-romanu-lntolstogo-voyna-i-mir/> (дата обращения: 25.02.2026).
- 3.С чего начинается Родина. Как воспитать истинных патриотов своей страны? – URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/s-chego-nachinaetsya-rodina-kak-vospitat-istinnykh-patriotov-svoey-strany/?ysclid=ml45b6nofr765925098> (дата обращения: 25.02.2026).
- 4.Международный научно-практический форум «Без срока давности». – URL: <https://www.рцпв.рф/news/na-mezhdunarodnom-nauchno-prakticheskom-forume-bez-sroka-davnosti-obsudili-voprosy-genotsida-mirnogo-naseleniya/>(дата обращения: 25.02.2026).

5. Стартовал третий сезон всероссийской военно-спортивной игры «Зарница». – URL: <https://nspu.ru/news/startoval-tretyi-sezon-vserossiyskoy-voenno-patrioticheskoy-igry-zarnitsa-2-0/> (дата обращения: 25.02.2026).

Тараканов Максим Михайлович

курсант

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Научный руководитель: доцент Кагарманов Валериан Гарифуллович

Tarakanov Maxim

S.M. Kirov Military Medical Academy

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАКОН ОЛИГАРХИИ» Р. МИХЕЛЬСА: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье проводится верификация «железного закона олигархии» Р. Михельса на материале управленческих структур XXI века. Выявляются модификации механизмов олигархизации в условиях цифровой среды и предлагается типология институциональных ограничителей этих тенденций. На основе сравнительного анализа кейсов из различных организационных систем обосновывается тезис об устойчивости базовых принципов теории Михельса и их трансформации в современных условиях.

Ключевые слова: теория олигархии, Роберт Михельс, цифровая трансформация, сетевые структуры, теория элит.

THE IRON LAW OF OLIGARCHY BY R. MICHELS: RELEVANCE FOR THE ANALYSIS OF MANAGEMENT STRUCTURES IN THE 21ST CENTURY

Summary: The article verifies the "iron law of oligarchy" by R. Michels based on the material of management structures of the XXI century. Modifications of the mechanisms of oligarchization in the digital environment are identified and a typology of institutional constraints of these trends is proposed. Based on a comparative analysis of cases from various organizational systems, the thesis on the sustainability of the basic principles of Michels' theory and their transformation in modern conditions is substantiated.

Keywords: theory of oligarchy, Robert Michels, digital transformation, network structures, theory of elites.

Теория «железного закона олигархии», сформулированная Робертом Михельсом в начале XX века, занимает особое место в классической традиции теории элит, наряду с концепциями Г. Моски и В. Парето. Наблюдая за социал-демократическими партиями Европы, Михельс пришел к выводу, что любая

крупная организация неизбежно приходит к концентрации власти в руках небольшой группы людей, независимо от ее первоначальных демократических идеалов [5].

Актуальность переосмысления теории Михельса обусловлена распространением новых организационных форм — сетевых структур, цифровых платформ, децентрализованных автономных организаций (DAO), — которые, как предполагается, могут нивелировать действие «железного закона». Однако эмпирические данные свидетельствуют о сохранении олигархических тенденций даже в этих, казалось бы, горизонтальных структурах.

Основной исследовательский вопрос статьи: в какой мере классические механизмы олигархизации, описанные Михельсом, трансформируются под влиянием цифровых технологий и могут ли новые организационные формы стать устойчивым противоядием от «железного закона»?

Теоретико-методологические основания

Р. Михельс разрабатывал свою теорию в русле классической традиции анализа элит, однако сместил фокус с макросоциального уровня на внутреннюю динамику формальных организаций. Его ключевой тезис — «кто говорит организация, тот говорит олигархия» — основан на анализе социал-демократических партий начала XX века [1].

Методологической основой данного исследования является сравнительно-исторический анализ, позволяющий проследить трансформацию механизмов олигархизации в различных организационных контекстах. Для операционализации понятия «олигархия» используется критерий концентрации стратегических, финансовых и кадровых решений в руках узкой группы лиц без эффективных институциональных ограничителей и при отсутствии действенных механизмов обратной связи и реальной возможности их смещения рядовыми членами организации.

Механизмы олигархизации: системный анализ

Михельс выделял три взаимосвязанных механизма олигархизации, которые образуют самовоспроизводящуюся систему:

1. Техническая необходимость и бюрократизация. Управление крупной организацией требует специализации и создания аппарата управления. Этот процесс, подробно анализированный М. Вебером в концепции рациональной бюрократии, позднее получил развитие в теории «железной клетки» рациональности того же Вебера [3]. Однако Михельс показал, что бюрократический аппарат неизбежно становится самостоятельной силой, отстаивающей собственные интересы.

2. Монополизация экспертизы и информации. Аппарат управления концентрирует в своих руках ключевую информацию и экспертные знания, что создает информационную асимметрию между руководством и рядовыми членами организации. Этот механизм особенно усиливается в цифровую эпоху, когда контроль над алгоритмами и платформами становится источником власти.

3. Психологическая зависимость и пассивность масс. Михельс отмечал естественную склонность масс делегировать полномочия и доверять профессиональным лидерам, что создает психологические предпосылки для олигархизации [4].

Эти механизмы образуют порочный круг: техническая необходимость порождает бюрократизацию, которая ведет к монополизации информации, что усиливает психологическую зависимость масс и закрепляет власть олигархической группы.

Исторические примеры: от классических партий к современным организациям

Классическим примером действия «железного закона» является эволюция российской социал-демократии, в частности фракции большевиков, от дискуссионных кругов и газеты «Искра» к жестко централизованной партии нового типа к 1917 году, когда решения концентрировались в узком кругу ЦК, а затем и в Политбюро.

Этот пример демонстрирует, как логика «технической необходимости» в условиях подпольной работы и революционной борьбы приводила к последовательной олигархизации, что полностью соответствует редсказаниям Михельса.

Современные проявления олигархических тенденций

В цифровую эпоху механизмы олигархизации трансформируются, но не исчезают. Наглядным примером выступает судьба немецкой Пиратской партии. Возникнув как полностью горизонтальное движение с ротацией лидеров и коллективным принятием решений, к 2013 году партия столкнулась с кризисом управляемости. Этот случай демонстрирует ключевой парадокс, отмеченный Михельсом: стремление к организационной эффективности в конкурентной среде заставляет сами массы требовать отказа от демократических процедур в пользу компетентного лидерства, тем самым добровольно легитимируя олигархизацию [7].

В корпоративной сфере технологические гиганты, такие как Google и Meta, демонстрируют сохранение олигархических структур, несмотря на декларируемую демократическую культуру. Исследования показывают, что ключевые стратегические, финансовые и кадровые решения концентрируются в руках основателей и совета директоров. Как показано в работе Ш. Зубофф [2], контроль над архитектурой цифровых платформ и поведенческими данными создает качественно новую форму власти менеджмента, усиливая михельсовский механизм монополизации информации.

Важно различать михельсовскую олигархию (концентрацию власти в организации, формально основанной на демократических принципах) и олигархию как форму государственного устройства. Тот факт, что в коммерческой компании решения принимаются собственниками, является нормой корпоративного управления, а не подтверждением теории Михельса.

Институциональные ограничители олигархических тенденций

С.М. Липсет в классическом исследовании «Union Democracy» (1956) показал, что в некоторых профсоюзах формальные правила, традиции и активность рядовых членов могут сдерживать олигархические тенденции. Он ввел концепцию «обществ сдерживания» — институтов, создающих баланс против концентрации власти [6].

К эффективным институциональным ограничителям можно отнести:

- регулярную ротацию кадров на ключевых позициях;
- создание независимых органов внутреннего контроля;
- внедрение прозрачных процедур принятия решений;
- развитие множественных каналов подотчётности.

Интересный пример — немецкая модель корпоративного управления, где в наблюдательных советах законодательно закреплено паритетное представительство акционеров и работников, что дает последним право вето по ключевым социально-экономическим вопросам.

В российских университетах попечительские советы с участием внешних экспертов получили полномочия по утверждению крупных сделок и стратегических программ развития, изымая эти решения из исключительной компетенции ректората.

Действие «железного закона» может быть существенно ограничено за счет создания институционального «балласта» — систем сдержек и противовесов, встроенных в организационную структуру.

Таким образом, проведенный анализ позволяет не только констатировать сохранение объяснительной силы «железного закона олигархии», но и выявить его новую диалектику: цифровые технологии, предлагая инструменты для демократизации, одновременно рожают новые, более изощренные формы монополизации власти и контроля.

На примере партии «Пираты» и IT-корпораций показано, что «техническая необходимость» остается главным двигателем олигархизации, а цифровые технологии лишь трансформируют ее механизмы, но не отменяют их действие. Классическая триада Михельса продолжает работать, приобретая новые формы в цифровой среде.

Научная новизна исследования заключается в применении концептуального аппарата Михельса к анализу IT-корпораций и сетевых политических движений, что позволило выявить диалектику цифровой трансформации организационной власти, а также в систематизации институциональных ограничителей олигархических тенденций.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ децентрализованных автономных организаций (DAO) в блокчейне как потенциально новой организационной формы, бросающей вызов «железному закону» через технологически обеспеченные механизмы прямого демократического участия.

Список литературы:

1. Ашин Г.К. Современные теории элиты. М.: Международные отношения, 2018. 256 с.
2. Бердышева Е.С. Ящик Скиннера для потребителя. // Экономическая социология. Т. 22, №4. Сентябрь 2021. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaschik-skinnera-dlya-potrebitelya-retsenziya-na-knigu-zuboff-sh-2019-the-age-of-surveillance-capitalism-the-fight-for-a-human/viewer> (дата обращения 12.01.2026).
3. Катаев Д.В., Вольф Г. Автономия и демократия в концепциях Макса Вебера и Корнелиуса Касториадиса. [Электронный ресурс] // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и Политология. 2015. №1, С. 60-71 .— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomiya-i-demokratiya-v-kontseptsiyah-maksa-vebera-i-korneliusa-kastoriadisasa/viewer> (дата обращения 12.02.2026).
4. Кудаярова М.К. Проблема отношения масс и элит в философии Роберта Михельса. — Новосибирск: Наука и современность. 2011. № 11 С. 74-77. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otnosheniya-mass-i-elit-v-filosofii-roberta-mihelsa/viewer> (дата обращения 02.02.2026).
5. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 8-47.
6. Соколова М.Е. Арчер Р. Сеймур Мартин Липсет и политическая социология. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-03-002-archer-r-seymur-martin-lipset-i-politicheskaya-sotsiologiya-archer-r-seymour-martin-lipset-and-political-sociology-the-british-j/viewer> (дата обращения 07.02.2026).
7. Deutsche Welle: Немецкая партия пиратов// [Электронный ресурс] Deutsche Welle 26 ноября 2012. — URL: <https://www.euromag.ru/articles/deutsche-welle-nemeckaja-partija-piratov/> (дата обращения 21.10.2026).

Тарасова Софья Алексеевна

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: старший преподаватель Михайлова Маргарита Ярославна

Sofia Tarasova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭТИКЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИПЛОМАТИИ: ПРИЕМ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ИМПЕРАТОРОМ КОНСТАНТИНОМ БАГРЯНОРОДНЫМ

Аннотация: Статья посвящена анализу дипломатического визита киевской княгини Ольги в Константинополь в 957 году. Основное внимание уделяется придворному церемониалу Византийской империи как инструменту внешней политики. В работе сопоставляются данные древнерусских летописей и византийского трактата «О церемониях» императора Константина VII Багрянородного. Рассматривается структура приемов, состав посольства и символическое значение подарков. Делается вывод о том, что византийский этикет, уходящий корнями в античные традиции, был не просто формальностью, а полем тонкой дипломатической борьбы, где княгиня Ольга успешно отстояла суверенитет Руси и заложила основы для будущего принятия христианства.

Ключевые слова: княгиня Ольга, Константин Багрянородный, Византия, Древняя Русь, дипломатия, церемониал, этикет, международные отношения, Константинополь.

BYZANTINE ETIQUETTE AS A TOOL OF DIPLOMACY: THE RECEPTION OF PRINCESS OLGA BY EMPEROR CONSTANTINE VII PORPHYROGENITUS

Summary: The article analyzes the diplomatic visit of Kyiv Princess Olga to Constantinople in 957. The focus is on the court ceremonial of the Byzantine Empire as a tool of foreign policy. The study compares data from Old Russian chronicles and the Byzantine treatise "De Ceremoniis" by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus. The structure of the receptions, the composition of the embassy, and the symbolic meaning of gifts are examined. It is concluded that Byzantine etiquette, rooted in ancient traditions, was not just a formality but a field of subtle diplomatic struggle, where Princess Olga successfully defended the sovereignty of Rus' and laid the foundations for the future adoption of Christianity.

Keywords: Princess Olga, Constantine Porphyrogenitus, Byzantium, Kievan Rus', diplomacy, ceremonial, etiquette, international relations, Constantinople.

Визит княгини Ольги в Константинополь в середине X века стал поворотным моментом в истории русско-византийских отношений. Это

событие интересно не только как факт биографии первой русской святой, но и как яркий пример средневековой дипломатии, где церемониал и символы значили не меньше, чем письменные договоры. Цель данной статьи — проанализировать, как византийский придворный этикет, унаследовавший традиции эллинистического Востока и императорского Рима, использовался в качестве инструмента политического давления и как княгиня Ольга сумела использовать правила этой «дипломатической игры» для укрепления авторитета Древнерусского государства.

Международная обстановка накануне визита диктовала обеим сторонам необходимость диалога. Византия вела изнурительную войну с арабами на востоке, а на западе ее беспокоили притязания германского короля Оттона I, что требовало стабильности в отношениях с Русью [5, с. 240]. Киев, в свою очередь, нуждался в закреплении мирного договора 944 года, заключенного Игорем после неудачного похода 941 года. Ольге, как регенту при малолетнем Святославе, было необходимо продемонстрировать империи, что новая власть настроена на равноправный диалог, а не на военную конфронтацию [2, с. 40].

Главным источником для изучения обстоятельств визита служат два типа документов. Русская «Повесть временных лет» описывает поездку Ольги в романтическом ключе, акцентируя внимание на крещении и легенде о том, как княгиня «переключала» (перехитрила) императора, отказавшись выйти за него замуж после того, как тот стал её крёстным отцом [2, с. 45]. Однако бесценные сведения о протокольной стороне визита содержатся в труде самого принимавшего её императора — трактате Константина VII Багрянородного «О церемониях византийского двора» [1]. Это сочинение представляет собой строгий регламент придворной жизни, где детально расписаны действия участников церемоний. Сам факт включения описания приемов Ольги в эту официальную книгу говорит о том, что визит русской правительницы рассматривался как событие государственной важности [5, с. 245].

При этом исследователям пришлось решать хронологическую загадку: «Повесть временных лет» датирует визит 955 годом, а византийские источники уверенно указывают на 957 год [4, с. 160]. Г. Г. Литаврин убедительно доказывает, что визит был единичным и состоялся именно в 957 году. Летописец, работавший спустя полтора века, мог ошибиться в расчетах или сознательно «удревнить» событие, чтобы подчеркнуть давность христианских связей Руси [4, с. 163]. Структура приемов, описанная императором, подтверждает эту версию: 9 сентября прошел официальный прием, а 18 октября — второй, менее формальный, что говорит о длительности и серьезности переговоров [1, с. 280].

Византийский церемониал X века был сложным механизмом, призванным продемонстрировать величие империи и сакральный характер власти василевса. Как отмечает историк Шарль Диль, этикет предписывал императору тяжелые и неумолимые правила поведения, превращавшие каждый выход государя в театрализованное действо [3, с. 120]. Иностранные послы должны были пройти через череду испытаний: длительное ожидание аудиенции, прохождение через

анфилады пышных залов, созерцание механических чудес (львов, рычащих у трона, поющих птиц) и, наконец, обязательный обряд проскинесиса (земного поклона). Целью этого сценария было психологически подавить иноземцев, заставить их проникнуться благоговением перед мощью империи.

Прием княгини Ольги, состоявшийся 9 сентября 957 года, полностью соответствовал этому регламенту, но с одной важной оговоркой. Как следует из текста Константина Багрянородного, Ольгу принимали с исключительными почестями, что было признанием её высокого статуса. Она вошла в императорские покои не одна, а с многочисленной свитой, включая родственниц и прислужниц, что было нарушением обычного протокола, но сразу подчеркнуло её положение как главы государства, а не просто посла [1, с. 272]. Ей было оказано редкое внимание — обед за одним столом с императрицей Еленой и её невесткой, что считалось привилегией высшего ранга [1, с. 275].

Исключительность приема становится еще очевиднее при сравнении с визитами других делегаций. Византийский двор был строго сегрегирован, однако Ольгу и ее женщин провели в покои императрицы, что было неслыханной привилегией [3, с. 135]. Во время второго приема 18 октября княгиня сидела за одним столом с императором и его семьей, в то время как ее свита обедала отдельно с императорскими золотками. Такое смешение рангов показывает, что византийцы четко осознавали: Ольга стоит неизмеримо выше собственной свиты, и ее статус приближен к статусу самих василевсов [1, с. 282].

Ценнейшим источником по социальной структуре Древней Руси является подробный перечень состава посольства, оставленный Константином Багрянородным. С Ольгой в Константинополь прибыли: ее племянник, 22 «посла» от знатных родов, 44 «гостя» (купцы), переводчик и многочисленная прислуга [1, с. 273]. Наличие племянника и отдельных послов от дружинной верхушки указывает на сохранение элементов совещательной системы управления. Щедрый подарок, полученный каждым из этих лиц, должны были скрепить их личную лояльность киевской княгине, продемонстрировав на родине успех ее внешней политики.

Однако самым показательным эпизодом, демонстрирующим дипломатическую стойкость Ольги, являются детали переговоров. Византийский источник ни слова не говорит о крещении Ольги во время этих приемов, хотя летопись настаивает на этом факте. Исследователь Г. Г. Литаврин, детально изучивший этот вопрос, приходит к выводу, что главной целью визита Ольги было не только личное крещение, но и достижение политического соглашения: заключение династического брака для её сына Святослава или получение церковной автокефалии для Руси [4, с. 168]. Эти цели достигнуты не были, что свидетельствует о жёсткой позиции греков. Большинство историков сходятся на том, что крещение, вероятно, состоялось либо незадолго до визита, либо после основных приемов, в полуприватной обстановке. Однако Ольга, согласившись принять крещение и выбрав в

крёстные отцы самого императора, добились главного — она была признана «дочерью» императора [4, с. 172]. Получив в крещении имя Елена (в честь императрицы), она символически уподоблялась не только святой Елене, но и становилась духовной сестрой действующего императора [5, с. 260]. В византийской дипломатической иерархии термин «дочь» ставил правителя Руси на ступень ниже императора, но выше всех прочих европейских государей, формально уравнивая её в правах с членами императорской семьи.

Символическим закреплением этого статуса стали подарки. Согласно трактату, Ольга получила 500 милиарисиев на золотом блюде, а члены её посольства — значительные денежные суммы [1, с. 277]. Эти выплаты имели не только символическое, но и прагматическое значение: 22 посла и 44 купца получили суммы, сопоставимые с годовым жалованием византийского солдата, что делало их живыми «агентами влияния», кровно заинтересованными в развитии торговли с империей. Археологические находки подтверждают, что именно из этой поездки на Русь попали драгоценные предметы византийского ремесла, ставшие образцами для подражания. Так, через подарки и личное общение с императорским двором начала формироваться та культурная матрица, которая определила цивилизационный выбор Руси в пользу Византии [5, с. 250].

На первый взгляд, визит не принес немедленных политических дивидендов: династический брак Святослава не состоялся, церковная автокефалия не была дарована, а сам Святослав оставался убежденным язычником [4, с. 190]. Однако долгосрочные последствия оказались грандиозными. Ольга добились личного признания на высочайшем уровне, создав прецедент: отныне Византия не могла игнорировать киевского правителя. Экономические связи были расширены, а культурные образцы, привезенные из Царьграда, сформировали ту среду, в которой вырос ее внук Владимир [5, с. 270]. Когда спустя 30 лет Владимир будет выбирать веру, византийский вариант станет для него не абстракцией, а вполне конкретным образом, связанным с величием его бабки.

Сопоставление двух основных источников рисует удивительный портрет женщины-политика. Византийский протокол изображает Ольгу как величавую «архонтиссу России», точно знающую церемониал и держащуюся с достоинством [1, с. 271]. Русская летопись, напротив, рисует живой, даже лукавый образ, создавая легенду о том, как княгиня «переключала» императора, отказавшись выходить за него замуж после крещения [2, с. 48]. Историки сомневаются в реальности сватовства, но сама легенда важна: народная память зафиксировала триумф Ольги как победу мудрости над силой, как умение навязать грекам их же правила игры и выйти из нее победительницей.

Таким образом, визит княгини Ольги в Константинополь стал блестящим примером дипломатии, где внешний блеск и строгость этикета скрывали напряжённую политическую борьбу. Византия пыталась использовать церемониал как инструмент давления и демонстрации своего превосходства. Ольга, в свою очередь, продемонстрировала виртуозное владение правилами

этой игры: она приняла крещение, повысила международный престиж Руси и, не получив немедленных политических выгод, заложила прочный фундамент для будущего триумфа христианства при своём внуке Владимире. Её поездка наглядно показала, что Древняя Русь стала полноправным игроком на международной арене, способным вести диалог с самой могущественной империей раннего Средневековья на языке, понятном обеим сторонам.

Список литературы:

1. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина. - М.: Наука, 1991. - 496 с.
2. Повесть временных лет / Подг. текста Д.С. Лихачева. - СПб.: Наука, 1996. - 667 с.
3. Диль Ш. Византийские портреты. - М.: Искусство, 1994. - 448 с.
4. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII в.). - СПб.: Алетейя, 2000.
5. Оболенский Д.Д. Византийское Содружество Наций. - М.: Янус-К, 1998. - 655 с.

Ткачук Дарья Андреевна

4 ЭД-28

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Аницупова Александра Сергеевна

Tkachuk Daria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация: В статье рассматривается роль патриотического воспитания молодежи в контексте социальной работы. Анализируется значение патриотического воспитания для формирования гражданской идентичности молодого поколения, а также возможности социальной работы в сфере патриотического воспитания. Выделяется проблема снижения интереса молодых людей к деятельности организаций, которые функционируют в офлайн режиме. Рассматривается роль социальной работы как инструмента реализации патриотического воспитания, описываются организации, осуществляющие работу в области патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: отечественная история, патриотическое воспитание, молодежь, социальная работа, историческая память, гражданская идентичность.

PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIAL WORK

Summary: The article examines the role of patriotic education of youth in the context of social work. It analyzes the importance of patriotic education for the development of civic identity among the younger generation, as well as the potential of social work in this area. The article highlights the problem of young people's declining interest in the activities of organizations that operate offline. The role of social work as a tool for implementing patriotic education is explored, and organizations working in this area are described.

Keywords: russian history, patriotic education, youth, social work, historical memory, civic identity.

В условиях социальных и культурных перемен в современном российском обществе проблема патриотического воспитания молодежи приобретает особую актуальность. Молодежь как социально-демографическая группа подвержена влиянию кризисных процессов, постоянных информационных потоков и трансформации ценностных ориентиров. В этой связи возрастает роль социальных институтов, призванных формировать у молодых людей устойчивую гражданскую позицию, чувство ответственности за судьбу страны и уважение к ее историческому прошлому.

Знание отечественной истории выступает важнейшим фактором патриотического воспитания, поскольку именно через осмысление исторического опыта формируется национальная идентичность, преемственность поколений и уважительное отношение к культурному наследию. Отечественная история представляет собой совокупность знаний о социальном, политическом, культурном и духовном развитии российского общества. Ее изучение позволяет молодежи осознать историческую обусловленность современных процессов, понять роль личности и народа в судьбе государства, а также сформировать чувство сопричастности к историческому пути страны.

Историческая память выступает основой патриотического сознания. Через знание ключевых исторических событий формируется уважение к подвигам предков, осознание ценности мира, государственной независимости и социальной сплоченности. Особенно значимыми в этом контексте являются страницы отечественной военной истории, примеры гражданского служения, реформаторской деятельности и культурных достижений [1].

Патриотическое воспитание является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики и социальной работы, оно направлено на формирование у молодежи чувства любви к Родине, уважения к законам и традициям общества, готовности к социальной активности и гражданскому участию. Социальная работа, ориентированная на воспитательные и просветительские функции, обладает значительным потенциалом в использовании исторического знания как средства патриотического воспитания молодежи. Особую роль играют такие направления, как организация историко-патриотических акций, участие молодежи в сохранении памятников истории и культуры, сотрудничество с музеями, архивами и общественными организациями. Данные формы деятельности способствуют не только расширению исторических знаний, но и развитию социальной ответственности, коммуникативных навыков и активной гражданской позиции.

Практика социальной работы предоставляет широкие возможности для интеграции знаний отечественной истории в воспитательный процесс. Одним из эффективных инструментов является музейная педагогика, позволяющая через непосредственный контакт с историческими источниками формировать эмоционально-ценностное отношение к прошлому [2]. Важное значение имеют также архивные проекты, краеведческая деятельность, работа с семейной историей, которые способствуют укреплению межпоколенческих связей и формированию уважения к историческому опыту своей семьи и региона. Участие молодежи в таких проектах позволяет осознать личную сопричастность к истории страны, что усиливает воспитательный эффект.

Ключевой проблемой патриотического воспитания молодежи является снижение интереса к историческому наследию и традициям страны, это связано, в первую очередь, с широким распространением социальных сетей и глобализационных процессов. Молодые люди чаще ориентируются на

медийные образы и международные культурные тренды, чем на национальные исторические примеры. Это приводит к размыванию ценностных ориентиров и ослаблению чувства сопричастности к судьбе своей страны.

С целью предотвращения и решения данной проблемы государство проводит активную деятельность по патриотическому воспитанию молодежи, создавая различные учреждения, направленные на формирование у неё гражданской ответственности, уважения к истории страны, её культурному наследию и традициям. К числу таких организаций относятся общероссийские движения, образовательные учреждения, муниципальные центры и клубные объединения. Значительную роль в этой системе играет «Юнармия» — всероссийское военно-патриотическое движение, объединяющее школьников и студентов, где проводятся военно-спортивные игры, строевая подготовка, встречи с ветеранами, участие в памятных акциях и государственных мероприятиях. Активную позицию занимает и «Движение первых», в рамках которого реализуются проекты гражданско-патриотической направленности, добровольческие инициативы, культурные и исторические акции.

Помимо крупных всероссийских организаций, важную роль играют учреждения дополнительного образования, кадетские классы, музеи боевой славы, поисковые отряды, а также муниципальные молодёжные центры. Сегодня особенно активно патриотическим воспитанием в социальной работе занимаются ПМЦ (подростково-молодёжные центры) и их клубы по месту жительства. Деятельность данных учреждений строится на принципах доступности, добровольности участия и практической направленности. В рамках ПМЦ создаются военно-патриотические клубы, историко-краеведческие объединения, волонтёрские отряды, спортивно-патриотические секции. Работа ведётся не формально, а через живое участие подростков и молодёжи в конкретных мероприятиях.

Самыми актуальными мероприятиями, реализуемыми ПМЦ и клубами, являются уроки мужества и встречи с ветеранами боевых действий, участниками локальных конфликтов и представителями силовых структур; участие в памятных и государственных акциях, посвящённых Дню Победы, Дню России, Дню защитника Отечества; военно-спортивные игры и соревнования; волонтёрские акции по благоустройству памятников и мемориалов; поисковая работа и краеведческие проекты; конкурсы исследовательских работ, эссе и презентаций по истории родного края. Практика показывает, что наибольший отклик у молодёжи вызывают интерактивные формы работы: квесты, военно-тактические игры, участие в реконструкциях исторических событий, а также проектная деятельность, где подростки самостоятельно разрабатывают социально значимые инициативы.

Анализируя деятельность данных учреждений, можно отметить, что эффективность патриотического воспитания возрастает тогда, когда оно носит системный характер и сочетает образовательный, культурный и практический компоненты. В социальной работе ПМЦ выступают не только как организаторы мероприятий, но и как пространство социализации подростков,

где формируются навыки командной работы, ответственности, лидерства и гражданской активности. Таким образом, современные патриотические центры и клубы становятся важным звеном в системе социальной работы с молодёжью, обеспечивая не декларативное, а деятельностное воспитание, которое молодые люди ощущают через личное участие и собственный вклад в общественную жизнь.

В контексте социальной работы значительное внимание уделяется патриотическому воспитанию молодежи. Интеграция патриотического воспитания в практику социальной работы позволяет повышать эффективность работы с молодёжью, способствуя формированию их активной, социально ответственной и патриотически ориентированной личности [3]. Социальная работа с молодёжью предполагает использование разнообразных форм и методов воспитательного воздействия, включая просветительскую деятельность, социальное проектирование, волонтерство, культурно-досуговые мероприятия. Включение исторического компонента в данные формы работы позволяет сделать патриотическое воспитание более осмысленным и личностно значимым для молодых людей.

Список литературы:

1. Киселева, Е.А. Историческая память как фактор формирования гражданской идентичности молодежи // Социальные исследования. – 2021. – №4. – С. 60-66.
2. Иванова, Л.Н. Патриотическое воспитание молодежи в системе социальной работы // Социальная работа в России. – 2020. – №2. – С. 37-42.
3. Багдасарян, В.Э. Историческая политика и формирование исторического молодежи // Вестник Московского университета. – 2019. – №3. – С. 45-58.

Токтамышева Дженет Магомедовна

1 АД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Janet Toktamysheva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСАДА НАРВЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: В статье анализируется осада Нарвы 1700 года как одно из определяющих событий раннего этапа Северной войны. Рассматриваются военно-стратегическое значение Нарвской крепости, состояние вооружённых сил России и Швеции, а также ход осады и Нарвского сражения. Особое внимание уделяется причинам поражения русской армии и его влиянию на военные реформы Петра I. Делается вывод о том, что поражение под Нарвой сыграло важную роль в формировании регулярной армии и оказало существенное влияние на дальнейший ход Северной войны.

Ключевые слова: Северная война, Нарва, Пётр I, Карл XII, русская армия, шведская армия, военные преобразования, Балтийский регион, регулярные войска.

THE SIEGE OF NARVA BY RUSSIAN TROOPS AT THE BEGINNING OF THE GREAT NORTHERN WAR AND ITS CONSEQUENCES

Summary: The article analyzes the siege of Narva in 1700 as one of the defining events of the early stage of the Great Northern War. It examines the military and strategic importance of the Narva fortress, the state of the Russian and Swedish armed forces, and the course of the siege and the Battle of Narva. Special attention is given to the reasons for the Russian army's defeat and its impact on Peter the Great's military reforms. It is concluded that the defeat at Narva played an important role in the formation of a regular army and had a significant impact on the further course of the Great Northern War.

Keywords: Great Northern War, Narva, Peter I, Charles XII, Russian Army, Swedish Army, military reforms, Baltic region, regular troops.

К завершению XVII века Швеция превратилась в одну из ведущих европейских держав. В результате успешных военных кампаний она установила контроль над обширными территориями Балтийского региона, включая Эстляндию, Лифляндию, Ингрию и Финляндию. Доминирование на Балтике обеспечивало Швеции значительные экономические преимущества и усиливало её политическое влияние в Северной Европе.

Россия в этот период находилась в значительно менее выгодном положении. Страна фактически была отрезана от Балтийского моря, а

единственным морским портом оставался Архангельск, торговое и военное функционирование которого ограничивалось коротким навигационным периодом. Это серьёзно сдерживало развитие внешней торговли и контактов с европейскими государствами.

Пётр I рассматривал выход к Балтике как одну из приоритетных государственных задач. В конце XVII столетия российская дипломатия активизировалась, что привело к формированию Северного союза, в который вошли Россия, Саксония и Дания. Союзники рассчитывали на ослабление Швеции, недооценивая при этом боевые возможности её армии и личные качества молодого короля Карла XII.

Таким образом, начало Северной войны в 1700 году стало логическим итогом накопившихся противоречий между Швецией и соседними государствами, стремившимися пересмотреть сложившийся баланс сил в регионе.

Нарвская крепость имела исключительно важное стратегическое значение. Расположенная на реке Нарове, она контролировала ключевые сухопутные и водные пути, связывавшие Чудское озеро с Финским заливом. Нарва служила восточным форпостом шведских владений и играла важную роль в обеспечении безопасности балтийских территорий.

Система укреплений крепости соответствовала современному на тот период времени уровню фортификационного искусства. Нарва обладала развитой бастионной планировкой, прочными каменными стенами и значительным артиллерийским вооружением. Гарнизон численностью около двух тысяч человек отличался высокой дисциплиной и хорошей боевой подготовкой.

Русская армия, сосредоточенная у Нарвы, значительно превосходила противника по численности – её силы достигали примерно 40 тысяч человек. Однако это преимущество носило во многом формальный характер. Вооружённые силы России находились в стадии реформирования: наряду с вновь созданными полками сохранялись устаревшие воинские формирования, а система управления отличалась нестабильностью.

Особо остро проявлялась кадровая проблема. Значительная часть командного состава состояла из иностранных офицеров, не пользовавшихся достаточным доверием солдат. Отсутствие чёткого единоначалия и слабая согласованность действий между подразделениями существенно снижали общую боеспособность армии.

Осада Нарвы началась в сентябре 1700 года. Русские войска блокировали крепость и приступили к артиллерийскому обстрелу и проведению инженерных работ. Однако подготовка к осаде оказалась недостаточной: ощущался дефицит тяжёлых осадных орудий, строительство траншей велось медленно, а артиллерийский огонь был плохо организован.

Гарнизон Нарвы активно сопротивлялся, регулярно совершая вылазки и нанося чувствительный урон осаждающим. Это отрицательно сказывалось на

моральном состоянии русских войск и приводило к затягиванию осадных действий.

В начале ноября Пётр I покинул расположение армии и отправился в Великий Новгород для решения вопросов снабжения и управления. Его отсутствие негативно сказалось на системе командования, которая оказалась дезорганизованной в самый критический момент.

19 ноября 1700 года к Нарве подошли основные силы шведской армии под руководством Карла XII численностью около 8–10 тысяч человек. Несмотря на значительное численное превосходство противника, шведский король решился на немедленное наступление. Атака была начата в условиях сильной снежной бури, что обеспечило фактор внезапности.

Шведским подразделениям удалось прорвать русские укрепления, нарушить взаимодействие между частями и вызвать панику в рядах противника. Беспорядочное отступление, разрушение переправ через Нарову и утрата артиллерии привели к полному разгрому русской армии.

Поражение под Нарвой стало тяжёлым военно-политическим ударом для России. Армия понесла значительные потери, лишилась большей части артиллерии и крупных запасов военного имущества. Международный престиж государства оказался серьёзно подорван.

В то же время значение Нарвской катастрофы не ограничивается рамками одного сражения. Поражение наглядно показало необходимость коренной модернизации военной системы. После «нарвской конфузии» Пётр I сделал соответствующие выводы и приступил к последовательному созданию регулярной армии европейского образца.

Были введены рекрутские наборы, усовершенствована подготовка офицерского корпуса, ускорилось развитие военной промышленности и артиллерийского производства. В стратегическом плане Карл XII допустил ошибку, сосредоточив основные силы на войне в Польше и недооценив потенциал России.

В 1704 году русские войска вновь осадили Нарву и после продолжительных боёв овладели крепостью, что стало символом преодоления последствий поражения 1700 года.

Осада Нарвы 1700 года стала одним из ключевых эпизодов начального этапа Северной войны и важным рубежом в истории русской армии. Несмотря на тяжёлое военное поражение, данное событие имело положительное значение в долгосрочной перспективе, поскольку выявило имеющиеся в армии системные недостатки и ускорило проведение масштабных реформ. Опыт Нарвы стал важной основой будущих военных успехов России и способствовал её превращению в одну из ведущих держав Европы.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра. – СПб.: Лениздат, 1994. – 496 с.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. – М.: Воениздат, 1958. – 645 с.

3.Павленко Н.И. Пётр Великий. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.

4.Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие. – М.: АСТ, 2002. – 654 с.

Уварова Яна Денисовна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Yana Uvarova

Saint Petersburg State University of industrial Technologies and Design

ЭСКАПИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ОБРЕТЕНИЯ БЫТИЯ

Аннотация: В данной статье феномен эскапизма рассматривается как потенциальная философская стратегия обретения подлинного бытия. Автор ставит вопрос о том, можно ли приравнять современное стремление к уединению в природной среде или погружение в виртуальные миры к осознанному поиску себя, а не к патологическому бегству от проблем. Анализируется амбивалентная природа эскапизма как деструктивного механизма избегания реальности и как необходимого условия для самосозидания. Особое внимание уделяется различению мотиваций эскаписта: бегство «от» (страха, тревоги) и бегство «к» (тишине, подлинности). Автор приходит к выводу, что в эпоху кризиса идентичности конструктивный эскапизм может быть проявлением экзистенциальной зрелости.

Ключевые слова: Эскапизм, подлинное бытие, философская стратегия, виртуальная реальность, свобода, уединение, аутентичность.

ESCAPISM AS A STRATEGY FOR ATTAINING BEING

Summary: This article examines the phenomenon of escapism as a potential philosophical strategy for attaining authentic being. The author raises the question of whether the modern desire for seclusion in nature or immersion in virtual worlds can be equated with a conscious search for self, rather than a pathological flight from problems. The ambivalent nature of escapism is analyzed: as a destructive mechanism of avoiding reality and as a necessary condition for self-creation. Special attention is paid to distinguishing the motivations of the escapist: flight "from" (fear, anxiety) and flight "toward" (silence, authenticity). The author concludes that in an era of identity crisis, constructive escapism may be a manifestation of existential maturity.

Keywords: Escapism, authentic being, philosophical strategy, virtual reality, freedom, seclusion, authenticity.

Желание «сбежать от всего» знакомо каждому современному человеку: информационный поток, социальные обязательства и экономическая нестабильность создают колоссальное давление на личность, и феномен эскапизма - от стремления уехать в лес до погружения в видеоигры - приобретает массовый характер. Обыденное сознание часто навешивает на это явление ярлык «бегства от реальности», подразумевая инфантилизм и социальную несостоятельность, однако философский взгляд требует более тонкой дифференциации: что если за кажущимся бегством скрывается не трусость, а осозанный поиск подлинности? Цель данной статьи - проанализировать эскапизм как возможную философскую стратегию обретения себя, отделив конструктивный уход от деструктивного бегства.

Человек - существо рефлексирующее, способное оценивать качество своей жизни, сравнивать реальное с желаемым и испытывать неудовлетворенность, которая может стать как двигателем развития, так и источником глубокого страдания [7, с. 112]. Современный мир парадоксален: формальных свобод много, но давление социума становится всепроникающим, поскольку социальные сети, корпоративная культура и стандарты потребления формируют плотную «матрицу» долженствований, в которой почти не остается места для вопроса «кто я на самом деле?». Именно здесь и возникает импульс к эскапизму, но важно различать два принципиально разных вектора этого импульса.

Бегство «от» представляет собой классическую стратегию избегания, когда человек бежит от боли, страха, ответственности и необходимости принимать решения. Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы» блестяще описал этот механизм, показывая, как человек готов отказаться от свободы, лишь бы избавиться от тревоги, которую эта свобода порождает [2, с. 124]. Видеоигры в таком сценарии выступают идеальным наркотиком, дающим иллюзию достижений при отсутствии реальных рисков, а лес становится способом спрятаться, радикальной капитуляцией перед жизнью. Бегство «к», напротив, является иной стратегией: человек уходит не от страха, а от тесноты навязанных рамок, он бежит к себе, ищет тишину, чтобы услышать внутренний голос, и это не капитуляция, а необходимая передышка, чтобы собраться с силами и вернуться.

Что ищет человек, мечтающий «уехать в лес»? Прежде всего, тишину - не только физическую, но и информационную, отсутствие уведомлений, новостей, чужих мнений, что дает шанс встретиться с собой. Во-вторых, простоту: жизнь в лесу требует решения базовых задач - вода, тепло, еда, и Генри Торо в «Уолдене» блестяще показал, как намеренное упрощение жизни позволяет сосредоточиться на главном и отбросить наносное [1, с. 78]. Эта простота возвращает ощущение реальности, размытое в городе бесконечными симулякрами. В-третьих, лес дает свободу от социальных ролей: в городе человек всегда кто-то - сотрудник, клиент, сосед, - но в лесу он перестает быть

кем-то для других, оставаясь просто собой, и в этом состоянии рождаются самые глубокие инсайты о том, что действительно важно.

Видеоигры, на первый взгляд, противоположны лесу - это углубление в искусственное, в цифровую реальность, однако и здесь возможен осмысленный эскапизм. Йохан Хейзинга в «*Homo Ludens*» утверждал, что игра - не просто развлечение, а фундамент культуры, пространство свободы, где человек может реализовать себя иначе, чем в обыденности [3, с. 45]. В хорошей игре человек сталкивается с ситуациями морального выбора: спасти или предать, взять ответственность или переложить, и это становится тренировкой души, заставляя рефлексировать и принимать решения. Кроме того, игры дают опыт агентности - способности влиять на мир: в реальности человек часто бессилен, а в игре его действия имеют значение, что для живущего в рутине становится напоминанием о способности быть творцом. Наконец, многопользовательские игры создают альтернативную социальность, где люди, которым трудно в реальности, находят единомышленников и ценятся не по внешности, а по умениям и знаниям.

Как отличить конструктивный эскапизм от деструктивного? Прежде всего, по наличию цели: беглец просто хочет перестать чувствовать боль, тогда как мудрец знает, зачем уходит - ищет ответы и себя. Важна также временность: конструктивный эскапизм - это пауза, и Камю в «Мифе о Сизифе» писал, что осознание абсурда не ведет к бегству, а становится точкой опоры [5, с. 90], тогда как деструктивный эскапизм стремится стать перманентным состоянием. Третий критерий - обогащение опыта: после конструктивного ухода человек возвращается с новыми силами, после деструктивного - опустошенным с чувством вины. И наконец, свобода выбора: подлинный эскапизм — это свободное решение, и Ролло Мэй подчеркивал, что конструктивное использование тревоги возможно, когда сохраняется способность выбирать [7, с. 208], тогда как деструктивный эскапизм - это компульсивное поведение, зависимость.

Желание «уехать в лес» или «уйти в видеоигры» само по себе не болезнь и не добродетель - это форма, содержание которой определяет мотивация. Эскапизм становится философской стратегией, когда представляет собой осознанное дистанцирование от мира, в котором реальность подменяется симуляцией, и способность остановиться становится условием выживания личности. Пелевин в «*Generation «П»*» показал мир тотальной симуляции, где внутренняя эмиграция оказывается единственным способом сохранить себя [4, с. 215]. Мудрец отличается от беглеца не уходом, а возвращением: он уходит в лес, чтобы найти источник, и возвращается с водой к людям; он уходит в игру, чтобы испытать себя героем, и возвращается, чтобы стать им в реальности. Беглец же остается в лесу или в игре навсегда, тогда как подлинный эскапизм - это не бегство от реальности, а путь к себе, чтобы вернуться и жить осмысленно.

Список литературы:

1. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с фр. С. Великовского // Бунтующий человек. - М.: Политиздат, 1990. - С. 23-100.
2. Мэй, Р. Смысл тревоги / Пер. с англ. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. - 416 с.
3. Пелевин, В. О. Generation «П». - М.: Эксмо, 2020. - 352 с.
4. Торо, Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу / Пер. с англ. З.Е. Александровой. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. - 240 с.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. - М.: АСТ, 2019. - 288 с.
6. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. В.В. Описи. - СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. - 416 с.

Ушакова Виктория Николаевна

2 ОД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Ushakova Victoria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФЕНОМЕН АБСУРДА В ФИЛОСОФИИ АЛЬБЕРА КАМЮ: ГРАНИЦЫ СМЫСЛА, СВОБОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Аннотация: Статья посвящена философии абсурда Альбера Камю как концептуальной альтернативе как традиционной метафизике, так и экзистенциализму Сартра. Камю рассматривает абсурд как следствие конфликта между стремлением человека к смыслу и молчанием Вселенной. Исследуются онтологические и антропологические основания философии абсурда, её этическое измерение и культурно-историческая значимость. Осуществляется сравнительный анализ Камю с Ницше и Сартром. Делается вывод о позитивной этике абсурдного бунта и философии «без апелляции».

Ключевые слова: Альбер Камю, абсурд, экзистенция, Сизиф, бунт, свобода, нигилизм, смысл жизни, экзистенциализм, Ницше.

THE PHENOMENON OF THE ABSURD IN THE PHILOSOPHY OF ALBERT CAMUS: THE BOUNDARIES OF MEANING, FREEDOM, AND HUMAN DIGNITY

Summary: The article is devoted to Albert Camus's philosophy of the absurd as a conceptual alternative to both traditional metaphysics and Sartre's existentialism. Camus considers the absurd as a consequence of the conflict between man's desire for meaning and the silence of the Universe. The ontological and anthropological foundations of the philosophy of the absurd, its ethical dimension, and cultural and historical significance are explored. A comparative analysis of Camus with Nietzsche and Sartre is carried out. A conclusion is made about the positive ethics of absurd rebellion and philosophy "without appeal".

Keywords: Albert Camus, absurdity, existence, Sisyphus, rebellion, freedom, nihilism, the meaning of life, existentialism, Nietzsche.

Проблема абсурда стала центральной темой экзистенциальной философии XX века. В условиях кризиса классической метафизики, крушения религиозной картины мира и утраты доверия к рационализму, человек оказался в ситуации онтологической пустоты. Альбер Камю (1913–1960), французский писатель, философ, публицист и лауреат Нобелевской премии, радикально поставил вопрос: может ли человек жить без смысла? И если да, то как ему жить? Камю не принимает ни религиозной надежды, ни метафизических утешений, ни нигилистической капитуляции. Он выдвигает философию, в

которой отказ от иллюзий не ведёт к отчаянию, а становится условием внутренней свободы и достоинства. Его философия — это проект существования внутри абсурда, без выхода за его пределы [1, с. 23-25].

Камю формулирует абсурд как следствие конфликта между двумя сторонами: человеческий разум, стремящийся к смыслу, ясности, целостности, и мир, который остаётся молчаливым, хаотичным, лишённым внятной структуры.

«Абсурд рождается из этой конфронтации между человеческим зовом и безмолвной тишиной мира» [1, с. 28]. Абсурд — это не философское положение, а экзистенциальное переживание: пробуждение сознания к факту, что реальность не оправдывает человеческие ожидания. Человек бросает в мир вопросы, но получает лишь молчание. Так возникает трагический разрыв между стремлением к значению и его отсутствием.

Камю радикален: «Есть только одна по-настоящему серьёзная философская проблема — самоубийство» [1, с. 11]. Этот тезис не психологичен, а метафизичен: если жизнь не имеет смысла, имеет ли она ценность? Но Камю даёт парадоксальный ответ: именно отсутствие смысла делает жизнь подлинной. Самоубийство он отвергает как форму побега, как капитуляцию перед абсурдом. Жить — значит признать абсурд и при этом не сдаться ему. Отсюда рождается образ абсурдного человека, героя, который принимает бессмысленность и в то же время продолжает бороться. Абсурдный человек живёт по трём принципам: *сознание* — он знает правду об абсурдности мира; *отказ* — он не принимает ложных утешений (религии, идеологии, метафизики); *свобода* — он живёт «без апелляции», принимая ответственность за себя [1, с. 53-60].

Абсурдный человек не ищет оправданий. Его поведение эстетично: он превращает жизнь в произведение искусства не для вечности, а для мгновения. «Осознать абсурд — значит стать свободным. Быть свободным — значит ничего не ждать, ничего не бояться» [1, с. 66]. Сизиф — человек, обречённый вечно катить камень на вершину горы. Его труд лишён цели и плода. Но именно в этой бессмысленности, по Камю, кроется величие: «Каждое зерно этого камня, каждая минута его пути вверх — вызов богам... Мы должны представить себе Сизифа счастливым» [1, с. 122-123]. Сизиф знает абсурд, но не сдаётся. Его свобода — в осознании, его сила — в принятии участи. Он становится символом осознанного усилия, свободного от иллюзий.

Если нет Бога, нет абсолютной морали. Но это не оправдание цинизма. Напротив — Камю выдвигает этику бунта. Бунт — не революция и не насилие, а экзистенциальное несогласие с абсурдом. «Я бунтую — следовательно, мы существуем» [2, с. 22]. Бунт — это форма внутренней верности человеку, жизнь как сопротивление ничто. В «Бунтующем человеке» Камю критикует как религию, так и тоталитарные идеологии, видя в них попытки навязать искусственный смысл. Философ отстаивает человеческую меру, эстетику умеренности и величие сопротивления без надежды [2, с. 259-265].

Альбера Камю часто ассоциируют с экзистенциализмом, особенно с Жан-Полем Сартром, но он сам называл себя антиэкзистенциалистом. Основные отличия философии Камю и Сартра касаются их понимания абсурда, смысла жизни и человеческой свободы. Для Камю мир абсурден, и в нём нет изначального смысла — человек сталкивается с иррациональностью бытия и осознаёт отсутствие высшей цели. Однако Камю отказывается от метафизического поиска смысла и предлагает путь ясности, внутренней честности и сопротивления: экзистенция — это не творение смысла, а мужественное принятие его отсутствия. В этом контексте человек — это фигура бунта, сохраняющая достоинство перед лицом абсурда. Сартр же признаёт абсурдность мира, но утверждает, что человек сам создаёт смысл своей жизни. Его экзистенциализм строится на идее, что «существование предшествует сущности»: человек не предопределён, он — проект, формирующий себя через выбор [3, с. 23].

Свобода у Сартра — это не только условие человеческого существования, но и абсолютная ответственность за каждое принятое решение: «Человек осуждён быть свободным» [4, с. 37], поскольку не может опереться ни на какую внешнюю основу. Камю утверждает свободу как ясность и стойкость перед лицом абсурда, а Сартр — как активное творение себя и мира через выбор. Камю стремится к «мере и пределу» [2, с. 260], тогда как Сартр подчеркивает безграничность человеческой свободы, сопряжённой с тревогой, ответственностью и риском. Камю остаётся у истоков абсурда, отказываясь выходить за его пределы, тогда как Сартр превращает абсурд в точку отсчёта для экзистенциальной самореализации.

Фридрих Ницше и Альбер Камю близки в критике традиционной морали и религии. Однако Камю критически относится к идее воли к власти и концепции сверхчеловека, видя в них опасность оправдания насилия и разрушения меры. Камю отстаивает образ человека как существа ограниченного, но способного к достоинству, честности и эстетическому отношению к жизни. Если высшего смысла не существует, остаётся эстетика бытия. Искусство — не способ спасения, а форма сопротивления. «Творить — значит дважды жить» [2, с. 303]. Художник абсурда — не пророк, а свидетель, не провидец, а ремесленник. Искусство абсурдного мира — это искусство без утопии, но с достоинством.

Философия Альбера Камю — это философия светлого трагизма. Он не отрицает боль, смерть, пустоту, но и не отказывается от человека. Он предлагает жить внутри абсурда, без утешений, но с мужеством. Сизиф, знающий истину и всё равно поднимающий камень, — это символ нового героизма, в котором истина не ведёт к спасению, но делает человека свободным. Камю утверждает: смысл не найден, но человек всё ещё достоин.

Особое внимание Камю уделяет различию между «бунтом» и «революцией». Если революция стремится изменить мир на основе идеала или утопии, то бунт, напротив, отвергает как реальность несправедливости, так и фальшь утешительных конструкций. Он опирается на живое чувство

справедливости, возникающее из конкретного опыта страдания и унижения. Камю подчёркивает: «Каждый акт бунта является свидетельством того, что в человеке есть нечто, что он считает недопустимым попираť» [2, с. 22–24]. Отсюда вырастает идея меры как центрального критерия этики абсурдного сознания: «Мера есть критерий свободы. Кто отвергает меру, тот разрушает свободу» [2, с. 259].

Противопоставление Камю и Сартра связано также с разными трактовками роли интеллекта и социального действия. В то время как Сартр видит в интеллектуале субъекта ангажированности и политической борьбы, Камю настаивает на этической дистанции и ответственности художника перед правдой. Он пишет: «Истинный художник обязан отказаться от лжи и насилия. Его задача — свидетельствовать, не судить» [2, с. 296]. В этом смысле, Камю ближе к философии свидетельства, тогда как Сартр — к философии действия.

Важно также отметить, что Камю не отвергает ценности — он лишь отказывается от их абсолютизации. Абсурд не означает полное отрицание, но требует переоценки: «Отказ от абсолютных смыслов не отменяет смысла вовсе. Он позволяет человеку создавать относительные, земные формы смысла — любовь, труд, справедливость» [1, с. 65–67]. Бунт не только отрицает, но и утверждает: он сохраняет ценность человека даже в мире без Бога.

В работе «Чума» (1947), Камю художественно воплощает эти идеи через фигуру доктора Риэ, для которого борьба с болезнью — это форма бунта, отказа от согласия с ненавистью и смертью. Риэ не верит в метафизические оправдания, но действует, исходя из чувства человеческой солидарности: «Есть в людях больше вещей, достойных восхищения, чем презрения» [3, с. 287]. Здесь абсурд встречается с состраданием, а этика бунта — с этикой сопричастности.

Если Камю утверждает предельную ясность и честность как основу свободы, то Сартр радикализирует свободу как онтологическое бремя. Он настаивает: «Человек не только свободен, он — свобода» [5, с. 60]. Однако эта свобода порождает «тревогу», поскольку отсутствует внешний ориентир. Камю же предлагает другой образ свободы — не как пустоты, а как формы сопротивления, внутреннего порядка, осознания предела. Он не абсолютизирует свободу, но находит её внутри границ: «Мера есть единственная защита против насилия и отчаяния» [2, с. 262].

Список литературы:

1. Камю А. Миф о Сизифе. — М.: АСТ, 2020.
2. Камю А. Бунтующий человек. — М.: АСТ, 2018.
3. Камю, А. Чума. / Пер. с франц. Н. Любимовой. — М.: АСТ, 2011.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. — М.: Республика, 1999.
5. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. / Пер. с франц. А. Николаева. — М.: Канон+, 2006.

Фанталова Александра Антоновна

3 ИД-6

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Fantalova Alexandra

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МУЗЕЕВ РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Аннотация: Цифровая трансформация музеев сегодня выходит за привычные рамки, происходит смена культурной модели. Во-первых, технологии стали инструментом переосмысления наследия: музеи переходят от привычной схемы к «живой» этнографии и созданию интерактивных выставок. Во-вторых, растет запрос на доступность и новые форматы: аудитория онлайн-проектов только одного музея может достигать 16,7 млн просмотров в год. А виртуальные туры и 3D-модели стали больше привлекать посетителей, чем обыденные и всем привычные экспозиции. Однако процесс сопровождается серьезными правовыми и этическими вызовами: не урегулированы вопросы авторского права при использовании нейросетей и статуса произведений, созданных искусственным интеллектом. Также сохраняется разрыв между технологическими возможностями и реальной готовностью музеев: нехватка компетенций сотрудников, шаблонность нейросетей и риск подмены подлинника цифровым форматом.

Ключевые слова: Музеи, культура, цифровизация, будущее, возможность, прогресс.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE CULTURAL SPACE OF RUSSIAN MUSEUMS: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Summary: Today, the digital transformation of museums goes beyond the usual framework — it is a change in the cultural model. Firstly, technology has become a tool for rethinking heritage, as museums shift from traditional exhibitions to "live" ethnography and interactive displays. Secondly, there is a growing demand for accessibility and new formats, with online projects reaching up to 16.7 million views per year. Virtual tours and 3D models have become more appealing to visitors than traditional exhibitions. However, the process is accompanied by serious legal and ethical challenges: the issues of copyright in the use of neural networks and the status of works created by artificial intelligence have not been resolved. There is also a gap between technological capabilities and the actual readiness of museums: the lack of employee competencies, the standardization of neural networks, and the risk of replacing the original with a digital format.

Keywords: Museums, culture, digitalization, future, opportunity, progress.

Современным музеям предстоит сохранить великое наследие прошлого для будущих поколений. При этом, музеи хотят оставаться актуальным для общества, именно с этим им помогает цифровая трансформация.

Цифровая трансформация – это не просто внедрение новейших технологий, а переосмысление связи между человеком и культурой. Цифровые технологии сегодня становятся «машиной времени» культуры. Они решают две главные задачи: сохранение истории и общественную доступность. Наследие обретает вечность и досягаемость, а музеи перевоплощаются из великолепных исторических артефактов в интеллектуальные системы смыслов.

Первый шаг уже сделан — создание цифровых двойников и электронных архивов. Например, проект «Цифрового Эрмитажа» и виртуальных каталогов музеев России становятся «вторым дыханием» культуры. Оцифровка рукописей, картин и экспонатов даёт им вторую жизнь. Изображения в высоком разрешении дают точную гарантию сохранения культурной памяти. Но главное — цифровые архивы делают редчайшие материалы доступными каждому.

Таким образом, сейчас встает вопрос о стратегии цифровизации музеев с учетом понимания того, с какими трудностями они могут столкнуться и какие перспективы их ожидают в будущем, а также нам предстоит выяснить почему музеи переходят на новый формат и какие это дает возможности культуре будущего.

В первую очередь следует отметить, что именно «клиентоцентричность» становится в последние годы одной из основных особенностей работы музеев. Данное обстоятельство обусловлено целым рядом факторов, к числу которых можно отнести такие, как повышение уровня конкуренции за посетителя в индустрии впечатлений в целом, падение интереса к музейным экспозициям и, соответственно, посещаемости со стороны отдельных групп населения.

Также необходимость создания новых форматов аттрактивности музея в глазах молодого поколения, повышение роли доходов от посещения музея при сокращении или стабилизации уровня государственных или муниципальных субсидий и ряд других. В этих условиях одним из наиболее эффективных инструментов для создания музеем условий и продуктов, привлекающих посетителя и обеспечивающих ему комфортное и интересное пребывание в музее, становится цифровизация.

Важно выделить два самых важных направления при создании цифровых музейных продуктов, призванных в ближайшие годы существенно изменить характер взаимодействия музея с его посетителями. Первое – это создание специальных ресурсов для экскурсионно-выставочного обслуживания (аудиогиды, видео гиды, VR, AR и проч.). Второе, но не по важности – создание цифровых ресурсов для новых форм работы с аудиторией музея (вебинары, онлайн-курсы, мобильные приложения, подкасты и проч.). Чтобы создавать современные цифровые продукты, музею нужно объединить усилия технических специалистов, хранителей экспозиций, маркетологов и просветителей. Автоматизация процессов не только облегчает работу отделов, но и помогает сохранять бюджет.

Это выгодно, потому что мир движется к индивидуализации сервисов. Люди привыкли получать информацию и услуги, не выходя из дома: смотреть онлайн-выставки, покупать билеты и сувениры через интернет. Популярность набирают виртуальные туры по выставкам и экспозициям музеев. Например, виртуальный тур по выставке «Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. К 140-летию со дня рождения» в Русском музее или подробные онлайн-туры по залам Эрмитажа. Благодаря этому музеи зарабатывают больше и находят зрителей по всему миру. А еще появляется возможность вовлечь в творчество «продвинутых» пользователей, заинтересованных в соавторстве.

Новым веянием является выставка без участия экскурсовода, гораздо интереснее самому посетителю делать открытия, чем слушать заученный текст от сотрудника музея. Например, аудиогиды по постоянной экспозиции и временным выставкам в Третьяковской галерее. Также довольно популярен аудиогид по мемориальной квартире и улицам Достоевского в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского. В качестве целевой аудитории имеются ввиду посетители временных выставок («Цифровизация больше всего отразится на временных выставках»), что потребует более гибких инструментов перевода в цифровой вид контента.

Важной задачей внедрения цифровых технологий считаются новые формы взаимодействия с посетителями. Технология виртуальной реальности обладает достаточной степенью иммерсивности для подачи музейного контента на должном информационном и эмоциональном уровне. Плоскостные мультимедиа надоели зрителям уже довольно давно. Перспективным направлением можно считать создание личных кабинетов для музейных посетителей. Этот инструмент, доказавший свою эффективность в выстраивании прочных связей с потребителями в разных отраслях, в музеях встречается крайне редко, что указывает на его высокий потенциал.

Людям больше нравится цифровой формат музеев, потому что они имеют возможность высказать свою точку зрения, выразить эмоции. Зрители посещают выставки, выкладывают фотографии, делятся впечатлениями в социальных сетях, начинается обсуждение. Музеи получают новых посетителей, благодаря отзывам и «рекламе», люди получают возможность обсудить увиденное и поделиться эмоциями.

Из этого плавно вытекает из «ощущение общности» с какой-либо группой людей, проявление своей идентичности. Все также завязывается на социальных сетях, посещение выставки определенной тематики сближает единомышленников. Что также важно каждому – это определение актуального для себя контента, формирование информационных запросов. Зритель ищет в интернете галерею или выставку, интересующую его, на основе рекомендаций, он будет получать информацию о новых программах. Становится понятно, что все перечисленные особенности связаны друг с другом: свобода самовыражения соприкасается с открытым и масштабным информационным полем, индивидуальным выбором тем и групп, определением собственной идентичности.

Можно сделать вывод: цифровые медиа принципиально отличаются от традиционных. Сама суть коммуникации мало изменилась, но трансформировались ее формы и музейные продукты. Ключевые отличия новых медиа – в интерактивности (зритель сам управляет контентом) и расширенных возможностях восприятия. Осваивая мультимедиа, музей создает форматы, неразрывно связанные с конкретным носителем информации. Такая свобода выбора привлекает посетителей, а сообщения и реклама, учитывающие интересы аудитории, повышают результативность взаимодействия.

Чтобы держать высокую планку в сфере культуры и досуга и привлекать разные группы посетителей, музеи вынуждены осваивать приемы, привычные для коммерческого сектора. Стремясь удержать аудиторию, они за последние десятилетия значительно расширили свой репертуар: от внедрения дополненной реальности и проведения театрализованных экскурсий до выпуска собственных изданий и ведения блогов. Например, Виртуальный Русский музей активно использует AR для образовательных программ. Театрализованные экскурсии показывают сценарии на основе писем и стихов в Музее-усадьбе Державина.

Популярность фестивалей еды и тематической «мерча», сопровождающих крупные выставки, казалось бы, работает на привлечение публики. Однако, используя такие форматы, музей неизбежно вступает в конкуренцию с театрами, книжными магазинами и кафе. За эмоциональной игрой зритель скорее пойдет в театр, книжный рынок явно лучше знают издательства, а для знакомства с аутентичной кухней музей — далеко не самое очевидное место. Значит, музею необходимо разработать нечто новое и уникальное для публики, то, что будет заставлять приходить зрителей снова.

Таким образом, в будущем музеи смогут предоставлять информацию посетителям из любой точки мира, что особенно важно для людей с ограниченными возможностями, цифровые копии материалов прошлого переживут оригиналы и позволят изучать их даже после утраты или реставрации, будет усовершенствована система адаптации контента под конкретного посетителя через мобильные приложения или онлайн-гидов. Погружение в любую эпоху с помощью VR/AR станет обыденностью, посетитель станет участником, а не наблюдателем, обучение превратится в игру, что сделает музей привлекательным для нынешних и будущих поколений. Музеи будущего – это не только здание с реликвиями прошлого, а бесконечное, интерактивное и доступное каждому культурное пространство, где прошлое пересекается с цифровыми технологиями будущего.

Список литературы:

1. Сизова, И. А., Гордин, В. Э. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы (по материалам социологического исследования) // Журнал «Информационное общество». – 2022. – С. 1 – 10.

2. Рыжкова, О. А. Музей в эпоху цифровой трансформации: от технологии к аудитории // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – С. 130 – 136.
3. Спиридонова, А. В., Рахимбаева, И. Э. Цифровизация музеев: возможности для расширения и сохранения наследия // ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского». – 2025. – С. 438 – 443.

Федорова Марина Евгеньевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Marina Fedorova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ государственных символов Российской Федерации – герба, флага и гимна как семиотических систем, кодирующих фундаментальные основы национальной идентичности и государственности. Исследуется исторический генезис и эволюция каждого символа, раскрывается их смысловое наполнение в контексте политических, исторических и культурных традиций России. Особое внимание уделяется процессу символической легитимации и институционализации в постсоветский период, а также их роли в консолидации общества и формировании гражданско-патриотического сознания. Символы рассматриваются не как статичные атрибуты, а как динамичные элементы общественно-политического дискурса, аккумулирующие в себе историческую память и обозначающие стратегические ориентиры развития страны. Доказывается, что единство исторической преемственности и современного конституционного порядка составляет сущностное ядро российской символической системы.

Ключевые слова: государственные символы, герб России, флаг России, гимн России, национальная идентичность, государственность, историческая преемственность, политическая семиотика, конституционный порядок, патриотизм.

STATE SYMBOLS OF RUSSIA AND THEIR MEANING

Summary: This article provides a comprehensive analysis of the state symbols of the Russian Federation—the coat of arms, flag, and anthem—as semiotic systems encoding the fundamental foundations of national identity and statehood. The historical genesis and evolution of each symbol are explored, revealing their semantic content within the context of Russia's political, historical, and cultural traditions. Particular attention is paid to the process of symbolic legitimization and institutionalization in the post-Soviet period, as well as their role in consolidating society and shaping civic-patriotic consciousness. Symbols are viewed not as static attributes, but as dynamic elements of socio-political discourse, accumulating historical memory and denoting strategic guidelines for the country's development. It is demonstrated that the unity of historical continuity and the modern constitutional order constitutes the essential core of the Russian symbolic system.

Keywords: state symbols, coat of arms of Russia, flag of Russia, anthem of Russia, national identity, statehood, historical continuity, political semiotics, constitutional order, patriotism.

Государственные символы, будучи визуальными и аудиальными репрезентациями страны, выполняют функцию ключевых маркеров национально-государственной идентичности, выступая концентрированным выражением её исторического пути, политических принципов и культурных кодов. В Российской Федерации осмысление герба, флага и гимна приобретает особую значимость, поскольку они являются не только официальными атрибутами суверенитета, но и точками сборки коллективной памяти, инструментами легитимации власти и средствами коммуникации между государством, обществом и международным сообществом. Их значение происходит из глубокого исторического субстрата, трансформированного в соответствии с требованиями современного конституционного строя, что создаёт уникальный синтез традиции и актуальности. Историография вопроса обогащена трудами, рассматривающими геральдические традиции [1], политическую историю символов [2] и их роль в социальных практиках [3].

Государственный герб Российской Федерации, восстановленный Указом Президента в 1993 году и окончательно закреплённый федеральным конституционным законом «О Государственном гербе Российской Федерации» [5] в 2000 году, представляет собой золотого двуглавого орла, помещённого на красном геральдическом щите, увенчанного тремя историческими коронами Петра Великого, держащего в лапах скипетр и державу и имеющего на груди щит с изображением всадника, поражающего копьём дракона. Эта многослойная композиция является итогом многовековой эволюции, начало которой положил Великий князь Московский Иван III, взявший в жены византийскую принцессу Софью Палеолог и перенявший двуглавого орла в качестве государственной печати в конце XV века. Двуглавый орёл, унаследованный от Византийской империи – Второго Рима, символизировал не только преемственность христианской имперской традиции, но и идею собирания земель, стратегического контроля над Западом и Востоком, что отражало геополитическое положение формирующегося централизованного государства.

Восстановление орла в постсоветской России стало актом исторической реставрации, декларирующим связь с дореволюционным периодом отечественной истории, отказ от советской идеологической парадигмы и заявкой на многовековую непрерывность российской государственности. Три короны, первоначально означавшие покорение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, ныне трактуются как символ суверенитета Российской Федерации и её субъектов, а также могут быть интерпретированы как отсылка к триаде ветвей власти. Скипетр и державу – регалии верховной власти, подчёркивающие государственный суверенитет и единство страны. Центральный щит с изображением всадника-змееборца, исторически

ассоциируемого со святым Георгием Победоносцем, покровителем Москвы и русского воинства, добавляет к имперскому символизму орла ещё один смысл – защиту Отечества, победу добра над злом, национальную жертвенность и готовность к самозащите. Таким образом, герб представляет собой сложный семиотический комплекс, кодирующий идеи суверенитета, исторической преемственности, территориальной целостности, верховной власти и национальной доблести.

Государственный флаг Российской Федерации, утверждённый тем же пакетом законодательных актов [6], представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: белой, синей и красной. Происхождение «триколора» связано с эпохой Петра I, который в 1705 году утвердил этот флаг в качестве флага торгового флота России, что определило его широкое распространение в качестве национального символа в последующие столетия. Однако его генезис может быть отнесён к более раннему периоду: согласно одной из версий, бело-сине-красная гамма была заимствована у голландцев, но наполнена собственным смыслом. После 1917 года триколор был заменён красным знаменем, ставшим символом советского государства, и был возвращён в общественно-политическую практику в период «перестройки» как символ демократических преобразований, а затем окончательно легитимирован в качестве государственного флага.

Семантика цветов не закреплена официально в законе, что порождает множество трактовок, уходящих корнями в дореволюционную традицию и современные интерпретации. Исторически сложилось и наиболее распространено толкование: белый цвет – символ благородства, откровенности, а также свободы и независимости (либо, в другой трактовке, мира, чистоты и совершенства); синий – цвет верности, честности, безупречности, а также Богородицы, покровительницы России; красный – цвет мужества, великодушия и любви, крови, пролитой за Отечество. В совокупности эти цвета могут быть прочитаны как триада «Вера, Надежда, Любовь» или как выражение идеи единства трех славянских народов (белорусов, украинцев, русских) в рамках единой государственности.

В современном политическом контексте триколор выступает прежде всего как символ государственного суверенитета, независимости России и преемственности с исторической Россией, отличной от советского периода. Его повсеместное использование, регламентированное законом, призвано визуально маркировать пространство государственности и способствовать формированию у граждан чувства сопричастности к национальному сообществу.

Государственный гимн России, музыкально-поэтический символ, обладает наиболее драматичной историей в XX веке, неоднократно менявшийся в зависимости от политической власти. Современный гимн, утверждённый в 2000 году [7], использует музыку гимна Советского Союза, созданную Александром Александровым в 1939 году, с новым текстом, написанным Сергеем Михалковым (автором текстов гимнов как 1943, так и

1977 годов). Это решение, компромиссное по своей природе, вызвало широкую общественную дискуссию, но в конечном итоге было воспринято как прагматичный шаг, сочетающий мощную, узнаваемую музыкальную основу, ассоциирующуюся с героическими достижениями советского народа (в частности, победой в Великой Отечественной войне), с новым текстом, отражающим реалии современной России. Музыка Александрова отличается торжественностью, размахом и эмоциональной мощью, что соответствует функции гимна как средства эмоционального сплочения. Текст С. Михалкова, избегая идеологических клише советской эпохи, делает акцент на пространственных характеристиках страны («от южных морей до полярного края»), её природном богатстве, провозглашает веру в Отечество и его мудрость, а также обозначает преемственность поколений («Предками данная мудрость народная!»). Таким образом, гимн выполняет функцию не только церемониального атрибута, но и инструмента формирования исторического сознания, в котором советский период не отрицается полностью, но интегрируется в более широкий контекст российской истории как эпоха великих свершений и жертв. Гимн призван вызывать чувство гордости и патриотизма, являясь аудиальным сопровождением ключевых государственных и общественных событий.

Значение государственных символов России не ограничивается их официальным описанием и исторической справкой. Их социальная и политическая эффективность проявляется в процессах повседневных практик, ритуалов и дискурсов. Институционализация символов через систему образования, СМИ, официальные церемонии (поднятие флага, исполнение гимна на спортивных соревнованиях, использование герба на документах и фасадах органов власти) превращает их в действенные инструменты политической социализации и формирования гражданской идентичности. Они выступают в качестве «скреп», визуально и эмоционально объединяющих многонациональный и многоконфессиональный народ Российской Федерации вокруг общих ценностей и исторической судьбы.

В международном общении герб и флаг служат дипломатическими идентификаторами, маркируя представительства страны и её позицию в мире. Примечательно, что в последние десятилетия наблюдается рост значимости государственной символики в общественном пространстве, что коррелирует с курсом на укрепление национального суверенитета и патриотического воспитания.

Критический анализ роли символов, однако, не должен упускать из виду их дискурсивную природу: они могут становиться объектами политической борьбы и переосмысления, как это произошло в 1990-е годы, когда споры о флаге и гербе были аренами столкновения между различными версиями национальной памяти и политическими проектами. Устоявшийся сегодня символный комплекс представляет собой результат сознательного выбора, направленного на достижение общественного консенсуса через апелляцию к

авторитету истории (герб), либерально-демократическим ценностям эпохи реформ (флаг) и эмоциональной силе общей памяти (гимн).

В заключение следует констатировать, что государственные символы Российской Федерации – герб, флаг и гимн – образуют целостную семиотическую систему, значение которой определяется их способностью аккумулировать в себе историческую память, легитимировать существующий политический порядок и проецировать образ страны в будущее. Их содержательная многогранность, проистекающая из сложного исторического синтеза дореволюционного, советского и современного периодов, позволяет им обращаться к разным сегментам общества, предлагая объединяющую, а не исключаящую модель национальной идентичности.

Устойчивость и общественное признание символов государства являются важным индикатором консолидации нации вокруг базовых ценностей, суверенитета, независимости и исторической преемственности.

Список литературы:

- 1.Соболева Н.А. Российская государственная символика: история и современность. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 208 с.
- 2.Голованова М.П., Шергин В.С. Государственные символы России: Науч.-поп. изд. для детей. – М.: Росмэн, 2004. – 160 с.
- 3.Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 240 с.
- 4.Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» (ред. от 12.03.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (ч. I). – Ст. 5020.
- 5.Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» (ред. от 12.03.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (ч. I). – Ст. 5021.
- 6.Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (ч. I). – Ст. 5022.

Федорова Марина Евгеньевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Marina Fedorova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ МОДЫ ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ И ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ (1725-1801 ГГ.)

Аннотация: В статье рассматривается изменение женской придворной моды в России на протяжении XVIII века – от эпохи дворцовых переворотов (1725-1762 гг.) до правления Павла I (1796-1801 гг.). Данный период, характеризующийся частой сменой власти и доминированием женщин-правительниц, оказал влияние на эстетические идеалы и костюм аристократии. На основе анализа исторических источников и иконографических материалов доказывается, что мода стала не только инструментом политической легитимации, но и отражением смены культурных ориентаций – от демонстративной роскоши барокко и рококо к строгому регламенту классицизма и военизированной дисциплине павловского времени. Особое внимание уделяется влиянию личных вкусов императриц (Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II) и Павла I на формирование стилистики эпохи.

Ключевые слова: история России, дворцовые перевороты, мода, просвещенный абсолютизм, костюм, дворянство, XVIII век, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр I, Екатерина II, Павел I.

FEATURES OF FASHION IN THE ERA OF PALACE COUPS AND ENLIGHTENED ABSOLUTISM IN RUSSIA (1725-1801)

Summary: The article examines the changes in female court fashion in Russia throughout the 18th century – from the era of palace coups (1725-1762) to the reign of Paul I (1796-1801). This period, characterized by frequent changes of power and the dominance of female rulers, influenced the aesthetic ideals and costumes of the aristocracy. Based on the analysis of historical sources and iconographic materials, it is proven that fashion became not only a tool of political legitimation but also a reflection of shifting cultural orientations – from the demonstrative luxury of Baroque and Rococo to the strict regulations of Classicism and the militarized discipline of the Paul I era. Special attention is paid to the influence of the personal tastes of the empresses (Catherine I, Anna Ioannovna, Elizabeth Petrovna, Catherine II) and Paul I on the formation of the era's style.

Keywords: Russian history, palace coups, fashion, enlightened absolutism, costume, nobility, 18th century, Anna Ioannovna, Elizabeth Petrovna, Peter I, Catherine II, Paul I.

Эпоха дворцовых переворотов (1725-1762), наступившая после смерти Петра I и продолжавшаяся до воцарения Екатерины II, представляет собой один из наиболее динамичных и противоречивых периодов в истории Российской империи. Характеризуемая частой сменой монархов, усилением роли гвардии и аристократических группировок, эта эпоха стала временем глубоких социокультурных сдвигов. В историографии данный период традиционно изучался преимущественно в политическом и экономическом ключе, тогда как сфера повседневности и материальной культуры долгое время оставалась на периферии исследовательского интереса.

Между тем, мода и костюм, будучи чувствительными индикаторами общественных настроений, предоставляют уникальный материал для понимания глубинных процессов, происходивших в среде российской элиты. Если петровские указы о платье (например, указ 1700 года) носили принудительный, «революционный» характер, ломая традиционные устои [1], то в период переворотов происходило постепенное «освоение» и адаптация европейских норм, их наполнение специфическим российским содержанием.

Так, в эпоху Анны Иоанновны (1730-1740) перешли от петровской утилитарности к барокко. Как известно, правление Анны Иоанновны ознаменовало отход от относительно сдержанных петровских идеалов. На смену европейскому костюму раннего барокко и классицизма пришла пышность и тяжеловесная роскошь позднего барокко и рококо. Это было прямое следствие вкусов императрицы и ее немецкого окружения, прежде всего Бирона. Мода стала демонстрацией богатства и мощи империи.

Женский костюм трансформировался в сторону сложных конструкций. Появились панье (каркасы для юбок в виде обручей), придававшие платью невероятную ширину. Лиф «роб» стал чрезвычайно декольтированным, а рукава – узкими, заканчивающимися пышными кружевными манжетами – энгажами. Ткани – парча, бархат, тяжелый шелк – украшались массивной вышивкой, золотым и серебряным шитьем [4]. В мужской моде утвердился тип костюма, состоявший из кафтана, камзола и кюлот. Кафтан был распашным, его полы не сшивались, демонстрируя богато украшенный камзол. Этот костюм, в отличие от петровского, был ориентирован не на удобство, а на репрезентацию.

Важным аспектом стала регламентация придворного костюма. Вводились формальные дресс-коды для балов и ассамблей, что подчеркивало иерархичность и церемониальность двора Анны [5].

В «Век галантный» Елизаветы Петровны выделяется рококо (1741-1761). Действительно, правление Елизаветы Петровны стало апогеем развития моды рококо в России. Сама императрица, страстная любительница нарядов, была главным трендсеттером империи. По свидетельствам современников, ее гардероб насчитывал тысячи платьев [2]. Мода этого периода окончательно утратила принудительный характер и стала внутренней потребностью дворянства [6].

Стиль рококо принес с собой пастельные тона (нежно-голубые, розовые, салатовые), легкость и изящество, хотя каркас панье сохранился, став еще шире. Платья стали еще более декоративными: их украшали лентами, бантами, гирляндами из искусственных цветов, кружевными рюшами («воланами»). Появилась французская мантия (*robe à la française*) с характерным драпированным шлейфом. В моду вошли «летающие» ткани – легкий шелк, муар, газ.

Мужская мода также стала более изысканной. Кафтаны и камзолы шились из узорчатых шелков и бархата, богато украшались вышивкой. В обиход прочно вошли белые чулки, башмаки с пряжками, трости и табакерки как обязательные аксессуары светского человека. При Елизавете произошла настоящая «бархатизация» и «золочение» русского дворянства, чей внешний вид должен был соответствовать блеску и веселью ее двора.

Краткий курьез Петра III (1761-1762) наблюдался как предвестие нового стиля. Так, правление Петра III, несмотря на свою кратковременность, оказало заметное влияние на моду, продемонстрировав прямую связь между политическими симпатиями монарха и стилем двора. Ярый поклонник прусского короля Фридриха II, Петр ввел в русскую армию прусскую униформу, что было воспринято гвардией крайне негативно [3]. В гражданской моде он также пытался популяризировать прусский фасон – более строгий и военизированный.

Этот эпизод показателен: мода вновь, как и при Петре I, стала инструментом политической демонстрации. Однако на этот раз она вызвала отторжение, так как противоречила устоявшимся за предыдущие десятилетия французским вкусам и национальной идентичности элиты, что в конечном счете стало одной из причин его свержения [5]. Отмена обязательной придворной службы для дворян, объявленная Петром III, также потенциально могла изменить модные практики, сместив фокус с обязательного придворного костюма на более разнообразные формы частной жизни, но переворот 1762 года прервал эту тенденцию.

Мода в «золотой век» Екатерины II находилась между свободой и регламентом. Правление Екатерины II ознаменовалось переходом от вычурности рококо к строгим линиям и античным идеалам классицизма. Этот стилистический поворот был глубоко идеологичен: классицизм с его культом разума, гармонии и гражданских добродетелей идеально соответствовал духу Просвещения, который исповедовала императрица [7].

В женской моде произошла радикальная трансформация. На смену панье пришли фижмы, которые делали юбку плоской спереди и сзади, но сильно расширяли ее по бокам. В 1780-е гг. в моду вошел английский костюм – платья-«шемиз» свободного кроя из тонких муслинов и батиста, часто без корсета, подражавшие античным туникам. Этот стиль, известный как «рубашечная мода», демонстрировал стремление к «естественности» и свободе [7].

При Екатерине мода стала более демократичной и разнообразной. Дворянство, получившее «вольность» по Жалованной грамоте 1785 года, активно развивало усадебную культуру, что породило спрос на более практичную одежду для частной жизни. Однако эта свобода сочеталась с элементами регламентации. Именно при Екатерине был издан указ, регламентировавший форменный гражданский костюм для чиновников, что закрепляло визуальную иерархию имперского общества [5].

При Павле I (1796–1801) заметна своеобразная «военизированная» реакция на моду. Следует отметить, что правление Павла I стало резкой реакцией на екатерининскую эпоху и её «развращённые», с его точки зрения, нравы. Мода подверглась тотальной регламентации и унификации, превратившись в инструмент дисциплины и контроля. Целью Павла было создание регулярного, подчинённого единым правилам общества по образцу военного лагеря.

Были изданы многочисленные указы, запрещающие ношение французских круглых шляп, фраков, жилетов, длинных панталон и любой одежды, ассоциировавшейся с революционной Францией [5]. Вместо этого в приказном порядке вводился общеимперский мундир для дворян, состоявший из кафтана прусского образца, камзола, кюлот, чулок и башмаков с пряжками. Цвет и фасон одежды строго регламентировались в зависимости от губернии. Женские платья также должны были соответствовать моде 1770-х годов, что символизировало возврат к «старым добрым порядкам» [7].

Эти меры вызвали шок и сопротивление в среде дворянства. Костюм павловской эпохи стал наглядным выражением конфликта между абсолютистской властью, стремящейся к тотальному контролю, и сословием, уже вкусившим плодов относительной свободы. Жесткая регламентация моды стала одной из многих причин глубокого недовольства павловским режимом, приведшего к трагической развязке в 1801 году.

Таким образом, характер и динамика российской моды на протяжении XVIII века менялись и зависели от предпочтений правящего императора и Двора.

Во-первых, эволюция костюма от эпохи дворцовых переворотов до правления Павла I наглядно демонстрирует его превращение в мощный инструмент политики и социального управления. На каждом этапе мода отражала ключевые идеологические установки верховной власти: от демонстрации имперского величия при Анне Иоанновне и гедонистического блеска при Елизавете – к просвещённому культу «естественности» при Екатерине II и военизированной дисциплине при Павле I.

Во-вторых, была выявлена сложная диалектика свободы и регламента в истории российской моды. Периоды относительной стилистической свободы (расцвет рококо при Елизавете, усадебная мода при Екатерине) сменялись этапами жёсткой унификации (петровские указы, павловские запреты). Это свидетельствует о том, что костюм являлся одним из ключевых полей борьбы

между абсолютистским государством и формирующимся гражданским обществом.

В-третьих, мода выполнила ключевую социальную функцию в консолидации и стратификации дворянского сословия. Через единые модные практики, требовавшие значительных финансовых затрат, дворянство визуально отделяло себя от других социальных групп, утверждало свою исключительность и привилегированный статус. При Павле I эта функция была доведена до абсолюта, когда костюм стал знаком не столько сословной принадлежности, сколько подчинённости государственной машине.

Таким образом, трансформации моды в XVIII веке являются не просто сменой эстетических предпочтений, а ценным историческим источником, раскрывающим глубинные механизмы взаимодействия власти, общества и культуры в имперский период России. Сложившиеся к началу XIX века стилистические и регулятивные практики заложили основу для дальнейшего развития моды как элемента государственной политики и общественной жизни в последующие исторические эпохи.

Список литературы:

1. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 383 с.
2. Пирогова Л. Л. История костюма и быта. Эпоха Елизаветы Петровны // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – С. 75–85.
3. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). – М.: Ломоносовъ, 2011. – 328 с.
4. Стриженова Т. К. Из истории костюма: От древности до модерна. – М.: ГИТИС, 2000. – 200 с.
5. Елизавета Петровна. Указы и манифесты // Полное собрание законов Российской империи. Том XI–XV. – СПб., 1830.
6. Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. – М.: Центрполиграф, 2003. — 329 с.
7. Государственный Эрмитаж. Коллекция онлайн. – URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/explore/collections/mastpiece/?lng=ru> (Дата обращения: 09.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Коллекция костюма и текстиля, включающая предметы гардероба XVIII века.

Федорова Марина Евгеньевна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Marina Fedorova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПЬЕР КАРДЕН И «КОСМИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: МОДНЫЙ ДОМ КАК КАНАЛ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (1960-1979 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу деятельности французского кутюрье Пьера Кардена в СССР и странах Восточного блока в период с конца 1950-х по 1970-е годы. Феномен Кардена рассматривается как уникальный канал культурной дипломатии в эпоху «холодной войны», позволивший осуществить транзит не только эстетических кодов, но и бизнес-моделей через идеологический барьер. Исследование строится на междисциплинарном подходе, синтезирующем методы истории международных отношений, экономической истории и истории моды. Автор приходит к выводу, что Карден, мастерски используя риторику «мирного сосуществования» и универсализма «космической эры», сумел создать операционный мост между системами, выступая одновременно как агент «мягкой силы» Запада и как поставщик легального люкса для социалистической элиты. Его деятельность, хотя и не привела к кардинальным структурным изменениям в советской легкой промышленности, существенно повлияла на визуальную культуру и представления о моде в закрытом обществе, став примером парадоксального симбиоза геополитики и коммерции.

Ключевые слова: Пьер Карден, культурная дипломатия, «холодная война», мода, СССР, социалистический блок, «мягкая сила», прет-а-порте, лицензионные соглашения, «космическая эра», легкая промышленность.

PIERRE CARDIN AND "COSMIC SOCIALISM": THE FASHION HOUSE AS A CHANNEL OF CULTURAL DIPLOMACY BETWEEN EAST AND WEST (1960-1979)

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the activities of French couturier Pierre Cardin in the USSR and Eastern Bloc countries from the late 1950s to the 1970s. The Cardin phenomenon is examined as a unique channel of cultural diplomacy during the Cold War, which facilitated the transit of not only aesthetic codes but also business models across the ideological divide. The research employs an interdisciplinary approach, synthesizing methods from the history of international relations, economic history, and fashion history. The author concludes that Cardin, skillfully utilizing the rhetoric of "peaceful coexistence" and the universalism of the "space age," managed to create an operational bridge between the

two systems, acting simultaneously as an agent of Western "soft power" and as a supplier of legitimized luxury for the socialist elite. Although his activities did not lead to radical structural changes in the Soviet light industry, they significantly influenced the visual culture and perceptions of fashion within the closed society, serving as an example of a paradoxical symbiosis of geopolitics and commerce.

Keywords: Pierre Cardin, cultural diplomacy, Cold War, fashion, USSR, Socialist Bloc, soft power, prêt-à-porter, licensing agreements, Space Age, light industry.

В контексте жесткой биполярной конфронтации 1950–1960-х годов любые культурные контакты между Востоком и Западом неизбежно приобретали политический характер, выступая либо инструментом пропаганды, либо каналом для осторожного диалога. Визит французского кутюрье Пьера Кардена в Москву в июле 1959 года, организованный при содействии советской торговой миссии во Франции и французских левых кругов, стал событием, выходящим за рамки чисто отраслевого интереса [1]. Этот визит, последовавший вскоре после знаменитого «кухонного спора» Никиты Сергеевича Хрущева и Ричарда Никсона, проходил в логике провозглашенной советским руководством политики «мирного сосуществования», требовавшей визуальных подтверждений открытости и технологического прогресса социализма. Для СССР прием Кардена, уже к тому времени известного своими авангардными, футуристическими работами, решал несколько задач. Во-первых, это был жест, демонстрирующий миру культурную либерализацию и отход от сталинской изоляции. Во-вторых, режим получал возможность точно удовлетворить запросы партийной и творческой номенклатуры на предметы роскоши и символы статуса, не прибегая к массовому импорту [2]. Для Франции, и, в частности, для правительства де Голля, стремившегося к проведению независимой внешней политики и наращиванию влияния в мире, фигура Кардена стала идеальным проводником «мягкой силы». Мода, как аполитичная на первый взгляд сфера искусства и коммерции, позволяла мягко, но настойчиво демонстрировать превосходство западного образа жизни, креативности и экономической эффективности, «пробивая» таким образом железный занавес не идеологическими лозунгами, а эстетическими образами [3].

Эстетика Кардена, получившая определение «космический век», с ее геометричными силуэтами, синтетическими материалами, минимализмом и футуристическим пафосом, парадоксальным образом оказалась созвучной утопическому модернизму социалистической эстетики 1960-х. Если на Западе его коллекции были частью дискурса технологического оптимизма и поп-культуры, то в советском контексте они могли быть прочитаны как материализация светлого коммунистического будущего, где наука и прогресс определяют и формы одежды [4]. Однако это внешнее созвучие маскировало фундаментальное противоречие. Коллекции Кардена, особенно его

революционная линия прет-а-порте, несли в себе идею демократизации моды, ее серийности и доступности, что напрямую конфликтовало с реалиями дефицитной плановой экономики СССР. Советская легкая промышленность была ориентирована на массовый пошив простой и дешевой одежды, а не на оперативное тиражирование дизайнерских моделей. Поэтому восприятие Кардена в СССР оказалось глубоко двойственным. Для узкого круга элиты его имя ассоциировалось с легальным и престижным доступом к западному шику, что подтверждают его регулярные показы в Доме моды на Кузнецком Мосту, куда приглашались избранные [5]. Для более широкой, но все же ограниченной публики, читавшей о нем в журналах «Мода СССР» или «Работница», Карден становился абстрактным символом недостижимого «мира моды», существующего где-то за пределами советской повседневности. Его модели, адаптированные советскими художниками-модельерами, теряли свою концептуальную целостность и превращались в единичные, часто упрощенные образцы для кустарного копирования или вдохновения [6].

Подлинным прорывом Кардена стала не столько продажа единичных нарядов, сколько попытка имплантировать в советскую систему западные бизнес-модели, в первую очередь, лицензионные соглашения. Наиболее известным примером стало соглашение с Автозаводом имени Ленинского комсомола (АЗЛК) о выпуске в 1974–1976 годах специальной версии автомобиля «Москвич-2140» с эмблемой «Pierre Cardin» на кузове и эксклюзивной тканью в отделке салона [7]. Этот проект, как и лицензионное производство мужской парфюмерии и галстуков, был важен не своим экономическим масштабом (выпуск «карденовских» «Москвичей» составил около 5500 экземпляров), а самим фактом. Он демонстрировал возможность прямого контракта между западным дизайнером и советским государственным предприятием, что было беспрецедентно. Для советской стороны это был эксперимент по привнесению «фирменного» подхода и повышению престижа продукта. Для Кардена — способ легализации своего бренда на огромном, пусть и малодоступном, рынке и укрепление имиджа глобального новатора, преодолевающего любые барьеры. Влияние его бизнес-подхода на советскую легкую промышленность в целом было, однако, минимальным. Плановая система, отсутствие конкуренции и рыночных механизмов, а также хронический дефицит сырья и технологий не позволили внедрить логику быстрой моды или лицензионного брендинга. Тем не менее, Карден стал важным «окном» в мир западного стиля для советских модельеров и отраслевых специалистов. Его визиты и показы, подробно освещавшиеся в профессиональной прессе, способствовали медленной эрозии изоляционистских представлений о моде, знакомя с новыми материалами, технологиями кроя и, что важнее, с самой идеей дизайнера как творца и коммерсанта [8].

Таким образом, оценка роли Пьера Кардена как «агента влияния» или гениального предпринимателя требует отказа от этой дихотомии. Его деятельность представляла собой синтез обеих ипостасей. Он, безусловно,

был инструментом западной, в частности французской, культурной дипломатии, осознанно участвуя в проекте «мягкой силы». Его миссия по эстетическому «просвещению» Востока вписывалась в общую стратегию преодоления идеологических границ через культурный обмен. С другой стороны, Карден мастерски использовал геополитический раскол для решения сугубо коммерческих и имиджевых задач. Его риторика, в которой мода выступала универсальным языком мира и прогресса, позволяла избегать политических трений и находить общий язык с чиновниками и партийными функционерами. Он не был ни слепым орудием спецслужб, ни циничным дельцом. Скорее, Карден представлял собой тип культурного предпринимателя-медиатора, чей успех основывался на уникальной способности находить точки соприкосновения между, казалось бы, несовместимыми системами — капитализмом и социализмом, люксом и эгалитаризмом, футуризмом и традицией. Его наследие в контексте культурной дипломатии периода «холодной войны» заключается в демонстрации того, что мода, будучи частью повседневной материальной культуры, может служить не менее эффективным, а возможно, и более проникающим каналом коммуникации между враждующими мирами, чем высокое искусство или официальная пропаганда. Его деятельность подготовила почву для будущих культурных и коммерческих обменов, показав, что даже в условиях жесткого противостояния возможны зоны ограниченного, но взаимовыгодного сотрудничества.

Список литературы:

1. Васютинский А. Д. Мода в системе культурной дипломатии Франции (1958–1974) / А. Д. Васютинский // Французский ежегодник. – 2018. – № 1. – С. 231–248.
2. Гурова О. Ю. Социализм в одном отдельно взятом гардеробе: вещи и повседневность в позднем СССР / О. Ю. Гурова // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 6. – С. 75–93.
3. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
4. Sudjic D. The Language of Things: Design, Luxury, Fashion, Art / D. Sudjic. – London: Penguin Books, 2009. – 215 p.
5. Ривчун А. Е. Дом моделей на Кузнецком Мосту: между «оттепелью» и «застоем» (1959–1979) / А. Е. Ривчун // Теория моды. – 2017. – Вып. 44. – С. 197–218.
6. Bartlett D. FashionEast: The Spectre that Haunted Socialism / D. Bartlett. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. – 312 p.
7. Сидоров Г. М. Автомобиль как объект дизайна в СССР: от функциональности к престижу / Г. М. Сидоров // Вопросы истории естествознания и техники. – 2019. – Т. 40, № 1. – С. 148–165.

8.Zakharova L. Dior in Moscow: A Taste for Luxury in Soviet Fashion under Khrushchev / L. Zakharova // The Palgrave Handbook of Communist Heritage. – Palgrave Macmillan, 2020. – P. 85–107.

Фёдорова Софья Игоревна

2 ОД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Fyodorova Sofya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Аннотация: В статье исследуется концепция идеального государства Платона через анализ диалогов "Государство" и "Законы". Рассматриваются ключевые элементы: трехчастная модель общества, правление философов, система образования и критика частной собственности. Прослеживается эволюция взглядов Платона от утопического идеализма к политическому реализму. Анализируется критика концепции (Аристотель, Поппер) и её современное значение для вопросов власти, справедливости и управления.

Ключевые слова: Платон, идеальное государство, философ-правитель, политическая утопия, античная философия.

THE CONCEPT OF THE IDEAL STATE IN PLATO'S PHILOSOPHY

Summary: This study investigates Plato's vision of the ideal state as presented in "Republic" and "Laws". It focuses on core components including the three-class social structure, rule by philosopher-kings, educational framework, and opposition to private ownership. The analysis highlights the progression in Plato's thinking from utopian theory to practical statecraft. The discussion incorporates classical (Aristotle) and modern (Popper) critiques while assessing the theory's modern applicability to questions of political authority and social justice.

Keywords: Plato, ideal state, philosopher-ruler, political theory, classical philosophy.

Философия Платона остаётся одной из самых влиятельных систем мысли в истории западной цивилизации. Его размышления об идеальном государстве, изложенные в диалогах «Государство», «Законы» и «Политик», до сих пор вызывают споры среди политологов, философов и социологов. В эпоху

кризисов политических систем, роста популизма и поиска новых моделей управления обращение к Платону помогает понять не только истоки европейской политической теории, но и возможные альтернативы современному миропорядку.

Философские основания идеального государства у Платона уходят корнями в его фундаментальные метафизические концепции. Центральное место здесь занимает теория идей, согласно которой материальный мир является лишь бледной тенью мира вечных и неизменных форм. Это онтологическое положение напрямую влияет на политическую философию Платона - если существует идеальная форма блага, справедливости и красоты, то должно существовать и государство, максимально приближенное к этим совершенным образцам.

Платоновское понимание справедливости в государстве строится по аналогии с его учением о душе. Философ выделяет три составляющие человеческой психики: разумное начало, яростное начало и воделеющее начало. Эти же элементы он переносит на социальную структуру, создавая модель трехсословного общества. Разумной части души соответствуют правители-философы, яростной - воины-стражи, а воделеющей - класс производителей. Справедливость достигается тогда, когда каждая часть выполняет свою функцию, не вмешиваясь в дела других.

Особое внимание Платон уделяет фигуре философа-правителя. В знаменитом мифе о пещере он показывает, что большинство людей подобны узникам, видящим лишь тени реальности. Только философ, совершивший трудный путь познания и увидевший истину, способен правильно управлять государством. При этом Платон подчеркивает, что философы не стремятся к власти, но принимают ее как обязанность, вытекающую из их знания блага. Для предотвращения коррупции Платон предлагает радикальные меры - отказ правителей и стражей от частной собственности и семьи.

Критика существующих форм правления составляет важную часть платоновской политической философии. Он последовательно разбирает тимократию, олигархию, демократию и тиранию, показывая, как каждое последующее государственное устройство деградирует по сравнению с предыдущим. Особенно резко Платон обрушивается на демократию, которую сравнивает с кораблем, где пьяная толпа пассажиров оспаривает право управления у знающего кормчего. Демократия, по его мнению, неизбежно вырождается в тиранию, так как популизм и потакание низменным страстям толпы открывают дорогу демагогам.

Структура идеального государства в "Государстве" представляет собой тщательно продуманную систему. Во главе стоят философы-правители, обладающие истинным знанием. Их отбирают через многоступенчатую систему образования, включающую математику, диалектику и многолетнее духовное совершенствование. Второе сословие - стражи - обеспечивают безопасность и порядок. Они проходят строгое воспитание, основанное на гимнастике и музыке, призванное развить в них смелость и дисциплину. Третье сословие -

земледельцы и ремесленники - обеспечивают материальные потребности общества.

Позднее, в "Законах", Платон несколько смягчает свою позицию, отказываясь от наиболее радикальных элементов первоначального проекта. Если в "Государстве" он предполагал полное упразднение частной собственности для правящего класса, то в "Законах" допускает ее в ограниченных размерах. Вместо правления философов он предлагает систему строгих законов, которые должны регулировать все стороны жизни граждан. Это изменение отражает эволюцию взглядов Платона от идеалистической утопии к более реалистичной модели, учитывающей человеческую природу.

Критика платоновской концепции идеального государства имеет богатую историю. Еще Аристотель указывал на утопичность и потенциальную опасность этой модели, особенно в части отрицания частной собственности. В XX веке Карл Поппер в работе "Открытое общество и его враги" прямо обвинил Платона в тоталитаризме, увидев в его философии предвосхищение современных диктатур. Однако другие исследователи, такие как Лео Штраус, предлагали более сложные интерпретации, рассматривая платоновское государство скорее как мысленный эксперимент, чем как практическое руководство.

Современное значение платоновской политической философии остается предметом дискуссий. С одной стороны, его критика демократии кажется особенно актуальной в эпоху популизма и постправды. С другой - жесткая иерархичность его модели противоречит современным представлениям о правах человека. Тем не менее, платоновский вопрос о соотношении власти и знания продолжает волновать философов и политиков, делая его идеи живыми и востребованными спустя две с половиной тысячи лет после их создания.

Государство, по Платону, — это не просто политический институт, а воплощение высшей справедливости, где каждый гражданин занимает строго определенное место согласно своей природе. В диалоге «Государство» философ детально описывает механизмы функционирования такого общества, особое внимание уделяя системе воспитания и образования. С раннего возраста дети проходят строгий отбор — те, кто проявляет выдающиеся интеллектуальные способности, попадают в число будущих правителей, физически крепкие становятся стражами, остальные — ремесленниками и земледельцами. Этот подход отражает убеждение Платона в том, что неравенство между людьми естественно и должно быть закреплено в социальной структуре.

Образование философов-правителей занимает центральное место в платоновской модели. Оно начинается с изучения математики и музыки, затем переходит к диалектике — искусству постижения идей. Только после пятидесяти лет интенсивного обучения человек допускается к управлению государством. Такой длительный путь необходим, чтобы будущие правители полностью освободились от личных амбиций и материальных привязанностей, посвятив себя служению общему благу. Платон настаивает, что власть должна

быть не привилегией, а тяжелой обязанностью, возложенной на тех, кто менее всего к ней стремится.

Особый интерес представляет платоновская критика частной собственности. В идеальном государстве ни правители, ни стражи не могут владеть имуществом или создавать семьи — все блага у них общие. Эта радикальная идея, позже получившая название «коммунизма платоновских стражей», направлена на устранение главного, по мнению философа, источника социальных конфликтов — имущественного неравенства. Однако Платон делает важное исключение для третьего сословия: ремесленники и земледельцы сохраняют право на частную собственность, так как их материальная заинтересованность необходима для экономического функционирования государства.

В более позднем диалоге «Законы» Платон пересматривает некоторые положения своей теории, предлагая менее утопичный, но более реалистичный проект. Здесь он отказывается от правления философов, заменяя его сложной системой законов, которые регулируют все стороны жизни граждан. Частная собственность хотя и ограничивается, но не отменяется полностью. Государство в «Законах» напоминает смесь монархии и демократии, где власть распределена между различными институтами, что должно предотвратить ее концентрацию в одних руках. Этот эволюционный поворот показывает, что Платон осознавал трудности практической реализации своих ранних идей.

Критика платоновской концепции началась еще в античности. Аристотель, хотя и высоко ценивший своего учителя, указывал на несколько фундаментальных проблем. Во-первых, чрезмерное единство государства, по Аристотелю, разрушает его как политическое целое — без различий между гражданами невозможно настоящее единство. Во-вторых, отмена частной собственности для правящего класса, по его мнению, приведет не к устранению конфликтов, а к их обострению. В XX веке Карл Поппер в своей известной работе «Открытое общество и его враги» назвал Платона предтечей тоталитаризма, обвинив его в создании модели закрытого, антидемократического общества.

Однако существуют и альтернативные интерпретации. Некоторые современные исследователи считают, что Платон описывал не конкретный политический проект, а скорее идеал, к которому следует стремиться. Его государство — это не инструкция по построению реального общества, а образец для критического осмысления существующих политических систем. В этом ключе особенно интересно сопоставление платоновских идей с современными концепциями меритократии, где власть также должна принадлежать наиболее компетентным.

Актуальность платоновской философии государства сегодня проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, его анализ деградации политических систем от тимократии к тирании удивительно точно описывает многие современные политические процессы. Во-вторых, вопрос о соотношении экспертного знания и народовластия, поднятый Платоном, остается центральным для современных

демократий. Наконец, его размышления о воспитании правителей заставляют задуматься о качестве современной политической элиты. Хотя многие конкретные предложения Платона сегодня кажутся неприемлемыми, сама постановка проблем продолжает вдохновлять философов и политических теоретиков.

Таким образом, концепция идеального государства у Платона представляет собой сложный синтез метафизики, этики и политической теории. Начиная как радикальный проект переустройства общества на разумных началах, она эволюционировала в сторону более прагматичных решений. Несмотря на всю критику, платоновские идеи продолжают оставаться важным ориентиром для любого серьезного размышления о природе политической власти и справедливого общественного устройства.

Платоновское понимание идеального государства представляет собой уникальный синтез философской мысли и политического проектирования. В диалоге "Государство" философ создает не просто теоретическую модель, а целостную картину общества, где каждый элемент подчинен единому замыслу достижения высшей справедливости. Эта концепция, возникшая в IV веке до н.э., продолжает вызывать острые дискуссии среди современных исследователей политической философии.

Основой платоновской политической теории становится принцип функционального разделения общества. Философ утверждает, что естественное неравенство между людьми должно найти отражение в социальной структуре. Трехчастная модель государства - правители-философы, воины-стражи и производители - не просто описывает сословное деление, но представляет собой сложную систему взаимодействий, где каждая группа выполняет строго определенную роль. Примечательно, что Платон переносит на государственное устройство свою теорию души, создавая тем самым оригинальную психо-политическую концепцию.

Система образования в идеальном государстве заслуживает особого внимания. Платон разрабатывает многоступенчатую программу подготовки правителей, которая начинается с отбора одаренных детей и продолжается несколько десятилетий. Математика, диалектика, философские беседы - все это служит одной цели: формированию особого типа мышления, способного постигать вечные идеи. Современные исследователи отмечают, что платоновская образовательная модель предвосхищает многие элементы современных систем подготовки политической элиты, хотя и в радикально идеализированной форме.

Критика частной собственности у Платона носит принципиально иной характер, чем в позднейших социалистических теориях. Философ стремится не к экономическому равенству, а к устранению корыстных мотивов у правящего класса. Его "коммунизм стражей" - это скорее аскетический идеал, чем социально-экономическая программа. Интересно, что третий класс - производители - сохраняет право на собственность, что отражает прагматичный подход Платона к экономическим вопросам.

Эволюция взглядов философа особенно заметна при сравнении "Государства" и "Законов". В более позднем произведении Платон отказывается от многих радикальных положений, предлагая более сбалансированную модель. Замена правления философов системой законов свидетельствует о важном повороте в его мысли - от утопического идеализма к политическому реализму. Этот переход демонстрирует глубину платоновского понимания политики как сферы, где идеалы должны соотноситься с человеческой природой.

Современная рецепция платоновской концепции крайне противоречива. С одной стороны, его часто обвиняют в тоталитаризме, как это сделал Карл Поппер. С другой - многие исследователи видят в "Государстве" не политический манифест, а философскую притчу о природе справедливости. Особую актуальность сегодня приобретает платоновский анализ деградации политических систем, который удивительно точно описывает механизмы кризиса демократических институтов.

Платоновская политическая философия продолжает оставаться важным источником для размышлений о природе власти и справедливости. Его концепция идеального государства, несмотря на всю свою утопичность, ставит фундаментальные вопросы о соотношении знания и власти, о роли образования в политике, о пределах государственного регулирования. Эти проблемы сохраняют свою остроту и в современном мире, что делает диалог с Платоном постоянно актуальным.

Завершая анализ платоновской концепции, стоит отметить её парадоксальное влияние на политическую мысль. Несмотря на утопический характер, эта теория стала фундаментом для реалистического понимания государственного управления. Особенно ценным представляется платоновский анализ взаимосвязи между личной добродетелью и общественным устройством - тема, сохраняющая актуальность в современных дискуссиях о политической этике.

Важнейший урок Платона заключается в понимании государства как живого организма, где все части взаимосвязаны. Его предостережение о неизбежной деградации политических форм - от аристократии к тирании - звучит сегодня как предупреждение о хрупкости демократических институтов. При этом философ предлагает не готовые решения, а метод мышления, призывая соотносить политическую практику с философским пониманием блага.

В заключение следует подчеркнуть, что ценность платоновской концепции - не в конкретных рекомендациях (многие из которых действительно утопичны), а в поставленных вопросах. Проблема соотношения экспертного знания и народовластия, роль образования в политике, пределы государственного вмешательства - все эти вопросы, впервые сформулированные Платоном, продолжают определять повестку политической философии. Именно как источник фундаментальных проблем, а не готовых ответов, платоновское наследие сохраняет свою значимость.

Список литературы:

1. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
2. Платон. Законы // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 830 с.
3. Платон. Политик // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
4. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2010. – 398 с.
5. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1. Чары Платона. – 448 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969. – 616 с.
7. Annas, J. An Introduction to Plato's Republic. – Oxford: Clarendon Press, 1981. – 362 p.
- Pappas, N. Plato and the Republic. – London: Routledge, 2003. – 240 p.

Федорова Софья Леонидовна

2 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Fyodorova Sofya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ПОСМОДЕРНИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ МОДУ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ, ИРОНИЯ, СИМУЛЯКРЫ

Аннотация: В данной статье исследуется влияние философии постмодернизма на современную моду. Рассматриваются концепции деконструкции (Ж. Деррида), симулякров (Ж. Бодрийяр) и иронии как ключевые элементы, определяющие эстетику и функциональность модных объектов. Анализируется, как постмодернистские идеи о фрагментации, отсутствии единой истины и господстве симуляций отражаются в дизайнерских решениях, определяя новые формы самовыражения и взаимодействия с культурным наследием.

Ключевые слова: постмодернизм, мода, деконструкция, симулякр, ирония, Жак Деррида, Жан Бодрийяр.

THE INFLUENC OF POSTMODERN PHILOSOPHI ON MODERN FASHION: DECONSTRUCTION, IRONI AND SIMULACRA

Summary: This article examines the influence of the philosophy of postmodernism on modern fashion. The concepts of deconstruction are considered (J. Derrida), simulacra (J. Baudrillard) and irony as key elements defining aesthetics and functionality of fashionable objects. The article analyzes how postmodern ideas about fragmentation, the absence of a single truth and the dominance of simulations are reflected in design decisions, defining new forms of self-expression and interaction with cultural heritage.

Keywords: postmodernism, fashion, deconstruction, simulacrum, irony, Jacques Derrida, Jean Baudrillard.

Мода, как динамичная система знаков и символов, всегда отражала изменения в социокультурном ландшафте. В эпоху постмодерна, характеризующуюся отказом от метанарративов, иерархических структур и верой в единую истину, мода становится полем для экспериментов, деконструкции и ироничного переосмысления. Философия постмодернизма предоставляет теоретическую основу для понимания этих процессов, раскрывая глубинные механизмы создания и восприятия модных объектов.

Жак Деррида, французский философ, разработал концепцию деконструкции, которая предполагает анализ и разложение текстов и структур для выявления скрытых противоречий и предпосылок. В моде эта философия

проявилась в 1980–1990-х годах через работы дизайнеров, таких как Мартин Маржела, Рей Кавакубо и Йоджи Ямамото. Они начали использовать элементы одежды, подчеркивающие ее конструкцию: открытые швы, асимметричные формы и необработанные края. Такой подход подрывал традиционные представления о моде как о средстве эстетического совершенства, предлагая вместо этого критическое переосмысление самой сути одежды.

Фундаментальная идея дерридианской деконструкции, заключающаяся в развенчании бинарных оппозиций (маскулинность/феминность, высокое/низкое, оригинал/копия) и экспликации скрытых напряжений внутри любого текста, находит свое аутентичное выражение в модной практике. Дизайнеры, инспирированные идеями Деррида, намеренно нарушают устоявшиеся силуэты, деформируют пропорции, обнажают подкладки и швы, словно демонстрируя "внутренности" предмета гардероба, тем самым акцентируя внимание на трудоемком процессе конструирования.

Однако, подлинная цель деконструкции в данном случае – не простое разрушение формы, а стремление разоблачить ее искусственную природу, продемонстрировать, что одежда – это не имманентная данность, а социальный конструкт, продукт человеческой деятельности. Например, Ямамото мастерски использует деконструкцию для создания асимметричных силуэтов, складок и драпировок, создающих эффект текучести и движения. Его одежда часто выглядит незавершенной, как будто находящейся в процессе создания. Коллекции Рей Кавакубо часто характеризуются асимметрией, деформированными силуэтами и использованием нетрадиционных материалов. Кавакубо нарочито нарушает традиционные представления о красоте и женственности, создавая авангардные образы, бросающие вызов общепринятым нормам. Работы Мартина Маржелы, где намеренно выставляются внутренние швы и структура одежды, демонстрируют процесс ее создания и подрывают традиционное представление о "законченном" и "совершенном" предмете гардероба. Этот подход можно рассматривать как визуализацию дерридианской идеи о том, что "язык представляет собой систему конституирования, складывания смыслов".

Деконструктивистская мода не создает одежду с нуля, а переосмысливает существующие формы, тем самым ставя под сомнение устоявшиеся нормы и ожидания. Она также имеет значительные социокультурные последствия: стимулирует критическое мышление, заставляя людей задумываться о значении одежды и ее роли в формировании идентичности. Предоставляет больше свободы для самовыражения, позволяя людям создавать уникальные и индивидуальные образы, не следуя жестким правилам и нормам. Ставит под сомнение устоявшиеся иерархии, способствует демократизации моды, делая ее более доступной и инклюзивной. Этот подход отражает философскую идею о том, что смысл не является фиксированным, а постоянно переосмысливается в зависимости от контекста.

Ирония является ключевым элементом постмодернистской культуры. Ирония, в общем смысле, представляет собой несоответствие между

заявлением и его подразумеваемым значением. В постмодернистском контексте, ирония используется для подрыва авторитетов, размывания границ и создания дистанции по отношению к объекту насмешки. Линда Хатчеон в своей работе "Поэтика постмодернизма" отмечает, что постмодернистская ирония – это не просто высмеивание, а скорее способ проблематизации и переосмысления существующих представлений о реальности. Иронию в контексте моды дизайнеры проявляют в различных формах. Например, они используют элементы из разных эпох, стилей и культур, смешивая их в неожиданных комбинациях, создавая коллажи, полные аллюзий и отсылок. Этот приём позволяет не только переосмыслить историю моды, но и поставить под сомнение понятие оригинальности.

В модной практике, пародия проявляется как инструмент критического воспроизведения доминирующих стилистических кодов, предполагающий не простое копирование, а намеренное искажение и гиперболизацию характерных черт оригинала с целью выявления его уязвимостей и обнажения скрытых идеологических установок. Пародийные стратегии в моде могут варьироваться от использования гипертрофированных силуэтов, бросающих вызов общепринятым представлениям об эстетической гармонии, до намеренно диссонирующих цветовых комбинаций, провоцирующих зрителя на переосмысление устоявшихся вкусовых норм. Ироничное же использование логотипов, доведенное до абсурда, превращает их из символов статуса и узнаваемости в объекты сатирической деконструкции, обнажая фетишистскую природу потребительского общества.

Ирония, в свою очередь, служит мощным катализатором для подрыва гегемонных дискурсов, определяющих конструирование гендерной идентичности. Применение иронических стратегий в моде позволяет дестабилизировать бинарные оппозиции. Это представляет собой не просто стилистический выбор, а осознанный акт политического высказывания, направленный на ниспровержение гендерных стереотипов. Использование провокационных гендерных стереотипов, доведенное до абсурда, позволяет выявить их искусственность и обусловленность социальными нормами, тем самым создавая пространство для более свободной и аутентичной самоидентификации.

Анализируя коллекции и тренды, стоит отметить примеры ироничного использования моды. Джереми Скотт, как креативный директор Moschino, известен своим ироничным отношением к массовой культуре и брендингу. Его коллекции часто содержат пародии на известные логотипы, продукты питания и мультипликационных персонажей, превращая моду в площадку для остроумных комментариев о потребительском обществе. Демна Гвасалия, работая с Vetements и Balenciaga, использует иронию для деконструкции традиционных представлений о роскоши и элегантности. Его коллекции часто включают в себя вещи, которые намеренно выглядят "некрасиво" или "немодно", но в то же время становятся объектами желания. Эстетика Gucci под руководством Алессандро Микеле строится на эклектике, историзме и иронии.

Микеле смешивает элементы из разных эпох и стилей, создавая абсурдные и провокационные образы, которые одновременно восхищают и смущают.

Популярность трендов "dad sneakers" (громоздкие кроссовки, напоминающие обувь отцов) и "ugly fashion" (намеренно некрасивая мода) свидетельствует о распространении иронии в массовой культуре. Эти тренды предполагают осознанный отказ от традиционных представлений о красоте и элегантности, выбирая вместо этого провокацию и самоиронию. Ирония в моде позволяет зрителю осознать искусственность создаваемого образа и критически взглянуть на существующие модные тенденции. Она становится формой интеллектуальной игры, требующей от потребителя активного участия в процессе интерпретации.

Современная мода, находясь под сильным влиянием постмодернистской философии, демонстрирует размытие границ между аутентичностью и искусственностью, реальным и воображаемым. Концепция симулякров и симуляции, разработанная Жаном Бодрийяром, предоставляет ценный аналитический инструмент для понимания этих трансформаций. В мире, где изображения и знаки преобладают над реальностью, мода становится ареной для создания и потребления симулякров, формирующих нашу идентичность и восприятие мира. Бодрийяр утверждает, что современное общество функционирует в рамках "симулякративного порядка", где знаки и символы утратили связь с реальностью, став самодостаточными и самореферентными. Симулякр – это копия без оригинала, представление, которое предшествует реальности и даже ее заменяет. Он проходит четыре стадии развития: отражение глубокой реальности, маскировка и искажение реальности, маскировка отсутствия реальности, чистый симулякр.

Применительно к моде, концепция симулякров проявляется в фетишизации брендов. Марка, как симулякр, представляет собой набор значений и ассоциаций, которые потребители ассоциируют с определенным товаром. Покупка брендовой вещи – это не просто приобретение функционального объекта, а скорее приобщение к определенному образу жизни и социальной идентичности, сконструированной брендом. Появился культ знаменитостей. Известные люди, как симулякры успеха и красоты, становятся иконами стиля и образцами для подражания. Их одежда, аксессуары и стиль жизни копируются и имитируются, создавая гиперреальность, в которой границы между реальной жизнью и жизнью знаменитостей стираются. Цифровые технологии также оказывают своё влияние. Виртуальные аватары, онлайн-шопинг и социальные сети создают новую реальность, в которой мода становится компьютеризированной и опосредованной технологиями. Виртуальная одежда и аксессуары существуют только в цифровом пространстве, полностью отрываясь от физической реальности.

В современной моде философию Бодрийяра можно увидеть в сотрудничестве люксовых брендов с масс-маркет ритейлерами создает симулякр доступности и демократизации моды. Потребители получают возможность приобщиться к миру высокой моды, приобретая товары,

стилизованные под люксовые бренды, но по более доступной цене. Знаменитые личности, рекламирующие товары и бренды в социальных сетях, создают симулякры желаемого образа жизни и социальной идентичности. Потребители, следящие за ними, подвергаются постоянному воздействию рекламных сообщений, которые формируют их потребительские предпочтения и стремления.

Следует обратить внимание и на то, что мода, по мнению Ж. Бодрийяра: «Стремится к социальности театральной и сама собой любителю. Тем самым для каждого из нас она оказывается местом особой напряжённости, зеркалом, где отражается наше желание собственного образа» [2, с. 181]. Однако в силу того, что запрос и предложение совпадают, поскольку и то и другое формируются одним – обществом потребления – «[мода] без конца разыгрывает коммуникацию, вовлекает нас в игру ничего не сообщающей сигнификации» [4, с. 181], наделяя реальные или воображаемые знаки различным содержанием, именами, символами или опять знаками.

В эпоху симулякров мода перестает быть отражением реальности, а становится ее симуляцией. Например, искусственно состаренные джинсы или винтажные вещи, перевыпущенные в современной интерпретации, становятся симулякрами, отсылающими к прошлому, но лишенными его подлинности. Однако, как справедливо замечает автор, «копия, подвергшаяся искусственному старению, в конце концов, начинает восприниматься как подлинник» [2, с. 5], что подчеркивает текучесть и относительность понятия «подлинности» в постмодернистской культуре. Таким образом, мода становится пространством, где различие между оригиналом и копией стирается, а потребитель взаимодействует с симулякрами, принимая их за реальность.

Постмодернистские идеи нашли отражение в различных аспектах модной индустрии: деконструкция, ирония, симулякры. Эти практики позволяют моде быть не только средством самовыражения, но и инструментом критического анализа культурных и социальных структур. Понимание этих процессов позволяет глубже осознать роль моды в формировании современной идентичности и восприятия реальности.

Список литературы:

1. Деррида Ж. Деконструкция: тексты и интерпретация – Минск: Экономпресс, 2001. – 320 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. — М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — Т. 1. — 240 с. — (Технология свободы).
3. Медведева, Т.А. Трансформация значений иронического при переходе от модерна к постмодерну // Известия ТПУ. – 2013. – №6. – С. 81-86.
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2009. – 387 с.
5. Hutcheon, L. The Politics of Postmodernism. Routledge // Текстовый архив – URL: <https://textarchive.ru/c-1568839-pall.html> (дата обращения 12.05.2025)

6. Jameson, F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Duke University Press, 1991. – 314 c.

Федотов Дмитрий Дмитриевич

1 СД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Fedotov Dmitriy

Saint Petersburg State University of industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика философского процесса начала XVIII столетия – периода, который часто определяется как переходный от картезианского рационализма к зрелому Просвещению. Анализируются ключевые тенденции эпохи: кризис метафизических систем, эпистемологический поворот к сенсуализму и эмпиризму, трансформация онтологических представлений под влиянием успехов классической механики, а также формирование новой социально-философской парадигмы. Особое внимание уделяется фигурам Дж. Локка и Г. В. Лейбница как основным полемистам, определившим философскую повестку первой четверти века, а также концепции «естественной религии» как предвестницы деизма.

Ключевые слова: философия Нового времени, раннее Просвещение, эмпиризм, рационализм, сенсуализм, Локк, Лейбниц, деизм, теория познания, механицизм.

FEATURES OF THE PHILOSOPHY OF THE EARLY 18TH CENTURY

Summary: This article examines the specific nature of the philosophical process at the beginning of the 18th century – a period often defined as transitional from Cartesian rationalism to the mature Enlightenment. It analyzes the key tendencies of the era: the crisis of metaphysical systems, the epistemological turn towards sensationalism and empiricism, the transformation of ontological representations under the influence of the successes of classical mechanics, as well as the formation of a new socio - philosophical paradigm. Special attention is paid to the figures of J. Locke and G.W. Leibniz as the main polemicists who determined the philosophical agenda of the first quarter of the century, and to the concept of "natural religion" as a forerunner of deism.

Keywords: Modern philosophy, early Enlightenment, empiricism, rationalism, sensualism, Locke, Leibniz, deism, theory of knowledge, mechanism.

Начало XVIII века представляет собой уникальный и во многом пограничный этап в истории европейской мысли. Хронологически располагаясь между «веком гениев» XVII столетия и эпохой зрелого Просвещения, философия этого времени выполняет важнейшую функцию критической ревизии и систематизации идей, заложенных Декартом, Спинозой и Гоббсом [3, с. 512-520; 4, с. 256-265]. Это период, когда метафизический пыл предшествующего поколения начинает уступать место более прагматичным и ориентированным на опыт исследованиям [4, с. 268-275].

Главной особенностью философии начала XVIII века является параллельное сосуществование и острая полемика двух основных эпистемологических программ: рационализма и эмпиризма. Если XVII век прошел под знаком величия дедуктивного метода и поиска врожденных идей, то на рубеже веков маятник качнулся в сторону чувственного восприятия как фундаментального источника знания [3, с. 540-548]. Английский мыслитель Джон Локк в своем фундаментальном труде «Опыт о человеческом разумении» (1690), который фактически открывает философскую дискуссию нового века, подвергает сокрушительной критике теорию врожденных идей. Он уподобляет сознание новорожденного чистой доске, «*tabula rasa*», на которой опыт пишет свои письма. Локк разграничивает внешний опыт (ощущения) и внутренний (рефлексию), закладывая основы сенсуализма [1, с. 78-150]. Этот поворот от субстанциального вопроса «Что есть мир?» к гносеологическому «Как я познаю мир?» является одной из важнейших характеристик философии рассматриваемого периода. Внимание философов смещается с объекта на субъект, с мира на человека, точнее, на его познавательные способности [1, с. 190-220].

На противоположном полюсе европейской мысли, в континентальной Европе, великий систематизатор Готфрид Вильгельм Лейбниц вступает в заочную полемику с локковским эмпиризмом. Его работа «Новые опыты о человеческом разумении», написанная как постраничный комментарий к труду Локка, предлагает компромиссный, но сохраняющий верность рационализму взгляд [2, с. 47-100]. Лейбниц, не отрицая роли чувственного опыта, утверждает знаменитый тезис: «Нет ничего в интеллекте, чего прежде не было бы в чувствах, кроме самого интеллекта». Тем самым он отстаивает идею о предрасположенности души к определенным формам мышления, которые актуализируются при столкновении с опытом [2, с. 120-150; 5, с. 130-160]. Монадология Лейбница, хотя и была опубликована позже, формируется именно в это время как попытка преодолеть механицизм Декарта и дуализм субстанции, предложив учение о бесчисленных духовных единицах бытия – монадах. Это учение возвращает в философию начала века телеологию (учение о целесообразности) и идею гармонии, предустановленной Творцом, что также является ответом на усиливающийся механицизм [2, с. 300-350; 5, с. 180-220].

Третьей существенной особенностью философии начала XVIII века является трансформация онтологии. Под влиянием триумфа физики Ньютона

мир все чаще мыслится не как живой организм (как у Возрождения) и не как сложный механизм, требующий постоянного вмешательства Бога (окказионализм), а как гигантские часы, заведенные Творцом и работающие по неизменным законам [4, с. 280-290]. Это приводит к формированию деизма. Бог становится «Великим Геометром» или «Часовщиком», который после сотворения мира не вмешивается в его дела, предоставляя природе функционировать самостоятельно. Такой подход позволял изучать мир, не оглядываясь на чудеса и божественное провидение, что давало мощный импульс развитию естественных наук и одновременно выводило за скобки церковный авторитет в вопросах мироустройства [3, с. 560-570; 4, с. 295-305].

Кроме того, начало XVIII века знаменуется рождением новой философии истории и социальной мысли. Идея естественного состояния и общественного договора, разработанная в предыдущем столетии Т. Гоббсом и Дж. Локком, начинает оказывать реальное влияние на политическую культуру [1, с. 400-450]. Акцент смещается с обязанностей подданного на права личности. Локковская концепция неотчуждаемых прав человека (на жизнь, свободу и собственность) становится идеологическим фундаментом для грядущих политических изменений [1, с. 460-500]. В этот период философия все чаще обращается к проблемам повседневности: вопросам воспитания, терпимости (веротерпимости), морали, не скованной религиозной догмой. Эссеизм становится популярной формой философствования, делая мысль более доступной для образованной публики, выходящей за стены университетов в литературные салоны и научные общества [3, с. 580-590].

Нельзя обойти вниманием и такой аспект, как национальная специфика философствования. Английская мысль в лице Локка, а затем и Беркли, тяготеет к эмпиризму и психологизму, пытаясь выяснить механизмы восприятия [1, с. 520-550; 4, с. 300-310]. Французская мысль, несмотря на сильное влияние Локка, долгое время сохраняет верность картезианской ясности и методу, но постепенно, к середине века, радикализируется в сторону материализма [4, с. 270-280]. Немецкая же философия, представленная Лейбницем и его последователем Христианом Вольфом, занимается систематизацией и созданием универсальных философских словарей и классификаций, стремясь примирить веру и знание [2, с. 400-450; 5, с. 220-240].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что философия начала XVIII века – это не просто переходный этап, а самостоятельный и насыщенный период [3, с. 590-598]. Его особенности заключаются в следующем: 1. критика метафизических систем прошлого и разработка методологии познания, опирающейся на опыт [1, с. 78-150; 4, с. 256-275]; 2. попытка синтеза рационализма и эмпиризма (в творчестве Лейбница) [2, с. 47-150; 5, с. 130-180]; 3. механицизм и утверждение деистического мировоззрения, освобождающего науку от опеки теологии [3, с. 560-570; 4, с. 295-305]; и, наконец, это начало активной антропологизации философии, то есть обращения к человеку как к автономному субъекту права, познания и морали [1, с. 400-500]. Заложенный в это время фундамент позволит французским энциклопедистам и немецким

идеалистам второй половины века возвести здание Просвещения, но без работы философов начала столетия этот расцвет был бы невозможен [3, с. 595-598].

Список литературы:

1. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах: Т.1. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582. – URL: <https://clck.ru/3SK7RB> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Лейбниц, Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения в четырех томах: Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – С. 47-477. – URL: <https://clck.ru/3SK7wr> (дата обращения: 24.02.2026)
3. Рассел, Б. История западной философии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1994. – С. 512- 598. – URL: <https://clck.ru/3SK86k> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Соколов, В. В. Европейская философия XV– XVII веков. – М.: Высшая школа, 1996. – С. 256-312. – URL: <https://clck.ru/3SK8Ae> (дата обращения: 24.02.2026).
5. Фишер, К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц. – М.: АСТ, 2005. – С. 123-245.

Федотова Мария Александровна

2 МГ-27

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат культурологии, доцент Тихонова Вера Борисовна

Maria Fedotova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: в данной статье рассматривается аспект сохранения культурно-исторического наследия России среди молодежи, как один из актуальных вопросов Отечественной истории. Выявляются, анализируются и систематизируются различные формы интерактивных технологий, включая исторические квесты, интерактивные экскурсии и другие культурные мероприятия. Процесс формирования осознанного отношения молодого поколения к культурно-историческому наследию страны является важным составляющим в развитии нашей страны. Именно поэтому стоит уделить внимание эффективным методам, направленным на приобщение молодежи к увековечиванию исторической памяти и активное участие в мероприятиях по сохранению культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, интерактивные технологии, молодежь, Отечественная история, культурные мероприятия, историческая память.

INTERACTIVE FORMS OF INTERACTION WITH YOUTH AS A TOOL FOR PRESERVING CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE

Summary: this article examines the preservation of Russia's cultural and historical heritage among young people as a pressing issue in Russian history. Various forms of interactive technologies, including historical quests, interactive tours, and other cultural events, are identified, analyzed, and systematized. The process of developing a conscious attitude toward the country's cultural and historical heritage among the younger generation is an important component of our country's development. Therefore, it is crucial to focus on effective methods aimed at engaging young people in the perpetuation of historical memory and their active participation in cultural and historical heritage preservation activities.

Keywords: cultural and historical heritage, interactive technologies, youth, Russian history, cultural events, historical memory.

Культурно-историческое наследие России несет в себе память о героических поступках и подвигах русского народа. Увековечивание памяти в облике памятников, мемориалов и архитектурных ансамблей выражает

глубокие чувства благодарных потомков. Те духовные и материальные ценности, которые дошли до наших дней должны оставаться под защитой, их сохранность является задачей всех граждан, в том числе молодежи. Федеральный закон об объектах культурного наследия направлен на «реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия» [1].

В условиях стремительных изменений и вызовов современного мира необходимо искать и использовать новые методы для вовлечения граждан в культурные мероприятия исторического характера. Молодежь, как социально-демографическая группа, которая несет ответственность за будущее страны, должна понимать ценность и значимость исторического наследия. Следовательно, ее необходимо приобщать к культуре и Отечественной истории, но современными способами, зарекомендовав программу мероприятия, как увлекательный и интересный процесс. Основная задача – приобщать и сохранять вовлеченность молодежи, работать с ней и разрабатывать новые условия для нее, потому что поддерживать заинтересованность молодого поколения в сохранении культурно-исторического наследия, не признав необходимость перемен не представляется возможным [2].

Работа с молодым поколением представляет из себя комплексный процесс, который подразумевает упорядоченность форм, методов, способов взаимодействия и требует переосмысления традиционных подходов к организации работы с молодежью. Методы работы с молодежью — это способы взаимодействия, направленные на достижение целей, тогда как формы работы — это внешняя организация этих действий. Методы работы представляют собой инструменты, направленные на личностное развитие, изменение ценностей и поведения.

Основные методы можно разделить на три ключевых элемента. Интерактивный, активный и социально-психологический. Примерами воздействия являются дискуссии, тренинги, деловые игры, методы убеждения, волонтерство, наставничество, проекты, основанные на участии. Формами работы являются организационные структуры, в рамках которых применяются методы.

Основные формы можно разделить на несколько ключевых направлений. Интерактивные и досуговые формы, проектная и общественная деятельность, образовательные и профориентационные форматы, цифровые и онлайн-форматы. Примером могут послужить молодежные центры, клубы, форумы, фестивали, конкурсы. Работа с молодежью в современных условиях сочетает классические методы и новые интерактивные форматы, направленные на вовлечение, самореализацию и социализацию.

В исследовании Демушкиной О. Н. были выявлены факторы, влияющие на интерес молодежи к культурно-историческому наследию. В первую очередь, это информационный фактор, который подразумевает распространение информации о культурно-исторических объектах через сеть Интернет и СМИ.

Социальный фактор находится под влиянием окружения (родственники, друзья, образовательные организации). Последним, но не по значению, является педагогический фактор, от качества которого зависит уровень приобщенности молодых людей к культурной жизни. По результатам опроса, проведенным Ольгой Николаевной, можно утверждать, что особым спросом и популярностью пользуется формат интерактивных мероприятий: походы по культурно-историческим местностям, экскурсионные туры, творческие конкурсы, научно-исследовательская работа [3].

Соответственно, комплексное воздействие на данную сферу может помочь приблизиться к цели, сформулированной в Законе. Для этого можно использовать разнообразные формы работы, среди которых:

- Освещение духовых и материальных ценностей, созданных людьми в прошлом. В первую очередь - через Интернет и СМИ (к примеру, посредством преподнесения интересных фактов, создания просветительских рубрик).

- Образовательные мероприятия. Например, проведение в образовательных организациях встреч со спикерами, которые освещают Отечественную историю.

- Культурные мероприятия. Проведение мероприятий, которые помогают молодежи глубже понять значение культурно-исторического наследия (исторические викторины, конкурсы, квесты).

- Волонтерские проекты. Участие молодежи в акциях, посвященных исторической памяти (к примеру, организация акций по уходу за памятниками, мемориалами).

- Экскурсии, познавательные поездки. В частности, организация походов по историческим местам будет способствовать приобщению молодежи к исторической памяти, поможет увидеть и ощутить значимость событий прошлого.

Стоит отметить, что обращение молодого поколения к Отечественной истории и культурному наследию необходимо для осмысления закономерности процессов общественного развития. Изучение исторических материалов акцентирует внимание на прошлом страны и обеспечивает сопричастное отношение молодежи к ее будущему. Богатое и насыщенное культурное наследие России создает основу для формирования у молодых людей заинтересованного отношения к культурному наследию, способствует их ориентации на сохранение культурных ценностей. При этом, согласно некоторым научным исследованиям, в ряде субъектов Российской Федерации восприятие культурного наследия пока еще находится на недостаточном уровне, который необходимо поднимать [4].

В процессе приобщения к культурным ценностям могут применяться, например, квест-экскурсии. Это игра с решением логических задач для продвижения по сюжету культурного или исторического маршрута. В качестве успешного примера применения стоит упомянуть квест-экскурсию в г. Ярославле в зоне ЮНЕСКО. В начале 2023 г. на кафедре гуманитарных наук ЯГТУ состоялись разработка и тестирование образовательного квеста под

названием «ЯрКвестМаршрут». Основной задачей мероприятия было ознакомление и приобщение студентов ярославских образовательных учреждений к истории и культуре города, используя потенциал достопримечательностей исторического центра Ярославля. Алгоритм проведения квеста заключается в том, что команды студентов и старшеклассников проходят кольцевые маршруты и знакомятся с архитектурными памятниками в рамках тематических категорий. Основным этапом исследования представляет собой разработку и апробацию комплекса мероприятий, способствующих повышению интереса молодежи к объектам культурного наследия. По результатам опроса молодежи г. Ярославля, участие в котором приняли более 200 человек, наиболее интересующей формой приобщения к культурно-историческому наследию России стала именно квест-экскурсия (93% респондентов). Одним из направлений исследования, проведенного Н. А. Личак, был анализ удовлетворенности молодых людей по итогам участия в разработанном экскурсионном квесте. В опросе приняли участие почти 300 человек, 96% из которых дали положительную оценку такому формату мероприятия. Кроме того, участники квеста заметили, что благодаря указанному мероприятию они не только познакомились с рядом достопримечательностей и узнали новые краеведческие факты, но и ощутили высокий уровень эмоционального воздействия, а также возрастающего чувства гордости за свою Родину. Квест-экскурсия относится к интерактивным методам обучения, которые, в свою очередь, являются наиболее востребованными и популярными среди современной молодежи. Ознакомление с культурным наследием в формате квеста создает неподдельный интерес к изучению Отечественной истории и культуры благодаря активному вовлечению участников в познавательный процесс [5].

Еще одним успешным примером приобщения к культурно-историческому наследию страны является формат волонтерства. В начале 2021 г. в Москве было открыто направление «Волонтеры культурного наследия», в котором участники сосредоточились на создании интерактивного архива всех объектов культурно-исторического наследия Москвы, в котором каждому объекту выделяется отдельный QR-код. Участие в волонтерской программе даёт её участникам целый ряд преимуществ. Помимо приобретения новых компетенций, добровольцы получают доступ к экскурсиям по памятникам истории и культуры. Кроме того, у них есть шанс поехать на стажировку в другие регионы страны. В рамках своей деятельности волонтеры могут быть задействованы в различных работах на объектах культурного наследия. К ним относятся: реставрационно-ремонтные работы, направленные на поддержание объекта в надлежащем состоянии без изменения его охраняемых особенностей, работы по благоустройству прилегающей территории, работы по приспособлению памятника для современного использования, включая модернизацию инженерных систем, при условии, что это не затрагивает подлежащие сохранению исторические элементы. Для многих молодых людей участие в подобных проектах становится началом зарождения

профессионального интереса к сферам деятельности, связанным с сохранением исторической памяти, культурного наследия, архитектурных памятников и т.д. [6].

Таким образом, ориентируясь на потребности молодежи и вызовы времени можно использовать эффективные методы воздействия на молодые умы и с пользой вкладывать ресурсы в приобщение к культурно-историческому наследию. Разработка и реализация планов по вовлечению молодежи в данный процесс должны быть результатом совместных, согласованных действий всех заинтересованных групп: государственных служащих, педагогов, родственников и самих молодых людей. Комплексный подход к организации этой работы, предполагающий, в частности, использование разнообразных интерактивных форм, поможет ускоренному и эффективному достижению цели.

Список литературы:

- 1.Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция).
- 2.Бирюкова А. Б., Гридина В. В. Применение интерактивных технологий при популяризации историко-культурного наследия в студенческой среде // Современное педагогическое образование. 2023. №6. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-interaktivnyh-tehnologiy-pri-populyarizatsii-istoriko-kulturnogo-naslediya-v-studencheskoy-srede> (дата обращения: 26.02.2026).
- 3.Демушкина О.Н. Факторы, влияющие на развитие интереса студентов к культурно-историческому наследию региона // Ценности и смыслы. 2019. № 4 (62). С.121–135.
- 4.Тюрина Е. В. Объекты культурного и природного наследия в восприятии обучающейся молодежи // Культурологический журнал. 2024. №2 (56). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-kulturnogo-i-prirodnogo-naslediya-v-voSPIriyatii-obuchayusheysya-molodezhi> (дата обращения: 27.02.2026).
- 5.Личак Н. А., Ушакова Н. Е., Касаткина Н. Н., Белинов М. С. Квест-экскурсия как форма приобщения учащейся молодежи к культурно-историческому наследию (на примере зоны ЮНЕСКО г. Ярославля) // Общество: философия, история, культура. 2024. №7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvest-ekskursiya-kak-forma-priobscheniya-uchascheysya-molodezhi-k-kulturno-istoricheskomu-naslediyu-na-primere-zony-yunesko-g> (дата обращения: 27.02.2026).
- 6.Широкоград И. И., Пакунова Т. А., Пакунов О. С. Волонтеры наследия: роль студенческой молодежи в сохранении культурного наследия России // Московский экономический журнал. 2022. №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontery-naslediya-rol-studencheskoy-molodezhi-v-sohranenii-kulturnogo-naslediya-rossii> (дата обращения: 27.03.2026).

Фисун Полина Семеновна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Касьянов Григорий Александрович

Polina Fisun

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СКУКА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье исследуется феномен скуки как фундаментальной характеристики человеческого бытия, приобретающей новые формы в условиях информационного общества. Актуальность исследования обусловлена парадоксом современной эпохи: беспрецедентный доступ к информации и развлечениям сопровождается ростом экзистенциальной неудовлетворенности. На основе сравнительного анализа концепций А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера выявляется экзистенциальное содержание скуки. Рассматривается антропологический тип Homo Informaticus, чья идентичность формируется под влиянием постоянных информационных потоков. Делается вывод о том, что современная «цифровая скука» представляет собой не отсутствие стимулов, а следствие пресыщения ими и симптом утраты подлинного «Я».

Ключевые слова: скука, информационное общество, экзистенциализм, Homo Informaticus, отчуждение.

BOREDOM AS AN ANTHROPOLOGICAL CONSTANT OF THE INFORMATION SOCIETY

Summary: The article explores the phenomenon of boredom as a fundamental characteristic of human existence, which is taking on new forms in an information society. The relevance of the research is due to the paradox of the modern era: unprecedented access to information and entertainment is accompanied by an increase in existential dissatisfaction. Based on a comparative analysis of the concepts of A. Schopenhauer and M. Heidegger, the existential content of boredom is revealed. The article considers the anthropological type of Homo Informaticus, whose identity is formed under the influence of constant information flows. It is concluded that modern "digital boredom" is not a lack of incentives, but a consequence of their satiation and a symptom of the loss of true self.

Keywords: boredom, information society, existentialism, Homo Informaticus, alienation.

В современном мире человек имеет доступ к такому количеству развлечений и контента, которого не было никогда, однако именно сейчас общество является наиболее экзистенциально неудовлетворенным. Невозможно сосредоточиться на чем-то конкретном, когда имеется бесконечная лента в

социальных сетях. Изменение мира приводит к внутренним трансформациям человека, которые становятся симптомами, присущими членам информационного общества. Причины скуки заключаются не в отсутствии стимулов, а в их переизбытке, порождающем безразличие. Цель данной статьи – показать, что скука является *антропологической константой*, то есть неизменной фундаментальной постоянной человека, входящей в законы формирования культуры и являющейся масштабной характеристикой социокультурных процессов и культурных микрообъектов [2, с. 12-19].

Скука перестает быть маргинальной темой и переосмысливается как фундаментальный экзистенциальный опыт европейской философии XIX-XX веков. Немецкий философ А. Шопенгауэр рассматривал человеческую жизнь как «арену, усыпанную углями». Одним из центральных понятий его системы является «воля к жизни» – слепая, иррациональная сила, лежащая в основе мироздания. Именно воля порождает бесконечную череду желаний, а неудовлетворенность этими желаниями, по Шопенгауэру, причиняет страдание. В то время как их удовлетворение всё равно не приносит счастья: человека ждут пресыщение и скука, а затем – новые желания и новые страдания. Получается, что жизнь уподобляется маятнику, который колеблется между страданием (от нехватки) и скукой (от пресыщения). Шопенгауэр называл скуку «безобъектным томлением»: его концепция подходит под действительность общества потребления, где погоня за новыми развлечениями и контентом бесконечна, а удовлетворение мимолетно, что приводит к тому, что скука, являющаяся внутренней пустотой, возвращается снова и снова [7, с. 154-176].

В то время как у Шопенгауэра скука – следствие работы мировой воли, у Хайдеггера она становится ключом понимания самого человеческого бытия. В своих лекциях «Основные понятия метафизики» Хайдеггер выделяет три формы «тягостной» скуки:

- Поскучнение от чего-либо: на скуку влияют все окружающие обстоятельства, «скучное – то и это» [6, с. 186-189].
- Скучение при чем-либо: в этой форме не находится ничего внешне скучного, человек скучает, потому что есть то, «не знаю что» [6, с. 206].
- Глубокая скука как безличное «скучно»: Хайдеггер характеризует её как «просто скучно», имея в виду отсутствие всякой причины для скуки; скуку как настроение.

Именно в последнем состоянии человек сталкивается лицом к лицу с существованием в целом. По Хайдеггеру, скука – не психологический дефект, требующий немедленного устранения, а настроение, в котором можно открыть новые смыслы и понять удивительное [6, с. 231-244].

Классические философские концепции применимы к анализу современности. Информационное общество создало новые антропологические типы, для которых скука становится не периферийным, а определяющим переживанием. В философско-антропологической литературе для описания

современного человека всё чаще используется термин *Homo Informaticus* («человек информационный»). В статье Ч. К. Сооронбаевой и А. А. Имашовой «Интерпретация концепта *Homo Informaticus* в философском ключе» отмечается, что это субъект, «чья идентичность, поведение и формы мышления формируются в условиях постоянного вовлечения в процессы сбора, обработки, перераспределения и генерации информации» [5, с. 116-122]. Более критическую версию предлагает Д. Е. Муза в статье «*Homo Matrix* как иллюзия: к критике позитивного опыта виртуального», вводя понятие *Homo Matrix*. *Homo Matrix* – это человек, погруженный в «вечное настоящее», где смешаны все культурные коды. По мнению исследователя, *Homo Matrix* предпочитает «симуляцию собственного базиса существования, а также инфляцию форм и интенций смыслогенеза». Симуляция подменяет настоящую жизнь, а нескончаемый выбор в виртуальном пространстве парализует волю к реальному действию [3, с. 30-38].

Можно говорить о том, что в современном мире происходит бегство от скуки посредством использования цифровых платформ и ухода от реальности. В виртуальном мире человек уходит от глубоких размышлений, но пустоту внутри или снаружи хочется чем-то заполнить, и поэтому он немедленно обращается к контенту, а вскоре подобное обращение ведет к хронической «информационной интоксикации», когда сознание перегружено, но лишено смысла. Важно, что в информационном обществе максимальна событийность, однако это всё равно не позволяет полностью уловить смысл. Ларс Свендсен в своей работе «Философия скуки» так описывает подобное состояние: «Страдать без страдания, желать без желания, думать, не имея мыслей», – это и есть портрет человека, пораженного «цифровой скукой» [4, с. 19].

Проведенный анализ позволяет установить, что скука действительно является антропологической константой, которую не способны устранить ни технологический прогресс, ни безграничный доступ к информации. Даже наоборот, информационное общество создает условия для её преобразования в хроническую форму, имеющуюся у все большего количества людей с каждым днем. Возвращаясь к концепции скуки А. Шопенгауэра, который понимал скуку как фазу в колебании «маятника желания», современный человек постоянно пребывает в этой фазе, маскируя её бесконечным и в то же время бессмысленным потреблением цифрового контента.

Наличие градации скуки Хайдеггера позволяет увидеть важный сдвиг: *Homo Informaticus* блокирован на первых двух формах скуки и систематически избегает выхода к третьей, фундаментальной. Нахождение в цифровой среде продуцирует бегство от собственного состояния, не дает состояться встрече с бытием, которую Хайдеггер считал экзистенциально продуктивной. Контент и виртуальный мир не позволяют скуке выполнить онтологическую функцию – открыть человеку его личный внутренний мир.

Информационное общество создало гипертрофированную форму скуки – «цифровую скуку», состояние, при котором внешняя стимуляция максимальна, а внутренняя жизнь минимальна. Это – хроническое пресыщение без

подлинного удовлетворения. То, что сегодня часто называют скукой, на самом деле является тоской человека информационной эпохи по самому себе [1].

Выход из ситуации, в которой сейчас находится общество, видится в возвращении способности к тишине, к рефлексии, к вниманию, к нахождению с самим собой. Цифровой детокс необходим человеку как акт экзистенциального сопротивления и условие обретения субъектности и подлинного «Я». Исчезновение скуки как возможности означает исчезновение пространства для вопроса о смысле.

Список литературы:

- 1.Бржевская, А. Философию мыслителя прошлого столетия назвали цифровой анестезией человечества / А. Бржевская // Московский комсомолец. - 08.09.2025. - URL: <https://www.mk.ru/social/2025/09/08/filosofiyu-myslatelya-proshlogo-stoletiya-nazvali-cifrovoy-anesteziyei-chelovechestva.html> (дата обращения: 24.02.2026).
- 2.Коломиец, Н. В. Метаморфозы антропологической константы в современных социокультурных сценариях бытия / Н. В. Коломиец // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 22-24 мая 2013 г.) : у 2 ч. / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. - Мінск, 2013. - Ч. 1. - С. 12-19.
- 3.Муза, Д. Е. Номо Matrix как иллюзия: к критике позитивного опыта виртуального // Философские дескрипты. - 2015. - № 15. - С. 30-38.
- 4.Свендсен, Л. Философия скуки / пер. с норв. К. Мурадян. - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 256 с.
- 5.Сооронбаева, Ч. К., Имашова, А. А. Интерпретация концепта Номо Informaticus в философском ключе // Вестник КРСУ. - 2025. - Т. 25. - № 10. - С. 116-122.
- 6.Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики / пер. с нем. А. П. Шурбелева. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. – С. 133-253.
- 7.Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление; Афоризмы житейской мудрости; Эристика, или Искусство побеждать в спорах. – М.: Эксмо, 2025. – С. 9-255.

Фомина Ангелина Павловна

1 ИД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Fomina Angelina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСПЫТАНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу влияния Великой Отечественной войны на развитие русских народных художественных промыслов. Рассматриваются трудности, с которыми столкнулись мастера, механизмы их адаптации к военным условиям и процесс возрождения промыслов в послевоенные годы. Особое внимание уделяется деятельности центров Палеха, Гжели, Федоскина, Хохломы и Жостова.

Ключевые слова: народные художественные промыслы, Великая Отечественная война, Палех, Федоскино, Гжель, Хохлома, культурное наследие.

RUSSIAN FOLK CRAFTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORDEAL AND REVIVAL

Summary: This article examines the impact of the Great Patriotic War on the development of folk artistic ideas in Russia. It analyzes the difficulties faced by previous masters, their adaptation to wartime conditions, and the process of reviving these crafts in the post-war years. Particular attention is given to the activities of the Palekh, Gzhel, Fedoskino, Khokhloma, and Zhostovo centers.

Keywords: folk arts and crafts, the Great Patriotic War, Palekh, Fedoskino, Gzhel, Khokhloma, cultural heritage.

Русские народные промыслы – это неотъемлемая часть культурного наследия России, отражающая мировосприятие русского народа, эстетический вкус, трудовые обычаи и духовные ценности. В промыслах собран опыт многих поколений умельцев, передававших своё мастерство и знания из уст в уста, лично обучая и объясняя все тонкости процесса. Промыслы занимают особое место в материальной и духовной жизни России, помогая понять формирование её традиций и культурного самосознания.

Цель данной статьи — проследить, как Великая Отечественная война повлияла на сохранение промыслов, образом мастера сохраняли традиции и какие меры предпринимались для их восстановления в послевоенное время.

Великая Отечественная война (1941-1945 год) стала поворотным моментом для России. В первые месяцы мобилизации и эвакуации предприятий началось массовое сокращение производства. Военные действия, призыв в

армию и переезд предприятий коснулись всех сторон жизни, в том числе и развития народных художественных промыслов. Многие артели и мастерские столкнулись с нехваткой материалов и мастеров, но, несмотря на это, традиции народного искусства удалось сберечь. Согласно архивным данным, на 1942 год только в Москве численность ремесленных мастеров снизилась на 15%, а в ряде промысловых центров — до 30%. В Гжелевском центре (ныне Гжельцы) в начале войны было около 300 мастеров, к 1943 году их осталось менее 200, а во время блокады Ленинграда и эвакуации фабрик производство было практически остановлено, так же и в Палехском художественном артеле имени Максима Горького и Федоскинской артели миниатюрной живописи, сократилось число работников, часть мастеров и художников была призвана на фронт. Среди мастеров, участвовавших в восстановлении артелей после войны, был палешанин И. М. Баканов и другие художники послевоенного поколения. Имя И. И. Голикова, одного из основателей Палехской школы, служило для них примером.

Кроме трудностей с кадрами, у промыслов возникли экономические проблемы. Нарушились торговые маршруты, закрылись ярмарки и рынки, где раньше продавали изделия народного искусства. Во время войны мастера сталкивались с дефицитом материалов, например, дерево для игрушек и посуды, глина для фаянса и керамики, металлы для металлических изделий — все использовалось по необходимости в военных целях, но работы сохраняли черты народного искусства и несли в себе образы мужества, стойкости и веры в победу, укрепляя силу духа людей. В 1942 году Советский Союз принял постановление №326, предусматривающее изъятие части сырья для нужд фронта, что резко снизило доступность материалов для ремесленников. Например, в фабриках Жостово около 1943 года производство было переориентировано на изготовление металлических наград и значков для фронта, что отвлекло мастеров от декоративных изделий.

Мастерам приходилось использовать местное сырьё и заменители. В Хохломских мастерских Нижегородской области применяли простые масляные краски и дешёвые лаки, чтобы не останавливать работу.

Некоторые предприятия народных художественных промыслов, особенно в центральных и нижегородских областях, создавали необходимое сырьё, чтобы помочь фронту, например, создавали черенки для сапёрных лопат, патроны и прочее. Несмотря на нехватку сырья и трудности с организацией работ, многие мастера продолжали работать, сохраняя способы и особенности своих изделий. Мастерские стали делать простые вещи, нужные солдатам и тем, кто жил в тылу — деревянную посуду, ложки, ящики и другие предметы. Искусство отошло на второй план, но мастера старались делать вещи аккуратно и в привычном виде, поддерживая ремесленные навыки.

В целом, война заметно изменила работу мастерских, но промыслы смогли приспособиться к новым условиям. Сохраняя способы и традиции, мастера передавали опыт от старших поколений к младшим и готовили основу для возрождения ремёсел после войны.

Мастера также участвовали в создании наградных знаков, медалей и предметов патриотического направления. В 1943 году в Палехе началось производство миниатюрных икон и портретов героев войны, а художники активно создали плакаты и иллюстрации для фронтовых газет. В Гжели и Федоскино мастера реставрировали поврежденные культурные памятники и создавали изделия с символикой Победы, такие как медаль «За оборону Ленинграда».

В эвакуированных районах — например, в Горьковской и Свердловской областях — создавались небольшие объединения ремесленников. Женщины активно занимались вышивкой, кружевоплетением и вязанием; такие инициативы поддерживались местными Домами культуры и профсоюзами.

Примером может служить Костромская артель «Красный ткач», которая во время войны производила ткани и изделия для госпиталей, сохраняя элементы традиционного костромского орнамента. Не все центры промыслов смогли выжить: некоторые временно закрылись, а небольшие мастерские без поддержки и материалов пострадали больше всего.

Сразу после войны промыслы стали восстанавливать. Государство открывало мастерские, фабрики и училища, организовывало кружки при музеях и школах.

Особое значение имело создание сувениров и оберегов, связанных с героическими событиями — например, в 1944 году в Истринском районе Советский народ создал сувениры с изображением героев Советского Союза и символов Победы, что стало частью патриотической пропаганды. Государственная поддержка народных художественных промыслов в годы войны осуществлялась через постановления Совета Народных Комиссаров СССР и распоряжения Комитета по делам искусств при СНК СССР (О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941-1943 года).

Во время войны промыслы столкнулись с трудностями, но смогли сохранить традиции. Несмотря на тяжёлые условия, мастера не утратили ремесленные навыки. Многие продолжали работать по старинным эскизам и рисункам. В Палехе художники создавали миниатюры на темы героизма советского народа — например, работы Манефы Малинкиной «Салют» 1944 г., И.П. Вакурова «Победа» 1945 г.

Сохранение ремесленных навыков и узоров помогало передавать опыт от поколения к поколению. Обучение молодёжи, работа в мастерских и переехавших центрах позволяли передавать опыт и поддерживать ремесленную школу. Так промыслы не только выживали, но и сохраняли свою культуру.

После войны возрождение промыслов стало государственной задачей. Было принято решение об открытии художественных училищ по всей стране, что позволило обучать молодых художников и закрепить традиции старших мастеров.

Эти меры свидетельствуют о понимании государством значения народного искусства как духовного ресурса восстановления страны.

После победы началось активное возрождение промыслов. В 1947 году было создано Палехское художественное училище, которое стало центром подготовки молодых мастеров. Система обучения включала как традиционные техники росписи и миниатюры, так и новые темы, связанные с победой и восстановлением страны.

Конкретный факт: В 1949 году в Москве прошла крупная выставка «Память войны в народном искусстве», где были представлены работы ремесленников, созданные в довоенные и послевоенные годы, что дало стимул развитию народных промыслов и популяризации их среди широкой публики.

В 1946 году была принята директива Совета Министров СССР № 278, о мерах по развитию искусства и ремесел, в том числе и народных промыслов. В рамках этой стратегии в 1950–1955 годах создали сеть экспериментальных мастерских и фабрик, например, фабрику в Палехе (официально — Мастерская по народным ремёслам), где мастера осваивали новые материалы и техники, а также проводили мастер-классы для молодёжи.

В первые годы войны основная проблема — дефицит сырья. Для примера, в 1942 году в Гжели запас глины снизился на 60%, что вынудило мастеров использовать местные и менее традиционные материалы, такие как доломитовая масса или переработ обувной кожи для декоративных целей.

Многие ремесленники были призваны в армию или эвакуированы, поэтому в 1942–1943 годах наблюдался рост числа студенток и молодых девушек, участвующих в ремесленных артелях. В Хохломе изначально работали только мужчины, но после 1942 года роль женщин значительно возросла, и они освоили новые техники окраски и гравировки.

В эвакуированных районах, например, в Тавде и Костроме, создавались временные мастерские и артели, которые продолжали выпускать продукцию. В Твери было создано ведомственное объединение «Тверская роспись», где мастера использовали городские мастерские для изготовления посуды и игрушек, которые экспортировались по стране, а также за границу.

Несмотря на суровые испытания, народные промыслы сохранили технику, узнаваемые узоры и сюжеты. Многие мастера передавали свой опыт молодым, подготовленные в специальных школах или ремесленных училищах. В 1950-е годы усилились кросс-стильовые эксперименты, например, соединение гжельской и палехской техник.

В 1953 году в Москве состоялась выставка "Вехи народного искусства", где демонстрировались работы, выполненные в довоенные и военные годы, что способствовало популяризации и укреплению традиционных ремесел.

Великая Отечественная война сильно повлияла на народные промыслы в России. Мастерские и фабрики пострадали, многие мастера были призваны в армию или погибли, не хватало материалов и было сложно организовать производство. Это угрожало работе некоторых центров народного искусства.

Но мастера смогли сохранить основные способы и методы работы, а также обучить молодёжь, сохранив ремесленные навыки.

Сразу после войны промыслы стали восстанавливать: чинили мастерские, открывали школы и заводы, возобновляли выставки и ярмарки. Известные центры народного искусства – Палех, Федоскино, Хохлома, Гжель, Жостово и другие – постепенно возвращались к прежней жизни.

Эти меры обеспечили неприкосновенность народных промыслов как культурного наследия, свидетельствующего о мощи духа народа и его бережном отношении к традициям.

Список литературы:

1. Суздалев П. К. Советское искусство в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. - М.: Изд-во "Академии художеств СССР", 1963.
2. Чернова Л. С. Народные художественные промыслы СССР – М.: Издательство: "Советский художник", 1983.
3. Русский народ: энциклопедия народного и декоративно-прикладного искусства: в 2 т / научный редактор-составитель: С.В. Лебедев; главный редактор, руководитель проекта: О.А. Платонов. - Москва: Институт русской цивилизации, 2022.
4. Ассоциация «народные художественные промыслы России», Жостовская фабрика декоративной росписи - URL.: <https://nkhp.ru/assotsiatsiya/turisticheskie-vozmozhnosti-predpriyatiy-nhp/zhostovskaya-fabrika-dekorativnoy-rospisi/>
5. Государственный музей Палехского искусства, Великая отечественная война в искусстве Палеха - URL.: <http://muzei-paleh.ru/galereya/virtualnyie-vyistavki/1988-2/>
6. Палехское художественное училище имени М. Горького, история училища - URL.: <https://www.palekh-artschool.ru/-history/index.php>
7. Ассоциация «народные художественные промыслы России», деятельность ассоциации - URL.: <https://nkhp.ru/assotsiatsiya/deyatelnost-assotsiatsii/>
8. Рублев В. Художественное общество "Палехская художественная декоративная артель" - URL.: <https://yavarda.ru/palekhartdecorativeartel.html>

Фролов Павел Павлович

1 МД-20

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Минин Александр Сергеевич

Frolov Pavel

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОН В ТИЛЬЗИТЕ

Аннотация: В данной работе рассматривается историческое событие - Тильзитский мир 1807 года, заключенный между императором Александром I и Наполеоном Бонапартом. Анализируются предпосылки, ход переговоров и непосредственные условия договора. Особое внимание уделяется мотивам и стратегическим расчетам обеих сторон, а также истинной сути достигнутых соглашений, которые в историографии часто оцениваются неоднозначно: как временный компромисс, вынужденная уступка России или тактический маневр. На основе исследований, в том числе фундаментальных трудов академика Е.В. Тарле, делается попытка понять, был ли Тильзитский мир искренним союзом или лишь передышкой перед неизбежным новым конфликтом, заложившим основу для будущей Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: Александр I, Наполеон, Тильзитский мир 1807 года, русско-французские отношения, континентальная блокада, Е.В. Тарле.

ALEXANDER I AND NAPOLEON IN TILSIT

Summary: This paper examines the historical event -the Peace of Tilsit in 1807, concluded between Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte. The prerequisites, the course of the negotiations, and the immediate terms of the treaty are analyzed. Particular attention is paid to the motives and strategic calculations of both sides, as well as the true essence of the agreements reached, which in historiography are often ambiguously assessed: as a temporary compromise, a forced concession by Russia, or a tactical maneuver. Based on research, including the fundamental works of Academician E.V. Tarle, an attempt is made to understand whether the Peace of Tilsit was a sincere alliance or merely a respite before an inevitable new conflict, which laid the foundation for the future Patriotic War of 1812.

Keywords: Alexander I, Napoleon, Peace of Tilsit 1807, Russian-French relations, Continental Blockade, E.V. Tarle.

Тильзит - это название небольшого городка на реке Неман навсегда вошло в историю мировой дипломатии и военного искусства. Летом 1807 года здесь произошла встреча двух императоров, двух миров, двух амбиций, на несколько лет изменившая карту Европы и предопределившая судьбы миллионов. Александр I, император Всероссийский, чья армия потерпела тяжелое поражение при Фридланде, и Наполеон Бонапарт, император

Французский, находящийся на пике своего могущества после разгрома Четвертой коалиции. Что двигало каждым из них? Стратегический расчет, желание сохранить государство, личная симпатия или холодный прагматизм?

Историк Евгений Викторович Тарле в своем фундаментальном труде «Наполеон» подчеркивал, что для Наполеона Тильзит стал кульминацией успеха, возможностью изолировать и подчинить своему влиянию последнюю серьезную континентальную державу -Россию. «Он видел в Александре молодого монарха, которого можно очаровать, вовлечь в орбиту своей политики и использовать против общего врага -Англии», -писал Тарле. Для Александра же, как справедливо отмечал историк, ситуация была иной. Военное положение было катастрофическим, армия разбита, продолжение войны сулило огромные риски. Тильзит стал «горькой необходимостью», вынужденной паузой для восстановления сил и перевооружения армии.

Встреча на плоту посреди Немана 25 июня (7 июля) 1807 года была тщательно продуманным спектаклем, где каждый жест, каждая деталь имели глубокий символический смысл. Сегодня, в эпоху прагматичных и зачастую закрытых переговоров, эта демонстративная театральность кажется удивительной. Оба императора стремились произвести впечатление не только друг на друга, но и на всю Европу, наблюдавшую за их встречаей.

Наполеон, стремясь психологически подчинить русского царя, демонстрировал не только дружелюбие, но и подчеркнутое равенство. Он первым шагнул навстречу на плоту, приветствуя Александра, и даже, по некоторым свидетельствам, фамильярно потрепал его по щеке. Он очаровывал собеседника блеском ума, говорил о великих планах переустройства Европы, демонстрировал простоту в общении. Александр, обладавший, по мнению многих современников, незаурядным актерским талантом и обаянием, играл свою роль виртуозно. Он изображал покоренного величием французского гения, восхищенного военным гением Бонапарта, готового к искренней дружбе и союзу. «Ваш приезд на Неман – это прекрасная эпоха для наших народов», – заявил он Наполеону.

В последующие дни переговоры переместились в сам город. Их атмосфера напоминала светский раут, а не дипломатическую тяжбу. Совместные завтраки, парады, награждения. Александр наградил Наполеона орденом Святого Андрея Первозванного, а Наполеон вручил Александру орден Почетного легиона. Императоры подолгу беседовали наедине, прогуливаясь по аллеям тильзитского парка. Эта демонстрация близости была мощнейшим политическим месседжем. «Они оба были великими комедиантами на этой сцене», – замечал в своих записках один из участников событий. Но за этим «гламуром» и взаимными любезностями стояли суровые реалии силы и необходимости.

Сегодня город Тильзит носит название Советск и находится в Калининградской области России. Несмотря на смену эпох и названий, память о судьбоносной встрече 1807 года здесь бережно хранится, являясь важной частью исторической идентичности города.

Мост Королевы Луизы – самый известный символ города и прямое наследие тех дней. По этому мосту (тогда деревянному) в Тильзит въезжали и Александр I, и Наполеон. Современный каменный мост, построенный в начале XX века, украшен горельефом с изображением королевы Луизы, супруги прусского короля, которая также приезжала в Тильзит умолять Наполеона о пощаде для Пруссии. Это место – живое напоминание о перекрестке судеб, где решалась участь государств.

Памятный знак на месте встречи на берегу Немана указывает на историческое место, где был натянут знаменитый шатер для первых переговоров.

Историческая застройка в центре Советска сохранила дух старого Тильзита. Фасады некоторых зданий (например, бывшая гостиница «Россия», где останавливались свитские офицеры) помнят ту оживленную и тревожную атмосферу июня-июля 1807 года.

Основные условия мира и их скрытый смысл:

1. Геополитический раздел сфер влияния: Россия признавала все завоевания Наполеона в Европе и соглашалась на создание зависимого от Франции Герцогства Варшавского, которое стало «польским буфером» и постоянным источником напряжения. Со своей стороны, Наполеон не препятствовал планам Александра относительно Финляндии (война со Швецией 1808-1809 гг.) и Дунайских княжеств. Это был классический сговор сильных за счет третьих сторон.
2. Присоединение к Континентальной блокаде: Это был самый тяжелый и экономически губительный пункт для России. Разрыв торговых отношений с Англией, главным покупателем русского хлеба, леса и пеньки, наносил колоссальный удар по доходам казны и дворянства. Александр пошел на это, понимая, что отказ означал бы немедленное возобновление войны. Как указывал Е.В. Тарле, Наполеон рассматривал блокаду как главное оружие против «владычицы морей», а Россию - как ключевое, но ненадежное звено в этой системе.
3. Формальный союз против общих врагов: Договор предусматривал совместные действия против любой враждебной державы, что на практике означало обязательство России выступить против Англии и даже против Австрии в 1809 году (хотя участие русских войск в той войне было чисто символическим). Этот пункт делал Россию сателлитом Франции в глазах Европы.

Так был ли это союз? Внешне - да. Были подписаны публичный мирный договор и секретный союзный трактат. Императоры обращались друг к другу «государь, брат мой», обменивались орденами и любезностями. Но, как показывает анализ условий и последующих событий, это был союз крайне неравный и неестественный. Для России он стал вынужденной передышкой, которую Александр I использовал с максимальной пользой. За четыре года (1807-1811) была проведена реформа армии (деятельность Аракчеева и

Баркляя-де-Толли), накоплены финансовые резервы, укреплен международный престиж.

Для Наполеона же Тильзит был вершиной, после которой начался путь к закату. Он не сумел, а возможно, и не стремился сделать Россию настоящим союзником, рассматривая ее как временного попутчика, которого можно силой принудить к выгодной для себя политике. Жесткие условия блокады, поддержка польских настроений в Варшавском герцогстве, брак Наполеона с австрийской принцессой Марией-Луизой (а не с сестрой Александра, как обсуждалось ранее) - все это неумолимо расшатывало хрупкую тильзитскую конструкцию.

С одной стороны, это была блестящая операция Наполеона по закреплению гегемонии. С другой – мудрая и вынужденная уступка Александра I, которая дала стране бесценное время. Как отмечал Е.В. Тарле, «Тильзит был миром, который не мог быть прочным, ибо он удовлетворял в конечном счете только одну сторону». Эта временная стабилизация несла в себе семена будущей грандиозной катастрофы 1812 года. Театральные объятия на плоту и совместные парады в Тильзите стали не финалом противостояния, а лишь антрактом в грандиозной исторической драме, где главные акты – пожар Москвы и бегство Великой армии – были еще впереди. Память об этой встрече, застывшая в камне мостов и улиц современного Советска, продолжает напоминать нам о хрупкости дипломатических конструкций, возведенных на фундаменте неравенства и неискренности.

Список литературы:

- 1.Тарле, Е.В. Наполеон / Тарле Е. В. Наполеон. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. - URL: Тарле Е. В. Наполеон. (дата обращения: 22.12.2025)
- 2.Е. В. Тарле Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. М.: Академия наук СССР, 1941 - URL: Отечественная война 1812 г. (дата обращения: 22.12.2025)

Фролова Екатерина Алексеевна

2 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Frolova Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФИЛОСОФИЯ МОДЫ: КАК КРАСОТА И ПРАКТИЧНОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЮТ ЕЕ СОЦИАЛЬНУЮ РОЛЬ

Аннотация: Мода исследуется как социальный феномен, балансирующий между эстетикой и функциональностью. Красота в моде служит инструментом самовыражения и социальной идентификации. Практичность отражает утилитарные потребности и культурные ограничения. В статье анализируется, как эти аспекты формируют статусные иерархии. Особое внимание уделено этическим дилеммам современной модной индустрии. Исследование предлагает философский взгляд на моду как механизм социальной коммуникации.

Ключевые слова: философия моды, эстетика, практичность, социальная роль моды, красота, Платон, Иммануил Кант, Фридрих Ницше, экзистенциализм, утилитаризм, императив.

PHILOSOPHY OF FASHION: HOW BEAUTY AND PRACTICALITY DETERMINE ITS SOCIAL ROLE

Summary: Fashion is examined as a social phenomenon balancing aesthetics and functionality. Beauty in fashion serves as a tool for self-expression and social identification. Practicality reflects utilitarian needs and cultural constraints. The article analyzes how these aspects shape status hierarchies. Special attention is given to ethical dilemmas in the modern fashion industry. The study offers a philosophical perspective on fashion as a mechanism of social communication.

Keywords: Philosophy of fashion, aesthetics, practicality, social role of fashion, beauty, Plato, Immanuel Kant, Fredrich Nietzsche, existentialism, utilitarianism, imperative.

Мода — это не просто одежда, а сложный культурный код, отражающий философские идеи о красоте, теле, идентичности и обществе. Мода, будучи одним из ключевых феноменов современной культуры, давно перестала быть исключительно вопросом эстетики или утилитарности. Она превратилась в сложный социальный код, отражающий динамику ценностей, властных отношений и идентичностей. Философское осмысление моды требует выхода за рамки традиционных дискурсов искусствоведения и социологии, обращаясь к вопросам онтологии красоты, практичности и их роли в конструировании социальной реальности.

Современные исследователи подчеркивают, что мода существует на пересечении индивидуального и коллективного, формируя не только стиль, но и способы бытия в мире [7]. А также рассматривают моду как форму повседневной эстетики, связывая её с философскими концептами прекрасного и целесообразного [8].

Античная философия заложила основы понимания красоты, которые до сих пор влияют на эстетику и моду. Платон впервые в истории философии отделил чувственно воспринимаемую красоту от абсолютной идеи прекрасного. В диалоге «Пир» Платон излагает фундаментальную для его эстетики концепцию постепенного восхождения от чувственного восприятия красоты к постижению её абсолютной сущности [1, с. 211с–d]. Согласно платоновской парадигме, современная индустрия моды, сосредоточенная на быстротечности трендов, культе телесности, коммерциализации эстетики. Несмотря на платоновский скепсис, некоторые дизайнеры воплощают его идеи. Коллекция Jil Sander (1990–2000-е) апеллирует к «вечной» красоте. Минимализм как отказ от декора в пользу чистых линий и «идеальных» пропорций. В Balenciaga при Демне Гвасалии были намеренно гротескные пропорции (oversize, искажённые силуэты) — пародия на чувственную «красоту».

Кантовское определение суждения вкуса, изложенное в «Критике способности суждения», представляет собой концептуальную основу для понимания парадоксальной природы эстетической оценки в контексте модной индустрии. Утверждение, что «суждение вкуса <...> определяет свой предмет в отношении удовольствия (как красоту) с притязанием на всеобщее согласие, хотя оно исходит лишь из субъективного основания» [2, §8], раскрывает фундаментальную антиномию эстетического восприятия, где индивидуальное чувственное переживание одновременно претендует на универсальную значимость. С одной стороны, восприятие модных объектов всегда остается глубоко личностным и эмоционально окрашенным, с другой — индустрия моды как социальный институт неизменно стремится к установлению общепризнанных стандартов прекрасного. Феномен haute couture, с его акцентом на исключительности и художественной ценности, представляет собой наиболее чистое воплощение кантовской концепции. Когда Кристиан Диор создавал свой революционный New Look в 1947 году, он опирался на интуитивное чувство гармонии и совершенства формы — именно то «бескорыстное удовольствие», о котором говорит Кант.

В работе «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше противопоставляет аполлоническое начало, связанное с гармонией и формой, дионисийскому — стихийному, экстатическому и разрушительному [3, гл. 1]. Эта идея тотального освобождения от социальных условностей и возвращения к первозданной природе человека отчетливо прослеживается в эстетике панк-движения, которую Вивьен Вествуд перенесла на подиум, превратив модный показ в акт социального протеста. Ее коллекции 1970-х годов, с их намеренно рваными тканями, агрессивными принтами и смешением высокого и низкого,

стали визуальным манифестом дионисийского бунта против устоявшихся норм красоты.

Александр Маккуин в своих работах развил эту традицию, доведя ее до крайних форм выражения. Его знаменитая коллекция «Highland Rape» (1995) с ее нарочито деструктивными образами и шокирующей подачей воплощала ницшеанскую идею о том, что «всякое зло оправдано, если бог творит из него гармонию». Маккуин сознательно использовал эстетику насилия и распада, создавая красоту из того, что традиционно считалось антиэстетичным. Этот подход полностью соответствует ницшеанскому пониманию дионисийского искусства как преодоления границ между прекрасным и ужасным.

Мода выступает важным социальным и культурным явлением, отражающим ценности, убеждения и идеалы общества. Социальная роль моды проявляется в её способности одновременно объединять людей и разделять их. Она может быть использована как способ выражения принадлежности к группе или как средство выделиться среди других. Культурное значение моды заключается в её способности отражать дух времени, исторические события и общественные изменения. Мода как социальный институт представляет собой сложный механизм, регулирующий не только внешний облик людей, но и их поведение, ценности и способы взаимодействия в обществе. Через призму философских концепций — утилитаризма, категорического императива Канта и экзистенциализма — можно раскрыть её противоречивую природу, балансирующую между пользой, моралью и индивидуальной свободой.

В «Бытии и ничто» Сартр вводит понятие «дурной веры» — самообмана, при котором человек отказывается от своей свободы, прячась за социальными ролями [4, ч.1, гл. 2]. Мода — идеальный пример такого бегства. Когда человек слепо следует трендам, он отчуждает свою индивидуальность, превращаясь в объект, а не субъект выбора. Экзистенциалист подчеркивал, что человек сам творит свою сущность через выбор. Мода становится инструментом самоопределения: что мы носим, отражает нашу личность, убеждения или протест.

Мода, рассматриваемая через призму утилитаризма Джона Стюарта Милля, предстает как социальный механизм. Милль подчеркивал, что ценность любого явления определяется его полезностью, но вводил важное различие между низшими (чувственными) и высшими (интеллектуальными и эстетическими) удовольствиями [5, гл. 2]. Мода, с этой точки зрения, может служить как инструментом социальной координации, упрощающим повседневный выбор, так и средством выражения творческого потенциала, относящегося к высшим удовольствиям. В работе Дианы Крейн проводится тщательный анализ того, как одежда выполняет утилитарные функции социальной дифференциации и идентификации [9, гл.5]. Автор демонстрирует, что мода действительно служит эффективным инструментом социальной координации, значительно упрощающим повседневные взаимодействия, что полностью соответствует миллевскому принципу полезности.

Иммануил Кант сформулировал категорический императив как высший

нравственный закон: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [6, раздел 2]. Применительно к моде это означает, что каждый выбор в одежде должен быть продиктован не слепым следованием трендам или желанием произвести впечатление, а внутренним нравственным законом, который человек устанавливает для себя сам. Рут Андерсон предлагает глубокий анализ современной модной индустрии через призму моральной философии, в частности, переосмысливая кантовский категорический императив применительно к практикам потребления одежды [10]. Автор последовательно развивает тезис о том, что выбор одежды не должен сводиться к слепому следованию трендам или удовлетворению сиюминутных желаний, но обязан руководствоваться универсальными этическими принципами — устойчивостью производства, справедливыми условиями труда и экологической ответственностью.

Философский анализ моды раскрывает ее как уникальный феномен, в котором пересекаются антропологические, экономические и эстетические аспекты человеческого существования, делая ее незаменимым объектом для понимания современных социальных процессов и культурных трансформаций.

Список литературы:

1. Платон. Пир // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 81 – 134.
2. Кант, И. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. М. Соколова. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
3. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. Рачинского. – СПб.: Азбука, 2016. – 224 с.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
5. Милль, Дж. С. Утилитаризм / пер. с англ. М. Г. Макарова. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2000. – 160 с.
6. Кант, И. Основы метафизики нравственности / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1999. – 147 с.
7. Свендсен, Л. Философия моды / пер. с норв. А. Шипиловой. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
8. Фукусима, Ю. Эстетика повседневности: Восток и Запад. - Кембридж: Cambridge Scholars Publishing, 2022. - 180 с.
9. Crane D. Fashion and Its Social Agendas: Class, Gender, and Identity in Clothing. Chicago: University of Chicago Press, 2019. — 296 с.
10. Андерсон Р. Этика моды: почему то, что мы носим, имеет значение - М.: Альпина Паблишер, 2021. - 320 с.

Храмова Ангелина Михайловна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Angelina Khramova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТАРИННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу старинных методов и технологий, применяемых в современной реставрации памятников архитектуры. Рассматриваются исторические техники строительства и отделки, их особенности и материалы, которые способствуют сохранению подлинности объектов культурного наследия. Особое внимание уделяется интеграции традиционных подходов с современными научными методами, что обеспечивает долговечность и эстетическую ценность реставрационных работ. В статье также приводятся примеры успешного использования комбинированных технологий на российских и зарубежных объектах, подчёркивающие важность сохранения исторического опыта для устойчивого развития реставрации.

Ключевые слова: Сохранение культурного наследия, архитектурные памятники, реставрация, старинные методы, традиционные технологии, известковый раствор, историческая структура, традиционные материалы, современные методы реставрации.

ANCIENT METHODS AND TECHNOLOGIES IN MODERN RESTORATION OF ARCHITECTURAL MONUMENTS

Summary: This article is devoted to the analysis of ancient methods and technologies applied in the modern restoration of architectural monuments. It examines historical construction and finishing techniques, their characteristics, and materials that contribute to preserving the authenticity of cultural heritage objects. Special attention is given to the integration of traditional approaches with contemporary scientific methods, ensuring the durability and aesthetic value of restoration work. The article also provides examples of successful combined technologies used in Russian and international sites, emphasizing the importance of preserving historical experience for the sustainable development of restoration practices.

Keywords: Cultural heritage preservation, architectural monuments, restoration, ancient methods, traditional technologies, lime mortar, historical structure, traditional materials, modern restoration methods.

Современная реставрация архитектурных памятников представляет собой сложную междисциплинарную сферу, в которой соединяются достижения новейшей науки и богатый опыт мастеров прошлых веков. Хотя цифровые технологии, лазерное сканирование, химический анализ материалов и компьютерные модели прочно вошли в практику, интерес к традиционным техникам не уменьшается. Напротив, в последние десятилетия наблюдается определённый «ренессанс» старинных методов, без использования которых невозможно сохранить подлинность исторического облика зданий.

Именно сочетание инноваций и традиций позволяет добиваться главной цели реставрации — бережного отношения к материальному культурному наследию и передачи его будущим поколениям в максимально аутентичном виде. Эта идея последовательно развивалась многими отечественными специалистами, чьи труды стали основой отечественной школы реставрации.

Первоначально реставрация архитектурных объектов была преимущественно ремесленным процессом, в котором основным источником знаний являлась практика мастеров. Подъяпольский и его коллеги подчеркивали, что ещё в XIX — начале XX века восстановление памятников осуществлялось теми же методами, которые использовались и при их строительстве: плотничество, каменная кладка, известковые растворы, ручные инструменты [1].

Однако с развитием архитектуроведения и археологии в XX веке начала формироваться научная школа реставрации. Именно она настояла на необходимости изучения «биографии» здания, анализа материалов, стратиграфии штукатурок и кладок, а также точного документирования всех этапов вмешательства. Несмотря на это, традиционные технологии не были отвергнуты: напротив, они стали рассматриваться как незаменимый элемент, обеспечивающий историческую достоверность реставрации.

Кедринский, обобщая опыт ленинградской школы реставраторов, подчёркивал, что применение старинных технологий позволяет не только воспроизводить исторические материалы, но и лучше понимать конструктивную логику памятника [2]. Это понимание делает реставратора не просто мастером, но и исследователем.

Одним из ключевых способов сохранения подлинности является использование тех материалов, которые присутствовали в памятнике первоначально. В отечественной практике особое внимание уделяется известковым растворам, традиционным видам кирпича и камня, деревянным конструкциям.

Многие специалисты подчёркивают, что цементные растворы, популярные в XX веке, нередко оказывают разрушительное воздействие на древнюю кладку, тогда как известка остаётся воздухопроницаемой, пластичной и способной «работать» вместе со старинной стеной [3].

Поэтому в современных реставрационных мастерских широко распространено возрождение старинных рецептов: известкового теста длительного выдерживания, добавок органического происхождения (яичный

белок, молоко, растительные клеи), а также традиционных методов приготовления раствора. Эти технологии позволяют добиться совместимости старого и нового материала.

Михайловский подчёркивал, что современная промышленность не всегда способна воспроизвести текстуру и плотность кирпича XIX–XVIII веков [3]. Поэтому часть реставрационных работ предполагает изготовление специальных партий кирпича традиционным способом обжига.

Аналогичная ситуация наблюдается и с природным камнем: реставрация часто требует добычи материала в тех же каменоломнях, где он добывался исторически.

Памятники деревянной архитектуры занимают особое место в культурном наследии России. Ополовников, крупнейший исследователь и практик реставрации народного зодчества, подчеркивал, что только использование традиционных методов обработки дерева — топорная техника, вырубка чаш, ручное тёсаное бревно — обеспечивает подлинность и долговечность восстановленных конструкций [7].

Ручная рубка не только эстетически отличается от механической: структура волокон древесины при резе топором остается более устойчивой к влаге, чем при пропилах пилой. Поэтому современные реставраторы, работающие с памятниками на Севере России, нередко включают в работу элементы традиционного плотницкого ремесла, даже если это требует привлечения специально обученных мастеров.

Фехнер в сборнике «Методика реставрации памятников архитектуры» указывал, что современная реставрация невозможна без научных методов диагностики: лабораторного анализа штукатурок, телескопирования конструкций, 3D-сканирования [4]. Однако он подчёркивал, что применение новейших технологий не должно приводить к отказу от традиционных приемов, если они обеспечивают историческую точность.

Современный реставратор должен сочетать эти подходы: например, использовать лазерное сканирование для фиксации геометрии объекта, но применять старинный известковый раствор для ремонта трещин; изучать химический состав древних штукатурок, чтобы затем воссоздать их вручную.

Ярким примером востребованности древних методов является реставрация храмовой росписи. Такие технологические приёмы, как фреска «по сырому», выполнение росписей на известковой основе, муравление, золочение сусальным золотом, не имеют адекватных современных аналогов.

В сборнике под редакцией Щенкова отмечается, что современные мастера обучаются этим техникам по историческим трактатам и живой традиции, поскольку именно они позволяют сохранить визуальную и материальную аутентичность древних интерьеров [5].

Реставрация лепных украшений также часто требует применения старинных формовочных смесей на основе гипса и животного клея. Их применение строго соответствует историческим технологиям — и именно это обеспечивает правильную усадку материала и характерную фактуру [1].

Отечественные школы реставрации — ленинградская, московская, северная — накопили уникальный опыт применения традиционных методов. Кедринский подчёркивал, что именно сочетание ремесленного мастерства и научного анализа позволило России сохранить огромное количество храмов, усадеб и памятников народной архитектуры [2].

Сборники «Архитектурное наследие и реставрация» под редакцией Дворяшина фиксируют тенденцию последних десятилетий: растущий интерес к ручным методам и ремеслу как к «носителю знания», который нельзя заменить лишь цифровыми технологиями [6].

Старинные методы и технологии занимают важнейшее место в современной реставрации архитектурных памятников. Их значение определяется не только стремлением к аутентичности, но и доказанной практической эффективностью — многие традиционные материалы и приемы оказываются более долговечными и совместимыми со старинными конструкциями, чем современные.

Лучшие отечественные специалисты — Подъяпольский, Кедринский, Михайловский, Ополовников и другие — последовательно утверждали необходимость сочетания научных методов с традиционными технологиями. Современная практика подтверждает их правоту: только такой комплексный подход позволяет сохранять наследие в его подлинном виде, не подменяя историю новоделом.

Список литературы:

- 1.Реставрация памятников архитектуры Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Архитектура", спец. "Архитектура", "Дизайн архитектур. среды", "Реставрация и реконструкция архитектур. наследия" / С.С Подъяпольский, Г.Б. Бессонов, Л.А. Беляев и др. / Под общ. ред. С.С. Подъяпольского. — М.: Стройиздат, 2000. — 288 с.
- 2.Кедринский, Александр Александрович. Основы реставрации памятников архитектуры: Обобщение опыта шк. ленингр. реставраторов: Учеб. пособие / А. А. Кедринский. - Москва: Изобраз. искусство, 1999. - 182, [1] с.
- 3.Михайловский, Евгений Васильевич. Реставрация памятников архитектуры [Текст]: (Развитие теорет. концепций) / [Предисл. П. Максимова]; Науч.-исслед. ин-т теории, истории и перспективных проблем сов. архитектуры. — Москва: Стройиздат, 1971. — 190 с.
- 4.Методика реставрации памятников архитектуры: пособие для архитекторов-реставраторов / Акад. стр-ва и архит. СССР; ред. Н. П. Зворыкин, ред. М. В. Фехнер. - Москва: Госстройиздат, 1961. - 215 с.
- 5.История и теория реставрации памятников архитектуры: [сборник статей] / Центр. н.-и. и проект. ин-т по градостроительству; под ред. Щенкова А. С. - Москва: ЦНИИПградостроительства, 1986. - 96, [2] с.
- 6.Архитектурное наследие и реставрация [Текст] : (реставрация памятников истории и культуры России): сборник научных трудов / М-во культуры РСФСР, Российское респ. специализированное науч.-реставрационное об-ние

"Росреставрация" / под общ. ред. В. М. Дворяшина. - Москва: Об-ние "Росреставрация", 1984.

7. Ополовников, А. В. Реставрация памятников народного зодчества [Текст] / [Центр. науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры]. - Москва: Стройиздат, 1974. - 391 с.

Хуинь Лам Сон (Социалистическая Республика Вьетнам)

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Huin Lam Song

Naval Academy

ВЬЕТНАМ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается развитие Вьетнама в контексте мировой истории XX века через призму его международных политических, военных и экономических связей. Проанализированы ключевые этапы исторического пути страны: борьба против французского колониализма, влияние Второй мировой войны, противостояние в период холодной войны и участие Вьетнама в глобальном идеологическом конфликте, а также процессы послевоенного восстановления и реформ. Особое внимание уделяется роли великих держав — США, СССР и Китая — в судьбе Вьетнама и формировании его внешнеполитического курса. В заключительной части рассматриваются реформы «Дой Мой» и начало интеграции страны в международное сообщество. Делается вывод о том, что XX век стал определяющим периодом формирования современной внешнеполитической стратегии Вьетнама и его места в мировой системе международных отношений.

Ключевые слова: Вьетнам, XX век, международные отношения, колониализм, холодная война, Вьетнамская война, СССР, США, Китай, «Дой Мой», интеграция, внешняя политика, глобальная политика.

VIETNAM AND THE WORLD IN HISTORICAL RETROSPECT OF THE TWENTIETH CENTURY

Summary: The article examines the development of Vietnam in the context of world history of the 20th century through the prism of its international political, military, and economic relations. The key stages of the country's historical path are analyzed: the struggle against French colonialism, the impact of World War II, the confrontation during the Cold War and Vietnam's involvement in the global ideological conflict, as well as the processes of post-war reconstruction and reforms. Particular attention is paid to the role of the great powers — the United States, the Soviet Union, and China — in shaping Vietnam's destiny and its foreign policy course. The final part discusses the "Doi Moi" reforms and the beginning of the country's integration into the international community. It is concluded that the 20th century became a decisive period in the formation of Vietnam's modern foreign policy strategy and its position in the global system of international relations.

Keywords: Vietnam, 20th century, international relations, colonialism, Cold War, Vietnam War, Soviet Union, United States, China, «Doi Moi», integration, foreign policy, global politics.

XX век стал для Вьетнама временем драматических перемен: от колониального гнета и борьбы за независимость до полномасштабного участия в глобальных конфликтах и последующей интеграции в международное сообщество. История взаимоотношений Вьетнама с мировыми державами отражает не только трансформации в самом государстве, но и изменения в международной системе после двух мировых войн и в период холодной войны.

Гуманитарные науки традиционно играли ключевую роль в формировании национальной идентичности, культурной памяти и гражданской самоидентификации. Во Вьетнаме, где переплетаются долгие исторические традиции, колониальное наследие, революционные трансформации и стремительное экономическое развитие последних десятилетий, гуманитарное образование выполняет одновременно академическую, культурную и социальную функцию. В то же время гуманитарные дисциплины сталкиваются с реальными вызовами: коммерциализацией образования, доминированием STEM-направлений, ограниченностью ресурсов и необходимостью быстрого обновления программ в ответ на требования рынка труда и цифровой эпохи [1].

В начале XX века Вьетнам был частью Французского Индокитайского союза — французской колонии, где усилился националистический и антиколониальный настрой. Становление национального самосознания сопровождалось ростом политических движений и партий, стремившихся к освобождению от иностранного господства; особенно заметными были организации типа Вьет-Миня и другие национально-освободительные группы, которые объединяли широкий спектр населения в борьбе за независимость.

В начале сентября 1858 года французские колонизаторы открыли огонь и атаковали Дананг, положив начало войне за завоевание Вьетнама. Это был первый раз в истории, когда нашему народу пришлось столкнуться с угрозой вторжения со стороны западной страны, обладавшей абсолютным превосходством в экономическом и военном потенциале, особенно в вооружении и военных технологиях. Обладая глубокими патриотическими традициями, стойкостью и несгибаемостью, на протяжении второй половины XIX века (1858-1896) широкие слои населения по всей стране мужественно сражались, активно поддерживая королевскую армию или самостоятельно поднимаясь на борьбу против французских колонизаторов. И хотя французским колонизаторам удалось подчинить себе династию Нгуен, они не смогли подавить дух сопротивления вьетнамского народа.

3 февраля 1930 года была создана Коммунистическая партия Вьетнама, которая возглавила народ всей страны в борьбе против колонизаторов и империалистов, завоевав независимость для нации. Под руководством Партии по всей стране развернулись революционные движения с небывалым энтузиазмом.

9 марта 1945 года японские фашисты совершили переворот, свергнув французов. В ту же ночь на расширенном заседании Постоянного комитета

Центрального комитета было принято решение о развертывании широкого движения.

В марте 1945 года ЦК Партии издал директиву «Японо-французские столкновения и наши действия».

В апреле 1945 года ЦК созвал Северокохинхинскую военную революционную конференцию, на которой были приняты важные решения, в том числе об объединении вооруженных сил во Вьетнамскую освободительную армию.

16 апреля 1945 года Генеральный штаб Вьетминя издал директиву о создании Комитетов национального освобождения на всех уровнях и подготовке к учреждению Комитета национального освобождения Вьетнама, то есть Временного революционного правительства Вьетнама.

С апреля 1945 года мощно развернулось движение сопротивления японцам за спасение страны.

В начале мая 1945 года Дядюшка Хо из Каобанга переехал в Туйенкуанг, выбрав Танчать в качестве базы для руководства революцией по всей стране.

В августе 1945 года Всепартийная конференция, проходившая в Танчать (Туйенкуанг), подтвердила: «Наступил благоприятный момент для завоевания независимости» и приняла решение о всенародном восстании за взятие власти из рук японских фашистов и их марионеток до вступления войск союзников в Индокитай.

Под руководством Партии и Президента Хо Ши Мина народ всей страны одновременно поднялся на всеобщее восстание и взял власть. Всего за 15 последних дней августа 1945 года всеобщее восстание одержало полную победу, власть по всей стране перешла в руки народа.

2 сентября 1945 года на площади Бадинь (Ханой) Президент Хо Ши Мин от имени Временного правительства торжественно зачитал Декларацию независимости, провозгласив перед соотечественниками и всем миром: Рождение Демократической Республики Вьетнам (ныне Социалистическая Республика Вьетнам).

23 сентября 1945 года при поддержке британских войск французские колонизаторы напали на Сайгон, положив начало второй войне за завоевание нашей страны. Впоследствии французские войска продолжили захват многих важных районов в Намбо и Южном Чунгбо.

12 декабря 1946 года Постоянный комитет Центрального комитета Партии издал директиву «Всенародное сопротивление».

19 декабря 1946 года Президент Хо Ши Мин выступил с «Воззванием ко всеобщей войне сопротивления»: «Любой мужчина и женщина, любой пожилой и молодой, независимо от религии, партийной принадлежности, национальности. Если ты вьетнамец, ты должен встать на борьбу против французских колонизаторов, чтобы спасти Родину».

Под руководством Партии и Президента Хо Ши Мина, за 9 лет реализации линии всенародного, всестороннего и длительного сопротивления, опираясь главным образом на свои силы, ведя одновременно войну и

строительство страны, неустанно укрепляя мощь, наши армия и народ неуклонно развивали наступательный потенциал, с каждым боем становясь сильнее и одерживая крупные победы. Яркими примерами служат: Осенне-зимняя кампания во Вьетбаке (1947), Пограничная кампания (1950), Кампания Хоабинь (1951), Кампания «Зима-весна» (1951–1952), Кампания Тайбак (1952), Кампания Дьенбьенфу (1954), которые принесли победу, «прогремевшую на пять континентов, потрясшую весь мир», ознаменовав успешное завершение войны сопротивления против французских колонизаторов [2, с.265].

После разделения страны на Север и Юг в середине XX века, Вьетнам стал ареной многостороннего конфликта, глубоко переплетённого с глобальным противостоянием США и СССР. Вьетнамская война (или Война сопротивления американской агрессии, как её называют во Вьетнаме) стала не только локальным конфликтом, но и символом холодной войны — где различные идеологии и глобальные интересы вступили в прямое столкновение. США поддерживали южное руководство, а СССР и Китай — Северный Вьетнам, что превратило конфликт в эпицентр напряжённости Восток–Запад.

Война сопротивления против Америки (1954–1975) была тяжелой, длившейся 21 год национально-освободительной войной с целью изгнать американских империалистов, уничтожить их господство на Юге и воссоединить страну. Война завершилась победой 30 апреля 1975 года освобождением Сайгона, открыв эру независимости, единства и построения социализма во Вьетнаме.

Основные этапы этой борьбы:

- 1954–1960: Борьба против режима США-Дьема, сохранение сил, переход от политической борьбы к сочетанию ее с вооруженной борьбой (движение «Донгкхой» /Одновременное восстание/).

- 1961–1965: Разгром стратегии «особой войны» США, срыв плана «умиротворения» Южного Вьетнама.

- 1965–1968: Разгром стратегии «локальной войны» на Юге и первой войны разрушений на Севере, кульминацией чего стало Всеобщее наступление и восстание Тет Мау Тхан (1968).

- 1969–1973: Разгром стратегии «вьетнамизации войны», вынуждение США подписать Парижское соглашение (1973) и вывести войска.

- 1973–1975: Создание позиций и сил, проведение Всеобщего наступления и восстания весной 1975 года, завершившегося исторической операцией Хо Ши Мина и полным освобождением Юга [3].

Война во Вьетнаме (1954-1975) оставила после себя тяжелые последствия: погибло около 2 миллионов мирных жителей, более 2 миллионов человек стали инвалидами, и свыше 1 миллиона военнослужащих пали на поле боя.

После падения Сайгона в 1975 году и воссоединения страны в 1976 году, Вьетнам стал социалистической республикой. Новое государство было признано Организацией Объединённых Наций, и Вьетнам начал активно укреплять связи с социалистическим блоком, в первую очередь с СССР, что

выразилось в подписании договоров о дружбе и партнёрстве. Взаимоотношения с СССР также сопровождались широкой военно-политической кооперацией и поддержкой, что помогло Вьетнаму восстановиться после войны и укрепить свою обороноспособность. Россию и СССР характеризуют как одних из главных международных партнёров, сыгравших значительную роль в развитии и защите Вьетнама во второй половине XX века [4].

К концу XX века страна пережила глубокие внутренние изменения. Экономические реформы политики «Дой Мой», начатые в 1986 году, были направлены на устранение плановой изоляции и переход к рыночным механизмам при сохранении политической стабильности. Эти реформы открыли Вьетнам миру, способствовали притоку инвестиций, повышению производительности и экономическому росту.

Политика обновления («Дой Мой»), начатая на VI съезде КПВ (1986), стала важным поворотным моментом, ознаменовавшим переход Вьетнама от централизованной плановой экономики к социалистически ориентированной рыночной экономике.

Основные достижения и направления (1986 – настоящее время):

В экономике:

- Упразднение бюрократического централизованного механизма управления, основанного на дотациях, и переход к рыночной экономике с государственным регулированием.

- Развитие многоукладной экономики, акцент на индустриализацию и модернизацию.

- Реализация трех крупных экономических программ: продовольствия и продуктов питания, товаров народного потребления, экспортных товаров.

- Достижение высоких темпов экономического роста, вывод страны из социально-экономического кризиса.

В политике и внешней политике:

- Обновление политической системы, совершенствование правовой системы.

- Курс на мультилатерализацию и диверсификацию международных отношений, провозглашение принципа «Вьетнам желает быть другом всех стран».

В культуре и социальной сфере:

- Заметное улучшение жизни населения, устойчивое сокращение бедности.

- Развитие культуры, образования и здравоохранения.

С середины 1990-х годов начался процесс нормализации отношений с бывшими противниками и включения страны в международные экономические и политические организации. Одним из важнейших этапов стало восстановление дипломатических отношений с США в 1995 году и последующее снижение торговых барьеров, а также активное участие в региональных организациях, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

К концу XX века Вьетнам уже не был изолированной страной: он активно участвовал в многосторонних форумах и формальных международных структурах, стремясь укреплять свою роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выстраивать сбалансированные отношения с крупными державами — от США до Китая и России [5].

Это отразилось не только в политике, но и в экономике: Вьетнам стал важным участником международной торговли, внешнеэкономических связей и инвестиционных потоков, что подтвердило его способность взаимодействовать в сложной глобальной среде.

XX век стал для Вьетнама временем борьбы, трансформаций и международного признания. Страна прошла путь от колониального угнетения и разрушительной войны до воссозданного независимого государства, интегрированного в международное сообщество. Дипломатические, экономические и политические связи Вьетнама с миром отражают глобальные вызовы своего времени — от холодной войны и идеологических противостояний до процессов глобализации и региональной кооперации.

Список литературы:

1. Социальные и гуманитарные науки являются основой устойчивого развития. - URL: <https://nhandan.vn/khoa-hoc-xa-hoi-va-nhan-van-la-nen-tang-cho-phet-trien-benvung-post880451.html> (дата обращения: 3. 02.2026).
2. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. -1800 с.
3. Великая победа 30 апреля 1975 года – блестящая вершина дела национального освобождения - URL: <https://dangcongsan.vn/tieu-diem/dai-thang-30-4-1975-dinh-cao-choi-loi-cua-su-nghiep-giai-phong-dan-toc-579484.html/> (дата обращения: 19.02.2026).
4. «Вьетнам. Вооруженные Силы». - URL: <https://bigenc.ru/c/v-etnam-vooruzhionnye-sily-105869/> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Политика внешней политики в период с 1976 по 1986 годы и уроки опыта - URL: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/thuc-tien/item/2661-chinh-sach-doi-ngoai-giai-doan-1976-%E2%80%931986-va-nhung-bai-hoc-kinh-nghiem.html/> (дата обращения: 20.02.2026).

Цыганок Елизавета Олеговна

4 ЭД-28

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Аницупова Александра Сергеевна

Tsyganok Elizaveta

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье рассматривается роль отечественной истории как ключевого ресурса патриотического воспитания молодежи в современных социально-культурных условиях. Анализируется понятие «диалог с прошлым» как форма осмысленного взаимодействия молодого поколения с историческим опытом страны. Особое внимание уделяется значению исторической памяти, символов и традиций в формировании гражданской идентичности молодого поколения. Описываются сложности современного процесса патриотического воспитания, подчеркивается значение социальных институтов, взаимодействующих с молодежью.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, отечественная история, историческая память, гражданская идентичность, ценности, диалог поколений.

NATIONAL HISTORY IN THE CONTEXT OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: The article examines the role of Russian history as a key resource for the patriotic education of youth in today's socio-cultural context. It analyzes the concept of "dialogue with the past" as a form of meaningful engagement between the younger generation and the country's historical experience. Particular attention is paid to the importance of historical memory, symbols, and traditions in shaping the civic identity of the younger generation. The complexities of the modern process of patriotic education are described, emphasizing the importance of social institutions that interact with youth.

Keywords: patriotic education, youth, national history, historical memory, civic identity, values, intergenerational dialogue.

В условиях изменения общественных отношений в современном обществе особую значимость приобретает вопрос патриотического воспитания молодежи, формирования у неё ответственного отношения к своей стране и уважения к ее историческому наследию. Молодым людям в настоящее время свойственно фрагментарное восприятие прошлого, что затрудняет осознание преемственности поколений и собственной гражданской ответственности. В этой связи отечественная история выступает важным ресурсом

патриотического воспитания, способствующим формированию ценностных ориентиров и национальной идентичности.

Патриотическое воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования у личности уважения к Родине, ее культуре, традициям и историческому опыту, а также готовности к социальной ответственности и гражданской активности. Его задача заключается не только в передаче знаний о прошлом, но и в формировании эмоционально-нравственного отношения к историческим событиям и достижениям страны. Именно через обращение к отечественной истории возможно воспитание осознанного патриотизма, основанного на понимании роли своего государства в мировом историческом процессе [1, с 23-24].

Важное место в системе патриотического воспитания занимает так называемый «диалог с прошлым», который предполагает осмысленное взаимодействие личности с историческим наследием. Он включает анализ исторических событий, оценку деятельности исторических деятелей и понимание их влияния на современное общество. Такой подход позволяет рассматривать историю не как набор дат и фактов, а как живой процесс развития государства и народа. Через диалог с прошлым у молодежи формируется целостное представление об историческом пути страны и осознание личной сопричастности к ее судьбе. При этом обращение к истории не должно носить характер идеализации, напротив, признание ее сложного и противоречивого характера способствует развитию критического мышления и зрелой гражданской позиции. Осмысление как героических, так и трагических страниц прошлого формирует уважительное отношение к историческому опыту и ответственность за будущее страны.

Существенным элементом патриотического воспитания выступает историческая память, которая отражает коллективные представления общества о прошлом и передается из поколения в поколение. Через нее закрепляются ценности, нормы поведения и модели гражданской идентичности. Для молодежи историческая память служит связующим звеном между прошлым и настоящим, позволяя осознать преемственность поколений, а утрата исторической памяти приводит к снижению интереса к национальной истории и утрате ценностных ориентиров.

Отечественная история обладает значительным воспитательным потенциалом. Примеры гражданского мужества, самоотверженности и служения обществу формируют представление о патриотизме как нравственной категории. Исторические достижения в науке, культуре и государственном строительстве способствуют развитию чувства гордости за страну и уважения к ее наследию.

Вместе с тем современная система патриотического воспитания сталкивается с рядом проблем. Одной из ключевых является формальный характер многих воспитательных мероприятий, ориентированных на отчетность, а не на реальное вовлечение молодежи, зачастую они не учитывают интересы и особенности восприятия молодого поколения, что снижает их

эффективность [2, с. 45]. Кроме того, значительное влияние оказывает цифровая среда, в которой молодежь получает большую часть информации об истории. Социальные сети и Интернет-ресурсы нередко распространяют искаженные или упрощенные интерпретации исторических событий, что формирует поверхностное отношение к прошлому. Клиповое мышление и быстрый поток информации затрудняют глубокое осмысление исторических процессов. В этих условиях возрастает необходимость развития у молодежи навыков критического анализа информации и осознанного отношения к историческим источникам.

Сочетание образовательных, культурных и социальных практик, направленных на активное вовлечение молодежи в изучение истории будет содействовать успешному патриотическому воспитанию молодежи. Эффективными формами работы являются проектная деятельность, музейная педагогика, исторические реконструкции, волонтерские инициативы и исследовательские программы. Особое значение имеет личностно ориентированный подход, учитывающий интересы и ценности молодых людей.

Важную роль в реализации патриотического воспитания играют образовательные учреждения, культурные организации и молодежные объединения. Их сотрудничество позволяет создать целостную воспитательную среду, способствующую формированию устойчивых гражданских установок. Использование современных технологий и интерактивных форм обучения делает процесс изучения истории более доступным и значимым для молодежи. Отечественная история выступает важнейшим источником формирования патриотических чувств, гражданской ответственности и национальной идентичности. Однако эффективное патриотическое воспитание невозможно без осмысленного обращения к прошлому, предполагающего не формальное усвоение исторических фактов, а их глубокое понимание и интерпретацию. В этом контексте особую актуальность приобретает концепция «диалога с прошлым», позволяющая рассматривать историю как живой процесс взаимодействия поколений. Через изучение истории у молодых людей формируется уважение к государственным символам, традициям и национальной культуре. Особое значение имеет сохранение исторической памяти о ключевых событиях, таких как Великая Отечественная война, так, например, в настоящее время активно развивается движение «Волонтеры Победы», которое объединяет на фоне исторического события разные поколения, участвующие в сохранении исторической памяти и повышающие уровень патриотизма в обществе [3, с. 112].

Таким образом, обращение к отечественной истории и выстраивание диалога с прошлым являются важнейшими условиями эффективного патриотического воспитания молодежи. Осмысленное изучение исторического опыта способствует формированию гражданской идентичности, уважения к культурному наследию и ответственности за будущее страны. Комплексный подход, основанный на взаимодействии социальных институтов и учете особенностей современной молодежи, позволяет преодолеть формализм

воспитательных программ и сформировать осознанный патриотизм как устойчивую ценностную установку.

Для молодежи историческая память выступает связующим звеном между прошлым и настоящим. Она позволяет осознать преемственность поколений и почувствовать личную сопричастность к судьбе страны. Ослабление исторической памяти приводит к утрате ценностных ориентиров и снижению уровня гражданской ответственности, что представляет серьезную угрозу для стабильного развития общества.

Список литературы:

- 1.Асмолов, А.Г. Психология личности и историческая память. – М.: Смысл, 2020. – 256 с.
- 2.Данилюк, А.Я. Патриотическое воспитание в системе образования. – М.: Просвещение, 2019. – 198 с.
- 3.Касьянов, В.В. Историческая память и молодежная политика. – СПб.: Питер, 2021. – 224 с.

Чеботару Илона-Виктория

2 ОД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна.

Chebotaru Iлона-Victoria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭТИКА ИММАНУИЛА КАНТА: АКТУАЛЬНОСТЬ В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальность этики Иммануила Канта в решении современных этических проблем. В статье проанализированы основные принципы кантовской философии, такие как категорический императив, автономия воли и принцип долга, и их применение к текущим этическим дилеммам. Также ставится вопрос, как этика Канта может помочь в формировании глобальной этики, направленной на сохранение мира и свободы всех людей. Кантовская этика инициирует обсуждение о том, как не упустить человека в процессе научно-технического прогресса.

Ключевые слова: этика Канта, мораль, современность, человек, права.

IMMANUEL KANT'S ETHICS: RELEVANCE IN SOLVING MODERN ETHICAL PROBLEMS

Summary: This article examines the relevance of Emanuel Kant's ethics in solving modern ethical problems. The article analyzes the basic principles of Kantian philosophy, such as the categorical imperative, the autonomy of the will and the principle of duty, and their application to current ethical dilemmas. It also examines how Kant's ethics can help shape global ethics aimed at preserving peace and freedom for all people. Kantian ethics initiates a discussion about how not to miss a person in the process of scientific progress.

Keywords: Kant's ethics, morality, modernity, man, rights.

Этика Иммануила Канта представляет собой одну из наиболее значимых и влиятельных философских систем, оказавших глубокое воздействие на развитие моральной философии и этики в целом. В условиях стремительных изменений, происходящих в современном мире, актуальность кантовской этики становится особенно заметной. Век глобализации, экологических катастроф и стремительного научного прогресса ставит перед человечеством множество этических дилемм, требующих осмысленного подхода и четких моральных ориентиров. В этом контексте идеи Канта о моральном долге и категорическом императиве становятся не только историческим наследием, но и практическим инструментом для решения современных проблем.

Этика Канта, занимает одно из центральных мест в философии морали, утверждает приоритет внутреннего долга как источника нравственного

поведения. В отличие от этических систем, направленных на последствия, Кант настаивает на том, что моральность поступка определяется его соответствием моральному закону, а не его результатам. Этот принцип формирует основу для построения социальных отношений, в которых каждая личность рассматривается как самостоятельная цель, а не как инструмент для достижения чужих целей. Ригоризм кантианской этики проявляется в акценте на безусловном характере морального долга, который должен исполняться независимо от ожидаемых последствий [1].

Категорический императив, являющийся центральным элементом практической философии Канта, предполагает, что человек должен действовать так, чтобы максимы его поступка могли стать всеобщими законами. Это означает, что действия должны быть универсализируемыми, а их моральная ценность определяется не намерением, а соответствием принципу, который можно распространить на все человечество [5]. Кант утверждает, что любые действия, которые нарушают эти принципы, ведут к искажению морального порядка и потере человеческого достоинства. Он находит, что отношение к другим как к средствам достижения своих целей неприемлемо, поскольку каждый человек должен рассматриваться как цель сам по себе [7].

Кантовская этика подчеркивает, что мораль не может зависеть от внешних обстоятельств; она должна оставаться неизменной. Это может вступать в противоречие с прагматическими подходами в решении современных вопросов, таких как экология и социальные изменения. Именно понимание необходимости следования моральному долгу может служить основой для решения глобальных этических проблем, возникающих в условиях быстро меняющегося мира [6].

В эпоху глобализации и обострения экологических проблем этические дискуссии приобретают новые измерения. Кант делает акцент на автономии разума и моральном долге, предоставляет ценные методологические ресурсы для осмысления современных дилемм. Глобализация и экологические проблемы создают новые условия для этических дискуссий. Иммануил Кант, поддерживая автономию разума и нравственность, предлагает полезные инструменты для анализа современных проблем.

Современная экологическая этика, сталкиваясь с необходимостью пересмотра ценностей, на которых она основана. Влияние человека на природу усиливается, и это требует новой этической ответственности, вдохновленной концепциями Канта. Данная философия акцентирует внимание на том, что человек, обладая свободой и разумом, должен понимать последствия своих действий для окружающей среды [9]. Таким образом, чтобы обеспечить устойчивое развитие и равновесие между потребностями человека и благополучием природы, необходимо сделать экологические ценности неотъемлемой частью социальных институтов.

Кант также утверждает, что моральные решения следует принимать, исходя из позиций, при которых человечество рассматривается как цель само по себе, а не как средство для достижения других целей [3]. Это принципиально

важно, когда речь идет о восстановлении экосистемы и борьбе с последствиями глобализации. Например, клонирование вымерших видов может рассматриваться с точки зрения кантовской этики, где каждая форма жизни имеет свою ценность и право на существование в своем естественном окружении [10].

Также, в условиях глобализации важно учитывать, что в зависимости от культуры меняется взгляд на этические проблемы, касающиеся экологии. Кантовская этика предоставляет универсальную основу для диалога между культурами, осуществляя общечеловеческое стремление к жизни в гармонии с природой. Этические принципы Канта способствуют формированию новых подходов в глобальной этике и экологии, делая акцент на уважении к природе и её ценностям. Подход Канта дает нам возможность рефлексии над взаимоотношениями человека и природы и заставляет задуматься о том, как именно мы можем создавать устойчивые системы, которые не только учитывают сегодняшние потребности, но и мыслили бы о будущем. Необходимо помнить, что мы не отделены от природы, и каждое наше действие имеет последствия, которые касаются не только нас, но и будущих поколений.

Этика Канта и его взгляды на международное право сохраняют свою актуальность в современных межгосударственных отношениях. Немецкий философ рассматривал международное право как инструмент для поддержания мира и регулирования взаимодействия между государствами. В основе его философской концепции лежит идея космополитического права, возлагающая на государства ответственность за соблюдение универсальных моральных норм с целью защиты прав человека и обеспечения свободы народов [4].

Кант выделял различия между формами правления, утверждая, что республиканские режимы более склонны к уважению международных норм, чем деспотические. Республиканское устройство государства создает предпосылки для соблюдения прав человека, так как на основании мирного сосуществования и взаимного уважения достигается стабильность международных отношений. Это соответствует современным вызовам, стоящим перед мировым сообществом, когда та или иная форма правления напрямую влияет на международные последствия [10]. Кант также акцентирует внимание на неразрывной связи между правом и моралью. По его мнению, благополучие общества напрямую зависит от того, насколько соблюдаются права каждого человека. Именно поэтому государство несет ответственность за их защиту и развитие. В условиях глобализации, когда страны тесно связаны между собой, кантовская философия прав человека приобретает особую актуальность [8].

Кант также акцентировал внимание на том, что международные отношения должны основываться на соглашении о взаимном уважении суверенитета, что исключает применение силы как способа решения конфликтов. Эта принципиальная позиция остаётся в центре современных дебатов о конфликтах и их разрешении без применения насилия. Способы разрешения международных споров через дипломатию и правовые механизмы

активно используются правительствами, соответствуя идеалу Канта [9]. Таким образом, кантовская этика предоставляет инструменты для осмысления человеческих прав и международного правопорядка, все еще являясь актуальной в стремлении общества к стабильности и справедливости в международных отношениях. Главная идея заключается в том, что моральные обязательства государств должны основываться на согласии и рамках международного права, что также может служить основой для формирования глобальной этики, направленной на сохранение мира и свободы всех людей.

Кантовская этика играет важную роль в контексте современных научных достижений и моральных дилемм, возникающих из них. В эпоху глобальных изменений, как в науке, так и в технологиях, этика, основанная на категорическом императиве Канта, предлагает ценные ориентиры для решения сложных проблем, возникающих из взаимодействия между научными открытиями и моральными обязательствами. В современном мире науки все чаще сталкиваются с ситуациями, когда новые открытия порождают сложные этические дилеммы. Такие области, как генетическое редактирование, искусственный интеллект и биотехнологии, вынуждают нас решать, как использовать научные достижения, не нарушая при этом общепринятые моральные нормы. В этих условиях особенно важным становится этический подход Канта, основанный на чувстве долга. Кант утверждал, что наши действия должны руководствоваться моральными принципами, которые можно было бы применить ко всем людям без исключения, то есть сделать универсальными [1].

Современные моральные дилеммы подчеркивают важность, с которой Кант относился к индивидуальному моралитету, но также ставят перед ним новые вызовы. Например, когда речь идет о социальных сетях и их воздействии на личность, необходимо учитывать не только права отдельного человека, но и последствия для социума в целом. Кантовская этика предлагает внутреннюю логику, позволяющую принимать решения, основываясь на понимании того, как каждый поступок может повлиять на общество. Она могла бы направить дискуссии о том, как технологические инновации могут сочетаться с этическими стандартами, сохраняя достоинство каждого человека [1].

Кантовская этика также инициирует обсуждение о том, как не упустить человека в процессе научного прогресса. Воспитание этической ответственности, как в научном сообществе, так и среди широкой общественности станет залогом правомерного использования научных открытий для пользы общества [1]. Этическая рефлексия в контексте научного прогресса позволит нам лучше понимать значение наших действий для будущих поколений, следуя моральным принципам, которые разработал Кант. Размышление о моральных аспектах научного развития, опираясь на идеи Канта, поможет нам осознать, как наши действия повлияют на будущее и соответствуют ли они нравственным нормам.

Таким образом, принципы кантовской этики, особенно концепции морального долга и категорического императива, сохраняют свою значимость и

применимость в контексте современных этических дилемм. В данной работе были проанализированы ключевые аспекты кантовской философии и их применение к современным проблемам, таким как глобализация, экология и научные достижения. Основываясь на идеях Канта о моральном долге, всеобщих нормах морали и уважении к каждому человеку, появляется возможность построить более справедливое и этическое общество. В условиях современного мира, где моральные вопросы становятся все сложнее, кантовская этика предлагает ориентиры для принятия решений, которые будут служить интересам всех людей, как настоящего, так и будущих поколений.

Список литературы:

1. Ларионов, И.Ю., Тарасова, А.В. Влияние моральных дилемм на трансформацию категорического императива И. Канта // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2017. – №3. – С. 314-321.
2. Кучеренко, А.В. Актуальность кантовской этики в условиях назревших проблем современной цивилизации. // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 97. – С. 114–118. С. 116
3. Назавчук, А.В. Этика глобализирующегося общества, учебное пособие – М., 2002.
4. Юмашев, Ю.М. Идеи И. Канта о международном праве и правах человека и их дальнейшее развитие в современную эпоху. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – №6. – С. 5-17.
5. Ногалес, К.В. Категорический императив Канта и «золотое правило нравственности» – URL: <https://4brain.ru/blog/категорический-императив/> (дата обращения 17.05.2025).
6. Джонсон, Р., Кюретон, А. Моральная философия Канта // Стэнфордская философская энциклопедия. – URL: <https://plato.stanford.edu/archIves/sum2020/entries/kant-moral/> (дата обращения 17.05.2025).
7. Нравственное содержание учения Иммануила Канта о праве – URL: https://spravochnick.ru/etika/nravstvennoe_soderzhanie_ucheniya_immanuila_kanta_o_prave/ (дата обращения 17.05.2025).
8. Равочкин, Н.Н., Кононов, Ф.А. Осмысление философии права И. Канта в поисках обновления правовой системы современных государств // Молодой учёный. — 2016. — № 5 (109). — С. 848–850.
9. Ригина, Е.Ю. Экологическая этика как философский феномен // Научное обозрение. Биологические науки. — 2016. — №4. — С. 30-51.
10. Балановский, В.В. Экологическое сознание и этика И. Канта: о недопустимости клонирования вымершей флоры и фауны // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — №12-2 (78). — С. 140-143.

Черевиченко Александр Сергеевич

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Синько Галина Иосифовна

Cherevichenko Alexander

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ГЕРОИЗМ И САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ КАК ВЫСШИЙ СМЫСЛ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Аннотация: В статье исследуются служение Отечеству и самопожертвование как ключевые ценности российского культурного кода. Цель работы – проанализировать их исторические примеры и роль в формировании национальной идентичности. На материале от эпохи Древней Руси до современности в исследовании рассматриваются, как воинские подвиги, так и гражданское подвижничество в науке и культуре. Особое внимание уделяется социальным функциям памяти о героях: ценностно-образующей, интеграционной и мобилизационной. Делается вывод о том, что эти феномены остаются действенным ресурсом общественной сплочённости и исторической преемственности в России.

Ключевые слова: служение Отечеству, самопожертвование, национальная идентичность, коллективная память, героизм, традиционные ценности.

HEROISM AND SACRIFICE AS THE HIGHEST MEANING OF SERVING THE FATHERLAND

Summary: The article explores the service to the Fatherland and self-sacrifice as key values of the Russian cultural code. The purpose of the work is to analyze their historical examples and their role in shaping national identity. Based on the material from the era of Ancient Rus to the present day, the study examines both military feats and civic dedication in science and culture. Special attention is given to the social functions of the memory of heroes: value-forming, integration, and mobilization. The article concludes that these phenomena remain an effective resource for social cohesion and historical continuity in Russia.

Keywords: service to the Fatherland, self-sacrifice, national identity, collective memory, heroism, traditional values.

Феномен служения Отечеству и готовности к самопожертвованию представляет собой одну из стержневых тем в истории и культуре России, оказывающую продолжительное влияние на формирование национальной идентичности и коллективного сознания. На протяжении столетий эти понятия не только представляли конкретные поступки отдельных личностей, но и конституировали этический идеал, оказывающий мощное воздействие на

социокультурные нормы и общественные представления о должном. В моменты экзистенциальных угроз именно акты самопожертвования зачастую становились механизмом коллективного выживания, трансформируя индивидуальный подвиг в устойчивый ресурс общественной солидарности и духовной мобилизации [1, с. 2]. Актуальность глубокого осмысления этих феноменов в современном научном дискурсе обусловлена необходимостью выявления и анализа глубинных основ российской гражданской идентичности в условиях новых геополитических и социокультурных вызовов. Идея служения, претерпевшая сложную историческую эволюцию, продолжает оставаться значимой мировоззренческой и моральной ценностью, требующей междисциплинарного изучения [5, с. 79].

В российском культурном коде понятия «служение» и «самопожертвование» тесно переплетены, образуя единый ценностный комплекс. Служение Отечеству понимается не как внешняя обязанность, а как внутренняя, экзистенциальная потребность личности, корни которой уходят в глубинные пласты национальной истории и религиозно-философской традиции. Это мировоззренческая установка, предполагающая приоритет общего блага, долга и ответственности перед сообществом над сугубо личными интересами.

Самопожертвование, в свою очередь, выступает крайней, максималистской формой этого служения, определяясь как сознательная готовность индивида отказаться от личных целей, благополучия и самой жизни ради защиты интересов других людей, общества и государства [3]. Эта готовность в российском историческом опыте часто получала не просто рациональное, но и высшее духовно-нравственное обоснование, что превращало жертву из трагической случайности в осмысленный, героический выбор.

Современные социологические исследования подтверждают устойчивость данных концептов в общественном сознании, где архетип героя-защитника, жертвующего собой, продолжает оставаться одной из ключевых фигур, формирующих представления о должном поведении в критических ситуациях и выступающих важным маркером коллективной идентичности [4, с. 525].

Исторический путь России, отмеченный чередой суровых военных испытаний, породил множество примеров жертвенного служения на поле боя. Идея защиты родной земли как священного долга и высшей добродетели начала формироваться ещё в эпоху Древней Руси. Фигуры князей-воинов, таких как Александр Невский, воспринимаются в национальной памяти не только в качестве выдающихся полководцев, но и в качестве «спасителей Отечества», чей цивилизационный и политический выбор, направленный на высшее благо страны в условиях внешней угрозы, заложил основы государственности и национального самосознания [2].

В имперский период патриотизм претерпел определённую трансформацию, всё более соединяясь с идеей служения государству как институту, гаранту порядка, суверенитета и величия.

Апогеем массового, тотального самопожертвования стал период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда решался вопрос физического и исторического существования народа [1, с. 2]. Подвиг этого времени носил не единичный, а поистине всенародный характер, что подтверждается статистикой: только официально зафиксированных актов, где боец сознательно жертвовал жизнью, насчитывается более четырёхсот [1, с. 2]. Имена Александра Матросова, Алексея Маресьева, Зины Портновой, Лёни Голикова и многих других превратились в нарицательные символы высшей жертвы, а сами подвиги, совершённые представителями самых разных национальностей, стали ярчайшим воплощением идеи общего, многонационального Отечества, сплочённого перед лицом смертельной опасности [1, с. 2].

Однако парадигма служения России никогда не ограничивалась военной сферой. Не менее значимыми с историко-культурологической точки зрения являются примеры гражданского подвижничества, героического труда и самоотречения в мирных областях жизни. Деятельность российских учёных, начиная с М.В. Ломоносова и вплоть до советских физиков, математиков и конструкторов, работавших в условиях строгой секретности, дефицита и лишений, часто была сопряжена с интеллектуальным и трудовым самопожертвованием, когда решение стратегических государственных или прорывных научных задач ставилось выше личного комфорта и признания.

Деятели культуры – писатели, поэты, художники – в периоды политического давления или нравственного упадка брали на себя роль «совести нации», сохраняя и транслируя в своём творчестве фундаментальные духовные ценности и правду о своей эпохе, что нередко требовало немалого гражданского мужества.

Отдельным социальным явлением является коллективный подвиг первопроходцев, строителей и добровольцев, осваивавших суровые просторы Сибири, Дальнего Востока и поднимавших целину. Эта форма служения, связанная с колоссальным физическим преодолением и направленная на укрепление и развитие страны, также составляет неотъемлемую часть национального исторического опыта.

Выдающиеся примеры служения и самопожертвования выполняют в жизни общества ряд ключевых социальных функций, обеспечивающих его устойчивость, интеграцию и развитие. Во-первых, они осуществляют ценностно-образующую и воспитательную функцию. Конкретные исторические персонажи и их поступки становятся персонифицированными моделями поведения, превращая абстрактные идеи долга, чести и любви к Родине в осязаемые жизненные ориентиры для новых поколений [4, с. 525]. Во-вторых, проявляется интегрирующая и консолидирующая функция. Поскольку герои и их подвиги репрезентируют разные исторические эпохи, этнические группы и социальные слои, общая память о них создаёт единое символическое

пространство, укрепляет идею общей судьбы и взаимной ответственности, способствуя сплочению многонационального народа [1, с. 2]. В-третьих, эти примеры выполняют легитимирующую и мобилизационную функцию. В кризисные периоды обращение к героическому прошлому помогает обществу найти моральные опоры, мобилизовать внутренние ресурсы и обрести уверенность в собственных силах.

Динамика общественных настроений свидетельствует, что после этапа идеологической неопределённости 1990-х годов произошло продуманное возвращение к традиционным ценностям, актуализировавшим идею любви к Отечеству и их переосмысление. [2, с. 79; 6] Наконец, нарративы о подвиге и жертве играют special роль в процессе идентификации, отвечая на вопрос «Кто мы?» и формируя смысловые границы национально-культурного сообщества через эмоциональное отношение к общим героям и судьбоносным событиям.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что служение Отечеству и самопожертвование представляют собой стержневые традиционные ценности российского культурного кода, обладающие глубокими историческими корнями и продолжающие оказывать существенное влияние на современное общественное сознание. Эти феномены сформировались как ответ на вызовы суровой географии, постоянных внешних угроз и необходимости сохранения единства обширного полиэтнического пространства.

Историческая панорама примеров служения отличается широтой и включает в себя не только военный героизм, но и гражданское подвижничество в науке, культуре и освоении земель, что свидетельствует о проникновении этого идеала во все сферы жизни общества. Конкретные примеры героев выполняют ряд ключевых социальных функций: формирование ценностных ориентиров, интеграцию общества, обеспечение легитимации коллективных действий в кризисы и конструирование гражданской идентичности.

В современном российском социокультурном контексте наблюдается сложная динамика восприятия этих ценностей, сочетающая их критическое переосмысление с устойчивым воспроизводством и новой актуализацией в условиях необходимости внутренней консолидации. Идея служения, подкреплённая реальными историческими примерами высшей жертвы, продолжает занимать значимое место в ценностной парадигме развития России, оставаясь мощным фактором духовной сплочённости, исторической преемственности и социальной устойчивости.

Список литературы:

1. Ачмиз, К.Г. «Русские не сдаются!» Подвиг самопожертвования советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. /К.Г. Ачмиз // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – № 1(30). – С. 1-11.
2. Бабурин, С. Н. Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности / С. Н.

- Бабурин // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2021. – № 3(29). – С. 9-17.
- 3.Сери́ков, А.Е. Смысл самопожертвования и его прототипы в традиционной культуре /А.Е. Сери́ков // Международный журнал исследований культуры. – № 4 (29). – 2017. – С.104-112.
- 4.Троцук, И. В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) /И.В. Троцук, М.В. Субботина // Вестник Российского университета дружбы народов – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 525-545.
- 5.Тумин, А. Ю. Динамика и особенности идеи служения Отечеству в современной России / А. Ю. Тумин // Дискурс-Пи. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 79-92.
- 6.Тумин, А. Ю. Идея служения Отечеству как этический фундамент регенерации традиционных ценностей России / А. Ю. Тумин // Философия в мире: история и современность: Сборник научных трудов IX Международной научно-теоретической конференции. – Ульяновск: УГТУ, 2024. – С. 182-187.

Черноголова Ева Игоревна

2 ДД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Chernogolova Eva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СПОСОБЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ

Аннотация: В статье рассматриваются основные способы рационального доказательства бытия Бога, разработанные в рамках западной философской традиции от средневековой схоластики до аналитической философии религии. Анализируются главные аргументы (онтологический, космологический, телеологический и моральный), их философские основания, а также критика, которой они подвергались в новое и новейшее время. Особое внимание уделено методологическому сдвигу в подходах к аргументации существования Бога в аналитической философии, в которых используются логико-языковой анализ, вероятностное рассуждение и эпистемология. Показано, что проблема бытия Бога сохраняет актуальность как предмет рационального философского исследования.

Ключевые слова: бытие Бога, онтологический аргумент, космологический аргумент, телеологический аргумент, рациональность, схоластика, аналитическая философия, Платинга, Кант, доказательства.

METHODS OF DEMONSTRATING THE EXISTENCE OF GOD IN THE HISTORY OF WESTERN THOUGHT

Summary: The article examines the main rational approaches to proving the existence of God developed within the Western philosophical tradition, from medieval scholasticism to contemporary analytic philosophy of religion. It analyzes major arguments (ontological, cosmological, teleological, and moral), their philosophical foundations, and the critiques they have faced in modern thought. Particular attention is paid to the methodological shift in recent analytic philosophy, which employs logical analysis, probability theory, and epistemology. The study shows that the question of God's existence remains a legitimate and relevant subject of philosophical inquiry.

Keywords: existence of God, ontological argument, cosmological argument, teleological argument, rationality, scholasticism, analytic philosophy, Plantinga, Kant, proofs.

Вопрос о бытии Бога занимал, и как кажется, занимает центральное место в истории западной философской мысли. С самых ранних этапов развития философии человечество стремилось к постижению окружающего мира и к

осмыслению его первоисточника, причины и цели существования. В этом отношении идея Бога выступала как наивысшее объяснительное основание, служащее опорой для метафизики, этики, антропологии и познания в целом. Поскольку речь идет о сущности, претендующей на абсолютность, необходимость рационального обоснования ее существования становилась одной из главных задач философского исследования. С течением времени в рамках западной интеллектуальной традиции сформировалось множество способов доказательства бытия Бога, каждый из которых отражал господствующий в ту или иную эпоху тип рациональности.

Во времена средневековья, особенно в период расцвета схоластики, вопрос о доказательстве бытия Бога приобрел систематическую и строгую рациональную форму. Средневековая философия, находившаяся в тесной связи с христианским богословием, стремилась обосновать основные догматы веры средствами логики и философии, опираясь на аристотелевскую метафизику и библейское Откровение. В этом отношении особое значение приобрели попытки доказать бытие Бога с опорой на разум, причем не как альтернативу вере, а как её рациональное подкрепление (знаменитая формула «вера, ищущая разумения» - *Credo Ut Intelligam*). Наиболее значимыми фигурами в этом отношении стали св. Ансельм Кентерберийский (1033–1109), св. Фома Аквинский (1225–1274), Альберт Великий (ок. 1200–1280) и Бонавентура (1221–1274).

Архиепископ Кентерберийский разработал одно из первых доказательств бытия Бога — онтологический аргумент (названный так впоследствии Кантом). В трактате «Прослогион» он утверждал, что Бог есть «нечто, больше, чего невозможно помыслить» (*id quo nihil maius cogitari potest*) [4, с. 128]. Исходя из этого определения, он делал вывод о необходимости существования Бога не только в уме, но и в реальности: если Бог существует лишь в разуме, то можно помыслить нечто большее — существующее в действительности, а это противоречит исходному понятию. Так, существование Бога, по Ансельму, следует непосредственно из самой идеи Бога как совершеннейшего существа. Этот аргумент вызвал длительные дискуссии и был подвергнут критике, в частности, со стороны монаха Гаунило из Мармутье и впоследствии — философов Нового времени, в том числе И. Канта, который утверждал, что бытие не является реальным предикатом.

Уже даже Аквинат отвергал онтологический аргумент как недостаточно убедительный и предлагал апостериорные доказательства, основанные на эмпирическом наблюдении и логическом анализе. В «Сумме теологии» он сформулировал пять путей (*quinque viae*) доказательства существования Бога, каждый из которых начинается с опыта и заканчивается логическим выводом о наличии первого основания. Первый путь исходит из наблюдаемого движения и требует признания первого неподвижного двигателя. Второй путь — из причинности — указывает на необходимость первой причины, которая сама не является следствием. Третий путь связан с различием между возможным и необходимым. Если всё бытие лишь возможно, оно нуждается в чем-то

необходимом — то есть в Боге. Четвертый путь опирается на градации совершенства в мире, предполагая наличие высшей меры — Абсолютного Совершенства. Наконец, пятый путь основан на целесообразности природных процессов, указывающей на наличие разумного устроителя — Божества. Данные аргументы представляли собой синтез аристотелевской метафизики и христианского богословия, в котором Бог мыслится как первая причина, необходимое существо и источник порядка [1, с. 349-355].

Вместе с тем, помимо Ансельма и Фомы, существенный вклад в развитие аргументации внесли и другие мыслители, прежде всего Альберт Великий и Бонавентура. Альберт - один из первых систематизаторов аристотелевского наследия в христианской традиции. Теолог рассматривал доказательства бытия Бога в свете аналогии бытия, утверждая, что разум может восходить от тварного к Творцу путем аналогического умозаключения. Он стремился показать, что свойства эмпирической реальности: движение, причинность и порядок, указывают на более высокую реальность — Божественное Существо. Бонавентура как представитель францисканской традиции, напротив, делал акцент на внутреннем опыте, соединив мистическое богословие с рациональной аргументацией [3, с.98]. Доказательства бытия Бога возможны, но окончательное знание о Нем доступно лишь через интуитивное озарение, подкрепляемое благодатью. Тем самым он разрабатывал модель богопознания, в которой рациональность имеет вспомогательную, а не решающую роль.

Период Нового времени стал поворотным этапом в развитии философского осмысления вопроса о бытии Бога. На смену средневековой схоластике, основывавшей свои доказательства на синтезе Откровения и аристотелевской метафизики, приходит философия, стремящаяся обосновать истину исключительно средствами разума. Развитие науки, возросшие эпистемологические требования и скептицизм по отношению к метафизике сделали необходимым пересмотр методологии и статуса самой идеи Бога в философском дискурсе.

Рене Декарт (1596–1650) предложил свою собственную версию онтологического аргумента. В «Размышлениях о первой философии» он стремился построить систему достоверного знания, исходя из метода сомнения. В процессе этого поиска Бог оказывается центральной фигурой, гарантирующей истинность человеческого мышления. Декарт утверждает, что идея Бога как существа, обладающего всеми совершенствами, включая существование, не могла быть порождена несовершенным умом и потому должна иметь объективную основу [3, с.294]. Однако в отличие от Ансельма, Декарт стремится обосновать бытие Бога не только логически, но и как необходимое условие достоверного знания, придавая эпистемологическое и метафизическое значение своему аргументу. Несмотря на это, его доказательство подверглось критике за логический круг: существование Бога обосновывается с опорой на ясность и отчетливость идей, которые, в свою очередь, гарантируются только существованием Бога.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), продолжая рационалистическую линию, всё же идет немного иным путём и развивает собственную концепцию доказательства бытия Бога в рамках теории возможных миров. По его мнению, как и по мнению Декарта, Бог есть необходимое существо, существование которого логически вытекает из самой его сущности, но поскольку в множестве возможных миров существует один наилучший, то именно он реализуется благодаря Богу. Кроме того, Лейбниц вводит концепт «предустановленной гармонии» — идею о том, что все элементы мироздания скоординированы между собой благодаря божественному установлению, а не через взаимодействие причин [3, с. 320]. Данная метафизическая схема призвана объяснить порядок и разумность мира без обращения к механическим причинам. Хотя лейбницевское доказательство также исходит из априорных оснований, оно тесно связано с представлением о Боге как первопричине порядка и источнике устройства бытия. Важнейший вклад Лейбница заключается в том, что он интегрировал схему доказательства бытия Бога в рамки логического анализа, заложив этим предпосылки аналитической философии религии.

С противоположной позиции выступает Дэвид Юм (1711–1776). В «Диалогах о естественной религии» и «Исследовании о человеческом разумении» Юм подверг сомнению как космологические, так и телеологические доказательства бытия Бога [3, с.439]. Главный объект его критики — принцип причинности, на котором основаны многие доказательства. Юм указывает на то, что причинность — это не рационально обоснованная истина, а лишь психологическая привычка связывать события, наблюдаемые последовательно. Следовательно, переход от наблюдаемого порядка в природе к идее разумного Творца является логически необоснованным. Более того, мы не можем получить опыт трансцендентного, а потому любые умозаключения о Боге выходят за пределы легитимного познания. Скептицизм Юма не только ослабил силу аргументации традиционных теистических концепций, но и вызвал вопрос о самой возможности рационального богословия.

Своеобразную черту критике метафизики подвел Иммануил Кант (1724–1804) в «Критике чистого разума», где дал обстоятельный анализ всех основных доказательств бытия Бога — онтологического, космологического и телеологического [3, с.420]. Он приходит к выводу, что ни одно из них не выдерживает критики: онтологическое доказательство ошибочно приписывает существованию статус логического предиката, космологическое выводит необходимость из условности без достаточного основания, а телеологическое допускает необоснованный антропоморфизм. Кант утверждает, что Бог как «трансцендентальный объект» лежит за пределами возможного опыта, и потому теоретически недоказуем. Вместо этого он предлагает следующее: идея Бога необходима не как предмет знания, а как постулат практического разума, обеспечивающий согласие между добродетелью и счастьем. Так, Бог становится гарантией морального порядка, а не объектом спекулятивного

познания. Кант не отвергает веру, но радикально отграничивает её сферу от области разума, что имело огромное значение для дальнейшей философии религии.

Аналитическая философия религии, оформившаяся институционально во второй половине XX века в англоязычном философском пространстве, представляет собой попытку заново осмыслить классические аргументы в пользу бытия Бога с учетом логико-языкового анализа, развитого в рамках аналитической традиции. В отличие от позитивистской философии, доминировавшей в начале XX века и часто склонной к редукционизму и исключению метафизики из круга значимых философских проблем, аналитическая философия религии стремится рационально обосновать религиозные утверждения, апеллируя к строгой аргументации, формальной логике, вероятностному исчислению и эпистемологии. Ключевыми фигурами этого направления являются Алвин Плантинга, Ричард Суинберн и Уильям Лэйн Крейг, которые по-новому интерпретируют и развивают онтологический, космологический и телеологический аргументы, а также вводят моральные и эпистемологические основания для теизма.

В рамках так называемого модального онтологического аргумента Плантинга опирается на семантику возможных миров, говоря о том, что если существует хотя бы один возможный мир, в котором Бог (как необходимо существующее совершенное существо) существует, то он существует во всех возможных мирах, в том числе в актуальном для нас [2, с. 160]. Аргумент основан на модальной логике типа пятой системы (S5), где необходимость существования в одном возможном мире означает необходимость существования во всех. Конечно, Плантинга сам признаёт, что его аргумент не является строго доказательным, однако же, обладает логической правомерностью. Кроме того, в своей теории возможной подтвержденной веры Плантинга говорит нам, что вера в Бога может быть эпистемически обоснованной без опоры на доказательства, если она возникает из надлежащим образом функционирующего когнитивного аппарата в подходящих условиях, что делает ее «основанной должным образом».

В отличие от Плантинги Ричард Суинберн делает ставку на вероятностную аргументацию в духе байесовского анализа. В своем фундаментальном труде «Существование Бога» (1979) он применяет теорию вероятностей к обоснованию существования такой сущности. По Суинберну, традиционные аргументы — космологический, телеологический, моральный и др. — в совокупности повышают априорную вероятность гипотезы существования Бога как наилучшего объяснения существования мира, порядка в природе, морального закона и сознания [5, с. 310]. Вера в Бога не является результатом одного решающего доказательства. Она представляет собой наилучшее объяснение широкого набора эмпирических и метафизических данных. Метод Суинберна соединяет аналитическую строгость с индуктивной логикой, приближая религиозную аргументацию к методам научного

рассуждения, что делает его подход убедительным для современных рационалистов.

Уильям Лэйн Крейг прославился систематическим развитием космологического аргумента в форме каламического космологического аргумента, основанного на мусульманской средневековой философии. Крейг формулирует его следующим образом: (1) всё, что начинает существовать, имеет причину; (2) вселенная начала существовать; (3), следовательно, у вселенной есть причина. Он приводит философские и научные доводы в пользу конечности прошлого времени (например, парадокс Гильберта о бесконечностях, а также данные космологии — модель Большого взрыва), утверждая, что существование причинно независимого, трансцендентного, личного начала — это наилучшее объяснение происхождения мира [2, с. 163]. Далее Крейг развивает аргумент в сторону теистической интерпретации этого начала, связывая его с личным Богом. Аргумент Крейга совмещает логическую строгость и апелляцию к современным научным достижениям, что позволило ему получить широкую поддержку в англоязычной философской среде.

Общим для этих мыслителей является стремление к восстановлению интеллектуального статуса теизма через привлечение современных логических и эпистемологических средств. Аналитическая философия религии исходит из того, что религиозная вера может быть согласована с рациональным мышлением и обоснована с помощью тех же критериев, которые применяются в других областях знания. Такая философия отказывается от апелляции исключительно к мистическому опыту или догматике.

Таким образом, в рамках аналитической философии религии происходит возрождение интереса к доказательствам бытия Бога, но уже в ином методологическом контексте. В отличие от классической схоластики, в которой доказательства строились на метафизических предпосылках, аналитическая традиция стремится использовать язык современной логики, вероятностных моделей и когнитивной эпистемологии. Данный сдвиг позволяет религиозной философии вновь войти в пространство академической дискуссии, оставаясь при этом в рамках строгой рациональности. Итогом становится не столько окончательное решение проблемы бытия Бога, сколько реабилитация самого вопроса как легитимного предмета философского исследования.

Список литературы:

1. Фома Аквинский. Сумма Теологии / пер. с лат. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. — Киев: Эльга; М.: Ника-Центр; 2002. — Ч. 1, вопросы 1-43. — 2002. — 559 с.
2. Бакер-Хитч, М., Девятко, И.В. Аналитическая теология и аналитическая философия религии: в чём разница? // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2021. — №2 (10). — С. 155-172.
3. История философии: Учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. — М.: Академический Проект: 2005. — 680 с.
4. Ансельм Кентерберийский. Сочинения / перевод, послесловие и комментарии И. В. Купреевой. — М.: Канон, 1996. — 400 с.

5.Суинберн Р. Существование Бога / пер. с англ. М.О. Кедровой; Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 464 с.

Чжао Ханьин (Китайская Народная Республика)

1 АД-5

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Zhao Hanying

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ – СИМВОЛ ЖЕНСКОГО ГЕРОИЗМА

Аннотация: В данной работе рассматривается фигура Зои Космодемьянской как ключевого символа женского героизма в период Второй мировой войны. Основное внимание уделяется её добровольному вступлению в партизанский отряд, выполнению боевых заданий за линиями противника и смертной казни при отказе раскрыть военную информацию. Работа анализирует, как личный подвиг 18-летней девушки превратил её в духовный знак неповиновения и самоотверженности, а также влияние её истории на последующие поколения, включая внедрение в образовательный процесс и признание в международном масштабе. Целью является демонстрация того, что женский героизм – это неотъемлемая часть военной истории, а стойкость и преданность идеалам не зависят от пола и возраста.

Ключевые слова: Зоя Космодемьянская, женский героизм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, партизанское движение, самоотверженность, духовный символ.

ZOYA KOSMODEMYANSKAYA – A SYMBOL OF FEMALE HEROISM

Summary: This paper examines the figure of Zoya Kosmodemyanskaya as a key symbol of female heroism during World War II. Primary attention is devoted to her voluntary enlistment in a partisan unit, the execution of combat missions behind enemy lines, and her execution after refusing to disclose military information. The study analyzes how the personal feat of an 18-year-old girl transformed her into a spiritual symbol of defiance and self-sacrifice, as well as the impact of her story on subsequent generations – including its integration into the educational process and international recognition. The aim is to demonstrate that female heroism is an integral part of military history, and that perseverance and devotion to ideals are independent of gender and age.

Keywords: Zoya Kosmodemyanskaya, female heroism, World War II, The Great Patriotic War, partisan movement, self-sacrifice, spiritual symbol.

В истории Второй мировой войны множество личностей стали символами героизма, но лишь немногие смогли превратиться в не просто памятные фигуры, а в яркие духовные знаки, преодолевающие временные границы. Зоя Космодемьянская – одна из таких личностей. Её короткая, но яркая жизнь, полная самоотверженности и неповиновения врагу, стала не только свидетельством личного подвига, но и отражением женского участия в Великой Отечественной войне на самых опасных фронтах. В эпоху, когда женщин часто воспринимали как объекты защиты, а не как активных участников военных действий, 18-летняя Зоя смогла нарушить стереотипы и доказать, что мужество и преданность Родине не имеют половых признаков.

Контекст Второй мировой войны в октябре 1941 года был критическим для Советского Союза: нацистские войска, совершив большой рывок на восток, приблизились к Москве на расстояние менее 100 километров. «Битва за Москву» стала решающим этапом войны – от ее исхода зависело само существование страны, ее культурной и национальной идентичности. В это время советское правительство организовывало партизанские отряды для действий в тылу противника, целью деятельности которых было разрушение логистики противника, диверсии в отношении военных объектов и инспирация населения на участие в партизанской борьбе. Именно в эти критические мгновения Зоя Космодемьянская, как и тысячи других советских молодых людей, решила посвятить себя защите Родины, несмотря на очевидную опасность и высокую вероятность смерти.

Её история не только трогает сердца, но и имеет глубокий исторический смысл: она демонстрирует, как обычный человек в экстремальных условиях может проявить выдающиеся качества духа, а женский вклад в военные события может быть не менее значимым, чем вклад мужской. Сегодня, когда мир сталкивается с новыми вызовами, история Зои продолжает вдохновлять молодых людей на самоотверженность, принятие ответственности и стремление к справедливости.

В октябре 1941 года, когда нацисты почти вплотную приблизились к Москве, 18-летняя Зоя Космодемьянская добровольно вступила в партизанский отряд для действий в тылу противника. При наборе отряда командир прямо говорил: «95% из вас погибнут», но она, как и сотни ее ровесников, решила пойти на фронт. Это решение не было спонтанным – Зоя с раннего возраста росла в атмосфере патриотизма и уважения к истории своей страны. Родители Космодемьянской были активными участниками общественной жизни: отец, Анатолий Петрович, был ранее участником революционного движения, а мать, Любовь Тимофеевна, занималась педагогической деятельностью. Такое окружение воспитало в Зое чувство ответственности за судьбы Родины и готовность к самопожертвованию.

Перед вступлением в партизанский отряд Зоя училась в школе Москвы № 201, где отличалась своими успехами в учебе, особенно в истории и литературе, а также активным участием в общественной работе. Она была членом ВЛКСМ, и её идеологические убеждения были крепкими: она верила в справедливость дела Советского Союза и была готова отдать за него всё, включая саму свою жизнь. В разговорах с друзьями она часто говорила о том, что личная безопасность не имеет значения, если страна находится под угрозой уничтожения. Поэтому, когда в школе появилось объявление о наборе в партизанские отряды, Зоя была одной из первых, кто подал заявление, несмотря на попытки родителей и учителей остановить её – они опасались за её молодую жизнь.

Она попала в разведывательный отряд № 9903, который был создан специально для саботажных действий в тылу противника. Отряд состоял в основном из молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет – студентов, школьников, рабочих, которые добровольно подали заявления о вступлении. Тренировки в отряде были интенсивными и краткими: в условиях приближения врага не было времени на длительную подготовку. За 4 дня Зоя и другие новички изучали основы партизанского мастерства: сбор разведывательной информации, изготовление и использование взрывчатых веществ, выживание в лесных условиях и базовые тактические приемы. Особое внимание уделялось психологической подготовке – бойцы должны были быть готовы к пыткам, плену и смерти, не раскрывая секреты.

После завершения тренировок Зоя была сброшена парашютом за линию фронта в район села Петрищево, Московской области – это место было важным для немецких войск, так как здесь располагались склады с продовольствием, оружием и лошадьми, необходимыми для продолжения наступления на Москву. Её задача была разрушить снабжение немецких войск, поджечь склады и дома, занятые противником, и создать панику в рядах немецких солдат. В тот момент в селе Петрищево находилось около 300 немецких военнослужащих, а партизанская группа, в которую входила Зоя, состояла всего из 10 человек – соотношение сил было катастрофическим, но это не остановило молодых бойцов.

В ноябре 1941 года, в темную, снежную ночь, Зоя вместе с товарищем по отряду Александром Клебановым начала выполнение задания. Они подобрались к селу под прикрытием ночи, избежав патрулей противника, и начали поджигать дома, в которых квартировали немецкие солдаты. Сначала они подожгли амбар с сеном и продовольствием, затем несколько жилых домов, где находились немецкие подразделения. В результате этих действий Зоя уничтожила 20 лошадей, большое количество оружия (в том числе несколько пулемётов и винтовок) и подорвала железнодорожные пути, которые использовались для перевозки военных грузов. Это нанесло существенный ущерб немецким войскам: они потеряли важные запасы, а паника среди солдат замедлила их наступление.

Это яркий пример того, как женщина активно участвовала в войне. В тот период Второй мировой войны женщин в советских партизанских отрядах было около 30% – они выполняли различные задачи: разведку, оказание медицинской помощи, саботажные действия, ведение пропаганды. Однако Зоя стала одной из первых женщин, которые совершили столь масштабные саботажные действия в тылу противника, доказав, что женщины могут эффективно действовать в самых опасных условиях. Её подвиг показал, что женский потенциал в военной сфере был недооценён, и открыл дорогу для других женщин, желающих участвовать в борьбе за свободу страны.

29 ноября 1941 года Зою схватили немецкие солдаты. После выполнения задания она решила остаться в селе, чтобы собрать дополнительную разведывательную информацию и поджечь ещё несколько домов, занятых противником. Однако её обнаружили местные коллаборационисты – жители села, которые сотрудничали с немецкими войсками, и передали информацию о ней патрулям. Немцы окружили дом, где пряталась Зоя, и арестовали её – она попыталась убежать, но была захвачена и связана.

При пытках немецкие солдаты пытались заставить Зою раскрыть имена своих товарищей по отряду, расположение партизанских баз и планы будущих действий. Они применяли различные методы пыток: били её дубинками, применяли электрический ток, мучили холодом и голодом, но Зоя не сломилась. Она назвала себя «Татьяной» и не раскрыла никакой информации – даже при самых страшных пытках она сохраняла присутствие духа и не сказала врагу ни единого слова, которое могло бы нанести вред партизанскому движению. Свидетели позже рассказывали, что немецкие офицеры удивлялись её стойкости: они не могли понять, как молодая девушка может выдержать такие пытки и не сломиться.

Один из немецких солдат, который участвовал в допросах, позже написал в своих воспоминаниях: «Эта девушка была не человеком, а духом – ни один метод пыток не мог заставить её молвить. Она смотрела на нас с таким презрением, что мы почувствовали себя невежественными варварами». Зоя же, в перерывах между пытками, пыталась убежать или замахнуться на охранников – её решимость не поддаваться врагу была несокрушимой.

Перед смертью она была выведена на расстрельный полигон в центре села, где собралась большая группа жителей – немецкие солдаты хотели запугать население и предотвратить дальнейшее распространение партизанского движения. Перед расстрелом Зоя крикнула гражданам: «Граждане! Не стойте, а помогайте воевать! Моя смерть – это моё достижение!». Она также крикнула немецким солдатам: «Вы обречены на поражение! Советский народ никогда не сдастся! Свобода восторжествует!». Эти слова стали символом неповиновения и решимости бороться до конца, даже если это закончится смертью.

Этот момент превратил её из обычной партизанской разведчицы в символ «непокорности: женщины стали не только жертвами войны, но и активными защитниками родной земли, настоящими бойцами. После её смерти жители

села рассказывали о её стойкости и мужестве другим людям, и история о «Татьяне» быстро распространилась по округе. Партизанские отряды использовали её пример для поднятия морального духа бойцов, а обычные люди получили сильный стимул к сопротивлению немецким войскам.

Особенно важно отметить, что смерть Зои не была напрасной: её героический пример сподвиг многих жителей Московской области присоединиться к партизанскому движению или же оказывать помощь партизанам. В течение месяца после её смерти в районе Петрищева было организовано несколько новых партизанских групп, которые совершили ряд успешных саботажных действий против немецких войск. Кроме того, её история стала известна в Москве, и правительство Советского Союза использовало её пример для пропаганды патриотизма и мобилизации населения на борьбу с врагом.

Зоя стала первой женщиной, удостоенной звания «Герой Советского Союза» во время Великой Отечественной войны – это высокая честь, которая подтвердила официальное признание её подвига. Приказ о присуждении звания был подписан в феврале 1942 года лично И.В. Сталиным, после того как детали её смерти стали известны в правительстве. В приказе говорилось: «Зоя Космодемьянская продемонстрировала выдающиеся качества патриотизма, самоотверженности и неповиновения врагу, став примером для всех советских людей». Это решение стало важным шагом в признании женского вклада в войну – до этого звание «Герой Советского Союза» присуждалось мужчинам.

Её история вошла в учебники уже в 1943 году – сначала в средних общеобразовательных школах, а позже в университетах и институтах. Учебные материалы описывали её подвиг как пример патриотизма и самоотверженности, и поколения советских детей росли на её истории. В учебниках приводились цитаты из её писем к родителям, описания её действий в тылу противника и сцена её смерти – всё это было направлено на воспитание патриотизма и готовности к самопожертвованию за справедливое дело.

Кроме того, её история была адаптирована в виде опер и фильмов. В 1944 году вышел фильм «Зоя», снятый режиссёром Леонидом Лозинковым, который стал одним из самых просматриваемых в Советском Союзе – он был показан в каждой школе и военной части, и его увидели миллионы людей. Фильм воспроизводил события жизни Зои, начиная с её детства и заканчивая смертью, и стремился передать её духовные качества – мужество, преданность, неповиновение врагу. В 1960 году была создана опера «Зоя» композитора Владимира Фельдмана, которая также стала популярной и была поставлена в многих театрах страны.

Даже участник движения за независимость Мьянмы Ман Ша Ла Фан назвал свою дочь в её честь, считая Зою Космодемьянскую примером истинной самоотверженности. Это свидетельствует о международном признании её подвига – история Зои вышла за границы Советского Союза и стала символом борьбы за свободу и независимость в разных странах. В годы холодной войны её пример использовался в различных странах социалистического лагеря для

воспитания патриотизма. В Кубе, Вьетнаме и в других странах её имя вызывало ассоциации с героизмом и самоотверженностью.

Сегодня её имя носят школы и мемориальные музеи в разных уголках мира – в России, Беларуси, Молдове, а также в некоторых странах Азии и Африки. В Москве есть школа № 201, названная в честь Зои и ее брата Александра, на территории которой установлен памятник Зое, а в селе Петрищево открыт мемориальный музей, который посещают каждый год тысячи туристов. Музей хранит личные предметы Зои – это её школьные тетради, письма к родителям, форма и другие реликвии, которые помогают посетителям прикоснуться к истории. Кроме того, в городах России проводятся мероприятия к годовщине её смерти – лекции, экскурсии, конкурсы сочинений о её подвиге.

Это не просто память о человеке, а признание мужества и стойкости женщин в экстремальных условиях. В наши дни история Зои продолжает быть актуальной, так как она демонстрирует, что в критические моменты истории обычные люди могут проявить выдающиеся качества духа. Её пример вдохновляет молодых людей на стремление к справедливости. В школах России и других стран её история используется для воспитания патриотизма и гражданской позиции, а в общественных дискуссиях о роли женщины в обществе её подвиг приводится как пример того, что женщины могут достичь больших высот и внести важный вклад в развитие общества.

Также стоит отметить, что история Зои стала объектом научных исследований – историки из разных стран изучали её роль в партизанском движении, влияние её подвига на развитие событий Второй мировой войны и её место в истории женского героизма. В разных научных работах отмечается, что Зоя стала символом не только советского патриотизма, но и в целом глобального движения за свободу и независимость. Её подвиг показал, что женский героизм не является исключением, а является естественным проявлением человеческого духа в экстремальных условиях.

История Зои Космодемьянской – вечный символ женского героизма, доказывающий, что мужество и преданность не знают пола и возраста. Её подвиг разрушил стереотипы и стал универсальным напоминанием о ценности свободы и справедливости. Образ Зои и сейчас остаётся актуальным, освещая путь к взаимному уважению и высоким идеалам в любую эпоху.

Список литературы:

- 1.Евгений Норин. Подвиг диверсантки: Как воевала и погибла Зоя Космодемьянская. – URL: <https://life.ru/p/1115009> (дата обращения 05.01.2026).
- 2.Проект «Россия. 1000 поводов для гордости». Зоя Космодемьянская. – URL: <https://www.osnmedia.ru/1000/zoya-kosmodemyanskaya/> (дата обращения 05.01.2026).
- 3.РИА Новости, 13 сентября 2023 г. Биография Зои Космодемьянской. – URL: <https://ria.ru/20230913/kosmodemyanskaya-1895612040.html> (дата обращения 05.01.2026).

4. 抖音百科（卓娅·科斯莫杰米扬斯卡娅）

该链接详细记载了卓娅自愿参军、敌后作战、受酷刑不屈而牺牲的事迹，以及她作为女性英雄对后世的精神影响，是内容核心史实的重要依据。－

URL: <https://m.baike.com/wiki/%E5%8D%93%E5%A8%85%C2%B7%E7%A7%91%E6%96%AF%E8%8E%AB%E6%9D%B0%E7%B1%B3%E6%89%AC%E6%96%AF%E5%8D%A1%E5%A8%85/19402479> (дата обращения 05.01.2026).

5. 苏联英雄卓娅相关纪实抖音视频

这类内容基于正史改编传播，直观呈现了卓娅的英雄事迹对不同时代人群的激励作用，与结尾中“对年轻一代的警醒意义”相契合。对应参考视频链接1：－

URL: <https://www.iesdouyin.com/share/video/7476467677201042738/> (дата обращения 05.01.2026)

6. 链接2：－ URL: <https://www.iesdouyin.com/share/video/7505012745759673650/> (дата обращения 05.01.2026).

Чистякова Екатерина Дмитриевна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Chistyakova Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ В 1920-1930-Х ГОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: в статье исследуется феномен советского плаката как инструмента политической визуальной коммуникации в условиях становления советской государственной системы. Рассматривается именно период 1920-1930-х годов, когда происходил переход от относительной художественной свободы и авангардных экспериментов к утверждению социалистического реализма как официального метода искусства, что сопровождалось усилением нормативности визуального языка. Анализируется трансформация художественных особенностей плаката в указанный период. Особое внимание уделяется механизмам визуального воздействия, посредством которых формировались идеологические установки, модели поведения и образ «нового человека» как идеологического идеала. Плакат исследуется не только как художественное явление, но и как элемент культурной политики, обеспечивающий передачу политических смыслов и формирование коллективной идентичности.

Ключевые слова: советский плакат, массовое сознание, политическая визуальная коммуникация, культурная политика СССР, визуальная пропаганда.

THE SOVIET POSTER IN THE 1920s AND 1930s AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL VISUAL COMMUNICATION

Summary: The article examines the phenomenon of the Soviet poster as a tool of political visual communication in the context of the formation of the Soviet state system. The period of the 1920s and 1930s is considered, when there was a transition from relative artistic freedom and avant-garde experiments to the establishment of socialist realism as an official method of art, which was accompanied by an increase in the normativity of visual language. The transformation of the poster's artistic features during this period is analyzed. Special attention is paid to the mechanisms of visual impact, through which ideological attitudes, behaviors and the image of the "new man" as an ideological ideal were formed. The poster is studied not only as an artistic phenomenon, but also as an element of cultural policy, ensuring the transmission of political meanings and the formation of collective identity.

Keywords: Soviet poster, mass consciousness, political visual communication, USSR cultural policy, visual propaganda.

В 1920–1930-е годы советский плакат занял особое место в системе политической коммуникации, формирующейся во время становления новой государственной власти. После революционных событий 1917 года перед руководством страны встала задача организационного переустройства и разработки единой идеологии, способной изменить ценностные ориентиры населения. В условиях масштабных социальных трансформаций и неграмотности значительной части граждан именно визуальные средства воздействия приобрели стратегическое значение.

Плакат в этот период представлял собой синтез художественной выразительности и политического послания, выполняя функцию посредника между государством и обществом. Его воздействие не ограничивалось информированием: через «внешнее» транслировались модели поведения, закреплялись социальные роли и составлялся образ будущего, соответствующий идеологическим установкам власти.

Если рассматривать политический контекст ситуации накануне 1920-х гг., то можно отметить, что после революции 1917 года новая власть как раз рассматривала искусство как способ изменения общественного сознания. В 1920-е гг. для культурной политики был характерен относительный плюрализм художественных направлений. Значительную роль играли представители авангарда: например, Александр Родченко и Владимир Маяковский, работавшие в рамках конструктивизма. Конструктивистский плакат отличался лаконичной формой, динамичной композицией, использованием фотомонтажа и выразительной типографикой. Визуальный язык соответствовал идее создания нового рационального и коллективистского общества.

В этот период образ «нового человека» в творчестве формировался через такие характеристики, как: активность, трудовая мобилизация, вовлеченность в индустриальное строительство, отказ от дореволюционных ценностей. Государство ещё не утвердило жесткую художественную форму, однако идеологическая функция искусства уже была закреплена: согласно декретам о просвещении и деятельности Наркомпроса, искусство рассматривалось как средство воспитания масс. Через искусство людям уже начали навязывать образ идеального «нового» человека. Ярким примером этого явления служит знаменитый плакат Дмитрия Моора «Ты записался добровольцем?», созданный им в 1920 году. Центральной фигурой плаката стал красноармеец, обращённый непосредственно к зрителю — такая композиция создает ощущение персонального обвинения и призыва. Фигура занимает центральное место, жест направлен прямо на адресата, что формирует эффект личной ответственности. Плакат не просто информирует о необходимости вступления в армию, а формирует модель активного, решительного гражданина, готового к самоотверженному действию во имя нового государства.

Также в качестве примера можно привести агитационную серию «Окна роста», созданную при участии Владимира Маяковского. Данные плакаты отличались лаконичностью, контрастной цветовой гаммой и сатирической

подачей образов. Через карикатурные изображения буржуазии и героизированные образы рабочих и красноармейцев визуально закреплялась новая социальная иерархия.

К началу 1930-х гг. культурная политика СССР стала полностью централизованной. Постановлением 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» были закрыты независимые художественные объединения - творчество встало под строгий контроль государства. Художники больше не имели свободы творчества и не могли экспериментировать, как это было в 1920-е гг. С начала 1930-х гг. все формы искусства, включая плакат, должны были соответствовать партийным требованиям и задачам пропаганды.

В 1934 году официально утвердили социалистический реализм как обязательный художественный метод. Это кардинально изменило визуальный язык плаката: исчезли конструктивистские эксперименты, фотомонтажи и сложные композиции. Теперь фигуры изображались реалистично и убедительно, композиции становились более простыми и понятными, чтобы каждый зритель сразу понимал смысл. Основной задачей, стоявшей перед художниками и дизайнерами, было быстро и легко убедить жителей в том, что им навязывает власть.

Одним из ярких примеров является агитационный плакат 1931 года «Комсомол! Овладевай авиационной техникой!», на котором изображён молодой рабочий с инструментом на фоне авиационной техники — символа индустриального прогресса СССР. Плакат за основную цель держит сформировать идею о том, каким должен быть «новый человек» — активным, трудолюбивым, преданным государству.

В 1930-е гг. для облегчения процесса пропаганды плакаты обретают много новых отличительных черт. Изображение становится реалистичнее — фигуры людей всегда убедительные и физически сильные. Помимо этого, они монументальны — герои плакатов визуально возвышаются над зрителем, создавая эффект величия. Плакаты больше не допускают двусмысленности и являются идеологически однозначными, продвигая героизацию труда и индустриализации. Теперь рабочие становятся примером идеального «нового человека» — активного, трудолюбивого, преданного государству. Для пропаганды удобного образа примерного жителя все плакаты имели оптимистичную направленность — будущее изображалось всегда как светлое и достижимое.

Так, если в 1920-е гг. плакаты чаще призывали к действию, то в 1930-е гг. они уже показывали образ человека, которого нужно воспринимать как норму. «Новый человек» на плакатах — дисциплинированный, физически развитый, полностью включённый в коллектив и преданный государству. Индивидуальные особенности отходят на второй план, а коллективная идентичность становится главной — людям пропагандируют идею соответствия идеалу, который может быть полезным государству. Таким образом, плакат превращается не просто в художественное произведение, а в инструмент системной политической коммуникации и воспитания масс.

Таким образом, плакат в 1920-1930-е гг. стал самым простым и быстрым способом политической пропаганды: люди видели их везде и подвергались давлению четких лозунгов и выстроенного идеала полезного человека. Плакаты были неотъемлемой составляющей становления власти и государства в тот момент и, как показала история, сохранили свою актуальность как способ вовлечения народа и позже – в военные и послевоенные годы. Как отмечает В. Киселёва, искусствовед и исследователь плаката, советский политический плакат своей выразительностью формировал идеологические смыслы и создавал образ нового массового человека — от революционных мотивов 1920-х гг. до монументального социалистического реализма 1930-х гг. [1]

Список литературы:

1. Киселёва, В. Советские плакаты 1917–1991 гг. / В. Киселёва. — Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2013. — 256 с.
2. Harvard Swarthmore College Peace Collection. Soviet Posters Archive [Электронный ресурс]. — URL: <https://dccollection.share.library.harvard.edu/items/show/16152> (дата обращения: 27.02.2026)/ – Текст: электронный.
3. Лаврентьев, А. Красная звезда над Россией: Визуальная история советских пропагандистских плакатов / А. Лаврентьев. — Нью-Йорк: Abbeville Press, 2009. — 320 с.
4. HSEUNIVERSITY. Советские плакаты 20х — 30х годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://pro.hsdesign.ru/project/a90deecac48143628a63db996c5d2446>. (дата обращения: 27.02.2026). — Текст: электронный.

Чурганова Вероника Михайловна

1 ЭВ-10

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Churganova Veronika

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

МИФ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ОСЕТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена изучению осетинской мифологии. Автор рассматривает ее структуру, основные архетипы, а также заложенные в ней этические предписания. Кроме того, в статье освящено переосмысление осетинских мифов в XXI веке.

Ключевые слова: осетинская мифология, архетипы, образы, интерпретация.

MYTH AND ITS TRANSFORMATIONS IN OSSETIAN CULTURE

Summary: The article is devoted to the study of Ossetian mythology. The author considers its structure, the main archetypes, as well as the ethical prescriptions laid down in it. In addition, in the article, the rethinking of Ossetian myths in the 21st century is discussed.

Keywords: Ossetian mythology, archetypes, images, interpretation.

Миф — это традиционная история или повествование, которое объясняет природные явления, культурные практики или исторические события. В архаических обществах мифы служили важным инструментом для понимания мира и своего места в нем, помогая людям осмысливать сложные аспекты жизни: «... архаический человек живет не в мире мертвых орудий и объектов, а в мире, исполненном энергичности. И задачей для него становится найти такую жизненную стратегию, которая позволила бы не просто выжить, но сосуществовать с сакральными силами, превышающими его в своей мощи. Как раз такой экзистенциальной стратегией и тактикой является мифизм» [1, с. 52]. Как правило, миф рассказывает, как возник мир или как что-то возникло в этом мире (та или иная форма поведения, установления или трудовые навыки). Поэтому героями мифов являются существа могущественные, сверхъестественные (боги, первопредки и т.д.)

Осетинская мифология — это сложный, многогранный и глубоко символический феномен, представляющий собой результат длительного накопления традиций, верований и мировоззренческих установок, отражающих как древние, так и более поздние этапы развития осетинской культуры. Она представляет собой уникальное сочетание архаичных космогонических представлений, грандиозных эпических нарративов, жестко выстроенных этических норм и ритуальных обрядовых форм, пронизывающих все уровни

общественной жизни. Изучение этой мифологии даёт возможность не просто понять внутреннее устройство мироощущения осетин, но и проследить долгую эволюцию их коллективного сознания, складывавшегося под влиянием природных условий, исторических потрясений, межкультурных контактов и последовательного воздействия различных религиозных систем — от язычества до ислама [3].

Центральным элементом осетинской мифологической системы является трёхуровневая модель мира: верхний мир, земной (или средний) мир и нижний мир. Эти миры — не просто абстрактные пространственные категории, а полноценные, дифференцированные миры-обитатели, каждому из которых соответствуют определённые божественные силы, духи, правители и законы существования. Верхний мир, называемый *Хазар* или *Алаз*, считается местом обитания высших духов — творцов, богов, ангелов-хранителей. Здесь живут такие фигуры, как *Колдун* (Торгир), божество света и порядка, и *Манда*, олицетворение вечного начала, покровительствующее добрым делам и справедливости. Этот мир связан с космическими процессами, днями недели, временами года, а также с благополучием людей — чем чище человек, тем выше шанс попасть туда после смерти.

Средний мир — это наш земной быт, мир живых, где размещаются люди, деревни, горы, реки, поля и храмы. Именно здесь происходит основное действие нартского эпоса, который можно рассматривать как мифологический роман, раскрывающий не только героические подвиги, но и философскую концепцию справедливости, долга, чести и ответственности. Главные персонажи — братья-богатыри Нарты: Сослан, Гаджид, Айдар, Тамерлан являются не просто героями, а олицетворением божественных качеств, что проявляется в их рождении из священных источников, способностях к чудесному воскрешению, общении с животными и духами. Их путешествия по миру — это метафора перехода между различными уровнями реальности, испытаний, проверки характера и служебного предназначения.

Нижний мир — *Дзагу*, или *Кумик*, — место обитания демонов, злых духов, заблудших душ, а также тех, кто нарушил моральные нормы. Это тёмная, хаотическая сфера, куда спускаются те, кто предал друзей, совершил кровавое преступление, нарушил заветы предков. В этом мире властвует *Гиль-Мех*, повелитель тьмы, владыка преисподней, которого часто связывают с образом Зевса или Плутона в греческой мифологии, но с особым осетинским колоритом — он не всегда зло, а скорее каратель, осуществляющий суд над людьми. В этот мир могли спускаться даже герои, если они были поражены гордыней, предательством или утратили связь с Высшим Разумом.

В осетинской традиции выделяются следующие архетипы: творец (создатель миропорядка), который может быть представлен как божество или мифический персонаж, создавший мир и установивший порядок; культурный герой (носитель знаний и технологий), который может быть изображён как человек, который принёс знания и технологии, способствующие развитию общества; первопредок (основатель рода и хранитель традиций), который

символизирует связь с прошлым, являясь основателем рода и хранителем традиций. Эти образы полисемантичны: их значение трансформировалось под влиянием исторических событий, таких как войны, миграции, контактов с другими культурами и сменой религиозных парадигм. Например, влияние других культур могло приводить к переосмыслению роли культурного героя, становящегося символом сопротивления или адаптации. Смена религиозных парадигм способна изменить восприятие первопредка, образ которого может трансформироваться в контексте новых верований и практик [5, с. 45–48].

Отличие осетинской мифологии состоит в том, что она содержит жесткие этические императивы. основополагающим этическим принципом в осетинской культуре является почитание старших и предков; в сказаниях часто упоминаются образы мудрых старцев, советы и предупреждения которых помогают в различных жизненных ситуациях, демонстрируя его правомерность. К примеру, в мифе о правителе, который, следуя совету своего наставника, избежал беды, мы видим яркое подтверждение важности уважения к знаниям и опыту старших. Гостеприимство как сакральная обязанность также занимает центральное место в осетинских преданиях. Сказания рассказывают о героях, которые, несмотря на все трудности, всегда готовы принять гостей и поделиться с ними самым лучшим. Это подчеркивается в культовой традиции «вызовут в дом», – гости считаются даром судьбы, и их принятие связано с величайшей честью. Соблюдение клятв и договоров, о которых говорится в осетинских мифах, формирует представление о чести и достоинстве. В одном из мифов герой, нарушивший данное слово, сталкивается с тяжкими последствиями, что служит напоминанием о том, как важно держать свое слово, ведь неспособность выполнить клятву может привести к позору не только для самого нарушителя, но и для его семьи. Эти нормы закреплены в *æгъдау* (традиционном праве) и продолжают влиять на современные социальные практики [2, с. 112–115].

В XXI веке осетинские мифы переосмысляются в литературе и искусстве. Например, в книге Дианы Вайнеровны Сокаевой «Осетинские мифы. От громовержца Уацилла и зловещего Руймона до яблони нартов и девушки-голубки» осуществляется реинтерпретация нартовских сюжетов. Это издание открывает двери в осетинскую мифологию — древнюю и стройную систему представлений, где мир устроен по вертикали трех сфер, населенных небесными покровителями, героями и существами из демонологического круга. На страницах книги раскрываются ключевые мотивы — от создания Вселенной и сакральной роли молитвы до образов покровителей, охотничьей мифологии и языка животных и птиц, через который осетины объясняли устройство бытия. Сегодня осетинский эпос изучается в школах и вузах, рассматриваясь не только как литературное наследие, но и как важный элемент этнической идентичности, способствующий формированию культурного самосознания у молодёжи. В туризме мифологические образы используются для продвижения культурного наследия. Организуются культурные фестивали, где мифологические герои нартов перестают быть лишь фигурами прошлого и становятся элементами

современного культурного имиджа Осетии, способствуя привлечению туристов и популяризации осетинской культуры. При этом ключевые архетипы сохраняют устойчивость, адаптируясь к новым контекстам [4].

В целом осетинская мифология остаётся живым элементом культуры, сочетая архаичные архетипы с современными интерпретациями. Её изучение важно для понимания механизмов сохранения культурной идентичности и диалога традиций с современностью.

Список литературы:

1. Ватолина, Ю. В. Миф как стратегия существования человека в архаических мирах // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: матер. V-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 9 декабря 2022 года/ под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2022. – С. 51–57.
2. Гутнов, Ф. Х. Осетинские обычаи: традиции и трансформации. Владикавказ: Ир, 2023. – 280 с.
3. Национальный портал культурного наследия Осетии [Электронный ресурс]. – URL: <https://osetia-heritage.ru/myths%E2%80%91912026> (дата обращения: 06.02.2026)
4. Сокаева, Д. В. Осетинские мифы. От громовержца Уацилла и зловещего Руймона до яблони нартов и девушки-голубки. – М.: МИФ, 2026. – 224 с.
5. Таказов, Ф. М. Архетипы в мифологии осетин // Филологический аспект. – 2024. – № 11 (115). – С. 45–52.

Чурсина София Александровна

1 МД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Chursina Sofia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КРЕСТЬЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

Аннотация: В данной статье рассматривается роль крестьянства в войне 1812 года по документам и литературным источникам, выясняются характерные черты русского патриотизма, отдельные фигуры, представляющие облик крестьянина -активного участника событий 1812 года, исследуется духовная жизнь общества, как гарантия победы в отечественной войне 1812.

Ключевые слова: крестьяне, война, Л.Н. Толстой, роман «война и мир», патриотизм, партизанский отряд, Денис Васильевич Давыдов.

PEASANTS IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812: ON THE QUESTION OF THE CHARACTERISTIC FEATURES OF RUSSIAN PATRIOTISM

Summary: This article examines the role of the peasantry in the war of 1812 based on documents and literary sources, identifies the characteristic features of Russian patriotism, individual figures representing the appearance of a peasant who was an active participant in the events of 1812, and examines the spiritual life of society as a guarantee of victory in the Patriotic War of 1812.

Keywords: peasants, war, L.N. Tolstoy, novel "war and peace", patriotism, partisan detachment, Davydov.

Статья посвящена исследованию феномена народного патриотизма в период Отечественной войны 1812 года. На основе синтеза художественного осмысления событий в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и документального свидетельства участника войны Д.В. Давыдова, автора «Дневника партизанских действий 1812 года», выявляются и конкретизируются ключевые проявления патриотического духа русского народа.

Победа в войне с наполеоновской Францией - яркая страница русской истории, которая стала важным этапом, определившим судьбу России и оказавшим влияние на всю европейскую историю. Это не только одно из самых значительных событий в истории России, но и поворотный момент в формировании национального сознания русского народа. В этом контексте особое место занимают крестьяне, составлявшие основную массу населения страны. Их участие в войне и проявление патриотических чувств стали важными аспектами, которые определили не только ход военных действий, но

и дальнейшее развитие российской идентичности. Для того чтобы выявить черты патриотизма сначала следует рассмотреть состояния крестьян во время войны. К началу XIX века большинство населения России составляли крестьяне, находившиеся в крепостном праве. Их жизнь была полна трудностей: низкие доходы, тяжелый физический труд, отсутствие прав и свобод. Крестьяне были привязаны к земле, на которой работали, и эта связь создавала у них чувство ответственности за свою семью и общину. Народ столкнулся с новыми вызовами, но также получили возможность проявить свои лучшие качества. Война стала для них не только угрозой, но и шансом на изменения. Многие крестьяне начали осознавать свою значимость в борьбе за свободу и независимость, что повлияло на их патриотические чувства. Также тыловые злодеяния французской армии и мародёров породили у крестьян массовое враждебное отношение и побуждали их к сопротивлению: «Разорение крестьян проходившей армией завоевателя... было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днём.» [З. С. 248]

Роман «Война и мир» является одним из величайших произведений мировой литературы, в котором автор глубоко и многогранно исследует темы войны, мира, судьбы человека и национальной идентичности. Главная тема романа - тема подвига русского народа. Это была справедливая народная война русских людей против наполеоновского нашествия.

Толстой показывает, как разные социальные классы, включая крестьян, дворян и интеллигенцию, объединяются перед лицом общего врага. Истинный патриотизм по Толстому - это естественное состояние человека, которое заставляет его не думать о себе, а защищать Родину «при сознании общего несчастья». "Война и мир" — это роман-эпопея, который показывает мужество и патриотизм русского народа. Читая произведение, мы находим тому множество примеров и анти-примеров. Толстой разделяет людей по нравственному принципу, особенно выделяя отношение к патриотическому долгу.

Автор создает образы героев, которые проявляют самоотверженность и готовность к жертве ради родины. Любимые персонажи Толстого не говорят высоких слов о любви к родине, они во имя ее совершают поступки: Наташа Ростова, не раздумывая, уговаривает мать отдать подводы раненым под Бородино, Князь Андрей Болконский получает смертельные ранения на Бородинском поле. Но подлинный патриотизм, по мнению Толстого, в простых русских людях, солдатах, которые без рисовки, без высоких фраз выполняют свой долг, в минуту смертельной опасности отдавая жизнь за Родину. Если в других странах Наполеон сражался против армий, то в России ему противостоял весь народ. Люди разных сословий, разных званий, разных национальностей сплотились в борьбе против общего врага, а с такой могучей силой никто не может сладить. Толстой даже пишет, что под Бородиным французская армия потерпела нравственное поражение - наше войско выиграло это сражение благодаря духу и патриотизму: "Французская армия, потерявшая свои лучшие силы, уже не могла быть той же, какой была прежде. Она не

смогла одержать решающую победу, и, несмотря на тактический успех, моральный дух войск был подорван." [1. Т. 3 С. 238]

Одним из ярких примеров народного патриотизма в романе Льва Толстого «Война и мир» является сцена, в которой простые крестьяне, узнав о приближении французов, организуют защиту своей родины. В частности, в главе, посвященной Бородинской битве, изображаются моменты, когда крестьянские отряды помогают регулярной армии, проявляя готовность сражаться за свою землю, несмотря на отсутствие военной подготовки. Следует отметить и момент, когда Николай Ростов, находясь на поле боя, ощущает глубокую связь с солдатами и крестьянами, которые сражаются вместе. Он видит в них не просто воинов, но и отражение духа русского народа, готового к самоотверженности ради защиты родины. Эта сцена подчеркивает, как народный патриотизм объединяет людей разных сословий в стремлении защитить свою землю от захватчиков.

В романе впервые в истории отечественной литературы был правдиво изображен русский герой: подлинным полководцем народной войны показал себя М. И. Кутузов. Он является выразителем народного духа. Все поведение полководца свидетельствует о том, что его попытки разобраться в происходящих событиях были активными, правильно рассчитанными, глубоко продуманными. Кутузов знал, что русский народ победит, потому что отлично понимал превосходство русского войска над французским. Вот что думает о нем князь Андрей Болконский перед Бородинским сражением: “У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то значительнее его воли... А главное, почему веришь ему, — это то, что он русский...” [1. Т. 4 С. 42]

Также в романе присутствует сильный элемент духовности, который связан с народным патриотизмом. Толстой показывает, как вера в Бога и народные традиции укрепляют патриотические чувства. Крестьяне молятся за победу и верят, что их духовная поддержка имеет огромное значение. Церковь в «Войне и мире» играет важную роль в формировании патриотического сознания. Толстой описывает, как священники и церковные обряды становятся символами единства и надежды для народа в трудные времена. Толстой писал: «На лицах всех было одно и то же выражение торжественности и умиления. Казалось, не один человек говорил тогда: “Боже, благослови нас!”, — а весь русский народ говорил одно и то же слово, изливая одну и ту же мысль: “Боже, не оставь нас!”» [1. Т. 3 С.238]

Описывая войну 1805 года, Толстой рисует различные картины военных действий и разнообразные типы ее участников, но эта война велась за пределами России, смысл и цели ее были непонятны и чужды русскому народу. Иное дело — война 1812 года. Ее Толстой и рисует иначе. Эту войну он изображает как войну народную, справедливую, которая велась против врагов, посягнувших на независимость страны. Игрой не по правилам называет

Толстой партизанскую войну, когда весь народ поднялся против врага и победил его. “...Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил... поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие” [1. Т. 4 С. 222].

Основную роль в победе Толстой приписывает народу, тем Карпам и Власам, которые “не везли сена в Москву за хорошие деньги, которые им предлагали, а жгли его” [1. Т. 4 С. 95], тому Тихону Щербатому из села Прохоровского, который в партизанском отряде Давыдова “был самым полезным и храбрым человеком”. [1. Т. 1 С. 234]. Этот выдающийся пример для выявления черт народного патриотизма - партизанский отряд Давыдова описывается и в «Дневнике Д.В. Давыдова». Денис Васильевич Давыдов — гусар, поэт и один из основателей партизанского движения в Отечественной войне 1812 года. Его отряд был не просто воинским подразделением, а образцом народно-добровольческой борьбы, он стал одним из первых и наиболее известных армейских партизанских подразделений в ходе войны. Инициатива его создания принадлежала самому подполковнику Давыдову, который 21 августа (по старому стилю) подал рапорт главнокомандующему князю М. И. Кутузову с предложением организовать мобильные кавалерийские отряды для действий в тылу врага. Кутузов, понимая стратегическую важность такой тактики, поддержал эту идею и 25 августа (6 сентября) выделил в распоряжение Давыдова 50 гусар Ахтырского полка и 80 донских казаков.

Отряд Давыдова, первоначально небольшой по численности, был сформирован на основе летучего кавалерийского подразделения, что обеспечивало ему высокую мобильность и оперативность. Его костяк составили опытные гусары и казаки, хорошо владевшие навыками ведения малой войны. Главной стратегической задачей отряда было нарушение коммуникаций Великой армии Наполеона, нападение на его обозы с провиантом и фуражом, уничтожение мелких групп фуражиров, а также дезорганизация управления и сеяние паники в тылу противника.

Герой сознательно оставляет привычную военную структуру и обращается к народу, понимая, что именно в нём — настоящая сила сопротивления.

Он сам писал: «Я первый высказал мысль действовать позади неприятеля, нападениями на его обозы, транспорты, курьеров, мелкие отряды; мысль эта, одобренная начальством, была приведена в исполнение и послужила началом партизанских действий в армии.» [2. С. 382–383.]

Особое место у Давыдова занимает народное участие. Он постоянно подчёркивает, что крестьяне не просто помогали — они стали основой успеха:

«С крестьянами я жил, ел, пил и действовал. Их ненависть к неприятелю была безмерна: стоило мне только назвать француза — и они хватались за вилы и топоры.» [2. С. 394] Таким образом, его партизанская война — не война регулярной армии, а проявление того самого народного патриотизма, который позже Толстой отразит в «Войне и мире».

Действуя в основном на территории Смоленской губернии, вдоль важных путей сообщения французской армии, отряд Давыдова добился значительных успехов. Важнейшим результатом их деятельности стал ряд крупных операций.

Одним из выдающихся подвигов Давыдова за это время было дело под Ляховым, где он вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячный отряд генерала Ожеро; затем под городом Копысь он уничтожил французское кавалерийское депо, рассеял неприятельский отряд под Бельничами и, продолжая поиски до Немана, занял Гродно. Наградами за кампанию 1812 года Денису Давыдову стали ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-й степени.

Также примером, достойным для подражания, является то, как Отряд Давыдова наносил удары по французским обозам, захватывал оружие и продовольствие, освобождал пленных. Один из самых известных эпизодов — нападение под Вязьмой (сентябрь 1812 г.): «С ста тридцатью всадниками я взял триста семьдесят человек и двух офицеров, отбил своих двести и получил в добычу одну фуру с патронами и десять провиантских фур. На рассвете мы атаковали в виду города неприятельский отряд, прикрывавший транспорт провианта и артиллерийских снарядов.» [2. С. 402] Отряд Давыдова стал символом народного сопротивления. Он доказал, что сила России — не только в генералах и армиях, но в духе народа. Сам Давыдов писал: «Я не приписываю себе единолично успехов моих — они принадлежат тем смелым людям, которые, забыв дом, жену и хлеб свой, пошли со мной защищать Отечество. Вот настоящие герои!» [2. С. 408] Войско и народ, сплоченные своей любовью к родной стране и ненавистью к врагам-захватчикам, одержали решительную победу над армией, внушавшей ужас всей Европе, и над ее полководцем, признанным миром гениальным.

Народный патриотизм в романе «Война и мир» является многогранным и сложным понятием. Через образы героев, единство народа, самоотверженность и духовность Толстой создает глубокую картину патриотизма, который проявляется в различных формах. В то же время он не забывает о трагических последствиях войны, призывая к миру и пониманию. Таким образом, «Война и мир» остается актуальным произведением, которое продолжает вдохновлять и заставляет задуматься о значении патриотизма в жизни каждого человека.

Таким образом, крестьяне сыграли важную роль в Отечественной войне 1812 года, проявив выдающиеся качества патриотизма, что подтверждается многими примерами. Крестьяне, как основная сила, стоявшая на защите Родины, навсегда останутся в памяти как символ мужества и преданности своей земле. Характерными чертами народного патриотизма стали: солидарность и единство, самоотверженность и героизм, духовность и религиозность, унаследование традиции русских ценностей.. А главной движущей силой крестьянского патриотизма была, конечно, была в защите родной земли. Они воспринимали войну как возможность сохранить свои дома и семьи. Эта связь с

землей и родиной создавала мощный мобилизационный эффект и вдохновляла их на борьбу. Отечественная война 1812 года стала важным этапом в истории России, укрепив дух народа и заложив основы для дальнейшего развития патриотизма в российском обществе. Крестьяне, несмотря на свою социальную зависимость, проявили несгибаемый дух и стали важным элементом в борьбе, изменив представление о патриотизме и его значении.

Список литературы:

1. Толстой Л. Н. Война и мир: роман-эпопея: в 4 т. — Москва: Художественная литература, 1980. — Т. 1. — С. 95, 234; Т. 2. — С. 680; Т. 3. — С. 103, 238; Т. 4. — С. 42, 222.
2. Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. В. Сочинения. — Москва: Гослитиздат, 1962. — С. 382–383, 394, 402, 408..
3. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию // Отечественная война и русское общество, 1812–1912: в 7 т. / ред. А. К. Джигелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. — Москва: Т-во И. Д. Сытина, 1911. — Т. 1. — С. 248.
4. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. Т. 2. — Санкт-Петербург, 1859. — С. 350–351.

Шаврина Анастасия Кирилловна

2 ТД-8

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Anastasia Shavrina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ: ИСТОЧНИКИ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В РАЗНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Аннотация: В статье анализируются этические нормы, сформированные в мировых религиях — христианстве, исламе, буддизме и иудаизме. Особое внимание уделяется различиям в трактовке понятий добра, справедливости, нравственного долга, а также источникам этих норм — священным текстам, преданиям и богословским учениям. Подчеркивается, что религиозная мораль, как правило, носит гетерономный характер, опираясь на внешний (трансцендентный) авторитет — Бога или божественное откровение. В отличие от этого, философская этика (Кант, Платон, Декарт, Ницше, Шелер, Бубер) предлагает автономное понимание морали, исходящее из разума, внутреннего морального закона или диалога личности с миром. Статья предлагает сравнительный анализ религиозного и философского подходов к морали, раскрывая универсальность ключевых нравственных категорий и их значение в современном моральном сознании.

Ключевые слова: мораль, религия, этика, философия, автономия, гетерономия, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, И. Кант, нравственные нормы, священные тексты, культура, нравственность.

RELIGION AND MORALITY: SOURCES OF ETHICAL NORMS IN DIFFERENT RELIGIOUS TRADITIONS

Summary: The article analyzes the ethical principles established in major world religions — Christianity, Islam, Buddhism, and Judaism. Special attention is paid to the differing interpretations of good, justice, and moral duty, as well as to the sources of these norms — sacred texts, traditions, and theological teachings. It is emphasized that religious morality tends to be heteronomous, relying on an external (transcendent) authority — God or divine revelation. In contrast, philosophical ethics (Kant, Plato, Descartes, Nietzsche, Scheler, Buber) promotes an autonomous understanding of morality based on reason, internal law, or personal dialogue with the world. The article offers a comparative analysis of religious and philosophical ethics, highlighting the universality of key moral categories and their relevance in contemporary ethical thought.

Keywords: morality, religion, ethics, philosophy, autonomy, heteronomy, Christianity, Islam, Buddhism, Judaism, Kant, ethical norms, sacred texts, culture, moral consciousness.

Религия и мораль — два понятия, тесно переплетённые между собой. Они оказывают мощное влияние друг на друга на протяжении всей истории человечества. Религиозные системы формировали моральные нормы задолго до появления светской философии, определяя, что считать добром, справедливостью и злом. Этимология слова «религия» восходит, по одной из версий, к латинскому «*religare*» — «связывать», что указывает на установление связи между человеком и божественным. В.И. Даль определяет религию как «богопочитание», то есть веру в высшее существо и исполнение соответствующих обрядов и норм [1, с. 85]. Понятие «мораль» происходит от лат. «*moralis*» — «относящийся к нраву». В философском контексте мораль — это совокупность норм, регулирующих поведение личности в обществе на основании представлений о добре, зле, справедливости и долге. Кант писал, что мораль — это «императив разума», который требует поступать так, как если бы максима твоего поведения могла стать всеобщим законом [2, с. 23].

Происхождение нравственных норм трактуется по-разному в религиозных и философских традициях. В христианстве мораль основана на заповедях, изложенных в Библии, прежде всего в Ветхом и Новом Заветах. Центральным принципом здесь выступает «золотое правило» (Мф. 7:12): «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [3, с. 86]. Христианская этика подчеркивает любовь к ближнему, смирение и прощение. В исламе нравственные предписания исходят из Корана и Сунны. Основу исламской морали составляет идея покорности Аллаху, выражающаяся в справедливости, милосердии и соблюдении шариата. Заповеди в исламе воспринимаются не просто как нормы, но как обязательства, установленные Богом и подлежащие неукоснительному исполнению [4, с. 150]. Буддизм предлагает этическое учение, основанное на Четырёх благородных истинах и Восьмеричном пути. Главная цель буддистской морали — освобождение от страдания через развитие сострадания, ненасилия («ахимса») и осознанности. При этом понятие «греха» заменено понятием «неведения» или «цепляния» [5, с. 45]. Иудаизм трактует мораль через призму Завета между Богом и народом Израиля. Этические нормы формируются на основе Торы (Пятикнижия Моисея, и толкований в Талмуде), в которой даны заповеди, направленные на справедливость, уважение к жизни и благотворительность. Одной из важнейших заповедей является: «Люби ближнего твоего, как самого себя» [3, с. 85]. Как отмечал М. Бубер, в иудаизме важен не только закон, но и личное обращение к Богу, диалог между «Я» и «Ты», в котором раскрывается живая моральная ответственность [6, с. 50].

Платон в своем диалоге «Федон» развивает концепцию о бессмертии души, связывая мораль с познанием идеалов добродетели. Он утверждает, что истинные моральные ценности, такие как справедливость, добродетель, красота и истина, существуют в мире идей, и человек должен стремиться постигнуть их через философию. В «Федоне» Платон через уста Сократа говорит: «Смерть — это не конец, но переход в иной мир, где души получают вознаграждение или

наказание в зависимости от того, как они жили» [7, с. 102]. Для Платона мораль — это не просто следование обычаям, но стремление к постижению этих вечных, неизменных истин.

Рене Декарт в своем знаменитом труде «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» утверждал, что разум — это основной инструмент для обнаружения истины. Его знаменитое утверждение «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую») также подчеркивает важность сомнения как метода поиска истины. Декарт писал: «Если бы я был бездушной машиной, я не мог бы знать, что такое добро и зло» [8, с. 45]. Для Декарта мораль основывается на разуме, и, чтобы делать правильные выборы, человек должен использовать рациональность, сомнение и критическое осмысление.

Философская этика, начиная с Платона и Аристотеля, стремится обосновать мораль рационально. Платон связывал добродетель с познанием Идеи Блага. Для Аристотеля нравственность основывается на развитии добродетелей и поиске «золотой середины». Декарт, представляя современную философию, полагал, что мораль должна быть выведена из ясных и отчетливых идей разума. И. Кант, один из наиболее влиятельных философов Нового времени, сформулировал концепцию автономной этики. В его понимании моральный закон должен исходить из разума самого человека, а не навязываться извне: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [2, с. 23].

Фридрих Ницше в своем произведении «Так говорил Заратустра» подвергает критике традиционную мораль, основанную на религиозных принципах. Ницше считал, что такая мораль подавляет человека, его индивидуальность и силу. В «Так говорил Заратустра» он вводит концепцию «сверхчеловека» (*Übermensch*), который создает свою собственную мораль, свободную от ограничений религиозных догм [9, с. 200]. Философ заявляет: «Человек — это нечто, что должно быть преодолено». Для Ницше мораль не является универсальной, и каждый человек должен сам определить, что для него правильно и неправильно, что соответствует его индивидуальной воле к власти.

Макс Шелер, в своей философии, подчеркивал, что мораль вытекает из понимания своего места в космосе. Для Шелера мораль не сводится к холодному рационализму или божественным заповедям, она основана на чувствовании и переживании. Он писал: «Тот, кто ощущает свою связь с космосом, с человечеством, тот понимает, что его действия имеют значение для всех» [10, с. 72]. Шелер утверждал, что мораль человека — это отражение его отношения к миру, к природе и к другим людям.

Мартин Бубер в своем произведении «Я и Ты» делает акцент на важности отношений для формирования моральных норм. Он утверждает, что этика не существует вне контекста человеческих отношений. Бубер писал: «Истинная мораль начинается тогда, когда человек встречает другого как равного и неповторимого» [6, с. 50]. Для него мораль рождается в диалоге, в котором оба

участника признают друг друга как уникальных личностей, что способствует взаимному уважению и пониманию.

Религия и философия по-разному трактуют мораль, но все они стремятся к одним и тем же основным ценностям: справедливости, гармонии и благу. Религиозная мораль часто опирается на божественные заповеди, в то время как философы предлагают более автономные подходы, базирующиеся на разуме, критическом осмыслении и взаимных отношениях. В конечном итоге, каждый человек может выбирать свою моральную позицию, опираясь как на религиозные, так и на философские учения, но все они помогают понять, как правильно жить и какие принципы следует соблюдать.

Все рассмотренные религии в той или иной мере связывают мораль с высшей реальностью — Богом или духовным законом. Однако важен философский вопрос: существует ли мораль без религии? Кант, как уже было сказано, считал мораль автономной: «Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» [11, с 415]. Современные философы, такие как Дж. Ролз или А. Макинтайр, признают, что религия может укреплять моральные сообщества, но этика может быть и светской, основанной на рациональности, эмпатии и гуманизме. Тем не менее, религиозная мораль обладает силой символа, традиции и авторитета, и продолжает играть значительную роль в формировании мировоззрения миллионов людей.

Религия остаётся одним из важнейших источников этических норм. Каждая традиция по-своему формулирует нравственные принципы, но все они стремятся к гармонии, справедливости и благу. Их сравнение позволяет глубже понять универсальные основы морали, а также её культурные различия. Современная философия может не только критически осмысливать религиозную мораль, но и черпать из неё ценностные ориентиры в условиях морального плюрализма. Таким образом, религиозная и философская этика различаются в основаниях: первая — в откровении и божественном авторитете, вторая — в разуме, опыте и внутренней свободе субъекта. При этом обе традиции стремятся к пониманию универсальных этических принципов — добра, справедливости, достоинства и ответственности. В современном мире, где сосуществуют различные религии, философские школы и культуры, вопрос о взаимосвязи и различиях между религиозной и светской моралью приобретает особую актуальность. Их диалог позволяет глубже понять нравственную природу человека и выработать ориентиры, способные объединять людей на основе общечеловеческих ценностей.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: Русский язык, 1981. - Т. 3. - 555 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. - М.: Мысль, 1999. - 168 с.
3. Библия. Ветхий и Новый Завет. - М.: Библейская литература, 2000. - 1200 с.
4. Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. - М.: Наука, 2005. - 350 с.
5. Дхаммапада. Перевод В. Эрмана. - М.: Прогресс, 1995. - 180 с.

- 6.Бубер М. Я и Ты. - М.: Республика, 1992. - 210 с.
- 7.Платон. Федон. - М.: Мысль, 1974. - 120 с.
- 8.Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. - М.: Наука, 1976. - 150 с.
- 9.Ницше Ф. Так говорил Заратустра. - М.: Эксмо, 2006. - 320 с.
- 10.Шелер М. Положение человека в космосе. - М.: Астрель, 1998. - 190 с.
- 11.Кант И. Критика практического разума. - М.: Наука, 2007. - 528 с.

Шайдурова Алиса Борисовна

1 МД-4

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Alisa Shaidurova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Н. И. ПУТИЛОВ КАК УЧЁНЫЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ХРУПКОСТЬ МОДЕЛИ ПУТИЛОВСКИХ ЗАВОДОВ В ЭПОХУ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Аннотация: В статье исследуется устойчивость хозяйственной модели «Товарищества Путиловских заводов», основанной на государственных заказах и протекционизме, в условиях постреформенного российского капитализма. На основе анализа архивных данных и исторических исследований доказывается, что данная модель, будучи высокоэффективной для решения стратегических задач модернизации в краткосрочной перспективе, обладала системными недостатками, обусловившими её хрупкость в долгосрочном периоде.

Ключевые слова: Н.И. Путилов, Путиловский завод, история российского машиностроения, отечественная металлургия, протекционизм, хозяйственная модель, промышленность России XIX века, экономическая история.

N. I. PUTYLOV AS A SCIENTIST AND ENTREPRENEUR: STABILITY AND FRAGILITY OF THE MODEL OF PUTYLOVSKY FACTORIES IN THE ERA OF RUSSIAN CAPITALISM.

Summary: The article investigates the sustainability of the economic model «Comradeship of Putylovsky factories», based on state orders and protectionism, under conditions of post-Formal Russian capitalism. Based on the analysis of archival data and historical studies, it is proved that this model, being highly effective for solving strategic modernization tasks in the short term, had systemic shortcomings that caused its fragility in the long term.

Keywords: N.I. Putylov, Putylovsky plant, history of Russian mechanical engineering, domestic metallurgy, protectionism, economic model, 19th century Russia industry, economic history.

Хозяйственная модель Н. И. Путилова, будучи крайне эффективной для решения конкретных государственных задач (развитие сталелитейной промышленности, судостроения), в долгосрочной перспективе продемонстрировала структурную уязвимость из-за цикличности государственных заказов, высокой кредитной нагрузки и недостаточного развития рыночной конкуренции.

Во второй половине XIX века Российская империя стояла на историческом перепутье. Отмена крепостного права требовала индустриального рывка, способного превратить аграрную страну в современную державу. Николай Иванович Путилов (1820–1880) — математик, инженер, металлург, предприниматель, учредитель Общества Путиловских заводов в Санкт-Петербурге, действительный статский советник. Он занимался научной работой с области математики и баллистики, автор многих технологических разработок и изобретений. Н. И. Путилов занимает ключевое место в истории становления тяжелой российской промышленности. Его фигура представляет значительный интерес для исследования не только как пример выдающейся предпринимательской деятельности, но и как характерный случай тесного взаимодействия частного капитала с государственными интересами в эпоху интенсивной индустриализации. Выпускник Морского кадетского корпуса, а впоследствии — преподаватель математики в том же заведении, он обладал глубокими инженерными знаниями и устойчивыми связями в правительственных и военно-промышленных кругах. Это определило его стратегию при основании и развитии «Товарищества Путиловских заводов» — предприятия, которое стало одним из флагманов отечественного машиностроения и металлургии.

Хозяйственная модель, реализованная Путиловым, была основана на систематическом выполнении масштабных государственных заказов. Основными направлениями деятельности завода являлись: производство рельсов для строительства железнодорожной сети страны, выпуск броневой стали и артиллерийских орудий для военно-морского флота, создание сложных паровых механизмов и судовых двигателей.

Данная стратегия развития опиралась на активное использование государственного финансирования и протекционистской таможенной политики, что позволяло быстро наращивать производственные мощности и решать стратегические задачи национального масштаба.

Вместе с тем, именно эта модель, доказавшая свою высокую эффективность в период интенсивного промышленного роста, содержала в себе системные уязвимости. Высокая зависимость от цикличности государственных заказов, значительная кредитная нагрузка и ориентация на узкий сегмент казённого рынка создавали постоянные финансовые риски для предприятия.

Возглавив в 1868 году практически обанкротившийся Санкт-Петербургский литейный завод, Путилов не упустил возможности использовать свои связи. Он получил от Морского ведомства эксклюзивный и срочный заказ на производство сортового железа и стальных изделий для строительства броненосного флота.

В 1860-1870-е годы в России наблюдался «железнодорожный бум» (период интенсивного строительства железных дорог во второй половине XIX века, который часто называют «железнодорожной горячкой»). Он начался после открытия первой пассажирской дороги между Санкт-Петербургом и Царским Селом в 1837 году и был вызван потребностью в соединении огромной

территории страны, промышленных центров и обеспечении торговых связей). Государство было заинтересовано в создании собственной производственной базы для обеспечения строящихся магистралей, чтобы снизить зависимость от дорогостоящего импорта. Путиловский завод стал одним из главных поставщиков рельсов для казённых и частных железных дорог. Постоянные и крупные заказы обеспечили заводу устойчивый денежный поток на начальном этапе, что способствовало финансовой стабильности. Для выполнения заказов завод постоянно внедрял новые технологии сталелитейного производства (например, переход к мартеновскому производству). (Мартеновское производство — это металлургический процесс, при котором в мартеновских печах выплавляют сталь заданного химического состава из таких материалов, как чугун, стальной лом и железная руда.)

"Преследуя цель дальнейшего развития производства, Путилов выхлопотал в 1872 году утверждение устава акционерного общества. Оно было образовано в 1873 году, причем его главным распорядителем оставался Николай Иванович. Заручившись правительственным заказом на 4700 товарных вагонов, он начал строить на заводе вагоноборочные «сарай», шинопрокатную мастерскую с мартеновской печью для изготовления вагонных и паровозных шин, расширил кузницу. В 1874 году, после завершения необходимых строительных работ, начался массовый выпуск товарных вагонов. Их производство достигло тысячи в год." [1].

Модель хозяйства Путиловских заводов, основанная на государственных заказах и протекционизме, представляла собой сложный и противоречивый феномен. Её устойчивость не была абсолютной и менялась в зависимости от временного горизонта и общего состояния экономики. Чтобы понять её полностью, нужно рассмотреть не только очевидные преимущества, но и скрытые, системные риски, которые накапливались с течением времени.

С одной стороны, эта модель обеспечила Путиловскому заводу беспрецедентный рост и сделала его флагманом российской тяжелой промышленности. Государство выступало не просто как заказчик, а как главный партнер и потребитель. Это создавало уникальные условия для стабильности. Например, масштабные проекты, подобные строительству Транссибирской магистрали, на десятилетия вперед обеспечивали завод заказами на рельсы, вагоны и паровозы. Аналогично, непрерывная модернизация армии и флота, особенно после войн, вскрывавших отставание, порождала постоянный спрос на артиллерию, снаряды и позднее — на бронетехнику. Эта "государственная подушка безопасности" позволяла заводу уверенно планировать развитие, наращивать мощности и не опасаться внезапных спадов рыночной конъюнктуры. Не менее важным был протекционизм. Высокие таможенные пошлины на импортную металлопродукцию и машины создавали для Путиловского завода искусственно защищенную рыночную нишу. Он мог развиваться, не боясь быть сразу вытесненным более дешевыми или качественными товарами из Англии,

Германии или США. Это была целенаправленная политика, позволившая в сжатые сроки создать собственную мощную промышленную базу.

Однако по мере взросления российского капитализма и усложнения экономики стали проявляться фундаментальные слабости этой, казалось бы, идеальной модели. Главная из них заключалась в искажении стимулов. Поскольку главным критерием успеха была способность получать и выполнять государственный заказ, а не побеждать в конкурентной борьбе на открытом рынке, у руководства завода не было острой необходимости постоянно снижать издержки, максимально повышать производительность труда и внедрять самые передовые мировые технологии ради эффективности. Инновации часто были нацелены на выполнение конкретных технических заданий от государства, а не на общее повышение конкурентоспособности. Это приводило к явлению, которое сегодня называют "рентным поведением" — стремлению извлекать доход за счет особых отношений с властью, а не за счет рыночного превосходства.

"Великий русский поэт Некрасов в сатирической поэме "Современники" среди пестрой галереи дельцов семидесятых годов изобразил Путилова под видом помешанного на постройке порта заводчика Ладына. Экзальтированный и любящий внешний эффект, Ладын произносит патетическую речь:

Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу.
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!" [2, с. 19].

Другим критически важным аспектом была цикличность и неравномерность нагрузки. Государственные заказы, особенно военные, редко приходили равномерным потоком. Они носили ярко выраженный "штурмовой" характер: период подготовки к возможной войне или реализация масштабного проекта вызвали аврал, требующий найма тысяч дополнительных рабочих и работы на пределе мощностей. Но после выполнения такого заказа наступала пора затишья, что вело к простоям цехов, неполной занятости, сокращению зарплат и, как следствие, к колоссальной социальной напряженности. Путиловский завод стал одним из главных очагов революционного движения в Петербурге не в последнюю очередь из-за этой неустойчивой, нервирующей модели занятости.

Зависимость от казенных платежей, которые могли задерживаться, и масштабы необходимых кредитов для выполнения крупных заказов делали предприятие крайне уязвимым в периоды общеэкономических кризисов, как

это произошло в 1900-1903 годах. Завод оказался на грани банкротства и был спасен только благодаря прямому вмешательству государства и предоставлению ему новых кредитов. Этот эпизод наглядно показал, что несмотря на весь свой масштаб, ТПЗ не обладал достаточной финансовой автономией.

Путилов умер от инфаркта 18 апреля 1880 года. Смерть спасла его от позора и долговой тюрьмы. Николая Ивановича отпели в Никольском морском соборе, как отпевали всех морских офицеров в столице. Согласно завещанию, его похоронили в часовне на берегу недостроенного Морского канала. ...В 1881 году, когда народовольцы убили Александра II, Константин и его оставшиеся союзники были отправлены в отставку. А в 1885 году состоялось торжественное открытие Путиловского морского канала. Петербург стал крупнейшим портом России [3].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о двойственной природе хозяйственной модели Путиловских заводов. С одной стороны, она оказалась идеальным инструментом для преодоления технологического отставания и осуществления ускоренной индустриализации в рамках политики «догоняющего развития». Ориентация на государственный заказ и протекционизм обеспечила краткосрочную и среднесрочную устойчивость, позволившую в сжатые сроки создать мощный промышленный комплекс.

С другой стороны, в долгосрочной перспективе модель продемонстрировала структурную хрупкость. Её устойчивость была не органической, порождённой рыночной эффективностью, а внешней, обеспеченной «государственной пуповиной». Цикличность заказов, хроническая финансовая неустойчивость и порождённая моделью социальная напряжённость создавали системные диспропорции. Когда общая политико-экономическая система империи вступила в полосу перманентного кризиса в начале XX века, эта модель, доказавшая свою эффективность для индустриального роста, оказалась неспособной обеспечить выживание предприятия в условиях системного коллапса. Таким образом, история ТПЗ служит наглядной иллюстрацией фундаментальной дилеммы российского капитализма того периода — поиска баланса между административным ресурсом и подлинной рыночной конкурентоспособностью.

Список литературы:

- 1.Предприниматель XIX века - Н. И. Путилов – URL: <http://www.mihgri.ru/putilov.html>
- 2.Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. 1789 - 1917 М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941 - 626 с.
- 3.Литературно-исторические заметки юного техника — Русский менеджер Николай Путилов — URL: http://ptiburdukov.ru/Справочник/Биографии/Путилов_Николай_Иванович

Швецова Мария Александровна

2 МГ-41

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Shvetsova Maria

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ГРАММАТИКА ЦИТАТЫ: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦИТИРОВАНИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме авторства в моде постмодерна в контексте теории «смерти автора» Р. Барта. На примере творчества Дж. Гальяно и А. Маккуина анализируется механизм исторического цитирования. Доказывается, что авторский почерк формируется через гиперболу исторического прообраза и сочетание разновременных прототипов. Именно эти операции создают дистанцию между ремесленным копированием и авторской интерпретацией.

Ключевые слова: смерть автора, Ролан Барт, грамматика цитаты, историзм в моде, постмодернизм, Джон Гальяно, Александр Маккуин, интертекстуальность, гипербола.

GRAMMAR OF QUOTES: THE PROBLEM OF AUTHORSHIP IN HISTORICAL QUOTING

Summary: The article is devoted to the problem of authorship in postmodern fashion in the context of R. Barthes' theory of the "death of the author." The mechanism of historical citation is analyzed on the example of the works of John Galliano and Alexander McQueen. It is proved that the author's style is formed through the hyperbole of the historical prototype and the combination of different-time prototypes. These operations create a distance between craftsmanship and authorial interpretation.

Keywords: death of the author, Roland Barthes, grammar of quotation, historicism in fashion, postmodernism, John Galliano, Alexander McQueen, intertextuality, hyperbole.

Проблема авторства, существующая на протяжении всей истории существования мировой художественной культуры, интерпретируется через новую философию в эпоху постмодернизма. Закладывая основы дискурса философии постструктурализма, Ролан Барт ознаменовал фундаментальный сдвиг в понимании творческого процесса: от фигуры гения-демиурга, наделяющего произведение единственным и окончательным смыслом, к фигуре «скриптора», который лишь комбинирует существующие культурные коды, уступая место «рождению Читателя» [1, с. 384-391].

Эта философия находит наглядное воплощение в моде конца XX - начала XXI в. Эпоха постмодернистов, работающих на базе исторических архивов и деконструкции, становится идеальным визуальным базисом для проверки концепции, сформулированной Р. Бартом. Основной тезис статьи - историческая реминисценция в моде и обретение статуса авторского высказывания не вопреки, а благодаря двум методам: гиперболизации исторического прообраза и специфической сочетаемости прототипов, взятых из разных культурных и временных контекстов. Эти операции образуют то, что предлагается назвать «грамматикой цитаты» - системой правил, превращающих заимствование в интерпретацию.

Для анализа моды как семиотической системы мы обращаемся к двум ключевым текстам Ролана Барта: программному эссе «Смерть автора» (1967) и работе «Система моды» (1967). В первом тексте Барт декларирует разрыв с классической европейской традицией, где автор мыслился как «отец» и владелец своего произведения. «Автор - это персонаж новейшего времени... порождение нашего общества» [1, с. 385]. На смену ему приходит Скриптор, у которого «нет страстей, настроений, чувств или впечатлений, а есть только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки» [1, с. 389].

В «Системе моды» Барт рассматривает костюм как язык, а моду — как речевую деятельность, производящую смыслы [2]. Одежда, по Барту, всегда отсылает к чему-то вне себя: к социальному статусу, событию или к историческому времени. Синтез этих двух идей дает нам методологический подход: если костюм - это язык, а автор умер, то создание нового костюма есть акт письма на языке, который существовал до нас. История моды предстает как гигантский архив грамматических форм (корсет, кринолин, турнюр, килт, сюртук), каждая из которых уже обладает устоявшимся значением.

В культуре постмодерна, которую Умберто Эко охарактеризовал как эпоху, когда «прошлое не может быть уничтожено, поскольку его уничтожение ведет к немоте», единственным способом говорить становится ирония и переосмысление [3]. Цитата становится не стилистическим приемом, а фундаментальным принципом существования искусства. Задача современного творца - не изобрести новое слово, а составить новое предложение из старых слов, изменив их интонацию, контекст или масштаб.

В массовом сознании историческая отсылка в моде часто воспринимается как «ретро» или копирование. Однако подлинная авторская работа начинается там, где заканчивается точность копии. Дистанцию между историческим прототипом и новым объектом создают два выразительных средства, образующих «грамматику»: степень преувеличения и принцип сочетанности. В гиперболе автор не воспроизводит форму, а усиливает ее доминантные признаки. Объем юбки разрастается до архитектурных масштабов; декор становится избыточно барочным даже для самого барокко. Гипербола переводит объект из режима «реконструкции» в режим «интерпретации». При коллажировании автор нарушает хронологию. Он соединяет фрагменты разных

эпох (античность и XIX век, средневековье и киберпанк) или разные культурные коды (европейский корсет и японский макияж). Гипербола и анахроничный коллаж формируют то, что мы называем авторским почерком в концепции «смерти автора».

Период работы Джона Гальяно в Доме Dior (1996–2011)-самый яркий пример «авторства через цитату». Гальяно обращается к историческим архивам, но работает как режиссер-постановщик, а не реставратор.

Рассмотрим коллекцию Джона Гальяно для Christian Dior весна-лето 1998. Гальяно погружает зрителя в эстетику 1920-х годов, отдавая дань основателю Дома и Полю Пуаре, которого дизайнер называл вторым по значимости источником вдохновения. В моделях коллекции явно прочитываются экзотические силуэты, характерные для ансамблей Пуаре. Однако Гальяно не реконструирует исторический костюм буквально: он создает его интерпретацию. Крой платьев отсылает к живописи Густава Климта (его орнаментальность и декоративная плоскость), а принты интерпретируют колористические эксперименты Рауля Дюфи. Гиперболизированный силуэт, театральный макияж и избыточный декор заставляют зрителя увидеть идею экзотизма и художественной свободы.

Другой пример - коллекция Christian Dior осень-зима 2000 г. Гальяно выстраивает ее как театрализованное исследование фетиша, любви, свадьбы и религии в исторической костюмной ретроспективе. Гальяно смешивает викторианский корсет, цыганские юбки и наполеоновский ампир, тем самым сталкивая высокое и низкое, сакральное и обыденное, историческое и современное. Парадокс коллекции в том, что избыточность и гротеск оборачиваются острой социальной рефлексией: чем откровеннее прием, тем яснее считывается авторский комментарий о природе желания, власти и гендерных ролях современного общества.

На рубеже XX-XXI вв. многие кутюрье обращались к историческим формам костюма, среди них А. Маккуин. Он, как и Гальяно, был виртуозом исторического цитирования, но его «грамматика» была иной. Его интересовала не столько театральная пышность, сколько внутренняя структура формы, ее уязвимость и трагизм. В коллекции “Highland Rape” (осень-зима 1995) Маккуин обращается к истории Шотландии, но его килты и традиционные тартаны агрессивно деформированы: разрезаны, имеют прорехи, словно изодраны в бою. Здесь гипербола работает через деструкцию - авторское высказывание формируется через насилие над историческим прототипом.

В период работы в Givenchy (1996–2001) Маккуин часто обращался к средневековью и викторианской эпохе. Его коллекция “Eclect Dissect” (Givenchy, весна-лето 1997) или последующие работы для собственного модного дома, например, “The Widows of Culloden” (осень-зима 2006), демонстрируют работу с викторианским траурным костюмом. Маккуин берет строгий, скованный силуэт XIX века и начинает его «разбирать». Его сочетаемость прототипов - это соединение исторической ткани и высоких

технологий (как голограмма Кейт Мосс в финале), что создает разрыв во времени, дистанцию между прошлым и настоящим.

Сравнение Гальяно и Маккуина демонстрирует, что «грамматика цитаты» не уничтожает индивидуальность, а проявляет её через уникальный почерк работы с историей. Оба дизайнера используют гиперболу, но у Гальяно она ведет к гротеску и роскоши, у Маккуина - к трагизму и деконструкции. Оба используют коллаж времен, но Гальяно создает праздничный синтез, а Маккуин - конфликтное столкновение. Это доказывает, что даже в ситуации полного погружения в цитату, фигура «скриптора» не исчезает, а переопределяется: авторство становится функцией выбора угла зрения на историю.

Проведенный анализ позволяет ответить на вопрос о границах авторства. Ответ лежит не в плоскости формы самой по себе, а в плоскости ее трансформации. Художник создает авторское высказывание об истории, которое становится возможным именно благодаря «коэффициенту преувеличения» и уникальности «уравнения сочетаемости». Как только зритель считывает этот зазор между знакомым элементом и его новой подачей, возникает феномен авторства. «Смерть автора» применительно к моде не привела к исчезновению кутюрье. Она привела к его перерождению. Фигура гения-изобретателя уступила место интерпретатору, семиотику, режиссеру, работающему со знаками и временами. Почерк определяется тем, насколько сильно он искажает форму и как именно сочетает разрозненные фрагменты культурного архива.

Список литературы:

1. Барт, Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994. — С. 384–391.
2. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.
3. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. — М.: Книжная палата, 1989. — С. 427–467.
4. Fairer, R., Webb, I. R., Talley, A. L., Bowles, H., Cullen, O. John Galliano for Dior. London: Thames & Hudson, 2019. — 432 p.
5. Watt J. (ed.) Alexander McQueen: Savage Beauty. — New York: The Metropolitan Museum of Art, 2011. — 240 p.

Шейко Екатерина Ивановна

3 ГД-28

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Sheiko Ekaterina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТРАДИЦИИ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: Статья посвящена эволюции традиций книжной иллюстрации в Российской империи от XVIII до начала XX века. Анализируется её роль в просвещении общества и формировании эстетических вкусов на протяжении XVIII – начала XX века. Рассматривается влияние технических инноваций (гравюры, литографии) и художественных стилей на визуальное оформление изданий. Особое внимание уделяется превращению книги в целостный художественный объект на рубеже XIX–XX веков. Подчеркивается значение иллюстрации в становлении национальной культурной идентичности. Делается вывод об эволюции книжной графики от утилитарной функции к самостоятельному виду искусства.

Ключевые слова: книжная иллюстрация, Российская империя, гравюра, литография, «Мир искусства», национальный стиль, синтез искусств.

TRADITIONS OF BOOK ILLUSTRATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Summary: The article is devoted to the evolution of traditions of book illustration in the Russian Empire from the 18th to the early 20th century. It analyzes its role in the enlightenment of society and the formation of aesthetic tastes throughout the 18th – early 20th century. The influence of technical innovations (engravings, lithography) and artistic styles on the visual design of publications is considered. Special attention is paid to the transformation of the book into a holistic artistic object at the turn of the 19th and 20th centuries. The importance of illustration in the formation of national cultural identity is emphasized. The article concludes that book graphics have evolved from a utilitarian function to an independent art form.

Keywords: book illustration, Russian Empire, engraving, lithography, Mir Iskusstva, national style, synthesis of arts.

Книжная иллюстрация представляет собой неотъемлемый элемент книжной культуры, сочетающий в себе визуальное искусство и текстовое повествование. В контексте Российской империи она играла ключевую роль в просвещении общества, способствуя распространению знаний, эстетическому воспитанию и идеологической пропаганде. Иллюстрации делали книги доступными для широкой аудитории, включая малограмотные слои населения [1]. Они отражали эволюцию художественных стилей, технических методов

печати и социокультурных изменений, превращая книгу в комплексное произведение искусства.

Актуальность изучения традиций книжной иллюстрации в Российской империи обусловлена их влиянием на современную графику и дизайн. Исследование этой темы позволяет осмыслить, как искусство иллюстрации способствовало формированию национальной идентичности и отражало глобальные тенденции [2, с. 8-9].

XVIII век ознаменовался зарождением и активным развитием традиций книжной иллюстрации в Российской империи, тесно связанным с реформами Петра I. Эти преобразования, стимулировали создание первых светских типографий, таких как Санкт-Петербургская типография в 1711 году, и Академии наук в 1724 году [3, с. 13-14]. Под влиянием Петра I книги стали доступны широкой публике, отражая сдвиг от церковных миниатюр к светским иллюстрациям, ориентированным на образование, науку и государственные реформы [3, с. 39]. Введение гражданского шрифта в 1708–1710 годах упростило печать и сделало возможным массовое распространение иллюстрированных изданий, что заложило основу для развития книжной графики как самостоятельного жанра [4].

Технические аспекты эволюции иллюстрации в этот период были революционными. Переход от рукописных миниатюр, выполнявшихся вручную и часто в стиле древнерусской миниатюры с орнаментальными мотивами, к гравюре на дереве и меди позволил тиражировать изображения в больших количествах [3, с. 43-44]. Гравюра на дереве использовалась для простых заставок и орнаментов, в то время как медная гравюра обеспечивала более точную детализацию, заимствованную из европейских школ [4]. Эти инновации сделали иллюстрацию декоративной и функциональной, «освещающей» текст для лучшего понимания сложных понятий [1]. К концу века иллюстрации стали включать виньетки — небольшие орнаментальные или сюжетные композиции, часто аллегорические, размещаемые на титульных листах или в конце глав. Это отражало влияние барокко, постепенно уступавшего классицизму при Екатерине II, когда графика становилась более изысканной и гармоничной. На титульном листе книги «Полезное упражнение юношества» 1789 года изображена лира, цветок лилии, книги. Собранные в треугольник — частый элемент классицистического искусства, атрибуты искусств образуют уравновешенную композицию, в которой все детали объединяются в целое [4].

Ключевым примером является «Арифметика» Леонтия Магницкого, изданная в 1703 году в Синодальной типографии Москвы. Этот первый отечественный учебник по математике, предназначенный для Навигацкой школы, был украшен гравюрами на меди Михаила Карновского и других мастеров [5]. Фронтиспис изображал Аристотеля и Пифагора, символизируя связь античной науки с петровской современностью, а аллегорическая заставка представляла Арифметику как женщину на престоле в храме наук [3, с. 142]. Книга включала многочисленные чертежи, таблицы, иллюстрации к задачам (шахматная доска, башни, воины, мешок с деньгами, корабль и глобус),

подчеркивающие практическое применение знаний в торговле, навигации и военном деле. Двухцветная печать и наборные украшения усиливали визуальную привлекательность, способствуя просвещению новой элиты [5].

Другим значимым изданием стало «Юности честное зерцало» 1717 года, переведенное с немецкого по указу Петра I [3, с. 87-88]. Эта книга о правилах поведения в обществе была иллюстрирована гравюрами, изображающими сцены придворного этикета, моды и манер, заимствованными из европейских источников. Такие иллюстрации служили визуальным пособием для формирования «европеизированного» образа русского дворянства [4]. Петровские издания часто отражали европейские влияния: голландскую и немецкую школы гравюры, где преобладали аллегорические мотивы [3, с. 49-50]. Например, гравюры Адриана Шхонебека и Жана-Батиста Ле Пренса («Русская крестьянка с коромыслом», «Русский интерьер») иллюстрировали быт и обычаи. Приглашенные иностранные мастера способствовали переносу западных методов в Россию, создавая гибридный стиль [4].

Во второй половине века, при Екатерине II, барокко уступало классицизму, и иллюстрации становились более изысканными, часто публикуемыми в отдельных альбомах или журналах, что закладывало основу для синтеза искусств. Издания вроде «Сатирических журналов» Новикова включали гравюры, критикующие пороки общества [4].

Анализ роли иллюстрации в этот период раскрывает ее как инструмент пропаганды реформ и просвещения. В контексте петровских преобразований визуальные элементы не только объясняли сложные понятия, но и идеологически обосновывали модернизацию, формируя образ просвещенного государства [5].

XIX век стал периодом расцвета книжной иллюстрации в Российской империи, когда она эволюционировала под влиянием романтизма, а затем реализма [5]. Романтизм, доминировавший в первой половине века, стимулировал обращение к народным мотивам, мифам и историческим сюжетам, подчеркивал эмоциональную глубину, идеализацию природы и героев, влияя на иллюстрацию как на средство выражения культурной идентичности и коллективной памяти [7, с. 149-151]. Во второй половине века, с развитием реализма, иллюстрации стали более объективными, фокусируясь на повседневности, социальной критике и психологической глубине персонажей, что отражало пан-европейские тенденции, но с русским акцентом на народность и быт.

Ключевыми фигурами этого периода были художники, сочетавшие романтические мотивы с реалистическими элементами. Алексей Гаврилович Венецианов, основоположник бытового жанра, внес значительный вклад в переход к реализму через изображения крестьянской жизни, подчеркивая естественность и национальный колорит [2, с. 54-58]. Его работы, такие как «На жатве. Лето», «Сенокос», повлияли на книжную графику, показывая повседневный труд и природу без идеализации [5]. Особо выделяются работы к произведениям А.С. Пушкина. Например, в изданиях «Руслана и Людмилы»

(первое полное издание 1820 г.) и «Евгения Онегина» иллюстрации передавали мифические и драматические мотивы, такие как битвы, волшебные сцены или портреты героев [7, с. 153]. Художники вроде Ивана Крамского создавали акварельные и гравюрные иллюстрации, подчеркивая поэтичность и эмоциональность пушкинского текста. В конце века Илья Репин, выдающийся реалист, иллюстрировал произведения Льва Толстого и Федора Достоевского, вводя реалистические детали в романтические сюжеты. Это прослеживается в работах, связанных с «Анной Карениной», где фокус направлен на психологизм и социальную среду [2, с. 170-174].

Важную роль сыграла "Натуральная школа" 1840-х годов, связанная с Белинским и Некрасовым, которая заложила основы реализма. Альманах «Физиология Петербурга» (1845) включал литературные очерки с иллюстрациями Василия Тимма, Егора Ковригина и других, изображающими городскую жизнь, социальные контрасты и быт [2, с. 81-92]. Примером служит картина Павла Федотова «Сватовство майора» (1848), которая, хотя и станковая, повлияла на книжную графику, показывая сатиру на мещанство через детализированные сцены [2, с. 122-127].

Литография, получившая распространение с 1820-х гг., позволила массовое тиражирование иллюстраций, сделав книги доступными для среднего класса. Это изобретение, усовершенствованное в России художниками вроде Александра Орловского, облегчило воспроизведение рисунков с сохранением авторского стиля и нюансов [2, с. 42-46]. Примеры из журналов «Современник» демонстрируют, как литография использовалась для иллюстраций к литературным произведениям, включая портреты авторов, сцены из рассказов Гоголя («Шинель») и социальные зарисовки. Журнал публиковал гравюры и литографии с акцентом на критику общества [7, с. 156].

Иллюстрация в XIX веке способствовала формированию национального самосознания: от романтической идеализации прошлого к реалистическому изображению настоящего. Этот период также охватывал графическую сатиру и детскую иллюстрацию, отражая демократизацию искусства и влияние реформ, таких как отмена крепостного права в 1861 г.

Конец XIX — начало XX века в Российской империи ознаменовался переходом книжной иллюстрации к модернистским тенденциям, под влиянием индустриализации, урбанизации и бурного роста издательского дела. Этот период, известный как Серебряный век русской культуры, характеризовался синтезом искусств, где иллюстрация интегрировалась в общий дизайн книги, отражая символизм, орнаментализм, неорусский стиль и элементы авангарда.

Общество «Мир искусства», основанное в 1898 году Александром Бенуа, Сергеем Дягилевым и Львом Бакстом, сыграло ключевую роль в этом процессе, продвигая идею книги как целостного художественного объекта. Художники «Мира искусства» экспериментировали с орнаментом, вдохновленным фольклором, византийским искусством и восточными мотивами, стремясь к гармонии текста, изображения и оформления [1].

Александр Николаевич Бенуа внес значительный вклад в развитие книжной графики, поднимая ее статус до уровня высокого искусства. Шедевром считается серия иллюстраций к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», над которой он работал около двадцати лет: акварельные рисунки, передающие атмосферу Петербурга, были опубликованы в 1923 году и признаны идеалом графической работы, сочетающей историзм и символизм. В 1904–1905 годах вышла «Азбука в картинках» — детская книга, где Бенуа выступил автором, иллюстратором и оформителем, создав яркие, фантазийные композиции для каждой буквы, вдохновленные народным искусством и модерном. Он также иллюстрировал «Пиковую даму» Пушкина (1910–1911), вводя элементы театральности, и опубликовал «Путеводитель по Эрмитажу» (1910), где графика служила просветительской цели [8].

Ключевыми фигурами стали Иван Билибин, Виктор Васнецов и Елизавета Бём, чьи работы воплощали синтез традиций и новаторства. Иван Яковлевич Билибин, член «Мира искусства» с 1900 года, прославился иллюстрациями к русским сказкам, таким как «Сказка о царе Салтане» (1905), «Василиса Прекрасная» (1899) А.С. Пушкина и народным преданиям. Его стиль, сочетающий яркие цвета, стилизованные орнаменты и мотивы народного искусства, был вдохновлен этнографическими экспедициями на Русский Север, средневековыми миниатюрами. Билибин использовал технику контурного рисунка с акварелью, создавая рамки и заставки, которые обрамляли текст, превращая книгу в визуальное единство. Его издания, выпущенные в серии «Сказки» издательства «Экспедиция заготовления государственных бумаг», стали эталоном декоративной графики [8].

Виктор Михайлович Васнецов развивал былинный стиль в иллюстрациях к эпосам и сказкам, как в цикле «Поэма семи сказок» (1901–1926) и иллюстрациях к «Снегурочке» А.Н. Островского. Его работы, связанные с Абрамцевским художественным кругом Саввы Мамонтова, подчеркивали фольклорные корни, изображая богатырей вроде Ильи Муромца или Аленушку в стилизованных костюмах и пейзажах, вдохновленных древнерусским искусством. Васнецов интегрировал элементы модерна, такие как плавные линии и символизм, в книжный дизайн, способствуя возрождению интереса к славянской мифологии [8].

Елизавета Меркурьевна Бём специализировалась на силуэтной графике, создавая лирические изображения для детских книг и открыток, как в сериях «Силуэты детских жизней» (1877) и иллюстрациях к пословицам. Её работы, вдохновленные народными праздниками, сказками и бытом, часто сочетали акварель с силуэтом, передавая эмоциональную выразительность через простые формы. Бём сотрудничала с издательствами вроде «Посредник» Льва Толстого, где её графика способствовала популяризации литературы для масс [8].

Традиции книжной иллюстрации в Российской империи прошли значительную эволюцию, от утилитарной роли в просвещении и пропаганде в XVIII веке к художественной выразительности в начале XX века. Начиная с петровских реформ, они служили инструментом модернизации и

демократизации знаний. В XIX веке, под влиянием романтизма и реализма, иллюстрация обрела национальный колорит, отражая фольклор и социальные темы, с внедрением литографии. К рубежу веков модернизм, символизм и «Мир искусства» превратили книгу в синтез искусств. Эта трансформация подчеркивает переход от функциональности к эстетической автономии, формируя культурную идентичность империи через визуальное повествование.

Список литературы:

- 1.Ткаченко, Е.С. Возникновение книжной иллюстрации // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – 2014. – URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/29_10_2014_zhurnalistika_v_sovremennom_mediaprostranstve_globalizatsiya_konvergentsiya_multimediynos/seksiya_6_novaya_sreda_obitaniya_kak_mediarealnost_zhurnalistika_izdatelskoe_delo_reklama_i_svyazi/_vozniknovenie-knizhnoy-illyustratsii (дата обращения: 24.02.2026).
- 2.Кузьминский, К.С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX веков. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 193 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/448594> (дата обращения: 25.02.2026).
- 3.Книга в России XVIII-середины XIX в.: из истории Библиотеки Академии наук: сборник научных трудов / ред. А. А. Зайцева. – Л.: Издательство Библиотеки Академии наук, 1989. – 218 с.
- 4.Белякова, Т.В. Книжная и журнальная графика в России во второй половине XVIII - начале XIX в. – 2013. – URL: <https://www.dissercat.com/content/knizhnaya-i-zhurnalnaya-grafika-v-rossii-vo-vtoroi-polovine-xviii-nachale-xix-v> (дата обращения: 25.02.2026).
- 5.Протасова, А. Выставка «Издания эпохи Петра Великого: книжное дело первой четверти XVIII века» // Информационно-библиотечный комплекс СПбПУ. – 2022. – URL: <https://library.spbstu.ru/ru/exhibition/22> (дата обращения: 25.02.2026).
- 6.Кушнарёва, А. Русская живопись 19 века: история, развитие, жанры и мастера // Журнал Коллекционеръ Клуба. – 2021. – URL: <https://collectart.ru/posts/14-russkaya-zhivopis-19-veka-istoriya-razvitie-zhanry-i-mastera> (дата обращения: 25.02.2026).
- 7.Пронин, В.А. Искусство и литература за рубежом: учеб. пособие. – М.: МГУП, 2003. – 256 с.
- 8.Сказочники: Васнецов, Билибин, Бём и другие // HSE Design. – URL: <https://hsedesign.ru/project/63b01633ae9d41b8af71aad42a3e9dfd> (дата обращения: 25.02.2026).

Шеметов Аркадий Дмитриевич

1 МД-35

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Shemetov Arkady

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В 2000–2010 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу экономической политики России в 2000–2010 годах с уклоном на причинно-следственные связи между решениями государства и их последствиями для экономики, а так же уровня жизни населения и бизнес-среды. В статье рассматриваются четыре направления государственной политики: налоговая реформа, земельное законодательство, пенсионная реформа и создание стабилизационного фонда. Используемые данные официальной статистики и экспертных исследований, были получены выводы, как эти реформы способствовали экономическому росту начала десятилетия и смягчению последствий кризиса. Отмечается влияние реформ на уровень жизни граждан и развитие бизнес-структур. Сделан вывод о том, что решения 2000-2010 годов продолжают определять характер современной экономической политики России.

Ключевые слова: экономика России, налоговая реформа, стабилизационный фонд, пенсионная система, бизнес.

THE RUSSIAN ECONOMY IN 2000–2010: KEY POLITICAL DECISIONS AND THEIR CONSEQUENCES

Summary: The article examines Russia's economic policy in 2000–2010, focusing on causal links between key governmental decisions and their impact on macroeconomic stability, living standards, and the business environment. Four major policy areas are analyzed: tax reform, land legislation, pension reform, and the establishment of the Stabilization Fund. It is shown that these measures were driven by the need for fiscal consolidation, demographic challenges, institutional modernization, as well as external economic factors such as the rise in global energy prices and the 2008 financial crisis. Based on official statistics and expert assessments, the study reveals how these reforms enabled economic growth in the early 2000s and mitigated the effects of the global crisis. Particular attention is paid to their influence on the everyday social life of the population and the development of business structures. The conclusion highlights that the decisions made in the 2000-2010 period continue to shape contemporary economic policy in Russia.

Keywords: Russian economy, tax reform, Stabilization Fund, pension system, business environment.

В первое десятилетие российская экономика демонстрировала устойчивый рост. Так, в 2000-2008 год ежегодный прирост ВВП был на уровне от 4,9 % до 10 %, а производство обрабатывающих отраслей выросло почти на 77 % с 1999 по 2007 год [1]. Одновременно улучшились социально-экономические показатели: доля населения за чертой бедности упала с 29 % (2000 г.) до примерно 13 % (2007 г.), а реальные доходы граждан выросли [2]. Эти успехи в значительной мере объясняются ростом мировых цен на нефть (с 20 до 100 долларов США 2000-2007 г.) и благоприятной внешнеэкономической политикой. Одновременно в этот период власти РФ провели ряд важнейших экономических реформ и политических решений, направленных на преобразование экономики и стабилизацию бюджета. Но 2008-2009 год разразился глобальный кризис, который повлек падение ВВП России почти на 8 % [3]. Начальные реформы 2000-2004 годов заложили основу для роста: налоговая реформа и снижение налогового обложения помогли увеличить доход бюджета и продвинуть частный сектор [4]. Введение плоской шкалы налогообложения (13 % НДФЛ) и сокращение числа налогов существенно уменьшили «теневой» сектор экономики. Социально-экономические преобразования (налоговая, пенсионная, банковская реформы и т. д.) в сочетании с «аккуратной» фискальной политикой помогли снизить инфляцию и задолженность государства [4]. В целом, в данной среде преобладает мнение о позитивных макроэкономических результатах «нулевых» годов.

Началом роста экономики можно обозначить введение налоговой реформы (2000-2002 г.). К началу 2000-х годов бюджетная система РФ требовала изменений. После кризиса 1998 г., при правительстве В.В.Путина была поставлена задача: создать условия для устойчивого роста бюджета. В мае 2000 г. была принята «Стратегия-2010», акцентировавшая внимание на снижение налогового обложения и сокращение числа фискальных сборов [9]. Так как до реформы, налоговый кодекс представлял собой разрозненное собрание множества налогов и сборов, что стимулировало уклонение от уплаты и разворачивало «теневую» экономику.

Налоговая реформа реализовалась в несколько этапов. В начале 2001 г. вступила в силу первая часть нового Налогового кодекса, а уже в январе 2002 г. вторая часть. Основные изменения заключались в упразднении порядка десятков устаревших платежей, снижении акцизов, снижении ключевых ставок по НДС (с 20 % до 18 %), снижении корпоративного налога и введение единых ставок по налогу на прибыль (от 30 % до 24 %) и по НДФЛ (13 % для физлиц) [4]. Введен единый социальный налог вместо множества целевых отчислений. Кроме того, облегчались процедуры регистрации бизнеса и уменьшилось число видов деятельности, для которых требовалась лицензия. Реформа сопровождалась программой поддержки малого бизнеса и улучшения налогового учета.

Уже в 2001 г. заметно выросли налоговые поступления. За первые пять месяцев 2001 г. сборы федерального бюджета по основным налогам выросли на 30–60 % по сравнению с предыдущим годом. Это противоречило ожиданиям

аналитиков, что снижение ставок уменьшит доходы, так как реформа привела к выводу доходов из тени и расширению базы. Отмечается, что самые высокие темпы прироста показали те сферы налогового обложения, где ставки снизили: НДС, НДФЛ, акцизы [5]. Упростившись и уравнившись, налоги стали более эффективными. Поступления в бюджеты всех уровней выросли, бюджет избежал дефицита, хотя планировалось его сокращение на 1,5 %. Это заложило финансовый резерв для государственных программ и социальных расходов.

Долгосрочные последствия заключались в введении упрощенной системы налогообложения, которая стимулировала формализацию бизнеса, приток инвестиций и рост потребления. Фирмы получили возможность сохранять большую часть прибыли для реинвестирования (100 млрд руб. экономии) [5]. У населения увеличилась «чистая» заработная плата, повысилась покупательская способность. Реформа также укрепила межбюджетные отношения и помогла формировать устойчивые фискальные правила [6].

В данной теме нельзя не затронуть земельную реформу (2001-2002), а именно права собственности и аграрный сектор. В СССР земля фактически была национализирована, а в 1990-е года сложилась запутанная система распределения прав на землю. Ограничения на продажу земли и советский земельный уклад мешали вложению капитала в агросектор и сельское хозяйство. Учитывая важность обеспечения безопасностью продовольственной и развития сельскохозяйственной отраслей, правительство России признало необходимым создать законодательно ясные права собственности на землю.

В октябре 2001 г. был принят новый земельный кодекс РФ, который закрепил частное право собственности на землю в России. Закон установил понятный механизм купли-продажи и аренды земли. А уже в июле 2002 г. был принят дополнительный закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения, который уточнил процедуры сделок с пахотными землями. В результате аграрные земли впервые стали полноценным объектом гражданского оборота. Эти законодательные акты отменяли ранее действовавшие ограничения эпохи реформ 90-х (когда земля не продавалась вовсе) и открывали рынок земли.

Открытие рынка земли повысило привлекательность аграрного бизнеса. Частные инвесторы и фермеры получили возможность вкладывать средства в землю как в актив, закладывать ее, передавать по наследству. За счет этого усилилось кредитование сельского хозяйства. В долгосрочной перспективе аграрный сектор РФ сумел значительно увеличить производительность. Уже к середине 2000-х годов Россия «достигла самообеспечения и превратилась в одного из крупнейших в мире экспортёров зерна». Переход к «рыночным отношениям» в аграрном секторе позволил решить «зерновую проблему», которая десятилетиями оставалась острой [4].

Для фермерских хозяйств и сельских жителей земельная реформа дала чувство стабильности. Владельцы начали получать реальные доходы от сдачи земли в аренду или продажи. Это способствовало росту посевных площадей и технологичности отрасли. Однако реформа сопровождалась и проблемами.

Долгое время оставались ограничения на продажу фермерских земель (последняя была снята лишь в 2013 г.), поэтому значительная часть земли до конца десятилетия не использовалась. Тем не менее, введение частной собственности на землю дало мощный импульс инвестициям и конкурентоспособности агробизнеса. Для населения реальный эффект ощущался постепенно: доступность продовольствия росла, а в сельской местности появлялись новые формы занятости. Одновременно рост доходов фермеров приводил к возникновению небольших агрохолдингов и корпоративных предприятий.

Сильное влияние на экономику России «нулевых» оказала пенсионная реформа (2002). На рубеже 2000-х ухудшалась демографическая ситуация: доля пенсионеров росла, а доля работающих сокращалась. Суммарные выплаты по пенсионной системе приближались к критической отметке. При этом капитализация накоплений населения в действующей распределительной системе была недостаточной. В таких условиях правительство считало необходимым реформировать пенсионный механизм для обеспечения его устойчивости.

В конце 2001 г. была принята новая модель пенсионного обеспечения. По новой Трудовой пенсионной системе трудовая пенсия стала формироваться из трёх элементов: базовой (фиксированной), страховой и накопительной части, которая в свою очередь инвестируется и формируется на индивидуальных счетах участников. Такая система означает постепенный переход «от чисто распределительной к распределительно-накопительной» модели [7]. Одновременно повысился минимальный страховой тариф и сняты некоторые льготы при вычислении стажа. Это увеличивало обязательные взносы с текущей зарплаты. Новая система предусматривала, что часть страховых взносов с 2002 по 2014 год направлялась на формирование личных пенсионных накоплений. По задумке, это привело бы к снижению нагрузки на бюджет за счёт самостоятельного финансирования пенсионных выплат в долгосрочной перспективе.

Последствия и влияние пенсионной реформы не подразумевала решение всех проблем, ведь к середине 2000-х фактическая ставка накоплений была изменена, а в 2014 г. накопительная часть была практически заморожена. Тем не менее, для населения новый закон дал чувство стабильности, внес ясность в систему пенсионных гарантий и обезопасил часть средств граждан. В краткосрочной перспективе реформа увеличила отчисления в пенсионный фонд и незначительно сократила доход населения, так как часть заработной платы шла на финансирование накопительной части. А уже в долгосрочной перспективе она создала основу для будущих индексаций и стабилизации пенсий. Для людей значимым последствием стало формирование «личного пенсионного счета», это способствовало чувству уверенности в выплатах, что положительно сказывалось на психологическом состоянии населения. Тем временем для бизнеса ужесточение требований к стажу и рост взносов немного повысило издержки на оплату труда, но это было компенсировано общим

снижением налоговой нагрузки. В целом задача сбалансировать систему пока полностью не решена: как отмечают эксперты, госбюджет по-прежнему финансирует почти половину пенсионных выплат, [8] а рост продолжительности жизни и демографическая нагрузка остаются серьёзным долгосрочным вызовом.

Одним из самых важных факторов, который поспособствовал росту экономики является создание стабилизационного фонда и развитие антикризисной политики (2004-2009). В начале «нулевых» выросли экспортные доходы государства. С повышением цен на нефть и газ появилось избыточное поступление валюты. В российских условиях резкие колебания нефтяных цен могли привести к нестабильности рубля, что в свою очередь привело бы к беспокойству общества. Поэтому в 2004 г. правительство занялось созданием Стабилизационного фонда. Цель фонда заключалась в сохранении сверхплановых нефтегазовых доходов для снижения зависимости бюджета от колебаний мировых цен. Одновременно совершенствовалась бюджетная система по средствам установок «базовых цен» нефти (с 2004 г.) и разделением доходов бюджета на нефтегазовые и не нефтегазовые. С ростом резервов возрастало доверие к макроэкономической стабильности.

По закону сверхдоходы от продажи нефти отправлялись в стабфонд. Впоследствии к концу 2007 г. фонд достиг порядка 157 млрд \$ (около 11,6 % ВВП) . В 2008 г. стабфонд был разделён на резервный фонд (для покрытия падения доходов) и фонд национального благосостояния (в том числе для финансирования накопительных пенсий и покрытия дефицита ПФР) [10]. Средства управлялись ЦБ РФ и инвестировались наряду с международными резервами. Таким образом, страна создала солидный фондовый запас.

Антикризисные меры 2008-2009 г. К моменту мирового финансового кризиса 2008 г. у России был самый низкий уровень госдолга среди стран G20 (около 8 % ВВП) и накоплено свыше \$170 млрд (более 10 % ВВП) в Резервном фонде и ФНБ. В результате правительство смогло немедленно использовать эти резервы: был сформирован крупнейший за весь период пакет антикризисных мер (около 5 % ВВП) [3]. Сюда входили льготное финансирование банков, стимулирование кредитования экономики, поддержка приоритетных отраслей (автопром, жилищно-коммунальное хозяйство), а также расширение системы гарантирования вкладов.

Эти меры позволили «сохранить уровень реальных доходов населения» даже при падении ВВП на 7-8 % в 2009 г. не произошли массовые банкротства предприятий или банков, все вклады населения сохранились [3]. Стабилизационный буфер и низкий долг стали решающим фактором поддержки социальной сферы и экономики. Пенсии и зарплаты в бюджете сбереглись. Президент трижды повышал пенсии в 2009 г. в общей сложности более чем на 30 процентов. Для бизнеса стабфонд стал источником кредитной поддержки, а экспортёрам и промышленникам средством для получения бюджетных кредитов под льготные ставки.

Долгосрочные эффекты заключались в наличии стабилизационного фонда как инструмента финансовой подушки на случай кризиса. Бюджетные резервы позволили избежать дефолта 2008 г. и придали устойчивость рублю [3]. Накопление доходов от нефти в ФНБ обеспечило долгосрочную поддержку пенсионного фонда. Влияние на обычных граждан проявилось через уменьшения колебаний инфляции и сохранение соц. выплат. Однако не все средства стабфонда пошли по назначению и не стимулировали инвестиции напрямую, что критиковалось как упущенная возможность для развития. Тем не менее в рамках кризисной логики фонд реально выполнил свою задачу, а именно смягчил шок и стабилизировал уровень жизни населения.

Таким образом, экономика России с 2000 по 2010 года показала стремительный рост путем принятия правительством ряда «удачных решений» таких как: налоговая и пенсионная реформы, а так же создание земельного кодекса. Эти решения благоприятно повлияли на макроэкономику страны, моральное состояние населения и стремительное развитие сельскохозяйственной отрасли. Создание стабилизационного фонда помогло сохранить состояние страны на момент кризиса 2008 года. Были сохранены рабочие места, зарплаты, и социальные выплаты граждан. Это были «тучные годы» для российской экономики которые гарантировали ее устойчивый рост...

Список источников:

1. 2000-е годы в экономике России // Материал из Википедии - свободной энциклопедии. Редакция от 16 июля 2025 г. - URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/2000-%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_%D0%B2_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8
2. Новость по данным РОССТАТ от 19 мая 2008 г. // Ведомости - URL.: <https://www.vedomosti.ru/library/news/2008/05/19/rosstat-za-chertoj-bednosti-v-2007-godu-nahodilos-134-naseleniya-rossii>
3. Кудрин А. Л. Как российская экономика пережила кризис 2008 года // статья из газеты №159 от 18 сентября 2018 г. РБК - URL.: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/09/18/5b9f6cca9a794709e69e13c5>
4. Большая Российская энциклопедия - Россия. Экономика. Экономическая политика России в 2000-2007 // редакция от 5 марта 2024 г. - URL.: <https://bigenc.ru/c/rossiia-ekonomika-rossii-ekonomicheskaja-politika-v-rossii-v-2000-2007-gg-09286b>
5. Герман Греф: Налоговая реформа себя оправдала // Новость от 13 июня 2001 г. РБК - URL.: <https://www.rbc.ru/politics/13/06/2001/5703b2609a7947783a5a1c8c>
6. Бюджетное правило // Материал из Википедии - свободной энциклопедии. Редакция от 16 июля 2025 г. - URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бюджетное_правило

7. Пенсионная реформа в России (2002) // Материал из Википедии - свободной энциклопедии. Редакция от 16 июля 2025 г. - URL.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Пенсионная_реформа_в_России_\(2002\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пенсионная_реформа_в_России_(2002))
8. Доклад Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара «Ключевые развилки пенсионной реформы» - URL.: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskie_chtenia/2012/18.12.2012/report_GI_19.12.12.pdf
9. Стратегия 2010 // Материал из Википедии - свободной энциклопедии. Редакция от 26 мая 2025 г. - URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_2010
10. Госдума приняла поправки в закон о федеральном бюджете на 2004 г. // Новость от 27 октября 2004 г. РБК - URL.: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/27/10/2004/5703c16f9a7947dde8e08876>

Шехирева Рада Романовна

2 СД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна

Rada Shekhireva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОЛЬ СТРАХА СМЕРТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация: В статье рассматривается феномен страха смерти как центрального экзистенциального переживания, оказывающего значительное влияние на осознание человеком конечности своего существования и являющегося одним из факторов формирования подлинной личности. Раскрываются философские и психотерапевтические подходы к трактовке страха смерти у таких авторов, как М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, В. Франкл, И. Ялом. Рассматриваются основные положения теории управления страхом смерти (ТМТ), а также прикладные аспекты осмысления страха смерти в культуре, образовании и медицине. Дополнительно исследуется роль страха смерти в формировании этики, религиозного сознания, искусства и культуры памяти. Предлагается интегративный взгляд на страх смерти как многогранное явление, пронизывающее все уровни человеческого существования.

Ключевые слова: страх смерти, экзистенциальная тревога, подлинность, логотерапия, Ялом, Франкл, ТМТ, смысл жизни, метафизика смерти, культура памяти, духовные практики.

THE ROLE OF DEATH ANXIETY IN AN EXISTENTIAL PERSPECTIVE

Summary: The article explores the phenomenon of death anxiety as a central existential experience significantly affecting a person's awareness of the finitude of their existence. It highlights the views of M. Heidegger, J.-P. Sartre, K. Jaspers, V. Frankl, and I. Yalom. The paper analyzes terror management theory (TMT) and considers practical applications in culture, education, and healthcare. Additional attention is given to the role of death anxiety in the formation of ethics, religious consciousness, art, and cultural memory. An integrative perspective on death anxiety is proposed, reflecting its impact across all levels of human existence.

Keywords: death anxiety, existential anxiety, authenticity, logotherapy, Yalom, Frankl, TMT, meaning of life, metaphysics of death, memory culture, spiritual practices.

Страх смерти представляет собой уникальное и универсальное явление, с которым сталкивается каждый человек в течение жизни. Эта эмоция не сводится к инстинктивной реакции на угрозу, как это характерно для страха перед болью или опасностью. Напротив, страх смерти — это прежде всего интеллектуальное и экзистенциальное осознание собственной конечности,

которое сопровождает человека в разные периоды жизни, проявляясь в разных формах: от тревоги и беспокойства до философской рефлексии и религиозного поиска [7, с. 102–104].

Идея смерти как предельного феномена бытия уходит корнями в античную философию. Уже в диалогах Платона смерть осмысливается не как конец, а как переход в иное состояние. Стоики и эпикурейцы предлагали различные стратегии принятия смерти: от стоического "жизни согласно природе" до эпикурейского утверждения, что смерть не должна пугать, так как в момент её наступления нас уже нет. Христианская философия придавала смерти сакральный статус, рассматривая её как порог к вечности и возможность встречи с Богом. Эти концепции задавали основу для восприятия смерти как смыслообразующего события, раскрывающего глубину человеческой жизни [9, с. 215–219].

В XX веке наиболее глубокую философскую интерпретацию страха смерти предложил Мартин Хайдеггер. Он утверждал, что Dasein — экзистирующее бытие человека — структурируется через осознание своей смертности. Смерть, по Хайдеггеру, не является просто фактом, который случается однажды; она — экзистенциальный горизонт, в свете которого возможно подлинное бытие. Лишь осознание "бытия-к-смерти" делает человека способным к аутентичной жизни, освобождая его от повседневной безличности и давая возможность выбрать себя настоящего [1, с. 281–290].

Жан-Поль Сартр развивает эту линию размышлений в "Бытии и ничто". Согласно его философии, человек — существо, обречённое на свободу. Мы не имеем заданной сущности, мы проектируем себя в действиях. Смерть, в этом контексте, не дарует смысл, но обостряет потребность в его создании. Она напоминает нам о конечности каждого выбора и делает нас ответственными за наши поступки. Смерть становится вызовом, к которому можно отнестись творчески [2, с. 620–626].

Карл Ясперс вводит понятие "пограничных ситуаций", в числе которых смерть занимает центральное место. Эти ситуации невозможно рационализировать или устранить; они являются частью человеческого существования. Встретившись со смертью, человек оказывается на грани, где привычные схемы мышления не работают. В этом кризисе он получает шанс на экзистенциальное пробуждение, на выход за пределы банального существования [3, с. 188–192].

Современная экзистенциальная психотерапия активно использует эти философские основания. Ирвин Ялом считает страх смерти одной из четырёх базовых экзистенциальных тревог, наряду со свободой, изоляцией и отсутствием очевидного смысла. Он предлагает не избегать темы смерти в терапии, а прямо сталкиваться с ней, используя этот страх как ресурс для осознанной и насыщенной жизни [4, с. 57–63]. Виктор Франкл, переживший ужасы концлагеря, утверждал, что даже в самых бесчеловечных условиях человек способен найти смысл. Смысл, по Франклу, способен нейтрализовать даже самый глубокий страх [5, с. 88–92].

В эмпирической психологии разработана теория управления страхом смерти (Terror Management Theory, TMT), согласно которой осознание собственной смертности активизирует механизмы психологической защиты. Люди стремятся к символическому бессмертию: через культуру, религию, творчество, семью. Когда человеку напоминают о его смертности, он начинает сильнее идентифицироваться с собственной культурой, чаще прибегает к морализаторству и бывает менее терпим к чужому [6, с. 134–140].

Культура и религия издавна выполняют функцию посредника между человеком и смертью. В христианстве смерть — это путь к воскресению, в буддизме — этап в круговороте сансары, в исламе — возвращение к Аллаху. Эти системы позволяют трансформировать страх в надежду. Искусство, мифология и литература — от трагедий древних греков до современной драмы — также служат средствами коллективного осмысления и интеграции смерти в опыт человечества [10, с. 45–49].

Этические аспекты страха смерти проявляются в стремлении к жизни, наполненной смыслом и честностью. Столкновение с конечностью побуждает к переоценке ценностей, к заботе о ближнем, к ответственному выбору. Современная биоэтика уделяет особое внимание вопросам достоинства умирания, эвтаназии, паллиативной помощи. Эти дискуссии поднимают вопрос о том, как обеспечить не только долгую, но и достойную человеческую жизнь до самого конца [8, с. 108–112].

Социальное измерение смерти проявляется в культуре памяти. Мемориалы, кладбища, памятные даты и ритуалы служат не только для почтения ушедших, но и для формирования идентичности живых. Память помогает осознать преемственность поколений, укрепить связи между прошлым и настоящим, сформулировать коллективные ценности. Через память о смерти общество учится ценить жизнь [10, с. 52–54].

Существуют различные психологические стратегии, позволяющие смягчить или трансформировать страх смерти. К ним относятся религиозная вера, духовные практики, медитация, благодарность, сострадание, творчество, рефлексия. Важную роль играют близкие связи и ощущение включённости в сообщество. Понимание и принятие смерти в этом контексте рассматриваются не как капитуляция, а как форма душевной зрелости [7, с. 105–108].

Образование может и должно играть роль в экзистенциальном взрослении личности. Обсуждение вопросов смерти в гуманитарных дисциплинах — философии, этике, искусстве — способствует формированию зрелой, ответственной и осмысленной личности [9, с. 300–305]. Такой подход помогает молодым людям воспринимать конечность не как ужас, а как фундаментальную характеристику существования, из которой вырастает свобода, подлинность и ответственность.

Таким образом, страх смерти в экзистенциальной перспективе предстает не как деструктивная сила, а как катализатор роста. Он открывает человеку глубину бытия, побуждает к поиску смысла, способствует личностному, этическому и духовному развитию. Смерть не обязательно является врагом;

напротив, она может стать внутренним учителем, возвращающим нас к жизни во всей её полноте. Принятие смертности — важный шаг на пути к зрелости, свободе и аутентичному существованию. И философия, и психология, и культура, и религия — каждая из этих сфер предлагает человеку путь, на котором страх смерти преобразуется в силу, вдохновляющую на настоящую, осмысленную и достойную жизнь.

Список литературы:

1. Хайдеггер, М. Бытие и время. — М.: Республика, 1997. — 589 с.
2. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. — СПб.: Наука, 2000. — 732 с.
3. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. — М.: Ювента, 1994. — 276 с.
4. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 2022. — 686 с.
5. Франкл, В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 2020. — 256 с.
6. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T. The Worm at the Core: On the Role of Death in Life. — New York: Random House, 2015. — 288 p.
7. Привалова, И.Ю. Страх смерти в контексте психологии личности // Современные исследования социальных проблем. 2019. №7(27). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-smerti-v-kontekste-psihologii-lichnosti> (дата обращения: 14.05.2025).
8. Кочеров, С.Н., Сидорова, Л.П. Философия: учебное пособие. — Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. — 150 с.
9. Философия (курс лекций) / Под ред. Г. М. Левина. — СПб.: Петрополис, 2015. — 356 с.
10. Тарасов, А.Г. Смерть как метафизический и культурный феномен // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. №2 (56). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-kak-metafizicheskiy-i-kulturnyy-fenomen> (дата обращения: 14.05.2025).

Шеховцова Диана Анатольевна

2 СД-18

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лобастова Вера Александровна.

Diana Shekhovtsova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ОПЫТА

Аннотация: В данной статье на основе ключевых положений феноменологии Гуссерля и постгуссерлевской традиции анализируется природа виртуального опыта, особенности телесности, интенциональности и пространственности в условиях цифрового взаимодействия. Особое внимание уделяется тому, как виртуальность влияет на структуру жизненного мира и какие этические и экзистенциальные вызовы возникают в связи с этим. Автор утверждает, что виртуальный опыт не является редуцированной копией реальности, а представляет собой автономный модус переживания, требующий философской рефлексии.

Ключевые слова: феноменология, виртуальная реальность, жизненный мир, интенциональность, телесность, экзистенция, цифровой опыт, философия сознания.

PHENOMENOLOGY OF VIRTUAL EXPERIENCE

Summary: Based on the key tenets of Husserl's phenomenology and the post-Husserlian tradition, this article analyzes the nature of virtual experience, the specificities of embodiment, intentionality, and spatiality within digital interaction. Particular attention is paid to how virtuality affects the structure of the lifeworld and what ethical and existential challenges arise in this regard. The author argues that virtual experience is not a reduced copy of reality, but rather constitutes an autonomous mode of experience that requires philosophical reflection.

Keywords: phenomenology, virtual reality, lifeworld, intentionality, embodiment, existence, digital experience, philosophy of mind.

Цель настоящего исследования — выявить, каким образом виртуальная реальность может быть понята через призму феноменологического анализа. Вопросы, которые ставятся в данной работе, касаются как природы восприятия в виртуальной реальности, так и более фундаментальных тем: изменяется ли структура субъективности в цифровой среде, может ли аватар восприниматься как продолжение тела, и каким образом изменяется опыт времени, пространства и взаимодействия. Методологической основой статьи выступают идеи Эдмунда Гуссерля, Мориса Мерло-Понти и Мартина Хайдеггера, дополненные современными интерпретациями в области философии технологий. Тем самым феноменология может не только критически осмыслить

последствия внедрения виртуальной реальности в повседневную жизнь, но и предложить новые горизонты для понимания человеческого опыта в эпоху его цифровой медиатизации.

Феноменология как философское направление возникла в начале XX века на фоне кризиса позитивизма и попыток редукции сознания к чисто объективным структурам. Основатель феноменологии, Эдмунд Гуссерль, стремился вернуть философии её фундаментальное предназначение — исследование самого способа, каким субъективное сознание конституирует смысл и переживает мир. В своей «Логике исследования» и особенно в «Идеях к чистой феноменологии» он предложил метод феноменологической редукции, призывая отстраниться от предвзятых понятий и обратиться к «вещам как таковым» — к тому, как они даны в опыте.

Центральным понятием феноменологии стала интенциональность — направленность сознания на объект, при которой переживание никогда не бывает «в себе», а всегда есть переживание *чего-то*. Этот принцип особенно значим в контексте виртуальной реальности, где пользовательский опыт направлен на объекты, не имеющие физического субстрата, но воспринимаемые как значимые и действенные. Уже у Гуссерля наметился интерес к тому, как субъективность «собирает» мир из потока чувственных данных, и в этом смысле виртуальная среда может быть рассмотрена как новый горизонт конституции смыслов.

Развитие феноменологии в работах Мориса Мерло-Понти сделало телесность центральной темой философского анализа. Его идея «воплощённого сознания» утверждает, что тело — не просто биологический объект, а структура, через которую мы переживаем мир. Телесность для Мерло-Понти — это не внешнее по отношению к сознанию измерение, а его первичная форма. В контексте виртуальной реальности эти идеи обретают новую актуальность: когда пользователь идентифицирует себя с аватаром, вопрос о границах телесности и её подлинности становится философски острым. Переживается ли цифровое тело как «своё»? Как меняется восприятие пространства, когда тело погружается в искусственно сконструированную среду?

Мартин Хайдеггер, в свою очередь, привнёс в феноменологическую традицию экзистенциальный и онтологический поворот. Его понятие *Dasein* — бытия, которое осознаёт своё бытие — расширило горизонты феноменологии за пределы анализа сознания. Хайдеггер подчёркивал первичность «бытия-в-мире» перед познанием мира, указывая на неразрывную связанность человека с контекстом своего существования. Его размышления о технике как способе раскрытия бытия предвосхищают современные вопросы о цифровых технологиях и виртуальной реальности как новых способах «присутствия». Виртуальные миры, согласно этому подходу, не просто симуляции — они формируют новые формы бытийствования, меняют способы отношения человека к пространству, другому и самому себе.

Таким образом, классическая феноменология не только сохраняет свою значимость, но и обретает второе дыхание в эпоху цифровых технологий.

Виртуальная реальность, как особый режим восприятия и существования, ставит перед феноменологией новые задачи: осмыслить изменчивость телесности, проблематизировать границы «реального» опыта и понять, как трансформируется структура интенциональности в условиях медиатизированного мира. В этом контексте феноменология становится не только инструментом философского анализа, но и критическим ориентиром в процессе освоения технологий, всё глубже проникающих в ткань человеческого опыта.

Одним из ключевых аспектов феноменологии, особенно в её постгуссерлевской версии, является понимание тела не как биологической субстанции, а как первичной модальности переживания мира. У Мерло-Понти тело — это «перспективная структура», сквозь которую субъект видит, слышит, двигается и действует. В виртуальной среде мы сталкиваемся с новым типом телесности — аватарным телом, цифровым представлением субъекта в пространстве виртуальной реальности. Аватар — это не просто графическая фигура: он начинает выполнять функции «я-тела», если пользователь переживает его как своё расширение. В тот момент, когда прикосновение к виртуальному объекту вызывает тактильный отклик, а движение головы сопровождается соответствующим изменением перспективы, происходит интеграция цифрового тела в феноменальное поле субъекта. Тем самым аватар может быть рассмотрен как феноменологическое тело — не физическое, но переживаемое как воплощённое.

Пространство в виртуальной реальности не является физическим, но оно подчинено логике восприятия. Оно имеет перспективу, глубину, направление — и именно эти характеристики делают его феноменально «реальным». Хайдеггеровское понятие быть-в-мире приобретает в виртуальном контексте новую актуальность: пользователь не просто воспринимает виртуальную реальность, он существует внутри нее с телесной интенцией, ориентированностью и заботой хотя и в цифровой форме.

Присутствие в виртуальной реальности не является ни полностью внутренним (воображаемым), ни внешним (физически локализуемым), но представляет собой событие пересечения — субъективность переживает себя в технически опосредованном пространстве, которое при этом обретает черты мира. Это позволяет говорить о виртуальной реальности не как об игре в реальность, а как о новой онтологической платформе, где разыгрываются сценарии бытия, действия и встречи с другим. Таким образом, феноменологический анализ виртуальной реальности обнаруживает в ней не просто симулятивную структуру, а полноформатный опыт, в котором участвуют все базовые элементы субъективного бытия: интенциональность, телесность, пространственность и экзистенциальная ориентация. Именно за счёт этого виртуальная реальность не отрицает реальность, но становится альтернативной формой её раскрытия — новой сценой, на которой субъект продолжает быть собой, но в условиях радикального медиатехнического преобразования.

Понятие «жизненный мир» занимает центральное место в поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля. Под ним философ понимал донаучный, предрефлексивный мир, в котором человек изначально укоренён как телесное и воспринимающее существо. Это не абстрактное пространство, а конкретный контекст повседневности: мир, в котором мы живём, действуем, общаемся и осмысливаем себя. В условиях стремительного внедрения виртуальных технологий возникает вопрос: можно ли считать виртуальную реальность частью жизненного мира, или она представляет собой его противоположность — разрыв, подмену, симулякр?

Для ответа на этот вопрос необходимо отказаться от привычной оппозиции «реального» и «виртуального» как бинарной дихотомии. В феноменологической перспективе реальность не тождественна материальности, а определяется через переживание, присутствие и значимость. В этом смысле виртуальное пространство, если оно обладает структурой доступности, телесной вовлечённости и интенционального насыщения, имеет все основания быть включённым в жизненный мир как его новое измерение — не чуждое, но развернутое в медиатехнической форме. Виртуальная реальность создаёт вторичный, но феноменально значимый пласт мира, в котором пользователь действует, переживает, взаимодействует и осуществляет выбор. В этом контексте виртуальной реальности можно рассматривать как расширение горизонта жизненного мира, аналогичное тому, как письмо, кино или телефонная связь ранее расширяли границы коммуникации и восприятия. Однако виртуальная реальность радикализирует это расширение, предоставляя не только новые способы выражения, но и новые формы присутствия — «погружения» в иные, технологически сконструированные, но субъективно переживаемые миры. Парадоксальным образом, виртуальная среда, несмотря на свою цифровую природу, может выступать как площадка для подлинных встреч, событий, решений и даже экзистенциальных переживаний. Если в жизненном мире важнейшим условием является интенционально переживаемый смысл, то виртуальная реальность в этом плане не утрачивает статус мира: он может быть наполнен значениями, а его объекты — воспринимаемы как «обладающие смыслом». Именно поэтому взаимодействие в виртуальной реальности — будь то общение, игра, творчество или обучение — не должно пониматься как внешний по отношению к опыту акт, а как способ участия в расширенной версии жизненного мира.

Вместе с тем, виртуализация жизненного мира сопряжена с определёнными рисками. Отчасти это связано с возможной потерей ориентиров реальности, утратой различия между феноменом и симуляцией. Философски важным здесь становится вопрос об аутентичности: насколько виртуальный опыт может быть признан подлинным? Не вытесняет ли он живой, телесно укоренённый опыт из зоны центрального восприятия? Феноменология, однако, не даёт однозначного ответа. Она предлагает не нормативную оценку, а аналитическую рамку: если виртуальный опыт переживается как значимый, он входит в структуру жизненного мира. Проблема заключается не в самой

виртуальности, а в том, каким образом субъект способен различать и соотносить множество уровней своего пребывания в мире — от естественной телесности до цифровой проекции. Таким образом, виртуальная реальность становится новым модусом мира жизни, в котором человек продолжает быть феноменологическим субъектом — направленным на смысл, телесно укоренённым, находящимся в ситуации. Не вытесняя традиционного жизненного мира, виртуальность предлагает его реконфигурацию: не исчезновение реальности, а усложнение её форм, появление новых измерений, где человек, как и прежде, пребывает в отношениях с другим, с собой и с тем, что для него имеет значение.

Феноменология может выступать как своего рода «философская критика виртуальности» — не в духе отказа от неё, а в духе внимательного и осознанного включения в её структуры, при условии сохранения открытости, свободы и способности к рефлексии. Таким образом, виртуальная реальность раскрывает не только новые формы опыта, но и новые горизонты этической и экзистенциальной ответственности. Это не побочная тема, а центральный нерв современного философского мышления: в цифровом пространстве, как и в любом ином, человек остаётся существом, призванным к выбору, к самопониманию и к ответственности за собственное бытие.

Вместе с тем, виртуальность трансформирует и углубляет саму идею жизненного мира. Она не отрицает его, но радикально расширяет, открывая перед субъектом новые горизонты опыта. Это расширение, однако, не лишено рисков: исчезновение границ, размывание различий между собой и другим, замена открытости мира технологически сгенерированной замкнутостью. В этом смысле виртуальная реальность становится одновременно возможностью и вызовом — как для мышления, так и для самой человеческой экзистенции. Этические и экзистенциальные измерения виртуального опыта требуют особенно тщательной рефлексии. В цифровой среде человек сохраняет способность быть свободным, аутентичным и ответственным, но эта способность должна быть активно осмыслена и поддержана. Без философского анализа существует опасность утраты ориентиров — не только в пространстве, но и в самом себе.

Список литературы:

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 472 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: Ad Marginem, 2013. — 480 с.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / пер. с франц. А. Б. Гофмана. — СПб.: Наука, 1999. — 528 с.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с франц. Н. С. Аведикова. — М.: Республика, 2001. — 656 с.
5. Ильин, И. А. Феноменология как мировоззрение // Философия и культура. — 2017. — №7. — С. 33–42.

Шманин Игорь Владимирович

2 ФД-3

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Аницупова Александра Сергеевна

Shmanin Igor

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье представлен анализ ключевых тенденций развития Калининградской области за 80-летний период ее существования. Рассматриваются особенности становления региона в послевоенные годы, трансформация экономики в поствоенные годы, трансформация экономики в постсоветский период, современное состояние социальной сферы и культурного пространства. Особое внимание уделяется феномену эксклавности и его влиянию на жизнь региона.

Ключевые слова: Калининградская область, эксклав, региональное развитие, экономика, социальная сфера, культурное наследие.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE KALININGRAD REGION

Summary: The article presents an analysis of key development trends in the Kaliningrad Region over its 80-year history. It examines the region's development in the post-war years, its economic transformation in the post-war years, its economic transformation in the post-Soviet period, and the current state of the social sphere and cultural space. Particular attention is paid to the phenomenon of exclavity and its impact on the region.

Keywords: Kaliningrad region, exclave, regional development, economy, social sphere, cultural heritage.

Калининградская область представляет собой уникальное территориальное образование в составе Российской Федерации, ее главная особенность заключается в том, что она не имеет сухопутной границы с основной территорией страны, будучи отделенной от нее Литвой и Белоруссией, но при этом соединена с Россией морским путем. Именно это геополитическое положение предопределило специфику развития региона на протяжении всех восьми десятилетий его существования. В 2026 году регион будет отмечать 80 лет с момента своего образования, что дает повод для осмысления пройденного пути и оценки современного состояния [1, с.15].

Предыстория становления области связана с итогами Второй Мировой войны. По решению Постдамской конференции трех держав-победительниц северная часть Восточной Пруссии была передана Советскому Союзу [1, с.87]. В 1946 году на территории была образована Кёнигсбергская область, которая в том же году получила название Калининградской в честь М.И. Калинина,

занимавшего в то время пост председателя Президиума Верховного Совета СССР [2, с.42]. Представляется важным подчеркнуть, что переименование носило не просто символический характер, а означало полный разрыв с предшествующей исторической традицией и начало формирования совершенно нового пространства.

Послевоенное обустройство региона представляло собой сложнейшую задачу. Требовалось не только восстановить разрушенные города и промышленность, но и заселить территорию новыми жителями. Для этого была организована массовая кампания по переселению людей из различных областей РСФСР и других советских республик. Можно предположить, что именно этот процесс сформировал особый калининградский характер: мобильный, адаптированный, открытый к новому, поскольку переселенцы были людьми, готовыми к кардинальным переменам в жизни [3, с.115].

В советский период Калининградская область развивалась как важный промышленный и военно-стратегический центр. Здесь базировался Балтийский флот, работали крупные предприятия рыбной промышленности, велась добыча янтаря, развивалось машиностроение. Город был закрыт для посещения иностранцами, что создавало особую атмосферу приграничья. Можно предположить, что именно закрытость региона в советские годы парадоксальным образом способствовала сохранению значительной части немецкого архитектурного наследия, которое в иных условиях могло быть полностью утрачено [4, с.67].

Распад Советского Союза в 1991 году кардинальным образом изменил положение области. Из обычного приграничного региона, имевшего общую границу с Польшей, она превратилась в эксклав, отделенный от России уже не административными, а государственными границами. Это поставило перед регионом целый ряд новых вызовов, связанных с обеспечением транспортной доступности, сохранением экономических связей и адаптацией к изменившимся условиям. Можно сделать вывод, что в этот период жители области в полной мере осознали свою особую роль: быть российским форпостом в окружении иных государств и культур [5, с.98].

Экономическое развитие Калининградской области в постсоветский период можно разделить на несколько этапов. Первый этап (1991 - 1996 годы) характеризовался глубоким кризисом, вызванным разрывом хозяйственных связей и общим спадом производства в стране. Второй этап (1996 - 2014 годы) связан с функционированием Особой экономической зоны, созданной для стимулирования инвестиций и развития производства. Третий этап (с 2014 года по настоящее время) проходит в условиях меняющейся внешнеполитической обстановки и необходимости поиска новых моделей развития. Наблюдая за этими трансформациями, можно сделать вывод, что регион каждый раз находил внутренние резервы для адаптации [6, с.156].

Особая экономическая зона в Калининградской области была создана в соответствии с федеральным законом 1996 года. Резиденты ОЭЗ предоставлялись таможенные льготы и налоговые преференции, что сделало

регион привлекательным для инвесторов. За годы действия ОЭЗ в области были созданы сборочные производства автомобилей, бытовой техники, мебели, развивались предприятия пищевой промышленности. Однако, как отмечают исследователи, эффект от ОЭЗ был неоднозначным: с одной стороны, удалось сохранить промышленный потенциал и создать рабочие места, с другой стороны, многие производства носили сборочный характер с невысокой долей добавленной стоимости. Сегодня назрела необходимость перехода к новой модели развития, ориентированной на создание производств полного цикла и развитие высокотехнологических отраслей [7, с.112].

Транспортная доступность всегда оставалась для региона одной из главных проблем. Основные пассажирские и грузовые перевозки между Калининградской областью и остальной Россией осуществляются по трем направлениям: железнодорожным транспортом через территорию Литвы, автомобильным транспортом (с паромной переправой или через Литву), а также воздушным транспортом. После вступления Литвы с Евросоюз и Шенгенскую зону транзит стал регулироваться специальными соглашениями, что создало дополнительные административные процедуры. Представляется, что развитие собственной транспортной инфраструктуры, не зависящей от транзитных государств, должно стать приоритетной задачей [1, с.45].

Морское сообщение приобрело особое значение в последние годы. Паромная линия, соединяющая порты Усть-Луга в Ленинградской области и Балтийск в Калининградской области, стала важнейшей альтернативой сухопутному транзиту. Развитие этой линии позволило обеспечить стабильную доставку грузов в регион и вывоз продукции, производимой в области. Потенциал морских перевозок используется далеко не полностью, и расширение портовых мощностей могла бы дать новый импульс развитию региональной экономики [5, с.34].

Население Калининградской области составляет около 1 миллиона человек. Демографическая ситуация в регионе в целом повторяет общероссийские тенденции, но имеет и свои особенности. В течение длительного времени область привлекала мигрантов из других регионов России и стран СНГ благодаря более благоприятным климатическим условиям, близости к Европе и особому образу жизни. В последние годы миграционный приток несколько сократился. Можно высказать гипотезу, что для привлечения новых жителей региону необходимо создать не просто рабочие места, а качественную городскую среду и возможности для самореализации [3, с.67].

Уровень жизни населения области несколько ниже, чем в среднем по России, что связано со структурой экономики и удаленностью от основных рынков сбыта. В то же время в регионе наблюдается достаточно высокий уровень предпринимательской активности, развит малый бизнес, особенно в сферах торговли, услуг и туризма. В связи с этим, можно предположить, что именно малый и средний бизнес должны стать основой экономики будущего поскольку они более мобильны и лучше адаптируются к меняющимся условиям [6, с.89].

Культурное пространство Калининградской области отличается особым своеобразием, обусловленным ее историей. На территории региона сохранилось множество памятников немецкой архитектуры, включая средневековые замки, кирхи, фортификационные сооружения, виллы и особняки конца XIX - начала XX века. В советский период отношение к этому наследию было неоднозначным: многие памятники использовались под хозяйственные нужды или разрушались, но некоторые постепенно включались в культурный оборот. Полагается, что сегодня происходит важный процесс присвоения этого наследия - оно перестает восприниматься как чужое и становится частью общей истории [4, с.234].

В последние десятилетия наблюдается активный процесс переосмысления исторического наследия. Кафедральный собор на острове Канта, разрушенный в годы войны, был восстановлен и превратился в крупный культурный центр. Здесь проводятся концерты органной музыки, работает музей, проходят научные конференции. Собор стал одним из главных символов Калининграда. Представляется символичным, что именно имя Канта, философа-просветителя, стало объединяющим началом для разных эпох в истории города [2, с. 56].

Музей Мирового океана, созданный в 1990 году, превратился в уникальный научно-просветительский комплекс. В его состав входят научные суда, подводная лодка, выставочные павильоны, библиотека. Музей активно занимается исследовательской деятельностью. Хочется особо отметить, что этот музей стал одним из немногих в стране, успешно сочетающих научную, образовательную и просветительскую функции [7, с.78].

Туризм становится одной из ведущих отраслей региональной экономики. Курорты на побережье Балтийского моря: Светлогорск, Зеленоградск, Пионерский, Янтарный принимают ежегодно сотни тысяч отдыхающих. Национальный парк «Куршская коса» с его уникальными ландшафтами включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Туристический потенциал области далеко не исчерпан, и его развитие могло бы стать одним из драйверов региональной экономики [1, с.45].

Образовательная система области включает несколько высших учебных заведений. Крупнейший вуз региона «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» реализует образовательные программы по широкому спектру направлений, однако, университету необходимо активнее развивать связи с реальным сектором экономики, готовить специалистов под конкретные запросы калининградских предприятий [3, с.112].

Внешекономические связи региона имеют свою специфику. С одной стороны, эксклавное положение объективно способствует развитию контактов с соседними странами. С другой стороны, эти контакты зависят от общей политической ситуации. Экономическая ситуация в Калининградской области вызывает обоснованную тревогу. Балтийское море относится к числу наиболее загрязненных морских бассейнов мира. Проблемы очистки сточных вод, утилизации отходов требуют постоянного внимания. Регион может стать

пилотной площадкой для внедрения современных экологических технологий и стандартов [5, с.89]. Чемпионат мира по футболу 2018 года стал важным событием в жизни региона. К турниру в Калининграде был построен новый стадион, реконструирован аэропорт, обновлены дороги. Это дало мощный импульс развитию городской инфраструктуры. Представляется важным, чтобы созданное наследие использовалось максимально эффективно и после чемпионата [4, с.234].

Подводя итоги 80-летнего развития Калининградской области, можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, регион продемонстрировал высокую способность к адаптации в меняющихся исторических и геополитических условиях. Во-вторых, в области сформировалась особая региональная идентичность, сочетающая общероссийские ценности с местной спецификой. В-третьих, регион выработал устойчивую модель развития, позволяющую компенсировать издержки эксклавного положения. Перспективы дальнейшего развития Калининградской области связаны с реализацией ряда стратегических направлений. Продолжается модернизация портовой инфраструктуры, развитие туристического кластера, поддержка инновационных производств [6, с.312].

Таким образом, Калининградская область, отмечая 80-летний юбилей, представляет собой состоявшийся регион с собственной экономической базой, уникальной культурной средой и важным геополитическим значением. Пройденный путь свидетельствует о способности региона преодолевать сложности и находить эффективные решения в самых разных условиях. Дальнейшее развитие будет зависеть от умения сочетать использование внутренних ресурсов с выстраиванием конструктивных внешних связей при сохранении прочных интеграционных отношений с Российской Федерацией.

Список литературы:

1. Федоров Г. М. Калининградская область: географические и социально-экономические особенности - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. – 345 с.
2. Костяшов Ю. В. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. - Калининград: Терра Балтика, 2018. - 276с.
3. Клемешев А. П. Регион в условиях эксклавности. - Калининград: Изд-во КГУ, 2005. – 298 с.
4. Гавриленко А. В. Рыбопромышленный комплекс Калининградской области: история и современность. - Калининград: КГТУ, 2017. – 234 с.
5. Зверев Ю. М. Калининградская область в системе международных отношений. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 356 с.
6. Кузнецова О. В. Особые экономические зоны: российский и зарубежный опыт. - Институт экономики РАН, 2016. – 287 с.
7. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Социально-экономическое развитие российского эксклава. - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта 2022. – 398 с.

Шпилько Софья Юрьевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Shpilko Sophia

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

КОСТЮМ КАК МИФ: КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПРЕВРАЩАЕТ ОДЕЖДУ В СТЕРЕОТИП

Аннотация: В статье исследуется феномен мифологизации костюма в европейской и мировой культуре. На основе семиотического подхода Ролана Барта, этнографических исследований и исторических источников рассматривается процесс превращения утилитарного предмета (одежды) в знак, символ и устойчивый стереотип. Особое внимание уделяется механизмам формирования национальных костюмных мифов в XVIII–XIX веках и их бытованию в современной культуре — от высокой моды до массовых представлений.

Ключевые слова: костюм, миф, историческая память, стереотип, культурная идентичность, национальный костюм, традиционная одежда.

THE COSTUME AS A MUTH: HOW HISTORICAL MEMORY TURNS CLOTHING INTO A STEREOTYPE

Summary: The article explores the phenomenon of costume mythologization in European and global culture. Based on Roland Barthes' semiotic approach, ethnographic research, and historical sources, the article examines the process of transforming a utilitarian object (clothing) into a sign, symbol, and persistent stereotype. Special attention is given to the mechanisms of forming national costume myths in the 18th and 19th centuries and their existence in contemporary culture, from high fashion to mass performances.

Keywords: costume, myth, historical memory, stereotype, cultural identity, national costume, traditional clothing.

Прежде чем говорить о костюме, необходимо определиться, что мы понимаем под «мифом» в контексте современной культуры. Французский философ и семиотик Ролан Барт в своей программной работе «Мифологии» (1957) предложил рассматривать миф не как античное сказание о богах и героях, а как современный культурный механизм. По Барту, миф — это не вещь, не предмет и не идея, а тип высказывания, способ означивания [1]. Барт показал, что миф «похищает» язык у первичной семитологической системы (у реальной вещи) и строит на его основе вторичную систему.

Первый уровень (язык-объект). Сарафан — это конкретная одежда крестьянки XIX века из холста, сшитая определенным образом для выполнения конкретных функций. Второй уровень (метаязык, миф). Сарафан становится

знаком «русскости», «душевности», «патриархальности». Историческая реальность (труд, пот, конкретный покррой) вытесняется концептом. Барт также отмечал важный мотив, связанный с одеждой, — «миф о многоликости». В литературе моды и массовой культуре «умножение личностей в одном человеке всегда рассматривается как признак могущества; строгая — это вы; мягкая — это тоже вы... это древний мотив переоблачения, главный атрибут богов, полицейских и бандитов» [2]. Одежда позволяет примерять разные идентичности, и мифологизированный исторический костюм становится одной из таких масок.

Процесс превращения реальной одежды в миф начинается тогда, когда костюм перестает быть исключительно утилитарным предметом и становится объектом фиксации, описания и систематизации. Ключевую роль в этом сыграли гравированные альбомы «костюмов народов», получившие распространение в Европе в XVI–XVIII веках.

Как отмечает исследовательница А. Жабрева, на протяжении XVI–XVIII веков в европейских странах создавалось огромное количество гравированных изображений типажей разных стран и народов. Основное внимание художников и гравировщиков уделялось костюму как важнейшему маркеру этнической и социальной принадлежности человека [1]. Эволюция этого жанра шла от первой рукописной «Книги одежд» М. Шварца к масштабным компиляциям вроде четырехтомной «Коллекции одежд разных народов», где обобщались изображения из разных источников за полтора столетия [1].

Важно понимать, что эти альбомы не были документальной фотографией. Художники часто работали по принципу «типизации»: они отбирали самые яркие, необычные или, напротив, «характерные» с их точки зрения детали. Французский художник Жан-Батист Лепренс, проживший в России около четырех лет, стал основоположником жанра «russerie» — идеализированных, сентиментальных изображений русской жизни. Его гравюры с типажам русских крестьянок в кокошниках и сарафанах, созданные в сентиментальном духе, пользовались огромной популярностью в Европе и стали источником знаний о России для тех, кто никогда там не был. Они многократно копировались и перерабатывались другими художниками, формируя устойчивый визуальный образ [1].

Пример мифологизации: русский сарафан и кокошник. В реальности крестьянин в России XIX века носил сарафан (в северных губерниях) или поневу (в южных) из домотканого холста, а кокошник был дорогим праздничным головным убором замужней женщины, который передавали по наследству и берегли как зеницу ока. Однако в массовое сознание (и западное, и позднее городское русское) вошел не трудовой быт, а именно парадный, «открыточный» образ. Почему? Потому что миф всегда отсекает лишнее. Он оставляет только то, что работает на идею. Русский сарафан стал символом патриархальности, связи с землей, духовной чистоты и соборности. Это образ «России, которую мы потеряли», идеализированной и былинной. Кокошник,

превратившись из регионального головного убора в общенациональный символ, стал знаком «царичности», величия и исконности.

На более глубоком уровне любой традиционный костюм (а не только его стереотипная версия) изначально строился по мифологическим законам. Это показано в исследованиях традиционной одежды разных народов. Костюм был не просто одеждой, а моделью мироздания в миниатюре.

Исследование казахского костюма. Авторы статьи о традиционном казахском костюме Н. Володева, А. Кенжетаева и А. Алишева подробно анализируют его мифопоэтику. Они выявляют прямую связь между архетипическими образами Мирового Древа и Мировой Горы — и структурой костюма. Согласно концепции триединства мира, головной убор соотносится с Верхним миром, пояс и тело рубахи — со Средним, а обувь и подол — с Нижним миром [10]. Наибольшей сакральной наполненностью обладает костюм невесты, в частности высокий головной убор сәукеле, который представляет собой настоящую модель макрокосма [10]. Цветовая гамма также строится на архетипической триаде «белый — красный — черный», каждый цвет имеет свою символику.

Семиотика восточнославянского костюма. Обширная библиография по семиотике костюма (работы А.К. Байбурина, Г.С. Масловой, Н.И. Гаген-Торн и др.) показывает, что каждый элемент одежды в традиционной культуре был знаком и оберегом [6]. Пояс отделял «чистое» тело от «нечистого», защищал от нечистой силы. Головной убор замужней женщины обязательно закрывал волосы (с которыми связывали магическую силу), а у девушек, напротив, оставлял их открытыми. Ритуальное переворачивание одежды (выворачивание наизнанку) использовалось как способ коммуникации с «иным» миром [6].

Таким образом, задолго до того, как стать глобальным стереотипом, костюм внутри самой традиционной культуры функционировал как сложный мифологический текст.

Превращаясь в национальный миф, костюм неизбежно становится стереотипом. Стереотип в данном случае — это не ругательство и не признак «неправильности», а способ быстрого культурного распознавания и экономии мыслительных усилий. Когда мы видим определенный набор элементов (килт и волынка — это Шотландия), мы мгновенно считываем заложенное сообщение.

Проблема (или свойство) мифа в том, что он консервативен и не терпит изменений. Как только образ «испанки» с гребнем (пейнетой), веером и в платье с воланами закрепился в европейском сознании благодаря живописи, литературе и опереттам XIX века, реальная испанская мода XX века перестала интересовать носителя этого мифа. Для внешнего мира Испания навсегда осталась в корриде и фламенко, хотя сами испанцы уже полтора века одеваются по общеевропейской моде. Существует внутреннее бытование (эмическое), то, как люди одеваются в реальной повседневности: джинсы, футболки, деловые костюмы, масс-маркет. А также внешнее, мифологическое бытование (этическое), как страну представляют на международных конкурсах красоты,

открытии Олимпийских игр, в туристических буклетах и сувенирной продукции.

Миф о костюме живет не только в картинках, но и в языке. Лингвокультурологический анализ показывает, как образы одежды кодируют социальные оценки и стереотипы. Как отмечает ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН М.Л. Ковшова, одежда относится к тем универсалиям, которые в сфере представлений о мире образуют концепты, мифологемы, символы. Примеры из русских пословиц: «Хоть кафтан и сер, а ум не черт съел» - кафтан здесь — знак бедности/простоты, противопоставленный уму. «Лиха беда кафтан нажить, а рубаху и дома пошьют» - противопоставление «знатного» кафтана и «своей» рубахи. «Рубище не дурак, а золото не мудрец» - одежда — внешнее, не связанное с внутренним содержанием. «А еще шляпу надел!» - идиома, означающая неоправданную претензию на ум и значительность; шляпа — символ статуса, который человек, по мнению говорящего, не заслужил [4].

В загадках костюмные метафоры антропоморфизируют мир: «Сама нага, а рубашка за пазухой» (свеча), «Модница крылатая, платье полосатое» (пчела) [4]. Язык фиксирует стереотипное восприятие одежды как второго тела и социального маркера. Мифологизация костюма редко бывает стихийной. Часто она используется как осознанный инструмент политики, национального строительства или коммерции.

Эпоха романтизма и изобретение традиций. В XIX веке по всей Европе шел активный процесс «изобретения традиций» (термин Э. Хобсбаума). Народные костюмы, которые к тому моменту в городах уже активно вытеснялись фабричным текстилем и общеевропейской модой, стали целенаправленно собирать, изучать и канонизировать. Они были нужны для строительства наций. Костюм становился визуальным доказательством того, что нация (немцы, чехи, норвежцы, финны) имеет древние корни, уникальную «душу» и самобытную культуру, а значит, имеет право на самоопределение (или на объединение разрозненных земель, как в случае с Германией).

Современная мода. В XX–XXI веках эстафету подхватила индустрия моды. Коко Шанель, по сути, создала миф о «французском шике», взяв мужской гардероб и адаптировав его под женскую элегантность. Сегодня «французский стиль» — это не про то, что носят в Лионе или Марселе, а про миф, созданный и культивируемый домами моды. Ив Сен-Лоран в своих знаменитых коллекциях «Русские балеты» (1976) обращался к мифологизированным образам дореволюционной России (кафтаны, меха, вышивка), создавая на подиумах Парижа образ «загадочной славянской души».

Спортивная форма для международных соревнований — это всегда коктейль из мифов. Использование хохломы, гжели или элементов народного орнамента в экипировке олимпийской сборной — это не стремление одеть спортсменов так, как одеваются россияне дома, а послание миру на языке стереотипов: «Мы — носители великой культурной традиции».

Сегодня, в эпоху гиперреальности и тотального цитирования, историческая память окончательно превратила костюм в симулякр (по Ж. Бодрийяру) — образ, не имеющий оригинала. Можно ли сегодня надеть кокошник? Да, но это используется как сценический костюм (для фольклорного хора), элемент субкультуры (неоязычество, реконструкция), свадебная стилизация (невеста в «псевдорусском» стиле) или High-fashion (коллекции Ульяны Сергеенко, построенные на игре с мифом о «русской аристократии»). В повседневной жизни такой костюм будет восприниматься как маскарад, потому что реальность, его породившая (крестьянский уклад, ношение лаптей, домотканое производство), исчезла безвозвратно.

Мы не носим мифологический костюм — мы его проговариваем, цитируем или потребляем как образ. Это подтверждает идею, что костюм как целостный исторический феномен остается артефактом культуры, но его «призрак» продолжает активно влиять на идентичность, маркетинг и искусство [7; 9].

Костюм как миф — это зеркало, в которое культура смотрится, чтобы убедиться в собственном величии, уникальности и древности. Историческая память неизбежно превращает одежду в стереотип, потому что стереотип — это удобная упаковка для сложного и многообразного содержимого.

Мы можем бесконечно спорить о том, что «на самом деле все было иначе», что испанцы не носят тореадоров, шотландцы ходят в джинсах, а русские — в пуховиках. Но сила мифа часто оказывается сильнее исторической правды. И, возможно, в этом нет большой трагедии. Ведь мифологический костюм — это не ложь в бытовом смысле, а культурная идея. Это костюм, который видели во сне и воспевали в поэмах, а не тот, что носили в поле и мастерских. А сны, как известно, часто рассказывают о людях и народах гораздо больше, чем суровая повседневность.

Список литературы:

1. Жабрева А.Э. Early modern person and his/her costume in the 16–18th century engravings // Человек. — 2018. — № 4.
2. Барт Р. Миф о многоликости // Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003.
3. Рывкина Г. В. Символические функции традиционной дорожной одежды карелов // Финно-угорский мир. — 2025. — Т. 17, № 3. — С. 361–372.
4. Ковшова М.Л. Образы одежды в идиомах и поговорах. Лингвокультурологический аспект исследования // Доклад на 46-й Международной филологической конференции, СПбГУ, 2017.
5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашиных, 1996. (Цит. по фрагменту о королевском быте).
6. Трещенок Ю.М. Одежда как репрезентация отношения «связь — дистанцирование» между сферами ритуально-мифологического пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки,

- культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3-1. — С. 172–176.
7. Makhinya E.V., Petushkova G.I., Korobtseva N.A. Historical retrospective of the costume as a cultural artifact // Костюмология. — 2021. — Т. 6, № 2.
8. Сазыкина И.А. Сакрально-смысловое и семиотическое наполнение традиционного удмуртского костюма в современном дизайне: дисс. канд. культурологии. — Саранск, 2021.
9. Карасёва Е.Э. Исторический костюм как социально-историческое явление, связанное с появлением одежды // Вестник Полоцкого государственного университета. — 2018.
10. Володева Н., Кенжетаева А., Алишева А. Традиционный казахский костюм как воплощение мифопоэтической модели мира // Central Asian Journal of Art Studies. — 2018. — Т. 3, № 1.

Шуляк Марина Александровна

3 ГД-31

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Shulyak Marina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СИМВОЛИКА ПАСТОРАЛЬНОЙ БАЛЛАДЫ «МИОРИЦА» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ

Аннотация: Баллада «Миорица» является одним из важнейших элементов молдавского и румынского фольклора, отражающим исторические события и духовное наследие народа. Она возникла в XIV–XVI веках и передавалась устно, а затем была зафиксирована писателями Василе Александри и Алеку Руссо. В произведении рассказывается о трёх пастухах, символизирующих разные народы и исторические реалии, а также о смирении и духовном единении человека с природой. «Миорица» объединяет христианские мотивы с древними обрядовыми традициями, что придаёт ей особую символическую глубину. Произведение является отражением «миоритического пространства» — национального восприятия судьбы и душевного мира народов Молдовы и Румынии. Важность баллады заключается в её роли хранителя народной памяти и исторических ценностей. Она продолжает оставаться символом национальной идентичности и культурного наследия Молдовы и Румынии.

Ключевые слова: Миорица, баллада, Молдова, Румыния, Народ.

THE SYMBOLISM OF THE PASTORAL BALLAD "MIORITA" IN THE CONTEXT OF MOLDOVAN CULTURE

Summary: The ballad «Miorita» is one of the most important elements of Moldovan and Romanian folklore, reflecting historical events and the spiritual heritage of the people. It originated in the 14th–16th centuries and was transmitted orally, and then was recorded by the writers Alexandri and Rousseau. The work tells about three shepherds, symbolizing different nations and historical realities, as well as humility and spiritual unity of man with nature. «Miorita» combines Christian motifs with ancient ritual traditions, which gives it a special symbolic depth. The work is a reflection of the «mioritic space» — the national perception of the fate and spiritual peace of the peoples of Moldova and Romania. The importance of the ballad lies in its role as a guardian of national memory and historical values. She continues to be a symbol of the national identity and cultural heritage of Moldova and Romania.

Keywords: Miorita, ballad, Moldova, Romania, nation.

«Миорица» (рум. Miorița) — это пасторальная баллада, относящаяся к молдавскому и румынскому фольклору. Эта баллада является настоящим

сокровищем молдавской духовности, она стала символом молдавского фольклора и национальной идентичности.

Большая часть исследователей относят зарождение баллады к XIV–XVI вв. «Миорица» долгое время передавалась на территории Молдовы в устном исполнении. Предположительно в 1848 г. молдавский писатель и поэт Алеку Руссо записал один из вариантов баллады в монастыре Собежа, где он находился в ссылке, и передал его известному писателю, публицисту и собирателю фольклора Василе Александри. В свою очередь Александри подверг текст баллады литературной обработке и опубликовал «Миорицу» в 1852 г. в сборнике «Народная поэзия. Баллады, собранные и исправленные Василе Александри». В сущности, нынешняя «Миорица» это совокупность множества ее вариантов, которых на данный момент записано около 2 тысяч, однако до сих пор эталоном баллады считается версия, написанная Александри. Именно в этом варианте «Миорица» стала известной как в Молдове и Румынии, так и за их пределами. [1, с.3]

Баллада повествует о трех чабанах – пастухах овец: молдаване, унгарине и вранчанине, которые в горах пасут свои стада. Унгарин и вранчанин из зависти к благам третьего пастуха замышляют убийство молдаванина, но это слышит любимая овечка пастуха и предупреждает его об опасности. Узнав, что смерть кружит над ним, пастух ведаёт овечке о своём последнем желании: передать матери, что сына видели на небывалой свадьбе, которой сопутствуют все космические элементы и вся природа, а невеста его — сама «царица-Земля».

Баллада «Миорица» не просто так приобрела огромное значение в культуре Молдовы и является символом национальной идентичности. Она содержит в себе исторические события, глубокий символизм, старинную ритуальность молдавских народов и даже христианские мотивы.

Всегда первейшие сказания об истории народов передавались людьми устно из поколения в поколение. То есть издавна первыми, кто запечатлевал историю в своей памяти, а затем передавал ее будущим поколениям, были народные авторы. Исторические предания, легенды, доины и баллады являлись и являются неким источником исторических событий, который жив в памяти народа. Это отмечал в своей работе «Поэзия попоралэ» (Народная поэзия), которая была опубликована в 1866 г., знаменитый классик молдавской литературы Алеку Руссо. В своей работе он писал: «Предания, сказки, музыка и поэзия являются архивами народа. С ними можно всегда воссоздать далекое прошлое» [2, с. 26]. Способность старинных песен, баллад, дойн, в целом устной исторической литературы сохранять и передавать последующим поколениям факты и события, скрытые веками, используются издавна при воссоздании значимых событий и при выяснении процессов появления и сплочения, укрепления народов и государств. [3, с. 59-62]

Молдавский историк и ученый Василий Стати пишет: «Исключительная ценность баллады «*Миорица*» заключается в том, что она, еще задолго до образования Молдавского Государства, содержит самое древнее, свидетельство

зарождения и осознания восточнокарпатским сообществом своего этнического имени – **молдовень»** [3, с. 61-62]. И многие историки также считают, что **«Миорица»** несет в себе повествование о реальных исторических событиях.

В балладе фигурируют три пастуха: **молдаванин, вранчанин и унгарин**. **Вранчанин** – житель земель Вранча, это горы в южной части Восточных Карпат, которые являются частью Румынии, то есть вранчанин – это румын. **Унгарин же является уроженцем Венгрии, то есть венгром**. Венгерская хроника Иоанна Туроци указывает, что Людовик де Анжу, правивший Венгрией с 1342 по 1382, неоднократно вел военные походы против мятежников и соперников, особенно против сербов и молдаван. Баллада отражает известные исторические попытки иностранцев, в частности венгров и румын, завоевать земли молдаван и их богатства, что подтверждается многочисленными документами и летописными источниками. Из этого следует, что сюжет баллады *Миорица* основывается на исторических реалиях и символично повествует о событиях, пережитых народом. [3, с. 64-65]

Важным событием для анализа баллады стало создание поэтом-философом Лучианом Благой, в рамках трактата «Трилогия культуры», поэтико-философского термина «миоритическое пространство». По мысли Благой, румынское восприятие судьбы отражается именно в этом пространстве: не как трагическая борьба, а как органичное и плавное течение, где радость и страдание чередуются, подобно подъёмам и спускам рельефа, это глубинное и зачастую неосознанное слияние румынской, молдавской души с национальным пейзажем, традиционным миром села. В «Миорице» пассивность пастуха перед лицом смерти стала причиной многих «миоритических» споров. Ж. Мишле, например, комментировал бездействие героя баллады как отражение национальной слабости, а румынские исследователи видели в «Миорице» «римско-дакское» презрение к смерти, якобы характерное для предков румын [4, с. 16]. Однако, если судить по Благой, подобное отношение к смерти, это не слабость и не презрение, а отражение духовного национального богатства народа. Молдаванина в балладе пугает не сама смерть, а невозможность достичь полноты человеческого бытия, поделиться любовью с окружающим его миром. Через смерть он соединится с природой, сольется с родным пейзажем, этим самым «миоритическим пространством», поэтому сама смерть не пугает его.

Немаловажен в балладе и символизм. Символы и образы, использованные в «Миорице», восходят к древним ритуалам и верованиям молдавского и румынского народов. В 1920-х годах этнограф Ч. Брэилоу обнаружил в румынских деревнях традиционный обряд посмертной свадьбы. На территории Румынии и других стран Восточной Европы с древних времён существовал обычай погребения незамужних юношей и девушек, в рамках которого воспроизводились элементы настоящей свадебной церемонии. Верили, что умершие молодые тоже должны были пройти через подобный свадебный ритуал, чтобы не разгневать духов и избежать возвращения в виде вурдалаков

[1, с. 15-16]. В «Миорице» повествуется о событии, схожем с этим старинным обрядом, однако в балладе посмертная свадьба пастуха совершается с природой, самой землей, а не человеком, «Миорица» повествует о единении души со всем сущим. От реального обряда до «чудного единения со всем творением», отраженного в балладе, был пройден огромный и сложный художественный путь.

Взаимодействие христианских и дохристианских элементов, а также сочетание ритуальных и мифологических представлений — один из ключевых аспектов анализа «Миорицы». В этой балладе заметно выражена особенность молдавского и румынского фольклоров, где тесно переплетаются христианские традиции с древними архаическими элементами, уходящими в дохристианскую эпоху [1, с. 20-21]. Образ Агнца и Доброго Пастыря в балладе, существующей в контексте христианской культуры, которая растворила языческие верования, символизирует жертвенность, покорность божественной воле и спасение.

На основании вышеописанных фактов и размышлений можно сделать вывод, что «Миорица» безусловно является одним из ценнейших литературных памятников Молдовы. Это произведение, передававшееся через столетия людьми из поколения в поколение, вобрало в себя важные исторические события, глубокий символизм и саму колоритность, широту духа и глубину чувств молдавского народа. Эта баллада о человеческой судьбе, о смиренной душе нации, о красоте мира и единении человеческой души с природой и всем сущим. Всё это ставит «Миорицу» в ряд прекраснейших произведений истории мировой литературы.

Список литературы:

1. Прокофьева, И. Н. Народная баллада «Миорица» в контексте румынской литературы XIX–XX вв.. [Электронный ресурс]: дис. Защищена 23.01.08/ Прокофьева Инесса Николаевна. — М., 2008. — 22с — URL: inslav.ru/images/stories/other/autoref_prokofjeva.pdf (дата обращения: 25.02.2026).
2. Alecu Russo, Cântarea româniei: poezia populară și altelo – Publisher Alclay, 1909 – 87 p.
3. Василий Стати, Молдоване – не румыны – Одесса, изд-во КП ОГТ, 2012. – 308 с.
4. Биткова, Т.Г. Румыния в российских публикациях последних лет // АПЕ. 2016. №2. – С.153 – 177. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rumyniya-v-rossiyskih-publikatsiyah-poslednih-let> (дата обращения: 26.02.2026).

Щербакова Елена Артемовна

1 ТД-14

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Дружинкина Наталья Гавриловна

Shcherbakova Elena

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ: БОМБЕР И БРЮКИ

Аннотация: В статье рассматривается процесс проектирования комплекта школьной формы для мальчиков младшей школьной возрастной группы, включающего бомбер и брюки. Анализируется обоснование выбора материалов, конструкторских решений и технологических процессов изготовления. Особое внимание уделяется требованиям к эксплуатационным, эстетическим и гигиеническим показателям качества изделий. Рассматриваются современные тренды в области школьной моды и их адаптация к практическим требованиям производства.

Ключевые слова: школьная форма, проектирование одежды, швейная промышленность, САПР ASIST, ЕМКО СЭВ.

DESIGN OF SCHOOL UNIFORMS FOR BOYS: BOMBER JACKET AND TROUSERS

Summary: The article examines the design process of a school uniform set for boys of junior school age group, including a bomber jacket and trousers. The justification for the choice of materials, design solutions and manufacturing technological processes is analyzed. Particular attention is paid to the requirements for operational, aesthetic and hygienic quality indicators of products. Modern trends in school fashion and their adaptation to practical production requirements are considered.

Keywords: school uniform, clothing design, garment industry, CAD ASIST, ЕМКО SEV.

Швейная промышленность является одной из ключевых отраслей легкой промышленности, играющей значительную роль в мировой экономике. Ее основная функция – преобразование текстильных материалов в готовую одежду, обувь, аксессуары и другие изделия. Исторически швейное производство развивалось от кустарных мастерских, где изделия создавались вручную, до высокотехнологичных предприятий с автоматизированными процессами. Переломным моментом стало изобретение швейной машины в XIX веке, которое заложило основы массового производства. В XX веке индустриализация и глобализация привели к переносу производственных

мощностей в регионы с дешевой рабочей силой, такие страны, как Азия и Латинская Америка, что определило современную географию отрасли.

Современная швейная промышленность включает несколько этапов: проектирование, раскрой материалов, пошив, отделка и контроль качества. Сегодня проектирование активно использует компьютерные технологии, например, системы CAD (Computer-Aided Design), позволяющие создавать цифровые макеты и оптимизировать использование тканей. Раскройные машины с ЧПУ (Числовым Программным Управлением) обеспечивают высокую точность, сокращая отходы материалов. Это позволяет повысить не только скорость, но и стандартизацию продукции. Отделка включает процессы глажки, нанесения принтов, вышивки и добавления декоративных элементов, которые также автоматизируются.

Сырьевая база отрасли охватывает широкий спектр материалов: натуральные ткани (хлопок, лен, шерсть), синтетические волокна (полиэстер, нейлон), а также смесовые материалы, сочетающие в себе функциональность и экологичность. В последние годы усиливается тренд на устойчивое развитие: производители переходят на органический хлопок, переработанные полимеры и биоразлагаемые ткани. Это связано с растущим спросом на экологичную продукцию и ужесточением экологических стандартов, особенно в странах ЕС и Северной Америки.

Экономически швейная промышленность остается высококонкурентной сферой. Крупнейшими экспортерами готовой одежды являются Китай, Бангладеш, Вьетнам и Турция, где сосредоточены масштабные производственные кластеры.

Экологические вызовы также значимы: швейная промышленность – одна из крупнейших потребителей воды и источник микропластика, попадающего в океан при стирке синтетических тканей. Химические красители и обработка материалов способствует загрязнению почвы и водоемов. В ответ на это развиваются технологии замкнутого цикла, например, переработка старых изделий в новые волокна, а также внедрение методов цифровой печати, сокращающих использование воды и химикатов.

Инновации продолжают трансформировать отрасль. Технологии 3D-печати позволяют создавать прототипы одежды без отходов материала, а «умные» ткани с сенсорами интегрируются в используемые программы. Цифровизация затронула и цепочки поставок: блокчейн используется для отслеживания происхождения сырья, а искусственный интеллект прогнозирует спрос, оптимизируя логистику. Персонализация продукции набирает обороты – онлайн-платформы предлагают услуги по пошиву одежды по индивидуальным меркам, что меняет концепцию массового производства.

Системы автоматизированного проектирования (САПР) в швейной промышленности представляет собой комплекс программных и технических решений, направленных на оптимизацию всех этапов создания одежды – от разработки эскизов до запуска в производство. Эти инструменты значительно

повышают эффективность предприятия, сокращают сроки разработки и минимизируют ошибки.

Школьная форма – это установленный учебным заведением стандарт одежды, обязательный для ношения учениками в течение учебного процесса. Ее основная задача заключается в создании единого визуального образа, который способствует дисциплине, снижению социального неравенства и формированию корпоративной идентичности. Однако значение школьной формы выходит за рамки простого дресс-кода: она становится частью культурного кода, отражает исторические, социальные и педагогические установки общества.

Безусловно, школьная мода остается пространством диалога между поколениями. С одной стороны, она отражает стремление системы образования к контролю и унификации, с другой – становится для подростков инструментом самореализации. В будущем ее развитие будет зависеть от баланса между инновациями, традициями и социальной ответственностью, где запросы на индивидуальность и устойчивость станут основными факторами изменений.

Школьные бомбер и брюки для мальчиков младшей школьной возрастной группы предназначены для эксплуатации в температурном режиме от плюс 10 до плюс 20 со сроком службы 1 – 2 года. Бомбер изготовлен из смесовой ткани и подкладкой из вискозы с содержанием полиэстера. Брюки выполнены из костюмной ткани с добавлением эластана для эластичности, имеют усиленные швы, пояс на резинке. (рисунок 1)

Рисунок 1 – зарисовка моделей школьной формы

Модели соответствуют стандартам безопасности: гипоаллергенные материалы сертифицированы. Рекомендуемый уход включает машинную стирку при 30°C без отбеливания и химчистки, глажку на среднем режиме и сушку в расправленном виде. Размерный ряд рассчитан на рост 128-142см с возможностью выбора стандартной или удлиненной длины. Для производства используются экологичные материалы: до 30% переработанного полиэстера в

составе бомбера и биоразлагаемая картонная упаковка. Одежда соответствует ГОСТ 31409-2009, адаптируется под требования заказчика (фурнитура, цвет) для оптовых партий и подходит для серийного выпуска [1]. Доступна кастомизация – нанесение логотипов в классической цветовой гамме (темно-синий, черный, коричневый, серый).

Бомбер, или куртка-бомбер, имеет длинную историю, которая уходит корнями в военную авиацию. Первоначально бомберы были разработаны в 1930-х годах для пилотов бомбардировщиков, в частности для экипажей бомбардировщиков В-17. Эти первые бомберы были частью стандартной униформы пилотов и предназначались для обеспечения тепла и комфорта в холодных высотных полетах [2].

После второй мировой войны бомберы стали появляться в гражданской моде. В 1950-х и 1960-х годах они стали популярны среди байкеров и рокеров, которые ценили их прочность и стиль. В это время бомберы часто украшались различными нашивками, эмблемами и рисунками, что стало характерной чертой этого стиля.

Позже такой дизайнер, как Кенсуке Ишизу подхватил веяние уличной моды. Японский бренд VAN, стал выпускать бомберы с ручной вышивкой на спине и традиционными японскими узорами.

В 1980-х годах бомберы пережили новый всплеск популярности, став частью униформы спортсменов и хип-хоп культуры. В это время Tommy Hilfiger выпускал бомберы, которые стали популярными среди хип-хоп артистов и спортсменов. Их бомберы были известны своей классической американской стилистикой и качеством.

В 1990-х и 2000-х годах бомберы продолжали эволюционировать, став более разнообразными по дизайну, цвету и материалу. Они стали частью моды, и их носили не только представители уличной культуры, но и обычные люди, которые ценили их комфорт, функциональность и стиль. Раф Симонс стал одним из первых, кто использовал бомбер, чтобы стереть черту между роскошью и уличной одеждой в своей коллекции «Пирамида» весна/лето 2000 [3].

Постепенно бомбер стал приобретать черты классического стиля, вернув свой статус униформы. Все больше данный предмет гардероба начал адаптироваться с американской спортивной школьной формой и с английскими университетами.

В авторской коллекции школьной формы задача была решена с помощью цвета и геометрических рисунков. В качестве основной ткани была выбрана костюмная однотонная и клетчатая ткани, за удобство, износостойкость и несминаемость, что важно для школьной одежды. В качестве подкладочной ткани была взята вискоза с добавлением полиэстера.

В 2025 году школьная форма для мальчиков перетерпит значительные изменения, сочетая традиционные элементы с современными тенденциями. В этом сезоне акцент будет сделан на комфорте и функциональности, что особенно важно для активных школьников.

Те времена, когда мода казалась некомфортной, а красота требовала жертв, остались в прошлом. Сегодня в трендах удобство, а в случае со школьной формой можно сделать ставку на практичность и минимализм и не прогадать.

Школьная мода 2025 года предлагает разнообразные и стильные решения, сочетающие комфорт, практичность и модные тенденции, в этом сезоне дизайнеры предлагают множество вариантов форм для разных возрастных групп, учитывая индивидуальные предпочтения и требования.

Одним из ключевых трендов года остается классический вариант, который вряд ли когда-то утратит популярность – бомбер оверсайз. Этот стиль характеризуется прямым силуэтом, длинными рукавами и широкими плечами. Акцент на функционале и практичности всегда будет актуален. Особенно это будет заметно в таких элементах, как карманы, разнообразные застежки и нашивки, которые добавляют комфорта и акцентов в образ [5].

Тренд на бежевый цвет становится одним из ключевых. Этот цвет считается универсальным, нейтральным и легко сочетающимся с другими цветами и стилями. Бежевый цвет является частью устойчивой моды, которая набирает популярность в последние годы. Этот цвет легко сочетается с другими элементами гардероба, что делает его отличным выбором для тех, кто хочет создать универсальных и долговечный гардероб.

Бежевый цвет часто ассоциируется с естественным и органическим видом, что соответствует текущим тенденциям в моде, направленным на естественность и экологичность.

Например такие, как Giorgio Armani, Dolce&Gabbana, Hed Mayner, а также Kenzo. Кроме того, бежевый является универсальным цветом и может быть уместен в различных стилях [6].

Тренд, который сохраняется в текущем сезоне остается клетка. Клетка – классический мотив, который не выходит из моды. В новых коллекциях можно найти множество ее вариаций. Совсем не костюмная и настраивающая на рабочий лад, а, напротив, призывающая чувствовать себя расслабленно.

Дизайнеры экспериментируют с новыми материалами, цветами и комбинациями, что делает клетку еще более актуальной и интересной. В тренде крупная клетка, которая становится акцентной вещью. Лучше всего такой принт смотрится на верхней одежде. В коллекции бренда Chanel костюмы, пальто и брюки украшены фиолетовой и ярко-синей клеткой [4]. Этот древний мотив, вдохновленный шотландской культурой и прочно укоренившийся в коллективном воображении, постоянно набирает популярность, о чем свидетельствуют показы мод Auralee, Dunhill и HommePlisséIsseyMiyake.

Тренд на прямой силуэт продолжает развиваться в 2025 году, поскольку он обеспечивает комфорт, свободу движения и стильный образ. Прямой силуэт в одежде – стиль, который позволяет чувствовать себя всегда комфортно, не сковывая движения.

Устойчивая мода будет продолжать набирать популярность, с акцентом на экологически чистых материалах, повторном использовании и переработке.

Нейтральные цвета останутся в моде, поскольку они легко сочетаются с другими оттенками и узорами. Комфорт – ключевой фактор 2025 года, с акцентом на прямых силуэтах и мягких материалах.

Список литературы:

- 1.ГОСТ 31409-2009. Изделия трикотажные верхние для женщин и девочек. Общие технические условия.
- 2.Куртка бомбер. История и современность. - URL: https://podwal.ru/blog/iz-istorii/bomber_jacket_history/
- 3.История бомбера – как куртка MA1 покорила модную индустрию. - URL: <https://mcsmag.ru/istoriya-kurtki-bomber/>
- 4.Chanel. Официальный сайт бренда Chanel. - URL: <https://www.chanel.com/ru/>
- 5.Grazia – журнал о моде, красоте, культуре и образе жизни. - URL: <https://www.grazia.ru/fashion/kakoi-bomber-kupit-na-osen-2025/>
- 6.Официальный сайт бренда Kenzo. - URL: <https://www.kenzo.com/en-int/country-selector>

Щиглова Валерия Алексеевна

1 АД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Рабуш Таисия Владимировна

Valeria Shchiglova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КРЕСЛА BARCELONA

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ истории создания одного из наиболее знаковых предметов мебели XX века – кресла Barcelona. Объектом исследования выступает не только его формальная эстетика, но и социокультурный контекст его возникновения. Автор приходит к выводу, что кресло Barcelona является материальным воплощением идеалов интернационального стиля, политического манифеста Веймарской Германии и результатом уникального творческого симбиоза архитектора Людвиг Миса ван дер Роэ и дизайнера Лили Райх.

Ключевые слова: кресло Barcelona, Людвиг Мис ван дер Роэ, Лилли Райх, Немецкий павильон, Всемирная выставка 1929, модернизм, баухаус, дизайн-миф, семиотика дизайна.

THE HISTORY OF THE BARCELONA CHAIR

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the history of the creation famous Barcelona chair created by Mies van der Rohe and Lilly Reich for World Exhibition 1929 and one of the most iconic pieces of furniture in XX century and whole history of design. The object of research is not only its formal aesthetics, but also the socio-cultural context of its origin. The author concludes that the Barcelona chair is a material embodiment of Weimar Germany and a result of unique creative symbiosis of architect der Ludwig Mies van Rohe and Lilly Reich.

Keywords: Ludwig Mies van Rohe, Lilly Reich, German Pavilion, World Exhibition 1929, modernism, Bauhaus, design myth, semiotics of design.

В истории дизайна XX века кресло Barcelona занимает особое место. Воспринимаемое сегодня как эталон элегантности и авангардности, в момент своего создания (1929 год) оно являлось частью масштабного идеологического проекта. Целью данной статьи является деконструкция мифа, сложившегося вокруг этого объекта, и выявление комплекса исторических, политических и личностных факторов, определивших его внешний вид и являющихся причиной его появления. Автор ставит задачи: проанализировать контекст этого заказа, определить вклад и ключевые фигуры в деле его создания, охарактеризовать семантику его формы и проследить трансформацию значения кресла в культурной и социальной памяти.

Непосредственным поводом для создания кресла послужила Всемирная выставка 1929 года в Барселоне. Веймарская Германия, освободившаяся от бремени Первой мировой войны и революционных потрясений, стремилась представить себя миру как современная, демократическая, технологически и культурно развитая страна. Немецкий павильон (известный также как Барселонский павильон) не был выставочным в обычном смысле – в нем не демонстрировались товары или достижения. Его функцией было создание образа.

Заказчиком выступило государство в лице Имперского союза немецкой промышленности. Архитектором был приглашен Людвиг Мис ван дер Роэ, один из ведущих мастеров европейского авангарда, вице-президент Немецкого Веркбунда, а позже последний директор школы Баухаус. Павильон стал манифестом его архитектурной философии: «меньше значит больше» и «универсальное пространство». Это была композиция из горизонтальных плит и вертикальных плоскостей, материалов премиального класса (травертин, оникс, зеленый мрамор, хромированная сталь) и отражающих бассейнов. Несмотря на то, что кресло является одним из главных предметов школы Баухаус, оно спорит с его концепцией.

Традиционная история дизайна долгое время приписывала авторство кресла исключительно Мису ван дер Роэ. Однако современные исследования (В. Дросте, К. Поузи) недвусмысленно указывают на ключевую роль (или как минимум половину авторства) Лилли Райх. Л. Райх была партнером, соавтором и ученицей Миса с 1925 года. Талантливый дизайнер по текстилю и выставочный архитектор, она отвечала за дизайн интерьеров, подбор материалов и меблировку проектов их совместного бюро.

Именно Лилли Райх курировала обстановку Барселонского павильона. Прототипом кресла, вероятно, послужили складные курульные кресла древнеримских магистратов, символизирующие власть и статус. Однако задача состояла в том, чтобы переосмыслить эту форму в языке современности. Исследователи отмечают, что Райх обладала глубоким пониманием материалов и работы с пространством, что напрямую повлияло на пропорции и композицию кресла. Таким образом, кресло Barcelona следует рассматривать как плод совместного творчества, где Мис задавал общую концептуальную идею, а Райх осуществляла материальное воплощение. Так как Лилли была дизайнером текстиля, с наибольшей вероятностью она и придумала конструкцию подушек из 148 кусков кожи.

Форма кресла является сложным объектом:

1. Конструкция: Две Х-образные рамы из полированной нержавеющей стали, соединенные кожаными ремнями, образуют несущую структуру. Эта конструкция отсылает к античным прототипам, но выполнена с помощью современных промышленных технологий (сварка, полировка).

2. Подушки: Две отдельные мягкие подушки квадратной формы, не прикрепленные к каркасу. Этот прием визуально облегчает массивность, создает ощущение невесомости и подчеркивает модульность.

3. Материалы: Использование кожи и стали – отсылка к индустриальной эстетике, но ручная сборка и качество исполнения выводят объект из категории серийного продукта в категорию уникального артефакта.

Кресло не было предназначено для массового производства. Его функция была репрезентативной: оно служило «троном» для испанской королевской четы во время церемонии открытия выставки. Таким образом, оно стало современным символом власти и гостеприимства, заменяя традиционные монаршие регалии на язык демократического, но элитарного модернизма.

В 1948 году, после смерти Лилли Райх, Мис ван дер Роэ передает права на производства стула компании Knoll. Именно в тот момент конструкция претерпела изменения (разъемные части заменили монолитной конструкцией), что стало ключевым моментом: Knoll, обладая авторскими правами, начала активную маркетинговую кампанию, закрепив за креслом название «Barcelona» и имя одного-единственного автора – Миса ван дер Роэ.

Кресло было канонизировано как вершина дизайна модернизма, его изображения попали в учебники, а сам объект – в постоянные коллекции ведущих музеев мира (Музей современного искусства в Нью-Йорке, музей Виктории и Альберта в Лондоне). Оно стало знаком принадлежности к культурной и экономической элите, сохранив свой статусный характер, но утратив первоначальный политический подтекст.

История создания кресла Barcelona представляет собой многослойный феномен. Оно возникло на пересечении нескольких векторов: политического заказа Веймарской республики, архитектурной утопии Миса ван дер Роэ и дизайнерского гения Лилли Райх. Изначально задуманное как элемент тотального художественного жеста – Барселонского павильона – кресло выполняло символическую функцию «трона новой Германии». Его форма является блестящим синтезом исторической реминисценции и радикального модернистского языка.

Список литературы:

1. Droste M. & Ludewig C. (Eds.). Lily Reich: Designer and Architect. – New York: The Museum of Modern Art, 2019. – 64 p.
2. Pawley M. Mies van der Rohe. – New York: Thames & Hudson, 1970.
3. Spaeth D.A. Mies van der Rohe. – New York: Rizzoli, 1985. – 205 p.
4. The Barcelona Chair: The Making of a Modern Icon. – Knoll International, 2017.
5. 00 лет дизайна. Кресло Barcelona Миса ван де Роэ. – URL: <https://www.interior.ru/education/predmeti/6911-100-let-dizajna-kreslo-barcelona-misa-van-der-roe.html> (дата обращения 05.01.2026).
6. Кресло Барселона и 80 лет школы Баухаус. – URL: <https://probauhaus.ru/barcelona-chair/> (дата обращения 05.01.2026).

Юшкова Диана Дмитриевна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Diana Yushkova

Naval Academy

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу современных угроз историко-культурному наследию. Рассматриваются факторы разрушения памятников архитектуры и утраты нематериальных традиций, включая нерегулируемую застройку, недостаток финансирования, военные действия и климатические изменения. Предлагаются пути решения проблемы: совершенствование законодательства, применение методов цифрового архивирования, развитие ответственного туризма и повышение уровня просвещения. Подчеркивается, что сохранение наследия является ключевым условием поддержания культурной идентичности и передачи исторического опыта будущим поколениям.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, ценность, история, поколения, памятники, культурная идентичность, ЮНЕСКО.

THE PROBLEM OF PRESERVING HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Summary: This article analyzes contemporary threats to historical and cultural heritage. It examines the factors contributing to the destruction of architectural monuments and the loss of intangible traditions, including unregulated development, lack of funding, military action, and climate change. Solutions are proposed, including improved legislation, the use of digital archiving methods, the development of responsible tourism, and improved education. It emphasizes that heritage preservation is key to maintaining cultural identity and passing on historical experience to future generations.

Keywords: historical and cultural heritage, value, history, generations, monuments, cultural identity, UNESCO.

В XXI веке проблема сохранения историко-культурного наследия приобрела особую остроту и глобальный масштаб. Наследие, включающее памятники архитектуры, археологические объекты, музейные коллекции, архивные документы, нематериальные традиции и ландшафты — это не просто реликвии прошлого. Это основа нашей идентичности, источник знаний, ресурс для устойчивого развития и мост между поколениями [1].

Человечество столкнулось с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, мы обладаем беспрецедентными возможностями для изучения и фиксации

памятников прошлого, а с другой – мы теряем их с угрожающей скоростью. Проблема сохранения наследия сегодня как никогда остро и имеет множество граней.

Почему же мы сегодня говорим об угрозе утраты нашего культурного кода? Можно выделить несколько ключевых факторов:

1. Урбанизация и бездумное развитие.

Исторические центры городов разрушаются под давлением новой застройки. В крупных городах исторические здания часто сносятся ради строительства элитного жилья, офисных центров или паркингов. Экономическая выгода сиюминутна, а потеря архитектурной среды – невосполнима.

Прокладка новых магистралей, метро, инженерных сетей нередко приводит к повреждению фундаментов старинных построек и разрушению культурного слоя земли.

В сельской местности и малых городах множество памятников (усадьбы, храмы) оказываются бесхозными из-за отсутствия средств у местных бюджетов и частных инвесторов, что ведет к их медленному разрушению.

2. Недостаточное финансирование.

Реставрация, консервация и поддержание объектов требуют огромных средств, которых часто не хватает у государств, особенно в регионах. Многие памятники находятся в аварийном состоянии из-за хронического недофинансирования. Кроме того, существует острый дефицит профессиональных кадров – реставраторов, архитекторов, искусствоведов.

3. Войны и вооружённые конфликты.

К сожалению, в последние годы мы являемся свидетелями того, как памятники культуры становятся не просто случайными жертвами, но и преднамеренными мишенями. Целенаправленное разрушение памятников, музеев, храмов — это инструмент уничтожения национальной идентичности и исторической памяти народа.

4. Туристическая эксплуатация и вандализм.

Нерегулируемый туристический поток приводит к физическому износу объектов (например, эрозия от шагов). Акт вандализма и граффити на памятниках, «черные копатели» и расхитители гробниц наносят непоправимый вред археологическому наследию. Предметы старины, изъятые из культурного слоя без научной фиксации, теряют 90% своей информации, превращаясь просто в красивые (или не очень) безделушки для частных коллекций.

5. Климатические изменения и природные катастрофы.

Памятники архитектуры, созданные из камня, дерева или металла, не вечны. Время, ветер, осадки, перепады температур и биологические угрозы (плесень, насекомые) делают свое дело. Многие шедевры зодчества, дошедшие до нас сквозь века, сегодня находятся в аварийном состоянии и требуют немедленной реставрации.

Повышение влажности, экстремальные температуры, наводнения и пожары наносят непоправимый ущерб как материальному, так и нематериальному наследию.

6. Забвение и утрата нематериального наследия.

Самая глубокая и трудновосполнимая утрата – это разрыв связей между поколениями, когда люди перестают знать свои корни. Исчезновение языков, ремёсел, фольклора, ритуалов из-за глобализации, уничтожение архивов и осквернение кладбищ.

7. Правовые и административные проблемы.

Пробелы в законодательстве, коррупция, неэффективное управление. Сложности с установлением собственности и ответственности за объекты. Существующие законы зачастую имеют лазейки, позволяющие девелоперам обходить требования по охране памятников. Кроме того, существует острый дефицит профессиональных кадров – реставраторов, архитекторов, искусствоведов.

Почему это важно? Возникает вопрос: а стоит ли тратить колоссальные ресурсы на «старые руины»? Ответ однозначен – да. Наследие – это не просто кирпичи и краски. Это историческая память. Это та основа, на которой строится идентичность народа. Потеря памятника культуры подобна амнезии у человека: мы перестаем понимать, кто мы, откуда пришли и куда идем. Защита культурного наследия обсуждается на самом высоком правительственном уровне, принимаются соответствующие решения [2].

Наследие формирует среду обитания, воспитывает вкус и уважение к труду предков. Наконец, это мощный экономический ресурс: туризм, основанный на достопримечательностях, приносит огромный доход и создает рабочие места.

Какие пути решения и меры по сохранению культурного наследия предлагают специалисты? Можно выделить следующие из них:

- Укрепление правовой базы: Совершенствование законов, ратификация международных конвенций (например, конвенций ЮНЕСКО).

- Государственно-частное партнёрство: Привлечение бизнеса и меценатов к финансированию проектов реставрации.

- Внедрение современных технологий: 3D-сканирование и документирование, цифровые архивы и виртуальные туры, которые могут сохранить информацию даже в случае утраты оригинала.

- Международное сотрудничество: Обмен опытом, совместные научные проекты, миссии под эгидой ЮНЕСКО по защите объектов в зонах конфликтов.

- Экологичный и ответственный туризм: Развитие моделей туризма, которые минимизируют ущерб и вовлекают местные сообщества.

- Просвещение и образование: Воспитание бережного отношения к наследию с детства через школы, музеи, медиа. Формирование общественного запроса на сохранение.

- Личный пример: Получение и укрепление знаний истории родного края, участие в субботниках по уборке территории памятников, недопущение и борьба с вандализмом [3, 4].

Сохранение историко-культурного наследия – это задача не для узкого круга специалистов. Это наша общая ответственность перед прошлым и будущим.

Академик Дмитрий Лихачев говорил: «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен к своей стране». Каждый утраченный объект, каждая забытая традиция – это невосполнимая брешь в коллективной памяти человечества [5, с.188].

Только через осознание ценности этого наследия, через объединение усилий государства, экспертов, бизнеса и гражданского общества мы сможем передать следующим поколениям ключ к пониманию самих себя и построению достойного будущего. Сохраняя наследие, мы сохраняем себя!

Список литературы:

- 1.Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (актуальная редакция).
- 2.Постановления Правительства РФ от 27.12.2024 № 1936, которое вносит изменения в правила установления зон охраны объектов культурного наследия.
- 3.Абрамова, П. В. Методика сохранения и актуализации объектов культурного наследия. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2025. — 85 с.
- 4.Курьянова, Т. С. Сохранение и актуализация культурного наследия / науч. ред. О. М. Рындина; Том. гос. ун-т. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. — 82 с.
- 5.Васильева, Т. А. Сохранение культурного наследия как способ формирования критического исторического сознания: опыт ЕС // Государство и право. — 2024. — № 9. — С. 180–189.

Яковенко Алиса Александровна

2 АД-7

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Лебедева Галина Николаевна

Yakovenko Alisa

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЁВА («СМЫСЛ ЛЮБВИ»)

Аннотация: В статье рассматривается философское различие между категориями «индивид» и «личность» в контексте религиозно-философских идей В.С. Соловьёва, изложенных в работе «Смысл любви». Анализируется роль любви как метафизической силы, благодаря которой человек способен выйти за пределы биологической индивидуальности и обрести подлинное личностное бытие. Особое внимание уделяется пониманию личности как духовной реальности, связанной со свободой, ответственностью и стремлением к вечности. Показано, что процесс становления личности невозможен без внутреннего преобразования, осуществляемого через любовь, которая у Соловьёва выступает основанием человеческой природы и путём её высшего раскрытия.

Ключевые слова: индивид, личность, любовь, В.С. Соловьёв, «Смысл любви», духовность, метафизика, христианская философия.

INDIVIDUAL AND PERSONALITY IN THE LIGHT OF V.S. SOLOVYOV'S PHILOSOPHY ("THE MEANING OF LOVE")

Summary: The article examines the philosophical distinction between the concepts of "individual" and "personality" within the framework of Vladimir Solovyov's religious and metaphysical ideas presented in *The Meaning of Love*. The study analyzes the role of love as a metaphysical force enabling a human being to transcend biological individuality and attain true personal existence. Special attention is given to the notion of personality as a spiritual reality grounded in freedom, responsibility, and the aspiration toward eternity. It is demonstrated that the formation of personality is impossible without inner transformation, which, according to Solovyov, is accomplished through love as the foundation and highest expression of human nature.

Keywords: individual, personality, love, Vladimir Solovyov, *The Meaning of Love*, spirituality, metaphysics, Christian philosophy.

Что делает человека — человеком в подлинном смысле? Какова разница между просто живущим индивидуумом и глубоко осознающей себя личностью? Эти вопросы волнуют человечество на протяжении тысячелетий, но особенно остро они звучат в эпоху, когда границы между духовным и биологическим,

между личным и массовым, между вечным и временным становятся всё более размытыми. Современный мир требует от нас всё больше участия, скорости, адаптации, но всё меньше — внутреннего самопонимания. И именно на этом фоне тема различия между индивидом и личностью становится особенно актуальной.

Современная философская мысль неоднократно обращалась к теме человека, его сущности, внутреннего становления. Однако особое место среди этих размышлений занимает труд русского религиозного философа Владимира Сергеевича Соловьёва «Смысл любви». Его подход к человеческой природе, в котором любовь рассматривается не как эмоция или инстинкт, а как основа личностного становления, позволяет взглянуть на традиционные категории «индивид» и «личность» с новой — глубоко онтологической и метафизической — стороны.

Для меня, особенно важно осмысление любви не только как эмоционального или биологического явления, но как силы, раскрывающей внутреннюю духовную сущность человека. Я убеждена, что только через любовь человек может выйти за пределы индивидуальной замкнутости и стать тем, кем он призван быть по своей духовной природе — личностью, способной к свободе, ответственности и вечной связи с другим. Именно в любви человек обретает смысл и форму, и эта форма не исчерпывается физиологией или функцией. Поэтому в этой статье я стремлюсь не просто теоретически обозначить различия между индивидом и личностью, а показать, как путь к личностному становлению проходит через любовь — как дар, как усилие и как преображение.

Понятие «индивид» представляет собой исходную форму существования человека как живого существа. Индивид — это биологическая единица, представитель рода *Homo sapiens*, обладающий телесностью, инстинктами, ограниченностью пространства и времени. Он способен чувствовать, воспринимать, мыслить, но эти способности ещё не определяются внутренней системой ценностей, не объединяются в целостную картину мира. Индивид живёт «внутри себя» и часто — только для себя. Его поведение направляется желанием комфорта, безопасности, выживания, признания, но не обязательно — стремлением к истине, к добру или к самопожертвованию.

Именно здесь, в ограниченности, в замкнутости на себе и своей судьбе, проявляется недостаточность индивида как формы существования. Соловьёв справедливо пишет, что человек, не выходящий за рамки собственного «я», остаётся половинчатым, незавершённым. В его внутреннем мире не возникает подлинного смысла, потому что в замкнутом «я» нет любви, а значит, нет выхода к вечности. В книге «Смысл любви» он прямо говорит: «Истинная человеческая природа не может быть выражена в отрыве от другого; в замкнутом “я” нет любви, нет вечности». Этот тезис звучит особенно остро на фоне современного культивирования автономности, самодостаточности, индивидуального успеха.

Таким образом, индивид — это важный, но недостаточный этап бытия человека. Он напоминает зерно, которое содержит потенциал, но не даёт плода, пока не прорастёт. Чтобы стать личностью, человек должен выйти за пределы самого себя, за рамки своей телесности и биологической потребности, он должен открыть в себе нечто большее — устремление к другому, к вечному, к смыслу. И именно здесь начинается путь к личности.

Переход от состояния индивида к состоянию личности — это, прежде всего, духовный акт. Личность, по Соловьёву, — не просто носитель сознания или субъект социальных ролей, но существо, способное к любви, к самопожертвованию, к выходу за пределы своего индивидуального существования. Личность — это человек, в котором пробудилась внутренняя цельность, жажда истины и устремлённость к вечному. Она рождается тогда, когда индивид впервые по-настоящему признаёт другого как абсолютную ценность, как того, ради кого стоит жить, страдать, отдавать себя. Это радикальное изменение оптики — от себя к другому, от внутренней замкнутости к открытости — и есть акт становления личности.

Любовь, в этом контексте, предстает не просто чувством, не временным душевным состоянием, а метафизической реальностью. Это сила, способная разрушить барьеры индивидуальной обособленности и соединить души на глубинном уровне. Только любя, человек впервые становится способным выйти за пределы своего «я», перестаёт воспринимать другого как объект желания или выгоды, и начинает видеть в нём подлинное «Ты» — бесконечно значимое, уникальное, священное. В «Смысле любви» Соловьёв подчёркивает: «Смыслом любви является не слияние тел, но соединение душ, которое ведёт к преодолению раздельности и смертности».

Таким образом, личность — это результат преобразования индивида под воздействием любви. И любовь в этом случае не дополнение к жизни, не украшение её, а фундамент, на котором строится человек в высшем смысле этого слова. Без любви невозможно построить личность, потому что без любви человек остаётся замкнут в себе, в страхе, в борьбе за выживание. Только в любви он начинает по-настоящему жить, видеть, дышать.

Путь от индивидуальности к личности — это не просто движение от эгоизма к альтруизму. Это глубокая внутренняя трансформация, при которой возникает готовность быть в ответе за другого, быть в истине, быть в духе. Личность — это всегда этическое и духовное измерение, тогда как индивид — лишь форма жизни, данная от природы.

Если индивид существует в рамках замкнутого и обособленного «я», то любовь — это то, что разрушает эти стены. Соловьёв утверждает, что любовь есть способ преодоления смертности. Она не только соединяет, но и возносит человека над ограничениями времени и плоти. Любящий человек выходит за пределы временного и смертного «я» и стремится к соединению, которое не знает конца. Именно в этом движении к другому, в акте растворения без потери самости, и происходит подлинное рождение личности.

«Любовь есть нечто гораздо большее, чем чувство или инстинкт: она есть путь к бессмертию, к вечному бытию через признание другого как абсолютной ценности» — эти слова Соловьёва служат не просто философским аргументом, а путеводной нитью к пониманию человеческой природы. В любви индивид впервые переживает необходимость быть не только для себя, но и ради другого. И это чувство ответственности, сопричастности, жертвенности рождает в нём новое бытие — бытие личности.

Христианская философия Соловьёва позволяет осмыслить этот переход от индивида к личности как путь обожения — путь, в котором человек не просто меняется, но приобщается к Божественному. В центре такой философии стоит идея о том, что человек создан по образу Божьему, а потому призван не к одиночному существованию, а к со-бытованию — к соединению с другим через любовь. Человек не существует сам по себе: он раскрывает свою природу лишь в отношении, в диалоге, в жертвенном и одухотворённом акте любви.

Любовь в этом контексте — это не просто способ существования, но способ приближения к Богу. Соловьёв писал, что Бог есть Любовь, а потому путь любви — это путь к Божественному. Став личностью, человек не просто становится морально лучше, он приобщается к вечности. В любящем человеке раскрывается подлинное богоподобие — он становится образом не только Божьим, но и Его живым продолжением. Это означает, что личность — это не просто биографическая или социальная категория. Это мистическое состояние духа, в котором человеческое соединяется с вечным.

Мне, как женщине, особенно близка мысль Соловьёва о любви как творящем, преобразующем начале. Женская природа сама по себе стремится к соединению, к целостности, к бескорыстной отдаче. В этом — её сила, её духовный дар. Через любовь женщина не только переживает эмоциональную связь, но и духовно рождается, становится способной к принятию, к милосердию, к заботе, к материнству — не обязательно физиологическому, но всегда духовному. В женской любви особенно остро чувствуется способность видеть в другом бессмертное, неограниченное временем существо. Именно поэтому женская душа, по Соловьёву, способна на особый вид любви — такую, которая растворяется в другом, но не исчезает, а напротив, обретает в этом вечность.

«Истинная любовь не требует награды, она довольствуется лишь сознанием, что живёт в другом, что растворена в нём и обретает в этом вечность» — эта фраза Соловьёва становится не просто метафорой, а способом существования личности. Именно так любовь преображает женщину и позволяет ей становиться личностью — не в отрыве от других, а через них, в союзе, в сопричастности, в духовной близости.

Женщина, переживающая любовь, раскрывает в себе глубину — не просто эмоциональную, но онтологическую. Через любовь она находит путь к себе, к своей целостности. Это не означает, что мужчина не способен к такому же пути, но женская перспектива позволяет особенно ярко увидеть, как любовь становится духовной формой бытия. Личность, в таком понимании, — это не

роль, не достижение, а дар, но дар, который раскрывается только в процессе личного роста, внутреннего усилия, духовного делания.

Если индивид представляет собой точку отсчёта, некую природную заданность, то личность — это путь. Но не путь в количественном смысле, не сумма прожитых лет или накопленных знаний, а качественное изменение внутренней структуры человека. Это процесс становления, развития, преодоления. И в этом процессе ключевую роль играет любовь — как критерий подлинного бытия. Без любви личность невозможна, потому что именно любовь выводит нас за пределы собственного эгоизма, учит жертве, открывает способность быть в ответе за другого.

Соловьёв подчёркивает: личность не существует в вакууме. Она рождается только в отношении — к другому человеку, к Богу, к миру. Только в этом отношении раскрывается глубина человеческого «я», которое обретает свою форму не через обособленность, а через сопричастность. Именно поэтому развитие личности — это всегда процесс выхода из замкнутости, движения к другому, включения в пространство любви и истины.

Формирование личности связано не столько с образованием или воспитанием, сколько с духовным усилием. Это усилие предполагает способность к внутреннему диалогу, к честному взгляду на себя, к преодолению собственных слабостей и ограничений. И в этом контексте любовь выступает не только как стимул, но и как проверка подлинности: способен ли я любить — значит, способен ли я быть больше, чем просто я.

Именно поэтому, как подчёркивает Соловьёв, личность возникает в пространстве этики и духа. Это не просто самость, это способность к ответственности, к жертве, к правде. Личность — это то, что никогда не существует само по себе. Она всегда предполагает «другого» — как того, ради кого она существует. Это может быть возлюбленный, ребёнок, Бог — но без этой связи, без этого «ты», личность не появляется.

В этом смысле человек как личность — не просто продукт биологических или социальных процессов, а носитель высшего смысла. Он — звено в цепи духовной эволюции, участник вечного процесса преображения мира. Через любовь он соединяется с Божественным, выходит за рамки временного и смертного. Соловьёв утверждает, что любовь есть путь к бессмертию — и в этом утверждении заключается не только религиозный, но и глубоко философский смысл. Человек, способный любить, становится существом, несущим в себе вечное.

Такое понимание человека противоположно взгляду, согласно которому личность — это лишь маска, набор черт или ролей, сформированных культурой и обществом. У Соловьёва личность — не социальная функция, а духовная реальность. Это то, что не может быть сведено к биологии, к психологическим типам, к историческим обстоятельствам. Личность — это внутренняя глубина человека, его связь с абсолютным, его устремление к вечному и совершенному.

Для Соловьёва личность не может существовать без любви, потому что именно в любви человек перестаёт быть объектом природы и становится

субъектом духа. Только любя, человек выходит за пределы необходимости и входит в пространство свободы. Любовь — это метафизический акт, в котором раскрывается бессмертие человека. Он становится личностью, когда признаёт бессмертие другого, когда не мыслит своего бытия без присутствия этого другого.

Современный мир, к сожалению, всё чаще ставит под угрозу эту глубину. Слишком часто человека сегодня рассматривают как потребителя, как единицу статистики, как механизм, призванный выполнять определённые функции. В таком подходе теряется главное — то, что человек несёт в себе тайну. Он не сводим к телу, к уму, к биографии. Он есть существование в любви. И если любовь исчезает — исчезает и личность.

Соловьёв в этом смысле становится актуальным пророком. Он предупреждает: без любви мы теряем подлинное «я». Мы остаёмся индивидами, живущими по инстинкту, по инерции, в страхе и замкнутости. Но как только любовь входит в нас, мы обретаем крылья. Мы больше не просто биологические существа, мы — существа, способные к преображению. Мы становимся духовными существами, способными к вечной жизни.

И это особенно важно для меня как для женщины. Потому что женская природа, по Соловьёву, интуитивно связана с любовью, с материнством, с жертвой, с принятием. Женщина чаще чувствует, чем мыслит, но в этом чувствовании есть глубокая истина. Женщина не просто даёт жизнь физически — она может давать жизнь духовно. Через любовь, через заботу, через умение быть с другим и для другого. В этом и есть сила женщины — не в подчинении, а в умении соединять.

Став личностью, женщина раскрывает в себе глубинное предназначение — не раствориться в другом, но утвердить другого через свою любовь. И это не слабость, как часто пытаются представить, а высшая форма бытия. В любви женщина не теряет себя, а находит. И этот путь — тот же путь, о котором говорит Соловьёв: путь преодоления индивидуальности, путь к вечности, путь к Богу.

Путь развития личности, согласно Соловьёву, — это не мгновенное превращение, а длительный, порой болезненный процесс духовного возрастания. Личность формируется через внутренний выбор, через борьбу со своей природной ограниченностью и эгоизмом. Это постоянное движение от замкнутого «я» к открытию «ты», к признанию другого как равного и значимого. В этом процессе любовь служит одновременно и средством, и критерием подлинности становления.

Любовь в понимании Соловьёва — это не просто чувство или эмоция, а активное усилие, акт воли и духа. Это готовность жертвовать собой ради другого, быть верным и терпеливым, принимать и прощать. Без такого отношения личность остаётся неполной, потому что истинное «я» раскрывается только в связи с «ты». Именно поэтому становление личности связано с развитием нравственных качеств и духовных ценностей, без которых невозможно выйти за пределы биологической ограниченности индивида.

В этом контексте индивид и личность выступают как два качественно разных уровня человеческого бытия. Индивид — это базовая форма жизни, обращённая к себе и своим потребностям. Личность — это форма жизни, обращённая к другому, к вечному, к Богу. Индивид живёт во времени и пространстве, а личность устремлена к вечности. Индивид существует, чтобы выжить, личность — чтобы любить и созидать.

Современные вызовы — массовая культура, технологическая однородность, отчуждение — способствуют тому, что многие остаются на уровне индивида. Потеря чувства любви и ответственности за другого ведёт к духовной пустоте и внутренней фрагментарности. В таких условиях философия Соловьёва звучит как призыв вернуться к источнику — к любви как смыслу и основе человеческой жизни.

В заключение хочется подчеркнуть, что любовь, рассматриваемая Соловьёвым, открывает человеку дверь в духовный мир, даёт возможность стать личностью, а не просто биологическим существом. Это ключ к пониманию себя и другого, к построению гармоничных отношений и достижению подлинного смысла жизни. Любовь — не просто чувство, а высшее состояние, путь к вечности и вечной жизни, через которое человек обретает свою настоящую сущность и становится подлинной личностью.

Список литературы:

1. Соловьёв В.С. Смысл любви. — М.: Эксмо, 2006. — 320 с. — (Из наследия мировой философской мысли).

Яковлева Елизавета Станиславовна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Elizaveta Yakovleva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АБСТРАКТНАЯ ЖИВОПИСЬ МАРКА РОТКО: МЕДИТАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы трансцендентного в абстрактной живописи Марка Ротко. Рассматривается, каким образом цветовые поля художника формируют опыт почти религиозного и медитативного созерцания. Особое внимание уделяется феноменологическому воздействию цвета, его способности выходить за пределы рационального восприятия и становиться инструментом «чистого переживания». В работе прослеживается связь творчества Ротко с философией экзистенциализма и концепцией непосредственного опыта, а также анализируются ключевые произведения, включая серию «Red on Maroon», «No. 14 (1960)» и поздние композиции капеллы Ротко. Делается вывод о том, что трансцендентное в абстрактном искусстве проявляется не через религиозную символику, а через интенсивность зрительного переживания, превращающего цвет в пространство духовного опыта.

Ключевые слова: Марк Ротко, абстрактная живопись, трансцендентное, цвет, экзистенциализм, чистое переживание, феноменология, медитативное созерцание.

MARC ROTHKO'S ABSTRACT PAINTING: THE MEDITATIVE POWER OF COLOR

Summary: This article explores the problem of the transcendent in the abstract painting of Mark Rothko. It examines how Rothko's color field compositions generate an experience of almost religious and meditative contemplation. Particular attention is paid to the phenomenological power of color as a medium that transcends rational perception and becomes a vehicle for "pure experience." The study highlights the connection between Rothko's artistic practice and existential philosophy, as well as the concept of immediate experience. Key works are analyzed, including the "Red on Maroon" series, "No. 14 (1960)," and the late dark compositions created for the Rothko Chapel. The paper argues that the transcendent in abstract art emerges not through religious symbolism, but through the intensity of visual experience that transforms color into a space of spiritual presence.

Keywords: Mark Rothko, abstract painting, transcendence, color, existentialism, pure experience, phenomenology, meditative contemplation.

Абстрактная живопись XX века ассоциируется с попытками выразить нечто за пределами видимого мира, непостижимое рационально. Марк Ротко (1903-1970) один из ключевых представителей цветового абстракционизма, видел в живописи способ «представить бытие в чувственном опыте», идти «за пределы изображения видимого». Его полотна не рассказывают сюжетов, а устанавливают прямой эмоциональный контакт со зрителем, вызывая состояние почти религиозного или медитативного созерцания. Как писал сам Ротко, его интересовало «только передать основные человеческие эмоции - трагедию, судьбу и т.д.», и поскольку «много людей разрыдались, стоя перед моими картинами, значит, я сумел передать эти эмоции» [5].

В этом эссе мы последовательно рассмотрим, как работы Ротко создают опыт восприятия, как цвет выступает языком выхода за пределы рационального, какую роль здесь играют экзистенциализм и концепция «чистого переживания», и проанализируем конкретные полотна Ротко, раскрывающие эти аспекты. Трансцендентное в абстрактной живописи будет понято как «то, что находится вне» опыта, но тем не менее дающее о себе знать через чистое чувственное восприятие.

Картины Ротко часто сравнивают с религиозной или медитативной практикой. Сам художник отмечал, что, вступая с его работами в контакт, зрители часто испытывают глубокое эмоциональное потрясение. Так, отвечая на репродуцирование своей работы, Ротко заявил: «Люди, плачущие перед моими картинами, переживают тот же религиозный опыт, что и я, когда писал их». Это заявление напрямую связывает переживание от картины с духовным переживанием, выходящим за рамки рационального анализа. Важную роль здесь играет атмосфера конкретной экспозиции: знаменитая Капелла Ротко в Хьюстоне - пространство, специально созданное для погружения в молчаливое созерцание, по словам исследователей, воспринимается посетителями как сакральное место.

Французский коллаборационист А. де Мениль, вдохновитель капеллы, сказал о них «Самый тёмный час - перед рассветом», намекая на то, что даже в почти монохромной «тьме» полотен пробивается слабый свет. Такие описания подчёркивают медитативную динамику: чем дольше всматриваешься в цветовое поле Ротко, тем глубже ощущается пространство и тем сильнее возникает внутреннее напряжение, оставляющее место для озарения.

Философски, переживание «сакрального» у Ротко близко идеям Рудольфа Отто о «нуминозе» - иррациональном чувстве таинственного «иного», полного трепета и благоговения. Хотя Ротко не апеллирует к конкретной религии и сам формально был атеистом, его привлекает идея трансцендентности чисто человеческой, а искусство становится «сакральным» в том смысле, что оно вырывает нас из повседневности. При этом Ротко отказывается рассматривать свой мистицизм как встречу с божеством: «религиозный опыт» он определяет скорее как глубокое внутреннее столкновение с материей (холст, краски), рождающее сильные эмоции. Такой опыт, по его словам, находится «за пределами рационального, недоступен науке, не поддаётся объяснению», и

именно это подчёркивает его связь с трансцендентным. В целом медитативный эффект живописи Ротко основан на создании «присутствия» рабочего состояния, где зритель «безмолвно и открыто» соприкасается с полотном, словно это живой собеседник [6].

Цвет у Ротко не декоративный элемент, а главное средство воздействия. Его масштабные холсты состоят из большого числа тонких цветовых полей, образующих мягкие, нечетко очерченные прямоугольники. Игра прозрачных слоёв создаёт иллюзию внутреннего света. Так, в одном из описаний отмечается: «смещение воздушных цветовых вуалей рождает эмоциональное напряжение... тёплые оранжевые и красные оттенки вызывают ощущение согревающего света, в то время как грубое синее добавляет контраст». Эти «элементарные цвета» несут древние коннотации - как «свет, тепло, природный мир» и цикл суток (рассвет - закат).

Философски цвет воспринимается как «лингва трансцендентного», способ выводить зрителя за рамки буквального понимания. Красота произведения заключается не в композиции цвета в привычном смысле, а в создании атмосферы, когда зритель перестаёт анализировать и начинает переживать. По словам философа Мерло-Понти, «то, что правильно для видимого - быть поверхностью неисчерпаемой глубины»; в живописи Ротко именно цветовые поверхности открывают эту глубину. Сама художница ставит зрителя вплотную к полотну (18 дюймов по совету Ротко), чтобы «универсальный дух» охватил его целиком. В итоге цветовые поля Ротко действуют как медитативные экраны: они кажутся одновременно бесконечными и плавающими, расширяясь «во всех направлениях» или, наоборот, «сжимаясь внутрь», и именно это движение вовне-внутрь и настраивает зрителя на трансцендентное восприятие. Сам Ротко настаивал, чтобы его работы были выставлены в темных помещениях, чтобы зритель полностью чувствовал настроение цвета.

Творчество Ротко неразрывно связано с экзистенциальными настроениями послевоенной эпохи. Как отмечают исследователи, его поздние холсты воплощают два «трагических момента» человеческого бытия: отсутствие общих мифов и осознание смертности. Отказ от сюжета и аллегории со стороны Ротко соответствует экзистенциальному тезису Ж.-П. Сартра: значение искусства задаётся не намерениями художника, а переживанием зрителя. Сартр утверждал, что «смысл произведения заключается в самом сохранении зрителя» – зритель созидает смысл через свою свободу восприятия. Это близко Ротко: художник специально оставил название работ нейтральными («№ 14») или указание лишь цвета, подчёркивая автономию опыта. Абстракция Ротко, по сути, приглашает «восприимчивого» зрителя активно участвовать в акте понимания, созвучно экзистенциалистскому принципу, что каждый сам отвечает за свой опыт произведения.

Ротко говорит о чувствах «в одиночестве, когда человек ощущает себя частью чего-то более высокого», и его мрачные цветовые комбинации часто воспринимаются как сцены безысходного одиночества перед бездной. В

поздних чёрно-серых картинах (серия для капеллы Ротко) доминирует чувство беспредметности: они «кажутся представлением пустоты».

В центре философского анализа - конкретные произведения Ротко. Например, «Red on Maroon» (1959) из серии для Хьюстонской капеллы - это две горизонтальные полосы (огненно-красная над бордово-багряной) на почти чёрном фоне. На первый взгляд полотно почти монохромно, но при длительном созерцании «становится виден весь спектр оттенков, и в глубине тьмы начинает брезжить свет». Здесь наиболее ярко проявляется религиозная аллюзия – суггестивно приглушённая, но упорно маячащая «заря» внутри мрака.[6]

В «No. 14» (1960) Ротко переходит к более яркой палитре: почти девятифутовое полотно поделено на широкую полосу насыщенного оранжевого в верхней части и фигуру глубокого кобальтового синего внизу, плавающие на фиолетово-сливовом фоне. Красочный слой здесь неоднороден: в центре полосы холст покрыт толстой краской, а к краям слой истончается - краска словно «проявляется» или «тает» в темноту. Этот приём усиливает ощущение «дыхания» полотна, его лёгкого движения. Зритель чувствует себя окружённым цветом и внутренне реагирует [2].

Наконец, поздние чёрные композиции Ротко (например, «Black on Maroon», 1958) доведены почти до абсолюта тёмного поля. Здесь видим «минимализм до полнейшего предела»: формы расплывчаты, контрасты незаметны, а пространство погружено в густую тишину. Именно в этой тишине зритель ощущает «всепоглощающий трансцендентный опыт»: по словам одного комментатора, полотна «медитативно пропитывают зрителя» и «приглашают к молчаливому диалогу». Хьюстонская капелла с этими работами была задумана как место «космической солидарности» - святилище, где люди любого вероисповедания находят общее молчание. В этом контексте поздние полотна Ротко функционируют как немая икона, лишённая образов, но вызывающая состояние чего-то священного [3].

Философская проблема, затрагиваемая Ротко, - это проблема того, как абстрактное искусство может выражать трансцендентное. По мнению Ротко, искусство открывает «истину опыта» не словами, а цветом и светом - оно «не повторяет реальность, а дает возможность интуиции духовной истины». Хайдеггер учил, что сущность искусства обнажать бытие, «создавать истину», и абстрактное полотно делает это не через сюжет, а через свое «чистое присутствие». В концепциях феноменологии визии (Мерло-Понти) видимое всегда указывает на глубину бытия. Ротко переводит эти идеи на язык кисти: его картины - это визуализация единства «бытия» и переживания [1].

Таким образом, полотна Марка Ротко демонстрируют, что абстрактное искусство способно быть проводником трансцендентного через глубинный опыт восприятия [4]. Его фактурные цветовые поля, большая масштабность и отсутствие сюжетных привязок уводят зрителя в состояние почти религиозного созерцания, сняв обычные знаковые оболочки. При этом цвет сам становится языком, преодолевающим рассудок и напрямую влияющим на тело и эмоции. Ротко связывают с экзистенциальной традицией: он освобождает зрителя от

культурных мифов и заставляет встретиться с фундаментальными человеческими категориями. В итоге проблема трансцендентного в абстрактном искусстве у Ротко разрешается через трансформацию материи живописи в присутствии в зримую, но и невидимую силу, вызывающую у зрителя откровение перед лицом бесконечности и собственного внутреннего «я».

Вопрос о цвете в живописи Марка Ротко нельзя сводить к категории эстетического средства. В его творчестве цвет становится событием, формой присутствия, которая разворачивается во времени восприятия. В отличие от традиционной живописи, где цвет обслуживает изображение, у Ротко он утрачивает предметную функцию и начинает действовать автономно. Цветовое поле не обозначает объект, оно становится пространством переживания.

Исследователи отмечают, что Ротко стремился устранить дистанцию между произведением и зрителем, добиваясь состояния «прямого контакта» с полотном. Масштаб его работ и мягкие размытые границы прямоугольников создают эффект втягивания.

Насыщенные красные, глубокие мароны, тёмные фиолетовые и почти чёрные плоскости вызывают состояние погружённости, сопоставимое с медитативной практикой. Цвет перестаёт быть визуальным фактом и становится психологической средой. Особенно выразительно это проявляется в серии «Red on Maroon» (1959), где красные пласты словно растворяются в темноте, создавая ощущение внутреннего свечения. Цвет не просто воспринимается глазом - он переживается телом. Зритель не столько видит картину, сколько оказывается внутри неё. Подобный эффект можно интерпретировать через призму экзистенциальной философии: встреча с цветовым полем становится встречей с собственной конечностью, одиночеством, тревогой и одновременно - возможностью внутреннего преодоления.

В абстрактной живописи Ротко цвет перестаёт быть характеристикой формы и становится способом существования произведения. Через него раскрывается возможность искусства быть не отражением реальности, а событием внутреннего откровения.

Список литературы:

- 1.ABC News (Australia). The Meaning Behind Mark Rothko's Paintings [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.abc.net.au> (дата обращения: 02.03.2026).
- 2.Arzamas. Марк Ротко: цвет и трансцендентность [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy> (дата обращения: 02.03.2026).
- 3.JSTOR Daily. The Spirituality of Mark Rothko [Электронный ресурс]. – URL: <https://daily.jstor.org> (дата обращения: 02.03.2026).
- 4.Popova M. Mark Rothko on Art, Emotion, and the Human Condition // The Marginalian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.themarginalian.org> (дата обращения: 02.03.2026).

- 5.The Collector. Mark Rothko and the Spiritual Power of Color [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thecollector.com>(дата обращения: 02.03.2026).
- 6.University of Chicago Divinity School. The Rothko Chapel and the Experience of the Sacred [Электронный ресурс]. – URL: <https://divinity.uchicago.edu> (дата обращения: 02.03.2026).

Яковлева Олеся Сергеевна

1 СД-34

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ватолина Юлия Владимировна

Olesya Yakovleva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СТРАХ СМЕРТИ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ

Аннотация: В статье рассматривается проблема страха смерти как одной из фундаментальных тем философии. Анализируются различные способы осмысления смерти в мифологическом сознании, античной философии и экзистенциальной традиции. Особое внимание уделяется интерпретации смерти как перехода и трансформации в архаических культурах, представленной в работе Ю. В. Ватолиной. Исследование также опирается на философские концепции Эпикура и Мартина Хайдеггера, которые по-разному интерпретируют отношение человека к собственной смертности. Показано, что в мифологическом мировоззрении смерть не воспринималась как абсолютный конец существования, а являлась частью универсального космического цикла. В античной философии предпринимается попытка рационального преодоления страха смерти, тогда как в экзистенциальной философии он осмысливается как фундаментальный опыт человеческого существования. Делается вывод о том, что философское осмысление смерти позволяет по-новому понять природу человеческого бытия и отношение человека к собственной конечности.

Ключевые слова: страх смерти, философия смерти, миф, экзистенциализм, Эпикур, Хайдеггер, трансформация.

FEAR OF DEATH AND ITS PHILOSOPHICAL INTERPRETATION: FROM MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS TO EXISTENTIALISM

Summary: The article examines the problem of the fear of death as one of the fundamental themes of philosophy. Various ways of understanding death in mythological consciousness, ancient philosophy, and existential thought are analyzed. Particular attention is paid to the interpretation of death as a path and transformation in archaic cultures, presented in the work of Y. Vatolina. It is shown that in mythological worldviews death was not perceived as the absolute end of existence but as part of a universal cosmic cycle. Ancient philosophy attempted to rationally overcome the fear of death, while existential philosophy interpreted it as a fundamental experience of human existence. The article concludes that philosophical reflection on death allows for a deeper understanding of human existence and the human attitude toward finitude.

Keywords: fear of death, philosophy of death, myth, existentialism, Epicurus, Heidegger, transformation.

Проблема смерти является одной из центральных тем философского размышления. Осознание собственной конечности неизбежно вызывает у человека чувство тревоги и страха, которое сопровождает человеческую культуру на протяжении всей истории. В различных философских традициях предпринимаются попытки осмыслить природу смерти и объяснить причины страха перед ней. Цель данной статьи — проанализировать философские интерпретации страха смерти в различных культурных и философских традициях, выявив особенности его понимания в мифологическом сознании, античной философии и экзистенциальной мысли. Такой анализ позволяет показать, что страх смерти не является исключительно психологическим переживанием, а связан с историческим изменением представлений человека о собственной конечности и месте в мире.

В современной культуре отношение к смерти существенно отличается от представлений прошлых эпох. Как отмечает Ю. В. Ватолина, в новоевропейском мире сложилось особое отношение к смерти, связанное с её вытеснением из культурного пространства. По словам исследовательницы, «в новоевропейском “мире” сформировалось жесткое разделение и противопоставление жизни и смерти, сложилась традиция вытеснения и замалчивания последней, результатом чего стал неизбывный страх перед ней как абсолютно неизведанным» [1, с. 118].

В архаических культурах отношение к смерти носило совершенно иной характер. Согласно анализу, представленному в работе Ю. В. Ватолиной, в мифологическом сознании не существовало строгой границы между жизнью и смертью. Эти состояния рассматривались как взаимосвязанные аспекты единого космического процесса. Как подчеркивает автор, в архаических представлениях «мир в своих основаниях един и подчинен универсальным ритмам умирания и возрождения; в эти природные ритмы вписано также и бытие человека» [1, с. 118].

В мифологических представлениях смерть часто осмысляется как путь, который должна пройти душа умершего. Этот путь связан с преодолением границы между мирами и переходом в иное пространство бытия. В различных мифологических традициях данный переход изображается через символические образы: переход через реку, путешествие по мосту или подъем по особой лестнице. Подобные представления указывают на то, что смерть понималась не как окончательное исчезновение человека, а как переход в иное состояние.

Особое значение имеет идея преобразования человека после смерти. В исследовании Ю. В. Ватолиной подчеркивается, что в архаических культурах смерть могла рассматриваться как процесс трансформации человеческого существования. Как пишет автор, «смерть в архаических “мирах” предстает не как конец существования, за которым следует распад, а как начало новой жизни в ином качестве, в ином измерении бытия» [1, с. 121]. Таким образом, умерший человек не исчезает окончательно, а приобретает новый статус, иногда даже приближаясь к сакральной сфере.

Подобное понимание смерти существенно отличается от представлений, характерных для античной философии. В философии Эпикура проблема страха смерти получает рациональное объяснение. Эпикур утверждал, что страх смерти возникает из-за неправильного понимания её природы. В своем «Письме к Менекею» он пишет: «Привыкай думать, что смерть для нас ничто, ибо все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений» [5].

Согласно эпикурейскому учению, смерть не может быть злом для человека, поскольку она не переживается им непосредственно. Именно поэтому Эпикур формулирует известный философский принцип: «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует; когда же смерть приходит, тогда уже не существуем мы» [5]. Таким образом, страх смерти оказывается иррациональным, поскольку человек никогда не может пережить её как опыт.

Совершенно иной подход к проблеме смерти формируется в философии XX века, прежде всего в экзистенциализме. Немецкий философ Мартин Хайдеггер рассматривает смерть не как событие, происходящее в конце жизни, а как фундаментальную характеристику человеческого существования. В работе «Бытие и время» он вводит понятие «бытие-к-смерти», обозначающее особое отношение человека к собственной конечности.

По Хайдеггеру, человек способен осознавать неизбежность собственной смерти, и именно это осознание отличает человеческое существование от всех других форм бытия. Философ отмечает, что смерть является «возможностью невозможности всякого существования» [4, с. 262]. Осознание этой возможности открывает человеку перспективу подлинного существования.

В отличие от Эпикура, Хайдеггер не считает необходимым устранение страха смерти. Напротив, переживание собственной конечности может стать важным моментом самопонимания человека. Столкновение с мыслью о смерти позволяет человеку выйти за пределы повседневного существования и осознать уникальность собственной жизни.

Сравнение различных философских подходов показывает, что отношение к смерти во многом определяется культурными и историческими представлениями о человеческом существовании. В мифологическом сознании смерть воспринимается как переход и трансформация. В античной философии предпринимается попытка рационально освободить человека от страха смерти. В экзистенциальной философии, напротив, страх смерти рассматривается как фундаментальный опыт человеческого существования.

Таким образом, философское осмысление смерти позволяет глубже понять природу человеческого бытия. Страх смерти оказывается не только психологическим переживанием, но и важным философским вопросом, связанным с пониманием конечности и смысла человеческой жизни.

Список литературы:

1. Ватолина, Ю. В. Смерть как путь и преображение: сценарий мифа // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы

- VIII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 11 декабря 2025 года: в 2 т. / под ред. А. С. Минина. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2025. – Т. 1. – С. 118–123.
2. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. – М.: АСТ, 2026. 512 с.
3. Камю, А. Посторонний– М.: АСТ, 2021. – 128 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503 с.
5. Эпикур. Письмо к Менекею // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – С. 432–436.

Якунина Полина Андреевна

студент

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

Научный руководитель: кандидат культурологии, доцент Григорьева Юлия Викторовна

Yakunina Polina

Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА К ПРОЕКТИРОВАНИЮ МУЗЕЙНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация: В статье проанализировано значение изучения социально-гуманитарных дисциплин в техническом вузе при подготовке будущих архитекторов. В процессе исследования применялись сравнительный, социокультурный и комплексный подходы, а также элементы общей теории музееведения и урбанистики для анализа знаний, необходимых архитекторам для проектирования пространства современных музеев. В заключении сделаны выводы о принципиальном значении гуманитарных и социальных дисциплин для будущих архитекторов.

Ключевые слова: социально-гуманитарные дисциплины, музейная архитектура, музейная среда, тенденции музейной архитектуры, экспозиционная среда, зритель.

THE ROLE OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES IN PREPARING ARCHITECTURE STUDENTS AT SAINT PETERSBURG MINING UNIVERSITY FOR MUSEUM SPACE DESIGN

Summary: The article analyzes the importance of studying social and humanitarian disciplines at a technical university in the preparation of future architects. The study used a comparative, sociocultural, and comprehensive approach, as well as elements of general museum studies and urban studies, to analyze the knowledge required by architects to design modern museum spaces. In conclusion, the importance of the humanities and social sciences for future architects is highlighted.

Keywords: social and humanitarian disciplines, museum architecture, museum environment, museum architecture trends, exhibition environment, spectator.

Архитектурная деятельность включает в себя множество аспектов, предполагающих обладание знаниями и умениями в разнообразных областях современной жизни. Образовательная модель в данной сфере не может не включать важные элементы комплексного понимания общества. «Специфика архитектурного образования – в синтезе технического, художественного и социального содержания» – полагает И.В. Поцешковская, заведующая кафедрой архитектуры Санкт-Петербургского горного университета

Екатерины II [3, с. 229]. Цель реализуемого с 2023 г. пилотного проекта по реформированию высшего образования заключается в подготовке специалистов, «которые уже на стадии окончания “альма-матер” будут обладать необходимым для работы набором знаний, навыков и дополнительных компетенций», – полагает ректор Санкт-Петербургского горного университета В.С. Литвиненко [2]. Рассмотрению знаний из социальной и гуманитарной сфер, важных для профессионального становления студентов специальности «Архитектура» посвящено данное исследование.

Подготовка будущих архитекторов в Горном университете совмещает в себе кроме теории и практики профессиональной деятельности и серьёзной базы инженерных знаний также основы социальных и гуманитарных дисциплин, преподаваемых на 1-2 курсах специалитета. Далее будет показано, что студентам кафедры архитектуры недостаточно только знать технические и технологические аспекты проектирования, уметь создавать уникальные проекты частных сооружений, публичных строений и пространств, важно также разбираться в широком культурном и социальном контексте функционирования этих построек и территорий.

Быстро меняющиеся современные тенденции и реалии бытия ставят перед специалистами по средовому проектированию задачу быстро и грамотно реагировать на потребности людей и сообществ. Архитектурный дизайн, основанный на многоаспектном методе работы с пространством, позволяет сформулировать общие закономерности художественного освоения и восприятия предметно-пространственной среды как целостной сферы личностного и социального существования. Комплексное проектирование различных архитектурных объектов, их комплексов и систем ставит вопрос гармонизации среды как определённой целостности (по сути и по форме), способной отражать и трансформировать образ жизни. Понимание социальных тенденций развития городских пространств является дополнительной, но немаловажной компетенцией студентов-будущих архитекторов, что предполагает изучение целого комплекса общественных и близких к ним наук: от урбанистики, социологии и психологии до экологии и экономики.

Социология как научная и учебная дисциплина помогает студенту-архитектору понять, как архитектура взаимодействует с обществом и учесть социальные потребности, ценности и поведение людей. Если инженерные дисциплины отвечают на вопрос «как построить?», то социология отвечает на вопросы «для кого и зачем создавать здания и сооружения?» и «как создать комфортную среду?» Наука об обществе позволяет анализировать запросы разных социальных групп и адаптировать проекты под их потребности; оценивать, как архитектурные объекты влияют на социальные процессы и пространственное поведение людей; разрабатывать проекты, способствующие социальной интеграции или решению конкретных социальных проблем и многие другие аспекты, ориентированные на учёт в проектировании человеческого фактора. То есть социологию можно рассматривать как

инструментарий, который превращает строителя зданий в создателя среды для людей.

Особый фокус автора данной статьи сосредоточен на изучении особенностей проектирования пространства современных музеев. Основная причина такого интереса именно к проектированию музейных пространств кроется в разноплановости, сложности и вариативности музейных экспозиций, а также в связи с интенсивной сменой парадигм и общественных запросов. Такая междисциплинарная область, как музейная архитектура, является сложным социокультурным феноменом, сочетая в себе целый спектр знаний, как архитектурно-строительных, так социальных и гуманитарных.

Специализация на разработке проектов общественных сооружений, в частности, музеев, требует глубокого понимания теории и истории подобного рода зданий, а также изучения и понимания восприятия музейных экстерьеров, интерьеров и экспозиций зрителями, то есть знание основ музееведения, социологии, психологии и других социально-гуманитарных дисциплин. Вопросы влияния архитектуры на восприятие экспозиционных пространств, на социализацию зрителей и на прочие немаловажные социально-гуманитарные аспекты современного мира являются малоизученными и требуют постоянного сбора новой информации и анализа современных тенденций музейного опыта, что ещё раз подчёркивает актуальность данной темы. Для достижения цели исследования автор использовал социокультурный и комплексный подходы, а также элементы общей теории музееведения и урбанистики.

Несомненно, архитектура имеет главенствующее значение в формировании музейного пространства и создании яркого впечатления от его посещения: «...первостепенным из искусств, влияющих на другие искусства и управляющих формированием эмпирических образов города, является архитектура. Её нельзя стусевать, вытеснить из восприятия хотя бы в силу масштаба и физической принадлежности среде обитания» [5, с. 7]. Однако изучение музейной архитектуры через призму социально-гуманитарных дисциплин позволяет студентам проектировать пространства, которые не только эстетичны и функциональны, но и социально значимы. Эти дисциплины позволяют выйти за рамки чисто технической задачи и увидеть музей как активный элемент общественного диалога и городской среды.

На сегодняшний день архитектура музея становится инструментом коммуникации, способствующим более глубокому пониманию и эмоциональному переживанию культурного наследия. Социология помогает понять аудиторию музея: её ожидания, поведенческие модели и социальные различия. Анализ социальных функций музея, а именно образование, идентичность и т.д. является также очень значимым аспектом, требующим пристального внимания, как и оценка доступности и инклюзивности пространства (для разных гендерных, возрастных, этнических, экономических групп).

Знания в области урбанистики помогают архитектору раскрыть роль музея как градообразующего элемента, как точки притяжения и индикатора

идентичности района или даже города. Современный музей должен основываться на принципах интеграции в городское пространство: учитывать транспортную доступность, пешеходные маршруты, общественные пространства. Влияние музеев на развитие прилегающей территории может положительно сказаться на формировании комфортной общественной среды. В качестве примера можно привести Музей современного искусства (МоМа) в Нью-Йорке. Данный пример демонстрирует, что музеи за счёт своей полифункциональности могут притягивать посетителей и оживлять даже не самые перспективные районы города.

Изучение студентами архитекторами такой дисциплины, как культурология необходимо для раскрытия связи архитектуры с культурой, историей и идентичностью, что позволяет понимать, как архитектурные формы отражают культурные, исторические и национальные особенности общественного развития; учитывать культурное наследие при проектировании, чтобы новые объекты гармонично вписывались в существующую среду; создавать архитектурные символы, которые укрепляют культурную идентичность или способствуют диалогу между культурами; анализировать архитектурные стили в контексте культурных парадигм. «На протяжении второй половины XX и в начале XXI в. музей оказывается уникальным институтом в системе культуры. Являясь частью культуры, он движется в русле общих тенденций её развития, но в то же время оказывает влияние на культурные процессы» [1, с. 35]. Культурология позволяет понимать культурный контекст города, региона и страны, учитывать отражение контекста в архитектуре, интерпретировать символику форм, материалов и пространств, выстраивать диалог эпох при строительстве новых и реконструкции исторических зданий, учитывать культурные коды разнообразных сообществ при создании мультикультурных экспозиций. А.В. Чугунова в статье «Музейная архитектура в рамках движения “Новая музеология”» рассматривает архитектуру музейных зданий, основанную на принципах данного движения. Появился новый тип музеев, который призван раскрыть красоту и глубокую историю отдельных регионов и городов страны и приобщить жителей к местной культуре. Такого эффекта архитекторы добивались не только внешним, но и внутренним устройством музеев, прибегая к различным архитектурным приёмам, позволяющим в полной мере прочувствовать местные атмосферу и культуру. «Это направление связано с музейными зданиями, построенными в соответствии с принципами движения “Новая музеология”» [6, с. 373].

Современный подход к проектированию музейной среды также предполагает размытие чёткой границы между непосредственно музейным зданием и его окружением. Архитектура должна приглашать зрителя к просмотру, завлечь его ещё до прихода в музей. Также и в самом музее не предполагается существования чётких границ между выставочными зонами, мультимедийными и интерактивными объектами или экспонатами, между посетителем и архитектурным пространством. Архитектура задаёт траекторию

пути тела и мыслей зрителя. С помощью этого тезиса автор данной статьи подходит к значимости изучения молодыми специалистами философии и использования данной дисциплины как инструмента, позволяющего осознать смысловые основания музейного пространства. Социальная философия и эстетика дают категории для анализа культурных ценностей и этических аспектов музейного бытия предметов (хранения и демонстрации выставочных экспонатов), позволяют разработать концептуальные сценарии экспозиций (значимость сценарного подхода проектирования) и, конечно, рефлексировать о роли музея в эпоху цифровизации.

Экология становится ключевым аспектом современной архитектурной практики в условиях глобальных экологических вызовов. Её изучение студентами позволяет учитывать экологические принципы при проектировании; использовать экологически чистые материалы; внедрять энергосберегающие технологии; минимизировать негативное воздействие на окружающую среду; работать с концепциями устойчивого развития, «зелёной» архитектуры и эко-адаптации городской среды; интегрировать природные элементы в городскую среду и так далее. Экологический склад мышления помогает архитектору создавать условия для устойчивого совместного существования человека и природы, «приближения человека к природе путем создания экологичных природных зон» [7, с. 802]. Экологический подход необходим для проектирования энергоэффективных зданий, выбора экологичных материалов с низким углеродным следом, сохранения биоразнообразия при благоустройстве территорий, и, одним из самых важных и актуальных в наши дни представляется формирование экологического сознания через экспозиционные решения.

Среди тех «мягких» навыков, которые значимы для современной западной цивилизации, неизменно называют творческое отношение, креативность, адаптивность и гибкость. Но «быть экологичным означает не просто быть способным адаптироваться к любым изменениям, но и проявлять волю к тому, чтобы прорисовывать контуры желаемого мира, благоприятного для человечества и жизни в целом» [4, с. 303]. Современные тенденции формирования музейной архитектурной среды ориентированы на создание доступных и инклюзивных пространств, учитывающих запросы и возможности всех категорий культурных потребителей. Это способствует созданию комфортной атмосферы, способствующей вовлечению в культурную жизнь всех членов общества. Следует отметить, что крайне важна экологизация в архитектуре музейных пространств. Музейные здания, спроектированные и реконструированные с опорой на эти принципы, произвели фурор среди культурных обозревателей и с каждым днём притягивают всё больше и больше новых заинтересованных посетителей.

Подводя итоги, автор делает вывод, что для грамотного проектирования общественных и, в частности, музейных пространств важно комплексно подходить к их изучению. Нарушение целостности восприятия при изучении музея как уникального явления современной культуры может повлечь за собой

в дальнейшем разрозненное восприятие экстерьера, интерьера и экспозиции зрителем. Знания из сферы социально-гуманитарных наук помогают архитекторам расшифровать культурные коды прошлого и проектировать новые смыслы для настоящего и будущего, формировать коллективную идентичность людей и сообществ, чтобы здания и сооружения «говорили» с горожанами на понятном жителям языке смыслов и ценностей. Философия и культурология, урбанистика и социология, экология и экономика ведут к комплексному антропоцентричному подходу и помогают перейти от вопроса «Что я хочу построить?» к вопросу «Как будет жить человек в том, что я построю?». Это разница между архитектурой как искусством формы и архитектурой как искусством содержания, то есть способности создавать стиль жизни. В связи с этим следует ещё раз подчеркнуть значимость преподавания социально-гуманитарных дисциплин в техническом вузе при подготовке молодых специалистов-архитекторов.

Список литературы:

- 1.Иванова Ю. В. «Проблема музея» в культуре XX века // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых учёных. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. IX. – С. 35–43.
- 2.Литвиненко В. С. Пилотный проект. Модернизация высшего образования // Официальный сайт Санкт-Петербургского горного университета. – URL: <https://pilot.spmi.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
- 3.Поцешковская И. В. Современные концепции развития высшего архитектурного образования: вызовы времени // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов для минерально-сырьевого комплекса: Сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции (4-5 марта 2021 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2021. – С. 226–230.
- 4.Рыбаков В.В., Хвесько А.Г. Что значит быть экологичным? О технологических и мировоззренческих дилеммах современности // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе Сборник научных трудов. В 2 томах. Том 2 / Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II. СПб, 2025. 335 с. (X международная научно-методическая конференция, 23–24 октября 2025 г.) – С. 300–304.
- 5.Стеклова И.А., Веслополова Г.Н., Стеклов А.М. Город и видеоигры: движение навстречу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 674–695.
- 6.Чугунова А.В. Музейная архитектура в рамках движения «Новая музеология» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – С. 372–376.
- 7.Юрасова И.И., Клименкова Е.М. Экологическая архитектура // Проблемы формирования комфортной архитектурно-градостроительной среды, экологического строительства и развития жилищно-коммунального комплекса. Институт экономики и управления, ФГАОУ ВО «Уральский

федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» г. Екатеринбург. С. 802–808.

Ярапова Лидия Андреевна

3 ОД-1

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: ассистент Размахнина Анастасия Александровна

Yarapova Lidiya

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ В ПРИДВОРНОМ КОСТЮМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация: В статье исследуется придворный костюм Российской империи XVIII – начала XX вв. как инструмент репрезентации верховной власти. Анализируется его эволюция от петровской европеизации до формирования «русского стиля», закрепленного указом Николая I 1834 года. Рассматриваются семиотические функции костюма: идентифицирующая, репрезентативная и сакральная. Особое внимание уделяется трансформации придворной моды на рубеже XIX–XX вв. под влиянием личных вкусов императоров.

Ключевые слова: Придворный костюм, имперская власть, репрезентация, «русский стиль», семиотика, иерархия.

REPRESENTATION OF IMPERIAL POWER IN THE COURT COSTUME OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Summary: The article examines the court costume of the Russian Empire of the XVIII – early XX century as an instrument of representation of supreme power. The author analyzes its evolution from Peter the Great's Europeanization to the formation of the «Russian style», fixed by the decree of Nicholas I in 1834. The semiotic functions of the costume are considered: identifying, representative and sacred. Special attention is paid to the transformation of court fashion at the turn of the 19th–20th centuries under the influence of the personal tastes of the last emperors.

Keywords: Court costume, imperial power, representation, «Russian style», semiotics, hierarchy.

Российская империя XVIII – нач. XX вв. представляла собой иерархическую систему, вершиной которой являлась фигура императора. Поддержание авторитета верховной власти требовало сложного церемониала,

важнейшую роль в котором играл придворный костюм. Французский посол Жорж Морис Палеолог, пораженный блеском Зимнего дворца, оставил воспоминания: «По пышности мундиров, по роскоши туалетов... зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохранил в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней... это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов...» [1]. Однако за этой «фантастической лучистостью» скрывался строгий регламент.

Начало имперскому периоду в истории России положили реформы Петра I, кардинально изменившие не только государственное устройство, но и внешний облик подданных. Как отмечает исследователь Д. Грин, указы Петра о введении европейского платья были уникальны по своему размаху: они ставили целью не просто унификацию, а трансформацию общества [2]. Допетровская Русь с ее долгополом костюмом, маркировавшим традиционный уклад, уступала место прагматичному и динамичному европейскому платью.

Если XVIII век прошел под знаком подражания европейским образцам (французским и немецким), то начало XIX столетия, особенно после победы в Отечественной войне 1812 года, актуализировало поиски национального кода. Но задолго до этого, в 1770-х годах, Екатерина II уже предприняла попытку ввести при дворе «русский стиль». Будучи немкой по происхождению, она стремилась подчеркнуть свою преданность новой культуре через внешние атрибуты. Около 1775 года императрица собственноручно задавала моду на дамские туалеты, стилизованные под старину. Впрочем, это было не археологически точное воспроизведение древнерусского костюма, а его галантная версия, за которой закрепилось ироничное прозвище «офранцуженный сарафан». Отличительными особенностями екатерининского нововведения были: драпированные или откидные длинные рукава нижнего и верхнего платья, отсылавшие к допетровским летникам и фerezеям; оформление переда наподобие крестьянского сарафана – в виде сквозной застежки на пуговицах; головной убор в форме кокошника с вуалью.

Введение «русского стиля» при дворе решало для Екатерины II несколько стратегических задач. С одной стороны, она стремилась визуально дистанцироваться от своей предшественницы Елизаветы Петровны, чей двор славился непомерной роскошью. Пропагандируя «национальную экономию», императрица создавала себе образ бережливой государыни, хотя на деле новые наряды из бархата и парчи стоили немалых средств.

С другой стороны, Екатерина сознательно работала над формированием у придворных чувства национальной гордости и культурной самодостаточности [3]. Показательно, что она не только сама подавала пример, появляясь в стилизованных русских платьях, но и требовала того же от придворных дам в торжественных случаях [4]. Интересно, что мода эта не осталась незамеченной в Европе. В 1788 году парижский журнал «Le cabinet des modes» отмечал, что во Франции входят в моду платья «по царице» (*à la tsarine*), а сама Екатерина в переписке с бароном Гриммом иронично замечала, что французы «увлеклись» русскими модами [5].

Подлинный перелом в отношении к национальному костюму произошел после наполеоновского нашествия. Как свидетельствует Ф.Ф. Вигель в своих мемуарах, русские дамы устроили настоящий бойкот всему французскому: «Дамы... оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки; поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд к ним очень пристал, и не скоро с ним расстались» [4].

При всей своей внешней патриотичности, послевоенная мода не порывала с общеевропейскими тенденциями. Так называемые «патриотические сарафаны» по-прежнему шились с завышенной талией — характерным признаком ампира, господствовавшего в наполеоновской Европе. Даже кокошники в ту пору нередко стилизовали под античные диадемы, которые носили парижанки. Однако символическое значение этого поворота трудно переоценить. Сама попытка ввести национальные мотивы в дворцовый обиход свидетельствовала о глубоких переменах в общественном сознании: слепое копирование западных образцов утратило прежний престиж, и перед Россией во весь рост встал вопрос о выработке собственного культурного пути [4].

Увлечение национальными мотивами захватило не только придворные круги, но и оппозиционно настроенную дворянскую молодежь. В программных документах будущих декабристов также проскальзывала тема самобытности в одежде. Так, П. И. Пестель прямо указывал на эстетическую ценность национального костюма, отмечая, что русское платье может служить примером красоты.

Кульминацией этой тенденции стал указ Николая I от 27 февраля 1834 года — «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». Историк Т.Т. Коршунова в журнале «Наше наследие» подчеркивает, что этот документ ввел жесткий, детализированный дресс-код, который просуществовал вплоть до 1917 года [5].

Николай I, чье правление ассоциировалось с наведением строгого порядка во всех сферах жизни, лично курировал создание нового придворного этикета в одежде. Разработанный при его непосредственном участии фасон дамского платья представлял собой стилизацию под боярский костюм XVII века. Основой наряда служил тяжелый бархат, (для императрицы и великих княгинь — парча). Крой платья был распашным, с характерными длинными отложными рукавами. Обязательными элементами являлись богато украшенный золотым или серебряным шитьем шлейф, а также головной убор: для замужних дам — кокошник, для девиц — повязка, дополненные белой вуалью.

Впрочем, величественность этих туалетов требовала от их обладательниц немалой выносливости. Вес «парадного комплекта», включая тяжелую вышивку и многочисленные жемчужные украшения, зачастую переваливал за десять килограммов, за что современники прозвали подобные одеяния не иначе как «доспехами».

Придворный костюм XIX века превратился в точную карту социальной иерархии. Как справедливо отмечает М. Зацаринская в своем исследовании знаковых элементов костюма, «мундир был обязательной формой служащих и

создавал внешний порядок... превращая город в его внешнем качестве в казарму» [6]. В этой «казарме» каждый элемент – цвет, шитье, аксессуар – имел строго определенное значение.

Цветовая гамма дамских платьев была закреплена за конкретными чинами и должностями: Фрейлины императрицы носили платья красного (пунцового) бархата с золотым шитьем; фрейлины великих княгинь – красного бархата, но с шитьем серебряным; статс-дамы и камер-фрейлины отличались зеленым платьем с золотом; гофмейстерины – малиновым нарядом.

Строгая регламентация распространялась и на мужской гардероб. Придворных можно было безошибочно узнать по характерной гамме: темно-зеленое сукно мундира дополнялось красным воротником и такими же обшлагами, что сразу отличало их от представителей других ведомств. Статус владельца читался в деталях шитья: золотые нити указывали на принадлежность к высшим чинам двора (II класс по Табели о рангах), тогда как серебро полагалось тем, кто служил при дворах великих князей. Различия были еще тоньше – например, шитье по швам позволяло отличить первые чины от вторых [6]. Но главными маркерами причастности к элите служили аксессуары: камергерский ключ на голубой ленте, церемониймейстерский жезл, увенчанный двуглавым орлом, или нашивки с вензелем императора.

Таким образом, указ 1834 года стал визуальным манифестом теории «официальной народности» (православие, самодержавие, народность), сформулированной графом С.С. Уваровым. Монархия представлялась наследницей древних традиций, неразрывно связанной с народом, но при этом вознесенной над ним на недостижимую высоту [7]. Путешественник маркиз Астольф де Кюстин, скептически настроенный к николаевской России, тем не менее был восхищен этим зрелищем: «Национальный наряд русских придворных дам величественен и дышит стариной. Голову их венчает убор... расшитый, как правило, драгоценными камнями... самобытный и благородный» [8].

Парадный портрет играл ключевую роль в репрезентации имперской власти, тиражируя и закрепляя ее образ в нужном идеологическом ключе: если портрет Екатерины II в гвардейском мундире работы Виргилиуса Эриксона подчеркивал единение монарха с армией как опорой самодержавия, то портреты императриц Марии Александровны и Александры Федоровны кисти Франца Винтерхальтера в роскошных придворных платьях с кокошниками транслировали идею стабильности, богатства и незыблемости империи, где драгоценные ткани и камни служили материальным воплощением государственной мощи [1].

Вкусы императоров также транслировали определенные политические и культурные смыслы. Наиболее ярким контрастом с предшественниками стал Александр III, известный своей нарочитой простотой. Современники отмечали, что Александр III относился к моде с подчеркнутым равнодушием, особенно если речь шла об иностранных новинках [10]. Вступив на престол, он инициировал реформу военного обмундирования, стремясь сделать его

практичнее и придать ему национальный колорит. Введенные им полукафтаны и шаровары, дополненные цветными кушаками и барашковыми шапками. В истории эта форма получила название «мужичьей». Император настолько редко появлялся в штатской одежде, что, по свидетельствам очевидцев, его можно было застать в подобном виде лишь во время зарубежных визитов [1]. Такой нарочитый отказ от светской утонченности формировал принципиально иной образ монарха – не столичного аристократа, а простого и близкого народу хозяина земли русской, чуждого пустой суете.

Вплоть до падения империи придворный костюм сохранял свои основные черты, установленные Николаем I. Однако в конце XIX – начале XX вв. наметились некоторые изменения. Последняя императрица Александра Федоровна, хотя и соблюдала этикет, предпочитала более изящные и модернизированные силуэты, заказывая наряды у парижских кутюрье. Особое место в истории занимает ее свадебное платье 1894 года. Поскольку бракосочетание состоялось в период траура по скончавшемуся императору Александру III, оно стало трогательным исключением из суровых правил. Платье было выполнено из серебристо-серой парчи (а не традиционного белого шелка) и представляло собой ансамбль из лифа с широкими откидными рукавами и двух юбок. Все элементы костюма украшала объемная серебряная вышивка, выполненная монахинями Ивановского монастыря [11]. Этот наряд, созданный О. Н. Бульбенковой, соединил в себе придворную пышность и личную скорбь невесты [12]. Николай II был более элегантен и следовал общепринятым нормам, но и в его гардеробе сохранялась строгая регламентация: мундиры для официальных мероприятий, военная форма для повседневности и лишь изредка – статские костюмы.

Придворный костюм Российской империи XVIII – начала XX вв. представлял собой сложную семиотическую систему. Он выполнял три ключевые функции: идентифицирующую (маркируя место человека в иерархии), репрезентативную (демонстрируя богатство и мощь государства) и сакральную (визуализируя связь царя с Богом и историей). От мундиров Петра Великого, вводивших культ государственной службы, до кокошников николаевской эпохи, утверждавших национальную идею, костюм был не просто оболочкой, а плотью имперского мифа. Исчезновение этого костюма в 1917 году стало зримым знаком крушения той самой империи, которую он так долго и пышно представлял.

Список литературы:

- 1.«Жемчуга, всюду жемчуга»: как одевались российские императоры // Культура.РФ - URL: <https://www.culture.ru/materials/256363/zhemchuga-vsyudu-zhemchuga-kak-odevalis-rossiiskie-imperatory> (дата обращения: 21.02.2026).
- 2.Green, D. Male Noble Dress in 19th-Century Russian Literature // Oxford Research Encyclopedia of Literature - URL: <https://oxfordre.com/literature/display/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-1239> (дата обращения: 21.02.2026).

- 3.Модный двор Екатерины II // Музей Фелицына - URL: <https://felicina.ru/news/modnyj-dvor-ekateriny-ii/> (дата обращения: 21.02.2026).
- 4.Русское платье цариц и придворных дам // Legprom.review - URL: <https://legprom.review/russkoe-plate-tsarits-i-pridvornyh-dam/#content> (дата обращения: 21.02.2026).
- 5.«Жемчуга, всюду жемчуга»: как одевались российские императоры // Культура.РФ - URL: <https://www.culture.ru/materials/256363/zhemchuga-vsyudu-zhemchuga-kak-odevalis-rossiiskie-imperatory> (дата обращения: 21.02.2026).
- 6.Коршунова, Т. Придворный костюм в России / Наше наследие. – 2000. – № 53. – С. 14–26.
- 7.Зацаринская, М. Знаковые элементы костюма. Форменная одежда придворных чинов и званий первой половины XIX века // СМДО КубГУ - URL: <https://moodle.kubsu.ru/mod/page/view.php?id=1523> (дата обращения: 21.02.2026).
- 8.Иванкина, Г. Николай I, «Морозко» и проблема русской идентичности / Завтра. – 2013. – № 44. – С. 7.
- 9.Фэшн XIX века. Модные тренды императорского двора Николая I // Aif.ru - URL: https://aif.ru/society/history/feshn_xix_veka_modnye_trendy_imperatorskogo_dvora_nikolaya_i (дата обращения: 21.02.2026).
- 10.Вельяминов, Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III / Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – Москва: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – Т. V. – С. 190–249.
- 11.Царский гардероб Александры Фёдоровны — последней русской императрицы Источник: <https://designersfromrussia.ru/zarskii-garderob-aleksandry-fedorovny-poslednei-russkoi-omperatrirsy> // Designers from Russia - URL: <https://designersfromrussia.ru/zarskii-garderob-aleksandry-fedorovny-poslednei-russkoi-omperatrirsy/> (дата обращения: 21.02.2026).
- 12.Кто одевал российских императриц: 4 главных имени дореволюционной моды // РБК Life - URL: <https://www.rbc.ru/life/news/62de68819a7947df7bd5ef61> (дата обращения: 21.02.2026).

Ястреб Анастасия Евгеньевна

курсант

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Паневин Кирилл Васильевич

Anastasia Yastreb

Naval Academy

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, МИРОВОЗЗРЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: МНОГОВЕКОВОЙ СИНТЕЗ И СОВРЕМЕННОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Аннотация: Данная статья представляет собой комплексное исследование исторического развития религиозных, мировоззренческих и культурных процессов на территории Республики Татарстан. Авторы прослеживают многовековой путь формирования уникального синтеза различных духовных традиций, оказавших глубокое влияние на становление самобытной татарстанской идентичности. Особое внимание уделяется периодам ключевых трансформаций, таким как принятие ислама, влияние православия, а также периодам межконфессионального диалога и сосуществования. Статья анализирует, как исторические события, миграционные процессы и государственная политика способствовали формированию современного многообразия религиозных и культурных практик в республике. Исследуются основные конфессии, их роль в общественной жизни, а также тенденции развития светского мировоззрения и культурных форм. В работе подчеркивается значение сохранения и развития культурного наследия как основы для укрепления межконфессионального согласия и формирования единого гражданского общества в Республике Татарстан.

Ключевые слова: Республика Татарстан, религия, мировоззрение, культура, история, синтез, многообразие, ислам, православие, межконфессиональный диалог, духовные традиции, национальная идентичность, культурное наследие, современность, религиозная политика.

THE HISTORY OF RELIGION, WORLDVIEW AND CULTURE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: CENTURIES-OLD SYNTHESIS AND MODERN DIVERSITY

Summary: This article is a comprehensive study of the historical development of religious, ideological and cultural processes in the territory of the Republic of Tatarstan. The authors trace the centuries-old path of formation of a unique synthesis of various spiritual traditions that had a profound impact on the formation of the distinctive Tatar identity. Special attention is paid to periods of key transformations, such as the adoption of Islam, the influence of Orthodoxy, as well as periods of interfaith dialogue and coexistence. The article analyzes how historical events,

migration processes and government policy contributed to the formation of the modern diversity of religious and cultural practices in the republic. The main confessions, their role in public life, as well as trends in the development of secular worldviews and cultural forms are investigated. The work highlights the importance of preserving and developing cultural heritage as a basis for strengthening interfaith harmony and forming a unified civil society. in the Republic of Tatarstan.

Keywords: Republic of Tatarstan, religion, worldview, culture, history, synthesis, diversity, Islam, Orthodoxy, interfaith dialogue, spiritual traditions, national identity, cultural heritage, modernity, religious policy.

Республика Татарстан, расположенная в самом сердце России, является уникальным регионом, где на протяжении тысячелетий происходило взаимодействие различных культур, религий и мировоззрений. Это перекресток цивилизаций, где восточные и западные, языческие и монотеистические традиции сплетались, формируя самобытную и богатую духовную панораму. История религии, мировоззрения и культуры Татарстана – это не просто хроника событий, а живой процесс формирования идентичности, отражающийся в архитектуре, искусстве, обычаях и менталитете его жителей. Данная статья ставит своей целью проследить основные этапы этого развития, выявить ключевые факторы, повлиявшие на формирование современного духовного ландшафта республики, и проанализировать его многообразие.

Территория современного Татарстана была заселена с глубокой древности. Археологические находки свидетельствуют о существовании здесь развитых культур, в том числе финно-угорских и тюркских племен. Их мировоззрение носило ярко выраженный языческий характер. Основой верований были анимизм, тотемизм и культ природы. Поклонение духам предков, стихиям, священным деревьям и животным было неотъемлемой частью жизни. Особое место занимали обряды, связанные с плодородием, сменой времен года и жизненным циклом человека [6, с.37].

С появлением на этих землях волжских булгар в VII-VIII веках н.э. начинается новый этап. Изначально булгары придерживались тенгрианства – древнетюркского монотеистического учения, где верховным божеством считался Тенгри – вечное синее небо. Тенгрианство, несмотря на свою монотеистическую направленность, сохраняло элементы шаманизма и почитания духов природы. Оно оказало значительное влияние на формирование мировоззрения и культурных традиций булгарского народа.

Ключевым событием, определившим дальнейшее развитие духовной жизни региона, стало принятие ислама волжскими булгарами в 922 году. Это решение, принятое при правлении хана Алмуша, имело далеко идущие последствия. Ислам принес с собой не только новую религию, но и новую систему ценностей, правовые нормы, письменность (арабскую графику) и развитую культуру.

Принятие ислама способствовало укреплению государственности, развитию торговли и ремесел, а также установлению более тесных связей с

мусульманским миром. В Волжской Булгарии были построены мечети, медресе, развивалась исламская наука и литература. Ислам стал не просто религией, но и основой национальной идентичности болгарского народа [7, с.54].

Однако, важно отметить, что исламизация не была мгновенным и однородным процессом. Наряду с принятием ислама, в народной среде сохранялись и элементы доисламских верований и обрядов, которые постепенно трансформировались и интегрировались в новую религиозную систему. Это явление, известное как синкретизм, характерно для многих культур, переживших смену доминирующей религии [3, с.37].

В период Золотой Орды (XIII-XV века) ислам продолжал укреплять свои позиции на территории современного Татарстана. Золотая Орда была многонациональным государством, где ислам играл роль объединяющей идеологии. В этот период активно развивалась исламская теология, философия и право. Казань, как один из крупнейших городов Золотой Орды, становится важным центром исламской культуры [5, с.132].

После распада Золотой Орды и образования Казанского ханства (XV-XVI века) ислам окончательно утвердился в качестве государственной религии. Казанское ханство стало одним из наиболее развитых мусульманских государств своего времени. В Казани были построены величественные мечети, такие как мечеть Кул-Шариф (в ее первоначальном виде), развивалась система образования, процветали науки и искусства. Казанские ученые и богословы внесли значительный вклад в развитие исламской мысли [8, с.39].

В 1552 году Казань была взята войсками Ивана Грозного, что положило начало периоду русского владычества. Это событие стало серьезным испытанием для мусульманского населения и привело к значительным изменениям в религиозной и культурной жизни региона.

Первоначально, политика русских властей была направлена на христианизацию местного населения. Были предприняты попытки запретить строительство мечетей и ограничить распространение ислама. Однако, несмотря на эти меры, ислам не только не был уничтожен, но и сумел сохранить свою жизнеспособность. Это стало возможным благодаря стойкости мусульманского духовенства, сохранению традиций и сильной общинной организации.

В дальнейшем, политика российских властей стала более прагматичной. Была признана необходимость сосуществования с мусульманским населением. В XVIII веке, при Екатерине II, был принят ряд указов, которые даровали мусульманам определенные права, в том числе право на строительство мечетей и свободу вероисповедания. Это стало важным шагом к формированию более толерантного отношения к исламу в Российской империи [4, с.214].

В этот период происходит и трансформация мировоззрения. Наряду с сохранением исламских традиций, начинается постепенное проникновение элементов русской культуры и православной христианской мысли. Это проявляется в архитектуре, в некоторых аспектах быта и в формировании

новой, более сложной идентичности, где мусульманская вера сосуществует с лояльностью к российскому государству.

XIX век стал периодом расцвета татарской национальной культуры и просвещения, тесно связанного с исламом. В этот период активно развивалось джадидизм – реформаторское движение в исламе, которое стремилось к модернизации религиозного образования, развитию национальной литературы и науки, а также к повышению уровня грамотности среди татарского населения.

Джадиды открывали новые школы (новометодные), где наряду с религиозными дисциплинами преподавались светские предметы, такие как математика, естественные науки, история. Были основаны первые татарские газеты и журналы, издавались книги на татарском языке. Это способствовало формированию национальной интеллигенции и развитию самосознания [1, с.7].

Ислам в этот период выступал не только как религия, но и как мощный фактор консолидации татарского народа, его культурного и духовного возрождения. Мечети и медресе оставались центрами общественной жизни, где обсуждались актуальные вопросы, формировались новые идеи.

Советский период стал одним из самых сложных испытаний для религии и культуры Татарстана. Политика атеизма, проводимая советской властью, привела к закрытию множества мечетей и церквей, репрессиям против духовенства и верующих. Религиозные организации были ограничены в своей деятельности, а религиозная пропаганда была запрещена.

Несмотря на жесткое давление, ислам и другие конфессии сумели выжить. Верующие продолжали тайно собираться, проводить обряды, передавать религиозные знания из поколения в поколение. В этот период особую роль играли семьи, где сохранялись религиозные традиции и ценности.

Культура также претерпела значительные изменения. С одной стороны, происходило развитие национальной культуры в рамках советской идеологии, с акцентом на социалистический реализм. С другой стороны, многие традиционные формы искусства и ремесел, тесно связанные с религиозной тематикой, были либо трансформированы, либо отошли на второй план.

Однако, даже в условиях ограничений, сохранялись элементы духовной жизни. Например, народные праздники, хотя и лишённые своего первоначального религиозного содержания, продолжали отмечаться, сохраняя элементы традиций [2, с.11].

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории религии, мировоззрения и культуры Татарстана – этап возрождения и многообразия. Были возвращены многие культовые здания, открыты новые мечети и церкви. Религиозные организации получили возможность свободно функционировать и развиваться.

Современный Татарстан характеризуется уникальным религиозным и культурным многообразием. Здесь мирно сосуществуют ислам (преимущественно суннитского толка), православие, а также другие конфессии и религиозные течения. Это многообразие является не источником конфликтов, а, напротив, фактором, обогащающим духовный ландшафт республики.

Ислам играет значительную роль в жизни большинства населения. Активно развивается исламское образование, издается религиозная литература, проводятся научные конференции. Мечети являются не только местами молитвы, но и центрами общественной жизни, где обсуждаются актуальные вопросы, реализуются социальные проекты.

Православие также имеет глубокие корни на территории Татарстана. Казанская епархия является одной из старейших в России, и православные храмы играют важную роль в духовной жизни верующих. Активно ведется реставрация исторических церквей и строительство новых.

Помимо доминирующих конфессий, в Татарстане представлены и другие религиозные группы, такие как старообрядцы, протестанты, иудеи, буддисты. Их присутствие свидетельствует о стремлении республики к созданию инклюзивного общества, где каждый имеет право на свободу вероисповедания.

Современная культура Татарстана также отличается богатством и многогранностью. Она является результатом синтеза многовековых традиций и современных тенденций. Татарская национальная культура, основанная на исламских ценностях и народных обычаях, продолжает развиваться, обогащаясь новыми формами и направлениями. Это проявляется в литературе, музыке, театре, изобразительном искусстве, народных промыслах.

Важную роль в сохранении и развитии культурного наследия играют музеи, театры, национальные культурные центры, образовательные учреждения. Особое внимание уделяется изучению и популяризации истории и культуры татарского народа, а также других народов, проживающих на территории республики.

Мировоззрение жителей Татарстана также характеризуется многообразием. Наряду с религиозными взглядами, широко распространены светские, гуманистические и национальные мировоззренческие установки. В условиях многоконфессионального и многонационального общества, диалог и взаимопонимание между различными группами становятся ключевыми факторами для поддержания социальной стабильности и гармонии.

Современные вызовы, такие как глобализация, секуляризация, рост национализма, оказывают влияние на духовную жизнь республики. Однако, богатая история и устойчивые традиции позволяют Татарстану находить ответы на эти вызовы, сохраняя свою самобытность и стремясь к дальнейшему развитию.

История религии, мировоззрения и культуры Республики Татарстан – это история непрерывного диалога, синтеза и трансформации. От древних языческих верований до принятия ислама, от Золотой Орды до русского владычества, от советского периода до современного возрождения – каждый этап оставил свой неизгладимый след, формируя уникальный духовный ландшафт региона.

Сегодня Татарстан является ярким примером успешного сосуществования различных религий и культур. Многообразие здесь не является источником напряженности, а, напротив, выступает как фактор силы и

богатства. Сохраняя свою самобытность и открываясь миру, Республика Татарстан продолжает писать свою историю, в которой религия, мировоззрение и культура играют ключевую роль в формировании идентичности и обеспечении устойчивого развития. Дальнейшее изучение и осмысление этого многовекового синтеза позволит глубже понять не только прошлое и настоящее Татарстана, но и его будущее, основанное на принципах толерантности, уважения и взаимопонимания.

Список литературы:

- 1.Абдуллин Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. – Казань: Иман, 1998. – 44 с.
- 2.Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. Исторические зарисовки. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2005. – 152 с.
- 3.Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). - Казань: Татар.кн.изд-во, 2004. – 431 с.
- 4.Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2007. – 416 с
- 5.Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства ХУ – ХУ1 вв. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2009. – 142 с.
- 6.Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – 188 с.
- 7.Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. - М.: Наука, 1984.- 217 с.
- 8.Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г. Древняя Казань. – Казань: Изд-во института истории АН РТ, 2005. – 154 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдыкапарова Мээрим Улукубековна МОДА КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: БЫТЬ КАК ВСЕ ИЛИ БЫТЬ СОБОЙ?	3
Авдюгина Полина Евгеньевна «ЧЕТЫРЕ ДНЯ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ПРУССИЮ»: ШТУРМ КЁНИГСБЕРГА 6-9 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	8
Алексеева Мария Олеговна ОМНИАЛИЗМ - БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	13
Анашкина Алина Федоровна ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛИНИНГРАДА.....	18
Аносова Эвелина Игоревна СУВЕРЕНИТЕТ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.....	22
Арефьев Денис Валерьевич ОТ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ДО ОТИСА: ИННОВАЦИИ ГЕНИАЛЬНЫХ ИЗОБРЕТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ПОВЛИЯЛИ НА СОВРЕМЕННОЕ ЛИФТОСТРОЕНИЕ.....	27
Асланова София Амираслановна ФИЛОСОФИЯ АВАНГАРДИЗМА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ, УТОПИЯ И КРИТИКА МОДЕРНОСТИ.....	34
Афанасьев Тимур Сергеевич ПРОБЛЕМЫ ИСТОЩЕНИЯ ЗАПАСОВ СЕРЕБРА.....	39
Ахмадуллина Адиля Ильшатовна АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЁСЕЛ КАК ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ С СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИЕЙ МОДЫ В РОССИИ.....	43
Бабаян Эллен Гайковна ГОРБАЧЕВ И РАСПАД СССР: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ.....	49
Бабаян Эллен Гайковна ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ УСТОЕВ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ.....	53
Бабичев Леонид Андреевич ТАТУИРОВКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В XX-XXI ВВ.....	57
Байкова Евгения Сергеевна ФИЛОСОФИЯ ШОППИНГА: ПОКУПКА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ.....	63
Бакиров Тимур Сергеевич	

ОТ ПРУССКОГО МУНДИРА К МИЛИТАРИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В КАЛИНИНГРАДЕ.....	67
Балина Евгения Евгеньевна СТАНОВЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	72
Балина Евгения Евгеньевна ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ДИЗАЙН СРЕДЫ КАЛИНИНГРАДА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО ДИАЛОГА.....	77
Балюк Юлия Сергеевна ДОРОГА К СЕВЕРУ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОТ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ К СТОЛИЦЕ ЗАПОЛЯРЬЯ.....	83
Бахрова Алина Михайловна АБСОЛЮТНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ МОРАЛИ.....	88
Бачинина Елизавета Витальевна ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ.....	93
Белецкая Мария Андреевна «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»: ПРОБЛЕМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДВИГА.....	98
Белихин Егор Александрович ОСМЫСЛЕНИЕ НЕИЗМЕРИМЫХ СТРАДАНИЙ.....	109
Белова Елизавета Сергеевна ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	113
Бембетова София Бадмаевна ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА НА РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ.....	118
Берендеева Ирина Павловна ТАЛАНТ, СМЕЛОСТЬ И СУДЬБА: НАДЕЖДА ЛАМАНОВА – РОДОНАЧАЛЬНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЫ.....	123
Берестова Талина Михайловна АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Э. КАССИРЕРА: ЧЕЛОВЕК КАК ANIMAL SYMBOLICUM.....	128
Бескровная Ариана Сергеевна ЭСТЕТИКА БЕЗОБРАЗНОГО: ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕКРАСНОГО В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ.....	132
Бешенцев Иван Дмитриевич ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО ТРАМВАЯ.....	137
Бешенцев Иван Дмитриевич НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ РЕГУЛЯРНОГО ДВИЖЕНИЯ ТРАМВАЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	143
Болдышева Елизавета Дмитриевна	

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ, КАК НАСЛЕДИЕ ОРДЕНАТАМПИЕРОВ.....	148
Бородина Карина Сергеевна ИСКУССТВО ПОРТРЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ К.А. КОРОВИНА.....	155
Бошкова Мария Владиславовна СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ.....	158
Брагина Мария Станиславовна ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ П.А. ФЛОРЕНСКОГО: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	161
Бурмакова Полина Викторовна ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ.....	166
Буташева Юлия Ильнуровна МЕМОРИАЛЬНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНО - ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	171
Васильева Елизавета Дмитриевна ЧЕМУ ЗАПАДНЫЙ МИР МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У КОНФУЦИАНСКОГО КОЛЛЕКТИВИЗМА?.....	176
Васина Наталья Алексеевна ИНДУИЗМ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ, ФИЛОСОФСКИЕ СИСТЕМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ.....	180
Васянина Ирина Андреевна КРИТЕРИИ ИСКУССТВА В ЭПОХУ РАЗМЫТЫХ ГРАНИЦ: СУЩНОСТЬ, САМОДОСТАТОЧНОСТЬ, ПОДЛИННОСТЬ.....	185
Вернякова Виолетта Евгеньевна АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ 1922 ГОДА И «ЕГИПТОМАНИЯ» 1920-Х ГГ.: МЕХАНИЗМЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ В МОДНЫЙ ТРЕНД.....	189
Виттенберг Елизавета Денисовна ДИЗАЙН РОССИЙСКИХ БАНКНОТ КАК «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» СТРАНЫ.....	194
Владимирова Карина Павловна РОСТ И РАЗВИТИЕ АЗИАТСКИХ ВЫСТАВОЧНЫХ ЦЕНТРОВ.....	199
Воропаева Анастасия Игоревна КОТОВСКАЯ НЕВАЛЯШКА: ИГРУШКА И ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ.....	204
Выходцевская Виктория Максимовна ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ОБРАЗАМ И КУЛЬТУРНЫМ АРХЕТИПАМ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ПЛАКАТЕ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	209
Геренцева Алла Владимировна ПОЗИТИВИЗМ ОГЮСТА КОНТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА.....	215
Гладышева Екатерина Денисовна	

ФИЛОСОФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НАВИГАЦИИ В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ.....	219
Гломаздо Кристина Дмитриевна ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	224
Годованая Анастасия Сергеевна КОНЦЕПЦИЯ РАЗУМА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА.....	228
Гонтаренко Анатолий Васильевич СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.....	233
Гончаренко Алиса Владимировна ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ НА КОГНИТИВНУЮ НАГРУЗКУ УЧАЩИХСЯ.....	239
Горелик Ирина Юрьевна ОТ КОРСЕТА К БРЮКАМ: КАК ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ИЗМЕНИЛА ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ.....	243
Гребнева Полина Игоревна РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ ПЕРЕКЛАДКИ В АНИМАЦИИ	247
Грибинюк Максим Дмитриевич ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА В 1945 ГОДУ: ВОЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ.....	252
Гринев Никита Романович НЕМЕЦКИЙ АВАНГАРД И РУССКИЙ КОСТЮМ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ПОДИУМЕ.....	256
Грудина Екатерина Алексеевна РАЙОН АМАЛИЕНАУ КАК ПРИМЕР КОНЦЕПЦИИ “ГОРОДА-САДА”: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	260
Гудеев Евгений Евгеньевич ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР 1960-1991.....	266
Гузь Антон Сергеевич «ОСКОЛОК СМОЛЕНЩИНЫ»: ЮХНОВ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННЫХ МЕМУАРОВ.....	275
Гукова Ксения Алексеевна К ВОПРОСУ О МОРСКОМ ПИРАТСТВЕ В ГВИНЕЙСКОМ ЗАЛИВЕ.....	281
Гунгер Амелия Алексеевна НАСЛЕДИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ПЕСТРЫЙ РЯД» В ЧЕРНЯХОВСКЕ.....	284
Данилюк Ксения Сергеевна СВОБОДА ВОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: МОЖЕМ ЛИ МЫ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВЫБИРАТЬ?.....	291
Даукаева Диана Альбертовна	

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА: РОЛЬ ЭМПАТИИ, ЛИЧНОЙ ВЫГОДЫ И ЭТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК.....	296
Дворянинова Анастасия Петровна РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО XVIII–XIX ВВ.: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА.....	302
Демиденко Екатерина Алексеевна ФИЛОСОФИЯ МУЖСКОГО КОСТЮМА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	309
Дидорчук Дарья Сергеевна ФЕНОМЕН СМЕРТИ И КОНЦЕПЦИЯ «ДОЛГА ДУШИ» В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	315
Дмитриева Василиса Ильинична ИГРА КАК УБЕЖИЩЕ: ФЕНОМЕН ЭСКАПИЗМА В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР».....	318
Дорощенко Анна Александровна ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА МЕЛАНХОЛИИ В ГРАВЮРЕ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА «МЕЛАНХОЛИЯ I».....	323
Дудалева Мария Геннадьевна РЫЦАРСТВО И АЛХИМИЯ КАК ФЕНОМЕНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	328
Емлютина Екатерина Анатольевна МОЖЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ?.....	333
Ефимова Маргарита Андреевна ИСКУССТВО РЕВОЛЮЦИЙ: КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОТРАЖАЕТ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.....	337
Жарков Алексей Денисович РЕВОЛЮЦИИ, РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.....	342
Жежкун Алина Андреевна КАНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАЛИНИНГРАДА.....	346
Заболотская Алина Андреевна ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И МОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ КИТАЯ И ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННУЮ МОДУ В РОССИИ.....	350
Заболотская Алина Андреевна ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ДЕМОНА В КАРТИНЕ М. А. ВРУБЕЛЯ «ДЕМОН СИДЯЩИЙ».....	356
Заец Дарья Витальевна РУССКИЕ ЦАРЕВНЫ XVII В ПО ОПИСАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ (В СЕМЬЕ И В ОБЩЕСТВЕ).....	360
Запара Виктория Витальевна ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕЛОМА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»	369

Иванова Вероника Константиновна	
ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КЁНИГСБЕРГА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ КАЛИНИНГРАДА.....	373
Иванова Кристина Алексеевна	
ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ В СОВРЕМЕННОСТИ.....	379
Иванова Кристина Алексеевна	
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ЖИВОПИСИ И АРХИТЕКТУРЕ В 20 ВЕКЕ.....	384
Иванова Майя Дмитриевна	
ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ И ЛЮБВИ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ АРГУМЕНТОМ В ПОЛЬЗУ БЕССМЕРТИЯ ДУШИ?	388
Иванова Юлия Сергеевна	
ИГРА КАК ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ.....	393
Ильясова Алина Бауржановна	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА В СТРУКТУРЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	396
Калькова Ирина Игоревна	
ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕ: НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА «ULYANA SERGEENKO».....	403
Капинус Алевтина Александровна	
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ.....	409
Карлушина Екатерина Алексеевна	
БАЙКАЛ КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТРАЖЕНИЕ ОЗЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ИСКУССТВЕ.....	414
Карьгина Юлия Альбертовна	
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДЫ: ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ КОСТЮМЕ.....	419
Кашкова Анна Олеговна	
ТРАДИЦИЯ ХОХЛОМСКОЙ РОСПИСИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ И ДИЗАЙНА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ.....	424
Кириллова Дарья Андреевна	
ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.....	429
Клемешова Анастасия Дмитриевна	
ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	433
Ковалева Арина	

АРХЕТИП БАБЫ-ЯГИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.....	438
Кожина Екатерина Владимировна ИДЕЯ «СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н.М. КАРАМЗИНА.....	443
Козырь Михаил Алексеевич «ГОРОД АНГЕЛОВ» И АТР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВЯЗЕЙ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА С КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ В ХХІ ВЕКЕ.....	447
Колесник Варвара Ивановна ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	453
Колесник Варвара Ивановна ЭСТЕТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ КРАСОТЫ В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ.....	458
Колоскова Полина Александровна ИСКУССТВО КАК ЗНАНИЕ И МАСТЕРСТВО.....	463
Корепанова Александра Дмитриевна ЭКСПОРТ ИКОННОГО ФОНДА ИЗ СССР В 20-30-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОХРАНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	469
Коркина Антонина Александровна ЦВЕТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ: ЛИТЕРАТУРА И МИНИАТЮРЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	476
Котыхова Елена Александровна РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА ЕВРОПЫ 14 - 16 ВЕКОВ.....	482
Котыхова Елена Александровна СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК ОСНОВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ.....	486
Кошелева Варвара Владимировна «ШАГАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» АЛЬБЕРТО ДЖАКОМЕТТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	491
Краснова Анастасия Алексеевна ИНТЕРЬЕР КАК НОСИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПРИМЕРЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЗДАНИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	495
Крецу Карина Николаевна ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА.....	502
Кривихина Екатерина Дмитриевна СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1756–1763 ГГ. КАК ПЕРВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ XVIII ВЕКА.....	508
Кузьмина Мария Алексеевна ТВОРЧЕСТВО ЭДУАРДА ЛИМОНОВА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.....	511
Куклина Милания Антоновна	

ЦВЕТ ПРОТИВ ХАКИ: КАК РУССКИЙ АВАНГАРД В МОДЕ ОСВОБОДИЛ КОСТЮМ ОТ ВОЕННОЙ СТРОГОСТИ.....	516
Кулакова Мария Игоревна РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ СЕТУ: ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЯЗЫКА И ОЧАГА.....	521
Кухи Мариам Гасановна КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ.....	525
Латина Марина Дмитриевна «ЖИВАЯ ВЕХА»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЗМ МОЛОДЁЖИ РОССИИ.....	528
Латина Марина Дмитриевна ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ.....	533
Лебедева Алина Константиновна РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	538
Ли Зоя Александровна ЭТНО СТИЛЬ КОРЕЙСКОЙ ОДЕЖДЫ: ОСОБЕННОСТИ И ДЕКОРИРОВАНИЕ.....	542
Литвинова Анастасия Константиновна СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ОСНОВАТЕЛЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В. И. ЛЕНИНА.....	547
Литвинова Таисия Валерьевна СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РАБОТАХ РУССКОГО ЖИВОПИСЦА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРЕЩАГИНА.....	553
Логинова Камилла Дмитриевна ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И МИРА С ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	558
Лукина Елизавета Сергеевна СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ.....	562
Лушникова Анна Олеговна «СИЛЬМАРИЛЛИОН» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРИТЧА О ГРАНИЦАХ СВОБОДЫ: ТАЛАНТ И ЭГОИЗМ ФЕАНОРА.....	567
Лыкова Ольга Игоревна ИСТОРИЯ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ДИЗАЙНА: ОТ ИМПЕРСКИХ БАНКНОТ ДО СОВРЕМЕННЫХ КУПЮР.....	572
Мавков Максим Александрович ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ.....	578
Магеррамов Тимур Вугар оглы ПРИВАТНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО НАДЗОРА: ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ИЛИ КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ?.....	583
Магомедова Патимат Магомедовна	

ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО.....	589
Макарычева Аглая Сергеевна	
СТЫД КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ: РОЛЬ ДРУГОГО В КОНСТИТУИРОВАНИИ САМОСТИ У Ж.-П. САРТРА.....	594
Макеев Виктор Михайлович	
СОВРЕМЕННЫЕ СЕРИАЛЫ КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЗНАНИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ.....	599
Мамина Юлия Рушановна	
СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ЖАН-ПОЛЯ САРТРА.....	604
Манзырева София Родионовна	
ОБРЯД ГОСТЕПРИИМСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	608
Марчук Максим Андреевич	
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....	612
Матвеева Полина Олеговна	
К ИСТОРИИ КРЕПОСТИ ПИЛЛАУ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.....	617
Медведева Алиса Михайловна	
НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВИД АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО ЖАНРА В ГРАФИКЕ.....	621
Мелехова Александра	
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ НА МОДУЛЬНОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	625
Меньшиков Дмитрий Валерьевич	
МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ НИЖНЕГО ТАГИЛА, ПОГИБШИЕ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1945 ГОДУ.....	629
Минасян Эмми Айковна	
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ: УЧЕНИЕ О ЦИВИЛИЗАЦИИ.	634
Минасян Эмми Айковна	
РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ОТ СОЮЗА К МИРОВЫМ ВОЙНАМ.....	639
Митюрин Александр Дмитриевич	
МУЗЕЙ В КИНО И КИНО КАК МУЗЕЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.....	643
Москалева Дарья Дмитриевна	
О ПРОБЛЕМЕ МОРСКОГО ПИРАТСТВА В АДЕНСКОМ ЗАЛИВЕ.....	649
Московская Евгения Александровна	
ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ СУТЕЕВ: ТАЛАНТ ХУДОЖНИКА И ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	653
Мужипова Алина Эдуардовна	
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОШЛОЕ КАК ОСНОВА БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ.....	658
Мустаева Ангелина Алексеевна	

СТИЛЬ СПОРТИВНОЙ ОДЕЖДЫ В РОССИИ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	662
Некрасова Анна Сергеевна	
АВАНГАРДНАЯ ОДЕЖДА В СССР И СОБСТВЕННАЯ ПРАКТИКА ЕЕ ИНТЕРПРИТАЦИИ.....	667
Некрасова Анна Сергеевна	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	675
Нестерова Дарья Константиновна	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. НЕСТЕРОВА.....	682
Нестерова Дарья Константиновна	
ПОЧЕМУ ВАЖНО ЗНАТЬ ИСТОРИЮ СВОЕЙ РОДИНЫ?.....	686
Никитина Влада Владиславовна	
«ФРАНКФУРТСКАЯ» КУХНЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОТОТИПА СОВРЕМЕННОЙ КОРПУСНОЙ И МОДУЛЬНОЙ КУХНИ.....	691
Новикова Алина Александровна	
ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ: СМЕРТЬ АВТОРА 2.0.....	695
Носкова Мария Михайловна	
СУДЬБЫ ВОЕННЫХ КОМАНДИРОВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА НА ПРИМЕРАХ РОКОССОВСКОГО И ПАТТОНА.....	699
Орлова Ульяна Евгеньевна	
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	704
Осипова Алиса Андреевна	
ФАТАЛИЗМ И СВОБОДА ВОЛИ В СКАНДИНАВСКОМ МИФОМЫШЛЕНИИ.....	708
Оцимик Дана Игоревна	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ УЗОРЫ И УКРАШЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ И СИМВОЛИКА XVIII-XIX вв.	716
Оцимик Дана Игоревна	
РУССКАЯ ИДЕЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ.....	720
Пааль Ангелина Андреевна	
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ И МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК МЕСТ ПАМЯТИ.....	725
Павлова Полина Игоревна	
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЛАНЕТАРНОГО КЛИМАТИЧЕСКОГО КРИЗИСА.....	730
Павлюк Влада Олеговна	
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИВОПИСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ..	736
Панкратова Виктория Михайловна	

ПАМЯТНИК КОРОЛЕВЕ ЛУИЗЕ В СОВЕТСКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	740
Панкратова Софья Владимировна СВОБОДА ВОЛИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.....	744
Парфенова Алина Александровна ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ИММАНУИЛА КАНТА.....	748
Перминова Ангелина Сергеевна ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ.....	751
Перфильева Полина Антоновна «РУССКАЯ ИДЕЯ» И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ПРУССИИ В XIX ВЕКЕ.....	755
Подгорнова Анна Ивановна РИТУАЛ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И МЕХАНИЗМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА.....	760
Покровская Валерия Владимировна ЖИВОПИСЬ КАК ФОРМА МОРАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ: ВИНСЕНТ ВАН ГОГ.....	764
Полуяхтова Татьяна Павловна КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ.....	768
Похилько Роман Антонович МОЛОДИНСКАЯ БИТВА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....	775
Прищенко Карина Сергеевна ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ПРОТИВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННОМ КИНО И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ.....	779
Прохорова Павла Михайловна УРОЖЕНЦЫ ДЕРЕВЕНЬ КРАСНОПОЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, УЧАСТВОВАВШИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	786
Прохорова Павла Михайловна УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, НАХОДИВШИЕСЯ В ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕГО ТАГИЛА).....	791
Райкова Ангелина Дмитриевна ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ТЮМЕНИ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.....	796
Райкова Ангелина Дмитриевна СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗРАЗЦОВ ВЕЛИКОГО УСТЮГА.....	807
Райкова Ангелина Дмитриевна	

ЯНТАРЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛИНИНГРАДА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ.....	816
Резниченко Вероника Александровна НЕЙРОСЕТИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА.....	827
Ренёв Александр Дмитриевич ДЕФОЛТ 1998 ГОДА В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОСТЕЙ.....	833
Родионова Ангелина Алексеевна ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА МИРОВУЮ МОДУ XX ВЕКА.....	839
Рябинина Милана Ивановна ЧЕЛОВЕК ВНЕ ОБЩЕСТВА: БОГ ИЛИ ЗВЕРЬ?.....	845
Рябова Анна Витальевна ЛИТОВСКАЯ МАСЛЕНИЦА: ОБРАЗЫ И РИТУАЛЫ.....	849
Саиед София Махмудовна ОВЕРТУРИЗМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: КОГДА ЛЮБОВЬ ТУРИСТОВ СТАНОВИТСЯ УГРОЗОЙ ДЛЯ НАСЛЕДИЯ.....	853
Сало Алина Александровна СЮРРЕАЛИЗМ КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТИКИ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО.....	857
Соломатина Жанна Владимировна ПЕТРОДВОРЦОВЫЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД ОТ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ДО СОВРЕМЕННОСТИ. КАК СДЕЛАТЬ ПОПУЛЯРНЫМ ДЛЯ МАССОВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ МАРКУ «РАКЕТА».....	863
Самохин Михаил Евгеньевич СООТНОШЕНИЕ ДУШИ И ТЕЛА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА.....	870
Сафарова Карина Руслановна ОСОБЕННОСТИ ОБСЛУЖИВАНИЯ КИТАЙСКИХ ТУРИСТОВ В ГОСТИНИЦЕ.....	875
Секунов Константин Михайлович СИМВОЛИЗМ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ.....	881
Селина Мария Сергеевна ЛИНЕЙНОСТЬ И ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИИ.....	885
Семина Валерия Валерьевна СЕЛО АЛЕКСАНДРОВКА: ИСТОРИЯ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ДОРОГ И ЭПОХ. ОТ КАЗАЧЬЕГО ФОРПОСТА ДО ЦЕНТРА ПРИГРАНИЧНОГО РАЙОНА.....	889
Сереберцева Анна-Люция Александровна МОДА XIX: ОТ ПРОСТОТЫ АМПИРА К ПЫШНОСТИ ВИКТОРИАНСТВА.	893
Сереберцева Анна-Люция Александровна ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ.....	897

Сидорова Ульяна Николаевна	
ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ В «ЭДДАХ»: КОНЦЕПЦИИ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ И КОНЦА МИРА.....	901
Скороход Мария Сергеевна	
МОРАЛЬ И ПРАВО: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И КОНФЛИКТА.....	905
Снегирев Лука Дмитриевич	
РУССКАЯ ИДЕЯ И ЕЁ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	911
Сомова Екатерина Сергеевна	
РОЛЬ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ В XX ВЕКЕ.....	917
Стадниченко Екатерина Константиновна	
ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ В ОБРАЗЕ МАРТИНА ИДЕНА.....	925
Стахеева Полина Дмитриевна	
ВОПРОСЫ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.....	931
Степанова Владислава Евгеньевна	
ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ.....	935
Степина Надежда Павловна	
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРИСТСКИХ ВЫСТАВКАХ..	940
Су Хуу Тонг (Социалистическая Республика Вьетнам)	
РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА.....	945
Сулейманова Гюнель Рукузаевна	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: КАКОЙ ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ?.....	951
Сурова Ксения Денисовна	
ЦИФРОВАЯ ЭТИКА: ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	955
Сутурин Лев Алексеевич	
РАЗВИТИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ ШКОЛЬНОЙ МУЗЕЙНОЙ И АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГОДОВ.....	959
Сухова Ксения Сергеевна	
СРАВНЕНИЕ ЗАГРОБНОГО МИРА В МИФОЛОГИЯХ МИРА: ГРЕЧЕСКОЙ, СЛАВЯНСКОЙ, КАРЕЛО-ФИНСКОЙ, КИТАЙСКОЙ И МАЙЯ.....	964
Сырова Полина Сергеевна	
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ» ДЭВИДА ЧАЛМЕРСА: ФИЛОСОФСКИЕ ДЕБАТЫ И НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	971
Сытникова Юлия Сергеевна	
ЗНАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ – ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ.....	977
Тараканов Максим Михайлович	

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАКОН ОЛИГАРХИИ» Р. МИХЕЛЬСА: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР В XXI ВЕКЕ.....	981
Тарасова Софья Алексеевна ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭТИКЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИПЛОМАТИИ: ПРИЕМ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ИМПЕРАТОРОМ КОНСТАНТИНОМ БАГРЯНОРОДНЫМ.	986
Ткачук Дарья Андреевна ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ.....	991
Токтамышева Дженет Магомедовна ОСАДА НАРВЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	995
Уварова Яна Денисовна ЭСКАПИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ОБРЕТЕНИЯ БЫТИЯ.....	998
Ушакова Виктория Николаевна ФЕНОМЕН АБСУРДА В ФИЛОСОФИИ АЛЬБЕРА КАМЮ: ГРАНИЦЫ СМЫСЛА, СВОБОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА.....	1002
Фанталова Александра Антоновна ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МУЗЕЕВ РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ.....	1006
Федорова Марина Евгеньевна ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ.....	1011
Федорова Марина Евгеньевна ОСОБЕННОСТИ МОДЫ ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ И ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ (1725-1801 ГГ.).....	1016
Федорова Марина Евгеньевна ПЬЕР КАРДЕН И «КОСМИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: МОДНЫЙ ДОМ КАК КАНАЛ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (1960-1979 ГГ.).....	1021
Фёдорова Софья Игоревна КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА..	1025
Федорова Софья Леонидовна ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ПОСМОДЕРНИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ МОДУ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ, ИРОНИЯ, СИМУЛЯКРЫ.....	1032
Федотов Дмитрий Дмитриевич ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА.....	1037
Федотова Мария Александровна ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.....	1041
Фисун Полина Семеновна	

СКУКА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	1046
Фомина Ангелина Павловна РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСПЫТАНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ.....	1050
Фролов Павел Павлович АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОН В ТИЛЬЗИТЕ.....	1055
Фролова Екатерина Алексеевна ФИЛОСОФИЯ МОДЫ: КАК КРАСОТА И ПРАКТИЧНОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЮТ ЕЕ СОЦИАЛЬНУЮ РОЛЬ.....	1059
Храмова Ангелина Михайловна СТАРИННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ.....	1063
Хуинь Лам Сон (Социалистическая Республика Вьетнам) ВЬЕТНАМ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XX ВЕКА.....	1068
Цыганок Елизавета Олеговна ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	1074
Чеботару Илона-Виктория ЭТИКА ИММАНУИЛА КАНТА: АКТУАЛЬНОСТЬ В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.....	1078
Черевиченко Александр Сергеевич ГЕРОИЗМ И САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ КАК ВЫСШИЙ СМЫСЛ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ.....	1083
Черноголова Ева Игоревна СПОСОБЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ.....	1088
Чжао Ханьин (Китайская Народная Республика) ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ – СИМВОЛ ЖЕНСКОГО ГЕРОИЗМА.....	1094
Чистякова Екатерина Дмитриевна СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ В 1920-1930-Х ГОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	1101
Чурганова Вероника Михайловна МИФ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ОСЕТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	1105
Чурсина София Александровна КРЕСТЬЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА.....	1109
Шаврина Анастасия Кирилловна РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ: ИСТОЧНИКИ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В РАЗНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЯХ.....	1115
Шайдурова Алиса Борисовна	

Н. И. ПУТИЛОВ КАК УЧЁНЫЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ХРУПКОСТЬ МОДЕЛИ ПУТИЛОВСКИХ ЗАВОДОВ В ЭПОХУ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА.....	1120
Швецова Мария Александровна ГРАММАТИКА ЦИТАТЫ: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦИТИРОВАНИИ.....	1125
Шейко Екатерина Ивановна ТРАДИЦИИ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.	1129
Шеметов Аркадий Дмитриевич РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В 2000–2010 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	1135
Шехирева Рада Романовна РОЛЬ СТРАХА СМЕРТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	1142
Шеховцова Диана Анатольевна ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ОПЫТА.....	1146
Шманин Игорь Владимирович ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	1151
Шпилько Софья Юрьевна КОСТЮМ КАК МИФ: КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПРЕВРАЩАЕТ ОДЕЖДУ В СТЕРЕОТИП.....	1155
Шуляк Марина Александровна СИМВОЛИКА ПАСТОРАЛЬНОЙ БАЛЛАДЫ «МИОРИЦА» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ.....	1162
Щербакова Елена Артемовна ПРОЕКТИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ: БОМБЕР И БРЮКИ.....	1166
Щиглова Валерия Алексеевна ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КРЕСЛА BARCELONA.....	1172
Юшкова Диана Дмитриевна ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ...	1175
Яковенко Алиса Александровна ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЁВА («СМЫСЛ ЛЮБВИ»).....	1179
Яковлева Елизавета Станиславовна АБСТРАКТНАЯ ЖИВОПИСЬ МАРКА РОТКО: МЕДИТАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА.....	1186
Яковлева Олеся Сергеевна СТРАХ СМЕРТИ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ.....	1192
Якунина Полина Андреевна ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО	

ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА К ПРОЕКТИРОВАНИЮ МУЗЕЙНЫХ ПРОСТРАНСТВ.....	1196
Ярапова Лидия Андреевна	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ В ПРИДВОРНОМ КОСТЮМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.....	1202
Ястреб Анастасия Евгеньевна	
ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, МИРОВОЗЗРЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: МНОГОВЕКОВОЙ СИНТЕЗ И СОВРЕМЕННОЕ МНОГООБРАЗИЕ.....	1208

Научное издание

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию Калининградской области РФ

Том II

Материалы XXXII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года

Под редакцией Д. А. Будаева

Электронное издание сетевого распространения

Системные требования:

электронное устройство с программным обеспечением
для воспроизведения файлов формата PDF

Режим доступа: http://publish.sutd.ru/tp_get_file.php?id=202680, по паролю. —
Загл. с экрана.

Дата подписания к использованию 07.04.2026 г. Рег. № 80/26

ФГБОУВО «СПбГУПТД»

Юридический и почтовый адрес:

191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18.

<http://sutd.ru/>